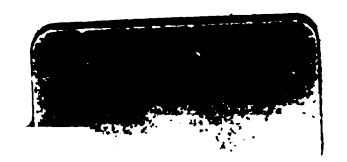


Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1899.

Стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXIII. — ТОМЪ CCCLXIX. — 1/13 ЯНВАРЯ 1899.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1899

2731

ВОСПОМИНАНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА

о

Н. В. СТАНКЕВИЧѢ

Въ 1846 году Бѣлинскій, въ статьѣ о Кольцовѣ, приложенной къ собранію его стихотвореній, помѣстилъ извѣстіе о томъ, что первое изданіе сочиненій воронежскаго поэта и вообще первое знакомство его съ литературнымъ міромъ состоялось при содѣйствіи „одного молодого человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго круга близкихъ къ нимъ людей“. Названо было и самое имя этого посредника— Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Хотя въ то время его уже не было въ живыхъ—Станкевичъ умеръ еще въ 1840 году,— Бѣлинскій не счелъ удобнымъ говорить о немъ съ нѣкоторою подробностью: это вышло бы и не къ мѣсту, и не ко времени, такъ какъ пришлось бы касаться обстоятельствъ, еще не подлежавшихъ оглашенію, и лицъ, которыя не желали быть названы. Во всякомъ случаѣ, слова Бѣлинскаго были первымъ намекомъ въ печати на благотворную воспитательную роль Н. В. Станкевича въ извѣстномъ кружкѣ московской молодежи тридцатыхъ годовъ, и въ теченіе девяти лѣтъ намекъ этотъ оставался единственнымъ. Только въ исходѣ 1855 года, когда при началѣ новаго царствованія пробудились надежды на болѣе свободное развитіе литературы, И. С. Тургеневъ, говоря въ „Современникѣ“ о смерти Грановскаго, упомянулъ мимоходомъ про Станкевича,

какъ человѣка, „о которомъ говорить мало нельзя“, и замѣтилъ, что „онъ имѣлъ величайшее вліяніе на Грановскаго, и часть его духа перешла на него“. Вслѣдъ затѣмъ въ 1856 году, на страницахъ того же „Современника“, Н. Г. Чернышевскій, приступая, въ V-й главѣ своихъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“, къ обзору критической дѣятельности Бѣлинскаго, тоже указалъ на роль Станкевича въ слѣдующихъ словахъ: „Изъ тѣснаго дружескаго кружка, душою котораго былъ Н. В. Станкевичъ, скончавшійся въ первой порѣ молодости, вышли или впослѣдствіи примкнули къ нему почти всѣ замѣчательные люди, которыхъ имена составляютъ честь нашей новой словесности, отъ Кольцова до г. Тургенева. Безъ сомнѣнія,—прибавлялъ Чернышевскій,—когда-нибудь этотъ благороднѣйшій и чистѣйшій эпизодъ исторіи русской литературы будетъ разсказанъ публикѣ достойнымъ образомъ. Въ настоящее время еще не пришла пора для того“... Такъ въ первыхъ же упоминаніяхъ о Станкевичѣ, какія нашли себѣ мѣсто въ печати, было выставлено на видъ важное значеніе этой свѣтлой и благородной личности для трехъ крупныхъ, хотя и очень различныхъ между собою дѣятелей русской литературы тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ. Не даромъ Бѣлинскій, вскорѣ по полученіи извѣстія о смерти своего друга, писалъ Боткину: „Подумай-ка о томъ, чтò былъ каждый изъ насъ до встрѣчи со Станкевичемъ, или съ людьми, возрожденными его духомъ“.

Авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“ отодвигалъ въ неопредѣленную даль возможность обстоятельно говорить о Станкевичѣ въ печати. Но какъ бы нарочно, чтò казалось Чернышевскому неисполнимымъ въ данное время, то было предпринято тогда же П. В. Анненковымъ. Наблюдать умственную жизнь извѣстной общественной среды, или кружка, или даже отдѣльнаго лица составляло для него самую заманчивую задачу: таковъ былъ предметъ почти всѣхъ его литературныхъ работъ. Въ 1856 году, только-что окончивъ изданіе сочиненій Пушкина и ободренный успѣхомъ написанной имъ біографіи поэта, онъ задумалъ взяться за другой историко-литературный трудъ—за этюдъ о Станкевичѣ. Анненковъ не знавалъ его лично, а изъ немногихъ его произведеній попавшихъ въ печать, конечно, не мыслимо было возсоздать его духовную физіономію. Въ распоряженіе біографа поступилъ большой запасъ писемъ Станкевича, и кромѣ того, нѣкоторыя лица, знавшія его, согласились доставить Анненкову свои воспоминанія о немъ; въ числѣ сотрудниковъ оказался и И. С. Тургеневъ. Таково происхожденіе замѣ-

токъ, предлагаемыхъ здѣсь вниманію читателей. Біографъ Станкевича сохранилъ ихъ въ своихъ бумагахъ, а его вдова, Гл. Ал. Анненкова, предоставила намъ ихъ изданіе.

Рукопись воспоминаній занимаетъ собою семь страницъ большого формата, исписанныхъ извѣстнымъ убористымъ Тургеневскимъ почеркомъ. Уже одинъ внѣшній видъ этихъ листовъ, тщательное ихъ письмо и почти полное отсутствіе помарокъ въ нихъ—свидѣтельствуютъ, что передъ нами не черновой набросокъ, насворо сдѣланный по просьбѣ пріятеля, а текстъ, внимательно обработанный и перебѣленный. Еще болѣе, разумѣется, убѣждаетъ въ томъ содержаніе рукописи: воспоминанія Тургенева представляютъ собою разсказъ, изложенный по извѣстному плану, съ хорошо обдуманнымъ подборомъ подробностей, причемъ характеристика Станкевича искусно вставлена въ изображеніе извѣстной группы русскихъ людей, проживавшихъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ за границей — въ Берлинѣ и Римѣ.

Тургеневъ любилъ вспоминать время своего перваго путешествія на Западъ, свои Lehr und Wanderjahre; быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній тяжело и болѣзненно отзывались въ его душѣ, но онъ не боялся шевелить ихъ и одинаково упивался ихъ сладостью и горечью. Во всякомъ случаѣ ихъ содержаніе было чрезвычайно разнообразно и богато. Изъ пребыванія въ Германіи Тургеневъ вынесъ основы своего образованія, а въ то же время это пребываніе дало ему вѣрныя краски и яркіе образы для нѣсколькихъ повѣстей, какъ, напримѣръ, для „Аси“ и „Вешнихъ водъ“; въ лицѣ Рудина и героя „Фауста“, Павла Александровича Б., онъ съ любовью изобразилъ представителей русской молодежи, которые пріѣзжали учиться въ германскіе университеты. Этотъ Б. въ особенности является какъ бы сверстникомъ или alter ego самого Тургенева по берлинской жизни и ученію: въ молодости Б. страстно увлекался Гётевскою трагедіей и первую часть ея зналъ наизусть; послѣ многихъ лѣтъ забвенія онъ находитъ свой давно невиданный экземпляръ „Фауста“, снова имъ зачитывается и снова переживаетъ „давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга“. „Я вспомнилъ все“,—пишетъ онъ пріятелю подъ такимъ впечатлѣніемъ—„и Берлинъ, и студенческое время, и фрейлейнъ Клару Штихъ, и Зейдельманна въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все, и вся... Моя молодость пришла и стала передо мною какъ призракъ“... Эти строки несомнѣнно имѣютъ автобіографическое значеніе, и Тургеневъ могъ бы смѣло поставить подъ ними свое имя. Было время, когда и онъ, вмѣстѣ съ Гра-

новскимъ и Станкевичемъ, преклонялся предъ звѣздами берлинскаго театра—Кларой Штихъ и Зейдельманномъ, когда не только благоговѣлъ передъ твореніемъ Гёте, но и восхищался музыкой къ нему князя Радзивилла [1]); переводъ отрывка изъ „Фауста“ и критическій этюдъ о немъ были въ числѣ первыхъ литературныхъ трудовъ, напечатанныхъ Тургеневымъ по возвращеніи изъ-за границы. Своего „Фауста“ нашъ романистъ написалъ въ 1855 году, а воспоминанія о Станкевичѣ—въ 1856, и какъ ни далеко отстоятъ эти произведенія одно отъ другого по своему характеру и литературному достоинству, ихъ роднитъ между собою единство настроенія, изъ котораго они вышли: оба написаны въ ту пору, когда авторъ прощался съ молодостью. Вспомнимъ послѣднюю глубоко меланхолическую страницу только-что названной повѣсти.

Къ тому же моменту жизненнаго перелома относится еще одно, чрезвычайно характерное для Тургенева проявленіе, съ которымъ мы также встрѣчаемся въ печатаемыхъ воспоминаніяхъ. Анненковъ въ своей статьѣ о молодости знаменитаго романиста [2]) разсказываетъ, что въ первое время своего появленія въ петербургскомъ обществѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Иванъ Сергѣевичъ гонялся за эффектами и оригинальностью, и въ преслѣдованіи этихъ цѣлей злоупотреблялъ своимъ даромъ фантазіи, такъ что о немъ сложилось мнѣніе, „какъ о человѣкѣ, никогда не имѣющемъ въ своемъ распоряженіи искренняго слова и чувства, и дѣлающемся занимательнымъ и интереснымъ только съ той минуты, когда выходитъ завѣдомо изъ истины и реальнаго міра“. Выраженія Анненкова, по нерѣдкому его обыкновенію, нѣсколько туманны, но смыслъ ихъ все-таки достаточно ясенъ: очевидно, поведеніе молодого человѣка отличалось легкомысліемъ, или даже тѣмъ, что̀ въ просторѣчіи называется мальчишествомъ. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство столь дружественнаго Тургеневу лица, каковъ былъ Анненковъ, не можетъ возбуждать сомнѣній. Но любопытно и даже трогательно, что существуютъ собственныя признанія Тургенева, притомъ совершенно гласныя, которыми онъ подтверждаетъ показаніе Анненкова. Упоминая въ своемъ некрологѣ Грановскаго (1855 г.) о встрѣчѣ съ нимъ въ Берлинѣ, Тургеневъ прибав-

---

[1]) Чрезвычайно любопытный и содержательный очеркъ умственной жизни Берлина въ исходѣ тридцатыхъ годовъ, когда наѣзжали туда молодые русскіе гегеліанцы, можно найти въ сочиненіи: „Berlin 1688—1840. Geschichte des geistigen Lebens der preussischen Hauptstadt“. Von *Ludwig Geiger*. Zwei Bände. Berlin. 1895.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1884 г., февр., 449 стр.

ляетъ: „Я почти не видался съ нимъ тогда—и мы не сошлись... Говоря правду, я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ". Въ воспоминаніяхъ о Станкевичѣ Иванъ Сергѣевичъ тоже объясняетъ, почему и съ нимъ онъ мало сблизился въ Берлинѣ: по словамъ Тургенева, это произошло „отъ внутренняго сознанія собственной недостойности и лживости". Едва ли ошибемся мы, если допустимъ, что такое самобичеваніе, которымъ—кстати сказать—Тургеневъ искупалъ грѣхи своей молодости, слѣдуетъ объяснять тѣмъ особеннымъ настроеніемъ, въ какомъ онъ находился въ данную пору—на порогѣ зрѣлаго возраста. Герой „Фауста" заканчиваетъ печальную повѣсть своей поздней любви тоже самобичеваніемъ.

Какъ извѣстно, написанная Анненковымъ біографія Станкевича явилась въ свѣтъ въ 1857 году—сперва на страницахъ „Русскаго Вѣстника", а затѣмъ отдѣльною книгой, съ приложеніемъ его писемъ и нѣкоторыхъ сочиненій. Успѣхъ этого изданія былъ значительный; однако, рядомъ съ отзывами безусловно хвалебными появились и такіе, въ которыхъ указывались слабыя стороны разбираемаго труда и проведеннаго въ немъ воззрѣнія; говорилось, между прочимъ, что Анненковъ преувеличилъ историческое и нравственное значеніе Станкевича, и въ то же время слишкомъ мало объяснилъ его личность съ психологической стороны [1]). Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе этого мнѣнія по существу; но нельзя не замѣтить, что способъ писанія, употребленный Анненковымъ, дѣйствительно можетъ не удовлетворять читателя. Правда, составить біографію такого человѣка, какъ Станкевичъ,—дѣло не легкое; Бѣлинскій признавалъ его даже невозможнымъ [2]); не идя такъ далеко, можно согласиться, что Анненковъ исполнилъ задачу біографа не совсѣмъ цѣлесообразно. Въ своемъ сочиненіи онъ слишкомъ много разсуждаетъ о Станкевичѣ и слишкомъ мало изображаетъ его; имѣя въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ писемъ и дружескихъ воспоминаній, онъ пользуется имъ скупо и, такимъ образомъ, самъ лишаетъ свой трудъ многихъ интересныхъ подробностей, которыми могъ бы характеризовать Станкевича и его ближайшую среду. Невыгодное

---

[1]) Такое мнѣніе было высказано въ большой критической статьѣ о книгѣ Анненкова, помѣщенной въ „Библіотекѣ для Чтенія" (1858 г., кн. 3-я) и подписанной *И. Л.*; она принадлежала Ив. Ив. Льховскому, одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Библіотеки" въ періодъ редакторства А. В. Дружинина; вскорѣ Льховскій долженъ былъ по болѣзни оставить литературныя занятія и умеръ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

[2]) *А. Н. Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 154.

для сочиненія Анненкова, это обстоятельство оказалось, однако, очень благопріятнымъ для печатаемыхъ нынѣ воспоминаній Тургенева: они сохранили въ значительной степени свѣжесть новизны. Какъ ни легокъ, ни простъ этотъ очеркъ, на немъ лежитъ печать Тургеневскаго таланта — его способности яркаго, нагляднаго изображенія: привлекательный образъ Станкевича является здѣсь какъ живой.

Записка И. С. Тургенева [1]).

„Меня познакомилъ съ Станкевичемъ въ Берлинѣ Грановскій въ 1838 году—въ концѣ. До того времени я слышалъ о немъ мало. Помню я, что когда Грановскій упомянулъ о пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, я спросилъ его: не „виршоплётъ“ ли это Станкевичъ?—и Грановскій, смѣясь, представилъ мнѣ его подъ именемъ „виршоплёта“. Въ теченіе зимы я довольно часто видался съ Станкевичемъ, но не помню, чтобы мы вмѣстѣ ходили на лекціи: онъ бралъ „privatissima“ у Вердера [2]), а въ университетъ не ходилъ. Станкевичъ не очень-то меня жаловалъ и гораздо больше знался съ Грановскимъ и Невѣровымъ; я очень скоро почувствовалъ къ нему уваженіе и нѣчто въ родѣ боязни, проистекавшей, впрочемъ, не отъ его обхожденія со мною, которое было весьма ласково, какъ со всѣми, но отъ внутренняго сознанія собственной недостойности и лживости. Станкевичъ жилъ въ то время одинъ, но у него часто бывала одна дѣвица по имени Берта, не дурная собой и не глупая... она была довольно остра и забавна по-берлински... Станкевичъ любилъ женскій полъ, но въ душѣ былъ цѣломудренъ, особенно если сравнить его съ нынѣшней soi-disant молодежью. Здоровье его уже тогда было плохо — мы знали всѣ, что онъ страдаетъ грудью, и къ нему ѣздилъ докторъ Барè (Barez), который обращался съ нимъ очень дружелюбно. (Онъ былъ тогда первымъ врачемъ въ Берлинѣ.) Впрочемъ, Станкевичъ много выходилъ и театръ посѣщалъ часто,

---

[1]) Подстрочныя примѣчанія къ этой запискѣ принадлежатъ намъ.—*Л. М.*

[2]) Карлъ Вердеръ (1809—1892), профессоръ философіи въ берлинскомъ университетѣ, гегеліанецъ, котораго по преимуществу слушали пріѣзжавшіе въ Берлинъ русскіе; онъ читалъ также эстетику и занимался толкованіемъ Шекспира, Гётева „Фауста“ и эстетическихъ разсужденій Шиллера; писалъ и стихи; со Станкевичемъ былъ очень близокъ.

особенно нѣмецкую оперу. Тогда соперничали двѣ пѣвицы: Лёве и Фассманнъ—признаться сказать, обѣ довольно плохія. Грановскій былъ поклонникомъ Лёве, высокой и красивой брюнетки; Станкевичъ предпочиталъ Фассманнъ, блондинку. Любимцами Станкевича были два комика: Гернъ и Бекманнъ; Гернъ былъ каррикатуристъ въ родѣ Живокини; у Бекманна было много неподдѣльнаго, спокойнаго юмору. Въ характерѣ Станкевича было много веселости, и онъ любилъ посмѣяться. Чаще всего встрѣчалъ я его у Фроловыхъ [1]). Онъ почти всѣ вечера проводилъ у нихъ. Между нимъ и г-жей Фроловой существовало отношеніе весьма дружественное. Эта г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замѣчательная. Уже не молодая, съ здоровьемъ совершенно разстроеннымъ (она скоро потомъ умерла), не красивая, она невольно привлекала своимъ тонкимъ женскимъ умомъ и граціей. Она обладала искусствомъ mettre les gens à leur aise—сама говорила немного, но каждое слово ея не забывалось. Въ ней было много наблюдательности и пониманія людей. Русскаго въ ней было мало — она скорѣе походила на очень умную француженку, un peu de l'ancien régime. Стефанія Баденская считала ее въ числѣ своихъ пріятельницъ. Беттина [2]) часто ходила къ ней, хотя въ душѣ ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась съ Беттиной un peu de haut en bas. Вердеръ бывалъ у ней часто; Гумбольдтъ посѣщалъ ее иногда. Я ходилъ туда молчать, разиня ротъ, и слушать. Фроловъ самъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ — сидѣлъ въ углу, разливалъ чай, значительно мычалъ, поводилъ глазами, подергивалъ усы, но не раскрывалъ рта. Станкевича Фролова очень любила и уважала; она сходилась съ нимъ во многомъ. Впрочемъ, я не слыхалъ, чтобы она съ нимъ говорила о философіи. Это было дѣло Вердера, который разговаривать не умѣлъ. Разъ, по уходѣ Вердера, я не могъ удержаться и воскликнулъ: „Въ первый разъ слышу человѣка!“—„Да“,—замѣтила Фролова,—„жаль только, что онъ съ однимъ собой знакомъ“. Фарнгагенъ (извѣстный біографъ) ходилъ къ Фроловымъ—онъ любилъ выво-

---

[1]) Николай Григорьевичъ Фроловъ (1812—1855) слушалъ въ Берлинѣ лекціи географіи у К. Риттера; впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ извѣстность переводомъ Гумбольдтова „Космоса“ и изданіемъ сборника „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій“. У его жены, Елизаветы Павловны, былъ въ Берлинѣ литературный салонъ.

[2]) Беттина фонъ-Арнимъ, рожд. Брентано, литературная дама и поэтесса, у которой въ Берлинѣ тоже былъ салонъ; прославилась въ особенности тѣмъ, что въ 1835 году издала свою переписку съ Гёте подъ заглавіемъ: „Goethes Briefwechsel mit einem Kinde“.

дить на свѣжую воду Беттину, которая его терпѣть не могла и называла его—Giftesel.

„Повторяю, что во время моего пребыванія въ Берлинѣ я не добился довѣренности или расположенія Станкевича,—онъ, кажется, ни разу не былъ у меня; Грановскій былъ всего только разъ, и при мнѣ у нихъ не было откровенныхъ разговоровъ. Станкевичъ, помнится, не любилъ тогда Жоржъ Зандъ, а о Бѣлинскомъ отзывался хоть дружественно, но нѣсколько насмѣшливо... „Ну!“—воскликнулъ онъ разъ, услыхавъ о какой-то либеральной, но глупой выходкѣ:—„теперь Виссаріона хоть овсомъ не корми!“ Я тогда о Бѣлинскомъ ничего не зналъ—и помню это слово Станкевича только по милости страннаго имени: „Виссаріонъ“, поразившаго меня. Берта, о которой я говорилъ выше, была отчасти причиной холодности Станкевича ко мнѣ: я разъ поѣхалъ съ нею кататься верхомъ въ Тиргартенъ, она очень со мной кокетничала, а вернувшись, увѣрила Станкевича, что я дѣлалъ ей предложеніе;—а она просто мнѣ не нравилась. Вотъ все, что̀ я помню изъ пребыванія Станкевича въ Берлинѣ.

„Я встрѣтилъ его потомъ, въ началѣ 1840 года, въ Италіи, въ Римѣ. Здоровье его значительно стало хуже — голосъ получилъ какую-то болѣзненную сиплость, сухой кашель часто мѣшалъ ему говорить. Въ Римѣ я сошелся съ нимъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ—я его видѣлъ каждый день, и онъ ко мнѣ почувствовалъ расположеніе. Въ Римѣ находилось тогда русское семейство Ховриныхъ, къ которымъ Станкевичъ, я и еще одинъ русскій—А. П. Ефремовъ [1])—ходили безпрестанно. Семейство это состояло изъ мужа (весьма обыкновеннаго человѣка, отставного гусара), жены, извѣстной московской барыни, Марьи Дмитріевны, и двухъ дочерей: старшей тогда только-что минуло 16 лѣтъ, она была очень мила и, кажется, въ тайнѣ, чувствовала большую симпатію къ Станкевичу, который отвѣчалъ ей дружескимъ, почти отеческимъ чувствомъ. (Самъ онъ тогда думалъ о Дьяковой [2]), которая жила въ Неаполѣ, и съ которою онъ съѣхался потомъ). Остальныхъ лицъ тогдашняго нашего кружка я не стану описывать — Станкевичъ говоритъ о нихъ

---

[1]) Александръ Павловичъ Ефремовъ (1815—1876), питомецъ московскаго университета, съ 1839 по 1843 годъ провелъ за границей, при чемъ слушалъ у К. Риттера лекціи географіи; по возвращеніи въ Россію, нѣкоторое время преподавалъ эту науку въ московскомъ университетѣ.

[2]) Варвара Александровна, рожденная Бакунина, сестра извѣстнаго эмигранта, въ замужествѣ за Николаемъ Николаевичемъ Дьяковымъ; она была на го́дъ старше Станкевича, который родился въ 1813 году.

въ своихъ письмахъ. Мы разъѣзжали по окрестностямъ Рима, вмѣстѣ осматривали памятники и древности. Станкевичъ не отставалъ отъ насъ, хотя часто плохо себя чувствовалъ, но духъ его никогда не падалъ, и все, что̀ онъ ни говорилъ — о древнемъ мірѣ, о живописи, ваяніи и т. д.,—было исполнено возвышенной правды и какой-то свѣжей красоты и молодости. Помню я, разъ мы шли съ нимъ къ Ховринымъ и говорили о Пушкинѣ, котораго онъ любилъ страстно, также какъ и Гоголя. Онъ началъ читать стихотвореніе: „Снова тучи надо мною", своимъ чуть слышнымъ голосомъ... Ховрины жили очень высоко—въ 4-мъ этажѣ. Взбираясь на лѣстницу, Станкевичъ продолжалъ читать и вдругъ остановился, кашлянулъ и поднесъ платокъ къ губамъ—на платкѣ показалась кровь... Я невольно содрогнулся, а онъ только улыбнулся и дочелъ стихотвореніе до конца. Изрѣдка находилъ на него, однако, страхъ, какъ бы предчувствіе близкой смерти. Разъ, возвращаясь уже вечеромъ въ открытой коляскѣ изъ Альбано, поровнялись мы съ высокой развалиной, обросшей плющемъ; мнѣ почему-то вздумалось вдругъ закричать громкимъ голосомъ: „Divus Caius Julius Caesar!" Въ развалинѣ эхо отозвалось будто стономъ. Станкевичъ, который до того времени былъ очень разговорчивъ и веселъ, вдругъ поблѣднѣлъ, умолкъ и, погодя немного, проговорилъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ: „Зачѣмъ вы это сдѣлали?"—Въ то время въ Римѣ безпрестанно случались убійства, чуть ли не по одному па день; говорили даже, что убійцы пробираются на квартиры иностранцевъ. Станкевичъ перепугался, приказалъ устроить у своей двери желѣзные болты и крюки и баррикадировался съ вечера. Разъ я его спросилъ, что̀ бы онъ сдѣлалъ, еслибъ вдругъ, ночью, открывая глаза, онъ увидалъ, что какой-то незнакомый человѣкъ шаритъ по его комнатѣ?—„Что̀ бы я сдѣлалъ?"—возразилъ Станкевичъ.—„Самымъ нѣжнымъ голоскомъ, чтобы не подать ему даже мысли, что я могу защищаться, сказалъ бы я ему: Carissimo signor ladrone! (и Станкевичъ придалъ своему голосу самое умоляющее выраженіе) Carissimo signore! prendete tutto cio che volete, ma lasciate mi la vita per carita!"—Въ Станкевичѣ была способность даже къ фарсу. Помню разъ, изъ шести поданныхъ ему панталонъ, ни одни не оказались годными; онъ вдругъ принялся отплясывать по комнатѣ съ самыми уморительными гримасами,—а это происходило мѣсяца за три до его смерти. Хохоталъ онъ иногда до упаду; никогда не забуду, какъ онъ однажды смѣялся, прочтя въ „Тарасѣ Бульбѣ", что жидъ, снявши свою верхнюю одежду, сталъ вдругъ похожъ на цыплёнка. И

въ то же время невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе. Шевыревъ былъ въ то время въ Римѣ и ужасно льстилъ Станкевичу и вилялъ передъ нимъ, хотя со всѣми другими обходился, по обыкновенію, съ педантической самоувѣренностью. Станкевичъ нѣсколько разъ осаживалъ меня довольно круто, чего онъ въ Берлинѣ не дѣлалъ—въ Берлинѣ онъ меня чуждался. Разъ, въ катакомбахъ, проходя мимо маленькихъ нишей, въ которыхъ до сихъ поръ сохранились остатки подземнаго богослуженія христіанъ въ первые вѣка христіанства, я воскликнулъ: „Это были слѣпыя орудія Провидѣнія!“ Станкевичъ довольно сурово замѣтилъ, что слѣпыхъ орудій въ исторіи нѣтъ, да и нигдѣ ихъ нѣтъ. Въ другой разъ, передъ мраморной статуей св. Цециліи, я проговорилъ стихи Жуковскаго:

И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя [1]).

Станкевичъ замѣтилъ, что плохо тому, кто по *привычкѣ* любуется прелестью, да еще въ такіе молодые годы. Въ то время жилъ въ Римѣ нѣкто Брыкчинскій, полякъ, другъ Листа и отличный піанистъ, умиравшій отъ чахотки. Станкевичъ его очень любилъ. У Брыкчинскаго было весьма замѣчательное, энергическое и умное лицо; онъ зналъ, что его болѣзнь безнадежна, а мы всѣ знали, что и Станкевича болѣзнь безнадежна. Онъ давно любилъ Дьякову, на сестрѣ которой чуть не женился,—и говорятъ, съѣхавшись съ нею передъ смертью, былъ чрезвычайно счастливъ. Мы знали про его любовь, но уважали его тайну. Станкевичъ оттого такъ дѣйствовалъ на другихъ, что самъ о себѣ не думалъ, истинно интересовался каждымъ человѣкомъ и, какъ бы самъ того не замѣчая, увлекалъ его вслѣдъ за собою въ область идеала. Никто такъ гуманно, такъ прекрасно не спорилъ, какъ онъ. Фразы въ немъ слѣда не было; даже Толстой (Л. Н.) не нашелъ бы ея въ немъ. Онъ первый далъ Шушу (такъ звали старшую дочь Ховриной) читать Шиллера и игралъ съ ней въ четыре руки на фортепіано. Незадолго до смерти онъ написалъ мнѣ довольно большое письмо, которое я прилагаю. Умеръ онъ, какъ извѣстно, въ Нови; онъ вмѣстѣ съ Ефремовымъ и Дьяковой ѣхалъ въ сѣверную Италію, на берега Lago di Como.

„Станкевичъ былъ болѣе, нежели средняго роста, очень хорошо сложенъ; по его сложенію нельзя было предполагать въ

[1]) Вступленіе къ „Ундинѣ“.

немъ склонности къ чахоткѣ. У него были прекрасные черные волосы, покатый лобъ, небольшіе, каріе глаза; взоръ его былъ очень ласковъ и веселъ; носъ тонкій, съ горбиной, красивый, съ подвижными ноздрями; губы тоже довольно тонкія, съ рѣзко означенными углами; когда онъ улыбался, онѣ слегка кривились, но очень мило; вообще улыбка его была чрезвычайно привѣтлива и добродушна, хоть и насмѣшлива; руки у него были довольно большія, узловатыя, какъ у старика; во всемъ его существѣ, въ движеніяхъ была какая-то грація и безсознательная distinction, точно онъ былъ царскій сынъ, не знавшій о своемъ происхожденіи. Одѣвался онъ просто, носилъ обыкновенно палку. Ни разу не слыхалъ я отъ него жалобъ на свое здоровье,—о болѣзни своей онъ говорилъ не иначе, какъ въ шутливомъ тонѣ; никогда онъ не хандрилъ. Когда я изобразилъ Покорскаго (въ „Рудинѣ“), образъ Станкевича носился предо мной, но все это только блѣдный очеркъ [1]).

„Въ немъ была наивность, почти дѣтская, еще болѣе трогательная и удивительная при его умѣ. Разъ, на прощанье съ г-жей Фроловой, онъ принесъ ей въ подарокъ круглую (такъ-называемую геморроидальную) подушку подъ сидѣнье, принесъ—и вдругъ догадался, что видъ ея не приличенъ, сконфузился, и такъ и остался съ подушкой въ рукахъ—и наконецъ расхохотался. Онъ былъ очень религіозенъ, но рѣдко говорилъ о религіи. По-французски говорилъ порядочно, по-нѣмецки лучше; нѣмецкій языкъ онъ зналъ очень хорошо. Я забылъ сказать, что въ Римѣ я одно время рисовалъ каррикатуры, иногда довольно удачно. Станкевичъ задавалъ мнѣ разные забавные сюжеты и очень этимъ потѣшался. Особенно смѣялся онъ одной каррикатурѣ, въ которой я изобразилъ свадьбу Маркова (живописца, теперешняго профессора [2]); Марковъ вздыхалъ по Шушу́, къ которой, грѣшный человѣкъ, и я не былъ совершенно равнодушенъ.

„Станкевичъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ о сестрѣ Фроловой, г-жѣ Кенни [3]). Она пріѣзжала въ Берлинъ къ своей сестрѣ. Помню я, что она была недурна собой, очень тиха и

---

[1]) Лежневъ (въ „Рудинѣ“) разсказываетъ о Покорскомъ: „Поэзія и правда—вотъ что̀ влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ—

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...“

[2]) Алексѣй Тарасовичъ (1801—1878).

[3]) Марья Павловна; мужъ ея былъ англичанинъ.

носила длинныя бѣлокурыя букли. Впрочемъ, между ею и сестрой ея не было ничего общаго; Фролову напоминалъ скорѣй ея братъ, Иванъ Галаховъ, уже умершій, котораго я встрѣчалъ въ Москвѣ. Фролова умѣла, когда хотѣла, быть чрезвычайно блестящей въ разговорѣ; помню, разъ, пріѣхалъ къ ней въ Берлинъ одинъ очень умный французъ, графъ или маркизъ. Вдвоемъ они вели цѣлый вечеръ такой діалогъ—хоть бы изъ какой-нибудь пословицы Альфреда де-Мюссé. Г-жа Фролова, по уходѣ его, назвала его „un vrai gentleman",—тогда это слово не успѣло еще такъ опошлиться. Въ г-жѣ Фроловой была наклонность къ аристократіи,—но столько въ ней было доброты и простоты въ то же время!"

Письмо Станкевича къ Тургеневу, упоминаемое въ этой запискѣ, также сохранилось въ бумагахъ Анненкова въ подлинникѣ; приводимъ его съ небольшимъ пропускомъ:

11-го іюня.—Флоренція.

„Гдѣ-то вы теперь, любезный Тургеневъ? По разсчету, кажется, вамъ пора бы добраться до Берлина; если вы тамъ, то не забудьте спросить на почтѣ о письмахъ, и это дойдетъ до васъ.—Я получилъ ваши письма: одно изъ Неаполя, другое изъ Генуи, впрочемъ со штемпелемъ „Arona", изъ чего я заключаю, что оно отправлено позднѣе, чѣмъ написано, и что вы между тѣмъ успѣли достигнуть благословенныхъ береговъ Lago Maggiore, взглянуть на Isola Bella и на грандіознаго св. Барромея.

„Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я не выходилъ почти изъ убійственнаго полулихорадочнаго состоянія; къ этому присоединилось еще несносное разстройство желудка, съ которымъ я и теперь еще не совсѣмъ разсчитался. Но во Флоренціи я имѣю иногда отдыхъ; вообще я поправился, и кажется, дѣло идетъ впередъ. Мой докторъ въ Римѣ Гартманъ совѣтовалъ мнѣ сначала ѣхать въ Эмсъ; но нашему брату куда какъ далеко до Эмса! Наконецъ рѣшено, чтобы я провелъ лѣто на озерѣ Комо и тамъ пилъ привозную эмсскую воду. Теперь я ѣду туда. M-me Diakof, услышавъ въ Неаполѣ о моей болѣзни и также не находя надобности оставаться тамъ лѣто, пріѣхала (Марковъ перетревожилъ всѣхъ своимъ письмомъ) съ сыномъ, и мы вмѣстѣ пробудемъ лѣто. Вы не знаете еще вполнѣ моихъ отношеній къ ней; я говорилъ только вамъ, что я былъ какъ родной въ ихъ семействѣ,—теперь скажу вамъ еще, что всѣ въ семействѣ привыкли видѣть во мнѣ брата, потому что я готовъ былъ жениться

на ея сестрѣ, которая умерла. Въ Дьяковой я нашелъ настоящую сестру по прежнему; ея заботы и участіе дѣйствуютъ на поправленіе силъ моихъ больше всего.

„Итакъ, хоть немножко, хоть мимоходомъ, хоть на нѣсколько дней Шушины глазки растревожили молодца? „Охъ, поживите съ наше (такъ говорятъ обыкновенно тупые старики)—не то будетъ". Но я ей благодаренъ: не то не получилъ бы нѣсколькихъ стиховъ, которые перечелъ нѣсколько разъ съ большимъ удовольствіемъ. Но къ дѣлу: *варварамъ* (т.-е. сапожнику и портному) не заплатилъ, ибо сначала было нечѣмъ, потомъ передъ отъѣздомъ въ хлопотахъ мнѣ ужъ некогда было ихъ отыскивать. Я совѣтую переслать вамъ вексель въ Римъ къ Алексѣю Тарасовичу, если можно—скудъ на 15: имъ вы должны отъ 12 до 13; онъ расплатится. У меня теперь наличныхъ столько, что я очень аккуратничаю, чтобъ доѣхать до Милана, гдѣ могу получить по векселю...

Видѣли ли вы Вердера? Напишите мнѣ, ради Бога, что̀ онъ читаетъ этотъ семестръ, и вышла ли его 1-я часть „Beiträge". Я готовлюсь, при здоровьи, написать о ней извѣстіе для русской публики. Да! Получилъ письмо отъ Грановскаго: не очень здоровъ, но живъ и работаетъ. Невѣровъ, говорятъ, сдѣланъ цензоромъ въ Ригѣ; его должности очень сообразны его положительному, *порядочному* направленію, соединенному съ снисхожденіемъ и величайшею добротою. Какъ хорошо, еслибы онъ пошелъ впередъ постоянно по этой дорогѣ.

„У меня въ головѣ много плановъ, но когда ихъ не было? Собираюсь зимой работать надъ исторіею философіи. Есть въ головѣ также нѣсколько статей,—Богъ знаетъ, какъ еще все это переварится. Надо еще справиться съ желудкомъ, а тутъ глаза такъ и разбѣгаются на землянику; но нечего дѣлать, не ѣмъ!

„Надѣюсь, что вы будете мнѣ скоро отвѣчать. Поспѣшите, ради Бога,—хоть нѣсколько строкъ! А самое главное, напишите о Вердерѣ. Скажите ему мое почтеніе; скажите, что его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога̀, и что все, что̀ во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано!

„Фроловыхъ я засталъ еще здѣсь. Лизавета Павловна была ужасно больна; теперь, къ счастію, стала поправляться. Я думаю, по выздоровленіи ея, они поѣдутъ въ Неаполь. Кенни наняли здѣсь домъ на цѣлый годъ. Я думаю ѣхать зимовать въ Ниццу... Вердеру надѣюсь написать вскорѣ по полученіи вашего отвѣта. Позвольте возложить на васъ трудъ передать ему мое письмо—мнѣ совѣстно заставлять его платить (а васъ не совѣщусь!). Можетъ быть, черезъ васъ пришлетъ онъ и отвѣтъ.

Напишите аккуратно свой адресъ, а то я знаю, какъ залеживались ваши письма, адресованныя poste-restante. Мой: à M-r Stankewitch, à Milan, aux soins de M-r Balabio Basana et C°. Прощайте пока! Будьте здоровы и наслаждайтесь всѣми благами науки, искусства и жизни. Вашъ—Н. Станкевичъ.

„Ефремовъ сопровождаетъ также меня въ пути. Онъ вамъ кланяется и поручаетъ сказать, что Шушу очень часто вспоминала про васъ.

„Кому принадлежитъ 1-я часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", которую вы мнѣ принесли? Она оставлена Маркову впредь до разсмотрѣнія дѣла. Напишите Маркову что-нибудь; онъ удивляется, что такой добрый знакомый не написалъ ему еще ни строчки.

„Ефремовъ напишетъ вамъ изъ Висбадена.

„Говорятъ (т.-е. вѣрно — пишетъ Грановскій), найдено еще много сочиненій Пушкина, кои будутъ изданы въ трехъ томахъ!!!"

Это живое, еще полное надеждъ письмо было однако послѣднее, какое извѣстно изъ всей переписки Станкевича: тринадцатью днями позже, въ ночь съ 24-го на 25-е іюня, онъ скончался. А. П. Ефремову пришлось сообщить печальную вѣсть его друзьямъ; онъ писалъ Бѣлинскому и Тургеневу, а послѣднему, бывшему въ то время въ Берлинѣ, выпало на долю извѣстить Грановскаго и Вердера. Бѣлинскаго извѣстіе привело въ мрачное отчаяніе; горе Грановскаго выразилось въ сосредоточенной грусти; что же касается Вердера, вотъ что̀ писалъ о немъ Тургеневъ: „Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру, я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи: „In ihm ist auch ein Theil von Ihnen gestorben". Онъ мнѣ говорилъ: „Ich fühle es. Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler, meine Jünger sterben, ob ich überlebe sie"! Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе: „Der Tod", написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія".

У самого Тургенева горе вылилось лирическимъ порывомъ: его письмо къ Грановскому о кончинѣ Станкевича—самое раннее изъ извѣстныхъ его писемъ (28-го іюня 1840 года)—было какъ бы однимъ изъ тѣхъ „Стихотвореній въ прозѣ", которыми онъ закончилъ свою литературную дѣятельность.

Л. Майковъ.

КУДА ИДТИ?

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Послѣ нѣсколькихъ дней безпрерывнаго холоднаго дождя, къ полудню, сѣроватая пелена вдругъ разорвалась, и солнце—мягкое, матовое—ласково выглянуло въ долину, всю покрытую майскимъ изумрудомъ зелени.

Часу въ шестомъ вечера, все по такой же солнечной, нѣсколько влажной погодѣ—пѣшеходы, велосипеды, экипажи двигались внизъ и вверхъ вѣковой аллеи буковъ и вязовъ, съ широкой луговиной влѣво, гдѣ точно охорашивался, послѣ ненастья, павильончикъ клуба любителей lawn tennis'a. А справа обрывистое нагорье, съ густой порослью, шло круто вверхъ, открываясь, на перекресткахъ, болѣе узкими проѣздными дорогами.

Къ одному изъ такихъ перекрестковъ катила колясочка, на которую гуляющіе оглядывались, какъ на что-то совсѣмъ новое.

Кресло на колесахъ, какъ обыкновенно возятъ больныхъ; сзади двигалъ его велосипедъ. Молодой, краснощекій и плечистый нѣмецъ, съ бритымъ, жирнымъ лицомъ, франтовато одѣтый, дѣйствовалъ своими толстыми ногами ровно, на хорошихъ рысяхъ, толкая впередъ колясочку, и ловко лавировалъ между экипажами и простыми „циклистами".

Въ креслѣ—съ ногами, плотно укутанными толстымъ плэдомъ—сидѣлъ больной, слегка упираясь въ ручки, обитыя бархатомъ.

И его наружность обращала на себя вниманіе гуляющей публики.

Очень худой и изжелта-блѣдный овалъ лица удлиннялся бородой—темнорусой, слегка сѣдѣвшей, расчесанной двумя короткими прядями. Глаза—съ нервнымъ блескомъ, темные, почти черные—смотрѣли изъ глубокихъ впадинъ, съ бурыми кругами. Усы были закручены кверху, молодцовато и живописно. Его можно было принять за француза, даже за итальянца—и только бывалый человѣкъ распозналъ бы въ немъ породистаго русскаго барина.

Мягкая поярковая шляпа—темно-кофейная—сидѣла немного на-бокъ и придавала еще болѣе моложавости этому болѣзненному сорокалѣтнему мужчинѣ. Изъ-подъ ея широкихъ бортовъ, надъ маленькими, розоватыми, совсѣмъ женскими ушами выступали волосы, плотно остриженные на вискахъ.

Его туловище, такое же худое, какъ и лицо, драппировало свѣтло-сѣрое широкое пальто, съ большими пуговицами.

Онъ былъ очень близорукъ и часто вставлялъ въ правый глазъ монокль, безъ оправы. И въ этомъ движеніи — онъ его быстро вкидывалъ въ орбиту—было что-то какъ будто фатоватое, мало подходившее ко всему его благородному облику и печально-пытливому взгляду.

— Bitte, Herr Knoblauch, — обратился больной къ велосипедисту, немного обернувъ къ нему голову:—Zur Molkenanstalt!

Выговоръ его нѣмецкой рѣчи обличалъ также русскаго барина.

— Zu Befehl, Durchlaucht! — отозвался тотъ и приложился даже, правой рукой, къ своей шоколадной шляпѣ-котелку.

Голосъ у него былъ ясный и масляный, и, выговаривая слово „Durchlaucht“, онъ точно смаковалъ его. И дѣйствительно, ему было пріятно возить не просто какого-нибудь еврея-банкира изъ Франкфурта, а настоящаго русскаго князя.

Онъ былъ—несмотря на свою фамилію—антисемитъ, о чемъ уже имѣлъ случай доложить высокопоставленному „Kunde“, думая угодить ему этимъ, такъ какъ всѣ русскіе, по его соображенію, должны быть непремѣнно „антисемиты“.

Князь Иванъ Романовичъ Елатомскій—такъ звали больного—уже третью недѣлю жилъ на этихъ водахъ, и въ послѣдніе дни, отъ дурной погоды, его припадки появились съ новой силой; только сегодня боль въ правой ногѣ стала утихать. Онъ страдалъ наслѣдственнымъ артритомъ.

Докторъ, по пріѣздѣ его сюда, порадовалъ новостью: въ курортѣ появился особый видъ лонлакеевъ-циклистовъ, которые во-

зять больныхъ какимъ угодно „аллюромъ“, прилаживая къ креслу свой „Fahrrad“.

Ѣздить оказалось очень удобно, и въ первую же прогулку „господинъ Кноблаухъ“ возилъ князя на водопадъ, за нѣсколько километровъ и, на возвратномъ пути, какъ ни въ чемъ не бывало, безъ малѣйшихъ признаковъ усталости подкатилъ его, по довольно крутому подъему, къ той виллѣ, гдѣ жилъ князь съ своимъ семействомъ.

И сейчасъ они уже продѣлали такой же походъ, верстъ за шесть отъ города, по лѣсной гористой дорогѣ.

Князю было немного совѣстно передъ этимъ велосипедистомъ, и онъ каждый разъ просилъ его не утомляться. Но такой видъ услуги былъ для него все-таки менѣе тягостенъ, чѣмъ прежняя „работа“ пѣшаго наемника, обязаннаго возить кресло, напрягаясь въ нѣсколько разъ больше. А этому здоровенному нѣмцу его спортъ казался необыкновенно по душѣ, и онъ выполнялъ свою обязанность, какъ бы работая для собственной рекламы. Ему, видимо, льстило то, что всѣ встрѣчные—и погонщики ломовыхъ лошадей, и нарядныя дамы, сидя въ господскихъ „викторіяхъ“—одинаково смотрятъ на него съ интересомъ. Получалъ онъ весьма солидный суточный гонораръ.

Отъ перекрестка, въ гору, идутъ двѣ дороги: одна круче—влѣво; другая—обставленная деревьями, широкая улица, съ красивыми дачами—нѣсколько правѣе.

По ней, мимо нараднаго павильона какой-то фотографіи, они ѣхали, до новаго поворота, мимо пригорка съ обгороженнымъ мѣстомъ, заросшимъ травой, въ ожиданіи покупателя—и оттуда начали подниматься медленнѣе.

Князю опять стало немного совѣстно, что онъ, подъ конецъ прогулки, выбралъ такое мѣсто, гдѣ подъемъ къ швейцарской фермѣ былъ довольно крутой.

— Sind Sie müde, Herr Knoblauch?—съ участливой усмѣшкой спросилъ онъ лонлакея.

— Absolut nicht, Durchlaucht!

— Wollen Sie etwas Bier?

— Sehr geehrt, Durchlaucht!

„Ахъ, еслибы онъ рѣже меня титуловалъ“,—подумалъ больной, которому нервно рѣзалъ ухо самый этотъ звукъ: „Durchlaucht“, съ двумя жесткими нѣмецкими „ха“.

Усиленно дѣйствуя ногами, велосипедистъ подвезъ кресло князя къ одному изъ столиковъ, на большой площадкѣ, выруб-

ленной въ лѣсу, у подножья горы, куда любители видовъ ходятъ, немного подальше, за деревьями, по крутой тропинкѣ.

Почва была еще влажна. Князь не рѣшился выйти и сѣсть за одинъ изъ столиковъ, покрытыхъ голубыми скатертями.

Его наемникъ-спортсменъ ловко подкатилъ кресло, такъ что князь могъ, оставаясь въ немъ, сидѣть какъ за столомъ. Онъ же распорядился заказомъ стакана молока съ чернымъ хлѣбомъ для князя; а самъ удалился на террасу фермы, гдѣ ему подали пива.

Плотная служительница, одѣтая швейцаркой, принесла молока и ломоть хлѣба, и на вопросъ князя—сколько это стоитъ, отвѣтила мѣстнымъ говоромъ:

— Zwölf Pfennig!

Онъ заплатилъ и за пиво, и далъ ей никкелевую монетку въ двадцать пфенниговъ. „Мэдхенъ“ зардѣлась, говоря:

— Merci!

Тишина и уютъ этой лѣсной полянки обдали его своимъ задумчивымъ обаяніемъ. Дома дѣлалось еще труднѣе быть одному въ тѣ дни, когда у него начинала ныть нога. Подъ тѣмъ предлогомъ, что его нельзя оставить одного—къ нему безпрестанно входятъ. А когда ему гораздо легче — уйти подальше, въ лѣсъ или на гору—нога все-таки не позволяетъ.

Онъ медленно оглянулся, не вставляя своего монокля, прищуренными глазами. Налѣво отъ него, черезъ дорогу, виденъ навѣсъ съ лѣсенкой на галерейку. Оттуда доносится запахъ фермы и мычаніе коровъ. Въ глубь уходятъ стволы старыхъ сосенъ и елей. По нимъ и по подсѣду деревьевъ играютъ пятна солнечнаго свѣта. На нѣсколькихъ стволахъ прибиты бѣлые жестяные листы. Князь могъ на ближайшемъ разобрать: „Wein, Bier, Liqueurs!“ А дальше, вправо, высится круглый холмъ, съ сочной травой, играющей зайчиками свѣта подъ сѣткой развѣсистыхъ вѣтвей. Испаренія влажной земли, густой травы, свѣжихъ листьевъ и прошлогодней сухой хвои—щекотали его обоняніе, и онъ глубоко дышалъ, отпивая изъ стакана засвѣжѣвшее цѣльное молоко.

...И вдругъ опять схватило его, какъ вчера, какъ недѣлю, и мѣсяцъ, и полгода тому назадъ, назойливое желаніе — убѣжать изъ той жизни, которая, какъ что-то вязкое и тошное, тянется, тянется, грозя ежеминутно неизбѣжностью своего конца...

Это двойственное чувство дѣлалось въ немъ, съ нѣкоторыхъ поръ, еще назойливѣе. Неужели такъ трудно перерѣзать эту жалкую замшаренную нитку—жизни? Откуда-то подкрался страхъ

конца: не болѣзней, не новыхъ ударовъ, разочарованій, пошлости, скуки и сутолоки жизни, а безпомощное, унизительное чувство „неизбѣжности доживанья“. И не въ глубокой старости подобралось это предательское чувство, а въ такой возрастъ, когда у другихъ только развертываются всѣ ихъ душевныя силы. Ему еще нѣтъ и сорока-шести лѣтъ. Еслибы не возвратъ наслѣдственнаго недуга, онъ могъ бы—съ его наружностью—считаться еще молодымъ мужчиной.

Его тянетъ всегда вонъ изъ дому, гдѣ онъ давно чувствуетъ себя чужимъ; а какъ только онъ останется одинъ, съ-глазу-на глазъ съ своимъ „я“—сейчасъ же холодящая струя проникаетъ въ сердце, въ мозгъ, во все его существо, и онъ не въ силахъ стряхнуть съ себя этого рабства передъ двойственнымъ кошмаромъ:—и утомленія отъ жизни, и страха передъ неизбѣжностью ея конца.

Князь Иванъ вздрогнулъ, точно хотѣлъ сбросить съ себя что-то, снялъ шляпу и обнажилъ свой высокій бѣлый лобъ, съ порѣдѣлыми подстриженными волосами. Безъ шляпы онъ смотрѣлъ еще моложе.

Съ какой бы радостью помѣнялся онъ ролями вонъ съ тѣмъ лонлакеемъ, который возитъ его кресло по аллеямъ и лѣснымъ дорогамъ нѣмецкихъ водъ! Что за цѣльность всего склада въ „господинѣ Кноблаухѣ“! Ни прошлое не гнететъ его, ни будущее не страшитъ „неизбѣжностью конца“. Вонъ какъ рельефно выдѣляется, въ эту минуту, его плотная фигура, въ высокихъ штиблетахъ, сѣромъ пиджакѣ и пестромъ галстухѣ. Онъ побалагурилъ съ „мэдхенъ“, спустился внизъ и зорко поглядѣлъ въ сторону площадки—не время ли ѣхать, не желаетъ ли „Durchlaucht“ что-нибудь приказать ему.

Князь сдѣлалъ знакъ рукой. Циклистъ подбѣжалъ и въ нѣсколько секундъ припрягъ свой велосипедъ къ креслу, вывезъ ихъ на середину площадки и сильно затормазилъ и тотъ, и другой экипажъ, послѣ чего вскочилъ въ сѣдло и сталъ спускать колясочку по довольно крутой дорогѣ.

— Nach Hause!—утомленно приказалъ князь и полузакрылъ глаза.

Ему стало легче въ присутствіи этого посторонняго существа, исполнявшаго должность „одухотворенной машины“, какъ онъ про себя назвалъ своего дорогого служителя.

— Nicht so schnell!—приказалъ онъ, еще болѣе упавшимъ голосомъ, когда они спустились.

— Zu Befehl, Dürchlaucht! — неизбѣжно веселой и преданной нотой отвѣтилъ лонлакей.

Они уже спустились въ улицу, по направленію къ большой аллеѣ, гдѣ усилилось движеніе пѣшеходовъ и экипажей. Велосипеды съ мужскими и женскими фигурами такъ и сновали въ ту и другую сторону.

Князь вставилъ свой монокль и разсѣянно глядѣлъ на убѣгающую отъ него панораму долины. За лугомъ,—гдѣ видны были фланелевыя рубашки и цвѣтныя юбки играющихъ въ lawn-tennis,—выступалъ рядъ виллъ. Изъ-за деревьевъ, хоронясь въ нихъ на половину, выглядывала золоченая луковица русской церкви. Дальше бѣлѣлъ фасадъ большого отеля съ двумя затѣйливыми башнями, посреди наряднаго цвѣтника. А надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ высилась гора, вся покрытая двуцвѣтной зеленью—хвойныхъ породъ и чернолѣсья—съ чуть примѣтной старой башней на самой вершинѣ.

Глаза его остановились на двухъ двойныхъ велосипедахъ—„тэндэмъ“, которые катили ему на встрѣчу, держась лѣвой руки.

Обѣ пары спускались по аллеѣ, позванивая и слегка тормазя, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ одна отъ другой.

На обоихъ впереди сидѣли дамы, позади мужчины. Обѣ дамы были въ англійской формѣ—въ короткихъ разрѣзныхъ юбкахъ, беретахъ и цвѣтныхъ лифахъ. Кавалеры, изогнувшись надъ ручкой, какъ истые жокеи, тоже держались англійскаго стиля—въ шлычкахъ на головѣ, фуфайкахъ съ высокимъ галстухомъ, безъ банта, въ короткихъ панталонахъ, пестрыхъ чулкахъ и желтыхъ башмакахъ.

Онъ узналъ въ передней парѣ дочь Елену и пріятеля своего старшаго сына—Романа, ѣхавшаго на другомъ „тэндэмѣ“ съ барышней, которая жила при его теткѣ, на той виллѣ, куда и его везли.

Было что-то напряженно-задорное въ этихъ двухъ парахъ и несомнѣнно неприличное въ положеніи ихъ молодыхъ фигуръ. Но обѣ онѣ „хорошо подобрались“,—московскимъ словомъ выговорилъ про себя князь.

Кажется, тутъ идетъ флёртъ—и у сына съ той пышной, черноглазой барышней, можетъ быть, и что-нибудь посерьезнѣе. Но ему совсѣмъ чужды: и старшій сынъ, и дочь. Оба вышли въ мать, въ его жену—княгиню Евпраксію Андреевну: тотъ же станъ, цвѣтъ волосъ, выраженіе лицъ — жестковатое и вызывающее, красивость мужицко-купеческая, какъ и у ихъ матери, несмотря на то, что она такого же стараго рода, какъ и онъ.

И ихъ души для него—„гробы повапленные“. Онъ и провидитъ давно, что изъ нихъ выйдетъ.

Спортсмэнъ задняго „тэндэма“—образецъ и руководитель сына его—дипломатикъ Скурловъ, его старшій товарищъ по лицею—соединеніе въ одномъ экземплярѣ всего того, что въ теперешней молодежи скопилось, для князя, самаго жалкаго и противнаго. Дѣвица, живущая у его тетки, не то какъ компаньонка, не то какъ сирота, оставшаяся отъ ея друзей,—полна всякихъ аппетитовъ, и если она сдѣлается любовницей его сына, она можетъ довести его воспитаніе до послѣдняго предѣла того, что на жаргонѣ парижскихъ шелопаевъ зовется „le dernier bateau“.

Поглядѣвъ имъ вслѣдъ, князь Иванъ подумалъ о той прибауткѣ, какую доктора всѣхъ странъ повторяютъ своимъ паціентамъ: „mens sana in corpore sano“. Чего еще желать болѣе „патентованнаго“, чѣмъ мускулатура его старшаго сына и дочери, или тѣхъ двухъ экземпляровъ—Скурлова и дѣвицы Полуяновой? А у нихъ—для князя—не душа, а паръ, какъ у кошекъ. Спортъ для нихъ что-то въ родѣ религіи, а въ образцовыхъ ихъ тѣлесахъ бродятъ инстинкты четвероногихъ, прикрытые фразами о своемъ недосягаемо высокомъ „я“.

— „Superuomini!“ — выговорилъ князь полушопотомъ. Онъ употребилъ этотъ терминъ въ его итальянской передачѣ, какъ любилъ до сихъ поръ нѣкоторыя другія итальянскія слова и восклицанія, въ особенности одно: „Felice lei!“—когда онъ вслухъ кому-нибудь въ чемъ завидовалъ.

И эти два тэндэма—обѣ дѣвицы и оба кавалера—одинаково смотрятъ на него, своего отца или отца своихъ сверстниковъ, какъ на „юродивенькаго“, какъ на психопата, жалѣя, что его еще недостаточно ограничили въ домѣ; одинаково считаютъ его тошнымъ чудакомъ и позёромъ, никому не нужнымъ и способнымъ на безпрестанныя выходки, на какія ни его сынъ, ни господинъ Скурловъ не были способны даже мальчишками, когда они на мундирахъ носили еще серебряныя петлицы, а не золотыя.

— „Ramolli, va!“—навѣрно повторяютъ они про себя, послѣ встрѣчи съ его колясочкой.

Изъ долины, черезъ нѣсколько минутъ, князя подвезли, по легкому подъему, къ воротамъ виллы, откуда шла темная аллея каштановъ.

II.

Двухъ-этажная вилла, съ большой верандой и двумя башенками, немного потемнѣла отъ времени; она была построена лѣтъ сорокъ назадъ, въ тѣ дни, когда на водахъ еще дѣйствовала рулетка.

Тѣнистый паркъ поднимался слегка въ гору, огибая виллу съ трехъ сторонъ.

Все смотрѣло барственно. Когда князя подвезли къ крыльцу съ стекляннымъ навѣсомъ, по лѣсенкѣ сбѣжалъ ливрейный лакей и помогъ ему выйти.

— Danke, Herr Knoblauch!—morgen um drei!

Нѣмецъ выговорилъ свое „Zu Befehl“, отстегнулъ велосипедъ отъ кресла и покатилъ по дорожкѣ внизъ.

Лакей въ ливреѣ взялъ плэдъ князя въ одну руку и хотѣлъ помочь ему подняться на довольно высокое крыльцо. Но тотъ отвелъ его рукой и довольно свободно прошелъ по разсыпчатому гравію площадки къ дивану, подъ развѣсистымъ платаномъ, передъ дерномъ съ клумбами маргаритокъ и желто-фіолетовыхъ „Иванъ-да-Марья“.

Вечеръ сталъ еще теплѣе. Солнце зашло уже за одну изъ башенокъ виллы и грѣло, но не пекло. Князь сѣлъ на диванъ и вынулъ изъ бокового кармана пальто—газету.

Въ комнаты ему не хотѣлось подниматься. Онъ зналъ, что жена его дома, и что ему предстоитъ съ ней разговоръ. Не онъ его начнетъ,—а княгиня. И онъ знаетъ напередъ, что̀ она будетъ говорить, и въ какомъ тонѣ, и какимъ кончитъ внушеніемъ или косвенными угрозами.

Опять будетъ идти рѣчь о его „дикихъ выходкахъ“, намеки на его полубезуміе, брезгливыя фразы о его нелѣпыхъ „выспренностяхъ“.

Еще не прошло полныхъ сутокъ съ обѣда у старухи-тетки, занимавшей нижній этажъ виллы—и со вчерашняго вечера князь избѣгалъ всякихъ разговоровъ, завтракалъ на своей половинѣ и никого не видалъ, кромѣ доктора, который дѣлается ему все тошнѣе. Этого доктора—своего любимца—тетка навязала ему, также, какъ и верхній этажъ своей виллы, вмѣстѣ съ отдѣльнымъ павильономъ, гдѣ помѣстился его старшій сынъ. Она взяла съ нихъ прекрасную цѣну за сезонъ; но дала этому найму видъ родственной услуги, точно она ихъ пустила къ себѣ даромъ.

Вся эта затѣя житья домомъ здѣсь, у тетки, была ему про-

тивна. Подъ нею сидѣлъ видимый разсчетъ княгини, для него вдвойнѣ антипатичный.

Это явный подходъ къ тому, чтобы она—бездѣтная—не забыла о своихъ внукахъ и внучкѣ. Точно будто они бѣдные родственники, и онъ съ женой—не богаче старухи?

И вдругъ вчера, при постороннихъ, за обѣдомъ, онъ сталъ говорить о жалкой долѣ всѣхъ тѣхъ, кто цѣпляется за жизнь и влачитъ ее въ безпрестанной малодушной тревогѣ, въ постыдномъ рабствѣ передъ своимъ недугомъ, въ возростающемъ подчиненіи привычкамъ, страхамъ, капризамъ, требованіямъ разрушающагося организма.

Его точно понесла какая волна. Да, онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что старуха—какъ разъ такое жалкое существо, цѣпляющееся за жизнь. Онъ говорилъ о себѣ, онъ себя клеймилъ и горячо желалъ въ тѣ минуты, чтобы Провидѣнію угодно было избавить его, въ ближайшемъ будущемъ, отъ такой же постыдной доли.

— „Ça a jeté un froid!“—выговорилъ князь про себя, съ полунасмѣшливой улыбкой, зная, что гости старухи должны были такъ именно выразиться, разсказывая своимъ знакомымъ инцидентъ обѣда въ русской „fürstliche Familie“.

И опять праздное ничтожество всѣхъ этихъ баръ и разбогатѣвшихъ буржуа—въ такомъ вотъ курортѣ, куда они собрались дотягивать свое безполезное и безобразно-себялюбивое доживанье, а въ томъ числѣ и его самого—стало душить его, вмѣстѣ съ безсиліемъ сбросить съ себя постылыя цѣпи, исчезнуть,—и навсегда, навсегда!..

Онъ зналъ, что ему не уйти отъ объясненія съ княгиней Евпраксіей Андреевной.

Не одну эту „выходку“ поставитъ она ему на счетъ—выходку, изъ-за которой старуха могла обидѣться и отомстить на внукахъ. Не проститъ ему жена и того „шутовского“ тона, какой онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ брать съ нею при постороннихъ. И вчера онъ, за кофеемъ, обращаясь къ какому-то молодящемуся нѣмецкому барону изъ отставныхъ военныхъ, ни съ того, ни съ сего, сказалъ ему:

— Какъ! Вы знакомы съ княгиней больше двухъ недѣль и еще не испытали на себѣ чаръ этой женщины?!..

Всѣ переглянулись, и въ этомъ взглядѣ былъ общій приговоръ. Гости сочли его за безумнаго, лицо княгини пошло пятнами. Она принужденно засмѣялась и замяла разговоръ. Пріятель его старшаго сына шепнулъ что-то его дочери—молодежь

сидѣла въ сторонѣ—и всѣ четверо ждали съ злобнымъ любопытствомъ еще чего-нибудь „de plus corsé“.

Князь держалъ газету, но глаза разсѣянно бѣгали по строкамъ. Какое-то новое отвратительное преступленіе!.. Въ Берлинѣ проститутка найдена въ полѣ съ вырѣзанными внутренностями.

Онъ съ гадливымъ жестомъ отбросилъ газету на столикъ. Сколько разъ давалъ онъ себѣ зарокъ не читать газетъ, не барахтаться во всей этой грязи и звѣрствахъ столичной хроники.

Отчего какой-нибудь циклонъ или шальной метеоръ не разразится, не испепелитъ и не размететъ всего, что̀ копошится на землѣ?

Справа раздался легкій шумъ по гравію обоихъ двойныхъ велосипедовъ—обѣ пары возвращались съ прогулки. Всѣ четверо сдѣлали видъ, что не замѣтили его подъ деревомъ. Онъ никого не окликнулъ и продолжалъ сидѣть, закрывшись листомъ газеты.

Всѣмъ имъ—и сыну, и дочери, и пріятелю сына, и дѣвицѣ, имѣющей на него виды—онъ мѣшаетъ. Безъ него было бы въ домѣ гораздо веселѣе. Сынъ его, Романъ—какъ старшій въ родѣ—вступилъ бы въ пользованіе ихъ майоратомъ. Жениховъ дочери не сталъ бы отпугивать будущій „блажно̀й“ тесть. И само̀й княгинѣ Евпраксіи Андреевнѣ не нужно уже было бы ни съ кѣмъ бороться, никого укрощать, ни выдумывать хитроумныхъ комбинацій...

Вотъ сейчасъ всѣ четверо, соскочивъ съ своихъ тэндэмовъ, станутъ переодѣваться къ обѣду, гдѣ его присутствіе будетъ всѣхъ стѣснять...

И какъ они ему чужды! Съ каждымъ днемъ его отрѣшенность отъ семьи ростетъ. Онъ это ежеминутно сознаетъ и не находитъ въ себѣ никакой охоты бороться съ такимъ почти мертвеннымъ равнодушіемъ. Только чувство тягости гнететъ его отъ сожительства съ ними подъ однимъ кровомъ...

Справа отъ крыльца, изъ аллеи приземистыхъ липъ, показалась фигура въ свѣтломъ.

Хрустѣнье гравія заставило князя Ивана повернуть туда голову. Это былъ его второй сынъ—Борисъ.

Средняго роста, брюнетъ, очень худой въ лицѣ и станѣ, онъ поражалъ сходствомъ съ отцомъ. Материнскаго—крупнаго, дебелаго и бѣлокураго—въ немъ ничего не было. Двигался онъ нерѣшительнымъ шагомъ, немного вбокъ, одѣтый въ лѣтній костюмъ и большую соломенную шляпу. За-границей онъ смѣнилъ свою русскую студенческую форму на штатское платье.

Въ рукахъ его была небольшая книжка, которую онъ чи-

талъ, держа ее очень близко къ глазамъ: близорукость онъ также унаслѣдовалъ отъ отца.

„А! Боря!“—вдругъ нервно подумалъ князь.—Неужели и онъ пересталъ для меня существовать?“

Когда-то онъ любилъ его порывисто, баловалъ и задергивалъ своей требовательностью. У него отняли мальчика. Онъ и самъ боялся, что сдѣлаетъ изъ него свое „подобіе“ — нервное, неуравновѣшенное существо, разовьетъ излишнюю страстность, меланхолію или болѣзненное безпокойство духа.

Мальчикъ не переставалъ льнуть къ нему и дѣлалъ это точно украдкой, а потомъ — съ поступленія въ студенты — замкнулся въ себѣ, и у князя уже не было желанія проникать въ его внутренній міръ. Въ немъ что-то произошло „гамлетовское“, какъ называлъ отецъ, наблюдая своего сына со стороны, но еще съ участіемъ. Отецъ самъ точно боялся проникнуть въ его душу, какъ бы догадываясь, что̀ могло наложить на него эту гамлетовскую печать.

Боря все уходилъ въ книжки, самъ выбралъ филологію, еще гимназистомъ отличался своими успѣхами въ греческомъ, и на одномъ выпускномъ спектаклѣ игралъ въ античной трагедіи—и всѣхъ увлекъ своей декламаціей въ роли Ореста.

Еще мальчикомъ онъ выказывалъ религіозность—и въ такой точно формѣ, какъ и отецъ его—въ тѣ же лѣта—съ оттѣнкомъ не совсѣмъ русскаго благочестія, на особый мистическій ладъ. Студентомъ это настроеніе не прошло; скорѣе—усилилось. А къ этому времени въ князѣ уже перегорѣло все, что̀ заставляло его прежде искать вѣчной истины въ откровеніи свыше...

И первый же задушевный разговоръ, какой вышелъ у нихъ, когда Боря былъ уже студентомъ, заставилъ сына съёжиться. Отецъ тоже ушелъ въ себя, не считая честнымъ смущать его, колебать то, что̀ въ немъ теплилось и согрѣвало его.

Но личность этого чистаго и тихаго мальчика съ нѣкоторыхъ поръ стала уходить изъ сердца князя. Борисъ его тяготилъ,—не такъ, какъ другіе, а точно какъ живой упрекъ въ томъ, что онъ, князь Иванъ, виновенъ въ рожденіи этого юноши, которому онъ передалъ и свою наружность, и — навѣрно — тѣ нездоровые ростки, которые поднимутся и перейдутъ со временемъ въ распадъ душевныхъ силъ.

— Боря!—окликнулъ князь, немного приподнявшись.

Борисъ быстро оглянулся и сейчасъ же положилъ тонкую книжку въ боковой карманъ пиджака.

Они не видались со вчерашняго вечера. Князь завтракалъ сегодня въ своей комнатѣ.

— Здравствуй, милый!— обласкалъ онъ сына тономъ самыхъ словъ. Боря подошелъ такой же стѣсненной походкой и нагнувшись немного, какъ бы желая приложиться къ рукѣ отца, что̀ онъ часто дѣлалъ. Князь потрепалъ его по плечу своей красивой, почти женской рукой.

— Все читаешь?.. Ходилъ сегодня въ горы?

— Нѣтъ, папа. Немного прошелся въ городъ.

— Навѣрно, въ книжный магазинъ. Что-нибудь новенькое?

— Одну брошюру...

— Вотъ что̀ сейчасъ читалъ?

— Да.

Щеки Бори немного зарумянились, сквозь замѣтный загаръ.

— Я вѣдь тебя не допрашиваю, милый.

Въ ихъ тонѣ чувствовалось что-то несвободное. У нихъ не было привычки бесѣдовать другъ съ другомъ.

— Скоро обѣдать?—спросилъ князь и положилъ плэдъ, покрывавшій ему ноги, на столикъ передъ диваномъ, гдѣ онъ сидѣлъ.

Сынъ продолжалъ стоять передъ нимъ въ неловкой позѣ.

— Черезъ четверть часа, кажется.

— Будутъ гости?

— Не знаю, право, папа.

Послѣ небольшой паузы, глаза князя блеснули, и онъ во̀зврился въ лицо сына.

— Ты вѣдь никогда не лжешь, Боря?

— Развѣ противъ воли... по необходимости, — вдумчиво и твердо выговорилъ студентъ.

— А-а... по необходимости! Ну, а, положимъ, я тебя спрошу сейчасъ что-нибудь о себѣ, о своемъ поступкѣ, или мнѣніе, что-ли? И ты, не желая меня огорчить или обидѣть, — утаишь свое настоящее чувство?..

— Не знаю, папа. Еслибы ты захотѣлъ полной правды и на этомъ настаивалъ—я, конечно, скажу.

И, подчиняясь внезапно охватившей его потребности найти сочувствіе въ этомъ единственномъ существѣ около себя, къ которому онъ еще не совсѣмъ охладѣлъ, князь взялъ его за руку и порывисто посадилъ на диванъ рядомъ съ собою.

— Вчера... за столомъ... твой отецъ ка̀къ себя велъ? Какъ психопатъ, или еще хуже того? А? Говори... Говори всю правду...

Навѣрно, тамъ они всѣ—князь указалъ рукой на виллу—возмущались или прохаживались насчетъ этого? Вѣдь да?..

И тотчасъ же онъ поправился.

— На второй вопросъ ты можешь и не отвѣчать. Не за другихъ говори, а за себя... Ты молодъ, у тебя сердце прекрасное, и голова есть... и вѣришь ты въ высшіе идеалы... я знаю. Но и съ твоей чисто-душевной точки зрѣнія... насколько я тебя понимаю... моя... скажемъ—выходка, что-ли... une sortie... сама въ себѣ—не въ свѣтскомъ смыслѣ—что-жъ она: безумная, безсмысленная, или какъ?

— Нѣтъ, не безумная... нисколько, папа... И я съ тобой согласенъ, тысячу разъ согласенъ!..

Боря заговорилъ, переводя нервно дыханіе, ища словъ. Его радостно взволновала внезапность такого обращенія къ нему отца, который совсѣмъ точно ушелъ отъ него и давно уже.

— И ты способенъ былъ бы точно также высказаться вслухъ?

— Я не знаю, папа. Не изъ трусости, увѣряю тебя. Меня сочтутъ мальчишкой. Но и я скажу тоже: жалко видѣть, какъ люди—а вѣдь это и было твоей темой—цѣпляются за жизнь, не чувствуя того, что цѣна-то ихъ жизни—самая ничтожная; что они вдаются въ ужасное... малодушіе,—съ трудомъ поймалъ онъ слово.

— Стало, ты совсѣмъ со мною согласенъ, Боря?

— Конечно, папа... Но тутъ вышла...

— Неловкость?—полувопросительно подхватилъ князь и вскинулъ голову.

— И мамѣ было за тебя...

— Ну да, ну да, я знаю.

— Тѣмъ болѣе, что...

Борисъ не договорилъ и даже опустилъ свою красивую голову, нѣсколько вбокъ, точно ему сдѣлалось жутко вынести взглядъ отца.

— Договаривай до конца! Разъ я самъ къ тебѣ обратился —значитъ, мнѣ захотѣлось слышать правду... именно отъ тебя.

Борисъ густо покраснѣлъ.

— И мамѣ, и другимъ, за нее и за тебя неловко, больше даже, чѣмъ неловко дѣлается, когда ты начинаешь вдругъ говорить такимъ тономъ... вотъ какъ вчера...

— Что̀ такое?

Въ эту минуту князь совсѣмъ забылъ про ту фразу, съ какой онъ обратился къ нѣмцу, вчера за кофеемъ.

— Ты знаешь, о чемъ я говорю. Твой вопросъ тому ба-

рону... и это всегда такъ неожиданно... и всегда при посторонних...

— И ты въ этомъ—какъ и всѣ они—видишь признакъ того, что твой отецъ не нормальный?

Борисъ поднялся весь трепетный.

— Нисколько! Нисколько! И это меня еще больше смущаетъ, папа! Прости! Я не хотѣлъ бы этого касаться. У меня сорвалось съ языка... Но если ты желаешь правды—и мнѣ всегда больно отъ твоихъ... какъ бы назвать...

— Выходокъ? А?

— Не въ названіи дѣло... Похоже на то, что ты за что-то хочешь отплатить.

И, точно испугавшись своихъ словъ, Борисъ замолчалъ и опять отвернулъ голову вбокъ.

Глаза князя сразу потускнѣли. Онъ сидѣлъ съ опущенными руками.

— Отплатить,—повторилъ онъ полушопотомъ.

— Кто правъ, кто виноватъ въ жизни,—выговорилъ Борисъ, сдерживая свое волненіе,—не дано намъ это рѣшать. Ты позволишь мнѣ напомнить, какъ ты восхищался эпиграфомъ къ одному роману Толстого: „Мнѣ возмездіе—и Азъ воздамъ".

— Это—tempi passati!

— Я знаю. Ты теперь не увлекаешься его ученіемъ. Но эпиграфъ взятъ изъ книги Второзаконія. И онъ—превосходный!

— Ну, хорошо, ну, хорошо! Твой отецъ провинился въ двухъ выходкахъ, которыя и ты оправдать не можешь...

Зазвонили въ первый разъ къ обѣду.

Князь не докончилъ фразы, поднялся, взялъ свой плэдъ и, обернувшись еще разъ къ сыну, сдѣлалъ прощальный жестъ рукой.

— Спасибо за правду, Боря!

III.

Сгущались сумерки. За невысокую гору, позади сада, только-что нырнуло солнце, и длинное, золотисто-розовое облако таяло въ лучахъ заката. Въ саду стало гораздо свѣжѣе.

Шелъ девятый часъ въ началѣ. На виллѣ старой княгини Елатомской отобѣдали, и молодежь сбиралась на музыку къ кургаузу. Борису предлагали, но онъ отговорился тѣмъ, что ему вальсы надоѣли, и нѣтъ охоты слушать въ сотый разъ попурри

изъ „Сельской чести“, или изъ „Карменъ“, а отрывки вагнеровскихъ оперъ оркестръ играетъ плохо.

Ему хотѣлось остаться совсѣмъ одному. Отецъ—въ своей спальнѣ, и будетъ весь вечеръ читать или писать. Мать пошла къ „grand' tante“, которой читала вслухъ, замѣняя дѣвицу Полуянову, чѣмъ хотѣла задобрить обидчивую и нервную старуху, послѣ вчерашней „выходки“ отца.

Обѣдъ сегодня у нихъ, наверху, прошелъ для Бориса очень тяжко, какъ всегда впрочемъ. Онъ молчалъ—тоже какъ всегда. То, что̀ болтаютъ тѣ двѣ спѣвшіяся между собою пары—не занимаетъ его, кажется ему или совсѣмъ пустымъ, или фатовскимъ, задорнымъ. Онъ видитъ, что и въ отцѣ эти „сно̀бы“ вызываютъ брезгливое чувство. Но и съ нимъ онъ, за обѣдомъ, очень мало разговариваетъ. Между отцомъ и матерью—все тотъ же условный, двойственный тонъ. И Борисъ два-три раза подмѣтилъ, что отцу хотѣлось пустить какую-нибудь „шпильку“ подъ видомъ комплимента своей „egregia sposa“, какъ онъ привыкъ называть княгиню при постороннихъ.

Но князь воздерживался отъ этихъ шпилекъ, каждый разъ быстро взглядывалъ въ его сторону, и насмѣшливая улыбка скользила по его красивому рту, уходящему въ тѣнь молодцоватыхъ усовъ.

Отца вѣдь тоже считаютъ „сно̀бомъ“ въ Россіи. У него осталась привычка—очень моложаво одѣваться, закручивать усы, носить цвѣтные галстухи, заниматься своими руками, и особенно ногами, несмотря на схватки болей то въ правой, то въ лѣвой ногѣ.

Но отецъ—не они: не братъ Романъ, не сестра Елена, не этотъ противный Скурловъ, не госпожа Полуянова. Въ ихъ глазахъ и онъ самъ—такой же „блаженный“, какъ и князь Иванъ Романовичъ.

За отца ему всегда больно. Это продолжается больше десяти лѣтъ. Иногда были полосы, когда эта боль стихала, потомъ опять поднималась. Или онъ вдругъ пугался своей постоянной думы о томъ—что̀ же такое отецъ, и почему у него сложилась такая жизнь, и въ какой степени онъ самъ въ этомъ виноватъ?.. Не жертва ли онъ своего несчастнаго брака?..

Мать онъ въ дѣтствѣ страстно любилъ, засматривался на нее, считалъ первой красавицей во всемъ мірѣ. Но лѣтъ съ тринадцати жалость и какая-то щемящая обида за отца стала ныть въ душѣ, точно язвина на днѣ ея. Отецъ прежде обожалъ его; но рѣзко оборвалъ съ нимъ прежнія отношенія, отстранился—конечно, подъ чужимъ давленіемъ, потому что самъ сталъ

въ себѣ сомнѣваться, видя, что на него смотрятъ какъ на разстроеннаго въ умѣ.

Слово „психопатія"—сдѣлалось для Бориса ненавистнымъ въ жаргонѣ всѣхъ этихъ нормальныхъ, здоровыхъ людей, считающихъ всякаго „ненадежнымъ", кто не похожъ на нихъ. А сами они... на кого и на что̀ похожи?

Мать—образцово-нормальная и здоровая. Превыше всего—и самого Бога, въ котораго она говоритъ, что вѣруетъ—помѣщаетъ она свою житейскую мудрость и самообладаніе, и увѣренность въ безупречности всѣхъ своихъ взглядовъ и правилъ.

Правилъ!.. И онъ долго вѣрилъ въ ея пьедесталъ чистоты и суроваго исполненія своего долга жены человѣка, надъ которымъ она такъ высоко себя ставитъ. Этой вѣры въ немъ нѣтъ, и давно нѣтъ.

Каждый разъ, какъ онъ такъ раздумается—онъ непремѣнно дойдетъ до этой „зарубки". И отецъ покажется ему еще несчастнѣе. Вотъ и теперь—въ немъ все назойливѣе копошится подозрѣніе, что отцу готовится нѣчто. Не дальше, какъ три дня назадъ, его заставили играть въ кро̀кетъ—вонъ тамъ, на лужайкѣ, передъ фонтанчикомъ. И братъ его Романъ перекидывался отрывистыми фразами съ дѣвицей Полуяновой. Они несомнѣнно говорили объ отцѣ. Слово „психіатръ" соскочило раза два съ губъ брата.

Онъ не сталъ допрашивать Романа. Между ними давно нѣтъ никакихъ отношеній. Послѣ того, что̀ произошло три года назадъ, они не помирились. Просить прощенія долженъ онъ, какъ младшій. Онъ ударилъ старшаго брата и чуть не задушилъ его. А потомъ самъ началъ подозрѣвать въ томъ же, о чемъ съ такимъ цинизмомъ братъ сталъ ему тогда разсказывать про мать...

Фактически Романъ могъ быть и правъ; но „гадость" его душонки осталась въ немъ та же... еще расцвѣла! Борисъ не въ силахъ былъ считать своего чувства къ нему дурнымъ, не-христіанскимъ. Если жизнь поставитъ Романа въ такое положеніе, что нужно будетъ помочь ему,—по человѣчеству, онъ это исполнитъ, помня заповѣдь Искупителя. Но—до тѣхъ поръ—братъ для него будетъ существовать только затѣмъ, чтобы каждый день оскорблять въ немъ все, изъ-за чего, по его убѣжденію, стоитъ жить.

Борисъ сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ по аллеѣ. На немъ накинутъ былъ короткій плащъ съ капюшономъ. Онъ надѣвалъ его иногда и на велосипедѣ. Съ тѣми „спортсмэнами" онъ не

катался, а уѣзжалъ одинъ въ горы, въ отдаленныя деревушки, километровъ за двадцать отъ водъ. При быстрой ѣздѣ въ свѣжую погоду онъ испытывалъ особенно бодрящее настроеніе, сознавалъ въ себѣ болѣе мощный духъ. Собственно голова не работала, какъ у себя въ комнатѣ или вотъ въ саду, съ книгой въ рукѣ; но что-то какъ бы назрѣвало въ ней, и всего тебя уносило отъ того, что̀ царитъ здѣсь кругомъ его, гдѣ онъ безсиленъ хоть что-нибудь измѣнить, пересоздать, откуда онъ не можетъ уйти, отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ, какъ дѣлали тѣ, кто ходилъ возвѣщать *Благую Вѣсть*...

Почему не можетъ? Черезъ годъ онъ выдержитъ экзаменъ. У него будетъ кусокъ хлѣба. Его охотно оставятъ при университетѣ; онъ это знаетъ. Онъ уже началъ работу на золотую медаль. Да и до окончанія курса, кто мѣшаетъ ему сказать родителямъ: „Я буду поддерживать себя своимъ трудомъ". Другіе живутъ же на уроки. Неужели суетный, пошлый стыдъ удерживаетъ его? То, что онъ князь Елатомскій, потомокъ суздальскихъ князей?.. Ужъ, конечно, нѣтъ.

Много разъ, въ послѣдніе два года, онъ хотѣлъ это сдѣлать. И не сдѣлалъ.

Жалость къ отцу пересиливала. И съ каждымъ днемъ ему все болѣе его жаль. Нужды нѣтъ, что въ домѣ онъ ровно ничего не значитъ. Все-таки онъ тутъ. Не сегодня-завтра придетъ такая минута, когда надо стать за отца, и онъ найдетъ въ себѣ силу дать отпоръ кому угодно... даже и матери своей.

Быть можетъ, эта минута уже близится. Онъ это чувствуетъ инстинктивно, какимъ-то внутреннимъ предвидѣніемъ...

Въ саду дѣлалось сыро и свѣжо отъ небольшого пруда, прикрытаго вѣтвями плакучихъ ивъ. Борисъ направился въ раздумьѣ, замедленной походкой, къ боковому входу, откуда можно было подняться прямо во второй этажъ.

Онъ къ чаю не выйдетъ, когда вернутся двѣ пары изъ кургауза. До двѣнадцати онъ проработаетъ. Его разсужденіе ростетъ, принимаетъ слишкомъ большіе размѣры. Надо его сгустить въ первоначальномъ наброскѣ. Одно онъ позволитъ себѣ— провести параллель между тѣмъ мыслителемъ александрійской школы, который избранъ предметомъ диссертаціи, и двумя отцами церкви, особенно для него любезными. Какое одинъ изъ нихъ далъ чудное о̀бразное опредѣленіе жизни человѣческой! Онъ знаетъ его наизусть, въ греческомъ текстѣ.

И слова текста прошли въ его головѣ, отчетливо, въ ихъ

музыкальномъ теченіи, съ ритмомъ удареній, съ красотой звуковъ эллинской рѣчи.

Тихо взбирался онъ по лѣстницѣ бокового входа. Его комната — въ концѣ корридора передъ площадкой, откуда спускъ по парадной лѣстницѣ, соединяющей оба этажа виллы.

Площадка была уже ярко залита свѣтомъ. Старуха завела у себя электрическое освѣщеніе.

Неслышно, по ковру корридора, пробирался Борисъ мимо комнаты князя Ивана. Ему страстно захотѣлось сейчасъ видѣть отца, прильнуть къ нему, сказать, что вчера онъ не рѣшился выразить ему все, чѣмъ онъ переполненъ, увѣрить, что онъ только во всемъ домѣ понимаетъ отца, одинъ только и страдаетъ за него.

Борисъ пріостановился у двери, протянулъ-было къ ней руку —и не посмѣлъ. Отецъ не любитъ, чтобы ему мѣшали. Онъ, навѣрно, что-нибудь пишетъ. Можетъ быть, свой дневникъ. Дорого бы далъ онъ прочесть хоть нѣсколько страницъ этой исповѣди.

На площадкѣ до него съ лѣстницы долетѣлъ окликъ. Его остановилъ голосъ матери—сильный и глуховатый, съ замѣтной вибраціей, вызывавшій въ немъ чувство почти дѣтскаго подчиненія.

Она произносила его имя на иностранный ладъ, съ чистой буквой „о“ — какъ до сихъ поръ водится въ барскихъ домахъ. Эта сословная аффектація была ему непріятна. Еслибъ онъ смѣлъ, онъ давно бы попросилъ мать не произносить такъ его имени.

Княгиня поднималась по ступенькамъ твердымъ и быстрымъ шагомъ. На площадкѣ она перевела духъ и остановилась, держась одной рукой за перила.

Крупнаго роста, съ сохранившейся таліей и еще свѣжимъ бюстомъ, она держала свою голову немного назадъ, съ высокимъ узломъ густыхъ свѣтло-каштановыхъ волосъ на маковкѣ и двумя прядями на ушахъ, которыя смягчали полноту ея щекъ, съ ровнымъ окрашиваніемъ, безъ признаковъ румянъ. Въ лицѣ все было такъ же крупно, какъ и ростъ: круглые сѣрые глаза съ толстоватыми вѣками, ротъ съ довольно длинными бѣлыми зубами, такими блестящими, точно они вышли изъ мастерской дантиста, густыя брови, выведенныя несовсѣмъ правильной дугой.

Поверхъ цвѣтного шолковаго платья, на плечахъ ея ширилась черная короткая мантилья, отдѣланная кружевомъ.

— Viens avec moi! —сказала княгиня и отворила —первая—

дверь въ обширный салонъ съ балкономъ, гдѣ сейчасъ же у двери нажала пуговку, и комната освѣтилась мгновенно.

Борисъ оставался въ своей накидкѣ, подошелъ къ одному изъ креселъ и сталъ въ неловкой позѣ.

— Ты можешь снять,—приказала ему княгиня по-французски. Весь разговоръ шелъ на этомъ языкѣ.

Онъ послушно сдѣлалъ то, что̀ ему приказала мать.

Княгиня стала говорить тихо, показывая этимъ, что и онъ долженъ ей такъ же отвѣчать.

Она начала издалека. Онъ скоро станетъ вполнѣ совершеннолѣтнимъ, и его дѣло—принимать участіе въ интересахъ своей фамиліи, а не жить нелюдимомъ-чудакомъ, который точно что̀ таитъ въ себѣ. Если онъ такого высокаго мнѣнія о своемъ умѣ и возвышенныхъ чувствахъ, то пускай онъ и докажетъ это. Она—какъ мать и фактическая глава семьи — могла бы обойтись и безъ всякаго разговора съ нимъ; но она не желаетъ, чтобы кто-либо изъ ея дѣтей имѣлъ малѣйшій поводъ въ чемъ-либо упрекнуть или заподозрить ее—даже про себя, въ глубинѣ своей души.

Это вступленіе, сказанное вѣско, какъ бы затверженными, готовыми фразами, Борисъ выслушалъ съ опущенной вбокъ головой. Послѣдняя фраза кольнула его, и онъ долженъ былъ сдержать себя, чтобы ничѣмъ не выдать налетѣвшаго на него жуткаго чувства.

— Что̀ же тебѣ угодно?—чуть слышно проронилъ онъ.

— Что̀ мнѣ угодно?—рѣзче повторила княгиня.—Мнѣ угодно, чтобы ты былъ съ твоей матерью откровеннѣе, и чтобы она знала, на что̀ ей разсчитывать, на какія чувства съ твоей стороны. Кого ты больше любишь—отца или мать твою—я въ это входить не желаю. Это дѣло твоей совѣсти. На твою исключительную привязанность я и не разсчитываю — говорю тебѣ это прямо. Я предполагаю, что ты считаешь твоего отца... жертвой...

Борисъ молчалъ.

— Ты такой образцовый христіанинъ... для твоихъ лѣтъ, по моему, немного святоша—un bigot,—выговорила она особенно вѣско.—Кто старается о спасеніи своей души...

Онъ хотѣлъ остановить ее, и сдѣлалъ только чуть замѣтный жестъ рукой.

— ...Тотъ,—продолжала княгиня, подаваясь немного впередъ, —долженъ, прежде всего, отвѣчать *да* или *нѣтъ*... Такъ вѣдь говорится и въ Евангеліи, если мнѣ не измѣняетъ память?..

— Ты мнѣ не ставила вопроса, — сказалъ смѣлѣе Борисъ,

и щеки его порозовѣли.—Ты говорила о своемъ предположеніи. Это не одно и то же.

Княгиня тихо разсмѣялась.

— Какія фарисейскія тонкости! Чудесно! Ты и тутъ хочешь ускользать.

— Нѣтъ, я скажу тебѣ прямо. Я не могу рѣшить—жертва ли отецъ, и *чего* онъ больше жертва. Не могу по совѣсти, а не изъ желанія уклоняться отъ отвѣта. Но чего-то онъ жертва—скажу и я, такъ какъ ты употребила сама это выраженіе.

Онъ выговорилъ все это медленно, но не боязливо, тономъ тихаго убѣжденія.

Княгиня встала и начала ходить по гостиной.

— А! Вотъ что̀! Я ждала чего-нибудь именно въ этомъ родѣ.

Приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ сынъ, она придвинула кресло и сѣла противъ него, уперевъ руки въ колѣни.

— Ты, стало быть, не находишь, что твой отецъ дѣлается съ каждымъ днемъ все невозможнѣе? Вчера ты былъ опять свидѣтелемъ, какъ онъ велъ себя за обѣдомъ и послѣ того. Что-жъ, по-твоему, это — слова, поступки человѣка въ полномъ обладаніи своимъ умомъ?

— Я не могу судить объ этомъ,—отвѣтилъ Борисъ и немного отодвинулся назадъ.

— Не можешь? Отчего же другіе могутъ? Всѣ: братъ твой, сестра, его другъ. Сейчасъ я сидѣла у твоей grand' tante. Она прямо показала мнѣ, всѣмъ своимъ тономъ, что ей невыносимы такія дикія выходки князя. Съ какой стати будетъ она выносить ихъ? Мы въ ея домѣ.

— Нанимаете у нея квартиру,—поправилъ Борисъ.

— И только! Я знаю, ты позируешь во всякія добродѣтели. Тебѣ ничего не нужно... Но ты—не одинъ. Изъ-за сумасбродства твоего отца я не могу—какъ мать моихъ дѣтей—упускать ихъ прямой интересъ...

— Какой?—остановилъ Борисъ—и улыбнулся.

— Ты не понимаешь? Это дерзость, милый мой, и больше ничего. Я вижу окончательно, какія въ тебѣ чувства. Но я этимъ смущаться не буду. То, что̀ я въ эту минуту дѣлаю—дѣлаю я для себя, а не для тебя. Ты этого не стоишь. И моя совѣсть чиста... До сихъ поръ я терпѣла, я принимала всѣ мѣры, какія могла. Я ограждала интересы моихъ дѣтей... и твой, въ томъ числѣ—прошу тебя помнить. Но у меня нѣтъ никакихъ гарантій, что завтра отецъ твой сдѣлаетъ что-нибудь такое, что̀

лишитъ меня возможности дѣйствовать... Неужели ты этого не понимаешь?

— Если ты въ мирѣ съ твоей совѣстью, то чего же больше? Вотъ все, что̀ я могу тебѣ сказать.

Онъ поднялся.

— Благодарю. Послѣ такого съ твоей стороны доказательства твоихъ чувствъ ко мнѣ, я въ правѣ предположить, что ты первый пойдешь доносить на меня... туда.

И она указала рукой на дверь, въ корридоръ.

— Доносить?—повторилъ Борисъ, и тутъ только губы его дрогнули.—Зачѣмъ же ты меня оскорбляешь, мать? То, на что̀ ты намекала... я не вижу ясно, на что̀... Если противъ отца моего ты готовишь что-нибудь нехорошее—ты возьмешь на свою душу тяжелый грѣхъ... И оставить его безъ всякой помощи я не могу!.. Спасибо, что ты меня предупредила.

Она обмахнула лицо платкомъ. Краска отлила отъ щекъ. Сынъ зналъ, что это признакъ сильнаго гнѣва; но княгиня Евпраксія Андреевна умѣла себя сдерживать.

— C'est bien, c'est bien! — неестественной скороговоркой вырвалось у нея. Она быстро пошла къ двери въ свою спальню. —Je ne te retiens plus!

Ея крупная фигура уже исчезла въ дверяхъ; а Борисъ все еще стоялъ около своего кресла, точно не рѣшаясь двинуться.

„Значитъ, я былъ правъ,—подумалъ онъ,—что-то такое готовится“.

Но идти къ отцу онъ не посмѣлъ. Съ чѣмъ онъ къ нему явится, чего бы князь не могъ самъ ожидать?

IV.

На третій день, часу въ шестомъ, поѣздъ, пришедшій сверху, изъ Франкфурта, тихо вползалъ подъ навѣсъ новаго нряднаго дебаркадера. Погода была теплая, почти жаркая. Пріѣхало много народу изъ ближайшихъ городовъ — на вечерній праздникъ въ кургаузѣ.

Были въ поѣздѣ и дальніе пассажиры. Одинъ изъ нихъ не сразу выскочилъ изъ своего отдѣленія вагона, вышелъ послѣднимъ, далъ пройти сутолокѣ и неторопливо подозвалъ носильщика въ красномъ кожаномъ картузѣ.

— Есть ли швейцаръ отъ отеля „Терминусъ“? — спросилъ онъ его по-нѣмецки, съ сильнымъ русскимъ акцентомъ.

Носильщикъ крикнулъ въ ту сторону, гдѣ у самаго навѣса стояли омнибусы и кареты:

— „Terminus“!

Приблизился коренастенькій молодой швейцаръ, въ фуражкѣ съ галуномъ, взялъ отъ носильщика два дорожныхъ мѣшка и получилъ отъ него квитанцію на сундукъ.

Пассажиръ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ одной изъ тѣхъ наружностей, какую вы сейчасъ же признаете за русскую въ тысячной разноязычной толпѣ. Круглая голова, курчавая, совсѣмъ по-крестьянски, или какъ бываетъ иногда у дьяконовъ и священниковъ, такая же своеобразная борода, темная, подстриженная, мелкія для роста черты лица, искристые каріе глаза, слѣды рябинъ на крыльяхъ короткаго носа, постоянная усмѣшка на толстоватыхъ губахъ, похожая на выраженіе глазъ. Всего чаще вы встрѣчаете такія лица и фигуры на Волгѣ, среди промысловаго люда. При худобѣ онъ былъ плечистъ, широкъ въ кости, на ходу дѣлалъ большіе шаги и помахивалъ правой рукой. Одѣтъ онъ былъ старательно: въ новомъ свѣтломъ пальто и сѣрыхъ лѣтнихъ панталонахъ, на головѣ фётровая шляпа, въ видѣ низковатаго цилиндра.

Шагая за швейцаромъ, который несъ два его мѣшка, онъ оглядывался въ обѣ стороны. Эту площадь онъ сразу не узналъ. Здѣсь онъ былъ давно, больше десяти лѣтъ назадъ, когда заѣзжалъ сюда изъ Гейдельберга и попалъ впервые за границу съ однимъ богатымъ золотопромышленникомъ, страдавшимъ прогрессивнымъ параличомъ.

Тогда была тутъ деревянная станція съ навѣсомъ, на деревянныхъ же столбахъ—такая скромная и добродушная—не эти каменныя палаты съ павильонами и электрическими шарами у подъѣзда и залой въ два свѣта для пассажировъ. Напротивъ вокзала—сколько онъ могъ припомнить — поднимался пустырь, шедшій къ лѣсу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ высится нарядный фасадъ отеля „Терминусъ“. Онъ его нарочно и выбралъ, узнавъ дорогой отъ разговорчиваго нѣмца, что противъ вокзала есть новая гостинница съ „лифтомъ“ и недурнымъ ресторамомъ.

По его соображеніямъ, ему удобнѣе было остановиться не въ центрѣ, у курзала,—въ одномъ изъ небольшихъ отелей.

Швейцаръ, не мѣняя своего размѣреннаго шага, поднялся на крыльцо. Оберъ-кельнеръ встрѣтилъ пассажира по-французски, сразу принявъ его за иностранца. Черезъ пять минутъ пріѣзжій уже разбирался въ уютномъ номерѣ, съ вѣнской мебелью, окнами на площадь, и, раскладывая на столѣ свои дорожныя вещи,

любовался панорамой городка, полнаго красивыхъ виллъ на своихъ зеленыхъ холмахъ во всѣ стороны.

Да, больше десяти лѣтъ назадъ попалъ онъ впервые сюда,— цѣлыя тринадцать. Тогда онъ—безвѣстный врачъ, еще не сдавшій докторскаго экзамена—считалъ для себя не малой удачей состоять при богатомъ паралитикѣ, и побывать попутно въ нѣкоторыхъ клиникахъ Германіи.

Ему еще нѣтъ полныхъ сорока лѣтъ, и онъ — уже крупное имя, одинъ изъ видныхъ профессоровъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ добился онъ этого положенія, и только себѣ—своему знанію, характеру, таланту—обязанъ имъ. Имя „Ильи Ѳедоровича“ извѣстно теперь всюду—и въ обѣихъ столицахъ, и во всѣхъ университетскихъ городахъ, и въ провинціальныхъ захолустьяхъ.

Нѐдруги—а ихъ не мало—ругаютъ его „попòвичемъ“, „выскочкой“, „карьеристомъ“, а можетъ, и похуже того. Онъ дѣйствительно сынъ дьякона въ одной изъ заяузскихъ церквей, въ Москвѣ, и самъ могъ попасть въ дьяконы. Въ университетъ онъ поступилъ, побывавъ сначала въ духовной академіи, гдѣ ему не показалось, да и совѣсть не позволила продолжать дольше готовить себя къ такому званію, для котораго нужна вѣра въ откровенную истину, а онъ ее не могъ сохранить въ себѣ, и къ тому времени окончательно утратилъ.

Фамилія у него демократическая; но не семинарская, а скорѣе купеческая—Мѣдниковъ. И семинарской онъ не стыдится, испытывая на себѣ правду пословицы: „знаютъ попа и въ рогожкѣ“.

Илья Ѳедоровичъ любилъ все дѣлать безъ торопливости. Разложивъ на столѣ то, чтò ему нужно было, и умывшись, онъ прилегъ на кушетку, противъ окна, выходившаго на площадь фонарикомъ, и не могъ не сознать, что онъ чувствуетъ себя гораздо менѣе спокойнымъ, чѣмъ бы ему слѣдовало, какъ профессору-спеціалисту, вызванному по дѣлу.

Никогда еще въ своей практикѣ не стоялъ онъ передъ такимъ именно вопросомъ профессіональной совѣсти, съ чисто-личнымъ „осложненіемъ“.

Умеръ ли въ немъ прежній Мѣдниковъ, тотъ, чтò десять лѣтъ назадъ проходилъ черезъ мученія молодой страсти, которая могла его довести до... чего?

„До подлости“,—твердо выговорилъ онъ про себя.

Почему же онъ почувствовалъ въ себѣ, какъ только очутился здѣсь, на этихъ водахъ, не сильное, но несомнѣнное душевное

волненіе? Вѣдь здѣсь онъ и увидалъ, впервые, женщину, чтò могла довести его, быть можетъ, и до преступленія, еслибъ она сама, измучивъ его, не вызвала въ немъ гнѣвнаго протеста мужчины, и онъ не убѣжалъ... „съ достоинствомъ"—какъ говорится и пишется въ этихъ случаяхъ.

А отдайся она ему вполнѣ—на чтò онъ способенъ былъ бы пойти добровольно, въ опьяненіи страсти, въ отплату за свою побѣду надъ такой женщиной, какой она была десять лѣтъ назадъ? На прямое нарушеніе своего долга, какъ врача... Какое! На все, на все, быть можетъ—вплоть до преступленія!.. Въ этомъ онъ не хочетъ себѣ лгать, особенно теперь, по прошествіи цѣлыхъ десяти лѣтъ.

Скажи она ему тогда — „я буду ваша, если вы пойдете на все, чтò я вамъ прикажу сдѣлать"—онъ ни секунды бы не колебался,—зажмуря глаза, онъ ринулся бы въ какую угодно хлябь. И очутился бы преступникомъ—героемъ на извѣстный аршинъ; но въ глазахъ каждаго честнаго врача—жалкимъ чувственникомъ, способнымъ и на всякую другую гнусность.

На все это прошлое онъ давно поставилъ крестъ; но можетъ ли онъ ручаться за то, что въ немъ не таится искры подъ пепломъ? Нѣтъ нужды, что этой женщинѣ теперь зà сорокъ лѣтъ. Она могла сохраниться и навѣрно сохранилась: *такія* не опускаются, какъ прочія женщины, и будутъ бороться съ годами до крайней возможности.

Но, положимъ, онъ увѣренъ въ себѣ... Чтобы доказать эту увѣренность, онъ и не счелъ достойнымъ себя—уклониться отъ того, о чемъ его попросили, на дняхъ, въ дружескомъ письмѣ, гдѣ все было такъ благородно по тону и такъ — повидимому— дышало искренностью и силой характера, которую жизнь еще совсѣмъ не сломила. Ему даже польстило это неожиданное письмо.

И чтò же естественнѣе, какъ такое обращеніе?

Онъ—извѣстный профессоръ. Прошло столько лѣтъ. Можетъ быть, онъ уже женатъ; то, чтò между ними было—ни въ какомъ случаѣ не повторится. Въ письмѣ на это прошлое не было и намека, а говорилось о томъ уваженіи, какое человѣкъ „его правилъ" способенъ оставить въ женщинѣ, умѣющей оцѣнить его нравственныя достоинства. Узнала она о томъ, что онъ по близости, въ какихъ-нибудь пяти часахъ ѣзды, также въ курортѣ—самымъ обыкновеннымъ образомъ: прочла въ мѣстной „Kurliste", которая попала ей въ руки въ читальнѣ. „Подхода" тутъ быть не можетъ, кромѣ желанія воспользоваться его зна-

ніемъ и авторитетомъ, въ рѣшительную минуту, когда она пришла сама къ тому выводу, что надо принять болѣе энергическія мѣры, въ виду возростающаго душевнаго разстройства въ человѣкѣ, который болѣе года былъ его паціентомъ.

Онъ, все еще лежа на кушеткѣ, протянулъ руку къ столу и взялъ небольшую записную книжку, уже потертую, въ коленкоровомъ переплетѣ, потерявшемъ свой первоначальный цвѣтъ.

Книжкѣ было больше десяти лѣтъ. Она у него сохранилась, какъ и всѣ его „записи", съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ систематически заниматься по своей спеціальности.

А этотъ „скорбный листъ" велся имъ для одного—тогда его главнаго—паціента, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Записи были прерваны... онъ сейчасъ же отыскалъ—гдѣ и на какомъ наблюденіи. Но нѣсколькими листками дальше—сокращенно, какъ онъ привыкъ записывать семинаристомъ и студентомъ въ классахъ и аудиторіяхъ—у него поставленъ былъ третій по счету діагнозъ—подробно, такъ подробно, что теперь, черезъ слишкомъ десять лѣтъ, онъ могъ совершенно отчетливо представить себѣ всю картину болѣзненнаго состоянія этого паціента, съ его наружностью, манерами, голосомъ, всѣми привычками, разными его „штучками", утонченной вѣжливостью, пестрымъ языкомъ и такой же пестрой манерой одѣваться. Даже духами, какими тотъ душился, точно запахло около него, и онъ нисколько не удивился такой ассоціаціи идей.

Между вторымъ и третьимъ діагнозомъ прошло больше двухъ мѣсяцевъ. Онъ ихъ теперь прикинулъ одинъ къ другому, проходя, отдѣльно, параграфы, отмѣченные римскими цифрами въ красныхъ строкахъ.

Второй діагнозъ былъ въ согласіи съ первымъ, съ очень малыми дополненіями. Тогда его паціентъ представлялся ему какъ субъектъ съ „болѣзненно повышеннымъ самочувствіемъ", въ періодѣ, болѣе или менѣе близкомъ къ „психопатическимъ осложненіямъ". Подробно записано было, въ самомъ началѣ книжки, все прошедшее паціента, его дѣтство, воспитаніе, то, что отецъ страдалъ подагрой и въ молодости былъ знаменитый кутила, нервность и мистицизмъ его матери, то, что онъ, до юношескаго возраста, жилъ постоянно въ южномъ, разслабляющемъ климатѣ, что въ немъ все развивало сентиментальную чувственность, при формальномъ, слишкомъ стѣснительномъ надзорѣ: у него былъ даже особый ученый *дядька*, котораго онъ называлъ старымъ словомъ „menin", какъ когда-то у французскихъ дофиновъ;—вліяніе идей и вѣрованій матери, потомъ внезапная полная воля,

огромное состояніе, исканіе если не подвиговъ, то сильныхъ ощущеній, когда его въ теченіе пяти лѣтъ кидало изъ стороны въ сторону—и въ дальнія поѣздки, по экзотическимъ странамъ, и на войну, и въ бурный кутежъ, вплоть до буйства, и въ неистовые любовные „эксцессы", и въ поиски духовной истины, въ увлеченіе разными книжками, доктринами, спиритизмомъ, буддизмомъ, въ писаніе всякихъ брошюръ, исповѣдей, стиховъ, даже видѣній; словомъ, въ „графоманію",—поставилъ онъ тогда только-что входившій въ моду терминъ. И въ этотъ-то мятежный періодъ, уже полный фактовъ ненормальнаго свойства, какъ молнія, слетѣла на него страсть къ той, съ кѣмъ онъ, до сихъ поръ, коротаетъ свой вѣкъ. Тогда ему минуло всего двадцать-два года. Онъ женатъ немногимъ больше, и по записи выходило, что ему теперь идетъ сорокъ-шестой годъ. Жена всего на три года моложе его.

Весь десятилѣтній періодъ женатой жизни записанъ также подробно. Просматривая его, профессоръ вспомнилъ все то—что̀ онъ съумѣлъ узнать отъ самого паціента (это, впрочемъ, не было особенно трудно), и что̀ сообщала ему жена его.

Этимъ „объективнымъ" показаніямъ онъ не сразу сталъ довѣрять. Въ началѣ онъ даже довольно скептически относился къ нимъ, распознавъ, что тутъ все держится на почвѣ борьбы двухъ существъ, связанныхъ супружеской цѣпью, при чемъ мужъ—слабовольный, импульсивный „индивидъ", съ женскимъ душевнымъ складомъ, а жена—напротивъ, уравновѣшенное созданіе, съ крѣпчайшими нервами, богатымъ тѣломъ, привычкой и умѣньемъ властвовать. Но это недовѣріе стало скоро пропадать, и теперь ему ясно было: до какой степени врачъ подчинялся, съ каждой недѣлей,—мужчинѣ, молодому человѣку, въ которомъ просыпалось нѣчто, въ чемъ онъ еще не могъ или не хотѣлъ дать себѣ отчета.

Разбирая еще разъ оба діагноза, онъ, съ неодобрительной усмѣшкой надъ тѣмъ увлеченнымъ молодымъ мужчиной, распознавалъ весь ходъ его настроеній. То, что̀ во второмъ діагнозѣ было еще только „аффективными" неровностями отъ слабо развитыхъ „задерживающихъ" центровъ,—то въ третьемъ и послѣднемъ діагнозѣ переходило уже въ признаки несомнѣннаго *психоза*, при чемъ, съ особенной виртуозностью характеризовались всѣ такіе признаки, и въ концѣ стояло предположеніе—въ очень категорической формѣ (хотя и сдѣланное больше для себя), что въ скоромъ времени могутъ показаться и несомнѣнные симптомы „P. G."—(Paralysie générale), какъ онъ кратко обозначилъ тер-

минъ, усвоивъ это на лекціяхъ „Сальпетріеры“, куда ходилъ цѣлый семестръ къ Шаркò.

Все онъ записалъ, правда, для своего „свѣдѣнія и руководства“, но еслибъ тогда, передъ его внезапнымъ отъѣздомъ, онъ былъ приглашенъ на консультацію—не просто клиническую, а судебно-медицинскую—развѣ бы онъ затруднился высказаться, даже въ оффиціальномъ званіи, въ духѣ этихъ записей?

Вопросъ этотъ вызвалъ легкую краску на его загорѣлыя щеки. Онъ отложилъ книжку и лежалъ съ полузакрытыми глазами, перебирая, въ прошломъ, факты, которые произошли какъ разъ въ тѣ дни, когда онъ ставилъ свой третій діагнозъ, или немного раньше.

Развѣ онъ, какъ врачъ, занявшій особое положеніе въ домѣ, не дѣйствовалъ на паціента такъ, какъ теперь онъ счелъ бы совершенно недопустимымъ, почти преступнымъ?

Вмѣсто того, чтобы всячески отклонять тревожную мысль паціента о возможности бòлѣе серьезнаго душевнаго разстройства, онъ его приводилъ къ ней—не прямо, а разными своими недомолвками, намеками и неискренними совѣтами.

— Однако вѣдь это подло!—вдругъ вскричалъ онъ вслухъ, всталъ съ кушетки и началъ ходить по комнатѣ.

Положимъ, ничего онъ такого не сдѣлалъ, за чтò бы его могли судить его коллеги по серьезной практикѣ. Но онъ сталъ, въ это время, прямо на сторону жены, рѣзко измѣнилъ свои взгляды, сдѣлался уже не объективнымъ служителемъ врачебной науки, а какъ бы сообщникомъ, хотя и безъ формальнаго уговора.

И въ тѣ именно дни владѣла имъ лихорадка, страсти, слѣпила ему глаза, притупляла нравственный контроль надъ собою, могла довести его до кроваваго дѣла. Паціентъ сталъ для него противенъ до-нéльзя. Еще въ первые дни у него были проблески неловкости, сознаніе, что онъ играетъ роль, недостойную честнаго человѣка, а тѣмъ болѣе врача. Но совѣсть замолчала. Передъ нимъ торчалъ только жалкій клиническій субъектъ, котораго надо было лишить, скорѣе, возможности быть полноправнымъ главой дома и распорядителемъ своего состоянія. Развѣ ему неизвѣстны были всѣ его недавнія сумасбродства, которыя грозили разореніемъ?..

И онъ, сознательно и обдуманно, какъ театральный „злодѣй“, привелъ его самого къ согласію на такой актъ воли, какого добивалась его жена. Пожалуй, и тутъ не было ничего особенно дурного. Всякій бы, на его мѣстѣ, считалъ такого паціента

способнымъ на новыя опасныя сумасбродства. Всякій, но *не онъ*, не врачъ, очутившійся самъ въ *его* положеніи.

Отъ теплаго воздуха или отъ этого раздумья, но лобъ его сталъ влажнымъ. Онъ спустилъ стору и опять прилегъ на кушетку.

Никакъ не ожидалъ онъ, подъѣзжая сюда, что самъ произведетъ себѣ такой „ретроспективный“ экзаменъ.

„Все это было и быльемъ поросло“,—успокоительно промолвилъ онъ, про себя, и тотчасъ же, тряхнувъ головой, подумалъ:

„А не лучше ли будетъ сегодня не давать туда знать, что я уже здѣсь“?

Въ его депешѣ, посланной третьяго дня, онъ извѣщалъ, что пріѣдетъ; но дня и часа не обозначилъ.

Теперь онъ желаетъ, превыше всего, быть абсолютно свободнымъ. За себя онъ ручается. Страсть канула давно въ прошлое. Для него она и тогда была только временнымъ „аффектомъ“, отъ котораго онъ, правда, убѣжалъ и ринулся... Во что̀? Въ науку же, но уже съ опредѣленной задачей—выработать изъ себя не зауряднаго практика, а научнаго дѣятеля.

И онъ достигъ своего—научился ничего не бояться, ни въ людяхъ, ни въ себѣ самомъ.

V.

Въ отелѣ профессоръ не остался ужинать. Около восьми часовъ онъ пошелъ, въ томъ же пальто, но въ другомъ платьѣ, по направленію къ кургаузу.

Онъ довольно отчетливо помнилъ, что надо идти все прямо, по берегу рѣчки, размѣромъ не больше хорошаго горнаго ручья, и въ какую улицу повернуть; тамъ начинаются уже аллеи парка, съ того угла, гдѣ стоитъ большой отель съ садомъ, и справа—подъемъ въ гору, къ золотоглавой капеллѣ въ византійскомъ стилѣ.

Было еще свѣтло. Все цвѣло по дорогѣ—сирень, боярышникъ, каштаны, кусты, залитые бѣлыми гроздьями, точно снѣжками, и роскошныя азаліи, на куртинахъ площадки, передъ галереей источниковъ—съ мраморнымъ бюстомъ стараго императора.

Дышалось ёмко, идти было какъ-то особенно легко. Вечеръ проведетъ онъ на воздухѣ, поужинаетъ въ ресторанѣ кургауза, послушаетъ оркестръ и пойдетъ гулять, вдоль долины, по знаменитой аллеѣ, до самаго селенія съ монастыремъ.

Завтра онъ будетъ чувствовать себя еще болѣе „уравновѣшеннымъ“, успѣетъ обдумать—во всѣхъ деталяхъ—какого ему держаться тона, принимать или не принимать на себя какую-либо отвѣтственность.

Письмо захватило его немного врасплохъ. Онъ могъ бы и отклонить эту поѣздку; но теперь было бы уже малодушно:—обратиться вспять, не показавшись. Еслибъ онъ кого-нибудь и встрѣтилъ сейчасъ на „Promenade“, у музыки—тѣмъ лучше. Можетъ случиться, что онъ сразу не узнаетъ ни мужа, ни жены. Дѣти были еще мелкими подростками десять лѣтъ тому назадъ. Старшаго, лицеиста, онъ видалъ мало, когда тотъ пріѣзжалъ на вакаціи изъ Петербурга; но наружность и весь складъ натуры второго сына ему прекрасно памятны. Онъ былъ вылитый отецъ. Но въ десять лѣтъ мальчикъ превратился въ юношу. Дѣвочка была похожа на старшаго брата, рослая, полная—въ мать, только менѣе красива.

Разстояніе до кургауза показалось ему очень небольшимъ, онъ шелъ какихъ-нибудь десять минутъ. У зеленой будочки, гдѣ стоялъ лакей въ синемъ фракѣ, онъ купилъ входный билетъ и вошелъ въ ограду. Публика собиралась. Подъ колоннадой пестрѣли дамскіе туалеты. На длинной галереѣ кафе-ресторана столы почти всѣ были уже заняты.

Онъ прошелъ къ верандѣ ресторана и сѣлъ у самыхъ перилъ, наискосокъ отъ павильона музыки.

Лампы съ цвѣтными абажурами придавали сервировкѣ франтоватость, напоминавшую ему Монте-Карло, куда онъ попалъ въ прошломъ году.

Оркестръ заигралъ неизвѣстную ему увертюру. Музыку онъ мало зналъ, кромѣ нѣкоторыхъ излюбленныхъ симфоній и сонатъ. И Вагнера не понималъ, находя, что его нервная система не выноситъ умышленной „гипнотизаціи“, посредствомъ лязга мѣди и пиликанья скрипокъ на высокихъ нотахъ.

Ужиналъ онъ не торопясь, съ большимъ аппетитомъ. Спросилъ полъ-бутылки рейнвейна и, послѣ ѣды, чашку кофе.

Только за кофеемъ и чаемъ онъ позволялъ себѣ выкурить сигару. И все, что̀ онъ дѣлалъ: ѣда, куренье—выходило у него замѣчательно изящно, также какъ и его манера одѣваться и держать себя.

По всему этому никто бы не могъ признать въ немъ бывшаго семинариста. Это ему стоило долгой работы надъ самимъ собою; а ученье въ Парижѣ додѣлало такого рода выучку. Между

нимъ и всѣми нѣмцами кругомъ сказывалась рѣзкая разница и помимо его черезчуръ русской головы бытового типа.

Среди нѣмцевъ, онъ ни на террасѣ, ни внизу за столиками, ни въ числѣ гуляющихъ, совсѣмъ что-то не замѣчалъ иностранцевъ—ни англичанъ, ни русскихъ. Ни одного французскаго звука. И эти вòды — когда-то, при рулеткѣ, сборный пунктъ свѣтской Европы—очень онѣмечились, какъ и всѣ тѣ, куда онъ, въ послѣдніе годы, попадалъ.

За кофеемъ и сигарой, всматриваясь въ лица женщинъ — онъ слѣдилъ за собою, по привычкѣ къ постояннымъ психическимъ наблюденіямъ: не чувствуетъ ли онъ хоть небольшой тревоги, вродѣ той, которая закралась было въ него, тамъ, въ отелѣ „Терминусъ“, когда онъ прилегъ на кушетку и потомъ взялъ въ руки старую книжку записей?

Увѣренность въ себѣ была полная. Подойди къ нему, вотъ сейчасъ, та, по чьей просьбѣ онъ согласился пріѣхать сюда— онъ знаетъ, что ни малѣйшаго признака смущенія не выразитъ его лицо, и внутренно онъ ничего не ощутитъ.

Онъ впередъ зналъ, что она выкажетъ легкое удивленіе, подойдетъ къ нему и любезно попеняетъ за то, что онъ не далъ ей знать о часѣ прихода поѣзда.

Время сдѣлало свое. Ему нечѣмъ смущаться. Роли перемѣнились. Теперь *онъ* ей нуженъ и—судя по тону письма—сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Положимъ, она и здѣсь, за границей, могла бы обратиться къ нѣсколькимъ знаменитостямъ; но ей представилась болѣе подходящая комбинація, и на консиліумѣ онъ, какъ бывшій врачъ этого больного, можетъ авторитетно повліять на мнѣніе своихъ коллегъ-иностранцевъ.

Мимо террасы, гдѣ онъ тихо докуривалъ сигару и слушалъ вальсъ, ему неизвѣстный, двигались, взадъ и впередъ, при мерцаніи газовыхъ фонарей, ряды гуляющихъ. Толпа была хорошо одѣта, но не особенно изящна. Изрѣдка стройный женскій станъ выдѣлялся и останавливалъ на себѣ взглядъ. Розовая тонкая фигура заставила его податься впередъ и пристальнѣе всмотрѣться въ нее. По срединѣ двухъ плотныхъ дамъ, въ богатыхъ атласныхъ накидкахъ, шла молодая дѣвушка, блондинка, вся въ розовомъ, съ высокимъ ошейникомъ, въ узкой юбкѣ, и въ одной рукѣ держала черную мантилью, а другой опиралась о трость и немного прихрамывала.

Было что-то въ ней непохожее на всѣхъ этихъ фрейлейнъ и фрау, и въ профилѣ, и въ туалетѣ, и въ посадкѣ головы, подъ

высокой шляпой, открывавшей ея затылокъ—въ густыхъ, волнистыхъ волосахъ.

„Навѣрно, расшиблась на велосипедѣ“, съ усмѣшкой подумалъ онъ.

Привычнымъ глазомъ врача онъ сейчасъ же разглядѣлъ, что прихрамываетъ она не оттого, что у нея одна нога короче другой. Это — только послѣдствіе ушиба или легкаго вывиха, при паденіи.

Къ женской красотѣ и граціи онъ и теперь еще довольно воспріимчивъ. Но вотъ ему скоро минетъ сорокъ лѣтъ, и никто еще не захватилъ его... съ той его первой и единственной страсти. И къ браку его не тянетъ. Одиночество, до сихъ поръ, не тяготитъ его настолько, чтобы мечтать о „тихой пристани“. Эти годà—отъ тридцати-пяти до сорока—самый критическій періодъ для холостяковъ. И онъ почти уже прожилъ его въ такой горячей и сложной умственной работѣ, что не имѣлъ и времени подумать о себѣ, о своихъ личныхъ радостяхъ.

Быть можетъ, въ него уже въѣлась привычка къ огражденію безусловной „свободы своей психіи“—этого высшаго блага человѣка на землѣ, открыто не сознаваемый страхъ передъ всѣмъ, что̀ осложнитъ его существованіе, и осложнитъ въ ущербъ всему, составляющему смыслъ всей его жизни. Практика врача и начитанность ученаго мыслителя слишкомъ много доставляли пищи для такой инстинктивной боязни. Большая часть браковъ, гдѣ онъ лечилъ одного изъ супруговъ, были главными импульсами аффектовъ, которые, на благопріятной почвѣ, переходили въ психопатическія явленія. Не въ людяхъ, самихъ по себѣ, не въ мужчинѣ или женщинѣ, а въ брачномъ *союзѣ*, въ этомъ „безсрочномъ обязательствѣ“, въ воображаемыхъ правахъ одного существа на другое, въ тысячѣ послѣдствій такого закрѣпощенія—сидитъ зло.

Мысль его забродила, а глаза шли за стройнымъ станомъ дѣвушки съ колеблющейся походкой.

Дальше, за колоннадой кургауза, фигура затерлась въ темносѣрой, болѣе густой толпѣ. Онъ сталъ разсѣянно смотрѣть на тѣхъ, кто проходилъ прямо и наискосокъ отъ него, мимо павильона музыкантовъ, гдѣ, надъ программой, освѣщенной изнутри, выставили нумеръ 6-й, что̀ показывало, что половина концерта исполнена.

Нѣсколько особо отъ другихъ шли двѣ пары. Онѣ составляли одну группу. Немного позади—молодой худощавый брюнетъ, въ

соломенной шляпѣ и короткомъ плащѣ, съ капюшономъ, какіе Мѣдниковъ уже видалъ у велосипедистовъ.

Въ первой парѣ высокаго роста дама или дѣвица, съ очень развитымъ бюстомъ, блондинка, въ свѣтлосѣромъ платьѣ, съ мужскимъ галстухомъ, и въ шляпѣ съ цѣлымъ букетомъ изъ перьевъ, лентъ, цвѣтовъ и кружевъ. Ея кавалеръ былъ ниже ея, въ беретѣ, короткихъ панталонахъ и чулкахъ. Задняя пара была менѣе эксцентрично одѣта: мужчина—хорошаго роста, совсѣмъ бритый, безъ усовъ, и стройная, съ замѣчательной таліей, молодая женщина или дѣвушка—опредѣлить было трудно—въ фуляровой рубашкѣ и темной юбкѣ. Ея шляпа была отдѣлана скромнѣе, чѣмъ у блондинки. Въ профиль, она показалась Мѣдникову очень интересной, съ длинными темными рѣсницами и красивой линіей коротваго носа.

Что-то ему сейчасъ подсказало, что это—русскіе. Онъ еще разъ поглядѣлъ на худощаваго брюнета, въ короткомъ плащѣ, и его лицо, при свѣтѣ канделябра съ газовымъ фонаремъ, всплыло передъ нимъ все. Тотъ шелъ отъ колоннады къ ресторану.

„Это... онъ... Боря!"—сейчасъ же призналъ Мѣдниковъ.

Да, это несомнѣнно „князёкъ", меньшой сынъ князя Ивана Романовича. Онъ сталъ еще разительнѣе походить на отца.

И ему припомнилось—какъ этотъ мальчикъ всегда казался ему немного страннымъ, но симпатичнымъ. Онъ старался сблизиться съ нимъ; но это ему не удалось. Тогда еще ему сдавалось, что мальчикъ подозрительно смотритъ на него, боится за отца, или ревнуетъ за мать, которую очень любилъ. Она и сама это говорила.

Мѣдниковъ позвалъ кельнера, наскоро расплатился, бросилъ окурокъ сигары и сошелъ съ террасы.

Издали онъ слѣдилъ за группой русскихъ. Различить сразу—кто изъ тѣхъ двоихъ молодыхъ мужчинъ старшій братъ Бори, и которая изъ дамъ—сестра его—онъ еще не могъ; но блондинка напомнила ему крупную дѣвочку, которую водили по-англійски, съ голыми икрами.

Подходить къ нимъ онъ не желалъ; но еслибъ столкнулся съ Борей—можно было бы назвать его, отвести въ сторону и спросить: не здѣсь ли его мать?

Его, на минуту, удержала мысль: будетъ ли той пріятно, что онъ, не повидавшись съ нею, подошелъ къ ея сыну?

Но вѣдь онъ не тайкомъ явился сюда?.. Ничего похожаго на уговоръ онъ не желаетъ. Что можетъ быть проще такой встрѣчи? И отъ этого юноши онъ навѣрно кое-что узнаетъ про

его отца; сейчасъ увидитъ—ждутъ его въ домѣ, или никто еще не предупрежденъ о его пріѣздѣ.

Брюнетъ въ короткомъ плащѣ поотсталъ отъ тѣхъ двухъ паръ; потомъ присѣлъ на одинъ изъ дивановъ, по ту сторону цвѣточныхъ клумбъ, у одного изъ канделябровъ съ газовыми фонарями.

Выходило очень удобно, тѣмъ болѣе, что онъ сидѣлъ одинъ, а диванъ на троихъ.

Профессоръ прошелся передъ диваномъ, гдѣ сидѣлъ Борисъ, смотря какъ бы въ другую сторону.

Больше онъ уже не сомнѣвался: это несомнѣнно меньшой сынъ князя Ивана Романовича Елатомскаго. И ростъ, и фигура, и глаза, и блѣдность облика, и цвѣтъ волосъ—вплоть до того, какъ онъ сидѣлъ, наклонялъ голову и складывалъ ноги.

У павильона музыкантовъ профессоръ повернулъ, приблизился замедленнымъ шагомъ къ дивану, выжидая, что Борисъ замѣтитъ его и, быть можетъ, первый узнаетъ.

Но тотъ сидѣлъ уже съ опущенной головой, ни на кого не глядя.

И когда Мѣдниковъ сѣлъ около него—онъ не сразу оглянулся, и сдѣлалъ движеніе, точно желая подвинуться и дать мѣсто.

— Борисъ Ивановичъ...—заговорилъ Мѣдниковъ, приподнимая шляпу.—Вы меня, конечно, не признали?

Голосъ у профессора былъ высокій, съ сильнымъ московскимъ „ǻканьемъ“, отъ котораго онъ не могъ освободиться.

Борисъ весь встрепенулся, поднялъ голову, глаза его замигали.

Голосъ онъ узналъ, а потомъ тотчасъ же и курчавую голову доктора, и его лицо, и фигуру.

— Это... это вы... докторъ?—смущенно выговорилъ онъ, приподнялся, снялъ шляпу, но руки не протягивалъ.

И въ его, такихъ же, глубоко посаженныхъ въ орбиты, глазахъ, какъ и у отца, психіатръ успѣлъ схватить сложное выраженіе—неожиданности и еще чего-то, если не враждебнаго, то подозрѣвающаго.

— Вы меня узнали, докторъ?—поспокойнѣе и помягче тономъ спросилъ Борисъ и сѣлъ на свое мѣсто, запахнувшись въ плащъ.

„Однако, ты мнѣ руки-то не подаешь!“—подумалъ Мѣдниковъ и немного разсердился. — „Блажной папенька твой куда вѣжливѣе“.

— Вы, Боря, очень мало измѣнились,—заговорилъ онъ тономъ старшаго и своего, домашняго человѣка.—Только еще болѣе стали похожи на своего папу.

И тотчасъ же, будто шутя, онъ спросилъ:

— А какъ здоровье князя?

Борисъ опустилъ глаза, и волненіе его чуть замѣтно сказывалось въ нервномъ дрожаніи вокругъ рта. Отъ Мѣдникова оно однако не укрылось.

— Папа лечится... беретъ ванны... и ему обкладываютъ ноги „fango".

— Чѣмъ?—переспросилъ съ усмѣшкой профессоръ.

— Это такая грязь... кажется, вулканическая. Ее привозятъ изъ Италіи, изъ мѣстечка Абацція, около Падуи.

— Вотъ чтò! А княгиня—въ добромъ здоровьѣ?

— Мама здорова.

Тонъ Бориса оставался все такимъ же. Не застѣнчивость, а внутреннее стѣсненіе сказывалось въ немъ. И вдругъ онъ вскинулъ на Мѣдникова свои красивыя темныя рѣсницы и другимъ голосомъ, точно ему перехватило горло, спросилъ:

— Вы проѣздомъ здѣсь, профессоръ?

Слово „профессоръ" показывало его собесѣднику, что Борисъ знаетъ, чтò сталось съ тѣмъ врачомъ, который когда-то состоялъ при его отцѣ.

— Вы, значитъ, про меня кое-что слышали?—все такъ же зàпросто замѣтилъ Мѣдниковъ.

— Да, вы занимаете каѳедру психіатріи...—выговорилъ Борисъ съ маленькой запинкой.

— Такъ точно.

— И вы пріѣхали сюда, быть можетъ, для консультаціи?

Онъ быстро придвинулся къ Мѣдникову и сталъ говорить порывисто, почти шопотомъ, не глядя на него.

— Прошу васъ, докторъ... какъ честнаго человѣка... сказать мнѣ всю правду. Васъ вызвала сюда мать моя?

Мѣдниковъ никакъ не ожидалъ такого обращенія къ себѣ. Значитъ, о его пріѣздѣ уже говорятъ въ домѣ.

— Развѣ вы объ этомъ что-нибудь слышали? — спросилъ онъ, сознавая, что теряетъ тонъ съ этимъ страннымъ юношей.

— О васъ я ничего не слыхалъ. Но я имѣлъ какъ бы предчувствіе. Отецъ ничего не предполагаетъ. Вѣрьте... мнѣ слишкомъ многаго стоитъ говорить съ вами объ этомъ. Если вы дѣйствительно вызваны сюда, профессоръ,—умоляю васъ поз-

вольте мнѣ имѣть съ вами свиданіе... Васъ самъ Богъ посылаетъ!..

Онъ остановился, точно испугавшись чего-то, и тотчасъ же поднялся.

— Успокойтесь!—отвѣтилъ Мѣдниковъ, тоже поднимаясь.— У вашихъ я буду... завтра. Кстати, вы мнѣ скажите—гдѣ вы живете. Но позвольте и мнѣ взять съ васъ слово, что вы не будете, безъ всякой надобности, тревожить отца вашего. Да лучше будетъ, если вы ничего о нашей встрѣчѣ не сообщите и княгинѣ... Даете мнѣ слово?

— Даю. Простите... вамъ моя просьба могла показаться дикой... Я не имѣю права подозрѣвать...

И не договоривъ, онъ быстро удалился, и опять не подалъ руки.

Профессоръ поглядѣлъ ему вслѣдъ и подумалъ:

„Да и сынокъ, пожалуй, въ такомъ же состояніи, какъ и папенька“.

Но его охватило досадливое чувство на самого себя: съ какой стати подлетѣлъ онъ къ этому чудаковатому юношѣ? Простое благоразуміе требовало воздержаться отъ всякой нескромности. Видно, въ немъ—и по прошествіи десяти лѣтъ—не улеглась тревога?..

Но если только этотъ князёкъ не психопатъ, то просьба выслушать его наединѣ—показываетъ, что дѣйствительно есть какой-то новый „скéлетонъ“ въ княжескомъ домѣ, и ему вдвойнѣ нужно оградить себя отъ всякаго сторонняго вліянія.

Онъ сильно задумался, все еще сидя на диванѣ.

VI.

— Съ кѣмъ это могъ говорить Борька? Навѣрно, русскій... Ужъ не тотъ ли профессоръ?

Старшій братъ Бориса посмотрѣлъ значительно на свою даму—Людмилу Васильевну Полуянову. Они отстали отъ другой пары и согласились, еще раньше, вернуться одни, окольной дорогой, по лѣсной тропинкѣ. А сборный пунктъ будетъ противъ павильона lawn-tennis'а.

Въ публикѣ они говорили всегда по-русски.

— Какой профессоръ?—спросила Людмила, и посмотрѣла на князя Романа взглядомъ сообщницы.

Глаза у нея часто загорались, особенно въ полутемнотѣ.

Обыкновенно выраженіе ихъ было или насмѣшливое, или плутоватое. Но наединѣ съ нимъ она придавала имъ и другой оттѣнокъ.

— Ахъ, Боже мой, Людмила! Я же вамъ говорилъ, что мать желаетъ... enfin risquer le grand coup! Она мнѣ прямо не сказала; но я предполагаю, что она обратится къ Мѣдникову.

— Къ своему... ci-devant?

— Ну да.

Князь Романъ провелъ въ воздухѣ ладонью крупной, бѣлой руки: „объ этомъ, молъ, распространяться нечего“! Голосомъ и манерой произносить слова—тяжеловато и отчетливо—онъ, какъ и лицомъ, былъ въ мать.

— Спросите его... вонъ онъ идетъ.

— Позвольте... Тотъ господинъ остался тамъ на диванѣ. Отсюда ближе будетъ. Подойдемъ къ „русскому дереву“.

Они остановились у навѣса одного изъ деревянныхъ бараковъ съ магазинами.

— Кажется, это онъ... сколько я помню.

— Чего же проще—спросить у брата.

— Не хочу я разговаривать съ этимъ мерзецомъ.

— Но если это нужно?

И она выразительно взглянула на него.

— Съ нимъ нечего связываться. Онъ способенъ сейчасъ же все перенести отцу. И его надо бы освидѣтельствовать въ губернскомъ правленіи, съ прокуроромъ. Не сегодня—завтра и онъ свихнется.

Они злорадно переглянулись.

— Приструньте его, чтобы онъ не успѣлъ опомниться.

— Хорошо. Вотъ что̀, милая. Подите потише по той дорогѣ, вверхъ, за театръ; черезъ пять минутъ я васъ догоню!

Людмила молча кивнула головой и пошла, слегка перегибая свою спину, съ замѣтнымъ желобкомъ между лопатками. Она нарочно не носила высокихъ корсетовъ.

Борисъ сталъ ходить взадъ и впередъ въ сторонѣ, позади оркестра и, не замѣчая того, дѣлалъ жесты.

Его волненіе росло. Сейчасъ онъ далъ профессору „честное слово“, что ничего не скажетъ отцу. Но какъ же не предупредить его, оставить его въ западнѣ? Онъ — въ своей тревогѣ и жалкой разсѣянности—не попросилъ даже Мѣдникова принять его завтра же, рано утромъ, прежде чѣмъ тотъ выйдетъ изъ отеля.

Это необходимо сдѣлать сейчасъ же.

Тотъ все еще сидѣлъ на диванѣ. Чего же стòитъ подойти?!..

Но онъ не рѣшался. Да и о чемъ онъ будетъ просить его? Не лишать отца свободы, не быть участникомъ въ заговорѣ противъ его личности? Тотъ можетъ обидѣться, дать ему отпоръ. И тогда, въ пылу разговора, онъ способенъ будетъ крикнуть ему:

„Вы не имѣете права являться и въ качествѣ спеціалиста... Вы были...“

Чѣмъ? Неужели онъ рѣшится кинуть ему въ лицо эти слова? И если его самого мучили такъ долго подозрѣнія и обида за отца—онъ не хочетъ больше возвращаться къ тому, чтò было такъ давно, на чтò онъ не имѣлъ и не имѣетъ доказательствъ, кромѣ цинической выходки брата, съ которымъ онъ разошелся изъ-за этого.

Постоявъ на одномъ мѣстѣ, Борисъ быстро повернулъ, съ рѣшимостью побѣжать къ дивану, гдѣ сидѣлъ Мѣдниковъ.

— Послушай!

Его окликнулъ старшій братъ.

— Чтò тебѣ?

Онъ весь съёжился подъ своимъ короткимъ плащомъ.

Князь Романъ стоялъ передъ нимъ, съ своимъ жесткимъ бритымъ лицомъ, высокій и плотный, и смотрѣлъ на него въ упоръ.

— Съ кѣмъ ты сейчасъ сидѣлъ тамъ на диванѣ?—отрывисто спросилъ онъ.

Борисъ промолчалъ.

— Ты понимаешь, чтò я говорю?

— Съ какой же стати ты меня допрашиваешь? И такимъ тономъ... Я не давалъ тебѣ права...

— Это Мѣдниковъ?! Нашъ бывшій докторъ... теперь извѣстный профессоръ?.. Если ты соврешь, я сейчасъ самъ подойду къ нему и отрекомендуюсь.

— Иди!

— Тебѣ чтò же стоитъ сказать—да?

Краска выступила на твердыхъ щекахъ спортсмэна. Губы поводило. Онъ былъ недалекъ отъ того, чтобы оборвать своего брата или даже ударить его.

Глаза его—злые и вызывающіе—обернулись въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Мѣдниковъ.

Но того уже тамъ не было. Онъ смѣшался съ гуляющими, шедшими къ дальнимъ воротцамъ, и князь Романъ не былъ увѣренъ, что въ толпѣ узнàетъ доктора, котораго видалъ только, когда ѣздилъ домой на вакаціи—и то очень мало.

— Мнѣ не нужно... Я вижу, что это такъ. Ты самъ себя только выдаешь!

Борисъ сдерживалъ себя, чувствуя, что все внутри его заколыхалось, и если это ненавистное созданіе, считающееся его братомъ, скажетъ хоть еще одно слово—онъ на него кинется.

— Ступай, — прошепталъ онъ.—Ступай, ради Бога! Я съ тобой не разговариваю. Но знай, что у отца нашего есть существо, ему преданное...

Онъ не договорилъ и круто повернулся. Князь Романъ хотѣлъ-было дернуть его за полу плаща, но издалъ только свой привычный презирающій возгласъ въ носъ и пожалъ плечами.

„Idiot! va!“—выбранился онъ про себя и пошелъ неторопливымъ шагомъ въ сторону рѣшотки противъ театра.

Легкій подъемъ велъ къ дорожкѣ, на полъ-горѣ, тѣнистой, вечеромъ совсѣмъ темной, и на полъ-пути стояла скамья, на узкой площадкѣ, огороженной нѣсколькими дикими камнями. Изъ-подъ нихъ сочился и журчалъ ручей.

Тамъ должна была Людмила подождать его.

Съ этой дѣвушкой у него тянется флёртъ, который можетъ его и затянуть гораздо сильнѣе, чѣмъ бы онъ самъ желалъ.

Но она, въ иные дни, доводила его до „градуса“. Онъ никакъ не могъ поручиться, что вчерашній ходъ въ любовной игрѣ съ нею будетъ сегодня признанъ ею. До увлеченія этой безприданницей, воспитанной со всѣми замашками и привычками богатой барышни, онъ имѣлъ уже два романа, но легкихъ—одинъ съ свѣтской женщиной, правда, старше его на десять лѣтъ; другой—съ кокоткой. И этотъ „collage“ стоилъ ему нѣсколькихъ крупныхъ векселей, уплаченныхъ матерью послѣ ужасныхъ исторій. Но она все-таки заплатила по нимъ, скрывъ отъ отца: только къ своему первенцу она имѣла слабость, и онъ давно это разглядѣлъ.

Вотъ, сейчасъ, онъ знаетъ: — Людмила воспользуется случаемъ „сдѣлать диверсію“; будетъ допытываться, что̀ ему сказалъ братъ—и по этому поводу станетъ его поддразнивать все на ту же тему.

Его эти „фѝнты“ начали настолько бѣсить, что онъ терялъ съ ней подходящій тонъ и манеру. Всего сильнѣе дергало его то, что эта барышня, въ сущности безъ всякаго положенія, нѣчто въ родѣ компаньонки у старухи княгини,—еще ни разу не проявила не то что уже порыва, а даже слабости. Она позволяла добиваться сближенія съ нею; но ни однимъ взглядомъ,

звукомъ, фразой, внезапнымъ румянцемъ или смущеніемъ не показала, что способна потерять голову.

И она съумѣла такъ себя поставить и съ сестрой его, и съ пріятелемъ, что они нисколько не считаютъ ее „une coquine fieffée“, а напротивъ, какъ бы намекаютъ ему, что онъ напрасно компрометтируетъ дѣвушку, у которой, кромѣ ея молодости, наружности, ума и свѣтскаго воспитанія—ничего нѣтъ. Они оба такіе позитивные, ужъ никакъ не меньше, чѣмъ онъ—а поймались оба въ ловушку ея самой понятной „механики“. Точно она какая-нибудь жоржъ-зандовская героиня въ „Marquis de Villemer“ — скучнѣйшей пьесѣ, передѣланной изъ романа, на которой онъ задремалъ, когда ее возобновляли въ Михайловскомъ театрѣ. Онъ былъ еще тогда на первомъ лицейскомъ курсѣ.

Тѣмъ хорошо продѣлывать свое сближеніе по всѣмъ правиламъ англійскаго жанра. Ни тотъ, ни другая—ничѣмъ не рискуютъ. Оба изучаютъ другъ друга спокойно, не торопясь, и успѣютъ въ концѣ сезона придти къ выводу — въ какой степени они—партія другъ для друга. Елена гораздо тусклѣе и ординарнѣе Скурлова. Она не можетъ очень-то понимать разныхъ его тонкостей, его идей и вкусовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся въ Италіи съ тамошнимъ кружкомъ, прозваннымъ „superuomini“; когда онъ говоритъ о романахъ д'Аннунціо, о старыхъ мастерахъ, о Чимабуэ или Ботичелли, или символическихъ фрескахъ римскихъ катакомбъ—она только притворяется, что это „ужасно“ ее интересуетъ. Къ искусству она, въ сущности, равнодушна; даже музыкальной жилки въ ней нѣтъ, и она вторитъ Скурлову въ его восторгахъ насчетъ спектаклей въ Байрейтѣ—прямо „par genre“.

Такъ ли, этакъ ли, но они поютъ до сихъ поръ любовный дуэтъ. Онъ ей нравится, какъ мужчина, больше тѣхъ, кто за ней ухаживалъ. Съ матерью у нея изъ-за него борьбы не будетъ, и еслибъ княгиня не одобряла этого выбора, она бы не пускала ихъ такъ часто безъ своего надзора. Мать, по крайней мѣрѣ, хоть ему бы, какъ старшему брату, сдѣлала нѣкоторое внушеніе насчетъ ихъ „a-parte“ пѣшкомъ и на „тэндэмѣ“.

А у него съ Людмилой—двойственное „ни тпру, ни ну“, почти мальчишеское, напоминавшее ему его первые опыты ухаживанья, когда онъ нападалъ также на мужелюбивыхъ, но очень несносныхъ барышенъ-подростковъ, торговавшихся изъ-за всякаго лишняго поцѣлуя.

— Вы здѣсь?—окликнулъ князь Романъ, когда былъ въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ площадки, гдѣ Людмила могла его поджидать. Скамью заслоняла отъ него купа деревьевъ. На шоссе, вверхъ сажени на двѣ, горѣлъ рожокъ фонаря; но отъ него падало очень мало свѣта на дорожку.

— Здѣсь,—отвѣтили ему вполголоса.

Онъ быстро подошелъ къ скамьѣ. Фигура Людмилы мягкими контурами выплывала на фонѣ совсѣмъ почти черной листвы и глаза ея блеснули въ полутемнотѣ.

— Ну чтò?—спросила она такимъ тономъ, точно онъ исполнялъ *ея* порученіе.

— Ахъ, идіотъ!.. дрянь! Стòитъ ли о немъ говорить?

Князь Романъ присѣлъ къ ней порывисто—почти упалъ на скамью—и сейчасъ же протянулъ руку, желая взять ее за талію. Людмила привычнымъ жестомъ—какой дѣлаютъ актрисы въ такихъ случаяхъ—отвела его руку.

— Ну, полно... Мила... Такая чудная ночь... Мы одни...

— „Мы одни, изъ сада въ стекла оконъ—Свѣтитъ мѣсяцъ, тусклы наши свѣчи"... Ха, ха, ха!.. Откуда это?

— Не знаю! Экзаменовать меня поздно.

— Этого не знаете? Этого?—протянула она.—Всякая гимназистка скажетъ вамъ—чье это избитое стихотвореніе.

— Прекрасно... Но оставимъ... Это, наконецъ, ни на что не похоже... Мила!

Онъ хотѣлъ-было поцѣловать ее въ шею, или въ эти черные, какъ угли, глаза—насильно, коли на то пошло.

— Князь Романъ Ивановичъ... умѣрьте ваши порывы. Я не желаю ничего подобнаго. Здѣсь прогулка.

— Вотъ еще... Вы, стало, боитесь одного... скандала?..

— А то какъ же? И очень... Я помню, какъ прошлой осенью вышло цѣлое дѣло... вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ... или немного подальше. Привлекли барона и какую-то фрейлейнъ въ такой же блестящей position sociale, какъ и моя—при какой-то высокопоставленной особѣ. Они только цѣловались. А сторожъ подъ присягой показалъ Богъ-знаетъ чтò!..

— Какой вздоръ!

— Не вздоръ, если я вамъ это говорю. Отъ этакихъ галантныхъ восклицаній я попросила бы васъ отдѣлаться. Чрезвычайно милы русскіе... влюбленные. Вѣдь вы въ меня влюблены?

— Нисколько!—отрѣзалъ онъ и отошелъ къ краю дорожки.

— Нисколько?.. Хорошо... Такъ и запишемъ.

— Чтò это за тонъ!

— Самый подходящій съ такимъ молодымъ хищникомъ, какъ вы... Молодымъ и чрезвычайно неумѣлымъ... Ха, ха, ха!

Сегодня она бѣсила его еще нестерпимѣе. Еслибъ не возможность быть застигнутымъ какимъ-нибудь проходящимъ—онъ бы не отвѣчалъ за себя. Онъ сорвалъ вѣтку и сталъ ею хлестать себя по башмакамъ. И онъ чувствовалъ, какъ она сзади смотритъ на него своими искристыми, нахальными глазами, трясетъ кончикомъ ноги и усмѣхается.

— Идемте!—крикнула она и пошла, не дожидаясь его.

Онъ догналъ ее и безъ словъ взялъ ее подъ-руку, но не по-мужски, а какъ дѣлаютъ за границей, по-дамски.

Людмила молчала и не отрывала своей руки.

— Стало быть,—заговорила она, замедляя ходъ—на спускѣ къ луговинѣ:—вы ничего отъ того христосика не узнали? Впрочемъ, такъ и должно было случиться. Онъ васъ презираетъ,—протянула она.—Ну, и Господь съ нимъ! Но вы-то сами развѣ не можете дѣйствовать? Точно мы въ Лондонѣ!.. Пріѣхалъ русскій профессоръ—фамилію его вы вѣдь знаете? Послѣ завтра появится его имя въ „Badeblatt'ѣ“...

— Послѣ-завтра онъ можетъ и уѣхать.

— Ну такъ сегодня, когда мы вернемся... такъ, между прочимъ, спросите вашу maman: какого она ждетъ психіатра? Вѣдь она же не обойдется безъ вашей... поддержки... во всемъ этомъ фамильномъ карамболяжѣ.

— Людмила! Пожалуйста, безъ юнкерскихъ mots!

Она отдернула руку и остановилась.

— Ахъ, Боже мой! Мы не позволяемъ прохаживаться надъ нашими высококняжескими семейными дѣлами?! Извольте; только ужъ пожалуйста, князь Романъ Ивановичъ, не извольте обращаться ко мнѣ, какъ къ вашему пріятелю, со всѣми этими... какъ бы это сказать поделикатнѣе... родственными комбинаціями... Ха, ха!

Онъ ничего не отвѣтилъ и только кусалъ губы.

Эта „бабенка“ — за дѣвушку онъ не хотѣлъ ее считать—дѣлается все дерзче и безцеремоннѣе. Она чувствуетъ, что онъ отъ нея не уйдетъ, не сегодня, такъ завтра, и хочетъ довести до „зеленаго змія“,—выговорилъ онъ мысленно. Точно она на немъ вымещала свою судьбу сироты, оставшейся послѣ разоренныхъ родителей въ положеніи немногимъ выше приживалки.

Изъ-за чего же она бьется? Лучше бы пошла въ актрисы, или сдѣлалась прямо галантной дамой,—послѣ выучки въ Парижѣ, очутилась бы въ Петербургѣ дѣвицей „съ поддержкой“.

Онъ чуть не бросилъ ей это въ лицо.

Но продолжать разговоръ на такомъ взводѣ было поздно. Они спустились уже къ тому мѣсту большой аллеи, гдѣ лежала, по другую сторону, луговина, почти прямо противъ деревяннаго павильона; игра въ lawn-tennis давно превратилась, въ сумерки.

На одной изъ скамеекъ сидѣла пара. Быстрые и дальнозоркіе глаза Людмилы мгновенно подмѣтили, какъ близко Елена и Скурловъ сидѣли другъ къ другу. Онъ пожималъ ея руку, а свою лѣвую руку закинулъ за спинку скамьи.

— L'affaire est bâclée,—громкимъ полушопотомъ выговорила Полуянова.

Князь Романъ тотчасъ же понялъ, что она хочетъ сказать, и готовъ былъ сейчасъ осадить своего пріятеля, передъ которымъ онъ до сихъ поръ „пассуетъ" — по выраженію той же Людмилы.

— Княжна—невѣста.

— Съ какой стати?

— Я вамъ говорю. Она просила меня задержать васъ немножко. И какъ все корректно! Врядъ ли даже вашъ менторъ поцѣловалъ руку. Идите благословлять!

„Ты бѣсишься! Бѣсись, голубушка! Тебя я не поведу къ алтарю! Нашла дурака!"

— Идемте!—громко окликнулъ князь Романъ черезъ аллею.

Сестра его и Скурловъ спокойно встали. Незамѣтно ихъ руки разомкнулись. Онъ не повелъ ее. Княжна зашагала своимъ англійскимъ шагомъ черезъ аллею.

На ея лицѣ трудно было въ полутемнотѣ разглядѣть выраженіе; но братъ ея нашелъ въ ней что-то сдержанно-важное.

— Мы опоздали?—спросилъ Скурловъ, когда князь Романъ и Людмила догнали ихъ.

Скурловъ шелъ сбоку.

— Куда опоздали?—сухо отозвался князь.

— Къ вечернему чаю.

— Вовсе нѣтъ! — успокоительно замѣтила Елена.—Maman еще навѣрно внизу. Она хотѣла сидѣть тамъ до нашего возвращенія.

— Какъ она усердствуетъ! — проронила Людмила и тихо разсмѣялась.

Елена повернулась назадъ и выговорила тономъ высокопоставленной особы:

— Вамъ же лучше, Людмила.

Онѣ были на „вы". Елена звала ее просто „Людмила", а

та ее при гостяхъ—„mademoiselle Hélène“. На „ты“ княжна не желала съ ней быть.

Вотъ и сейчасъ слова Елены, сказанныя ея суховато-барскимъ звукомъ, покоробили ее.

— Какъ будто ваша maman усердствуетъ безкорыстно?— сказала она князю Роману вполголоса, и глаза ея сверкнули злобной усмѣшкой.

— Это до васъ не касается,—обрѣзалъ онъ и пропустилъ ее впередъ. Они всѣ вошли уже въ ворота виллы, откуда начинался подъемъ по аллеѣ, изрѣдка освѣщенной фонарями.

Дѣвицы пошли впередъ. Князь придержалъ Скурлова и взялъ его подъ-руку.

— Tu as l'air tout chose,—небрежно кинулъ онъ ему.

— Pourquoi?

— Parce que!

Никогда еще онъ не говорилъ съ своимъ пріятелемъ такимъ тономъ.

Ему сегодня этотъ „менторъ“ казался невыносимымъ „важнюшкой“. Слишкомъ онъ зазнался и вообразилъ, что съ нимъ— княземъ Романомъ Ивановичемъ Елатомскимъ, который можетъ сразу очутиться „chef de famille“,—можно обходиться какъ съ минимальной величиной—„une quantité négligeable“.

— Правду говоритъ Людмила, будто ты сейчасъ сдѣлалъ предложеніе сестрѣ?

Князь Романъ остановилъ его до выхода изъ аллеи. Дѣвицы уже поднимались въ эту минуту на крыльцо.

— Не совсѣмъ, мой другъ,—мягко отвѣтилъ Скурловъ.

— То-есть какъ же это: несовсѣмъ? Что-жъ это—условное предложеніе? Не понимаю.

— Объ этомъ, милый, неудобно имѣть здѣсь конференцію... Ты развѣ обиженъ чѣмъ-нибудь?

— Положимъ, для меня это не было бы сюрпризомъ. Но все-таки согласись...

— Мы съ княжной не торопимся лишать себя свободы.

— Что-жъ, ты желаешь по-нѣмецки... считаться женихомъ, вродѣ нѣмецкихъ буршей, на неопредѣленный срокъ?

— Полно, полно, голубчикъ. Ты сегодня взбѣшонъ... И я вижу—отчего. Та особа не дается тебѣ... tient la dragée haute! И мой совѣтъ—съ ней не зарываться. Въ ней есть что-то для такой натуры, какъ ты, крайне рискованное.

— Это мое дѣло!

Князь Романъ, входя по ступенямъ крыльца, вслѣдъ за

своимъ пріятелемъ, почувствовалъ, какъ въ ушахъ у него зазвенѣло отъ прилива крови къ щекамъ.

Довольно ему быть „une quantité négligeable“. Сейчасъ онъ, улучивъ минуту, спроситъ княгиню въ упоръ—здѣсь ли профессоръ Мѣдниковъ, и его ли она вызвала? Пора ей понять, что если отца признаютъ „неправоспособнымъ“, фактическій глава фамиліи—онъ.

VII.

На всѣхъ башенныхъ часахъ городка пробило десять. На однихъ сначала всѣ четверти, на другихъ—прямо часы.

Мѣдниковъ входилъ въ прохладную залу кургауза —въ это утреннее время совсѣмъ пустую. Дежурный лакей бродилъ у среднихъ дверей, подъ колоннадой.

Считая его вѣроятно „кургастомъ“, онъ не спросилъ—есть ли у него билетъ.

Солнечныя полосы проникали въ верхнія окна. Зала была въ два свѣта. Но ее наполняла розоватая тѣнь.

Здѣсь просили его быть въ самомъ началѣ одиннадцатаго. Онъ послалъ рано утромъ „динстмана“ съ запиской, спрашивалъ княгиню Евпраксію Андреевну: когда и гдѣ она желаетъ съ нимъ говорить? Она сама выбрала большую залу кургауза.

Было въ этомъ что-то не простое и для него почти непріятное.

Вчерашній разговоръ съ „князькомъ“ явился для него ненужнымъ осложненіемъ. Этотъ нервный юноша, такого разительнаго сходства съ отцомъ, показался ему если не подозрительнымъ, то довольно-таки страннымъ. Онъ все ждалъ у себя въ отелѣ, что тотъ прибѣжитъ къ нему, такъ какъ просилъ принять его въ такомъ приподнятомъ тонѣ. Но онъ не пришелъ; не прислалъ и записки. Можетъ быть, надѣлалъ какихъ-нибудь глупостей, не выдержалъ, разсказалъ отцу о встрѣчѣ съ нимъ.

Уже теперь онъ могъ распознать, что въ семействѣ двѣ партіи: княгини и князя. Антагонизмъ и долженъ былъ усилиться съ годами. Но бороться стойко князь врядъ ли былъ въ состояніи, особенно если онъ сталъ слабѣе физически. На сцену явился наслѣдственный недугъ; почему-нибудь да лечатъ его здѣсь этимъ *фанго*, откуда-то изъ-подъ Падуи. Объ этихъ грязяхъ онъ — какъ неспеціалистъ по бальнеотерапіи—что-то не слыхалъ. Если только младшій сынъ князя не истеричный психопатъ, что̀ весьма возможно, такъ какъ онъ явился на свѣтъ,

когда князь сталъ вести себя крайне сумасбродно, то на отца онъ смотритъ какъ на жертву, боится какого-нибудь покушенія на его свободу, коварнаго захвата его личности.

Ему припомнились нѣкоторыя подробности изъ того времени, когда онъ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ не столько при князѣ, сколько при княгинѣ. Тогда этотъ Боря любилъ свою мать не меньше, чѣмъ отца, а его дичился, отвѣчалъ ему всегда отрывисто или уклончиво,—по всѣмъ признакамъ точно ревновалъ его. Въ такихъ нервныхъ, импульсивныхъ мальчикахъ это очень часто бываетъ. И вчера въ одной фразѣ, вырвавшейся у него какъ бы мимовольно, былъ намекъ на что-то имъ выстраданное и такъ, точно будто виновникомъ этихъ страданій былъ не кто иной, какъ онъ—Мѣдниковъ.

Все это было гораздо менѣе просто, чѣмъ онъ думалъ, подъѣзжая сюда вчера.

Но за себя онъ все-таки нимало не боялся. Ему скорѣе все это немножко — въ тягость, и онъ еще разъ, выходя изъ отеля, попенялъ себѣ за то, что изъ какого-то ложнаго джентльмэнства такъ скоро исполнилъ просьбу женщины, которой онъ обязанъ только горечью своей первой и единственной страсти.

Шаги его раздавались по старому штучному паркету залы, сильно навощенному красноватой мастикой.

Онъ прошелъ въ дальній уголъ, за эстраду, гдѣ стояли пюпитры и арфа въ деревянномъ футлярѣ. Тамъ была дверь въ постоянную выставку картинъ. Онъ подумалъ-было: не тамъ ли онъ найдетъ княгиню, но открытой нашелъ онъ только первую комнату. Вернувшись, онъ прошелъ въ другой конецъ, въ прохладную поперечную залу—всю въ темныхъ тонахъ, съ фресками и длинными старинными диванами. Въ ней также никого не было въ эту минуту.

Изъ нея куда-то вела затворенная дверь. Онъ попробовалъ за ручку и нашелъ сверху освѣщенную квадратную комнату, веселую, съ расписанными стѣнами. По срединѣ стоялъ низенькій билліардъ. По стѣнамъ—высокіе диваны. Два стола съ цвѣтнымъ сукномъ занимали углы. И тутъ ни души. Оттуда была полуоткрыта половинка двери въ слѣдующую комнату — родъ гостиной, тоже со стѣнной живописью и мебелью съ выцвѣтшей старой матеріей. Въ углу—рояль въ зеленомъ чехлѣ. Вѣроятно, прежде, когда здѣсь царила рулетка, въ этой гостиной играли въ „trente-et-quarante“.

Въ ней было уютно и какъ-то по-нѣмецки „gemüthlich“. Онъ присѣлъ на диванъ, противъ другой двери, совсѣмъ рас-

крытой и выходившей въ большую залу. Онъ прошелъ мимо—не замѣтивъ ее.

Такъ просидѣлъ онъ нѣсколько минутъ, глядя въ даль залы, гдѣ противъ него выходило окно, подъ колоннадой. Никто не мелькнулъ мимо, ни снаружи, по террасѣ колоннады, ни по самой залѣ.

Тишина, смягченный розоватый свѣтъ, особый запахъ обширныхъ покоевъ, порядокъ, чистота и чопорная степенность всего кургауза—чрезвычайно мирно и мягко настраивали его. И ему бы пора отдохнуть гдѣ-нибудь въ горахъ—и непремѣнно среди нѣмцевъ. Французскія воды, на какихъ онъ бывалъ, раздражали его своей суетней, духотой, пылью, запахами, дороговизной хорошихъ отелей, кафе-шантанами и расфранченной толпой, приносящей съ собою повсюду повадки парижскихъ бульваровъ.

Зачѣмъ ему торопиться въ Россію? Послѣ конгресса, куда онъ попадетъ черезъ десять дней, онъ могъ бы прожить за границей еще съ добрый мѣсяцъ. Городская практика лѣтомъ притихаетъ, клиники открываются только къ сентябрю—и на подготовку къ новому курсу у него останется еще больше мѣсяца.

Онъ далъ слово погостить въ Малороссіи у одного богатаго помѣщика—изъ своихъ бывшихъ паціентовъ, съ которымъ сдружился. Тамъ за нимъ будутъ ухаживать; но о свободѣ нечего и мечтать. Первые дни пройдутъ еще тихо, во флигелѣ-особнякѣ. А потомъ и пойдетъ! Къ такой-то почетной дамѣ-сосѣдкѣ надо *непремѣнно* съѣздить въ гости, чтобы не обидѣть ее. Предводитель пригласитъ къ себѣ на именины и созоветъ весь уѣздъ. Не взвидишься—и у тебя уже амбулаторія. Потащатся всякіе неврастеники и паралитики, истеричныя дѣвы и одержимые агорофобіей мѣстные интеллигенты, склонные къ маніи преслѣдованія „батюшки“, и акцизные надзиратели.

Мимо широкаго окна зала, подъ колоннадой, проплыла женская фигура. Мѣдниковъ, выйдя изъ раздумья, успѣлъ схватить только ростъ, силуэтъ шляпки и что-то черное, короткое на плечахъ.

Но по росту и походкѣ онъ узналъ княгиню Евпраксію Андреевну. Это заставило его тотчасъ же подняться.

Онъ остановился на порогѣ, ожидая, что она покажется въ средней двери, открытой настежь. Вся она будетъ ему сразу видна на свѣтломъ фонѣ густой листвы каштановъ, идущихъ аллеей за лужайкой.

Вотъ она повернула. Станъ мало измѣнился, полноты въ

груди незамѣтно; только лицо стало краснѣе и жестче, какъ у англичанокъ ея лѣтъ. Волосы того же цвѣта, безъ краски и безъ сѣдины—поднятые на вискахъ по модѣ, которая ему совсѣмъ не нравилась.

И походка та же—плавная, но не легкая, точно она упирается въ полъ на ходу. Такъ же лежатъ руки вдоль бедръ, и она ими не поводитъ, что̀ когда-то онъ находилъ такимъ барственнымъ и антично-кра̀сивымъ.

Свѣтлое, мелкими разводами, фуляровое платье узко облекало ея ноги, обутыя въ темно-желтыя ботинки. На плечахъ лежала короткая мантилья изъ кружевъ и газа, пышная, съ высокимъ воротникомъ, куда̀ ея бѣлая шея уходила чрезвычайно живописно. На лицо шляпа бросала тѣнь.

Невольно онъ залюбовался этой породистой женщиной, которую время такъ мало измѣнило. Но сердце не ёкнуло. Къ щекамъ кровь не прилила. Возможность сейчасъ взять ее за руку и очутиться съ-глазу-на-глазъ не взволновала его.

— Княгиня... я здѣсь!—окликнулъ онъ, подаваясь немного впередъ.

— А! Вотъ вы гдѣ, Илья Ѳедоровичъ!

Голосъ ея сталъ менѣе ясный и высокій; но все тотъ же—чисто великорусскій—отчетливый выговоръ, точно она произноситъ по печатному.

— Не угодно ли вотъ сюда, княгиня?—пригласилъ онъ ее рукой и вошелъ опять въ салончикъ.

Они подали другъ другу руку, по самой срединѣ, въ свѣтѣ небольшого купола вдѣланнаго въ расписанный потолокъ:

Это рукопожатіе не вызвало въ немъ никакого ощущенія. Онъ спокойно, съ легкой усмѣшкой, смотрѣлъ ей въ глаза и, пожавъ ея крупную руку въ свѣтлой перчаткѣ, тотчасъ же опустилъ ее съ легкимъ поклономъ.

Она могла бы почувствовать, что передъ ней не прежній безвѣстный врачъ изъ „поповичей“, обласканный большой барыней, а человѣкъ, знающій себѣ цѣну, и какъ профессоръ, и даже какъ мужчина, моложавый и еще прекрасно сохранившійся, не меньше, чѣмъ она, сорока-двухлѣтняя женщина.

И всякій, кто невидимо присутствовалъ бы при этой встрѣчѣ послѣ десятилѣтняго перерыва и полосы жизни, которую мужчина этотъ оборвалъ—сказалъ бы про себя:

„Нѣтъ, тутъ не было никогда связи. Эта женщина никогда ему не принадлежала“.

Въ ея глазахъ, изсиня-сѣрыхъ, и теперь еще красивыхъ,

даже мгновенно не промелькнуло ни одной искорки или струйки, выдающей каждую женщину, у которой была съ кѣмъ-нибудь настоящая связь.

— Вотъ сюда не угодно ли, княгиня, на диванъ... Тутъ очень хорошо, и никто намъ не помѣшаетъ.

Она про себя отмѣтила, что его слишкомъ московскій говоръ на „а“ остался почти такой же, и это ей доставило нѣкоторое удовольствіе.

— Позвольте васъ оглядѣть немного,—шутливо начала она, садясь рядомъ и лицомъ къ нему, все такъ же прямо, съ той же выправкой, какая была у нея и въ дѣвицахъ.

— Маленькій экзаменъ, княгиня? Дефектовъ не мало найдется.

— Какихъ же это, другъ мой?

Этими словами она прошлась по немъ точно бархатной лапкой. И сейчасъ же отбросило это его къ прежнему, гораздо больше всего остального.

— Десять лѣтъ двоякой лямки—и на каѳедрѣ, и въ пріемной врача—даромъ не проходятъ, княгиня.

— Этого совсѣмъ не замѣтно.

Съ нимъ она и прежде говорила всегда по-русски, и знала, что ее считаютъ въ свѣтѣ прекрасно владѣющей родной рѣчью. По-французски онъ теперь, послѣ Парижа, объяснялся свободно —но произношеніе свое самъ считалъ „заяузскимъ“.

— Благодарю васъ... вы слишкомъ добры.

Тонъ этой банальной фразы еще яснѣе далъ ей понять, что ему нечего за собою слѣдить и что съ нимъ надо говорить, какъ съ человѣкомъ, который *ей* нуженъ.

Немного помолчавъ, она откинула голову и, глядя на него въ полъ-оборота, заговорила потише звукомъ:

— Я увидала по вашему отвѣту, Илья Ѳедоровичъ, что вы давно забыли все и не способны ни на какую rancune,— употребила она французское слово, не желая сказать: „месть“. —И вы видите—такъ гораздо лучше. Мы сидимъ здѣсь съ-глазу-на-глазъ... У насъ что-то вродѣ тайнаго свиданія, а мы смѣло можемъ глядѣть другъ на друга. Намъ довольно и взаимнаго уваженія.

„Положимъ“, — съ внутренней усмѣшкой выговорилъ онъ про себя.

— Въ одной опереткѣ что-то такое поется... какъ, бишь, это?

Не безъ намѣренія вставилъ онъ эту фразу. Но она сдѣлала видъ, что приняла его слова за шутку не очень тонкаго

вкуса, какую извѣстный врачъ можетъ себѣ всегда позволить.

— Почему же,—перешла она на другой тонъ,—вы, мой другъ, не дали мнѣ знать депешей о вашемъ пріѣздѣ?.. Я не ждала.

— Почему? Хотѣлъ немножко отдохнуть. Во всякомъ случаѣ было удобнѣе пріѣхать къ вамъ на другой день.

— Но вотъ видите... Илья Ѳедоровичъ... Вышло нѣчто, чего можно бы было избѣжать.

Онъ быстро поглядѣлъ на нее.

— Встрѣча съ вашимъ Борей?

— Именно.

— Почему же мнѣ было не подойти къ нему? Я вѣдь не контрабандой здѣсь... не инкогнито?.. Виноватъ! Мнѣ опять пришла сцена изъ оперетки... изъ „Птичекъ пѣвчихъ", когда вице-король, прикрывая лицо плащомъ, проникаетъ въ толпу.

Онъ довольно громко засмѣялся.

Княгиня тоже улыбнулась и, оглянувшись вслѣдъ затѣмъ на дверь въ залу, протянула ему руку.

— Это не упрекъ, Илья Ѳедоровичъ... Я вамъ такъ благодарна... за этотъ пріѣздъ. Но вы не знаете, какъ мнѣ тяжело, не только отъ главнаго моего гòря,—концы бровей ея скорбно поднялись, — но и отъ многаго другого. Ну, скажите, — какъ профессоръ, какъ блестящій практикъ,—развѣ вы не нашли, что и въ Борисѣ есть что-то ненормальное? Не знаю, что̀ онъ съ вами говорилъ... и не хочу разспрашивать объ этомъ.

— Но какъ же вы-то сами, княгиня, знаете, что я его видѣлъ?

Въ этомъ вопросѣ зазвучало уже что-то вѣское и безпристрастное, какъ у психіатра въ кабинетѣ, куда пришла паціентка для діагноза.

— Какъ? Мнѣ сказалъ еще вчера объ этомъ старшій мой сынъ. Но онъ ничего не могъ добиться путнаго отъ Бориса. Только онъ предполагалъ, что это могло быть.

— Почему же онъ это предполагалъ, княгиня?

Пополнѣвшія щеки княгини густо покраснѣли.

— Извините, Евпраксія Андреевна, я не въ видѣ упрека... Но вѣдь вы сами писали мнѣ, что надо обставить мой пріѣздъ какъ можно проще и естественнѣе.

— Именно, именно, мой другъ!—обрадованно заговорила она.—Я не хотѣла дѣлать изъ этого чего-нибудь таинственнаго. И мы часто говорили о васъ, о вашихъ успѣхахъ съ стар-

шимъ моимъ сыномъ и дочерью... Кажется, и въ присутствіи князя.

Мѣдниковъ слушалъ, опустя голову, и не совсѣмъ довѣрялъ ей.

— Оставимъ это!—сказалъ онъ тономъ стараго знакомаго, и съ спокойной, добродушной усмѣшкой продолжалъ:—Стало-быть, у васъ тамъ два стана—съ одной стороны, князь и Боря; съ другой—вы и остальныя дѣти? Такъ оно и должно было случиться уже потому, что эта пара вышла въ васъ, а у того юноши разительное сходство съ княземъ Иваномъ Романовичемъ.

— Вы, мой другъ, коснулись больного мѣста. Борисъ меня огорчаетъ. Я вижу, что онъ не только не любитъ своей матери, но способенъ выступить, какъ тайный врагъ.

— Будто? Онъ нервенъ... И въ немъ что-то бродитъ... на почвѣ семейной. Но развѣ это не понятно?

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

„Ага!—промолвилъ онъ про себя.—Клюнуло!“

— Вѣдь прежде—сколько я помню—онъ васъ... обожалъ... даже слишкомъ для такой сенситивной натуры.

— О! Этого давно уже нѣтъ!

— Стало быть, на то была причина... которую вы... извините меня... не доглядѣли.

Говоря это, Мѣдниковъ откинулся на ручку дивана и принялъ ту самую позу, какую онъ привыкъ принимать у себя на консультаціяхъ.

Княгиня все болѣе убѣждалась въ томъ, что этотъ „извѣстный“ профессоръ владѣетъ собою прекрасно и нимало не поддается обаянію ея личности.

— Не доглядѣла!—повторила она, сдерживая себя.—Можетъ быть! Онъ былъ всегда скрытенъ до гадости. И почему я знаю: князь могъ систематически,—протянула она,—возстановлять его противъ матери.

— Не знаю. И не берусь произвести такое дознаніе. Но разъ этотъ мальчикъ такъ очевидно охладѣлъ къ вамъ и чувство его къ князю возросло, при его развитости онъ не могъ не понять, что положеніе отца его въ семьѣ—особенное. Отсюда—жалость, экзальтированное чувство обиды за него.

„Да онъ мнѣ лекцію читаетъ!“—подумала княгиня, еще болѣе сдерживая себя.

— Но разъ это такъ, Илья Өедоровичъ, мое положеніе вдвойнѣ тяжелое.

— Я этого не оспариваю княгиня. Я хотѣлъ бы только фактически ознакомиться съ тѣмъ, что̀ васъ привело къ извѣстному взгляду на состояніе князя. Изъ письма вашего я могу лишь заключить, что въ послѣднее время онъ выказываетъ признаки...

— Ахъ, Боже мой!—вырвался возгласъ у княгини, и она съ рѣзкимъ жестомъ правой руки продолжала стремительнымъ полушопотомъ:

— Я не могу пересказать вамъ все, что̀ за эти годы онъ выдѣлывалъ!.. Послѣ тѣхъ безумій... которыя вамъ прекрасно извѣстны, когда его могъ провести каждый плутъ, каждый авантюристъ—и я должна была положить этому какой-нибудь предѣлъ—князь предавался всякимъ другимъ... дикостямъ. Тутъ былъ и спиритизмъ, и какая-то религія, въ родѣ чернокнижія...

— Что̀ это, кабалистика, что-ли?—усмѣхнувшись, спросилъ Мѣдниковъ.

— Это называется *эзотеризмъ*. Que sais-je!—обронила она французское восклицаніе.—Онъ ѣздилъ въ Парижъ... потомъ переписывался съ какимъ-то обманщикомъ или... сумасшедшимъ... „Какъ мой мужъ“,—чуть не добавила она.

— Потомъ... сталъ представлять изъ себя маленькаго Толстого... un petit Jésus... quoi! — вырвалась опять французская фраза помимо ея воли.—Но у того есть имя... имъ увлекаются... разный потерянный народъ или просто бунтари, принимающіе личину христіанскихъ мучениковъ,—выговорила она съ большей злобностью выраженія... Тамъ, по-моему, тоже...—она сдѣлала выразительный жестъ:—но такъ или иначе, тамъ и европейская слава, и талантъ, и многое другое, что̀ даетъ успѣхъ. А тутъ—ея жестковатый ротъ сложился въ презрительную улыбку—одно убожество. Толстой былъ развѣнчанъ... И мы перестали представляться евангелистомъ... проповѣдующимъ анархію... Пошло совсѣмъ въ другую сторону—уже явное безбожіе... отрицаніе всего... Шопенгауеръ—и другой нѣмецъ, уже совсѣмъ безумный...

— Нитцше?—подсказалъ Мѣдниковъ.

— Да, да! Но и съ его ужасными книжонками вышло то же, что̀ и съ проповѣдью Толстого... Опять новое... Боже мой! Я теряюсь! Я не кончу до завтрашняго дня, еслибъ я хотѣла разсказать всѣ эти метаморфозы...

— Вы не записывали ничего, княгиня? — тихо остановилъ ее Мѣдниковъ.

— Нѣтъ... и жалѣю... Вы тогда имѣли бы въ рукахъ болѣе...

фактическій матеріалъ. Но я надѣюсь, другъ мой, что вы мнѣ повѣрите. Лгать я никогда не умѣла.—Потомъ эта...

Она откинулась на спинку дивана. Щеки ея стали еще краснѣе. Теперь лицо было слишкомъ мужественное, рѣзкое, почти некрасивое. Мѣдниковъ и это отмѣтилъ про себя.

— Эта, опять,—повторила она гораздо громче,—лживость! Совершенно ненормальная... прямо психопатическая... даже у такой натуры, какъ онъ. И когда я его ловлю, онъ мнѣ съ безумной улыбкой на губахъ повторяетъ свою теперешнюю максиму: что, видите ли, въ обществѣ нашемъ не можетъ быть никакой нравственности. Поэтому и лгать не только позволительно, но обязательно. И онъ это говоритъ при дѣтяхъ, при постороннихъ, и начинаетъ такъ блажить, что скандализируетъ всѣхъ. Еще дома это кое-какъ проходило; но здѣсь... съ иностранцами... это просто недопустимо!

Сдѣлавъ передышку, княгиня повернулась къ нему лицомъ.

— Не правда ли, Илья Ѳедоровичъ, помните, когда мы бесѣдовали все на тотъ же печальный сюжетъ... вы мнѣ много разъ говорили, что самый вѣрный признакъ состоянія, близкаго къ настоящей душевной болѣзни... это—крайняя, какъ вы выражались... импульсивность... вѣдь такъ?

— Совершенно вѣрно, княгиня.

— И такое же крайнее упорство...

— Конечно.

— Они на лицо и теперь, и въ сто разъ сильнѣе. Я уже не говорю о томъ, что онъ часто со мной беретъ—и всегда при постороннихъ—такой невѣроятный до дикости тонъ...

— Раздражительный?

— Нѣтъ, не то. Комедіанта, гаера, и непремѣнно при гостяхъ, болѣе за обѣдомъ... въ другіе часы онъ къ моимъ гостямъ не выходитъ. Онъ не иначе ко мнѣ относится, какъ трубадуръ... часто называетъ меня по-итальянски „egregia sposa“ или „mia dolce compagna“. Да вотъ уже послѣ того, какъ я вамъ написала... на-дняхъ, мы обѣдали у тетки, старой княгини. Мы у нея и занимаемъ верхъ ея виллы. И вдругъ онъ, за кофеемъ, обращается къ гостю нѣмцу... отставному военному, и спрашиваетъ его: „Какъ!.. вы знакомы съ этой очаровательницей цѣлую недѣлю и еще не потеряли разсудка?“...

— Въ самой фразѣ... если она въ шутливомъ тонѣ...

— Но надо знать—кому, когда?! И это постоянно. Въ этомъ уже прямо манія, и манія очень гадкая... persifflage... человѣка,

который васъ вышучиваетъ при постороннихъ, потому что его что-то дергаетъ внутри... какая-то idée fixe:

Заслышались другіе звуки въ негодующемъ окрикѣ княгини. Тихо, подвинувшись слегка къ ней, Мѣдниковъ спросилъ ее:

— И эта... манера... съ вами—когда явилась?

— Больше года.

— Вы позволите, княгиня, говорить съ вами, забывая, что мы давно знаемъ другъ друга,—оттянулъ онъ особенной интонаціей:—какъ врачу, и только.

— Какъ же иначе, мой другъ?

— Необходимо, княгиня, вернуться къ тому, что̀ было десять лѣтъ и больше назадъ. Вѣдь князь, какъ говорится, *безумно* былъ влюбленъ въ васъ... и его страсть входила, какъ одинъ изъ импульсовъ его душевныхъ... скажемъ, припадковъ...

— Можетъ быть... я спорить не стану.

— И теперь эти выходки, какъ вы изволите выражаться... намѣренное шутовство... могутъ быть формой отплаты... но на почвѣ того же чувства.

— Нисколько!—почти крикнула она,—встала и заходила передъ диваномъ.—Еслибъ въ немъ было чувство... я бы могла бороться съ нимъ, имѣть на него вліяніе. Но въ немъ нѣтъ ничего ни ко мнѣ, ни къ дѣтямъ, ни къ кому!

Мѣдниковъ оставался на диванѣ и опустилъ голову; а руки уперъ въ колѣни и слѣдилъ глазами за лицомъ княгини, когда она возбужденно ходила передъ нимъ.

— Ни къ кому, ни къ кому! Мнѣ кажется, у него началось то, что̀ у англичанъ называютъ... moral insanity,—выговорила она раздѣльно, точно за тѣмъ, чтобы онъ легче ее понялъ.

— Нравственное помѣшательство? — какъ бы про себя повторилъ онъ.

— Да, да!

— На это надо многое, княгиня... и, прежде всего, притупленность всякаго моральнаго чувства.

— Но она на лицо, Илья Θедоровичъ! Кромѣ сумбура и дикихъ выходокъ—прямо-таки полное извращеніе... Не дальше, какъ въ тотъ же день, за обѣдомъ, онъ началъ распространяться о томъ, какъ жалки тѣ, кто всѣ ушли въ заботы о своемъ дряхломъ тѣлѣ и не хотятъ предоставить самой смерти взять ихъ. А наша тетка боится смерти до безумія, ипохондричка, вся только и живетъ, что въ докторовъ, въ разныя системы леченья... И это опять при чужихъ, при иностранцахъ, ей прямо въ глаза. Она, разумѣется, была возмущена и озлоблена. И я знаю—

вскричала княгиня, останавливаясь передъ нимъ, вся красная,— все, что̀ она могла сдѣлать для нашихъ дѣтей...

— Въ какомъ же смыслѣ? — спокойно остановилъ Мѣдниковъ и поднялъ голову.

— Но она богаче насъ. Она бездѣтна. Какъ же вы это не понимаете? Кто же помѣшаетъ ей еще при жизни распорядиться своими имѣніями? Она и то обратила половину своего состоянія въ капиталъ и держитъ его за границей. Pas si bête! —носовымъ звукомъ воскликнула княгиня.

И тутъ впервые Мѣдниковъ распозналъ въ ней то, что̀ десять лѣтъ назадъ, когда женщина такъ захватила его, не могъ совсѣмъ подмѣтить, или объяснялъ заботой о дѣтяхъ, которыхъ мать хотѣла спасти отъ разоренія.

И вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ—очень отчетливо—еще два факта изъ того же прошлаго.

— Позвольте, княгиня,—заговорилъ онъ, пригласивъ ее рукой присѣсть къ нему:—сколько я помню... князь, незадолго до моего... отъѣзда, уступилъ вамъ завѣдываніе своимъ состояніемъ?

— Но поймите, докторъ,—вдругъ возразила она ему совсѣмъ другимъ тономъ, точно она ведетъ горячій дѣловой разговоръ съ адвокатомъ:—вѣдь безуміе—лишить дѣтей, въ ближайшемъ будущемъ, такого наслѣдства! Изъ-за чего? Изъ-за дикихъ выходокъ князя Ивана Романовича! Вы не знаете старухи. Она упряма и обидчива до крайности. До этого скандальнаго incident—и она склонялась къ тому мнѣнію, что ея племянникъ не нормаленъ. А теперь она совсѣмъ другое говоритъ... Когда я ее успокоиваю, она мнѣ отвѣчаетъ,—и совершенно резонно: „Les fous n'ont pas ce parler convaincu et insolent, en même temps"! Она убѣждена, что онъ нарочно готовилъ ей для дессерта такое угощеніе. Ха, ха!

Смѣхъ княгини прошелся непріятной нотой по слуху Мѣдникова.

— Милый Илья Өедоровичъ,—она протянула ему руку,—на васъ моя надежда... даже и въ этой исторіи съ теткой вы меня поддержите. Мнѣ само Провидѣніе посылаетъ васъ.

Ея рукопожатіе дало ему почти непріятное ощущеніе.

— Позвольте еще, княгиня, — опять тономъ внимательнаго консультанта остановилъ онъ. — Вѣдь, сколько помню, главное имѣніе князя заповѣдное? Онъ не можетъ ни продать, ни заложить его. А вы, съ другой стороны, имѣете отъ него полную довѣренность...

— Ахъ, Илья Ѳедоровичъ! Какъ вы наивны! Видно, что не юристъ! Но что жъ изъ этого? Имѣніе заповѣдное... Но кто же мнѣ поручится, что онъ завтра, или чрезъ недѣлю, не сдѣлаетъ новыхъ безумій... хуже прежнихъ, какъ—въ ваше время? Вѣдь онъ не лишенъ правъ. Долги надо платить изъ доходовъ—хотя бы и заповѣднаго имѣнія. Но это еще не все. Кто же помѣшаетъ ему сегодня же сѣсть въ поѣздъ, доѣхать до перваго города, гдѣ есть консулъ, и заявить формально, что онъ уничтожаетъ эту довѣренность.

— Довольно и одной припечатки въ газетахъ.

— Вотъ видите!.. И прежде это могло всегда быть! Но тогда—она запнулась—я для него... что-нибудь значила... и это былъ признакъ того, что безуміе еще не владѣло имъ вполнѣ. А теперь чуть что—когда я не выдержу и приду говорить съ нимъ—онъ меня встрѣчаетъ своимъ сладкимъ шутовствомъ... или начинаетъ просить позволенія удалиться... „изъ жизни“, какъ онъ выражается,—другими словами, грозитъ, что онъ уйдетъ, броситъ семью. Но развѣ я могу позволить это?—сдавленнымъ возгласомъ спросила княгиня и опять поднялась.

— Здѣсь стало жарко, Илья Ѳедоровичъ, пойдемте на воздухъ.

Она быстро прошлась и спустилась съ террасы. Справа, въ аллеѣ каштановъ, она присѣла на диванъ. „Promenade“ стояла совсѣмъ пустая, и передъ магазинами комми и продавщицы сидѣли у столовъ и лѣниво болтали.

— Вотъ въ какомъ мы положеніи, — заговорила княгиня, глубоко переводя духъ, и осмотрѣлась во всѣ стороны.

— Князя пользуетъ здѣсь какой-нибудь врачъ? — спросилъ Мѣдниковъ.

— Его лечатъ... отъ боли въ ногахъ. Но къ спеціалисту, какой бы нуженъ былъ, я не обращалась за границей. Здѣсь только водяные доктора. Есть профессора въ Страсбургѣ, полтора часа отсюда, въ Гейдельбергѣ. Если вы войдете въ это, Илья Ѳедоровичъ, намъ совсѣмъ не нужны нѣмцы.

— Но буду ли я пригоденъ въ такихъ условіяхъ? Тутъ надо болѣе продолжительное наблюденіе.

— Ахъ, Боже мой! Вы въ два-три разговора убѣдитесь въ томъ, что я не выдумываю. Вы его достаточно изучили, Илья Ѳедоровичъ. Никакая заграничная знаменитость не можетъ замѣнить васъ. Тутъ необходимъ свой психіатръ, и такой авторитетъ, какъ вы. Поймите—продолжала она, придвинувшись къ

нему:—время не терпитъ! Онъ способенъ на какой-нибудь coup de tête.

— Не сбѣжитъ же онъ!

— Почему нѣтъ? Насильно нельзя держать его при себѣ. Здѣсь онъ, для всѣхъ, глава семейства, мой супругъ и повелитель. И нѣмецкіе чиновники, и русскіе консулы, обязаны поддерживать его во всемъ, на что̀ даетъ ему права—законъ. Какъ будто вы этого не знаете?!

И опять лицо стало краснѣть и приняло выраженіе, слишкомъ ясно говорившее ея собесѣднику о томъ, чего она всего больше добивалась.

Онъ чуть-было не сказалъ ей:

„Княгиня, извините меня, я въ это дѣло не войду".

Онъ приподнялся, потомъ и она.

— Въ какомъ же качествѣ угодно вамъ будетъ, чтобы я повидалъ князя?—спросилъ онъ сдержанно.

— Что̀ же можетъ быть проще? Вы сдѣлаете намъ визитъ. Подготовлять его я, конечно, не буду. Это было бы слишкомъ наивно... Вы заѣхали сюда, узнали сегодня, что мы здѣсь... У князя нѣтъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать васъ въ чемъ-нибудь или имѣть недоброе чувство къ вамъ.—Она чуть замѣтно усмѣхнулась.—По этой части вы можете быть совершенно спокойны.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ къ выходу, спускаясь въ тѣни аллеи каштановъ.

— И вотъ еще, мой другъ,—гораздо тише остановила она его:—ваши письма... я не уничтожала. Они всѣ хранятся у меня. Если угодно, я могу вамъ возвратить ихъ.

Мѣдниковъ совсѣмъ не ждалъ такого сообщенія.

— Это не важно... Все это—дѣла давно минувшихъ лѣтъ, княгиня. Распорядитесь ими какъ вамъ будетъ угодно.

Въ тонѣ его и въ лицѣ было полное равнодушіе, если не довѣріе къ ея порядочности.

— Та̀къ будетъ лучше,—значительно произнесла она.

У выхода княгиня еще разъ остановила его.

— Борисъ могъ предупредить отца. Какъ жаль, что вы съ нимъ разговаривали!

— Вашъ сынъ будетъ молчать. Онъ далъ мнѣ слово.

— Приходите сегодня, къ часу нашего завтрака, такъ... à l'improviste. Все обойдется вполнѣ просто. Очень вѣроятно, что князь обрадуется вашему пріѣзду. Если онъ не выйдетъ къ зав-

траву, отговариваясь нездоровьемъ, тѣмъ болѣе будетъ основанія навѣстить его.

Они простились на площадкѣ передъ театромъ.

VIII.

Борисъ только къ разсвѣту немного забылся.

Въ восьмомъ часу утра онъ уже былъ на ногахъ, на́скоро одѣлся и пошелъ вверхъ, лѣсомъ, къ той горной лощинѣ, гдѣ пріютилось небольшое озеро—его любимая прогулка.

Свѣжесть лѣсной листвы вѣяла ему въ лицо; но голова нервно горѣла. Онъ все такъ же колеблется, какъ и вчера ночью, когда у себя въ комнатѣ лежалъ въ постели съ открытыми глазами.

Идти ему къ профессору? Исполнить слово, данное ему, или предупредить отца о той „махинаціи", какая ему готовится?

Когда вчера онъ такъ порывисто просилъ принять его—все внутри его затрепетало. Онъ былъ полонъ нѣжности къ отцу и страстно желалъ отвести отъ него бѣду, высказаться совсѣмъ, до дна души, тому, кто будетъ произносить надъ нимъ свой приговоръ.

Ночью все это растаяло, какъ паръ, отъ другихъ мыслей и другихъ чувствъ. Цѣпляясь одни за другіе, поползли вопросы— и не осталось на душѣ ни одного живого мѣста.

Безумной выходкой представилось ему подъ-конецъ его вчерашнее обращеніе къ Мѣдникову. И первая нанесенная ему жизнью рана зано́во раскрылась и стала сочиться кровью. Нестерпимо живо, въ краскахъ и звукахъ, всплыла передъ нимъ тяжелая сцена съ братомъ, когда тотъ цинически началъ „прохаживаться" насчетъ „поповича", съ которымъ ихъ мать была будто бы въ интимныхъ отношеніяхъ: иначе бы онъ не видалъ, какъ они „нѣжничали". И опять ему перехватило дыханіе и онъ почувствовалъ себя совершенно такъ, какъ въ ту минуту, когда бросился на брата, онъ—худой и тщедушный,—чтобы схватить его за горло, и съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. И вся цѣпь подозрѣній проползла передъ нимъ. Никакого положительнаго факта самъ онъ не открылъ. Но чѣмъ чаще онъ разбиралъ то, что̀ *могло быть*, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ томъ, что братъ его не клеветалъ на мать.

Положеніе Мѣдникова въ домѣ было такое, какъ обыкновенно у домоваго врача. Но онъ исчезъ слишкомъ неожиданно. О немъ точно избѣгали говорить. И болѣе четырехъ лѣтъ на-

задъ, когда Боря еще не поступалъ въ университетъ, въ отцѣ сталъ онъ замѣчать что-то совсѣмъ новое въ тонѣ и обращеніи съ княгиней. Что-то покачнулось. Прежней власти надъ мужемъ у нея уже не было. Отецъ какъ будто за что-то мстилъ и все замѣтнѣе уходилъ въ самого себя. И съ того же почти времени онъ и его сталъ отводить отъ себя.

Какъ можетъ онъ ручаться за то, что въ эти десять лѣтъ прошлое между матерью и теперешнимъ профессоромъ умерло, что они никогда и нигдѣ не видались, не были въ перепискѣ, не продолжали сообща, какъ вѣрные союзники, вести свою тайную кампанію противъ того, кого надо было, въ той или иной формѣ, „устранить"?

Все это выяснялось передъ нимъ, какъ нѣчто допустимое. И этотъ какъ бы случайный пріѣздъ сюда профессора не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ началомъ выполненія новаго замысла—лишить князя свободы, приговорить его къ духовной смерти.

Вотъ къ какому выводу пришелъ онъ сегодня на разсвѣтѣ. И если оно такъ, то зачѣмъ же бросится онъ къ тому сообщнику княгини? Чтобы выдать себя головой, вмѣсто того, чтобы притаиться, тайно слѣдить за всѣмъ, чтò будетъ происходить теперь тамъ, на виллѣ, и въ рѣшительную минуту начать дѣйствовать.

Какъ?

Отъ этого вопроса онъ холодѣлъ и терялся. Никакого плана у него не было. Въ домѣ ни на кого онъ разсчитывать не можетъ. Мать подозрѣваетъ его. Навѣрно, въ первое же свое свиданіе съ ней профессоръ передастъ ей ихъ вчерашній разговоръ. Да и въ томъ, что тотъ такъ скоро узналъ его, подсѣлъ и заговорилъ, трудно было не признать выполненія программы „заговорщиковъ"...

Лѣсная дорожка стала круче спускаться къ лощинѣ. Борисъ шелъ, поглощенный своей душевной работой. Рѣшеніе не идти къ доктору превозмогло. Но какъ быть съ отцомъ? Исполнить честное слово, данное Мѣдникову, и не предупреждать ни о чемъ?

Гдѣ искать указаній? Въ молитвѣ? Не ощущалъ онъ въ себѣ благодатнаго настроенія, и это гнело его и оставляло безпомощнымъ.

Онъ присѣлъ на скамьѣ подъ выступомъ лѣсной кручи, закрылъ глаза и, не произнося молитвенныхъ словъ, отдался наболѣвшей жаждѣ найти путь и выходъ на роковомъ поворотѣ жизни, когда ему грозило полное крушеніе всего, за чтò держались самыя кровныя связи.

Задумчивое озерко, окруженное густой порослью, ласково искрилось на утреннемъ солнцѣ. Пара лебедей охорашивались у берега. Мягкія очертанія пригорковъ—всѣ покрытые майской зеленью чернолѣсья—уходили вдаль. Безлюдно, но не пустынно смотрѣло все это урочище.

Борисъ сошелъ къ водѣ и взялъ по лѣвой тѣнистой дорожкѣ вдоль озерка. Ему легче дышалось.

Онъ не пойдетъ къ профессору. Надо взять себя въ руки и не поддаваться нервнымъ порывамъ, въ которыхъ сказывается одна слабость духа. Его страхъ за отца преувеличенъ. И подозрѣнія насчетъ „заговора"—также. Не можетъ быть, чтобы, въ теченіе столькихъ лѣтъ, между княгиней и Мѣдниковымъ продолжались тайныя сношенія, и они, какъ преступные сообщники, готовились къ послѣднему акту драмы.

Но что̀ бы ни вышло—онъ тутъ! Ему сдѣлалось такъ отрадно чувствовать себя готовымъ на защиту отца... Что̀ именно онъ сдѣлаетъ—онъ не могъ и теперь сказать. Еслибъ даже и въ него самого запало подозрѣніе въ томъ, что отецъ—„психически-больной"—все равно онъ добьется, чтобы его душевное состояніе было опредѣлено, со всѣми гарантіями, какихъ только можно добиться и за границей, и въ Россіи.

А пока онъ не позволитъ себѣ ни одного слова, ни одного жеста, которые выдавали бы его. Довольно и того, что̀ вышло между нимъ и матерью. И надѣвать на себя личины—онъ не желаетъ.

Возвращался онъ другой дорогой, по верхней лѣсной дорожкѣ. Она вывела его къ красивой виллѣ въ старонѣмецкомъ стилѣ, на склонѣ той горы, гдѣ стоитъ румынская капелла съ византійскимъ куполомъ. Оттуда онъ взялъ вправо, къ „Trinkhalle". Аллея каштановъ, объ эту пору вся въ густой тѣни, повела его вдоль рѣшотки передъ зданіемъ кургауза.

Мелькали велосипеды; ландо̀ проѣзжали съ мягкимъ шумомъ; попадалось не мало гуляющихъ. Борисъ ни на кого не глядѣлъ и шелъ медленной, развинченной походкой.

У воротъ показалась пара. Онъ издали узналъ княгиню и Мѣдникова.

Простившись, они разошлись въ разныя стороны. Она пошла вверхъ, къ парку: онъ повернулъ налѣво, перешелъ шоссе и взялъ внизъ, по берегу рѣчки.

Кровь прилила къ головѣ Бориса. Все съ него слетѣло. Ему неудержимо захотѣлось догнать Мѣдникова, остановить его и потребовать объясненія, ни объ чемъ не просить, ничего ни-

щенски не выманивать; а прямо, въ упоръ поставить ему нѣсколько вопросовъ, не смущаясь ничѣмъ.

Онъ перебѣжалъ шоссе и въ двѣ минуты догналъ Мѣдникова.

— Профессоръ!—окликнулъ онъ.

Тотъ обернулся.

— А, это вы!—выговорилъ онъ съ усмѣшкой, которая еще болѣе возбудила Бориса.

— Да, это я.

— Вы ко мнѣ шли развѣ?

Никогда въ дѣтствѣ этотъ человѣкъ не былъ для него такъ противенъ, какъ теперь, послѣ ихъ утренней, условленной встрѣчи съ его матерью.

Чего же еще сомнѣваться въ томъ, что онъ заговорщикъ противъ чести и свободы, если не жизни отца?! И съ какой же стати ждать, уклоняться, малодушно допускать, чтобы такое гнусное дѣло шло своимъ порядкомъ?

— Профессоръ,—заговорилъ Борисъ прерывисто, — я просилъ васъ вчера принять меня. Но это слишкомъ долго... То, чего я сейчасъ былъ свидѣтелемъ—заставляетъ меня не просить, а требовать,—онъ сдѣлалъ громкую передышку,—да, требовать, чтобы вы меня выслушали сейчасъ же!

Въ глазахъ Мѣдникова что-то мелькнуло. Передъ нимъ стоялъ, очевидно, субъектъ въ состояніи, близкомъ къ „аффекту“, быть-можетъ не безопасный.

— Вамъ угодно говорить со мною теперь?

— Мы можемъ подняться на галерею. Намъ никто тамъ не помѣшаетъ.

— Пожалуй!—съ легкимъ пожатіемъ плечъ выговорилъ Мѣдниковъ.

Борисъ взбѣжалъ на крутую лѣстницу и почти упалъ на первый диванъ, справа отъ входа къ источнику.

„Вотъ исторія-то!“—подумалъ Мѣдниковъ, готовясь къ чему-нибудь „дикому“, съ тѣмъ особымъ чувствомъ, какое навыкомъ выработалъ себѣ въ такихъ случаяхъ.

— Я не хочу, профессоръ, терять много словъ... Если я еще сомнѣвался, то теперь для меня все ясно...

— Чтò же именно?—остановилъ Мѣдниковъ и вбокъ сталъ глядѣть на Бориса.

— Вы сейчасъ простились съ моей матерью... тамъ у воротъ... Вѣдь да?

— Совершенно вѣрно.

— Это не была случайная встрѣча?.. Я требую отъ васъ прямого отвѣта.

— Требуете?—переспросилъ Мѣдниковъ и опять усмѣхнулся.

— Да еслибъ вы и отрицали, для меня теперь все ясно.

— Чтò же именно?

— Васъ вызвали сюда для осмотра моего отца. И это дѣлалось тайно... приготовлялось годами... Прошедшаго я не могу и не хочу касаться. Мы будемъ говорить только о томъ, чтò происходитъ теперь... Вы здѣсь,—стало быть, вы согласились взять на себя роль...

— Позвольте, молодой человѣкъ, — перебилъ Мѣдниковъ и рукой коснулся плеча Бориса.—Нервы ваши болѣзненно возбуждены. У васъ, быть можетъ, есть разныя причины относиться съ недовѣріемъ къ обстановкѣ вашего батюшки. Но это не резонъ—объясняться со мною въ такомъ тонѣ. Чтò же собственно вамъ угодно отъ меня? Вчера я просилъ васъ ничего не говорить князю о томъ, что вы меня видѣли.

— Я беру свое слово назадъ!—крикнулъ Борисъ.—То, чтò я сейчасъ видѣлъ—позволяетъ мнѣ это.

— Но чтò же вы видѣли?

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ, потому что не хотите говорить неправды. Мнѣ, положимъ, все равно, господинъ Мѣдниковъ! Отвѣчайте или не отвѣчайте—я вижу, что тутъ уговоръ, выполненіе цѣлаго плана... Мой отецъ—одинъ. Кромѣ меня—около него нѣтъ ни одной души, ему не враждебной. И какъ бы я ни былъ ничтоженъ, но я предупреждаю васъ, что я пойду на все, на все...

— Полноте...

Мѣдниковъ взялъ Бориса за руку и не сразу отпустилъ ее.

Этотъ трепетный юноша, охваченный страстнымъ аффектомъ, не столько пугалъ его, сколько трогалъ. Иначе онъ и не могъ выказать себя.

— Подозрѣвать меня вы могли, Борисъ Ивановичъ,—заговорилъ Мѣдниковъ другимъ тономъ.—Но и я имѣлъ бы право, даже въ качествѣ врача, не отвѣчать вамъ на ваши допросные пункты. Зачѣмъ же мнѣ скрытничать? Княгиня обратилась ко мнѣ... На это у нея есть серьезные мотивы. Она узнала, что я тутъ, по близости, за границей. Что она не предупредила князя—это гораздо благоразумнѣе. Мы съ нимъ повидаемся, какъ старые знакомые. И тутъ—я васъ, какъ любящаго сына, попрошу ничего не портить. Одно изъ двухъ: или опасенія матушки вашей преувеличены, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ

никакой надобности тревожить князя... возбуждать его психію... Разсудите сами. Что же я, какъ врачъ, могу сдѣлать здѣсь, гдѣ я не имѣю никакого оффиціальнаго положенія? Поставить діагнозъ—и только. Положимъ, что и я найду состояніе князя серьезнымъ—лучше же вò-время захватить недугъ, чѣмъ давать ему развиваться.

„Ну да, ну да,—думалъ Борисъ,—ты обязанъ все это говорить, но почему же я долженъ тебѣ вѣрить?"

— Знаете, что я вамъ скажу... Боря... Извините, что я васъ такъ, по старой памяти, называю. Повѣрьте мнѣ, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ сейчасъ же сѣлъ въ поѣздъ и уѣхалъ отсюда... Но разъ я согласился... Вы видите, я вамъ говорю все по душѣ... потому что я васъ понимаю... и хотѣлъ бы всячески васъ успокоить. Вы хорошій юноша!

И онъ потрепалъ его по плечу.

Борисъ невольно вздрогнулъ отъ этого прикосновенія.

Голосъ Мѣдникова звучалъ искренно; но сдаться на его доводы что-то мѣшало. Прошедшее нельзя выкинуть изъ жизни. Еслибъ между Мѣдниковымъ и его матерью ничего не было въ ихъ прошломъ—онъ бы не пріѣхалъ сюда по ея вызову.

— Вы мнѣ не вѣрите, Борисъ Ивановичъ... Ужъ право не знаю—почему. Но скажите мнѣ пожалуйста: какъ же вы собрались стоять за вашего батюшку? Въ какомъ смыслѣ? Неужели вы думали, что надъ нимъ произвели бы какое-нибудь насиліе при моемъ участіи? Развѣ его теперь лишаютъ свободы, держатъ взаперти?

— Нѣтъ, онъ гуляетъ, или его возятъ, когда нога у него болитъ.

— Вотъ видите... И при постороннихъ онъ появляется?

— Да, обѣдаетъ часто со всѣми, и при гостяхъ.

Разговоръ получалъ другой оборотъ. Мѣдниковъ, полегоньку, заставилъ его отвѣтить на цѣлый рядъ вопросовъ.

— Если я васъ обо всемъ этомъ разспрашиваю, поймите, Борисъ Ивановичъ, это—въ прямомъ интересѣ вашего отца. Вы его любите, жалѣете, страдаете отъ того, какъ къ нему относятся въ вашемъ домѣ. Но ваше чувство къ князю должно дѣлать васъ чутче и наблюдательнѣе. Развѣ васъ лично не смущаетъ ничто въ томъ, что вы за послѣдніе годы замѣчали въ немъ?

— Отецъ физически ничѣмъ особенно не страдалъ, кромѣ болей въ ногахъ. Но въ немъ происходитъ душевный процессъ... внутри у него вдругъ закипитъ, и тогда онъ...

— Выдаетъ себя?—подсказалъ Мѣдниковъ.

— Но это не безуміе!—съ дрожью въ голосѣ крикнулъ Борисъ.—Это... если хотите... выходки... какъ называетъ ихъ мать и всѣ другіе.

— Человѣкъ его воспитанія и тона... въ нормальномъ состояніи духа не позволилъ бы себѣ ничего подобнаго.

— Можетъ быть... Развѣ недопустимъ, профессоръ... внутренній кризисъ... послѣ долгой душевной борьбы... когда человѣкъ не желаетъ подчиняться тому, чтò ему было навязано?.. Ему все равно. Я это понимаю... И вотъ...

Борисъ остановился. Ему сдѣлалось вдругъ стыдно—какъ же это онъ, въ какихъ-нибудь десять минутъ разговора, совсѣмъ вышибленъ изъ колеи, поддался доводамъ человѣка, которому онъ и вчера, и теперь такъ откровенно все высказывалъ?

— Чтò же вышло? Говорите, говорите, Борисъ Ивановичъ! Каждое ваше сообщеніе будетъ живѣе освѣщать то, чтò могло показаться прямо ненормальнымъ другимъ свидѣтелямъ.

— Отецъ... на обѣдѣ, у тетки, сталъ возмущаться тѣмъ, какъ люди малодушно цѣпляются за жизнь, впадаютъ въ самое отвратительное себялюбіе... Это было, если хотите...

— Безтактно?

— Но почему же безумно? Развѣ это не правда? И еслибъ такой разговоръ зашелъ между людьми другого сорта—такая выходка могла показаться даже симпатичной... И въ томъ, какъ говорилъ отецъ, не было ничего несвязнаго... Напротивъ! Всё такъ мѣтко, горячо, блестяще!

— Это, къ сожалѣнію, не доказательство,—проронилъ Мѣдниковъ.—Краснорѣчіе и даже логика могутъ значиться на лицо, и все-таки...

Онъ не договорилъ и посмотрѣлъ на часы.

— Послушайте, Борисъ Ивановичъ, нашу бесѣду мы еще возобновимъ. Я долженъ васъ оставить... Вы на меня налетѣли, милый юноша... какъ на какого-то злодѣя въ мелодрамѣ. Я не обижаюсь. Въ васъ заговорило хорошее чувство, и оцѣнить его я съумѣю. Повторяю: помогите и вы мнѣ, чѣмъ можете—въ прямомъ интересѣ вашего батюшки. Никакого предвзятаго отношенія къ нему во мнѣ нѣтъ. То, чтò я наблюдалъ въ немъ десять лѣтъ назадъ, когда пользовалъ его, я возьму во вниманіе. И только. А если—паче чаянія—нашлось бы что-нибудь серьезное, не надо ничего пугаться, а слѣдуетъ глядѣть въ глаза опасности. Смутитъ васъ чтò—скажите мнѣ. А главное, ничѣмъ не тревожьте отца. Это вашъ первый долгъ... Вы хоть и взяли ваше слово назадъ, но это такъ, сгоряча! Не слѣдуетъ вамъ предупреждать его...

Мой визитъ къ вашимъ—вещь самая простая. Я не чужой человѣкъ. Остальное ужъ предоставьте мнѣ. И княгиню прошу васъ не волновать, не поднимать въ ней совершенно ненужныхъ подозрѣній. Даете мнѣ слово, и въ томъ, и въ другомъ?

Мѣдниковъ, съ улыбкой въ глазахъ, пожалъ Борису руку и поднялся.

— А теперь съ Богомъ. Самое лучшее было бы для васъ— совсѣмъ не видаться сегодня до обѣда ни съ княземъ, ни съ матушкой вашей. Отъ васъ вѣдь не требуютъ, чтобы вы являлись обязательно къ завтраку?

— Нѣтъ, я могу и не являться.

— И разлюбезное дѣло! До свиданія!

Мѣдниковъ пошелъ по галереѣ къ боковой двери. Борисъ оставался нѣсколько минутъ на томъ же мѣстѣ, около входа въ залу. Все это вышло такъ быстро и неожиданно, что онъ не могъ еще самому себѣ отвѣтить: не попалъ ли онъ въ ловушку,—чему вѣрить, и что̀ считать ловкимъ пріемомъ спеціалиста?

П. Боборыкинъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ КРЕДИТЪ

ОЧЕРКЪ.

Кредитъ представляетъ самое необходимое и самое полезное орудіе производства. При нормальныхъ условіяхъ примѣненія, онъ приноситъ двойную пользу—пользу заемщику и пользу заимодателю.

Предположимъ, что у человѣка есть земля, но у него нѣтъ орудій производства; у сосѣда, напротивъ того, имѣются эти орудія въ избыткѣ. Не будь кредита, т.-е. довѣрія (потому что слово *кредитъ* именно означаетъ *довѣріе*), земля перваго человѣка осталась бы безъ обработки, а у сосѣда—излишнія орудія производства безъ употребленія, т.-е. безъ пользы. Но сосѣдъ довѣряетъ сосѣду, и потому за извѣстное вознагражденіе отдаетъ ему свои излишнія орудія производства въ кредитъ. По истеченіи одного, двухъ лѣтъ, заемщикъ изъ дохода своей земли, обработанной занятыми орудіями, будетъ, можетъ быть, въ состояніи не только уплатить за наемъ орудій, но и пріобрѣсть ихъ въ собственность; благодаря кредиту, онъ сдѣлается настоящимъ хозяиномъ.

Кредитъ въ такой первобытной формѣ не представляетъ никакого риска, а можетъ принести только пользу.

Если обстоятельства благопріятствуютъ землевладѣльцу, онъ получитъ доходъ отъ своей земли, который со временемъ дастъ ему возможность пріобрѣсть занятый предметъ. Если же обстоятельства сложились неблагопріятно, если онъ потерпѣлъ отъ неурожая, то онъ или лишится всякаго дохода, или получитъ самый незначительный доходъ, достаточный только для уплаты за за-

нятое орудіе, дальнѣйшаго же ущерба онъ не потерпитъ. Ему придется возвратить занятое орудіе его собственнику, но положеніе его если и не улучшится, то по крайней мѣрѣ оно не ухудшится противъ того, въ какомъ онъ находился до заключенія займа; онъ въ началѣ не обладалъ орудіемъ производства и теперь остается безъ него; матеріальное положеніе его не ухудшилось, онъ только задаромъ употребилъ свой трудъ; но, не имѣя орудія производства, онъ точно также не могъ бы извлечь выгоды изъ своего труда.

Затѣмъ кредитъ можетъ выразиться еще въ другой формѣ. У заемщика есть какое-либо движимое имущество, но онъ нуждается въ деньгахъ. При данныхъ условіяхъ онъ можетъ продать это имущество только за безцѣнокъ, но, обождавъ нѣкоторое время, онъ надѣется получить откуда либо доходъ, который позволитъ ему совершенно не продавать своего имущества, или, при остающейся необходимости продажи, онъ можетъ разсчитывать на продажу своего имущества по гораздо болѣе выгодной цѣнѣ.

При такихъ условіяхъ онъ занимаетъ деньги подъ закладъ указаннаго имущества; при этой формѣ кредита, слово: кредитъ, сохраняетъ только переносное значеніе, ибо, въ сущности, никакого довѣрія въ данномъ случаѣ не оказывается, такъ какъ деньги выдаются подъ вещественный залогъ. Если надежда заемщика оправдается и онъ получитъ откуда либо необходимыя деньги для выкупа своего залога, то онъ будетъ находиться въ положительной выгодѣ, потому что будетъ имѣть возможность продать свои продукты гораздо дороже.

Въ противномъ же случаѣ, т.-е. когда онъ необходимыхъ денегъ не добудетъ, и когда цѣна продукта на рынкѣ не повысится, онъ все же не потерпитъ никакого ущерба, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился въ моментъ заключенія займа,—онъ и тогда принужденъ былъ продавать свое имущество за безцѣнокъ, такъ что большой разницы въ его положеніи не произойдетъ. И эта форма кредита не представляетъ потому почти никакого риска.

Наконецъ, третья форма кредита—это отдача денегъ въ заемъ безъ непосредственнаго обезпеченія, какъ бы по личному довѣрію. Эта форма въ промышленныхъ оборотахъ самая удобная, но она подвержена, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительному риску и потому представляетъ значительную опасность, такъ что ею приходится пользоваться съ большою осмотрительностью. Если предполагаемое производство не удалось и не дало дохода, то въ

случаѣ неуплаты долга,—такъ какъ долгъ не гарантированъ извѣстною частью имущества,—на удовлетвореніе кредитора можетъ быть приступлено къ отчужденію всего имущества заемщика; такъ что послѣ неудавшейся сдѣлки положеніе послѣдняго не только не останется прежнимъ, но, напротивъ того, значительно ухудшится; онъ можетъ быть даже совершенно разоренъ неосторожнымъ пользованіемъ кредитомъ,—ему было бы лучше, если бы ему никакого довѣрія не было оказано.

Первый родъ кредита ближе всего подходитъ подъ то, что̀ принято называть *меліоративнымъ* кредитомъ; вторая форма—*вещественный* или *залоговый* кредитъ, а третья форма—*личный* кредитъ.

Наиболѣе подходящими для мелкаго землевладѣльческаго населенія суть первыя двѣ формы кредита, между тѣмъ какъ третья болѣе свойственна промышленному и торговому производству.

Это особенно примѣнимо къ нашему крестьянскому сословію, которое—при своей бѣдности, а часто и по неразвитости и легкомыслію—готово занимать деньги при какихъ угодно условіяхъ, не особенно заботясь о томъ, откуда получатся средства на возвратъ занятыхъ денегъ; при такихъ условіяхъ личный кредитъ представляетъ особенную, усиленную опасность, между тѣмъ какъ двѣ первыя формы кредита, принося во всякомъ случаѣ пользу, не представляютъ риска и опасности и потому не могутъ ухудшить экономическое положеніе сельскаго хозяина.

Крестьянинъ занимаетъ деньги или для производительной цѣли, или для потребительныхъ нуждъ. При бѣдности нашего сельскаго сословія, крестьянскіе займы имѣютъ большею частію послѣдній характеръ. Бѣдняку нужны деньги во что бы то ни стало, онъ занимаетъ ихъ, при отсутствіи сельско-кредитныхъ учрежденій, у своего богатаго односельца и обыкновенно на крайне тягостныхъ условіяхъ—отсюда образованіе кулачества.

Кто знако̀мъ съ условіями сельскаго крестьянскаго быта, тому не трудно опредѣлить постепенное движеніе потребностей и измѣненіе нуждъ сельскаго населенія въ теченіе хозяйственнаго года.

Въ началѣ года, послѣ Крещенья, идутъ крестьянскія свадьбы, требующія по установленному обычаю большихъ расходовъ.

Весною и при началѣ полевыхъ работъ требуются деньги на покупку сѣмянъ, на пріобрѣтеніе хозяйственныхъ орудій и на уплату задатка за арендуемыя земли.

Въ теченіе первой половины лѣта надо покупать хлѣбъ для пропитанія семьи (во многихъ мѣстностяхъ эта потребность на-

ступаетъ уже гораздо раньше) и платить повинности за первую половину года.

Осенью хлѣбъ собранъ—надо платить подати, и потому приходится за-дешево его продавать, когда цѣны еще не установились.

И только зимою, съ января по мартъ, послѣ продажи излишка урожая и послѣ зимнихъ заработковъ, у крестьянъ можетъ появиться лишняя копѣйка.

Какъ уже замѣчено выше, большая часть этихъ потребностей, въ случаѣ недостатка собственныхъ средствъ, удовлетворяется займами у мѣстныхъ кулаковъ. Эти деревенскіе займы болѣе всего подходятъ подъ вторую форму кредита—кредита вещественнаго, залоговаго или закладного, но все же отличаются отъ послѣдняго тѣмъ, что залогъ, большею частію полоса земли или сѣнокосъ, при неуплатѣ не поступаетъ въ собственность кредитора, и остается только въ его пользованіи до тѣхъ поръ, пока изъ доходовъ его не восполнится весь долгъ. До чего доходитъ тяжесть подобнаго кредитованія, можно усмотрѣть, напримѣръ, изъ слѣдующихъ данныхъ, сообщенныхъ въ 1894 г. земскимъ начальникомъ новоградскаго уѣзда, И. Ѳ. Кошко, въ „Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговли“.

Въ описываемой мѣстности роскошные покосы, и сѣно—цѣнный продуктъ. Въ каждой деревнѣ, имѣющей покосы, есть свой сѣнопромышленникъ. У него въ деревнѣ обыкновенно своя мелочная лавка, соединенная съ кабакомъ. Во время безработицы и при недостаткѣ хлѣба крестьяне, поклонившись ему въ ноги, продаютъ душу покоса отъ 8 р. до 15 р., будучи обязаны еще забирать изъ его лавки продукты плохіе и дорогіе; а кулакъ въ свое время перепродаетъ петербургскимъ сѣноторговцамъ ту же душу за 25 и даже до 45 рублей. Въ осеннюю распутицу и при взысканіи въ это время податей, мужикъ на каждой четверти овса теряетъ отъ 1 р. до 1 р. 50 коп. Въ описываемомъ участкѣ—3.924 домохозяина, и только одна четвертая часть ихъ не прибѣгаетъ къ помощи кулаковъ. Такимъ образомъ, около 3.000 домохозяевъ теряютъ на овсѣ ежегодно отъ 45.000 до 70.000 руб., тогда какъ тѣ же домохозяева платятъ казенныхъ земскихъ и мірскихъ повинностей, считая по 8 р. 20 коп. на душу, лишь 71.800 руб. Результатъ подобнаго кредитованія—значительное число безлошадныхъ крестьянъ, паденіе нравственности и пьянство.

Этого одного примѣра достаточно для выясненія, насколько крестьяне нуждаются по временамъ въ деньгахъ и насколько

отсутствіе правильно организованнаго мелкаго сельскаго кредита дѣйствуетъ пагубно на ихъ благосостояніе. А такихъ примѣровъ можно бы привести не одинъ, а тысячи. Намъ самимъ извѣстны случаи, когда крестьяне занимали деньги посредствомъ запродажи хлѣба на корню, отдавая за какіе-нибудь 14 р. полосу, засѣянную хлѣбомъ, который послѣ умолота продавался за 40 р. и болѣе.

Въ какой мѣрѣ благосостояніе крестьянъ поднимается немедленно съ устройствомъ благоразумнаго кредитованія, видно изъ дальнѣйшаго сообщенія того же референта.

Въ виду существовавшаго зла, И. Ѳ. Кошко принялся самъ за организацію кредита изъ небольшихъ остатковъ волостныхъ суммъ. Въ 1891 г. было выдано 938 рубл.; въ 1892—2.171 рубль; въ 1893—2.449 р. Получали бѣдняки, и тѣмъ не менѣе все было своевременно ими уплачено. Въ 1891 году, по соглашенію съ губернской земской управой, выдано въ долгъ изъ складовъ управы 50 плуговъ, на 340 рублей. Деньги потомъ были уплачены. Въ виду этого, управа ассигновала на такой же предметъ ежегодный кредитъ въ 3.000 р. Выдано въ долгъ въ 1892 году—156 плуговъ, 340 косъ и др. предм., на сумму 1.495 рубл.; въ 1893 году—166 плуговъ, сѣмена, косы и т. п.—на сумму 1.511 рубл.; въ 1894 году выдано такихъ предметовъ на 1.825 р., и всѣ эти выдачи уплачены. Довольно существенная и выгодная для крестьянъ операція произведена была въ 1892—1893 году мукою и овсомъ. Въ 1893 году было заготовлено и выдано въ долгъ муки 4.448 пуд., по 10 р. 20 коп. за куль, при цѣнѣ по деревнямъ 12 руб.; — овса выдано въ долгъ 4.188 пудовъ, по 4 р. 40 коп., при обычной цѣнѣ 5 р. 50 коп.; ржи 802 пуда, по 9 р. 80 коп., при обычной цѣнѣ лавочниковъ 11 р. 50 коп. Итакъ, въ теченіе 1893 года крестьяне сберегли на этой операціи 2.261 р. 2 коп. Въ 1893 году докладчикъ взялъ изъ новгородскаго отдѣленія коммиссіоннаго банка 4.511 р. для крестьянъ подъ своимъ бланкомъ, главнымъ образомъ для лѣсныхъ операцій. Въ іюлѣ этотъ банкъ лопнулъ; крестьяне это знали, и ни одинъ вексель не былъ даже протестованъ. Въ 1894 году на тѣхъ же основаніяхъ было выдано изъ банкирской конторы Соловьева и К° 5.724 р. 80 к.; деньги были своевременно уплачены, и ни одинъ вексель не протестованъ. Операція съ открытыми докладчикомъ общественными лавками дала блестящіе результаты, оказавъ огромную помощь мѣстнымъ кустарямъ.

Изъ всего вышеизложеннаго докладчикъ приходилъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Самый бѣдный крестьянинъ, если его не развратило пьянство, кредитоспособенъ.

2) Капиталы, помѣщенные въ дѣло крестьянскаго кредита, если операціи ведутся съ дѣйствительнымъ знаніемъ не только мѣстнаго быта, но и отдѣльныхъ личностей, не подлежатъ риску.

3) Истинное знаніе кредитоспособности крестьянъ доступно только ихъ однодеревенцу-старшинѣ; все дѣло въ томъ, чтобы заставить старшину говорить правду,—а это доступно земскому начальнику.

4) Улучшеніе положенія крестьянъ должно быть начато съ учрежденія кредита.

5) Потребность въ крестьянскомъ кредитѣ насущна; каждый годъ замедленія приноситъ населенію милліонные убытки.

6) Земскіе начальники, обязанные закономъ контролировать сельскія кредитныя учрежденія, представляютъ готовый органъ для этого дѣла на мѣстѣ.

7) Фонды для кредитныхъ операцій должны быть при волостныхъ кассахъ; разрѣшеніе ссудъ и взысканій по нимъ должно лежать на земскихъ начальникахъ.

Вышеприведенный случай крайне поучителенъ: крестьяне бѣдствовали по недостатку кредита; нашелся хорошій человѣкъ, который взялъ это дѣло въ свои руки,—и общее благосостояніе поднялось поразительно.

Что̀ же вообще до сихъ поръ сдѣлано во всей Россіи для доставленія кредита сельскому населенію, теряющему, по словамъ И. Ѳ. Кошко, ежегодно милліоны, вслѣдствіе отсутствія этого кредита?

Первыя попытки образованія сельскаго кредита принадлежатъ министерству государственныхъ имуществъ. Уже въ 1840 году у государственныхъ крестьянъ существовали волостныя кассы, изъ которыхъ крестьянамъ выдавались ссуды на разныя ихъ потребности. Къ сожалѣнію, при халатномъ отношеніи къ дѣлу и неумѣломъ чиновничьемъ, чисто формальномъ надзорѣ за ними, дѣла этихъ кассъ шли крайне неудовлетворительно, и кончилось тѣмъ, что всѣ счета перепутались. Ко времени освобожденія крестьянъ такихъ кассъ считалось, однако, еще 2.082, въ которыхъ числилось болѣе 8 милліоновъ капитала. Послѣ освобожденія крестьянъ, всѣ эти кассы исчезли; нельзя объ этомъ не сожалѣть, потому что еслибы на нихъ было обращено достаточное вни-

маніе, то изъ нихъ могли бы образоваться полезные зачатки для развитія сельскаго кредита.

Съ тѣхъ поръ въ теченіе продолжительнаго ряда лѣтъ ничего не было сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Въ послѣднее время начались, какъ со стороны отдѣльныхъ частныхъ лицъ, такъ и со стороны земствъ, отдѣльныя попытки въ разныхъ мѣстахъ къ удовлетворенію, въ той или другой формѣ, мѣстной кредитной потребности,—попытки, принесшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго примѣра, несомнѣнную пользу; но это были единичныя рѣдкія явленія, которыя до сихъ поръ еще не могли имѣть общаго значенія.

Движеніе, направленное къ развитію мѣстнаго кредита, стало получать болѣе общее значеніе только со времени появленія ссудо-сберегательныхъ товариществъ, починъ которымъ былъ положенъ стараніями князя А. И. Васильчикова и А. Я. Яковлева, при участіи еще нѣкоторыхъ другихъ лицъ. О развитіи, которое получило съ тѣхъ поръ это столь полезное учрежденіе, можно судить по нижеслѣдующимъ цифрамъ, основаннымъ на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ за послѣднее время комитету ссудо-сберегательныхъ товариществъ, 608-мью товариществами, отозвавшимися въ 1896 году на приглашеніе комитета доставить ему обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла.

Общее число членовъ означенныхъ 668 товариществъ возросло съ 4.875 человѣкъ, въ 1872 году, до 218.000 (круглымъ числомъ) въ 1895 году; паёвый капиталъ возросъ за это время съ 24.500 до 6.700.000 рубл.; запасный капиталъ—съ 2.000 до 2.000.000 р.; посторонніе вклады возросли съ 17.000 почти до десяти милліоновъ рублей. Ссудъ товариществами было выдано въ 1872 году 97.000 р., а въ 1895 году оставалось къ концу года выданныхъ ссудъ 21.000.000 рубл. Общій годовой оборотъ возросъ съ 392.000 до $95^1/_2$ милліоновъ рублей; наконецъ, чистая прибыль съ 7.000 р. дошла до 971.000 рубл.

Въ теченіе всего своего существованія ссудо-сберегательныя товарищества получили изъ государственнаго банка около 20 милліоновъ рублей, за которые они уплатили банку 1.200.000 р. процентовъ, по 5% въ годъ; потери госуд. банкъ по этимъ долгамъ почти никакой не потерпѣлъ.

Въ 1895 году правительство приняло нѣсколько большее участіе въ развитіи этого полезнаго предпріятія, издавъ Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита и подчинивъ эти учрежденія нѣкоторому контролю со стороны кредитной канцеляріи. Весьма существенное нововведеніе въ Положеніи 1895 года за-

ключается въ ст. 14, допускающей пріемъ движимаго имущества въ обезпеченіе займовъ, выдаваемыхъ изъ учрежденій мелкаго кредита.

Повидимому, все это представляетъ весьма удовлетворительные результаты — годовой оборотъ въ 95 милліоновъ, выдано ссудъ въ 21 милліонъ, цифры очень почтенныя. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговорить, что цифра оборотовъ значительно увеличивается переписываніемъ ссудъ, отчего одна и та же ссуда появляется нѣсколько разъ въ балансѣ товарищества.

Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія извлечены, какъ мы видѣли, изъ отчетовъ 608 товариществъ, доставленныхъ комитету въ 1896 году. Число товариществъ за 25 лѣтъ ихъ существованія было несомнѣнно гораздо болѣе 608, но изъ числа образовавшихся товариществъ значительная часть прекратила свое существованіе послѣ немногихъ лѣтъ; другія продолжаютъ существовать номинально, но въ дѣйствительности не производятъ никакихъ операцій. Такимъ образомъ, можно признать, что число дѣйствительно-оперирующихъ товариществъ не превышаетъ 608, сохранившихъ свою связь съ комитетомъ. Товарищества, не доставившія ему своихъ отчетовъ, можно считать несуществующими.

Опытъ вообще показалъ, что ссудо-сберегательныя товарищества могли благопріятно существовать и исправно вести дѣло только тамъ, гдѣ находились благомыслящіе люди изъ образованнаго класса, которые принимали на себя руководство въ товариществѣ. По общему отзыву, вездѣ, гдѣ толковые и образованные люди заботились о товариществѣ, дѣло шло хорошо; гдѣ же таковыхъ не оказывалось, дѣло пропадало; оставаясь въ рукахъ исключительно крестьянъ, оно всегда подпадало подъ власть кулаковъ. Напротивъ того, при толковомъ руководствѣ посторонними лицами, крестьяне при всей своей малоразвитости постепенно входили въ дѣло, ознакомлялись съ нимъ и получали возможность правильно вести его. Образовать же подобное товарищество отъ себя, безъ всякаго посторонняго указанія и руководства—для этого большею частью въ сельскомъ классѣ еще не оказывалось достаточнаго развитія. Другое затрудненіе къ преуспѣянію это полезное дѣло встрѣчало въ средѣ самихъ крестьянъ; врагами и противниками товарищества почти вездѣ являлись мѣстные кулаки, стремившіеся всѣми путями помѣшать успѣху дѣла, наносившаго имъ несомнѣнный вредъ. Для преодолѣнія этого противодѣйствія, крестьяне и нуждались особенно въ совѣтахъ и поддержкѣ лицъ изъ образованнаго класса.

Какъ бы то ни было, успѣхъ несомнѣнно существенный: 608 товариществъ, 218.000 членовъ съ 20-ью милліонами годовой ссуды—цифры очень внушительныя!

Но если въ виду тѣхъ трудностей, которыя приходится преодолѣвать въ этомъ дѣлѣ, достигнутый результатъ можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ, то въ виду существующей въ странѣ потребности въ кредитѣ—пользу, приносимую ссудо-сберегательными товариществами, слѣдуетъ считать каплею въ морѣ. Самъ комитетъ въ своемъ 22-мъ отчетѣ заявляетъ, что „какъ ни утѣшительны изложенные выше результаты дѣятельности товариществъ, нельзя не признать, что по сравненію съ ростомъ потребности земледѣльческаго и промысловаго населенія въ кредитѣ—численный приростъ и внутреннее развитіе товариществъ, какъ и вообще учрежденій мелкаго кредита, происходитъ крайне медленно".

Если считать все сельское населеніе Россіи круглымъ числомъ только въ 80 милліоновъ душъ, то, принимая по одному рабочему на 4 души обоего пола, это дало бы 20 милліоновъ рабочихъ,—между тѣмъ число членовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ едва превышало, въ 1895 году, 200.000, что составляетъ не болѣе *одного процента* всѣхъ рабочихъ. Еслибы только половина рабочаго населенія вошла въ составъ товариществъ, то размѣръ ссудъ долженъ бы увеличиться до 50 разъ и достигнуть до одного милліарда вмѣсто 20 милліоновъ рублей. Какъ далеко поэтому распространеніе этого полезнаго учрежденія отъ желаемой цѣли!

Но затѣмъ является еще другой вопросъ — насколько по существующему своему устройству и по характеру операцій ссудо-сберегательныя товарищества могутъ вообще удовлетворять потребности въ сельскомъ кредитѣ.

По весьма распространенному у насъ мнѣнію, ссудо-сберегательныя товарищества могутъ приносить дѣйствительную пользу только мелкимъ промышленникамъ и богатымъ крестьянамъ, менѣе другихъ нуждающимся въ помощи кредита, между тѣмъ какъ именно бѣдные и безхозяйственные крестьяне, которые болѣе всѣхъ нуждаются въ поддержкѣ, никакой пользы отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ не получаютъ. Ссудо-сберег. товарищества соединяютъ по своему характеру операцію сбереженія съ ссудной операціей. Большинство крестьянъ однако, по своей бѣдности, о сбереженіяхъ не могутъ и думать, а нуждаются только

въ ссудѣ. Такимъ образомъ, по объясненію лицъ, держащихся этого мнѣнія, ограниченіе круга лицъ, могущихъ поступить въ нынѣшнія ссудо-сберегательныя товарищества, служитъ причиною того, что эти учрежденія не принесли серьезной пользы подъему народнаго благосостоянія и не избавили сельскаго населенія отъ ростовщиковъ и кулаковъ—и потому не достигли той цѣли, которая имѣлась въ виду. Разъ задачею сельскаго кредита является желаніе освободить деревенское населеніе отъ ростовщичества и кулачества во всѣхъ ихъ проявленіяхъ—необходимо поставить сельскій кредитъ такъ, чтобы онъ могъ въ той же степени удовлетворять всѣмъ истиннымъ нуждамъ населенія, въ которой нынѣ удовлетворяютъ ихъ частные благодѣтели, хотя и на обременительныхъ для заемщика условіяхъ.

Оказывая помощь только состоятельнымъ крестьянамъ, ссудосберегательныя товарищества не допускаютъ къ пользованію кредитомъ крестьянъ безхозяйственныхъ, а между тѣмъ многимъ изъ нихъ кредитъ далъ бы возможность стать на ноги.

Мы привели главнѣйшіе доводы противниковъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ; насколько же ихъ мнѣніе о безполезности распространенія товариществъ для крестьянскаго населенія основательно? Князь Я. Г. Щербатовъ, руководящій однимъ изъ наиболѣе удачныхъ товариществъ въ рузскомъ уѣздѣ, указываетъ что сельско-хозяйственныя ссуды рѣдко превышаютъ размѣръ 25 руб. и берутся обыкновенно для того, чтобы обойтись весною безъ продажи скота, на сѣмена и въ видахъ полученія высшей цѣны за тотъ же скотъ, когда онъ оправится на весеннемъ подножномъ корму, а также осенью, для удержанія урожая овса, ржи и сѣна до весны, когда цѣны стоятъ выше осеннихъ. Все это потребности не только богатыхъ, зажиточныхъ крестьянъ, но и хозяевъ средней руки, и въ этой сферѣ польза, принесенная хорошо руководимыми товариществами сельскому хозяйству, не подлежитъ сомнѣнію.

Но можно ли, затѣмъ, утверждать, что малозажиточные и безхозяйственные крестьяне лишены совершенно доступа къ этой формѣ кредита?

Весьма интересный и обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ замѣчательной монографіи В. И. Яковенко, посвященной дѣятельности и оборотамъ миргородскаго ссудо-сберегательнаго товарищества (въ полтавской губерніи), которое онъ обслѣдовалъ по порученію с.-петербургскаго отдѣла комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ въ 1894 году. Въ виду

интереса этого предмета считаемъ не излишнимъ привести здѣсь довольно пространную выдержку изъ этого интереснаго труда.

Судя по названію миргородскаго товарищества, это товарищество городское, и потому едва ли могло бы служить даннымъ для изслѣдованія вліянія ссудо-сберегательныхъ товариществъ на сельское населеніе. Но въ дѣйствительности Миргородъ—городъ только по названію, потому что большинство его населенія—казаки и крестьяне—занимается сельскимъ хозяйствомъ. Для характеристики состоятельности этихъ сельскихъ хозяевъ необходимо прежде всего указать на наличность живого инвентаря у нихъ въ хозяйствѣ. Въ томъ году, когда г. Яковенко производилъ свое изслѣдованіе, хозяевъ, не имѣвшихъ вовсе скота, насчитывалось во всемъ уѣздѣ 35%, а въ одномъ Миргородѣ 45%; въ числѣ же членовъ товарищества—50%. Хозяевъ, обладавшихъ одной штукой скота, въ уѣздѣ было—14%, въ Миргородѣ—20%; а въ числѣ товарищей—30%. Обладавшихъ 2—3 штуками скота въ уѣздѣ было—33%, въ Миргородѣ—25%, а въ составѣ членовъ товарищества—только 17%. Наконецъ, богатыхъ хозяевъ (богатырей) было въ уѣздѣ—17%, въ Миргородѣ—11%, а въ товариществѣ—только 4%.

Уже изъ этихъ цифръ оказывается, что семьи, вовсе не обезпеченныя рабочимъ скотомъ или обезпеченныя имъ скудно, совсѣмъ несоотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ хозяйства, составляли среди членовъ товарищества четыре-пятыхъ, между тѣмъ какъ въ городѣ онѣ составляли только двѣ-трети, а въ уѣздѣ—даже менѣе половины. Хозяевъ же болѣе обезпеченныхъ въ товариществѣ насчитывалось не болѣе 4%. Это потому, что въ миргородское товарищество стучались преимущественно бѣдняки; стучались—и дверь имъ отворялась. Мѣстные же „богатыри“ вовсе не интересуются товариществомъ, въ томъ смыслѣ, чтобы пользоваться имъ, какъ орудіемъ для дальнѣйшаго своего обогащенія. Притомъ же подъ именемъ слабыхъ хозяевъ не слѣдуетъ разумѣть такихъ, которые только по имени сельскіе хозяева, а въ дѣйствительности занимаются преимущественно разными другими дѣлами,—это именно бѣдные земледѣльцы, какъ можно заключить изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. Изъ общаго числа переписанныхъ г. Яковенко хозяевъ только 22,3% не производятъ посѣвовъ; число же безземельныхъ крестьянъ составляетъ 28,5%, а безскотныхъ—49,6%. Такимъ образомъ, не только хозяева, имѣющіе хотя самый ничтожный клочокъ земли, но даже нѣкоторая часть безземельныхъ крестьянъ занимается земледѣліемъ,—послѣдніе, очевидно, на арендованныхъ земляхъ. Въ общемъ

числѣ переписанныхъ членовъ товарищества арендующихъ пахотную землю считалось 55,4%.

Изъ числа миргородскихъ жителей часть становится жать изъ снопа (т.-е. идетъ въ мѣстный наемъ), и часть уходитъ въ дальніе заработки. Хозяйства, жнущія со снопа, составляютъ 29% общаго числа переписанныхъ хозяевъ. Вообще же замѣчено, что идутъ жать со снопа преимущественно хозяева совсѣмъ обѣднѣвшіе, не могущіе даже собрать денегъ на отправку своихъ членовъ въ другія губерніи, и процентъ такихъ хозяйствъ въ два раза больше процента хозяевъ, отправляющихъ своихъ членовъ на дальніе заработки. Это говоритъ тоже не въ пользу мнѣнія, яко бы, о большой состоятельности хозяевъ, принимающихъ участіе въ товариществѣ. Наконецъ, изъ 260 семей, переписанныхъ г. Яковенко, 18% ведутъ свое хозяйство въ такомъ размѣрѣ, что имѣютъ излишній хлѣбъ и растенія для продажи на сторону; 19%—обходятся своимъ хлѣбомъ, но ничего не продаютъ на сторону; 5%—одни продукты покупаютъ, а другіе продаютъ; 58%—прикупаютъ хлѣбъ для собственнаго употребленія.

Такимъ образомъ, всѣ вышеприведенныя цифры показываютъ, что изъ общей массы крестьянскаго и казачьяго населенія въ члены товарищества идутъ преимущественно люди малоземельные, имѣющіе мало скота, принужденные усиленно арендовать землю на сторонѣ, занимающіеся промыслами, но мало зарабатывающіе на этихъ промыслахъ, располагающіе самымъ скуднымъ мѣстнымъ инвентаремъ и въ результатѣ всего не могущіе въ большинствѣ случаевъ обойтись собственнымъ хлѣбомъ,—однимъ словомъ, рабочій, сермяжный, бѣдный людъ, а вовсе не богатыри; вотъ что̀ даетъ главнѣйшій контингентъ ссудо-сберегательному товариществу. Самъ г. Яковенко признается, что онъ былъ пораженъ результатами своего изслѣдованія, такъ какъ, приступая къ разработкѣ своихъ матеріаловъ, онъ предполагалъ найти совершенно другое. Согласно распространенному въ то время взгляду, онъ предполагалъ, что услугами товарищества пользуются главнымъ образомъ состоятельные крестьяне, зажиточные кулаки и деревенскіе эксплуататоры, что товарищество превращается, такимъ образомъ, въ орудіе лишь болѣе сильнаго и что для бѣднаго люда оно почти недоступно. Нечего объяснять, — прибавляетъ г. Яковенко,—какимъ образомъ сложился подобный взглядъ, вполнѣ гармонируя съ нѣкоторыми теоретическими воззрѣніями.

Слѣдуетъ замѣтить,—продолжаетъ г. Яковенко, —что въ массѣ простого народа къ паямъ относятся вовсе не какъ къ сбереженіямъ, а лишь какъ къ условію, безъ котораго невозможно

получить ссуду. Какъ нужно платить проценты за взятую ссуду, такъ нужно платить и пай въ товарищество, чтобы получить ее. Не мало было случаевъ, что крестьянинъ или казакъ, взявшій ссуду, аккуратно уплачивалъ свои паёвые взносы до тѣхъ поръ, пока общая сумма ихъ не достигала размѣровъ взятой ссуды; тогда онъ находилъ, что выполнилъ свое обязательство передъ товариществомъ, такъ какъ пай идетъ за ссуду, и затѣмъ переставалъ даже считать себя членомъ, не ходилъ въ товарищество и при напоминаніи просилъ исключить его. Вообще сберегательные мотивы по отношенію къ товариществу обнаруживаются весьма слабо въ народной массѣ; поэтому на паи слѣдуетъ смотрѣть какъ на источники оборотныхъ средствъ и какъ на условіе выдачи ссудъ, хотя тѣмъ не менѣе—стремится ли масса къ этому или не стремится—*паи все же составляютъ прямое сбереженіе.*

Членовъ товарищества можно подраздѣлить на двѣ группы: торговцы, съ большою паёвою долею, и „хліборобы“ (т.-е. земледѣльцы), у которыхъ средняя величина паёвой доли—самая меньшая; эта группа составляетъ свои паи путемъ незначительныхъ взносовъ, но, благодаря своей многочисленности, это—самая важная для товарищества группа: изъ ея грошей составляется около половины паёвыхъ капиталовъ, и вся дѣятельность миргородскаго товарищества держится преимущественно на паёвыхъ капиталахъ; съ міру по ниткѣ—голому рубаха! Изъ 25 коп. въ мѣсяцъ, вносимыхъ при томъ крайне неаккуратно, собираемыхъ понужденіями и со всякими отсрочками, образуются тысячи и даже десятки тысячъ рублей, дающіе возможность нѣсколькимъ сотнямъ мало имущихъ людей и даже бѣдняковъ избѣжать въ трудную минуту руки ростовщиковъ. Какъ уже указано, платежи на паи не поступаютъ аккуратно ежемѣсячно; не всѣ мѣсяцы для людей, живущихъ своимъ трудомъ, одинаково удобны для уплаты своихъ обязательствъ; самыя большія поступленія происходятъ въ февралѣ, мартѣ и декабрѣ. Самый неблагопріятный мѣсяцъ—январь: послѣ праздниковъ народъ безъ денегъ, а затѣмъ—мѣсяцы іюль и октябрь.

По уставу, ссуды выдаются въ размѣрѣ, превышающемъ паёвый взносъ не болѣе какъ въ полтора раза, а при поручительствѣ—въ три раза, на срокъ не свыше девяти мѣсяцевъ. Повидимому, на основаніи цифровыхъ данныхъ можно бы заключить, что съ теченіемъ времени ссуды начинаютъ обмѣниваться все быстрѣе и быстрѣе, при чемъ усиливается и польза, приносимая этими операціями. Но это только кажущаяся сторона

дѣла, ибо переписка ссудъ маскируетъ дѣйствительный характеръ движенія ссудной операціи. Переписка превращаетъ краткосрочную ссуду въ долгосрочную, хотя въ балансѣ переписывается ссуда какъ краткосрочная,—но она повторяется нѣсколько разъ, искусственно увеличивая общую сумму выданныхъ ссудъ. Есть полное основаніе предполагать, что кажущееся усиленное обращеніе ссуды—чисто фиктивное, какъ послѣдствія простой переписки, значительно усилившейся въ послѣднее время. Населеніе, убѣдившись въ томъ, что препятствія въ перепискѣ оно встрѣчать не будетъ, естественно стало предпочитать, подъ вліяніемъ усилившейся нужды вслѣдствіе цѣлаго ряда неурожайныхъ годовъ, брать ссуды на болѣе краткіе сроки, такъ какъ при этомъ приходится вносить одновременно меньше процентовъ. Только при такихъ условіяхъ общій оборотъ миргородскаго товарищества по ссудамъ за двѣнадцать лѣтъ могъ превышать полъ милліона рублей.

По уставу, отсрочки допускаются только одинъ разъ и не болѣе какъ на три мѣсяца; затѣмъ просроченная ссуда должна подлежать взысканію. Но на самомъ дѣлѣ въ миргородскомъ товариществѣ съ самаго начала его дѣятельности стала практиковаться не отсрочка, а переписка, по самому существу своему не знающая никакихъ сроковъ и никакихъ ограниченій, что показываетъ очевидно, что населеніе нуждается въ долгосрочномъ кредитѣ. Въ дѣйствительности, въ теченіе 12 лѣтъ наличными членами взято въ ссуду только 47.000 руб., изъ коихъ оставалось въ долгу 13.000. Новыя ссуды выдавались большею частію только новымъ членамъ. Среди мѣстнаго населенія именно установился такой взглядъ на долгосрочность ссудъ. Многіе члены взявшіе ссуду и не заботятся о ея возвращеніи, а просто ждутъ, пока ихъ паёвый взносъ не достигнетъ размѣра взятой ссуды, и затѣмъ считаютъ себя выбывшими изъ товарищества.

На какое же употребленіе шли ссуды? Изъ 402 случаевъ, провѣренныхъ г-номъ Яковенко,—въ 89 случаяхъ ссуда шла на постройки; въ 63 на покупку лошади, скота; въ 60 на аренду земли; въ 56 на покупку хлѣба; въ 21 на похороны; въ 17 на уплату долговъ; въ 14 на свадьбы; въ 13 на уплату повинностей и недоимокъ; въ 5 на разныя хозяйственныя потребности; въ 5 на домашнія надобности (одежду); въ 3 на леченіе: въ 2 на ученіе дѣтей; въ 2 на снаряженіе дѣтей въ службу, и по одному случаю—на приписку къ обществу, на семейный раздѣлъ на обзаведеніе торговли, на покрытіе судебныхъ расходовъ и на раздачу денегъ въ займы.

Итакъ, изъ 402 показаній только одно попадаетъ такое, которое явно указываетъ на эксплуататорское назначеніе получаемой ссуды, и на ряду съ этимъ—320 случаевъ, гдѣ ссуда пошла на потребности чисто хозяйственныя, производительныя—кому хата, кому лошадь, кому земля понадобилась. Выдѣляя такія непроизводительныя, въ узкомъ смыслѣ слова, затраты, какъ свадьбы, похороны, леченіе и т. п., оказывается, что общее число ихъ—81, т.-е. въ четыре раза меньше производительныхъ ссудъ. Притомъ же такъ-называемыя непроизводительныя траты не суть траты ненужныя, излишнія, т.-е. на которыя товариществу не слѣдовало бы выдавать денегъ. Напротивъ того, все это весьма нужныя потребности. Свадьбы на деньги, взятыя у товарищества, справляютъ, впрочемъ, только послѣдніе бѣдняки. Дѣятельность товарищества тѣмъ именно хороша и полезна, что она не стѣснена опредѣленными рамками. То же можно сказать и о перепискѣ ссудъ, хотя она формально и не соотвѣтствуетъ характеру товарищества, какъ института краткосрочныхъ ссудъ. Изъ предметовъ, на которые идутъ деньги, взятыя изъ товарищества, только аренда земли и покупки хлѣба даютъ возможность выручить деньги и уплатить ссуду въ теченіе года;—расходы же на покупку скота, на постройку хаты, на пріобрѣтеніе земли—могутъ обернуться только черезъ нѣсколько лѣтъ, и вотъ почему практическая необходимость наталкиваетъ на такой пріемъ, какъ переписка ссуды, который краткосрочную ссуду превращаетъ въ долгосрочную, не выходя формально изъ предѣловъ устава товарищества.

Вышеприведенныя данныя служатъ неоспоримымъ доказательствомъ тому, что ссудо-сберегательныя товарищества могутъ приносить пользу не только промышленникамъ и богатымъ крестьянамъ, но и менѣе состоятельнымъ и даже безскотнымъ и безземельнымъ хозяевамъ. Можно возразить, что миргородское товарищество представляетъ пока только одинъ доказанный случай, чѣмъ не подтверждается еще, чтобы всѣ ссудо-сберегательныя товарищества могли приносить подобную пользу наиболѣе нуждающемуся классу сельскихъ хозяевъ, и что для того, чтобы рѣшить, насколько и другія товарищества приносятъ подобную же пользу, нужно бы подвергнуть каждое изъ нихъ подобному же подробному изслѣдованію. Но вопросъ не въ томъ, насколько дѣйствительно всѣ ссудо-сберегательныя товарищества орудуютъ уже въ настоящее время и въ означенномъ направленіи, а главный вопросъ въ томъ, могутъ ли вообще эти товарищества приносить пользу бѣднымъ сельскимъ хозяевамъ. А на этотъ по-

слѣдній вопросъ вышеизложенное изслѣдованіе отвѣчаетъ утвердительно самымъ положительнымъ образомъ.

Мы указывали выше на то, что личный кредитъ не особенно желателенъ для крестьянскаго населенія, между тѣмъ кредитъ, оказываемый заемщику ссудо-сберегательнымъ товариществомъ—тоже до извѣстной степени личный кредитъ и связанъ со всѣми опасными сторонами послѣдняго, такъ какъ уставомъ этихъ товариществъ установлена неограниченная отвѣтственность личнымъ имуществомъ членовъ по обязательствамъ; но эта опасность отчасти устраняется тою своеобразностью кредита, оказываемаго товариществомъ, что требуетъ нѣкоторой нравственной гарантіи со стороны заемщика, выражающейся во внесеніи—прежде чѣмъ онъ станетъ пользоваться кредитомъ у товарищества—паёваго взноса. Крестьянинъ, внесшій постепенно, несмотря на свою бѣдность и прежде чѣмъ онъ могъ воспользоваться кредитомъ изъ товарищества, мелкими мѣсячными платежами, небольшую сумму въ кассу товарищества—уже будетъ пользоваться кредитомъ осторожнѣе и представляетъ въ этомъ отношеніи бо́льшее обезпеченіе кредитующему учрежденію; вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ заемщикъ подвергается меньшему риску, такъ какъ кредитъ его ограниченъ размѣромъ полуторнаго паёваго взноса; наконецъ, при установившемся обычаѣ переписки ссудъ, онъ не имѣетъ передъ собою грозящаго срока неминуемой и обязательной ликвидаціи; онъ можетъ, благодаря допущенію переписки ссудъ, уплачивать полученную ссуду мало-по-малу одними паёвыми взносами, какъ это и происходитъ бо́льшею частію въ миргородскомъ товариществѣ.

Относительно самой процедуры переписки ссудъ обыкновенно указываютъ на этотъ процессъ какъ на злоупотребленіе, какъ на дѣйствіе, противное уставу товарищества, и полагаютъ, что лучше бы было прямо и открыто перейти къ долгосрочному кредиту. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Означенная операція съ *формальной* стороны неправильна, но въ сущности она является особою формою долгосрочнаго кредита, которую выработала сама жизнь, и которую намъ кажется даже полезнымъ сохранить. Уплачивая ссуду паёвыми взносами, участникъ товарищества въ сущности дѣйствительно пользуется долгосрочнымъ кредитомъ,—но продолженіе срока онъ опредѣляетъ самъ, такъ какъ всегда имѣетъ возможность, при каждой перепискѣ ссуды, уплатить по ней и болѣе паёваго взноса. Такимъ образомъ,

эта форма кредита, выработанная самою жизнью, какъ бы соединяетъ въ себѣ одновременно всѣ удобства и краткосрочнаго, и долгосрочнаго кредита, уже не говоря о томъ, что чисто долгосрочный кредитъ можетъ имѣть мѣсто только подъ залогъ недвижимаго имущества, чего въ данномъ случаѣ быть не можетъ.

Кромѣ главной стороны своей органической дѣятельности, нѣкоторыя ссудо-сберегательныя товарищества стали въ послѣднее время идти еще далѣе, вводя у себя разныя дополнительныя, крайне полезныя операціи. Такъ, нѣкоторыя товарищества начали выдавать спеціальныя ссуды подъ закладъ хлѣба; нѣкоторыя стали отчислять средства изъ своихъ прибылей для оказанія помощи крестьянамъ, пострадавшимъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ; нѣкоторыя стали устроивать у себя страховыя кассы для выдачи пособій семействамъ умершихъ членовъ и т. п.

Послѣ всего вышеизложеннаго, можно ли сомнѣваться въ томъ, что ссудо-сберегательныя товарищества приносятъ существенную пользу земледѣльцамъ, какъ состоятельнымъ, такъ и нуждающимся? Можно даже категорически утверждать, что чѣмъ успѣшнѣе дѣйствуетъ данное товарищество въ смыслѣ удовлетворенія потребности мелкаго населенія въ кредитѣ, тѣмъ болѣе сокращается мѣстное ростовщичество;—колоссальная зависимость бѣднѣйшаго населенія отъ мѣстныхъ кулаковъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ учрежденія ссудо-сберегательнаго товарищества. Нельзя потому не желать возможно бо̀льшаго распространенія этого безусловно крайне полезнаго для сельскаго населенія учрежденія.

Но, какъ мы уже замѣтили, то, что̀ уже существуетъ, крайне не соотвѣтствуетъ потребности; число подобныхъ товариществъ можно назвать, сравнительно съ потребностью населенія въ кредитѣ, ничтожнымъ; постепенный же ростъ этихъ учрежденій идетъ чрезвычайно медленно. Причина тому уже указана выше. Прежде всего, для устройства и веденія дѣла товарищества требуется все же нѣкоторое развитіе со стороны крестьянъ, и потому учрежденіе ихъ удается обыкновенно только тамъ, гдѣ найдется интересующійся этимъ дѣломъ образованный человѣкъ; а кромѣ того дѣятельность ихъ встрѣчаетъ нерѣдко противодѣйствіе въ средѣ самихъ крестьянъ, со стороны мѣстныхъ кулаковъ, для которыхъ подобныя товарищества служатъ несомнѣнно подрывомъ ихъ эксплуататорской дѣятельности...

Вотъ почему быстраго распространенія ихъ у насъ ожидать

нельзя, и вотъ почему необходимо—параллельно съ этимъ полезнымъ институтомъ—вводить и распространять у насъ всякаго рода другія учрежденія для сельскаго кредита въ формѣ волостныхъ кассъ и т. п. Насущная потребность въ подобныхъ учрежденіяхъ высказывается еще и въ другомъ отношеніи. Могутъ быть случаи, что крестьянинъ нуждается немедленно въ ссудѣ, а для полученія ея изъ товарищества онъ долженъ предварительно сдѣлаться его членомъ и вносить нѣкоторое время мѣсячные платежи для образованія своего пая. У него весною или въ страдное время пала лошадь, ему по этому случаю нужна помощь; а между тѣмъ, если онъ къ тому времени не состоитъ еще членомъ товарищества и не внесъ еще своего пая, то ему остается только обратиться къ мѣстному кулаку за помощью и дорого ее оплатить. Онъ можетъ также нуждаться въ ссудѣ, размѣръ которой превышаетъ ту сумму, которую онъ можетъ получить изъ товарищества; онъ могъ бы представить вещественный залогъ, напр. собранный хлѣбъ, но не всѣ товарищества выдаютъ уже ссуды подъ залогъ хлѣба,—до послѣдняго времени это допускалось у нихъ только въ видѣ исключенія; въ этомъ случаѣ у него опять-таки только одинъ исходъ—обращеніе къ мѣстному кулаку, какъ на это краснорѣчиво указывалъ И. Ѳ. Кошко въ вышеприведенномъ отзывѣ.

Въ какой же формѣ можетъ быть оказанъ нуждающемуся крестьянину, не состоящему членомъ товарищества, необходимый ему кредитъ, для спасенія его отъ разоренія или для оказанія ему помощи, чтобы онъ могъ стать на ноги?

Въ послѣднее время, въ совѣщаніяхъ, происходившихъ по этому поводу въ разныхъ мѣстахъ, неоднократно высказывалось мнѣніе въ пользу предоставленія крестьянамъ чисто личнаго кредита. Такъ, напримѣръ, А. М. Тютрюмовъ, въ статьѣ „Организація мелкаго сельскаго кредита въ Россіи“ (выпускъ 7-й „Сообщеній С.-Петербургскаго Отдѣла Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ“) говоритъ между прочимъ:

„Не менѣе важнымъ является и вопросъ объ обезпеченіи выдаваемыхъ сельскими кассами ссудъ. Еслибы это былъ кредитъ коммерческій, преслѣдующій цѣль наибольшей прибыли и основывающійся на однихъ лишь формальныхъ признакахъ, тогда разрѣшеніе этого вопроса сдѣлалось бы весьма легкимъ, и кредитное обращеніе могло бы быть опредѣлено въ формѣ залога

или надежнаго поручительства. Но такъ какъ цѣлью сельскаго кредита необходимо считать укрѣпленіе и развитіе земледѣлія, то едва ли возможно исключить изъ участниковъ кредита такихъ лицъ, которыя, не имѣя ни залога, ни состоятельныхъ поручителей, тѣмъ не менѣе добросовѣстно и старательно ведутъ свое хозяйство и представляютъ собою несомнѣнно трудовую силу, одинъ изъ зиждительныхъ и вѣрныхъ источниковъ народнаго богатства и благосостоянія. Принятіе подобнаго кредитнаго обезпеченія не можетъ представить никакого практическаго затрудненія, такъ какъ опредѣленіе размѣра кредита должно лежать на правленіи кассы, составленномъ изъ мѣстныхъ выборныхъ дѣятелей. Правда, для записныхъ финансистовъ-теоретиковъ подобный кредитъ не будетъ удовлетворять формальной обезпеченности и будетъ носить слишкомъ личный характеръ, но нельзя не согласиться, что если не оказывать подобнаго кредита, то сельскія кассы обратятся въ учрежденія для однихъ слишкомъ достаточныхъ обывателей, т.-е. для тѣхъ лицъ, которыя могутъ сдѣлать заемъ и безъ содѣйствія сельской кассы. Только участіе этого трудового и честнаго, но преимущественно небогатаго элемента и придаетъ сельскому кредиту его истинный смыслъ и серьезное значеніе. Нельзя сказать, чтобы этому были совершенно чужды ссудо-сберегательныя товарищества, разрѣшающія ссуды въ полтора раза выше пая безъ всякаго поручительства или подъ поручительство бѣдныхъ, но хозяйственныхъ людей. Однако, при обозрѣніи этой дѣятельности товариществъ, мы не видѣли большихъ убытковъ отъ подобнаго кредита. Мы имѣемъ въ отчетѣ одного товарищества за двадцати-пяти-лѣтній періодъ его дѣятельности единственный убытокъ: при 860 членахъ, получился такой убытокъ въ 20 р., которые пропали за молодымъ крестьяниномъ, взятымъ въ солдаты и затѣмъ разорившимся. Такимъ образомъ, къ поручительству и залогу, какъ средствамъ обезпеченія, нужно прибавить и хозяйственное трудовое довѣріе къ тому или другому заемщику".

Въ томъ же смыслѣ въ пользу чисто личнаго кредита высказывается и авторъ статьи: „Крестьянскій кредитъ" („Нов. Вр.", № 8093).

„На организацію мелкаго кредита,—говорится въ этой статьѣ,—нельзя смотрѣть какъ на палліативную лишь мѣру, какъ на полезное учрежденіе для нѣкотораго подъема благосостоянія нѣкоторыхъ *кредитоспособныхъ* крестьянъ. Помогать надо не только, такъ сказать, некредитоспособнымъ, а истощеннымъ, недоѣдающимъ, безлошаднымъ сельскимъ хозяевамъ высыхающей Великороссіи,

раскрестьянивающимся крестьянамъ. Отчего они, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, не порвавшее всякой связи съ деревней и съ землей, *не кредитоспособны?* Что̀ дѣлать съ множествомъ разоряющихся хозяйствъ? Что̀ дѣлать съ тѣми, которые потеряли отъ безкормицы и недостатка соломы на крышѣ свою послѣднюю лошадь, которые потеряли въ залогѣ у кулака свой послѣдній полушубокъ или кафтанъ; неужели всѣ такія хозяйства останутся уже навсегда потерянными? Можетъ быть, такимъ хозяевамъ можно будетъ оказывать кредитъ подъ поручительство болѣе состоятельныхъ односельчанъ. Однако всѣмъ извѣстно, что̀ такое это поручительство... Найти поручителя—это значитъ прибавить къ банковскимъ процентамъ еще въ десять разъ превышающіе проценты въ пользу поручителя; это значитъ закабалить себя еще больше и явно въ ущербъ кредитному учрежденію сдѣлать себя несостоятельнымъ... Но, повторяемъ, почему надо считать такихъ крестьянъ лишенными *кредитоспособности?* Довѣрять такимъ крестьянамъ, очевидно, можно, а если можно, то, слѣдовательно, оказывается, что они въ состояніи уплатить свои долги. Такое заключеніе даетъ намъ сама жизнь. Тогда какъ крестьяне не находятъ дешеваго кредита въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и разныхъ банкахъ, они находятъ непомѣрно дорогой кредитъ у своихъ односельчанъ-кулаковъ. Почему же кулаки, народъ, кажется, очень осторожный и берегущій свою копѣйку, находятъ возможнымъ довѣрять *некредитоспособнымъ* мужикамъ, а кредитныя учрежденія ему довѣрять находятъ невозможнымъ. Можетъ быть, послѣдніе прозорливѣе? Этого мы не видимъ. Кулакъ всегда, какъ и оказывается, получаетъ свои деньги и при этомъ нерѣдко вдвойнѣ и втройнѣ противъ ссуженаго. А если уже крестьянинъ находитъ возможнымъ платить кромѣ долга почти такой же ростъ за него, то дешевую ссуду кредитному учрежденію онъ могъ бы, кажется, заплатить и подавно. Оказывается, однако, крестьянинъ все-таки не платитъ кредитному учрежденію, хотя бы послѣднее и рѣшилось довѣрить ему.

„Почему же крестьянинъ платитъ кулаку? Объясненіе простое. У крестьянина нѣтъ денегъ,—откуда онъ ихъ возьметъ? Зная это, крестьянскіе ростовщики и не требуютъ отъ крестьянъ уплаты данныхъ имъ взаймы денегъ непремѣнно деньгами же, въ большинствѣ случаевъ долги эти уплачиваются работой, личнымъ трудомъ заемщика въ хозяйствѣ заимодавца. Вѣдь главный капиталъ нашего крестьянина заключается въ его мускульной силѣ—въ его рукахъ. Какъ бы мы ни порицали кулаческій

кредитъ, какъ бы брезгливо на него ни смотрѣли, но именно основателю его принадлежитъ честь открытія той стороны экономической жизни, на которой и должно строить крестьянскія кредитныя системы"...

Вышеприведеннаго взгляда о пользѣ и возможности предоставленія крестьянамъ чисто личнаго кредита мы не раздѣляемъ, и не раздѣляемъ этого воззрѣнія не на основаніи финансово-теоретическихъ отвлеченныхъ взглядовъ, а на основаніи чисто-практическихъ соображеній.

Трудно согласиться съ тѣмъ, что принятіе трудового обезпеченія не можетъ представить никакого практическаго затрудненія, такъ какъ опредѣленіе размѣра кредита будетъ лежать на правленіи кассы, составленномъ изъ мѣстныхъ выборныхъ дѣятелей. Мы уже видѣли выше, что всякія подобныя учрежденія, если они предоставлены мѣстнымъ дѣятелямъ, безъ всякаго руководства со стороны лицъ изъ образованнаго класса, всегда становятся орудіемъ кулаковъ и вмѣсто пользы приносятъ только вредъ. Авторъ статьи „Новаго Времени", съ своей стороны, отстаивая тотъ же личный кредитъ, самъ замѣчаетъ однако, что крестьянинъ все-таки не платитъ кредитному учрежденію, хотя бы послѣднее и рѣшилось довѣрить ему. Спрашивая себя, почему крестьянинъ платитъ кулаку, который беретъ съ него гораздо дороже, и не платитъ кредитному учрежденію, авторъ объясняетъ это тѣмъ, что у крестьянина нѣтъ денегъ,—кулакъ взыскиваетъ съ должника поэтому не деньгами, а требуя отъ него личнаго труда, заставляя его отработывать ссуду. Кто сколько-нибудь знакомъ съ деревенскими порядками—согласится однако съ тѣмъ, что это объясненіе совершенно неосновательно. Кулакъ подъ личный трудъ почти никогда въ долгъ денегъ не даетъ, а обезпечиваетъ себя землей; онъ отдаетъ подъ право пользованія полосою земли или сѣнокосомъ, при чемъ онъ выручаетъ обыкновенно сто на сто; личная работа заемщика ему такой выгоды не даетъ, да и не обезпечитъ его достаточно, а потому онъ подъ нее денегъ и не даетъ; такимъ образомъ, кулаческій кредитъ—совсѣмъ не личный кредитъ, а кредитъ залоговый, подъ обезпеченіе землей. Г-нъ Тютрюмовъ замѣчаетъ, что едва ли возможно исключить изъ участниковъ кредита такихъ лицъ, которыя, не имѣя ни залога, ни состоятельныхъ поручителей, тѣмъ не менѣе добросовѣстно и старательно ведутъ свое хозяйство и представляютъ собою несомнѣнную трудовую силу, одинъ изъ зиждительныхъ и вѣрныхъ источниковъ народнаго богатства и благосостоянія. Но мыслимо ли, чтобы лицо, стара-

тельно ведущее свое хозяйство, не имѣло ни залога, ни состоятельныхъ поручителей? Старательные хозяева, пока они ведутъ свое хозяйство, совершенно не нуждаются въ личномъ кредитѣ, они нуждаются въ кредитѣ подъ залогъ своихъ произведеній— хлѣба и другихъ растительныхъ продуктовъ, какъ на это выше уже было указано; о нихъ будетъ идти рѣчь еще далѣе. При вопросѣ о личномъ кредитѣ, рѣчь идетъ, по словамъ автора той статьи, „объ истощенныхъ безлошадныхъ хозяевахъ и раскрестьянивающихся крестьянахъ".

Возражая противъ предоставленія лицамъ этой послѣдней категоріи чисто личнаго кредита, мы имѣемъ въ виду не столько необходимость вѣрнаго обезпеченія кредитующаго учрежденія, сколько интересъ самого заемщика, потому что чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ желать для него такой формы кредита, которая *ни въ какомъ случаѣ не могла бы ухудшить его положенія*, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ оказался бы несостоятельнымъ къ возврату полученной ссуды, и вотъ почему мы полагаемъ, что относительно этихъ лицъ опасно идти далѣе ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ оказаніи ими чисто личнаго кредита.

Но изъ того, что мы считаемъ непримѣнимымъ къ лицамъ этой категоріи чисто личнаго кредита, не слѣдуетъ заключать, что они должны быть лишены возможности пользованія кредитомъ вообще. Не говоря о тѣхъ крестьянахъ, которые вслѣдствіе неурожая, падежа скота или другихъ причинъ, доведены до такой степени разоренія, что относительно ихъ можетъ быть только рѣчь о вспособленіи имъ путемъ общественной благотворительности,—несомнѣнно значительная часть истощенныхъ, безлошадныхъ и даже безхозяйственныхъ крестьянъ находится еще въ такомъ положеніи, что своевременное оказаніе имъ пособія на пріобрѣтеніе необходимыхъ хозяйственныхъ предметовъ можетъ помочь имъ выйти изъ затруднительнаго положенія и опять стать на ноги. Все дѣло въ томъ, въ какомъ видѣ можетъ быть оказано имъ кредитное пособіе.

Князь А. Г. Щербатовъ, руководящій однимъ изъ наиболѣе удачныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ рузскомъ уѣздѣ, указывалъ въ собраніи с.-петербургскаго комитета ссудо-сбереr. товариществъ, что въ московской губерніи одна четверть всего крестьянскаго населенія—безхозяйственная; у нихъ нѣтъ скота, но они все же тянутся за землей, держатся ея и обработываютъ ее, нанимая у своихъ сосѣдей или пользуясь ихъ инвентаремъ. Для нихъ кредитъ долженъ бы имѣть личный характеръ. Слѣ-

довало бы учредить волостныя кассы или выдачи имъ пособія на покупку лошади и другого инвентаря, причемъ пріобрѣтенное на ссуженныя деньги имущество должно бы оставить до оплаты долга подъ надзоромъ общества или старшины.

Князь Щербатовъ употребляетъ тоже слово: *личный кредитъ*, но въ сущности та весьма практическая операція, которую онъ предлагаетъ, составляетъ уже не чисто *личный* кредитъ, а подходитъ по своему характеру скорѣе подъ *меліоративный* кредитъ, такъ какъ по его мысли, хотя и не прямо высказанной, гарантіею займа должно служить именно то имущество, на пріобрѣтеніе котораго и выдаются деньги заемщику. Меліоративный кредитъ, въ этой формѣ, представляетъ нѣчто среднее между личнымъ и вещественнымъ кредитомъ. Съ личнымъ кредитомъ онъ имѣетъ то сродство, что первоначально ссуда выдается безъ всякаго залога, но только—и этимъ она прежде всего отличается отъ чисто личнаго кредита—выдается она не на произвольный предметъ, а на точно опредѣленный, т.-е. на пріобрѣтеніе лошади, коровы, плуга и т. п.

Въ удостовѣреніе того, что деньги будутъ дѣйствительно употреблены на данный предметъ, могутъ быть представляемы поручители. Въ этомъ случаѣ поручительство совершенно примѣнимо; ибо всегда найдутся люди, которые поручатся за хозяина, если онъ только не пьяница и не расточитель, что онъ употребитъ полученныя взаймы деньги на назначенный предметъ; это не то, что̀ поручительство въ уплатѣ долга, какъ оно требуется въ ссудо-сберег. товариществахъ, которое въ сущности никакого серьезнаго значенія, въ смыслѣ гарантіи, не имѣетъ, а между тѣмъ обходится довольно дорого заемщику. Могутъ быть впрочемъ случаи, когда при выдачѣ меліоративной ссуды можно будетъ даже обойтись и безъ поручительства.

Затѣмъ,—и это второе и самое капитальное различіе указанной формы меліоративнаго отъ чисто личнаго кредита,—обезпеченіемъ, гарантіей ссуды долженъ служить самый предметъ, пріобрѣтенный на ссуженныя деньги, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ несостоятельности хозяина къ уплатѣ полученныхъ денегъ, купленный предметъ можетъ быть отобранъ у него; именно въ этихъ видахъ, очевидно, князь Щербатовъ и полагаетъ, что пріобрѣтенный предметъ долженъ оставаться, до оплаты долга, подъ надзоромъ общества или старшины.

Въ этой формѣ кредитъ, оказываемый даже полуразореннымъ, захудалымъ крестьянамъ, можетъ принести существенную пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ опасности дальнѣй-

шаго ухудшенія ихъ положенія. Намъ извѣстны случаи, когда за выданныя бѣдному крестьянину, въ видѣ личнаго кредита, деньги, впослѣдствіи, при неуплатѣ долга, продавалось и остальное его незначительное имущество; вотъ этого невыгоднаго послѣдствія кредитъ въ вышеприведенной формѣ имѣть не можетъ. Захудалому крестьянину ссужены деньги на покупку лошади, коровы, сельскохозяйственнаго орудія, сѣмянъ—все это предметы, которые могутъ служить гарантіей долга. Есть еще одинъ предметъ, на который крестьянинъ можетъ нуждаться въ деньгахъ, это—уплата повинностей; но оказаніе кредита на такой предметъ захудалому крестьянину было бы совершенно нераціонально и не должно имѣть мѣста,—тутъ можетъ быть примѣнима разсрочка, отсрочка или даже частное сложеніе подати, но выдача ссуды на уплату недоимки не имѣла бы никакого смысла.

На вышеприведенныхъ приблизительно основаніяхъ нѣкоторыя земства уже завели у себя выдачу денегъ нуждающимся крестьянамъ. Такъ, напримѣръ, изъ бѣжецкой земской управы (тверской губерніи) бѣднѣйшіе крестьяне, за ручательствомъ общества, получаютъ кредитъ на покупку скота и лошадей въ размѣрѣ до 30 руб. на хозяина и съ разсрочкой долга до трехъ лѣтъ. Вятское земство ассигновало сумму на выдачу ссудъ безлошаднымъ крестьянамъ и на покупку рогатаго скота для безкоровныхъ дворовъ. Распространеніе на всѣ мѣстности Россіи этой формы кредита, весьма легко устраняемой — крайне желательно; но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, эта форма кредита представляетъ еще только исключительное явленіе, существующее пока въ немногихъ мѣстностяхъ.

Обращаясь отъ захудалыхъ и даже безхозяйственныхъ крестьянъ къ мелкимъ хозяевамъ, ведущимъ хотя и съ трудомъ свое хозяйство,—при чемъ имъ часто не легко бываетъ свести концы съ концами,—неоспоримо, что и для нихъ, и даже особенно для нихъ, кредитъ составляетъ насущную потребность. Они нуждаются преимущественно не въ личномъ и даже не въ меліоративномъ кредитѣ, а въ кредитѣ подъ закладъ хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ произведеній.

Мы уже видѣли, что сельское населеніе въ осеннее время особенно сильно нуждается въ наличныхъ деньгахъ для уплаты податей и недоимокъ, для разсчетовъ по долгамъ, сдѣланнымъ до сбора хлѣба, для расплаты съ пастухами, на свадьбы и другія

тому подобныя потребности. За отсутствіемъ въ эту глухую пору заработковъ, крестьяне повсемѣстно принуждены прибѣгать къ продажѣ собранныхъ продуктовъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе обильнаго предложенія хлѣба, какъ уже замѣчено, цѣна на него въ это время сильно понижается. При этомъ крестьяне несутъ ущербъ, не только вслѣдствіе отсутствія въ это время хорошихъ рыночныхъ цѣнъ, но еще и потому, что вслѣдствіе отсутствія во время распутицы сёрьезныхъ покупателей, купцовъ, имъ приходится продавать свой хлѣбъ мѣстнымъ богачамъ, кулакамъ, которые, пользуясь нуждой продавца, покупаютъ у него хлѣбъ по цѣнѣ, даже ниже существующей въ то время на рынкѣ и безъ того уже крайне низкой. При такихъ условіяхъ крестьянину приходится часто продавать весьма значительную часть урожая, чтобы добыть необходимую сумму денегъ. Между тѣмъ собраннаго хлѣба во многихъ губерніяхъ не хватаетъ и до Рождества; при вынужденной же продажѣ части его осенью, приходится покупать его гораздо раньше—притомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ дороже, а ко времени посѣва цѣна нерѣдко бываетъ выше осенней въ два, три раза. Не имѣя наличныхъ денегъ для покупки хлѣба, на прокормленіе семьи зимою и сѣмянъ для посѣва весною, крестьяне сплошь и рядомъ занимаютъ хлѣбъ до урожая на крайне тяжелыхъ условіяхъ, или совсѣмъ сдаютъ свои надѣлы. Такимъ образомъ, можно сказать, что при существующихъ условіяхъ крестьяне несутъ двойной ущербъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ такого несвоевременнаго предложенія и принужденной продажи, страдаетъ, вслѣдствіе упадка цѣнъ, и вся хлѣбная торговля Россіи, а потому и всѣ землевладѣльцы.

Потребность осенняго кредита крестьянамъ подъ хлѣбъ такъ насущна и такъ очевидна, не только въ интересѣ крестьянъ, но и въ интересѣ всѣхъ землевладѣльцевъ, что просто удивительно, какъ почти до послѣдняго времени не было обращено вниманія на этотъ предметъ.

Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ; честь почина въ этомъ столь важномъ для благосостоянія всей Россіи и въ особенности ея сельскаго населенія дѣлѣ принадлежитъ крестецкому земству новгородской губерніи. Къ сожалѣнію, какъ это ни удивительно, благой починъ крестецкаго земства нашелъ до сихъ поръ весьма мало послѣдователей.

Почерпаемъ нижеслѣдующія интересныя свѣдѣнія объ открытіи этой операціи и о ходѣ ея по настоящее время изъ со-

общеній Л. К. Чермака, командированнаго с.-петербургскимъ отдѣломъ сельск. ссуд.-сб. и пром. товарищества на мѣсто, для изслѣдованія этого интереснаго дѣла (выпускъ V-й „Сообщеній Отдѣла“, хроника).

Желая помочь крестьянамъ въ этомъ отношеніи, крестецкое земство рѣшило въ 1886 г. покупать осенью у крестьянъ овесъ и продавать его наиболѣе нуждающимся по заготовительнымъ цѣнамъ, при чемъ овесъ бѣдныхъ крестьянъ брался какъ бы въ залогъ, съ обязательнымъ выкупомъ въ извѣстный срокъ, послѣ котораго хлѣбъ считался принадлежащимъ земству. Такъ было до 1870 года. Съ этого времени земство стало принимать хлѣбъ въ залогъ отъ всѣхъ крестьянъ, не входя въ разсмотрѣніе ихъ имущественнаго положенія. Съ 1882 по 1891 годъ количество выдаваемыхъ ежегодно денегъ постепенно уменьшалось, упавъ съ 39.000 руб. на 16.000 руб. До 1888 года за ссуды брали 6%, а съ тѣхъ поръ процентъ былъ пониженъ до 4. Недоимокъ по ссудамъ въ нѣкоторые годы совершенно не было; въ другіе—хотя и встрѣчались недоимки, но совершенно незначительныя, не превышавшія 500 руб. въ годъ.

Причина сокращенія кредитовъ первоначально казалась не достаточно выясненною. Такъ какъ крестьяне постоянно весьма аккуратно выкупали свой хлѣбъ, то можно было предположить, что операція сокращалась отчасти отъ промедленія управы при разрѣшеніи ссудъ, отчасти вслѣдствіе низкой цѣны, по которой принимался хлѣбъ въ закладъ. Но по отзывамъ крестьянъ оказалось, что главную причину регрессивнаго хода этой операціи слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что она ведется при посредствѣ старшины, у котораго безъ того много дѣла, а къ тому „и разсчета нѣтъ“ развивать порученную ему хлѣбную операцію.

Дѣйствительно, множество лежащаго на немъ дѣла заставляетъ его крайне недружелюбно относиться ко всякому дальнѣйшему увеличенію этой массы дѣлъ и побуждаетъ его, по возможности, стараться избѣгать новыхъ дѣлъ, особенно же такихъ хлопотливыхъ, какъ ссудная операція, гдѣ нужно и приговоръ составить, и хлѣбъ принять, и позаботиться о страховкѣ его—и все это за малое вознагражденіе, а съ другой стороны, можно подозрѣвать еще въ данномъ случаѣ наличность соображеній чисто личнаго характера, основанныхъ на собственной выгодѣ. Со стороны крестьянъ высказывалась жалоба только на то, что ссуда выдается въ размѣрѣ, не превышающемъ платежа податей и повинностей, лежащихъ на крестьянахъ.

Къ земскимъ ссудамъ прибѣгаютъ и состоятельные крестьяне, объясняя это тѣмъ, что—„возни меньше: засыпалъ зерно у себя въ деревнѣ въ амбаръ, и не надо везти его продавать, а тамъ къ веснѣ свои разберутъ“. Затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, ссыпается лучшее зерно, оставляемое на сѣмена—„цѣло, молъ, будетъ“.

Операція выдачи ссудъ подъ зерно производится слѣдующимъ образомъ.

Крестьяне, желающіе занять деньги, составляютъ приговоръ съ точнымъ обозначеніемъ противъ каждаго закладчика размѣра слѣдующихъ съ него казенныхъ и земскихъ повинностей и количества засыпаемаго зерна. Приговоръ за круговой порукой утверждается старшиной и отсылается въ управу, которая, расцѣнивъ зерно по существующимъ цѣнамъ, назначаетъ каждому изъ заемщиковъ въ выдачу извѣстную сумму денегъ, которая и зачисляется въ уплату казенныхъ и земскихъ повинностей. Зерно ссыпается въ амбаръ, страхуется и опечатывается сельскими властями. Каждый закладчикъ хранитъ свое зерно отдѣльно въ мѣшкахъ, закромахъ, бочкахъ—накладывая свою мѣтку, служащую ему какъ бы квитанціей. Обезпеченіе зерна оказалось на практикѣ нежелательнымъ: крестьянинъ несетъ въ амбаръ самолучшее зерно, которое не надѣется сохранить у себя дома до весенняго посѣва,—слишкомъ много прорухъ въ хозяйствѣ,—а заложивъ зерно земству, онъ увѣренъ, что къ веснѣ у него будутъ дешевыя и вѣрныя сѣмена.

Такимъ образомъ, этого рода кредитная операція не только существенно облегчаетъ положеніе крестьянъ, но и содѣйствуетъ косвенно улучшенію культуры.

Описывая операціи крестецкаго земства, Л. К. Чермакъ указываетъ, по отношенію къ нимъ, на слѣдующіе недостатки:

1) Отсутствіе лицъ, спеціально слѣдящихъ за дѣломъ, вслѣдствіе чего оно ложится на старшинъ, часто заинтересованныхъ въ противномъ дѣлу смыслѣ.

2) Ограниченіе ссуды размѣромъ казенныхъ и земскихъ повинностей, вслѣдствіе чего для прочихъ потребностей кредитующійся крестьянинъ принужденъ идти къ кулаку, который тутъ его еще хуже прижимаетъ:—„нѣтъ, любезный, я нынѣ не ссыпаю, разсчета нѣтъ, ступай въ земство, тамъ дадутъ“.

3) Промедленіе управы въ разрѣшеніи ссуды, при чемъ поневолѣ приходится иногда продавать свой хлѣбъ мѣстному торговцу, чтобы своевременно получить деньги на уплату податей. Глухое осеннее время—самое удобное для операціи, самое

полезное; хлѣбъ весь въ деревнѣ, далеко его не повезешь; благодаря распутицѣ, онъ дешевъ; а потомъ установится санный путь, и крестьянину трудно устоять противъ искушенія продать хлѣбъ дороже, чѣмъ даетъ земство; хотя онъ и знаетъ, что весною за свой же овесъ онъ заплатитъ втридорога, да вѣдь весна далеко, да и что̀ еще будетъ, а тутъ прямо деньги даютъ въ руки. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшеніе управы поступало только въ декабрѣ, крестьяне уже и не брали ссуды.

4) Прежде крестьяне ссыпали хлѣбъ у себя въ деревнѣ, что̀ имъ было гораздо удобнѣе, такъ какъ не приходилось отвозить хлѣбъ, а въ послѣднее время управа ограничила число ссыпныхъ амбаровъ.

Несмотря на всѣ эти недостатки, операція крестецкаго земства принесла и продолжаетъ приносить существенную пользу, какъ доказываетъ размѣръ недоимокъ въ уѣздѣ. Хотя обложеніе крестьянъ въ крестецкомъ уѣздѣ выше, чѣмъ во всѣхъ прочихъ уѣздахъ новгородской губерніи (1 р. 5 к.), недоимки въ этомъ уѣздѣ ниже всѣхъ остальныхъ уѣздовъ, кромѣ одного кирилловскаго, въ которомъ, впрочемъ, обложеніе вдвое ниже (59 коп.).

Примѣръ крестецкаго земства до сихъ поръ еще мало вызвалъ послѣдователей; были нѣкоторые случаи устройства залоговой операціи подъ хлѣбъ и въ другихъ губерніяхъ, но число ихъ остается еще очень ограниченнымъ и вообще дѣло ведется какъ-то вяло, съ перерывами. Такъ, напримѣръ, въ петербургской губерніи, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, при помощи ссудъ изъ государственнаго банка, была введена эта операція, но, просуществовавъ годъ или два, временно прекратилась, хотя земство выработало даже спеціальныя правила для ея веденія.

Эти правила, выработанныя экономическою коммиссіею земства, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Полученіе ссуднаго кредита подъ хлѣбъ не обязательно; крестьянамъ предоставляется въ этомъ отношеніи полная свобода.

2) Веденіе ссудной операціи поручается спеціально для того назначеннымъ лицамъ и не предоставляется исключительно старшинамъ.

3) Амбары для засыпки хлѣба слѣдуетъ имѣть въ каждой деревнѣ; расходъ по найму амбара, охранѣ и страховкѣ хлѣба долженъ лежать на крестьянахъ.

4) Заложенный хлѣбъ каждаго крестьянина хранится отдѣльно, не прибѣгая къ обезличенію.

5) При пріемѣ зерна слѣдуетъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ былъ хорошаго качества.

6) Выпускъ заложеннаго зерна разрѣшается по частямъ, но во всякомъ случаѣ допускается отпускъ его только за деньги, а не подъ залогъ разнаго домашняго скарба.

7) Зерно, остающееся невыкупленнымъ до извѣстнаго срока, продается по вольной цѣнѣ, и остатокъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, возвращается владѣльцу зерна.

8) При выдачѣ ссуды, сумма ея не должна ограничиваться размѣромъ суммы, необходимой на уплату казенныхъ и земскихъ повинностей; на первое время долженъ быть, однако, опредѣленъ maximum выдачи на каждое лицо, во избѣжаніе неравномѣрнаго распредѣленія имѣющихся въ распоряженіи земства средствъ.

9) Требованіе о выдачѣ ссуды должно быть удовлетворяемо немедленно, чтобы не пропустить глухой поры, когда ссуда имѣетъ для крестьянина наибольшое значеніе.

10) Ссуда оплачивается извѣстнымъ процентомъ, величина котораго должна соразмѣряться съ вознагражденіемъ лицъ, ведущихъ дѣло, и платою за пользованіе капиталомъ, необходимымъ для веденія дѣла.

Правила эти составлены совершенно раціонально; единственно, что можно замѣтить, это то, что при развитіи операціи слѣдовало бы включать въ нее и самую страховку хлѣба, взыскивая на этотъ предметъ нѣкоторый дополнительный процентъ, вмѣсто требованія, чтобы крестьяне сами страховали свое зерно.

Вышеуказанныя правила были выработаны уже въ 1892 году, но, какъ мы уже указали, самая операція, послѣ кратковременнаго существованія, прекратилась, по неизвѣстной намъ причинѣ; весьма желательно, чтобы земство отнеслось къ этому столь важному вопросу энергичнѣе и серьезно принялось бы за дѣло.

Ссудная операція несомнѣнно можетъ имѣть мѣсто только при поддержкѣ правительства, т.-е. при полученіи на то необходимыхъ средствъ изъ государственнаго банка. Удовлетворительный ходъ дѣла установится только тогда, когда въ правительственныхъ сферахъ окрѣпнетъ убѣжденіе, что означенная форма сельскаго кредита является существенною и неотложною потребностью народной жизни, и что общедоступность его можетъ быть осуществлена только при положительномъ и активномъ содѣйствіи правительства.

До сихъ поръ, однако, само правительство относилось къ этому вопросу также какъ-то нерѣшительно, ограничиваясь, главнымъ образомъ, писаніемъ уставовъ и правилъ. Правда, въ 1883 г. оно сдѣлало какъ бы починъ болѣе активнаго участія. По Высочайшему

повелѣнію, отъ 26-го августа, земствамъ было предоставлено право на полученіе ссудъ отъ государственнаго банка, подъ залогъ принятаго хлѣба; но затѣмъ, впослѣдствіи было постановлено, что такія ссуды могутъ быть выдаваемы не иначе, какъ по особымъ каждый разъ ходатайствамъ о томъ земствъ. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ государственнымъ банкомъ за 1896 г., оказывается, что въ этомъ году ссудъ подъ хлѣбъ, чрезъ посредство земствъ и частныхъ лицъ, выдано крестьянамъ всего только 432 тысячи рублей, т.-е. сумма совершенно ничтожная. При косности, проявляемой до сихъ поръ большинствомъ земствъ, въ этомъ важномъ вопросѣ, слѣдовало бы не только не затруднять полученіе земствами пособія на этотъ предметъ отъ правительства, но напротивъ того, поощрять и вызывать земства на это дѣло, а въ крайнемъ случаѣ принимать даже въ свои руки починъ устройства ссудныхъ кассъ въ волостяхъ. Если бы подобныя ссудныя кассы, въ той или другой формѣ, были устроены во всей Россіи, то, считая круглымъ числомъ 300 уѣздовъ, нуждающихся въ указанномъ кредитѣ, и полагая на уѣздъ среднимъ числомъ 25.000 рубл., это составило бы всего единовременный расходъ въ семь съ половиною милліоновъ рублей, при чемъ этотъ капиталъ постоянно бы самъ собою возстановлялся и вмѣстѣ съ тѣмъ приносилъ бы вѣрный процентъ.

Подобная затрата казенныхъ денегъ отозвалась бы впослѣдствіи десятками и сотнями милліоновъ на поднятіи народнаго благосостоянія, а потому намъ остается только заключить нашу статью справедливыми словами И. Ѳ. Кошко: „Каждый годъ замедленія (въ удовлетвореніи насущной потребности крестьянъ въ кредитѣ) приноситъ населенію милліонные убытки“!...

Ѳ. Тернеръ.

АРГОНАВТЫ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

I.

Это были палаты милліонера. И стѣны, и убранство комнатъ, играли всѣми переливами цвѣтовъ перламутра. Въ зеркалахъ отражались картины; полы блестѣли какъ зеркала. Кое-гдѣ темные ковры и тяжелыя портьеры, казалось, нѣсколько какъ бы заглушали нарядность; на самомъ же дѣлѣ они придавали всему видъ чуть не церковной торжественности. Мѣстами все блестѣло и пестрѣло яркостью красокъ, то голубой, то пунцовой, горѣло золотомъ и бронзой, отливаясь всевозможными оттѣнками бѣлизны мрамора, гипса, фарфора, слоновой кости. Въ смѣшеніи стилей китайскаго, японскаго и прежнихъ столѣтій съ новѣйшей модой обнаруживалось, однако, много вкуса и нѣкотораго такта въ общемъ убранствѣ этихъ палатъ.

Устройство ихъ должно было поглотить сумму, колоссальную не только съ точки зрѣнія бѣднявовъ, но весьма значительную даже и по понятіямъ богачей.

Алоизій Дарвидъ пріобрѣлъ свои милліоны не по наслѣдству, а путемъ своего собственнаго, упорнаго труда. Трудолюбіе его, энергія и предпріимчивость были неисчерпаемы. Онъ вѣчно погруженъ былъ въ свои дѣла, которыя для него составляли такую же необходимую стихію, какъ для рыбы вода, и, правду сказать, только одинъ этотъ міръ дѣловыхъ хлопотъ давалъ ему

ощущеніе свободы и блаженства. Какія же это были дѣла? Это были все дѣла крупныя и сложныя: сооруженіе сухопутныхъ и водяныхъ путей, постройка общественныхъ зданій, пріобрѣтеніе и сбытъ всякаго рода цѣнностей, денежные обороты на биржахъ и рынкахъ.

Для достиженія успѣха во всемъ этомъ надо было обладать самыми разнообразными свойствами: львиной смѣлостью, осторожностью лисицы, нужны были ястребиные когти, упругость кошачьихъ лапокъ.

Это была жизнь, проводимая какъ бы за карточнымъ столомъ, раскинувшимся на пространствѣ цѣлаго гигантскаго государства; это былъ долголѣтній рядъ горячихъ ставокъ противъ банкомета, роль котораго чаще всего выполняла слѣпая судьба. Разсчетъ и умѣнье хотя и имѣли при этомъ большое значеніе, но не могли вполнѣ устранить того, что̀ называется случайностью. Поэтому приходилось не поддаваться силѣ этой случайности, не подчиняться ея ударамъ, а, уклоняясь отъ нихъ, пригибаться къ землѣ для того лишь, чтобы, совершивъ ловкій скачокъ, отразить неудачу и схватить новую добычу. То повышающійся, то понижающійся успѣхъ вызывалъ лихорадочное состояніе, которое немедленно подвергалось охлажденію въ суровой купели обдумыванія и разсчета. Въ концѣ-концовъ—впечатлѣнія почтовой ѣзды, вагоновъ, станціонныхъ звонковъ, ослѣпительнаго блеска снѣговъ далекаго сѣвера, высоко вздымающихся горъ, разграничивающихъ части свѣта, перерѣзанныхъ рѣками безлюдныхъ пространствъ, горизонтовъ, испоконъ вѣка обозначенныхъ угрюмыми очертаніями пустынныхъ тайгъ. По временамъ все это смѣнялось шумомъ, блескомъ, тѣснотой и великолѣпіемъ столицъ. Въ столицахъ же такъ много дверей, и изъ нихъ однѣ раскрыты настежь, другія плотно затворены. Для послѣднихъ необходима гибкость именно кошачьей лапки, умѣющей пользоваться и небольшой щелкой тамъ, гдѣ широкій проходъ невозможенъ.

Съ родными приходилось разставаться надолго, на мѣсяцы, даже на цѣлые годы. Но и въ промежутки проживанія съ ними подъ одной кровлей приходилось зачастую бывать ихъ рѣдкимъ гостемъ, а не ближайшимъ, интимнымъ сотоварищемъ. Въ отношеніяхъ даже къ наиболѣе близкимъ ему людямъ у Дарвида не хватало времени ни для дружбы, ни для изліяній чувства, точно также какъ не было времени для сосредоточенія мысли на какомъ-нибудь предметѣ, не имѣющемъ непосредственнаго отношенія къ занимающимъ его цифрамъ, линіямъ, сро-

камъ или вообще петлямъ той сѣти, въ которой увязла его мысль и изворачивалась его кипучая дѣятельность.

Что касается наслажденій жизнью, то они заключались въ мимолетныхъ любовныхъ похожденіяхъ, воспламенявшихъ его на́скоро и столь же быстро исчезавшихъ изъ памяти вмѣстѣ съ дымомъ локомотива. Такъ иногда и чудесный пейзажъ бросался ему въ глаза, промелькнувъ быстро. Случалось еще, что онъ съ увлеченіемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ предавался карточной игрѣ. Но болѣе всего занимали его знакомства съ высшими общественными сферами, которыя, съ одной стороны, могли оказаться полезными въ дѣлахъ его, съ другой—льстили его тщеславію. Такимъ образомъ, деньги и значеніе въ обществѣ—это были двѣ оси, вокругъ которыхъ вертѣлись всѣ помыслы, чувства и стремленія Дарвида. По крайней мѣрѣ такъ могло казаться, ибо кто же могъ предполагать, что въ человѣкѣ есть еще что-нибудь, кромѣ того, что̀ проявляется въ его поступкахъ? Даже и самъ онъ не могъ бы никого въ этомъ увѣрить.

Мѣсяца два тому назадъ, Дарвидъ возвратился къ своимъ роднымъ послѣ трехлѣтняго отсутствія. Но и теперь въ своемъ домѣ онъ бывалъ лишь рѣдкимъ и разсѣяннымъ гостемъ. Только-что пріѣхавъ, онъ сразу, чуть не съ перваго же дня, принялся за работу, открывъ какое-то новое поле для своей дѣятельности, которое ему очень хотѣлось захватить въ свои руки. Но это зависѣло отъ одного лица, стоящаго высоко, и къ которому ему еще не удалось проникнуть. Раза два уже его кошачья лапа пыталась устроить скважину въ закрытой двери, но неудачно. Ему желательно было добиться лишь двухчасовой откровенной бесѣды, но всѣ старанья его были напрасны. И вотъ онъ прибѣгнулъ къ средству, дѣйствительность котораго онъ не разъ уже испытывалъ. Онъ разыскалъ одну личность, обладающую искусствомъ втереться куда угодно, откопать изъ-подъ земли связи, обстоятельства, вліянія. Такого рода индивидуумы обыкновенно темны, но до этого ему не было дѣла. По его мнѣнію, на днѣ жизни протекаетъ муть, въ родѣ той, какая отстаивается въ руслахъ золотоносныхъ рѣкъ. Онъ никогда не колебался брать эту муть на ладонь, чтобы разсмотрѣть, нѣтъ ли въ ней золотыхъ крупинокъ. Темныхъ помощниковъ своихъ онъ употреблялъ въ качествѣ гончихъ, выслѣживавшихъ дичь въ заросляхъ, недоступныхъ для самого охотника. Какъ менѣе замѣтнымъ, имъ легче было, гдѣ надо, сгибаться, пролѣзать, перескакивать. Одного изъ такихъ гончихъ онъ пустилъ на поиски

нѣсколько дней тому назадъ, и до сихъ поръ не получилъ о немъ никакого извѣстія, что̀ его крайне безпокоило.

Вечернія сумерки опускались на цѣлый рядъ большихъ и малыхъ комнатъ. Дарвидъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, устроенномъ богато и со степенностью, доходящею до суровости. Кабинетъ былъ уже освѣщенъ и хозяинъ принималъ одного за другимъ людей, являвшихся къ нему по различнымъ поводамъ: съ отчетами, разсчетами, предложеніями, просьбами. Кабинетъ былъ великъ и все, что̀ въ немъ находилось, отличалось массивными размѣрами, все было тяжелое, дорогое, но не бьющее въ глаза. Не было ни блеска, ни фантазіи. Все выражало собою важную серьезность и комфортъ. Книги за стеклами великолѣпнаго шкафа, двѣ картины большихъ размѣровъ, письменный столъ со множествомъ на немъ бумагъ, круглый столъ посреди комнаты, обложенный брошюрами, картами, толстыми книгами. Вокругъ него тяжелыя, глубокія кресла. Съ очень высокаго потолка надъ столомъ опускалась ярко горѣвшая лампа.

Отдаленный прототипъ Алоизія Дарвида, древній Язонъ Аргонавтъ, долженъ былъ имѣть совершенно иной видъ, когда онъ плылъ по морю въ Колхиду за золотымъ руномъ. Время, измѣняя способы борьбы, согласуетъ съ ними очертанія внѣшности новыхъ рыцарей. Язонъ довѣрялся силѣ руки и меча; Дарвидъ уповалъ только на мозгъ и нервы. Поэтому мозгъ и нервы развились въ немъ въ ущербъ мышечной силѣ, создавъ ему спеціальную силу. Надо быть знатокомъ этой силы, чтобы распознать ее въ худощавой, невысокой фигурѣ, въ продолговатомъ лицѣ, покрытомъ сухой, блѣдной кожей, подвижной до того, что, казалось, она дрожитъ отъ каждаго дуновенія вѣтра, несущаго и приближающаго корабль къ желанному берегу. Узкія, рыжія, почти мѣдняго цвѣта дорожки бакенбардовъ спускались шелковистыми концами на франтовскіе воротнички. Рыжеватые усы, короткіе и жесткіе, оттѣняли тонкія, блѣдныя губы, имѣвшія свойство краснорѣчиво видоизмѣнять значеніе улыбки. Эта улыбка умѣла поощрять и запугивать, привлекать и не допускать до сближенія, одобрять и выражать сомнѣніе, любезничать и глумиться. Глумился онъ часто.

Главнымъ образомъ эта сила обнаруживалась въ глазахъ, которые, останавливаясь на каждомъ предметѣ внимательно, испускали изъ самой глубины стальныхъ зрачковъ пронизывающіе, острые лучи, при чемъ густая линія выпуклыхъ рыжихъ бровей отдѣляла высокій лобъ, увеличенный начинающейся лысиной. Между бровями, подъ лоснящимся пространствомъ глад-

каго лба, выросъ цѣлый снопъ морщинъ, указывающій на пережитыя тучи размышленій и заботъ. Вообще это было лицо холодное, умное, энергичное, съ сильнымъ отпечаткомъ мысли и ироніи. Признакомъ послѣдней служила черта, обрисовывавшая ротъ.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ юристовъ, держа въ рукахъ открытый томъ законовъ, громко читалъ хозяину рядъ какихъ-то статей. Дарвидъ, стоя, внимательно слушалъ, но въ улыбкѣ его, по мѣрѣ чтенія, возростало выраженіе ироніи. Когда голосъ чтеца умолкъ, Дарвидъ проговорилъ голосомъ, въ звукахъ котораго слышалась придавленность, составлявшая особенность его рѣчи, когда она выражала какъ бы осторожность.

— Извините меня, но все, что вы прочитали, не относится къ нашему случаю.

И взявъ изъ рукъ юриста книгу, онъ въ минуту разыскалъ то, что ему было нужно, и началъ читать, употребляя при этомъ лорнетъ въ роговой оправѣ, отъ прикосновенія къ которому сухощавое лицо его, казалось, стало еще блѣднѣе и желтѣе.

Извѣстный юристъ сконфузился и изумился.

— Вы правы,—сказалъ онъ. — Я ошибся. Вы, я вижу, превосходно знаете законы.

Какъ ему было не знать законовъ, когда они служили ему то оружіемъ, то обороной.

Юристъ молчаливо усѣлся на одномъ изъ раскидистыхъ, низкихъ креселъ, а архитекторъ, въ свою очередь, разложилъ на столѣ планъ общественнаго зданія, который надо было окончить къ веснѣ, ко времени начала работъ.

Дарвидъ снова выслушивалъ со вниманіемъ, молча, задумываясь надъ разсматриваемыми рисунками. Изъ стальныхъ его зрачковъ снова метались искры помысловъ, которые онъ сталъ разъяснять свѣдущему спеціалисту. Онъ говорилъ, не возвышая голоса, плавно, связно и ясно. Архитекторъ возражалъ почтительно и такъ же, какъ до него юристъ, не безъ нѣкотораго удивленія во взорѣ: „Боже мой! Да вѣдь этотъ человѣкъ рѣшительно все знаетъ“. Въ области права, математики, строительства онъ былъ какъ дома. Дарвидъ замѣтилъ удивленіе окружавшихъ, и на его узкихъ губахъ выражалась глумливая иронія. Неужели люди могли думать, что онъ сталъ бы пускаться въ предпріятія, какъ слѣпой—въ распознаваніе цвѣтовъ? Иные поступаютъ такъ, за то и погибаютъ! Но онъ-то хорошо понимаетъ, что въ наше время только колоссальное знаніе можетъ служить основой для достиженія громадныхъ состояній. Ему хорошо памятны тѣ долгіе

годы безсонныхъ ночей, которые пронеслись надъ его головой, добывавшей эти знанія.

Къ столу подошелъ наконецъ молодой человѣкъ, очень худощавый, съ выразительными темными глазами, въ поношенной одеждѣ и съ рѣзкими движеніями. Это былъ художникъ-скульпторъ, несмотря на молодость, уже знаменитый, съ явными признаками начинающейся чахотки, лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, блескомъ глазъ и сухимъ, груднымъ, рѣзкимъ кашлемъ. Онъ сталъ говорить объ орнаментныхъ работахъ, исполняемыхъ имъ для общественнаго зданія, воздвигаемаго великимъ предпринимателемъ, сталъ показывать рисунки, развивать свои идеи, начиналъ горячиться, возвышая голосъ, и закашливался все сильнѣе и сильнѣе. Дарвидъ поднялъ голову, мускулы его лица задрожали, выдавъ его нервную впечатлительность, и тихонько, концами двухъ тонкихъ пальцевъ онъ дотронулся до плеча художника.

— Отдохните, вамъ вредно долго говорить.

Затѣмъ, обратясь къ другимъ присутствующимъ, онъ замѣтилъ:

— Моя младшая дочь также кашляетъ, и... меня это нѣсколько безпокоитъ...

— Ей бы, можетъ быть, въ Италію... — началъ-было архитекторъ.

— Конечно, я уже думалъ объ этомъ, но доктора не находятъ ничего опаснаго.

Потомъ онъ обратился къ скульптору:

— Вамъ бы слѣдовало съѣздить въ Италію, воспользоваться тамъ музеями, а за-одно и климатомъ.

Художнику не понравилось это вмѣшательство въ его личныя дѣла, но онъ пока ничего не отвѣтилъ, а принялся снова представлять и мотивировать свои предположенія; короткое дыханіе и участившіеся припадки кашля прерывали его рѣчь.

— Въ искусствахъ я очень немного понимаю,—сказалъ онъ.— Не потому, чтобы я пренебрегалъ искусствами, предъ которыми преклоняется міръ, а потому, что на это у меня никогда не хватало времени. Вотъ почему я прошу васъ не затруднять себя представленіемъ мнѣ подробностей вашихъ соображеній и намѣреній. Я заранѣе даю вамъ на нихъ мое согласіе. У меня на это есть основаніе. Вѣдь это князь Зенонъ, уму и вкусу котораго я всегда удивлялся, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ вамъ. Кромѣ того, у него я видѣлъ произведенія вашего рѣзца,—они привели меня въ восторгъ... Да, вотъ нѣкоторые говорятъ будто мы, промышленники и финансисты, проникнуты однимъ матеріализмомъ, и что въ насъ нѣтъ души. Однако ваша Психея, которая укра-

шаетъ княжескій дворецъ, произвела на меня такое впечатлѣніе, что надобно думать—и я нисколько не лишенъ души.

Эта иронія отразилась складками на его устахъ. Съ усиленной любезностью онъ обратился къ художнику:

— Надо намъ установить цифру гонорара.

И вслѣдъ затѣмъ торопливо прибавилъ:

— Разрѣшите мнѣ взять на себя иниціативу.

Вопросительнымъ тономъ онъ произнесъ очень высокую цифру. Художникъ поклонился, не желая или не умѣя скрыть своего удивленія или удовольствія. Дарвидъ, тихонько взявъ его подъ-руку, повелъ къ большому бюро и открылъ одинъ изъ его ящиковъ.

Между тѣмъ оставшіеся у стола юристъ и архитекторъ успѣли обмѣняться взглядами.

— Протекція князя!

— Ловкая реклама!—шепнули тотъ и другой.

А Дарвидъ говорилъ молодому художнику:

— Мнѣ, по слухамъ, извѣстно, что скульпторамъ, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, приходится значительно расходоваться на предварительную подготовку. Поэтому требуется авансъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Деньги всегда должны быть къ услугамъ таланта.

Художникъ былъ изумленъ. Онъ представлялъ себѣ этого милліонера совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

— „Деньги всегда должны быть къ услугамъ таланта!“—повторилъ онъ про себя.—„Первый разъ слышу я такое мнѣніе изъ устъ капиталиста“.—Вы и въ самомъ дѣлѣ такого мнѣнія?—спросилъ онъ громко.

Дарвидъ улыбнулся, но тотчасъ омрачился, думая о чемъ-то другомъ.

— Я полагаю, что я не пожалѣлъ бы никакихъ денегъ, чтобы ни у кого не было такого кашля, какъ у васъ.

— Потому что ваша дочь...—началъ-было скульпторъ. Но Дарвидъ успѣлъ уже войти въ свой обычный холодный тонъ и направлялся къ столу.

Въ это время лакей возвѣстилъ въ дверяхъ о появленіи новаго посѣтителя.

— Господинъ Краницкій.

Вслѣдъ за лакеемъ вошелъ и самъ посѣтитель, уступая лишь дорогу встрѣтившемуся съ нимъ въ дверяхъ художнику.

Это былъ мужчина лѣтъ подъ-пятьдесятъ, что однако не мѣшало ему сохранить молодую упругость движеній и пріятное выраже-

ніе на красивомъ еще лицѣ. Вообще въ немъ было много остатковъ большой мужской красоты, изъ-за которой, какъ рваная подкладка изъ-за поношенной, когда-то блестящей одежды, выглядывала старательно скрываемая, быть можетъ даже преждевременная, старость. Высокій брюнетъ съ правильнымъ оваломъ лица, окаймленнымъ черными густыми баками и волосами съ кое-гдѣ проглядывавшей сѣдиной, маленькой, появившейся сзади, лысиной и усами, юношески закрученными кверху надъ румяными губами, молодой походкой прошелъ кабинетъ, съ явнымъ намѣреніемъ выказать манерой привѣтствовать хозяина свои короткія къ нему отношенія. Но онъ встрѣтилъ въ холодномъ взглядѣ Дарвида нѣчто почти грозное. Онъ едва дотронулся рукой до руки, протянутой къ нему вошедшимъ.

— Извиненія, извиненія прошу, дорогой Алоизій, за то, что прихожу въ тáкое время, именно время твоихъ важныхъ, огромныхъ, колоссальныхъ занятій. Но, получивъ твое приглашеніе, я поторопился...

— Да,—сказалъ Дарвидъ:—мнѣ надо переговорить съ вами... Потрудитесь минутку подождать.

Онъ повернулся къ стоявшимъ у стола, очевидно собиравшимся уходить, юристу и архитектору, которые съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на эту встрѣчу Краницкаго съ Дарвидомъ. Каждая встрѣча этихъ людей имѣла свойство возбуждать людское любопытство. Дарвидъ долго не замѣчалъ этого. Узнавъ же объ этомъ, онъ и теперь успѣлъ уловить едва замѣтную усмѣшку—какъ знаменитаго юриста, такъ и отвѣтную, промелькнувшую на лицѣ архитектора. Поговоривъ съ ними еще минуты двѣ, Дарвидъ проводилъ ихъ до дверей, и лишь только они вышли, сказалъ оставшемуся въ кабинетѣ гостю:

— Теперь я къ вашимъ услугамъ.

Это столь суровое предложеніе услугъ было не лишено нѣкотораго оттѣнка угрозы. Поэтому Краницкій какъ-то дольше, чѣмъ нужно, занялся помѣщеніемъ своей шляпы на какое-то мѣсто, и поникшее лицо его покрылось выраженіемъ безпокойства. Въ одно мгновеніе на его лбу явились морщины, щеки вытянулись, и все лицо насупилось и стало лѣтъ на десять старше.

Не потерявъ, однако, привычной граціи движеній, Краницкій произнесъ:

— Вы мнѣ писали, дорогой Алоизій...

— Да, я васъ пригласилъ,—перебилъ его Дарвидъ,—чтобы предложить вамъ одно условіе.

Между тѣмъ онъ вырѣзывалъ изъ чековой книжки листокъ,

на которомъ передъ тѣмъ поспѣшно вписалъ нѣсколько словъ. Подавая его Краницкому, онъ началъ:

— Вотъ чекъ на сумму... значительную. Дѣла ваши, какъ я слышалъ, очень плохи.

Лицо Краницкаго радостно оживилось и снова помолодѣло на десять лѣтъ. Принимая подаваемый ему чекъ не безъ нѣкотораго, однако, колебанія, онъ произнесъ:

— Дорогой Алоизій, это истинно дружеская услуга, даже безъ просьбы съ моей стороны, это истинное великодушіе... но вѣрьте мнѣ, что какъ только доходы съ моихъ имѣній поправятся...

Дарвидъ опять прервалъ его.

— Мы съ вами слишкомъ давно знакомы, чтобы я могъ не знать, какого рода у васъ имѣнія и какіе вы можете получать отъ нихъ доходы. У васъ никакихъ имѣній нѣтъ. Ваша маленькая усадьба не могла вамъ никогда доставить и половины того, что̀ необходимо для удовлетворенія вашихъ потребностей. И въ этой усадьбѣ вы могли бы провести всю свою жизнь, еслибы не родня вашей матери—князь Зенонъ и иные титулованные. Благодаря только этому обстоятельству, большой свѣтъ не понесъ въ вашемъ лицѣ такой утраты. Мнѣ о васъ все извѣстно. Ни подъ какимъ видомъ не пробуйте вводить меня въ заблужденіе... я знаю все.

Послѣднія слова онъ сильно подчеркивалъ, что̀ повидимому вводило Краницкаго въ глубокое смущеніе, которымъ онъ не въ силахъ былъ овладѣть.

— Даю вамъ слово, parole d'honneur, я не понимаю, я рѣшительно не понимаю... Такая дружеская услуга и такой тонъ... ничего не понимаю...

— Сейчасъ вы поймете. Та сумма, которую я вамъ вручилъ— вовсе не пріятельская услуга, а простая торговая сдѣлка. Во-первыхъ, я требую, чтобы вы прекратили всякія сношенія съ моимъ сыномъ Маріаномъ...

Краницкій отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Съ Марисемъ?! — воскликнулъ онъ, какъ бы не желая вѣрить своимъ ушамъ. — Мнѣ порвать дружбу съ Марисемъ? Развѣ это возможно? Зачѣмъ? Не вы ли сами...

— Это правда, я самъ положилъ всему начало. Мнѣ хотѣлось, чтобы мое семейство, всегда и особенно во время моихъ частыхъ отлучекъ, живя здѣсь, могло вращаться въ средѣ наиболѣе желательной, и я самъ просилъ васъ содѣйствовать этому...

— Желаніе ваше я исполнилъ,—поднимая голову, перебилъ его Краницкій.

Дарвидъ въ упоръ смотрѣлъ ему въ лицо, говорилъ тихо, не спѣша, и ледъ его голоса, казалось, долженъ былъ бы треснуть отъ укрытой подъ нимъ и закипѣвшей страсти.

— Это правда, но вы развратили моего сына. Самъ по себѣ онъ никогда бы до такого мотовства и испорченности не дошелъ. Это вы отвлекли его отъ ученія, пріучили его ко всевозможнымъ спортамъ, ввели его во всѣ увеселительныя мѣста, начиная съ высшихъ до самыхъ низшихъ. Вернувшись сюда послѣ трехлѣтняго отсутствія, я нашелъ сына физически и нравственно увядшимъ. Къ счастью онъ еще ребенокъ, ему всего двадцать-два года, и его еще можно спасти. Дѣло его спасенія я начинаю съ воспрещенія всякихъ дальнѣйшихъ отношеній между вами и моимъ сыномъ.

Не дѣлая никакихъ жестовъ, не возвышая голоса, Дарвидъ, произнося послѣднія слова, имѣлъ однако угрожающій видъ. Его пальцы впивались въ столъ, на который опиралась рука, снопъ морщинъ между бровями углубился, глаза получили стальной блескъ,—весь онъ превратился въ ненависть, гнѣвъ, презрѣніе.

Но и Краницкій, который, слушая его, сначала выказывалъ одно лишь изумленіе, теперь внѣ себя воскликнулъ:

— Чтò вы говорите? Или меня слухъ обманываетъ? Я слышу упреки отъ васъ! Я, который во время всѣхъ вашихъ занятій и отлучекъ столько лѣтъ оставался, можно сказать, единственнымъ защитникомъ вашего семейства и наставникомъ вашего сына! Вотъ это хорошо! Вы, значитъ, ужъ забыли, что, благодаря мнѣ, вы познакомились съ высшимъ свѣтомъ? Вы забыли, какъ довѣряли мнѣ, когда признавались, что хотѣли бы найти жениховъ для своихъ дочерей въ томъ кругу, къ которому мои связи могли послужить для васъ удобнымъ мостомъ? Вы не помните развѣ, какъ вы сами просили меня, чтобы я ввелъ вашего сына въ лучшее общество и знакомилъ его съ требованіями свѣта? Это безподобно! Вы себѣ преспокойно заработывали милліоны, разъѣзжая въ разные концы свѣта, а я исполнялъ все, чтò вы только желали, и теперь встрѣчаюсь съ упреками, въ которыхъ меньше всего деликатности. Да это не имѣетъ имени! C'est inouï! Нѣтъ, это по меньшей мѣрѣ требуетъ удовлетворенія...

Возмущеніе Краницкаго было искреннее и глубокое. Оно отразилось на его еще красивомъ лицѣ смуглымъ румянцемъ. А Дарвидъ былъ охваченъ какимъ-то столбнякомъ. „Да,—думалось ему,—вѣдь этотъ человѣкъ говоритъ правду. Я употреблялъ его для своихъ цѣлей, я привязался къ нему, почти полюбилъ его и

награждалъ его полнымъ довѣріемъ, не узнавъ его какъ слѣдуетъ... Но развѣ у меня было время на то, чтобы узнавать людей, не принимавшихъ прямого участія въ моихъ дѣлахъ?"... Фактъ тотъ, что, во всякомъ случаѣ, во всемъ случившемся виновна его собственная воля. И съ самаго дна его груди, изъ какого-то тайнаго логовища поднялся клубокъ ядовитыхъ змѣй, отвратительный, холодный и ослизлый, который подступалъ подъ самое горло. Но Дарвидъ превозмогъ себя и поднялъ голову.

— Въ томъ, что̀ вы сказали, много правды... А второе мое желаніе заключается теперь въ томъ, чтобы вы прекратили посѣщенія моего дома.

Краницкій почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ голову, и онъ закричалъ такъ, что слова его вырывались изъ устъ съ какимъ-то неестественнымъ свистомъ.

— Въ виду такихъ чувствъ вашихъ ко мнѣ, какъ же мнѣ понимать вашу услугу?

— Какъ плату за тѣ ваши услуги, которыя были вами оказаны мнѣ или кому-либо изъ моего семейства. Я плачу̀, мы поквитались взаимно и прощаемся... навсегда!

— Однако, позвольте! вы не одни существуете на свѣтѣ, не одной вашей волѣ предоставлено открывать или запирать двери этого дома...

Дарвидъ, поблѣднѣвъ до того, что въ губахъ его, кажется, уже не оставалось ни кровинки, досталъ изъ бумажника и показалъ ему, держа двумя пальцами, письмо въ маленькомъ конвертѣ, на которомъ значился адресъ госпожи Дарвидъ.

Смуглый румянецъ безслѣдно исчезъ съ лица Краницкаго, онъ страшно поблѣднѣлъ,—глаза его широко раскрылись, и онъ схватился рукой за спинку кресла, какъ бы ища опоры. Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе; между этими двумя людьми повисла гроза открытой тайны. Первый заговорилъ Дарвидъ, но такимъ упавшимъ голосомъ, что едва можно было его разслышать.

— Какимъ образомъ это письмо попало мнѣ въ руки, объ этомъ не стоитъ говорить! Просто—случаемъ. Такія случайности очень обыкновенны; хорошая ихъ сторона та, что они полагаютъ конецъ обману и—подлости.

Краницкій, все еще очень блѣдный, но съ пробивающимися на лбу кровяными пятнами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу, который теперь одинъ отдѣлялъ его отъ Дарвида. Направляя разгоряченный взглядъ своихъ черныхъ глазъ прямо въ лицо его, Краницкій глухо произнесъ:

— Обманъ! подлость! Это легко сказать! А развѣ вы не знали, что супруга ваша въ ранней нашей молодости была почти моей невѣстой?

Дарвидъ отвѣчалъ съ ироніей на устахъ:

— Невѣстой, которую вы бросили по приказанію вашей мамаши, уславшей васъ въ столицу за золотымъ руномъ...

— А когда вы ѣздили на край свѣта за своимъ золотымъ руномъ, вы сочли удобнымъ оставить меня сторожить женщину, которую я нѣкогда любилъ. Вы считали себя непобѣдимымъ даже тогда, когда васъ раздѣляли съ нею тысячи верстъ...

— Прекратимъ этотъ смѣшной споръ...—началъ-было Дарвидъ.

— Что касается меня,—прервалъ его Краницкій,—я кончаю его тѣмъ, что предлагаю вамъ всякое удовлетвореніе, какого вы пожелаете. Ожидаю свидѣтелей...

Дарвидъ громко и рѣзко расхохотался.

— Дуэль! Неужели вы думаете, что въ свѣтѣ не узнаютъ о причинѣ ея. Хорошо бы отъ этого было вашей бывшей невѣстѣ! Но это еще менѣе важно для меня, хотя все-таки я долженъ и объ этомъ заботиться, потому что она носитъ мою фамилію. Кромѣ того у меня есть дочери и дѣла...

Помолчавъ, онъ заключилъ:

— Скандалъ повредилъ бы моимъ дѣламъ, но вѣрнѣе всего повредилъ бы будущности моихъ дочерей... Поэтому я ни вызова вашего не принимаю, ни васъ не велю отколотить моимъ лакеямъ.

Краницкій затрясся всѣмъ тѣломъ. Онъ выпрямился, принялъ мужественную осанку, смялъ въ ладони бывшій въ его рукѣ чекъ и этотъ бумажный шарикъ бросилъ прямо въ лицо Дарвиду. Шарикъ, отскочивъ отъ мѣдно-рыжей бакенбарды, свалился къ его ногамъ. Послѣ этого, съ непроизвольнымъ, вполнѣ безсознательнымъ изяществомъ движеній, Краницкій повернулся къ дверямъ и вышелъ.

Дарвидъ остался одинъ среди большой комнаты, среди богатой обстановки, освѣщенной обильнымъ свѣтомъ дорогой лампы. Онъ схватилъ себя обѣими руками за поникшую голову и сильно сжалъ ее, какъ въ клещахъ, бѣлыми, худощавыми пальцами. Сколько однако досады и волненія пришлось ему здѣсь встрѣтить послѣ долгаго отсутствія! Змѣиный клубокъ подползалъ къ самому горлу. Дарвидъ ощущалъ боль, смѣшанную съ какимъ-то отвращеніемъ. Боль и отвращеніе—это тѣ выраженія, которыхъ онъ никогда не употреблялъ. Онъ—человѣкъ желѣзнаго труда,

ему знакомы лишь безпокойство, забота, досада. Однако какъ онъ долженъ поступить съ этой женщиной? Прогнать какъ звѣрка, который, купаясь въ роскоши, укусилъ своего хозяина? Этого сдѣлать нельзя: дѣти, особенно дочери, дѣла, положеніе... Скандалъ вреденъ съ каждой стороны. Остается жить съ ней подъ одной кровлей, встрѣчаться съ видомъ ея лица, ея глазъ... тѣхъ глазъ, которые когда-то были для него... Да, иначе нельзя. Надо будетъ переносить это и владѣть собой, крѣпко владѣть, чтобы никогда не дошло до какихъ-либо сценъ, упрековъ, объясненій. Разумѣется, никакихъ сценъ, ссоръ, потому что, во-первыхъ, это будетъ напрасный расходъ энергіи, въ которой онъ такъ нуждается. Во-вторыхъ, вѣдь лучшимъ наказаніемъ для этой женщины будетъ непрерывное безмолвіе, которое встанетъ непроходимой стѣной между ними. Изъ словъ, хотя острыхъ какъ мечъ, еще можно извлечь хоть какой-нибудь звукъ, какую-нибудь искру надежды; но молчаніе, съ сознаніемъ того, что̀ произошло, это—могила, въ которую будетъ ежедневно укладываться и гордость этой женщины, и все, что̀ въ ней могло еще оставаться. Молчаливое, какъ смерть, презрѣніе! Она будетъ пользоваться его милліонами, смѣшанными съ его же презрѣніемъ, будетъ наряжаться въ эти милліоны, пропитанные его ненавистью... Ненавистью? О, несомнѣнно. Онъ страстно, безгранично ее ненавидитъ, и только иногда ея имя чудно колышетъ его мозгъ такими звуками, въ которыхъ слышится какъ бы эхо чего-то очень милаго, минувшаго, далекаго, невозвратнаго. Возможно ли это?! Возможно ли, чтобы эта, когда-то идеальная дѣвочка, а потомъ, еще лѣтъ десять тому назадъ, любящая женщина, могла такъ поступить? Она такъ любила его, что когда однажды онъ уѣзжалъ надолго, она бросилась передъ нимъ на колѣни, умоляя его не разставаться съ нею! Онъ прекрасно помнитъ эту сцену. Ея блѣдно-золотистые волосы, спутавшись, разсыпались на груди и плечахъ... роскошные волосы обрамляли ея личико, залитое слезами...

Но вдругъ онъ поднялъ голову и выпрямился. Что̀ за вздоръ! Что̀ за чувствительность и экзальтація, на которыя онъ тратитъ и время, и энергію! Все это вѣдь нужно ему для иного. Ему надо сосредоточить всѣ силы, чтобы привести къ цѣли свои новыя задачи... Что̀ за причина, что этотъ курьеръ до сихъ поръ не приноситъ вѣсти? О, еслибъ только ему удалось заручиться однимъ часомъ бесѣды, однимъ только часомъ! Онъ убѣдилъ бы, завоевалъ бы, побѣдилъ бы соперниковъ и завладѣлъ бы новымъ полемъ для дѣятельности и спекуляціи. Онъ зналъ о препятствіяхъ,

интригахъ, объ опасной конкурренціи, но это-то больше всего и возбуждало его энергію. Особенно теперь, въ постигшемъ его огорченіи, побѣда и новое дѣло оказались бы для него ложкой гашиша или стаканомъ укрѣпляющаго напитка. Поѣхать развѣ въ клубъ? Картежная игра, которой онъ часто посвящаетъ по нѣскольку ночныхъ часовъ, сама по себѣ не представляетъ особеннаго удовольствія, но онъ играетъ или съ значительными людьми, или съ такими, которые могутъ быть полезными въ дѣлахъ. Можетъ быть, онъ встрѣтитъ тамъ и того, кого онъ напрасно поджидаетъ уже нѣсколько дней.

Онъ хотѣлъ позвонить и уже протянулъ руку къ пуговкѣ электрическаго звонка, какъ за портьерой и полуотворенной дверью, ведущей во внутреннія комнаты, послышался шорохъ, и тонкій и несмѣлый голосокъ произнесъ:

— Можно войти?

Дарвидъ быстро подошелъ къ дверямъ и торопливо заговорилъ:

— Можно! Можно!

И тотчасъ изъ мрака сосѣдней, неосвѣщенной комнаты высунулась дѣвочка лѣтъ пятнадцати, въ свѣтломъ платьѣ, очень высокая и очень худая, съ тонкой таліей и узкой грудью. Громадная ея блѣдно-золотистая шевелюра, казалось, тяжестью своею перетягивала назадъ маленькую, изящную головку. На дѣтскомъ личикѣ сіялъ весенній румянецъ, обрисовывался малиновый ротъ и подъ круглыми темными бровями сверкали большіе темные глаза. Вслѣдъ за нею двигалось маленькое существо, косматое, шаровидное, шелковистое—собачка-пинчеръ.

— Кара! Наконецъ-то ты пришла. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: приходи ко мнѣ смѣло! Ну, какъ ты себя чувствуешь? Не очень сегодня кашляла? Гуляла? Съ кѣмъ ты ѣздила? Съ панной Клотильдой? Иди сюда, присядь на это кресло.

Онъ не выпускалъ изъ рукъ ея маленькую руку и подвелъ къ столу, окруженному креслами. Въ его движеніяхъ была какая-то старательная предупредительность, нѣчто въ родѣ свѣтской привѣтливости, относившейся къ лицу очень привлекательному, но мало знакомому,—привѣтливости, переходящей чуть не въ галантерейность. Онъ ее встрѣтилъ съ чувствомъ радости; она также радовалась и улыбалась, хотя съ замѣтнымъ оттѣнкомъ грусти и смущенія. Сидя съ нимъ рядомъ, она то-и-дѣло наклонялась и цѣловала руку отца. Въ этихъ чарующихъ движеніяхъ дѣвочки соединялась ласка съ рѣзвостью. Они оба представляли собою видъ очень обрадованныхъ встрѣчею людей, но находя-

щихся въ отношеніяхъ чисто свѣтскаго знакомства. Онъ принималъ ее въ своемъ кабинетѣ, какъ почетную гостью, усадилъ въ кресло и, помѣстившись возлѣ, не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ. Въ ногахъ у нихъ, на кончикѣ подола ея платья, тотчасъ расположился маленькій пинчеръ. Съ выраженіемъ неувѣреннаго счастья на лицѣ, съ улыбкой полуоткрытаго рта, дѣвочка обводила взоромъ контуры мало знакомой ей комнаты, не зная, о чемъ говорить и говорить ли. Она сидѣла, а отецъ смотрѣлъ на нее, все держа ея руку. Наконецъ, она тихо заговорила:

— Я такъ скучала по тебѣ, папаша, такъ мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой, что вотъ... я пришла.

— Отлично сдѣлала, милочка. Отчего же ты не приходишь почаще? Когда бы ты ни пришла,—всегда доставишь мнѣ большое удовольствіе.

Разговаривая, онъ все время всматривался въ ея почти дѣтское личико. Она такъ походила на мать, что въ ней точно повторялась природа молодости Мальвины, хотя послѣднюю онъ узналъ, когда она была гораздо старше. Но тѣ же волосы, тѣ же большіе глаза съ черной бровью и длинными рѣсницами, одинаково обрисованный лобъ.

Снопъ морщинъ между его бровями сдвинулся, и онъ повторилъ:

— Почему ты не приходишь ко мнѣ чаще?

— Ты, папаша, всегда такъ занятъ.

— Ну такъ чтò же?—быстро и рѣзко отвѣтилъ онъ.—Ты мнѣ это говоришь съ упрекомъ. Развѣ мои занятія—преступленіе? Напротивъ, трудъ есть добродѣтель, заслуга человѣка, вся его цѣнность. Мои дѣти болѣе, чѣмъ кто другой, должны цѣнить мои труды, потому что я тружусь для нихъ точно такъ же, а можетъ быть и больше, чѣмъ для себя!

Никогда не думалъ онъ, что ему придется говорить съ этимъ ребенкомъ такимъ суровымъ тономъ и съ такимъ пасмурнымъ видомъ,—но на него это нашло откуда-то, изъ чего-то далекаго, ощущеніе чего-то такого, на чтò онъ до сихъ поръ всегда боялся взглянуть прямо. Вѣдь этой дѣвочки онъ почти не зналъ. Уѣзжая въ послѣдній разъ, онъ оставлялъ ее совсѣмъ ребенкомъ,—теперь она почти взрослая. Но чтò съ ней? Она спустилась съ кресла и, сложивъ руки, встала передъ нимъ на колѣни и быстро, съ жаромъ заговорила:

— Когда ты былъ далеко, папаша, я почитала тебя, любила, тосковала по тебѣ. Теперь ты вернулся, и я тебя очень, очень люблю, больше всего на свѣтѣ...

Тутъ она обернулась на собачку, которая лѣзла на ея плечи.

— Пойди прочь, Пуфъ, пойди, мнѣ теперь некогда съ тобой возиться!

Отъ этихъ нѣжныхъ словъ дочери Дарвидъ ощутилъ точно струю пріятной теплоты въ своей груди, но, изъ принципа, онъ не любилъ никакихъ увлеченій; въ чувствахъ и ихъ проявленіяхъ онъ выше всего цѣнилъ сдержанность. Онъ приподнялъ ладонями склонившуюся къ его колѣнямъ голову дѣвочки и сказалъ:

— Не надо увлекаться. Нѣтъ ничего лучше, какъ спокойствіе; оно и красиво, и всегда необходимо. Безъ спокойствія никакой разсчетъ не можетъ быть точнымъ, и никакая работа хорошо исполнена. Твоя привязанность ко мнѣ даетъ мнѣ счастье, но успокойся, не стой на колѣнкахъ, а садись удобно...

Но она приняла еще болѣе умоляющую позу.

— Позволь мнѣ, папочка, остаться у твоихъ ногъ! Я мечтала, что когда ты пріѣдешь, мнѣ можно будетъ часто, долго говорить съ тобой, обо всемъ у тебя спросить, обо всемъ узнать...

Она закашляла. Дарвидъ обнялъ ее и, не поднимая съ колѣнъ, прижалъ къ своей груди.

— Вотъ видишь, ты еще кашляешь! Часто ли это бываетъ? Погоди, не говори, пусть онъ пройдетъ. Какъ онъ у тебя вообще? Скоро проходитъ?

Кашель утихъ. Она весело засмѣялась, при чемъ рядъ бѣлаго перламутра блеснулъ посреди пурпуровыхъ устъ. Въ стальныхъ зрачкахъ Дарвида промелькнулъ восторгъ.

— Вотъ и прошло!—весело заговорила она.—Я кашляю не часто, иногда только. Я совсѣмъ здорова. Я была больна тогда, когда простудилась у открытаго окна. Это случилось, когда тебя, папаша, здѣсь не было.

— Знаю, знаю. Эта экзальтированная головка вздумала зимой открыть окно, чтобы полюбоваться видомъ засыпаннаго снѣгомъ сада при лунномъ освѣщеніи.

— Деревьевъ, папаша, видомъ деревьевъ!—оживленно поправила его она.—Не весь садъ, а деревья, покрытыя снѣгомъ и инеемъ при свѣтѣ мѣсяца: они кажутся точно изъ мрамора или алебастра, всѣ въ кристаллахъ, брилліантахъ и кружевахъ.

— Господи! — воскликнулъ Дарвидъ: — мраморъ, алебастръ, брилліанты, кружева! Вѣдь ничего этого въ природѣ нѣтъ. Просто голые пни и сучья, снѣгъ и иней—вотъ и все. Видишь, какъ опасна и пагубна экзальтація. По ея милости ты захворала вос-

паленіемъ легкихъ и до сихъ поръ не совсѣмъ еще поправилась, не всѣ слѣды его прошли.

— Прошли, папочка,—сказала она небрежно.

Потомъ вдругъ заговорила серьезнымъ тономъ:

— Скажи мнѣ, папаша, развѣ восхищаться чѣмъ-нибудь очень красивымъ или любить кого-нибудь всею душой — это экзальтація? Если это такъ, то я экзальтированная. Но если бы такой экзальтаціи не было, то для чего же было бы жить?

Выраженіе изумленія, задумчивости, размышленія наполнило ея взоръ. И вопросительно разводя руками, она повторила:

— Зачѣмъ же жить?

Дарвидъ засмѣялся.

— Я замѣчаю, что твою головку немножко сбили съ толку. Но такъ какъ ты еще ребенокъ, то, думаю, это пройдетъ.

И, поглаживая своей сухой ладонью ея мягкіе волосы, онъ продолжалъ:

— Восхищеніе, восторги и тому подобныя вещи въ чувствительной натурѣ очень милы и прекрасны, но онѣ не должны стоять на первомъ мѣстѣ...

Она слушала его съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что даже ротъ ея раскрылся, и вся она оставалась неподвижною, какъ статуя.

— А что̀ же, папаша, должно стоять на первомъ мѣстѣ?

Дарвидъ не сразу отвѣтилъ.—Что̀? Что̀ должно стоять впереди всего?

— Долгъ,—сказалъ онъ наконецъ.

— Какой, папаша, долгъ?

Онъ снова помолчалъ.

— Какой долгъ? Какъ какой? Разумѣется, долгъ трудиться.

Румянецъ на лицѣ ея становился ярче, она вся превратилась въ любопытство, объятая жаждой услышать слова отца.

— Трудиться?—переспросила она:—а для чего, папаша?

— Какъ это: для чего?

— Для какой цѣли, зачѣмъ? Вѣдь никто же не работаетъ ради того только, чтобы работать! Для чего, зачѣмъ надо работать?

— Цѣли труда бываютъ различныя...

— А ты, папаша, для какой цѣли трудишься?—съ жаднымъ любопытствомъ ухватилась она за его слова.

Онъ прекрасно зналъ, для какой цѣли онъ задумалъ теперь взяться за новое предпріятіе, постройку громадныхъ зданій для казармъ,—но развѣ можно объяснять это ребенку? Между

тѣмъ большіе черные глаза этого ребенка уставились на него въ ожиданіи отвѣта.

— А какъ же, — наконецъ сталъ онъ говорить:—я... мнѣ мой трудъ даетъ... иногда приноситъ огромные барыши.

— Деньги?—спросила она.

— Да, деньги.

Движеніемъ головы она показала, что объ этомъ она знала давно.

— Ну, а еслибъ я захотѣла трудиться, то я и не знала бы, для чего мнѣ работать... Для какой цѣли могла бы я трудиться?

Онъ разсмѣялся.

— Тебѣ нѣтъ надобности трудиться; я за тебя работаю и для тебя...

Она стала во весь голосъ хохотать и удивленно спросила:

— Какъ же это, папочка? Любить, восхищаться, это—экзальтація. Первый долгъ всякаго — трудъ, а трудиться не надо,— какъ же это такъ?

И снова она вопросительно развела руки, глаза разгорѣлись, губы задрожали. Дарвидъ, ощутивъ непріятное чувство, взглянулъ на часы.

— Однако, мнѣ пора ѣхать въ клубъ,—сказалъ онъ.

Но въ эту минуту вошедшій лакей возвѣстилъ:

— Князь Зенонъ Скиргелло.

На лицѣ Дарвида засіяло радостное чувство. Дѣвочка встрепенулась съ колѣнъ и, оглянувшись, стала звать:

— Пуфикъ, Пуфикъ, пойдемъ, собачка, пойдемъ!

— Гдѣ князь? — торопливо спрашивалъ Дарвидъ:—входитъ, или еще въ каретѣ?

— Въ каретѣ,—отвѣтилъ лакей.

— Проси! Проси!

Подъ впечатлѣніемъ удовольствія отъ неожиданнаго въ этотъ часъ княжескаго визита онъ не замѣтилъ печали, покрывшей лицо Кары. Поднимая своего пинчера, она прошептала:

— Вотъ ужъ который это разъ все то же самое.

— Ты можешь остаться,—обратился къ ней отецъ.—Вѣдь ты знакома съ княземъ.

— Ой, нѣтъ, папаша, я убѣгу, я не одѣта!

Она поспѣшно направилась къ дверямъ, за которыми царила темнота.

— Погоди, я тебѣ посвѣчу,—закричалъ ей вслѣдъ Дарвидъ и взялъ съ конторки высокій тяжелый подсвѣчникъ.

— Пока князь будетъ подниматься по лѣстницѣ, я успѣю тебѣ посвѣтить. Тамъ темно.

Говоря это, онъ вошелъ въ сосѣднюю, неосвѣщенную, большую комнату. Кара, проходя черезъ нее мелкими шагами, которые придавали ея высокому росту дѣтскую прелесть, повторила снова:

— Вотъ уже четвертый или который это разъ, всегда такъ случается!

— Чтò случается?

— Какъ только начну съ тобой, папочка, разговаривать, вдругъ, бацъ! Что-нибудь помѣшаетъ.

— Чтò дѣлать! — улыбаясь, отвѣчалъ Дарвидъ: — но твой отецъ не какой-нибудь затворникъ, или не мелкая сошка.

Они спѣшили пройти вторую комнату, убранство которой еле освѣщалось дрожащимъ пламенемъ свѣчи. Дарвиду пришло въ голову:

„Какъ, однако, здѣсь темно и пусто“!

Кара, какъ бы отгадывая эту мысль, сказала:

— Мама и Ирена сегодня на званомъ обѣдѣ у...

Она произнесла фамилію одного изъ властелиновъ финансоваго міра и затѣмъ добавила:

— Послѣ обѣда онѣ заѣдутъ домой перемѣнить туалетъ и поѣдутъ въ театръ.

— А ты?

— Я? Я еще не выѣзжаю въ свѣтъ. А въ театрѣ мнѣ докторъ запретилъ бывать. Я буду читать или разговаривать съ миссъ, ну, и играть съ Пуфкой.

Сказавъ это, она погладила шолковую головку бывшаго у нея на рукахъ любимца.

Дарвидъ остановился у третьихъ дверей и отдалъ ей подсвѣчникъ, отъ тяжести котораго она едва не перегнулась въ сторону.

— Иди теперь одна. Я долженъ торопиться къ князю.

Она припала къ рукамъ отца, покрыла ихъ торопливыми поцѣлуями и, держа пламя свѣчи передъ своимъ раскраснѣвшимся личикомъ, съ собачкой, прижатой къ груди, и упавшими на плечи волосами, скрылась въ потемкахъ слѣдующей комнаты.

Дарвидъ повернулся, оставаясь въ темнотѣ, и, идя обратно, на минуту испыталъ странное чувство, будто кто-то сзади наваливалъ на его плечи какую-то большую тяжесть. Онъ даже оглянулся. Нѣтъ, ничего, кромѣ безмолвія, темноты и пустоты.

„Какой вздоръ! Надо, однако, велѣть освѣщать“,—подумалъ

онъ и вбѣжалъ поспѣшно въ кабинетъ, въ которомъ встрѣтилъ князя. Въ этой встрѣчѣ замѣтенъ былъ излишекъ движеній черезчуръ привѣтливыхъ и упругихъ. Любезно улыбаясь, онъ много разъ повторилъ свои увѣренія въ томъ, что считаетъ за особенное счастіе посѣщеніе князя. Это былъ среднихъ лѣтъ и пріятной наружности господинъ, очень привѣтливый и разговорчивый. Они усѣлись въ большія кресла, и между ними началась бесѣда. Прежде всего князь сообщилъ о причинѣ своего посѣщенія. Онъ пріѣхалъ, чтобы пригласить Дарвида на увеселительную охоту, устраиваемую въ его имѣніи. Дарвидъ принялъ это приглашеніе съ избыткомъ поспѣшности и горячей признательности. Вообще въ присутствіи высокорожденныхъ лицъ онъ терялъ способность соразмѣрять свои слова и манеры въ той же степени, какъ это ему удавалось въ обществѣ обыкновенныхъ людей. Онъ даже самъ это чувствовалъ. Въ высокосвѣтскомъ кругу онъ подчинялся одному изъ своихъ страстныхъ вожделѣній, которое его всегда увлекало. Князь скоро перевелъ разговоръ на тему о молодомъ художникѣ, который отъ Дарвида прямо направился къ князю съ тѣмъ, чтобы разсказать ему о пріемѣ его у Дарвида.

— Меня истинно тронула ваша доброта относительно этого талантливаго юноши,—говорилъ князь:—меня очень утѣшило то, что онъ нашелъ въ васъ такого великодушнаго покровителя.

Дарвидъ въ это время подумалъ о томъ, какъ ему всегда удается попадать въ цѣль. Его обращенію съ молодымъ скульпторомъ онъ, очевидно, обязанъ и этимъ сверхкомплектнымъ визитомъ и приглашеніемъ. Съ сладкой улыбкой онъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, этотъ юноша очень слабъ здоровьемъ. Его, я думаю, могъ бы еще спасти болѣе благопріятный климатъ. Я постараюсь, чтобы онъ не отказался отъ денежныхъ средствъ, которыя я намѣренъ ему предложить для этой цѣли. Предвижу, что онъ будетъ отъ этого уклоняться, но надо будетъ сдѣлать все возможное, чтобы побороть его щепетильность—ради интересовъ искусства и изъ сочувствія къ этому юношѣ, который въ числѣ своихъ симпатичныхъ качествъ обладаетъ еще и тѣмъ, что съумѣлъ заслужить ваше расположеніе.

Еслибъ это было возможно, онъ самъ себя расцѣловалъ бы за такую чудесную фразу, особенно когда князь съ увлеченіемъ сказалъ:

— Вотъ это въ полномъ значеніи то, что̀ называется: прекрасно и говорить, и поступать. Вы, по-истинѣ, отлично пользуетесь дарами фортуны.

— Не фортуны, князь, не фортуны, а желѣзнаго труда!

Князь съ живостью замѣтилъ:

— Такіе труженики, какъ вы, это настоящіе рыцари нынѣшняго свѣта, это новѣйшіе Сиды, Дюгесклены и Баярды.

Онъ всталъ и, пожимая руки новому Сиду, повторилъ для памяти день, назначенный для охоты.

Князь былъ чистокровнымъ аристократомъ, пользовавшимся широкой и довольно заслуженной популярностью. Провожая его до передней, Дарвидъ имѣлъ такой видъ, будто никогда въ жизни никакой змѣиный клубокъ не заводился въ его груди, дышавшей теперь радостью и гордостью. У дверей князь еще разъ остановился, какъ бы припоминая что-то.

— Простите меня за нескромный вопросъ, но онъ меня чрезвычайно интересуетъ. Много ли правды въ слухахъ, распространившихся по городу, будто баронъ Эмиль Блауендорфъ будетъ имѣть честь получить руку вашей старшей дочери?

Лицо Дарвида подверглось моментальному преображенію; оно стало рѣзкимъ и строгимъ.

— Еслибъ въ этомъ слухѣ заключалось хоть сколько-нибудь правды, я употребилъ бы всѣ усилія, чтобы уничтожить ее вмѣстѣ со слухомъ.

— И вы были бы вполнѣ правы, вполнѣ правы,—сказалъ князь.

При этомъ онъ нагнулся къ самому уху Дарвида и прошепталъ:

— Это какой-то необыкновенный истребитель состояній. Онъ успѣлъ уже проглотить полтора наслѣдства...

Улыбнувшись, онъ съ большой любезностью прибавилъ:

— Я часто встрѣчаюсь съ вашимъ сыномъ... Намъ его представилъ нашъ милѣйшій Краницкій, и мы ему, я и жена, очень, очень благодарны. Симпатичный, красавецъ и очень развитой юноша! Онъ дѣлаетъ вамъ честь, дѣлаетъ честь!

Князь удалился, а Дарвидъ долго стоялъ неподвижно, въ глубокой задумчивости, съ печатью острой ироніи въ улыбкѣ и глазахъ и съ тучей морщинъ, сомкнувшихся между бровями. Молодой художникъ, любимецъ князя, чуть не въ изодранной одеждѣ, преспокойно заболѣвалъ чахоткой, а тутъ вдругъ какой-то выскочка выручилъ карманъ аристократа, получивъ въ обмѣнъ на это визитъ и приглашеніе. Вотъ что̀ значитъ—деньги. Почти всемогущество! Ха, ха, ха!

Имъ овладѣлъ непроизвольный смѣхъ, и ему послышался внутренній голосъ:—О, нужда, нужда!

Что̀ собственно Дарвидъ понималъ подъ словомъ: нужда,—въ этомъ онъ не давалъ себѣ яснаго отчета; однако онъ насквозь былъ

проникнутъ ощущеніемъ смысла этого слова. Но вотъ ему опять слышится голосъ князя, который говоритъ: „этотъ милѣйшій Краницкій“, и волна крови залила его чело. Все то, о чемъ онъ на минуту забылъ, возстановилось въ его памяти, въ ушахъ такъ сильно звучало: „этотъ милѣйшій Краницкій“, что онъ самъ еще раза два повторилъ озлобленнымъ шопотомъ: „милѣйшій, милѣйшій“. И затѣмъ снова произнесъ:—нужда!

Или вотъ еще этотъ господинъ, способный расточить какой угодно капиталъ! И за него отдать дочь и значительную часть состоянія, добытаго желѣзнымъ трудомъ! Ужъ не влюблена ли въ него Ирена? Но вѣдь это какой-то вибріонъ, помѣсь обезьяны. Надо будетъ объ этомъ семейномъ дѣлѣ поразсудить, чтобы не случилось какого-нибудь несчастья. Взоръ его встрѣтился съ дверьми, за которыми было темно и безмолвно; точно это было окно, отворенное въ пропасть глубокой и непроницаемой тайны.

„Надо приказать освѣщать тѣ комнаты“,—подумалъ онъ, и въ эту минуту услышалъ шумъ въѣзжавшаго въ ворота экипажа. Дарвидъ нажалъ пуговку звонка. Вошелъ слуга.

— Это барыня пріѣхала?

— Точно такъ.

— Скажи кучеру, чтобы подождалъ. Онъ отвезетъ меня въ клубъ.

Въ то время, когда уходившій лакей отворялъ дверь, Дарвидъ услыхалъ подобный шуму вѣтра шелестъ шолка. Два длинныхъ платья протащились по полу передней и ушли дальше въ анфиладѣ темныхъ комнатъ, которую освѣщалъ лампой шедшій впереди лакей. Отъ свѣта этой лампы, по обѣ стороны отъ проходившихъ, на позолотахъ и украшеніяхъ стѣнъ появлялись и скакали какіе-то гномы, выбѣгавшіе изъ мрака, снова скрывались въ немъ, а двѣ нарядныя дамы шли мимо нихъ молчаливо, пасмурно, опустивъ усталыя вѣки.

II.

Мальвина Дарвидъ была одна изъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ старость приходитъ очень поздно, и которыхъ красота, различная въ разную пору жизни, никогда не покидаетъ. Своею красотой госпожа Дарвидъ обязана была не столько правильнымъ чертамъ лица, сколько необычайному изяществу всѣхъ ея движеній, ея чудной улыбки, ея выраженію глазъ и голоса. Она еще сохранила свои прекрасные свѣтло-золотистые волосы, ко-

торые причесывала вверхъ надъ небольшимъ челомъ, напоминая этимъ изваянія древнихъ гречанокъ. Прелестнымъ контрастомъ этимъ волосамъ и нѣсколько увядшему, но нѣжному цвѣту лица, выступали темныя брови и большіе черные глаза, смотрѣвшіе мягко и ласково. Иногда являлся въ нихъ блескъ, а иной разъ онъ угасалъ подъ густой тучей задумчивости. Въ платьѣ, покрытомъ кружевами, съ радужнымъ мерцаніемъ брилліантовой звѣзды въ богатой шевелюрѣ, встрѣчала она знакомыхъ, посѣщавшихъ ее въ театральной ложѣ, съ непринужденной привѣтливостью свѣтской женщины. Свѣтскость ея, впрочемъ, славилась по всему городу, который, въ виду ея прошлаго, даже нѣсколько удивлялся ей. Всѣмъ было извѣстно, что прошлое этой женщины было очень скромно. Дарвидъ, будучи молодымъ, когда положеніе его еще далеко не представлялось такимъ блестящимъ, какъ теперь, женился на бѣдной сиротѣ, учительницѣ. Но должно быть этой женщинѣ недоставало только золотой оправы, чтобы заблистать какъ алмазъ. И она блистала въ свѣтѣ изяществомъ, красотой, умѣньемъ говорить, блистала такъ, какъ будто свѣтъ— ея природная стихія. Отъ всей ея внѣшности расходились лучи жизнерадостнаго благополучія, нерѣдко оживленной веселости, и только иногда появлялась на ея античномъ челѣ чуть замѣтная линія, выдававшая утомленіе. Но это случалось лишь на короткіе и рѣдкіе моменты. Когда они проходили безслѣдно, Мальвина Дарвидъ снова являлась такою же, какъ мы и теперь ее видимъ въ ложѣ, въ блескѣ прелестныхъ глазъ, изящнаго туалета и звучнаго, но мягкаго голоса. На видъ она казалась всего на нѣсколько лѣтъ старше своей дочери. Случалось, что посѣтители ея ложи, уходя, говорили:

— Красивѣе дочери!

Еще чаще слышались мнѣнія о томъ, что въ ней больше привлекательности, чѣмъ въ ея дочери, хотя и въ отношеніи Ирены Дарвидъ природа не была мачихой. Младшая ея сестра была живымъ портретомъ матери; она же совершенно напоминала отца возвышеннымъ лбомъ, тонкими губами и, что̀ всего удивительнѣе въ ея юномъ возрастѣ, одинаково проведенною по устамъ ея складкой прирожденной ироніи. Волосы ея, подобно отцовскимъ, отражали блескъ то золота, то мѣди, а матовое ея лицо, слишкомъ продолговатое и худощавое, оживлялось проницательнымъ и умнымъ взглядомъ глазъ, небольшихъ, какъ у Дарвида, и цвѣтомъ своимъ тоже напоминавшихъ ея родителя. Фигура ея и движенія казались слишкомъ прямыми и холодными.

Въ обществѣ ее считали гордой, мало доступной, холодной, но оригинальной, и потому интересной.

На сценѣ шла пьеса, о которой заранѣе много говорили; поэтому въ театрѣ собралось все, принадлежащее въ этомъ городѣ къ большому и модному свѣту. Всѣ ложи были заполнены, за исключеніемъ одной, которая лишь въ началѣ второго акта шумно открылась, и тогда изъ нея послышался громкій, нестѣснявшійся ничѣмъ разговоръ. Эта ложа наполнилась нѣсколькими молодыми людьми, изысканно одѣтыми, повидимому связанными между собой товарищескими отношеніями, привычками, вкусами. Бинокли всѣхъ ярусовъ тотчасъ направились въ сторону этой ложи. Тамъ возсѣдали молодые набобы, сыновья старинной знати или богачей. Въ ложахъ, партерѣ и галереяхъ стали повторять имена молодыхъ людей, уже успѣвшихъ прославиться эксцентричными выходками, остроумными словечками, сумасбродными излишествами и расточительствомъ,—имена, окутанныя тканью повѣствованій изъ міра любовныхъ и денежныхъ интрижекъ, содержаніе которыхъ можно было передавать только вполголоса. Изъ числа этого рода героевъ два особенно занимали въ эту зиму общественное вниманіе: Эмиль Блауендорфъ и Маріанъ Дарвидъ; оба происходили изъ семействъ, разбогатѣвшихъ недавно, но сильно. Впрочемъ, Блауендорфы выдвинулись состояніемъ на два поколѣнія раньше и уже успѣли широко породниться съ болѣе старинными родами. Наоборотъ, состояніе ихъ, перейдя въ руки присутствующаго здѣсь потомка, быстро таяло и въ сравненіи съ нововоздвигнутой фортуной Дарвида могло показаться разоренной хижиной. На этихъ двухъ представителяхъ молодого поколѣнія сосредоточилось общее любопытство. Столь юные и уже столь знаменитые! Блауендорфъ былъ, однако, много постарше Маріана и достигалъ уже тридцатилѣтняго возраста. Наружность его была неказиста. Небольшого роста, дряблый, съ коротко-остриженными рыжими волосами, съ чертами лица даже черезчуръ тонкими и поблекшимъ цвѣтомъ лица, съ маленькими глазами, скрывавшимися, по близорукости, подъ стеклами пенснэ, или глядѣвшими на свѣтъ изъ-за прижмуренныхъ и пожелтѣвшихъ вѣкъ, что придавало имъ выраженіе заносчивости и утомленія. Внѣшность некрасивая, мелкая, поблекшая, придавленная, болѣзненная. Тѣмъ не менѣе сквозь его маленькія, худыя, желтоватыя руки уже пропущено было цѣлое состояніе умершаго нѣсколько лѣтъ передъ этимъ стараго Блауендорфа, а теперь уходитъ другое наслѣдство, оставленное ему всего годъ тому назадъ матерью его, этой баронессой, которая сдѣлала себѣ

знаменитость своею безумною любовью къ сыну, доходившею до идолопоклонства. И вотъ люди только смотрятъ и удивляются, какимъ образомъ сквозь подобное мизерное существо могла пробѣжать такая большая струя золота. Другое дѣло—Маріанъ Дарвидъ. И этотъ удивляетъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ и симпатію. Этому красивому юношѣ на видъ кажется нѣтъ еще и двадцати-двухъ лѣтъ. Красивый ростъ, ловкія и изящныя движенія, голова херувима, съ кудрявыми бѣлокурыми волосами, румяное лицо съ голубыми, какъ бирюза, глазами и при томъ очень умными, въ которыхъ чувствуется и сомнѣніе, и насмѣшка, и печаль, и безкорыстное исканіе чего-то по всему свѣту. Между женщинами свѣта ходилъ слухъ, будто онъ, будучи въ Англіи, вступилъ въ ряды „арміи спасенія“, а потомъ въ Парижѣ сдѣлался членомъ клуба гашишистовъ и привезъ съ собой сюда привычку употребленія наркотизаціи для возбужденія въ себѣ искусственныхъ галлюцинацій. Разсказывали, что если городъ наслаждается пѣніемъ знаменитой Біанки Біанетти, то только благодаря этому мальчику, который гдѣ-то тамъ, далеко, овладѣлъ ея сердцемъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ побѣдилъ ее, истративъ на нее сказочныя суммы; другіе говорятъ, что эти суммы поглотила не пѣвица, а наѣздница цирка, Аврора, та самая знаменитость, за которой ухаживали разные герцоги и принцы королевской крови. Впрочемъ, это ли только разсказывали о немъ. Этотъ набобикъ, вмѣстѣ съ Блауендорфомъ, сдѣлался неистощимымъ источникомъ множества легендъ, изъ которыхъ между прочимъ оказывается, что отецъ Дарвида служитъ своему сыну неисчерпаемымъ средствомъ неограниченнаго кредита. У этого красавца долговъ больше, чѣмъ кудрявыхъ волосъ на головѣ херувима. А что же отецъ? А онъ недавно только вернулся съ другого конца свѣта и, вѣроятно, прекратитъ шалости сына. Сомнѣваются, удастся ли это ему. Въ голубыхъ глазахъ молодого Дарвида просвѣчиваетъ способность къ упорству. Иногда онъ имѣетъ такой видъ, будто весь свѣтъ ему ни-почемъ. Они вдвоемъ съ барономъ много занимаются искусствомъ и литературой и тратятъ на искусство не меньше, чѣмъ на женщинъ и кутежи. Вообще они прекрасно воспитаны и обладаютъ талантами. Баронъ играетъ артистически; Дарвидъ переводитъ стихи съ разныхъ языковъ, а языковъ они оба знаютъ—говорили о нихъ—столько, сколько ихъ не знали и апостолы, послѣ посѣщенія ихъ благодатью святого Духа.

Въ началѣ спектакля въ ложѣ находилось нѣсколько человѣкъ въ такомъ же родѣ, какъ они, но часть изъ нихъ удалилась

потомъ на свои мѣста, и остались тамъ только эти двое. Позади ихъ креселъ сидѣлъ еще какой-то третій, старавшійся, повидимому, быть какъ можно менѣе замѣтнымъ. Это былъ Артуръ Краницкій. Публика привыкла его видѣть, и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ, съ этими молодыми людьми. Старательно одѣтый, съ закрученными кверху усами, онъ однако сегодня казался скромнѣе и старше обыкновеннаго. Въ другое время онъ всегда, бывало, отличался разговорчивостью, веселымъ смѣхомъ, подвижностью, полною изящества и живости. Это его приравнивало къ молодымъ набобамъ. Онъ былъ ихъ менторомъ и ровесникомъ, постояннымъ гостемъ и снисходительнымъ попечителемъ. Сегодня онъ, пасмурный, съ красными пятнами на постарѣвшемъ челѣ, усѣлся въ уголъ ложи, не обращая вниманія ни на публику, ни на то, что̀ происходитъ на сценѣ, и, главное, стараясь не обращать на себя вниманія. Только изъ-за плечъ молодыхъ людей рука его, подстрекаемая безсознательной силой, то-и-дѣло наводила бинокль на ложу Мальвины Дарвидъ. Точно подражая Краницкому, а на самомъ дѣлѣ вовсе позабывъ о его существованіи, то же самое дѣлалъ баронъ Эмиль Блауендорфъ, не сводя бинокля съ равнодушнаго лица Ирены Дарвидъ. Это дерзкое постоянство могло бы другую женщину смутить. Но она, соскучившись смотрѣть на сцену, тоже принялась разсматривать въ бинокль барона. Смотря другъ на друга и сблизившись этимъ способомъ, они какъ бы выдѣляли себя изъ толпы и вдвоемъ господствовали надъ нею съ высоты двухъ первоярусныхъ ложъ, совершенно не интересуясь тѣмъ, что̀ происходило вокругъ нихъ. Два бинокля, все время направленные одинъ противъ другого, обращаютъ на себя вниманіе публики, но они этого не замѣчаютъ и не желаютъ знать объ этомъ, какъ не желаютъ знать о разыгрывающихся на сценѣ любовныхъ и трагическихъ столкновеніяхъ. Они вперили взоры другъ на друга и смотрятъ съ такимъ равнодушіемъ, что можно было бы спросить, зачѣмъ же они это дѣлаютъ? Не ради ли оригинальничанья или для возбужденія любопытства или скандала въ публикѣ. Но, по прошествіи нѣкотораго времени, на лицахъ ихъ является насмѣшливая, шаловливая улыбка съ оттѣнкомъ товарищеской близости. Опуская руку съ биноклемъ, баронъ, нагибаясь къ Маріану, дѣлаетъ замѣчаніе:

— Très garçonière, ta soeur! Пренебрегаетъ всѣми, désabusée... Необыкновенно интересна.

— Ужъ не новое ли чувство?—разсмѣялся Маріанъ.

— Да, это совсѣмъ новое существо. Она изъ только-что на-

рождающагося сорта женщинъ. Двадцать лѣтъ и превосходная индивидуализація! Двадцать лѣтъ и полнѣйшее пониманіе людской глупости!

— Это у насъ семейное, — шутливо замѣтилъ Дарвидъ, а баронъ продолжалъ:

— А вѣдь знаешь ли, красота твоей мамаши прямо безсмертна. Чтд за глаза, чтд за волосы! Но это совсѣмъ иной родъ.

— Прежній!—замѣтилъ Маріанъ.

— Да, прежній, понятный и ясный. Типъ панны Ирены—новый, сложный, запутанный. C'est le mot. Именно запутанный. Мы всѣ теперь запутались въ контрастахъ, диссонансахъ, скрежетаньяхъ...

Въ это время театръ огласился громомъ рукоплесканій. Молодые люди взглянули другъ на друга вопросительно и невольно разсмѣялись.

— Чтд они тамъ играютъ?—спрашивалъ Блауендорфъ, указывая на сцену.

— Право, не знаю. Ни слова не слыхалъ.

Онъ обратился къ Краницкому:

— Не знаете ли, чтд тамъ происходитъ?

Краницкій, не перестававшій ни на минуту смотрѣть въ бинокль, точно разбуженный, опустивъ руку отъ глазъ, растерянно спрашивалъ:

— Чтд такое? Чтд ты сказалъ, Маріанъ?

— Ого-го!—сказалъ баронъ, взглянувъ на лицо Краницкаго. —Посмотрите-ка, у нашего романтика слезы на глазахъ. Надо послушать, чтд тамъ творится.

Они стали слушать пьесу, но на нихъ она производила впечатлѣніе иное, чѣмъ на остальную публику. Когда на сценѣ сталкивались людскія страсти, отъ чего замирали сердца зрителей, или когда со сцены раздавались слова, исходившія изъ поэтическаго чувства, вызывая восторгъ и поднимая уровень настроенія присутствующихъ,—они презрительно улыбались; наоборотъ, когда шутка, острота, комическое положеніе развеселяли или смѣшили публику, они застывали въ серьезной, надутой важности. Наконецъ, когда опустился занавѣсъ и весь театръ огласился громомъ единодушныхъ, горячихъ, оглушительныхъ рукоплесканій, руки ихъ, подчеркивая свое безучастіе, покоились на барьерѣ ложи. Въ ихъ протестѣ противъ общаго настроенія чувствовался, кромѣ ребяческаго желанія отличиться отъ толпы,

дерзкій вызовъ пошлымъ вкусамъ и обще-распространеннымъ понятіямъ.

Передъ самымъ окончаніемъ послѣдняго акта драмы, въ ложу госпожи Дарвидъ вошелъ Краницкій. Поздоровавшись съ обѣими дамами молчаливымъ поклономъ, онъ неподвижно всталъ въ глубинѣ ложи. Мальвина Дарвидъ на его поклонъ слегка кивнула головой, и тотчасъ на лицѣ ея выступила тѣнь происшедшаго въ ней внутренняго безпокойства. Брови ея сдвинулись, углы рта едва замѣтно опустились, и на всемъ ея лицѣ явился отпечатокъ страданія. Но это продолжалось не долго. Къ ложѣ ея подошла цѣлая толпа блестящихъ, веселыхъ мужчинъ, изъ которыхъ выдѣлялся особенно какой-то важнаго вида сѣдой господинъ. Онъ всячески свидѣтельствовалъ своими униженными поклонами и улыбками готовность повергнуть къ стопамъ ея свое благоговѣніе. Начался оживленный, полный привѣтливаго изящества въ движеніяхъ и въ модуляціяхъ пріятнаго голоса, взаимный обмѣнъ любезностей. Между тѣмъ, баронъ Эмиль подошелъ къ Иренѣ и, указывая на горячившуюся и ревущую отъ восторга толпу, спрашивалъ молодую дѣвушку:

— Какъ вамъ нравятся эти дикіе крики?

— Счастливцы!—отвѣчала она, подставляя плечи подъ накидку, которую ей подавалъ баронъ.

— Почему счастливцы?

— Потому что они наивны.

— Прекрасно вы опредѣлили,—говорилъ онъ, любуясь ею.— Именно только дикари могутъ быть такъ наивны...

— Чтобы вѣрить въ эти чувства и этотъ паѳосъ,—окончила она его фразу.

— Прадѣдовскія,—добавилъ онъ съ своей стороны.

— Кто знаетъ!—сказала она, придавая этому видъ глубокой мысли.

— Чтò?—спросилъ онъ.

— Дѣйствительно ли наши предки въ нихъ вѣрили, или только...

— Представлялись вѣрующими,—подхватилъ баронъ и принялся безумно хохотать.

— Превосходная мысль! Великолѣпная!—продолжалъ онъ.— Какъ мы съ вами сходимся въ мнѣніяхъ, не правда ли? Великолѣпное согласіе! Аккордъ!

— Съ диссонансомъ...

— Съ какимъ?

Во время этого обмѣна мыслей, имѣвшаго подобіе мельканія

холодной, отшлифованной стали, Краницкому удалось среди толпы, окружавшей Мальвину Дарвидъ, шепнуть ей:

— Завтра въ одиннадцать.

Не оглядываясь на него, она отвѣтила:

— Слишкомъ рано.

И только бровь ея нѣсколько дрогнула.

— Надо непремѣнно. Катастрофа! Несчастіе! — шепнулъ онъ еще.

Она посмотрѣла на него смутившимся отъ безпокойства взоромъ, но въ этотъ же моментъ Маріанъ подалъ ей руку.

— Сегодня я,—говорилъ онъ,—ради оригинальности, ради назиданія ротозѣямъ и для своего удовольствія, буду примѣрнымъ сыномъ, провожающимъ изъ театра свою прелестную мамашу!

На эту проходившую красивую пару дѣйствительно всѣ обращали вниманіе, и Маріанъ продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Я тобой горжусь, мамуся. Сегодня я слышалъ цѣлыя оды, пропѣтыя въ честь тебя. Эмиль говоритъ, что ты красотой своей затмѣваешь Ирену.

Она и смѣялась, и сердилась. Черные глаза нѣжно поднимались къ красивому лицу сына, но, усиливаясь поддержать свое достоинство, она сказала:

— Ты вѣдь знаешь, что я не люблю, когда ты со мной говоришь такимъ тономъ.

Въ отвѣтъ на это строгое замѣчаніе онъ громко разсмѣялся.

— Ну, такъ надо было тебѣ, мамочка, поскорѣй постарѣть, надѣть чепчикъ и засѣсть вязать чулокъ у печки... Тогда бы я проникся страшнымъ уваженіемъ къ тебѣ и изо всѣхъ силъ убѣгалъ бы отъ такой скучной мамаши.

— А если я не скучная, то будь умницей, поѣзжай съ нами домой. Будемъ вмѣстѣ чай пить.

— Au désespoir, моя милая мама, это невозможно. Остатокъ своего дня, или своей ночи, сегодня я обѣщалъ нѣсколькимъ пріятелямъ.

— Еслибы только сегодня!—съ грустью произнесла она.

— Для истиннаго мудреца вчера и сегодня не существуютъ, —отвѣчалъ онъ.

Они подошли къ дверцамъ кареты. Маріанъ поцѣловалъ руку матери.

— Не сердись на меня, мамуся. Впрочемъ, ты и такъ никогда не сердишься. Если еще можно что-нибудь боготворить на свѣтѣ, такъ это твою безконечную кротость.

— Излишнюю,—отвѣчала она. — О, еслибы я умѣла быть строгой!

— Тогда я бы убѣгалъ отъ тебя, а теперь между нами царствуютъ самыя лучшія отношенія, хотя впрочемъ конституціонныя или даже республиканскія.

— По-моему, анархическія! — вмѣшался Эмиль, подсаживая Ирену въ карету.

— А о диссонансахъ завтра?—спросилъ онъ ее.

— И о скрежетахъ,—смѣясь, отвѣчала она, причемъ рука ея на секунду дольше, чѣмъ было нужно, осталась въ рукѣ барона.

Вскорѣ затѣмъ Мальвина Дарвидъ сидѣла въ своемъ кабинетѣ, небольшомъ и очень похожемъ на бомбоньерку, изнутри подстеганную мягкою подкладкой, за небольшимъ столикомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ изъ массивнаго серебра и дорогого фарфора. Вся комната была пропитана запахомъ цвѣтущихъ фіалокъ, сирени, гіацинтовъ, разставленныхъ у оконъ, стѣнъ и повсюду. Она уже успѣла перемѣнить платье, бывшее на ней въ театрѣ, на капотъ изъ кружевъ и матеріи мягкой, какъ пухъ. Ея положеніе въ глубокомъ и низкомъ креслѣ, даже самое расположеніе складокъ одежды, казалось, дышали нѣгой отдыха. Но умъ ея бодрствовалъ, и въ глазахъ замѣтно было безпокойство.—Катастрофа! Несчастье! Чтò бы это могло быть? Удрученное состояніе ея духа можно было угадать по тоскливому выраженію на устахъ и по крѣпко стиснутымъ на колѣняхъ рукамъ. Ужъ не то ли потерянное письмо?.. Какую нужно имѣть пылкую, сумасшедшую голову и какой... слабый характеръ, чтобы писать подобныя письма!.. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это такъ, потому что уже нѣсколько дней она въ воздухѣ чувствуетъ бурю... Ну, если?.. Что жъ! Развѣ это несчастье? Скорѣе напротивъ. Предположеніе, что тяжелая, темная тайна ея жизни раскрылась наконецъ передъ глазами того, кто за нее будетъ искать мести, возбуждало въ ней, вмѣсто тревоги, надежду,—горькую, но желанную. Пусть наконецъ, какимъ бы ни было способомъ, разрѣшится, развяжется этотъ ужасный узелъ, который спуталъ ея жизнь! У самой у нея никогда не станетъ силъ на это,—она вѣчно слаба, слаба, слаба! А между тѣмъ, чтò бы ни было, все лучше того, чтò теперь! Въ глазахъ ея блеснули двѣ слезы и тихонько потекли отъ опущенныхъ вѣкъ по ея ланитамъ; чело ея перерѣзалось углубившеюся морщиной, которая на фонѣ богатой обстановки, бриллiантовой звѣзды, мерцавшей въ

волосахъ, и обилія пахучихъ цвѣтовъ, наполнявшихъ комнату, казалась еще мрачнѣе—и трагизмъ женскаго существа усугублялся.

У дверей, напротивъ, стояла Ирена, съ чашкой въ рукѣ, безпокойно всматриваясь въ мать. Она это дѣлала съ такимъ усиліемъ, что глаза ея нѣсколько разъ заморгали. Она далека была теперь отъ холода ироніи и глумленій, съ какими она только-что вела бесѣду со своимъ кавалеромъ. Однако она повидимому спокойно прошла по комнатѣ и сѣла около матери.

— Мнѣ кажется, что сегодняшній спектакль не очень развлекъ васъ, мамаша? — сказала она, не замѣтивъ слезъ ея.— Мальвина Дарвидъ, точно подъ ударомъ волшебства, тотчасъ оживилась, и лицо ея весело улыбнулось.

— А что̀, Кара уже спитъ?—спросила она.

— Должно быть; у нея и у миссъ Мэри тихо... Что̀ вы, мамаша, не пьете чай?

Мальвина тихо поднесла къ губамъ ложечку, а Ирена стала говорить спокойнымъ тономъ:

— Я услыхала сегодня неожиданную новость. Кажется, отецъ говорилъ князю Зенону, который его объ этомъ спрашивалъ, что онъ не разрѣшитъ мнѣ выйти за барона.

Мать внимательно посмотрѣла на дочь.

— Почему ты называешь эту новость неожиданной?

Ирена слегка пожала плечами.

— Я не думала, чтобы онъ захотѣлъ посвящать свое дорогое время такимъ пустякамъ. Это неожиданно и можетъ повести къ непріятностямъ.

— Какимъ?—съ тревогой спросила мать.

— У меня и у отца могутъ быть различныя мнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ твое мнѣніе уступитъ.

— Сомнѣваюсь, — отвѣчала Ирена. —У меня свои взгляды, намѣренія, требованія, вкусы, о которыхъ отецъ можетъ вовсе не знать.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, при чемъ Мальвина Дарвидъ нѣсколько разъ порывалась что-то сказать дочери, но не могла этого сдѣлать, она колеблющимся голосомъ рѣшилась задать ей вопросъ:

— Скажи мнѣ, Ирена, любишь ли ты его?

— Люблю ли Эмиля?

Въ этомъ восклицаніи молодой дѣвушки прозвучало почему-то сильное ея изумленіе.

— Еслибы баронъ услышалъ этотъ вопросъ, онъ первый

назвалъ бы его идиллическимъ или прадѣдовскимъ, — сказала Ирена, разсмѣявшись.

— Все это вещи не существующія и, по меньшей мѣрѣ, измѣнчивыя, минутныя,—продолжала она,—вещи, зависящія отъ воображенія и нервовъ. У меня воображеніе холодное и нервы спокойные. Могу обойтись безъ этого раскрашеннаго вздора.

Мальвина, по мѣрѣ того, какъ эти слова дочери произносились, выпрямлялась и краснѣла. Она сохранила рѣдкую въ ея возрастѣ способность краснѣть.

— Ахъ, Ирена, я не въ первый разъ слышу отъ тебя такія мнѣнія, и они меня очень печалятъ.

Сложивъ руки, она продолжала говорить:

— Любовь... симпатія, если они... если выборъ свободенъ...

Внезапно голосъ ея порвался. Она закрыла глаза, припала плечами къ ручкѣ кресла и умолкла.

Ирена, смѣясь, изобразила жестъ отчаянія.

— Что̀ же мнѣ дѣлать, мамаша?—шутливымъ тономъ заговорила Ирена:—не я создала свѣтъ, и передѣлать его не могу!

Но затѣмъ она стала говорить серьезно.

— Любовь, симпатія могутъ быть очень пріятны; даже я допускаю, что онѣ всегда такія, пока существуютъ, но существуютъ онѣ очень недолго,—обыкновенно блеснутъ и погаснутъ.. .нѣсколько лѣтъ или дней, чаще всего дней, промелькнутъ— и будто ихъ никогда не бывало. Зачѣмъ же этотъ обманъ, если послѣ него неизбѣжно наступитъ разочарованіе? Онъ создаетъ только лишнія требованія отъ жизни, ошибки и страданія. Впрочемъ,—прибавила она,—баронъ мнѣ симпатиченъ... Я питаю къ нему нѣкотораго рода симпатію.

Послѣ минуты молчанія Мальвина тихо спросила:

— Какого это рода симпатія?

Ирена отвѣтила со смѣхомъ:

— Кажется, нервная. Меня трогаетъ иногда его манера смотрѣть на меня и пожатіе руки. Но больше всего онъ мнѣ нравится тѣмъ, что онъ искрененъ и никогда изъ себя никого не корчитъ. Онъ никогда мнѣ не говорилъ, какъ тѣ три-четыре конкуррента, что любитъ меня. Онъ чувствуетъ ко мнѣ то же, что̀ и я къ нему—извѣстный родъ симпатіи; въ денежномъ отношеніи онъ считаетъ меня выгодной партіей, и по этимъ двумъ причинамъ желаетъ подѣлиться со мной своимъ баронскимъ титуломъ и родствомъ съ нѣсколькими княжескими и графскими родами. А такъ какъ и съ моей существуетъ потребность въ независимости и собственномъ домѣ, то тутъ выходитъ простой

обмѣнъ услугъ и выгоды. Мы вовсе не скрываемъ другъ отъ друга нашихъ побужденій, и это создаетъ между нами искренность отношеній, товарищескихъ и довольно пріятныхъ, которыя въ будущемъ никому изъ насъ не дадутъ права и повода ни на какіе охи и ахи! Мы не будемъ имѣть поводовъ ни для какихъ упрековъ, преувеличеній, отчаянія. Вотъ и все!

Снова помолчавъ, Мальвина задумчиво шепнула:

— Иреночка!

— Что̀, мама?

— Еслибы я могла... еслибы я имѣла право...

Обѣ умолкли. Ирена переспросила наконецъ:

— Что̀, мама?

— Еслибы ты захотѣла повѣрить, что несмотря на...

Слышенъ былъ ходъ часовъ, окруженныхъ лиліями и сиренью.

— Что̀ же, мама?

— Передай мнѣ печенье, Иреночка.

Мальвина вынимала изъ серебряной корзинки печенье слегка дрожащею рукой, а между тѣмъ Ирена, весело захохотавъ, стала болтать.

— Что̀ же ты, мама, ничего не ѣшь? Ты съ нѣкотораго времени почти ничего не ѣшь, а помнишь, какъ я, бывало, называла тебя маленькимъ Пантагрюэлемъ, и какъ мы вдвоемъ, съ небольшой помощью Кары, уплетали цѣлыми корзинами пирожное или большія-пребольшія коробки конфектъ. Теперь ты уже давно ничего почти не любишь и одѣваешься только по принужденію. Я думаю, еслибы это было возможно, ты вмѣсто красиваго платья охотно надѣла бы какую-нибудь власяницу. Правда вѣдь?

Еще разъ лицо Мальвины покрылось слабымъ румянцемъ. Она отвѣтила:

— Да, ты отгадала.

Ирена задумалась, а минуту спустя, не поднимая глазъ на мать, тихо спросила:

— Но отчего это все?

Г-жа Дарвидъ, послѣ долгаго раздумья, отвѣтила:

— Волны жизни возвращаются.

И съ глубокой думой на лицѣ она продолжала:

— Да, милое мое дитя, воды рѣкъ, разъ пробѣжавъ, никогда не идутъ назадъ, а волны жизни могутъ возвратиться. Ты знаешь, что начало моей жизни прошло въ бѣдности, тишинѣ и трудахъ. Оно освѣщалось идеалами, отъ которыхъ я ушла далеко. Было это давно, но—было. Случается, что когда много лѣтъ промельк-

нетъ—все предшествовавшее кажется сномъ; между тѣмъ оно было дѣйствительностью, которая возвращается.

Ирена вслушивалась въ эту колеблющуюся, тихую рѣчь съ опущенными книзу глазами и облокотивъ голову на руку. Она ничего не отвѣчала. Мальвина тоже замолкла.

Въ это время вошедшая горничная быстро и безъ малѣйшаго шума убрала со стола чайный приборъ.

Въ послѣднее время госпожа Дарвидъ вывела изъ обычая—въ своихъ комнатахъ пользоваться мужской прислугой. Лакеевъ во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ она замѣнила прислугой женской, болѣе простой и фамильярной. Вообще, насколько могла, она пользовалась всякимъ случаемъ уклоняться отъ обыкновеній большого свѣта, отъ всего показного и ненужнаго.

Съ опущенными книзу глазами, какъ бы размышляя надъ чѣмъ-то неотступно преслѣдовавшимъ ея голову, Ирена промолвила:

— Власяница!

При этомъ она поднялась и, сдерживая зѣвоту, сказала:

— Хочется спать. Доброй ночи, мамуся.

Поцѣловавъ руку матери короткимъ поцѣлуемъ, она спросила:

— Прислать вамъ Розалію?

— Нѣтъ, нѣтъ, скажи ей, чтобы она ложилась спать. Я сама раздѣнусь. Доброй ночи!—Тихими шагами идя по ковру, Ирена удалилась. Мальвина, проводивъ ее взглядомъ до дверей, какъ только осталась одна, схватила себя за голову обѣими руками, подняла лицо кверху и громкимъ шопотомъ много разъ повторила:—Боже! Боже!—Потомъ, опираясь локтями на ручку кресла, закрыла ладонями лицо. Въ полной неподвижности она перешла въ міръ смутныхъ и спутанныхъ воспоминаній, сожалѣній и тревогъ.

Ночь проходила медленно. Часы пробили, одни за другими, на разные голоса, въ различномъ разстояніи отъ нея. Запахъ гіацинтовъ становился все сильнѣе. Въ спальнѣ сдѣлалось холодно. Зимній морозъ прокрадывался даже и въ эти, хорошо обезпеченныя тепломъ, жилища. Мальвина начинала чувствовать пробѣгавшую дрожь въ плечахъ, поникшихъ надъ ручкой кресла.

Въ темнотѣ послышался легкій шелестъ, и въ дверяхъ появилась Ирена. На ней была одна только кружевная кофта и спущенные на плечи волосы. Она постояла съ вытянутой шеей, вперивъ глаза на мать, потомъ неслышными шагами, въ мягкихъ туфляхъ, прошла въ противоположныя двери и исчезла за ними. На улицахъ уже водворялась полная тишина. Часы

пробили три. Вдалекѣ изъ глубины темной анфилады послышался басистый отвѣтъ большихъ часовъ. Запахъ цвѣтовъ становился наркотичнѣе. Изъ дверей, за которыми исчезла-было Ирена, она снова появилась, съ шалью на рукѣ, которую тихонько набросила на плечи матери.

— Чтò такое?—пробормотала Мальвина, очнувшись и поднимая лицо, на которомъ при свѣтѣ лампы можно было замѣтить слѣды слезъ. Но, увидѣвъ передъ собой дочь, она торопливо улыбнулась.

— Это ты, Иреночка! Отчего ты еще не спишь?

— Не могла заснуть и ходила въ вашу спальню за книгой, которую мы вмѣстѣ начали читать. Дѣлается холодно, поэтому я принесла вамъ шаль. Доброй ночи, мамаша.

Она отошла, но осталась въ комнатѣ. Въ рукахъ у нея не было книги. Можетъ быть, она ее искала въ великолѣпномъ рѣзномъ шкафу, наполненномъ книгами. Раскрывъ дверцы шкафа, она стояла передъ нимъ, поднявъ руки къ верхнимъ полкамъ, а распущенные волоса ея неподвижно покоились на батистѣ, покрывавшемъ худощавыя плечи.

Въ глазахъ Мальвины показалось нетерпѣніе: она ожидала ухода дочери.

— А чтò, уже поздно?—спросила она.

— Очень поздно,—отвѣтила, не оборачиваясь, Ирена.

— Кара кашляетъ эту ночь?

— Сегодня совсѣмъ не слышно ея кашля.

Мальвина встала и такъ зашаталась на ногахъ, что вынуждена была удержаться за край стола. Она казалась страшно измученной.

— Иди спать, Иреночка... Доброй ночи,—сказала она, проходя мимо дочери.

Ирена, посмотрѣвъ на нетвердый ея шагъ, прошла немного вслѣдъ за нею.

— Мама!—произнесла она.

— Чтò такое, Ирена?

Постоявъ передъ матерью и сдерживая дрожащими устами какія-то слова, она вдругъ нагнулась, по обыкновенію тронула ея руку короткимъ поцѣлуемъ и сказала только:

— Доброй ночи.

Потомъ она опять подошла къ отворенному книжному шкафу, прислушиваясь къ шуршанію укладывающейся ко сну матери, и когда всѣ звуки умолкли, заперла шкафъ и тихо исчезла въ темноту за дверьми.

Въ этотъ самый моментъ, среди тишины, загремѣлъ подъѣзжавшій къ дому экипажъ. Вслѣдъ затѣмъ шумъ дошелъ изъ передней, откуда одинъ лакей выбѣжалъ на полу-темную лѣстницу, другой бросился въ кабинетъ и спальню хозяина дома, чтобы поспѣшить освѣтить ихъ. Дарвидъ быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ, бросилъ на руки лакея дорогую шубу, привезенную имъ съ далекаго сѣвера, и тотчасъ, у круглаго стола, сталъ прочитывать замѣтки, сдѣланныя имъ въ карманной книжкѣ. Среди этого занятія Дарвидъ не забылъ спросить у лакея:

— Молодой баринъ вернулся?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ насупился, но продолжалъ читать замѣтки, а потомъ, подойдя къ конторкѣ, сталъ писать стоя. Наконецъ онъ перешелъ въ свою богато-отдѣланную спальню, гдѣ ночной лампѣ, помѣщенной на красивомъ карнизѣ камина, вскорѣ пришлось обрисовывать вычурные контуры рѣзной кровати, бѣлую сухощавую руку, протянутую на шолковомъ одѣялѣ, такое же сухое лицо и пару свѣтлыхъ, рѣзко-сверкающихъ глазъ Дарвида. Эти глаза страдали безсонницей. Дарвидъ, лежа въ постели, разсѣяннымъ взоромъ водилъ по стѣнамъ спальни, вовсе не замѣчая на нихъ двухъ Грёзовскихъ головокъ, тѣхъ самыхъ, за которыя когда-то онъ, убѣдившись въ наидостовѣрнѣйшей подлинности этихъ шедёвровъ, не пожалѣлъ заплатить громадныя деньги. Какъ торжествовалъ онъ тогда!—а теперь взоръ ѐго скользитъ, ни на мгновеніе не останавливаясь на этой драгоцѣнности. Ночь, проведенная въ клубѣ, вмѣсто того, чтобы развлечь его и успокоить, только усилила его тоску и раздраженіе. Особенно досадную скуку навелъ на него сегодняшній партнеръ, съ которымъ онъ игралъ по необходимости, чтобы завязать съ нимъ дѣловыя отношенія. Если для женщинъ существуетъ пословица: il faut souffrir pour être belle,—то тѣмъ съ бòльшимъ правомъ къ дѣловымъ мужчинамъ можетъ быть примѣнено правило:—для того, чтобы добиться могущества, надо страдать! Но все это начинаетъ ему надоѣдать и, чтò хуже всего, утомлять. Именно въ эту минуту, улегшись въ постель, онъ почувствовалъ—чтò такое усталость. Недѣли двѣ уже, какъ онъ дурно спитъ... съ того дня, когда ему попалось это злополучное письмо... При одномъ воспоминаніи объ этомъ, въ груди его тотчасъ зашевелился клубокъ змѣй, и только рѣшительное обузданіе приговоромъ: „вздоръ!“—вогнало его въ затаенное логовище. Силою воли заставлялъ онъ себя продолжительно задумываться по поводу человѣка, высланнаго имъ для развѣдокъ по важному дѣлу и не вернувшагося до этой поры. Быть можетъ, на этотъ

разъ его ожидаетъ неудача, и новое поле дѣятельности и больнихъ заработковъ захватитъ иная рука. Онъ знаетъ, что у него много соперниковъ и враговъ; они исполнены зависти къ нему и роютъ ему ямы. Ну, да онъ справится съ ними; но только ужъ какъ-то хотѣлось бы... отдохнуть. Поѣхать въ Италію, въ Швейцарію на время... Но зачѣмъ? Любопытства относительно искусства и природы въ немъ немного; у него никогда не было времени на то, чтобы ихъ полюбить. Безъ дѣла онъ вездѣ бы соскучился, и наконецъ надо же уладить эти семейныя дѣла. Надо обуздать сына, надо разстроить бракъ дочери съ Блауендорфомъ. Ему придется начать войну съ сыномъ и дочерью. Только съ маленькой Карой борьба не нужна. Милая, ласковая! Головку ей немного уже повредили, но на другой фасонъ, болѣе привлекательный. Она такъ привязана къ нему! Милый ребенокъ! Надо поговорить о ней съ докторомъ. Не послать ли ее въ Италію? Но съ кѣмъ? Съ матерью? Никогда не позволю. Это—мой ребенокъ. Поѣду съ Карой самъ. Но въ такомъ случаѣ что же будетъ съ предпріятіемъ?...

Въ глубинѣ жилища, за стѣнами, часы пробили пять...

Въ это время, на другомъ его концѣ, въ комнатѣ, освѣщенной синей ночной лампой, разразился слабый, сухой кашель; худенькая, высокая дѣвочка поднялась и присѣла на своей постели.

— Миссъ Мери! Миссъ Мери—испуганнымъ голосомъ призывала она.

Изъ сосѣдней комнаты—ласковый и пріятный, но заспанный голосъ отвѣтилъ вопросомъ:

— Ты не спишь, Кара?

— Спала, но проснулась отъ кашля. Хорошо, что проснулась, потому что я видѣла страшный сонъ, будто папа и мама...

Голосокъ ея затихъ, и хотя никто на нее не смотрѣлъ, она запрятала свое личико въ голубое одѣяло, которому только и довѣрила свой сонъ.

— Они сердились другъ на друга... такъ страшно сердились... Ирена обнимала маму... Марысь уходилъ, посвистывая... а я ухватилась за папашу и такъ плакала, такъ плакала...

Отъ этого сна все лицо ея было еще въ слезахъ. Она опять стала звать:

— Миссъ Мери, вы спите?

— Нѣтъ, дорогая, тебѣ что-нибудь нужно?

Вмѣсто отвѣта, дѣвочка, усиливъ голосъ, стала болтать.

— Мнѣ бы очень, очень хотѣлось, Мери, поѣхать съ вами въ Англію, къ вашимъ родителямъ. Боже мой, какъ я жажду

побывать тамъ, въ томъ приходѣ, гдѣ ваши сестры учатъ бѣдныхъ дѣтей и ухаживаютъ за больными, а ваша матушка приготовляетъ чай у печки для вашего отца, который возвращается домой послѣ проповѣди. О, Мери, еслибы мы могли когда-нибудь поѣхать туда! Тамъ такъ хорошо!

Въ голубомъ свѣтѣ и ночной тишинѣ голосъ дѣвочки напоминалъ щебетанье жаворонка.

— Когда-нибудь поѣдемъ, дорогая моя. Родители твои позволятъ и мы поѣдемъ. Но теперь спи спокойно.

— Ну, хорошо, миссъ Мери, я буду спать. Доброй ночи, моя милая, добрая Мери...

Нѣсколько минутъ она лежала спокойно, задумчиво, но вдругъ сѣла на постель, закашлявшись. Когда кашель прошелъ, стала тихо звать:

— Миссъ Мери! Мери!

Отвѣта не было.

— Спитъ!—прошептала она, а потомъ, оглянувшись, еще тише позвала:

— Пуфъ, Пуфикъ, приди ко мнѣ!

На этотъ призывъ съ какого-то кресла соскочилъ сѣренькій пинчеръ и въ одно мгновеніе оказался на постели. Кара гладила его и, нагибаясь къ нему, шептала:

— Пуфикъ, Пуфикъ! милая собачка, лежи здѣсь, спи себѣ. Мнѣ такъ грустно! Такой ужасный сонъ я видѣла! Такъ мнѣ грустно! — Она снова улеглась, приблизивъ любимую собачку почти къ самому подбородку, поглаживая ея шерсть, и, шепча: —Пуфикъ, скучно... Добрый мой Пуфикъ,—уснула.

Съ улицы опять послышался шумъ экипажа. Въ домѣ что-то зашевелилось. По лѣстницѣ входили двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ, постарше, въ модной, нѣсколько поношенной шубѣ, говорилъ другому:

— Да, да, велѣлъ порвать всѣ отношенія съ тобой и перестать бывать у него въ домѣ.

— Тысяча-и-одна ночь! Изъ-за чего же это? Почему? — восклицалъ другой голосъ.

Вдругъ онъ остановился посреди лѣстницы и, полунасмѣшливо, полуучастливо взглянувъ на спутника, спросилъ:

— Ужъ не узналъ ли онъ чего?

Краницкій отвернулъ лицо.

— Ахъ, Марысь... съ тобой... объ этомъ...

— Ну, пошли опять „раскрашенные горшки“,—разсмѣялся

Маріанъ. — Ты меня за пастушкà, что-ли, принимаешь? Скажи, чтò же онъ? Узналъ?

Краницкій утвердительно моргнулъ.

— Sapristi!—ругательнымъ тономъ воскликнулъ Маріанъ, но тотчасъ принялся хохотать.

— И только поэтому! За это! Развѣ и онъ еще вѣритъ въ „крашеные горшки"? А я-то считалъ его за новаго человѣка!

— Увы!—вздохнулъ Краницкій.

Молча они прошли первый этажъ. Аппартаменты Маріана помѣщались во второмъ.

— Мнѣ жаль тебя, ужасно жаль,—началъ снова говорить Маріанъ:—мы такъ съ тобой сжились, я такъ привыкъ. У тебя выйдутъ, пожалуй, непріятности, и у бѣдняжки мамы тоже... Откуда же онъ это взялъ! Такой умный человѣкъ! Я полагалъ, что его голова лучше провентилирована.

Онъ не могъ продолжать, потому что когда они подошли къ дверямъ, Краницкій бросился обнимать его съ плачемъ.

— Марысь, дорогой, я этого удара не перенесу. Я вѣдь такъ люблю васъ всѣхъ, ты для меня... какъ младшій братъ...—онъ усиливался цѣловать Маріана. Послѣднему, однако, удавалось уклониться отъ объятій и слезъ, непріятную влагу которыхъ все-таки пришлось ощутить на своемъ лицѣ.

— Но вѣдь это абсурдъ!—говорилъ Маріанъ.—Неужели мы должны порвать наши отношенія изъ-за того только, что они кому-то не нравятся. Развѣ мы невольники? Смѣйся ты надъ этими претензіями и приходи ко мнѣ по-прежнему, а теперь переночуй у меня, потому что уже поздно тащиться къ себѣ.

Онъ позвонилъ, и когда двери отворились, то, переступая порогъ, сказалъ товарищу:

— А славно пропѣла Біанка свою аріетку изъ „Кавалеріи", не правда ли?

Онъ было-запѣлъ, но не хватило голоса, и просвисталъ аріетку, только-что слышанную за ужиномъ у знаменитой пѣвицы.

Внизу двое часовъ, одни за другими, пробили шесть. Въ большія окна дома понемногу сталъ проникать свѣтъ начинавшагося утра.

III.

По лѣстницѣ, покрытой ковромъ и украшенной красивыми лампами и статуями, поднимался развязной походкой, въ ще-

гольскомъ цилиндрѣ, съ непринужденной улыбкой и ловко закрученными усами, Артуръ Краницкій. На лѣстницѣ вѣдь, какъ и на улицѣ, можно встрѣтить прохожихъ, а гдѣ люди и глаза, тамъ и франтовство обязательно, и если это правило не внесено Моисеемъ въ одиннадцатую заповѣдь, то только по забывчивости, свойственной законодателямъ.

Войдя въ переднюю, онъ скинулъ на руки лакея шубу, отъ которой распространился въ воздухѣ запахъ модныхъ духовъ. Изъ передняго кармана его выглядывалъ край цвѣтного носового платка. На минуту онъ остановился передъ зеркаломъ, чтобы провѣрить прическу своихъ довольно еще густыхъ спереди волосъ, такъ какъ плѣшивость у него начиналась съ задней части головы. Эластичной, самоувѣренной походкой онъ прошелъ въ гостиную. Но два красноватыхъ пятна надъ бровями нарушали бѣлизну покрытаго легкими морщинами лба и темные зрачки глазъ, обыкновенно блестящіе, на этотъ разъ были какъ бы чѣмъ-то затуманены.

У дверей, противоположныхъ входнымъ, онъ увидѣлъ Ирену съ открытой книгой въ рукахъ. Тотчасъ, по привычкѣ, придалъ онъ своимъ движеніямъ ту особенную манеру, которая свойственна инымъ французамъ, когда они, завидя даму, подходятъ къ ней съ какимъ-то характеристическимъ покачиваніемъ всей своей фигуры. Онъ поцѣловалъ ей руку.

— Можно войти?—спросилъ онъ, умильно поглядывая на дверь, ведущую въ слѣдующія комнаты.

— Войдите, мама у себя въ кабинетѣ.

Привѣтствіе и звукъ голоса Ирены всегда заключали въ себѣ настолько лишь любезности, насколько требовалось приличіемъ, но мѣра этой любезности соблюдалась ею всегда и для всѣхъ одинаково. Отъ ея манеры вѣяло вообще холодомъ, и равнодушный тонъ ея подчасъ казался послѣдствіемъ пренебрежительнаго взгляда ея на людей и на жизнь. Однако, когда она смотрѣла вслѣдъ проходившему далѣе Краницкому, то во взорѣ ея, кромѣ нѣкотораго безпокойства, можно было прочесть еще и чувство доброжелательства и даже состраданія. Къ виду его она привыкла съ дѣтства. Онъ былъ кроткій, услужливый до подчиненія и, какъ истинный другъ, участливо относившійся не только къ хозяйкѣ дома, но и къ каждому изъ ея дѣтей. Въ немъ было много скромности и деликатности человѣка, не чувствующаго себя достойнымъ того счастья, которымъ онъ обладалъ, и потому вѣчно опасающагося его потерять. У него былъ большой талантъ хорошаго чтеца на нѣсколькихъ языкахъ. Въ теченіе мно-

гихъ лѣтъ, для Ирены самыми пріятными вечерами были тѣ, которые оставались свободными отъ свѣтскихъ выѣздовъ, и которые она проводила въ обществѣ этого человѣка, въ уютной комнатѣ матери. Домашній кругъ иногда увеличивался младшей сестрой и миссъ Мери; изрѣдка онъ оживлялся и братомъ ея Маріаномъ, который въ промежуткахъ чтенія шутилъ и смѣшилъ всѣхъ, а съ Краницкимъ заводилъ болѣе или менѣе серьезные и продолжительные дебаты о литературныхъ вкусахъ и направленіяхъ. Чаще всего случалось, что Кара была занята съ миссъ Мери, Маріанъ гулялъ по свѣту, а Ирена и ея мать, съ какими-нибудь работами въ рукахъ, спокойно и вдумчиво слушали образцовое чтеніе, для котораго у Краницкаго были всѣ данныя: звучный голосъ, отличное пониманіе всѣхъ оттѣнковъ чувствъ и мысли избранныхъ имъ произведеній литературнаго и поэтическаго творчества. Въ эти вечера Ирена иногда даже предавалась мечтѣ о величіи и прелести тихой жизни, чистой, проникнутой сердечной теплотой, не нарушаемой уличнымъ гамомъ, шуршаніемъ нарядныхъ платьевъ, сумбуромъ свѣтскихъ разговоровъ и словъ, пропитанныхъ тщеславіемъ и фальшью. Но сейчасъ же эти мечты разбивались о тѣ суровыя убѣжденія, которыя заставляли ее сравнивать весь идеализмъ жизни съ „раскрашиваніемъ горшковъ“.

— Ничего этого нѣтъ!—твердила она, дѣлая жестъ, будто отмахивала и сгоняла съ головы красиваго мотылька, въ увѣренности, что этотъ мотылекъ только чудится ей. Изъ ряда наблюденій сегодня она вывела догадку, что „что-то произошло и еще можетъ произойти“. Поэтому она старалась держать себя особенно хладнокровно и высокомѣрно, но искра безпокойства тлѣла въ глубинѣ ея свѣтлыхъ зрачковъ. Съ книгой въ рукѣ она ходила взадъ и впередъ по двумъ большимъ комнатамъ. Взоръ ея не отрывался отъ открытой книги, но страницы послѣдней не переворачивались. У однѣхъ дверей она дѣлала быстрый поворотъ, у другихъ, закрытыхъ, останавливалась на нѣсколько мгновеній, и тогда до ея слуха долетали звуки бесѣды, которую вели два негромкихъ голоса. Она не желала ничего услышать изъ того, что̀ тамъ говорилось. Давно уже она дѣлала все для того, чтобы быть слѣпой, глухой и даже безжизненной, чтобы ни однимъ взглядомъ, ни однимъ движеніемъ не выдать своего обладанія зрѣніемъ и слухомъ. Но теперь, лишь только голоса становились явственнѣе, она стала какъ вкопанная, и вѣки ея моргали, какъ листья подъ вѣтромъ. Давно уже приходило ей въ голову, что въ домѣ можетъ произойти нѣчто ужас-

ное, что-нибудь такое, въ виду чего ей невозможно будетъ далѣе представляться глухой и слѣпой. Можетъ быть, это ужасное произойдетъ именно сегодня... Медленными, ровными шагами, по гладкому паркету, среди богато украшенныхъ стѣнъ большихъ комнатъ, она продолжала ходить отъ одной двери къ другой, вперивъ взоръ въ книгу.

Внезапно изъ-за дверей, изъ-за которыхъ до этого момента доходили лишь два женскихъ голоса, разговаривавшіе на англійскомъ языкѣ, раздался громкій дѣтскій смѣхъ, дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату, по полу и украшеніямъ которой зимнее солнце разбрасывало золотыя ленты, ворвалась высокая, бѣлокурая, розовая дѣвочка въ шаловливомъ настроеніи. Низко нагнувшись, она держала въ рукахъ переднія лапки своей собачонки, напѣвая и вертясь съ ней тэмпомъ вальса. Пара маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ изящныя туфельки, и пара крошечныхъ косматыхъ ножекъ звѣрка быстро пронеслись вокругъ всей комнаты и съ веселымъ смѣхомъ встрѣтились съ Иреной. Кара выпрямилась и остановилась передъ сестрой, взглядъ которой выражалъ не совсѣмъ пріятное чувство,—точно будто рѣзкій и неожиданный лучъ свѣта заставилъ ее заморгать прижмуренными вѣками глазъ.

— Какая ты всегда веселая, Кара!

— Я? А это меня разсмѣшилъ Пуфикъ. И посмотри, какое сегодня чудесное солнце. Ты замѣтила, какія искры разсыпаны по снѣгу. Всѣ деревья въ инеѣ. Мы пойдемъ гулять съ миссъ Мери. Я возьму съ собой Пуфку и надѣну на него чепракъ, который вчера дошила... Мама здорова? Вчера мнѣ показалось, что она нездорова... такая блѣдная, блѣдная! Я спрашивала ее, но она говорила, что нѣтъ, что здорова. Мнѣ все-таки показалось...

Ирена съ досадой прервала ее:

— Не надо, чтобъ казалось. Догадки такихъ дѣтей, какъ ты, чаще всего не имѣютъ смысла. Куда ты идешь?

— Къ папашѣ.

Показавъ взглядомъ на дверь, ведущую въ комнаты матери, Кара вдругъ спросила:

— Этотъ господинъ тамъ?

Неизвѣстно почему, она проговорила этотъ вопросъ притихшимъ голосомъ. Между тѣмъ голосъ Ирены звучалъ почти твердо, когда она отвѣтила на него вопросительно.

— Какой господинъ?

— Господинъ Краницкій,—сказала Кара, и ротикъ ея нѣ-

сколько скривился. Она нагнулась къ сидѣвшей въ это время на табуретѣ сестрѣ и шопотомъ заговорила:

— Скажи мнѣ, Ира,—только правду скажи,—ты этого господина... Краницкаго любишь?

Ирена разсмѣялась громкимъ, свободнымъ смѣхомъ, такимъ, какимъ почти никогда не смѣялась.

— Какая ты смѣшная, Кара! Ахъ, какое ты еще забавное дитя! За что же я могла бы его не любить? Вѣдь онъ нашъ старинный и хорошій знакомый.

И сейчасъ же, возвратясь къ своей обычной серьезности, она прибавила:

— А впрочемъ, ты знаешь, что я никого особенно не люблю.

— Даже и меня?—ласкаясь къ ней и прикасаясь пунцовыми губами къ блѣдному лицу сестры, спрашивала Кара.

— Тебя еще немного люблю! Ну, отправляйся! Ты мнѣ мѣшаешь читать...

— Уйду, уйду... Пойдемъ, Пуфикъ, пойдемъ!

Съ собачкой на рукахъ, она пошла, но остановилась въ дверяхъ и опять обратилась къ сестрѣ. Нѣсколько подавленнымъ голосомъ она сказала:

— А вотъ я его не люблю... и сама не знаю, за что̀, но не люблю. Прежде я его любила, а теперь, съ какихъ-то поръ, не люблю, не терплю, не выношу... сама не знаю, за что̀!

Съ послѣдними словами она повернулась рѣзвымъ движеніемъ и ушла. Ирена прошептала, смотря въ книгу:

— Сама не знаетъ, не знаетъ! А танцовать, однако, можетъ. Какое это счастье имѣть такую натуру!

Кара ушла, напѣвая что-то, но, приближаясь къ кабинету отца, смолкла. До слуха ея достигли звуки нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ... Она печально опустила голову и сказала:

— Ну, Пуфка, что̀ намъ теперь дѣлать? У папаши гости,—какъ мы войдемъ? Но, немного подумавъ, она тихонько проскользнула сквозь драпировку и въ одно мгновеніе очутилась на низенькомъ табуретѣ, за высокой этажеркой, наполненной книгами, которая образовала родъ стѣны, отдѣлявшей маленькій треугольникъ, прилегавшій къ входнымъ дверямъ кабинета. Это былъ уголокъ, давно уже ей нравившійся. Она была совсѣмъ заслонена и незамѣтна никому, но сквозь промежутки между книгами ей виденъ былъ кабинетъ и все, что̀ тамъ происходило. Первый разъ случилось, что она вошла, не дождавшись момента, когда отецъ останется хоть на минуту одинъ.

Круглый столъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ множе-

ствомъ посѣтителей разнаго роста и возраста, съ шляпами въ рукахъ. Повидимому, все это были люди, явившіеся не по дѣламъ, а съ цѣлью сдѣлать визитъ, который у однихъ былъ продолжительнѣе, у другихъ короче. Одни посѣтители смѣнялись другими; волна за волной то наводняла, то отливала изъ громадныхъ размѣровъ комнаты, въ которой происходило непрерывное пожиманіе рукъ, упражненіе въ болѣе или менѣе низкихъ поклонахъ и изысканно любезныхъ словахъ, безпрестанно обрывавшееся. По временамъ возбуждался серьезный разговоръ о политикѣ Европы, о первостепенныхъ мѣстныхъ дѣлахъ, объ общественныхъ нуждахъ, особенно по части экономической и финансовой.

Голосъ Дарвида, ясный и металлическій, мѣрно раздавался среди этой смѣнявшейся толпы, которая внимала ему чуть не съ благоговѣніемъ. Повидимому, Дарвидъ сильно импонировалъ и господствовалъ надъ всѣми не только своимъ краснорѣчіемъ, манерой, но и своимъ холоднымъ и проницательнымъ взглядомъ. Все доказывало въ немъ извѣстнаго рода силу, которая сдѣлала изъ него то, что̀ онъ представляетъ собою теперь. Свѣтъ безпрекословно подчинялся чарамъ этой силы только потому, что это была сила, добывающая предметъ наиболѣе общихъ и самыхъ страстныхъ людскихъ желаній—богатство. И самъ онъ ощущалъ въ этотъ моментъ все могущество своихъ денегъ. И всякій разъ, когда возвѣщались фамиліи являвшихся къ нему знаменитостей всякаго рода, по части ли родовитости, въ области ли науки или искусства, онъ самъ испытывалъ нѣкоторое благополучіе, которое можно сравнить съ удовольствіемъ, какое испытываетъ котъ, когда его гладятъ по шерсти. Онъ чувствовалъ ласкающую его руку провидѣнія и, довольный этимъ, становился привѣтливымъ, говорливымъ, находчивымъ и самоувѣреннымъ въ сужденіяхъ. Не было въ немъ замѣтно ни малѣйшей заносчивости; онъ скромно довольствовался тѣмъ неоспоримымъ и тайно подсказываемымъ ему ореоломъ успѣха, который подсовывалъ ему подъ ноги невидимый пьедесталъ, и на него онъ невольно, но властно взлѣзалъ съ прояснившимся взоромъ и выглаженнымъ челомъ. Это дѣлало его выше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Въ числѣ другихъ кабинетъ посѣтило нѣсколько человѣкъ съ видомъ не то униженія, не то торжественности. Это была делегація отъ одного изъ благотворительныхъ обществъ города, отправленная къ нему съ просьбой принять участіе въ его дѣятельности. Дарвидъ, отвѣчая депутаціи, началъ съ того, что

внесъ значительную денежную сумму, но отказался отъ дѣятельнаго личнаго участія. У него нѣтъ на это времени; а еслибъ даже онъ и нашелъ на это время, то не могъ бы заниматься дѣломъ благотворительности, которое противорѣчитъ его принципамъ. Филантропія, по его мнѣнію, прекрасно рекомендуетъ тѣхъ, кто ей посвящаетъ свое время, но нисколько не предохраняетъ человѣчество отъ бѣдствій,—напротивъ, поощряетъ лишь существованіе немощи и лѣности.

— Напряженіе силъ, господа, только одно напряженіе всѣхъ силъ для желѣзнаго и упорнаго труда можетъ избавить человѣчество отъ подтачивающей его язвы. Еслибъ за спиной нужды не стояла надежда на помощь, то никакія руки не опускались бы въ бездѣйствіе, всѣ силы были бы напряжены—и нужда исчезла бы.

Среди присутствующихъ послышались, однако, возраженія противъ этой теоріи, но въ весьма осторожной и мягкой формѣ.

— А какъ же быть съ безпомощными больными, немощными стариками, покинутыми дѣтьми?...

— Филантропія,—возразилъ Дарвидъ,—не предупреждаетъ появленія этихъ общественныхъ отбросовъ, а лишь поощряетъ ихъ существованіе.

— Это такъ, но вѣдь у этихъ отбросовъ голодные желудки, страдающія сердца и такія же, какъ у насъ, души,—попробовалъ возразить кто-то.

Дарвидъ сдѣлалъ движеніе, полное сожалѣнія къ выраженному мнѣнію.

— Чтò же дѣлать? На свѣтѣ должны быть побѣдители и побѣжденные; и чѣмъ скорѣе послѣдніе исчезнутъ со свѣта, тѣмъ лучше будетъ и для нихъ, и для свѣта.

На нѣкоторыхъ лицахъ отразилось чувство неловкости отъ высказаннаго взгляда; всѣ однако промолчали, а старшій лѣтами изъ числа представителей благотворительнаго общества завершилъ пренія пріятнѣйшей улыбкой и слѣдующей примирительной сентенціей:

— Однако,—сказалъ онъ:—еслибъ филантропія поддерживалась многими, такими, какъ вы, благотворителями, то она имѣла бы возможность исправить много несправедливостей судьбы.

— Не будемъ называть судьбу несправедливой,—пріятно улыбаясь, возразилъ Дарвидъ,—если она благопріятствуетъ силѣ и преслѣдуетъ немощь. По-моему, напротивъ, судьба въ этомъ случаѣ является благодѣтельницей, ибо упрочиваетъ все пригодное для жизни и уничтожаетъ то, чтò никому не нужно.

— Для насъ несомнѣнно лишь то, что къ вамъ судьба оказалась справедливой, и что мы за это чрезвычайно ей благодарны,—поспѣшилъ старшій изъ делегатовъ.

При этомъ онъ обѣими руками сердечно и долго потрясалъ руку Дарвида, а сѣдая голова его совершила немалое число низкихъ поклоновъ, ибо сердце его радовалось за тѣхъ, въ чью пользу онъ уносилъ отсюда даръ столь значительный, что, не взирая на горечь словъ, несогласныхъ съ его убѣжденіями, благодарность и восторгъ его были самые искренніе.

Наконецъ кабинетъ опустѣлъ, и на уста Дарвида сошла самодовольная улыбка, смѣшанная съ сарказмомъ. Но зачѣмъ же онъ отсыпалъ столько денегъ на дѣло, къ которому былъ равнодушенъ, и пользу котораго вовсе не признавалъ? Что̀ дѣлать! обычай, связи, общественное мнѣніе, высказывающееся и устно, и въ печати! Комедія! Нужда! И снова туча набѣжала на его лицо, и складки между бровей снова углубились, когда вдругъ позади него послышался легкій шелестъ. Оглянувшись, онъ воскликнулъ:

— Карочка, откуда ты взялась?.. Что̀ тебѣ надо, моя малютка?

Онъ смотрѣлъ на нее ласково, но взоръ его то-и-дѣло перебѣгалъ къ большимъ часамъ, стоявшимъ въ углу комнаты, между тѣмъ какъ она потянулась къ нему съ важностью только-что проснувшагося звѣрка.

— Прежде всего, папаша, погладь Пуфика... Онъ такой ласковый и хорошенькій,—погладь его хоть разъ!

Онъ разсѣянно провелъ раза два по гладкой шерсти собачонки.

— Ну, я ужъ погладилъ; а теперь, если тебѣ больше ничего не надо, то...

— Ахъ, ужъ знаю: нѣтъ времени,—смѣясь, окончила за него Кара и, спустивши Пуфика на полъ, обняла отца обѣими руками.

— А я не пущу папу! Побудь со мной хоть четверть часа, хоть десять минутъ, восемь, пять минутъ! Я буду говорить скоро, скоро! Я тамъ сидѣла въ уголку, смотрѣла, слушала и не могла понять, папочка, зачѣмъ они къ тебѣ приходятъ? Если оттуда смотрѣть,—это такъ смѣшно! Входятъ, кланяются...

И подскочивъ къ дверямъ, она начала представлять жесты, мимику и прочее, о чемъ говорила. Пуфикъ, подскочивъ и остановившись по срединѣ комнаты, не спускалъ съ нея глазъ.

— Входятъ, кланяются, жмутъ тебѣ руку, садятся, слушаютъ, что̀ ты говоришь...

Все это она старалась иллюстрировать, придавая уморительную важность своему лицу и фигурѣ. Дарвидъ и Пуфикъ принуждены были на все это смотрѣть. Наконецъ Пуфикъ, пристально смотря на нее, залаялъ.

— А другой еще такъ...

И она состроила пресмѣшную мину.

— А потомъ наконецъ...

Она быстро соскочила съ кресла; Пуфикъ бросился за ней и сталъ хватать ее зубами за платье.

— Вскакиваютъ съ мѣста, опять кланяются. Всѣ говорятъ то же самое:—Имѣлъ честь!—Буду имѣть честь!—Желалъ имѣть честь!

Пока она кланялась по-мужски, Пуфикъ выказывалъ безпокойство, раза два залаялъ, хватилъ за платье и вообще производилъ кавардакъ, никогда не слыханный въ этомъ святилищѣ дѣловыхъ измышленій денежнаго туза.

— Пуфка, не мѣшай! Пошелъ, Пуфка! Опять одни входятъ, другіе выходятъ... опять та же исторія:—имѣю честь! желалъ бы имѣть честь!.. Пуфикъ, пошелъ прочь!.. Жмутъ руки, опять кланяются, кланяются... Ай, какъ я устала!..

Отъ усиленныхъ движеній и скороговорки дыханіе ея участилось, румянецъ сталъ слишкомъ яркимъ, она закашляла и, кашляя, обнимала отца.

— Не убѣгайте, папаша! Мнѣ надо съ вами много поговорить, я буду говорить скоро, скоро!

Пока этотъ ребенокъ разыгрывалъ передъ Дарвидомъ комическія сцены, осмѣивавшія его гостей, онъ слѣдилъ за ея живыми движеніями въ началѣ снисходительно, а потомъ потѣшаясь и искренно хохоча. Отъ этой дѣвочки вѣяло жизненностью, умѣньемъ ловко подмѣчать существенное въ людяхъ и вещахъ, необыкновенною впечатлительностью, которая, какъ натянутая струна, способна была сочувственно звучать, постигая сердцемъ каждое живое чувство. Она удивительно напоминала свою мать во времена ея ранней молодости. Когда она раскашлялась, онъ нѣжно обнялъ ее.

— Не торопись, не говори такъ много. Посиди спокойно, говори медленно.

— Времени у меня нѣтъ говорить медленно... Нельзя мнѣ сидѣть,—ты сейчасъ убѣжишь, папаша... Надо держать тебя и торопиться. Я хочу, чтобы ты мнѣ сказалъ, зачѣмъ къ тебѣ приходитъ столько людей, и зачѣмъ потомъ ты все къ нимъ ѣздишь? Ты ихъ любишь? А они любятъ тебя? Тебѣ очень ве-

село съ ними? Чего они хотятъ отъ тебя? Можетъ быть, это нужно для пользы? Кому же это полезно, тебѣ или имъ? Можетъ быть, еще кому-нибудь? А если нѣтъ, то зачѣмъ же это все? Не правда ли, что эти визиты точно театръ?—я вѣдь бывала въ театрѣ,—тамъ тоже играютъ разныя роли, дѣлаютъ мины, выходятъ на сцену и уходятъ. Не правда ли? Зачѣмъ же это? Ты развѣ это любишь, папаша? Ты мнѣ, папаша, все это объясни, потому что я хотѣла бы, чтобы ты былъ моимъ наставникомъ, какъ отецъ миссъ Мери, который поучаетъ въ церкви. Ты, папочка, такой умный, всѣ тебя уважаютъ, величаютъ!

Темные глаза ея, устремленные на отца, разгорѣлись. Дарвидъ, поглаживая своей сухощавой рукой ея свѣтло-золотистые волосы, сказалъ:

— Ахъ, ты дѣвочка, маленькая!

А потомъ прибавилъ:

— Развѣ ты какая-нибудь дикарка, привезенная изъ Африки или Австраліи, чтобы задавать такіе вопросы. Развѣ ты съ дѣтства не присмотрѣлась къ тому, какъ твоя мамаша принимала множество визитовъ?

— Видѣла, видѣла я это, но для мамаши это было развлеченіе, и она вѣдь вывозитъ въ свѣтъ Иру... А развѣ тебѣ эти визиты тоже кажутся занимательными?

— Какое! — смѣясь, отвѣчалъ онъ.—Чаще всего они мнѣ надоѣдаютъ, хотя, впрочемъ, съ другой стороны, доставляютъ удовольствіе.

— Какое?

— Ты еще этого не понимаешь. Положеніе въ свѣтѣ, связи, отношенія...

— А зачѣмъ тебѣ они? Зачѣмъ тебѣ высокое положеніе въ свѣтѣ? Какую оно приноситъ пользу? Развѣ оно даетъ счастье? Вотъ я знаю одно семейство... я разскажу тебѣ про него исторію... Отецъ миссъ Мери—англиканскій пасторъ. Его приходъ въ глухомъ, бѣдномъ углу. Тамъ много бѣдняковъ... они его очень любятъ и почитаютъ. Въ этомъ все его значеніе. Значитъ, у него нѣтъ никакого значенія въ свѣтѣ, а между тѣмъ онъ очень счастливый человѣкъ, и всѣ въ его семействѣ такіе счастливые! Они любятъ другъ друга, живутъ вмѣстѣ... У нихъ такъ тепло и свѣтло въ этомъ домикѣ пастора, окруженномъ старыми деревьями! Миссъ Мери уѣхала оттуда, чтобы заработать немного денегъ для своей младшей сестры, которую она очень любитъ. Ей хорошо у насъ, но она тоскуетъ по своимъ и всегда разсказываетъ мнѣ о нихъ; а когда-нибудь я попрошу

тебя, папаша, позволить мнѣ съѣздить къ нимъ съ миссъ Мери. Мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть на свѣтлое, мирное, большое счастье этого хорошаго, бѣднаго семейства.—И вдругъ въ глазахъ ея засвѣтились слезы, а Дарвидъ, обнимавшій ея худенькое тѣльце, всталъ молча, погруженный въ крѣпкую думу. Этотъ ребенокъ своими вопросами, точно волшебными нитями, уводилъ мысль его въ такую глубину, на какой она дотолѣ еще никогда не бывала. Онъ могъ бы ей сказать, что высокое значеніе въ свѣтѣ льститъ тщеславію и гордости, нерѣдко помогаетъ приведенію дѣлъ къ благопріятнымъ результатамъ, то-есть къ денежнымъ выгодамъ. Могъ ли онъ передъ самимъ собой сознаться, что тотъ пасторъ въ скромномъ приходѣ, въ домикѣ подъ высокими деревьями, показался ему въ эту минуту дѣйствительно очень счастливымъ человѣкомъ?

— Такъ и должно быть,—нашелся Дарвидъ.—И счастье, и несчастье существуютъ—иныя для бѣдныхъ людей, иныя для богатыхъ.

Онъ взглянулъ на часы.

— А теперь...

— Нѣтъ времени! — засмѣялась Кара. — Нѣтъ, нѣтъ, папаша, еще двѣ минуты, минутку... я хочу еще о чемъ-то тебя спросить.

— Еще будешь спрашивать! — воскликнулъ отецъ, смѣясь такимъ смѣхомъ, какимъ почти никогда не смѣялся.

— Да, да, даже это будетъ поважнѣе того. Меня это безпокоитъ, мнѣ это больно...—говорила она, выражая взглядомъ опасеніе, чтобы онъ не убѣжалъ. — Скажи мнѣ, папаша, ты взаправду говорилъ, что бѣднымъ, голоднымъ, печальнымъ не надо помогать, не надо ихъ утѣшать, а надо ихъ оставлять, чтобы они поскорѣе умерли? Когда ты это говорилъ, мнѣ стало какъ-то нехорошо. Мама и Ира давно уже помогаютъ двумъ старичкамъ, такимъ милымъ, сѣдымъ старичкамъ, къ которымъ и я часто хожу съ миссъ Мери. Развѣ мама и Ира дурно поступаютъ? Развѣ лучше сдѣлать такъ, чтобы эти старички поскорѣй умерли съ голода? Бррр... страшно! Скажи мнѣ, папаша, ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь, или только такъ сказалъ, для того, чтобы отдѣлаться отъ тѣхъ господъ? Ты, мой папаша, золотой, дорогой, добрый, милый! Ты сказалъ, чтобы отдѣлаться? Да? Скажи мнѣ, я прошу тебя!..

Она точно впилась взоромъ въ лицо отца, а онъ сначала остановился въ удивленіи. Уста его никакъ не хотѣли раскрыться, чтобы высказать этому ребенку свои настоящія убѣжденія.

Наморщивъ лобъ, онъ самымъ серьезнымъ образомъ произнесъ:

— Сказалъ это, чтобы отвязаться отъ нихъ.

Кара радостно запрыгала на мѣстѣ.

— Ну вотъ, вотъ, я такъ и думала! Милый, хорошій мой папочка!

Поглаживая ее по головѣ, онъ продолжалъ:

— Надо быть доброй. Будь всегда доброй... Поддерживай жизнь этихъ своихъ старичковъ. У тебя всегда на это будутъ деньги...

Она нѣжно цѣловала его. Внезапно она замѣтила, что ея Пуфикъ вскочилъ на бюро, стоявшее у окна.

— Пуфикъ, Пуфикъ, куда это ты залѣзъ? Посмотри, папа, куда онъ залѣзъ,—еще надѣлаетъ бѣды.

Собачонка забралась на груду бумагъ, съ высоты которой она усмотрѣла въ окно перелетавшую ворону, и стала лаять—и опять въ этомъ кабинетѣ, считавшемся доселѣ святилищемъ важной дѣловитости, раздалась цѣлая гамма серебристаго, беззаботнаго смѣха Кары.

— Посмотри, посмотри, папочка, какъ онъ сердится на ворону! Ахъ, глупый! На ворону! Видишь, папаша?

— Вижу, вижу! Никогда еще на моемъ бюро не хозяйничалъ такой помощникъ. Ахъ, ты, малютка моя!

Онъ снова обнялъ ее и сильно прижалъ къ своей груди.

Вошедшій слуга возвѣстилъ:

— Лошади готовы!

— Уже!—печальнымъ голосомъ произнесла Кара.

— Плутовка ты маленькая,—сказалъ онъ, смотря на часы.— Ужъ четверть часа тому назадъ, какъ я долженъ былъ уѣхать.

Она подбѣжала къ столу, на которомъ стояла его шляпа, подала ему ее съ низкимъ реверансомъ и подняла съ пола оброненную имъ перчатку.

— Не забудь попросить Пуфика, чтобъ онъ привелъ въ порядокъ мои бумаги.

Съ этой шуткой на устахъ Дарвидъ вышелъ въ переднюю, но лишь только надѣлъ шубу и началъ спускаться по лѣстницѣ, какъ тотчасъ мысль его перешла къ аукціону, на который отправлялся для покупки дома, продаваемаго за долги. Дѣло очень выгодное! Однако, проходя мимо швейцара, онъ успѣлъ освѣдомиться у него, дома ли его сынъ.

Узнавъ, что дома, но еще спитъ, Дарвидъ тихо проворчалъ:

— Хорошъ образъ жизни, нечего сказать! Нѣтъ, надо, на-

конецъ, обуздать этого расходившагося молодца. Времени нѣтъ — вотъ бѣда!—И, влѣзая въ карету, онъ крикнулъ кучеру.

— Скорѣй, какъ можно скорѣй! Теперь я, пожалуй, опоздалъ! Сбила она меня съ толку своимъ лепетомъ и ласками!.. Лучъ свѣта!

Кара сняла маленькаго Пуфика съ высокой груды бумагъ и, прижавъ его, по обыкновенію, подъ самый подбородокъ, пошла быстро черезъ рядъ комнатъ, боясь также опоздать на урокъ съ миссъ Мери. Повстрѣчавшись съ Иреной, которая продолжала еще прохаживаться съ книгой въ рукѣ, Кара, не останавливаясь, наскоро успѣла заявить голосомъ, полнымъ счастья:

— А я сегодня долго-долго разговаривала съ папочкой!

— Нелегкій фокусъ!

Кара точно остолбенѣла. Въ равнодушномъ голосѣ ей послышалась иронія и показалась какая-то враждебность въ ея сдвинутыхъ бровяхъ и въ блескѣ ея глазъ. Но Ирена, не отрываясь отъ чтенія, уже отошла отъ нея на нѣсколько шаговъ. Кара, взглянувъ ей вслѣдъ, убѣжала къ миссъ Мери.

Черты лица Ирены оставались неподвижными, блѣдность увеличивалась. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ замѣтнѣе признаки утомленія отражались на ея ослабѣвавшихъ вѣкахъ.

Наконецъ, дверь изъ кабинета матери отворилась. Ирена увидѣла Краницкаго; его растерянный и печальный видъ могъ послужить ей отвѣтомъ на безпокоившія ее сомнѣнія. Сгорбленный, съ поникшей головой и съ выступившими темными пятнами на лицѣ, какое бываетъ у людей послѣ продолжительнаго плача, онъ подходилъ къ Иренѣ, которая опустила руку съ книгой и смотрѣла на него. Онъ схватилъ ея другую руку и сталъ говорить, задыхаясь отъ волненія:

— Да... несчастнѣе меня нѣтъ никого въ мірѣ. Я не стоилъ такого счастья, какъ... дружба вашей матери. Все кончено для меня. Судьба жестока ко мнѣ. Прощайте, Ирена! Боже, столько лѣтъ! Я такъ привязался къ вамъ ко всѣмъ, такъ сердечно любилъ васъ всѣхъ!.. Меня называютъ старымъ романтикомъ... Это правда, но я страдаю ужасно! Будьте счастливы. Можетъ быть, мы никогда уже не увидимся. Я, можетъ быть, уѣду. Прощайте! Боже мой, столько лѣтъ! столько лѣтъ!

Еще сильнѣе сгорбившись, онъ удалился, а на лицѣ Ирены отразилось сильнѣйшее безпокойство.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — сказала она про себя и съ быстротою птицы приблизилась къ комнатѣ матери. Но у дверей она поспѣшила преобразиться, принявъ на себя свое обычное холодное обличье, и только во взорѣ ея выражалась тревожная

заботливость о той, которую она теперь увидѣла лежащей въ глубинѣ большого кресла, съ лицомъ, закрытымъ обѣими руками. Глухія рыданія ея можно было распознать только по ритмическимъ вздрагиваніямъ плечъ. По внѣшнему виду этой женщины можно было судить, какая гнетущая тяжесть мысли томила ее и какъ бы влекла и склоняла къ землѣ.

Ирена безшумно пробѣжала комнату, схватила быстро какой-то флаконъ и, наливъ жидкости на ладонь, осторожно прикоснулась ею къ вискамъ и лбу матери. Мальвина испуганно приподняла лицо, выдавшее испытываемыя ею муки. Ирена вполнѣ спокойнымъ голосомъ сказала:

— Вамъ, мама, всегда вредитъ безсонница. Опять несносная мигрень?

Едва слышно Мальвина отвѣчала:

— Да, я чувствую себя нехорошо.

Она привстала и усиливалась улыбнуться, но вдругъ лицо ея покрылось блѣдностью, губы задрожали и распухшія отъ слезъ вѣки закрылись. Однако, она нашла еще въ себѣ довольно силъ, чтобы пройти къ спальнѣ. Ирена дошла вслѣдъ за нею до дверей.

— Мама!—неожиданно вскрикнула Ирена.

— Чтò, дитя мое?

Ирена намѣревалась что-то сказать, судорожно то открывая, то закрывая ротъ,—казалось, вотъ-вотъ разразится изъ него громкое восклицаніе,—но она овладѣла собой и самымъ спокойнымъ голосомъ спросила:

— Не дать ли вамъ немного вина или бульона?

Мальвина покачала отрицательно головой и, оглянувшись, воскликнула:

— Ира!

Въ свою очередь Мальвина долго не въ состояніи была произнести ни слова. Ирена стояла передъ ней.

— Ты не знаешь, дома ли... твой отецъ?

— Я только-что слышала, какъ онъ уѣзжалъ.

— Если онъ пожелаетъ, когда вернется, видѣть меня, скажи, что я его ожидаю.

— Хорошо, мамаша.

Мальвина еще разъ оглянулась на дочь.

— А если кто-нибудь иной... скажи, что не могу... больна!

Не подходя къ матери ближе, Ирена стояла, выпрямившись, въ своемъ изящномъ, модномъ платьѣ, будто никакая тревога ея не коснулась.

— Успокойтесь, мамаша, я не отойду отсюда ни на шагъ и никого не пущу къ вамъ. Даже въ случаѣ, еслибъ отецъ захотѣлъ васъ видѣть... то не лучше ли завтра?

— Нѣтъ! нѣтъ! — поспѣшно возразила Мальвина,—напротивъ, поскорѣй... Проси его и предупреди меня...

Ирена отвѣтила:

— Хорошо, мамаша.

Мальвина притворила за собой двери своей спальни и, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, упала на колѣни возлѣ своей кровати. Среди убранства спальни, отдѣланной дорогими шелками, вытянувъ сложенныя руки кверху, она тихо шептала:

— Боже! Боже! Прости меня! Накажи! Накажи меня, безвольную, безсильную... преступную!

Она въ самомъ дѣлѣ принадлежала къ тѣмъ слабымъ существамъ, которымъ сердечная привязанность такъ же необходима, какъ воздухъ для жизни. Заражаясь такой привязанностью, они совершенно безсильны для борьбы противъ нея. Среди холоднаго безчувствія роскошныхъ салоновъ она когда-то, давно уже, подверглась этому чувству, устоять противъ котораго ей было тѣмъ труднѣе, что отъ него повѣяло ея собственной весной, проведенной вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, свалившимся теперь къ ея ногамъ. Она сразу почувствовала въ себѣ какой-то камень, тяжесть котораго увеличивалась годъ отъ году, по мѣрѣ подростанія дѣтей. Ни на одну минуту она не подозрѣвала, чтобы ей предстояла роль въ героической драмѣ. Напротивъ, въ сознаніи ея, когда ей случалось размышлять о себѣ, всегда лишь повторялось одно слово: безсильная! Съ нѣкотораго же времени къ этому слову присоединилось другое: преступная! Да, она была безсильна,—однако сегодня наконецъ у нея хватило силъ на то, чтобы порвать узелъ, которымъ позорно опутана была ея жизнь. О, еслибы поскорѣй покончить и съ другимъ узломъ, а потомъ улетѣть подъ тѣнь какого-нибудь уединенія, далекую отъ свѣта, безбрежную и наполненную однимъ лишь горемъ ея. Понемногу въ головѣ ея созрѣвало рѣшеніе. Ей хотѣлось какъ можно скорѣй переговорить съ Дарвидомъ. Она не сомнѣвалась въ томъ, что и онъ долженъ будетъ скоро этого пожелать. А дочери?! Но развѣ не лучше уйти отъ нихъ, исчезнуть съ ихъ глазъ... такой матери!

Ирена, между тѣмъ, придвинула къ окну маленькій столикъ съ принадлежностями рисованія, усѣлась къ нему и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ принялась за свою работу, начатую на кускѣ голубого атласа—связку роскошныхъ хризантемовъ, раскры-

вающихъ свои лепестки для таинственныхъ поцѣлуевъ. Въ домѣ царила глубокая тишина, но, по прошествіи нѣкотораго времени, изъ дальнихъ комнатъ стали доноситься звуки стекла и фаянса, означавшіе приближеніе времени завтрака, а затѣмъ лакей извѣстилъ о поданномъ завтракѣ. Ирена отвела глаза отъ работы.

— Надо сказать миссъ Мери и паннѣ Каролинѣ,—обратилась она къ слугѣ,—что мама и я не придемъ къ столу. Сюда надо принести двѣ чашки бульону съ сухарями.

Когда это приказаніе было исполнено, Ирена, съ чашкой въ рукѣ, подошла къ дверямъ спальни.

— Можно войти?

Отвѣта не было, и глаза Иры безпокойно заморгали. Она повторила вопросъ:

— Мамашечка...

— Войди, Ира!—послышался изъ-за дверей голосъ Мальвины, которая лежала на постели, прикрытая волнами только-что снятаго платья.

Ирена вошла, поставила возлѣ кровати бульонъ и сухари, потомъ спустила сторы, и въ комнатѣ образовался полумракъ.

— Такъ будетъ лучше. Когда голова болитъ, свѣтъ непріятенъ,— замѣтила Ирена, подходя къ кровати. Она осторожно сняла съ матери ботинки, замѣнивъ ихъ мягкими туфлями.

— Въ этихъ сапожкахъ вы ни за что не заснете, а мигрень не пройдетъ, прежде чѣмъ вы не поспите часа два.

Потомъ она ловко разстегнула ей лифъ, промолвивъ:

— Теперь будетъ удобнѣе.

Ирена стала съ опущенными руками и такою улыбкой, которая, несмотря на ея модное платье и довольно фантастическую прическу, придавала ей видъ терпѣливой и осторожной въ обращеніи сестры милосердія.

— А теперь, мамаша, выпейте вашъ бульонъ, а я пойду рисовать свои хризантемы.

Она была уже въ дверяхъ, когда услышала возгласъ:

— Ира!

— Что̀, мама?

Протянувъ къ ней обѣ руки, Мальвина крѣпко обняла ее и горячими устами стала цѣловать свою дочь. Ирена прикасалась своими губами къ рукамъ и головѣ матери, однако мягкимъ движеніемъ постаралась увернуться отъ продолжительныхъ ласкъ и, нѣсколько отойдя, сказала:

— Не волнуйтесь, мамаша, это вредно, когда мигрень.

И уходя, еще разъ обернулась со словами:

— Если вамъ что-нибудь понадобится, шепните только; вы знаете, какой у меня слухъ. Я буду тутъ, въ вашемъ кабинетѣ. У меня явилась новая идея относительно моихъ хризантемовъ, которая меня очень занимаетъ.

Этотъ кабинетъ, освѣщаемый теперь полусвѣтомъ убѣгавшаго зимняго дня, былъ полонъ всевозможными артистическими бездѣлушками, множествомъ позолоты и живыхъ пахучихъ цвѣтовъ. Ирена сидѣла передъ столикомъ съ рисовальными принадлежностями, не принимаясь за работу; въ задумчивости глаза ея обращены были въ далекое прошлое. Ей было лѣтъ десять отъ роду, когда однажды, погруженная въ занятіе переодѣванія своей куклы въ новое платье, она сразу не обратила вниманія на громкій разговоръ между ея родителями въ сосѣдней комнатѣ. Но когда нарядъ куклы былъ законченъ, она стала смотрѣть и слушать, что̀ говорилось вблизи. Отецъ ея сидѣлъ на креслѣ съ шутливымъ выраженіемъ лица, а мать въ какомъ-то бѣломъ одѣяніи стояла передъ нимъ, съ такимъ видомъ, будто умоляла его о чемъ-то.

— Алоизій,—говорила она,—развѣ намъ не довольно того, что̀ мы имѣемъ? Неужели на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ этихъ вѣчныхъ помысловъ о пріобрѣтеніяхъ, о золотѣ?

Онъ перебилъ ее не безъ ироніи:

— Прошу извиненія, есть еще кое-что: есть роскошь, которая тебя окружаетъ, и которая тебѣ такъ къ лицу!

Она сѣла противъ него и, наклонившись къ нему, какъ-то безсвязно заговорила:

— Алоизій, развѣ мы живемъ другъ съ другомъ? Мы только видимся иногда. На то, чтобы жить вмѣстѣ, у тебя времени нѣтъ. Все твое время уходитъ на дѣла, мое—на свѣтскую жизнь. Я полюбила удовольствія, это правда, но въ глубинѣ души мнѣ часто бываетъ очень грустно. Я чувствую себя одинокой. Ты знаешь, моя молодость прошла въ тихой, бѣдной обстановкѣ, и въ воспоминаніяхъ о ней мнѣ слышится укоръ. Ты объ этомъ ничего не знаешь, потому что у насъ нѣтъ времени для откровенныхъ бесѣдъ. Я—изъ тѣхъ женщинъ, которымъ необходимо чувствовать надъ собой постоянную опеку, имѣть подлѣ себя дружеское ухо, всегда готовое выслушать ихъ сердце и мысли, которымъ нужно руководительство ихъ совѣстью. Я слаба и боязлива. Я боюсь, съумѣю ли я въ твое частое, почти безпрерывное отсутствіе воспитать дѣтей. Я умѣю только любить ихъ. Я готова отдать за нихъ жизнь, но во мнѣ нѣтъ силы. Я умоляю

тебя, не оставляй ты насъ, меня и ихъ, такъ часто, почти постоянно, однихъ... Лучше пусть уменьшится наша роскошь, я была бы этому рада,—насъ бы это сблизило. Умоляю тебя, Алоизій!..

Она схватила его руки и, кажется, стала ихъ цѣловать. Иренѣ, маленькой въ то время дѣвочкѣ, стало очень жалко свою маму. Съ напряженнымъ вниманіемъ она ожидала, что̀ отвѣтитъ отецъ.

— Чего же ты собственно хочешь?—говорилъ онъ.—Я все слушаю тебя, слушаю и никакъ не могу понять, въ чемъ дѣло. Желаешь ли ты, чтобы я бросилъ свои занятія, которыя я люблю, и которыя идутъ успѣшно? Не во снѣ ли ты! Вѣдь это дѣтскія фантазіи...

Эти воспоминанія Ирены были прерваны приходомъ Кары.

— Мама нездорова? Отчего она не пришла къ завтраку?

— Ты вѣдь знаешь, что у мамы часто бываетъ мигрень.

Кара пошла-было въ спальню, но Ирена остановила ее.

— Не ходи туда; можетъ быть, мама уснула.

Дѣвочка подошла къ сестрѣ.

— Мнѣ кажется... — начала-было Кара, но не докончила своей мысли.

— Что̀ тебѣ опять кажется?

— Что у насъ въ домѣ что-то происходитъ.

Ирена насупила брови.

— Какое у тебя воображеніе! Вѣчно тебѣ представляется что-нибудь необыкновенное. Между тѣмъ все необыкновенное—это чушь... Это иллюзія. Жизнь идетъ самымъ обыкновеннымъ образомъ, самымъ прозаическимъ. Полно тебѣ выдумывать глупости, иди лучше гулять съ миссъ Мери и Пуфикомъ.

Кара слушала сестру внимательно, но недовѣрчиво вглядываясь въ ея лицо.

— Хорошо, я пойду гулять, но то, что̀ ты сказала, Ира, неправда. Это вовсе мнѣ не представляется. Мама огорчена и больна; папаша цѣлую недѣлю не обѣдалъ съ нами, не приходитъ сюда, и даже этотъ... господинъ, уходя сегодня, плакалъ въ передней... я случайно видѣла... онъ хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но я убѣжала...

Ирена пожала плечами.

— Изъ тебя выйдетъ поэтесса,—ты такъ все преувеличиваешь! Мама ничѣмъ не огорчена, у нея просто мигрень; отецъ не обѣдаетъ съ нами, потому что получаетъ множество приглашеній, а господинъ Краницкій, вѣроятно, сморкался, а ты, по своей

поэтической фантазіи, приняла это за плачъ. Мужчины никогда не плачутъ, точно также какъ и разсудительныя женщины. А разсудительныя дѣвочки, вмѣсто того, чтобы набивать себѣ голову всякимъ вздоромъ, идутъ на прогулку, пока хорошая погода и солнце свѣтитъ. Докторъ велитъ тебѣ гулять каждый день, но не вечеромъ, а въ это время.

— Иду, ужъ иду! Ты все ворчишь на меня!

Отойдя нѣсколько, Кара еще разъ обернулась къ сестрѣ.

— Папаша сердится на Марыся... я это очень хорошо замѣтила. Все у насъ какъ-то... странно!

Кара ушла, а Ирена съ отчаяніемъ схватилась за голову. Этотъ ребенокъ,—пришло ей въ голову,—еще немного, и узнаетъ жизнь съ той же стороны, съ какой она сама давно ее разсмотрѣла. Надо этому помѣшать, непремѣнно надо!

Ирена вернулась къ своимъ воспоминаніямъ. Она помнитъ, какъ мать говорила:

— Наше состояніе и безъ того велико. .

— Въ этомъ отношеніи,—возразилъ отецъ,—никогда не бываетъ лишняго и даже не бываетъ довольно.

Потомъ онъ, играя ея чудными волосами, спросилъ:

— Вѣдь ты увѣрена, что я тебя люблю?

Она, помолчавъ немного, сказала:

— Нѣтъ, я давно уже начала терять увѣренность.

Послѣ этого было много еще другихъ словъ, изъ которыхъ Ирена нѣкоторыя запомнила.

— Лучшая въ мірѣ опека,—говорилъ ея отецъ,—это большое состояніе. У кого оно есть, тому даже и ума лишняго не надо, потому что если понадобится, можно его купить у другихъ. На воспитаніе дѣтей можешь тратить столько, сколько нужно. Дочерей воспитывай такъ, чтобы изъ нихъ вышли важныя барыни. Не правда ли? Постарайся, чтобы онѣ, когда выростутъ, могли войти въ самый высшій кругъ, какъ въ свой домъ. А что касается тебя самой, развлекайся, заводи отношенія, наряжайся, блести въ свѣтѣ. Чѣмъ больше поднимешь имя, которое ты носишь, красотой, остроуміемъ, умѣньемъ жить, тѣмъ бòльшую услугу окажешь мнѣ въ обмѣнъ тѣхъ, какія я оказываю тебѣ. Впрочемъ, если бы у тебя случились какія-нибудь хлопоты, какія-нибудь затрудненія въ домѣ, съ учителями, съ общественными отношеніями, то вѣдь у тебя на это всегда къ твоимъ услугамъ этотъ славный малый Краницкій; онъ всегда охотно тебѣ во всемъ поможетъ. Я очень радъ его знакомству. Именно такой человѣкъ мнѣ необходимъ. У него прекрасныя и обширныя связи, онъ

хорошо воспитанъ, любезенъ, услужливъ. Я сошелся съ нимъ, предвидя, что онъ намъ окажется очень полезнымъ. Правда, онъ уже раза два занялъ у меня немного денегъ, за то и оказалъ мнѣ нѣсколько услугъ. Одно за другое,—такъ лучше всего!

Дарвидъ прошелся по комнатѣ самоувѣренной походкой, при чемъ во взглядѣ его и движеніяхъ выражалось полнѣйшее сознаніе своихъ правъ и ума. Вдругъ, обратя взоръ къ дверямъ, онъ весело воскликнулъ:

— О волкѣ рѣчь, а волкъ тутъ и есть! Здравствуйте, дорогой!

Явившійся былъ Краницкій, который тогда находился въ полномъ расцвѣтѣ своей мужественной, рѣдкой красоты, изъ-за которой, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ за другія его качества, повсюду, въ лучшихъ обществахъ, его любили, почти баловали. Онъ сердечно поздоровался съ хозяиномъ дома, а передъ женой его остановился съ такимъ видомъ и выраженіемъ лица, будто единственное его желаніе въ мірѣ заключается въ томъ, чтобы упасть къ ея ногамъ.

Весь этотъ разговоръ, вся эта сцена навсегда запечатлѣлись въ памяти Ирены. Когда-то она пыталась дѣлать изъ нихъ длинные выводы, потомъ перестала о нихъ думать, а теперь опять все это вспомнила, забывъ о своихъ хризантемахъ, тоже, казалось, смотрѣвшихъ на нее вопросительно.

Вошедшій лакей возвѣстилъ:

— Баронъ Блауендорфъ.

Ирена торопливо начала-было говорить:

— Никого...

Но потомъ задержала лакея, чтобы написать на карточкѣ нѣсколько англійскихъ словъ: „У мамы мигрень; видѣть васъ не могу. Жалѣю объ этомъ, потому что вчерашній разговоръ о диссонансахъ началъ дѣлаться занимательнымъ. Доставьте мнѣ завтра продолженіе его“.

Передавъ карточку лакею, Ирена снова принялась за рисованіе, на этотъ разъ весело и плутовски улыбаясь. Напомнивъ о себѣ, баронъ тотчасъ направилъ мысль Ирены въ сторону своихъ своеобразныхъ взглядовъ. Онъ ей нравился именно своими своеобразными сужденіями. Она стала рисовать почти съ увлеченіемъ, вставляя между своими цвѣтами темные контуры какихъ-то чертенятъ, въ шаловливыхъ позахъ, которые то выглядывали изъ-за листьевъ, то прицѣплялись къ стеблямъ, то, рѣзвясь, тревожили цвѣточные вѣнчики, точно мѣшая повисшимъ ихъ лепесткамъ слиться въ поцѣлуѣ. Работая торопливо, Ирена не могла удержаться отъ смѣха, представляя себѣ, что̀ скажетъ баронъ,

когда увидитъ ея затѣю. C'est du nouveau! Это индивидуальный помыселъ. Неиспытанная дрожь! Новый скрежетъ!

Разныя такія слова, напримѣръ: „раскрашенные горшки“, „пастушки“, „скрежетъ“, „новая дрожь“, „ревматизмъ мысли“ и много другихъ—все это она переняла отъ него. Да и не только она. Эти выраженія разошлись въ довольно широкомъ кругу людей, пренебрегающихъ всѣмъ существующимъ и занимающихся разгадкой того, что должно наступить въ будущемъ. Баронъ былъ образованный человѣкъ, много читалъ. Онъ проникся содержаніемъ „Заратустры“ Нитцше и любилъ разсуждать о „сверхъ-человѣкѣ“ и прочихъ идеяхъ этого писателя.

Говоря немного въ носъ и сквозь зубы, онъ утверждалъ, что сверхъ-человѣкомъ можетъ быть только тотъ, кто умѣетъ желать, кто безусловно и не взирая ни на что, способенъ проявлять свою волю.

При мысли о томъ, что, быть можетъ, она скоро будетъ его женой, и ей придется покинуть этотъ домъ, насмѣшливая улыбка исчезла съ лица Ирены. О, не она одна уйдетъ изъ этого дома. Она поставитъ барону рѣшительнымъ условіемъ одно свое намѣреніе, и на которое онъ долженъ будетъ согласиться. Энергія блеснула въ ея свѣтлыхъ зрачкахъ, и она повернула голову по направленію къ спальнѣ матери съ такою живостью, что металлическая булавка, скрѣплявшая ея прическу, заиграла лучами отточенной стали.

— Надо умѣть желать,—промолвила она про себя.

Элиза Оржешко.

НАША
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА

I.

Недостатокъ продовольствія, испытанный въ 1891, 1897 и 1898 годахъ, сильно поколебавъ экономическое состояніе значительной части нашего сельскаго населенія и оставивъ глубокіе слѣды, какимъ едва ли суждено скоро изгладиться въ будущемъ, явился, между прочимъ, серьезнымъ испытаніемъ той системы обезпеченія народнаго продовольствія, которая вынесена еще изъ крѣпостной эпохи и въ главныхъ чертахъ сохранилась до настоящаго времени, потерпѣвъ лишь болѣе или менѣе серьезныя измѣненія въ частностяхъ. Результаты этого испытанія требуютъ большого вниманія въ настоящее время, такъ какъ намъ, конечно, придется переживать подобныя печальныя годины еще и въ будущемъ, а главнымъ образомъ потому, что опытъ уже очень наглядно показалъ необходимость скорѣе замѣнить несостоятельную старую систему чѣмъ-либо болѣе солиднымъ.

Обезпеченіе народнаго продовольствія устроено у насъ въ видѣ самостоятельной, отдѣльной отъ общаго финансоваго хозяйства операціи, имѣющей свои спеціальныя цѣли и особыя средства. Въ этомъ отношеніи оно напоминаетъ страховую систему. Самостоятельность — дѣло во многихъ отношеніяхъ хорошее, но одно изъ самыхъ существенныхъ требованій здѣсь—достаточная сила, возможность справиться спеціальными средствами. Между тѣмъ, при тѣхъ основаніяхъ, какія въ нашей продовольственной системѣ держатся въ качествѣ остатка старины, оказывается

именно безсиліе означенной системы. Всякій разъ, когда у насъ возникали крупныя неурожайныя бѣдствія, т.-е. наступало сколько-нибудь чрезвычайное положеніе, мы видѣли, что приходилось обращаться, помимо спеціальнаго источника, къ исключительнымъ рессурсамъ, частнымъ жертвамъ и казенной помощи—или необходимая помощь урѣзывалась механически; иногда же значительная часть хлѣбной нужды просто отрицалась, словно подобное отрицаніе равносильно ея устраненію. Голодъ 1891 года вызвалъ болѣе чѣмъ сто-милліонный расходъ изъ общихъ государственныхъ средствъ, независимо отъ отпусковъ изъ слабаго продовольственнаго капитала. Нынѣшняя тяжкая хлѣбная нужда нѣсколькихъ восточныхъ губерній тоже потребуетъ значительной казенной субсидіи, какъ слѣдуетъ предполагать, судя по обрисовывающимся размѣрамъ нужды и начатымъ расходамъ. Если же подобное явленіе не находило мѣста въ прошломъ 1897 году, то не столько въ зависимости отъ степени фактической нужды, сколько въ силу очень напряженной сдержанности пособій и отрицанія многихъ заявленій, приходившихъ изъ губерній. Не станемъ приводить фактовъ, потому что исторія прошлогодней нужды, сопровождавшейся и краснорѣчивыми, хотя мало успѣшными заявленіями, и характерною печатною полемикою, еще слишкомъ свѣжа въ нашей памяти. Довольно сослаться на оставшееся общее впечатлѣніе взаимной несоотвѣтственности размѣровъ нужды и помощи.

Положеніе, при которомъ дѣлается выборъ между помощью изъ стороннихъ рессурсовъ и отрицаніемъ дѣйствительности, во всякомъ случаѣ представляется ненормальнымъ и уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о безсиліи старой системы, пригодной только для палліативовъ, или при очень ограниченныхъ продовольственныхъ затрудненіяхъ. Старыя основы видимо не подходятъ къ современнымъ условіямъ, и практика не разъ показывала, что онѣ сильно расшатались. Рѣзко выдавалось это еще семь лѣтъ назадъ и вызвало тогда вопросъ о преобразованіи продовольственнаго устава. Ждали нѣсколько лѣтъ, однако и послѣ тяжелаго урока этотъ вопросъ такъ затянулся, переходя изъ одного фазиса въ другой, что старый уставъ дожилъ до новыхъ голодовокъ, давшихъ ему добавочное удостовѣреніе въ малопригодности. Въ какомъ смыслѣ задумывалось преобразованіе, объ этомъ въ точности неизвѣстно, такъ какъ извѣстій изъ этой области въ печать проникало очень мало, да и тѣ были односторонни. Говорили объ измѣненіи роли земскихъ учрежденій, объ усиленіи вліянія административныхъ органовъ, т.-е. преимущественно о

политической сторонѣ дѣла, но въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ затрогивались самыя основы, отъ которыхъ зависитъ *достаточность* продовольственныхъ рессурсовъ, т.-е. существеннѣйшая сторона дѣла помощи, о томъ и слуховъ почти не было. Вообще дѣло облекалось такимъ покровомъ тайны, что и теперь трудно сказать—вполнѣ ли намѣчены главныя черты необходимой перемѣны, и насколько приблизилась къ намъ реформа? Коснется ли она коренныхъ основаній, разовьетъ ли источники помощи, или ограничится извѣстными частностями, въ родѣ опредѣленія порядка выдачи и полномочій по распредѣленію того, что̀ даютъ нынѣшніе источники? Разумѣется, еслибы реформа вышла ограниченною, то неизбѣжнымъ стало бы повтореніе прежнихъ явленій, и въ перспективѣ выступили бы опять: небольшая помощь при несильныхъ неурожаяхъ и въ случаѣ отрицанія дѣйствительныхъ нуждъ, а при формальномъ признаніи крупнаго бѣдствія—принятіе его просто на государственный счетъ, съ записаніемъ за населеніемъ завѣдомо неоплатнаго долга. Внѣшнія удобства ограниченныхъ реформъ часто оплачиваются самимъ существомъ дѣла.

Выгодна ли подобная система или безсистемность? Отвѣтъ возможенъ только отрицательный. Если выручка изъ бѣды въ трудныхъ обстоятельствахъ, за недостаткомъ спеціальныхъ источниковъ, падаетъ на общія государственныя средства, то возможность достаточной помощи ставится въ зависимость и отъ финансоваго положенія данной минуты, и отъ современной финансовой политики, и отъ разныхъ административныхъ вѣяній, нерѣдко измѣняющихся самымъ кореннымъ образомъ. Финансовое положеніе можетъ не согласоваться съ данными продовольственными требованіями, такъ какъ послѣднія способны иногда возникать именно въ трудную для государственнаго казначейства пору, а кромѣ того тутъ усиливается потребность въ дружномъ дѣйствованіи разныхъ вѣдомствъ, которое тоже достигается не всегда. Слѣдовательно, слишкомъ тѣсная связь между удовлетвореніемъ хлѣбной нужды и финансовою политикою имѣетъ большія неудобства. Гораздо легче, если у продовольственнаго дѣла есть собственный достаточный источникъ, которымъ можно распорядиться независимо отъ общаго денежнаго хозяйства. Да и то сказать, что̀ это за система, если она неспособна выполнять свое назначеніе именно въ моментъ серьезной надобности! Надо уменьшать поводы какъ къ зависимости отъ стороннихъ средствъ, такъ и къ механическимъ урѣзкамъ помощи; слѣдовательно, сохраненіе самостоятельности продовольственной системы является

вполнѣ желательнымъ. А если эта система слишкомъ слаба — надо ее измѣнить, подвергнувъ ея основы самой серьезной критикѣ. Тогда финансовая политика пойдетъ своимъ путемъ, а помощь будетъ во всякомъ случаѣ оказываться въ мѣру самой нужды.

II.

Наружный видъ дѣйствующей продовольственной системы представляется довольно стройнымъ. Есть средства сельскія, земскія или губернскія и государственныя. Первыя состоятъ въ натуральномъ хлѣбномъ запасѣ, а вторыя и третьи—въ денежныхъ капиталахъ; но слабость всѣхъ ихъ происходитъ отъ того, что они возникли изъ стараго ревизскаго счета и по соображенію съ порядками, бывшими въ крѣпостную эпоху, когда, кстати сказать, на успѣшность продовольственной помощи—и вниманія обращалось немного.

Обязательный размѣръ сельскихъ натуральныхъ запасовъ составляетъ полторы четверти хлѣба на ревизскую душу (четверть озимаго и полъ-четверти яроваго). На дѣлѣ полностью не держался и этотъ размѣръ, но онъ во всякомъ случаѣ является предѣломъ требованій. Въ крѣпостную эпоху натуральный запасъ многихъ селеній былъ фиктивнымъ. Считаться онъ, конечно, считался, но образованіе и храненіе его зависѣло отъ желанія помѣщика, а подобное желаніе далеко не было повсемѣстнымъ. Былъ запасъ или нѣтъ, но дѣло прикрывалось формальною обязанностью владѣльца имѣнья оказывать достаточную помощь крестьянамъ во время неурожаевъ при помощи запаса. При совершеніи крестьянской реформы, обязанность поддержанія запасовъ возложена была на сельскія общества, которыя тоже не могли реализировать полной ихъ мѣры вдругъ, а затѣмъ неурожаи и разныя другія причины опять уменьшали собранное. Дѣйствительное состояніе запасовъ всегда является дѣломъ неяснымъ, и навѣрное можно сказать лишь то, что оно меньше узаконеннаго. Если найдутся общества, гдѣ магазины полны, то у другихъ нѣтъ ничего. Многое тутъ зависитъ отъ случайностей, между прочимъ отъ степени строгости надзора, которая иногда бываетъ недостаточною, а въ другихъ случаяхъ чрезмѣрною. Случается, что и послѣ хорошихъ урожаевъ магазины пусты, но бываетъ и то, что усиленно взыскиваютъ для отложенія въ запасъ въ самое время крестьянской нужды. Когда наступаетъ неурожай—хлѣбный запасъ является первымъ источникомъ ссудъ для отдѣльныхъ

крестьянъ, которые обязываются потомъ вернуть обратно въ магазинъ все полученное. Когда этого рессурса не хватаетъ—ссуды выдаются изъ земскихъ или губернскихъ капиталовъ, а при безсиліи и этихъ послѣднихъ выростаетъ вопросъ о помощи изъ государственнаго капитала. Система стройна, да плохо то, что слабо въ ней внутреннее содержаніе. Порядокъ указанъ, а что̀ получать можно при этомъ порядкѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что запасы поддерживаются даже въ высшемъ предѣльномъ размѣрѣ. Если и признать, что въ прежнее время полторы четверти хлѣба на ревизскую душу было достаточно, то теперь пригодность ревизскаго счета уже совсѣмъ исчезла. Прежде ревизіи были довольно часты (напримѣръ: въ 1835, 1850 и 1858 годахъ), слѣдовательно дѣйствительная численность населенія лишь немного отличалась отъ формальной. Полуторачетвертной запасъ могъ, напр., упадать до $1^1/_4$ четверти на дѣйствительную душу, а затѣмъ, послѣ новой ревизіи, возстанавливался опять. Но теперь со времени послѣдней ревизіи прошло уже сорокъ лѣтъ, и ревизское населеніе не представляетъ ничего общаго съ наличнымъ. Въ иныхъ мѣстахъ оно удвоилось, въ другихъ выросло еще больше, а продовольственный уставъ даже по изданію 1892 года назначаетъ означенную норму по прежнему—„на всякаго причисленнаго къ магазину *по ревизіи* сельскаго обывателя". Значитъ, число ртовъ сильно увеличилось, а запасъ продовольствія для нихъ требуется все прежній. Гдѣ на душу было $1^1/_2$ четверти, тамъ теперь стало около $^3/_4$. Помимо всякихъ другихъ причинъ, отъ одного способа исчисленія запасы стали вдвое безсильнѣе прежняго. Сокращеніе создавалось постепенно, почти незамѣтно, безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ, явившись просто результатомъ обветшанія системы.

То же въ значительной степени случилось и съ денежными капиталами. Они также возникли изъ старыхъ душевыхъ разсчетовъ, а послѣ раздѣленія ихъ, въ шестидесятыхъ годахъ, между государствомъ и земствомъ, хотя распоряженія каждой изъ двухъ частей совершались раздѣльно, но на практикѣ происходило таяніе обѣихъ. Слабые съ самаго начала, запасы истощались ссудами, возвратъ которыхъ шелъ очень плохо, вслѣдствіе фактической невозможности его успѣха. Рессурсы эти не считались ни съ приростомъ населенія, ни съ возростаніемъ нуждъ, ни съ текущими потерями. Что̀ было заготовлено для 25 милліоновъ душъ—оставлено для 50 милліоновъ. Существовало, конечно, приращеніе капиталовъ процентами, но оно въ

значительной мѣрѣ имѣло только формальное, бухгалтерское значеніе. Дѣйствительнымъ было приращеніе лишь на наличныя суммы продовольственнаго капитала, но эти суммы всегда составляли меньшую часть, то-есть ихъ постоянно превышали долги, уплата которыхъ оставалась проблематичною. Большая часть долговъ была явно безнадежною. Такъ было еще до чрезвычайныхъ голодовокъ. Напр., въ семидесятыхъ годахъ только разъ (1878 г.) наличная сумма достигла 44% номинальнаго государственнаго продовольственнаго капитала (именно на лицо было 10 милліоновъ изъ 22.900.000 руб., бывшихъ на счету), а въ остальное время, прежде и послѣ, она составляла гораздо меньшій процентъ, спускаясь иногда ниже четвертой части. Къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ на лицо было около трети, а голодный 1891 годъ нанесъ капиталу рѣшительный ударъ, истощивъ его почти вполнѣ и потребовавъ вдобавокъ еще огромныхъ ассигнованій изъ казны. Такъ, къ концу 1892 года, наличность государственнаго капитала составляла едва 1.357.469 р., а все остальное было въ долгу. Да и эта маленькая сумма наличности задержалась лишь потому, что продовольственныя пособія выдавались уже прямо изъ казны, при чемъ долгъ населенія къ означенному сроку достигъ слишкомъ 157 милліоновъ рублей. Прошло затѣмъ подъ-рядъ четыре урожайныхъ года, сопровождавшихся взысканіемъ ссудъ, но едва наличность доведена была до третьей части номинальнаго капитала (до 9 милліоновъ), какъ наступили новыя голодовки и новый ростъ долговъ. Степень благонадежности возврата этихъ долговъ, очевидно, не нуждается въ объясненіяхъ.

Возстановленіе прежнихъ запасовъ представляетъ неодолимыя трудности, такъ какъ истощенное населеніе не можетъ скоро расплачиваться, а неурожаи становятся чаще, при чемъ въ послѣдніе годы они выпадаютъ преимущественно на однѣ и тѣ же губерніи. Впрочемъ, затруднительность возврата ссудъ происходитъ не отъ однихъ только недородовъ и порождаемой ими хронической бѣдности. Для примѣра укажемъ на одно обстоятельство, мало замѣчаемое, не имѣвшее значенія въ крѣпостную и ближайшую къ ней эпохи, но выросшее впослѣдствіи. Въ означенную эпоху не было связи между размѣромъ крестьянскаго землевладѣнія и продовольственною системою. Помѣщичье и крестьянское землепользованіе были смѣшаны; не было между ними строгой границы; отводъ тому или другому мужику извѣстнаго количества земли и перемѣны въ этомъ отношеніи зависѣли отъ воли владѣльца, на которомъ за то формально лежала и забота

о продовольствованіи. У государственныхъ крестьянъ хотя помѣщиковъ не было, но они состояли подъ управленіемъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, которое вовсе не было заинтересовано въ уменьшеніи крестьянскаго землепользованія и той же заинтересованности не обнаружило при передачѣ земли крестьянамъ въ собственность, почему и въ настоящее время бывшіе государственные крестьяне представляютъ сравнительно лучше устроенную поземельно группу. Но послѣ реформы въ селеніяхъ частнаго владѣнія разомъ установилось нѣсколько разрядовъ крестьянъ: съ полнымъ узаконеннымъ надѣломъ, съ уменьшеннымъ, съ даровою четвертью надѣла и съ однѣми усадьбами. Если для многихъ надѣленіе вышло малымъ сначала, то оно еще продолжало уменьшаться отъ прироста населенія. Владѣющихъ однѣми усадьбами становится все больше. Какъ это отражается вообще на благосостояніи—о томъ уже приходилось говорить прежде, а теперь посмотримъ только на отношеніе условій землевладѣнія къ продовольственнымъ ссудамъ.

III.

Нормальнымъ порядкомъ возврата ссудъ представляется возвратъ изъ слѣдующихъ урожаевъ. Когда послѣ недорода слѣдуетъ избытокъ хлѣбнаго сбора—не трудно частью этого избытка покрыть взятое въ ссуду или натурою, или въ видѣ денегъ, вырученныхъ продажею избытка. Такъ смотритъ на дѣло и законъ, говоря, что ссуды „возвращаются изъ перваго послѣ выдачи *урожая*“, или съ разсрочкою до трехъ лѣтъ. Но какіе могутъ быть избытки у сидящаго на мелкомъ надѣлѣ, напр. на одной десятинѣ, или у владѣющаго одною усадебною осѣдлостью? Раздѣлите одну десятину на поля, и съ обработываемой ея части вы получите такое ничтожное количество хлѣба, котораго не хватитъ даже на кратковременное прокормленіе семьи, такъ что послѣдняя должна еще покупать для себя. Вмѣсто „избытка“, тутъ явный недостатокъ даже въ самое благополучное время. Изъ чего же тутъ возвращать полученный хлѣбъ? Между тѣмъ, на ничтожныхъ клочкахъ сидятъ не какіе-нибудь отдѣльные крестьянскіе дворы, а цѣлыя селенія, такъ что тутъ не выручитъ и круговая порука. Чтобы отдать долговой хлѣбъ, надо развѣ купить его, то-есть тутъ дѣло сводится уже къ денежной повинности. Долгъ падаетъ не на земледѣльческое хозяйство, а на случайные источники, на заработки и т. п. Возникаетъ поло-

женіе, какого не имѣлъ въ виду старый продовольственный уставъ, разсчитывавшій именно на земельное хозяйство, на его „урожай“. Крестьянинъ здѣсь ставится въ такое положеніе, какъ мѣщанинъ или всякій не-земледѣлецъ, отъ котораго тоже можно требовать взноса хлѣба изъ покупки или денежной уплаты изъ заработковъ. Не подходя къ основамъ устава, это требованіе и вообще не можетъ не тормазить очень сильно возврата ссудъ.

Скажутъ, пожалуй, что слишкомъ малоземельный и отъ неурожая страдаетъ гораздо меньше, такъ какъ онъ не добираетъ хлѣба, выросшаго съ одной или съ половины десятины, тогда какъ другому приходится сокращеніе сбора съ нѣсколькихъ десятинъ; но такое предположеніе будетъ поверхностно. Нужда малоземельнаго меньше лишь въ отношеніи къ обсѣмененію его надѣльнаго участка, но продовольственная—нисколько не меньше, потому что въ семьѣ у него столько же ртовъ, какъ у живущаго на привольѣ. Онъ во всякомъ случаѣ долженъ прикупить больше прежняго, а такъ какъ хлѣбная цѣна при неурожаяхъ сильно повышается, то онъ почти весь размѣръ своего продовольствія вынужденъ покупать дорогою цѣною, между тѣмъ какъ въ подобные моменты и заработки обыкновенно сильно падаютъ. Если же замѣтятъ, что возвратъ ссудъ можетъ быть производимъ изъ сбора съ арендуемой земли, то, кромѣ замѣчанія, что аренда вообще не всегда дѣло обезпеченное, придется сказать, что въ такомъ случаѣ надо брать въ разсчетъ аренду и въ прочихъ отношеніяхъ: надо признавать и потерю сбора съ арендной земли, надо и при пособіяхъ соображаться съ потребностью обсѣмененія арендныхъ участковъ, тогда какъ теперь подобныя пособія почти всегда отрицаются и ихъ выдаютъ только на засѣвъ надѣла. Словомъ, не имѣвшееся въ виду продовольственнымъ уставомъ положеніе разнонадѣлья, въ свою очередь, должно быть принято во вниманіе при реформѣ.

Трудность возврата доказывается и фактически, самою исторіею продовольственныхъ разсчетовъ послѣ 1891 года. Половина оставшагося долга просто сложена, а остальная пополняется очень туго, представляя въ большей части своей безнадежную недоимку. Сохраненіе ея въ счетахъ главнымъ практическимъ послѣдствіемъ имѣетъ періодическое возобновленіе опытовъ взысканія въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, смотря по силѣ мѣстнаго административнаго усердія. Цѣли взысканія достигаются мало, но опыты часто обходятся плательщикамъ дорого.

Не вдаваясь въ большія подробности, остановивъ вниманіе только на отмѣченныхъ выше чертахъ, можно уже видѣть, какія

существенные новые элементы вошли въ сельскую жизнь съ эпохи введенія продовольственнаго устава, т.-е. какъ нынѣшнее положеніе не подходитъ къ закону, изданному въ то время, когда имѣнія измѣрялись числомъ душъ, когда распредѣленіе земли въ деревняхъ не имѣло значенія, ревизское населеніе мало отличалось отъ дѣйствительнаго, попеченіе о продовольствіи лежало на помѣщикахъ или окружныхъ управленіяхъ, а надзоръ надъ ихъ попечительностью пребывалъ номинальнымъ, какъ бы въ предположеніи, что если помѣщикъ самъ заинтересованъ въ поддержаніи численности и хозяйственной состоятельности ввѣреннаго ему населенія, то и нечего особенно присматриваться къ означенной попечительности. Дальше установленія ариѳметическаго отношенія между числомъ душъ и размѣромъ запасовъ старый законъ почти не считалъ нужнымъ заходить, да къ тому же давнія продовольственныя бѣды не возбуждали такихъ тревогъ, какъ теперь, когда каждая изъ нихъ явственнѣе выступаетъ наружу. Послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ введены были только самыя необходимыя внѣшнія добавки и перемѣны, да въ ту пору и трудно было сразу установить все то, потребность въ чемъ сказывается въ нынѣшнее время. Можно ли было, напримѣръ, предугадать, что народныя переписи на старыхъ основаніяхъ (ревизіи) прекратятся, или что ихъ не будетъ по крайней мѣрѣ еще тридцать лѣтъ? Оставалась еще незаконченною и крестьянская реформа; результаты ея не могли быть подсчитаны, слѣдовательно не было данныхъ для заключеній о томъ, какую именно физіономію получитъ крестьянское землевладѣніе и какъ она отразится на продовольственномъ дѣлѣ. Серьезныя потребности и новыя условія стали выясняться уже въ послѣдующія десятилѣтія, почему нынѣшніе недостатки системы и вообще запущенность продовольственнаго дѣла должны быть поставлены въ счетъ недоглядкамъ этого позднѣйшаго времени.

IV.

Есть еще въ нашихъ продовольственныхъ правилахъ большіе остатки преданій стараго канцеляризма, тоже тормазящіе успѣхъ благовременнаго оказанія помощи. Возьмемъ, напримѣръ, порядокъ испрашиванія и разрѣшенія ссудъ. Нужда уже наступила и грозитъ развитіемъ съ каждымъ лишнимъ мѣсяцемъ, съ каждою недѣлею. Но для признанія ея и допущенія помощи требуется точное перечисленіе всѣхъ нуждающихся до единаго. Тре-

буется подробное мѣстное дознаніе, „о чемъ составляется, за подписью лица, производящаго дознаніе, сельскаго старосты и понятыхъ, актъ, съ означеніемъ въ ономъ числа и состава нуждающихся семействъ и количества общественнаго запаса". Спрашивается, зачѣмъ такая подробность и сколько нужно времени, чтобы съ точностью и дѣйствительною увѣренностью въ правильности счета выполнить подобную формалистику? Никакое дознающее лицо, конечно, не въ состояніи перечесть всѣхъ и оцѣнить нужду каждаго, когда недородъ—какъ это обыкновенно бываетъ—охватываетъ сколько-нибудь значительную мѣстность; слѣдовательно, этому лицу большею частью, если не всегда, придется полагаться на показанія старость или другихъ единицъ. не прибавляя къ нимъ отъ себя ничего,—а въ такомъ случаѣ къ чему подобный кропотливый порядокъ, уносящій безплодно дорогое время? Если уже по общему обзору видно, что нуждается половина или двѣ трети общества, много ли разъясненій добавитъ точное перечисленіе, указывающее, что требующихъ помощи семействъ именно 117, а не 121? Еслибы еще на дѣлѣ достигалось совершенно точное соотвѣтствіе помощи нуждѣ, можно бы видѣть въ подобномъ требованіи нѣчто реальное, но вѣдь составъ нуждающихся не представляетъ чего-либо неподвижнаго. Кто сегодня, во время сочиненія акта, еще крайне не нуждался, тотъ будетъ сильно нуждаться черезъ мѣсяцъ, а кромѣ того—сколько ошибокъ можно надѣлать при неизбѣжной спѣшности подробнаго учета, когда онъ подгоняется возростаніемъ бѣды! И когда всѣ эти акты и списки дойдутъ по назначенію, т.-е. когда наступитъ время оцѣнки нужды и необходимой помощи—положеніе будетъ уже вовсе не тѣмъ, какимъ оно представится въ бумагахъ, на основаніи которыхъ оцѣнка производится. Собранныя точныя цифры тогда уже не стоютъ ничего. Гоньба за фикціями, за формальною точностью, такимъ образомъ, выходитъ дорогимъ и безцѣльнымъ тормазомъ, тогда какъ для дѣла совершенно достаточно приблизительное опредѣленіе, съ принятіемъ въ разсчетъ предвидимыхъ въ близкомъ будущемъ перемѣнъ. Бо̀льшее довѣріе къ канцелярскому акту съ нѣсколькими пассивно исполненными подписями, чѣмъ къ общему наблюденію и мнѣнію мѣстныхъ людей, плодитъ излишнія затрудненія при самомъ разрѣшеніи помощи. Иногда одно и то же дѣло пересматривается и передѣлывается два-три раза, между тѣмъ какъ нужда продолжаетъ рости. Формальная критика создаетъ и особые предлоги къ перепискѣ и отказамъ при наличности тенденцій къ отрицанію нужды; помощь запаздываетъ и

сокращается. Такъ, говорятъ, изъ-за формальностей тормазилось дѣло, напр., два года назадъ въ херсонской губерніи.

Не имѣя въ виду вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ сторонъ нашей продовольственной практики и касаясь преимущественно главныхъ основаній системы, мы сослались на приведенный способъ испрашиванія ссудъ только какъ на характерный примѣръ. Возвращаясь же къ означеннымъ основаніямъ, нельзя не отмѣтить еще обстоятельствъ, идущихъ изъ области самой жизни, помимо спеціальнаго продовольственнаго законодательства.

Первымъ изъ нихъ является учащеніе неурожаевъ и бо́льшая глубина періодически возникающихъ бѣдствій. Бывали и встарину очень сильные неурожаи. Народная память хранитъ, напр., воспоминанія о бѣдственныхъ 1833 и 1848 годахъ, но въ позднѣйшее время промежутки между особенно бѣдственными годами замѣтно сокращаются. Болѣе выдающимися событіями подобнаго рода являются: сѣверный голодъ 1867 года, самарское бѣдствіе 1873 года, широкій неурожай 1880 года, тяжкій голодъ 1891 года, а затѣмъ крупные неурожаи, два года подърядъ, въ 1897 и настоящемъ годахъ, постигшіе почти одну и ту же область. Не успѣваетъ населеніе сколько-нибудь оправиться и оплатиться за одинъ неурожай, какъ его постигаетъ другой. Есть губерніи, по которымъ числятся еще продовольственные долги, образовавшіеся въ семидесятыхъ годахъ, и нуженъ былъ бы необыкновенно продолжительный періодъ благоденствія, чтобы оказалась возможность выйти изъ тяжелой хронической задолженности. Много указываютъ причинъ учащенія неурожаевъ; видятъ ихъ въ измѣненіи атмосферическихъ условій мѣстностей, указываютъ на губительное вліяніе истребленія лѣсовъ, говорятъ даже о выпаханности старыхъ черноземныхъ полей, которыя однако въ годы благопріятныхъ атмосферическихъ вліяній родятъ хлѣбъ прекрасно. Но въ чемъ бы ни состояли эти причины, для насъ въ данномъ случаѣ важно то, что какія-то причины есть и дѣйствуютъ очень вредно. Какъ ни разсуждать, а когда долгъ ложится на долгъ, къ слѣдамъ старыхъ бѣдствій прибавляются новыя, и при каждой неурожайной встряскѣ, помимо испытываемыхъ населеніемъ страданій, увеличивается число такихъ разоренныхъ, которымъ уже не удастся встать на ноги и возвратиться къ состоянію средняго крестьянскаго хозяина—съ такимъ положеніемъ надо считаться и учащеніе неурожаевъ съ ихъ послѣдствіями постоянно брать въ разсчетъ. Невозможно успокаивать себя вѣрою въ дѣйствительность тѣхъ

матеріальныхъ средствъ, которыя представляются въ числящихся долгахъ. Смотря на дѣло трезво, безъ самообмановъ, нельзя не признать, что значительная часть ихъ уже исчезла безвозвратно; значитъ—тутъ только поводъ поставить вопросъ: соображены ли размѣры запаса съ учащеніемъ неурожаевъ?

Другое серьезное условіе—уменьшеніе выносливости населенія въ отношеніи къ неурожайнымъ бѣдствіямъ. Ростъ обѣднѣнія населенія многихъ мѣстностей свидѣтельствуется очень часто, имѣя свои причины. Разсмотрѣніе этихъ причинъ завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ нашей ближайшей цѣли, и потому мы останавливаемся только на фактѣ означеннаго упадка состоятельности. Характерныя попытки отрицанія его и даже увѣренія въ подъемѣ благосостоянія, какъ извѣстно, совсѣмъ не удались. Помимо вліяній, создающихся внутри самой экономической жизни нашей, на которыхъ намъ приходилось уже не разъ останавливаться прежде, разумѣется, не могло оставаться безъ большого значенія то усиленіе разнаго рода обложеній, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ увеличило государственный бюджетъ въ полтора раза, одновременно съ ходомъ процесса означеннаго упадка. Взять такую сумму бюджетнаго прироста изъ слабѣющихъ средствъ населенія мудрено безъ созданія большаго ихъ истощенія. Тому же истощенію содѣйствуетъ сильный ростъ мірскихъ сборовъ, въ значительной степени образующійся подъ вліяніемъ мѣстнаго административнаго давленія и успѣвшій парализовать большую часть облегченій, данныхъ податною реформою восьмидесятыхъ годовъ. При подобныхъ условіяхъ потребность помощи въ каждый трудный моментъ становится настоятельнѣе, такъ какъ всякая возможность естественной, самостоятельной поправки затруднилась больше прежняго. Все это, конечно, опять увеличиваетъ требованія, обращаемыя къ системѣ обезпеченія народнаго продовольствія.

V.

Итакъ, продовольственная система наша стала болѣе фиктивною, чѣмъ выполняющею свое назначеніе. Въ то время какъ населеніе сильно увеличилось,—растаяла большая часть и тѣхъ средствъ, которыя были когда-то назначены гораздо меньшему населенію. Когда неурожаи участились, а сельское населеніе обѣднѣло, запасъ помощи сталъ скуднѣе прежняго. Вмѣсто большой части хлѣбныхъ средствъ, остались пустыя счетныя

цифры. Значительный капиталъ исчезъ безвозвратно. Возстановленіе запасовъ изъ средствъ населенія встрѣчаетъ рѣшительныя затрудненія, а новыхъ источниковъ для него нѣтъ. Самостоятельная продовольственная система въ законѣ есть, но лишенная содержанія и замѣняющаяся при каждой крупной нуждѣ принятіемъ помощи на общій государственный счетъ или отрицаніемъ дѣйствительности. Преданія же канцеляризма замедляютъ и ту долю помощи, какую еще можно оказывать. Едва ли много нужно времени для того, чтобы подобный ходъ дѣла обратилъ всю систему въ призракъ. При такихъ условіяхъ на первомъ планѣ становится вопросъ не столько о томъ, *кто* и *какъ* будетъ распредѣлять помощь, сколько о томъ, *что* можно будетъ распредѣлять? Если будутъ распредѣлители, то много ли будетъ распредѣляемаго?

Къ такимъ выводамъ мы приходимъ, имѣя въ виду собственно тѣ цѣли, какія предполагалъ старый продовольственный уставъ, заботившійся исключительно о хлѣбной помощи одному сословію. Между тѣмъ жизненныя условія видимо расширяютъ прежнія потребности. Сословія перемѣшиваются, и въ одинаковое съ крестьянами положеніе стали многіе, не зовущіеся крестьянами, да и кромѣ хлѣба, для предотвращенія рѣзкости бѣдствія и послѣдствій его понадобились другія средства помощи. Вотъ уже при нынѣшней восточной нуждѣ выросли вопросы: о пособіи не входящимъ въ составъ сельскихъ обществъ земледѣльцамъ, о ссудахъ частнымъ владѣльцамъ на обсѣмененіе полей въ исключительныхъ случаяхъ, о прокормѣ крестьянскаго скота и т. под. Всѣ эти вопросы возбуждаются въ смыслѣ чрезвычайныхъ мѣръ, но разъ жизнь ихъ выдвигаетъ и значеніе ихъ признается, надо, чтобы они находили мѣсто не „внѣ правилъ", а предусматривались спеціальнымъ закономъ. Пусть продовольственная система остается самостоятельною, но вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ достаточно сильною, считающеюся съ фактическими бытовыми группами и дѣйствительными жизненными потребностями, а также болѣе живою, чуткою и свободною отъ тѣхъ формальныхъ стѣсненій, которыя уже доказали свое неудобство.

Если реформа продовольственной системы предполагаетъ большую и сложную работу, при которой нужно считаться со многими частными вопросами, то ближайшимъ основнымъ вопросомъ является изысканіе такого источника обновленія запасовъ, который былъ бы въ состояніи не только возстановить потерянное тридцатилѣтнею практикою ссудъ и пособій, не только довести запасъ до возможности достаточнаго удовлетворенія нуждъ, воз-

никающихъ въ настоящее время, но и приспособиться къ дальнѣйшему, неизбѣжному росту потребностей. Пора перестать довольствоваться фикціями; пора искать дѣйствительнаго практическаго достиженія цѣлей, признавъ между прочимъ неизбѣжность и безвозвратныхъ выдачъ, наравнѣ съ ссудами. Такими источниками могутъ быть и какой-нибудь спеціальный налогъ, и просто ежегодное отчисленіе изъ общихъ государственныхъ средствъ. Конечно, для столь важной цѣли можно не останавливаться въ крайнемъ случаѣ даже предъ налогомъ, тѣмъ болѣе, что при своемъ постоянствѣ онъ можетъ ограничиваться небольшою величиною на единицу обложенія, напр. на землю, но, разумѣется, гораздо правильнѣе предпочесть постоянное отчисленіе изъ казенныхъ средствъ. Когда населеніе оплачиваетъ такія крупныя прибавки къ государственному бюджету, есть полное основаніе желать, чтобы нѣкоторая доля ихъ массы зачтена была въ своего рода страховой взносъ по системѣ обезпеченія отъ голодныхъ бѣдствій, усиливаемыхъ этими самыми обложеніями. Съ принятіемъ подобнаго рѣшенія можно успѣшнѣе и съ большею надеждою на производительность труда взяться за прочія части преобразованія системы обезпеченія народнаго продовольствія. А безъ такого рѣшенія реформа дастъ не много.

Ѳ. Воропоновъ.

27 ноября 1898.

ПРОБЛЕСКИ
ПРОБУЖДЕНІЯ КИТАЯ

Письмо изъ Пекина.

Лихорадочная дѣятельность китайскаго правительства на поприщѣ государственныхъ коренныхъ преобразованій, начавшаяся въ самое недавнее время, не только не ослабѣвала, но будто подъ вліяніемъ какой-то невидимой силы шла crescendo. Въ половинѣ истекшаго года не проходило ни одного дня безъ того, чтобы въ „Пекинскомъ правительственномъ Вѣстникѣ“ не появилось новаго богдоханскаго указа, касающагося той или другой отрасли государственнаго управленія.

Въ связи съ радикальными реформами учебнаго дѣла, выразившимися въ категорическомъ распоряженіи богдохана о немедленномъ открытіи университета въ Пекинѣ и среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ провинціальныхъ, областныхъ и уѣздныхъ городахъ, вниманіе его было обращено окружавшими престолъ представителями прогресса на печатное слово, какъ на одинъ изъ могучихъ двигателей и дѣятельныхъ пособниковъ въ дѣлѣ реформъ и необходимости для него въ выполненіи этой нелегкой задачи правительственной поддержки. Результатомъ этого было появленіе въ „Пекинскомъ Вѣстникѣ“, 14 іюля, указа, въ которомъ объявлялось, что богдоханъ, во вниманіе къ тому, что газеты служатъ органами для объявленія правды о состояніи государства и для ознакомленія правительства съ положеніемъ народа, по докладу главнаго начальника учебной части, повелѣваетъ обратить издающуюся въ Шанхаѣ газету „Ши-у-бао“ (Современникъ) въ

правительственную, съ назначеніемъ Канъ-Ю-вэй'я, одного изъ передовыхъ дѣятелей того времени, главнымъ редакторомъ ея, и своевременно подносить его величеству нумера этой газеты. Вмѣстѣ съ этимъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ предлагалось посылать по одному экземпляру газетъ, издающихся въ управляемыхъ ими провинціяхъ, въ прокурорскій приказъ и въ университетъ и представлять чрезъ послѣдній его величеству тѣ изъ нихъ, которыя будутъ касаться современныхъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Но что̀ было всего важнѣе, указъ предоставляетъ газетамъ полную свободу безбоязненно говорить правду.

Сдѣлавъ первые необходимые шаги въ коренномъ преобразованіи учебнаго дѣла, правительство должно было затѣмъ обратить вниманіе на другую, не менѣе, если не болѣе важную отрасль государственнаго управленія—законодательство, которое, благодаря безчисленнымъ дополнительнымъ узаконеніямъ, издававшимся въ теченіе столѣтій, и копившимся вѣками частнымъ рѣшеніямъ, или прецедентамъ, получившимъ силу закона, обратилось въ хаотическое состояніе. Въ этомъ хаосѣ только опытная рука писца-крючкотвора, посвятившаго много лѣтъ на изученіе одной какой-либо отрасли законодательства, могла разобраться, но она же и открывала въ немъ для своей корысти неизсякаемый источникъ. Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Китая, начиная отъ министерствъ и оканчивая уѣздными правленіями, дѣйствительная власть была сосредоточена въ рукахъ этихъ дѣльцовъ-міроѣдовъ, ворочающихъ примѣненіемъ законовъ или частныхъ рѣшеній—по своему произволу. Ихъ начальники, даже честно настроенные, изъ опасенія по неопытности попасть въ просакъ, рѣдко отваживались принимать мѣры противъ ихъ злоупотребленій. Неопытность же начальниковъ объясняется частнымъ перемѣщеніемъ ихъ изъ одного вѣдомства въ другое, не имѣющее съ первымъ ничего общаго: сегодняшній товарищъ министра церемоній дѣлается завтра товарищемъ военнаго министра. Такимъ образомъ, приведеніе въ порядокъ и пересмотръ законодательства, съ цѣлью исключить возможность злоупотребленій, прикрываемыхъ именемъ закона, давно уже являлось въ Китаѣ предметомъ настоятельной необходимости.

Инициатива въ этомъ важномъ дѣлѣ, судя по свѣдѣніямъ, которыя сообщались газетою „Го-вэнь-бао", принадлежала тому же прогрессисту Канъ-Ю-вэй'ю, впослѣдствіи главному редактору правительственнаго „Современника". Докладъ его о необходимости учрежденія законодательнаго комитета, какъ говорили, произвелъ большой переполохъ въ средѣ китайскихъ правящихъ классовъ. Увидавъ

въ этомъ докладѣ стремленіе къ уничтоженію старыхъ правительственныхъ учрежденій и замѣнѣ ихъ новыми, министерство иностранныхъ дѣлъ, на обсужденіе котораго былъ переданъ докладъ, послѣ неоднократныхъ понужденій со стороны богдохана и богдоханши, выразилось въ отрицательномъ смыслѣ, т.-е. попросту—провалило проектъ. Тогда богдоханъ передалъ проектъ на обсужденіе государственнаго совѣта совмѣстно съ тѣмъ же министерствомъ, но и оба эти учрежденія высказались противъ проекта. Это вывело богдохана изъ терпѣнія, и онъ снова приказалъ тѣмъ же учрежденіямъ подвергнуть проектъ новому безпристрастному обсужденію и разсмотрѣнію, съ цѣлью непремѣннаго осуществленія его, не отдѣлываясь пустыми фразами.

На такое неблагопріятное отношеніе къ проекту высшихъ правительственныхъ учрежденій, по всей вѣроятности, имѣло извѣстное вліяніе какъ небезупречный нравственный обликъ самого автора его, такъ и недавнее столкновеніе его съ однимъ изъ министровъ, который въ докладѣ богдохану прямо назвалъ Канъ-Ю-вэй'я негодяемъ, котораго онъ, несмотря на всѣ его искательства, не пустилъ на порогъ своего дома.

Главная цѣль этого безспорно благодѣтельнаго законодательнаго учрежденія заключалась въ томъ, чтобы, посредствомъ пересмотра и измѣненія всѣхъ законовъ имперіи, возвратить имъ ихъ надлежащую силу и значеніе и лишить людей возможности злоупотреблять ими для своихъ корыстныхъ и личныхъ видовъ. Кромѣ того, по отношенію къ вопросамъ международной политики задача проектируемаго учрежденія должна была состоять въ томъ, чтобы для открытыхъ иностранной торговлѣ портовъ составить особый уголовный кодексъ, опредѣляющій мѣру наказанія китайскихъ подданныхъ за преступленія ихъ противъ иностранцевъ въ той же степени, въ какой наказуются послѣдніе въ случаѣ нарушенія правъ первыхъ.

Дѣятельность законодательнаго комитета, по мысли докладчика, ограничивалась только составленіемъ законопроектовъ, которые потомъ должны были поступить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта и министерства иностранныхъ дѣлъ и получить силу закона только по утвержденіи ихъ верховною властью.

Какъ бы то ни было, но вопросъ о настоятельной необходимости пересмотра дѣйствующихъ законовъ въ Китаѣ настолько назрѣлъ, что богдоханъ, не дожидаясь результатовъ окончательнаго разсмотрѣнія проекта Кана, вслѣдствіе доклада другого лица, издалъ указъ, въ которомъ, ссылаясь на чрезмѣрное распложеніе уложеній и получившихъ силу закона рѣшеній разныхъ

правительственныхъ учрежденій,—уложеній, сдѣлавшихся вслѣдствіе этого источникомъ всевозможныхъ злоупотребленій со стороны подъячихъ,—находитъ безусловно необходимымъ подвергнуть ихъ значительному исправленію, и потому повелѣваетъ начальникамъ и секретарямъ всѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій подвергнуть тщательному пересмотру всѣ узаконенія своихъ учрежденій и, исключивъ изъ нихъ всѣ статьи, несообразныя и противорѣчащія другъ другу, составить отдѣльныя краткія и ясныя уложенія и, по испрошеніи высочайшаго утвержденія, ввести ихъ въ дѣйствіе. По опубликованіи этихъ уложеній, будетъ запрещено, подъ предлогомъ отсутствія прямыхъ постановленій, ссылаться на прецеденты. Случаи совершенно новые, не предусмотрѣнные законами, повелѣвалось своевременно вносить на высочайшее разрѣшеніе.

Въ упорядоченіи китайскаго законодательства мѣра эта, конечно, составляла громадный шагъ впередъ и могла принести несомнѣнную и существенную пользу; но чтобы она могла повести къ радикальному обновленію китайскаго законодательства, въ этомъ позволительно было сомнѣваться. Дѣло въ томъ, что начальники и секретари большей части центральныхъ правительственныхъ учрежденій, которымъ было поручено исправленіе законодательства и очищеніе его отъ вѣкового, ненужнаго хлама, настолько обременены своими прямыми текущими дѣлами, что у нихъ едва ли могло остаться достаточно времени для того, чтобы съ должнымъ вниманіемъ и необходимою тщательностью просмотрѣть и сравнить съ основными законами всѣ частныя узаконенія и рѣшенія, издававшіяся въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и затѣмъ, исключивъ все ненужное, составить краткое уложеніе для своего вѣдомства. Въ этой работѣ имъ, вѣроятно, пришлось бы прибѣгнуть къ содѣйствію тѣхъ же убѣленныхъ опытомъ крючкотворовъ, до сихъ поръ игравшихъ законами для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. И они, безъ сомнѣнія, постарались бы при этомъ, насколько возможно, оградить интересы своего класса. Такимъ образомъ, для добросовѣстнаго выполненія этой работы необходимо было учрежденіе особаго ревизіоннаго и кодификаціоннаго законодательнаго комитета. Къ услугамъ этого комитета былъ бы обширный и хорошо систематизированный кодексъ законодательства настоящей династіи—Дай-Цинъ-Гуй-дянь,—состоящій изъ основныхъ законовъ, уложеній разныхъ правительственныхъ учрежденій и рисунковъ и картъ. Послѣднее изданіе этого кодекса было сдѣлано въ 1818 г., и въ настоящее время вотъ уже болѣе 10 лѣтъ спеціальная коммиссія занимается пересмотромъ его. Мы уже не го-

воримъ объ отдѣльномъ кодексѣ уголовныхъ законовъ и обширномъ собраніи получившихъ силу закона рѣшеній разныхъ правительственныхъ учрежденій. Но повторяемъ, что радикальная реформа въ области законодательства возможна только при учрежденіи комитета, проектированнаго прогрессистомъ Каномъ.

Принимая, такъ сказать, общія мѣры къ оздоровленію законодательной области Китая и полагая главныя основы для образованія своего народа и реорганизаціи арміи, богдоханъ въ то же время заботился о развитіи частной иниціативы и предпріимчивости во всемъ томъ, что̀ можетъ клониться ко благу народа и государства. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ составленныя по его указу правила о наградахъ и привилегіяхъ за выдающіяся изобрѣтенія, замѣчательные научные труды и устройство частными лицами на собственный счетъ школъ, фабрикъ и заводовъ. Такъ, за изобрѣтеніе новыхъ судовъ, ружей, пушекъ и т. п., превосходящихъ своими качествами иностранныя произведенія этого рода, изобрѣтатели ихъ, кромѣ 50-лѣтней привилегіи на исключительное пользованіе своимъ изобрѣтеніемъ, будутъ удостоиваемы еще исключительныхъ высочайшихъ наградъ. За самостоятельное изобрѣтеніе какого-либо новаго орудія, или инструмента, имѣющаго существенное приложеніе въ обыденной жизни человѣка, авторъ его получаетъ должность старшаго дѣлопроизводителя министерства работъ и привилегію на 30-лѣтнее исключительное пользованіе имъ. За составленіе оригинальнаго, систематическаго и дѣйствительно полезнаго сочиненія по политическимъ наукамъ, китайскимъ и иностраннымъ, авторъ будетъ удостоиваемъ званія академика или должности директора гимназіи. За составленіе основательнаго сочиненія по какой-либо спеціальной отрасли знанія авторъ удостоивается должности сверхштатнаго академика и получаетъ соотвѣтствующее его способностямъ мѣсто по дипломатической части или же—профессора спеціальнаго предмета въ университетѣ. Кромѣ того, ему предоставляется право исключительной продажи его сочиненія въ теченіе 20 лѣтъ.

Не менѣе щедрыя награды назначены были и за дѣла общественной благотворительности. Такъ, за единоличное пожертвованіе крупной суммы, достаточной для открытія школы на 100 и болѣе воспитанниковъ, жертвователь получаетъ потомственный титулъ или званіе сановника. Потомственный же титулъ или должность дѣлопроизводителя въ министерствѣ назначены лицу, лично открывшему школу на 50 воспитанниковъ, или собравшему капиталъ на открытіе школы для 100 воспитанниковъ. За единолич-

ное пожертвованіе не менѣе 225.000 рублей на основаніе музея или библіотеки жалуется также наслѣдственный титулъ. Не оставлено безъ соотвѣтствующихъ наградъ пожертвованіе или составленіе капиталовъ на разработку естественныхъ богатствъ и на устройство оружейныхъ и другихъ заводовъ.

Несмотря на несомнѣнную способность китайцевъ ко всѣмъ механическимъ производствамъ и къ научному труду, богдохану, вѣроятно, пришлось бы еще долго ожидать лицъ, которыхъ онъ могъ бы увѣнчать лаврами, обѣщанными за самостоятельныя изобрѣтенія въ области техники и науки. Но несомнѣнно, что между богатыми китайцами найдутся лица, которыя изъ чувства честолюбія, или изъ простого желанія сдѣлать доброе дѣло, не откажутся отъ значительныхъ пожертвованій на открытіе школъ, музеевъ и библіотекъ.

Дѣйствительно-серьезное, сознательное и до извѣстной степени систематическое стремленіе китайскаго правительства къ радикальному переустройству всего учебнаго дѣла въ имперіи, выразившееся, за іюнь мѣсяцъ 1898 г., въ изданіи указовъ о немедленномъ приступленіи къ устройству и открытію университета въ Пекинѣ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній во всѣхъ провинціяхъ и обращеніи существующихъ въ нихъ старыхъ школъ въ школы новаго типа,—нашло себѣ сочувственный отголосокъ и въ частныхъ лицахъ. Такъ, между прочимъ, извѣстный финансовый дѣятель, главнозавѣдующій постройкою желѣзной дороги отъ Хань-коу до Пекина, предсѣдатель телеграфнаго управленія и китайскаго общества пароходства Шэнъ-Сюань-гуай на средства этихъ двухъ учрежденій открылъ съ высочайшаго соизволенія школу въ Шанхаѣ, подъ названіемъ „Общественная школа южнаго Китая“.

Обращаясь къ основнымъ положеніямъ этой школы, мы видимъ, что, кромѣ произведеній китайскихъ классиковъ и исторіи, признаваемыхъ основными предметами, важное мѣсто въ ней будетъ принадлежать государственному праву и политикѣ иностранныхъ государствъ, японскому законодательству и литературѣ. Что же касается технологіи, механики, разныхъ производствъ и горнаго дѣла, то воспитанникамъ, уже знакомымъ съ математикою, химіей и естественными науками, предоставляется, смотря по ихъ наклонностямъ, выбрать одинъ изъ упомянутыхъ спеціальныхъ предметовъ и, по полученіи въ немъ общихъ понятій, поступать на соотвѣтствующій спеціальный курсъ. Для воспитанниковъ, оканчивающихъ полный курсъ общественной школы, спеціальное изученіе политическихъ наукъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Школа состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: педагогическаго, состоящей при немъ низшей школы, средняго и высшаго учебныхъ заведеній. Въ педагогическомъ отдѣленіи полагается 40 воспитанниковъ; въ низшемъ при немъ училищѣ, въ среднемъ и высшемъ учебныхъ заведеніяхъ—по 120 воспитанниковъ въ каждомъ. Всѣ эти училища, за исключеніемъ педагогическаго, состоятъ изъ четырехъ годичныхъ классовъ, съ 30-ю воспитанниками въ каждомъ. Такимъ образомъ, полный образовательный курсъ въ этомъ учебномъ заведеніи продолжается 12 лѣтъ. Экзамены распадаются на малые и большіе; первые производятся черезъ каждые три мѣсяца директоромъ и главными наставниками, а вторые—разъ въ годъ предсѣдателемъ телеграфнаго и пароходнаго управленія и директоромъ шанхайской морской таможни. Воспитанникамъ, окончившимъ четырехгодичный курсъ въ высшемъ отдѣленіи этой школы, выдается въ томъ аттестатъ.

При школѣ открыто особое отдѣленіе для перевода книгъ, въ которомъ воспитанники педагогическаго, высшаго и средняго отдѣленій должны заниматься переводомъ важнѣйшихъ новѣйшихъ иностранныхъ учебниковъ.

Лучшіе изъ воспитанниковъ, окончившихъ высшій курсъ, будутъ отправляемы за границу и, по примѣру Японіи, слушать лекціи въ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для усовершенствованія.

Учебный и служебный персоналъ этой школы состоитъ изъ ректора, двухъ главныхъ профессоровъ—одного китайца и одного иностранца, двухъ библіотекарей, исполняющихъ обязанности наставниковъ. Затѣмъ, въ педагогическомъ отдѣленіи съ низшею школою—два наставника изъ иностранцевъ и два изъ китайцевъ для иностранныхъ языковъ и литературы, два китайскихъ наставника для китайскихъ предметовъ, служащихъ четыре человѣка и прислуги 20 человѣкъ. Въ среднемъ отдѣленіи: 4 наставника изъ китайцевъ и 4 ихъ помощника для иностранныхъ предметовъ, 4 наставника съ четырьмя помощниками для китайскихъ предметовъ, 2 инспектора-наставника, 2 служащихъ и 16 человѣкъ прислуги. Въ высшемъ отдѣленіи: 4 иностранныхъ профессора по спеціальнымъ предметамъ, 4 профессора иностранныхъ предметовъ изъ китайцевъ, 4 профессора по китайскимъ предметамъ, 2 инспектора-наставника, 2 служащихъ и 16 челов. прислуги.

Наконецъ, послѣ неоднократныхъ настоятельныхъ указовъ богдохана, въ половинѣ іюня, государственный совѣтъ, совмѣстно

съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, представилъ, выработанный ими уставъ пекинскаго университета.

Въ ряду цѣлаго ряда правительственныхъ распоряженій послѣдняго времени, касающихся разныхъ преобразованій въ области военнаго и учебнаго дѣла, поднятія торговли, промышленности и земледѣлія, уставъ пекинскаго университета безспорно занимаетъ первое мѣсто не только по своему внутреннему значенію въ дѣлѣ возрожденія Китая, но и потому, что онъ до извѣстной степени представляетъ собою въ общемъ нѣчто болѣе зрѣло и строго обдуманное, а главное,—проникнутое духомъ системы и полной рѣшимости достигнуть намѣченной цѣли—образованія необходимыхъ для Китая дѣятелей въ духѣ времени. Въ этомъ стремленіи въ основу его положено—немыслимое для китайца-консерватора—признаніе полнѣйшаго равенства китайскихъ и западныхъ наукъ и необходимость изученія въ одинаковой степени какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Практическимъ и естественнымъ послѣдствіемъ принятія этого принципа является и признаніе, въ одномъ изъ параграфовъ устава, полнаго равенства служебныхъ правъ воспитанниковъ новыхъ школъ съ лицами, получившими ихъ путемъ старой системы экзаменовъ, которая, строго говоря, до сихъ поръ только одна открывала прямой путь ко всѣмъ служебнымъ почестямъ.

Отличительную черту новаго устава, въ смыслѣ систематизаціи всего учебнаго дѣла, составляетъ распоряженіе объ открытіи въ теченіе одного года среднихъ учебныхъ заведеній въ главныхъ провинціальныхъ городахъ—и низшихъ школъ въ каждомъ изъ областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ городовъ. Эти среднія учебныя заведенія, а равно и низшія школы создаются по одному типу, съ одною программою и одними руководствами. Благодаря этой мѣрѣ, Китай, по истеченіи года, будетъ имѣть 22 гимназіи и около 1.800 низшихъ школъ. Конечно, для государства, насчитывающаго около 400 милл. населенія, этого далеко не достаточно, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что едва ли какая-либо нація въ мірѣ начинала коренныя преобразованія учебнаго дѣла съ такимъ сравнительно значительнымъ числомъ учебныхъ заведеній. И если лица, которымъ поручено это великое дѣло, отнесутся къ нему энергично, честно и съ полнымъ сознаніемъ всей важности возлагаемаго на нихъ отечествомъ дѣла, то возрожденіе и усиленіе Китая изъ области сомнѣнія можетъ перейти въ область дѣйствительныхъ фактовъ.

Не пускаясь въ подробное разсмотрѣніе устава, мы, съ цѣлью доставить спеціалистамъ учебнаго дѣла возможность ближе озна-

комиться съ нимъ, представимъ его здѣсь со всѣми подробностями.

I. Основныя положенія.

§ 1. Пекинскій университетъ, являясь образцомъ для провинціальныхъ школъ и учрежденіемъ, на которое будутъ обращены взоры всѣхъ иностранцевъ, долженъ быть основанъ на широкихъ началахъ и имѣть тщательно выработанныя правила; нельзя изъ экономіи жертвовать достоинствомъ столицы.

§ 2. Хотя за послѣднее время въ разныхъ провинціяхъ основано много школъ, но онѣ страдаютъ еще неполнотою правилъ, отсутствіемъ единообразія и взаимной связи. Нынѣ, съ учрежденіемъ университета въ столицѣ, всѣ провинціальныя школы должны быть подчинены ему, проникнуты однимъ духомъ, а въ отношеніи правилъ и занятій руководствоваться настоящими постановленіями, для того, чтобы, находясь въ неразрывной съ нимъ связи, онѣ могли развиваться на положенныхъ основаніяхъ.

§ 3. Въ западныхъ государствахъ университеты обыкновенно пополняются воспитанниками, окончившими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; между тѣмъ, въ Китаѣ среднія учебныя заведенія въ разныхъ провинціяхъ его только-что основаны, да и то еще не во всѣхъ, такъ что въ этомъ отношеніи положеніе пекинскаго университета нѣсколько другое, чѣмъ западныхъ университетовъ. Поэтому, въ настоящее время въ пекинскомъ университетѣ вмѣстѣ съ тѣмъ должна таиться идея низшаго и средняго учебнаго заведенія, другими словами,—при немъ самомъ должны быть эти заведенія.

§ 4. Въ западныхъ государствахъ особеннымъ значеніемъ пользуются педагогическіе институты, потому что для успѣшнаго образованія необходимы хорошіе наставники. Въ Китаѣ никогда не было ничего подобнаго, благодаря чему наши провинціальныя школы не могутъ дать хорошихъ результатовъ. Поэтому, для приготовленія наставниковъ нынѣ же слѣдуетъ открыть при университетѣ спеціальные педагогическіе курсы.

§ 5. Во всѣхъ школахъ западныхъ государствъ существуютъ извѣстныя опредѣленныя руководства, начиная отъ элементарныхъ и оканчивая высшими. Въ Китаѣ нѣтъ подобнаго рода книгъ; поэтому, когда мы касаемся китайской учености, то мы имѣемъ предъ собою безпредѣльные, какъ море, сборники, для ознакомленія съ которыми недостаточно цѣлыхъ годовъ, и приходится только вздыхать передъ этою безпредѣльностью. Если

мы коснемся западной учености въ Китаѣ, то здѣсь мы встрѣчаемъ полнѣйшую путаницу; обращено вниманіе на одно, пропущено другое, схвачены только однѣ верхушки—и результатовъ никакихъ. Вдобавокъ, благодаря отсутствію педагогическаго института, мы не имѣемъ хорошихъ наставниковъ, и на всевозможные методы преподаванія никто не обращалъ вниманія. Вотъ отчего наши прежнія школы не могли образовать людей. Поэтому, въ настоящее время необходимо открыть—въ Шанхаѣ и другихъ мѣстахъ—конторы для составленія и перевода руководствъ по всѣмъ общеобразовательнымъ наукамъ, знаніе которыхъ необходимо для каждаго человѣка, съ раздѣленіемъ ихъ на три разряда: для низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ, и съ опредѣленіемъ въ нихъ ежедневныхъ уроковъ приноровительно къ людямъ среднихъ способностей. По китайской учености, эти конторы должны выбрать изъ классиковъ, философовъ и исторіи все существенное, а также имѣющее отношеніе къ современности, и составить руководства, а по иностранной—сдѣлать переводы книгъ, употребляемыхъ въ иностранныхъ школахъ, и, обработавъ ихъ въ стилистическомъ отношеніи, напечатать въ качествѣ опредѣленныхъ руководствъ и, съ высочайшаго соизволенія, сдѣлать ихъ обязательными для всѣхъ школъ имперіи.

§ 6. Для обучающихся потребуется весьма много учебниковъ, полный комплектъ которыхъ, безъ сомнѣнія, не въ силахъ пріобрѣсти одинъ человѣкъ. Императоръ Цянь-Лунъ основалъ, для пользованія ученыхъ, три библіотеки въ провинціяхъ Цзянъ-су, Цзинъ-си и Чжэ-цзянъ, въ которыхъ были собраны всѣ китайскія сочиненія. Это была отличная мѣра и прекрасная мысль. Во всѣхъ западныхъ государствахъ, въ ихъ столичныхъ и провинціальныхъ городахъ, съ этою же цѣлью повсюду основаны библіотеки. При двухъ школахъ, основанныхъ въ послѣднее время генералъ-губернаторомъ Чжанъ-Чжи-дуномъ въ Кантонѣ и губернаторомъ Чэнь-Бао-чжэнемъ въ Ху-нани, также имѣются библіотеки. Въ столичномъ университетѣ, какъ учрежденіи, служащемъ образцомъ для всѣхъ провинціальныхъ школъ, постановка дѣла должна быть еще шире, и потому рѣшено открыть при немъ большую библіотеку изъ важнѣйшихъ китайскихъ и иностранныхъ сочиненій.

§ 7. Такъ какъ большая часть западныхъ положительныхъ наукъ требуетъ опытовъ для объясненія, то научные инструменты являются тамъ необходимою принадлежностью всѣхъ школъ, а потому во всѣхъ иностранныхъ столицахъ и важнѣйшихъ городахъ существуютъ музеи, въ которыхъ собраны разные необ-

ходимые для опытовъ инструменты. По примѣру сего и намъ необходимо основать музей научныхъ инструментовъ и собрать въ немъ всѣ инструменты и пособія, необходимые при изученіи астрономіи, физики, химіи, электрологіи, земледѣлія, горнаго дѣла, механики, технологіи, зоологіи и ботаники.

§ 8. Среднихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ нынѣ въ разныхъ провинціяхъ Китая, еще весьма мало, такъ что они не могутъ доставить первый контингентъ воспитанниковъ для университета. Что же касается низшихъ школъ въ областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ городахъ, то онѣ совсѣмъ отсутствуютъ. Поэтому, если не приступить къ немедленному открытію тѣхъ и другихъ, то хотя у насъ и будетъ университетъ, но воспитанниковъ въ немъ будетъ ограниченное количество. Въ виду этого слѣдуетъ, открывая университетъ, въ то же время послать генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и провинціальнымъ инспекторамъ просвѣщенія строжайшій приказъ немедленно приступить къ открытію среднихъ и низшихъ школъ, такъ чтобы въ теченіе года въ каждомъ провинціальномъ, областномъ, окружномъ и уѣздномъ городѣ непремѣнно были открыты школы. При такой быстротѣ получатся немедленные результаты.

II. Уроки.

§ 1. Школы, основанныя въ недавнее время въ разныхъ провинціяхъ Китая, хотя и слывутъ за школы, въ которыхъ изучаются китайскія и иностранныя науки, въ дѣйствительности же оказываются западными, а не китайскими, и при томъ съ иностранными языками, но безъ иностранныхъ наукъ. Это происходитъ отъ непониманія людьми общей связи китайскихъ и западныхъ наукъ. Потому у насъ люди, имѣющіе случайное прикосновеніе къ западнымъ дѣламъ, съ презрѣніемъ относятся къ китайскимъ наукамъ, считая ихъ безполезными. Провинціальныя школы, отдавая предпочтеніе всему иностранному, признаютъ китайскія науки пустымъ дѣломъ. Лица, приглашенныя въ эти школы для преподаванія китайскихъ предметовъ, большею частію принадлежатъ къ людямъ, воспитаннымъ на классическихъ упражненіяхъ, и ихъ китайскіе уроки ограничиваются обычною зубрёжкою. Поэтому воспитанники смотрятъ на эти уроки какъ на нѣчто постороннее. Нравственною и натуральною философіею въ нихъ совершенно не занимаются; въ изученіи классиковъ, исторіи, законовѣдѣнія, обрядовъ и древностей никогда не упражняются.

Рѣшительно неслыханное дѣло, чтобы въ какой-либо изъ школъ восточныхъ или западныхъ государствъ совершенно бросали національныя науки и занимались только иностранными; точно также совершенно немыслимое дѣло, чтобы безъ познанія собственныхъ наукъ можно было постигнуть науки иностранныя. Великій недостатокъ китайскихъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что тѣ изъ нихъ, которые занимаются китайскими науками, рѣшительно отказываются отъ западныхъ наукъ—и наоборотъ. Вслѣдствіе этого единеніе между ними является совершенно невозможнымъ, и представители ихъ только поносятъ другъ друга. Между тѣмъ, китайская наука—это теорія (сущность), а западная—это практика (приложеніе); обѣ онѣ одинаково необходимы, и ни безъ одной изъ нихъ невозможно обойтись. Безъ соединенія практики съ теоріей развѣ возможно образованіе людей? Вотъ почему прежнія школы и не могли образовать людей; къ тому же онѣ преслѣдовали совершенно другія цѣли. При основаніи ихъ имѣлось въ виду приготовленіе переводчиковъ для министерства иностранныхъ дѣлъ и для посольствъ; поэтому въ нихъ преподавались только языки; изъ разныхъ же наукъ сообщались только краткія элементарныя свѣдѣнія. Цѣль же школъ, учреждаемыхъ въ настоящее время, заключается въ приготовленіи необыкновенныхъ талантовъ для выдающейся дѣятельности, а потому и система обученія должна быть другая. Понятно, что человѣкъ, знающій только китайскій языкъ и письмена, не можетъ считаться представителемъ китайской учености; точно также и человѣкъ, знающій только иностранные языки и письмена, не можетъ считаться знатокомъ западной учености. Западныя письмена и западная наука—двѣ вещи совершенно различныя. Исключительное преподаваніе во всѣхъ школахъ только западныхъ языковъ, безъ сомнѣнія, не дастъ намъ образованныхъ людей. Отъ совершенства занятій всецѣло зависитъ успѣхъ воспитанниковъ, а потому опредѣленіе уроковъ является для школы предметомъ первой необходимости. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, слѣдуетъ, стремясь къ исправленію укоренившагося зла, поставить на первомъ планѣ слѣдующіе два принципа: 1) китайскія и западныя науки одинаково важны и должны быть изучаемы въ одинаковой степени; 2) на западные языки слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну изъ дверей школы, а не какъ на цѣлую школу, и признавать только средствомъ къ изученію западныхъ наукъ, а не смотрѣть на нихъ какъ на самыя западныя науки. Эту мысль, наконецъ, слѣдуетъ объяснить и объявить по всему Китаю.

§ 2. Предметы, преподаваемые въ западныхъ школахъ, раздѣляются на два отдѣла: общеобразовательные и спеціальные. Общеобразовательные предметы—это тѣ, которые должны быть извѣстны всякому воспитаннику; спеціальные же суть тѣ, изъ которыхъ каждый выбираетъ себѣ одинъ какой-либо предметъ. Теперь, руководствуясь общепринятымъ распредѣленіемъ предметовъ занятій въ западныхъ и японскихъ школахъ и сообразуясь съ китайскими науками, мы составили слѣдующую программу: 1) классики, 2) философія, 3) китайская и иностранная энциклопедія, 4) философы, 5) низшій курсъ математики, 6) низшій курсъ естественныхъ наукъ, 7) низшій курсъ государственной политики, 8) низшій курсъ географіи, 9) словесность, 10) гимнастика. Это—общеобразовательныя науки. Необходимыя для нихъ руководства будутъ составлены въ шанхайской конторѣ для составленія и перевода книгъ и распредѣлены на ежедневные уроки. Всякій воспитанникъ непремѣнно обязанъ въ теченіе трехъ лѣтъ пройти этотъ курсъ, и тогда можетъ получить свидѣтельство. Далѣе, 11) англійскій языкъ и письменность, 12) французскій языкъ и письменность, 13) русскій языкъ и письменность, 14) нѣмецкій языкъ и письменность, 15) японскій языкъ и письменность. Изъ 5 иностранныхъ языковъ для воспитанника общеобразовательнаго курса обязательно изученіе одного изъ нихъ по иностраннымъ руководствамъ. 16) Высшая математика, 17) высшій курсъ естественныхъ наукъ, 18) высшій курсъ государственной политики (со включеніемъ законодательства), 19) высшій курсъ географіи (со включеніемъ топографіи), 20) земледѣліе, 21) горныя науки, 22) строительное искусство, 23) коммерческія науки, 24) военныя науки, 25) гигіена, куда включается курсъ медицины. Вышеизложенные десять предметовъ составляютъ курсъ спеціальныхъ наукъ, изъ которыхъ каждый изъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ общеобразовательныхъ наукъ, можетъ выбрать одинъ или два предмета. Воспитанники, изучавшіе иностранные языки, могутъ пользоваться иностранными руководствами, а незнакомые съ ними будутъ пользоваться переводными.

§ 3. Всякій воспитанникъ, имѣющій менѣе 20 лѣтъ, непремѣнно обязанъ знать одинъ иностранный языкъ; воспитанники же старше этого возраста, которые, вслѣдствіе утраты гибкости языка, не могутъ изучать иностранныхъ языковъ, освобождаются отъ этого.

§ 4. Всякій воспитанникъ обязанъ ежедневно заниматься въ классахъ, подъ руководствомъ наставниковъ, шесть часовъ и само-

стоятельно въ своемъ помѣщеніи четыре часа. Изъ шестичасовыхъ классныхъ занятій три часа употребляются на китайскіе предметы и три часа—на иностранные.

§ 5. Степень знанія воспитанниками уроковъ опредѣляется по западной системѣ накопленія отмѣтокъ. Ежедневною нормою признается усвоеніе воспитанникомъ одного урока изъ книгъ общеобразовательнаго курса. Кромѣ уроковъ, воспитанникъ обязанъ ежедневно записывать въ журналъ по статьямъ усвоенное имъ изъ книгъ (руководствъ) и представлять его учителю на просмотръ, который ставитъ отмѣтку, опредѣляющую степень познанія. По урокамъ изъ иностранныхъ предметовъ отмѣтки ставятся за чтеніе и писаніе на память и объясненіе. Ежемѣсячный итогъ отмѣтокъ вносится въ списки, которые и выставляются на показъ.

§ 6. Однажды въ мѣсяцъ всѣмъ воспитанникамъ производится испытаніе. По каждому изъ 10 общеобразовательныхъ предметовъ дается одна тема, изъ которыхъ на двѣ воспитанникъ долженъ написать сочиненіе. Что же касается воспитанниковъ спеціальныхъ курсовъ, то имъ даются темы по предметамъ ихъ спеціальности. Сочиненія просматриваются и достоинства ихъ опредѣляются наставниками; при чемъ лучшія сочиненія и дневные журналы печатаются во всеобщее свѣдѣніе, какъ образцовые.

III. О лицахъ, поступающихъ въ университетъ.

§ 1. Воспитанники, поступающіе въ университетъ, раздѣляются на двѣ категоріи. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ, упоминаемые въ указѣ, низшіе чины академіи, дѣлопроизводители разныхъ министерствъ и другихъ центральныхъ учрежденій, императорскіе тѣлохранители у большихъ дворцовыхъ воротъ, лица, состоящія на ваканціяхъ окружныхъ инспекторовъ, областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ и выше, дѣти сановниковъ, наслѣдственные чины изъ знаменныхъ и потомки военныхъ чиновъ разныхъ провинцій, если они изъявятъ желаніе на поступленіе для полученія образованія. Ко второй категоріи относятся воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, удостоенные аттестатовъ и препровождаемые при отношеніи въ столицу для продолженія образованія.

§ 2. Воспитанники раздѣляются на два класса: окончившіе курсъ общеобразовательныхъ наукъ зачисляются въ первый или

высшій классъ; занимающіеся этими науками зачисляются во второй классъ; при чемъ воспитанники первой категоріи перваго параграфа, при вступленіи въ университетъ, всѣ безъ исключенія зачисляются сначала во второй и постепенно переходятъ въ первый, или высшій классъ; воспитанники же второй категоріи, то-есть окончившіе съ аттестатомъ курсъ общеобразовательныхъ наукъ, послѣ повѣрочнаго испытанія въ этихъ наукахъ, производимаго ректоромъ университета, немедленно принимаются въ высшій классъ.

§ 3. Хотя высочайшимъ указомъ, въ видахъ распространенія образованія, доступъ въ университетъ разрѣшенъ всѣмъ желающимъ, но для того, чтобы въ него не попадали люди неспособные и съ недостатками, всѣ вышеупомянутые чиновники, изъявившіе желаніе на поступленіе въ заведеніе, сначала зачисляются въ воспитанники дополнительнаго курса, и если по истеченіи мѣсяца они, по наблюденіямъ ректора и инспектора, окажутся дѣйствительно пригодными для образованія, какъ по способностямъ, такъ и поведенію, то таковые оставляются въ немъ.

§ 4. Штатъ воспитанниковъ опредѣляется въ 500 чел., изъ нихъ первой категоріи 300, и второй—200 чел. Лица, подавшія заявленіе о поступленіи въ университетъ, или присланныя въ него изъ провинцій, послѣ того какъ уже набранъ полный штатъ, временно зачисляются въ экстерны и до открытія ваканціи не пользуются ни казеннымъ помѣщеніемъ, ни пособіемъ.

§ 5. Штатные воспитанники раздѣляются на 6 статей, и смотря по успѣхамъ пользуются пособіемъ, присвоеннымъ той или другой статьѣ, а именно: воспитанники 1-й ст., въ числѣ 30 человѣкъ, получаютъ ежемѣсячно по 20 ланъ (ланъ = 1 р. 25 к.); 2-й ст., въ числѣ 50 человѣкъ, по 15 ланъ; 3-й ст., въ числѣ 60 чел., по 10 л.; 4-й ст., въ числѣ 100 чел., по 8 ланъ; 5-й ст., въ числѣ 100 чел., по 6 ланъ, и 6-й ст., въ числѣ 160 чел., по 4 лана. Всего 500 человѣкъ.

§ 6. При пріемѣ штатныхъ воспитанниковъ, лучше оставлять свободныя ваканціи и переводить изъ одной статьи въ другую съ строгою разборчивостью. Воспитанники, находящіеся въ 1-й ст., въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ, переводятся въ низшія статьи, и ихъ ваканціи занимаются лучшими воспитанниками.

§ 7. Наиболѣе способные изъ воспитанниковъ первыхъ трехъ статей зачисляются въ воспитанники педагогическихъ курсовъ и занимаются спеціально педагогіей для приготовленія въ наставники провинціальныхъ школъ.

§ 8. Такъ какъ по правиламъ, существующимъ для воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ въ западныхъ государствахъ, занятія ихъ заключаются въ преподаваніи, то при нихъ существуютъ низшія школы, съ учениками которыхъ будущіе педагоги обязаны заниматься. Поэтому при университетѣ будетъ основана для практики воспитанниковъ-педагоговъ низшая школа для мальчиковъ 12—16 лѣтъ.

IV. Служебная карьера окончившихъ курсъ наукъ.

§ 1. Хотя неудовлетворительные образовательные результаты прежнихъ школъ зависѣли отъ неправильной системы преподаванія и плохого состава преподавателей, но они зависѣли также и отъ того, что эти школы не открывали для своихъ воспитанниковъ служебной карьеры, вслѣдствіе чего люди способные уклонялись отъ поступленія въ нихъ. Въ настоящее время, приступая къ такому великому дѣлу, необходимо всѣми силами исправлять прежніе недостатки. Въ древнемъ Китаѣ, также какъ и у иностранцевъ, весь персоналъ для государственной службы выходилъ изъ школъ. Такъ какъ основаніе университета въ столицѣ должно повлечь за собою и учрежденіе школъ во всѣхъ провинціяхъ, то, сообразно съ этимъ, и существующіе экзамены должны подвергнуться измѣненіямъ такъ, чтобы и новыя учебныя заведенія давали права на всѣ степени, открывающія служебную карьеру.

§ 2. Нынѣ опредѣляется, чтобы во всѣхъ провинціальныхъ, областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ городахъ въ теченіе года непремѣнно были учреждены школы. Въ областныхъ, окружныхъ и уѣздныхъ городахъ—низшія, въ провинціальныхъ—среднія и въ столицѣ—высшая. Окончившіе курсъ низшихъ учебныхъ заведеній получаютъ званіе студента положительныхъ наукъ и поступаютъ въ среднія учебныя заведенія; окончившіе въ нихъ курсъ получаютъ званіе кандидата и поступаютъ въ университетъ; окончившіе курсъ въ послѣднемъ выпускаются со степенью магистра и, по представленіи его величеству, удостоиваются должности. Кандидаты могутъ быть назначаемы на должности наставниковъ, а магистры будутъ назначаемы на мѣста, соотвѣтствующія ихъ спеціальности, для содѣйствія въ новомъ управленіи.

§ 3. Такъ какъ въ столичномъ университетѣ будетъ много лицъ, уже состоящихъ на службѣ, то назначеніе ихъ на должности внѣ всякихъ правилъ, по окончаніи курса, будетъ зависѣть отъ

усмотрѣнія его величества. Что же касается воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, уже имѣющихъ званіе кандидатовъ (по старымъ экзаменамъ), то окончившіе въ нихъ курсъ—при вступленіи въ университетъ могутъ быть удостоиваемы степени магистра и пользоваться тѣмъ же вниманіемъ, какъ студенты изъ чиновниковъ.

§ 4. Лучшіе изъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ университета, сначала будутъ назначаемы на почетныя должности (ученыя) и затѣмъ отправляемы, для усовершенствованія въ наукахъ, за границу и, по возвращеніи оттуда, будутъ назначаемы на должности внѣ правилъ.

§ 5. Профессора университета и директора провинціальныхъ училищъ, отличающіеся усерднымъ и успѣшнымъ преподаваніемъ, чрезъ каждые три года будутъ представляемы къ наградамъ. Имѣющіе званіе студентовъ будутъ удостоиваемы степени кандидата, а имѣющіе эту послѣднюю степень—степени магистра и, послѣ представленія его величеству, будутъ награждаемы чинами.

V. Учебный персоналъ.

§ 1. Въ иностранной школѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ школахъ сѣвернаго Китая (въ Тянь-цзинѣ) должность ректора занимають большею частію иностранцы. Благодаря этому, преподаваніе въ нихъ китайскихъ предметовъ неизбѣжно страдало. Поэтому ректоръ университета долженъ быть ученый китаецъ, свѣдущій въ китайскихъ и иностранныхъ наукахъ и обладающій широкимъ взглядомъ.

§ 2. Такъ какъ успѣхъ образованія воспитанниковъ всецѣло зависитъ отъ наставниковъ, то при выборѣ ихъ должно быть обращаемо вниманіе какъ на поведеніе, такъ и на познанія и на знакомство съ Китаемъ и чужими странами, безъ отношенія къ ихъ рангамъ и возрасту.

§ 3. Въ общеобразовательномъ курсѣ положено имѣть: 10 наставниковъ по разнымъ предметамъ, все изъ китайцевъ; для англійскаго языка 12, изъ коихъ 6 англичанъ и 6 китайцевъ; для японскаго 2, изъ коихъ одного японца и одного китайца; для русскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ по одному для каждаго изъ соотвѣтствующей національности, или изъ китайцевъ; для 10 наукъ спеціальныхъ курсовъ по одному профессору на каждую изъ европейцевъ или американцевъ.

§ 4. Всѣ профессора изъ китайцевъ назначаются ректоромъ.

Что же касается европейцевъ и американцевъ, то таковые будутъ приглашаемы изъ ихъ среднихъ учебныхъ заведеній ректоромъ и инспекторомъ чрезъ посредство министерства иностранныхъ дѣлъ и посланниковъ.

§ 5. Въ началѣ открытія заведенія всѣ воспитанники конечно, большею частію, будутъ пользоваться руководствами общеобразовательнаго курса, составленными конторою учебниковъ, и уже по окончаніи курса приступятъ къ изученію спеціальныхъ наукъ, что по самому скорому разсчету потребуетъ не менѣе 2-хъ лѣтъ. Поэтому, если профессора спеціальныхъ курсовъ не будутъ еще имѣть воспитанниковъ для обученія, то они могутъ временно заняться переводомъ учебниковъ.

VI. Служебный персоналъ.

§ 1. Для управленія учебнымъ дѣломъ назначается одинъ изъ высшихъ сановниковъ.

§ 2. Учреждается должность ректора, которая замѣщается по спеціальному высочайшему указу.

§ 3. Двадцать китайскихъ преподавателей назначаются по докладу ректора.

§ 4. Полагается одинъ инспекторъ (главный распорядитель), назначаемый изъ небольшихъ столичныхъ сановниковъ, или же изъ начальниковъ отдѣленій какого-либо изъ министерствъ.

§ 5. Полагается 8 надзирателей изъ начальниковъ отдѣленій разныхъ министерствъ. Изъ нихъ одинъ исполняетъ должность эконома (казначея), 5 наблюдаютъ за занятіями воспитанниковъ, и 2 для разныхъ порученій.

§ 6. Полагается 16 канцеляристовъ и 8 письмоводителей.

§ 7. Учреждается должность одного библіотекаря, при немъ 10 канцеляристовъ.

§ 8. Учреждается должность хранителя музея научныхъ пособій, при немъ 4 канцеляриста.

§ 9. Всѣ вышеупомянутые чины, за исключеніемъ управляющаго учебнымъ дѣломъ, обязаны постоянно жить при университетѣ.

VII. Расходы.

§ 1. Такъ какъ въ иностранныхъ государствахъ составляются предварительныя смѣты всѣхъ государственныхъ расходовъ на

каждый годъ, то примѣнительно къ этому составлена слѣдующая роспись приблизительныхъ расходовъ по устройству и содержанію университета:

1. Содержаніе служебнаго персонала.

	Число лицъ.	Ланы въ мѣсяцъ одному.	Ланы въ годъ одному.	Ланы въ годъ всѣмъ.
Ректору	1	300	3.600	3.600
Наставн. спеціальныхъ курсовъ изъ иностранцевъ	10	300	3.600	36.000
Наставник. общеобразов. курсовъ изъ китайцевъ, 1-го разряда	6	50	600	3.600
Наставник. общеобразов. курсовъ изъ китайцевъ, 2-го разряда	8	30	360	2.880
Наставн. иностр. язык. изъ иностранцевъ	8	200	2.400	19.200
„ „ „ „ китайцевъ	8	50	600	4.800
Инспектору	1	100	1.200	1.200
Надзирателямъ	8	50	600	4.800
Хранителю музея	1	50	600	600
Канцеляристамъ	30	4	48	1.440
Письмоводителямъ	8	4	48	384
Итого	89			81.500

2. Пособіе воспитанникамъ:

	Число лицъ.	Ланы въ мѣсяцъ одному.	Ланы въ годъ одному.	Ланы въ годъ всѣмъ.
Воспитанникамъ 1-й статьи	30	20	240	7.200
„ 2-й „	50	16	192	9.600
„ 3-й „	60	10	120	7.200
„ 4-й „	100	8	96	9.100
„ 5-й „	100	6	72	7.200
„ 6-й „	160	4	48	7.680
Ученик. при педагогич. курсахъ	80	4	48	3.840
Итого	580			51.920

3. Разные расходы:

	Въ годъ.
1) Столъ для 560 чел. по 3 лана въ мѣсяцъ на каждаго	16.000
2) Китайскіе учебники приблизит.	10.000
3) Иностранные „ „	10.000
4) На награды воспитанникамъ	12.000
5) Письменныя принадлежности приблизит.	2.000
6) Содержаніе 100 человѣкъ прислуги	3.600
7) На непредвидѣнные расходы	5.000
Всего на ежегодное содерж. заведенія около	188.000

Разсчетъ единовременныхъ расходовъ по учрежденію университета и связанныхъ съ нимъ заведеній слѣдующій:

1) Постройка зданія университета и школъ около	100.000	ланъ.
2) „ „ библіотеки	20.000	„
3) „ „ музея	20.000	„
4) Пріобрѣтеніе китайскихъ книгъ	50.000	„
5) „ иностранныхъ „	40.000	„
6) „ японскихъ „	10.000	„
7) Пріобрѣтеніе научныхъ инструментовъ	100.000	„
Всего	350.000	ланъ.

Однимъ изъ послѣднихъ указовъ, касающихся учебной реформы, высшимъ провинціальнымъ властямъ было повелѣно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ привести въ извѣстность находящіяся въ подчиненныхъ имъ провинціяхъ всѣ школы стараго типа, съ указаніемъ получаемыхъ ими на содержаніе средствъ, и довести о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, для обращенія ихъ въ школы новаго типа. При этомъ указано, какъ на средство для содержанія ихъ, на значительный излишекъ расходовъ по телеграфному управленію, по обществу китайскаго пароходства и на другіе источники, такъ называемыхъ, безгрѣшныхъ, освященныхъ обычаемъ доходовъ, которые также повелѣвается привести въ извѣстность. Вмѣстѣ съ этимъ было предложено обращать въ школы разные кумирни и храмы, не включенные въ оффиціальные списки и служащіе для принесенія въ нихъ жертвоприношеній.

П. Поповъ.

Пекинъ, 1898 г.

ЭХО

Подражаніе.

Ѣдетъ всадникъ по долинѣ, межъ высокихъ горъ,
Не спѣшитъ, коня не гонитъ—грусти полонъ взоръ.
„Что-то ждетъ меня въ отчизнѣ, любитъ ли она?
Или смерти ждутъ объятья, гроба тишина?“
Эхо вздрогнуло пугливо,
Голосомъ со сна
Отвѣчаетъ торопливо:
„Гроба тишина!“

И томимъ зловѣщей думой, голову на грудь
Тихо клонитъ всадникъ юный, продолжая путь.
„Я такъ молодъ... и могила ужъ готова мнѣ!
Но зато покой глубокій—лишь въ сырой землѣ“.
Эхо повторяетъ снова
Гдѣ-то въ сторонѣ,
Безъ запинки, слово въ слово:
„Лишь въ сырой землѣ!“

Онъ вздыхаетъ, безпощадный слыша приговоръ,
И слезою безотрадной отуманенъ взоръ.
„Счастливъ тотъ, кто сномъ забвенья безмятежно спитъ
И нашелъ успокоенье средь холодныхъ плитъ!“
Постепенно замирая,
Голосъ прозвучитъ,
Безучастно повторяя:
„Средь холодныхъ плитъ!“

Н. Г.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО

и

ЗАКОНЪ О РЫБНОМЪ ПРОМЫСЛѢ

Существуютъ два свода правилъ, регулирующихъ рыболовство въ двухъ сосѣднихъ водныхъ бассейнахъ: въ рѣкѣ Волгѣ и сѣв. части Каспійскаго моря—„Проектъ правилъ каспійско-волжскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ министерства земледѣлія", выработанный взамѣнъ дѣйствующаго устава каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, и въ р. Уралѣ съ прилегающей къ нему частью Каспійскаго моря—„Правила производства рыболовствъ въ уральскомъ казачьемъ войскѣ", 1898 г.

Каспійско-волжскіе рыбные промыслы регулируются закономъ 25-го мая 1865 г., частичное измѣненіе котораго представляетъ собою новый проектъ. Уральскій рыбный промыселъ регулируется исключительно обычнымъ правомъ, кодифицированнымъ, однако, въ протоколахъ съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ (представительное учрежденіе, стоящее во главѣ общины), утверждаемыхъ войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ (административное учрежденіе, завѣдующее всѣми хозяйственными дѣлами въ войскѣ). Изъ этихъ протоколовъ сдѣлана выборка въ формѣ правилъ по каждому рыболовству въ отдѣльности; соединеніе ихъ въ одно цѣлое представляетъ мѣстный кодексъ по рыболовству.

Въ виду того, что правила уральскихъ рыболовствъ могутъ быть, въ случаѣ надобности, измѣняемы ежегодно постановленіемъ съѣзда выборныхъ, утверждаемымъ хозяйственнымъ правленіемъ,

они являются болѣе подвижными и легко примѣняются къ измѣняющимся условіямъ рыбнаго промысла. Но основа ихъ, проходящая черезъ всѣ правила и составляющая суть всей организаціи рыбнаго хозяйства на Уралѣ, стоитъ, можно съ увѣренностью сказать, болѣе прочно, чѣмъ регулируемыя закономъ нормы въ порядкѣ рыбныхъ промысловъ каспійско-волжскихъ.

Сравненіе основъ тѣхъ и другихъ правилъ, особенно съ точки зрѣнія экономическихъ результатовъ, съ одной стороны, и соотвѣтствія условія поддержанія рыбнаго богатства бассейна, т.-е. правильности организаціи всего хозяйства, съ другой,—составляетъ задачу настоящей статьи.

I.

Уставъ каспійско-волжскихъ промысловъ обнимаетъ нижнее теченіе р. Волги—съ г. Камышина по дѣйствующему уставу и съ Саратова по проекту [1])—и прилегающую къ устьямъ Волги часть Каспійскаго моря. Кромѣ того, имъ же регулируется рыболовство въ значительной части Каспійскаго моря. Берега р. Волги, особенно въ ея низовьяхъ, наиболѣе цѣнныхъ въ отношеніи лова рыбы, составляютъ частную собственность нѣсколькихъ лицъ. На ряду съ частнымъ владѣніемъ, весьма значительное пространство береговъ принадлежитъ казнѣ, которая въ отношеніи пользованія рыболовствомъ лишь служитъ передаточнымъ органомъ для той же частной собственности на рыболовныя воды. Ограниченное срокомъ аренды, общинное владѣніе водами въ районѣ юртовыхъ станичныхъ надѣловъ сохранилось лишь мѣстами и—отчасти въ зимнее время и въ селедочномъ ловѣ—у астраханскихъ казаковъ. Но, конечно, при отсутствіи какой-либо общей планомѣрной организаціи промысла въ низовьяхъ, это общинное владѣніе рыболовными водами лишь въ предѣлахъ отдѣльныхъ станицъ имѣетъ нѣкоторое значеніе въ смыслѣ уравнительности прибыли отъ промысла, нисколько не вліяя на общій характеръ частнаго и раздѣльнаго пользованія рыбнымъ богатствомъ исключительно тѣми, въ чьихъ земляхъ протекаетъ рѣка.

Это основное начало волжскаго рыбнаго промысла—частное водовладѣніе, если позволено будетъ такъ выразиться для крат-

---

[1]) Вслѣдствіе замѣчаній на проектъ, который былъ уже въ государственномъ совѣтѣ и разсматривался въ апрѣлѣ текущаго года, статсъ-секретаря В. И. Вешнякова (онъ же предсѣдатель Имп. Росс. Общ. рыболовства и рыбоводства), предложено распространить проектъ и на всю систему р. Волги выше Саратова.

кости,—отличающее его отъ уральскаго общиннаго рыбнаго промысла, влечетъ за собою всѣ другія, изъ него вытекающія характерныя черты.

Владѣлецъ того или иного участка рѣки смотритъ на нее какъ на свою частную собственность и желаетъ пользоваться ею вполнѣ, т.-е. безъ всякихъ ограниченій. Прежде такъ фактически и было,—владѣльцы нижняго теченія р. Волги останавливали всю входящую въ протокъ рыбу и вылавливали ее при учугахъ. Законодательнымъ порядкомъ часть такихъ владѣній перешла къ казнѣ; другіе же владѣльцы были ограничены въ своихъ правахъ останавливать всю рыбу, и учуги въ низовьяхъ р. Волги велѣно было уничтожить. Но при оставленіи принципа частной собственности на живую воду (рѣка) основное неудобство положенія дѣлъ не было и не могло быть устранено. Собственникъ или арендаторъ водъ опять-таки стремился и стремится извлечь изъ своего участка все, что можно, нисколько не думая о выше стоящихъ промыслахъ. Владѣльцы низовыхъ участковъ естественно являлись и являются господами всего промысла, имъ достается львиная доля всего залова. Верховые же промышленники естественно жалуются на низовыхъ, просятъ умѣрить ихъ дѣятельность въ чрезмѣрномъ ловѣ рыбы и т. д. безъ конца. Правительство приходитъ на помощь, силится согласовать несогласимые интересы, закономъ ставитъ разныя ограниченія въ ловѣ низовыхъ промышленниковъ (опредѣленіе максимальнаго числа неводовъ на тоню, опредѣленіе разстоянія между тонями, порядокъ забрасыванія невода и т. п.), но все это, не устраняя главнаго, т.-е. оставляя частное и отдѣльное отъ другихъ водовладѣніе, не приноситъ и не можетъ принести желаннаго равновѣсія въ пользованіи рыбнымъ богатствомъ.

Дѣйствительность вполнѣ подтверждаетъ, что, несмотря на нѣкоторыя ограниченія въ ловѣ низовыхъ промысловъ въ р. Волгѣ, ловъ проходныхъ рыбъ, а не туводныхъ, ограничивается почти исключительно нижнимъ теченіемъ рѣки до Астрахани; выше же ловъ рыбы уже незначителенъ, а къ Камышину, Царицыну, Саратову и выше рыба косяками и совсѣмъ не доходитъ. Это по отношенію къ частиковой рыбѣ. Болѣе крупная красная рыба въ р. Волгѣ уже ловится въ очень и очень ограниченномъ количествѣ; ловъ этихъ породъ рыбы цѣликомъ перешелъ въ предъустьевое пространство по бакеннымъ, по бокамъ устьевъ отдѣльныхъ протоковъ р. Волги, линіямъ, и въ самое море. Частновладѣльческій рыбный промыселъ на Волгѣ, сдѣлавшись капиталистическимъ предпріятіемъ, послужилъ лишь къ обогащенію

владѣльцевъ, къ истощенію рѣки рыбными богатствами, по крайней мѣрѣ по отношенію къ осетровымъ породамъ и сельди, и полному упадку рыбнаго промысла въ нѣсколько удаленныхъ отъ устьевъ рѣки частяхъ ея теченія. Иначе и быть не могло при сказанной постановкѣ дѣла. Перейдемъ теперь къ описанію основныхъ отличительныхъ чертъ уральскаго рыбнаго хозяйства.

II.

Здѣсь, какъ и въ волжскихъ промыслахъ, дѣйствію правилъ подлежитъ р. Уралъ на пространствѣ ея отъ г. Уральска до устьевъ (почтоваго тракта около 500 верстъ, по теченію рѣки болѣе 700 верстъ, и прилегающій къ устьямъ участокъ моря въ 8 слишкомъ тысячъ кв. верстъ). Кромѣ того, къ уральскому рыбному промыслу относятся побочные ловы въ озерахъ и рѣкахъ на территоріи земли уральскаго казачьяго войска. Но для полноты аналогіи съ волжскимъ рыболовствомъ оставимъ побочныя рыболовства въ сторонѣ и поведемъ сравненіе лишь въ отношеніи главнаго—рѣчного и предъустьевого лова.

Тогда какъ согласно съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ каспійскихъ промысловъ и новаго ихъ проекта (§ 3), право на ловъ рыбы въ р. Волгѣ съ протоками опредѣляется законами гражданскими, т.-е., другими словами, принадлежитъ нѣсколькимъ береговымъ владѣльцамъ и казнѣ,—рыболовство въ р. Уралѣ съ протоками на всемъ ея протяженіи до г. Уральска, на основаніи того же берегового права и спеціальной привилегіи, принадлежитъ коллективному владѣльцу —уральской казачьей общинѣ, состоящей изъ 130 тысячъ душъ обоего пола и выставляющей до 15 тыс. фактическихъ участниковъ лова. Этотъ коллективный владѣлецъ исторически, въ порядкѣ обычнаго права, установилъ, во-первыхъ, общинное и безраздѣльное владѣніе на всемъ вышесказанномъ пространствѣ землею и водами; во-вторыхъ, строго провелъ принципъ личнаго труда въ рыбномъ промыслѣ и возможное уравненіе въ пользованіи рыбнымъ богатствомъ. Какъ уже было упомянуто, въ прошломъ столѣтіи почти всѣ устья рѣкъ были заперты учугами, и право рыбной ловли при нихъ сдавалось на откупъ изъ опредѣляемаго казною оброка. Рыболовство въ устьѣ р. Урала также было сдаваемо на откупъ частному лицу вплоть до 1752 года, когда уральская община выкупила у казны право рыбной ловли въ устьѣ р. Урала и прилегающей части моря по особому контракту съ правительствомъ изъ платежа ежегоднаго

оброка. На основаніи этого контракта казенные яицкіе учуги въ устьѣ р. Урала были уничтожены, а также прекращено было морское прибрежное рыболовство для обезпеченія свободнаго прохода вверхъ по р. Уралу, гдѣ сосредоточивался рыбный промыселъ членовъ уральской общины. Для организаціи же этого рѣчного лова и его концентраціи въ предѣлахъ своихъ земель казаки оставили временно выставляемый на лѣто учугъ подъ г. Уральскомъ.

Такимъ образомъ, община обезпечила, съ одной стороны, свободный входъ рыбы въ рѣку, путемъ уничтоженія устьевого учуга, и ея сосредоточеніе на пространствѣ принадлежащихъ общинѣ земель. Но ей предстояло разрѣшить еще гораздо болѣе трудную задачу—организовать самое рыболовство на такихъ началахъ, чтобы всѣ желающіе принять въ этомъ промыслѣ участіе, съ одной стороны, не только имѣли право на рыболовство, но и фактически могли принять въ немъ участіе; съ другой, чтобы прибыли отъ рыбной ловли распредѣлялись между участниками возможно равномѣрно. Съ этою цѣлью войсковымъ рыболовствамъ былъ приданъ общественный характеръ. Вся рѣка и участокъ моря объявлены общимъ достояніемъ всѣхъ членовъ общины, при чемъ на нихъ организовано одно общее рыбное хозяйство, съ преобладаніемъ рѣчного лова, преимущественно осенняго и зимняго. Назначается одно общее, для всѣхъ участниковъ, начало весенняго, осенняго и зимняго рыболовства; установлены одинаковыя въ большинствѣ случаевъ орудія лова, и самое число нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. ставныя сѣти) ограничено правилами. При такихъ условіяхъ на ловъ рыбы, напр. осенью, всѣ желающіе принять въ немъ участіе собираются къ одному опредѣленному времени въ опредѣленное мѣсто; рыбаки образуютъ такъ-называемое рыболовное войско,—распоряженіе же ловомъ и наблюденіе за соблюденіемъ установленныхъ правилъ поручается спеціально назначаемымъ атаманамъ рыболовства изъ офицеровъ. Извѣстное количество дней опредѣляется рыбачить лишь на опредѣленномъ для того участкѣ; на слѣдующіе дни все войско передвигается на другой участокъ—и такъ далѣе внизъ по теченію рѣки. Такимъ порядкомъ производятся рыболовства въ р. Уралѣ осенью и зимою. Рыба на эти рыболовства заходитъ въ рѣку въ теченіе лѣта и осени (съ 20-го мая); для ея прохода рѣка съ устьями до 17-го сентября и весь морской участокъ до 17-го августа остаются совершенно свободными отъ всякаго лова и всякой возможной помѣхи для этого входа. Сторожевые посты при устьяхъ зорко слѣдятъ за движеніемъ косяковъ рыбы, давая

еженедѣльно свѣдѣнія по подъему рыбы изъ воды о размѣрѣ такого входа. Этотъ лѣтній входъ рыбы въ запретное отъ рыболовства время имѣетъ первостатейное во всей системѣ уральскаго рыбнаго хозяйства значеніе. Благодаря охранѣ моря и рѣки, въ послѣдней красная и черная рыба косяками заходитъ высоко по рѣкѣ и залегаетъ въ удобныхъ мѣстахъ на зимовку (зимнія ятови рыбы). Такое явленіе совершенно неизвѣстно на Волгѣ, за исключеніемъ ея устьевъ, гдѣ иногда собирается такъ-называемая настойная, но только частиковая рыба. Между тѣмъ, для размноженія красной рыбы, а также части черной (судакъ, жерехъ, отчасти сазанъ), это захожденіе рыбы въ верхнія части рѣки на зиму имѣетъ самое важное значеніе: перезимовавъ въ рѣкѣ, оставшаяся отъ рыболовства рыба эта мечетъ на удобныхъ для нея мѣстахъ икру, отчасти въ самой рѣкѣ (красная рыба, жерехъ) отчасти по „полоямъ“, т.-е. разливамъ рѣкъ (судакъ, сазанъ). Особенно сильный ходъ рыбы падаетъ на конецъ іюля и начало августа мѣсяца, почему запретное время для рѣки по правиламъ уральской общины продолжается до 17-го сентября.

Тогда какъ выше по рѣкѣ, верстахъ въ 250 отъ устьевъ, начатъ ловъ,—устья рѣки все время, пока до нихъ не дойдутъ (это бываетъ близъ осенней Казанской—22 октября), остаются открытыми, входъ рыбы въ нихъ продолжается и послѣ 17-го сентября. Этимъ и объясняютъ, что иногда плавенное войско близъ Гурьева вылавливаетъ болѣе 600 тысячъ пудовъ рыбы въ 1—2 дня.

Тотъ же принципъ содержанія устьевъ рѣки открытыми и свободными для входа косяковъ рыбы въ рѣку примѣняется и весною: рыбаки стоятъ на разстояніи верстъ 15 отъ устьевъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже отдѣльные рукава сливаются въ одно русло, и лишь отсюда вверхъ по теченію производится ловъ, но опять-таки съ очень большою постепенностью, чтобы дать рыбѣ возможность проходить къ рыбакамъ, расположившимся выше. Въ виду того, что весною рыба во время лова находится въ ходу, рыбаки располагаются по рѣкѣ на ея нижнемъ теченіи, верстъ на 200, и ожидаютъ подхода косяковъ снизу. Помянутая постепенность, обезпечивающая проходъ косяковъ рыбы вверхъ, заключается въ слѣдующемъ: самые нижніе рыбаки, располагающіеся верстъ 25 по теченію рѣки, отъ Гурьева до Кандаурова (соотвѣтствуетъ низовымъ промысламъ, скажемъ, Сапожникова или Базилевскаго, на Волгѣ), могутъ рыбачить только черезъ день и только съ восхода до часу пополудни. Орудіе лова—только сѣть плавная, неводъ не допускается. На этомъ пространствѣ

рыбачать до 2.000 человѣкъ. Выше этого нижняго участка, еще верстъ на 35, рыболовство допускается также только плавными сѣтями и также черезъ день, но уже цѣлый день, а не до часу. Еще выше верстъ на 60 отъ устьевъ допускаются уже невода, при чемъ, однако, также только черезъ день, а еще выше—и это ограниченіе отпадаетъ.

Весьма важное значеніе, какъ для равномѣрнаго распредѣленія улововъ, такъ и для размноженія рыбы, имѣетъ то обстоятельство, что на Уралѣ строжайше запрещенъ ловъ въ праздники, и между прочимъ на всю Пасху рыболовство прекращается, а также безусловно запрещенъ весною ловъ ночной. Что касается до предъустьевого пространства моря,—оно свободно отъ всякаго рыболовства на протяженіи 33 верстъ береговой линіи (25 верстъ по прямой линіи) и на 77 верстъ въ глубь моря. Это запретное пространство во время разрѣшеннаго морского лова отграничено маяками; это такъ-называемыя бакенныя линіи, по которымъ и сзади которыхъ допускается ловъ, но исключительно ставными сѣтями; крючья, представляющіе наиболѣе распространенное и покровительствуемое въ государственныхъ водахъ орудіе лова, въ уральскихъ водахъ запрещены и признаются, на ряду съ распорными неводами, наиболѣе вредными орудіями лова. Бакенныя линіи—двухъ родовъ: прибрежныя и морскія. Прибрежныя идутъ вдоль морского берега, морскія—отъ берега въ глубь моря, въ западной сторонѣ отъ устьевъ р. Урала на ЮЮЗ, въ восточной на Ю. Указанное выше разстояніе, съ котораго начинается ловъ, относится до прибрежнаго лова; бакенныя же линіи, соотвѣтствующія таковымъ же на Волгѣ, лежатъ отъ главныхъ устьевъ р. Урала на западѣ въ 28 верст., на востокѣ въ 33 верстахъ, такъ что ширина одной общей запретной полосы передъ устьями р. Урала (ихъ 6) равняется болѣе 60 верстамъ.

Такимъ сложнымъ путемъ обезпечивается возможно большій входъ рыбы въ рѣку, гдѣ производится главный ловъ. Мы видѣли уже, что возможно равномѣрное распредѣленіе улова въ рѣчномъ рыболовствѣ осенью и зимою достигается одновременнымъ установленіемъ времени и орудій лова и одновременнымъ участіемъ рыбаковъ въ ежедневномъ ловѣ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Весною, при соблюденіи одинаковости орудій лова, равномѣрность еще достигается обезпеченіемъ прохода рыбы вверхъ по Уралу, а также описанною выше постепенностью лова въ нижнихъ и выше лежащихъ участкахъ рѣки. Но вездѣ основа права все же лежитъ въ личномъ трудѣ, въ индивидуальной силѣ и ловкости, для развитія которыхъ войсковыя рыболовства пред-

ставляютъ благодарную почву. Но въ другихъ рыболовствахъ равномѣрность распредѣленія залова достигается еще въ большей степени организацiей общаго лова и дѣлежемъ его по числу участниковъ, каковыми считаются не только собственники орудій лова, но и всѣ участвующіе въ ловѣ члены общины. Такъ водится на зимнихъ неводныхъ рыболовствахъ; здѣсь, кромѣ взрослыхъ, даютъ паи и на малолѣтнихъ дѣтей муж. пола. Вдовы, сироты и жены казаковъ, находящихся на службѣ, получаютъ паи наравнѣ съ членами общины муж. пола.

Такимъ образомъ, уральское рыбное хозяйство, основанное исключительно на обычномъ правѣ, имѣющее за собою болѣе 300 лѣтъ существованія, нельзя не признать весьма раціональнымъ съ точки зрѣнія экономической, такъ какъ оно обезпечиваетъ фактическое и равномѣрное участіе въ прибыляхъ отъ рыбнаго промысла до 15.000 общинниковъ, и съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи. Попытаемся теперь произвести оцѣнку того же хозяйства съ точки зрѣнія естественно-исторической, насколько это хозяйство обезпечиваетъ размноженіе рыбы.

III.

Съ легкой руки Данилевскаго, изслѣдовавшаго уральскій рыбный промыселъ въ концѣ 50-хъ годовъ, установилось совершенно неправильное и крайне несправедливое мнѣніе, что рѣка Уралъ, беря изъ общаго запаса Каспія значительное количество красной рыбы, не даетъ ему ничего, такъ какъ, по его утвержденію, вся рыба, входящая въ рѣку, вылавливается здѣсь до тла. Академикъ Бэръ, лично не бывшій на Уралѣ, взялъ это увѣреніе человѣка, незнакомаго съ методами зоологическихъ изслѣдованій, на вѣру, и это мнѣніе вошло въ отчетъ экспедиціи по изслѣдованію рыбнаго промысла въ Россіи; а такъ какъ всѣ, кто лично не знакомъ съ дѣломъ, черпаютъ въ вопросахъ о рыболовствѣ въ Россіи только изъ этого изслѣдованія, то естественно, что всѣ повторяютъ это несправедливое обвиненіе уральскаго общиннаго рыбнаго хозяйства.

Между тѣмъ, оно уже въ значительной степени разбито изслѣдованіями зоолога Сѣверцева, изучившаго въ подробности условія жизни красной рыбы въ Уралѣ (см. его ст. „Жизнь красной рыбы въ Уралѣ“, въ „Журн. М-ва Госуд. имуществъ“, 1863 г.) и уже окончательно не вяжется съ добытыми вновь весною 1897 г. данными объ условіяхъ размноженія красной рыбы на Уралѣ,

которыми доказано, что красная рыба размножается въ р. Уралѣ въ изобиліи.

Въ защиту уральскаго рыбнаго хозяйства можно съ увѣренностью, на почвѣ строго научныхъ наблюденій и изслѣдованій, утверждать, что, несмотря на довольно интенсивный ловъ красной рыбы въ р. Уралѣ, едва ли какая другая рѣка можетъ похвалиться болѣе благопріятными условіями для размноженія этой породы рыбъ, и вотъ почему: во-первыхъ, ни у одной изъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, не имѣется такихъ широкихъ и свободныхъ отъ всякаго лова „пріемныхъ воротъ" передъ устьями, какъ р. Уралъ; это обстоятельство, въ связи съ усиленной охраной передъ устьями до самой южной границы войсковыхъ водъ, обезпечиваетъ относительно значительно большій входъ красной рыбы въ рѣку и, чтò еще важнѣе, по условіямъ рыбнаго хозяйства, обезпечивается далекій вверхъ по рѣкѣ подъемъ ея до г. Уральска, отстоящаго на 500 верстъ отъ устьевъ рѣки, а съ точки зрѣнія обезпеченія размноженія красной рыбы это— первое и главнѣйшее условіе.

Во-вторыхъ, ни въ одной рѣкѣ дельта устьевъ рѣки не свободна отъ всякаго лова верстъ на 15 вверхъ по теченію, какъ это мы видимъ въ р. Уралѣ, гдѣ рѣка свободна всю весну, лѣто и осень, за исключеніемъ одного дня за все весеннее рыболовство и шести дней за все осеннее рыболовство. Между тѣмъ, какъ выяснено непосредственнымъ наблюденіемъ, на этомъ пространствѣ происходитъ нерестъ бѣлуги и севрюги, набирающейся бить икру въ двухъ, трехъ мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ рыбакамъ.

Наконецъ, ни въ одной рѣкѣ нѣтъ установленія, чтобы чѣмъ ниже по теченію рѣки, тѣмъ ловъ рыбы весною былъ менѣе интенсивенъ, чтобы дать ей проходъ вверхъ, а также нѣтъ запрета ночного и праздничнаго лова. Ни въ одной рѣкѣ не обезпеченъ совершенно свободный на 500 верстъ (до Уральска) лѣтній и осенній входъ красной рыбы, имѣющій цѣлью собраться на зимнихъ залежахъ (ятовяхъ), чтобы ранней весной въ апрѣлѣ выметать икру. Несмотря на то, что эти ятови вылавливаются, всегда извѣстное количество особей остается и служитъ для размноженія. Какое значеніе имѣетъ для обезпеченія приплода осетровыхъ этотъ лѣтній входъ ихъ въ рѣку и зимованіе на ятовяхъ, вполнѣ выяснено Сѣверцевымъ въ ст. „Жизнь красной рыбы въ Уралѣ", а между тѣмъ нигдѣ болѣе такихъ зимнихъ залежей въ рѣкѣ красной рыбы, по крайней мѣрѣ въ европейской Россіи, не имѣется.

Такимъ образомъ, безспорно признанное всѣми изслѣдовате-

лями края, начиная съ Палласа, разумнымъ и цѣлесообразнымъ, съ точки зрѣнія экономической, рыбное хозяйство на Уралѣ, по сравненію съ таковыми же въ другихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море, можетъ справедливо считаться болѣе раціональнымъ и съ точки зрѣнія естественно-исторической, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія обезпеченія приплода осетровыхъ породъ рыбъ.

IV.

Если обратить вниманіе на другую сторону дѣла, на способъ проведенія тѣхъ или иныхъ измѣненій въ подробностяхъ правилъ рыболовства въ двухъ сосѣднихъ рыбныхъ хозяйствахъ, то и съ этой стороны за порядкомъ, установленнымъ закономъ, въ уральскомъ рыбномъ хозяйствѣ надо признать нѣкоторыя преимущества. Какъ уже упомянуто выше, правила производства того или иного рыболовства устанавливаются и измѣняются особымъ представительнымъ отъ отдѣльныхъ станичныхъ обществъ учрежденіемъ — съѣздомъ выборныхъ, постановленія котораго, утверждаемыя мѣстнымъ высшимъ административнымъ учрежденіемъ, войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ, становятся для мѣстнаго рыболовства закономъ, принимаемымъ и судебными учрежденіями при разборѣ дѣлъ по нарушеніямъ постановленій по рыболовствамъ.

Съѣздъ созывается ежегодно по крайней мѣрѣ одинъ разъ, и ежегодно въ правилахъ дѣлаются по указанію практики тѣ или иныя измѣненія и дополненія. Кодификація существующихъ правилъ уральскихъ рыболовствъ въ формѣ особой книжки сдѣлана впервые въ 1894 г. За время до 1898 г., издано три дополненія къ правиламъ, а въ 1898 г., для удобства, всѣ эти дополненія и измѣненія потребовали новаго изданія правилъ. Имѣя въ виду регулировать техническія, иногда весьма мелкія подробности лова, правила рыболовства въ этомъ отношеніи должны быть возможно болѣе подвижными, и самое лучшее, если эти подробности будутъ регулироваться представителями самихъ рыбаковъ. Только тогда можно разсчитывать на ихъ полную примѣнимость на практикѣ, такъ какъ, благодаря измѣняющимся условіямъ промысла, правила по необходимости приходится приспособлять къ нимъ, дѣлая тѣ или иныя поправки. Затѣмъ эти измѣненія необходимо вводить немедленно, что̀ одно уже мѣшаетъ провести ихъ черезъ центральныя учрежденія.

Правила, регламентирующія техническія подробности лова,

установленныя въ законодательномъ порядкѣ, имѣютъ громадный недостатокъ въ томъ отношеніи, что являются при изданіи ихъ въ центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ сильно неподвижными, почему всегда отстаютъ отъ жизни и на практикѣ часто не соблюдаются, составляя лишній балластъ и давая на практикѣ лишь поводъ къ недоразумѣніямъ и придиркамъ со стороны мелкихъ исполнителей закона. Чтобы не быть голословнымъ въ этомъ отношеніи, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ впервые еще поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ каспійскихъ промысловъ (начало текущаго столѣтія), ни одинъ законъ не прошелъ такъ, чтобы вслѣдъ за его объявленіемъ не послѣдовало частичныхъ его измѣненій, отмѣнъ, поправокъ и т. д., сообразно мѣстнымъ условіямъ, при чемъ подчасъ измѣненія дѣлались настолько значительныя, что законъ въ сущности оставался мертвой буквой, а такихъ мертвыхъ буквъ и теперь можно найти въ дѣйствующемъ законодательствѣ по рыболовству не мало.

Съ изданіемъ устава каспійскихъ промысловъ 1865 г., тотчасъ по введеніи его, посыпались ходатайства о значительныхъ измѣненіяхъ отдѣльныхъ параграфовъ. Эти ходатайства сдѣланы въ 1867, 1869 гг., но законодательнымъ порядкомъ были введены лишь въ 1870, 1871 гг. Затѣмъ измѣненія были дѣлаемы въ 1873, 1876, 1878, 1880, 1881, 1884 и 1895 гг. Фактически выходитъ, что эти измѣненія дѣлались изъ года въ годъ, но громадная разница состоитъ въ томъ, что всѣ эти измѣненія проводились черезъ центральныя правительственныя учрежденія, а лицамъ, стоящимъ близко къ дѣлу, хорошо извѣстно, сколько на это требуется времени. Между тѣмъ рыболовство, какъ дѣло живое, требуетъ быстраго измѣненія тѣхъ или иныхъ неудобствъ, оказавшихся на практикѣ по примѣненію правилъ, и ждать ихъ проведенія черезъ центръ всегда сопряжено съ большими невыгодами для самого дѣла и съ убытками участниковъ промысла.

Однимъ изъ характерныхъ примѣровъ того, какъ буква закона и практика жизни въ области рыболовства могутъ расходиться, служитъ исторія съ устройствомъ передъ волжскими устьями бакенныхъ линій и запретныхъ полосъ, имѣющихъ, какъ объяснено выше, громадное значеніе для всего рыбнаго хозяйства. По уставу каспійскихъ промысловъ (§ 73), бакенныя полосы простираются въ открытое море на длину приблизительно до 4 саж. глубины и раздѣляются на черневыя до 1 саж. и морскія—далѣе 1 сажени. Согласно съ этимъ закономъ, было передъ устьями устроено 11 бакенныхъ линій по 2, 3, 4 версты ши-

риною и длинною въ 40—60 верстъ. Такія узкія запретныя полосы давали возможность производить ловъ сплошь и, какъ показало непосредственное изученіе лова на мѣстѣ Климовымъ въ 1878 г., рыболовныхъ снастей было выставляемо гораздо болѣе въ запретныхъ корридорахъ, чѣмъ въ лежалыхъ полосахъ. Хотя по проекту г. Климова число запретныхъ полосъ уменьшено съ увеличеніемъ ихъ ширины, но, какъ показываетъ практика послѣднихъ лѣтъ, и эта мѣра не устранила массоваго облова запретныхъ полосъ сѣтчиками.

Такимъ образомъ, съ 1866 по 1897 г., въ теченіе 13 лѣтъ, законъ о запретныхъ полосахъ былъ, очевидно, мертвой буквой во всей его цѣлости; въ отношеніи же 4-хъ-саженной глубины онъ остается мертвой буквой и по сіе время.

Такихъ мертвыхъ буквъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ по рыболовству, требующемъ коренного пересмотра во всѣхъ частяхъ, найдется весьма значительное количество. Лишь ради иллюстраціи высказанныхъ ранѣе общихъ положеній приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Статьею 275 уст. сельск. хоз., изд. 1893 г., запрещается „близъ береговъ морей и озеръ, со стороны рѣчныхъ устьевъ, равно какъ и въ самыхъ рѣкахъ производить ловъ рыбы самоловными и другими снастями, которыя препятствуютъ свободному ходу рыбы изъ моря въ рѣчныя устья и снизу вверхъ по рѣкамъ“. А въ примѣчаніи къ этому архаическому по своей редакціи и происхожденію (1704, 1738 годовъ) закону пояснено, что „самоловы состоятъ изъ протянутой на большое разстояніе въ водѣ, иногда поперекъ всей рѣки, веревки или тонкой бичевки, навѣшанной крючками, такъ что рѣдкая рыба пройдетъ мимо оныхъ, не зацѣпившись. Къ числу самолововъ принадлежатъ предметы, такъ-наз. перегородки, забойки, перебойки, коловы (?), рыболовныя уды, имѣющія желѣзные крючки, кусковыя и наживныя снасти, ставныя сплошныя сѣти, свипчатки и т. п. орудія“. Запрещеніе лова въ такой общей формѣ, очевидно, не могло быть выполнено, да можно на тысячу ладовъ понимать и примѣнять эту статью закона, и вотъ на практикѣ, съ одной стороны, въ громадныхъ размѣрахъ практикуется ловъ самоловами и шашковой снастью стерляди въ р. Волгѣ, съ другой, по отдѣльному закону, какъ мы видѣли, близъ всѣхъ волжскихъ устьевъ производится ловъ крючковою снастью.

Статьею 276 общихъ положеній того же уст. сельск. хоз. запрещается употребленіе неводовъ болѣе половины ширины рѣки, а по отношенію къ Волгѣ эта длина по уставу каспійскихъ про-

мысловъ допущена произвольной, да фактически законъ этотъ, можно сказать, почти нигдѣ въ Россіи не примѣнялся и оставался такою же мертвою буквой.

Въ статьѣ 667 того же устава читаемъ: „Для охраненія эмбенскаго вольнаго промысла при степи кочующихъ киргизовъ имѣется пикетъ казаковъ уральскаго войска у Прорвинскаго мыса", а пикетъ такой уже къ 70-мъ годамъ не существовалъ.

Статья 668 указываетъ порядокъ выставки въ морѣ маячныхъ судовъ, а между тѣмъ они болѣе 10 лѣтъ уничтожены и замѣнены охраной съ паровыхъ судовъ.

Съ разсматриваемой точки зрѣнія частности правилъ, не имѣющихъ значенія съ общегосударственной точки зрѣнія, было бы раціональнѣе предоставить окончательному утвержденію проектируемаго новыми правилами каспійско-волжскаго рыболовства особаго присутствія по дѣламъ рыболовства, въ которомъ участвуютъ 4 выборныхъ представителя отъ рыбопромышленниковъ, и лишь болѣе серьезные и задѣвающіе интересы различныхъ группъ вопросы должны бы быть проводимы въ законодательномъ порядкѣ въ центральныхъ управленіяхъ.

V.

Постараемся теперь вкратцѣ очертить основы и фактическую постановку рыбнаго промысла на Волгѣ и въ примыкающемъ къ ней прибрежномъ участкѣ моря, при чемъ будемъ обращать вниманіе лишь на тѣ стороны существующихъ правилъ каспійско-волжскаго рыболовства, на которыя по отношенію къ уральскому рыболовству сдѣланы указанія въ предъидущемъ очеркѣ уральскаго рыбнаго промысла.

Выше было указано на основное отличіе того и другого рыбнаго промысла въ юридическомъ отношеніи: тогда какъ рыбный ловъ на Уралѣ и прилегающемъ участкѣ моря имѣетъ одного коллективнаго собственника—уральскую земельную общину,—рыбныя ловли р. Волги и предъустьевого пространства имѣютъ весьма значительное количество собственниковъ—крупныхъ землевладѣльцевъ, частныхъ лицъ, монастырь, города, казну, станицы астраханскаго войска и т. п. Въ рѣкѣ у каждаго собственника свои отдѣльные промыслы. Хотя для нихъ и проектируются общія для всѣхъ правила рыболовства, но объ устройствѣ общей системы рыбнаго хозяйства здѣсь не можетъ быть и рѣчи при многочисленности собственниковъ на рѣчныя воды.

Правда, морскія воды и предъустьевое пространство признаны вольными водами, но установленная въ устьяхъ Волги бакенная система, хотя и взята, какъ говорятъ, съ примѣра уральскихъ водъ, но она совершенно не обезпечиваетъ свободнаго прохода красной рыбы въ рѣку, а при недостаткѣ надзора, какъ показываетъ практика послѣднихъ лѣтъ, здѣсь незаконнымъ ловомъ сѣтьми дѣлаютъ полную преграду входу ея и частиковой рыбы въ рѣки.

По существующему порядку, все пространство передъ устьями р. Волги (ихъ болѣе 50) разбито на 4 лежалыхъ полосы, въ которыхъ допущенъ ловъ рыбы красной крючьями, съ общей шириной верстъ въ 70 и 5 запретныхъ полосъ, съ общею шириною верстъ въ 60. При этомъ надо имѣть въ виду, что тѣ и другія лежатъ непосредственно передъ устьями рѣки, а не на извѣстномъ разстояніи отъ самыхъ восточныхъ и самыхъ западныхъ протоковъ дельты Волги. Этимъ объясняется, что красноловье издавна сосредоточилось въ предъустьевомъ пространствѣ. Частиковую же рыбу не стали пропускать лишь съ развитіемъ сѣтного лова въ тѣхъ же мѣстахъ за послѣдніе годы.

Мѣняя масштабъ, такая бакенная система состояла бы для уральскаго предъустьевого пространства въ разрѣшеніи лова крючьями внутри предъустьевого въ 12 верстъ пространства, на разстояніи отъ главныхъ устьевъ въ какихъ-либо 1—2 верстахъ. При такой системѣ нечего было бы и думать, чтобы красная рыба могла пробраться въ рѣку въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ.

Но допустимъ, что часть красной рыбы и значительные косяки частиковой пробрались въ волжскія устья. Здѣсь ихъ встрѣчаетъ въ каждомъ изъ рукавовъ дельты р. Волги, при самомъ впаденіи ихъ въ море, интенсивный неводной ловъ. При хорошемъ ходѣ рыбы ловъ фактически не прерывается и ночью; какъ дѣйствующій уставъ, такъ и проектируемыя правила не запрещаютъ ночного лова рыбы, а также лова въ праздники, какъ это практикуется въ уральскомъ рыбномъ промыслѣ. Правда, отсутствіе такого запрещенія отчасти компенсируется болѣе раннимъ началомъ общаго запрета и постепенностью въ его началѣ (по проекту отъ устьевъ до Краснаго-Яра съ 1-го мая, выше до Дубовки съ 5 мая, и еще выше съ 9 мая), но этимъ ограждается входъ лишь тѣхъ рыбъ, которыя идутъ въ рѣку позже (сельдь, отчасти осетръ); но такой запретъ мало имѣетъ значенія для рыбы, рано входящей въ рѣку (вобла, бѣлуга). Надо замѣтить, что указанная выше постепенность въ началѣ запрет-

наго времени вводится вновь (ранѣе общій запретъ начинался съ 15 мая) и несомнѣнно поведетъ за собою болѣе равномѣрное распредѣленіе улова рыбы весенняго входа, если только этотъ послѣдній будетъ обезпеченъ.

Согласно дѣйствующимъ правиламъ и вновь проектируемымъ, въ предъустьевомъ пространствѣ разрѣшается ловъ лишь крючковою снастью, другими словами, ловъ одной красной рыбы; сѣтной ловъ частиковой рыбы не допускается. Такое чрезмѣрное покровительство размножающейся повсемѣстно частиковой рыбы и разрѣшеніе неограниченнаго лова красной рыбы крючьями передъ самыми устьями рѣки, представляются по меньшей мѣрѣ странными и не соотвѣтствующими условіямъ жизни рыбъ и рыболовства. Красной рыбѣ, замѣтно уменьшающейся въ количествѣ и для своего размноженія долженствующей непремѣнно войти въ рѣку и подняться по ней вверхъ, ставятся загражденія изъ крючковой снасти, въ громадномъ количествѣ выставляемой на пути ея хода въ рѣки и, благодаря такому поощренію лова крючьями, красноловье сосредоточилось преимущественно въ предъустьевомъ пространствѣ. Ловъ же частиковой рыбы, которая можетъ отчасти размножаться и по прибрежью моря, абсолютно запрещенъ на всемъ пространствѣ. Вѣроятно, въ видѣ протеста противъ такого абсолютнаго запрещенія за послѣднее время и развился незаконный обловъ сѣтчиками предъустьевого пространства, значительно понизившій доходность рыбныхъ промысловъ въ устьяхъ Волги.

Крючковая снасть считается въ уральскомъ рыбномъ хозяйствѣ, какъ мы видѣли, вреднымъ орудіемъ лова и абсолютно запрещена. Мотивируется такое запрещеніе, во-первыхъ, тѣмъ, что крючья можно выставлять въ предъустьевомъ пространствѣ такъ, что невозможно найти мѣсто ихъ выставки безъ особаго орудія для ихъ розыска. Для этого стоитъ затопить поплавки и замѣтить мѣсто по отношенію къ берегу, глубинѣ, грунту и т. п. [1]). Во-вторыхъ, какъ доказываетъ ловимая въ устьяхъ р. Урала и идущая съ моря красная рыба, особенно севрюга, —крючья ранятъ рыбу, нерѣдко попадаются экземпляры ея съ гангренознымъ воспаленіемъ вырванныхъ крючьями частей тѣла; наконецъ, пораненная рыба быстро засыпаетъ и снимается рыбаками уснувшей, укачанной, а пребываніе снулой рыбы въ водѣ портитъ рыбу весьма быстро. Между тѣмъ, уставомъ и практикой

[1]) Отыскиваютъ ихъ послѣ малымъ якорькомъ, спускаемымъ съ лодки, на ходу („абрашка“).

дѣла въ остальной части моря крючковая снасть покровительствуется какъ наиболѣе дешевая, общедоступная и уловистая. Но вѣдь это уже точка зрѣнія самого рыбака, а отнюдь не правительства, которое должно болѣе заботиться объ охранѣ рыбнаго богатства и обезпеченіи пропуска красной рыбы въ рѣки, гдѣ только она и можетъ выметать икру. Аналогичная снасть, употребляемая въ рѣкѣ для лова стерляди (Шашкова), запрещается же (§ 82) новыми правилами; чѣмъ объяснить такое различное отношеніе? Рыболовство крючковою снастью въ предъустьевомъ волжскомъ пространствѣ, намъ думается, идетъ въ разрѣзъ съ основными требованіями для размноженія красной рыбы и вообще съ добытыми наукою фактами объ условіяхъ жизни красной рыбы.

Тѣмъ болѣе поразительно подтвержденіе въ новыхъ правилахъ разрѣшенія повсемѣстнаго подледнаго лова передъ устьями Волги и въ сѣв. рукавахъ Терека крючковою снастью (§ 81). Перегораживаніе крючковою снастью банковъ, ведущихъ въ устья рѣки, должно пріостановить окончательно движеніе, напр., бѣлуги въ февралѣ и мартѣ подо льдомъ, которая требуетъ особаго покровительства.

Другое орудіе лова, признаваемое въ уральскомъ рыбномъ хозяйствѣ вреднымъ—распорный неводъ, также работаетъ въ районѣ каспійско-волжскихъ промысловъ безпрепятственно по сіе время, и лишь по новому уставу оно исключено изъ числа дозволенныхъ орудій лова,—новый фактъ за то, что, по сравненію съ уральскимъ, каспійско-волжское рыбное хозяйство въ теченіе послѣднихъ 38 лѣтъ велось менѣе раціонально, съ допущеніемъ слишкомъ интенсивнаго лова въ морѣ и предъустьевомъ пространствѣ.

Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ различія между правилами лова въ двухъ сосѣднихъ частяхъ Каспійскаго моря слѣдуетъ упомянуть о различіи въ срокахъ запретнаго для рыболовства въ морѣ времени. Въ уральскомъ морскомъ участкѣ весенній ловъ прекращается по правиламъ 20 мая (фактически—9 мая) и вновь начинается лишь 17 августа (осеннее курхайское рыболовство).

По дѣйствующему уставу каспійско-волжскихъ промысловъ, ловъ въ бакенныхъ водахъ и въ остальномъ пространствѣ моря, предоставляемомъ вольному промыслу, не ограничивается временемъ, а можетъ производиться отъ вскрытія до замерзанія моря (ст. 591 уст. сельск. хоз. 1893 г.). Такъ практиковалось во все время дѣйствія устава, т.-е. съ 1865 г., а до того времени „вольность“ промысла навѣрное была не менѣе велика и въ

этомъ отношеніи. Фактически осенняя путина въ морѣ начиналась 20 іюля, и съ этого времени замѣчается ежегодное движеніе красной рыбы, особенно бѣлуги, къ устьямъ рѣкъ.

Въ проектируемыя вновь правила введено запретное для рыболовства въ морѣ время, но срокъ запрета положенъ съ 1-го мая по 15-е іюля. Имѣя въ виду, что фактически весеннее рыболовство заканчивается въ морѣ вешнимъ Николой (9 мая), а начинается жаркое рыболовство съ 20-го іюля,—установленіе такого запретнаго времени почти не измѣняетъ положенія дѣла и ни въ какомъ случаѣ не достигаетъ той цѣли, какая имѣлась въ виду академикомъ Бэромъ при проектированіи имъ запрещенія лова красной рыбы въ жаркое время, какъ вреднаго. Дѣло въ томъ, что рыба, ловимая въ это время года по преимуществу вдали отъ береговъ, не можетъ быть на борту лодки усолена, а также не можетъ быть быстро доставлена на промыселъ, и въ большинствѣ случаевъ изъ рыбы этого лова получается весьма низкаго качества, а иногда и не безвредный для здоровья пищевой продуктъ [1]). Служащая большою приманкою для рыбопромышленниковъ, бѣлужья икра этого жарковскаго лова также далеко не всегда получается удовлетворительнаго качества. Даже во второй половинѣ августа бѣлужья икра морского лова часто получается низкаго достоинства.

Между тѣмъ астраханское управленіе рыбными промыслами, имѣя въ виду, очевидно, лишь баенный ловъ, высказалось противъ запрещенія лова въ жаркое время года, мотивируя тѣмъ, что морскіе промысла устроены теперь настолько хорошо, что продукты, приготовляемые на нихъ, выходятъ лучше рѣчныхъ. Не смѣемъ оспаривать компетентность гг. членовъ астраханскаго управленія, но спрашивается: на какихъ промыслахъ должны готовить рыбу жарковскаго лова, ловящіе въ вольныхъ эмбенскихъ, джамбайскихъ водахъ на разстояніи 70—80 верстъ отъ берега, да еще при противномъ вѣтрѣ?

VI.

Каковы же результаты каспійско-волжскаго рыбнаго хозяйства по дѣйствующему законодательству въ смыслѣ экономическомъ и въ отношеніи сохраненія рыбнаго богатства?

---

[1]) Есть нѣкоторое основаніе утверждать, что именно отъ этого жарковскаго лова рыбы получается столь опасное отравленіе рыбнымъ ядомъ.

Рыбный ловъ, какъ былъ ранѣе, такъ и остался капиталистическимъ предпріятіемъ; измѣненіе послѣдовало лишь въ томъ отношеніи, что подрядная система лова, т.-е. сдача рыбной ловли ловцамъ, уступала все больше и больше организаціи лова самими владѣльцами промысловъ, съ наймомъ за заработную плату громаднаго количества рабочихъ рукъ и съ устройствомъ колоссальныхъ выходовъ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда сельдяной ловъ дошелъ до своего апогея и на низовыхъ промыслахъ частныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ происходила истинная рыбная вакханалія (уловы, напр., одной фирмой до 60 милл. штукъ сельди, тогда какъ теперь это общій каспійско-волжскій заловъ), жалобы на непропускъ рыбы вверхъ низовыми настолько усилились, что правительству пришлось прибѣгнуть къ разнымъ ограниченіямъ низового лова. Къ этому времени относится высшая централизація всего промысла въ рукахъ нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ фирмъ (Сапожниковыхъ, Базилевскаго, Хлѣбникова). Неравномѣрность распредѣленія улововъ была въ это время также наивысшая, а затѣмъ постепенно уловъ главной и наиболѣе цѣнной промысловой рыбы (сельди) сталъ падать съ поразительной постепенностью и постоянствомъ, что̀ видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

Года:	Заловъ въ милл. штукъ:
1883	226
1884	231
1885	328
1886	315
1887	248
1888	210
1889	124
съ 1890 по 1896	по 120 милл. ежегодно.
1897	100
1898	60

Такое пониженіе залова на 80% въ теченіе какихъ-либо 15 лѣтъ можно назвать безпримѣрнымъ въ исторіи рыбнаго промысла, и его надо признать прямо угрожающимъ. Всю бѣду одни видятъ въ томъ, что незаконные обловщики-сѣтчики, рыбачащіе въ запретныхъ полосахъ устьевъ р. Волги, разбиваютъ косяки и не допускаютъ ихъ въ рѣки, и для борьбы съ этимъ зломъ нанимается цѣлая казачья вооруженная команда (съ прошлой весны); другіе видятъ бѣду въ отравленіи водъ р. Волги нефтью. Не входя въ подробное обсужденіе этого предмета, мы думаемъ, что неумѣренный выловъ сельди въ самыхъ низахъ рѣки и невозможность для нея выметать икру, вообще сельдяная вакханалія 80-хъ

годовъ оказала въ этомъ отношеніи свое вліяніе — на ряду съ другими.

Не менѣе серьезно положеніе дѣла по отношенію къ красноловью. Изслѣдованіе Данилевскаго указало на уменьшеніе заловов красной рыбы: по его исчисленію, въ концѣ 50-хъ годовъ заловъ красной рыбы равнялся 2 милл. пудовъ; по исчисленію же г. Гримма 1897 г., цифра залова—1.675.500. Какъ уже было сказано выше, красноловье почти цѣликомъ перешло изъ рѣки въ предъустьевое пространство, ловъ крючковою снастью—въ лежалыхъ полосахъ и въ морѣ. Вотъ какія данныя мы находимъ по этому предмету въ очеркѣ каспійско-волжскаго рыболовства за 1896 г., изданномъ астраханскимъ управленіемъ рыбными и тюленьими промыслами:

	Поймано счетомъ въ рѣкахъ:	Поймано счетомъ въ морѣ:
Севрюгъ	42.285	129.270
Осетровъ.	59.674	129.109
Бѣлугъ	1.574	43.982

И замѣтьте, бо́льшая часть красной рыбы рѣчного лова поймана въ участкахъ, кончая V (немного выше Астрахани и Краснаго-Яра), т.-е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, насколько извѣстно, не замѣчалось метаніе ею икры (обычно принимаютъ, что она мечетъ икру лишь выше г. Чернаго-Яра). Какимъ же образомъ обезпечивается при такихъ условіяхъ размноженіе этой цѣнной и несомнѣнно уменьшающейся въ количествѣ рыбы? Разрѣшеніе лова крючковою снастью передъ самыми устьями р. Волги въ лежалыхъ полосахъ, по нашему глубокому убѣжденію, является однимъ изъ вреднѣйшихъ въ смыслѣ истощенія рыбнаго богатства въ Каспійскомъ морѣ, и было бы крайне желательно, чтобы при разсмотрѣніи новыхъ правилъ каспійско-волжскаго рыболовства, въ которыхъ измѣненіе сдѣлано даже въ смыслѣ еще бо́льшаго покровительства этому лову (сокращеніе бакенныхъ полосъ до 2 саж. глуб. вмѣсто 4 саж. и установленіе ихъ особымъ мѣстнымъ присутствіемъ), въ государственномъ совѣтѣ было обращено на эту сторону дѣла особенное вниманіе.

Ловъ долженъ быть абсолютно запрещенъ передъ всѣми устьями р. Волги, въ которыя красная рыба можетъ входить въ рѣки. Такое запрещеніе 100 лѣтъ существуетъ на Уралѣ, и въ рыбномъ хозяйствѣ послѣдняго нельзя указать на то, чтобы красная рыба не имѣла возможности подняться вверхъ по рѣкѣ и выметать икру: бѣлуга, осетръ, шипъ доходятъ тамъ косяками до Уральска, болѣе 500 верстъ отъ устьевъ рѣки.

Еще въ 40-хъ годахъ, при разсмотрѣніи дѣла по устройству

каспійскихъ промысловъ въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ, было высказано много доводовъ въ пользу полнаго запрещенія всякаго рыболовства противъ волжскихъ устьевъ до 3 саж. глубины, и такое запрещеніе было введено въ практику по Выс. указу 9 ноября 1842 г. и по мнѣнію госуд. совѣта 9 ноября 1866 г., но по послѣднему лишь въ видѣ опыта на два года. Впослѣдствіи это запрещеніе было отмѣнено, и по уставу 1865 г. запрещеніе почему-то отнесено лишь къ сѣтямъ,—а крючковая снасть осталась привилегированнымъ орудіемъ лова.

Переходя къ морскому лову, мы видимъ не болѣе утѣшительные факты. Идея вольнаго рыбнаго промысла въ морѣ, симпатичная во всѣхъ отношеніяхъ сама по себѣ, на практикѣ привела въ сущности къ кабальному подрядному способу лова, прибыли отъ котораго главнымъ образомъ попадали въ руки кулаковъ-скупщиковъ рыбы и поставщиковъ орудій лова. Помимо снабженія въ долгъ всѣми товарами и рыболовными припасами для законнаго лова, здѣсь за отсутствіемъ сколько-нибудь дѣйствительнаго надзора за рыболовствомъ, развился въ самыхъ широкихъ размѣрахъ незаконный ловъ морскими плавными сѣтями, преимущественно въ лѣтнее время. Нѣкоторые изъ предпріимчивыхъ рыбопромышленниковъ не такъ давно собирали на этотъ ловъ до 1.000 лодокъ плавичей, и пароходъ „Уралецъ“ въ каждый рейсъ свой арестовывалъ ихъ близъ войсковыхъ водъ десятками.

Этотъ же ловъ былъ однимъ изъ самыхъ губительныхъ для мелкой красной рыбы, которая вылавливалась плавными сѣтями въ громадномъ количествѣ на пастбищныхъ мѣстахъ.

Заканчивая настоящій сравнительный очеркъ двухъ частныхъ случаевъ примѣненія въ рыбномъ промыслѣ обычнаго права, съ одной стороны, и закона—съ другой, вы видимъ, что обычное право и въ этой области могло бы дать благодарный матеріалъ не только для изученія и сравненія, но и частичнаго подражанія при изданіи законовъ по рыболовству въ другихъ рѣкахъ имперіи.

Такъ, не пренебрегая обычно-правовымъ институтомъ въ уральскомъ рыбномъ хозяйствѣ, было бы не безполезно сдѣлать ему подражаніе, какъ въ отношеніи расширенія запретной полосы передъ устьями р. Волги, такъ и въ отношеніи безусловно полезнаго запрещенія лова ночью и въ праздничные дни.

Н. Бородинъ.

„ХОЗЯИНЪ“

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНІИ.

„Der Büttnerbauer“, von Wilhelm von Palenz *).

I.

Трауготъ Бютнеръ шелъ въ церковь съ обоими своими сыновьями.

Сыновья были рослые и видные молодые люди; особенно хорошъ былъ самъ старикъ въ своемъ старомодномъ, еще свадебномъ, нарядѣ. Его шестидесятилѣтнее, загорѣлое, безбородое лицо обрамляли длинные, прямые, изжелта-сѣдые волоса, на которыхъ сидѣла шляпа-цилиндръ, отъ времени не истершаяся, а какъ бы взъерошенная. Сюртукъ, правда, больно сжималъ ему въ проймахъ и тѣснилъ грудь; но это стѣсненіе какъ-то подходило къ его собственному сдержанному „церковному“ настроенію.

Его старшій сынъ, Карлъ, ростомъ и дородствомъ походилъ на отца, а по лицу—его можно было счесть скорѣе за добродушнаго ребенка; но стоило только взглянуть на его сжатый кулакъ, чтобы побояться хотя бы пошутить съ такимъ „малюткой“. На немъ былъ такой же долгополый сюртукъ, такой же

*) В. Ф. Паленцъ выступилъ впервые на литературномъ поприщѣ въ 1890 году со своимъ романомъ: „Искупленіе“ (Die Sühne). Проводя три четверти года въ своемъ родовомъ замкѣ (Оберъ-Куневальдъ), онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ тѣхъ условій, въ которыя поставленъ въ восточной Германіи земледѣльческій вопросъ.

цилиндръ, а въ рукахъ такой же толстый молитвенникъ, какъ у отца; онъ весь былъ вторымъ изданіемъ Траугота, только на тридцать лѣтъ моложе. Зато его младшій братъ, Густавъ,—пріѣхавшій въ отпускъ унтеръ-офицеромъ кирасирскаго полка,—рѣзко отличался отъ обоихъ. Это былъ статный, скорѣе худощавый, нежели толстый, но не такой крупный, какъ братъ и отецъ; полный сознанія своего изящества, онъ кокетливо покачивался въ бедрахъ, выгодно выставляя напоказъ совершенства своего мундира и своей фигуры. Лѣвой рукой онъ придерживалъ палашъ, а правою самодовольно проводилъ по своей русой красивой бородкѣ.

Всѣ трое шли почти молча, если не считать отрывистыхъ привѣтствій, которыми они обмѣнивались съ тѣми изъ знакомыхъ, кто ихъ окликалъ. А встрѣчныхъ было не мало въ то воскресное утро: въ день Воскресенія Христова все Гальбенау высыпало на улицы и въ палисадники, гдѣ уже цвѣли первые подснѣжники, нарциссы и анемоны.

Придя въ церковь, Бютнеры усѣлись на свои мѣста,—на самыя почетныя, конечно, у каѳедры,—какъ и полагается, по праву, самымъ богатымъ земледѣльцамъ, имѣющимъ опредѣленное мѣсто во храмѣ Божіемъ—вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ подъ-рядъ.

Густавъ первый разъ явился на родину въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ и былъ радъ, что на него смотрѣли. Онъ самъ не безъ любопытства обводилъ глазами ряды прихожанъ, среди которыхъ ему видны были замѣтные пробѣлы: то той, то другой сѣдой головы не оказывалось на привычномъ мѣстѣ. Женщинъ и дѣвушекъ онъ многихъ тоже зналъ въ лицо и помнилъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ: почти со всѣми ему приходилось, бывало, танцовать въ праздничные дни; съ нѣкоторыми онъ даже вмѣстѣ бѣгалъ въ школу. Но въ этой массѣ шляпъ, чепцовъ и платочковъ было бы трудно остановиться на какомъ бы то ни было отдѣльномъ лицѣ. Густавъ и не рѣшался на то, избѣгая смотрѣть по сторонамъ, но прекрасно зналъ, гдѣ именно сидитъ или должна сидѣть та, которая единственно могла быть для него интересна. Онъ зналъ, что она здѣсь—и сама никѣмъ другимъ, кромѣ него, не занята, ни на кого, кромѣ него, не смотритъ. Ему хотѣлось украдкой взглянуть на нее и убѣдиться въ этомъ, но только такъ, чтобы она не замѣтила... Вотъ еще! Много чести!.. И неудобно,—надо голову круто нагнуть влѣво, чтобы хоть мелькомъ бросить взглядъ на тотъ конецъ церкви.

Густавъ рѣшилъ выдержать характеръ; однако, дальше заклю-

чительной молитвы проповѣдника онъ все-таки не могъ устоять; надо же ему было знать навѣрное, тутъ ли Кашнерова Полина?

Ну, да, такъ и есть! Она и сама смотритъ на него. Ихъ взгляды встрѣтились, и Густавъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

„Вотъ еще! Очень мнѣ нужно быть такимъ наивнымъ! Невозможно обращать вниманіе на каждую, съ которой былъ близокъ! И эта самая Полина,—не велика птица! Съ такой дамой стыдно по городу пройти; вся казарма на смѣхъ подыметъ! Она чуть не судомойка, и въ будни, навѣрно, ходитъ босикомъ, въ подобранной юбкѣ!“—рѣшилъ Густавъ и принялъ по возможности непринужденный, высокомѣрный видъ.

Къ Полинѣ онъ не могъ чувствовать ничего, кромѣ полнаго равнодушія... а между тѣмъ, было же время, когда она замѣняла ему все на свѣтѣ. Какъ они оба убивались, когда имъ пришлось видѣться въ послѣдній разъ! Казалось, они не въ состояніи перенести разлуку; казалось, никогда въ жизни не испытывали они бо̀льшаго блаженства, какъ свидѣвшись еще разъ, годъ спустя! Чего онъ только не обѣщалъ ей сгоряча!

„Еще бы, я былъ тогда такой дуракъ! — думалъ онъ.— Другое дѣло, если бъ я былъ увѣренъ, что она все время оставалась мнѣ вѣрна; но кто можетъ мнѣ твердо поручиться, что ея мальчишка дѣйствительно *мой* сынъ? Я такъ долго не видался съ нею!.. Теперь я покончилъ съ нею, вотъ и все тутъ! Въ городѣ я знавалъ и не такихъ женщинъ, какъ она: тѣ образованныя, и танцовать умѣютъ. Пусть меня судятъ, какъ угодно, —мнѣ это все равно!

Тѣмъ временемъ, проповѣдь пастора шла своимъ чередомъ, и Густавъ внимательно вслушивался въ ея слова. Еще въ полку про него шла слава, что онъ человѣкъ богомольный, и въ самомъ дѣлѣ, казарменная жизнь не успѣла въ конецъ его испортить. Но добродушный толстякъ Карлъ, съ первой же половины проповѣди, преспокойно задремалъ, склонивъ голову на грудь. Въ этомъ онъ, однако, ничуть не былъ похожъ на отца, который, несмотря на свою старость, бодро высидѣлъ въ церкви всю службу и даже подпѣвалъ пѣвчимъ своимъ скрипучимъ, старческимъ голосомъ.

По окончаніи церковной службы, народъ не сразу началъ расходиться и довольно долго толпился у входа въ церковь. Старикъ Бютнеръ съ удовольствіемъ видѣлъ, что на его Густава всѣ обращаютъ вниманіе; всѣмъ хотѣлось пробраться къ молодому унтеръ-офицеру, а старымъ служакамъ пріятно было вы-

звать въ памяти *свое* доброе старое время. Густава осадили разспросами, на которые онъ едва поспѣвалъ отвѣчать.

Между тѣмъ, къ группѣ мужчинъ подходили двѣ женщины: одна пожилая, въ пестромъ платочкѣ, другая—въ черной шляпѣ съ розовыми цвѣтами. Густавъ еще въ церкви узналъ издали свой подарокъ Полинѣ; онъ тогда купилъ ей эту шляпу еще въ своемъ гарнизонѣ, когда ѣхалъ въ первый разъ домой, въ отпускъ.

— Здравствуй, Густавъ!—проговорила мать Полины.

— Здравствуйте!—отвѣчалъ тотъ, нахмурясь и не протягивая ей руки.

Молодая дѣвушка, краснѣя, потупилась и нагнулась надъ своимъ молитвенникомъ.

— Ну, вотъ ты и опять вернулся въ Гальбенау?—продолжала вдова и немного засмѣялась, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Да!—холодно проговорилъ Густавъ и обратился съ какимъ-то пустымъ вопросомъ къ одному изъ молодыхъ людей.

Женщины постояли немного, не зная, что̀ имъ дѣлать, и видимо ожидая, что онъ самъ съ ними заговоритъ. Полина, кажется, готова была разрыдаться.

— Послушай, мать,—дергая ее за юбку, сказала она.—Пойдемъ!—И обѣ пошли прочь.

— Ты эту не узналъ, Густавъ?—насмѣшливо спросилъ одинъ изъ окружающихъ и улыбнулся. А молодой унтеръ-офицеръ, покачиваясь своимъ красивымъ станомъ, изо всѣхъ силъ старался казаться равнодушнымъ.

Толпа тронулась въ путь.

Старикъ съ Карломъ ушли впередъ, а молодежь, бо̀льшею частію товарищи по школѣ, принялась дорогой разсуждать о предстоящихъ танцахъ. Понемногу всѣ разошлись по домамъ; Густавъ свернулъ въ сторону, чтобы дойти домой кратчайшимъ путемъ.

Вдругъ ему почудилось, что его зовутъ. Онъ оглянулся.

Запыхавшись отъ скораго бѣга, покашливая, его нагоняла Полина.

Онъ посмотрѣлъ на нее угрюмо, и грубо спросилъ, чего ей надо?

— Густавъ!—воскликнула она и протянула къ нему руку.—Ты вѣдь не такой!—а дѣлаешь видъ, будто со мною незнакомъ.

— Мнѣ некогда!—возразилъ онъ и хотѣлъ пройти мимо; но Полина стала на дорогѣ, мѣшая ему идти дальше.

Грудь ея высоко поднималась, а глаза смотрѣли прямо ему въ лицо.

— Нѣтъ, Густавъ, нѣтъ! Такъ поступать со мной не годится!—повторила она, и онъ, не выдержавъ ея прямого взгляда, отвернулся.

Кашнерова Полина взяла его за руку и продолжала:

— Все-таки, ты могъ бы хоть поздороваться со мною, подавъ мнѣ руку!—Но тотъ рѣшился не поддаваться и принялся выговаривать ей за непристойность ея поведенія: гдѣ это видано—бѣгать за нимъ и набрасываться на него, заговаривать съ нимъ среди дня?..

Онъ силился казаться страшно разсерженнымъ, но Полину это не пугало, и она совсѣмъ близко подошла къ нему. Малѣйшаго движенія руки было бы довольно, чтобы отпихнуть ее въ сторону, но онъ не шевельнулъ рукою.

— Больше году не видались мы съ тобой, Густавъ! Я писала тебѣ, а ты даже ни разу не отвѣтилъ! Ты поступаешь со мной такъ, какъ будто я дурная! — И глаза ея наполнились слезами.

„Ревѣть?! Этого еще только недоставало!“ — мысленно возмутился Густавъ. Бабьихъ слезъ онъ терпѣть не могъ. Его и безъ того ужъ наполовину растрогалъ ея задушевный голосъ, ея молодая, стройная фигура, ея свѣжее здоровое лицо съ большими, ясными глазами,—все вызывало въ немъ самыя отрадныя воспоминанія. Она вѣдь была первая, которую онъ полюбилъ... „Вотъ безобразіе-то! Она продолжаетъ ревѣть“!

Впрочемъ, онъ тотчасъ же самъ обвинилъ себя зъ излишней жестокости, и это еще больше его разсердило.

— Ну, за что ты со мною такой, за что? Чѣмъ я заслужила?—не унималась Полина. Онъ глядѣлъ на нее, какъ она передъ нимъ стояла, смотря ему въ лицо такъ искренно, такъ просто, — и самъ еще живѣе почувствовалъ несправедливость сплетенъ и наговоровъ, на которыхъ онъ основывалъ свое недовѣріе. Въ сущности же онъ никогда вполнѣ не довѣрялъ этимъ сплетнямъ.

— Ужъ и злилась же я на тебя!—вдругъ, рыдая, вырвалось у нея.

Но слезы не мѣшали ей порою вскидывать на него глазами, и этотъ взглядъ, кроткій какъ у ручной голубки, придавалъ еще больше прелести простой дѣвушкѣ, чуждой ухищреній и кокетства.

Вдругъ она опустила голову и, загораясь румянцемъ, еще тише прежняго проговорила:

— Хочешь посмотрѣть на мальчугана? Ему скоро годъ.

Озадаченный Густавъ стоялъ въ нерѣшимости, инстинктивно чувствуя, что наступилъ рѣшающій моментъ. Если онъ пойдетъ къ ней, онъ такимъ образомъ какъ бы признаетъ надъ ребенкомъ свои отцовскія права,—чего до сихъ поръ онъ даже въ мысляхъ не хотѣлъ допустить.

Полина подняла голову и взглядомъ просила его согласиться; ея мягкій дѣвичій голосъ звучалъ такъ нѣжно.

— О, я ему такъ много про тебя говорила! Онъ самъ еще не можетъ говорить, но *папа* у него выходитъ прекрасно... Пойдемъ, Густавъ, пойдемъ! Взгляни на него хоть разочекъ!

Такъ ободряя его, она потянула Густава за собою; и онъ пошелъ, досадуя все время на себя за то, что такъ податливъ...

Изъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ Густавъ Бютнеръ былъ самый лихой наѣздникъ; никто не имѣлъ такого таланта дрессировать лошадей; но въ то же время онъ былъ мягокъ и податливъ до такой степени, что товарищъ его, вахмистръ, прозвалъ его за одинъ случай „мокрой тряпкой“. У его милой, доброй лошади „Каштана“ приключился шпатъ, и бѣднягу увели на бойню. Густавъ плакалъ тогда, какъ дитя.

Сама того не подозрѣвая, Полина дѣйствовала съ нимъ весьма хитро. Она держалась такъ, какъ если бы между ними никогда не бывало и тѣни охлажденія. Всю дорогу она весело болтала и, не давая ему опомниться, говорила то про мать, то про своего малютку-сына, выбирая все что-нибудь посмѣшнѣе, поинтереснѣе. Густавъ не замѣтилъ, какъ переступилъ за порогъ низенькой двери, которая вела въ убогую избушку, крытую соломой. Знакомая избушка!.. знакомая дверь, въ которую онъ еще *тогда* входилъ не иначе, какъ нагибаясь!

Въ чистенькой, почти пустой комнаткѣ все было на прежнемъ мѣстѣ: кровать у стѣны, у кровати сундукъ, у сундука прялка (Полина съ матерью занимались пряжей). Вотъ и зеркало, и на немъ знакомая трещина въ лѣвомъ углу, поперекъ; эту трещину прикрываетъ поздравительная карточка: „Съ Новымъ Годомъ!“.

Густавъ невольно обвелъ пытливымъ взоромъ знакомую обстановку. Полина слѣдила за нимъ и молча улыбалась: она прекрасно знала, чего онъ ищетъ, и пошла прямо къ своей кровати. Примявъ немного пышныя подушки, она дала возможность Густаву замѣтить за ними что-то круглое, темное, и взглядомъ пригласила его подойти поближе. Молодой унтеръ понялъ, что ребенокъ спитъ, и подошелъ тихонько, приподнимая свой палашъ, чтобы тотъ не стучалъ по полу.

— Вотъ *онъ*!—прошептала Полина и, улыбаясь счастливою, гордою улыбкой, поправила подушку, на которой лежала головка мальчугана.

Отецъ не успѣлъ даже снять своей каски, и растерянно смотрѣлъ на сына. Такъ вотъ какой онъ, его *сынъ*, его дитя!

Какое-то тяжелое, смутное сознаніе неисполненнаго долга сдавило ему грудь... А между тѣмъ Полина уже успѣла тихонько освободить его отъ палаша, отъ каски и, водя его широкой, большой рукою по тѣльцу ребенка, дала ему какъ бы еще разъ убѣдиться, что это живое существо—его плоть и кровь; потомъ прижалась къ нему ласково и такъ тихо спросила: нравится ли папѣ его мальчуганъ?

Въ эту минуту ребенокъ во снѣ улыбнулся и шевельнулъ ручонкой... Тутъ только могъ Густавъ, наконецъ, убѣдиться, что передъ нимъ лежитъ живое существо, и мысль, что этотъ комочекъ, эта мелюзга, когда-нибудь будетъ настоящимъ человѣкомъ, мужчиной—растрогала его до глубины души. Онъ и Полина... вотъ причина появленія на свѣтъ этого новаго, призваннаго къ жизни человѣка, въ которомъ еще разъ подтвердилось вѣковѣчное чудо таинства природы...

Безъ шляпы, которую она сняла, Полина была еще красивѣе, еще свѣжѣе и моложе; засученные по-локоть рукава не мѣшали любоваться ея бѣлыми, красивыми руками; ея стройная фигура плавными движеніями то нагибалась надъ печкой, гдѣ въ котелкѣ грѣлось что-то „для мальчугана“, то выпрямлялась и двигалась по комнатѣ. Черное платье—было ея праздничное, конфирмаціонное, и единственно благодаря ея хитростямъ и умѣнью его можно было натянуть на ея женственно-развитую фигуру. Спокойно хлопоча у печки, Полина пояснила, что мальчугану пора кушать, и ловкимъ движеніемъ надѣла на грѣтую бутылочку молока гуттаперчевый наконечникъ.

— Полно ему спать!—проговорила она, и поцѣлуемъ въ лобикъ разбудила ребенка.

Тотъ широко раскрылъ свои большіе темные глазки, съ удивленіемъ оглядѣлся вокругъ и принялся кричать. Отецъ, не привыкшій къ подобнымъ звукамъ, имѣлъ довольно глупый и растерянный видъ.

Полина проворно уложила поудобнѣе своего малютку, который протягивалъ ручонки за рожкомъ, и крикунъ мгновенно замолчалъ, какъ только въ ротъ къ нему попало молоко, которое онъ громко принялся глотать.

Только когда мальчуганъ видимо почувствовалъ себя счаст-

ливымъ и довольнымъ, вниманіе Полины перестало быть поглощено исключительно сыномъ; и обернувшись къ Густаву, она принялась, вся сіяя радостями своего материнства, восхвалять свое сокровище, которое она полгода сама кормила грудью.

Но Густавъ лишь однимъ ухомъ слушалъ ея восторженныя рѣчи; все это время душа его рвалась изъ сѣтей ложнаго стыда и условности. Отъ своихъ правъ на ребенка онъ, какъ порядочный человѣкъ, не считалъ возможнымъ отказаться. Самъ же онъ обзывалъ подлецами тѣхъ мужчинъ, которые обольстятъ дѣвушку и бросятъ ее съ ребенкомъ на произволъ судьбы. *Такимъ* онъ не хотѣлъ быть, но и женитьба въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ представлялась ему безъ прикрасъ въ своемъ естественномъ, то-есть убійственномъ видѣ... Отъ такихъ думъ немудрено, что голова трещала...

Полина заговорила о себѣ, о томъ, какъ ей приходилось ходить на работу въ зàмокъ, ...но теперь она уже давно туда не ходитъ.

Густавъ насторожился: вотъ оно, вотъ!..

Полина, горячо негодуя и волнуясь, разсказала, что молодой владѣлецъ зàмка пользовался своимъ положеніемъ богача и „господина“, чтобы обращаться къ ней неоднократно съ гнусными приставаніями...

Густавъ не скрылъ отъ нея ни своей радости, что все такъ выясняется, ни того, что объ этомъ и до него долетали слухи...

— Да кто же, кто меня могъ такъ очернить?!—допытывалась она.

— Мало ли кто?.. Люди...—уклончиво отвѣчалъ Густавъ, предпочитая, чтобы она не знала, что эта клевета была пущена его родной семьею, которая никогда не желала близости его съ Полиной.

Та, наконецъ, примолкла, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, которое онъ могъ подвергать сомнѣнію, не подѣлясь съ нею мыслями. Отвернувшись отъ него, она отошла на другой конецъ комнаты. Густаву тоже стало еще тяжелѣе на душѣ... И въ полной тишинѣ слышалось только здоровое дыханіе сытаго ребенка.

— Постой-ка, ты еще не бралъ его на руки! — спохватилась молодая мать и, смѣясь сквозь слезы, подала ему своего мальчугана.

Густавъ взялъ его, какъ берутъ большой, неуклюжій тюкъ, а малютка таращилъ глазенки на отцовскіе блестящіе шнуры.

— Онъ вѣдь окрещенъ,—говорила Полина.—Я тебѣ все пи-

сала, да ты такъ ничего и не прислалъ тогда. Пасторъ страшно сердился и порядочно грызъ меня за то, что со мной такое приключилось...

Густавъ еще разъ мысленно рѣшилъ обоихъ—и ее, и сына—узаконить. Мальчуганъ, между тѣмъ, протянулъ ручонку къ отцовской бородѣ, но Полина осторожно отвела ее въ сторону.

— Говорятъ, онъ весь въ тебя! „Вылитый Густавъ!“—вотъ что̀ говорятъ люди.

Отецъ улыбнулся въ первый разъ прямо въ лицо своему „портрету“, а Полина прижалась къ его плечу и радостно переводила глаза съ него—на сына. Шалунишка успѣлъ, наконецъ, запустить ручонку въ бороду отца и привѣтствовать свой успѣхъ побѣдоноснымъ крикомъ.

Въ эту минуту всѣ трое казались счастливѣйшимъ въ мірѣ семействомъ.

II.

Густавъ Бютнеръ опоздалъ домой къ обѣду.

Мать подала ему разогрѣтое кушанье и высказала удивленіе, что онъ днемъ такъ долго засидѣлся въ пивной; прежде этого съ нимъ не бывало! Но Густавъ промолчалъ, не желая, чтобы родные заподозрили настоящую причину его запозданія.

Посуда уже была прибрана; Карлъ, выпускавшій изо рта свою трубку только на время ѣды, опять уже держалъ ее въ зубахъ. Мать не позволяла дочерямъ прислуживать Густаву вмѣстѣ съ нею; она съ особой гордостью сама поставила теперь передъ своимъ любимцемъ закрытую миску и оперлась руками въ бедра, посмѣиваясь довольнымъ смѣхомъ.

— Ну, Густавъ, догадайся, что̀ тамъ такое?—спросила она и подняла крышку.

Въ мискѣ была свинина съ жирными клецками и съ грушами.

— Твое любимое; а, Густя?

Не сводя съ него глазъ, любовалась она, какъ онъ каждый глотокъ препровождалъ изъ миски прямо себѣ въ ротъ; казалось, ей самой было вкусно то, что̀ ѣстъ ея сынъ. Въ комнатѣ водворилась тишина, прерываемая только похрапываніемъ старика, примѣру котораго готовъ былъ послѣдовать и Карлъ. Въ глубинѣ у большого зіяющаго отверстія печи, занимавшей цѣлый уголъ, хлопотали надъ мытьемъ посуды молодыя женщины—дочери хозяйки дома и ея невѣстка, жена Карла. Дѣвушки на-

столько отличались по наружности своей одна отъ другой, что ихъ нельзя было принять за сестеръ.

Старшая, Тони—крупная, коренастая, румяная—представляла собой типъ деревенской красавицы. Совсѣмъ противоположныя ей черты отличали отъ нея младшую сестру, Эрнестину. Послѣдняя была изящнѣе, стройнѣе и скорѣе напоминала собою барышню-горожанку; но работа у нея въ рукахъ такъ и кипѣла, въ противоположность ея дородной, но не такой проворной сестрѣ.

Къ старику всѣ относились почтительно и боялись помѣшать его дремотѣ; меньше всѣхъ, повидимому, боялась этого Тереза, которая говорила своимъ обычнымъ грубымъ, ворчливымъ голосомъ, и, прибирая на полкѣ чистыя тарелки, замѣтила, что ея Карлъ спитъ; голова его опустилась на грудь, трубка свѣсилась на плечо. Проходя мимо, его тощая половина безъ особой нѣжности толкнула мужа.

— Вамъ, мужчинамъ, только бы храпѣть весь день напролетъ! А мы, женщины, изволь на васъ работать. Свѣтъ вверхъ дномъ, вотъ это что̀ будетъ!.. Ну-же, проснись!

Карлъ открылъ глаза, растерянно оглянулся вокругъ, взялъ въ зубы свою неразлучную трубку... но черезъ нѣсколько минутъ его усиленно моргавшіе глаза опять закрылись... Онъ заснулъ.

Его супруга продолжала ходить по комнатѣ, не переставая ворчать. Но ея раздраженіе въ сущности было вызвано вовсе не сонливостью Карла,—къ этому она успѣла привыкнуть,—нѣтъ, она вообще находила, что старики отдаютъ предпочтеніе младшему сыну передъ старшимъ—и это ее злило.

— Смотрите, смотрите!—шептала она злобно своимъ золовкамъ:—мать-то со всѣхъ сторонъ начиняетъ своего любимца!

„Хозяинъ“ шевельнулся и съ просонья проговорилъ:

— Густавъ тутъ?—и узнавъ, что сынъ уже отобѣдалъ, предложилъ ему пойти въ поле.

Молодой унтеръ съ радостью согласился, иначе онъ не зналъ бы, чѣмъ наполнить свой праздничный досугъ. Карлъ вышелъ вмѣстѣ съ ними, но вскорѣ отсталъ и свернулъ въ сторону, по направленію къ сѣновалу, куда его тянуло выспаться подальше отъ суровыхъ, обличительныхъ взоровъ его дражайшей половины. Построекъ, изъ которыхъ состояли владѣнія Бютнера, было три: жилой домъ съ лѣтнимъ деревяннымъ флигелемъ-пристройкой, хлѣвъ, конюшни и, наконецъ, сарай. Все это, видимо, было не первой молодости, но каждая трещина была задѣлана, каждая дыра—заткнута, въ каждой мелочи была замѣтна заботливая

хозяйская рука. Домъ былъ мазанный глиной; между стропилами выдѣлялись выбѣленные четырехугольники стѣнъ, окаймленные черными балками; окна, какъ глаза, смотрѣли открыто, на чердакѣ виднѣлось тоже окошечко. Надъ сѣноваломъ была устроена голубятня; ея дверцы и окнообразныя отверстія служили входомъ для голубей, которыхъ защищалъ отъ хищныхъ птицъ какъ бы вѣнокъ изъ колючей, острой проволоки. Посреди двора помѣщалась навозная куча и при ней насосъ. Въ открытомъ сараѣ виднѣлись бѣговыя дрожки, бричка, телѣги, а также и земледѣльческія орудія. Въ сараѣ лежали дрова, уже наколотыя для употребленія... Словомъ, все здѣсь являло хозяйственную заботливость со стороны живущихъ въ домѣ старика Бютнера; однако онъ сравнительно еще недавно могъ замѣнить соломенную крышу черепичной...

Въ садикѣ и въ огородѣ, какъ и во дворѣ, проглядывалъ общій духъ этого дружнаго хозяйства и цѣль его—доставить предметы пользы и необходимости. Садикъ, огороженный частоколомъ, заботливо охраняла „хозяйка“: тамъ она своими руками садила и полола всевозможныя полезныя овощи, а также и нѣкоторые сорта душистыхъ цвѣтовъ. Небольшую бесѣдку лѣтомъ обвивали турецкіе огнецвѣтные бобы; въ саду стояли фруктовыя деревья, которымъ повидимому было больше вѣка отъ роду.

Особенно красивъ былъ входъ въ домъ, въ который вели три широкихъ, вышлифованныхъ каменныхъ ступени; столбы и стропила были также гранитные. Надъ дверью была прибита доска съ нижеслѣдующимъ изреченіемъ:

— „Wir bauen alle feste
„und sind doch fremde Gäste,
„und wo wir sollen ewig sein,
„da bauen wir gar wenig ein!“—

Не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, Густавъ и его отецъ направились прямо туда, куда ихъ влекло обоихъ любопытство: тамъ, т.-е. въ конюшнѣ, стояла караковая двухлѣтка, которую недавно купилъ старикъ. Положимъ, со вчерашняго вечера молодой унтеръ-офицеръ успѣлъ уже раза четыре-пять забѣжать взглянуть на нее; ему даже „выводили“ лошадку, и онъ пытливо слѣдилъ за ея „бѣгомъ“, но высказаться окончательно все еще не рѣшался. Такова уже была отличительная черта всѣхъ Бютнеровъ: они скорѣе съ чужими не стали бы скрываться, но въ дѣлахъ хоть сколько-нибудь важныхъ они долго-долго молчали, прежде чѣмъ высказаться передъ своими домашними. За-

частую самые настоятельные вопросы мучительно томили ихъ въ глубинѣ души по цѣлымъ недѣлямъ, но все-таки они какъ бы стыдились пускаться между собою въ откровенности. Весьма возможно, что этому причиной было то простое обстоятельство, что всѣ члены Бютнеровской семьи всегда жили такъ сплоченно и дружно, что и безъ словъ знали мысли одинъ другого.

Потрепавъ добрую лошадку, задавъ ей корму и подбросивъ свѣжей соломы на подстилку, старикъ-Бютнеръ пошелъ съ Густавомъ въ поле. Его владѣнія спускались прямо къ лѣсу, въ видѣ узкаго, длиннаго участка земли; у опушки этого лѣса, который также принадлежалъ крестьянамъ, протекалъ ручеекъ, разроставшійся въ предѣлахъ села до размѣровъ цѣлаго ручья. Межъ полей пролегала настоящая деревенская дорога; широкая, но ухабистая, каменистая и неустроенная.

Молча обошли они нѣсколько участковъ, и отецъ только искоса вопросительно поглядывалъ на своего Густава, какъ на толковаго цѣнителя земледѣльческихъ работъ, въ которыхъ его младшій сынъ былъ искуснѣе и опытнѣе старшаго, т.-е. Карла. Но вотъ старикъ остановился передъ лужайкой, засѣянной густымъ зеленымъ клеверомъ.

— Куда ни оглянись, вездѣ про такой клеверъ будетъ слышно... Да, да!—самодовольно вырвалось у старика. Такого клевера не выростилъ въ Гальбенау еще никто изъ крестьянъ! А вѣдь та же пашня ходила у меня подъ овсомъ!.. Ха!.. Да въ этомъ клеверѣ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ можетъ весь и съ ушами спрятаться длинноухій „косой"!

Крѣпко упершись въ землю ногами, стоялъ старикъ Траугогъ и, заложивъ руки за спину, сіялъ счастьемъ и гордостью во все свое загорѣлое, старое лицо, дышавшее честностью и прямодушіемъ. Особенно пріятно было ему услыхать отъ сына, что тотъ въ жизни еще не видывалъ уже на Пасхѣ такого прекраснаго клевера. Насладившись его созерцаніемъ, оба пошли впередъ. Молчаніе было нарушено, и Густавъ охотно и простодушно принялся описывать отцу такія чудеса, о которыхъ тотъ и не слыхивалъ: машины и тому подобныя хитроумныя сельскохозяйственныя сооруженія.

— Вотъ, хоть убей меня!.. Вотъ хоть убей!..—выкрикивалъ онъ удивленно, и не вѣрилъ ушамъ своимъ, что машина сама вяжетъ снопы; сѣялка и молотилка были для него уже потому болѣе доступны, что онъ ихъ не разъ видѣлъ и даже осматривалъ; но жатвенная машина?!..

— Да послѣ этого, пожалуй, придумаютъ и такую штуку,

которая сама будетъ капусту садить или коровъ доить. Никогда въ жизни не повѣрю! Если до этого дойдетъ, то намъ, крестьянамъ, хоть сейчасъ собирайся да иди куда глаза глядятъ! И безъ того намъ плохо приходится: дворяне дерутъ съ насъ шкуру, а купцы щиплютъ безпощадно. Да, не дай Богъ, какъ пойдутъ еще эти машины,—намъ хоть ложись да умирай тогда!

Густавъ слушалъ и только улыбался.

За время своего пребыванія въ городѣ, онъ успѣлъ значительно стряхнуть съ себя деревенскую узкость взглядовъ и предразсудковъ. Старикъ съ удовольствіемъ слушалъ сына и въ душѣ гордился его умомъ, его умѣньемъ говорить красно; но къ новинкамъ онъ относился съ предубѣжденіемъ и считалъ, что ихъ для того только и придумываютъ, чтобы въ конецъ разорить крестьянина.

Между тѣмъ, они подходили къ такому мѣсту, гдѣ начинался кустарникъ.

Трауготъ Бютнеръ, какъ большинство землепашцевъ, былъ плохой лѣсничій, и ему не хотѣлось, чтобы сынъ видѣлъ недочеты въ его хозяйствѣ. Этотъ участокъ его земли примыкалъ къ землѣ настоящаго владѣльца зáмка, и Трауготъ имѣлъ причины желать, чтобы сынъ туда не ходилъ: сорнымъ травамъ было здѣсь полное раздолье, и этой картины запустѣнія старикъ имѣлъ полное основаніе стыдиться.

— А здѣсь у васъ что̀? — спросилъ Густавъ, останавливая отца.

— Да ничего хорошаго, — возразилъ Трауготъ.—Этотъ кустарникъ мѣшаетъ моей запашкѣ, и все равно изъ него проку никогда не будетъ!

О томъ, что этого участка уже нѣсколько лѣтъ не касались ни соха, ни борона, старикъ и не подумалъ заикнуться.

— А что̀? Развѣ графъ все еще намѣревается купить нашъ лѣсъ?—спросилъ Густавъ.

Старикъ Бютнеръ вспыхнулъ.

— Чтобъ я да когда-нибудь продалъ свой лѣсокъ?!—воскликнулъ онъ.—Пока я живъ, этому не бывать! Мои владѣнія должны быть нераздѣльны! — жилы у него на шеѣ налились, голосъ хрипѣлъ...

— Ну, вотъ, я то же говорю, отецъ!—успокоительно замѣтилъ Густавъ.

Отецъ остановился и оглянулся на свой лѣсъ.

— Ни одной пяди своей земли *я* не уступлю; не уступлю! Послѣ меня дѣлайте что̀ хотите, а пока я живъ, графъ ничего

отъ меня не дождется! Хоть какъ угодно онъ проси и умоляй,—я ему не поддамся! Отъ меня онъ моего лѣса не получитъ.

Онъ крѣпко сжалъ кулаки, энергично сплюнулъ и сердито повернулся къ лѣсу спиною. Густавъ промолчалъ; онъ зналъ, что коснулся больного мѣста старика.

Уже не разъ графъ,—владѣлецъ сосѣдняго имѣнія,—предлагалъ купить у Бютнера его лѣсъ, и такія сдѣлки вообще были въ Гальбенау не рѣдкость, тѣмъ болѣе, что древне-рыцарское обширное помѣстье Саландъ съ теченіемъ времени значительно сократилось въ своихъ размѣрахъ, и земли его врѣзались въ деревенскіе участки. Поля и лѣсъ Бютнера были съ трехъ сторонъ окружены графскими владѣніями, и ненависть старика-Траугота къ графу еще болѣе обострилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ подалъ на него жалобу въ незаконномъ пользованіи его охотой и проигралъ свое правое дѣло.

Ступая по топкому грунту зеленой лужайки, Густавъ замѣтилъ, что мѣстами земля колеблется и подается у него подъ ногами: очевидно, здѣсь лугъ превратился въ болото.

— А надо бы дренажъ устроить,—замѣтилъ онъ.

— А денегъ откуда взять?—вскричалъ отецъ.—Мы и безъ того почти не управляемся съ работой. Двухъ паръ рабочихъ рукъ на нашу семью слишкомъ мало; а женщины у насъ и безъ того уже дѣлаютъ все, что̀ могутъ. Да, не мѣшало бы намъ еще работника на придачу!

Густавъ прекрасно понималъ этотъ намекъ, но ничего не возражалъ, зная, что отецъ давно желалъ бы видѣть въ немъ своего помощника, и что дѣйствительно его отсутствіе тяжело отзывается на хозяйствѣ; Густавъ самъ прекрасно зналъ себѣ цѣну. Но что̀ же дѣлать? Не бросать же свои шнуры и погоны ради такого второстепеннаго положенія, какъ положеніе работника въ отцовскомъ домѣ?

— Что̀-жъ, отецъ, тебѣ бы нанять работника? — проговорилъ онъ.

Старикъ сталъ на мѣстѣ, какъ вкопанный, и воскликнулъ, горячо размахивая руками:

— Работника? Работника?! Да откуда у меня на это деньги? Ему въ годъ восемьдесятъ талеровъ подай, да еще накорми, вдобавокъ. А Рождество, а уборка хлѣба? Мнѣ и безъ него своихъ ртовъ дома сколько угодно. Я, кажется, еще въ своемъ умѣ,—а вдругъ возьму ребoтника по найму! Нѣтъ, намъ нуженъ человѣкъ, но человѣкъ такой, который работалъ бы безъ денегъ, вотъ что̀!

Молодой унтеръ-офицеръ только пожалъ плечами. Умолкъ и отецъ, только лицо его то-и-дѣло хмурилось. Подходя къ дому, онъ взялъ сына подъ-руку, притянулъ его къ себѣ и прошепталъ ему на ухо:

— Я долженъ тебѣ показать одно письмо. Пойдемъ въ комнату.

Онъ самъ прошелъ впередъ и принялся шарить въ комодѣ.

— Ты что̀ тамъ ищешь, Бютнеръ?—спросила его хозяйка.

— Письмо отъ Карла Леберехта.

— Я его припрятала,—отвѣчала старуха и, ковыляя, побрела къ комоду.—Постой-ка, постой!

На комодѣ она взяла шкатулочку, изъ шкатулочки ключъ, ключомъ отперла шкапикъ и съ верхней полочки достала старую книгу, въ которой было множество закладокъ. Довольно долго перелистывала ее старуха, до тѣхъ поръ, пока не набрела на то, что̀ искала.

— Вотъ оно; на̀!

Съ особымъ почтеніемъ, какъ ко всему письменному, взялъ старикъ въ руки письмо, состоявшее изъ большой четвертушки бумаги; съ правой стороны, въ заголовкѣ стояло названіе фирмы: „К. Г. Бютнеръ, оптовая и розничная торговля“, и названіе мѣстности, гдѣ фирма находилась.

Густавъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что письмо подписано его собственнымъ именемъ:—Густавъ Бютнеръ. Онъ вспомнилъ, что такъ зовутъ его ровесника и двоюроднаго брата, — сына дяди Карла, который много лѣтъ тому назадъ уѣхалъ изъ деревни, будучи отъявленнымъ шалопаемъ; затѣмъ его надолго потеряли изъ виду, и когда онъ снова всплылъ на поверхность, то уже въ качествѣ осѣдлаго горожанина, главы овощной торговли въ одномъ изъ довольно крупныхъ провинціальныхъ городовъ. Обѣ семьи жили—одна въ городѣ, другая въ деревнѣ, и не встрѣчались уже лѣтъ тридцать—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ съѣхались для раздѣла наслѣдства; слышали они другъ о другѣ случайно, да и то весьма рѣдко. Теперь Густавъ Бютнеръ извѣщалъ, отъ имени отца своего, Карла, что срокъ по закладной, выданной еще со времени раздѣла, наступаетъ въ Ивановъ день. Причиной такого требованія являлось, будто бы, дальнѣйшее расширеніе торговли. Въ общемъ письмо было самаго сухого, дѣлового характера, и ничто въ немъ не напоминало о близкомъ родствѣ отправителя съ адресатомъ.

Отецъ съ матерью стояли за плечами у сына и смотрѣли, какъ онъ читаетъ.

— Отецъ, ты что-нибудь уже сдѣлалъ?

— А? Чтò ты говоришь?—видимо ничего не понимая, переспросилъ старикъ.

— Ты сдѣлалъ что-нибудь, чтобы добыть денегъ для уплаты? 1-го іюля срокъ.

— Видишь, видишь, чтò я говорила?—воскликнула хозяйка.

— Ну, я и ходилъ, и просилъ взаймы; да вотъ вѣдь не даетъ нашъ Кашель-Эрнстъ иначе, какъ по шести процентовъ.

— Это на него похоже!—замѣтилъ Густавъ, знавшій, что его дядя скряга и первый богачъ на селѣ, гдѣ чистыя деньги были на рѣдкость.—Но надо бы все-таки что-нибудь придумать; а не то на васъ подадутъ ко взысканію.

— Іисусе Христе! — воскликнула старуха.—Ужъ я ли ему не говорила? Придется тебѣ стыда отвѣдать!

— Ну, отъ Карла нельзя этого ожидать!—проговорилъ старикъ; однако во взглядѣ у него не было твердой увѣренности.

— Ну, онъ копаться не станетъ!—возразилъ Густавъ.

— Видишь, Трауготъ, видишь? Вотъ и Густавъ говоритъ!—воскликнула жена и обратилась къ сыну:—Отецъ у насъ всегда такъ дѣлаетъ: ждетъ-пождетъ, а тамъ, пожалуй чего добраго, и всю землю у него отберутъ!

Сурово, исподлобья взглянулъ на свою половину крестьянинъ: очевидно, его задѣло это за живое.

— Жена! Заткни глотку!—крикнулъ онъ на нее.—Ничего ты въ дѣлахъ не смыслишь!

Старуха, повидимому, ничуть не оскорбилась; ей больно было только за мужа, и она молча убралась въ свой уголокъ.

— Знаешь, отецъ, тебѣ бы съѣздить въ городъ?—предложилъ наконецъ Густавъ. — Тамъ скорѣй достанешь! Здѣсь, кромѣ Кашеля, нѣтъ никого съ деньгами, а тамъ все-таки вѣрнѣе.

— Да я и самъ такъ думалъ!—замѣтилъ озабоченно старикъ.

Въ комнатѣ стало тихо-тихо. Только за дверью поскрипывала люлька, въ которой Тереза качала своего меньшого малютку.

Молчаніе прервали сестры Густава: онѣ явились въ своемъ праздничномъ нарядѣ показаться старшимъ. Толстуха-Тони подтянулась и красовалась въ своемъ ярко-синемъ платьѣ, видимо гордясь своей стеклянной брошкой, напомаженными волосами и платьемъ, которое ей было спереди черезчуръ коротко, такъ что ея грубые, неуклюжіе сапоги бросались въ глаза; тѣмъ болѣе, что Тони держалась натянуто, ходила и двигалась какъ деревянная. Къ корсету и воротничку она была непривычна.

Густавъ, у котораго вкусъ сдѣлался утонченнѣе за время пребыванія въ городѣ, усмѣхаясь, поглядывалъ на сестру; даже отецъ пробормоталъ что-то въ родѣ:—Корова!

Онъ не любилъ излишнихъ побрякушекъ и нарядовъ. Но мать заступилась за свое дѣтище; вѣдь сегодня въ гастгаузѣ танцы, и надо же дѣвкѣ показать себя!..

Поужинали пораньше, и молодежь пошла на село, веселиться. Дорогой, изъ словъ Тони, братъ узналъ, что дочь Кашеля не разъ спрашивала и раньше, и сегодня утромъ, въ церкви:—будетъ ли онъ на вечеринкѣ?

Смѣшно было Густаву слушать про Оттилію: онъ зналъ, къ чему клонитъ сестра, и чего она добивается отъ него. Но было время, онъ и съ нею водился, а теперь она устарѣла; да, впрочемъ, она и всегда была на много лѣтъ старше его;—что же ему за дѣло, что она самая богатая невѣста на селѣ?

— Была у насъ въ эскадронѣ лошадь; звали ее „Гармоника“;—такая старая кляча, съ вдавленной спиной,—припомнилъ Густавъ и почему-то сравнилъ съ нею Оттилію.

Въ домъ онъ не вошелъ, а сказалъ, что завернетъ попозже. Въ залѣ уже было видно въ окнахъ яркое освѣщеніе; доносился гулъ духовыхъ инструментовъ, топанье и шарканье многочисленныхъ тяжелыхъ ногъ.

Но это не могло плѣнить Густава: сегодня его влекло къ себѣ нѣчто другое.

Окольными дорожками, межъ садовъ и строеній, онъ шелъ тихо и осторожно, пробираясь куда-то въ сторону отъ шумнаго разгула. Ему на встрѣчу показалась кучка молодежи; онъ поспѣшилъ перескочить черезъ заборъ, чтобы только съ нимъ не заговорили.

Въ окошкѣ у Полины еще свѣтился огонекъ. Она ждала Густава. Утромъ, разставаясь, они ничего объ этомъ не говорили, но оба знали, что непремѣнно свидятся еще въ тотъ же вечеръ. Прежде чѣмъ Густавъ успѣлъ постучать въ окно, занавѣска чуть-чуть колыхнулась, и за нею мелькнула женская бѣлая фигура. Тихо, безъ шума, откинулась форточка и кто-то прошепталъ:

— Дверь не заперта... Тише, не разбуди мать!..

Движеніями мягкими, какъ у кошки, проскользнулъ молодой унтеръ-офицеръ къ дверямъ... Свѣтъ лампочки мигнулъ и—погасъ.

III.

Нѣсколько дней спустя, Трауготъ Бютнеръ заложилъ свою „плетенку“, взвалилъ на нее нѣсколько мѣшковъ и, усѣвшись на краешкѣ такъ, что его ноги почти касались лошадинаго хвоста, поѣхалъ въ городъ.

Нагляднымъ подтвержденіемъ его намѣренія была тщательность, съ которою старикъ сегодня выбрился (обыкновенно, это священнодѣйствіе совершалось только по субботамъ), надѣлъ чистую рубаху, черный сюртукъ и плоскодонную войлочную шляпу. Проѣзжая мимо гастгауза, Бютнеръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ зятя, который стоялъ на порогѣ въ самой „хозяйской“ позѣ, сложивъ руки подъ передникомъ.

Подстегнувъ лошадь, чтобы скорѣе проѣхать мимо, Бютнеръ однако не могъ избѣжать возгласа, который тотъ послалъ ему въ догонку:

— Здравствуй, Трауготъ!—И, несмотря на свои деревянные башмаки, хозяинъ гастгауза проворно сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ:—Да постой же, постой! Мнѣ надо бы съ тобой поговорить!

Теперь Бютнеру оставалось только по неволѣ сдержать порывы своего вѣрнаго слуги-жеребца и задержать его бѣгъ, туго натянувъ возжи; онъ неохотно остановилъ лошадь и спросилъ зятя:—что̀ ему отъ него нужно?

„Хозяинъ“ засмѣялся. Таково ужъ было его отличительное свойство, что онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ смѣялся. Это не мало удивляло и смущало его собесѣдниковъ, но ему самому служило службу. И такъ, оскаливъ свое безбородое старческое лицо, онъ продолжалъ:

— Развѣ тебѣ ужъ такъ надо торопиться, Трауготъ? Куда это ты выбрался такъ рано?

— Въ городъ, продавать овесъ,—отвѣтилъ тотъ, разсерженный ненавистной ему улыбкой, и опять замахнулся на лошадь кнутомъ, но Кашель-Эрнстъ ухватился уже за поводья, чтобы задержать зятя, и едва успѣлъ отскочить въ сторону,—лошадь легко могла бы его растоптать.

— Тпру, старина, тпру!—успокоительно обратился онъ къ лошади и, все еще смѣясь, прибавилъ:—А, чортъ! Откуда ты набралъ овса въ такую пору?

— Поскребъ на гумнѣ, вотъ и наскребъ немножко,—возразилъ Трауготъ,—да еще щепотка на кормъ лошадямъ осталась!

Думаю, продамъ, пока онъ въ цѣнѣ, а то вдругъ онъ возьметъ да „упадетъ“... овесъ-то этотъ самый!

— Еслибъ не слишкомъ дорого, я могъ бы, пожалуй, взять у тебя хоть центнеръ...

— Базарная цѣна стоитъ въ росписаніи цѣнъ.

— Ну, по базарной цѣнѣ я бы не хотѣлъ платить, именно потому, что покупаю у тебя, Трауготъ: ты и самъ вѣдь не захочешь обидѣть близкаго родного?—Кашель-Эрнстъ умѣлъ, когда въ этомъ являлась надобность, прикинуться простосердечнымъ.

— Ахъ, это ради родства-то?—возразилъ возбужденно Трауготъ.—Съ близкаго родного можно потребовать и шесть съ половиною процентовъ, когда онъ нуждается въ деньгахъ. Это для тебя ничего не значитъ! Отойди прочь! Я ѣду!

Но тотъ не выпускалъ изъ рукъ уздечки, несмотря на то, что зять его уже взмахнулъ въ воздухѣ кнутомъ.

— Постой!—воскликнулъ онъ.—Вотъ что̀ я тебѣ скажу: тебѣ вѣдь очень нужны деньги, да? Такъ я это тебѣ устрою за пять процентовъ... Хорошо? Для тебя только, Трауготъ!

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника; онъ не вѣрилъ такому быстрому перерожденію своего зятя, который еще такъ недавно требовалъ шесть съ половиною процентовъ по закладной Карла Леберехта. Что пять процентовъ зять предлагаетъ не изъ любви къ нему,—это онъ зналъ навѣрное; но эта самая сумма казалась ему такой соблазнительной, что онъ уже готовъ былъ согласиться... А вдругъ въ городѣ можно будетъ достать на полпроцента дешевле? Да нѣтъ, въ сущности оно и лучше не связываться съ Кашель-Эрнстомъ.

— Ну что-жъ, согласенъ?—прервалъ его размышленія Кашель-Эрнстъ.—Пять процентовъ?

— Мнѣ бы хотѣлось получить сейчасъ и чистыми деньгами.

— Деньги готовы. Можешь хоть сію минуту уплатить Карлу Леберехту.

Но Бютнеръ колебался. Онъ чувствовалъ, что тутъ не безъ задней мысли: если зять напускаетъ на себя личину честнаго человѣка, можно быть увѣреннымъ, что онъ хочетъ кого-нибудь обдуть!

— Ты говоришь, у тебя ужъ готовы деньги?

— Да, лежатъ! Чистыми деньгами тысяча талеровъ и даже больше. Хочешь покажу?

— Такъ пять процентовъ? Да? Меньше никакъ нельзя?

— Никакъ не меньше! И вотъ еще что̀ я хочу тебѣ сказать: на пять процентовъ я согласенъ только потому, что подъ

свою собственную закладную, за которую твоя сестра мнѣ до сихъ поръ платила четыре процента, съ Михайлова-дня я буду считать тоже по пяти процентовъ,—четырехъ мнѣ мало,—понимаешь?

— Да ты съ ума сошелъ!

— Нисколько. Пусть обѣ закладныя будутъ сдѣланы по пяти процентовъ, тогда и деньги ты получишь; а иначе—ни гроша!

У Бютнера лопнуло терпѣніе.

Онъ стегнулъ лошадь, и она рванулась впередъ такъ, что зять его едва успѣлъ отскочить въ сторону. Красный какъ ракъ, обернулся Бютнеръ и пригрозилъ ему, громко ругаясь въ то время, какъ телѣжку его стремительно кидало изъ стороны въ сторону.

Кашель-Эрнстъ какъ былъ, такъ и остался стоять на мѣстѣ, подхвативши себя за бока отъ смѣха: очень ужъ ему было пріятно, что удалось потѣшиться надъ зятемъ. Сынъ его, шестнадцатилѣтній шалопай Рихардъ, выскочилъ на крыльцо (онъ изъ окна видѣлъ всю эту сцену), но отецъ только продолжалъ безъ удержу смѣяться, и ни слова не понялъ сынъ въ отвѣтѣ на свои разспросы.

На село Кашель пришелъ много лѣтъ тому назадъ и поселился тамъ, не имѣя гроша мѣднаго за душою, а теперь онъ безусловно признанъ самымъ богатымъ изъ всѣхъ поселянъ. Кромѣ того, что при гастгаузѣ была у него еще пивная и большой участокъ земли, Кашель много заработывалъ тѣмъ, что служилъ посредникомъ при куплѣ и продажѣ. Онъ имѣлъ дѣло съ городскими маклерами и агентами, которые не переводились у него въ домѣ: что̀ ни день, то какой-нибудь такой господинчикъ да появлялся въ Гальбенау. Ходили слухи, что онъ руку приложилъ къ разгрому большинства сосѣднихъ распавшихся имѣній.

Обидно было подумать старику-Трауготу, что плутъ Кашель-Эрнстъ пошелъ въ гору единственно благодаря своей женитьбѣ на дѣвушкѣ изъ семьи тѣхъ же Бютнеровъ, которыхъ онъ теперь притѣсняетъ! Самыя мрачныя мысли одолѣли его. Надо же было судьбѣ такъ сложиться! Не стоитъ ждать, что на землѣ восторжествуетъ справедливость; все это хорошо и прекрасно говорится въ проповѣдяхъ пастора; но на дѣлѣ?!.. За что̀ Богъ наказуетъ всю его семью, и наказуетъ такъ жестоко, такъ неумолимо?!

— Нѣтъ! Рѣшительно справедливости на землѣ нѣтъ и не будетъ,—заключилъ Трауготъ, подгоняя свою лошаденку. Съ

трудомъ выбился изъ нужды отецъ Траугота, а, умирая, оставилъ своимъ пятерымъ дѣтямъ весьма значительную недвижимую собственность, однако съ оговоркою, чтобы между ними не было розни при раздѣлѣ: старшій братъ долженъ былъ выплатить сестрамъ и братьямъ хотя бы незначительную сумму въ видѣ вознагражденія за ихъ долю въ наслѣдствѣ. Трауготъ Бютнеръ такъ и сдѣлалъ; но, исполняя родительскую волю, онъ тѣмъ самымъ обременилъ долгами и закладными ту самую землю, которой цѣны не было, пока она была свободна отъ какихъ бы то ни было платежей и обязательствъ.

Подоспѣли войны, въ которыхъ неоднократно принималъ участіе молодой земледѣлецъ; урожай смѣнялся неурожаемъ; ясное, сухое время—сырымъ и дождливымъ; и всѣ эти превратности тяжело ложились на выручку съ урожая. Но подорвать мужество такого труженика, какимъ былъ Трауготъ, было не легко: онъ изъ всѣхъ силъ боролся съ обычными невзгодами сельскаго хозяйства, но мало-по-малу чаша этихъ невзгодъ переполнялась, пока не довела его до крайности. Градъ, падежъ скота, болѣзни домашнихъ чередовались; платежи натягивать было очень трудно... Но Трауготъ боролся не покладая рукъ, и въ этой борьбѣ онъ не замѣтилъ, какъ подошла старость; ему минуло шестьдесятъ лѣтъ, пошелъ седьмой десятокъ.

Въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣхалъ Трауготъ Бютнеръ, была какъ разъ ярмарка; улицы и площади кишмя кишѣли народомъ, который шелъ и ѣхалъ, запружая дороги своими телѣгами. Многіе здѣсь знали Бютнера; его окликали, останавливали, здоровались съ нимъ, зазывали къ себѣ въ лавку. Но сегодня ему было некогда. Онъ остановился по обыкновенію въ своей знакомой гостинницѣ подъ вывѣской „Смѣлый рыцарь“, задалъ корму своей лошадкѣ, устроивъ ее поудобнѣе въ конюшнѣ, и пошелъ на базарную площадь. Тамъ было одно укромное мѣстечко, которое было хорошо знакомо каждому, посвященному въ тайны торговыхъ оборотовъ съ продуктами сельскаго хозяйства; тамъ затѣвались и вершились большія торговыя дѣла.

Завидя Бютнера, къ нему подошелъ одинъ изъ торговцевъ и, хлопая по плечу, пригласилъ войти. Общее радушіе, съ какимъ его тамъ встрѣчали, нѣсколько удивило крестьянина, который уже насторожился, опасаясь, не хотятъ ли сыграть съ нимъ шутку. Его начали спрашивать, что у него есть сегодня на продажу; онъ отвѣчалъ сдержанно и очень осторожно, пе-

реходя отъ одной группы покупателей и торговцевъ къ другой. Заложивъ руки за спину, онъ прислушивался къ ихъ переговорамъ съ видомъ человѣка, который хочетъ пока только присмотрѣться.

На овесъ былъ большой спросъ, и цѣны стояли хорошія. Бютнеру пришло въ голову, что торговецъ преднамѣренно хотѣлъ его обсчитать, и кстати припомнилъ, что въ прошломъ году ему удалось выгодно продать свою рожь одной хлѣбной торговлѣ, которая съ тѣхъ поръ присылаетъ ему свой прейсъ-курантъ на каждую четверть года. Онъ прямо направился туда: тамъ обѣщаны „самыя высокія цѣны“ и „самыя сходныя условія“.

Контора „С. Харрасовичъ“ помѣщалась на довольно узкой улицѣ, во дворѣ; пройдя подъ дугообразнымъ сводомъ, надо было свернуть во дворъ, въ боковую дверь налѣво. Входя въ контору, Бютнеръ еще на порогѣ снялъ шапку, и къ нему на встрѣчу, съ высокаго табурета, соскочилъ молодой человѣкъ въ очкахъ и спросилъ у вошедшаго, что̀ ему угодно. Трауготъ объяснилъ, что хочетъ продать овесъ.

— А сколько именно?—вытирая перо о свой рукавъ, спросилъ молодой человѣкъ.

— Да кулей десять будетъ.

Молодой человѣкъ улыбнулся и возразилъ, что его фирма не занимается продажей „en détail“.

Бютнеръ его не понялъ, переспросилъ, и пока они обмѣнивались объясненіями и разспросами, писаря оглядывались на забавнаго, старомоднаго крестьянина, перекидываясь насмѣшливыми улыбками.

Но вотъ изъ внутреннихъ дверей вошелъ въ контору человѣкъ средняго роста, съ лысой головой, крючковатымъ носомъ и огненно-рыжей бородой. Тотчасъ же всѣ табуретки перевернулись лицомъ къ конторкѣ и каждый писецъ уткнулся носомъ въ свои бумаги.

Глава фирмы—Самуилъ Харрасовичъ—окинулъ крестьянина пытливымъ взглядомъ, потомъ подошелъ поближе и, любезно улыбаясь, подалъ ему руку:

— Богъ въ помощь, милѣйшій герръ Бютнеръ. Чѣмъ могу служить?

Бютнеръ былъ пораженъ. Откуда могъ его знать по имени этотъ господинъ, котораго онъ и самъ никогда въ глаза не видалъ?

— Я васъ прекрасно знаю,—продолжалъ тотъ:—вы вѣдь владѣлецъ кругленькаго помѣстья въ Гальбенау, такъ ли я говорю?.. Не удивляйтесь, что я васъ знаю... Чѣмъ могу служить?

Молодой человѣкъ пояснилъ что-то вполголоса.

— Надѣюсь, вы безъ разговоровъ приняли овесъ г-на Бютнера!—воскликнулъ хозяинъ.

— Я думалъ...—запнулся-было подчиненный.

— Мало ли что̀ вы думали!—перебилъ тотъ.—Вы все только *думаете*! Вы не должны меня лишать такихъ кліентовъ. Конечно, мы беремъ вашъ овесъ, милѣйшій Бютнеръ, и возьмемъ не глядя, съ закрытыми глазами, все, все, что̀ вы намъ принесете! Овесъ съ вами въ городѣ?

Съ трудомъ вытащилъ старикъ изъ кармана суровый холщевый мѣшочекъ...

— А, съ вами есть образецъ? Собственно, въ немъ не имѣется никакой нужды; вашъ товаръ всегда первый сортъ,—это всѣмъ извѣстно!

Тѣмъ не менѣе, онъ взялъ въ руки мѣшочекъ и внимательно пересыпалъ сквозь пальцы крупное, ровное зерно.

— Хорошо! Мы покупаемъ и даемъ вамъ самую высокую изъ базарныхъ цѣнъ. Бельвицъ, послать сейчасъ же человѣка въ гостинницу: пусть сейчасъ же привезетъ овесъ! А пока, пожалуйте сюда, мой милый Бютнеръ: вы мнѣ поразскажете коечто про свои дѣла съ зерномъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, куда Трауготъ послѣдовалъ за нимъ какъ во снѣ, Харрасовичъ заставилъ его сѣсть на диванъ, а самъ помѣстился напротивъ, у стола. Единственное оконце этой комнатки выходило во дворъ.

— Ну, мой милѣйшій, говорите: какъ дѣла у васъ, въ Гальбенау? Я знаю тамъ нѣсколько человѣкъ „хозяевъ“. Земля средней руки... а? Что̀? Пожалуй, немножко высоко лежитъ... а? Что̀? Морозы у васъ поздніе; а придетъ время, окажется, что зерно не налилось, какъ обѣщало... а? Что̀?.. Знаю, знаю; все это дѣло знакомое. Ну, говорите же, говорите: какъ у васъ яровые?

— Сынъ мой и дочери сегодня заняты на огородѣ послѣднею посадкой. Недѣльки черезъ двѣ, надѣюсь, мы совсѣмъ управимся.

— Поздравляю, поздравляю! Вѣрно, у васъ большое семейство?

— Съ меня хватитъ, хватитъ!—отвѣтилъ Бютнеръ, смѣясь про себя.—Съ внучатами на придачу восемь ртовъ, и всѣ ѣсть хотятъ... Хе-хе-хе!

— Ну что-жъ, зато тѣмъ больше будетъ и рабочихъ рукъ; а во время сбора это не мѣшаетъ? А, милѣйшій мой?.. Я знаю хорошо условія, въ которыя поставлены хлѣбопашцы: многочи-

сленное семейство для васъ благословеніе Божіе... а? Что?.. Ну, а съ озимыми вы какъ?

— Рожь—красота! Торчитъ, какъ щетка... Какъ щетка, такъ и торчитъ, д-да!

— Значитъ, на урожай самые блестящіе виды? Ну, и прекрасно! Значитъ, богата пашня и богатъ крестьянинъ; а богатъ крестьянинъ, богатъ и весь народъ, богато государство!

— Что-жъ, можетъ быть! Можетъ быть, такъ оно и будетъ,— замѣтилъ Трауготъ и почесалъ за ухомъ.—Только за послѣднее время деньги у крестьянъ что-то рѣдки стали... рѣдки!

— Ну, вамъ-то, кажется, пожаловаться нельзя; у васъ земли чуть что не рыцарскія владѣнія! Цѣлыхъ двѣсти да еще шестьдесятъ десятинъ... И вы еще можете жаловаться на свою судьбу? А что же послѣ этого остается дѣлать мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ?

— Хе-хе! Если-бъ не было на землѣ стольких обязательствъ; а то вѣдь сколько на нее приходится налоговъ и... долговъ!

— Знаю, знаю! По нынѣшнимъ временамъ, тяжело они ложатся на землевладѣльца. Но развѣ они на вашей землѣ такъ уже велики?

Бютнеръ принялся изливать передъ нимъ свою душу, и Харрасовичъ лишь изрѣдка ронялъ словечко, которое поощряло крестьянина въ его изліяніяхъ. Наконецъ, онъ дошелъ до главнаго инцидента,—до своего знатнаго сосѣда, графа Саланда.

— Вѣрю, вѣрю вамъ, милѣйшій Бютнеръ. Ужасно, когда дѣло коснется отношеній такихъ аристократовъ и крестьянъ! Прижимаютъ они васъ, что и говорить! Имъ бы земли побольше нахватать; а сами того не понимаютъ, что чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ хуже ему же, аристократу. Возьмемъ мы для примѣра хоть войну. Ну, кто пойдетъ защищать ихъ обширныя владѣнія? А не будетъ крестьянъ—не будетъ и солдатъ! Кто, какъ не крестьянское сословіе, даетъ намъ самые лучшіе полки?.. А границы съ графской землей у васъ велики?.. Вы почти замкнуты со всѣхъ четырехъ сторонъ?.. Это ужасно! Такіе графы ничего не смыслятъ, когда дѣло коснется крестьянскихъ интересовъ. Онъ, можетъ быть, вамъ предлагалъ купить хоть часть?

Бютнеръ поспѣшилъ горячо замѣтить, что не намѣренъ уступать ни одной пяди своихъ родныхъ полей! На лицѣ Харрасовича появилось сосредоточенное выраженіе; но онъ тотчасъ же продолжалъ:

— Очень печально... д-да! У васъ много заботъ, милѣйшій. Но закладныхъ на вашу землю нѣтъ?

— О, Господи!..—воскликнулъ старикъ, вскакивая съ мѣста, какъ только въ ушахъ у него раздался этотъ вопросъ, хоть его и сдѣлалъ Харрасовичъ съ совершенно невиннымъ выраженіемъ лица.—О, Господи! Да еслибы не закладная, все было бы еще сносно!

— Ну, а все-таки, въ какомъ она размѣрѣ? Я спрашиваю, потому что искренно интересуюсь.

— Пожалуй, двадцать-двѣ тысячи марокъ наберется.

Харрасовичъ испустилъ многозначительный свистъ:

— Важно, нечего сказать!

— Не правда ли?—подхватилъ старикъ, и весь какъ-то опустился, безнадежно уставившись въ землю.

— Какъ же вы думаете вылѣзть изъ такого невылазнаго положенія? Если у васъ и есть надежда,—лучше не обманывайте себя, не надѣйтесь!

— Да, трудновато будетъ, трудновато!—согласился старикъ Бютнеръ.—Иной разъ, кажется, самъ готовъ бы обратиться въ талеръ, чтобы только уплатить проценты. Ужъ я ли не сдираю съ себя послѣднюю шкуру, чтобы только денегъ на уплату доставало? Я и не допиваю и не доѣдаю... Адское житье, когда у тебя долговъ, что у собаки блохъ!

— И вы все это терпите спокойно? Я ставлю вамъ въ заслугу, что вы такъ соблюдаете интересы вашихъ кредиторовъ,—право!

— Да чтò-жъ подѣлаешь?

— А вотъ чтò, мой милѣйшій: единственное средство—объявить имъ всѣмъ, что вы отказываетесь отъ своихъ владѣній и предоставляете *все* въ ихъ личное распоряженіе. Замѣтьте, какъ у нихъ вытянутся физіономіи!! Ну, гдѣ же имъ возиться? Они ничего не съумѣютъ извлечь изъ того, чтò и васъ-то затрудняетъ. Увидите,—они сами придутъ вамъ поклониться; сами будутъ просить васъ по прежнему владѣть и понемногу погашать ихъ закладныя... Такъ дѣлали уже не разъ,—и всегда удачно. Главное въ такихъ фокусахъ—не трусить!.. Это лишь средство съизнова наладить свои дѣла. И слава Богу, съ позволенія сказать, что нѣчто подобное еще возможно!

Бютнеръ покачивалъ головой. Самой подкладки такого ухищренія онъ не могъ себѣ уяснить, но врожденное чувство порядочности подсказывало ему, что тутъ что-то не такъ. Онъ прямо объявилъ, что онъ на это не пойдетъ, что онъ еще надѣется вытянуть свою лямку, лишь бы помогъ ему урожай, да лишь бы его все время поддерживали добрые люди...

Овесъ привезли. Трауготъ пришелъ въ кассу, получилъ деньги и долго съ трудомъ выводилъ свою росписку; рука его отвыкла писать. Наконецъ и эта длинная процедура кончена. Но Трауготъ не уходитъ, и въ нерѣшимости топчется на мѣстѣ.

— Что̀, Бютнеръ? Не могу ли я вамъ еще чѣмъ-нибудь служить?—спросилъ Харрасовичъ.—Не надо ли вамъ искусственнаго удобренія? У насъ продается отмѣнное.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я бы хотѣлъ сказать вамъ кое-что другое... Вы бы могли мнѣ дать совѣтъ... На меня есть уже взысканіе... срокомъ на Ивановъ-день.

— Вотъ какъ?—прикинулся тотъ удивленнымъ.—Ну, тутъ ужъ я вамъ не могу помочь, это не моя спеціальность!—Однако онъ опять увелъ старика въ свою комнатку и принялся подробно разсчитывать на листочкѣ, записывая со словъ Бютнера число процентовъ, сроки платежей и т. п. Лицо его не предвѣщало ничего добраго; съ него глазъ не спускалъ озабоченный старикъ.

Наконецъ Харрасовичъ поднялся, серьезно, почти сурово посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и, подойдя къ нему близко-близко, проговорилъ:

— Денегъ вамъ дать я не могу: я—простой торговецъ и *только* торговецъ! Но у меня есть пріятель... Видите ли, я вижу, что вы честный человѣкъ; на васъ можно положиться, и мнѣ васъ душевно жаль; я хочу вамъ помочь, только вамъ, въ видѣ личнаго для васъ одолженія...

И Харрасовичъ подошелъ къ телефону, позвонилъ...

— А, здравствуйте! Шенбергеръ тутъ, въ конторѣ? Мнѣ бы хотѣлось съ нимъ поговорить... Благодарю!

Съ ужасомъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ на него Бютнеръ: старикъ не только никогда не видывалъ, но и не слыхивалъ ничего про подобныя вещи. Харрасовичъ, смѣясь, предложилъ ему послушать, но тотъ побоялся прикоснуться къ трубкѣ. Телефонъ затрещалъ.

— Да, это я, Харрасовичъ! Вотъ тутъ у меня есть одинъ крестьянинъ-землевладѣлецъ; ему хотѣлось бы освободиться отъ взысканія... Такъ можно съ нимъ явиться... къ вамъ?—Глядя на забавное, озадаченное лицо старика, онъ не переставалъ смѣяться и говорилъ самъ въ телефонъ, въ то же время прислушиваясь къ тому, что̀ гудѣлъ ему Шенбергеръ, прямо въ ухо, въ трубочку телефона.

— Онъ неотложно нуждается въ деньгахъ. Обезпеченіе надежное... Ну, вотъ еще! Трусишь?.. А? Не понимаю. Хорошо! Сейчасъ я его къ вамъ доставлю. До свиданія! Благодарю. До-

вольно!—Обернувшись къ Бютнеру, торговецъ съ шутливой улыбкой потрепалъ его по плечу.—Эта штука называется телефонъ, мой милѣйшій. Вотъ у васъ и есть что поразсказать своимъ!—И онъ повелъ старика къ своему пріятелю, Шенбергеру.

— Здравствуй, Самъ!—отвѣчалъ на его привѣтствіе лысый толстякъ съ черными выпуклыми глазами, которые выдавались по обѣ стороны надъ его носомъ и придавали ему видъ совы.

Онъ сидѣлъ на кожаномъ потертомъ креслѣ и не шевельнулся на встрѣчу вошедшимъ. Но „Самъ“, какъ звали въ торговомъ мірѣ Самуила, повидимому зналъ, что его товарищъ какъ бы приросъ къ своему креслу, и поторопился придвинуть стулья для себя и для Бютнера. Оба усѣлись.

— Вотъ, прошу познакомиться!—началъ онъ.—Мой другъ по торговымъ дѣламъ—землевладѣлецъ Бютнеръ. Я его знаю; онъ человѣкъ вѣрный. Вы смѣло можете открыть ему кредитъ: онъ васъ не подведетъ!

Шенбергеръ пожалъ плечами, съ недовольной гримасой на лицѣ, и возразилъ, что въ настоящее время большой рискъ давать деньги подъ залогъ земли.

— Согласенъ; но какой земли? При двухстахъ десятинахъ (слишкомъ!) закладная ужъ чего вѣрнѣе!

— Однако, чего ради подано ко взысканію?

— А того ради, что брату ихъ владѣльца понадобились деньги на его личное торговое предпріятіе. Онъ, вѣрно, сумасшедшій, что самъ себя лишаетъ такого дохода... Полно, Шенбергеръ, будь благоразуменъ и давай деньги!

Поломавшись, Шенбергеръ наконецъ приступилъ къ подробному разслѣдованію финансоваго положенія Бютнера—и все, все: его семейное положеніе, какъ сонаслѣдника прочихъ родныхъ, его закладныя и денежные долги, все заносилъ, „для памяти“, въ свою записную книжечку. Хладнокровно отмѣчалъ онъ каждое число, которое произносилъ старикъ своими дрожащими губами, а на заплывшемъ лицѣ Шенбергера не отражалось ни сочувствія, ни волненія.

— И все тутъ?—спросилъ онъ, когда Бютнеръ остановился; тотъ отвѣтилъ утвердительно.

— Хорошо; будутъ вамъ деньги, — объявилъ Шенбергеръ своимъ жирнымъ, глухимъ голосомъ.

Харрасовичъ сорвался со стула:

— Ну, что, Бютнеръ? Что я вамъ говорилъ? Мой другъ Шенбергеръ благородный человѣкъ. Видите,—онъ даетъ деньги.

— А какой процентъ бралъ вашъ братъ?

— Четыре процента.

— Я беру пять; срокомъ по четвертямъ.

Точно камень съ души свалился у старика: онъ боялся, что съ него потребуютъ гораздо больше.

— Видите? Чтò я вамъ говорилъ, милѣйшій Бютнеръ?—тараторилъ Харрасовичъ.—Блестящая сдѣлка!

Старикъ и самъ началъ такъ думать. Въ его простодушномъ сердцѣ зашевелилось чувство благодарности къ человѣку, который выручаетъ его изъ бѣды. Онъ, не стѣсняясь, подошелъ къ Шенбергеру, взялъ его бѣлую, поблекшую руку, унизанную перстнями, въ свой красный мужицкій кулакъ и крѣпко пожалъ.

— Благодарю васъ, господинъ Шенбергеръ! Горячо вамъ благодаренъ! И воздай вамъ за это Господь Богъ! Вы съ меня большое бремя сняли!

Шенбергеръ молча поглядѣлъ на него тѣмъ же неодобрительно-равнодушнымъ взглядомъ, какимъ онъ привыкъ встрѣчать все, чтò не касалось прямо счетовъ и бумагъ; а затѣмъ простился съ нимъ чуть замѣтнымъ наклоненіемъ своей тяжелой, лысой головы.

— Вы тамъ меня обождите минутку, милый Бютнеръ,—проговорилъ Харрасовичъ во слѣдъ уходившему:—Мнѣ надо кой о чемъ постороннемъ сказать съ нимъ пару словъ.

Но не минута прошла, а цѣлыхъ десять, пока Харрасовичъ вышелъ въ контору, гдѣ его ожидалъ Бютнеръ.

— Ну, а теперь пойдемъ, милѣйшій мой, составимъ условіе письменно, чтобы у васъ было тоже надлежащее удостовѣреніе. Я васъ сведу къ своему нотаріусу; онъ вамъ устроитъ все, какъ можно дешевле.

IV.

У адвоката все обговорилъ и все указалъ самъ Харрасовичъ, такъ что Бютнеру осталось только проставить свою подпись на бумагѣ. Покончивъ и съ этимъ дѣломъ, они вернулись въ гостинницу „Смѣлый Рыцарь“, такъ какъ Бютнеръ хотѣлъ засвѣтло вернуться домой. На прощанье Харрасовичъ обѣщалъ ему, что въ скоромъ времени заглянетъ къ нему въ Гальбенау, говоря, что ему очень интересно познакомиться поближе съ его хозяйствомъ.

— Ну, конечно, пріѣзжайте! Пріѣзжайте: для меня это будетъ такая радость!—воскликнулъ старикъ, и отъ всего сердца потрясъ его за обѣ руки на прощанье.

Уѣзжая изъ города, Бютнеръ былъ въ самомъ радужномъ настроеніи. За овесъ онъ выручилъ такъ много, что карманъ у него отдувался, биткомъ набитый деньгами. Будущее лежало передъ нимъ впереди,—свѣтлое, беззаботное. Теперь можно и корову купить,—да настоящую, по душѣ! Въ силу житейскаго опыта, онъ убѣдился, что наилучшее молоко даютъ черныя коровы съ бѣлыми пятнами; вотъ такую-то ему и надобно, съ длиннымъ хребтомъ, съ тяжелымъ выменемъ. Ему уже улыбалась возможность перекрыть амбаръ; а еще наканунѣ онъ говорилъ Густаву, что это слишкомъ непосильный для него расходъ. Теперь, подсчитавъ и прикинувъ въ умѣ издержки, Трауготъ даже изумился, до чего выгодный получился итогъ. Ничего, обойдется! Все обойдется!..

Ухмыляясь на свои мысли, онъ порой принимался весело насвистывать. Кажется, попадись ему на встрѣчу какой-нибудь оборванецъ, и того онъ сейчасъ усадилъ бы къ себѣ въ телѣгу, чтобы хоть съ нимъ подѣлиться своимъ отраднымъ настроеніемъ! Подъѣзжая къ постоялому двору, онъ было-обрадовался возможности со спокойной совѣстью выпить водочки (онъ позволялъ себѣ эту роскошь только въ какую-нибудь особенно радостную годовщину); но раздумалъ. У него въ головѣ мелькнула мысль, что можетъ сдѣлать это и въ гастгаузѣ у зятя... и не потому, чтобы онъ хотѣлъ оказать ему любезность... о, нѣтъ! Онъ далъ себѣ слово подразнить его и взбѣсить. Ужъ и обозлится же онъ, когда узнаетъ, что Карлъ получилъ свое!

Старикъ Трауготъ подгонялъ лошадь и злорадно усмѣхался все время, пока не остановился у крыльца зятя, щелкая бичомъ, чтобы дать знать о своемъ прибытіи. Къ нему вышелъ племянникъ,—копія своего отца, только пока еще не такой толстый и красноносый, какъ отецъ. Трауготъ спросилъ его, дома ли хозяинъ? Мальчишка осклабился и отвѣчалъ, что отецъ только-что пошелъ въ поле.

Бютнеръ потребовалъ себѣ водки.

— Хорошей?—съ наглой улыбкой переспросилъ тотъ.

— Ну, понятно, хорошей! Плохой я никогда не пью. Если у него есть дурная водка, онъ можетъ самъ ее пить, — понимаешь ты?

Племянникъ исчезъ за дверями и вскорѣ вернулся съ рюмкой и съ бутылкой.

Онъ налилъ дядѣ рюмку; тотъ опрокинулъ ее въ горло, крякнулъ и встряхнулся.

— Что̀ это сто̀итъ?—спросилъ онъ, вынимая свой кошель.

Племянникъ замѣтилъ, что для него, конечно, даромъ.

— Даромъ?—вскричалъ старикъ внѣ себя отъ гнѣва.—Я тебѣ задамъ—„даромъ"! Не хочу никому и ничѣмъ быть обязанъ, а тѣмъ болѣе вамъ обоимъ! Должать твоему отцу... да еще на какихъ-нибудь два пфеннига?! Ну, сколько же за водку?

Племянникъ сказалъ.

Трауготъ вынулъ свой мѣшокъ съ деньгами и нарочно долго рылся въ нихъ, чтобы дать мальчишкѣ насмотрѣться, а затѣмъ нарочно заплатилъ золотомъ, чтобы получить побольше сдачи. Спрятавъ мѣшокъ, онъ какъ бы мимоходомъ, уже собираясь ѣхать дальше, проговорилъ:

— Можешь сказать своему старику, что я хорошо продалъ свой овесъ, и освободился отъ закладной... и ничего мнѣ отъ него не нужно,—вотъ вамъ что̀!

Онъ хлестнулъ лошадь и покатилъ дальше, весело ухмыляясь. Зная, что все происшедшее будетъ тотчасъ же передано зятю, Трауготъ, радовался, что „задалъ ему жару".

Статный всадникъ, лѣтъ пятидесяти, въѣхалъ во дворъ къ Бютнерамъ верхомъ на чистокровномъ англійскомъ жеребцѣ; лицо всадника, загорѣлое, худощавое, какъ рамкой, окаймляла длинная бѣлокурая борода съ просѣдью.

У навозной кучи стояла наполовину нагруженная телѣга, а около нея, въ подобранныхъ юбкахъ, съ засученными рукавами, суетились, съ граблями въ рукахъ, дочери Бютнера.

— Дома хозяинъ?—спросилъ пріѣзжій.

— Отецъ съ Карломъ въ полѣ; они боронятъ.

— Мнѣ бы хотѣлось съ нимъ поговорить объ одномъ дѣлѣ. Нельзя ли за нимъ сходить?

Тони стояла, какъ вкопанная. Все въ незнакомцѣ казалось ей необыкновеннымъ: его длинная борода, ярко рыжія перчатки, хлыстикъ съ серебрянымъ набалдашникомъ; ей даже хотѣлось засмѣяться, и, глядя на него, она забыла, что надо отвѣчать. Эрнестина, младшая, была сообразительнѣе сестры и, незамѣтно обдернувъ сборки своей черезчуръ приподнятой юбки, проговорила, стараясь выражаться на верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи:

— Если вамъ угодно видѣть отца, мы можемъ его позвать: они недалеко.

Она проворно подскочила къ воротамъ и, сложивъ свои руки въ видѣ рупора, крикнула въ поле уже совсѣмъ по-своему, по̀просту:

— Карлъ! Поди, скажи отцу, пусть идетъ домой, да поскорѣе! Тутъ хотятъ его видѣть... А? Не понимаю... Ну да, да: верховой. Ему надо поговорить съ хозяиномъ. Сейчасъ Карлъ скажетъ,—обратилась она къ гостю, опять тщательно выговаривая каждое слово.

Незнакомецъ спросилъ, куда ему можно пока поставить лошадь, и дѣвушки указали на свободное стойло въ конюшнѣ; но величавый конь попятился, очутившись на порогѣ узкой, низенькой двери, которая туда вела. Съ помощью ласки и понуканья конь наконецъ рѣшился перешагнуть за порогъ незнакомаго для него мѣста, куда ввелъ самъ его хозяинъ.

Но вотъ и Бютнеръ появился на дворѣ. На лицѣ его отражалась досада, и онъ громогласно, не стѣсняясь, ругалъ дочерей, что оторвали его отъ работы... Не вынимая рукъ изъ кармановъ, Бютнеръ едва кивнулъ головой своему посѣтителю, который снялъ шляпу и поклонился ему, отрекомендовавшись:

— Новый управляющій графа,—полковникъ Шрофъ!

Неласково посмотрѣлъ на него домохозяинъ: отъ „господъ“ нечего ждать добра!—раздумывалъ онъ, предоставивъ гостю первому прервать наступившее молчанье. Полковникъ предложилъ ему переговорить съ нимъ съ-глазу-на-глазъ, и Бютнеръ, вмѣсто отвѣта, молча повелъ его по направленію къ дому.

Въ жиломъ помѣщеніи они встрѣтили хозяйку.

— Ступай вонъ!—приказалъ ей хозяинъ.

Однако, гость все-таки успѣлъ извиниться передъ нею за невольное безпокойство; что-жъ дѣлать, надо поговорить объ очень важномъ дѣлѣ. Между тѣмъ, Бютнеръ усѣлся въ уголокъ и оттуда, нахмурившись, смотрѣлъ, что̀ будетъ дальше. Какъ бы нарочно не замѣчая ничего, полковникъ принесъ себѣ стулъ и сѣлъ противъ старика.

— Итакъ,—началъ онъ, вытянувъ одну ногу и хлопнувъ по ней хлыстикомъ,—вотъ въ чемъ дѣло: Мое начальство, графъ—хотѣлъ бы пріобрѣсти вашъ лѣсъ. Объ этомъ уже велись съ вами переговоры, но безрезультатно. Я признаюсь вамъ откровенно, что такое пріобрѣтеніе для насъ весьма важно: вашъ узенькій участокъ врѣзается въ графскія владѣнія и вынуждаетъ насъ и нашихъ рабочихъ отправляться въ объѣздъ вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо. А для васъ это также предметъ немѐньшей важности; вѣдь налоги, все равно, идутъ и на эту землю, а вамъ лѣсъ никакого дохода не приноситъ; и дровъ-то съ него вы соберете немного, такъ что вамъ не хватитъ даже заплатить поденщикамъ. Ну, что̀ же, наконецъ: сойдемся?

— Не думаю! — хмуро отозвался крестьянинъ изъ своего угла.

— Да послушайте же, милый Бютнеръ! — воскликнулъ Шрофъ, съ помощью своихъ долгихъ ногъ придвигаясь вмѣстѣ со стуломъ совсѣмъ близко къ хозяину дома:—Графъ вамъ навѣрное дастъ хорошую цѣну; я даже уполномоченъ предложить вамъ такую значительную сумму, какой еще не слыхано въ здѣшнихъ мѣстахъ.

— Это не новость: старый графъ два раза уже слышалъ отъ меня все тотъ же отвѣтъ; а я отъ него и теперь не отступлюсь!

— Подумайте, Бютнеръ, хорошенько! Я вамъ по собственному опыту говорю, что лучше маленькое имѣніе, да благоустроенное, чѣмъ неустроенное, но большое. Унавозить надо хорошенько, унавозить землю! А удобреніе нынче дорого стоитъ; другихъ подѣлокъ да поправокъ тоже у васъ не мало. Какъ бы хорошо было на эти деньги все у васъ привести въ порядокъ!

Сгоряча, гость не замѣчалъ, какъ нервно подергивалось и все больше омрачалось лицо его собесѣдника. Все это, какъ нельзя лучше, понималъ и видѣлъ самъ старикъ; но истина, которую онъ не скрывалъ отъ себя, принимала оттѣнокъ обидной укоризны и почти оскорбленія въ устахъ чужого.

— И вотъ еще что̀,—продолжалъ полковникъ:—вамъ обоимъ есть еще и тотъ разсчетъ, что графская дичь нерѣдко забѣгаетъ къ вамъ на пашню и вамъ не мало обоимъ возни съ потравой...

Терпѣніе старика лопнуло.

— Что жъ, вы меня за дурака считаете, что-ли?—вспылилъ онъ и весь вспыхнулъ, громко крича:—Да эти твари ѣдятъ у насъ весь хлѣбъ безпощадно! Я вѣдь и жаловался,—да развѣ насъ справедливо разсудили? Гдѣ ужъ намъ, маленькимъ людямъ, крестьянамъ, дождаться справедливости отъ большихъ господъ!

Продолжая ворчать, онъ опять усѣлся на прежнее мѣсто, не спуская съ гостя своего враждебнаго взгляда.

Графскій ходатай, очевидно, былъ хорошо знакомъ съ нравами и обычаями крестьянъ, потому что могъ только улыбаться на горячую выходку раздраженнаго старика:

— Не надо такъ горячиться, милый Бютнеръ!—проговорилъ онъ успокоительнымъ тономъ:—дайте мнѣ спокойно досказать вамъ все до конца. Графъ хочетъ сдѣлать заборъ вдоль всей границы крестьянскихъ владѣній,—ну, такъ километровъ на двадцать, что-ли. Это совершенно оградитъ васъ отъ нападеній

со стороны нашихъ звѣрей; но вѣдь для этого-то намъ и необходимъ вашъ лѣсной участокъ, чтобы провести заборъ: поймите вы это!.. Ну что же? Сойдемся мы или нѣтъ? Я полагаю, что если есть въ этомъ выгода, такъ она вся на вашей сторонѣ.

Крестьянинъ плотно сжалъ губы, наморщилъ лобъ и избѣгалъ встрѣчаться взглядомъ съ полковникомъ. Отъ него не могло укрыться то обстоятельство, что для него продажа лѣсного участка была бы дѣйствительно теперь и кстати, и выгодна; но глубоко вкоренившаяся подозрительность и враждебность въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ мѣшали ему безпристрастно взвѣсить всѣ преимущества такой выгодной для него сдѣлки.

— Право, вамъ, крестьянамъ, надо бы пойти на мировую съ помѣщиками,—продолжалъ полковникъ Шрофъ, какъ бы видя насквозь, что творится у него въ душѣ.—Вражду, которая была у васъ со старымъ графомъ, слѣдовало бы съ нимъ вмѣстѣ и похоронить. Интересы крестьянина и помѣщика, собственно говоря, гораздо ближе, чѣмъ оно кажется на первый взглядъ: въ сущности, крестьяне такіе же землевладѣльцы и даже по величинѣ своихъ владѣній почти равные.

Слишкомъ большое усердіе полковника показалось крестьянину подозрительнымъ... И къ чему такое многословіе? Все равно, онъ рѣшился не уступать.

— Не трудитесь! Право, вамъ больше не стоитъ трудиться! Моя земля не продажная. Вы должны разъ и навсегда въ этомъ убѣдиться!

Полковникъ опустилъ руку, которую протянулъ Бютнеру, предлагая помириться; его разочаровало упрямство старика.

— Послушайте,—началъ онъ опять:—я самъ прекрасно понимаю, что можно привязаться къ своей собственной скорлупѣ: кажется, скорѣе рѣшишься дать руку свою на отсѣченіе, нежели хоть одной десятины лишиться!—На лицѣ у полковника, всегда открытомъ и веселомъ, отразились мрачныя тѣни, точно въ умѣ у него ожили тяжелыя чувства и впечатлѣнія.—Говорю вамъ вѣрно,—заключилъ онъ,—не настаивайте на своемъ! Увидите, что вы не въ состояніи будете продержаться на своей землѣ!

— А вотъ, съумѣли же мы продержаться на ней цѣлыхъ тридцать лѣтъ, всякимъ графамъ на зло!—сердито возразилъ крестьянинъ.—И меня не удастся заѣсть, никогда въ жизни не удастся! А если мужику тяжело, если мужикъ рано состарѣлся, чья это вина, какъ не дворянина? Всѣ мужика грызутъ: и дворянинъ, и чиновникъ! Кажется, вотъ сейчасъ дворяне взяли бы да и повыгоняли бы насъ всѣхъ изъ нашихъ домовъ! Они го-

товы всѣхъ и все заживо проглотить, а меня послать съ сумою просить Христа ради. Когда у насъ былъ раздѣлъ въ послѣдній разъ, они и безъ того изрядно меня пощипали, а теперь и послѣднія крохи хотятъ у меня отнять! Еще прежде у моего дѣда оттягали третью часть его земли—и все имъ было мало. Все мало! Отецъ мой сколько долженъ былъ имъ платить аренды, и сколько лѣтъ подъ-рядъ! Ну, казалось бы, выплатили все, освободились. Такъ нѣтъ же! Войны и неурядицы пришли къ концу: такъ нѣтъ же! На насъ набрасывается дворянинъ и во что бы то ни стало норовитъ отнять наше кровное владѣніе. Но мы, крестьяне, не такъ ужъ глупы, чтобы имъ потакать. Мы имъ не слуги и не подчиненные! Чего мы не хотимъ,—того насъ не заставятъ сдѣлать! Никто не можетъ насъ принудить... никакой графъ на свѣтѣ!

Полковникъ съ полнымъ сочувствіемъ выслушалъ этотъ порывъ негодованія и тихо проговорилъ:

— Я самъ прошелъ черезъ нѣчто подобное, и потому вполнѣ васъ понимаю; но я хотѣлъ бы, чтобы вы лучше моего прониклись убѣжденіемъ, что никакіе труды, никакія затраты не помогутъ, если содержаніе большого помѣстья возростаетъ съ каждымъ годомъ; съ каждымъ годомъ могутъ также рости и невзгоды: платежи по закладнымъ, долги... А неожиданный неурожай? А падежъ скота? А градъ, засуха?... Да нѣтъ! Долги — худшее изъ всѣхъ этихъ бѣдствій! Ну, возьмемъ хотя бы то въ примѣръ,— для кого вы теперь въ потѣ лица своего трудитесь? Для родныхъ; нѣтъ! для того, чтобы только вò-время уплатить проценты. Ну, правду ли я говорю? Вѣдь такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ?

— Конечно. Только мои кредиторы ни на какія сдѣлки не пойдутъ, я въ этомъ убѣжденъ!

— Послушайте-ка, Бютнеръ! — вдругъ воскликнулъ полковникъ, кладя ему руку на колѣно: — предоставьте мнѣ устроить это дѣло! Я поведу переговоры съ вашими кредиторами и постараюсь вамъ помочь добиться отъ нихъ полномочія; а въ устройствѣ подобныхъ дѣлъ я уже опытный человѣкъ; скажите только мнѣ ихъ имя и условія вашихъ закладныхъ.

Старикъ почесалъ въ затылкѣ и долго не рѣшался. Наконецъ, потихоньку поддался убѣжденіямъ Шрофа и началъ пересчитывать своихъ кредиторовъ.

Когда онъ назвалъ Шенбергера, полковникъ такъ и привскочилъ:

— Какъ!! Откуда вы его взяли?

Старикъ обстоятельно разсказалъ, какъ было дѣло, и съ го-

рячей благодарностью отзывался о добротѣ человѣка, который выручилъ его изъ бѣды; а полковникъ недовѣрчиво покачивалъ головой и въ заключеніе сказалъ:

— Все-таки, мнѣ это очень не по вкусу, милый Бютнеръ! Шенбергеръ?! Да что̀ это за другъ человѣчества? Откуда?

— Больше никто не хотѣлъ мнѣ дать взаймы; и слишкомъ большихъ процентовъ онъ тоже не беретъ.

— А все-таки!.. Или, вѣрнѣе, именно потому-то я и опасаюсь! Такого рода люди изъ человѣколюбія не станутъ дѣлать ничего. Ну, да теперь ничего ужъ не подѣлаешь!.. Говорите дальше!..

— Итакъ,—продолжалъ Шрофъ, выслушавъ запись:—главнымъ кредиторомъ оказывается вашъ зять, Кашель-Эрнстъ. Попробую сначала толкнуться къ нему.

— Ну, съ тѣмъ вы ничего не подѣлаете! — многозначительно улыбаясь, проговорилъ старикъ:—Онъ выжига! Злая собака, и та ягненокъ въ сравненіи съ нимъ, впередъ вамъ говорю!

Полковникъ возразилъ, что онъ не труслйвъ отъ природы, и все-таки попытаетъ счастья; о результатѣ онъ обѣщалъ сообщить.

— Заѣду сказать!—крикнулъ онъ Бютнеру, уѣзжая.

Бютнеръ постоялъ, поглядѣлъ вслѣдъ всаднику, пока тотъ не исчезъ за поворотомъ дороги, и задумался, стоя посреди своего двора.

Подпирая локоть рукою, онъ уставился подбородкомъ въ ладонь и мысленно предавался удивленію: что̀ за странности бываютъ на свѣтѣ! Просто растеряться можно!

Старая, заржавленная подкова валялась у ногъ его; онъ нагнулся и поднялъ ее: ничего теперь нельзя бросать!.. И безъ того все требуетъ починки: сарай и амбары обветшали; крыша облѣзла, стѣны дали трещины... Подновить—тоже денегъ стоитъ! А деньги нужны (да и какъ еще нужны-то?!) на уплату долговъ и процентовъ по закладнымъ; вотъ и срокъ имъ близокъ... а откуда что̀ взять? Овесъ и рожь, солома и даже прошлогоднее сѣно, все, все продано до послѣдняго зерна, до малѣйшей травинки: въ закромахъ и въ амбарахъ пусто!

Но поля обѣщаютъ обильную жатву. Ду̀ша радуется, глядя на свѣтло-зеленое, волнующееся море молодыхъ всходовъ. Кажется, глазомъ не окинешь множества валовъ, которыми зыблется густая поверхность озимыхъ полей! Овесъ темнозеленымъ, пуши-

стымъ ковромъ лежалъ впереди, а въ сторонкѣ, прямыми рядами поднимались кустики сочной зелени картофеля... Посмотрѣть отрадно!

Эти поля—его родное дѣтище, его собственность! Право на нихъ онъ купилъ цѣною своихъ неустанныхъ трудовъ. Ни пяди земли нѣтъ на нихъ такой, которая не была бы вскопана его руками, полита его трудовымъ потомъ! Какъ мать о дѣтищѣ родномъ, заботился онъ о своей землѣ и отдалъ ей все, все свое: свои труды, свои заботы, свою горячую, преданную любовь!..

И вдругъ чужіе (чужіе?!) грозятъ отнять у него это сокровище, эти плоды его рукъ! Опасность представлялась ему таинственнымъ сонмомъ адскихъ силъ, которыя посягаютъ на него самого и на его законныя права. О всемогущей власти капитала, о желѣзныхъ законахъ, жертвою которыхъ оказываются цѣлыя сословія, цѣлыя поколѣнія людей, для которыхъ нѣтъ спасенія,—ему суждено было узнать уже на себѣ самомъ; о томъ, до какой степени гибель однихъ людей служитъ къ возвышенію и преуспѣянію другихъ, онъ никогда и не подозрѣвалъ. Одно только онъ успѣлъ до сихъ поръ познать на собственномъ примѣрѣ: это борьбу съ какимъ-то невидимымъ, неосязаемымъ, но неизмѣримо-тяжкимъ гнетомъ; всю жизнь свою онъ съ нимъ боролся — съ этимъ игомъ, съ этимъ ярмомъ, которое неизвѣстно кто на него надѣлъ. Могъ ли онъ въ невинности своей хотя бы подозрѣвать, что чѣмъ онъ сильнѣе будетъ противъ него возставать, чѣмъ настойчивѣе и горячѣе рваться изъ него, тѣмъ больше это ярмо будетъ его давить, тѣмъ оно вѣрнѣе уничтожитъ свою жертву?.. Могло ли придти въ голову подобное подозрѣніе тому, кто видѣлъ предъ собою обильные луга и пашни, обѣщающіе особенно богатый, небывалый урожай?

Казалось, надъ ними было благословеніе Божіе: кормилица-земля хотѣла и сама остаться вѣрной тому, кто ей всю жизнь служилъ вѣрой и правдой. Неужели есть на свѣтѣ сила, которая рѣшится у него оспаривать это благословеніе Божіе—обильную жатву, которую Богъ ниспослалъ ему за его многолѣтніе труды?..

Страшный призракъ, въ видѣ большой и мрачной тѣни, протянулся надъ полемъ, которое только-что было залито ликующимъ свѣтомъ солнца. Безъ ногъ, но быстрый, онъ двигался впередъ безжалостно, неумолимо овладѣвая пашней... То была большая тѣнь мимолетной тучи; но эта тѣнь завладѣла и самымъ домомъ, и дворомъ, и пашней, направляясь прямо къ лѣсу.

Мрачный, безжизненный отпечатокъ наложила она на все, что было здѣсь живого и отраднаго.

Бютнеръ отнялъ руку ото лба (онъ загораживался такимъ образомъ отъ солнца), затѣмъ вытеръ себѣ глаза платкомъ... Въ эту минуту къ нему подбѣжала Тони, чтобы сказать, что обѣдъ на столѣ; Карлъ уже шелъ домой съ работы. Старикъ не пошелъ за ними, объясняя, что еще не проголодался, и лучше подождетъ своего „чужого“ гостя: надо съ нимъ еще перекинуться словечкомъ.

Не въ духѣ вернулся полковникъ со своихъ дѣловыхъ визитовъ.

— Такъ ничего и не вышло! Вы были правы, Ботнеръ: вашъ зять... Да нѣтъ, лучше сейчасъ же прекратить всякій разговоръ о немъ! Мнѣ очень жаль, дружище! Изъ моего проекта сосредоточить и взысканія, и управленіе помѣстьемъ въ однѣхъ рукахъ, очевидно, ничего не вышло. Единственное, что̀ вамъ теперь осталось, это... продать всю свою землю графу и предоставить мнѣ уговорить его оставить васъ на вашей же землѣ въ качествѣ арендатора. Ничего другого я пока не вижу!

Старикъ измѣнился въ лицѣ. Онъ выпрямился во весь свой статный ростъ, сильнымъ движеніемъ протянулъ свою костлявую руку и гнѣвно крикнулъ:

— Видите эту кучу отбросовъ? Скорѣе соглашусь лежать на ней и гнить за̀живо, чѣмъ отдамъ вашему графу *мое* родовое гнѣздо!..

V.

Кашнерова-вдова и ея дочь Полина производили генеральную чистку. Вдова очень гордилась своимъ стремленіемъ къ чистотѣ, съ которой она свыклась въ бытность свою судомойкой въ графскомъ домѣ. На самомъ видномъ мѣстѣ, въ первой комнатѣ, на стѣнѣ висѣлъ портретъ „ея сіятельства“, наглядное воспоминаніе о быломъ величіи. Но это не мѣшало бѣдной женщинѣ мириться съ нынѣшнимъ ея положеніемъ, и она, не унывая, чистила, мыла и скоблила все свое помѣщеніе по субботнимъ днямъ, какъ самая простая смертная: засучивъ юбки и проворно управляясь со шваброй, она ловко вертѣла ею, подливая горяченькой водицы изъ ушата, въ которомъ содержимое уже приняло самый грязный и отвратительный видъ. Полина только-что собралась пойти еще за водой, какъ вдругъ остановилась, не спуская глазъ съ окошка.

— Мать! Посмотри-ка, къ намъ ѣдетъ экипажъ и прямо, прямо въ садъ! Господи! да это, кажется, графинюшки!

— Іисусе Христе! Графинюшки и есть!—воскликнула вдова, бросившись къ окошку.—Живо, Полина, бѣги, да приведи себя въ порядокъ и не забудь накинуть чистенькій платочекъ. Я выйду и съумѣю пока ихъ задержать,—продолжала она, въ одну минуту собравъ съ полу лужу грязной воды, и пряча ушатъ за печку.

Въ окно уже постучали и звонкій голосокъ крикнулъ:

— Есть дома кто-нибудь?

Шарабанчикъ остановился недалеко отъ окна; одна изъ графинь подошла и постучала своимъ хорошенькимъ кнутикомъ. Обѣ „графинюшки" были одинаково одѣты; но одна изъ нихъ, младшая, была брюнетка, а другая—блондинка. Ванда, младшая, была на видъ сильнѣе и самоувѣреннѣе сестры, а Ида — нѣжнѣе и слабѣе здоровьемъ; ея большіе глаза съ тихимъ взоромъ и изящный ротъ придавали ея блѣдному лицу общій оттѣнокъ задумчивости. Вдова подошла къ нимъ и отвѣсила самый лучшій книксенъ, какой умѣла.

— Намъ хотѣлось васъ провѣдать, Берта; да только дорога къ вамъ ужасная! Мы чуть не вывалились. А что̀, можно нашему пони здѣсь покушать травки?—болтала оживленно графиня Ванда.

Берта, продолжая почтительно отвѣшивать поклоны, принялась увѣрять, что для нея даже большая честь, если графскій пони покушаетъ травки у нея въ саду, который все-равно что ихъ собственный; при этомъ она ловила руку „графинюшки", но та, какъ и сестра ея, съумѣла отъ этого уклониться.

— Полина дома?—спросила старшая изъ сестеръ.

— Дома, дома! Пожалуйте... только у насъ такъ неприбрано, такъ грязно...

— Полноте! Все это праздныя слова, — перебила ее младшая.—Вы всегда говорите, что у васъ грязно и неприбрано, а домикъ у васъ—бомбоньерка! Я бы хотѣла, чтобы у насъ всегда такъ было чисто; не правда ли, Ида?

— Ахъ, Боже мой, графиня! Ужъ простите насъ за наше убожество! Конечно, въ замкѣ, у ихъ сіятельствъ, у меня-то все было почище... Д-да! Тогда было другое дѣло!

— Вотъ видите, Берта! А все оттого, что вы захотѣли замужъ!—замѣтила Ванда, которая и дома славилась своей прямотой и своими крайними мнѣніями.

— Д-да! Ваше сіятельство правы: не всегда и замужество

хорошо бываетъ. Положимъ, я пожаловаться не могу, и моего покойника нѣтъ уже въ живыхъ... вѣчная ему память! А только ваша правда: кто самъ ловокъ на работу, тотъ лучше и не выходи замужъ!

У входа въ домъ прыгали два кролика на волѣ, и Берта воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы нѣсколько оттянуть время; она пригласила молодыхъ дѣвушекъ заглянуть въ домикъ къ кроликамъ.

— Фуй!—воскликнула болтушка Ванда.—Какъ здѣсь воняетъ!—но все-таки нагнулась и взяла кроликовъ поочередно на руки, разспрашивая хозяйку, который изъ нихъ самочка, а который самчикъ. И только тогда, какъ кролики и ихъ прыжки перестали забавлять сестеръ, Берта попросила ихъ войти въ домъ.

Ихъ встрѣтила Полина, вся зардѣвшись румянцемъ.

Въ дѣтствѣ ее часто звали въ замокъ поиграть съ графинюшками, и она съ ними свыклась, такъ что перестала совершенно стѣсняться. Но графинюшки подросли; ихъ увезли въ пансіонъ, и онѣ вышли оттуда уже совершенно образованными дѣвицами высшаго общества. За многіе годы имъ сегодня впервые приходилось встрѣтиться со своей бывшею подругой. Поэтому Ида тоже до корней волосъ покраснѣла, подавая руку Полинѣ; она было-хотѣла попрежнему обнять ее, но разсудила, что это можетъ отозваться чѣмъ-то искусственнымъ, и предпочла ограничиться простымъ рукопожатіемъ. Между тѣмъ Ванда остановилась передъ нею и осмотрѣла ее пристально съ головы до ногъ.

— Нѣтъ, какова Полина?! — воскликнула она.—Какая изъ нея вышла женщина,—просто чудо! Да она и на дѣвушку-то вовсе не похожа!

Краска залила щеки и лобъ и даже шею Полины; но вдова поспѣшила выручить всѣхъ изъ минутной неловкости. Она просила господъ садиться, и нескончаемымъ потокомъ полилась ея восторженная рѣчь о томъ, какъ она цѣнитъ честь, какую ей оказали графинюшки своимъ посѣщеніемъ. Въ умѣньѣ льстить господамъ никто съ нею не могъ тягаться; она даже обладала способностью вовлечь ихъ въ разговоръ и вынести изъ него что-нибудь для себя полезное.

— Роскошь, какъ у васъ хорошо! — начала Ванда.—Въ сущности, такъ называемымъ бѣднякамъ живется ужъ вовсе не такъ дурно!.. — Но ее прервалъ какой-то странный пискъ, доносившійся изъ сосѣдней комнаты.

— Что у васъ тамъ? Котята?—спросила молодая дѣвушка, и готова была уже броситься туда, сама разузнать, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, это ребенокъ! — воскликнула мать Полины:—Ужъ прошу извинить, графиня...

— Какъ? Развѣ у васъ есть дѣти?

Полина, краснѣя, смотрѣла на полъ.

— Мы и сами-то не знаемъ хорошенько, какъ это дитя къ намъ попало,—поспѣшила пояснить вдова Кашнеръ.—Есть у меня сестра-вдова, а у той дочка, а у дочки-то мужъ возьми да и сбѣги! Вотъ негодяй-то! Не правда ли? Я это еще раньше говорила; да развѣ кто послушаетъ, пока еще не поздно? Такъ вотъ этотъ ребенокъ—этой самой дочки!

Полина поблѣднѣла, заслыша, какъ лжетъ ея мать; по счастію, Ванда тотчасъ же ухватилась за эту тему, и градомъ посыпались ея замѣчанія насчетъ негодныхъ мужчинъ и бѣдныхъ брошенныхъ малютокъ; все это говорилось съ видомъ знатока и опытнаго человѣка. Полина ушла къ ребенку, и слышно было за дверью, какъ она старается его успокоить.

— А можно на него взглянуть?—спросила Ида.

Вдова-Кашнеръ побѣжала туда и съ минуту пошепталась съ дочерью; затѣмъ она вернулась вмѣстѣ съ нею: у той на рукахъ былъ здоровый толстунъ-мальчишка, который глубокомысленно держалъ палецъ во рту и таращилъ свои большіе глаза (глаза Густава!) на чужихъ. Лицомъ онъ рѣшительно походилъ на Полину!

Графинюшки обошлись съ малюткой не одинаково.

Ванда разсыпалась въ похвалахъ его здоровому виду и пустилась его разбирать подробно; неблагосклонно отнеслась она только къ его ножкамъ: надо, чтобъ онѣ были прямыя,— заявила она:—въ противномъ случаѣ, это—вѣрный признакъ англійской болѣзни!

Вдова-Кашнеръ отроду не слыхивала про подобную болѣзнь, но сдѣлала видъ, будто знаетъ, въ чемъ дѣло, и освѣдомилась, чѣмъ ее можно вылечить?

— Ну, купаньемъ въ грязяхъ, конечно!—подумавъ немного, авторитетно рѣшила графинюшка.

Ида, напротивъ, молча, задумчиво смотрѣла на ребенка и нѣжно взяла его за ручку, желая съ нимъ свести дружбу. Въ то время, какъ ея сестра бесѣдовала съ матерью Полины, она стала тихонько разспрашивать дѣвушку про здоровье и привычки малютки; и вскорѣ Ида уже имѣла подробное представленіе обо всемъ, что касалось маленькаго Густава. Его просили сказать тѣ

нѣсколько словъ, которыя у него уже „выходятъ“; но онъ заупрямился и... не сказалъ ничего, вѣроятно чуждаясь постороннихъ.

На прощанье Ида просила Полину поскорѣе навѣстить ее въ замкѣ, а малюткѣ она поцѣловала обѣ ручки съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, какое бываетъ только у самыхъ чадолюбивыхъ женщинъ.

Ванда, между тѣмъ, суетилась, помогая груму впрягать пони, который оказалъ честь сочной травѣ Кашнеровскаго садика.

Графинюшки уѣхали.

Полина молча и такъ горячо взялась опять за мытье половъ, точно отъ этого зависѣло счастье всей ея жизни; мать накрывала на столъ къ ужину. Между ними точно стояло что-то тяжелое, невысказанное.

— Хочешь, что-ли, ужинать, Полина?—наконецъ окликнула ее мать.

— Отстань! Я не голодна!—отвѣтила дочь, не глядя.

Мать усѣлась за столъ и, нарѣзавъ хлѣбъ, положила на него творогу, потомъ принялась рѣзать его по кусочку и на кончикѣ ножа препровождала кусочки себѣ въ ротъ.

Полина опорожнила ушатъ, выполоскала и развѣсила передъ печкой половую тряпку сушиться.

— Ну, чего ты? — начала мать: — Развѣ лучше было бы прямо взять да и разсказать графинюшкамъ, что это, молъ, твой мальчишка? Какъ ты думаешь, какъ бы онѣ тогда на тебя посмотрѣли?

— А не знаю, мать! — И Полина повернулась къ ней спиною.

— А я такъ знаю!—продолжала та.—Ужъ на что̀ прекрасная женщина была всегда моя графиня, а и то дѣвушкамъ спуску не давала. Чуть забылась-себѣ дѣвушка — конецъ! Гонитъ ее вонъ безъ жалости,—и только! И графинюшки тебѣ бы показали!!..

— Графиня Ида была такъ добра всегда, всегда!—чуть не плача, говорила Полина.—И ей такъ солгать, такъ ужасно солгать! Хоть бы ты постыдилась!—и бѣдняжка зарыдала. Мать разсердилась.

— Да ты съ ума сошла!—восклицала она внѣ себя.—Что̀-жъ, значитъ,—мнѣ слѣдовало такъ и тыкать ей прямо въ носъ твоимъ мальчишкой, что-ли? Да мое средство самое вѣрное, чтобы понравиться знатнымъ барышнямъ! Графиня Ида даже такъ глядѣла на него, на мальчугана, точно она вотъ-вотъ хочетъ по-

радовать его подаркомъ... Только смотри! Держи языкъ за зубами, когда пойдешь въ зàмокъ!

Полина не очень-то прислушивалась къ материнскимъ совѣтамъ, но все-таки терпѣнія у нея не хватило. Она бросилась въ свою каморку, заперлась тамъ и, посадивъ къ себѣ на колѣни свое сокровище, своего сынишку, принялась осыпать его поцѣлуями и горячими ласками, заливаясь въ то же время слезами.

Передъ крыльцомъ гостинницы Кашель-Эрнста остановился экипажъ, повидимому пріѣхавшій изъ города. Рыжебородый господинъ въ сѣромъ длинномъ пальто и въ клѣтчатыхъ брюкахъ приказалъ кучеру распрячь лошадь, а затѣмъ пошелъ прямо въ гостинницу. Въ пивной сидѣла только Оттилія, дочь хозяина. Харрасовичъ и на нее посмотрѣлъ тѣмъ же пытливымъ взглядомъ, какого удостоивались отъ него всѣ женщины и дѣвушки, красивыя или дурныя—безразлично.

— Вашъ отецъ дома?—любезно обратился онъ къ ней.—Я—Харрасовичъ; я пріѣхалъ къ нему изъ города... Онъ ужъ меня знаетъ.

Оттилія скривила ротъ на сторону (это бывало съ нею всегда, когда она чувствовала нѣкоторое смущеніе) и пошла въ сосѣднюю комнату, будто бы для того, чтобы послать за отцомъ, но на самомъ дѣлѣ прошла подъ нижніе своды и столбы, гдѣ братъ ея Рихардъ переливалъ ликеры, и сказала ему, кто сейчасъ пріѣхалъ.

— Ахъ, да это Самъ!—воскликнулъ Рихардъ.

— Кто? Кто такой?

— Да Самъ!.. Ну, Самъ, какъ Самъ, и все тутъ!

— Ну, говори же, кто онъ?

— Лучше спроси его сама!.. Экая дура!—въ заключеніе произнесъ милый братецъ и даже, уходя, показалъ ей языкъ.

Оттилія вернулась къ гостю.

Она была высока ростомъ, но худа и плоскогруда; туловище ея было несоразмѣрно велико, но зато въ ея улыбкѣ и обращеніи было столько настойчиваго желанія нравиться, что она обращала на себя вниманіе, несмотря на грушевидную форму головы и нечистое лицо. Бютнеровской крови въ ней ни капли не было замѣтно.

Молча вернулась она за прилавокъ и молча принялась тамъ копошиться, въ надеждѣ, что гость самъ заговоритъ съ нею. И Харрасовичъ оправдалъ ея надежду.

— Не угодно ли вамъ будетъ пересѣсть сюда, ко мнѣ?— обратился онъ къ ней.—Мнѣ такъ скучно сидѣть здѣсь одному!

Самъ, не смущаясь, оглядывалъ ее съ головы до ногъ, пока она робко подходила и усаживалась около него, съ притворной скромностью опуская глаза.

— Осмѣлюсь спросить: вашей рукой еще никто не завладѣлъ?—началъ онъ, любезно улыбаясь.

— Позвольте, однако!..—возразила она, но такъ, что видно было, какъ это ей пріятно.

— Удивительно! Такая дѣвица, дочь Эрнста Кашеля, и вдругъ еще свободна! Я знаю много такихъ молодыхъ людей...

Къ великой досадѣ Оттиліи, на этомъ интересномъ мѣстѣ только-что завязавшейся бесѣды ее прервалъ отецъ.

— Здравствуйте, Харрасовичъ!

— Здравствуйте, мой милѣйшій Кашель!

И оба переглянулись съ такой многозначительной улыбкой, съ какою встрѣчаются люди, хорошо понимающіе другъ друга.

— Давненько у насъ не бывали, Харрасовичъ!

— Да вотъ пріѣхалъ посмотрѣть, что̀ тутъ вамъ обѣщаетъ урожай?

Кашель засмѣялся; эта шутка была ему знакома, и онъ зналъ, что тотъ не изъ-за одного только любопытства заѣхалъ въ Гальбенау. Разговоръ зашелъ о постороннихъ предметахъ: о погодѣ, о скотѣ, объ овощахъ... Казалось, обоимъ нравилась эта игра въ прятки; иногда это ихъ даже забавляло.

Наконецъ, Самъ перешелъ къ вопросамъ серьезнымъ, отмѣчая эту перемѣну направленія тѣмъ, что придвинулся поближе къ хозяину дома и понизилъ голосъ. Кашель-Эрнстъ выслалъ вонъ свою дочь: такъ удобнѣе будетъ говорить со своимъ братомъ-мужчиной съ-глазу-на-глазъ. Харрасовичъ принялся разспрашивать про всѣхъ и про вся, а Кашель сообщалъ ему одну новость за другою съ тѣмъ особымъ выраженіемъ на лицѣ, съ какимъ говорятъ злорадные люди: замѣтно было, какую радость ему доставляло несчастіе ближнихъ. Онъ улыбался, когда пересказывалъ злоключенія хлѣбопашца, которому угрожаетъ разоренье; улыбался, когда описывалъ, какъ одинъ крестьянинъ пытался поджечь его житницу, и помиралъ со смѣху, что какой-то земледѣлецъ повѣсился съ горя, что кредиторы свели со двора его послѣднюю корову. Кашель-Эрнстъ, повидимому, зналъ дѣла всѣхъ и каждаго въ округѣ.

— Д-да, вамъ, пожалуй, нечего заработать въ Гальбенау,— прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Отчего же? Я сейчасъ пойду посмотрѣть на крестьянскую землю.

— Это еще чью?—встрепенулся Кашель.

Харрасовичъ сдѣлалъ видъ, что недослышалъ.

— Хорошая земля!—продолжалъ онъ.—И пашни, и луга, и всѣ угодья—первый сортъ! Постройки тоже всѣ въ порядкѣ... Понятно, есть на имѣніи долги и даже большіе: крестьяне вѣдь кругомъ въ долгу.

— Смотрите, не заплутайтесь у насъ въ Гальбенау!—идя за нимъ по пятамъ, замѣтилъ Кашель-Эрнстъ:—помѣстій хорошихъ и дурныхъ у насъ здѣсь много. Къ кому же вы идете?

— Къ Бютнерамъ.

Кашель-Эрнстъ и бровью не повелъ, а Харрасовичъ не спускалъ съ него глазъ.

— Вы знаете это имѣнье? Меня оно очень интересуетъ.

Хозяинъ пожалъ плечами и замѣтилъ уклончиво, что онъ ничего сказать не можетъ: Бютнеръ доводится ему зятемъ.

— Зятемъ?!—воскликнулъ тотъ, прикидываясь удивленнымъ.—Вотъ оно что! Мнѣ это очень интересно слышать: я, видите ли, досталъ ему денегъ взаймы. Очень пріятно; значитъ, вы не допустите своего зятя до нужды... а? Что?

Кашель-Эрнстъ сдѣлалъ такое глупое лицо, что въ немъ сквозило, наоборотъ, настоящее его свойство—быть „себѣ на умѣ"....

Торговецъ, глядя на него, звонко разсмѣялся, и Кашель тоже подхватилъ его смѣхъ.

Еще разъ оба, безъ словъ, ясно поняли другъ друга, какъ умные люди.

— Пойду, посмотрю!—проговорилъ Харрасовичъ и пошелъ впередъ.

VI.

Во дворѣ у Бютнера не было ни души. Харрасовичъ обстоятельно оглядѣлся и замѣтилъ, что всѣ постройки хоть и въ исправности, но крыты различно: однѣ черепицей, другія—попросту соломой. Въ общемъ, все вокругъ имѣло довольно зажиточный видъ. Значитъ, еще не совсѣмъ плохо приходится старику!..

Постучавшись, Харрасовичъ вошелъ въ домъ, но засталъ только хозяйку, которая качала въ люлькѣ своего маленькаго внучонка.

Старуха смотрѣла на гостя, разинувъ ротъ въ удивленіи, а тотъ, между тѣмъ, объяснилъ ей, что онъ пріятель ея-мужа и ведетъ съ нимъ торговыя дѣла; кстати, ему давно хотѣлось заглянуть къ нему, въ его владѣнія...

Бютнерша никогда не видывала фальшивыхъ брилліантовъ, а потому булавка въ галстухѣ у незнакомца весьма ее поразила.

— „Однако, важные господа водятъ дружбу съ моимъ старикомъ въ городѣ!“—подумала она и побѣжала со всѣхъ ногъ принести ему стулъ, позабывъ, что она уже давно хромаетъ, благодаря ревматизму.

— Ради Бога, не безпокойтесь!—говорилъ онъ:—я сейчасъ самъ пойду къ нему въ поле.

Старуха успѣла ему сообщить, что „бабы“ въ огородѣ, Карлъ возитъ картошку, а самъ хозяинъ—дальше всѣхъ, у опушки лѣса, и сѣетъ.

Привѣтливо бесѣдуя съ хозяйкой, гость замѣтилъ ей, что у нихъ „преуютно и вообще премило“!

— Такая у васъ здѣсь почтенная, настоящая патріархальная обстановка. Я это люблю; право, люблю! Въ городѣ ничего подобнаго не встрѣтишь.

Простодушную крестьянку растрогала такая похвала, но она сочла болѣе приличнымъ казаться смущенной, и возражала, что онъ, конечно, ни къ чему такому простому не привыкъ. А онъ, между тѣмъ, уже подошелъ къ ребенку въ люлькѣ и съ умильной улыбкой щекоталъ ему подъ подбородкомъ, заставляя „гýлить“ и смѣяться. Гость полюбовался на сильнаго, смѣющагося мальчугана, который спихнулъ съ себя теплое одѣяльце; похвалилъ его за крѣпенькій, здоровый видъ и даже разсказалъ его счастливой бабушкѣ, что и онъ, Харрасовичъ, недавно выдалъ замужъ свою дочь.

Это окончательно обворожило старуху; она до сихъ поръ не могла допустить, чтобы господа могли быть такіе важные и такіе любезные, привѣтливые...

Когда онъ поднялся, чтобы идти за Бютнеромъ въ поле, она просила его заходить къ нимъ иногда, и, прихрамывая, проводила до воротъ, чтобы указать, какъ пройти дальше.

По дорогѣ лежало поле, засѣянное рѣпой.

Три женскія фигуры, стоя спиной къ гостю, то нагибались, то разгибались, усердно взмахивая граблями, а изъ-подъ короткихъ юбокъ мелькали три пары голыхъ икръ...

Харрасовичъ остановился, взглядомъ знатока обнялъ всю кар-

тину и постоялъ нѣкоторое время молча. Затѣмъ онъ тихонько кашлянулъ...

Три женскія головы обернулись къ нему, грабли остановились въ воздухѣ... Самъ, улыбаясь, стоялъ и смотрѣлъ на нихъ, крѣпко опираясь на свои кривыя ноги. Онъ крикнулъ имъ: „Добрый день!“—и прибавилъ, что въ такую жару имъ не слѣдовало бы черезъ силу трудиться.

Тереза, какъ самая бойкая на языкъ и самая старшая, не смущаясь, отвѣтила, что ему самому не мѣшало бы взяться за грабли: тогда поубавилось бы у него жирку. Дѣвушки, Тони съ Эрнестиной, хихикали на ея задорныя рѣчи, но и Самъ не остался у нея въ долгу: онъ возразилъ, что его дѣло—совсѣмъ иного рода,—вовсе не копать землю подъ рѣпу, и... спросилъ, гдѣ „хозяинъ“?

Тони была слишкомъ апатичнаго, рыхлаго сложенія, чтобы мучить себя отчетами во всемъ, что̀ она видитъ; но тѣ обѣ мигомъ замѣтили, что воротничокъ его рубашки не первой уже свѣжести, что на его платьѣ были жирныя пятна, — это ясно было видно при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Не успѣлъ онъ отъ нихъ отойти, какъ ему во слѣдъ полетѣли, неслышно для него, насмѣшливыя замѣчанія по адресу его уродливаго рта, который недостаточно прикрытъ его рыжей бородою; его козлиныхъ ногъ и лукавства, которое онъ старался не дать имъ замѣтить.

Но вотъ къ нему на встрѣчу прибѣжалъ Карлъ; онъ неподалеку рылъ картошку, и объяснилъ, что отецъ ушелъ еще дальше, къ самому лѣсу. Дорогой, какъ умѣлъ, сынъ Траугота давалъ отвѣты на добродушные и привѣтливые разспросы незнакомца... Издали ужъ виднѣлась рослая фигура Бютнера, съ холщевымъ сѣрымъ мѣшкомъ черезъ плечо; онъ пригоршнями бралъ оттуда зерно и мѣрными взмахами бросалъ на разрыхленную землю.

Давно уже покоя не давала старику мысль, что надо бы обработать этотъ участокъ, который не приноситъ пользы только потому, что лежитъ близко къ лѣсу; едва покончивъ съ остальными, болѣе неотложными дѣлами, старикъ Трауготъ принялся своими собственными руками за эту лужайку. На этотъ годъ сѣять хлѣбъ было уже поздно; но онъ предпочелъ все-таки посѣять хоть смѣсь.

Въ первую минуту онъ не узналъ своего гостя; но вдругъ что-то дрогнуло у него въ лицѣ; онъ схватилъ торговца за руку и крѣпко ее потрясъ.

— Господи! Да какъ же я васъ сразу не узналъ?—воскликнулъ

нулъ онъ.—Какъ это прекрасно съ вашей стороны, что вы, наконецъ, собрались ко мнѣ! Такъ и слѣдуетъ!

Бютнеръ радовался его посѣщенію совершенно непритворно: онъ особенно цѣнилъ и тоже считалъ за честь, что горожанинъ нарочно посѣтилъ его въ деревнѣ. Снявъ мѣшокъ съ сѣменами, онъ отдалъ его Карлу, и всѣ трое, не спѣша, пошли вдоль по дорогѣ, которая вела къ дому.

Харрасовичъ все хвалилъ, всѣмъ восхищался, и для Траугота это было настоящимъ бальзамомъ; онъ пріятно ухмылялся.

— Чудесный у васъ будетъ урожай!—говорилъ торговецъ.— И вы, по совѣсти, стоите того: сейчасъ видно, сколько труда вы вложили въ это дѣло.

— Дай-то Богъ!.. Дай милосердый Богъ!—проговорилъ старикъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Впрочемъ, ему не совсѣмъ было по нраву замѣчаніе гостя: дать „заговаривать“ себя не надо!—Конечно, можетъ у насъ случиться и большой урожай,— замѣтилъ онъ осторожно:—но до тѣхъ поръ мало ли что можетъ стрястись!

И старикъ тяжело вздохнулъ.

Какъ разъ за послѣдніе дни на него посыпались всякія напасти: его зять, Кашель Эрнстъ, предъявилъ ко взысканію по закладной въ семьсотъ марокъ. Какъ молніей опалило его это извѣстіе; но особенно обидной показалась крестьянину форма, въ которой оно было сдѣлано: заказное письмо подалъ ему почтальонъ; а между тѣмъ онъ самъ, Кашель, живетъ въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ него! Развѣ это не низость? Да на его, Бютнеровской, землѣ крикни погромче, такъ у Кашеля, въ гостинницѣ, будетъ слышно... Этого мало. Торговецъ скотомъ, которому онъ еще не выплатилъ за корову, напомнилъ о себѣ; общинныхъ налоговъ накопилось тоже за нѣсколько сроковъ... И такъ, и этакъ ворочалъ въ умѣ крестьянинъ цифрами и выкладками,—даже голова трещала!—а средства помочь бѣдѣ онъ не могъ найти!

— Истинно благословеніе Божіе! — продолжалъ Самъ изливать свои восторги, и остановился передъ большимъ хлѣбнымъ полемъ, у самаго дома. — Тутъ у васъ золото прямо на корню ростетъ!

Это замѣчаніе развязало языкъ Трауготу. Ему и самому хотѣлось отвести душу; но онъ началъ незамѣтнымъ образомъ, издалека, какъ настоящій умный, но недовѣрчивый крестьянинъ, говорить о томъ и о семъ и мало-по-малу подошелъ къ предмету своихъ главныхъ тревогъ и заботъ.

Слушая скорбную повѣсть его безнадежнаго положенія, Хар-

расовичъ придалъ своему лицу грустное и озабоченно-сочувствующее выраженіе.

— Ну, что-жъ теперь будетъ, милый Бютнеръ? Кредиторы вѣдь словеснымъ обѣщаніямъ не повѣрятъ...

— Да! Такъ не дадите ли вы мнѣ добрый совѣтъ?

— Я-то? Какой я могу дать совѣтъ въ крестьянскомъ дѣлѣ? Въ этомъ я ничего не понимаю!

— Нѣтъ... я не въ томъ смыслѣ... А вотъ насчетъ денегъ... Вы тогда были ко мнѣ такъ добры...

— Тогда другое дѣло! Тогда обстоятельства были благопріятнѣе: закладная была обезпечена... Но теперь!.. Теперь никакой торговецъ не рѣшится взять на себя такой рискъ...

Всѣ замолчали и молча подошли къ дому. Обходя зады сараевъ, Харрасовичъ замѣтилъ, неожиданно остановившись:

— Бютнеръ! Я разсудилъ, что вамъ помочь необходимо. Такой усердный, такой опытный земледѣлецъ!.. Къ этому пусть кто угодно отнесется равнодушно, но только не я! Такого человѣка, какъ вы, нельзя въ тискахъ оставить! Я вамъ достану денегъ, хоть и не знаю самъ, откуда ихъ возьму; весь свой капиталъ я вложилъ въ торговое дѣло... Не всегда вѣдь нашему брату, торговцу, можно поступать, какъ бы того хотѣлось. Но деньги надо достать, и конецъ! Прежде всего, подсчитаемъ самые мелкіе и самые неотложные долги, а потомъ уже подумаемъ о закладной.

Старикъ былъ перепуганъ такимъ оборотомъ дѣла; у него задрожали руки отъ волненья. Счастье его ошеломило до того, что на минуту онъ лишился способности соображать. Онъ началъ-было вслухъ называть числа, подсчитывать; онъ путался и запинался...

Самъ добродушно похлопалъ его по плечу.

— Ну, полно! полно! Только не волноваться. Погодя немного, переговоримъ спокойно; а пока я хочу посмотрѣть на ваши постройки, каковы онѣ снаружи.

Всѣ зашли въ конюшню, заглянули въ стойла, и Харрасовичъ далъ полезный совѣтъ насчетъ больной коровы; осмотрѣлъ амбары, потрогалъ балки; даже подъ навѣсъ бросилъ бѣглый взглядъ; лично убѣдился, хорошо ли держитъ жидкость навозная яма. Въ саду гость сорвалъ себѣ нарцисъ и продѣлъ его въ петличку; на минутку даже усѣлся посидѣть на скамейкѣ, которая кольцомъ обхватывала старую, вѣковую яблоню, красовавшуюся съ западной стороны дома.

— Ничто меня такъ не прельщаетъ, какъ сельская жизнь

и простота, — говорилъ онъ. — Я бы охотно промѣнялъ на нее свою торговлю!..

Съ низкимъ поклономъ старушка хозяйка вышла просить гостя съ ними отъужинать. На столѣ уже стояли медъ и простокваша, масло и черный хлѣбъ; а кофе хозяйка постаралась сварить такого, какого отроду еще не удостоились пить ея домочадцы.

Харрасовичъ шутилъ и особенно очаровалъ старушку тѣмъ, что на угощенье оказался очень неразборчивъ. Покушавъ, онъ закурилъ сигару, замѣтивъ, что это обязательно послѣ вкуснаго кофе, и обратился къ хозяину дома:

— Ну, мой милѣйшій Бютнеръ, не заняться ли мнѣ теперь дѣлами?

Бютнеръ вернулся къ нему; онъ стоялъ пока въ сторонкѣ и что-то усердно выводилъ мѣломъ на почернѣвшей стѣнѣ, затѣмъ подсчитывалъ, стиралъ со стѣны рукавомъ и опять писалъ, опять подсчитывалъ и опять стиралъ.

— Три сотни марокъ, вотъ сколько мнѣ нужно! — глухимъ голосомъ произнесъ онъ и приказалъ женѣ и сыну остаться, а младшее „бабье“ выслалъ вонъ.

Торговецъ вынулъ бумажникъ изъ кармана и принялся перелистывать, считая деньги.

— Вотъ онѣ! — и онъ выложилъ на столѣ три сотенныхъ бумажки.—Счастье, что у меня какъ разъ сегодня пришлась получка. Подумайте-ка хорошенько, хватитъ ли вамъ? А то у меня есть вотъ еще одна сотня. Хотите?

Бютнеръ глазамъ своимъ не вѣрилъ: неужели на яву передъ нимъ лежатъ эти бумажки, и сидитъ человѣкъ, который самъ ему навязываетъ свою помощь. Въ нерѣшимости, онъ растерянно поглядывалъ то на жену, то на сына, и хотѣлъ у него просить совѣта: рѣшаться ли? Но безучастное и безсмысленное выраженіе его лица остановило Бютнера, и онъ обернулся къ своей старухѣ. Та поняла его взглядъ и поспѣшила его ободрить.

— Бери же! Ну, бери! Вѣдь господинъ желаетъ намъ добра!

Бютнеръ протянулъ руку, чтобы взять предложенныя деньги.

— Постойте! — остановилъ Харрасовичъ и положилъ на деньги свою записную книжку. — Сперва надо исполнить кой-какія маленькія формальности... я-то вамъ и безъ того повѣрю, но почемъ знать? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ и вовсе не подозрѣваемъ, когда ему угодно будетъ насъ призвать къ себѣ. Тогда можетъ понадобиться какое-нибудь удостовѣреніе... Не правда ли?

Онъ вынулъ изъ своей книжечки маленькую печатную записку и спросилъ:

— Найдутся у васъ въ домѣ чернила и перо?.. Во всемъ и всегда надо имѣть порядокъ: это долгъ всякаго дѣлового человѣка.—Онъ заполнилъ нѣсколько пустыхъ мѣстъ и передалъ бумажку и перо хозяину дома:

— Вотъ, прошу: вамъ только подписаться!

Опять смущенный взглядъ старика Траугота остановился на лицѣ вѣрной его подруги на жизненномъ пути...

— Сперва прочтите!—предостерегъ его Харрасовичъ.—Ничего не надо подписывать, не читавши. Не безпокойтесь: все самое обыкновенное, безъ чего нельзя обойтись. Вѣдь это пустая формальность... такъ, на всякій случай. Вы просто напросто удостовѣряете, что получили четыреста марокъ наличными и согласны отдать мнѣ ихъ 1-го октября, то-есть, послѣ уборки хлѣба. Болѣе легкихъ условій я даже не могу поставить... Эта бумажонка будетъ мнѣ обезпеченіемъ, и только! Пустая формальность!.. Ну, не угодно ли?

Лицо старика подергивалось отъ глубокаго волненія.

Самъ нахмурился.

— Мнѣ кажется, герръ Бютнеръ мнѣ не довѣряетъ?—обратился онъ къ хозяйкѣ.—Въ такомъ случаѣ я беру деньги обратно. Навязываться не желаю! Я думалъ оказать ему любезность... если же онъ не хочетъ...

И онъ протянулъ руку къ деньгамъ.

— Трауготъ! — воскликнула старуха и толкнула мужа въ бокъ.—Ты съ ума спятилъ! Подписывай, да поживѣе, а то разсердится! — шепнула она въ заключеніе, и сама подала мужу перо.

— Вотъ, извольте! Вотъ тутъ... Ничего больше, только ваше имя!

Харрасовичъ указалъ пальцемъ то самое мѣсто, гдѣ писать.

И Бютнеръ подписалъ.

VII.

Добрыхъ двѣ недѣли пропустила Полина, пока, наконецъ, рѣшилась отозваться на приглашеніе графини Иды, и вѣроятно никогда бы не собралась пойти въ замокъ, еслибы на этомъ усиленно не настаивала мать.

Въ одинъ дѣйствительно прекрасный день она надѣла свое воскресное платье и новую шляпку и пошла въ замокъ дорогой,

которая вела къ „черному“ входу въ графскій домъ. Какъ другъ и товарищъ дѣтскихъ игръ Иды, Полина была въ дѣтствѣ своимъ человѣкомъ въ замкѣ и знала хорошо, что только для господъ служитъ парадное крыльцо, а всѣ остальные—ступай съ людского, такъ называемаго грязнаго. Дорогою она обдумала, какъ лучше поступить, и тотчасъ же рѣшила, что сначала зайдетъ къ домоправительницѣ, всемогущей и всевѣдущей Бумиллѣ. „Мамзель Бумилла“ ей, конечно, скажетъ, можно ли видѣть графинюшку и не помѣшаетъ ли она своимъ посѣщеніемъ?

„Черныя“ ворота были распахнуты настежь; Полина прошла подъ сводами воротъ и очутилась на довольно большомъ, четырехугольномъ дворѣ, стѣны котораго, какъ и стѣны дома, съ внутренней стороны были такъ густо обвиты плющомъ, что между зеленью видны были только окна; у самаго корня стебель доходилъ толщиною до человѣческой руки. Дворъ былъ вымощенъ каменными плитами. Пара дорическихъ колоннъ поддерживала гранитнаго льва, который стоялъ на заднихъ лапахъ, а въ переднихъ держалъ гербъ графскаго дома.

Полина прошла по двору и, не встрѣтивъ никого (слава Богу!), остановилась у кухоннаго крыльца, поджидая, чтобы ее увидалъ кто-нибудь изъ служащихъ. Какая-то дѣвушка вышла изъ кухни и, замѣтивъ ее, спросила, кого ей надо? Та назвала экономку.

— Мамзель! Вотъ къ вамъ пришли!—крикнула дѣвушка, постучавшись въ ближайшую дверь, откуда тотчасъ же показалась грузная фигура Бумиллы.

— А! Кашнерова Полина!—воскликнула она,—Наконецъ-то, опять появилась! Я еще вчера (или позавчера?) говорю: куда дѣлась эта Полина? Графиня Ида изволили приказать: какъ придетъ Полина, прямо къ ней вести,—къ ней, то-есть къ самой графинѣ. Постой, дѣвушка, зайди сперва ко мнѣ!—и, взявшись рукой за плечо Полины, она втолкнула ее къ себѣ въ комнату.

Полина помнила, что за мамзель Бумиллой водилась слабость къ новостямъ и пересудамъ: никому лучше ея не была извѣстна вся подноготная всѣхъ сосѣдей и крестьянъ; никому не были такъ милы и близки всѣ ихъ интересы, но больше всего нравились ей любовныя похожденія.

Въ графской кухнѣ изо дня въ день стоялъ кофейникъ на плитѣ: Бумиллѣ было хорошо извѣстно, что противъ этого волшебнаго напитка не устоитъ ни одна чисто женская душа. Передъ Полиной мигомъ очутилась чашка кофе и пирогъ (который

тоже никогда не переводился), изготовленный спеціально съ этой цѣлью.

Прежде всего, конечно, мамзель спросила про Густава, проея „жениха“ (какъ она утонченно выразилась); спросила, пишетъ ли онъ ей и какъ часто? а также нѣтъ ли у нея съ собой его писемъ. Пожалѣвъ о томъ, что ихъ нѣтъ подъ рукою, мамзель простерла свое участіе къ Полинѣ до того, что освѣдомилась: увѣрена ли она, что Густавъ на ней женится?

Полина вспыхнула и смущенно пролепетала:—да!

Мамзель Бумилла производила довольно странное впечатлѣніе. Большая, толстая, она имѣла видъ человѣка, котораго только-что повѣсили. Глаза у нея были навыкатѣ; подъ ними мѣшковатыя складки, щеки пухлыя, торчащія, а между ними отвислыя губы; подбородокъ, грудь... словомъ, все подходило къ одному общему характеру и точно тянуло ее головой къ землѣ. Однако, это не мѣшало ей имѣть самый добродушный видъ; да она и въ самомъ дѣлѣ была добра, привѣтлива, и бѣднымъ никогда отъ нея не было отказа.

— „Рука дающаго не оскудѣетъ!“—любила она повторять, и какъ нельзя вѣрнѣе оправдывались на ней эти слова, тѣмъ болѣе, что ея рука давала не изъ своихъ, а изъ хозяйскихъ средствъ.

Бесѣдуя съ Полиной, добродушная „мамзель“ озаботилась въ то же время приказать, чтобы Полинѣ дали съ собой тоже кой-чего вкуснаго.

— Заверните сладкаго!—говорила она дѣвушкамъ.—Можно положить миндалю и изюму; шоколаду, также, на придачу! Пусть погрызетъ маленькій Густавъ,—прибавила она, обращаясь къ Полинѣ.

Всѣ эти сласти были сложены въ „фунтикъ“, и Полинѣ было добродушно приказано опустить его въ карманъ, „чтобы господа не замѣтили“. Сверхъ того, Полина получила увѣреніе, что мамзель Бумилла сама непремѣнно въ скоромъ времени навѣститъ ея мать, а пока проситъ передать милѣйшей фрау Кашнеровой свой привѣтъ и поклоны. Полинѣ дали въ провожатые одну изъ горничныхъ, которыхъ здѣсь, повидимому, было безчисленное множество, и онѣ обѣ пошли въ первый этажъ графскаго дома, гдѣ помѣщались комнаты графини Иды.

Сперва надо было пройти черезъ большія парадныя сѣни, украшенныя по стѣнамъ всевозможнымъ оружіемъ, охотничьими трофеями и прочими тому подобными предметами, которые были Полинѣ незнакомы. Потомъ—вверхъ по лѣстницѣ, устлан-

ной мягкими коврами, въ которыхъ пріятно тонули ноги; и это ощущеніе напоминало ей времена былого дѣтства, когда она бывала здѣсь часто и подолгу.

Полина не замѣтила, какъ очутилась въ комнатѣ графинюшки, которая сидѣла за своимъ письменнымъ столикомъ и привѣтливо пошла къ ней на встрѣчу, какъ только ее увидала. Сегодня, у себя дома, безъ свидѣтелей, Ида чувствовала себя свободнѣе и радушно обняла свою бывшую подругу; потомъ подала ей буковый стулъ и сама сѣла рядомъ. Полина, однако, продолжала робѣть еще больше, вѣроятно потому, что молодая графиня приняла ее такъ ласково, простосердечно.

Прежде, когда онѣ были обѣ дѣтьми, онѣ беззаботно летали по аллеямъ парка, прятались въ кустахъ, и за Полиной было первенство въ дѣтскихъ привольныхъ затѣяхъ: ростомъ, силой и увертливостью, а также и материнскি нѣжной, житейской мудростью она брала верхъ надъ своей подругой. Она была все-таки настоящее дитя деревни, для котораго никакія явленія природы не составляютъ тайны, тогда какъ тысячи житейскихъ мелочей оставались для молодой графини неизвѣстны.

Если бы кто увидѣлъ рядомъ этихъ двухъ юныхъ представительницъ различныхъ сословій, тотъ вѣроятно сразу убѣдился бы, въ чемъ именно состоитъ власть высшихъ классовъ надъ толпою. Полина—рослая и пышащая здоровьемъ деревенская красавица—казалась неуклюжей въ своемъ праздничномъ платьѣ, надѣтомъ на непривычный для нея корсетъ; руки ея, здоровыя и ловкія рабочія руки, казались неловкими, грубыми рядомъ съ бѣлыми, тонкими ручками графини. Сама Ида, изящная, хрупкая, казалась почти болѣзненной въ сравненіи съ Полиной; но строгія благородныя черты, умный глубокій взглядъ и безсознательно горделивая осанка рѣзко отличали ее отъ подруги.

Обстановка комнаты какъ нельзя больше подходила къ ней самой. Ничего яркаго, ничего напоказъ, ничего притворнаго или поверхностнаго: все было просто, изящно; цвѣты въ жардиньерках, картины, письменный столикъ, мебель—все говорило о тонкости вкуса молодой хозяйки и о ея заботливой любви къ нимъ.

Постепенно на Полину и благодѣтельно подѣйствовало спокойное, привѣтливое обращеніе Иды; языкъ у нея развязался, и она отвѣчала на разспросы графинюшки не стѣсняясь. Серьезный и мягкій тонъ, какимъ говорила обыкновенно Ида, придавалъ особую важность каждому изъ ея словъ, какъ бы просты они ни были. На Полину она производила то же впечатлѣніе,

что̀ и ихъ старикъ пасторъ: такъ и чувствуешь, что ему надо каяться во всемъ откровенно...

Разговоръ шелъ о счастливомъ времени дѣтства, о веселыхъ играхъ и продѣлкахъ, о товарищахъ и подругахъ. Никого изъ нихъ Ида не забыла и обо всѣхъ разспрашивала подробно. Почти всѣ дѣвушки были давно женами и матерями...

Но тутъ разговоръ перешелъ лично на Полину, на ея житье.

— Какое счастье, что ты можешь возиться съ ребенкомъ своей двоюродной сестры!—замѣтила молодая графиня.—Это такое счастье заботиться, ухаживать за такимъ крошкой, что я готова позавидовать тебѣ! Это, должно быть, самое восхитительное, что̀ только есть на свѣтѣ!.. Но эта радость рѣдко выпадаетъ дѣвушкѣ на долю!..

Въ то время какъ Ида говорила о ребенкѣ, Полинѣ становилось все тяжелѣе на душѣ: ей казалось, что никогда еще она сама не считала себя такою дурною.

— „Графиня не подозрѣваетъ,—думалось ей,—съ кѣмъ она имѣетъ дѣло! Развѣ она не вскочитъ въ ужасѣ, не убѣжитъ безъ оглядки, какъ только узнаетъ, чѣмъ сдѣлалась ея любимая подружка? Она, такая прелестная, такая чистая, и не подозрѣваетъ, что̀ творится на свѣтѣ!..

Эта тайна жгла, мучила Полину; она пыталась сама себѣ возражать:

„Да нѣтъ!.. Можетъ ли быть, чтобы это было такимъ позоромъ признавать ребенка своимъ сыномъ? Можетъ ли быть преступно то, что̀ дѣлается во имя горячей, самоотверженной любви? Материнское чувство—можетъ ли оно считаться позорнымъ и дурнымъ, когда оно приноситъ столько счастья"?..

И наконецъ, графиня Ида такая же женщина, какъ и она сама; несмотря на всю свою знатность, она пойметъ... она должна понять.

— „Какіе у нея глаза, какой ласковый голосъ!.. Нѣтъ, даже и представить себѣ невозможно, что она можетъ сердиться и бранить...

— „Но признаться трудно... Боже мой, какъ трудно"!..

Полина подумала наконецъ про себя:

— „Ну вотъ, рѣшусь, скажу! Сейчасъ скажу!"—и съ каждой остановкой рѣчи Иды откладывала опять свое рѣшеніе.

— „Такъ и уйду, а не скажу!"—Это для нея теперь было совершенно ясно. Ида, между тѣмъ, уже говорила, глубоко негодуя, что она понять не можетъ, какая мать способна рѣшиться

отпустить отъ себя свое дитя, какъ ей должно быть жутко отдать его совсѣмъ въ чужія руки!

— Скажи мнѣ, что̀ за женщина мать этого ребенка?—спросила она; и Полина вдругъ почувствовала, что пришла минута ей во всемъ признаться. Чуть слышнымъ голосомъ, глухо вырвались у нея тѣ два-три слова, которыя все объяснили Идѣ.

На мигъ, на одинъ только мигъ графиня утратила свое самообладаніе. Разомъ проступили снова наружу такія свойства ея страстной женской натуры, которыхъ не могли окончательно подавить ни строгость воспитанія, ни свѣтская выдержка. Не помня себя, она вскочила и дрожащими руками оперлась на край своего столика; губы ея поблѣднѣли; она тяжело дышала.

Ни та, ни другая, не проронили ни слова.

Полина сидѣла передъ графиней низко опустивъ голову и глядя себѣ на колѣни. Страннымъ огнемъ горѣли глаза Иды; она не отводила взора отъ поникшей фигуры молодой женщины; —и на мгновеніе на лицѣ у нея промелькнуло жесткое выраженіе, которое какъ бы безъ словъ осуждало виновную. Губы ея сложились въ презрительную, брезгливую гримасу.. Знатная аристократка, гордая своей непорочностью, готова была судить безпутную деревенскую дѣвчонку...

Это длилось... ну, можетъ быть, съ минуту, а затѣмъ...

Глаза Иды наполнились слезами; губы ея дрогнули... Въ каждой чертѣ ея нѣжнаго лица ясно отразилась глубокая жалость... жалость къ Полинѣ, и къ себѣ самой, и ко всѣмъ женщинамъ вообще.

Грудь ея высоко поднималась; но не сразу вернулось къ Идѣ ея самообладаніе и она молчала... Но вотъ она сѣла на свое прежнее мѣсто, около Полины, и на ея загорѣлую, грубую руку положила свою—тонкую, нѣжную...

— Но онъ для тебя вѣдь главная отрада, твой мальчуганъ? Вѣдь да, Полина?

Полина не могла сказать ни слова—и только молча кивнула ей головой.

А. Б—г.—

НОЯБРЬСКІЕ ВЫБОРЫ

ВЪ

С.-А. С.-ШТАТАХЪ

Каждый чётный годъ, въ первый вторникъ послѣ перваго понедѣльника ноября мѣсяца, С.-Америка выбираетъ новую палату представителей федеральнаго конгресса, а многіе штаты—новыхъ чиновъ штата и новыя легислатуры: нынче, напримѣръ, первыхъ —въ 31 штатѣ, вторыхъ—въ 23 штатахъ. Президентъ Союза выбирается только каждые четыре года, и потому эти промежуточные выборы существенно отличаются отъ президентскихъ кампаній уже однимъ тѣмъ, что въ эти „off years", какъ ихъ принято называть въ общежитіи, не собирается національныхъ партійныхъ конвенцій, и политика партій выражается только конвенціями въ штатахъ и „платформами", и не обобщается такъ опредѣленно и ясно, какъ это дѣлается въ годы президентскихъ выборовъ. Общественный интересъ къ выборамъ и вообще политическій энтузіазмъ далеко не развиваются въ такой степени въ эти годы, какъ въ президентскіе; число подаваемыхъ голосовъ обыкновенно уменьшается на 15, даже на 20 процентовъ противъ предшествовавшей президентской кампаніи, и только случайные, чисто мѣстные штатные вопросы иногда возбуждаютъ чисто мѣстный интересъ и вызываютъ полную регистрацію и голосованіе. Въ то же время, съ давнихъ поръ промежуточные выборы эти всегда являются болѣе или менѣе сильнымъ пораженіемъ партіи, одержавшей побѣду на предшествовавшихъ президентскихъ выборахъ; до сихъ поръ не было ни одного исклю-

ченія изъ этого общаго правила, и объясняется это весьма естественно: неизбѣжнымъ развитіемъ излишней самоувѣренности въ побѣдителяхъ—и энергичнымъ стремленіемъ къ отплатѣ въ побѣжденныхъ. Такъ, послѣ выборовъ Кливелэнда и демократическаго конгресса въ 1884 г., одержали побѣду республиканцы въ 1886 г.; послѣ выбора Гаррисона и республиканскаго конгресса въ 1888 г., побѣдили демократы въ 1890 г., и, послѣ вторичнаго выбора Кливелэнда и демократическаго конгресса въ 1892 г., опять одержали побѣду республиканцы въ 1894. Такъ какъ президентская кампанія 1896 г. была одной изъ самыхъ рѣшительныхъ въ американской политической исторіи побѣдой республиканской партіи, то и ожидалось, что настоящіе промежуточные ноябрьскіе выборы окажутся республиканскимъ же пораженіемъ. Но война съ Испаніей, такъ существенно повліявшая на всю нашу государственную и общественную жизнь, и въ дѣлѣ этихъ выборовъ оказалась самымъ важнымъ факторомъ; она измѣнила на этотъ разъ всегда доселѣ оказывавшееся фатальнымъ для господствующей партіи общее правило — республиканцы, сверхъ ожиданія, опять одержали самую серьезную побѣду. Какъ читатель усмотритъ и самъ, политическая кампанія эта и ея результаты имѣли только относительное значеніе для нашей внутренней жизни, и они повліяютъ больше всего на внѣшнюю политику С.-А. С. Штатовъ, а потому и заслуживаютъ особеннаго вниманія, вовсе не вызываемаго обычными американскими промежуточными выборами. Такъ какъ не было ни національныхъ конвенцій, ни „платформъ", то для уясненія многихъ сторонъ этого необычнаго результата приходится обратиться отчасти къ общимъ разсужденіямъ, отчасти къ отдѣльнымъ штатнымъ кампаніямъ и „платформамъ".

I.

Серебряный вопросъ, всеобъемлющій всего два года тому назадъ, теперь не игралъ почти никакой роли. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что число безусловныхъ защитниковъ свободной чеканки серебра, въ отношеніи 1 къ 16, вообще убавилось съ тѣхъ поръ самымъ чувствительнымъ образомъ—да и тѣ, которые остались, предпочли на этотъ разъ оставить серебро въ сторонѣ и избѣгали касаться его какъ бы то ни было. Изъ всѣхъ демократическихъ штатныхъ конвенцій востока и центра только въ одномъ штатѣ Индіанѣ „сильверитамъ" удалось добиться

подтвержденія чикагской національной „платформы“ 1896 г.—да демократы и фузіонисты штата Небраски и маленькихъ серебряныхъ штатовъ Скалистыхъ-горъ сдѣлали то же самое. Республиканцы же вездѣ безъ исключенія высказались самымъ опредѣленнымъ образомъ за свою партійную „платформу“ конвенціи Санъ-Луи 1896 г. Да и эти заявленія въ большинствѣ случаевъ были чисто формальными, и нигдѣ, кромѣ Небраски, о которой я буду говорить ниже, не вызвали ни преній, ни распри. Серебряный вопросъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую кампанію, оказался сданнымъ въ архивъ и не возбуждалъ нигдѣ и ни въ комъ никакого интереса.

Гораздо меньше обыкновеннаго были и обычныя традиціонныя нападки демократовъ на политику протекціонизма вообще и на новый протекціонный тарифъ Динглэя, смѣнившій полтора года тому назадъ тарифъ Вильсона-Гормана. Новый тарифъ этотъ такъ многостороненъ и сложенъ, и былъ въ дѣйствіи такое еще, сравнительно, короткое время, что говорить объ его детальномъ вліяніи на разныя стороны промышленности и торговли по меньшей мѣрѣ преждевременно — тѣмъ не менѣе, не подлежитъ уже сомнѣнію, что онъ вполнѣ достигъ главной и прямой своей цѣли—достаточной доходоспособности для того, чтобы почти сразу уничтожить тѣ убійственные дефициты въ государственномъ бюджетѣ, которые были вызваны тарифомъ Вильсона-Гормана и которые продолжались въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ администраціи Кливелэнда, вызвавъ значительные процентные займы, серьезно разстроивъ наши финансы и прибавивъ во время глубокаго мира до трехсотъ милліоновъ долларовъ къ американскому государственному долгу.

Послѣдніе два года какъ нельзя лучше доказали, что республиканская партія Союза, несмотря на многіе ея существенные недостатки, все-таки обладаетъ, какъ въ своихъ массахъ, такъ и въ ихъ вожакахъ, самыми несомнѣнными способностями къ созиданію и возбужденію общаго довѣрія къ прочности положенія дѣлъ въ странѣ. Общая апатія и тотъ хроническій застой въ промышленности и торговлѣ, которыми ознаменовалась такъ осязательно четырехлѣтняя демократическая администрація Кливелэнда 1892—1896, исчезли какъ-то сами собой съ избраніемъ Макъ-Кинлэя, и уступили мѣсто небывалому расширенію всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности въ Союзѣ, превращенію царившей вездѣ безработицы и зоркому оживленію всей дѣловой жизни страны. Всѣ общепринятые критеріи для опредѣленія дѣлового жизненнаго пульса Союза, безъ какихъ бы то ни было

исключеній, указываютъ на это расширеніе и оживленіе, по нѣкоторымъ отраслямъ достигшее небывалыхъ еще въ нашей исторіи размѣровъ. Даже самые явные партизаны-пессимисты не рѣшаются теперь оспаривать этого—слишкомъ много самыхъ характерныхъ доказательствъ накопилось въ рукахъ ихъ противниковъ. Я лично думаю, что главную роль въ этой столько же разительной, сколько и быстрой перемѣнѣ сыграло именно возвращеніе общаго довѣрія къ жизненности и созидательнымъ способностямъ господствующей партіи; но наши ультра-протекціонисты приписываютъ ее исключительно вліянію новаго тарифа и вызванному имъ дѣйствительно феноменальному улучшенію международнаго торговаго баланса въ нашу пользу. Балансъ этотъ въ 1892—94 годахъ былъ, въ сущности, противъ насъ— а за годъ, кончившійся первымъ октября 1898 г., онъ достигъ громадной, небывалой суммы въ $ 593.591.330°° въ нашу пользу. Экспортъ въ 1894 г. былъ $ 806.411.438°°; въ 1898— $ 1.222.604.433°°, тогда какъ импортъ въ первомъ былъ $ 773.766.038°°, а въ послѣднемъ $ 629.013.103°° [1]). Какъ ни многозначительны эти цифры и сами по себѣ, представляя собою неслыханныя доселѣ въ исторіи торговыхъ націй всего міра суммы, тѣмъ не менѣе ихъ внутреннее значеніе еще поразительнѣе. Раздѣляя эти экспортъ и импортъ на сырьё и мануфактуры, оказывается, что какъ возростаніе экспорта, такъ и паденіе импорта приходятся почти цѣликомъ на послѣднія, тогда какъ вывозъ и ввозъ сырья остаются почти одинаковыми. Не только отрицать, но и умалить значеніе новаго тарифа въ этомъ послѣднемъ отношеніи совершенно невозможно. Я, впрочемъ, не буду вдаваться въ дальнѣйшія детали, какъ онѣ ни интересны, такъ какъ намѣренъ въ близкомъ будущемъ подробно познакомить читателя съ исторіей внѣшней торговой политики Союза.

Трудно, конечно, сказать, насколько это безспорное возвращеніе Союза къ преуспѣянію и благосостоянію было бы въ состояніи повліять на исходъ настоящей политической кампаніи, еслибъ въ нее не вмѣшалась война. Уже самое ея объявленіе въ самой значительной степени перетасовало личный составъ партій, какъ онъ былъ оставленъ президентской кампаніей 1896 года.

---

[1]) Цифры эти взяты мною изъ только-что вышедшаго послѣдняго бюллетеня министерства финансовъ, отъ 13-го послѣдняго октября. Статистическое бюро этого министерства выпускаетъ ежемѣсячно по огромному тому, заключающему въ себѣ превосходно обработанныя таблицы какъ внѣшней торговли, такъ и финансовъ государства за послѣдній мѣсяцъ.

Вычисляютъ, что серебряный вопросъ въ теченіе этой кампаніи измѣнилъ обычную партійную распредѣляемость около двухъ милліоновъ избирателей—и вызванное имъ такое необычное шатаніе умовъ еще не успѣло установиться, когда послѣдовала война, послужившая, по-своему, немѣньшимъ стимуломъ къ возбужденію. Хотя въ глазахъ всего міра конгрессъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ является непроницаемой стѣной, единодушно поддерживавшей президента, тѣмъ не менѣе броженіе внутри партій, въ народныхъ массахъ не только не уменьшалось, но и возростало. Традиціонныя принципіальныя несогласія партій какъ-то внезапно совершенно стушевались, по крайней мѣрѣ на время, и люди сходились и расходились почти исключительно по поводу войны и вызванныхъ ею новыхъ проблемъ. Самые завзятые старые партизаны, послѣ первыхъ же двухъ-трехъ словъ, нетерпѣливо махали рукой на эти старыя несогласія и переходили къ тому или другому чисто военному вопросу. Какъ два года тому назадъ все сводились къ серебряному вопросу, въ ущербъ всему остальному, такъ теперь все свелось къ вопросу о войнѣ и ея послѣдствіяхъ—въ этомъ смыслѣ обѣ кампаніи были поразительно аналогичны, только основныя несогласія были совсѣмъ иныя. Война велась быстро и энергично, съ ни разу не покидавшимъ американское оружіе успѣхомъ—и съ небольшимъ черезъ сто дней было заключено, сравнительно неожиданно и для вожаковъ, и, главное, для народныхъ массъ, перемиріе, оформленное извѣстнымъ вашингтонскимъ протоколомъ. Страна переходила отъ одного сюрприза къ другому быстро и безъ достаточной возможности основательно осмотрѣться. Громкія побѣды кружили голову, и безъ того съ большимъ избыткомъ начиненную самоувѣренностью и сознаніемъ своего могущества. Сначала самый заурядный шовинизмъ, потомъ грандіозные воздушные замки объ имперскомъ расширеніи и колоніальномъ величіи—сбивали съ толку самыхъ консервативныхъ, самыхъ осторожныхъ при обыкновенныхъ условіяхъ людей. Нужно было время, чтобы освоиться со всѣмъ этимъ новымъ и, по самой силѣ вещей, совершенно чуждымъ заурядному американцу матеріаломъ. А ноябрьскіе выборы не ждали — нужно было выбирать новый конгрессъ и подавать голоса прежде даже, чѣмъ былъ заключенъ миръ, какъ разъ въ теченіе того промежутка времени, который долженъ былъ опредѣлить такъ или иначе всю дальнѣйшую внѣшнюю политику Союза. Благодаря всему этому, народный вердиктъ 8-го ноября, несмотря на его наружную опредѣленность, по моему крайнему разумѣнію, далеко не представляетъ собою той законченности,

того осмысленнаго рѣшенія, какими обыкновенно отличаются въ Америкѣ такіе вердикты, а даетъ только скороспѣлый взглядъ случайнаго большинства, сплоченнаго не обдуманными прочными основами, а „злобой дня“ и ненормальностями всего положенія. Взглядъ этотъ не обладаетъ прочностью, и преступно близоруки были бы тѣ государственные люди, которые рѣшились бы строить зданіе будущей политики страны на такомъ завѣдомомъ пескѣ.

Эксъ-президентъ Гаррисонъ, человѣкъ очень умный, опытный и знакомый со всѣми деталями настоящаго положенія дѣлъ, когда заправилы республиканской партіи въ настоящей кампаніи обратились къ нему съ просьбой высказаться, отвѣтилъ имъ коротко и ясно, что миръ еще далеко не заключенъ, и что при настоящихъ обстоятельствахъ не время составлять сложныя политическія „платформы“, а слѣдуетъ только поддерживать администрацію во что̀ бы то ни стало. Конечно, это былъ скорѣе отвѣтъ опытнаго политикана, чѣмъ государственнаго человѣка, — но нельзя отрицать, что покуда и для этихъ выборовъ это былъ единственный практическій выходъ. Война отдала уже въ наши руки Порто-Рико и сдѣлала совершенно неизбѣжнымъ и захватъ Филиппинъ, такъ какъ мы не можемъ ни возвратить ихъ обратно Испаніи, ни отдать ихъ какой-либо изъ европейскихъ державъ или раздѣлить ихъ между ними, ни признать ихъ независимыми. Протекторатъ надъ островомъ Кубой—тоже дѣло совершенно безповоротное. Рѣшать теперь же, удержимъ ли мы навсегда за собою всѣ эти иноплеменныя, разнокалиберныя, полудикія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно дикія народности, нѣтъ никакой необходимости. Хотя большинство нашихъ народныхъ массъ въ настоящій моментъ и стоитъ за такое абсолютное присоединеніе, оно за послѣдніе два мѣсяца, безспорно, уменьшилось, и очень многіе государственные люди съ огромнымъ вліяніемъ и значеніемъ высказываются безусловно противъ такой политики, и есть всякое основаніе предполагать, что когда шовинизмъ и настоящія поверхностныя увлеченія имперіализмомъ поулягутся и народъ будетъ имѣть возможность вполнѣ трезво смотрѣть на вещи, хладнокровное обсужденіе всѣхъ вызываемыхъ имперіализмомъ задачъ заставитъ этотъ народъ быть осторожнѣе и, во всякомъ случаѣ, болѣе сознательно принять то или другое рѣшеніе.

Что и теперь даже въ партійныхъ совѣтахъ царствуетъ совершенный сумбуръ и часто непримиримыя несогласія по этому основному вопросу, на то имѣется масса самыхъ безспорныхъ доказательствъ. Два признанные главные вожака демократовъ въ федеральномъ сенатѣ, сенаторы Уайтъ отъ Калифорніи и Морганъ

отъ Алабамы, радикально различествуютъ между собою: первый—безусловно противъ всякихъ присоединеній; второй—за присоединеніе не только Филиппинъ, но и всего, что только можно отобрать отъ Испаніи. Демократическая штатная конвенція штата Миссури не только признала войну якобы партійнымъ дѣломъ демократовъ, но и высказалась единогласно за самую широкую политику присоединенія. Генералы-демократы Ли и Уилеръ, чрезвычайно вліятельные на всемъ югѣ, стоятъ за всяческіе захваты, а демократическія конвенціи ихъ штатовъ, Вирджиніи и Алабамы, высказались противъ того. Самый вліятельный и уважаемый республиканецъ въ федеральномъ сенатѣ, маститый старецъ отъ штата Массачузетса, Горъ, въ замѣчательно страстной и талантливой рѣчи, на своей штатной конвенціи, высказался безусловно противъ политики какого бы то ни было насильнаго присоединенія, указывая на то, что единственнымъ достойнымъ величайшей современной республики міра путемъ къ расширенію своихъ вліяній есть путь идейный, путь примѣра и доказательства на дѣлѣ превосходства нашихъ свободныхъ учрежденій. Въ томъ же смыслѣ высказался и республиканецъ федеральный сенаторъ Гэль, тоже очень вліятельный, и архи-милліонеръ заводчикъ республиканецъ же Карнэги. Спикеръ федеральной палаты представителей, республиканецъ Ридъ, противился всѣми силами и до послѣдней минуты присоединенію Гавайскихъ острововъ, и еще безусловнѣе противится всякому дальнѣйшему расширенію границъ Союза. То же, и съ громадной нравственной силой, проповѣдуетъ всюду и эксъ-федеральный сенаторъ Эдмундсъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ государственныхъ людей блестящей эпохи Линкольна и реконструкціи, а теперь кабинетный мыслитель, съ большимъ вліяніемъ во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ Союза.

II.

При обыкновенныхъ условіяхъ промежуточныхъ выборовъ, штатныя партійныя конвенціи, высказываясь по поводу національныхъ вопросовъ, руководствуются до извѣстной степени общими негласными указаніями, вырабатываемыми до ихъ созыва исполнительными національными комитетами партій, комитетами, выбираемыми предшествующими національными партійными конвенціями именно для такого руководства. Насколько извѣстно, въ настоящемъ году комитеты эти не рѣшились дать никакихъ указаній по поводу внѣшней политики—частію потому, что въ

ихъ собственной средѣ царилъ безнадежный разладъ по этому предмету, частію потому, что они опасались связать будущность своихъ партій несвоевременными заявленіями; благодаря этому, партійная принадлежность избирателей партійнымъ „тикетамъ" была нынче слабѣе, чѣмъ когда-либо прежде, и цѣлыя массы вотировали за штатныхъ чиновъ одной партіи, а за членовъ конгресса и легислатуръ, имѣющихъ избрать новыхъ федеральныхъ сенаторовъ—другой партіи. Необходимо впрочемъ замѣтить, что это ослабленіе партійныхъ узъ замѣчалось уже въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ выборовъ; оно постепенно усиливается, и нынче дошло до самыхъ серьезныхъ размѣровъ; очевидно, что избиратели дѣлаются все независимѣе и независимѣе отъ партійныхъ вожаковъ и ихъ стремленій, къ сожалѣнію обыкновенно болѣе или менѣе себялюбивыхъ и одностороннихъ. Штатъ Миннесота выбралъ демократа губернатора значительнымъ большинствомъ—и въ то же время послалъ въ конгрессъ единогласную республиканскую делегацію; а штатъ Нью-Іоркъ выбралъ губернатора республиканца и по 22 демократа изъ 36 причитающихся на его долю членовъ федеральной палаты представителей. Въ штатѣ Калифорніи выбранъ губернаторъ республиканецъ большинствомъ 30 тысячъ голосовъ и 6 республиканцевъ же конгрессмэновъ изъ 7, а государственнымъ секретаремъ штата выбранъ демократъ большинствомъ 10 тысячъ. Несомнѣнно, что общее шатаніе умовъ по главному вопросу, съ одной стороны, и все усиливающаяся эмансипація массъ отъ партійныхъ узъ, съ другой, повліяли больше всего на эти столь необычные для американскихъ выборовъ результаты. Очевидно и то, что цѣлыя сотни тысячъ избирателей, оставаясь въ сущности демократами по всѣмъ внутреннимъ вопросамъ, вотировали за республиканцевъ-конгрессмэновъ и членовъ штатныхъ легислатуръ только съ цѣлью выразить свое одобреніе республиканской національной администраціи и въ видѣ обѣщанія ей своей поддержки и въ будущемъ. Крайніе „расширители" и „присоединители" разсчитывали на гораздо болѣе опредѣленный вердиктъ въ пользу такой политики; они горько ошиблись, и не имѣютъ ни права, ни возможности, опираясь на эти выборы, сдѣлать ее партійнымъ дѣломъ господствующей партіи,—а всякая отсрочка въ этомъ отношеніи неизбѣжно ослабляетъ ихъ и даетъ время ихъ противникамъ возбуждать сомнѣнія въ умахъ массъ въ цѣлесообразности и желательности такой политики вообще.

Въ смыслѣ внутренней политики, однимъ изъ существеннѣйшихъ результатовъ ноябрьскихъ выборовъ является совер-

шенный коллапсъ „популистовъ", какъ третьей политической партіи. Какъ національный факторъ, они перестали существовать: въ большинствѣ штатовъ имъ пришлось расформировать свои самостоятельныя организаціи, и, въ будущей президентской кампаніи 1900 года они едва-ли выставятъ отдѣльный національный „тикетъ", и, по всѣмъ видимостямъ, только очень немного штатныхъ, не болѣе 4—5. Такія капитальныя политическія ошибки. какъ сліяніе съ демократами и „сильверитами" въ 1896 г., не проходятъ даромъ, да и третьи политическія партіи въ Америкѣ никогда не были долговѣчны и вообще не могутъ имѣть надежды на успѣхъ. Всякое серьезное реформаторское движеніе можетъ получить силу только будучи принято одною изъ двухъ главныхъ партій—этому учитъ вся политическая исторія Союза. Въ настоящихъ выборахъ „популисты" опять вездѣ слились съ демократами и „сильверитами"—и вездѣ потерпѣли самыя безнадежныя пораженія. Такъ, въ нашемъ штатѣ, Калифорніи, 4 года тому назадъ популистскій кандидатъ въ губернаторы имѣлъ 51 тысячу голосовъ, демократъ—120 т., республиканецъ—100 т. Ныньче же республиканецъ получилъ 160 т., фузіонистъ-демократъ—популистъ-сильверитъ всего 130 т. Въ Канзасѣ, гдѣ, два года тому назадъ, популисты, не сливаясь ни съ кѣмъ, однѣми своими собственными силами выбрали губернатора большинствомъ 40 т. голосовъ противъ всѣхъ своихъ противниковъ, и всю конгрессіональную делегацію изъ 7 членовъ цѣликомъ, ныньче, несмотря на ихъ сліяніе съ демократами и сильверитами, выбраны республиканецъ губернаторъ, большинствомъ 10 т., и вся конгрессіональная делегація. Въ Небраскѣ они потеряли часть штатнаго тикета, 4-хъ конгрессмэновъ, и федеральнаго сенатора; въ сѣверной Каролинѣ губернатора, 2-хъ конгрессмэновъ и федеральнаго сенатора; тоже и въ Орегонѣ. Тогда какъ въ настоящемъ федеральномъ сенатѣ они владѣли 8 голосами и держали въ своихъ рукахъ балансъ силы, а въ федеральной палатѣ представителей насчитывали до 15 голосовъ, теперь въ первомъ у нихъ остался только одинъ представитель, а въ послѣдней, повидимому, не будетъ ни одного. Не осталось и ни одного популиста-губернатора, тогда какъ еще только два года тому назадъ ихъ было цѣлыхъ семь.

Съ утратой всякаго интереса къ обычнымъ партійнымъ вопросамъ и за невозможностью и нежеланіемъ сдѣлать будущую внѣшнюю политику дѣломъ партійнымъ, политическая кампанія, предшествовавшая ноябрьскимъ выборамъ, была бы лишена всякаго живого интереса, еслибы не кстати подвернувшіяся обви-

ненія военнаго министерства вообще и военнаго министра Алджэра въ особенности, въ некомпетентности, непредупредительности, личныхъ интригахъ и цѣломъ рядѣ разныхъ, болѣе мелкихъ промаховъ и неудачъ. Эти обвиненія разрослись до самыхъ необъятныхъ предѣловъ, были сдѣланы въ большинствѣ штатовъ лозунгомъ демократовъ и придали кампаніи обычный Америкѣ страстный колоритъ. Съ чисто политической точки зрѣнія, эта наша современная „злоба дня“ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія и едва-ли повліяла хоть какъ-нибудь на практическій исходъ выборовъ, но она надѣлала большого шума, была подхвачена и европейской печатью, раздута неопытными и незнакомыми съ нашей жизнью тамошними журналистами, и, будучи непосредственно связана съ теоретическими разсужденіями о значеніи постоянныхъ и волонтерныхъ армій, пріобрѣла совсѣмъ другое, косвенное, но тѣмъ не менѣе серьезнѣйшее значеніе. Именно благодаря этому я и считаю необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ и выяснить какъ его фактическія стороны, такъ и очевидные и теперь уже результаты.

III.

Америка не воевала цѣлыхъ 33 года, т.-е. дольше, чѣмъ продолжается принимаемая вообще за среднюю жизнь одного поколѣнія; самые молодые участники междоусобной войны 1861—1865 годовъ теперь сѣдые старики, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ способные къ активной военной дѣятельности въ рядахъ. Даже между высшими офицерскими чинами постоянной арміи насчитывается всего нѣсколько десятковъ такихъ участниковъ. А за этотъ періодъ времени, за эту треть цѣлаго столѣтія, военное дѣло, какъ и всѣ другія отрасли человѣческой дѣятельности, ушло впередъ дальше, чѣмъ когда-либо прежде. Шагнули впередъ гигантскими шагами, можетъ быть даже больше, чѣмъ что-либо другое, и обычныя среднія человѣческія потребности, особенно именно въ Америкѣ. Увеличивъ больше чѣмъ вдвое народонаселеніе, и во много разъ свое богатство и благосостояніе, Америка въ то же время не только оставила свою постоянную армію въ томъ же размѣрѣ, но и не обращала на нее рѣшительно никакого вниманія. Армія эта держалась своими традиціями, обычной американской самодѣятельностью, несомнѣнно высокимъ сознаніемъ долга и общей добросовѣстностью своего офицерскаго состава—всѣмъ, чѣмъ хотите, только не на-

роднымъ уваженіемъ и вниманіемъ; быть солдатомъ въ мирное время—занятіе очень непопулярное въ Америкѣ, и человѣкъ съ самолюбіемъ не особенно охотно мирится съ эпитетомъ, составляющимъ эквивалентъ русскаго слова „дармоѣдъ“, которымъ, не обинуясь, частенько награждаетъ его наша пресса. Тогда какъ европейскія арміи много разъ перемѣнили за это время свое вооруженіе и, сообразно этимъ перемѣнамъ, и всю свою тактику, наша милиція и до сихъ поръ была вооружена допотопными пистонными ружьями. Если въ теоретическомъ смыслѣ наши главный штабъ и офицерскія массы и стоятъ, по всей вѣроятности, не ниже своихъ европейскихъ собратьевъ,—матеріальная часть несомнѣнно отстала на цѣлыя тридцать лѣтъ, и, во всякомъ случаѣ, была абсолютно недостаточна для сколько-нибудь значительнаго численнаго расширенія состава. Война съ Испаніей вызвала созывъ двухъ-сотъ тысячъ волонтеровъ, которыхъ пришлось создать въ нѣсколько недѣль—въ сущности изъ ничего. Между тѣмъ, не только не было недостатка въ людяхъ, но и много разъ военная администрація не знала, что съ ними дѣлать и кому отдать предпочтеніе; всю матеріальную часть пришлось импровизировать какъ бы по волшебству. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти двѣсти тысячъ были приняты, обмундированы, вооружены, собраны въ корпуса, дивизіи и бригады и распредѣлены лагерями въ разныхъ мѣстахъ Союза не позже какъ черезъ шесть недѣль по объявленіи войны. Въ Чикамогскомъ лагерѣ, подъ городомъ Чаттанугой въ штатѣ Теннесси, было сосредоточено свыше сорока тысячъ этихъ волонтеровъ, съ совершенно „зелеными“ офицерами, медиками и командирами; въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ—по десяти, по двадцати тысячъ въ одномъ лагерѣ. Наши стратеги не предвидѣли того страннаго, почти исключительно морского характера, который приняла война, благодаря изумительной неспособности ея испанскихъ заправилъ; они думали, что придется немедленно отправить значительныя сухопутныя силы на Кубу, и потому сосредоточивали волонтеровъ въ южныхъ штатахъ, чтобы быть ближе къ театру войны. Сосредоточеніе это произошло какъ разъ въ самые жаркіе мѣсяцы года, въ іюнѣ и іюлѣ, и непривычнымъ къ знойному, сырому климату юга сѣвернымъ полкамъ пришлось акклиматизироваться и въ самое нездоровое время, и въ совершенно непривычной имъ лагерной военной обстановкѣ. Немногіе, сравнительно, офицеры регулярной арміи, командированные въ эти волонтерные лагери, были завалены работой и не могли заниматься деталями, а люди не обладали солдатскимъ опытомъ; ихъ выборные

полковники и доктора часто не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ именно требовалось, и въ нѣкоторыхъ лагеряхъ и частяхъ развилась болѣзненность, вполнѣ естественная и, такъ сказать, законная, если безпристрастно принять въ соображеніе все положеніе, но въ то же время вызвавшая всевозможныя, часто самыя сенсаціонныя, заявленія въ печати. Я лично хорошо знаю всю исторію волонтернаго полка нашего города, простоявшаго въ лагерѣ ровно полгода, и изъ своего состава въ 1.300 слишкомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ потерявшаго за это время умершими всего 18 человѣкъ. Смертность эта вызвала самую оживленную, самую озлобленную бурю нападокъ на всѣхъ и на все, а я сошлюсь на всякаго компетентнаго военнаго человѣка, утверждая, что такой процентъ смертности при такихъ условіяхъ не только не великъ, но и прямо незначителенъ, и часто превышается и въ мирное время даже въ опытныхъ, умѣющихъ о себѣ заботиться регулярныхъ войскахъ. Громадное большинство волонтеровъ принадлежало къ людямъ, въ военномъ смыслѣ крайне избалованнымъ; когда имъ пришлось внезапно перебраться изъ мягкихъ постелей въ сухихъ и удобныхъ домахъ въ солдатскія лагерныя палатки, и отъ обильнаго и вкуснаго обычнаго американскаго домашняго стола перейти на однообразные солдатскіе раціоны, и при этомъ ежедневно маршировать подъ палящимъ южнымъ солнцемъ, въ ранцѣ и тяжеломъ вооруженіи, по пяти и шести часовъ въ сутки, и продолжать эту рутину день за днемъ цѣлые мѣсяцы—нужно только удивляться, что не всѣ они переболѣли, и что только такой крошечный процентъ поплатился жизнью. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что волонтеры эти шли воевать, драться,—а вмѣсто того имъ пришлось учиться ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ! Едва одной-двадцатой ихъ части удалось понюхать пороху, всѣ остальные изнывали въ лагеряхъ; а солдатская жизнь безъ боевого возбужденія—совсѣмъ не по плечу заурядному американцу, и его впечатлительная, энергичная натура совсѣмъ не способна выдерживать военную дисциплину въ бездѣйствіи гарнизонной службы.

Особеннымъ нападкамъ и обвиненіямъ всякаго рода, сорта и наименованія подверглись кампанія подъ Сантъ-Яго и ея командиръ, генералъ Шафтеръ. Оставляя даже въ сторонѣ ту аксіому, что „побѣдителя не судятъ", а онъ съ 15-тысячнымъ отрядомъ „зеленыхъ рекрутъ" въ три недѣли выгналъ эскадру Серверы изъ ея неприступнаго съ моря положенія, полонилъ 24 тысячи испанскихъ ветерановъ, и окончилъ этимъ всю войну,—нельзя не

признать, что хотя и имъ самимъ, и нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ генераловъ и были, конечно, сдѣланы многіе промахи и ошибки, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, кампанія была и ведена, и окончена вполнѣ блистательно. Для жителя свободной Америки, генералъ Шафтеръ обладаетъ существеннымъ недостаткомъ: онъ былъ регулярнымъ солдатомъ всю свою жизнь, и считаетъ газетныхъ репортеровъ и гласность главной язвой современнаго военнаго дѣла. Въ теченіе всей кампаніи онъ упорно отказывался дѣлиться съ ними своими свѣдѣніями и планами, арестовалъ и выслалъ съ острова корреспондента нью-іоркскаго „World", Сковеля, когда тотъ, при оффиціальной сдачѣ города Сантъ-Яго, проявилъ стремленіе собственноручно спустить съ губернаторскаго дворца испанское знамя и поднять на немъ американское, завелъ драку съ посланнымъ съ этой цѣлью на крышу адъютантомъ и наотрѣзъ отказался предоставить какія-либо привилегіи извѣстному нашему молодому беллетристу Ричарду Гардингу Дэвису, требовавшему ихъ въ виду того, что онъ олицетворялъ собою такихъ аристократовъ печати, какъ лондонскій „Times" и нью-іоркскій „Scribner's Monthly", чѣмъ тотъ смертельно и непримиримо обидѣлся. При этомъ слѣдуетъ констатировать, что сенсаціонная часть нашей печати, то, что̀ теперь хорошо извѣстно и въ Европѣ подъ именемъ „желтаго журнализма", въ теченіе всей войны не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы вызвать сенсацію въ публикѣ, и что настоящія нападки на военное министерство были цѣликомъ вызваны и раздуты ея представителями; никогда прежде пресса эта не пользовалась такими безграничными, въ сущности, средствами, никогда такъ успѣшно не вызнавала военныхъ секретовъ и намѣреній власть имущихъ и никогда прежде не доходила до такихъ апогеевъ безцеремонности и нахальства; ей ничего не стоило сдѣлать изъ мыши гору, и наоборотъ, если это только привлекало вниманіе читателей и возбуждало такъ или иначе общественный интересъ. Одинъ изъ нашихъ морскихъ авторитетовъ, Фрэдъ Джэнъ, рядъ прекрасныхъ статей котораго въ журналѣ „Forum" по поводу войны обратилъ на себя всеобщее вниманіе, утверждаетъ, что отнынѣ свободнымъ странамъ въ родѣ Америки, не имѣющимъ практической возможности обуздать свою прессу, придется воевать при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ именно потому, что онѣ не будутъ въ состояніи хранить своихъ военныхъ секретовъ, своихъ плановъ и намѣреній.

Необходимо упомянуть, что нападки эти отнюдь не касались всей администраціи и президента Макъ-Кинлэя—мишенью ихъ

были исключительно Альджэръ и нѣкоторые департаменты военнаго министерства, въ особенности медицинскій и отчасти провіантскій. Тѣмъ не менѣе, когда, по окончаніи кампаніи подъ Сантъ-Яго, шумъ этотъ дошелъ до какого-то яростнаго рева, президентъ немедленно назначилъ спеціальную коммиссію для изслѣдованія всего дѣла. Въ ея составъ были имъ назначены 9 членовъ съ безусловно безупречной національной репутаціей, въ томъ числѣ ветераны генералы Доджъ, избранный потомъ предсѣдателемъ коммиссіи Макъ-Кукъ, Вильсонъ и командиръ великой арміи республики, полковникъ Секстонъ. Коммиссія эта раздѣлилась на подъ-коммиссіи, и въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ допросила сотни свидѣтелей, посѣтила всѣ лагери и изслѣдовала каждую жалобу, каждое заявленіе. Всѣ засѣданія были публичны, и стенографическіе отчеты показаній печатались ежедневно во всѣхъ газетахъ. Коммиссія проявила огромную энергію, и не оставила неизслѣдованными ни одной части, ни одного закоулка, такъ сказать, въ дѣлѣ спабженія арміи продовольствіемъ, вооруженіемъ, медицинскими и всякими другими припасами, перевозки войскъ и ухода за ранеными и больными. Были допрошены сначала репортеры и редакторы наиболѣе яростно нападавшихъ газетъ. Къ общему удивленію, они не были въ состояніи доказать ни одного существеннаго пункта, ни одного серьезнаго факта—весь ревъ оказывался продуктомъ слуховъ, сплетенъ, анонимныхъ писемъ, и т. д. Затѣмъ были допрошены генералы, офицеры и масса нижнихъ чиновъ какъ регулярныхъ, такъ и волонтерныхъ войскъ. Старики, принимавшіе участіе въ междоусобной войнѣ, показывали единогласно, что снабженіе арміи въ настоящую войну было во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше стараго и, за самыми незначительными исключеніями, обыкновенно оказывавшимися совершенно неотвратимыми, не оставляло желать ничего лучшаго. Изъ всѣхъ допрошенныхъ военныхъ чиновъ ни одинъ не далъ какого бы то ни было серьезнаго компрометирующаго факта. Вообще выяснилось, что жаловались и вопіяли не сами солдаты, а большею частью ихъ знакомые и родственники, основываясь почти исключительно на газетныхъ сообщеніяхъ; участники же войны утверждали, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда волонтерные полки дѣйствительно страдали, происходило это отъ неопытности какъ командировъ, такъ и нижнихъ чиновъ, отъ ихъ неумѣнья примѣниться къ условіямъ солдатской жизни, отъ незнанія или невнимательнаго отношенія къ необходимымъ предосторожностямъ при лагерной скученности. Генералы Ли и Уилеръ, первый—корпусный командиръ, второй—

особенно отличившійся во всей кампаніи подъ Сантъ-Яго и успѣвшій сдѣлаться настоящимъ народнымъ кумиромъ, оба страстные партизаны-демократы и опытные солдаты, командовавшіе конфедератскими корпусами во время междоусобной войны, не только вполнѣ одобрили и систему, и выполненіе снабженій войскъ, но и безусловно опровергли даже возможность тѣхъ злоупотребленій и промаховъ, о которыхъ кричала сенсаціонная пресса. Они, между прочимъ, выяснили и тотъ существенный фактъ, что хотя казенные солдатскіе раціоны остались въ сущности тѣ же, что были и сорокъ лѣтъ тому назадъ, потребности волонтеровъ были гораздо шире, чѣмъ тогда, и нерѣдко вызывали недоразумѣнія, совершенно неразрѣшимыя для провіантской части при существующихъ законоположеніяхъ. Единственнымъ осязательнымъ фактомъ, который могъ привести вышеупомянутый беллетристъ-корреспондентъ Дэвисъ, шумѣвшій больше всѣхъ другихъ, было то, что во время трехдневнаго сраженія подъ Сантъ-Яго, 1—3 іюля, солдаты оставались два дня безъ табаку, такъ какъ всѣ перевозочныя средства арміи Шафтера были заняты подвозкой раціоновъ и аммуниціи. Въ этихъ сраженіяхъ солдаты днемъ дрались, а ночью рыли траншеи, и однимъ изъ главныхъ обвиненій было то, что у нихъ не было палатокъ, хотя почти все время шли проливные дожди. Генералъ Уилеръ, самъ проведшій всѣ эти три дня въ передовыхъ траншеяхъ, саркастически замѣтилъ, что ни онъ, ни одинъ солдатъ, насколько онъ слышалъ, и не ожидали, чтобы военное министерство могло возводить стеклянные куполы надъ полями сраженій, а что палатки въ войскахъ были, но вмѣстѣ съ ранцами, одѣялами, и всѣмъ, кромѣ ружей и патроновъ, были побросаны солдатами на первомъ переходѣ, и что не было никакой возможности заставить ихъ таскать этотъ скарбъ съ собою подъ безжалостнымъ кубанскимъ солнцемъ. Я очень внимательно читалъ изо дня въ день показанія цѣлыхъ сотенъ свидѣтелей, и пришелъ къ тому заключенію, что „штатскіе“ люди позабыли, что всякая война въ лучшемъ случаѣ есть адъ, и что не можетъ быть возможности давать солдату мороженое и другіе деликатессы на поляхъ битвъ. То же самое думаетъ теперь и громадное большинство „штатской“ публики; всесторонность, безпристрастіе и полная гласность всего изслѣдованія, терпѣливо выслушивающаго всякаго желающаго свидѣтельствовать гражданина, кто бы онъ ни былъ, открыли этой публикѣ глаза и заставили замолчать и „желтый журнализмъ“, и яростныхъ партизановъ-противниковъ господствующаго режима во что бы то ни стало.

Никакъ нельзя сказать того же самаго относительно обвиненій въ личныхъ интригахъ. Интриги эти, можетъ быть очень невыгодныя для арміи, несомнѣнно были, хотя доказать ихъ, конечно, очень трудно. Воинствующія республики по неволѣ должны быть крайне осторожны въ выборѣ своего высшаго военнаго персонала, такъ какъ удачный полководецъ почти неизбѣжно дѣлается крупнѣйшимъ народнымъ идоломъ и всегда потомъ представляетъ собою опасность и всѣмъ гражданскимъ элементамъ, и правильному теченію государственной жизни страны. Америка знаетъ это по горькому опыту, хотя, къ счастію, благодаря безсмертному примѣру „отца отечества", Вашингтона, по исключительной добросовѣстности другихъ, ея бывшихъ военныхъ героевъ, она и не поплатилась ни разу за эти обыкновенно фатальныя для свободной страны увлеченія ни военной диктатурой, ни чѣмъ-либо подобнымъ. Тѣмъ не менѣе, каждая война снабжала ее нѣсколькими президентами, которыхъ безпристрастный судъ исторіи никакъ не можетъ вполнѣ одобрить и администраціи которыхъ никакъ нельзя назвать удачными. Даже покойный Грантъ, конечно, сохранилъ бы свою славу гораздо неприкосновеннѣе и чище, еслибъ закончилъ свою карьеру плѣномъ арміи Ли; два срока, проведенные имъ въ Бѣломъ-Домѣ, не особенно украсили собой нашу исторію. Что касается настоящей войны, эта серьезная опасность была, по возможности, искусно устранена—назначеніе въ кубанскую экспедицію совсѣмъ неизвѣстнаго до войны Шафтера, вмѣсто популярнаго и рѣшительно-энергичнаго главнокомандующаго арміей Майльса, уничтожило шансы послѣдняго и не дало достаточнаго престижа первому. Морякъ Гобсонъ слишкомъ молодъ, и только полковникъ Рузевельтъ, о которомъ мнѣ придется подробно разсказать ниже, да побѣдитель при Манилдѣ—Дюи, популярность которыхъ теперь въ сущности безгранична, и могутъ питать надежды — второй, впрочемъ уже старъ, обладаетъ плохимъ здоровьемъ, и не можетъ приниматься серьезно въ разсчетъ. Истинные друзья мирнаго гражданскаго развитія страны и въ будущемъ несомнѣнно благодарны администраціи за ея ловкую политику въ этомъ отношеніи, хотя она и пахнетъ интригой, а шумъ, поднятый „желтыми журналистами" и друзьями генерала Майльса, не можетъ имѣть вліянія, и будетъ очень скоро совсѣмъ позабытъ.

IV.

Какъ ни коротка была война, она успѣла установить нѣсколько очень существенныхъ выводовъ относительно сравнительнаго значенія регулярныхъ и волонтерныхъ армій, по крайней мѣрѣ для Америки. Я лично не думаю, чтобъ выводы эти могли быть примѣнимы къ европейскимъ военнымъ государствамъ. Военные европейскіе теоретики, которые вздумаютъ основывать на нихъ заключенія и для своихъ странъ, не только цѣликомъ, но даже и отчасти, по моему крайнему разумѣнію, неизбѣжно впадутъ въ самыя грубыя ошибки. Глубокая, обыкновенно совершенно непроходимая разница во всемъ жизненномъ строѣ Америки, въ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія ея народныхъ массъ, сравнительно съ тѣми же факторами въ любомъ европейскомъ государствѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, Англіи, будетъ тому причиной. Историческое значеніе арміи и то положеніе, которое она занимаетъ въ американскомъ общественномъ строѣ, совершенно исключительны. Это, можетъ быть, лучше всего характеризуется тѣмъ фактомъ, что наши регулярныя войска носятъ военную форму только на службѣ, въ строю—офицеръ придя домой, немедленно переодѣвается въ штатское платье, и только въ немъ и показывается въ публикѣ. Престижа военнаго сословія и мундира, выработаннаго долгой европейской военной исторіей и тѣмъ, что всѣ монархи всегда носили и носятъ военную форму, въ Америкѣ нѣтъ и никогда не было. Зато нигдѣ въ Европѣ или нѣтъ, или очень мало и того матеріала, изъ котораго создавались и создаются здѣсь волонтерныя арміи. Россія въ этомъ отношеніи различествуетъ особенно сильно. Въ теченіе семидесятыхъ годовъ занимая должность уѣзднаго предводителя дворянства, я предсѣдательствовалъ въ старомъ рекрутскомъ, затѣмъ въ новомъ военномъ присутствіи, и хорошо помню, какъ типъ стараго русскаго „охотника", нѣчто совершенно легендарно-невозможное, такъ и типъ сербскаго „добровольца", съ которымъ тоже пришлось не мало повозиться. Извѣстенъ мнѣ и типъ „вольноопредѣляющагося", совершенно неизвѣстно почему такъ названнаго, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ это тотъ же подневольный солдатъ, только лучше обставленный, благодаря образованію или средствамъ. Ни одинъ изъ этихъ типовъ не имѣетъ ничего общаго съ американскимъ волонтеромъ, ни по формѣ, ни по существу. Какъ ни обставляй, какъ ни поворачивай русскую солдатскую службу, она вездѣ

и всюду прежде всего государственная повинность. При традиціонныхъ, вбитыхъ въ него вѣками, народныхъ понятіяхъ о солдатской службѣ, даже при самыхъ широкихъ и радикальныхъ формахъ въ этомъ направленіи, должны пройти цѣлыя десятилѣтія, вѣроятно два-три поколѣнія, прежде чѣмъ можетъ образоваться хоть сколько-нибудь значительный и сносный волонтерный матеріалъ. То же, можетъ быть даже въ большей степени, приложимо и къ Италіи, и Австріи и особенно къ Франціи и Германіи. Всякія волонтерныя организаціи, въ родѣ турецкихъ башибузуковъ или французскихъ франкъ-тирёровъ, сейчасъ же обращаются въ гверильясовъ, не признаются европейскимъ военнымъ кодексомъ, и въ сущности едва-ли отличаются отъ обыкновенныхъ разбойниковъ, и по составу, и по образу дѣйствій. Одинъ тотъ фактъ, что американскій волонтеръ самъ выбираетъ всѣхъ своихъ офицеровъ до полковника включительно,—что̀, конечно, совершенно немыслимо ни въ одномъ европейскомъ государствѣ и, насколько мнѣ извѣстно, не практиковалось даже въ революціонной французской арміи конца прошлаго и начала текущаго столѣтій,—ставитъ американскую волонтерную армію въ совершенно исключительное положеніе, не допускающее никакихъ серьезныхъ сравненій. Военный централизмъ и обычная военная дисциплина въ ней, сравнительно, крайне слабы. Искусственная организація въ бригады и дивизіи остается чисто внѣшней—полки сохраняютъ свою своеобразность, свои мѣстные обычаи и традиціи гораздо больше, чѣмъ это допускаетъ европейское военное дѣло.

Возвращаясь къ тому, что̀ наши авторитеты считаютъ доказаннымъ настоящей войной, и что̀ имѣло существенное вліяніе и на политическую кампанію, и на выборы, я долженъ прежде всего указать на совершенную непригодность волонтерной арміи для гарнизонной службы. Даже въ теченіе войны волонтеры страшно тяготились бездѣйствіемъ—а по заключеніи перемирія, многіе полки чуть ли не открыто бунтовали и требовали распущенія. И отъ тѣхъ немногихъ полковъ, которымъ удалось попасть на Кубу, въ Порто-Рико или Филиппины, постоянно получаются одна за другой петиціи, подписанныя иногда цѣлыми 90% всего состава, требующія возвращенія домой. Волонтеръ согласенъ драться, но не согласенъ быть солдатомъ въ мирное время, и, повидимому, нѣтъ никакой возможности заставить его быть имъ. Здѣшніе „присоединители“ и „расширители“ въ началѣ никакъ не хотѣли вѣрить этому, но не могли не уступить подъ конецъ силѣ фактовъ. Военные и гражданскіе авто-

ритеты согласны, что необходима, по меньшей мѣрѣ, стотысячная армія на нѣсколько лѣтъ, дабы водворить порядокъ и укрѣпить уваженіе къ закону на всѣхъ этихъ островахъ, и что волонтеры совершенно непригодны къ этому роду службы. Правда, конгрессъ увеличилъ постоянную армію до 60.000 человѣкъ, но только на время дѣйствительной войны и, какъ оказывается, только на бумагѣ, такъ какъ пополненіе на дѣлѣ, за недостаткомъ охотниковъ, почти совсѣмъ не удалось. Чтобы достичь цѣли, необходимо измѣнить всѣ основы вербовки и удвоить солдатское жалованье [1])—да и по всѣмъ видимостямъ, едва-ли можно разсчитывать, чтобы какой-либо конгрессъ согласился на сколько-нибудь значительное усиленіе постоянной арміи. Такое ярмо и въ финансовомъ, и, главное, въ политическомъ смыслѣ едва-ли способно привлечь на свою сторону большинство какъ народныхъ массъ, такъ и конгресса. Одно дѣло—шумѣть и мечтать, и совсѣмъ другое—надѣвать на себя добровольно узду и удвоивать налоги. По моему крайнему разумѣнію, сознаніе этого факта, все болѣе и болѣе проникающее здѣшнее общественное мнѣніе, съ теченіемъ времени несомнѣнно подѣйствуетъ самымъ отрезвляющимъ образомъ на его теперешнія увлеченія.

Если волонтерная армія и оказалась не только совершенно непригодной для рутинной мирной солдатской службы, но и часто неспособной примѣниться съ достаточной быстротой къ ея необходимымъ потребностямъ, въ чисто боевомъ смыслѣ она нисколько не уступала регулярнымъ войскамъ арміи и флота, и на Кубѣ, и въ Порто-Рико, и при взятіи города Манилы, и въ морскихъ военныхъ дѣйствіяхъ вспомогательнаго флота, экипажи котораго состояли исключительно изъ чиновъ морской милиціи; волонтеры вездѣ проявили и устойчивость, и выносливость, и умѣнье, и поразительную храбрость. Америкѣ нечего бояться дѣйствительной войны съ внѣшнимъ непріятелемъ, если она съумѣетъ вырвать у него нѣсколько недѣль на организацію и сосредоточеніе волонтерской арміи. Вся задача сведется къ своевременному снаряженію и вооруженію—ни въ числѣ людей, ни въ ихъ способности умѣло и беззавѣтно драться не можетъ быть какое-либо сомнѣніе.

---

[1]) А при настоящихъ условіяхъ американскій солдатъ обходится странѣ больше, чѣмъ вдвое дороже самаго дорогого европейскаго солдата—англійскаго.

V.

Особенное значеніе, чисто національное, имѣли штатныя политическія кампаніи въ штатахъ Небраскѣ, Огайо и Нью-Іоркѣ. Въ первомъ находится мѣстожительство Брайяна, побитаго кандидата въ президенты демократовъ въ прошлую президентскую кампанію 1896 г., и въ немъ сліяніе всѣхъ противныхъ республиканской партіи элементовъ было особенно сильно. Результаты выборовъ въ Небраскѣ сами „сильвериты" еще задолго до нихъ признали оселкомъ для ознакомленія съ настоящимъ настроеніемъ народныхъ массъ по серебряному вопросу. Они проявили тутъ особенную энергію и напрягли всѣ свои силы до maximum'а—въ немъ и вся штатная администрація, и всѣ шесть конгрессмэновъ, и легислатура, были до сихъ поръ поголовно фузіонистами-сильверитами. На ноябрьскихъ выборахъ они потеряли и почти весь штатный „тикетъ", и четырехъ конгрессмэновъ, и легислатуру, которая выберетъ новаго федеральнаго сенатора-республиканца. Пораженіе вышло полное и безусловное—наиболѣе проницательные политиканы наши думаютъ, что, благодаря этому, серебряный вопросъ совсѣмъ сошелъ со сцены.

Въ штатѣ Огайо, въ городѣ Кантонѣ, находится мѣстожительство президента Макъ-Кинлэя, и результаты промежуточныхъ выборовъ въ родномъ штатѣ президента издавна считаются въ Америкѣ пробнымъ камнемъ его общей популярности, и его партійные противники обыкновенно употребляютъ чрезвычайныя усилія, чтобы своей побѣдой выразить ему публично, хотя и косвенно, свое неодобреніе. На этотъ разъ имъ это не удалось, хотя они очень откровенно заявляли о своихъ стремленіяхъ и надеждахъ въ этомъ направленіи; республиканцы отбили два конгрессіонные округа, и выбрали свой штатный „тикетъ" почти тройнымъ большинствомъ противъ того, которое было дано самому Макъ-Кинлэю въ 1896 году.

Выборы въ штатѣ Нью-Іоркѣ всегда очень важны для всей націи, а въ этомъ году были особенно знаменательны по двумъ причинамъ. Городъ Нью-Іоркъ, послѣ многолѣтнихъ неудачныхъ попытокъ, въ прошломъ году поглотилъ наконецъ всѣ свои предмѣстья, каковы были Бруклинъ, Статенъ-Айлэндъ, Лонгъ-Айлэндъ, Бронксъ и т. д., и насчитываетъ теперь въ своихъ предѣлахъ около 4 милліоновъ населенія, а по числу жителей сталъ вторымъ, послѣ Лондона, городомъ въ мірѣ. Благодаря этой административно-муниципальной перемѣнѣ, его историко-полити-

ческая организація, извѣстная подъ именемъ Таммани-Голла, опять успѣла захватить въ свои руки бразды правленія и выбрать все новое муниципальное управленіе, начиная съ мэйора и кончая послѣднимъ констэблемъ. Таммани-Голлъ—безспорно самое темное пятно на всемъ американскомъ государственномъ тѣлѣ — пятно съ позорнѣйшимъ прошлымъ, съ позорнѣйшимъ настоящимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодаря энергичной дѣятельности и разоблаченіямъ священника доктора Паркгёрста, и вызванному имъ женскому движенію, республиканцамъ-реформаторамъ удалось таки, послѣ гигантской борьбы, побить Таммани-Голла, но, какъ оказалось, не надолго. Онъ нашелъ новаго вожака, нѣкоего Ричарда Крукера, ирландца кабатчика, который съ желѣзной энергіей опять сплотилъ въ одно цѣлое всѣ распавшіеся-было элементы, и опять разбилъ реформаторовъ нà-голову. Необходимо замѣтить, что эти послѣдніе были слишкомъ круты и не умѣли разсчитать своихъ собственныхъ силъ; не имѣя въ своихъ рядахъ Геркулеса, они все-таки пожелали очистить вѣковыя Авгіевы конюшни въ одинъ присѣстъ —и проиграли. Крукеръ чрезвычайно быстро укрѣпился въ своихъ позиціяхъ, и, не теряя времени, порѣшилъ, что ему необходимо захватить и губернаторскій постъ въ штатѣ. Ему бы, конечно, и удалось это, еслибъ республиканцы не сдѣлали чрезвычайно удачнаго назначенія, выставивъ своимъ кандидатомъ Теодора Рузевельта, новую, очень крупную величину во всей современной политикѣ Союза, которой, по всѣмъ видимостямъ, предстоитъ играть крайне важную роль въ ней и въ будущемъ.

Рузевельтъ еще совсѣмъ молодой, сравнительно, человѣкъ—ему нѣтъ и сорока лѣтъ отъ роду. Онъ милліонеръ, женатый на милліонеркѣ, съ огромной семьей—у нихъ, кажется, восемь человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше. Оба принадлежатъ къ старѣйшимъ, наиболѣе вліятельнымъ историческимъ фамиліямъ города Нью-Іорка. Тѣмъ не менѣе, по своему образу жизни и склонностямъ, онъ всегда принадлежалъ къ самой завзятой, къ самой чистокровной богемѣ оригинальнаго типа американскаго дальняго запада. Нѣсколько лѣтъ жизни Рузевельтъ провелъ въ самой отдаленной глуши далекой Монтаны, на обширномъ ранчѣ, занимаясь скотоводствомъ не въ роли фермера-джентльмэна, а активно и ежедневно участвуя лично въ работѣ и живя жизнью коубоевъ и пастуховъ — головорѣзовъ пустыни. Онъ отличный ѣздокъ и стрѣлокъ, и его разсказы объ его охотничьихъ приключеніяхъ и условіяхъ жизни на дальнемъ западѣ составили ему уважаемое литературное имя. И до сихъ поръ онъ при

всякой возможности проводить на томъ же ранчѣ свое свободное время. Когда Таммани-Голлъ былъ побитъ республиканской партіей, на долю Рузевельта выпало приведеніе въ исполненіе реформы нью-іоркской полиціи; онъ работалъ съ утра до ночи, двадцать часовъ въ сутки, и съ желѣзной энергіей и неутомимой послѣдовательностью преобразовалъ весь персоналъ и заставилъ его неусыпно слѣдить за исполненіемъ закона. Нью-Іоркъ былъ всегда въ кабалѣ у кабачной силы, которая, пользуясь безусловнымъ покровительствомъ всесильнаго Таммани-Голла, полагала, что законы писаны не про нее; Рузевельтъ заставилъ ее измѣнить свое мнѣніе. Вступая въ должность главнаго коммиссара нью-іоркской полиціи, онъ сказалъ: „законы должны быть исполняемы; если они не хороши, отмѣните ихъ". Затѣмъ онъ ничего уже больше не говорилъ, а только дѣйствовалъ. Нѣсколько лѣтъ газеты всего Союза были полны разсказами и анекдотами о его дѣятельности. Когда Таммани-Голлъ опять побѣдилъ, онъ долженъ былъ уйти—но президентъ Макъ-Кинлэй назначилъ его товарищемъ морского министра—и Рузевельтъ опять неутомимо работалъ на этомъ новомъ постѣ; поразительная готовность и появленіе американскаго флота, быстрота и успѣшность организаціи вспомогательной флотиліи, заключавшей въ себѣ свыше 150 судовъ, — въ огромной степени приписываются нашимъ общественнымъ мнѣніемъ именно его энергіи и неутомимости. Но кабинетная дѣятельность была ему не по плечу; когда была объявлена война, онъ немедленно вышелъ въ отставку и организовалъ полкъ „иррегулярныхъ кавалеристовъ" — „Rough Riders"—принятый на дѣйствительную службу подъ оффиціальнымъ именемъ перваго волонтернаго кавалерійскаго полка. Цивилизованный міръ, конечно, не видалъ еще ничего подобнаго. Полкъ состоялъ на половину изъ нью-іоркской богатой молодежи, атлетовъ и спортсмэновъ, на половину изъ коубоевъ и пастуховъ Аризоны, Нью-Мексико и Монтаны, и былъ посланъ въ составъ корпуса генерала Шафтера подъ Сантъ-Яго. Тамъ онъ принялъ самое блистательное участіе во всѣхъ сраженіяхъ кампаніи, начавъ и кончивъ ее, и потерявъ убитыми и ранеными больше всѣхъ другихъ отдѣльныхъ организацій. Полковникъ Рузевельтъ, съ солдатскихъ ружьемъ въ рукахъ, былъ всегда и вездѣ впереди, проводя ночи въ неутомимомъ уходѣ за ранеными и больными, и сдѣлался настоящимъ кумиромъ своихъ солдатъ и всей арміи и народнымъ героемъ всего Союза. О немъ и его „Rough Riders" газеты писали больше, чѣмъ обо всѣхъ остальныхъ частяхъ, вмѣстѣ взятыхъ; ни одинъ толстый

журналъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не выходилъ безъ посвященныхъ специально имъ статей, съ рисунками и фотографіями, съ описаніями малѣйшихъ деталей ихъ жизни и особенностей. Когда побѣдоносный корпусъ Шафтера заразился желтой лихорадкой, тифомъ и всякими другими тропическими прелестями, Рузевельтъ оказался авторомъ того знаменитаго открытаго письма къ американскому народу, которое заставило правительство немедленно перевести этотъ корпусъ на сѣверъ и замѣнить его на Кубѣ свѣжими войсками. Съ тѣхъ поръ какъ „Rough Riders“ высадились въ Нью-Іоркѣ, они были предметомъ самыхъ одушевленныхъ народныхъ овацій, гдѣ бы они ни появлялись, а самъ Рузевельтъ — серьезнѣйшимъ политическимъ дѣятелемъ. Власть Таммани-Голла такъ окрѣпла и была такъ сильна, что у республиканцевъ не было никакой надежды на побѣду—и только личная популярность Рузевельта и могла спасти ихъ. Онъ былъ назначенъ ихъ кандидатомъ въ губернаторы штата—и хотя въ новомъ „великомъ Нью-Іоркѣ“ желѣзная рука Крукера и выставила противъ него большинство въ 90 тысячъ голосовъ, Рузевельтъ получилъ большинство въ 110 тысячъ въ остальныхъ частяхъ штата и все-таки оказался выбраннымъ. Если—въ чемъ теперь никто не сомнѣвается—онъ съумѣетъ удержаться на высотѣ своего положенія и проявитъ и на трудномъ посту губернатора штата Нью-Іорка ту же жизненную энергію, гражданскую доблесть и непоколебимую честность, что и на постахъ комиссара полиціи, товарища морского министра и командира „Rough Riders“,—то въ 1900 году онъ несомнѣнно явится главнымъ противникомъ Макъ-Кинлэя при назначеніи кандидатомъ республиканской партіи въ президенты. Имѣя именно это въ виду, я и счелъ нужнымъ такъ подробно остановиться на этой во всякомъ случаѣ исключительной личности даже въ богатой вообще способными и энергичными людьми Америкѣ.

Республиканцы выбрали свои штатные „тикеты“ въ штатѣ Нью-Іоркѣ большинствомъ 20 тысячъ голосовъ, въ Массачузетсѣ 85 т., въ Пенсильваніи 150 т., въ Огайо и Эйоуэ 70 т., въ Иллинойсѣ и Висконсинѣ 40 т., въ Калифорніи 30 т. Они же захватили отъ популистовъ штаты Канзасъ, Сѣверную и Южную Дакоты, Вайомингъ, Неваду, и удержали за собою пограничные, крайне сомнительные, въ политическомъ отношеніи, штаты Нью-Джерсэй, Делаверъ, Мэрилэндъ, Западную Вирджинію. За то на крайнемъ югѣ тѣ же популисты были безнадежно побиты демократами; во всѣхъ южныхъ штатахъ отнынѣ опять будутъ царить безраздѣльно крайніе бурбоны, и нѣкоторое популистское

сопротивленіе, оказанное имъ въ штатахъ Сѣверной и Южной Каролины, окончилось серьезными кровопролитіями, тѣмъ, что̀ у насъ принято называть „election riots“—выборными бунтами—и что̀ за самые послѣдніе года сдѣлалось, сравнительно, очень рѣдкимъ явленіемъ. Въ г. Вильмингтонѣ толпа демократовъ даже разнесла редакцію популистской газеты и сожгла домъ, въ которомъ она помѣщалась съ своей типографіей. Были безпорядки и политическія убійства и въ штатѣ Техасѣ. Югъ, повидимому, опять намѣренъ взяться за свою обычную политику интимидаціи и насилія противъ какой бы то ни было оппозиціи.

VI.

Главной практической побѣдой республиканской партіи на ноябрьскихъ выборахъ, помимо выше очерченныхъ мною деталей, слѣдуетъ признать захватъ ею федеральнаго сената. Изъ 90 сенаторовъ настоящаго состава было только 43 республиканца, и балансъ силы, какъ я уже упоминалъ выше, находился въ рукахъ 8 популистовъ-сильверитовъ; 23 новыхъ сенатора будутъ выбраны въ будущемъ январѣ избранными въ ноябрѣ новыми штатными легислатурами—и республиканцы захватили почти всѣ изъ нихъ, такъ что въ новомъ составѣ будетъ minimum 56 республиканцевъ, или сильное большинство, въ томъ числѣ 10 отъ такихъ штатовъ, которые въ политическомъ отношеніи всегда считались сомнительными, скорѣе демократическими, чѣмъ республиканскими. Опытные политиканы обѣихъ партій, принимая въ соображеніе всевозможныя будущія перемѣны, считаютъ большинство въ сенатѣ обезпеченнымъ за республиканцами по крайней мѣрѣ на восемь лѣтъ. Это фактъ чрезвычайно важный, устанавливающій, во-1-хъ, настоящій тарифъ, или, во всякомъ случаѣ, его основы, на долгое время; во-2-хъ, господство республиканской партіи во внѣшней политикѣ страны, еслибы даже и былъ выбранъ демократъ-президентъ въ 1900 году; и, въ-3-хъ, положительное законодательство по денежному и монетному вопросамъ. Федеральная палата представителей сохранила свое республиканское большинство, хотя оно, повидимому, и урѣзано выборами, благодаря главнымъ образомъ утратѣ десяти мѣстъ отъ города Нью-Іорка. Такимъ образомъ, все федеральное управленіе перешло въ руки республиканской партіи, и ей же придется взять на себя отвѣтственность за принятіе той или другой внѣшней политики.

А положеніе этой политики не только нисколько не улучшилось, а и замѣтно ухудшилось за послѣдніе два мѣсяца. Ведущіеся въ Парижѣ мирные переговоры не только не сблизили воюющія стороны, но, повидимому, серьезно отдалили ихъ отъ желанной цѣли. Выборъ состава испанской коммиссіи былъ сдѣланъ Сагастой чрезвычайно удачно; составъ этотъ представляетъ собою цвѣтъ испанской дипломатіи, вообще искусной и богатой самыми тонкими, самыми успѣшными методами къ затемненію и извращенію сути дѣла. Цѣлыя недѣли ушли на безплодныя препирательства по поводу значенія того или другого слова предварительнаго мирнаго протокола; цѣлый мѣсяцъ—на попытки и ухищренія заставить Союзъ принять на себя такъ называемый кубанскій долгъ—нѣсколько сотъ милліоновъ долларовъ, несмотря на категорическое заявленіе Америки, нѣсколько разъ повторенное, что она отказывается отъ всякихъ сюзеренныхъ правъ на Кубу, которую всегда разсчитывала и теперь разсчитываетъ видѣть независимымъ государствомъ. Терпѣніе и коммиссіи, и правительства, и народа Америки, было истощено этими дипломатическими уловками, этимъ безцѣльнымъ пережевываніемъ того, что̀ считалось безвозвратно рѣшеннымъ уже въ моментъ подписанія предварительнаго мирнаго протокола. Только въ самую послѣднюю недѣлю дѣло наконецъ дошло до участи Филиппинъ... Когда эти строки дойдутъ до читателя, онъ, конечно, будетъ знать изъ газетныхъ телеграммъ больше, чѣмъ знаю я въ настоящую минуту; я прибавлю только, что тѣ чувства состраданія и великодушія къ побѣжденнымъ, которыя успѣла-было возбудить къ себѣ своими несчастіями Испанія въ нашихъ народныхъ массахъ, быстро уступаютъ теперь мѣсто негодованію, и эта перемѣна можетъ только способствовать усиленію возможныхъ требованій со стороны нашего правительства. Насколько можно судить по тому, что̀ доходитъ о совѣщаніяхъ мирной коммиссіи, американскій народъ полагаетъ, что Испанія утратила всякое истинное національное чувство, и стремится только къ тому, чтобы получить съ Союза какъ можно больше денегъ; ея пораженія и утрата территоріи нисколько ее не смущаютъ, если ей только удастся захватить какъ можно больше американскаго золота. У насъ широко распространено то мнѣніе, что Испанія затянула переговоры въ надеждѣ, во-1-хъ, на побѣду демократовъ на ноябрьскихъ выборахъ, которая, конечно, ослабила бы администрацію Макъ-Кинлэя, а во-2-хъ, на германское вмѣшательство такъ или иначе. Первая надежда теперь безповоротно разрушена; остается только вторая, въ связи съ обще-европейскимъ замѣшательствомъ по

поводу дѣлъ на дальнемъ Востокѣ. Англія упорно стращаетъ Европу своимъ мнимымъ американскимъ союзомъ—и такія выходки ея государственныхъ людей, какъ рѣчь Солсбёри въ лондонскомъ Guild Hall'ѣ, не только встрѣчаютъ по сю сторону океана все меньшее и меньшее сочувствіе, но и вызываютъ положительное неудовольствіе.

До выборовъ президентъ Макъ-Кинлэй хранилъ свои правительственныя намѣренія въ глубочайшей тайнѣ, и о нихъ можно было только косвенно догадываться по деталямъ инструкцій, посылаемыхъ отъ времени до времени парижской коммиссіи и иногда доходившихъ до свѣдѣнія публики. Личная популярность президента, имѣющая огромное значеніе во всей нашей внутренней политикѣ, несомнѣнно значительно возросла благодаря войнѣ; его недавняя поѣздка на торжество мира въ Чикаго и выставку въ Омахѣ, обратившаяся съ самаго начала въ настоящее тріумфальное шествіе, демонстрировала это самымъ нагляднымъ образомъ. По всѣмъ видимостямъ, и онъ самъ, и его правительство, поняли значеніе ноябрьскихъ выборовъ именно въ томъ смыслѣ, что они не составили собою народнаго рѣшенія по вопросу о присоединительной политикѣ, а только одобрили власть имущихъ за веденіе войны и выразили народное къ нимъ довѣріе. Извѣстно также, что и кабинетъ далеко не единогласенъ въ пользу какого бы то ни было расширенія; одна изъ самыхъ крупныхъ величинъ въ немъ, министръ финансовъ Гэджъ, напримѣръ, не разъ публично высказывался безусловно противъ. Только на-дняхъ, когда составъ будущаго конгресса вполнѣ опредѣлился въ смыслѣ безусловнаго республиканскаго большинства, появилось въ печати изъ самыхъ достовѣрныхъ, хотя и косвенныхъ источниковъ, нѣчто въ родѣ будущей правительственной программы. Она, во-первыхъ, обѣщаетъ экстренную сессію новаго конгресса немедленно по распущеніи настоящаго, т.-е. 5-го будущаго марта мѣсяца. Составъ настоящаго сената такъ ненадеженъ, такъ разбитъ на многочисленныя фракціи, такъ связанъ предшествовавшими голосованіями по разнымъ вопросамъ, что президентъ не рѣшится рисковать разсмотрѣніемъ въ этомъ составѣ какъ предполагаемаго окончательнаго мирнаго договора съ Испаніей, такъ и денежныхъ и монетныхъ реформъ, а главное, будущей внѣшней политики страны. Относительно этого послѣдняго пункта вышеупомянутая программа высказывается противъ полнаго присоединенія къ союзу Порто-Рико и Филиппинъ, не говоря уже о Кубѣ. Она требуетъ отъ Испаніи отреченія отъ какихъ бы то

ни было правъ на всѣ эти владѣнія, подъ условіемъ принятія на себя Союзомъ гарантіи такихъ мѣстныхъ долговъ, которые дѣйствительно пошли на мѣстныя нужды, и отказывается отъ признанія тѣхъ, которые были употреблены на расходы по усмиренію возстаній. Окончательное устраненіе испанскаго владычества ставится условіемъ sine qua non, даже еслибы пришлось возобновить войну, такъ какъ только такимъ образомъ окажется достигнутой главная цѣль войны—требованія гуманности. Когда это, такъ или иначе, будетъ обезпечено, предполагается учрежденіе отдѣльныхъ мѣстныхъ правительствъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по назначенію федеральной американской администраціи, но съ отдѣльными финансами, таможенными пошлинами, мѣстнымъ законодательствомъ и мѣстными же туземными войсками подъ командой американскихъ офицеровъ, нѣчто въ родѣ англійскихъ колоніальныхъ. Такого порядка вещей предполагается держаться временно до тѣхъ поръ, пока опытъ не покажетъ, лучше ли способна къ прочному колоніальному управленію Америка, чѣмъ Испанія, и пока мѣстныя населенія не окажутся способными къ самоуправленію и сознательному опредѣленію своей политической будущности. Надѣются, что съ устраненіемъ гнета чиновниковъ и католицизма, при честномъ, добросовѣстномъ управленіи и широкой возможности къ развитію самодѣятельности, съ установленіемъ благосостоянія и увѣренности въ личной и имущественной безопасности, острова эти быстро разовьются во всѣхъ отношеніяхъ и скоро сдѣлаются способными къ вполнѣ самостоятельной жизни, какъ государственной, такъ и внутренней. Основываясь на данныхъ, уже выработанныхъ изучавшими, все это время, эти острова спеціалистами по политико-экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, программа утверждаетъ, что всѣ они и теперь достаточно богаты, чтобы оплачивать всѣ расходы по ихъ управленію, такъ что не окажутся тѣмъ бременемъ для финансовъ Союза, какимъ они всегда были для государственныхъ финансовъ Испаніи, служа только почвой къ обогащенію испанскихъ чиновниковъ.

Такая программа, если ее только удастся привести въ исполненіе безъ внѣшнихъ осложненій, несомнѣнно вполнѣ удовлетворитъ громадное большинство американскаго народа и дастъ ему время, необходимое на всестороннее разсмотрѣніе и опытъ въ вопросѣ о желательности перехода къ общей имперіалистской внѣшней политикѣ—и, будемъ надѣяться, въ отрицательномъ смыслѣ.

Резюмируя все вышеизложенное, нельзя не придти къ тому заключенію, что Америка все еще стоитъ на рубежѣ, и что тотъ будущій путь, по которому она рѣшитъ идти, все еще далеко не опредѣленъ. Я лично думаю, что шансы сторонниковъ доктрины Монро и старой традиціонной внѣшней политики улучшаются съ каждымъ днемъ, и что если рѣшеніе участи Филиппинъ, съ одной стороны, и напряженное состояніе дѣлъ на дальнемъ Востокѣ вообще, съ другой, не вызовутъ въ ближайшемъ будущемъ какихъ-либо неожиданныхъ острыхъ пертурбацій,—Америка съумѣетъ отдѣлаться мало-по-малу отъ своего настоящаго возбужденнаго состоянія и вернется къ своимъ старымъ богамъ. Ея общественное мнѣніе все еще очень приподнято и нервозно, и если Европа не желаетъ имѣть дѣла въ будущемъ съ такимъ своеобразнымъ новымъ факторомъ, какъ „дядя Самъ",—ей слѣдуетъ всячески способствовать происходящему у насъ процессу охлажденія и не раздражать Союза безъ цѣли.

П. А. Тверской.

18 ноября 1898.
г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИЗЪ „МЫСЛЕЙ И ВОСПОМИНАНІЙ“ КНЯЗЯ БИСМАРКА

Gedanken und Erinnerungen. Von Otto Fürst v. Bismarck. Stuttgart, 1898.

I.

Гёте, съ которымъ поклонники Бисмарка любятъ его сравнивать, далъ своимъ мемуарамъ заглавіе: „Изъ моей жизни—Dichtung und Wahrheit“. На вопросы друзей, удивившихся такому странному прибавленію, поэтъ-философъ отвѣтилъ, что, составляя свою автобіографію, онъ никогда сознательно не отступалъ отъ истины и постоянно стремился изображать событія такими, какими они были въ дѣйствительности. Опытъ жизни, однако, убѣдилъ его, что въ воспоминаніяхъ о прошломъ у всѣхъ людей участвуетъ сила воображенія,—въ бóльшей или меньшей степени непроизвольное творчество. Объ одномъ и томъ же событіи мы вечеромъ разсказываемъ нѣсколько иначе, чѣмъ утромъ. Ясно поэтому, что въ нашихъ воспоминаніяхъ о болѣе далекомъ прошломъ послѣднее является не столько такимъ, какъ оно было, сколько какъ мы его себѣ теперь представляемъ, и притомъ—по его результатамъ, а не въ его происхожденіи и существованіи.

Этого нравоученія не слѣдуетъ забывать при чтеніи „Мыслей и воспоминаній“ Бисмарка. Рядомъ съ восторженными отзывами образованнѣйшихъ нѣмецкихъ читателей, повторяющихъ, что

трудно оторваться отъ этихъ двухъ томовъ, полныхъ глубокаго ума и неподражаемаго сарказма, слышатся уже и критическіе голоса, указывающіе на очевидныя ошибки въ томъ или другомъ воспоминаніи, въ томъ или иномъ замѣчаніи. Критики, можетъ быть, совершенно правы, но не слѣдуетъ, однако, во всякомъ неточномъ свѣдѣніи непремѣнно искать умышленнаго искаженія. Бисмаркъ, напр., увѣряетъ, что, преслѣдуя Арнима, онъ задавался только цѣлью оградить служебный авторитетъ, но отнюдь не желалъ, при осужденіи противника, тяжкаго ему наказанія, которое было и безусловно несправедливо, потому что „обыкновенный уголовный судья совершенно не въ состояніи понимать грѣховъ дипломатіи въ международныхъ отношеніяхъ". Изъ семьи Арнима отвѣтили сообщеніемъ, что когда, нѣсколько лѣтъ послѣ своего процесса, Арнимъ просилъ дать ему свободный пропускъ для леченія въ германскомъ курортѣ, ему отвѣтили отказомъ. Доказываетъ ли это, что Бисмаркъ сознательно сказалъ неправду, увѣряя, что ему не было надобности добиваться заключенія своего противника въ тюрьму? Не думаю. Въ то время, какъ онъ диктовалъ свои мысли, предъ его глазами стоялъ результатъ: талантливый интриганъ, въ которомъ многіе видѣли его преемника, былъ уничтоженъ, а больше ничего ему не нужно было; только по старой памяти онъ ему бросаетъ еще на могилу нѣсколько комковъ грязи. То же самое можно сказать о нѣкоторыхъ несомнѣнно ошибочныхъ замѣткахъ о партійной борьбѣ, какъ, напр., о характеристикѣ попытки націоналъ-либераловъ образовать „гладстоновское министерство", которую живые еще участники той эпохи называютъ плодомъ фантазіи.

Кромѣ „объективной" неправды, въ мемуарахъ Бисмарка несомнѣнно есть и субъективная, объясняющаяся ихъ мотивами и исторіей ихъ происхожденія; но авторъ слишкомъ уменъ, чтобы диктовать явныя искаженія,—и писавшій подъ его диктовку Лотаръ Бухеръ достаточно самостоятеленъ, чтобы не записать ихъ. Это бросалось бы въ глаза не только недоброжелательнымъ критикамъ, но и всѣмъ современникамъ, знакомымъ съ событіями. Если Бушъ увѣряетъ, будто Бухеръ говорилъ ему о „шефѣ", что тотъ искажаетъ и извращаетъ обще-извѣстные факты, то это вѣроятно одно изъ тѣхъ замѣчаній, которыя произносятъ въ минуту раздраженія, не придавая ему того значенія, какое оно пріобрѣтаетъ у злораднаго слушателя. Вся книга Буша полна такими замѣчаніями самого Бисмарка; но было бы нелѣпо судить о государственномъ человѣкѣ по словамъ, сказаннымъ за семейнымъ столомъ, въ гнѣвѣ или наединѣ съ камердинеромъ.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствительно нѣтъ великихъ людей предъ ихъ лакеями. Къ психологіи Бисмарка разоблаченія Буша прибавляютъ много матеріала, но въ то же время не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы въ „Some secret Pages“ предъ нами былъ истинный Бисмаркъ, а въ „Gedanken und Erinnerungen“—только комедіантъ. Извѣстная доза условности заключается и въ личныхъ, и въ семейныхъ, и въ общественныхъ отношеніяхъ: при самой горячей любви къ женѣ, при готовности всѣмъ пожертвовать для друга, всегда есть уголокъ въ нашемъ умѣ, куда имъ лучше не заглядывать, и если у людей иногда на языкѣ, что̀ на умѣ, или даже больше того,—а это бываетъ иногда съ очень выдающимися людьми, весьма часто бывало и съ Бисмаркомъ,—то какъ легко набрать матеріалъ, изъ котораго покажется, что лучшій мужъ—только лгунъ, лучшій другъ—завистливый врагъ! Есть, конечно, мѣста у Буша, въ которыхъ отношеніе Бисмарка къ людямъ и событіямъ выражено несравненно прямѣе и искреннѣе, чѣмъ въ отмѣченныхъ, обдуманныхъ и передѣланныхъ періодахъ мемуаровъ, но въ цѣломъ справедливый судъ исторіи, насколько онъ будетъ основываться на собственныхъ показаніяхъ историческаго лица, отнесется къ мыслямъ и воспоминаніямъ, какъ къ несравненно болѣе достовѣрному свидѣтельству, чѣмъ все то, что̀ записано камердинерами и сплетниками.

Несмотря на полную несистематичность, частыя повторенія, перепечатку извѣстныхъ уже писемъ, неожиданные переходы отъ одного событія къ другому, не состоящему съ первымъ ни въ какой связи, мемуары Бисмарка читаются съ начала до конца съ наслажденіемъ, которое всегда доставляетъ разсказъ человѣка рѣдкаго ума и остроумія. Пусть мнѣнія его противорѣчатъ вашимъ собственнымъ, многія изъ его положеній только парадоксы, нѣкоторыя наблюденія поверхностны: все же, въ цѣломъ, это — одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ нашего вѣка. Я не думаю исчерпать ея содержаніе, но попытаюсь дать нѣкоторое представленіе объ ея значеніи, какъ вклада въ историческую литературу въ двойномъ смыслѣ: отчасти для исторіи времени, но больше всего для исторіи и психологіи крупнѣйшаго актера на сценѣ европейской политики за вторую половину нашего вѣка.

Въ чисто біографическія детали Бисмаркъ входитъ очень рѣдко, если онѣ не имѣютъ ближайшаго отношенія къ его дипломатической дѣятельности и политическимъ идеямъ. Въ самыхъ

---

[1]) Bismarck, Some secret Pages of his History. London, 1898.

рѣдкихъ случаяхъ онъ останавливается на интимныхъ событіяхъ своей личной жизни; къ этой категоріи относится разсказъ о томъ, какъ вслѣдствіе невѣжества шарлатана въ Петербургѣ онъ едва не лишился ноги. Покойный Пироговъ, съ которымъ Бисмаркъ случайно потомъ очутился на одномъ пароходѣ по пути въ Штеттинъ, также готовъ былъ ампутировать ногу, но Бисмарку не улыбалась перспектива вѣчнаго калѣки; и послѣ продолжительныхъ страданій, грозившихъ опасностью жизни, онъ наконецъ вылечился въ Наугеймѣ. Впослѣдствіи Бисмаркъ узналъ, что петербургскій „докторъ", завѣдывавшій дѣтскими госпиталями и попавшій на эту должность по рекомендаціи покойной баденской великой герцогини, нигдѣ курса не кончилъ, а былъ только сыномъ „университетскаго кондитера" въ Гейдельбергѣ. Бисмаркъ его обезсмертилъ въ своихъ мемуарахъ, назвавъ полнымъ именемъ. Этотъ непріятный эпизодъ, впрочемъ, не повредилъ репутаціи нашей столицы въ глазахъ тогдашняго прусскаго посла: насколько неохотно онъ къ намъ отправлялся, настолько же ему трудно было покинуть насиженное мѣсто, такъ что императоръ Александръ II даже полу-серьезно спросилъ его: не хочетъ ли онъ перейти на русскую службу?

На дѣтскихъ и юношескихъ своихъ воспоминаніяхъ Бисмаркъ тоже останавливается лишь насколько они нужны для пониманія его политическаго развитія. Въ противоположность большинству біографовъ, относившихъ ультра-консервативный дебютъ его на политическомъ поприщѣ къ унаслѣдованнымъ дворянскимъ традиціямъ, отъ которыхъ онъ медленно избавлялся по мѣрѣ расширенія своего политическаго горизонта, Бисмаркъ самъ отнюдь не считаетъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ дѣтства, такими, которыя способны были сдѣлать изъ него типичнаго юнкера. „Отецъ мой,—пишетъ онъ въ первой главѣ мемуаровъ,—былъ свободенъ отъ аристократическихъ предразсудковъ, и его внутреннее чувство равенства если вообще подвергалось измѣненію, то не вслѣдствіе преувеличенія родовитости, а по офицерскимъ привычкамъ". О матери Бисмарка, хотя и происходившей изъ буржуазной семьи, отзывались, какъ о надменной и честолюбивой женщинѣ, стремившейся вывести своихъ дѣтей въ высшій свѣтъ. Сынъ судитъ иначе. Указывая на предковъ материнской семьи, лейпцигскихъ профессоровъ и либеральныхъ чиновниковъ, онъ приводитъ отзывъ Штейна о своемъ дѣдѣ Менкинѣ, какъ о честномъ, „сильно-либеральномъ" человѣкѣ, и прибавляетъ, что многое отъ дѣда перешло къ матери, хотя она и выросла при дворѣ и играла ребенкомъ съ Фридрихомъ-

Вильгельмомъ IV, вспоминавшимъ еще впослѣдствіи о „Минихенъ". „Понятія, которыя я всосалъ съ молокомъ матери, были скорѣе либеральны, чѣмъ реакціонны, и если бы моя мать дожила до моей министерской дѣятельности, то, конечно, очень радовалась бы внѣшнимъ успѣхамъ моей карьеры, но едва ли бы согласилась съ моимъ направленіемъ". Въ частномъ училищѣ Пламанна, въ которое его отдали въ Берлинѣ, дѣтей воспитывали по принципамъ Песталоцци и Яна (Jahn); здѣсь, какъ и въ гимназіи, „фонъ" предъ фамиліей скорѣе было неудобствомъ, чѣмъ отличіемъ. Въ первомъ своемъ публицистическомъ опытѣ, письмѣ къ редактору „Магдебургской Газеты", отъ 30-го мар. 1848 г., Бисмаркъ въ постскриптумѣ замѣчаетъ: „Съ дѣтства я подписываюсь безъ „фона", и если я сегодня въ первый разъ отступилъ отъ этого, то дѣлаю это ради протеста противъ предложеній объ упраздненіи дворянства".

При выходѣ изъ гимназіи, Бисмаркъ помнитъ себя „нормальнымъ продуктомъ нашего государственнаго воспитанія: пантеистомъ и если не республиканцемъ, то убѣжденнымъ, что республика—самая благоразумная форма правленія" (этими словами начинается первая страница его мемуаровъ). Радикализмъ, смѣшанный съ нѣмецко-національными идеями, оставался, однако, „въ стадіи теоретическихъ размышленій и не былъ достаточно силенъ, чтобы уничтожить врожденныя прусско-монархическія чувства", которымъ не препятствовало и то, что отъ окружающихъ—монархистовъ насквозь—мальчику часто приходилось слышать „горькую или пренебрежительную критику владѣтельныхъ особъ". При этомъ абстрактный республиканецъ былъ такъ далекъ отъ сердечнаго идеализма молодости, что Брутъ для его „дѣтскаго правового чувства былъ преступникъ, а Телль—бунтовщикъ и убійца". Поступивъ въ геттингенскій университетъ, онъ пытался сначала сойтись съ студенческими буршеншафтами, въ отличіе отъ аристократически-консервативныхъ или индифферентныхъ корпорацій (Corps), занимавшихся политикой, т.-е. носившихъ идеалы объединенной и либеральной Германіи. Бурши, однако, оттолкнули его отъ себя экстравагантностью своихъ воззрѣній и отсутствіемъ внѣшнихъ формъ хорошаго общества, „смѣсью утопіи и дурного воспитанія". Изъ немногихъ строкъ, которыя встрѣчаются въ мемуарахъ объ его студенческихъ годахъ, получается впечатлѣніе, что пребываніе въ университетѣ не оставило замѣтнаго слѣда на развитіи Бисмарка: онъ только вернулся въ Берлинъ „съ менѣе либеральными взглядами, чѣмъ онъ его покинулъ. Но происшедшая реакція нѣсколько изглади-

лась послѣ того, какъ я сталъ въ непосредственныя отношенія къ государственному механизму“. Тогдашній министръ, Ансильонъ, къ которому молодой Бисмаркъ обратился съ просьбою помѣстить его на дипломатическую службу, посовѣтовалъ юношѣ сначала добиться званія ассессора и затѣмъ опредѣлиться въ канцелярію таможеннаго союза, откуда легче получить дипломатическое назначеніе. Въ его государственныя способности министръ очевидно мало вѣрилъ, видя въ немъ одного изъ многихъ молодыхъ прусскихъ дворянъ, которые при нѣкоторой ловкости манеръ и знаніи иностранныхъ языковъ считаютъ себя прирожденными дипломатами. Тогда невысокое мнѣніе министра о способности пруссаковъ, вѣроятно, оскорбляло его, но, подводя теперь итоги своему прошлому, Бисмаркъ долженъ согласиться, что и Ансильонъ, предпочитавшій имѣть дѣло съ дипломатами изъ не-прусской Германіи и потомками французскихъ и прочихъ рефюжье́, въ сущности былъ правъ. „Ставъ (самъ) министромъ, я всегда питалъ земляческое расположеніе къ прусскимъ дипломатамъ, но по долгу службы рѣдко имѣлъ возможность осуществлять его на дѣлѣ. У чисто-прусскаго гражданскаго дипломата, который вовсе не прошелъ школы военной дисциплины, или слишкомъ мало вкусилъ ея, въ большинствѣ случаевъ сильная склонность къ критикѣ, къ мнѣнію, что онъ все лучше знаетъ, къ оппозиціи и обидчивости, и это усиливается сильно развитымъ въ старомъ прусскомъ дворянствѣ чувствомъ равенства, не допускающимъ, чтобы человѣкъ нашего круга, внѣ военныхъ отношеній, могъ быть нашимъ начальникомъ или стать головою выше насъ. „Къ самомнѣнію присоединяется и сильная доза ограниченности: если оставить въ сторонѣ элементъ дипломатовъ изъ бывшихъ владѣтельныхъ семействъ, у которыхъ рожденіе замѣняетъ способности“, то у большинства остальныхъ главнымъ основаніемъ ихъ собственной вѣры въ свое призваніе окажутся способности и знанія, „какими обладаютъ оберъ-кельнеры“ (старшіе лакеи въ отеляхъ и ресторанахъ). Къ способности пруссаковъ занимать отвѣтственныя мѣста, требующія большой инипіативы, Бисмаркъ повидимому относился критически до конца своихъ дней. „Уже тогда (т.-е. въ 40-хъ гг.) офицерство до командира полка у насъ было доведено до совершенства, какъ ни въ какой другой странѣ, но для ранговъ выше полкового командира домашняя прусская кровь не годилась, совершенно такъ, какъ и во время Фридриха Великаго: полководцы, имѣвшіе наибольшій успѣхъ: Блюхеръ, Гнезенау, Мольтке, Гебенъ—не были коренные пруссаки, и то же самое мы ви-

димъ на гражданской службѣ, въ лицѣ Штейна, Гарденберга, Мотца и Грольманна".

Оглядываясь на прошлое Пруссіи, Бисмаркъ приписываетъ главнымъ образомъ этому отсутствію людей съ широкимъ полетомъ и смѣлой инціативой ея второстепенное значеніе въ Германіи и Европѣ до блестящихъ успѣховъ его собственной политики. Великій курфюрстъ и великій Фридрихъ довели страну до высоты, на которой она въ состояніи была бы занять руководящую роль въ европейскихъ дѣлахъ, но ихъ преемники, какъ и нынѣшніе люди „новаго курса", прибавляетъ Бисмаркъ, люди полумѣръ и безъ ясно сознанной цѣли. Не только исторія Габсбурговъ отъ Карла V представляетъ цѣпь упущеній,—исторія Пруссіи точно также характеризуется рядомъ пропущенныхъ удобныхъ случаевъ. Въ чемъ въ Австріи согрѣшили духовники, то въ Пруссіи должно быть отнесено на счетъ совѣтниковъ кабинета и честныхъ, но ограниченныхъ генералъ-адъютантовъ. Самостоятельной прусской политики съ 1806 по 1840 г. вообще не было. „Нашу политику дѣлали попеременно въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ; насколько же ею занимались самостоятельно въ Берлинѣ съ 1842 по 1862 г., она едва-ли получитъ одобреніе пруссака, стремящагося впередъ. За послѣдній періодъ отвѣтственность падаетъ прежде всего на Фридриха-Вильгельма IV, у котораго никогда не было „совѣтниковъ", дѣйствительно руководившихъ имъ и государственными дѣлами".

Изъ страницъ, посвященныхъ эпохѣ Фридриха-Вильгельма IV, наиболѣе интересны тѣ, на которыхъ будущій объединитель Германіи объясняетъ, почему, несмотря на близость съ королемъ, онъ въ продолженіе его правленія оставался на сравнительно второстепенномъ мѣстѣ. „Я никогда не имѣлъ мужества,—читаемъ мы въ мемуарахъ,—воспользоваться случаями стать министромъ этого лично симпатичнаго монарха. Мнѣ недоставало ловкости и пронырливости, чтобы взять на себя задачу проводить политику, въ которую или я самъ не вѣрилъ, или для проведенія которой я считалъ короля недостаточно послѣдовательнымъ. Король оставлялъ за собою право дѣлать выборъ между совѣтами своихъ министровъ, болѣе или менѣе остроумныхъ адъютантовъ, ученыхъ, честныхъ фантазеровъ и безчестныхъ карьеристовъ. Что̀ еще хуже, онъ часто и долго не рѣшался вообще на какой-либо выборъ", тогда какъ, по мнѣнію Басмарка, „менѣе вредно дѣлать ошибки, чѣмъ ничего не дѣлать".

Немногимъ лучше была внѣшняя политика Пруссіи въ первые годы регентства Вильгельма I. „Регентъ и его министры

вѣрили въ справедливость поговорки: Il y a quelqu'un, qui a plus d'esprit, que monsieur de Talleyrand,—c'est tout le monde. „Всему свѣту", — иронически возражаетъ Бисмаркъ, — нужно, однако, слишкомъ много времени, чтобы понять, чтò нужно, и обыкновенно моментъ, въ который этимъ пониманіемъ можно воспользоваться, уже прошелъ, когда „tout le monde" догадался, чтò собственно слѣдовало сдѣлать". Для прусской политики такимъ моментомъ была итальянская война 1859 года., во время которой ясно обнаружилось, что не „династической сентиментальностью, но холоднымъ практическимъ умомъ политика, чуждаго византійству, разрѣшаются великія національныя задачи". На сторонѣ Пруссіи уже тогда были бы всѣ шансы на успѣхъ, еслибъ она съумѣла отрѣшиться отъ привычки смотрѣть на политическія задачи съ точки зрѣнія солидарности династическихъ интересовъ. Какъ и во время крымской войны, Бисмаркъ совѣтовалъ, если не сразу занять анти-австрійскую позицію, то во всякомъ случаѣ воспользоваться своимъ нейтрально-вооруженнымъ положеніемъ для того, чтобы принудить Австрію къ уступкамъ въ германской политикѣ. Вильгельмъ же и его тогдашніе совѣтники искали одобренія нѣмецкихъ потентатовъ, австрійскаго императора, и „мечтали о преміи за добродѣтель, не сознавая ясно ни направленія, по которому слѣдовало идти, ни средствъ, которыми нужно было пользоваться. ...Нужно было королю пережить внутренній конфликтъ, чтобы его монархическія понятія, черезъ мостъ датскаго вопроса, могли быть приведены къ точкѣ зрѣнія 1868 г., т.-е., отъ фразъ къ поступкамъ".

II.

Трезвая, свободная отъ печати генія и полета фантазіи, личность Вильгельма I не вызывала бы сомнѣній и противорѣчія, еслибы при жизни умаленію его способностей не содѣйствовало удивленіе міра къ его канцлеру, а послѣ смерти не сдѣланы были попытки въ обратномъ направленіи, нашедшія выраженія въ надписяхъ на его памятникахъ. Никто такъ не компетентенъ въ оцѣнкѣ Вильгельма I, какъ Бисмаркъ; но грозила опасность, что въ его изображеніи старый императоръ будетъ не тѣмъ, какимъ онъ его зналъ, а какъ онъ его желалъ оставить исторіи, въ назиданіе ли внуку, или же, обратно, ad majorem gloriam—собственной особы. Въ этомъ отношеніи мемуары, однако, оставляютъ дѣйствительно отрадное впечатлѣніе. Бисмаркъ разсматри-

ваетъ своего „стараго господина“ не удивленными глазами слуги, но трезвымъ взглядомъ болѣе умнаго сотрудника, считающагося съ необходимостью извѣстнаго порядка, довольнаго, если неудобства послѣдняго такъ или иначе устранимы, и умѣющаго различать между идеей и живымъ человѣкомъ, а въ человѣкѣ не игнорирующаго ни слабыхъ, ни сильныхъ сторонъ.

Первая встрѣча между Вильгельмомъ и его будущимъ канцлеромъ произошла въ 30-хъ годахъ, когда Бисмаркъ былъ кандидатомъ на судебныя должности, и принцъ Вильгельмъ, замѣтивъ на придворномъ балу его крупную юнкерскую фигуру въ гражданскомъ мундирѣ, удивился, почему онъ не солдатъ. „У меня было это желаніе,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—но родители были противъ моего поступленія на военную службу, такъ какъ шансы ея слишкомъ неблагопріятны“. Слѣдующая встрѣча произошла много лѣтъ спустя, въ 1847 г., на соединенномъ ландтагѣ, къ которому принцъ принадлежалъ въ качествѣ члена куріи господъ, а Бисмаркъ—какъ депутатъ крайней правой. Въ засѣданіяхъ принцъ неоднократно заговаривалъ съ депутатомъ, получившимъ впечатлѣніе, что тотъ находитъ удовольствіе въ его образѣ дѣйствій. Въ 1848 г., когда Вильгельмъ укрывался отъ преслѣдованія народа на Pfaueninsel, Бисмаркъ пытался проникнуть къ нему, чтобы склонить его къ контръ-революціонному движенію, но не нашелъ поддержки въ принцессѣ, супругѣ Вильгельма. Вѣроятно однако, что Августа сообщила объ этомъ принцу въ Англію, потому что, возвращаясь на родину послѣ успокоенія умовъ, въ качествѣ депутата отъ округа Вирзицъ, Вильгельмъ на вокзалѣ въ Гентинѣ замѣтилъ Бисмарка и дружески съ нимъ обошелся. „Я отодвинулся,—разсказываетъ канцлеръ,—въ задніе ряды, потому что не зналъ, желаетъ ли принцъ, чтобы его видѣли въ разговорѣ со мною (реакціонеромъ), но онъ меня узналъ, пробилъ себѣ дорогу черезъ публику и, пожимая мнѣ руку, сказалъ: „Я знаю, что вы дѣйствовали за меня и никогда не забуду вамъ этого“. Вскорѣ послѣ того принцъ пригласилъ Бисмарка къ себѣ въ Бабельсбергъ и интимно бесѣдовалъ съ нимъ о только-что пережитыхъ бурныхъ дняхъ. Гость, не стѣсняясь, разсказывалъ о видѣнныхъ имъ сценахъ мартовскихъ дней, о томъ, чтò слышалъ отъ офицеровъ, о дурномъ настроеніи въ арміи послѣ отступленія изъ Берлина, и прочелъ принцу пѣсню, которую офицеры пѣли во время марша, полную жалобъ и ропота на короля. Принцъ при этомъ такъ разрыдался, „какъ я его еще только одинъ разъ въ жизни видѣлъ въ слезахъ“,—при-

бавляетъ Бисмаркъ:—„когда я оказалъ ему сопротивленіе въ Никольсбургѣ изъ-за продолженія войны съ Австріей“.

Ближе будущій канцлеръ сошелся съ будущимъ императоромъ въ Остендэ въ 1853 г., и замѣчательно, что дипломатъ, назначеніе котораго посломъ при бундестагѣ, три года предъ тѣмъ, внушало опасеніе принцу, считавшему его „хорошимъ поручикомъ запаса“, теперь, въ свою очередь, удивлялся незнакомству принца съ государственными учрежденіями, его непониманію политическаго положенія. Недовольный генераломъ Герлахомъ, раньше бывшимъ его адъютантомъ, принцъ съ раздраженіемъ говоритъ о немъ Бисмарку, называя его „піэтистомъ“. Піэтизмъ, поясняетъ авторъ мемуаровъ, тогда былъ словомъ и понятіемъ, которыя приводили въ связь съ именемъ Герлаха вслѣдствіе роли, которую братья генерала, особенно президентъ суда, играли въ политическомъ мірѣ. Бисмаркъ, однако, не ожидалъ, чтобы принцъ употребилъ этотъ эпитетъ почти въ ругательномъ смыслѣ, и съ удивленіемъ спросилъ: „Что̀ ваше высочество понимаете подъ піэтистомъ?“—„Человѣка, прикидывающагося религіознымъ, чтобы сдѣлать карьеру“,—отвѣтилъ тотъ.—Бисмаркъ возражаетъ, что Герлаху такіе мотивы совершенно чужды, и что нынѣ подъ піэтистомъ понимаютъ нѣчто другое, а именно человѣка ортодоксально вѣрующаго въ христіанское откровеніе, напримѣръ громко исповѣдующаго убѣжденіе, что Христосъ Сынъ Божій и умеръ для искупленія нашихъ грѣховъ. „Но кто же,—съ негодованіемъ воскликнулъ принцъ,—не вѣритъ въ это!“—„Ваше высочество,—спокойно замѣчаетъ Бисмаркъ, — еслибы это ваше выраженіе стало извѣстнымъ публикѣ, то васъ самихъ причислили бы къ піэтистамъ“.

Еще любопытнѣе другая бесѣда на жгучую тогда тему о сельскомъ самоуправленіи. Принцъ замѣтилъ, что онъ не врагъ дворянства, но не можетъ допустить, чтобы дворянинъ имѣлъ право истязать крестьянина. „Это и невозможно ни по нашимъ законамъ,—возразилъ Бисмаркъ,—ни по условіямъ дѣйствительной жизни. Если бы я вздумалъ обижать въ Шёнгаузенѣ своихъ крестьянъ, то или законъ, или сами крестьяне расправились бы со мною“.—„Да, отвѣтилъ на это принцъ, такъ можетъ быть у васъ въ Шёнгаузенѣ, но это исключеніе“.—„Я попросилъ позволенія,—прибавляетъ Бисмаркъ, — представить принцу краткое изложеніе генезиса нашихъ сельскихъ условій, и онъ принялъ мое предложеніе съ благодарностью. Въ Нордернеѣ я послѣ того посвятилъ свободные часы тому, чтобы сопоставленіемъ статей законовъ разъяснить наслѣднику престола, которому было 56 лѣтъ,

юридическое состояніе взаимныхъ отношеній рыцарскихъ владѣльцевъ и крестьянъ. Эту работу я отослалъ не безъ опасенія, что принцъ мнѣ отвѣтитъ коротко и иронически:—Я отъ васъ не узналъ ничего другого, какъ то, что̀ зналъ уже 30 лѣтъ тому назадъ. Но принцъ отвѣтилъ мнѣ горячей благодарностью за интересное сообщеніе новыхъ для него свѣдѣній".

Ставъ регентомъ, Вильгельмъ самъ ясно сознавалъ недостатки и недочеты своего образованія, и стремился упорнымъ трудомъ пополнить недостающее. Когда онъ исполнялъ государственныя дѣла, это дѣйствительно, какъ Бисмаркъ, выражается, была серьезная и добросовѣстная работа. Ему помогала оріентироваться въ сложныхъ вопросахъ политики и внутренняго управленія очень сильная доза здраваго смысла, common sense, „не опиравшагося на выученное, но за то не встрѣчавшаго въ этомъ и помѣхи". Въ натурѣ Вильгельма лежала инстинктивная боязнь новизны, связанная съ любовью и привычкой ко всему традиціоному въ династическихъ и военныхъ вопросахъ: ему трудно было понимать содержаніе своего времени, и то, что̀ составляло лучшую черту въ дѣятельности Бисмарка—умѣнье смѣло пойти по новымъ путямъ,—короля прежде всего пугало. Когда, однако, удавалось доказать ему, что это необходимо, онъ умѣлъ подчиняться голосу разсудка, а впослѣдствіи и авторитету болѣе сильной воли. Консервативный прусскій офицеръ, легитимистъ и партикуляристъ, подъ руководствомъ Бисмарка порвалъ съ династическими традиціями, съ узкими взглядами касты, съ сидѣвшимъ въ плоти и крови специфическимъ пруссачествомъ. По характеру это былъ дворянинъ въ лучшемъ смыслѣ слова, „для котораго понятіе вѣрности и чести существовало не только по отношенію къ равнымъ, но и относительно камердинера". Бисмаркъ превосходно опредѣляетъ сильно развитое у Вильгельма чувство королевскаго достоинства, замѣчая, что никто не осмѣливался грубо льстить королю, который инстинктивно сознавалъ, что если кто-либо имѣетъ право хвалить его въ лицо, то этимъ признается за другими и право выражать ему неодобреніе. Такъ какъ послѣдняго онъ не могъ допустить, то онъ не допускалъ и перваго. Положительнаго, творческаго въ такихъ фигурахъ немного, но Бисмаркъ, заглядывая впередъ и оглядываясь назадъ, готовъ думать, что достоинствами характера, а не качествами ума опредѣляется мѣра привязанности къ монархическимъ установленіямъ. Въ ройялизмѣ, замѣчаетъ онъ, есть степени и градусы: извѣстная мѣра преданности опредѣляется законами, большая—политическимъ убѣжденіемъ; для того же,

чтобы преданность превышала „норму государственно-правовыхъ соображеній“, необходимо личное чувство взаимности. Только вѣрные „господа“ имѣютъ вѣрныхъ „слугъ“, при чемъ нѣтъ надобности, чтобы господинъ, подчиняясь слугѣ, жертвовалъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Чѣмъ послѣднее развитѣе, тѣмъ меньше королю придетъ въ голову мысль о соперничествѣ со своимъ совѣтникомъ. Переходя конкретнѣе къ опредѣленію своихъ отношеній къ Вильгельму I, Бисмаркъ иллюстрируетъ ихъ нѣсколькими примѣрами. Въ бесѣдѣ съ женой канцлера король хвалитъ способности ея мужа руководить имъ; послѣ одного изъ многочисленныхъ столкновеній съ канцлеромъ Вильгельмъ на его прошеніе объ отставкѣ отвѣчаетъ: „не стану же я срамиться на старости!“—явно выражая этимъ, что безъ Бисмарка онъ надѣлаетъ много промаховъ. У канцлера всегда остается сознаніе, что короля, тѣмъ не менѣе, ни на минуту не покидаетъ высокое чувство собственнаго призванія. „Онъ (король) былъ слишкомъ благороденъ для того, чтобы вести себя какъ помѣщикъ, не терпящій въ своей деревнѣ богатаго и независимаго мужика... Такія отношенія, какъ мои къ императору Вильгельму I, чтобы быть дѣйствительными, должны быть пріобрѣтены. Логически, разсудочно ихъ нельзя легко перенести на другое поколѣніе; имъ нельзя придавать и принципіальнаго характера. Въ современной политической жизни они скорѣе соотвѣтствовали бы романскому, чѣмъ германскому воззрѣнію: португальскаго „porteur du coton“ нельзя перенести въ нѣмецкія понятія“.

Впечатлѣнія, подъ которыми Бисмаркъ писалъ свои мемуары, дѣлаютъ понятнымъ, что даже при воспоминаніяхъ о самыхъ тяжелыхъ минутахъ своей дѣятельности при Вильгельмѣ I чувство горечи и обиды на стараго короля, не всегда умѣвшаго понимать сложные или тонкіе вопросы дипломатіи, ему совершенно было чуждо. Послѣ побѣдъ 1866 г., Бисмарку пришлось столкнуться „съ разгорѣвшимися аппетитами“ Вильгельма и сопротивленіемъ генераловъ умному дипломатическому требованію министра—не унижать Австріи, не дѣлать территоріальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Баваріи и Саксоніи. Въ Никольсбургѣ конфликтъ принялъ небывалые размѣры: Бисмаркъ имѣлъ противъ себя всѣхъ, и вышелъ изъ залы совѣщанія съ впечатлѣніемъ, что его мнѣніе отвергнуто,—а это, по его убѣжденію, было равносильно крушенію всей его дипломатической работы. Въ своихъ мемуарахъ онъ сознается, что, вернувшись къ себѣ на пятый этажъ, онъ посмотрѣлъ на открытое окно, и ему пришла

въ голову мысль о самоубійствѣ. Кронпринцу Фридриху, вошедшему вслѣдъ за нимъ и взявшему на себя нелегкое порученіе уговорить отца подчиниться, Бисмаркъ, быть можетъ, обязанъ если не собственной жизнью, то однимъ изъ величайшихъ ея успѣховъ. Король, подчинившись, написалъ карандашомъ, что видитъ себя вынужденнымъ принять позорный миръ „послѣ того, какъ мой министръ-президентъ покинулъ меня предъ лицомъ враговъ". При воспоминаніи объ этомъ днѣ Бисмаркъ остается послѣдовательнымъ реалистомъ въ своихъ чувствахъ, которому рѣзкость формы королевскаго согласія нисколько не отравляетъ радости успѣха. Но въ то же время эксъ-канцлеръ замѣчаетъ, что никольсбургское и аналогичныя столкновенія не оставили въ его душѣ ни капли яда: ему только больно, что въ интересахъ отечества онъ вынужденъ былъ раздражать „господина, котораго такъ любилъ". Мнѣ кажется, что въ этомъ признаніи, если оно и окрашено ненавистью къ потомкамъ, нѣтъ основанія сомнѣваться. Исполнителемъ чужой воли Бисмаркъ себя не сознавалъ; въ своемъ умственномъ превосходствѣ, конечно, не только самъ не сомнѣвался, но и не допускалъ сомнѣнія у другихъ; мѣстами въ его характеристикѣ Вильгельма I проглядываетъ оттѣнокъ ироническаго отношенія сильнаго ума къ посредственному,—напримѣръ, когда онъ въ числѣ достоинствъ стараго императора называетъ то, что онъ не курилъ, не читалъ романовъ и умѣлъ очень тепло, „хотя стилистически неправильно", редактировать торжественные документы, которые Бисмаркъ называетъ „необходимымъ наборомъ фразъ для тронныхъ рѣчей и подобныхъ заявленій".—Долговременная привычка и сознаніе, что при всякомъ другомъ монархѣ ему не удалось бы такъ осуществить своей задачи, однако, дѣйствительно внушаютъ Бисмарку къ Вильгельму I чувства привязанности и благодарности. Своей потребности въ ненависти, о которой онъ при жизни говорилъ, что она ему не менѣе нужна, чѣмъ любовь къ женѣ, Бисмаркъ впрочемъ вполнѣ удовлетворяетъ на другихъ лицахъ, стоявшихъ ему поперекъ дороги. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ—императрица Августа, политическая роль которой въ мемуарахъ выступаетъ въ чрезвычайно яркомъ освѣщеніи.

Въ то время, какъ Бисмаркъ былъ канцлеромъ, онъ часто съ гнѣвомъ отзывался о придворныхъ интригахъ и женской политикѣ, которыя отравляютъ ему существованіе, и не было секрета, что онъ при этомъ имѣлъ въ виду супругу стараго императора. Только изъ мемуаровъ, однако, обнаруживается, какъ вліятельна была „политика юбокъ" при берлинскомъ дворѣ:

можно сказать съ увѣренностью, что, насколько судьбы страны зависѣли отъ воли императора, онѣ попеременно находились въ рукахъ Бисмарка и Августы, при чемъ въ рѣшительныя минуты побѣждала болѣе сильная личность канцлера, которому, однако, побѣда всегда доставалась не легко. До наступленія эпохи конфликта, умная Августа держала правленіе въ своихъ рукахъ; министры были ея креатуры; король за завтракомъ слушалъ ея доклады, читалъ газеты, которыя она ему отмѣчала, и въ которыхъ, по увѣренію Бисмарка, часто появлялись статьи, написанныя по спеціальному заказу королевы. Эта привычка „инструировать“ супруга осталась у Августы до глубокой старости, хотя, какъ умная женщина, она нѐ могла не сознавать, что фактически управлялъ уже не король, а канцлеръ. Бисмаркъ приводитъ сцену на вечерѣ во дворцѣ, наглядно иллюстрирующую эти отношенія. Наканунѣ ея канцлеръ явился къ императору, лежавшему по болѣзни въ постели, чтобы потребовать отъ него прекращенія „придворныхъ демонстрацій за центръ“ (это было во время культуръ-кампфа). Онъ засталъ у постели императрицу въ туалетѣ, по безпорядку котораго можно было заключить, что она быстро сошла внизъ, какъ только услышала, что канцлеръ идетъ къ ея супругу. „На мою просьбу дозволить мнѣ остаться наединѣ съ императоромъ она удалилась, но, не притворивъ совсѣмъ дверей, сѣла на ближайшій къ нимъ стулъ и давала мнѣ движеніями понять, что все слышитъ. Это была уже не первая попытка смутить меня, но она не вела ни къ чему. Я, не стѣсняясь, сдѣлалъ свой докладъ“. Вечеромъ на пріемѣ бесѣда съ хозяйкой дома приняла такой оборотъ, что Бисмаркъ попросилъ императрицу пощадить слабое здоровье ея супруга и не подвергать его волненіямъ противорѣчивыхъ политическихъ воздѣйствій. Этотъ намекъ, прибавляетъ разсказчикъ, произвелъ удивительный эффектъ; онъ никогда не находилъ императрицы Августы такой красивой, какъ въ эту минуту: она выпрямилась, глаза ея метали искры, и, повернувшись спиной къ Бисмарку, сказала стоявшимъ вблизи придворнымъ: „Unser allergnädigster Reichskanzler ist heute ungnädig“.

Будучи уже самъ вдали отъ дѣлъ и имѣя достаточный поводъ къ болѣе свѣжей ненависти, Бисмаркъ, однако, изливаетъ на этого своего стараго и отошедшаго въ вѣчность врага всю чашу накопившейся желчи. Ничто не забыто: ни униженіе, испытанное въ концѣ 50-хъ годовъ, когда его, какъ будто въ ссылку, назначили противъ воли посломъ въ Петербургъ, лишь только наступило регентство; ни незаслуженная обида, когда ему пред-

почли въ качествѣ министра ничтожнаго Шлейница; ни козни его враговъ послѣ блестящихъ побѣдъ. „Кристаллизаціоннымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ связывала вражда ко мнѣ, была императрица Августа“. Борьба съ этой женщиной стоила ему больше труда, чѣмъ преодолѣніе всѣхъ другихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, затрудненій, и хотя онъ прибавляетъ, что это вытекало изъ особо благопріятныхъ условій соціальнаго и семейнаго положенія этого противника, но тѣмъ не менѣе императрица обрисовывается въ мемуарахъ гораздо болѣе выдающейся женщиной, чѣмъ многіе ее считали.

Къ нашему удивленію, Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ значительно мягче относится къ другой коронованной женщинѣ, которой тоже неоднократно приходилось испытать тяжесть канцлерской диктатуры. „Императрица-Фридрихъ“, „англичанка“, привезла уже съ собою въ свою новую родину антипатію къ будущему объединителю, въ которомъ ея отецъ, какъ Бисмаркъ могъ удостовѣриться при встрѣчѣ съ нимъ въ Парижѣ, видѣлъ реакціонера, мечтающаго о возстановленіи абсолютизма. „Меня не удивляло, — замѣчаетъ Бисмаркъ, — что антипатіи отца усвоены были дочерью“. Что кронпринцесса не прощала ему его нежеланія подчиняться англійскимъ вліяніямъ, онъ тоже находилъ въ порядкѣ вещей. Странна ему была только форма, въ которой принцесса выражала свое недовѣріе: она какъ будто дразнила, ей доставляло удовольствіе выражать въ полушутливомъ тонѣ, что она его считаетъ способнымъ на все. Великолѣпной иллюстраціей и этихъ отношеній служитъ разговоръ за обѣдомъ, происходившій между кронпринцессой и ея сосѣдомъ, канцлеромъ, вскорѣ послѣ войны 1866 г. Полушутя, кронпринцесса Викторія говоритъ Бисмарку, что у него честолюбіе навѣрное заходитъ такъ далеко, что онъ хочетъ быть королемъ или, по крайней мѣрѣ, президентомъ республики. Бисмаркъ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ, что для своего земного благополучія онъ, человѣкъ, выросшій въ ройялистическихъ традиціяхъ, нуждается въ монархическихъ учрежденіяхъ, хотя и благодаритъ Господа за то, что ему самому не приходится, какъ королю, жить „на серебряномъ подносѣ“. Останется ли монархическое чувство и у потомства, на это трудно отвѣтить, „не потому, что исчезнутъ монархисты, но, быть можетъ, отъ того, что не будетъ королей. Pour faire un civet, il faut un lièvre, et pour une monarchie, il faut un roi“. „Въ первые годы моего министерства, — прибавляетъ Бисмаркъ, — я неоднократно еще замѣчалъ при подобныхъ застольныхъ бесѣдахъ, что принцесса находила удовольствіе драз-

нить мою патріотическую чувствительность шутливой критикой людей и учрежденій". Относительно дальнѣйшихъ своихъ отношеній съ кронпринцессой Бисмаркъ не считаетъ нужнымъ распространяться, ограничиваясь общими замѣчаніями, какъ то, напр., что она не переставала видѣть въ Англіи свое отечество и не прочь была направить германскую политику противъ Россіи, какъ главнаго соперника Англіи въ сферѣ азіатскихъ интересовъ. „Различіе взглядовъ въ этомъ отношеніи, основывавшееся на различіи національности, вызывало неоднократно бесѣды между ея высочествомъ и мною по восточному вопросу, включая сюда и баттенбергскій эпизодъ. Ея вліяніе на супруга всегда было велико и съ годами только увеличивалось, достигнувъ кульминаціоннаго пункта въ то время, когда онъ былъ императоромъ. Однако и у нея было убѣжденіе, что въ интересѣ династіи желательно, чтобы при смѣнѣ на престолѣ я оставался на посту".

Вліянію умной и образованной англійской принцессы Бисмаркъ приписываетъ тѣ „размолвки", которыя происходили между нимъ и „сыномъ монарха, котораго я in specie называю своимъ господиномъ". Либеральные взгляды Фридриха сами по себѣ не были бы въ состояніи ни уничтожить довѣрія будущаго императора къ совѣтнику его отца, ни затруднить Бисмарку перенести на симпатичнаго наслѣдника чувства, которыя онъ питалъ къ его отцу. Конституціонные взгляды Фридриха во многомъ даже облегчали бы дѣятельность канцлера, такъ какъ въ нихъ заключалось и пониманіе отвѣтственности, которую министръ беретъ за дѣйствія монарха. Кромѣ того Фридриху не приходилось отрѣшаться отъ устарѣлыхъ фамильныхъ традицій, и вслѣдствіе этого онъ способнѣе былъ „яснѣе понимать политическія требованія во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ". До конфликта, отношенія между канцлеромъ и наслѣдниками, несмотря на англійскія вліянія, оставались, однако, если не сердечными, то нормальными. Крупное столкновеніе произошло лишь вслѣдствіе извѣстной демонстраціи кронпринца въ Данцигѣ послѣ распоряженія о печати, отъ 1-го іюня 1863 г. Напомнимъ, что послѣ распущенія ландтага, отказавшагося вотировать бюджетъ, правительство Бисмарка самовольно отмѣнило конституціонныя гарантіи свободы слова, вызвавъ этимъ распоряженіемъ взрывъ общественнаго негодованія. Когда кронпринцъ прибылъ въ Данцигъ, бургомистръ, привѣтствуя его въ ратушѣ, выразилъ сожалѣніе о томъ, что печальныя политическія условія не даютъ возможности населенію такъ громко выразить свою радость по поводу пріѣзда наслѣдника, какъ это произошло бы при другихъ

обстоятельствахъ. Кронпринцъ отвѣтилъ, что и ему грустно являться предъ данцигскими гражданами въ минуту, когда между правительствомъ и народомъ наступилъ расколъ. „Я ничего не зналъ о распоряженіяхъ, которыя привели къ этимъ грустнымъ послѣдствіямъ, и не участвовалъ въ совѣтахъ, вызвавшихъ эти распоряженія". Вслѣдъ затѣмъ кронпринцъ посылаетъ министру-президенту формальный протестъ противъ нарушенія основныхъ законовъ и требуетъ, чтобы Бисмаркъ сообщилъ это министерству. Вильгельмъ такъ былъ возмущенъ поступкомъ сына, что готовъ былъ поступить съ нимъ какъ съ бунтовщикомъ, и Бисмаркъ увѣряетъ, что только по его собственному настоянію—противъ кронпринца не было принято крутыхъ мѣръ. Расколъ въ династіи при тогдашнихъ условіяхъ могъ повести къ губительнымъ послѣдствіямъ. Самое сильное впечатлѣніе на Вильгельма произвело напоминаніе Бисмарка, что въ борьбѣ между Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и его сыномъ симпатіи современниковъ и потомства были не на сторонѣ отца. Кронпринцъ согласился просить у короля прощенія, прибавивъ, однако, что считалъ свой протестъ необходимымъ ради будущности своихъ дѣтей. Бисмарку онъ писалъ „въ очень сильныхъ выраженіяхъ", что осуждаетъ всю его политику, въ которой нѣтъ доброжелательства и уваженія къ народу. „Діалектическая и сомнительная интерпретація конституціи поведетъ лишь къ тому, что послѣдняя покажется народу лишенной всякой цѣны, и это толкнетъ его на нелегальные пути". Вспоминая теперь объ этомъ столкновеніи, Бисмаркъ объясняетъ себѣ настроеніе кронпринца, съ одной стороны, вліяніемъ близкихъ женщинъ, исходившихъ изъ ложнаго представленія, будто въ Пруссіи XIX вѣка повторяются катастрофы, которыя Англія пережила въ XVII вѣкѣ; съ другой стороны, кронпринцъ былъ нѣмцемъ, подобно многимъ людямъ своего поколѣнія, раздѣлявшимъ взглядъ на англійскую конституцію, „о которой они имѣли очень поверхностное представленіе", какъ на образецъ мудраго правленія, которому всѣ европейскіе народы должны подражать.

Несмотря нъ „данцигскій эпизодъ", Бисмаркъ увѣряетъ, что всѣ утвержденія о постоянномъ антагонизмѣ между нимъ и императоромъ Фридрихомъ не имѣютъ основанія. Отчасти это увѣреніе оправдывается поведеніемъ кронпринца въ войнахъ 1866 и 1870 гг. Будучи вообще противникомъ войны съ Австріей, Фридрихъ, какъ мы уже упомянули выше, сталъ на сторону Бисмарка, когда онъ требовалъ заключенія мира. Всецѣло симпатіи Фридриха были на его сторонѣ, когда онъ воспротивился

улыбавшейся Вильгельму попыткѣ консерваторовъ уничтожить конституцію. Менѣе выяснены отношенія Бисмарка къ Фридриху во время франко-прусской войны. Изъ нѣкоторыхъ колкихъ замѣчаній въ мемуарахъ можно заключить, что Бисмарку не чуждо желаніе внушить потомству недовѣріе къ характеру и уму кронпринца, не съумѣвшаго уберечься и въ этотъ историческій моментъ отъ англійскихъ и другихъ вліяній, которыя стремились подъ маской сентиментальности и культуры парализовать успѣхи нѣмецкаго оружія и дипломатіи. Примѣняя къ кронпринцу эпитетъ политическаго фантазёра, не вполнѣ понимавшаго положеніе вещей, забавлявшагося измышленіемъ красивыхъ титуловъ, Бисмаркъ протестуетъ противъ утвержденія въ дневникѣ Фридриха, изданномъ Геффкеномъ, будто онъ (Бисмаркъ) самъ еще не отдавалъ себѣ отчета о всѣхъ возможныхъ выводахъ изъ военныхъ успѣховъ. Въ мемуарахъ повторяется попытка представить дневникъ Фридриха если не полной фальсификаціей, то написаннымъ много лѣтъ спустя послѣ событій, о которыхъ въ немъ идетъ рѣчь, и затѣмъ фальсифицированнымъ дополненіями интригановъ. Бушъ—не классическій свидѣтель, но въ этомъ случаѣ мы ему, кажется, можемъ вѣрить, когда онъ утверждаетъ, что Бисмаркъ, на вопросъ его о подлинности дневника, отвѣтилъ, что въ этомъ ни минуты не сомнѣвается. Признаніе подлинности дневника шло бы въ разрѣзъ съ очевиднымъ стремленіемъ Бисмарка убѣдить Германію не только въ томъ, что въ величайшихъ поворотахъ ея исторіи нѣтъ вліянія другихъ лицъ, кромѣ его самого, но и въ томъ также, что и императоръ Фридрихъ, въ этомъ отношеніи, раздѣлялъ благодарность къ нему своего отца. Этимъ, вѣроятно, рельефнѣе должна быть выражена неблагодарность эпигоновъ. До 1866 г., кронпринцъ былъ его противникомъ; послѣ того онъ въ главныхъ вопросахъ подчиняется его авторитету: такъ, Бисмаркъ желалъ бы представить исторію своихъ отношеній съ Фридрихомъ. Онъ не скрываетъ, что если бы Вильгельму I не суждена была столь рѣдкая долговѣчность, то онъ едва-ли сталъ бы канцлеромъ его сына. Въ мемуарахъ воспроизведена чрезвычайно характерная сцена, изъ которой обнаруживается, что въ 60-хъ годахъ кронпринцъ на всякую попытку Бисмарка къ сближенію съ нимъ смотрѣлъ какъ на недостойное заискиваніе предъ наслѣдникомъ престола, чтобы на всякій случай не разрывать мостовъ для своей карьеры. Съ той обдуманной прямотой, которая такъ часто выручала его изъ затруднительныхъ положеній, Бисмаркъ говоритъ въ лицо наслѣднику, что угадалъ его мысли, но онъ

можетъ быть спокоенъ: при немъ онъ никогда не будетъ министромъ. 20 лѣтъ спустя, въ 1885 г., когда здоровье Вильгельма I внушало серьезное опасеніе, 55-лѣтній, но еще не больной Фридрихъ спрашиваетъ Бисмарка, останется ли онъ на службѣ въ случаѣ смѣны на престолѣ? Бисмаркъ отвѣчаетъ согласіемъ, но при двухъ условіяхъ: если будущій императоръ не будетъ настаивать на парламентскомъ управленіи (Бисмаркъ точно различаетъ между парламентаризмомъ и конституціонализмомъ), и если онъ не допуститъ внѣшнихъ вліяній на свою политику. Кронпринцъ на это сказалъ: „Подобныя вещи мнѣ не приходятъ въ голову". Думалъ ли онъ только о неудобствахъ канцлерской смѣны сейчасъ по вступленіи на престолъ? Весьма вѣроятно. Точно также и отвѣтъ, что рѣчи нѣтъ о парламентскомъ правленіи, меньше говоритъ противъ либеральныхъ убѣжденій Фридриха, чѣмъ возможность возбужденія такого вопроса столь умнымъ наблюдателемъ, какъ Бисмаркъ. Теперь это конечно только академическіе вопросы, но они имѣютъ свое значеніе для исторіи.

III.

Въ мемуарахъ Бисмарка—русскаго читателя, конечно, особенно заинтересуютъ мысли и воспоминанія, разбросанныя по обоимъ томамъ, о Россіи, русской политикѣ и отношеніи къ ней Пруссіи и Германіи. Въ общемъ обзорѣ, которому посвящена одна изъ любопытнѣйшихъ главъ [1]), Бисмаркъ, оглядываясь на прошлое нашихъ отношеній съ Пруссіей, приходитъ къ заключенію, что политика Гогенцоллерновъ слишкомъ долго руководствовалась семейными побужденіями и сентиментальными чувствами, тогда какъ имъ не должно быть мѣста въ государственныхъ дѣлахъ. „Добродушіе семейныхъ отношеній,—замѣчаетъ онъ,—обыкновенно у насъ было достаточно развито для того, чтобы покрывать русскіе грѣхи; недоставало, однако, взаимности". Бисмаркъ не хочетъ сказать, чтобы Пруссія не имѣла основанія помнить съ благодарностью русскія услуги; Александръ I остался вѣренъ данному обѣщанію и возстановилъ Пруссію послѣ Наполеоновскаго разгрома. Какъ же отрицать такіе факты, вошедшіе въ учебники? Бисмаркъ слишкомъ уменъ, чтобы пытаться умалить нашу услугу въ далекомъ уже прошломъ, хотя онъ и не пропускаетъ случая вставить въ скобкахъ, что, испол-

[1]) Томъ I, гл. 12: Rückblik auf die preussische Politik. Стр. 270—288.

няя данное слово „болѣе или менѣе", Александръ, конечно, не забывалъ и русскихъ интересовъ. Не ставя неблагодарности принципомъ политики,—черная неблагодарность, восхваляемая кн. Шварценбергомъ, по его мнѣнію, въ политикѣ, какъ и въ частной жизни, не только некрасивая, но и неумная вещь,— Бисмаркъ, однако, увѣряетъ: „мы заплатили свои долги и во время бѣды русскихъ при Адріанополѣ въ 1829 г., и своимъ поведеніемъ въ Польшѣ въ 1831 г., и во всю эпоху Николая Перваго". (Замѣтимъ, однако, въ скобкахъ, что на предъидущей страницѣ „Мемуаровъ" канцлеръ находилъ, что оказывать услуги при Адріанополѣ и во время польскаго возстанія *даромъ* не было основанія). Николай Павловичъ менѣе симпатизировалъ „нѣмецкой романтикѣ и добродушію", чѣмъ его братъ, хотя онъ и обращался дружески со своими прусскими родственниками и съ прусскими офицерами. Тѣмъ не менѣе, въ его царствованіе „мы жили какъ русскіе вассалы, не переставая акцептовать русскіе векселя и платить по нимъ. Зато въ 1848 г. молодой австрійскій императоръ больше понравился русскому, чѣмъ прусскій король, и русскій третейскій судья холодно и сурово высказался противъ Пруссіи и нѣмецкихъ стремленій". Униженіе пруссаковъ въ Ольмюцѣ, благодаря поддержкѣ австрійцевъ Россіей, окончательно сквитало ихъ съ нами за услуги 1813 г., и если Александръ II находилъ Пруссію неблагодарной,— несмотря на то, что своимъ поведеніемъ во время крымской войны, какъ и въ польскомъ возстаніи 1863 г., она въ своихъ политическихъ отношеніяхъ къ намъ была не въ пассивѣ, а въ активѣ,—то это доказываетъ лишь, какъ въ Россіи укоренилась привычка смотрѣть на Пруссію не какъ на равную. Это, впрочемъ, по мнѣнію Бисмарка, было естественнымъ послѣдствіемъ меньшей энергіи и привычки къ подчиненію на прусской сторонѣ. Если въ Европѣ есть страна, которая обязана Россіи особенной благодарностью, то это, по мнѣнію Бисмарка, не Пруссія, но Австрія, или, вѣрнѣе,—австрійская монархія: въ исторіи европейскихъ государствъ нѣтъ другого случая, чтобы монархъ великой державы оказалъ сосѣду такую услугу, какую Николай I оказалъ австрійской монархіи въ 1849 г., явившись ей на помощь съ арміей въ 150.000 человѣкъ и отозвавъ войско по возстановленіи королевской власти назадъ, „не требуя за то ни выгодъ, ни вознагражденія и не упоминая даже о спорныхъ восточныхъ и польскихъ вопросахъ". Эту безкорыстную дружескую услугу во внутренней политикѣ Австріи императоръ Николай въ дни Ольмюца дополнилъ такой же поддержкой Австріи на счетъ Пруссіи.

Прусскій король въ его глазахъ не былъ къ тому способенъ; въ наслѣдникѣ же своего собственнаго престола Николай Павловичъ, вѣроятно, замѣтилъ наклонности, противорѣчащія убѣжденіямъ отца.

Изъ переписки Бисмарка съ Герлахомъ достаточно извѣстно, какую роль будущій канцлеръ объединенной имперіи игралъ во время крымской кампаніи, когда при прусскомъ дворѣ была вліятельная партія, не скрывавшая своей антипатіи къ Россіи. Въ очеркѣ дѣятельности Бисмарка, написанномъ тотчасъ послѣ его смерти, мы уже выразили предположеніе, что его участіе въ предупрежденіи враждебной для насъ коалиціи въ то время было значительно преувеличено. Мемуары подтверждаютъ это, несмотря на то, что посмертное произведеніе великаго дипломата вообще не грѣшитъ слишкомъ большой скромностью. Фактически Бисмаркъ, несмотря на то, что король его часто вызывалъ изъ Франкфурта для совѣщаній, рѣдко оказывалъ рѣшающее вліяніе на ходъ тогдашней прусской политики. Конвенція между Австріей и Пруссіей, заключенная вскорѣ послѣ объявленной намъ войны (8 апр. 1854 г.), была уже fait accompli, когда Фридрихъ-Вильгельмъ вызвалъ къ себѣ посла при бундестагѣ. Бисмарка раздражало, что Пруссія опять играетъ некрасивую роль Лепорелло по отношенію „къ Донъ-Жуану Австріи", но онъ этого точно такъ же не могъ измѣнить, какъ не въ состояніи былъ бы предотвратить попытки къ осуществленію безумнаго плана раздѣла Россіи, возникшаго тогда въ Берлинѣ и Лондонѣ, еслибъ въ нерасположеніи короля ко всякому рѣшительному дѣйствію не заключалось поруки, что вся затѣя останется нелѣпой мечтой. Если не ошибаюсь, изъ нынѣшней книги впервые обнаруживается анти-русское вліяніе императрицы Августы, тогда супруги наслѣдника престола. Ненависть Бисмарка къ Августѣ, впрочемъ, такъ велика и за гробомъ, что къ этой части его сообщеній надо относиться съ особенной осторожностью. Онъ увѣряетъ, что Августа была душой заговора, нити котораго надо искать въ Лондонѣ, Кобургѣ и кружкѣ недовольныхъ въ Пруссіи, извѣстномъ подъ именемъ партіи „Wochenblatt", и цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ, вмѣшавшись въ войну противъ Россіи, сдѣлать насъ навсегда безвредными для Европы отдѣленіемъ Польши, Остзейскаго края, даже Петербурга и Крыма. Чтобы привлечь на свою сторону кронпринца Вильгельма (перваго императора), Августа, зная, что онъ прямо не пойдетъ на такое дѣло, представила ему весь планъ въ качествѣ дружественной услуги Россіи, которую будто насильно надо принудить прекра-

тить убійственную войну и заключить миръ. Бисмаркъ, услышавъ отъ кронпринца о задуманномъ планѣ въ этомъ варіантѣ, тщетно старался доказать ему, что эта дѣтская утопія можетъ повести лишь къ разрыву традиціонныхъ отношеній, безъ всякой пользы для Пруссіи и лишь съ тѣмъ результатомъ, что Россія станетъ вѣрнымъ союзникомъ всякаго врага, котораго Пруссія будетъ имѣть. Бисмаркъ, однако, прибавляетъ, что аргументація его у кронпринца не имѣла успѣха, такъ какъ въ то время „противъ принцессы Августы онъ былъ безсиленъ". Очевидно, что не вліяніе Бисмарка помѣшало Пруссіи сыграть съ нами дурную игру.

Въ мысляхъ Бисмарка о будущей политикѣ Россіи читателя удивляетъ смѣсь взглядовъ, скорѣе похожихъ на выраженіе впечатлѣній отъ ближайшихъ событій дня и серьезныхъ идей, почерпнутыхъ изъ опыта продолжительной жизни. Въ первомъ случаѣ предсказаніе его зависитъ отъ такихъ относительно мелочей въ исторіи народовъ, какъ вліяніе новаго вооруженія или участіе въ нашей политикѣ того или другого неотвѣтственнаго публициста и генерала [1]). Конечно, чѣмъ больше государственный человѣкъ смотритъ на международную политику какъ на жидкій элементъ,—мы употребляемъ здѣсь выраженіе Бисмарка, относящееся къ другому поводу,—который только изрѣдка конденсируется..., тѣмъ сильнѣе вырабатывается у него склонность игнорировать идеи и преувеличивать значеніе случайной воли. Однако, при всей своей антипатіи къ абстрактнымъ или даже только общимъ положеніямъ, Бисмаркъ высказываетъ о будущей политикѣ Россіи и болѣе далекія соображенія. Для него нѣтъ сомнѣнія, что Россія тѣмъ или другимъ путемъ, „физически или дипломатически, сядетъ въ Константинополѣ и вынуждена будетъ его защищать". При этомъ онъ, однако, думаетъ, что будущая наша политика, если мы чему-нибудь научились изъ предъидущихъ ошибокъ, съумѣетъ отрѣшиться отъ фантастической погони за освобожденіемъ славянъ или грековъ и ограничится тѣми успѣхами, которые могутъ быть достигнуты авторитетомъ полковъ и пушекъ. Правда, „rudis indigestaque moles" Россіи слишкомъ тяжело вѣситъ, чтобы сейчасъ послѣдовать за измѣненіями политическаго инстинкта". Но ему кажется,—поэтическая сторона исторіи и для русскихъ дипломатовъ потеряла „placet" практики. „Освобожденные народы неблагодарны, но

[1]) „Вѣроятность войны въ два фронта нѣсколько уменьшилась послѣ смерти Каткова и Скобелева", замѣчаетъ Бисмаркъ въ главѣ „Zukünftige Politik Russlands", т. II, стр. 260.

требовательны. Мнѣ думается, что русская политика въ наше реалистическое время проявитъ по отношенію къ восточнымъ вопросамъ больше техническаго опыта, чѣмъ полета фантазіи". Для Бисмарка еще не ясно, допуститъ ли насъ Порта миролюбиво къ закрытію Босфора, или же это будетъ сигналомъ къ европейской войнѣ. Въ первомъ случаѣ, не невѣроятномъ, державы, интересы которыхъ больше всего будутъ задѣты, вѣроятно „пока промолчатъ, потому что каждая будетъ ждать иниціативы отъ другой и присматриваться къ Франціи". Германіи подобный исходъ выгоднѣе, чѣмъ кому бы то ни было: ея интересы не только не могутъ быть нарушены тяготѣніемъ Россіи на югъ, но она отъ этого можетъ даже выиграть.

Соперничество между Вѣной и Берлиномъ въ погонѣ за русской дружбой легко можетъ повториться, какъ во времена Ольмюца: повторилось же оно уже разъ при заключеніи договора въ Рейхштадтѣ, а между тѣмъ тогда во главѣ австрійской политики стоялъ дружественный Германіи графъ Андраши. Политика, заглядывающая впередъ, не основываетъ своихъ разсчетовъ на такихъ шаткихъ базисахъ, какъ глаза смертнаго человѣка: когда закроются, напр., глаза Франца-Іосифа, ничто не гарантируетъ, что Австрія, поддержку которой, при настоящихъ условіяхъ, легче можно имѣть противъ Россіи, чѣмъ противъ Франціи, не пойдетъ на соглашеніе съ Россіей, аналогичное тому, которое однажды уже состоялось между Іосифомъ II и Екатериной. Эта опасность можетъ быть парализована лишь тѣмъ, что Германія всегда будетъ „оставлять себѣ открытымъ путь изъ Берлина въ Петербургъ". Бисмаркъ при этомъ снова возвращается къ неоднократно высказанному имъ при жизни мнѣнію, что нарушеніе добрыхъ отношеній между Германіей и Россіей можетъ послѣдовать только вслѣдствіе грубыхъ промаховъ дипломатическаго и династическаго свойства, которыми умѣютъ пользоваться честолюбцы и интриганы, искусственно разжигающіе страсти съ обѣихъ сторонъ, по личнымъ или постороннимъ мотивамъ. Въ послѣднемъ отношеніи опасны честолюбивые генералы, въ родѣ Скобелева, хотя Бисмаркъ спѣшитъ прибавить, что такіе генералы имѣются и въ германской арміи.

Объ общественномъ мнѣніи и печати въ Россіи, недружелюбно относившихся къ его политикѣ, Бисмаркъ и за гробомъ говоритъ съ величайшей ненавистью: нужно, будто, необыкновенно много „глупости и безсовѣстности, чтобы повѣрить и утверждать, что германская политика, при заключеніи тройственнаго союза, задавалась агрессивными тенденціями", при чемъ Бисмаркъ сво-

имъ русскимъ врагамъ дѣлаетъ особый комплиментъ: „лживость была больше польско-французскаго, а глупость—русскаго происхожденія". „Идеальной задачей моей политики,—отвѣчаетъ на это Бисмаркъ, — всегда было съ тѣхъ поръ, какъ мы осуществили свое объединеніе въ достижимыхъ границахъ, пріобрѣсти довѣріе Европы и вызвать убѣжденіе, что мы сыты". И дѣйствительно, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Германія, можетъ быть, единственная великая держава въ Европѣ, для которой нѣтъ предметовъ искушенія, пріобрѣтаемыхъ только путемъ удачной войны. Мы заинтересованы прежде всего въ сохраненіи мира, тогда какъ наши континентальные сосѣди, безъ исключенія, имѣютъ явныя и тайныя желанія, которыя могутъ быть осуществлены только чрезъ войну. Въ частности, по отношенію къ Россіи и Австріи, выгода Германіи состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ австрійскіе и русскіе интересы на Балканѣ противоположны, антагонизмъ между Россіей и Германіей „не настолько силенъ, чтобы дать поводъ къ разрыву и борьбѣ". Особенныя условія русскаго государственнаго строя требуютъ крайней осторожности по отношенію къ личнымъ факторамъ политики: точно такъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ остроты и сарказмы Фридриха Великаго были причиной участія Елисаветы Петровны въ французско-австрійскомъ союзѣ противъ Пруссіи, такъ и теперь сплетни и личныя отношенія могутъ быть маленькими причинами большихъ послѣдствій. „Мы можемъ проявлять по отношенію къ Россіи сознаніе своей независимости и собственнаго достоинства, но не должны дѣлать ей вызова, затрагивать ея самолюбіе и вредить ея интересамъ. Неблагоразумно и безсовѣстно изъ личной обидчивости разрушить мостъ, дозволяющій намъ сближеніе съ Россіей", прибавляетъ Бисмаркъ, и эти его слова, несомнѣнно носящія личную окраску, становятся понятнѣе въ связи съ другими, носящими еще болѣе характеръ „ad hominem": „Во всякомъ случаѣ и въ будущемъ понадобится не только боевая готовность, но и точный политическій взглядъ, чтобы провести государственное судно Германіи черезъ теченія коалиціи. Любезностями и экономическими чаями (намекъ на торговые трактаты) дружественнымъ державамъ мы не предупредимъ опасности, грозящей въ будущемъ, но лишь разлакомимъ нашихъ временныхъ друзей и усилимъ ихъ разсчеты на нашу нужду. Боюсь, что на избранномъ пути наше будущее приносятъ въ жертву мелкимъ и случайнымъ настроеніямъ настоящаго. *Прежніе короли обращали больше вниманія на способности своихъ совѣтниковъ, чѣмъ на повиновеніе*. Если послушаніе одно есть критерій, то этимъ

къ монарху предъявляютъ требованіе универсальныхъ способностей, которому не удовлетворилъ бы самъ Фридрихъ Великій, хотя политика въ войнѣ и мирѣ въ его время была легче, чѣмъ теперь".

Послѣднія слова невольно напрашиваются на параллель съ тѣми, которыя 40 лѣтъ тому назадъ тотъ же замѣчательный государственный человѣкъ сказалъ, по его воспоминаніямъ, дѣду нынѣшняго императора, когда тотъ былъ еще принцемъ-регентомъ, а его будущій же великій канцлеръ—посломъ, котораго старались убрать подальше отъ Берлина. „Ваше королевское высочество въ цѣломъ министерствѣ не имѣетъ ни одного способнаго политика: все—посредственности, ограниченныя головы",—сказалъ Бисмаркъ регенту, и когда тотъ, обидѣвшись, заявилъ: „не считаете же вы меня колпакомъ? своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и военнымъ я самъ буду,—это я понимаю", Бисмаркъ спокойно, но почтительно возразилъ: „въ настоящее время самый способный ландратъ не въ состояніи управлять своимъ уѣздомъ безъ интеллигентнаго секретаря. Насколько же нужнѣе аналогичный секретарь прусской монархіи. Безъ способныхъ министровъ ваше королевское высочество не найдете удовлетворенія въ результатахъ своихъ трудовъ".

Изъ европейскихъ дипломатовъ никто не удостоился въ воспоминаніяхъ Бисмарка такой прочной и злой памяти, какъ князь А. М. Горчаковъ. Биконсфильдъ, Гладстонъ, Андраши, Бейстъ названы лишь мимоходомъ, но къ кн. Горчакову онъ возвращается почти на всемъ пространствѣ второй части мемуаровъ, и каждый разъ все съ болѣе явнымъ намѣреніемъ унизить характеръ русскаго дипломата. Несомнѣнно, что злоба Бисмарка имѣетъ свои причины не только въ противорѣчіи интересовъ, но и въ полномъ контрастѣ индивидуальности противниковъ. Въ портретѣ нашего канцлера, нарисованномъ Бисмаркомъ, удачно схвачены всѣ невыгодныя черты и мелкіе недостатки; они съ умысломъ выдвинуты впередъ и заслоняютъ лучшія черты ума и характера, которыхъ нельзя было совершенно игнорировать. Въ мемуарахъ мимоходомъ упоминается о томъ, что кн. Горчаковъ по образованію принадлежалъ къ „crême русскаго общества; что онъ почти одинаково хорошо выражался на главныхъ европейскихъ языкахъ; что дипломаты, аккредитованные въ Петербургѣ, подчинялись обаянію его краснорѣчія и не всегда замѣчали, что становятся орудіями въ его рукахъ. Всѣ эти достоинства, однако, исчезаютъ въ морѣ тщеславія и болтливости. Бисмаркъ примѣняетъ къ Горчакову выраженіе Беттины Арнимъ о знаменитомъ

юристѣ Савиньи, который „не могъ пройти мимо лужи, чтобы не посмотрѣться въ нее". Горчаковъ „se mire dans son encrier". Если онъ диктуетъ депешу, то принимаетъ соотвѣтственную позу, и молодой чиновникъ, желающій отличиться, долженъ понимать, что при особенно округленныхъ фразахъ нужно бросить взглядъ удивленія на шефа. Была впрочемъ пора,—и Бисмаркъ сознается въ этомъ съ циничной откровенностью, — когда онъ самъ бросалъ такіе взгляды на тщеславнаго министра: въ Франкфуртѣ-на-М. и въ Петербургѣ онъ давалъ себѣ трудъ „*внушить* князю Горчакову мнѣніе, что имѣетъ въ прусскомъ послѣ преданнаго ученика". Это ему такъ удалось, что князь въ своемъ довѣріи къ нему переходилъ границы, дозволенныя дипломатіей,—напримѣръ, давалъ ему читать еще не распечатанныя имъ донесенія нашего посла въ Берлинѣ. Впослѣдствіи кн. Горчаковъ не могъ примириться съ мыслью, что ученикъ переросъ учителя, и въ этомъ, по увѣренію Бисмарка, заключался источникъ всѣхъ его дѣйствій послѣ 1870 г. „Я едва-ли буду несправедливъ къ кн. Горчакову, если скажу, что личное соперничество со мною въ его глазахъ было важнѣе, чѣмъ интересы Россіи: его тщеславіе и зависть ко мнѣ превышали его патріотизмъ".

Съ особой ненавистью Бисмаркъ вспоминаетъ о непріятности, причиненной ему кн. Горчаковымъ въ 1875 г., увѣрившимъ Европу, что Германія безъ его вмѣшательства снова напала бы на Францію. Бисмаркъ заноситъ этотъ историческій эпизодъ въ главу „подъ заголовкомъ: „Интриги". Спасеніе Франціи, увѣряетъ онъ и за гробомъ, было продуктомъ интриги Гонто-Бирона и зависти Горчакова. Мольтке и Мюнстеръ, на разговорѣ которыхъ опиралась „компанія спасенія", не могли быть отвѣтственными за германскую дипломатію, „мнѣ же,—заявляетъ Бисмаркъ,— мысль напасть на Францію тогда и впослѣдствіи была такъ чужда, что я скорѣе вышелъ бы въ отставку, чѣмъ согласился бы на войну, которая не имѣла другого мотива, какъ не дать Франціи собраться съ силами. Подобная война не привела бы къ прочнымъ условіямъ въ Европѣ и лишь создала бы солидарность Россіи, Австріи и Англіи въ недовѣріи, а можетъ быть, и въ активныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи". Когда Горчаковъ выпустилъ телеграфическій циркуляръ, помѣченный Берлиномъ, отъ 10-го мая 1875 г., и начинавшійся словами: „maintenant (т.-е. подъ давленіемъ Россіи, поясняетъ Бисмаркъ) la paix est assurée",—Бисмаркъ, въ личной бесѣдѣ, сдѣлалъ министру живѣйшіе упреки. „Если у него (Горчакова) была потребность сыграть роль ангела мира, то для этого не нужно было придумать

комедію, которая легко можетъ испортить отношенія между Россіей и Германіей. Знай я, что Горчакову такъ хочется популярности въ Парижѣ, я бы ему охотно помогъ и заказалъ бы даже въ Берлинѣ пятифранковыя медали съ надписью: „Gortschakoff protége la France". Съ той же раздражительностью Бисмаркъ говорилъ о поведеніи Горчакова императору Александру II, находившемуся тогда въ Берлинѣ. Государь согласился съ нимъ, но замѣтилъ, смѣясь, что не надо слишкомъ серьезно относиться къ этой „vanité sénile". Характерно для отношеній между дипломатами, что вскорѣ послѣ столь крупнаго столкновенія кн. Горчаковъ, по поводу дипломатической конференціи въ Берлинѣ, шутя замѣчаетъ Бисмарку: „я не могу предстать предъ св. Петромъ на небѣ, не предсѣдательствовавъ хотя бы въ маленькой европейской конференціи",—и Бисмаркъ спѣшитъ исполнить желаніе стараго учителя. Сѣвъ на предсѣдательское кресло, кн. Горчаковъ произноситъ длинную и красивую рѣчь; Бисмаркъ же, пользуясь, какъ онъ выражается, „свободнымъ временемъ слушанія", пишетъ на лежащей предъ нимъ бумагѣ: „pompons, pompo, pomp, pom, po". Сосѣдъ его, лордъ Руссель, вырвалъ у него этотъ листокъ и оставилъ его у себя".

У насъ нѣтъ мѣста для массы любопытныхъ деталей о роли кн. Горчакова на берлинскомъ конгрессѣ, объ антагонизмѣ между русскимъ канцлеромъ и графомъ Шуваловымъ и о самомъ конгрессѣ: историкъ найдетъ въ нихъ нѣкоторыя новыя черты, содѣйствующія пониманію новѣйшей европейской дипломатіи; но утвердившееся наконецъ и у насъ сознаніе, что на берлинскомъ конгрессѣ дѣло было не въ одной иностранной неблагодарности, но и въ нашихъ собственныхъ ошибкахъ, отъ этого не измѣнится. Бисмарку воспоминаніе объ этомъ конгрессѣ даетъ поводъ къ выраженію нѣкоторыхъ мыслей, которыя съ пользой могутъ быть прочитаны государственными людьми. „Склонность Горчакова обращаться къ намъ съ вопросами не черезъ русскаго посла въ Берлинѣ, а черезъ германскаго въ Петербургѣ, заставляла меня чаще напоминать нашимъ представителямъ въ Петербургѣ, чѣмъ представителямъ при другихъ дворахъ, что ихъ задача состоитъ не въ передачѣ желаній русскаго кабинета намъ, но нашихъ желаній Россіи" [1]). Еще менѣе умѣстно сношеніе черезъ военныхъ агентовъ; въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ уже лучше при-

---

[1]) Бисмаркъ, впрочемъ, дѣлаетъ въ другомъ мѣстѣ неприличный намекъ на то, что эта привычка Горчакова, какъ ему передавали и чему онъ не хочетъ вѣрить, имѣла и матеріальныя побужденія.

бѣгать къ личной перепискѣ между монархами, хотя и это имѣетъ свои неудобства. Личныя письма императора Александра II къ Вильгельму I, какъ Бисмаркъ могъ убѣдиться въ такихъ серьезныхъ случаяхъ, будто бы носили всѣ черты Горчаковскаго стиля, какъ впрочемъ и письма Вильгельма I составлялись Бисмаркомъ.

Наблюденія на берлинскомъ конгрессѣ, какъ и весь его политическій опытъ, приводятъ Бисмарка къ заключенію, что въ странахъ безъ конституціоннаго контроля единство политическихъ дѣйствій далеко не всегда болѣе обезпечено, чѣмъ въ странахъ съ парламентскимъ режимомъ. „Я не хочу сказать,—замѣчаетъ Бисмаркъ,—что министерство иностр. дѣлъ въ Лондонѣ умнѣе, но англійскому правительству рѣже приходится поправлять ошибки неоткровенностью. Въ одномъ случаѣ—нѣтъ другого контроля надъ сообщеніями и дѣйствіями исполнителей, кромѣ бо̀льшаго или мѐньшаго психологическаго таланта на верхушкѣ; въ другомъ—не исключена возможность ошибокъ и введенія общественнаго мнѣнія въ заблужденіе; но англійскій парламентъ все-таки болѣе гарантированъ отъ обмана“.

IV.

Людвигъ Бамбергеръ, восхищаясь умомъ, блещущимъ въ мемуарахъ, прибавляетъ, однако, что не далъ бы ихъ въ руки подростающей молодежи, потому что сквозящее въ нихъ презрѣніе къ людямъ и идеаламъ человѣчества, подъ давленіемъ авторитета и удивленія къ національному герою, можетъ повести лишь къ дурнымъ результатамъ. „Для величія личности Бисмарка пьедесталомъ служитъ не психологическая оцѣнка, но замѣчательные факты“.

Съ презрѣніемъ къ платоническимъ идеямъ у Бисмарка соединялось сознаніе безсмысленности сопротивленія тому, что̀ доказало свою силу въ дѣйствительныхъ потребностяхъ націи, но при одномъ условіи: если и сознаніе выражается не только платонически. Для него одинаково были пустыми звуками: легитимистъ и революція, культура и регрессъ; онъ не былъ рыцаремъ ни прошедшаго, ни отдаленнаго будущаго, но предъ силою дѣйствительной идеи онъ склонялся. Иллюстрацію къ этой мысли даютъ страницы мемуаровъ, посвященныя движенію 1848 г. Возмущаясь слабостью Фридриха-Вильгельма, онъ приводитъ, однако, противъ уступокъ революціи не обычные консервативные доводы, какъ неприкосновенность авторитета, привилегіи дво-

ранства и т. п.: онъ не можетъ понять, какъ уступаютъ не силѣ, а изъ страха предъ миѳомъ и „тирадами честолюбцевъ“. Въ верхнихъ слояхъ слишкомъ много идущихъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ стремленій, чтобы правительства должны были заимствовать у нихъ руководящую нить для своего поведенія, до тѣхъ поръ, пока евангелія ораторовъ и писателей, благодаря вѣрѣ, которую они находятъ въ массахъ, *получатъ въ свое распоряженіе матеріальныя силы, сталкивающіяся „hart im Raume“. Есть у нихъ въ распоряженіи эта сила—тогда другое дѣло: наступаетъ vis major, съ которой политика должна считаться*“.

Пренебрежительное отношеніе Бисмарка къ гуманнымъ идеямъ имѣетъ, впрочемъ, своимъ основаніемъ и то, что ему пришлось убѣдиться, какъ ихъ профанируютъ далеко не по идеальнымъ соображеніямъ. Въ главѣ о Версали онъ разсказываетъ, какія мучительныя чувства ему приходилось переживать, проводя безсонныя ночи подъ Парижемъ и представляя себѣ послѣдствія европейскаго вмѣшательства, которое тогда угрожало. И еслибы еще, думалъ онъ, это имѣло своей причиной политическія соображенія. Но нѣтъ: опасность предстояла отъ впечатлѣнія на чувства нѣмцевъ, которое „импортированныя изъ Англіи фразы о гуманности и цивилизаціи всегда еще производятъ“. „Какъ будто изъ той же Англіи,—прибавляетъ онъ со злостью,—не проповѣдывали во время крымской войны, что мы должны взяться за оружіе для защиты цивилизаціи, поддержавъ турокъ! И тогда это тоже производило впечатлѣніе на сентиментальныя нѣмецкія души“.

Но тотъ же черствый умъ, когда военные требуютъ продолженія войны съ Австріей или въ 1875 г., готовы пустить кровь Франціи, чтобы не дать ей подняться, рѣшительно возстаетъ противъ злоупотребленія военной славой, какъ и противъ теоріи предупредительныхъ войнъ. „Въ продолженіе 20 лѣтъ,—заявляетъ онъ,—я постоянно боролся съ этой теоріей, будучи убѣжденъ, что и за успѣшныя войны можно взять отвѣтственность лишь въ томъ случаѣ, если онѣ намъ навязаны. *Нельзя такъ заглядывать судьбѣ въ карты*, чтобы заранѣе опредѣлить историческое развитіе. Въ арміи естественно долженъ господствовать воинственный духъ, но удержать его въ предѣлахъ, указываемыхъ потребностью народовъ въ мирѣ, составляетъ задачу стоящаго во главѣ страны политика“. Для осуществленія этого верховенства гражданскаго авторитета, какъ сказали бы теперь въ виду новѣйшихъ событій во Франціи, Бисмарку пришлось употребить гораздо больше усилій, чѣмъ объ этомъ знали при его жизни. Сцены, происходившія въ Никольсбургѣ, и столкновенія съ „полу-

богами" генеральнаго штаба во время франко-прусской войны, когда отъ вершителя судебъ народа скрывали военные планы, и ему многое удавалось узнать только черезъ корреспондента „Times",—принадлежатъ къ удивительнѣйшимъ разоблаченіямъ въ мемуарахъ. Однако мы не на нихъ имѣли въ виду остановиться: насъ интересуютъ идеи Бисмарка, или то, что составляло у него результатъ—не любви къ добру и ненависти ко злу, а внимательнаго изученія жизни и ея реальныхъ силъ. Какъ онъ самъ выражается въ своихъ мемуарахъ о главнѣйшихъ вопросахъ государственнаго управленія? Бисмаркъ, какъ мы видѣли, ставитъ этотъ вопросъ съ первыхъ же строкъ своихъ воспоминаній, возражая противъ наслѣдственности приписываемыхъ ему консервативныхъ убѣжденій. Еще подробнѣе онъ развиваетъ свои мысли въ послѣдующемъ изложеніи, касаясь своей борьбы съ консервативной партіей, интригъ и парламентскихъ партій. Приведу одно чрезвычайно характерное мѣсто изъ 1-й главы.

„Неограниченный авторитетъ старой прусской королевской власти не былъ и не есть послѣднее слово моего убѣжденія. Правда, на первомъ соединенномъ ландтагѣ я отстаивалъ его, но потому, что онъ былъ постановленіемъ тогдашняго государственнаго права, и оттого, что у меня было желаніе и надежда, что неограниченная власть короля сама, безъ потрясеній, опредѣлитъ мѣру своего ограниченія. Абсолютизмъ прежде всего требуетъ безпристрастія, честности, вѣрности долгу, трудолюбія и внутренней скромности со стороны правящаго; но если даже эти качества на лицо, то мужскіе и женскіе фавориты, въ лучшемъ случаѣ законная жена, собственное тщеславіе и чувствительность къ лести, уменьшатъ государству плоды королевскаго благожеланія, такъ какъ монархъ не всевѣдущъ и не обладаетъ равнымъ пониманіемъ всѣхъ отраслей своего призванія. Уже въ 1847 г., я былъ за предоставленіе возможности критики дѣйствій правительства въ парламентѣ и въ печати, чтобы этимъ предохранить монарха отъ опасности — дать себѣ наложить наглазники, которыми женщины, придворные, карьеристы и фантазеры мѣшаютъ ему обозрѣть свои задачи, избѣгать ошибокъ или поправлять ихъ. Это мое мнѣніе еще болѣе укрѣпилось послѣ того, какъ я ближе познакомился съ придворными кругами и вынужденъ былъ защищать противъ ихъ теченій и противъ оппозиціи патріотизма отдѣльныхъ вѣдомствъ (Ressortpatriotismus) общіе интересы государства. Только послѣдніе руководили мною, и это клевета, когда даже расположенные ко мнѣ публицисты обвиняютъ меня въ томъ, что я выступалъ за дворянскій режимъ.

Воспоминаніе о привилегіяхъ дворянства никогда не было исходнымъ пунктомъ моей внутренней политики. Благородство рожденія для меня никогда не замѣняло способностей; если я выступалъ за землевладѣніе, то не въ интересахъ сословно-владѣльческихъ, но потому, что въ упадкѣ сельскаго хозяйства я вижу великую опасность для государства. Моимъ идеаломъ всегда была монархическая власть, которая настолько находилась бы подъ контролемъ независимаго,—какъ мнѣ думается, лучше всего—выбраннаго по сословіямъ или профессіямъ парламента, что ни король, ни парламентъ, односторонне не могли бы измѣнять существующаго правового порядка, а только—communi consensu, и притомъ при публичности и свободной критикѣ всѣхъ государственныхъ явленій въ печати и ландтагѣ".

Ни абсолютизмъ, ни парламентаризмъ: такова формула, въ которой можно кратко выразить политическія идеи Бисмарка. Оба несовмѣстимы съ задачами управленія государствомъ, оба въ конечномъ выводѣ ведутъ къ потрясенію, тогда какъ сущность управленія состоитъ въ предоставленіи живымъ силамъ націи возможности найти себѣ исходъ, не колебля устойчивости государственнаго организма. Абсолютныхъ политическихъ формулъ онъ не признаетъ и сравниваетъ политику съ религіей. Роялистъ ничего другого не противопоставляетъ республиканцу, консерваторъ либералу, какъ то, что послѣдователи различныхъ церквей приводятъ другъ противъ друга: *моя* вѣра угодна Богу, твоя—нѣтъ! Каждая партія приходитъ въ затрудненіе, когда ей предлагаютъ точно формулировать отличительныя черты ея собственныхъ убѣжденій и убѣжденій сосѣднихъ партій.

Вы чувствуете, читая отзывы Бисмарка о партіяхъ въ его отечествѣ, что онъ еще переживаетъ впечатлѣнія отъ упорной борьбы, которую ему приходилось вести въ парламентѣ, забывая при этомъ, что чаще, чѣмъ какая-либо партія, онъ самъ требовалъ отъ другихъ, чтобы признавали, что его вѣра—истинная. Иначе трудно объяснить, что столь сильный умъ не въ состояніи замѣтить очевиднаго преувеличенія въ своемъ утвержденіи, будто нѣтъ страны, гдѣ злоупотребленія партійной страсти и деспотизмъ парламентскихъ „кондотьери" встрѣчали бы такъ мало препятствій въ любви къ отечеству, какъ въ Германіи. Онъ готовъ даже еще обобщать это явленіе и признать его отличительной чертой нѣмецкой партіи. „Замѣчаніе, которое Плутархъ вкладываетъ въ уста Цезарю:—лучше быть первымъ въ послѣдней деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ,—считаютъ вымышленнымъ, но на меня оно всегда производило впечатлѣніе

истинно нѣмецкой мысли. Слишкомъ многіе изъ насъ поступаютъ такимъ образомъ въ общественной жизни и ищутъ деревушку, а если географически ея нельзя найти, то фракцію, подъфракцію или даже coterie, гдѣ бы они были первыми". Несмотря однако на всю ненависть къ своимъ оппонентамъ, Бисмаркъ, не колеблясь, отвѣчаетъ тѣмъ, которые обвиняютъ его въ симпатіяхъ къ „ancien régime": это было бы еще хуже; не говоря уже о томъ, что надолго возстановленіе стараго порядка невозможно. Вмѣсто зависимости отъ парламента, наступила бы зависимость отъ невѣжественныхъ шептуновъ. „Абсолютизмъ былъ бы идеальнымъ образомъ правленія для европейскихъ государствъ, если бы король и его чиновники не оставались людьми, какъ всѣ прочіе, которымъ не дано управлять съ сверхъ-человѣческими знаніями, пониманіемъ и справедливостью. Монархія нуждается въ критикѣ, въ которой заключается указаніе правильнаго пути. Критика возможна лишь при свободѣ печати и черезъ парламенты въ современномъ смыслѣ. Эти средства могутъ, правда, притупиться и потерять свое значеніе при злоупотребленіи"... Государственное устройство должно заключать въ себѣ гарантіи противъ вмѣшательства камарильи въ управленіе, но въ то же время не должно ставить министра, доказавшаго, что онъ понимаетъ нужды страны, въ зависимость отъ случайнаго голосованія парламента. „Контроль надъ правительствомъ необходимъ, но онъ самъ не долженъ стать господствующимъ факторомъ въ странѣ". Гдѣ же границы и что̀ нужно сдѣлать для достиженія равновѣсія? Бисмаркъ на это отвѣчаетъ, какъ оракулъ: „Это дѣло политическаго такта и глазомѣра"!

То же самое, впрочемъ, испытаютъ дипломаты, которые конечно съ величайшимъ интересомъ прочтутъ воспоминанія и мысли Бисмарка, касающіяся событій его внѣшней политики; если у кого-нибудь изъ нихъ возникло бы желаніе воспользоваться его опытомъ для практической политики, то результатъ будетъ, вѣроятно, еще болѣе отрицательный, чѣмъ въ практикѣ государственнаго права. Въ европейской политикѣ,—замѣчаетъ Бисмаркъ въ главѣ о тройственномъ союзѣ,—стратегическія положенія зависятъ отъ условій, потребности и настроенія даннаго времени; прочныхъ фундаментовъ, вѣчныхъ истинъ не существуетъ. Наиболѣе остроумные дипломаты, можетъ быть, переживутъ послѣ чтенія мемуаровъ чувства, похожія на тѣ, которыя ученикъ въ Фаустѣ, когда онъ сталъ зрѣлымъ человѣкомъ, долженъ былъ испытать, перечитывая записанныя въ его памятной книгѣ рукой Мефистофеля слова: „Eritis sicut Deus, scien-

tes bonum et malum". Вкусивъ отъ этого древа познанія, маленькіе Бисмарки замѣтятъ—собственную наготу.

Какъ и при жизни, Бисмаркъ за гробомъ оказывается послѣдовательнымъ ненавистникомъ человѣческой глупости и слабостей. На всемъ пространствѣ мемуаровъ трудно найти дѣйствительно симпатичное и крупное лицо,—кромѣ него самого... Правда, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ въ жизни, когда онъ кого-нибудь хвалилъ, ему приходилось о томъ сожалѣть, хотя похвала всегда содержала въ себѣ частицу ироніи. Приведу примѣръ. Однажды Фридрихъ-Вильгельмъ IV спросилъ Бисмарка въ ироническомъ тонѣ, вѣроятно вызванномъ тѣмъ, что его первая поѣздка въ Парижъ вызвала тогда недовольство берлинскаго двора:—какъ ему понравился Луи Наполеонъ?—„Это умный и любезный человѣкъ,—отвѣтилъ Бисмаркъ,—но значеніе его все-таки очень преувеличиваютъ; вообще люди напрасно думаютъ, что если въ восточной Азіи не вô-время выпалъ дождь, то это нужно объяснить злонамѣренными махинаціями императора французовъ. У насъ, въ особенности,—прибавилъ Бисмаркъ,—привыкли представлять его себѣ геніемъ зла, занятымъ лишь тѣмъ, какъ бы натворить побольше бѣдъ на свѣтѣ. Я же думаю, что онъ радъ, если можетъ спокойно наслаждаться добромъ. Его умъ преувеличиваютъ на счетъ его сердца; на самомъ же дѣлѣ онъ добродушный и необыкновенно благодарный человѣкъ". Король разсмѣялся непріятнымъ для Бисмарка смѣхомъ.—„Позвольте мнѣ, ваше величество, отгадать ваши мысли?"—спросилъ онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: „Однажды генералъ Каницъ читалъ въ военной академіи лекцію о походахъ Наполеона. Любознательный молодой офицеръ спрашиваетъ его послѣ одной лекціи, почему Наполеонъ не предпринялъ такихъ-то движеній?—Видите ли,—отвѣчаетъ Каницъ,—этотъ самый Наполеонъ былъ славный малый, ein seelensguter Kerl, aber dumm, dumm!—Боюсь, что мысли вашего величества обо мнѣ похожи на мысли генерала Каница о Наполеонѣ"... Король опять расхохотался, но уже безъ ироніи; королева дала ему понять свою антипатію обычнымъ придворнымъ средствомъ Этотъ анекдотъ возникаетъ въ памяти читателя каждый разъ, когда на сцену мемуаровъ появляется новая фигура.

Цѣлая галерея государственныхъ и „т.-наз. государственныхъ" людей проходитъ предъ нашими глазами на 700 страницахъ: ярко начерченные портреты, иногда только „моментъ-фотографія", или въ нѣсколькихъ штрихахъ набросанный силуэтъ, порою каррикатура, но „dumm, dumm!"—звучитъ какъ надпись почти

на каждомъ портретѣ, и если случайно это не дуракъ, то непремѣнно интриганъ. Роонъ, которому Бисмаркъ обязанъ своимъ сближеніемъ съ Вильгельмомъ, ограниченъ, и подъ-конецъ собираетъ у себя заговорщиковъ противъ всемогущаго канцлера. Мольтке—великій стратегъ, но чѣмъ бы онъ былъ безъ его дипломатіи? „Ему бы вѣроятно никогда не удалось вынуть шпаги изъ ноженъ". О сердечности въ отношеніяхъ людей, которыхъ благодарные патріоты привыкли называть однимъ духомъ, рѣчи нѣтъ. Изъ дипломатовъ онъ имѣлъ двухъ дѣйствительно способныхъ помощниковъ, фонъ-деръ-Гольтца и Гарри Арнима, но „оба они поступили съ нимъ сами, какъ Ансельмо съ Иглано въ извѣстномъ стихотвореніи Шамиссо". Чтò для искреннихъ поклонниковъ замѣчательнаго человѣка особенно грустно,—они узнаютъ изъ его мемуаровъ, что онъ никогда не довѣрялъ ихъ искренности, считая, что при удобномъ случаѣ и эти поклонники не прочь были устранить его и занять его мѣсто. На что уже націоналъ-либералы—они отдали ему свои таланты, знанія и личныя симпатіи, но за гробомъ онъ не только потѣшается надъ наивностью Беннигсена, ставившаго условія для своего вступленія въ министерство, когда уже и рѣчи не было ни о какомъ націоналъ-либеральномъ министрѣ, но бросаетъ ему и его товарищамъ упреки въ томъ, что они за его спиной конспирировали съ клерикалами и придворными интриганами. Всѣ они—condottieri, съ бòльшимъ или мѐньшимъ запасомъ недобросовѣстности. „Прижать ихъ къ стѣнѣ, чтобы они запищали"—этого онъ не говорилъ, на то онъ слишкомъ хорошо воспитанъ, да и не любитъ онъ красть чужія фразы, но не понимаетъ, почему націоналъ-либералы приписываютъ себѣ особыя заслуги: каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ хотѣли только проводить свои личные и партійные интересы. Вѣроятно, они были бы на министерскихъ постахъ не хуже и не лучше тѣхъ креатуръ, которыхъ онъ поднялъ изъ ничтожества, но изъ которыхъ никто не имѣлъ потомъ мужества поднять за него свой голосъ или объявить себя съ нимъ солидарными. Они, наоборотъ, почувствовали облегченіе, когда не стало давленія его сильной руки, не вмѣшивавшейся, правда, въ мелочи бюрократіи, но не допускавшей „вѣдомственнаго патріотизма", который обыкновенно выражается въ излишней регламентаціи и непониманіи главныхъ интересовъ страны.

На темномъ фонѣ этой картины, испещренной лиллипутами, интриганами, честолюбивыми женщинами и неспособными сотрудниками, тѣмъ ярче выдѣляется колоссальная фигура—„его".

Но во всемъ изложеніи нѣтъ ни капли декламаціи, все разсказано просто, остроумно, по большей части въ тонѣ скромной бесѣды, и тѣмъ не менѣе, благодаря замѣчательному литературному таланту, въ умѣ и чувствѣ читателя создается то, что требовалось доказать: впечатлѣніе почти сверхъестественнаго вліянія человѣка на судьбу народа. Однако и менѣе склонный къ удивленію читатель не можетъ не залюбоваться этой поразительной силой воли и ума, дающей одному возможность устоять въ борьбѣ почти противъ всѣхъ: противъ общественнаго мнѣнія, возбужденнаго внутреннимъ конфликтомъ, противъ политиковъ, несогласныхъ съ объединеніемъ Германіи безъ Австріи, противъ короля, боящагося рѣшительныхъ поступковъ и не подозрѣвающаго, куда должны вести пути, на которые толкаетъ его министръ. Имѣя противъ себя большую часть Европы, онъ искалъ бы опоры въ общественномъ мнѣніи собственной страны, готовый, какъ всегда, въ рѣшительныхъ вопросахъ своей государственной дѣятельности, подчинить второстепенное главному, но это лишило бы его довѣрія короны, и онъ продолжаетъ войну внутри, въ то время, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ совершаются величайшія событія. Только послѣ Кенигсгреца ему наконецъ удается добиться внутренняго мира. Уже большая часть жизни отдана борьбѣ, силы падаютъ, а впереди еще другія гигантскія задачи, не имъ поставленныя, но имъ разрѣшенныя. Едва одно дѣло сдѣлано, какъ возникаетъ другое, третье, одно сложнѣе другого!

Зато онъ счастливъ удивленіемъ міра, внѣшнимъ блескомъ, сознаніемъ своей силы! Какъ Вагнеръ Фауста, милліоны людей говорятъ ему:

Welch ein Gefühl musst du, o grosser Mann,
Bei der Verehrung dieser Menge haben!
O glücklich, wer von seinen Gaben
Solch einen Vortheil ziehen kann!

Но „великій человѣкъ“ отвѣчаетъ презрительно:—счастье?! я его никогда въ жизни не зналъ. Работа до истощенія силъ, и за нее награда—человѣческая неблагодарность, враги, интриги со всѣхъ сторонъ!.. Чѣмъ больше развивалась нетерпимость его самого къ чужому мнѣнію, тѣмъ сильнѣе онъ ощущалъ всякую самостоятельность—какъ личное оскорбленіе, всякій талантъ—какъ угрозу себѣ. Не только въ томъ исключительно возбужденномъ, негодующемъ настроеніи, въ которомъ онъ диктовалъ свои воспоминанія, но и будучи еще на вершинѣ славы, Бисмаркъ

не испыталъ счастья отъ успѣха. Изъ мемуаровъ мы, однако, еще узнаемъ, что „желѣзному человѣку" приходилось переживать сомнѣнія въ себѣ самомъ, несравненно болѣе сильныя страданія, чѣмъ всѣ удары враговъ. Онъ выражаетъ это безъ громкихъ словъ, но, читая эти строки, вы чувствуете въ нихъ трагедію замѣчательнаго человѣка. Приведемъ ихъ дословно:

„Естественно, что при безпокойномъ, иногда бурномъ развитіи нашей политики не всегда съ увѣренностью можно было предвидѣть, ведетъ ли путь, по которому я шелъ, къ намѣченной цѣли. Тѣмъ не менѣе, я былъ вынужденъ такъ поступать, какъ будто съ полной ясностью предвидѣлъ грядущія событія и вліяніе, которое на нихъ оказываютъ принятыя мною рѣшенія. Для министра, у котораго всѣ сомнѣнія разрѣшены, какъ только онъ покрылся королевской подписью или парламентскимъ большинствомъ, вопросъ о томъ, вѣрно ли руководятъ имъ собственный взглядъ и политическій инстинктъ, почти не играетъ роли; такого министра можно сравнить съ католикомъ, получившимъ отпущеніе грѣховъ; болѣе протестантскій вопросъ: владѣетъ ли онъ отпущеніемъ собственной совѣсти, его не безпокоитъ. На министра же, *совершенно отождествляющаго свою честь съ честью страны*, неизвѣстность успѣха каждой политической мѣры оказываетъ разрушающее дѣйствіе; для проведенія всякой мѣры нужно время; а какъ, между тѣмъ, сложатся политическія условія, это такъ же мало можно съ увѣренностью предсказать, какъ при нашемъ климатѣ—погоду въ ближайшіе дни. Но, тѣмъ не менѣе, мы вынуждены принимать наши рѣшенія, какъ будто мы заранѣе все знаемъ. Нерѣдко это происходитъ въ борьбѣ противъ всѣхъ вліяній, которымъ привыкъ придавать значеніе (Бисмаркъ цитируетъ примѣръ Никольсбурга). Для каждаго добросовѣстнаго и имѣющаго чувство чести человѣка чрезвычайно тяжело углубляться въ вопросы: вѣрно ли принятое имъ рѣшеніе, хорошо ли онъ дѣлаетъ, отстаивая и проводя мнѣнія, которыя ему кажутся справедливыми, хотя имѣютъ за себя только слабыя посылки? И это чувство усиливается еще отъ того, что проходитъ много времени, иногда много лѣтъ, прежде чѣмъ въ политикѣ можно убѣдиться, осуществлено ли то, чего мы желали и что̀ мы сдѣлали? Не работа подтачиваетъ, а сомнѣнія и заботы, чувство чести и сознаніе отвѣтственности, безъ другой опоры, кромѣ собственнаго убѣжденія и собственной воли, какъ это рѣзче и сильнѣе всего бываетъ въ самыхъ серьезныхъ кризисахъ".

Эпиграфомъ къ мемуарамъ Бисмарка можно поставить слегка

измѣненную цитату изъ Горація, которою президентъ рейхстага въ своемъ словѣ о первомъ канцлерѣ опредѣлилъ его право на благодарность отечества: quis tot sustinuit, quis tanta negotia solus! Не политическое завѣщаніе потомкамъ лежитъ предъ нами въ двухъ пока вышедшихъ томахъ (третій, какъ увѣряютъ, готовъ въ печати, но появится въ свѣтъ только черезъ нѣсколько лѣтъ), и едва-ли ихъ можно сравнивать съ хранящимися въ прусскихъ архивахъ завѣщаніями Фридриха Великаго. Въ намѣренія автора „Мыслей и воспоминаній" не входило преподать совѣтъ эпигонамъ: онъ хотѣлъ оставить Германіи память о *своихъ* заслугахъ и *своихъ* дѣяніяхъ, такую, какъ онъ самъ ее понималъ и переживалъ, оглядываясь на свое замѣчательное прошлое и боясь, чтобы зависть и неблагодарность не уничтожили историческаго смысла его жизни. А исторія Германіи 1862—1890 гг. въ его глазахъ—„tanta negotia... solus"!

Г. Іоллосъ.

Берлинъ, 6 (18) декабря 1898 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1899.

Законность въ началѣ и въ концѣ вѣка.—„Свободное толкованіе" закона и его игнорированіе.—Разъясненія закона, равносильныя его измѣненію или дополненію.—Размѣры печатнаго листа и безцензурная печать.—Нѣсколько словъ о провинціальной прессѣ.—Окончаніе „Записокъ земскаго начальника".—Полемика о всесословномъ приходѣ.—Мѣстная сельско-хозяйственная организація министерства земледѣлія.—Пониженіе платежей крестьянскому банку.

Если на рубежѣ между двумя годами всегда является потребность подвести итоги достигнутому и ожидаемому, то съ особенною силой она чувствуется теперь, когда, съ приближеніемъ новаго столѣтія, мысль невольно проникаетъ дальше и въ прошедшее, и въ будущее. Вспоминается не только пережитое въ послѣднее время, но и многое изъ жизни поколѣній, давно сошедшихъ со сцены; дѣлаются попытки приподнять завѣсу не только съ завтрашняго дня, но и съ надвигающейся эпохи. Нельзя сказать, чтобы результатъ этой умственной работы былъ особенно утѣшителенъ. Въ началѣ XIX-го вѣка существовало уже правило, выраженное теперь въ ст. 47 т. I ч. I Св. Зак.: „Имперія россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ". Не было тогда недостатка и въ авторитетныхъ заявленіяхъ, подтверждавшихъ это основное начало правового государственнаго строя. Императоръ Александръ I-й, вступая на престолъ, объявилъ о намѣреніи своемъ управлять народомъ *по законамъ* и по сердцу императрицы Екатерины II. Манифестъ 8-го сентября 1802 года поручилъ сенату—„разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и *по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями* дѣлать свои заключенія и представлять докладомъ Государю". Принципъ законности въ высшемъ управленіи былъ, такимъ образомъ, провозглашенъ совершенно опредѣленно, а отсюда вытекала сама собою обязательность

его для управленія подчиненнаго. Въ дѣйствительности, однако, осуществленіе принципа встрѣчало непреодолимыя препятствія; достаточно назвать хаотическое состояніе некодифицированнаго законодательства, продажность и невѣжество чиновниковъ, безправіе и поголовную безграмотность народной массы, слабое развитіе литературы, отсутствіе другихъ органовъ общественнаго мнѣнія. Мало-по-малу, на протяженіи цѣлаго вѣка, эти препятствія смягчаются или исчезаютъ: издается Сводъ Законовъ, падаетъ крѣпостное право, судебная реформа кладетъ конецъ систематическому взяточничеству, народная школа становится просвѣтительной силой, голосъ общества начинаетъ звучать, хотя и глухо, въ земскихъ собраніяхъ и въ періодической печати. И что̀ же? Обладаемъ ли мы теперь реально всѣмъ тѣмъ благомъ, которое номинально принадлежало уже нашимъ предкамъ? Другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго, на этотъ вопросъ быть не можетъ. А между тѣмъ, законность—только одно изъ условій правильной государственной и общественной жизни; еще болѣе важными, чѣмъ гарантія точнаго исполненія закона, слѣдуетъ признать гарантію его нормальнаго развитія. Гдѣ нѣтъ на лицо первыхъ, тамъ трудно мечтать о послѣднихъ. Ограниченность правъ всегда идетъ рука объ руку съ ихъ необезпеченностью — и. наоборотъ, увѣренность въ пріобрѣтенномъ служитъ залогомъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, конецъ вѣка съ его началомъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что разница между ними заключается не столько въ степени твердости самыхъ нормъ, опредѣляющихъ отношеніе гражданъ къ государству, сколько въ степени распространенности сознанія, что этимъ нормамъ *должна быть свойственна твердость*. Едва зарождавшееся въ моментъ воцаренія императора Александра І-го, это сознаніе переходитъ въ XX-й вѣкъ сильно выросшимъ въ ширину и глубину, затронувшимъ такія сферы, которымъ оно недавно было еще совершенно чуждо. Значеніе законности одними чувствуется инстинктивно, другими понимается ясно—а отрицаютъ его, и то не вполнѣ послѣдовательно и откровенно, лишь самые закоренѣлые ревнители вымирающихъ традицій. Подъ знаменемъ законности соединяются мнѣнія и группы, во многомъ другомъ существенно несогласныя между собою—соединяются именно въ виду *элементарности* этого блага, для всѣхъ одинаково необходимаго и всему служащаго основой и опорой.

Чѣмъ чаще законность оспаривается въ теоріи и игнорируется или нарушается на практикѣ, тѣмъ важнѣе ея поддержка путемъ печати. Большое сочувствіе возбудила въ насъ, поэтому, программа юридической (еженедѣльной) газеты: „Право“,—недавно основанной въ Петербургѣ кружкомъ много обѣщающихъ молодыхъ ученыхъ.

„Нашъ принципъ,—читаемъ мы въ первой руководящей статьѣ новой газеты,—законность, въ тѣсной и неразрывной связи съ совершенствованіемъ права путемъ законодательныхъ реформъ... Если въ практическомъ своемъ осуществленіи законъ сохраняетъ объективный характеръ, если онъ примѣняется *однимъ, какъ другимъ, къ одному, какъ къ другому* (курсивъ въ подлинникѣ), мы говоримъ, что въ судѣ и въ администраціи господствуетъ законность; въ противномъ случаѣ юридическая жизнь народа, подъ прикрытіемъ закона, опредѣляется усмотрѣніемъ судящихъ и правящихъ лицъ“. Безусловно соглашаясь съ этими основными положеніями, мы не можемъ принять безъ оговорокъ дальнѣйшую аргументацію „Права“. Главную угрозу для законности газета усматриваетъ въ направленіи, девизомъ котораго служитъ „свободное отношеніе къ закону“, основанное на сознаніи несовершенствъ закона и на стремленіи приспособить его къ жизни. По словамъ „Права“, теорія свободнаго толкованія закона „неотразимо привлекательна“ тѣмъ, что она „предлагаетъ вѣрное средство устранить или смягчить существенные недостатки положительнаго права“. Именно потому она „такъ опасна, борьба съ нею такъ трудна; прежде чѣмъ побѣдить ее въ другихъ, каждый изъ насъ долженъ побѣдить ее въ самомъ себѣ“. А между тѣмъ, „свободное толкованіе“ является „прямымъ отрицаніемъ начала законности“; въ примѣненіе закона оно „вноситъ субъективизмъ, другими словами—превращаетъ законъ въ произволъ“. Противъ такого „свободнаго толкованія“ и намѣрена бороться новая газета, находя, что „сплошь и рядомъ произволъ, прикрытый благородствомъ мотивовъ, обращаетъ право въ орудіе политическихъ и личныхъ страстей“. Намъ кажется, что здѣсь нѣсколько преувеличена одна опасность—и оставлена въ сторонѣ другая, гораздо болѣе серьезная. Чтобы не быть „*буквальнымъ*“, т.-е. болѣе внимательнымъ къ словамъ, чѣмъ къ внутреннему смыслу, толкованіе закона не только можетъ, но и должно быть въ значительной степени *свободнымъ*. Недостаткомъ или злоупотребленіемъ свобода толкованія становится лишь тогда, когда идетъ прямо въ разрѣзъ съ цѣлью и назначеніемъ закона. Это—вопросъ мѣры, а не принципа. Абсолютно объективнымъ законъ остается только до тѣхъ поръ, пока онъ не соприкасается съ жизнью; въ его *примѣненіе*, если оно не ограничивается чисто-механическимъ подведеніемъ отдѣльныхъ фактовъ подъ общее правило, неизбѣжно вносится нѣкоторая доля субъективизма. Нельзя ни ожидать, ни требовать, чтобы законъ примѣнялся *однимъ, какъ другимъ*—нельзя уже потому, что примѣненіе закона зависитъ отъ его *пониманія*, а пониманіе, въ свою очередь, обусловливается, отчасти, личными свойствами понимающаго. Возможность одинаково добросовѣстныхъ, но существенно различныхъ

или даже противоположныхъ толкованій признается и законодательствами, и нравами: законодательствами—потому что иначе судья, рѣшеніе котораго отмѣнено высшей инстанціей, подлежалъ бы отвѣтственности какъ за неправосудіе; *нравами*—потому что иначе изъ двухъ тяжущихся—и, тѣмъ болѣе, изъ двухъ спорящихъ между собою профессіональныхъ адвокатовъ—одинъ непремѣнно навлекалъ бы на себя суровое осужденіе общественнаго мнѣнія. Другое дѣло — второй признакъ законности, установляемый „Правомъ": примѣненіе законовъ *къ однимъ, какъ къ другимъ*, т.-е. не взирая ни на обстоятельства, ни на лица. Гдѣ его нѣтъ, тамъ, дѣйствительно, не можетъ быть и рѣчи о господствѣ законности; но съ существованіемъ его вполнѣ совмѣстно „свободное толкованіе" закона, такъ какъ свобода,—конечно, свобода разумная, не переходящая въ произволъ,—не исключаетъ ни твердости, ни постоянства юридическихъ нормъ.

Допустимъ, однако, что подъ „свободнымъ толкованіемъ" закона „Право" разумѣетъ только свободу кривотолковъ и явныхъ искаженій. Безспорно, такая свобода крайне опасна, даже при наилучшихъ намѣреніяхъ—а наилучшими или хотя бы просто хорошими они бываютъ далеко не всегда; рѣже всего „вольное обращеніе" съ закономъ вызывается у насъ именно „сознаніемъ несовершенствъ закона" и желаніемъ ихъ исправить. И все-таки не здѣсь, думается намъ, лежитъ настоящій узелъ вопроса. Препятствуетъ водворенію законности въ Россіи не столько „свободное", въ вышеуказанномъ смыслѣ, толкованіе закона, сколько возможность дѣйствовать помимо или внѣ закона. Нормы, соединяющія въ себѣ всѣ существенные признаки закона—общность, общеобязательность, безсрочность,—далеко не всегда установляются тѣмъ путемъ, которымъ, въ силу законовъ основныхъ, должна идти всякая законодательная работа. Существуютъ, съ другой стороны, законы формально не отмѣненные, но фактически не примѣняемые и потерявшіе, вслѣдствіе этого, всякое значеніе. Во многихъ случаяхъ сила закона парализуется или ограничивается обстановкой, затрудняющею осуществленіе или возстановленіе права. Постоянно, наконецъ, расширяется сфера, въ которой, въ силу самаго закона, господствуетъ усмотрѣніе. Все это, вмѣстѣ взятое, колеблетъ понятіе о законности въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ самыя смѣлыя попытки „свободнаго толкованія", оправдываемаго несовершенствами закона. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, вопросъ о предѣлахъ дѣйствія Положенія 14 августа 1881 г. (объ усиленной и чрезвычайной охранѣ). Положеніе это принадлежитъ къ числу тѣхъ экстраординарныхъ мѣръ, которыя, переживая вызвавшія ихъ экстраординарныя обстоятельства, приводятъ къ одновременному существованію двухъ порядковъ—законнаго и внѣ-законнаго. Являясь, сами по себѣ,

исключеніемъ изъ общаго правила, такія мѣры должны быть понимаемы и примѣняемы въ возможно-узкомъ, рестриктивномъ смыслѣ, безъ всякаго распространенія ихъ за границы, намѣчаемыя ихъ основною цѣлью. Положеніе 14 августа 1881 г. направлено всецѣло противъ злоумышленій, угрожающихъ государственному порядку и общественной безопасности; его значеніе и назначеніе—чисто политическое. Къ лицамъ, не имѣющимъ политически-преступныхъ намѣреній, оно примѣнимо лишь настолько, насколько дѣйствія ихъ (или упущенія) могутъ, помимо ихъ воли, способствовать политическимъ преступленіямъ [1]). Между тѣмъ, Положеніе 14 августа весьма скоро стало служить формальной точкой опоры для изданія такихъ обязательныхъ постановленій, которыя не имѣли ничего общаго съ охраненіемъ государственнаго порядка и общественной безопасности—а затѣмъ и для наложенія взысканій на нарушителей подобныхъ постановленій и вообще на людей, ни прямо, ни косвенно, не погрѣшившихъ противъ требованій высшей политической полиціи. Усмотрѣть въ этомъ одно изъ тѣхъ „свободныхъ толкованій", противъ которыхъ возстаетъ „Право", можно развѣ съ большой натяжкой, какъ потому, что примѣненіе правилъ объ усиленной охранѣ къ гражданскимъ бытовымъ отношеніямъ не имѣетъ рѣшительно *никакихъ* юридическихъ основаній, такъ и потому, что оно ведетъ вовсе не къ „поправкѣ" закона, а наоборотъ, къ обостренію неудобствъ, сопряженныхъ со всякою исключительною мѣрою. Предположимъ, однако, что здѣсь было именно и только *толкованіе*, ошибочное, черезчуръ вольное, но не сходившее съ интерпретаціонной почвы. Сохранять этотъ характеръ оно могло, во всякомъ случаѣ, лишь до тѣхъ поръ, пока противъ него не высказалось высшее учрежденіе въ имперіи. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ жалобу купца Келлера на бывшаго с.-петербургскаго градоначальника, нашелъ, что какъ изъ Именного Высочайшаго указа 4 сентября 1881 г. (при которомъ распубликовано Положеніе 14 августа), такъ и изъ общаго смысла Положенія съ совершенною ясностью опредѣляется цѣль его изданія: „предоставить властямъ, стоящимъ на стражѣ общественнаго порядка, особыя полномочія для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы; посему только эту цѣль и надлежитъ имѣть въ виду при примѣненіи Положенія на практикѣ". Исходя изъ этихъ соображеній, Государственный Совѣтъ отмѣнилъ распоряженіе о высылкѣ купца Келлера изъ столицы, такъ какъ оно „сдѣлано не въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности, а вслѣдствіе свѣденій о сомни-

[1]) Этотъ тезисъ, едва ли допускающій возможность спора, подробно развитъ нами въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ обозрѣній („Вѣстн. Европы" 1895 г., № 1, стр. 385—8).

тельной нравственности Келлера и подозрѣнія въ совершеніи имъ такихъ дѣяній, которыя могли бы дать поводъ къ возбужденію противъ него преслѣдованія лишь въ общемъ порядкѣ". Такое постановленіе могло состояться лишь потому, что жалобы на *незаконность* административныхъ распоряженій, основанныхъ на Положеніи 14 августа 1881 г., были признаны Государственнымъ Совѣтомъ подлежащими разсмотрѣнію прав. сената (по отношенію къ которому высшую инстанцію, въ извѣстныхъ случаяхъ, составляетъ Государственный Совѣтъ). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 7 декабря 1895 года, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшемуся по соглашеніи съ министромъ юстиціи, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, разъяснившее: 1) что жалобы на распоряженія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, основанныя на Положеніи 14 августа, не подлежатъ разсмотрѣнію внѣ порядка, опредѣленнаго въ ст. 1 и 2 Положенія (т.-е. не подвѣдомственны сенату), и 2) что при обсужденіи означенныхъ жалобъ должны быть принимаемы въ соображеніе послужившія основаніемъ къ принятію обжалованной мѣры данныя о политической неблагонадежности лица, коего мѣра сія касается, *или о той опасности, которую оно представляетъ для общественнаго спокойствія, вслѣдствіе порочнаго своего поведенія*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это *„разъясненіе"* Положенія 14 августа было, въ сущности, его *измѣненіемъ* или *дополненіемъ*, [1]) подлежавшимъ предварительному разсмотрѣнію если не въ Государственномъ Совѣтѣ, то, по меньшей мѣрѣ, въ комитетѣ министровъ (черезъ который было проведено самое Положеніе 14 августа). Съ тѣхъ поръ прошло три года—и чрезвычайныя полномочія, присвоенныя администраціи сначала „толкованіемъ", затѣмъ „разъясненіемъ" Положенія 14 августа, остаются въ полной силѣ. Предполагалось, сначала, что они будутъ дѣйствовать недолго: министру внутреннихъ дѣлъ тогда же предоставлено было *безотлагательно* подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ. Начался ли такой пересмотръ—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ онъ не законченъ и едва ли близокъ къ окончанію. Это—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, когда въ оправданіе исключительной мѣры выставляется ея временной или, лучше сказать, *кратковременный* характеръ—а на самомъ дѣлѣ она оказывается весьма и весьма долгосрочной, переживая многіе изъ такъ называемыхъ постоянныхъ законовъ. Порядокъ, и самъ по себѣ уже внѣзаконный, усложняется, такимъ образомъ, дальнѣйшими уклоненіями отъ закона и, распространяясь въ ширь и въ глубь, оставляетъ все

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстн. Европы" за 1896 г., стр. 839—841.

меньше мѣста для законности, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Гдѣ она существуетъ не только по имени, тамъ каждый гражданинъ твердо увѣренъ по меньшей мѣрѣ въ одномъ: что онъ можетъ быть лишенъ свободы, ограниченъ въ правахъ и вообще привлеченъ къ отвѣтственности только за дѣянія (или упущенія) запрещенныя закономъ и только съ соблюденіемъ правилъ, закономъ установленныхъ. У насъ этой увѣренности нѣтъ—нѣтъ, слѣдовательно, одного изъ важнѣйшихъ условій правильной гражданской жизни. Отъ вынужденной перемѣны мѣста жительства, влекущей за собою вынужденную перемѣну всей житейской обстановки, не огражденъ и тотъ, кто не знаетъ и никогда не зналъ за собою никакой вины. Въ поступокъ, чуждый политической окраски, она можетъ быть привнесена тѣмъ легче, чѣмъ больше стѣснены средства оправданія и защиты. Цѣлая группа лицъ, мирно занимавшихся полезнымъ трудомъ и соединенныхъ между собою только общностью нравственнаго чувства, можетъ быть внезапно поставлена въ такія условія, при которыхъ крайне затруднительно даже самое скромное существованіе, даже пріисканіе средствъ жизни для себя и для своего семейства. Въ дѣлахъ несомнѣнно политическаго характера законъ, вмѣстѣ съ Положеніями 14 августа 1881 и 12 марта 1882 г. (о полицейскомъ надзорѣ), предоставляетъ администраціи принимать только *мѣры предосторожности*; между тѣмъ практика присоединяетъ къ нимъ административныя *кары*, доходящія до ссылки въ Сибирь и многолѣтняго заключенія въ тюрьмѣ [1]). Дознанія по этимъ дѣламъ не изъяты закономъ отъ соблюденія процессуальныхъ правилъ, установленныхъ въ огражденіе обвиняемаго; между тѣмъ, на практикѣ арестованные ожидаютъ иногда по нѣскольку недѣль перваго допроса, ничего не зная о причинахъ ареста [2]). Образуется, такимъ образомъ, цѣлая область, въ которую дѣйствіе закона не проникаетъ вовсе или проникаетъ въ существенно-измѣненномъ видѣ. О *судебномъ* разсмотрѣніи политическихъ дѣлъ въ послѣдніе годы ничего не слышно.

Въ такомъ же, приблизительно, внѣ-законномъ положеніи находится и русская печать. И здѣсь „временныя“ мѣры, принимаемыя не въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствуютъ много лѣтъ сряду, существенно ограничивая даже чисто-гражданскія, имущественныя права отдѣльныхъ лицъ; и здѣсь постоянно идетъ рѣчь о предстоящемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній, которому, однако, не предвидится пока не только конца, но и начала; и здѣсь практика не удовлетворяется даже широкимъ просторомъ, предоставленнымъ ей не-

---

1) См. Внут. Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстн. Европы“ за 1896 г., стр. 370—2.

2) См. Обществ. Хронику въ № 5 „Вѣстн. Европы“ за 1898 г., стр. 444—6.

опредѣленными, разновременными, мало согласованными между собою правилами. 1898-ой годъ, какъ и 1897-ой, былъ чрезвычайно неблагопріятенъ для свободнаго выраженія русской общественной мысли. Не говоря уже о множествѣ пріостановокъ, предостереженій, запрещеній розничной продажи и другихъ аналогичныхъ взысканій, постигающихъ журналы и газеты, эти два года отозвались очень тяжело и на не-періодической печати. Порядокъ вещей, существовавшій болѣе тридцати лѣтъ сряду и не вызывавшій ни сомнѣній, ни затрудненій, внезапно признается неправильнымъ и подвергается коренной передѣлкѣ, путемъ простыхъ административныхъ распоряженій. Освобождая отъ цензуры оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе десяти и переводы объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ (ст. 6 Уст. о ценз. и печати, основанная на законѣ 6-го апрѣля 1865-го года), законодатель несомнѣнно имѣлъ въ виду исключительно *размѣры* сочиненія. Небольшія и, слѣдовательно, дешевыя книги, могущія найти покупателей въ народѣ или во всѣхъ слояхъ читающей публики, признавались требующими болѣе дѣятельнаго надзора и бо́льшихъ мѣръ предосторожности, чѣмъ книги сравнительно обширныя и дорогія. Съ этой точки зрѣнія — еще раньше вызвавшей аналогичныя правила и во Франціи временъ реставраціи, и въ Пруссіи временъ Фридриха-Вильгельма IV-го, — совершенно безразлично, написана ли книга однимъ лицомъ или нѣсколькими, составляетъ ли она сборникъ статей одного и того же лица или различныхъ авторовъ. Если переводы были освобождены отъ цензуры лишь при вдвое бо́льшемъ числѣ листовъ, чѣмъ оригинальныя сочиненія, то это зависѣло, очевидно, лишь отъ сравнительной дешевизны переводовъ: вознагражденіе переводчика, по общему правилу, значительно ниже, чѣмъ вознагражденіе автора. Вопреки всѣмъ этимъ соображеніямъ, непрерывно, въ теченіе трехъ десятилѣтій, регулировавшимъ практику цензурныхъ комитетовъ и главнаго управленія по дѣламъ печати, дѣйствіе ст. 6-ой было признано, въ 1897 г., не распространяющимся на *сборники статей*, оригинальныхъ или переводныхъ, и такимъ образомъ сильно уменьшено число книгъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. „Свободнымъ“ оказалось здѣсь буквальное толкованіе закона, основанное исключительно на словѣ *сочиненія*—свободнымъ, конечно, только въ томъ смыслѣ, что оно явно расходится съ намѣреніемъ законодателя... Та же статья 6-ая еще въ 1867 г. вызвала со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ разъясненіе словъ: *печатный листъ*, установившее нормальные размѣры листовъ различнаго формата и нормальное число строкъ въ каждомъ такъ называемомъ типографскомъ квадратѣ. Намъ не приходилось слышать, чтобы это разъясненіе подавало поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ:

во всякомъ случаѣ они не могли быть особенно серьезны, если правила 18 мая 1867 г. дѣйствовали, безъ измѣненій, болѣе тридцати лѣтъ. Безспорное достоинство этихъ правилъ заключалось въ томъ, что они оставались на почвѣ закона, опредѣляя размѣръ печатнаго листа длиною и шириною составляющихъ его страницъ. Новое распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7 августа 1898 г., замѣняетъ этотъ способъ другимъ: оно предлагаетъ цензурнымъ комитетамъ руководствоваться, при опредѣленіи величины печатнаго листа, количествомъ печатнаго набора (шрифта), полагая таковой въ тридцать-три тысячи буквъ въ листѣ. Величина листа и количество буквъ—понятія существенно различныя. Первая подлежитъ измѣренію, второе—вычисленію; первая измѣняется сообразно съ форматомъ, второе, взятое какъ минимумъ, является постояннымъ. Между тѣмъ, ст. 6 уст. о ценз. и печ. обнимаетъ собою, очевидно, листы разныхъ форматовъ и разной печати, а слѣдовательно, и разнаго количества буквъ; пріурочить послѣднее къ неподвижной цифрѣ можно было бы только путемъ измѣненія закона. Цифра (33 тыс.), указанная въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ, представляется, вдобавокъ, весьма высокой [1]); мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при дѣйствіи прежнихъ правилъ количество буквъ въ листѣ могло быть чуть не вдвое меньшимъ—другими словами, безъ цензуры могло выходить множество книгъ, которыя теперь придется подвергать предварительной цензурѣ. Нужно ли объяснять, какими потерями это грозитъ русской литературѣ и русскому обществу?

Въ судьбахъ русской печати за истекшій годъ поразительна, по прежнему, высокая цифра административныхъ каръ, постигшихъ провинціальныя, т.-е. безцензурныя изданія. *Формальное* основаніе для такихъ каръ законъ (Уст. о ценз. и печ. ст. 154) даетъ безспорно; но едва ли онѣ могутъ быть признаны соотвѣтствующими общему духу законодательства. Характеристичная черта предварительной цензуры заключается въ томъ, что она какъ бы заслоняетъ собою издателя, редактора и автора, лишенныхъ возможности дѣйствовать безъ ея дозволенія. Отсюда цѣлый рядъ постановленій, вошедшихъ въ составъ Устава о цензурѣ и печати. Если цензоръ, до выпуска въ продажу одобренной имъ книги, замѣтитъ, что имъ сдѣлано, по неосторожности или поспѣшности, какое-либо важное въ ней упущеніе, онъ

---

[1]) Хотя это распоряженіе и было мотивировано недоразумѣніями, къ которымъ подавалъ поводъ прежній порядокъ, но оно само не отличается ясностью: подъ количествомъ буквъ въ листѣ можно понимать какъ количество, дѣйствительно имѣющееся на лицо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ и максимальное количество, допускаемое размѣромъ листа. Послѣднее толкованіе благопріятнѣе для печати—но и при немъ границы безцензурности съуживаются весьма значительно.

можетъ просить цензурный комитетъ о позволеніи исключить „предосудительное“ мѣсто, но листы, требующіе измѣненія, перепечатываются, въ такомъ случаѣ, на счетъ цензора (Уст. о ценз. и печ. ст. 24). Если сочиненіе, дозволенное цензурой, не будетъ выпущено въ обращеніе въ срокъ, установленный ст. 52 Уст. о ценз. и печ., оно должно быть просмотрѣно вновь, для согласованія съ новыми требованіями цензуры; но если при этомъ окажется необходимой перепечатка нѣкоторыхъ листовъ, то потребныя на то издержки, въ видахъ огражденія правъ частнаго лица, возмѣщаются примѣнительно къ ст. 24-й и 180-й. За силою этой послѣдней статьи, если правительство признаетъ нужнымъ запретить напечатанную съ дозволенія цензуры книгу, то напечатавшій ее получаетъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный черезъ то убытокъ. Общій смыслъ этихъ узаконеній не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что отвѣтственность за все напечатанное съ разрѣшенія предварительной цензуры переносится всецѣло на цензора или—въ той мѣрѣ, въ какой идетъ рѣчь о вознагражденіи за убытки—на административную власть, отъ имени и по уполномочію которой онъ дѣйствовалъ. Исключеніе изъ этого правила, вполнѣ разумнаго и справедливаго, могло бы быть допущено только для тѣхъ случаевъ, когда путемъ печати совершено *преступленіе*, предусмотрѣнное общимъ уголовнымъ закономъ; цензоръ могъ бы быть разсматриваемъ здѣсь какъ попуститель или пособникъ, подлежащій отвѣтственности вмѣстѣ съ главными виновниками (ничего подобнаго, впрочемъ, лѣтописи нашей подцензурной печати не представляютъ: *сообщничество* цензора съ издателемъ или авторомъ можно назвать прямо немыслимымъ). Съ занимающей насъ точки зрѣнія подцензурное періодическое изданіе не отличается рѣшительно ничѣмъ отъ подцензурной книги: какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдней нѣтъ ни одной строчки, которая бы не была дозволена цензурой, и за которую, слѣдовательно, могъ бы отвѣчать авторъ или издатель. Между тѣмъ, временное запрещеніе періодическаго изданія является одною изъ формъ привлеченія къ отвѣтственности—отвѣтственности чрезвычайно тяжелой, выражающейся иногда въ громадныхъ, ничѣмъ непоправимыхъ убыткахъ. Изъятіе изъ обращенія или запрещеніе выпуска въ свѣтъ напечатанной книги падаетъ исключительно на издателя и автора; пріостановка періодическаго изданія влечетъ за собою чувствительныя потери не только для издателя, но и для редактора, сотрудниковъ, содержателя типографіи, его рабочихъ и т. д. Могутъ пострадать отъ нея и подписчики, которыхъ не въ силахъ вознаградить разоренный пріостановкою издатель, а также всѣ тѣ, въ чьихъ интересахъ было бы своевременное обращеніе къ гласности: во многихъ губернскихъ городахъ существуетъ только одна не-оффиціальная

газета, которой не могутъ замѣнить—въ дѣлахъ, касающихся исключительно данной мѣстности,—ни столичныя, ни вообще иногородныя изданія. Какимъ же образомъ объяснить очевидное внутреннее противорѣчіе между ст. 154 Уст. о ценз. и печ. и другими постановленіями того же устава, ограждающими права частныхъ лицъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ источникъ, изъ котораго заимствована ст. 154-я. Она основана на правилахъ 12-го мая 1862 г., изданныхъ въ такое время, когда еще не существовала безцензурная печать и когда, притомъ, чрезвычайныя обстоятельства вызывали принятіе чрезвычайныхъ мѣръ. Распространеніе тенденцій, враждебныхъ существующему государственному и общественному порядку, приписывалось тогда, главнымъ образомъ, нѣсколькимъ журналамъ, выходившимъ подъ цензурой: именно въ маѣ 1862 г. пріостановлены были, на время, „Современникъ" и „Русское Слово". Съ введеніемъ въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля 1865 г. положеніе дѣлъ измѣнилось настолько существенно, что правила 12-го мая стали явнымъ анахронизмомъ; въ позднѣйшихъ изданіяхъ Устава о цензурѣ и печати они сохранились или въ силу инерціи, или въ силу традиціоннаго взгляда, по которому арсеналъ орудій, служащихъ для обузданія печати, можетъ только обогащаться, но отнюдь не оскудѣвать. Чтобы убѣдиться въ томъ, что при составленіи правилъ 12-го мая вовсе не имѣлись въ виду скромные органы провинціальной печати, достаточно вдуматься въ текстъ ст. 154-й: „министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, *въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія*, подлежащаго предварительной цензурѣ, прекращать каждое таковое періодическое изданіе на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ". Предполагалось, очевидно, что періодическое изданіе можетъ обходить постановленія цензурнаго устава—т.-е., не нарушая его прямо и открыто, проводить, въ благовидной и безупречной формѣ, такъ называемыя вредныя идеи. Такой обходъ, разъ что онъ возведенъ въ систему, требуетъ, во-первыхъ, большой опытности и большого искусства со стороны руководителей и сотрудниковъ изданія; во-вторыхъ, широкихъ задачъ, допускающихъ тенденціозное освѣщеніе; въ третьихъ, хорошо подготовленной публики, привыкшей читать между строками и угадывать заднія мысли. Соединеніе этихъ условій, возможное въ столицахъ, почти немыслимо въ провинціи. Провинціальныя изданія не обладаютъ ни контингентомъ писателей, способныхъ ускользать, изо дня въ день, отъ бдительности цензуры, ни контингентомъ читателей, умѣющихъ слѣдить за всѣми изгибами мысли. Они не могутъ соперничать съ столичными изданіями на почвѣ общихъ вопросовъ, оставляющихъ наибольшій просторъ для принципіальныхъ разногласій, и должны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сосредото-

чивать свое вниманіе на мѣстныхъ интересахъ, очень далекихъ отъ политической злобы дня. О *вредномъ направленіи* (въ специфическомъ смыслѣ этого термина) по отношенію къ провинціальнымъ періодическимъ изданіямъ говорить, слѣдовательно, весьма трудно... Административныя распоряженія, пріостанавливающія на время выходъ въ свѣтъ провинціальныхъ газетъ, публикуются безъ объясненія мотивовъ; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что они вызываются, бо́льшею частью, вовсе не „направленіемъ", а отдѣльными замѣтками или статьями, по которымъ вовсе нельзя судить объ общемъ характерѣ газеты. Достаточно, иногда, фактическаго сообщенія, невѣрность котораго не столько доказана, сколько предполагается, чтобы навлечь на газету тяжкое взысканіе, подвергающее риску самое ея существованіе. Теперь, когда двѣ провинціальныя газеты („Кіевлянинъ" и „Южный Край") освобождены отъ предварительной цензуры, безправное положеніе всѣхъ остальныхъ еще больше прежняго бросается въ глаза, необходимость *общей* перемѣны къ лучшему становится еще болѣе настоятельною... Приведемъ еще одинъ фактъ, громко говорящій за пересмотръ законодательства о печати. Въ дѣйствующемъ уставѣ есть цѣлое отдѣленіе, озаглавленное: „Правила въ руководство цензурѣ". Вопреки этому заглавію, оно примѣняется на практикѣ и къ безцензурной печати. Мы имѣли уже случай показать, до какой степени такое толкованіе не соотвѣтствуетъ смыслу ст. 96, 97, 98 и 100 Уст. о ценз. и печ.[1]) То же самое слѣдуетъ замѣтить и о ст. 95-й, которая, судя по слухамъ, также признается дѣйствующею не для одной подцензурной печати. За силою этой статьи „не слѣдуетъ допускать къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи". Основана ст. 95-я на тѣхъ же Правилахъ 12-го мая 1862 года, о которыхъ мы говорили выше. Уже этимъ однимъ обнаруживается ея временной характеръ. Вызванная распространеніемъ на русской почвѣ нѣкоторыхъ идей, имѣвшихъ до тѣхъ поръ только экзотическое значеніе, она перешла за предѣлы необходимой обороны, воспретивъ не только пропаганду, но и простое изложеніе „вредныхъ ученій". Понимаемая буквально, она сдѣлала бы невозможнымъ не только объективное воспроизведеніе прошедшаго, въ сочиненіяхъ научнаго (историческаго или экономическаго) содержанія, но даже опроверженіе соціализма и коммунизма, требующее, очевидно, предварительнаго знакомства съ ними. Отступленія отъ строгаго предписанія закона допускались, поэтому, съ самаго начала, и всего менѣе можетъ обой-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1898 г.

тись безъ нихъ безцензурная печать, въ полной мѣрѣ отвѣтственная за все предлагаемое ею читателямъ. Въ какихъ случаяхъ и при какихъ условіяхъ преступна пропаганда, въ безцензурной печати, соціалистическихъ или коммунистическихъ ученій—на это даютъ отвѣтъ ст. 1035 и 1037 Улож. о наказ.

Мы замѣтили выше, что сила закона часто парализуется или ограничивается обстановкой, затрудняющею осуществленіе или возстановленіе права. Безпристрастнымъ наблюдателямъ русской дѣйствительности давно уже было ясно, что именно такова обстановка, созданная, для крестьянъ, Положеніемъ о земскихъ начальникахъ. Трудно было доказать только одно: добросовѣстность и точность наблюденій. Отдѣльнымъ фактамъ всегда можно было противопоставить общія мѣста, заимствованныя, подчасъ, изъ оффиціальныхъ источниковъ; выводы, хотя бы и тщательно мотивированные, могли быть заподозрѣны въ партійности, въ тенденціозности. Особенно драгоцѣнными для выясненія истины являются, поэтому, „Записки земскаго начальника", печатаніе которыхъ недавно закончено „С.-Петербургскими Вѣдомостями". Мы имѣли уже случай замѣтить, что авторъ этихъ „Записокъ", г. Новиковъ, шесть или семь лѣтъ сряду бывшій земскимъ начальникомъ (въ козловскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи), представляется, въ данномъ случаѣ, свидѣтелемъ вполнѣ достовѣрнымъ, какъ бывшій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей", принципіально стоявшій на сторонѣ новаго учрежденія и примкнувшій къ нему съ глубокой вѣрой въ его цѣлесообразность. И что̀ же? Изъ числа тезисовъ, выставленныхъ въ печати противниками института земскихъ начальниковъ, немного найдется такихъ, которые не подтверждались бы всецѣло „Записками" г. Новикова. Онъ высказывается за выборъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, и притомъ выборъ свободный отъ давленія со стороны земскаго начальника; сознавая крайнюю неудовлетворительность волостного суда, онъ предлагаетъ передать важнѣйшія изъ дѣлъ, ему подсудныхъ, въ вѣденіе участковаго судьи, который рѣшалъ бы ихъ совмѣстно съ волостными судьями; онъ отрицаетъ необходимость особыхъ мѣръ къ обузданію сельскихъ рабочихъ и къ прекращенію потравъ; онъ опровергаетъ доводы, которыми мотивируется обращеніе къ крестьянамъ не иначе какъ на *ты*; онъ ужасается при мысли о злоупотребленіяхъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ ссылкой по приговорамъ сельскихъ обществъ; онъ стоитъ за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, не только фактическую, но и юридическую; онъ выставляетъ на видъ фиктивность предводительскихъ ревизій, отсутствіе надзора надъ земскими начальниками со стороны уѣзднаго съѣзда, бумажный харак-

теръ губернаторскаго контроля. Всего важнѣе, съ нашей точки зрѣнія, общіе выводы г. Новикова о взаимныхъ отношеніяхъ населенія и власти. Обычнымъ фразамъ о близости земскаго начальника къ крестьянамъ, въ смыслѣ довѣрія со стороны крестьянина и заботливости со стороны начальника, г. Новиковъ противопоставляетъ формулу совершенно иного рода. Мужикъ, по его словамъ, „смотритъ на земскаго начальника какъ на барина“—а „въ баринѣ онъ видитъ врага; онъ ему не довѣряетъ, онъ его боится“. У земскаго начальника имѣется на лицо не знаніе мужика, а „предвзятое убѣжденіе, что мужикъ—негодяй, котораго нужно держать въ ежовыхъ рукавицахъ“. „Близка“ — продолжаетъ г. Новиковъ — „власть можетъ быть двояко: для начальника, если ему легко и близко расправиться съ мужикомъ, для мужика — если ему легко и близко обращаться къ власти. Для второго нужно, чтобы мужикъ могъ обращаться къ власти *безбоязненно*. Безбоязненность же эта явится, во-первыхъ, когда отношенія начальника къ мужику будутъ основаны не на чувствѣ презрѣнія, а на чувствѣ соболѣзнованія его горю и даже его недостаткамъ, и, во-вторыхъ, когда *сама власть будетъ не черезчуръ велика*, такъ какъ чѣмъ больше власть, тѣмъ больше еще хочется ее усилить. Пока народъ будетъ воспитываться *страхомъ, а не законностью*, онъ не исправится“. „Поднимите школой уровень крестьянъ“ — читаемъ мы въ другой статьѣ г. Новикова,—„уменьшите произволъ начальства надъ отдѣльными лицами, усильте контроль надъ земскимъ начальникомъ, *не оставляйте его вершителемъ всѣхъ крестьянскихъ дѣлъ*, убѣдитесь, что гласностью, слѣдствіями и опросами населенія авторитетъ его возвысится, а не умалится, такъ какъ онъ явится *представителемъ закона, а не властью, дѣйствующею по произволу*“. Логическій выводъ изъ этихъ словъ—необходимость возвратиться къ отдѣленію, на мѣстахъ, судебной власти отъ административной. И дѣйствительно, г. Новиковъ не останавливается передъ этимъ выводомъ; ему кажется желательнымъ, чтобы половина земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ вѣдала только судебныя, другая — только административныя дѣла. Само собою разумѣется, что должностныя лица, облеченныя *только* судейскими функціями, перестали бы быть земскими начальниками и обратились бы въ судей, назначаемыхъ помимо администраціи и входящихъ въ составъ общей судебной іерархіи. Реформа, предлагаемая г. Новиковымъ, равносильна возвращенію къ порядку вещей, существовавшему до 1889 года, съ тою лишь разницей, что выборъ участковыхъ судей уступилъ бы мѣсто ихъ назначенію и высшей инстанціей надъ ними сдѣлался бы окружной судъ. Порядокъ, при которомъ главная масса *судебныхъ* дѣлъ состоитъ въ вѣденіи *административныхъ* учрежденій (уѣздныхъ съѣздовъ, губернскихъ присут-

ствій), подчиненныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, держится исключительно на соединеніи властей. Оно одно мѣшаетъ правильному устройству мѣстныхъ судебныхъ учрежденій и объединенію всѣхъ органовъ суда, столь важному для развитія права и понятій о правѣ. Судебная власть земскихъ начальниковъ и подчиненныхъ имъ волостныхъ судовъ отнимаетъ почву у проектируемыхъ участковыхъ, оставляя выборъ только между крайнимъ ограниченіемъ числа судей, отдаляющимъ ихъ отъ населенія, и ненормальнымъ расширеніемъ ихъ компетенціи (напр. возложеніемъ на нихъ производства предварительныхъ слѣдствій), нарушающимъ гармонію судебнаго строя... До г. Новикова дошли слухи, что преобразованіе въ родѣ того, о которомъ онъ мечтаетъ, уже проектируется; „дай Богъ",—восклицаетъ онъ,—„чтобы оно осуществилось"! Судя по тому, что̀ извѣстно о дѣятельности коммиссіи, пересматривающей судебные уставы [1]), слухи, обрадовавшіе г. Новикова, едва ли соотвѣтствуютъ дѣйствительности; но чего нѣтъ сегодня, то можетъ явиться завтра. Намъ трудно отрѣшиться отъ надежды, что преобразовательная работа, предпринятая съ цѣлью улучшенія всѣхъ вообще законоположеній по судебной части, коснется, наконецъ, и самаго больного мѣста дѣйствующихъ судебныхъ порядковъ. Сомнѣваться въ существованіи болѣзни теперь, въ виду статей г. Новикова, едва ли возможно... Возвращаясь къ нашей исходной точкѣ, мы должны повторить еще разъ, что о распространеніи и утвержденіи законности не можетъ быть и рѣчи, пока внѣ закона стоитъ, если не de jure, то de facto, громадное большинство населенія.

Временно забываемый и затѣмъ снова, въ той или другой формѣ, выдвигаемый на очередь, вопросъ о мелкой земской единицѣ съ нѣкоторыхъ поръ опять служитъ предметомъ оживленныхъ споровъ въ нашей печати. На этотъ разъ рѣчь идетъ не о всесословной *волости*, а о всесословномъ *приходѣ*. Новаго въ такой постановкѣ вопроса нѣтъ ничего. О приходѣ, какъ органѣ самоуправленія, писалъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ Ив. Аксаковъ; нѣсколько позже о немъ подробно говорилось въ книгѣ Г. А. Евреинова: „Замѣтки о мѣстной реформѣ" (1888). Разбирая въ свое время [2]) эту книгу, мы изложили тѣ основанія, по которымъ защитники всесословной волости не могутъ стать на сторону всесословнаго прихода. Мы указали на многочисленность приходовъ, на крайне различную ихъ величину, на неудобство обращенія единицы церковной въ единицу земско-хозяйственную, на за-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1898 г.
[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы" за 1888 г.

трудненія, которыя встрѣтились бы при этомъ вслѣдствіе неодинаковаго вѣроисповѣднаго состава населенія, на нежелательность вовлеченія приходскаго духовенства въ чисто-свѣтскія дѣла, всегда сопряженныя съ несогласіями и пререканіями. Такого взгляда на всесословный приходъ мы продолжаемъ держаться и теперь, не смущаясь тѣмъ, что нѣкоторые изъ нашихъ доводовъ совпадаютъ съ аргументаціей реакціонной прессы. Случайное сходство мотивовъ не устраняетъ глубокаго несходства цѣлей. „Охранители" отвергаютъ всесословный приходъ, какъ одинъ изъ видовъ ненавистнаго имъ самоуправленія; мы возражаемъ противъ него какъ противъ неудачнаго способа осуществленія симпатичной и правильной идеи. Совершенно напрасно реакціонная печать приписываетъ возбужденіе вопроса о всесословномъ приходѣ „либераламъ", старающимся, будто бы, провести, подъ флагомъ старины и „бытовыхъ началъ", свою излюбленную всесословную волость. Какъ прежде, такъ и теперь мысль о всесословномъ приходѣ проводилась и проводится органами печати, имѣющими очень мало общаго съ „либерализмомъ"; какъ прежде, такъ и теперь сторонники всесословной волости не находили и не находятъ нужнымъ прикрывать ее какимъ-нибудь другимъ именемъ. Они очень хорошо знаютъ, что съ перемѣной названія часто идетъ рука объ руку перемѣна въ самой сущности дѣла. Всесословный приходъ, особенно въ настоящее время, оказался было далеко не тѣмъ, чѣмъ можетъ и должна быть всесословная волость.

Не возвращаясь къ существу вопроса, много разъ обсуждавшагося нами весьма подробно, остановимся на тѣхъ доводахъ противъ всесословнаго прихода, которые бросаютъ особенно яркій свѣтъ на источникъ и характеръ „охранительной" вражды ко *всякой* мелкой и самоуправляющейся единицѣ. Въ виду неизбѣжной связи между такой единицей и земствомъ, къ которому она должна служить какъ бы дополненіемъ или продолженіемъ, газетные „охранители" стараются доказать, что мелкая *земская* единица заранѣе обречена на неудачу. Причинъ этому они приводятъ двѣ: недостаточность земскихъ средствъ и централизаціонныя стремленія земства, несовмѣстныя съ приближеніемъ земской дѣятельности къ населенію. Что̀—говорятъ они—мѣшаетъ земству увеличить число больницъ, врачей, школъ и т. п. и удовлетворить такимъ образомъ всѣ мѣстныя нужды? Только невозможность повысить земское обложеніе, безъ того уже черезчуръ высокое. Такое положеніе вещей нимало не измѣнилось бы отъ введенія мелкой самоуправляющейся единицы: ей пришлось бы либо бездѣйствовать, за отсутствіемъ средствъ, либо ввести новые сборы, крайне обременительные или совершенно непосильные для населенія. Въ этой аргументаціи нетрудно замѣтить нѣсколько крупныхъ ошибокъ, подрывающихъ ее

въ самомъ корнѣ. Во-первыхъ, развитію земской дѣятельности существенно мѣшаетъ не только недостатокъ матеріальныхъ средствъ, но и недостатокъ личныхъ силъ. У земства нѣтъ на мѣстахъ своихъ органовъ, черезъ посредство которыхъ оно могло бы проводить свои мѣры и наблюдать за ихъ осуществленіемъ. Ему безпрестанно приходится обращаться къ волостнымъ правленіямъ, не обязаннымъ, въ большинствѣ случаевъ, исполнять его требованія и вдобавокъ плохо организованнымъ, заваленнымъ разнороднѣйшими дѣлами. Многое, весьма важное для отдѣльной мѣстности—и только для нея одной,—остается непредпринятымъ за отсутствіемъ лицъ или учрежденій, которыя могли бы взять на себя иниціативу предпріятія. Нѣтъ никакой связи между сельскими обществами даннаго района и ихъ сосѣдями-землевладѣльцами; некому даже поставить вопросъ, въ которомъ одинаково заинтересованы какъ тѣ, такъ и другіе. Есть волости, не имѣющія *ни одного* представителя въ уѣздномъ земскомъ собраніи и лишенныя возможности дѣйствовать черезъ его посредство. Всесословная волость нужнá, поэтому, прежде всего какъ органъ уѣзднаго земства и какъ почва для возбужденія и рѣшенія хозяйственныхъ дѣлъ, касающихся всего волостного населенія. Невѣрно, во-вторыхъ, чтобы земское обложеніе вездѣ достигло крайне высокихъ размѣровъ; это можно сказать только о немногихъ уѣздахъ, да и то не вполнѣ утвердительно, въ виду слишкомъ низкихъ, сплошь и рядомъ, оцѣнокъ земли. Упускается изъ виду, въ-третьихъ, существованіе мірскихъ сборовъ, которые, въ случаѣ образованія всесословной волости, пошли бы, отчасти, на покрытіе ея расходовъ. Привлеченіе къ платежу этихъ сборовъ, въ извѣстной мѣрѣ, *всего* населенія волости позволило бы удовлетворять изъ нихъ, безъ новаго обремененія крестьянъ, общія волостныя нужды. Нѣсколько увеличилось бы, правда, обложеніе личныхъ землевладѣльцевъ, а также промышленниковъ и торговцевъ — но это было бы вполнѣ согласно съ справедливостью: вѣдь и теперь волостное и сельское общественное управленіе, содержимое на счетъ однихъ крестьянъ, служитъ, собственно говоря, всѣмъ жителямъ данной мѣстности [1]. „Старшина, писарь, судьи (волостные), староста“ —говоритъ г. Новиковъ,—„работаютъ столько же на землевладѣльцевъ волости, сколько на крестьянъ. Волостное правленіе нужно одинаково и тѣмъ, и другимъ. Написать условіе, взыскать долгъ съ мужиковъ, вызвать рабочаго, составить актъ о потравѣ нужно и землевладѣльцу, и мужику... Служа всѣмъ сословіямъ, всѣ лица крестьянскаго общественнаго управленія и жалованье должны бы по-

[1]) Вопросъ о мірскихъ сборахъ подробно разсмотрѣнъ нами, съ этой точки зрѣнія, въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1893 г. (стр. 778 и сл.) и № 10 за 1897 г. (стр. 764 и сл.)

лучать изъ всесословной кассы, т.-е. изъ казны" [1]). Помимо того рессурса, которымъ послужили бы для всесословной волости преобразованные мірскіе сборы, она нашла бы поддержку и въ добровольныхъ взносахъ на общія надобности, всегда пропорціональныхъ довѣрію, которымъ пользуется учрежденіе. Гораздо болѣе производительными оказались бы, во многихъ случаяхъ, и земскія затраты, еслибы исполненіе земскихъ начинаній перешло въ руки лицъ, живущихъ на мѣстахъ, хорошо знающихъ населеніе и хорошо ему знакомыхъ.

Столь же несостоятельна и ссылка на мнимо-централизаціонныя стремленія земства. Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ" (№ 332), „земскія учрежденія употребляютъ всѣ усилія—въ предѣлахъ, конечно, допускаемыхъ закономъ и политикой высшаго правительства,—къ тому, чтобы *удалить свою организацію отъ населенія* (курсивъ въ подлинникѣ) и болѣе и болѣе централизовать свою дѣятельность. Вполнѣ и безспорно установленный и никѣмъ не отрицаемый фактъ повсемѣстнаго стремленія губернскихъ земствъ расширить свою дѣятельность въ ущербъ земствамъ уѣзднымъ составляетъ лучшее подтвержденіе высказаннаго нами положенія. Укажемъ, напримѣръ, хотя бы на содержаніе начальныхъ школъ, на устройство межъуѣздныхъ больницъ и земскихъ пунктовъ. По мнѣнію земскихъ учрежденій, для наиболѣе важныхъ дѣлъ даже уѣздная организація слишкомъ мелка, и насколько могутъ, они стараются умалить ея значеніе и даже, вопреки закону, сосредоточить земскую дѣятельность по преимуществу въ губерніи". Всѣ эти разсужденія идутъ прямо въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Далеко не всѣ губернскія земства стремятся къ расширенію своей дѣятельности вообще — и ни одно изъ нихъ не старается расширить свой кругъ дѣйствій въ *ущербъ* уѣзднымъ земствамъ. Лучшія губернскія земства считаютъ своей задачей *дополнять* дѣятельность уѣздныхъ земствъ, отнюдь не посягая на самостоятельность уѣздовъ. Въ какомъ видѣ проявляется, напримѣръ, участіе губернскихъ земствъ въ *содержаніи* начальныхъ школъ? Въ видѣ *прибавокъ* къ уѣзднымъ ассигновкамъ, т.-е. въ видѣ *поддержки* того, что̀ дѣлается уѣздными земствами. Въ завѣдываніе субсидируемыми школами губернское земство не вмѣшивается, оставляя его всецѣло въ рукахъ уѣздныхъ земствъ. Межъуѣздныя больницы губернское земство вѣдаетъ непосредственно, но почему? Потому что учрежденіе, содержимое на средства нѣсколькихъ уѣздовъ, съ субсидіей отъ губернскаго, не можетъ быть, по самому существу дѣла, передано въ управленіе одного уѣзда—а выборъ завѣдующаго всѣми заинтересованными уѣздами невозможенъ или крайне затруднителенъ, за отсутствіемъ у

[1]) Г. Новиковъ принадлежитъ къ числу противниковъ всесословной волости.

нихъ общаго представительства. По этой же причинѣ губернское земство беретъ на себя, обыкновенно, и самый починъ учрежденія межъуѣздныхъ больницъ или пріемныхъ покоевъ. Между тѣмъ, „централизаціонное стремленіе“, еслибы оно существовало, выразилось бы именно въ желаніи всѣмъ управлять, всѣмъ распоряжаться, всюду ставить своихъ людей и вводить свои порядки. Ничего подобнаго дѣятельность самыхъ предпріимчивыхъ, самыхъ прогрессивныхъ губернскихъ земствъ не представляетъ: напротивъ того, главный ея смыслъ заключается въ оживленіи, расширеніи дѣятельности уѣздныхъ земствъ. Централизація предполагаетъ регулированіе сверху всего, что̀ дѣлается внизу, стѣсненіе иниціативы, диктовку рѣшеній, назначеніе ихъ исполнителей; губернскія земства ограничиваются тѣмъ, что *облегчаютъ* независимую отъ нихъ работу. Одно изъ преимуществъ самоуправленія заключается именно въ томъ, что каждый его органъ, располагающій болѣе широкою сферою дѣйствій, а слѣдовательно и бо̀льшими средствами, можетъ приходить на помощь другимъ, поставленнымъ въ менѣе выгодныя условія. Именно такъ и поступаетъ губернское земство по отношенію къ уѣзднымъ. Аналогичная роль будетъ принадлежать уѣздному земству по отношенію къ всесословной волости, если она когда-либо осуществится; но *подчиненной* уѣздному земству всесословная волость не будетъ, точно такъ же какъ уѣздныя земства, получающія субсидіи отъ губернскаго, не состоятъ, вслѣдствіе этого, подъ его начальствомъ. Между учрежденіемъ всесословной волости, какъ самоуправляющейся земской единицы, и попытками губернскихъ земствъ способствовать развитію уѣзднаго земскаго хозяйства—нѣтъ, такимъ образомъ, никакого внутренняго противорѣчія. Или, быть можетъ, *ущербъ*, наносимый уѣзднымъ земствамъ широкими начинаніями губернскаго земства, московская газета усматриваетъ въ томъ, что всякое увеличеніе губернскаго земскаго сбора влечетъ за собою соотвѣтствующее увеличеніе земскаго обложенія? Это—вопросъ совершенно особый, не имѣющій ничего общаго съ централизаціей или децентрализаціей. Обсуждать его теперь мы считаемъ тѣмъ болѣе излишнимъ, что не разъ имѣли случай говорить о немъ въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ [1]).

Къ обвиненію земства въ „централизаціонныхъ“ стремленіяхъ присоединяется обвиненіе его въ „бюрократичности“. Нельзя сказать, чтобы оно было совершенно лишено основанія. Земское Положеніе 1890-го года, приравнявъ земскія управы, до извѣстной степени, къ присутственнымъ мѣстамъ, не могло не наложить на нихъ нѣкоторую печать бюрократизма—но не реакціонной же прессѣ подобаетъ упре-

[1]) См., напримѣръ, № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1895 и № 3 за 1897 г.

вать въ этомъ земскія учрежденія! Какъ своеобразно, притомъ, она понимаетъ земскую „бюрократичность“, это видно изъ слѣдующей тирады: „земская бюрократія плодится и множится въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ никогда не можетъ множиться бюрократія въ государствѣ, имѣющемъ въ этомъ отношеніи свои сдерживающія традиціи. Страховые агенты, статистики, *врачи*, *ветеринары*, смотрители, *учителя*, *библіотекари* и т. д., и т. д.—всѣми этими земскими агентами кишитъ въ настоящее время провинція, и они становятся даже болѣе многочисленными, чѣмъ агенты правительственные“. Итакъ, врачи, ветеринары, учителя, библіотекари—это все бюрократы или агенты бюрократіи? Открывать новыя больницы, школы, читальни, библіотеки—значитъ создавать новые очаги „бюрократизма“?! Вотъ до какихъ абсурдовъ можетъ довести избытокъ рвенія въ поддержкѣ неправаго дѣла... Менѣе нелѣпо, но все же до крайности странно причисленіе къ бюрократіи смотрителей (вѣроятно, смотрителей больницъ?), статистиковъ, страховыхъ агентовъ—странно уже потому, что никто изъ нихъ не облеченъ властью, и самый родъ ихъ занятій имѣетъ очень мало общаго съ обычнымъ типомъ чиновничьей работы. А между тѣмъ, изъ мнимаго роста земской бюрократіи дѣлается выводъ, что бюрократическою будетъ и мелкая земская единица. Всѣ эти аргументы доказываютъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ то, что̀ ими хотятъ доказать: они раскрываютъ настоящія причины противодѣйствія, встрѣчаемаго, въ извѣстныхъ газетныхъ сферахъ, всякою мыслью о мелкой самоуправляющейся единицѣ. Всесословная волость—и даже всесословный приходъ—подниметъ платежи привилегированныхъ классовъ общества, приблизитъ самоуправленіе къ тѣмъ, кто теперь всего меньше имъ пользуется, подниметъ умственный уровень массы, распространитъ въ ней сознаніе своихъ правъ, чувство законности, умѣнье стоять за свои интересы. Этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы соединить подъ знаменемъ statu quo всѣхъ защитниковъ безправія и произвола.

Рядомъ съ самоуправляющимися единицами, облеченными правомъ самообложенія и *обязанными* заботиться о благосостояніи своей территоріи, всегда и вездѣ остается мѣсто для добровольныхъ союзовъ, преслѣдующихъ отчасти тѣ же цѣли, но другими средствами. Такимъ союзомъ является и приходъ, дѣятельность котораго можетъ развиваться тѣмъ шире, чѣмъ меньше она стѣснена регламентаціей. Сколько бы ни трудились на пользу населенія земство, волость, сельское общество, многое окажется для нихъ непосильнымъ — и вотъ тутъ-то и можетъ придти къ нимъ на помощь приходъ. Готовая форма для такой помощи имѣется и теперь, въ видѣ приходскихъ попечительствъ. Если приходскія попечительства существуютъ далеко не вездѣ и огра-

ничиваются, бо̀льшею частью, заботой о храмѣ и клирѣ, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ общихъ условіяхъ нашей приходской жизни. Эти условія необходимо имѣть въ виду и тогда, когда идетъ рѣчь о всесословномъ приходѣ, какъ о мелкой самоуправляющейся единицѣ. Можно сочувствовать, въ принципѣ, возстановленію прихода, какъ приходской общины—и все-таки находить его, въ настоящее время, нежелательнымъ или невозможнымъ. Именно такъ смотритъ на дѣло, напримѣръ, г. Н. Дурново, статья котораго: „Возможно ли возстановленіе прихода?"—напечатана въ № 339 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Возстановленіе прихода, по мнѣнію г. Дурново, „должно встрѣтить самое сильное противодѣйствіе въ могущественномъ и всесильномъ духовномъ вѣдомствѣ", какъ потому, что съ нимъ было бы сопряжено возвращеніе приходу права избирать себѣ священника, такъ и потому, что оно повлекло бы за собою совершенно иное отношеніе прихожанъ къ церковнымъ доходамъ и церковному имуществу. Усилія духовенства были бы направлены къ тому, чтобы подчинить приходскіе совѣты духовной консисторіи. „Если православному народу русскому и церкви русской"—таковы заключительныя слова г. Дурново—„удастся достигнуть: первому—возстановленія церковной общины и самостоятельности прихода, а послѣдней—каноническаго устройства, то, конечно, не въ настоящее время. Для этого нужно, чтобы духовное вѣдомство признало православный народъ русскій тѣломъ св. церкви, а церковь русскую — православною церковью, но не вѣдомствомъ, которое, по предложенію своего гражданскаго верховнаго начальника, избираетъ архіереевъ на епархіальныя каѳедры. Не такъ было на святой Руси до императора Петра I, не такъ оно и на всемъ православномъ Востокѣ". Подтвержденіемъ мысли г. Н. Дурново служитъ напечатанное въ той же газетѣ (№ 341) сообщеніе г. Аѳ. Васильева о бесѣдѣ его съ почившимъ, въ началѣ минувшаго декабря, митрополитомъ с.-петербургскимъ Палладіемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Васильевъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и въ „Благовѣстѣ" статью: „О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I", въ которой онъ, возражая противъ несправедливыхъ нападокъ на до-петровское духовенство, „наглядно представилъ ужасъ положенія", созданнаго для нашихъ архіереевъ Петровскою реформой. Въ 1896 г., г. Васильевъ, поднося митрополиту Палладію томъ „Благовѣста", обратилъ его вниманіе на вышеупомянутую статью. Услышавъ заголовокъ ея, высокопреосвященный вдругъ оживился и взволнованно заговорилъ: „Спасибо, спасибо! Надо еще и еще объ этомъ писать. Что они все лгутъ? Что они лгутъ, будто бы церковь имѣетъ теперь бо̀льшую силу и значеніе, нежели прежде? Гдѣ теперь церковь? Гдѣ она? Нѣтъ ея! Мы не можемъ допроситься, чтобы намъ хоть наканунѣ

засѣданія доставлялся списокъ дѣлъ, которыя намъ докладываются; хотятъ, чтобы мы рѣшали экспромтомъ! А вѣдь по иному дѣлу требуется справка!" „Это горькое сѣтованіе архипастыря, первенствующаго члена св. синода, — прибавляетъ отъ себя г. Васильевъ,—глубоко меня поразило, и я былъ бы не правъ не только передъ памятью владыки, но и передъ самою церковью, еслибы и теперь, по блаженномъ его упокоеніи, продолжалъ таить въ себѣ вылившіяся предо мною изъ раскрывшагося его сердца слова, въ которыхъ такъ ярко изобразилось бѣдственное положеніе у насъ въ Россіи якобы господствующей въ ней православной церкви"...

На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта внесенъ законопроектъ о мѣстной сельско-хозяйственной организаціи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. О главныхъ чертахъ этой организаціи мы говорили, на основаніи газетныхъ сообщеній, въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣній [1]). Уполномоченный министерства вводится, на правахъ члена, въ составъ особыхъ сельско-хозяйственныхъ коллегій, уже существующихъ и впредь имѣющихъ быть учрежденными; гдѣ ихъ нѣтъ, уполномоченный можетъ участвовать, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ засѣданіяхъ земскихъ управъ, при обсужденіи ими сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Такой же совѣщательный голосъ предоставляется ему и въ земскихъ собраніяхъ (губернскихъ и уѣздныхъ), если онъ будетъ приглашенъ туда предсѣдателемъ собранія. Отъ предполагавшагося сначала распространенія сельско-хозяйственной организаціи и на не-земскія губерніи (въ видѣ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ) министерство отказалось, въ виду предстоящаго въ близкомъ будущемъ введенія земскихъ учрежденій какъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, такъ и въ губерніяхъ оренбургской и астраханской. Пока эта реформа не осуществилась, въ не-земскихъ губерніяхъ министерство намѣрено содѣйствовать сельско-хозяйственнымъ начинаніямъ при помощи служащихъ въ его вѣдомствѣ спеціалистовъ по сельско-хозяйственной части (въ земскихъ губерніяхъ они будутъ состоять въ распоряженіи уполномоченныхъ); роль земскихъ учрежденій можетъ быть выполняема, при этомъ, сельско-хозяйственными обществами и съѣздами. Въ основаніи всего проекта лежитъ постоянное общеніе между уполномоченнымъ министерства и земскими учрежденіями, которымъ предоставляется право по всѣмъ текущимъ дѣламъ, касающимся сельскаго хозяйства, обращаться *непосредственно* къ министерству земледѣлія и ко всѣмъ его органамъ.—

---

[1]) См. № 7 „Вѣстн. Европы" за 1898 г., стр. 364—5.

Общій духъ проекта тѣмъ болѣе симпатиченъ, чѣмъ чаще въ оффиціальныхъ отношеніяхъ къ земству господствуютъ тенденціи прямо противоположныя—недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, стремленіе обратить ихъ въ подчиненные, подначальные органы администраціи. Понятно, что систематическимъ врагамъ земства проектъ министерства земледѣлія нравиться не можетъ. Не возражая противъ него открыто, они стараются возбудить сомнѣніе въ способности и готовности земства справиться съ сельско-хозяйственными задачами, въ рѣшеніи которыхъ министерство земледѣлія отводитъ ему—или, лучше сказать, сохраняетъ за нимъ—главную роль. Сожалѣя о томъ, что министерство будетъ имѣть своихъ уполномоченныхъ только въ губернскихъ городахъ, „Московскія Вѣдомости" (№ 338) спрашиваютъ себя, кто же будетъ вѣдать сельско-хозяйственные интересы тамъ, гдѣ они всего болѣе сосредоточены—въ уѣздахъ, волостяхъ, деревняхъ, усадьбахъ,—и отвѣчаютъ, полныя гражданской скорби: „вѣдать ими будутъ пока, по прежнему, земскія учрежденія и, при этомъ, будутъ вѣдать ими такъ, какъ имъ вздумается". Указавъ на то, что особыя сельско-хозяйственныя коллегіи существуютъ только въ 23 губернскихъ и 135 уѣздныхъ земствахъ, московская газета восклицаетъ: „почему же нѣтъ такихъ же коллегій въ остальныхъ земствахъ? Если это учрежденія дѣйствительно необходимыя и полезныя, то почему же не учреждаются они повсемѣстно, а составляютъ особаго рода роскошь или развлеченіе, которое позволяютъ себѣ одни земства и не позволяютъ другія"? Именно потому, что земскія сельско-хозяйственныя коллегіи *не* составляютъ развлеченія, онѣ заводятся только тамъ, гдѣ въ нихъ созрѣла потребность, гдѣ сельско-хозяйственная работа земства получила или получаетъ такіе широкіе размѣры, при которыхъ съ нею не можетъ справиться однѣми собственными силами земская управа. Дѣятельность земства — дѣятельность постоянно прогрессирующая; по мѣрѣ ея развитія возникаетъ потребность и въ новыхъ земскихъ органахъ. Пока врачей, больницъ, пріемныхъ покоевъ у земства было мало, до тѣхъ поръ не было надобности въ врачебныхъ или санитарныхъ коммиссіяхъ, совѣтахъ и т. п.; теперь они имѣются на лицо почти повсемѣстно. Одна за другою возникаютъ и земскія коммиссіи по народному образованію, по мѣрѣ того какъ растетъ забота земскихъ собраній о начальной школѣ. Столь же постепенно увеличивается число земскихъ сельско-хозяйственныхъ или экономическихъ совѣтовъ. Повсемѣстно открыть ихъ было бы очень легко, но выигрышъ отъ этого былъ бы болѣе чѣмъ проблематиченъ; искусственно призванные къ жизни, они существовали бы только по имени. Если они, въ весьма короткое время, учреждены почти тремя четвертями губернскихъ и болѣе чѣмъ одною третью уѣздныхъ земствъ,

то это служитъ лучшей гарантіей скораго появленія ихъ и въ остальныхъ губерніяхъ и уѣздахъ. Вмѣсто того, чтобы упрекать земство за медленное распространеніе сельско-хозяйственныхъ коллегій, московской газетѣ не мѣшало бы вспомнить, что въ не-земскихъ губерніяхъ ихъ нѣтъ вовсе... Или, можетъ быть, она считаетъ ихъ праздной и пустой затѣей? Въ такомъ случаѣ ей слѣдовало бы высказаться яснѣе и прямо предостеречь министерство земледѣлія противъ попытки дѣйствовать за-одно съ учрежденіемъ, неспособнымъ къ дѣятельности. Но этотъ способъ борьбы несвободенъ отъ неудобствъ: онъ требуетъ точныхъ фактическихъ данныхъ и устраняетъ возможность неопредѣленныхъ намековъ...

Конецъ прошлаго года принесъ съ собою давно ожидавшееся пониженіе платежей заемщиковъ крестьянскаго поземельнаго банка. Высочайшимъ указомъ 6-го декабря проценты по займамъ изъ этого банка уменьшены съ $4^1/_2$ до 4, платежъ на управленіе банка и въ запасный капиталъ—съ 1% до $^3/_4\%$, такъ что въ общемъ пониженіе составляетъ $^3/_4\%$ и является существеннымъ облегченіемъ для плательщиковъ.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ

Письмо въ Редакцію.

Приводя въ сентябрьской книжкѣ прошедшаго года краткое извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1894 и 1895 гг. [1]), и отмѣчая возведенныя въ немъ на лютеранское духовенство обвиненія, „Вѣстникъ Европы" спрашиваетъ: „что скажутъ въ свою защиту представители этого духовенства въ прибалтійскомъ краѣ"? Постараемся, по возможности, дать отвѣтъ, на который насъ вызываютъ.

Говоря о положеніи православной церкви въ прибалтійскихъ губерніяхъ, отчетъ констатируетъ непріязненное къ ней отношеніе иновѣрцевъ, составляющихъ преобладающій въ этомъ краѣ элементъ, и причину такого явленія онъ усматриваетъ главнымъ образомъ въ дѣятельности лютеранскихъ пасторовъ. Лютеранское духовенство обвиняется въ нетерпимости, въ пропагандѣ, не останавливающейся ни передъ чѣмъ, въ исполненномъ ненависти гоненіи православныхъ.

Какъ въ области общественныхъ взаимоотношеній, такъ и въ сферѣ правовой принято за аксіому, что защита возможна и необходима только тогда, когда обвиненіемъ выставлены какія-либо опредѣленныя дѣянія, какіе-либо положительные факты. Отъ общихъ упрековъ въ „безчестномъ образѣ мыслей" или „достойномъ презрѣнія поведеніи", разъ они не покоятся на положительныхъ данныхъ, которыя можно было бы опровергать, нѣтъ никакой защиты. Доказывать отрицательные факты никто не обязанъ.

Отчетъ о положеніи православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ

[1]) Болѣе или менѣе пространныя извлеченія изъ него появились, кромѣ отдѣльной брошюры, и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", и въ неоффиціальной печати.

обвиняетъ лютеранскихъ пасторовъ въ томъ, что они стараются вселить въ мѣстномъ населенiи враждебное къ православной церкви отношенiе, на православныхъ священниковъ смотрятъ какъ на личныхъ враговъ своихъ, къ греко-восточной религiи и присоединившимся къ ней относятся съ презрѣнiемъ, стараются противодѣйствовать смѣшаннымъ бракамъ страшными запугиванiями и препятствуютъ народу присоединиться къ православiю, распуская ложный слухъ о скоромъ, будто бы, дарованiи правительствомъ свободы вѣроисповѣданiя. Стараясь подчинить недостаточно твердыхъ въ православiи лицъ своему влiянiю и власти, говорится въ отчетѣ, лютеранскiе пасторы совершаютъ вѣнчанiе по лютеранскому обряду лицъ, уклонившихся отъ православiя, погребаютъ лицъ православныхъ по лютеранскому обряду и принимаютъ православныхъ на конфирмацiю. Наконецъ, лютеранскiе пасторы, по словамъ отчета, желая мѣшать водворенiю православiя, прибѣгаютъ къ весьма хитрому прiему, проповѣдуя, что лютеранство и православiе въ сущности одно и то же, но что путь православiя—путь весьма тернистый и трудный, по которому въ царство небесное могутъ попасть лишь люди сильной души и крѣпкой энергiи, тогда какъ путь лютеранства—наилегчайшiй для спасенiя.

Въ длинномъ рядѣ выставляемыхъ отчетомъ обвиненiй приводится только одинъ „фактъ“, а именно случай публичнаго поношенiя пасторомъ, въ 1894 г., православной вѣры и правительства въ проповѣди, произнесенной имъ въ молитвенномъ домѣ. Но и тутъ отсутствуетъ всякое указанiе на обстоятельства дѣла; не говорится, какой это былъ пасторъ, въ какомъ мѣстѣ это случилось, былъ ли пасторъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, признанъ ли онъ виновнымъ и подвергся ли за то наказанiю.

Какимъ образомъ лютеранское духовенство прибалтiйскаго края можетъ защищаться отъ подобнаго рода обвиненiй? Какъ ему доказать въ опроверженiе этихъ обвиненiй, не подкрѣпленныхъ никакими фактами, что лютеранскiе пасторы далеки отъ нетерпимости, что они никакой пропаганды не ведутъ, и что православная церковь въ прибалтiйскихъ губернiяхъ не подвергается гоненiю?

Мнѣ думается, что лютеранское духовенство можетъ и должно выжидать указанiя фактовъ, на которыхъ основаны сужденiя отчета за 1894 и 1895 гг. Тогда только для этихъ пасторовъ настанетъ время защищаться публично и притомъ передъ уголовнымъ судомъ, потому что всѣ перечисленныя въ отчетѣ дѣянiя принадлежатъ къ разряду караемыхъ въ уголовномъ порядкѣ.

Каждый пасторъ въ отдѣльности и все сословiе лютеранскаго духовенства вправѣ ожидать, что содержащiяся въ отчетѣ утвержденiя

повлекутъ за собою разслѣдованіе, при чемъ потребуется представленіе доказательствъ въ подкрѣпленіе этихъ обвиненій.

Тѣмъ не менѣе авторъ настоящей статьи, не принадлежащій къ числу пасторовъ лютеранской церкви и не призванный говорить отъ имени послѣднихъ, считаетъ долгомъ высказаться по поводу обвиненій, взводимыхъ на лютеранское духовенство потому, что сужденіе, исходящее изъ такого авторитетнаго мѣста, хотя бы оно и заключалось въ общихъ выраженіяхъ, способно сильно дискредитировать въ глазахъ общества и правительства образъ мыслей пасторовъ и всю лютеранскую церковь.

Долголѣтнія оффиціальныя мои отношенія къ пасторамъ и къ управленію евангелическо-лютеранской церкви въ Лифляндіи даютъ мнѣ возможность обрисовать взаимныя отношенія отдѣльныхъ церквей въ прибалтійскомъ краѣ и въ частности отношенія протестантскихъ пасторовъ къ православію на основаніи формальныхъ документовъ и установленныхъ оффиціально данныхъ.

Сознаю вполнѣ, что такая попытка равносильна представленію доказательствъ отрицанія; но это меня не останавливаетъ: и съ точки зрѣнія права, и въ смыслѣ общечеловѣческомъ, большая разница, кто восклицаетъ, что обвиненіе невѣрно,—обвиняемый или свидѣтель.

Прежде всего не могу не указать на противорѣчіе, содержащееся въ отдѣлѣ отчета, посвященномъ положенію православной церкви въ рижской епархіи. Въ первой его части указывается на затрудненія и препятствія, встрѣчаемыя просвѣтительною дѣятельностью православной церкви въ непріязненномъ къ ней отношеніи иновѣрцевъ, въ пропагандѣ и нападкахъ лютеранскаго духовенства, чѣмъ и объясняется отпаденіе отъ православія и нежеланіе присоединиться къ православной вѣрѣ; во второй же части выставляется на видъ, что забота православнаго духовенства о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи населенія и также поддержка, оказываемая ему правительствомъ и частными учрежденіями, принесли весьма ощутительные результаты: православіе въ прибалтійскомъ краѣ растетъ и крѣпнетъ, овладѣвая все больше и больше умами и сердцами населенія; случаи отпаденія отъ православія становятся все рѣже и рѣже: по отзыву многихъ православныхъ священниковъ, православная церковь неотразимо вліяетъ и на лютеранъ, которые охотно посѣщаютъ православное богослуженіе, почитаютъ православные праздники, отдаютъ своихъ дѣтей въ церковно-приходскія школы и приносятъ жертвы на сооруженіе православныхъ храмовъ. Отсюда отчетъ заключаетъ, что лютеранство перестаетъ удовлетворять религіозному чувству эстовъ и латышей, у которыхъ пробудилась жажда лучшей, истинной вѣры и церкви; этимъ только и объясняется, по словамъ

отчета, продолжающееся изъ года въ годъ присоединеніе лютеранъ къ православію, количество коихъ за отчетные годы—1894 и 1895—достигло очень значительной цифры.

Непонятно, какъ это враждебное, будто бы, отношеніе лютеранскихъ пасторовъ къ православной церкви и ея духовенству, проклинаніе присоединившихся къ православію, распространеніе слуха о скоромъ дарованіи свободы совѣсти, исправленіе духовныхъ требъ надъ православными и признаніе превосходства православнаго ученія надъ средствами спасенія по ученію лютеранства — непонятно, какъ все это можетъ поощрять отпаденіе отъ православія и препятствовать присоединенію къ православію, когда греко-восточная церковь утвердилась такъ прочно, что даже лютеранское населеніе само отвернулось отъ лютеранской церкви и склоняется къ православной вѣрѣ? Какъ согласовать съ этимъ положеніемъ, занимаемымъ православіемъ въ прибалтійскомъ краѣ, упомянутыя въ томъ же отчетѣ многочисленныя прошенія отъ лицъ, отпавшихъ отъ православія, о нестѣсненіи въ исповѣданіи лютеранской вѣры и какое можетъ имѣть вліяніе оповѣщеніе о скоромъ дарованіи свободы совѣсти на невозвращеніе отступниковъ въ лоно православной церкви?

Какъ бы то ни было, противорѣчія, въ томъ или другомъ отношеніи, въ сужденіяхъ отчета не освобождаютъ лютеранскихъ пасторовъ отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, и на этихъ-то обвиненіяхъ я желаю остановиться.

Утвержденіе, будто лютеранское духовенство ведетъ пропаганду, въ такой степени противорѣчитъ духу и принципамъ лютеранской церкви, что въ опроверженіе его достаточно указать на тотъ историческій фактъ, что никогда и нигдѣ лютеранство не было распространяемо при помощи агитаціонныхъ средствъ пропаганды. Хотя лютеранская церковь, естественно, убѣждена въ истинности своего вѣроученія, но она никогда не претендовала на исключительную прерогативу единственной спасающей вѣры и не задавалась цѣлью привлекать адептовъ изъ чужихъ церковныхъ обществъ; всякая пропаганда строго осуждена уже самимъ Лютеромъ.

Возражая противъ обвиненій, выставляемыхъ противъ лютеранскихъ пасторовъ прибалтійскихъ губерній, я долженъ вернуться къ исторіи истекшихъ 50 лѣтъ, касаясь вкратцѣ хода развитія отношеній лютеранской церкви къ православію въ этомъ краѣ,

Извѣстно, что до сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія въ прибалтійскихъ губерніяхъ почти не было вовсе православныхъ церковныхъ обществъ, и православіе водворилось здѣсь лишь вслѣдствіе присоединенія къ нему лифляндскихъ крестьянъ массами, именно въ сороковыхъ годахъ. Обстоятельства, сопровождавшія, а можетъ быть и

вызвавшія этотъ переходъ, не замедлили обнаружить, что крестьянами при этомъ не руководила искренность убѣжденія. Самъ г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода въ отчетѣ за 1883 годъ призналъ, что съ этимъ переходомъ были связаны корыстныя цѣли и соображенія экономическаго свойства. Правительство сочло нужнымъ объявить тогда населенію, что присоединеніе къ православной вѣрѣ не даетъ никакихъ правъ на какія-либо матеріальныя выгоды; то же самое повторялось неоднократно до самаго послѣдняго времени. Притомъ самый актъ пріобщенія къ православію совершонъ былъ тогда такъ поверхностно, безъ соблюденія установленнаго на то порядка, что вскорѣ затѣмъ святѣйшій синодъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и рижскій архіерей стали дозволять большому числу лицъ, записанныхъ въ православныхъ метрическихъ книгахъ, оставаться въ лютеранскомъ исповѣданіи, усмотрѣвъ въ дѣлѣ нѣкоторыя обстоятельства, могущія возбуждать сомнѣнія въ дѣйствительности присоединенія ихъ къ православной церкви. Когда же эти многія тысячи неофитовъ убѣдились въ неосновательности разсчета на мірскія выгоды, то въ виду отсутствія духовныхъ узъ, связывающихъ ихъ съ вѣроисповѣданіемъ, принятымъ безъ всякой подготовки, подъ вліяніемъ внезапнаго побужденія, естественно должно было наступить обратное движеніе. Присоединившіеся недавно къ православной вѣрѣ являлись массами къ прежнимъ своимъ лютеранскимъ проповѣдникамъ съ просьбою о пріобщеніи ихъ вновь къ лютеранскому церковному обществу. Когда же лютеранскіе пасторы имъ въ томъ отказывали во вниманіе къ постановленіямъ закона, воспрещающаго отступленіе отъ православія, и не соглашались на совершеніе надъ ними требъ, то наступило время безправной самопомощи, продолжавшееся до средины шестидесятыхъ годовъ и породившее совершенно хаотическое положеніе, грозившее поколебать устои не только церкви, но и государственнаго правопорядка. Населеніе, разбросанное по всей странѣ среди родственниковъ и членовъ семейства, отчасти оставшихся вѣрными вѣрѣ отцовъ, окруженное прочно сплоченнымъ лютеранскимъ церковнымъ обществомъ, упорно чуждалось церкви, съ которою его связывала только принудительная власть государства, совершало само крещеніе надъ дѣтьми, жило во внѣбрачномъ союзѣ и хоронило мертвыхъ тайкомъ, или же добивалось украдкою церковнаго благословенія безъ внесенія ихъ въ лютеранскія церковныя книги и безъ записи крещеній, вѣнчаній и погребеній въ какіе бы то ни было метрическіе реестры.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ пытались удерживать отступниковъ при помощи мѣръ полицейскаго надзора, но безъ успѣха; подаваемыя безпрестанно представителямъ свѣтской и церковной власти просьбы

о разрѣшеніи вернуться въ лютеранство оставлялись безъ послѣдствій. Тогда лютеранскіе пасторы не могли болѣе оставаться равнодушными зрителями возрастающаго одичанія и отчаянія массы населенія, находившейся внѣ всякаго религіознаго съ кѣмъ-либо общенія. По тщательнѣйшемъ изслѣдованіи убѣжденія совѣсти и твердости вѣры лицъ, желавшихъ вернуться въ лютеранство, они стали совершать надъ ними требы, крестить ихъ дѣтей, вѣнчать ихъ браки и вносить подлежащія записи въ церковныя книги. Такимъ образомъ появилась категорія т.-н. „реконвертитовъ", на которыхъ, въ виду собственнаго ихъ желанія и безпрерывнаго совершенія надъ ними требъ, и пасторы, и церковныя власти, смотрѣли какъ на полноправныхъ членовъ лютеранской церкви. Правительство хотя и пожелало воспретить лютеранскимъ пасторамъ совершеніе требъ надъ этими лицами, все еще значившимися по реестрамъ православныхъ церквей членами послѣднихъ, но не могло побудить отступниковъ вернуться въ лоно православія. Когда затѣмъ императоръ Александръ II, по произведенномъ спеціальномъ разслѣдованіи, въ 1865 г. отмѣнилъ установленную ст. 67 ч. I т. X Св. Зак. подписку при заключеніи смѣшанныхъ браковъ, а въ 1874 году повелѣлъ прекратить возбужденное тѣмъ временемъ противъ нѣкоторыхъ лютеранскихъ пасторовъ преслѣдованіе за совершеніе духовныхъ требъ надъ отпавшими отъ православія эстами и латышами, при чемъ на будущее время такое преслѣдованіе пасторовъ было поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія высшихъ правительственныхъ учрежденій,—то означенные „реконвертиты", а съ ними и духовенство и все вообще населеніе полагали, что этимъ окончательно водворено спокойствіе въ дѣлахъ церковныхъ и обезпечено мирное существованіе рядомъ и евангелическо-лютеранской, и православной церкви.

Хотя фамиліи „реконвертитовъ" все еще значились въ православныхъ церковныхъ книгахъ, но они могли свободно исповѣдывать лютеранскую вѣру, и надъ ними могли совершаться требы по обрядамъ лютеранской церкви. Вотъ эти-то „реконвертиты", и только они, составляютъ тотъ контингентъ „православныхъ", о которыхъ въ отчетѣ и въ сообщеніяхъ православнаго духовенства говорится, что надъ ними исправляютъ требы лютеранскіе пасторы.

О томъ, продолжаютъ ли они считаться членами православной церкви, несмотря на свое отпаденіе, въ законѣ нѣтъ положительныхъ предписаній. Приговоромъ с.-петербургской судебной палаты, отъ 16-го октября 1890 г., по дѣлу пастора Гримма признано, что лица, уклонившіяся отъ православія въ лютеранство, должны разсматриваться по закону какъ лютеране; этотъ приговоръ утвержденъ правительствующимъ сенатомъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ профес-

соровъ по каѳедрѣ русскаго права весьма убѣдительно доказываетъ, что отпаденіе отъ православія несовмѣстимо съ дальнѣйшимъ хотя бы и внѣшнимъ въ немъ пребываніемъ.

Въ 1883 году во взглядахъ правительственныхъ сферъ происходилъ крутой поворотъ. До тѣхъ поръ „реконвертитамъ“ и ихъ потомству не препятствовали участвовать въ требахъ лютеранской церкви и исповѣдовать открыто лютеранскую вѣру, какъ членамъ этой церкви, и пасторы свободно совершали надъ ними духовныя требы; но съ 1883 года противъ цѣлаго ряда лифляндскихъ и даже курляндскихъ и эстляндскихъ пасторовъ было возбуждено уголовное преслѣдованіе за совершеніе ими сказанныхъ требъ, закончившееся осужденіемъ пасторовъ уголовными судами, съ наложеніемъ на нихъ довольно тяжкихъ каръ. По всѣмъ этимъ дѣламъ было установлено, что требы были совершены пасторами исключительно надъ лицами, въ теченіе многихъ лѣтъ числившимися членами ихъ паствъ или же надъ ихъ дѣтьми, которыя никогда или по крайней мѣрѣ со времени ихъ крещенія никакого общенія съ православной церковью не имѣли, и что всѣ эти лица присоединились къ лютеранскому церковному обществу по собственному убѣжденію, безъ всякаго посторонняго вліянія. Ни въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ не было доказано, что пасторъ допустилъ какое-либо воздѣйствіе на православнаго съ цѣлью его совращенія. Даже пасторъ Гриммъ, осужденный въ 1891 г. за язвительныя и доказывающія неуваженіе къ православной церкви насмѣшки, оправданъ высшими судебными инстанціями по обвиненію въ намѣреніи поколебать этимъ вѣру православныхъ. Всѣ допрошенныя по означеннымъ дѣламъ (такихъ дѣлъ было около 200) и отпавшія отъ православія лица показали, что пасторы предостерегали ихъ отъ легкомысленнаго отпаденія отъ церкви, къ которой они были по закону причислены на основаніи обряда крещенія, и принимали ихъ въ лютеранство только по продолжительномъ испытаніи убѣжденія ихъ совѣсти, а въ большинствѣ случаевъ по объявленіи ими православному духовенству о непоколебимости принятаго ими рѣшенія.

Въ рѣдкихъ случаяхъ „реконвертиты“ были подвергнуты мѣрамъ предупрежденія и наказанія; нѣкоторымъ изъ нихъ, напротивъ того, было Высочайше разрѣшено оставаться въ лютеранствѣ.

Наконецъ, 27-го мая 1894 г., въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III повелѣть соизволилъ: „По возникающимъ въ лифляндской губерніи дѣламъ о привлеченіи лютеранскихъ пасторовъ къ отвѣтственности за совершеніе требъ для лицъ, значащихся православными, но почитающихъ себя лютеранами, всѣ свѣдѣнія о такихъ преступныхъ дѣяніяхъ пасторовъ обращать, до возбужденія о сихъ пасторахъ фор-

мальнаго производства, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ коего будетъ зависѣть, по сношенiи съ министерствомъ юстицiи и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, или прекращать переписки сего рода, или же дѣлать распоряженiя о направленiи таковыхъ дѣлъ въ установленномъ порядкѣ".

Таковъ ходъ развитiя отношенiй лютеранской церкви и ея проповѣдниковъ къ православiю. Лютеранское духовенство и представители лютеранскаго церковнаго управленiя открыто заявили и доказали, что пасторы никогда не допускали чуждаго духу лютеранства насилiя или вообще воздѣйствiя, направленнаго на совращенiе православныхъ, но что совѣсть велѣла имъ исправлять по прежнему требы для лицъ, принадлежащихъ по убѣжденiю въ теченiе многихъ лѣтъ къ ихъ паствѣ, пока тѣ не возвратятся добровольно въ православiе. „Реконвертиты" же въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несмотря на всѣ увѣщанiя православнаго духовенства и на угрожавшiя имъ мѣры полицейскаго и судебнаго преслѣдованiя, остались вѣрными вѣроисповѣданiю, къ которому они принадлежали по происхожденiю, по воспитанiю и по выраженному ими положительно желанiю.

Опровергая дѣлаемый лютеранскому духовенству въ отчетѣ упрекъ въ агитацiи и пропагандѣ, я вынужденъ былъ вкратцѣ повторить неоднократно уже изложенную, и въ печати, и въ оффицiальныхъ представленiяхъ правительству, исторiю развитiя взаимоотношенiй церквей въ прибалтiйскомъ краѣ. Если же изъ этого изложенiя, почерпнутаго во всѣхъ частяхъ изъ оффицiальныхъ источниковъ, несомнѣнно вытекаетъ, что группы населенiя, причисляемыя православнымъ духовенствомъ и правительствомъ къ православной церкви, а лютеранскими пасторами къ полноправнымъ членамъ ихъ паствъ, вернулись къ церкви своихъ родителей безъ всякаго содѣйствiя и поощренiя со стороны лютеранскаго духовенства и даже несмотря на долгое сопротивленiе послѣдняго, побуждаемые къ тому глубокимъ убѣжденiемъ совѣсти; что эти лица, отпаденiе которыхъ долгое время молчаливо терпѣлось и свѣтскою и церковною властью, и которыя не подавались мѣрамъ вразумленiя, исходившимъ отъ православнаго духовенства, допускались пасторами къ участiю въ требахъ лютеранской церкви не иначе, какъ по тщательномъ испытанiи религiознаго побужденiя каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; что ничѣмъ не доказано, чтобы пасторы когда-либо попытались совратить кого-либо изъ православнаго вѣроисповѣданiя,— то утвержденiе, будто лютеранское духовенство ведетъ пропаганду среди членовъ православной церкви должно быть признано лишеннымъ твердаго основанiя.

Къ этимъ общимъ выводамъ прибавлю нѣкоторыя данныя, извле-

ченныя изъ оффиціальныхъ бумагъ и бросающія яркій свѣтъ на отношеніе къ дѣлу лютеранскихъ пасторовъ и церковной администраціи.

Когда въ теченіе пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ возвращеніе православныхъ латышей и эстовъ въ лютеранство стало принимать все бо̀льшіе размѣры, то, вслѣдствіе донесенія пасторовъ о большомъ числѣ незваныхъ гостей, являвшихся по воскресеньямъ къ причастію, лифляндская консисторія, циркуляромъ отъ 1871 г., наистрожайше предписала проповѣдникамъ не допускать такого самовольнаго участія въ требахъ и совершать таковыя не иначе, какъ по предварительномъ назиданіи и конфирмаціи.

Когда въ 1885 году снова было введено отобраніе подписки при смѣшанныхъ бракахъ, и лютеранскому духовенству поставлена была на видъ строгость уголовныхъ законовъ, то пасторы, убѣдившись въ томъ, что время снисходительнаго отношенія правительства къ религіознымъ убѣжденіямъ прошло, рѣшили болѣе не принимать въ лютеранство ни одного отступника отъ православія и представили о томъ своему церковному начальству, присовокупляя, что не только тѣ пасторы, противъ которыхъ тогда возбуждено было уголовное преслѣдованіе, но всѣ пасторы лифляндской губерніи признаютъ себя виновными въ нарушеніи буквы закона, но при этомъ не могутъ не считать священной своей обязанностью дальнѣйшее исправленіе духовныхъ требъ надъ лицами, которыя по искреннему убѣжденію совѣсти уже раньше вернулись въ лоно лютеранской церкви.

Вотъ примѣръ того, къ какимъ послѣдствіямъ привело означенное рѣшеніе и какъ относится лютеранская церковная администрація къ церковной пропагандѣ. Такихъ случаевъ, впрочемъ, довольно много.

Въ 1891 году, 20-лѣтняя дѣвушка Л. О. жаловалась лифляндской консисторіи на мѣстнаго лютеранскаго пастора за то, что онъ отказывается принять ее на конфирмацію подъ тѣмъ предлогомъ, что она крещена по обряду православной церкви. При разслѣдованіи дѣла оказалось, что отецъ этой дѣвушки былъ раньше православнымъ, почему всѣ его дѣти также были крещены по православному обряду; что отецъ затѣмъ вернулся въ лютеранство и воспитывалъ дѣтей въ лютеранствѣ, послѣ чего всѣ его дѣти, за исключеніемъ младшей дочери,—жалобщицы, черезъ конфирмацію пріобщены были къ лютеранской вѣрѣ. Выросшая въ лютеранской семьѣ и общинѣ, воспитанная дома и въ школѣ въ ученіи лютеранской церкви, дѣвушка эта, помимо факта крещенія не соприкасавшаяся съ православною церковью, чуждая ея ученій, думала, что она вправѣ требовать формальнаго присоединенія къ церковному обществу, къ которому она принадлежала по убѣжденіямъ своимъ. Лютеранскій пасторъ не счелъ себя вправѣ конфирмовать несчастную, и консисторія согласилась съ

нимъ, отказывая ей въ просимой помощи. Кто присутствовалъ при этомъ и при многихъ подобныхъ сценахъ, кто видѣлъ отчаяніе и слезы этихъ лицъ, стоящихъ внѣ всякаго церковнаго общенія и тѣмъ не менѣе остающихся вѣрными лютеранской церкви, тому извѣстно отношеніе лютеранъ къ дѣлу пропаганды, извѣстно также, съ какимъ самоотверженіемъ лютеранское духовенство прибалтійскаго края преклоняется передъ Царскою волею.

Обращаюсь къ утвержденіямъ отчета о нетерпимости лютеранскихъ пасторовъ и поношеніи ими православной церкви. Въ отчетѣ говорится, что въ 1894 году былъ случай публичнаго поношенія пасторомъ православной церкви и правительства въ проповѣди. Такъ какъ ближайшія обстоятельства дѣла не указываются, то могу лишь заявить, что такой случай здѣсь никому неизвѣстенъ и что не слышно также объ уголовномъ его преслѣдованіи, хотя таковое непремѣнно было бы возбуждено въ виду яснаго и несомнѣннаго постановленія о томъ закона. Если въ 1891 году пасторъ Гриммъ, какъ выше сказано, былъ осужденъ за язвительныя и доказывающія неуваженіе къ православной церкви насмѣшки, на основаніи показаній свидѣтелей, о которыхъ пасторъ Гриммъ заявилъ, что они состоятъ съ нимъ въ личной враждѣ, то я, конечно, не думаю оспаривать законность состоявшагося приговора и не буду останавливаться на томъ, что не только въ паствѣ названнаго проповѣдника, но и во всемъ образованномъ обществѣ такъ и осталось сомнѣніе въ возможности произнесенія такимъ высокопросвѣщеннымъ человѣкомъ и духовнымъ лицомъ безсмысленныхъ словъ, которыя ему приписывались, но я спрашиваю, какимъ образомъ погрѣшеніе какого-нибудь одного члена можетъ быть поставлено въ вину цѣлому сословію?

Съ начала 80-хъ годовъ судилось уголовнымъ судомъ болѣе 100 пасторовъ; никто изъ нихъ и никто изъ судившихся раньше проповѣдниковъ не обличенъ въ поношеніи или порицаніи православной церкви.

Что̀ содержится презрительнаго въ выраженіи: „русская вѣра“— это, очевидно, не будетъ понятно и для многихъ членовъ православной церкви. Ничего презрительнаго не можетъ въ немъ усмотрѣть и правительство послѣ того, какъ самъ остзейскій генералъ-губернаторъ предложилъ лифляндской консисторіи въ 1870 году употреблять для обозначенія господствующей церкви выраженіе „греко-русское вѣроисповѣданіе“.

Но можно ли упрекать лютеранскихъ пасторовъ въ непріязненномъ отношеніи, если пасторы, какъ прежде, при воспріятіи „реконвертитовъ“, такъ и въ новѣйшее время, гдѣ они отказываютъ отпадшимъ отъ православія въ удовлетвореніи ихъ религіозныхъ нуждъ,

предостерегали и предостерегаютъ просителей въ продолжительныхъ и частыхъ бесѣдахъ отъ легкомысленнаго отступленія отъ церкви, къ которой они причислены по закону, отсылаютъ ихъ къ пастырямъ православной церкви и понуждаютъ ихъ къ личнымъ съ послѣдними объясненіямъ. Доказательства тому можно найти въ дѣлахъ лифляндской консисторіи.

Переходу въ православіе пасторы не препятствовали и препятствовать не могли. Исторія не только обращенія 40-хъ годовъ, но и всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ переходовъ въ православіе доказываетъ (это оффиціально установлено), что такой переходъ всегда совершался тайкомъ отъ лютеранскихъ пасторовъ и обыкновенно крайне быстро, безъ всякой подготовки, при чемъ пасторы, въ особенности въ послѣднее время, извѣщались гораздо позднѣе о выбытіи того или другого члена ихъ паствы.

Если пасторы въ школѣ и церкви предостерегаютъ членовъ своей паствы отъ легкомысленной перемѣны вѣры, вызываемой мірскою корыстью, то къ тому ихъ обязываетъ и долгъ службы церковной, и удостовѣренная оффиціально исторія переходовъ въ православіе, и нравственное мученіе, неизмѣнно испытываемое на ихъ же глазахъ лицами, присоединившимися къ православію по внѣшнимъ побужденіямъ и навсегда уже связанными съ чуждою имъ церковью. Все это можно доказать оффиціальными документами. Но никогда лютеранскій пасторъ не станетъ произносить проклинанія, такъ какъ это противорѣчило бы ученію нашей церкви, обѣщающей прощеніе и величайшему грѣшнику. На имѣвшемъ мѣсто въ 1884 году синодѣ пасторы признали, что „лютеранская церковь должна отнестись съ состраданіемъ къ отпадшимъ сынамъ своимъ, и не примѣнять къ нимъ внѣшнихъ мѣръ принужденія, ниже судить ихъ немилосерднымъ судомъ“.

Уставъ евангелическо-лютеранской церкви обязываетъ проповѣдника разъяснять вступающимъ въ бракъ значеніе вступленія въ этотъ священный союзъ. Необходимость въ такомъ разъясненіи усугубилась для смѣшанныхъ браковъ со времени возстановленія для нихъ подписки. Несмотря на всѣ объявленія и поясненія консисторіи и пасторовъ, въ населеніи все еще держится вѣра въ возможность оставленія дѣтей, родившихся отъ такихъ браковъ, въ лютеранствѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ подаваемыя ими многочисленныя прошенія и частые случаи тайныхъ крещеній по нуждѣ. Ни отъ брачущихся, ни отъ православнаго духовенства не поступало въ лютеранскую консисторію заявленій о томъ, чтобы проповѣдники прибѣгали при этомъ къ запугиванію адскими муками, хотя православное духовенство дѣйствительно усматривало въ такихъ увѣщаніяхъ противодѣйствіе смѣшаннымъ бракамъ.

Правда, что въ послѣдніе годы среди населенія появилась надежда на облегченіе основаннаго на государственныхъ законахъ стѣсненія свободы вѣроисповѣданія, но она отнюдь не вызвана лютеранскими пасторами; никто у насъ и не слышалъ о подобныхъ изреченіяхъ пасторовъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ нельзя было бы усмотрѣть что-либо злонамѣренное. Трудно понять, почему надежда на дарованіе свободы вѣроисповѣданія способна удержать нетвердаго въ своихъ убѣжденіяхъ лютеранина отъ перехода въ православную церковь; скорѣе можно было бы предположить, что такая надежда должна препятствовать отпаденію отъ православія.

Въ заключеніе я вынужденъ коснуться и того утвержденія, будто лютеранскіе пасторы, желая удержать членовъ своей паствы отъ перехода въ православіе, стали проповѣдовать, что лютеранство и православіе одно и то же, съ тѣмъ лишь различіемъ, что путь православія труднѣе для спасенія, чѣмъ путь лютеранской вѣры.

Не скрою, обвиненіе это таково, что трудно преодолѣть вызываемое имъ невольно возбужденіе чувства, и ограничиться сухимъ анализомъ его нелогичности. Какое церковное общество будетъ продолжать считать своимъ членомъ лицо, высказывающее такія сужденія о своей вѣрѣ? И, замѣтьте, рѣчь идетъ не о какомъ-либо помѣшавшемся церковномъ служителѣ, а о всемъ сословіи лютеранскаго духовенства,—о немъ говорится, что оно отказывается отъ догматовъ той вѣры, которые оно призвано охранять! Можно ли отвѣтить на это чѣмъ-либо инымъ, какъ требованіемъ: скажите, гдѣ это случилось, кто проповѣдовалъ такое ученіе?

Обращаясь къ образованной публикѣ, я не стану распространяться въ этомъ мѣстѣ о догматахъ евангелическо-лютеранской и православной церквей. Различіе ученій обоихъ вѣроисповѣданій всѣмъ извѣстно, и врядъ ли кто-либо повѣритъ, что даже въ простомъ народѣ, усвоившемъ себѣ уже съ ранняго дѣтства, при изученіи катехизиса, догматы вѣры, можно было бы вызвать представленіе о тождествѣ этихъ двухъ вѣроученій.

Возможно ли допустить, что лютеранскій пасторъ, присягнувшій при посвященіи на должность, будетъ считать св. Писаніе единственнымъ источникомъ догматовъ вѣры и не станетъ проповѣдовать другихъ ученій, кромѣ изложенныхъ въ символическихъ книгахъ лютеранской церкви, заявитъ во всеуслышаніе, что это вѣроученіе тождественно съ другими, или поставитъ заслугу достиженія спасенія въ другой церкви выше пути, ведущаго къ спасенію въ лютеранствѣ?

Правда, что ученіе Лютера, сложившееся принципіально и исторически на началахъ терпимости и свободы изслѣдованія, никогда не

осуждало и не порицало средствъ спасенія чужихъ церквей, но оно твердо держится своихъ догматовъ, признанныхъ имъ за вѣчную истину, и ни одинъ проповѣдникъ, желающій, чтобы его паства продолжала въ немъ видѣть служителя Евангелія, не осмѣлится сказать, что слово Божіе не проповѣдуется имъ въ чистомъ видѣ.

Подобная доктрина можетъ достигнуть цѣли, указанной въ отчетѣ, только у лицъ, готовыхъ примкнуть къ церковному обществу по однимъ внѣшнимъ побужденіямъ, не страшась внутренней неправды своихъ отношеній къ церкви.

Въ предшествующемъ я старался выяснить внутреннюю несостоятельность совершенно голословныхъ утвержденій о пропагандѣ, нетерпимости и враждебномъ отношеніи лютеранскаго духовенства къ православной церкви; я при этомъ по необходимости долженъ былъ держаться отрицательной формы изложенія, но я могъ бы привести и положительное доказательство въ пользу лютеранскихъ проповѣдниковъ.

Можно было бы ожидать, что, установивъ такимъ образомъ невиновность лютеранскаго духовенства въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, я перейду къ фактическому положенію лютеранскаго вѣроисповѣданія въ прибалтійскихъ губерніяхъ и отношенію къ нему православной церкви.

Но я не хочу вдаваться въ полемику и не желаю отвѣчать на упреки упреками.

Лютеранская церковь въ прибалтійскихъ губерніяхъ можетъ, по моему убѣжденію, со спокойною совѣстью ждать приговора исторіи.

Артуръ фонъ Вильбоа.

г. Рига.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1899.

Политическія событія истекшаго года.—Воинственныя предпріятія въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ.—Дѣла на дальнемъ Востокѣ.—Разрѣшеніе критскаго вопроса.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи, Италіи, Франціи и Германіи.

Необыкновенный подъемъ воинственнаго духа въ англо-саксонскомъ мірѣ, выступленіе американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ на путь завоеваній и побѣдъ, британскіе успѣхи въ Суданѣ, могучій, но мирный ростъ Германіи, внутренняя политическая неурядица во Франціи, Италіи и Австро-Венгріи, окончательный упадокъ Испаніи, и среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ условій и обстоятельствъ первый оффиціальный опытъ международнаго обсужденія вопроса объ ограниченіи вооруженій,—такова пестрая картина политической жизни культурныхъ націй за истекшій годъ. Народы и правительства въ высшей степени сочувственно отозвались на воззваніе Россіи, и въ то же время повсемѣстно замѣчаются особенныя заботы объ усиленіи армій и флотовъ. Жизнь состоитъ изъ противорѣчій; событія не соотвѣтствуютъ желаніямъ и стремленіямъ, и часто мы видимъ, что живѣйшія симпатіи къ извѣстнымъ общимъ идеямъ идутъ рядомъ съ полнымъ отрицаніемъ ихъ на практикѣ.

Самое поразительное и любопытное явленіе послѣднихъ лѣтъ—возростающая популярность культа военной силы и военнаго честолюбія въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ. Такъ-называемый „имперіализмъ", направленный къ расширенію внѣшняго господства, рѣшительно овладѣлъ умами многихъ выдающихся англичанъ и американцевъ; онъ все болѣе становится руководящимъ принципомъ печати и даетъ тонъ общественному мнѣнію, выражаясь нерѣдко въ формахъ простого патріотическаго задора. Политическимъ оракуломъ Англіи сдѣлался Чамберлэнъ; національнымъ героемъ и любимцемъ—Китченеръ, побѣдитель дервишей. Ни одна держава не обнаруживала такой дѣятельности и энергіи во внѣшней политикѣ, какъ Англія: почти одновременно она имѣла на рукахъ такія сложныя предпріятія, какъ суданская экспедиція, подавленіе возставшихъ пограничныхъ племенъ въ сѣверной Индіи, столкновеніе съ Франціею на Нигерѣ и конфликтъ съ Трансваалемъ; позднѣе—рѣзкій споръ съ французами изъ-за Фашоды. Въ мартѣ морской министръ Гошенъ требовалъ увеличенія расходовъ на флотъ, мотивируя свое требованіе необходи-

мостью быть сильнѣе возможныхъ враждебныхъ коалицій; и его доводы встрѣтили единодушную поддержку въ парламентѣ. Въ апрѣлѣ одержана была крупная побѣда въ Суданѣ, при Атбарѣ; впослѣдствіи занятъ Хартумъ, и наконецъ, въ сентябрѣ разсѣяны войска махдистовъ при Омдурманѣ, чѣмъ и завершилось предпринятое англичанами дѣло обратнаго завоеванія областей верхняго Нила для Египта. Встрѣча сэра Китченера съ французскимъ мойоромъ Маршаномъ въ Фашодѣ представляетъ интересный и характерный эпизодъ: культурные европейцы сошлись въ пустынѣ для того, чтобы спорить о правахъ на занятую мѣстность и грозить другъ другу употребленіемъ насилія. Горсть французовъ, страдавшихъ отъ голода, крокодиловъ и дервишей, уступила Китченеру съ тяжелымъ чувствомъ, хотя и безъ того не могла бы удержаться въ странѣ собственными средствами. Вопросъ сразу былъ поставленъ такъ, что необходимая уступка Франціи получила значеніе серьезнаго удара для ея національнаго самолюбія; Англія прямо грозила войною, и при шумѣ этихъ угрозъ пришлось французскому правительству рѣшиться на миролюбивое отступленіе. Англичане торжествовали; Чамберлэнъ сталъ въ своихъ рѣчахъ поучать Францію, что ей надо отречься отъ „политики уколовъ“, которой она будто бы упорно держится относительно Англіи, а британскій посолъ, сэръ Монсонъ, публично повторилъ этотъ совѣтъ въ самомъ Парижѣ, причемъ упомянулъ объ „эфемерныхъ министерствахъ“, а ради популярности ихъ подрываются добрыя сосѣдскія отношенія обѣихъ странъ. Сэръ Монсонъ долженъ былъ формально извиниться передъ Делькассè, но непріятное впечатлѣніе осталось. Вызывающій тонъ англійскихъ патріотовъ будитъ старыя враждебныя чувства между двумя культурными націями, къ явному вреду самой Англіи. Преувеличенный шовинизмъ, которому съ такимъ увлеченіемъ отдается значительная часть англійскаго общества, отталкиваетъ чужіе народы и дѣлаетъ весьма проблематичными широкіе планы внѣшнихъ союзовъ. Ни Соединенные-Штаты, ни Германія, не могутъ имѣть ни малѣйшаго интереса въ увеличеніи могущества и вліянія британской имперіи; поэтому призывы и намеки Чамберлэна не находятъ для себя почвы, тѣмъ болѣе, что они сопровождаются гордыми увѣреніями, что Англія ни въ комъ не нуждается и можетъ всего достигнуть сама, благодаря превосходству своихъ силъ въ моряхъ. Великія нравственныя и соціальныя задачи современности какъ будто не существуютъ для новыхъ проповѣдниковъ британской славы. Можно сказать, что идеализмъ ушелъ изъ области политики съ кончиною Гладстона (въ маѣ 1898); многіе изъ бывшихъ его сотрудниковъ и послѣдователей, съ лордомъ Розбери во главѣ, всецѣло примкнули къ новымъ „имперіалистскимъ“ взглядамъ. Либеральная партія факти-

чески распалась, и предводитель ея въ палатѣ общинъ, сэръ Вильямъ Гаркортъ, сложилъ съ себя свое званіе. Въ обнародованномъ недавно письмѣ къ своему товарищу, Джону Морлею, онъ указываетъ на признаки непримиримаго разлада внутри партіи,—разлада, не позволяющаго ему сохранить отвѣтственный постъ „лидера". Джонъ Морлей въ своемъ отвѣтѣ выражаетъ полное сочувствіе и одобреніе принятому сэромъ Гаркортомъ рѣшенію; но истинные мотивы этого шага не объяснены прямо, и о нихъ предоставлено только догадываться публикѣ. Очевидно, солидарность лорда Розбери съ Чамберлэномъ въ конфликтѣ съ Франціею дала послѣдній толчокъ къ развязкѣ кризиса, возникшаго уже давно. Лордъ Розбери былъ замѣстителемъ и преемникомъ Гладстона, въ качествѣ общаго вождя либеральной партіи; теперь онъ занимаетъ только такое же положеніе въ палатѣ лордовъ, какое принадлежало до сихъ поръ сэру Гаркорту въ палатѣ общинъ. Оба они—вожди оппозиціи, каждый въ своей палатѣ; но сэръ Гаркортъ остался вѣренъ либеральнымъ принципамъ и традиціямъ, тогда какъ лордъ Розбери сдѣлался откровеннымъ шовинистомъ. Дѣйствовать имъ за-одно нѣтъ возможности, а такъ какъ вліятельныя группы либераловъ слѣдуютъ за Розбери, то сэру Гаркорту оставалось лишь удалиться со сцены. Въ сущности, разложеніе англійской либеральной партіи началось еще при Гладстонѣ, когда отъ нея отдѣлились „уніонисты", составляющіе нынѣ главную силу министерства Сольсбери; съ другой стороны, люди, оффиціально причисляемые къ консерваторамъ, мало чѣмъ отличаются отъ либераловъ, и прежнія партійныя разграниченія отчасти утратили свой смыслъ. Въ Англіи всѣ— прогрессисты, а реакціонеровъ вовсе нѣтъ; консерваторы же были бы радикалами на континентѣ. Тѣмъ не менѣе, либеральная партія есть одинъ изъ необходимыхъ элементовъ англійскаго парламентаризма, и предводитель ея, какъ глава возможнаго министерства при перемѣнѣ парламентскаго большинства, играетъ большую роль въ политической жизни; какъ глава оппозиціи, онъ обязательно отвѣчаетъ на заявленія правительства, критикуетъ вносимые имъ бюджеты и законопроекты, и его рѣчи считаются равными по значенію министерскимъ. Сэръ Вильямъ Гаркортъ исполнялъ эту почетную функцію съ замѣчательнымъ мастерствомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ участіе его въ обсуждаемыхъ вопросахъ оказывалось въ высшей степени полезнымъ и благотворнымъ. Новѣйшая „эволюція" политическихъ партій не привела еще къ опредѣленнымъ новымъ формамъ и комбинаціямъ; но торжество воинственныхъ патріотовъ въ либеральномъ лагерѣ есть грустный симптомъ для Англіи.

Соединенные-Штаты имѣли свой пароксизмъ воинственности; они бодро вступили въ войну съ Испаніею ради освобожденія Кубы и окон-

чили тѣмъ, что присоединили къ себѣ Филиппинскіе острова, находящіеся въ другой части свѣта. Война продолжалась всего три мѣсяца—отъ 21-го апрѣля до 26-го іюля; важнѣйшіе эпизоды ея—истребленіе испанскаго флота адмираломъ Дьюи близъ Манильи и гибель эскадры адмирала Серверы подъ Сантъ-Яго-де-Куба. Послѣ долгихъ переговоровъ, происходившихъ въ Парижѣ между спеціально назначенными делегатами обѣихъ державъ, миръ подписанъ 30-го ноября (нов. ст.), и президентъ Макъ-Кинлэй могъ возвѣстить объ этомъ конгрессу въ своемъ посланіи, отъ 5-го декабря. Вопросъ о Филиппинахъ былъ возбужденъ въ послѣдній моментъ передъ окончаніемъ мирныхъ переговоровъ, и притомъ въ видѣ грознаго ультиматума, которому не могла не подчиниться побѣжденная Испанія. Американцы уплачиваютъ 20 милліоновъ вознагражденія за Филиппины и острова Зулу, т.-е. за все то, что̀ тамъ устроено было испанцами; но если не считать отдѣльныхъ казённыхъ зданій въ Манильѣ и въ другихъ мѣстахъ, то благоустройства тамъ не было никакого: католическіе священники и монахи, вмѣстѣ съ испанскими чиновниками и офицерами, налагали на все печать безжизненности, а старый режимъ произвола и бездѣлья довелъ населеніе до возстанія. Американцамъ будетъ тамъ много дѣла, особенно на островѣ Люцонѣ: во-первыхъ, надо еще считаться съ возставшими туземцами, предводимыми „генераломъ" Агвинальдо, которому заранѣе присвоивается уже титулъ „президента филиппинской республики"; во-вторыхъ, придется ввести новые порядки, создать условія для мирнаго внутренняго развитія и процвѣтанія, оживить промышленную и культурную дѣятельность, и никто не сомнѣвается, что въ этомъ отношеніи роль американцевъ будетъ въ высшей степени благотворная. Но неожиданное водвореніе Соединенныхъ-Штатовъ въ юго-восточной Азіи, недалеко отъ китайскихъ водъ, представляетъ новый и весьма крупный факторъ политики въ тѣхъ краяхъ, гдѣ сосредоточивается теперь соперничество морскихъ европейскихъ націй. Американцы явно вышли изъ границъ „доктрины Монро", приписывающей имъ роль исключительныхъ хозяевъ въ Америкѣ, и занятое ими новое положеніе свободныхъ завоевателей даетъ богатый матеріалъ для всевозможныхъ догадокъ и предсказаній [1]).

Сталкивающіеся между собою интересы въ Китаѣ размежевываются мирно, хотя и не безъ скрытыхъ неудовольствій: по примѣру Германіи, занявшей Кіао-Шау, Россія утвердилась въ Портъ-Артурѣ и

[1]) См. выше, стр. 282, отголоски общественнаго мнѣнія въ С.-Америкѣ, по поводу послѣднихъ выборовъ въ штатахъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Таліенванѣ, о чемъ оффиціально заявила въ мартѣ, а вслѣдъ затѣмъ Англія, въ отвѣтъ, заняла Вей-хай-вей. Россія пріобрѣла такимъ образомъ незамерзающій портъ, могущій служить конечнымъ пунктомъ сибирской желѣзной дороги, а Англія обезпечила за собою наблюдательный постъ у входа въ Печилійскій заливъ, на пути къ китайской столицѣ. Англичане выговорили себѣ также преимущественныя права на долину Янгтзе-Кіанга, т.-е. на богатѣйшую центральную область Китая, пока лишь въ формѣ торговыхъ и промышленныхъ привилегій. Франція, съ своей стороны, успѣла наложить запретъ на территорію южнѣе Янгтзе-Кіанга. Корея, бывшая долго яблокомъ раздора между японцами и русскими, признана въ апрѣлѣ независимою имперіею, по договору Россіи съ Японіею. Въ Китаѣ все сильнѣе проявляется броженіе, вызванное внѣшними ударами и неудачами; смѣлые иноземные захваты расшевелили даже китайскій консерватизмъ и впервые возбудили мысль о необходимыхъ реформахъ въ устарѣломъ государственномъ строѣ и бытѣ. Молодой богдоханъ началъ издавать манифесты, удивлявшіе міръ; онъ возвѣщалъ объ учрежденіи школъ и университетовъ, объ отказѣ отъ тысячелѣтнихъ обычаевъ и традицій, о пользѣ усвоенія новыхъ знаній и искусствъ [1]), но вскорѣ китайскіе патріоты положили конецъ этимъ мечтаніямъ. Въ сентябрѣ произведенъ былъ дворцовый переворотъ, подъ руководствомъ вдовствующей императрицы; „сынъ неба" безцеремонно взятъ въ опеку, и довѣренный совѣтникъ его, вдохновитель его преобразовательныхъ мѣръ, Канъ-ю-мей, едва ускользнулъ отъ казни, спасшись бѣгствомъ на англійскій корабль. Всемогущій въ принципѣ богдоханъ, стоящій ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ, долженъ былъ убѣдиться на дѣлѣ, что номинальная неограниченность власти есть для него лишь пустой и лживый звукъ, что въ дѣйствительности онъ обреченъ на безсиліе и покорность среди усыпляющей его атмосферы придворной лести и мелочныхъ интригъ, и что на практикѣ у него нѣтъ даже такихъ правъ, какія безспорно принадлежатъ любому губернатору провинціи. Реформаціонное движеніе въ Китаѣ окончилось, прежде чѣмъ успѣло выразиться, и взамѣнъ отвергнутыхъ реформъ пошли народныя возстанія, охватывающія все болѣе обширные районы. Китайскіе охранители, смѣнившіе своего императора, только ускорили процессъ внутренняго разложенія имперіи: вмѣсто спасительнаго преобразовательнаго движенія сверху, мы видимъ революціонное движеніе снизу, и результатъ остается печальнымъ для Китая, хотя, быть можетъ, болѣе удобнымъ и желательнымъ для иностранныхъ державъ.

---

[1]) См. выше, стр. 186, письмо изъ Пекина съ подробностями объ этихъ реформахъ.

Удачно пока закончился критскій вопросъ, такъ долго и безплодно занимавшій европейскую дипломатію: турецкія войска удалены съ острова, по единодушному и категорическому требованію распоряжавшихся на мѣстѣ адмираловъ, послѣ страшной сентябрьской рѣзни въ городѣ Кандіи. Населенію дана наконецъ дѣйствительная автономія, и осуществить ее призванъ тотъ же королевичъ Георгій, кандидатура котораго на постъ критскаго генералъ-губернатора едва не разстроила „европейскаго концерта" въ началѣ прошлаго года. Въ правительственномъ сообщеніи 28 января было объяснено, что Германія и Австро-Венгрія высказались противъ этой кандидатуры, предложенной Россіею, и что русское правительство отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за послѣдствія этого разногласія, а 26 ноября королевичъ Георгій назначенъ „высшимъ коммиссаромъ" великихъ державъ на островѣ Критѣ. Номинальная власть султана сохраняется въ силѣ, и въ одномъ пунктѣ, въ городѣ Кандіи, будетъ развѣваться турецкій флагъ рядомъ съ автономнымъ; но нѣтъ ни турецкихъ войскъ, ни турецкихъ генераловъ и офицеровъ, и возможные башибузуки, туземные мусульмане, обезоружены, точно такъ же, какъ и христіанскіе обыватели. Новый правитель, не имѣвшій шансовъ успѣха, пока рѣчь шла о должности оффиціальнаго генералъ-губернатора, оказался вполнѣ подходящимъ для роли „высшаго коммиссара", зависящаго непосредственно отъ державъ, которыя взяли на себя умиротвореніе Крита. Отъ Порты не требовалось здѣсь прямого согласія или утвержденія, какъ это нужно было для рѣшенія вопроса о генералъ-губернаторѣ, и этимъ простымъ дипломатическимъ пріемомъ (придуманнымъ, вѣроятно, не дипломатами, а адмиралами) была значительно облегчена развязка сложнаго и щекотливаго дѣла. Королевичъ Георгій восторженно встрѣченъ населеніемъ Кандіи, не только христіанами, но и мусульманами, которые также не мало бѣдствовали при турецкомъ режимѣ; у всѣхъ какъ будто оживились радостныя надежды на свѣтлую жизнь, безъ насилій и произвола, подъ охраною общихъ законовъ. Отъ природнаго такта молодого правителя будетъ зависѣть успѣхъ возложенной на него серьезной миссіи.

Мусульмане братаются съ христіанами на Критѣ, но австрійскіе нѣмцы не могутъ примириться съ чехами или съ сторонниками чешской равноправности; мадьярскіе радикальные патріоты жестоко возстають противъ умѣренныхъ либераловъ и противъ министерства барона Банфи,—и парламенты обѣихъ половинъ имперіи поглощены безконечною героическою борьбою національныхъ партій и группъ, не будучи въ состояніи заниматься обсужденіемъ даже неотложныхъ

государственныхъ дѣлъ. Говорятъ, что парламентаризмъ находится въ упадкѣ и доказываетъ свою полную несостоятельность въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы; но вѣрнѣе будетъ сказать, что самыя эти страны переживаютъ тяжелый внутренній кризисъ, который только проявляется наружу въ ихъ парламентскихъ неурядицахъ. Гдѣ жизнь развивается нормально, какъ въ Англіи и Германіи, тамъ и парламенты дѣйствуютъ правильно, съ несомнѣнною пользою для государства.

Въ Австріи взаимныя отношенія національностей давно уже обострились до того, что борьба легко принимаетъ самыя грубыя формы, и она перешла бы на улицу, еслибы не имѣла для себя выхода въ парламентскихъ столкновеніяхъ и скандалахъ. Правительство до сихъ поръ не съумѣло или не желало даже прямо поставить стоящія на очереди задачи, а только обходило ихъ и лавировало въ теченіе многихъ лѣтъ; эта система считалась мудрою политикою при графѣ Таафе, и за ея неизбѣжныя печальныя послѣдствія всего менѣе отвѣчаетъ парламентаризмъ, который долго былъ лишь безсильною внѣшнею обстановкою рутиннаго придворнаго управленія. Когда выбранные короною министры, не пользующіеся общимъ довѣріемъ или почему либо ненавистные значительной части общества, упорно удерживаются во власти, то оппозиція доводится до ожесточенія, и результаты можно предвидѣть заранѣе; такъ, графъ Бадени вышелъ въ отставку только послѣ неслыханныхъ сценъ и замѣшательствъ, которыхъ не трудно было избѣгнуть своевременнымъ назначеніемъ на его мѣсто другого, болѣе подходящаго дѣятеля. Послѣ Бадени австрійскимъ министромъ-президентомъ былъ баронъ Гаутчъ, отъ котораго нельзя было ожидать никакой опредѣленной програмы; въ мартѣ истекшаго года Гаутчъ уступилъ мѣсто графу Туну, олицетворявшему собою какъ будто идею примиренія между нѣмцами и славянами. Графъ Тунъ ввелъ осадное положеніе въ Галиціи, подъ предлогомъ антисемитскихъ безпорядковъ, и по этому поводу онъ долженъ былъ выслушать въ палатѣ, 25 ноября (нов. ст.), рѣзкую обвинительную рѣчь радикала Дашинскаго, указавшаго на связь принятой мѣры съ односторонними желаніями и выгодами господствующей въ Галиціи польской шляхты. Оказывается, что исключительные законы примѣняются не къ виновникамъ антисемитскихъ безпорядковъ, а къ лицамъ, возбудившимъ противъ себя непріязнь польскихъ аристократовъ и клерикаловъ. Большинство отклонило, однако, обвиненіе министра въ нарушеніи конституціи. Нѣкоторая популярность выпала на долю графа Туна, благодаря его отвѣту на запросъ о высылкахъ австрійскихъ подданныхъ изъ Пруссіи; въ своихъ объясненіяхъ, въ засѣданіи 29 ноября, онъ подтвердилъ право каждаго государства высылать не-

удобныхъ иностранцевъ, но призналъ слишкомъ широкое примѣненіе этого права непріятнымъ и нежелательнымъ при тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ державъ, при чемъ намекнулъ на возможность репрессалій. Эта министерская рѣчь, въ сущности весьма осторожная и невинная, обратила на себя вниманіе въ Германіи и подала поводъ къ толкамъ объ ослабленіи союзныхъ связей между обѣими имперіями. Въ Берлинѣ не привыкли встрѣчать критику своихъ дѣйствій—или хотя бы подобіе критики—въ Вѣнѣ, и потому робкія замѣчанія Туна произвели впечатлѣніе, на которое авторъ вовсе не разсчитывалъ; но вѣнская оффиціозная печать поспѣшила успокоить германское правительство, и „инцидентъ" не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Нѣкоторая часть нѣмецкой оппозиціи въ Австріи не скрываетъ своихъ влеченій къ общему германскому единству, и антидинастическіе возгласы въ этомъ смыслѣ не разъ смущали публику въ австрійскомъ парламентѣ; это обстоятельство вноситъ извѣстную долю скрытаго яда въ прочную дружбу союзниковъ. Какъ бы то ни было, графъ Тунъ не особенно преслѣдуется нѣмцами и болѣе или менѣе одобряется славянами; слѣдовательно, еще не близокъ министерскій кризисъ.

Въ гораздо худшемъ состояніи находится правительство барона Банфи въ Венгріи. Еще недавно венгерскіе министры смотрѣли свысока на своихъ австрійскихъ коллегъ, подвергаемыхъ періодическимъ аттакамъ со стороны Шенерера и Вольфа; они чувствовали себя твердою властью, могущею ставить свои условія и предъявлять свои категорическія требованія вѣнскому двору, и вдругъ они сами очутились въ тискахъ, подъ гнетомъ безпощадныхъ нападеній небольшой группы противниковъ. Мадьяры-націоналисты и радикалы, вдохновляемые графомъ Аппоньи и Кошутомъ, рѣшились во что бы то ни стало свергнуть барона Банфи; они не выносятъ его надменной самоувѣренности, его пренебреженія къ требованіямъ и протестамъ меньшинства, его частыхъ ссылокъ на довѣріе короны, его склонности обходить препятствія при помощи разныхъ закулисныхъ комбинацій. Оппозиція не даетъ ничего дѣлать палатѣ, пока во главѣ правительства стоитъ Банфи. Нельзя было подвинуть впередъ ни соглашеніе съ Австріей, ни обсужденіе бюджетныхъ законовъ; трудно было также думать о томъ, чтобы до конца года добиться голосованія относительно необходимыхъ временныхъ финансовыхъ мѣръ. Большинство въ пользу министерства несомнѣнно существуетъ въ парламентѣ, но оно парализуется воинственнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ меньшинствомъ, противъ котораго всякія внѣшнія мѣры безсильны; цѣлыя засѣданія уходятъ на попытки успокоенія или законнаго устраненія шумящихъ депутатовъ, и палата перестаетъ быть собраніемъ разум-

ныхъ существъ, при полномъ разгарѣ страстей. Банфи предложилъ своимъ приверженцамъ собрать голоса большинства внѣ палаты, въ частныхъ собраніяхъ либеральнаго клуба, чтобы снабдить министерство полномочіемъ на управленіе дѣлами страны безъ утвержденнаго временнаго бюджета и безъ законнаго продленія компромисса съ Австріею. Явная незаконность такого способа дѣйствій не остановила министерскихъ либераловъ; собрано или обѣщано было свыше двухсотъ подписей. Но независимые члены партіи, наиболѣе выдающіеся по положенію и авторитету, возмутились и протестовали; министръ Хорватіи, Босніи и Далмаціи, Іосиповичъ, немедленно вышелъ въ отставку; графы Сеченьи, Батьяни, Тэлеки, Чаки, Андраши, бывшій министръ Гіеронимы, и многіе другіе отреклись отъ солидарности съ министромъ-президентомъ. Наконецъ, самъ президентъ венгерской палаты депутатовъ, Дезидерій Силаги, сложилъ свое званіе, 7 декабря, и твердо остался при этомъ рѣшеніи, несмотря на единодушныя и настойчивыя просьбы собранія; примѣру его послѣдовалъ и вице-президентъ Лангъ, такъ что пришлось по неволѣ отсрочить засѣданія парламента на нѣкоторое время. Казалось бы, что послѣ такой внушительной демонстраціи немыслимо и безцѣльно сохранять власть, которую все равно придется покинуть позднѣе и уже съ урономъ для чести. Но министры-президенты всѣхъ національностей часто становятся похожими другъ на друга; венгерецъ Банфи какъ будто подражаетъ поляку Бадени и дѣйствуетъ еще смѣлѣе и круче, чтобы дойти до того же конца. Это упорное прохожденіе сквозь строй общественнаго раздраженія называется на языкѣ министровъ-президентовъ „твердостью“ или „мужествомъ“; а по здравому смыслу оно есть нелѣпость, крайне вредная и опасная для интересовъ государства. Вмѣсто того, чтобы уйти добровольно, пока еще время, баронъ Банфи поѣхалъ въ Вѣну и привезъ оттуда заявленіе о полномъ довѣріи къ нему монарха; но что̀ сдѣлаетъ онъ съ этимъ довѣріемъ безъ парламента, имѣя противъ себя лучшихъ дѣятелей своей собственной партіи,—понять трудно.

При подобныхъ обстоятельствахъ праздновался въ Австро-Венгріи, 2 декабря, пятидесятилѣтній юбилей императора Франца-Іосифа,—юбилей грустный также и по личнымъ ударамъ, постигшимъ маститаго монарха; незадолго предъ тѣмъ погибла отъ руки безумца императрица Елизавета; сынъ и наслѣдникъ, даровитый кронпринцъ Рудольфъ, давно покоится въ могилѣ, и оффиціальныя празднества едва ли могли поднять и оживить настроеніе вѣнскаго двора. Много тяжелыхъ разочарованій пережилъ императоръ Францъ-Іосифъ, и оффиціальный юбилей подводилъ печальные итоги царствованія.

Въ Италіи парламентскія дѣла идутъ повидимому тише и спокойнѣе, чѣмъ въ Австріи или Венгріи; но внутреннее положеніе самой Италіи очень печально, тогда какъ австрійцы и мадьяры въ сущности не имѣютъ поводовъ жаловаться на судьбу. Въ имперіи Габсбурговъ люди страдаютъ отъ причинъ искусственныхъ и случайныхъ, отъ національной и политической розни, отъ взаимныхъ непріязненныхъ счетовъ, которые въ концѣ концовъ могли бы быть благополучно улажены при умѣлости и упорномъ желаніи руководящихъ дѣятелей; а итальянцы бѣдствуютъ подъ гнетомъ экономическихъ и соціальныхъ условій, созданныхъ непоправимыми грѣхами и ошибками прошлаго. Италія нуждалась бы въ коренныхъ преобразованіяхъ и прежде всего въ отреченіи отъ званія военной державы, чтобы имѣть возможность надѣяться на подъемъ своихъ производительныхъ силъ и на улучшеніе быта народныхъ массъ. Непомѣрные платежи и налоги угнетаютъ большинство населенія среднихъ и южныхъ областей, запущенныхъ и бѣдныхъ, а собираемыя съ народа средства тратятся на сомнительный внѣшній блескъ, на военное могущество, на никому не нужныя предпріятія въ странѣ эѳіоповъ, при обычной скудости затратъ на народныя школы, на общеполезныя культурныя цѣли и работы. Внушенная извнѣ идея о соперничествѣ или даже борьбѣ съ Франціею толкнула Италію на ложный, разорительный путь; правители соблазнились союзомъ съ могущественною Германіею, увлеклись вооруженіями и всецѣло отдались иллюзіямъ высшей политики, забывъ о нищенскихъ народныхъ массахъ Италіи. То, что было доступно для богатаго и трудолюбиваго населенія Франціи, оказалось совершенно непосильнымъ для итальянскаго народа; смѣнявшіеся министры и кабинеты ни въ чемъ не могутъ поколебать систему, съ которою связалъ свое имя король Гумбертъ. Оттого ни одно министерство въ Италіи не въ состояніи поправить зло, или затронуть его корни и источники; послѣдніе не затрогиваются—или почти не затрогиваются—и въ парламентѣ, который поэтому далеко не отражаетъ дѣйствительныхъ народныхъ потребностей и настроеній. Не имѣя законнаго выхода въ свободныхъ парламентскихъ протестахъ и неурядицахъ, недовольство часто выступаетъ наружу въ уличныхъ волненіяхъ, или принимаетъ опаснѣйшія формы анархизма, которыя потому нигдѣ не развились такъ широко и легко, какъ въ Италіи. Страна отчасти перестала интересоваться парламентскими преніями и министерскими кризисами; кабинеты проходятъ, какъ блѣдныя тѣни, и стоитъ ли во главѣ маркизъ Рудини, или кто-нибудь другой—положеніе отъ этого мало измѣняется. Нынѣшній министръ-президентъ, генералъ Пеллу, обладаетъ по крайней мѣрѣ военнымъ прямодушіемъ, которое нравится публикѣ и внушаетъ довѣріе; но онъ не чувствуетъ твердой

почвы подъ ногами и старается только поддерживать существующій status quo, избѣгая щекотливыхъ споровъ и проектовъ.

Во Франціи годъ начался дѣломъ Дрейфуса и кончается дѣломъ Дрейфуса; дальше и мимо этого дѣла не идетъ пока французская политическая жизнь. Въ началѣ торжествовали патріоты, громко называвшіе измѣною всякое сомнѣніе въ непогрѣшимости военныхъ судей. Въ январѣ торжественно оправданъ майоръ Эстергази по обвиненію въ написаніи знаменитаго „bordereau", поставленнаго въ улику Дрейфусу. Въ февралѣ судился и осужденъ Эмиль Зола за рѣзкую обвинительную статью противъ генеральнаго штаба и военныхъ судей. Страсти разыгрывались съ обѣихъ сторонъ, и общественная агитація доходила до небывалыхъ еще размѣровъ. Министерство Мелина довольствовалось категорическими утвержденіями, что Дрейфусъ виновенъ; генералы, дававшіе свои показанія въ процессѣ Зола, повторяли тѣ же слова о виновности, но возбужденіе росло въ обществѣ и въ печати. Изъ военныхъ одинъ только полковникъ Пикаръ отстаивалъ и доказывалъ мысль о судебной ошибкѣ; онъ лично выстрадалъ это убѣжденіе, какъ ближе всѣхъ стоявшій къ закулисной сторонѣ дѣла Дрейфуса. Сторонники пересмотра процесса тщетно взывали къ правдѣ и справедливости; патріоты забрасывали ихъ грязью.

Среди этихъ шумныхъ споровъ состоялись въ маѣ парламентскіе выборы, не доставившіе Мелину желаннаго большинства; въ іюнѣ кабинетъ палъ подъ ударами радикальной партіи. Мѣсто Мелина занялъ Бриссонъ, который включилъ въ свою программу смѣлую и безпочвенную идею о томъ, что право голоса въ дѣлахъ республики должно принадлежать исключительно однѣмъ республиканскимъ группамъ палаты. Относительно Дрейфуса новое министерство ни въ чемъ не отступило отъ прежней тактики; военный министръ, Каваньякъ, даже превзошелъ генерала Бильо своею рѣшительностью и достигъ большого успѣха пространною рѣчью 7 іюля, въ которой сослался на неопровержимый окончательный доводъ въ пользу виновности осужденнаго офицера,—на пресловутый секретный документъ, оказавшійся позднѣе поддѣлкою полковника Анри. Разоблаченіе этой поддѣлки было въ то же время разоблаченіемъ необыкновеннаго легковѣрія Каваньяка и начальника генеральнаго штаба Буадефра; оба они тотчасъ же вышли въ отставку. Дѣло сразу измѣнило свой характеръ: большинство министровъ, начиная съ самого Бриссона, убѣдилось въ неминуемости законнаго пересмотра процесса Дрейфуса, и наконецъ дѣло передано въ верховный кассаціонный судъ. Совер-

шивъ этотъ подвигъ, кабинетъ Бриссона продержался уже недолго; въ концѣ октября онъ былъ формально свергнутъ палатою, а въ засѣданіи 4 ноября прочиталъ уже свою декларацію новый министръ-президентъ, Шарль Дюпюи.

Между тѣмъ общество и печать были сильно взволнованы трагическою судьбою Пикара, которому военное вѣдомство рѣшилось сурово отомстить за раскрытіе тайнъ дѣла Дрейфуса. Еще въ началѣ іюля, послѣ знаменитой рѣчи Кавеньяка, Пикаръ былъ заключенъ въ тюрьму за напечатаніе письма, въ которомъ онъ выражалъ готовность доказать подложность документа, прочитаннаго министромъ въ палатѣ. Арестъ Пикара былъ, однако, оффиціально мотивированъ не этимъ, а чѣмъ-то другимъ, связаннымъ съ его служебными дѣйствіями: онъ будто бы показывалъ довѣренныя ему секретныя дѣла адвокату, который, по свидѣтельству полковника Анри, приходилъ къ нему въ бюро генеральнаго штаба. Подъ предлогомъ этого страннаго и запоздалаго обвиненія, Пикаръ, уже раньше уволенный въ отставку за тѣ же неправильныя дѣйствія, взятъ подъ стражу и содержится болѣе пяти мѣсяцевъ въ строгомъ заключеніи; а когда дѣло Дрейфуса получило другой оборотъ и перешло въ руки гражданскихъ кассаціонныхъ судей, то военное вѣдомство поторопилось назначить военный судъ надъ Пикаромъ. Парижскій губернаторъ, генералъ Цурлинденъ, созвалъ военный судъ на 12 декабря, и всѣ усмотрѣли въ этомъ желаніе покончить съ намѣченною жертвою, прежде чѣмъ кассаціонный судъ постановитъ свое рѣшеніе по дѣлу Дрейфуса. Но адвокатъ Пикара возбудилъ передъ кассаціоннымъ судомъ вопросъ о связи этого дѣла съ другимъ, начатымъ противъ него же въ общемъ судѣ, по тому же обвиненію (при Кавеньякѣ), и кассаціонный судъ отмѣнилъ постановленіе о созваніи военныхъ судей на 12 декабря. Конфликтъ такимъ образомъ отсроченъ на неопредѣленное время, и публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чѣмъ кончится обстоятельное дознаніе, производимое верховнымъ судомъ по дѣлу Дрейфуса.

Антагонизмъ между военною властью и гражданскою прорвался во Франціи съ неожиданной силою. Начальники и представители арміи, ея генеральный штабъ и военные суды образуютъ какъ бы особое государство въ государствѣ, съ своими спеціальными законами и порядками. Военное управленіе ревниво охраняетъ свою область отъ общаго контроля, отъ гласности и критики, и это казалось вполнѣ естественнымъ, пока дѣло шло о спеціально-военныхъ дѣлахъ и усовершенствованіяхъ; но уже въ дѣлѣ Дрейфуса, при защитѣ неприкосновенности состоявшагося приговора, военные дѣятели все чаще выходили изъ границъ своей компетенціи, ссылаясь на возможность международныхъ осложненій и вообще на интересы внѣшней поли-

тики. Многіе какъ будто забыли, что вопросы о дипломатическихъ замѣшательствахъ касаются министерства иностранныхъ дѣлъ, а не военнаго. Когда начались толки о передачѣ дѣла Дрейфуса на усмотрѣніе высшаго кассаціоннаго суда, то военное вѣдомство отнеслось и къ этому высшему судебному учрежденію въ странѣ, какъ къ чему-то чуждому и недостойному довѣрія; членамъ верховнаго суда во Франціи опасно, будто бы, сообщить секретные военные документы, сохраняемые въ бюро генеральнаго штаба. Что кассаціонный судъ имѣетъ власть надъ всѣми вообще французскими судами, военными и гражданскими,—этого никакъ не хотѣли понять усердные защитники военно-судебной независимости. Въ дѣлѣ Пикара военное вѣдомство наконецъ прямо обнаружило свое отношеніе къ интересамъ правосудія и пожелало предупредить приговоръ кассаціоннаго суда своимъ собственнымъ рѣшеніемъ. Настойчивые возгласы о превосходствѣ арміи надъ всѣми учрежденіями и законами Франціи приняты на вѣру наивными патріотами; газеты извѣстнаго рода провозглашаютъ великою заслугою арміи ея молчаливую сдержанность, когда военная сила могла бы разнести все вокругъ—и республику, и законы, и кассаціонный судъ. Съ точки зрѣнія этихъ публицистовъ, войско, содержимое на народный счетъ для цѣлей внѣшней безопасности, заслуживаетъ похвалы уже за то, что не превращается внезапно въ шайку разбойниковъ и не кидается на собственное свое отечество, а подчиняется общимъ законамъ, наравнѣ съ безоружными обывателями. Одна возможность подобныхъ разсужденій во французской печати свидѣтельствуетъ о какой-то умственной болѣзни, первый симптомъ которой можно было видѣть въ изобрѣтеніи особой породы людей, подъ именемъ: „дрейфусаровъ". Вся безконечная полемика между обвинителями и защитниками арміи построена на нелѣпѣйшихъ софизмахъ и недоразумѣніяхъ, въ которыхъ скучно даже разбираться; но въ основѣ ихъ лежитъ нездоровая мысль—о какихъ-то исключительныхъ правахъ и привилегіяхъ военнаго класса, нарушаемыхъ будто бы общими гражданскими законами и понятіями.

Въ Германіи не происходитъ быстрыхъ перемѣнъ и эффектныхъ событій; все дѣлается исподволь, съ замѣчательною обдуманностью и разсчетливостью. Нѣмецкое общество по неволѣ мирится пока съ непріятными и тяжелыми сторонами милитаризма; но, отдавая дань ежегодно возростающимъ потребностямъ арміи, оно чувствуетъ, что приноситъ жертвы, за которыя ничего нельзя требовать взамѣнъ. Сознаніе могущества не усиливается отъ прибавленія новыхъ батальоновъ, и частые проекты новыхъ вооруженій не пользуются во-

обще симпатіями въ Германіи; тѣмъ не менѣе, они обыкновенно принимаются парламентомъ послѣ упорныхъ настояній военнаго вѣдомства. Въ мартѣ правительство добилось принятія обширной программы затратъ на усиленіе флота; составъ сухопутной арміи признавался уже достаточно многочисленнымъ. Однако въ концѣ года, при открытіи имперскаго сейма (6 декабря), вернувшійся съ востока императоръ Вильгельмъ II счелъ первымъ долгомъ возвѣстить внесеніе новаго военнаго закона, съ цѣлью усилить армію и усовершенствовать нѣкоторыя ея части; въ то же время, въ той же тронной рѣчи, говорится о глубокомъ сочувствіи къ великодушной инціативѣ Россіи относительно разоруженія. Всѣ восхваляютъ разоруженіе и съ удвоенною энергіею вооружаются, неизвѣстно только противъ кого,—на всякій случай. Правительство знаетъ заранѣе, что не встрѣтитъ отпора въ парламентѣ.

Парламентскіе выборы въ іюнѣ вновь подтвердили главенство партіи центра, какъ наиболѣе сплоченной и многочисленной въ имперскомъ сеймѣ; относительныя силы различныхъ группъ вообще мало измѣнились, и нѣтъ недостатка въ элементахъ для составленія желательнаго правительству консервативнаго большинства. Въ іюлѣ Германія лишилась Бисмарка, скончавшагося на 84 году жизни въ Фридрихсруэ; въ концѣ ноября выпущены въ свѣтъ два тома его замѣчательныхъ воспоминаній, съ содержаніемъ которыхъ мы ознакомляемъ читателей въ этой же книгѣ журнала [1]).

Путешествіе Вильгельма II на Востокъ и въ частности въ Палестину было не развлеченіемъ, а крупнымъ политическимъ дѣломъ, результаты котораго будутъ сильно давать себя чувствовать въ области всего восточнаго вопроса. Для культурной нѣмецкой работы открыты турецкія земли; наплывъ германскихъ поселенцевъ и предпринимателей обезпечивается могучимъ покровительствомъ имперіи и ея дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ. Въ Турціи укореняется убѣжденіе, что Германія связана истинною дружбою съ султаномъ и охотно окажетъ ему помощь и содѣйствіе въ случаѣ надобности; въ качествѣ друзей, нѣмцы являются полезными совѣтниками и участниками въ запущенныхъ турецкихъ дѣлахъ, и быть можетъ со временемъ они устроятъ эти дѣла такъ, что станутъ по праву ихъ хозяевами. Можно только пожелать успѣха нѣмцамъ въ ихъ промышленно-культурныхъ трудахъ и усиліяхъ на почвѣ турецкаго востока; —намъ они не конкурренты, потому что мы такой работы не дѣлаемъ и не беремъ на себя дѣлать въ чужихъ краяхъ...

---

[1]) См. выше, стр. 310: „Изъ мыслей и воспоминаній князя Бисмарка".

Идея разоруженія послужитъ предметомъ международныхъ совѣщаній не ранѣе февраля; если вѣрить иностраннымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, конференція составится, будто бы, изъ аккредитованныхъ въ Петербургѣ представителей великихъ державъ. Впрочемъ, дипломаты по профессіи никогда не отличались духомъ смѣлаго новаторства, и отъ нихъ трудно ожидать положительныхъ шаговъ къ осуществленію широкой и симпатичной программы, намѣченной въ нотѣ 12 августа; впрочемъ, слѣдуетъ согласиться и съ тѣмъ, что едва-ли практическое рѣшеніе подобной задачи можетъ зависѣть отъ того, что̀ будетъ постановлено конференціей. Но всѣ народы и государства выразили свое сочувствіе къ идеѣ разоруженія, и теперь можно только желать, чтобы это сочувствіе не пропало совсѣмъ даромъ, чтобы оно принесло хотя какіе-нибудь реальные плоды.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1899.

I.

— Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общей редакціей П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Имп. Русскаго Географическаго Общества. Томъ шестой. Москва и московская промышленная область. Часть первая. Москва. Съ 217 рисунками. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб., М. 1898.

Изданіе „Живописной Россіи“ начато было ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1879. Оно выходило не въ порядкѣ томовъ, а по мѣрѣ изготовленія матеріала, такъ что теперь только выходитъ одинъ изъ среднихъ томовъ изданія, посвященный Москвѣ. Бо́льшая часть статей этой первой части шестого тома принадлежитъ И. Е. Забѣлину: Первобытные обитатели московской промышленной области; Первоначальная ея исторія; Суздальская Русь въ татарской неволѣ; Первенство Москвы; Москва—государство, Москва—царство; Москва—городъ; Московскій государь въ своемъ быту общественномъ и домашнемъ; Москва во время преобразованій; Окрестныя святыни Москвы. Къ этому еще только три главы написаны другими лицами.

Редакція не могла лучше поставить дѣла, какъ обратившись къ самому компетентному знатоку Москвы; нѣтъ другого изслѣдователя, который положилъ бы столько труда на изученіе Москвы и стараго московскаго быта и соединилъ бы съ этимъ такую теплую и исторически сознанную привязанность къ старинѣ, и особливо московской, какъ И. Е. Забѣлинъ. Вопросы археологіи и исторіи, на которыхъ онъ здѣсь останавливается, были издавна предметомъ его изученій и интересовъ; въ нѣкоторыхъ темахъ, какъ, напр., старый бытъ московскихъ царей, г. Забѣлинъ былъ первымъ и до сихъ поръ остался единственнымъ авторитетнымъ изслѣдователемъ. Статьи, написанныя имъ

для настоящаго тома „Живописной Россіи", отличаются обычными достоинствами автора; онъ умѣетъ внести интересъ въ самые далекіе предметы старины, открывая ихъ реально-бытовую сторону и давая ихъ изображенію особенную наглядность. Исторія Москвы, именно ея возникновенія и возвышенія, является у г. Забѣлина не однимъ результатомъ политическаго искусства или ловкости московскихъ князей, но и результатомъ промышленныхъ и торговыхъ условій цѣлаго сѣверо-восточнаго края; Москва сама собой, по географическому положенію рѣчныхъ путей и волоковъ, становилась въ данныхъ условіяхъ центральнымъ пунктомъ между окрестными русскими и инородческими землями, и политическое возвышеніе было послѣдней ступенью ея развитія.

Въ Москвѣ сосредоточивается преданіе старой русской жизни; здѣсь сложился и установился великорусскій народный характеръ, достигшій освобожденія отъ орды, создавшій сильное государство и подготовившій Петра Великаго. Отъ историка не укрылись мрачныя черты исторіи Москвы-государства и Москвы-царства; но Москва имѣла ту великую историческую заслугу, что только около нея создалась особая „народная твердь" одномыслія и готовности жертвовать на общее дѣло послѣднія средства и послѣднія силы; по всѣмъ мѣстамъ она имѣла доброхотовъ. „Ни Мамаево побоище людей, ни истребленіе въ прахъ и пепелъ самой Москвы Тохтамышемъ, не произвели ни малѣйшей перемѣны въ устойчивости этой народной тверди. Напротивъ, къ ней теперь еще сильнѣе потянули всѣ народныя украйны, раздѣленныя на части только по случаю разновластнаго княжескаго кормленія". Москва, создавшая русское государство, не стала, однако, для нашего историка предметомъ поклоненія въ этихъ старыхъ ея формахъ,—какъ для нѣкоторыхъ другихъ любителей русской древности. По взгляду г. Забѣлина, и на нашъ взглядъ совершенно справедливому, въ той же Москвѣ явились и зачатки новаго русскаго государства, новаго направленія національной жизни. По смерти Алексѣя Михайловича, чтившаго старыя преданія и только на ихъ почвѣ желавшаго нѣкоторыхъ европейскихъ нововведеній, но медленныхъ и осторожныхъ, „новый царь Ѳедоръ Алексѣевичъ,—говоритъ г. Забѣлинъ, — былъ воспитанъ и руководимъ учеными людьми, помышлявшими о реформахъ именно въ византійскомъ направленіи... Преждевременная смерть царя сокрыла отъ насъ ту перспективу, въ которой готовились подобныя реформы. Но она не могла остановить назрѣвшей уже потребности въ преобразованіяхъ, которыя, можно сказать, носились въ самомъ воздухѣ. Теперь царское дѣло, при пособіи тѣхъ же византійскихъ идеаловъ, попало въ руки московской Пульхеріи, царевны Софьи Алексѣевны, весь подвигъ которой самъ

по себѣ былъ невиданною на Руси новинкою и вообще показывалъ, что настанетъ конецъ старымъ порядкамъ русской жизни.—Но въ это время выросталъ уже иной преобразователь, Петръ, которому суждено было однимъ разомъ перевести русскую исторію и русскую жизнь изъ старой колеи на новый путь и робкія попытки предшественниковъ—въ неотложную задачу непрестаннаго всесторонняго преобразованія старой Руси по идеаламъ западной Европы. Петръ, можно сказать, разсѣкъ Гордіевъ узелъ, въ которомъ такъ крѣпко былъ связанъ и запутанъ всякими нитями старобытный русскій человѣкъ. Онъ разсѣкъ пополамъ русскую исторію. По крайней мѣрѣ такъ до сихъ поръ это кажется, при чемъ старая Русь совсѣмъ какъ бы исчезла предъ величіемъ его подвига, отдѣлилась отъ новой Руси. И несмотря на то, и самъ Петръ, и цѣли, и характеръ его преобразованій народились все въ той же Москвѣ, изъ того же руководящаго начала всей ея исторіи: жить въ государственномъ единствѣ, работать безъ устали и съ полнымъ самоотверженіемъ для созданія русскаго государства, для его величія, для наилучшаго его устройства. И самъ Петръ, и его преобразованія были кровнымъ дѣтищемъ этихъ великихъ и въ точномъ смыслѣ исключительно московскихъ стремленій. По правамъ прямого наслѣдника царскому престолу, онъ необходимо долженъ былъ вступить въ борьбу съ властолюбивою сестрою и тѣмъ болѣе, что съ ея стороны услужливые люди принимали свои мѣры, дабы не только устранить соперника отъ царства, но и совсѣмъ отъ него избавиться".

Интересъ археолога и историка соединяется у г. Забѣлина съ увлеченіемъ истаго москвича, связаннаго съ Москвой какъ бы органически. Главу о Москвѣ-городѣ авторъ начинаетъ эпиграфомъ изъ народныхъ присловій: Москва матушка—золотыя маковки; Москва царство, а деревня рай; кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ. „Такъ привольно раскинулась Москва со своими окрестными селеніями и дачами, и въ такой прекрасной мѣстности, что по справедливости почитается однимъ изъ живописнѣйшихъ городовъ Европы. Свѣжій глазъ путешественника и особенно художника находитъ эту красоту не только въ общихъ панорамахъ столицы, съ любой стороны, но и въ каждомъ уличномъ закоулкѣ, лишь бы этотъ закоулокъ открыто смотрѣлъ на Кремль или на одну изъ тѣхъ же панорамъ. Красота мѣстоположенія становится еще больше привлекательною отъ своеобразія и многочисленности старинныхъ, особенно церковныхъ построекъ Москвы, которыя придаютъ ей такой оригинальный, просторный, ни съ чѣмъ несравнимый типъ стараго русскаго города, что всѣ другіе старые города Великой Руси относительно своей красоты и пространства очень справедливо именовали себя только уголками Москвы. „Нашъ городокъ — Москвы уголокъ!" говорилось и въ Ярославлѣ, и

въ Твери, и всюду, гдѣ приходило на мысль опредѣлить типическія черты красивой мѣстности и красиваго построенія стариннаго города. Народъ же свое удивленіе передъ старою матушкою-Москвою выразилъ особымъ и очень сильнымъ присловьемъ: „Кто въ Москвѣ не бывалъ—красоты не видалъ!" Поговорка эта, выразившаяся впослѣдствіи и литературно, стихомъ: „Что̀ матушки-Москвы и краше, и милѣй!" сложилась, конечно, въ то еще время, когда Москва на самомъ дѣлѣ была единственнымъ на Руси городомъ, достойнымъ удивленія. Это было задолго до построенія приморскаго красавца Петербурга, и въ ту эпоху, когда старѣйшій и первый на Руси днѣпровскій красавецъ, Кіевъ, совсѣмъ было-удалился отъ русскихъ созерцаній въ чужую землю".

„Живя на востокѣ, имѣя постоянное дѣло съ востокомъ, Москва физически не могла выростить себя совсѣмъ по западному образцу, съ которымъ вдобавокъ не сошлась характеромъ по вѣрѣ и по нѣкоторымъ политическимъ началамъ. Но за то она неутомимо шла не собственно къ западнымъ, а вообще къ европейскимъ цѣлямъ развитія и успѣла присвоить своему родному востоку именно европейскія силы народнаго совершенствованія. При внимательномъ и ближайшемъ разсмотрѣніи, восточный обликъ Москвы окажется вовсе не восточнымъ, а въ полной мѣрѣ русскимъ, въ полной мѣрѣ самобытнымъ созданіемъ русской народности. Высшую красоту старинный русскій народъ созерцалъ въ Божіемъ храмѣ, а въ Москвѣ было столько церквей, что трудно было ихъ перечесть: „сорокъ сороковъ!" Кромѣ красоты мѣстоположенія, пестрая, кудрявая, своеобразная архитектура этихъ церквей, золотыя маковки, золотыя главы, стройныя колокольни, царскія и боярскія высокія хоромы, терема и вышки съ самыми разнообразными и замысловатыми кровлями, которыя возвышались шатрами, бочками, скирдами, епанчами и т. п.; затѣмъ круговыя каменныя и деревянныя стѣны съ башнями и воротами, красотѣ и отдѣлкѣ которыхъ удивлялись даже иноземцы. Западные иноземцы, послы и посланники, подъѣзжавшіе къ Москвѣ въ XVI и XVII ст. большею частію отъ Смоленска по можайской дорогѣ, приходили въ неописанный восторгъ, когда съ Поклонной горы открывалась имъ въ самомъ дѣлѣ восхитительная панорама и самаго города, и окружающихъ красивыхъ мѣстъ... Они говорили, что видъ на Москву издали, то-есть именно съ этого пункта, по обширности и великолѣпію города, есть одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія удавалось имъ когда-либо видѣть. Благочестивые изъ нѣмцевъ прямо сравнивали Москву съ Іерусалимомъ, разумѣя въ этомъ имени все прекрасное и великолѣпное, чѣмъ только можетъ городъ отличаться по своей красотѣ".

За статьями г. Забѣлина, изображающими историческую Москву,

слѣдуетъ еще нѣсколько статей, посвященныхъ Москвѣ современной. Такова статья г. Боборыкина, который даетъ живое описаніе, въ общихъ чертахъ, внѣшняго вида современной Москвы и ея жизни общественной и уличной. Л. П. Весину принадлежитъ статья: „Роль Москвы въ торгово-промышленномъ отношеніи“. Наконецъ, г. Песковскій говоритъ о Москвѣ въ ея современномъ экономическомъ состояніи.

Текстъ сопровождается большимъ количествомъ рисунковъ, неравнаго достоинства: есть недурные, но есть, къ сожалѣнію, и мало удовлетворительные.

II.

— Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. П. Сергѣенко. М. 1898.

Авторъ, который познакомился съ гр. Л. Н. Толстымъ въ послѣдніе годы и получилъ возможность близко видѣть домашній бытъ его въ Москвѣ и въ Ясной Полянѣ, не мало съ нимъ бесѣдовать и т. д., возъимѣлъ счастливую мысль разсказать объ этомъ,—предполагая, конечно, что этимъ отвѣтитъ живѣйшему интересу множества почитателей знаменитаго писателя. Въ этомъ интересѣ авторъ конечно не ошибся; и читатели найдутъ въ книжкѣ не мало любопытныхъ подробностей о томъ, какъ Л. Н. Толстой живетъ и работаетъ. Автору были сообщены разныя свѣдѣнія, домашнія фотографіи, такъ что онъ могъ сопроводить разсказъ множествомъ иллюстрацій (большею частью хорошо исполненныхъ фототипій), представляющихъ портреты Л. Н. Толстого въ разныхъ видахъ, портреты лицъ его семейства и изображенія его домашней жизни въ Ясной Полянѣ.

Гр. Л. Н. Толстой такъ давно сосредоточиваетъ на себѣ любящее вниманіе русскаго общества, что многое изъ сообщеній г. Сергѣенка болѣе или менѣе извѣстно изъ устныхъ и печатныхъ повѣствованій безчисленныхъ посѣтителей Л. Н. Толстого; тѣмъ не менѣе разсказы г. Сергѣенка, во-первыхъ, имѣютъ преимущество документальности и наглядности; во-вторыхъ, передаютъ не мало такого, что̀ является въ печати въ первый разъ и касается (хотя только отрывочно) самыхъ существенныхъ и задушевныхъ сторонъ въ міровоззрѣніи гр. Толстого и въ его отношеніяхъ къ людямъ.

Извѣстно, что гр. Толстой давно (особливо, кажется, именно съ той поры, когда онъ чисто художественную дѣятельность прежняго времени хотѣлъ смѣнить прямыми вмѣшательствами въ вопросы религіи, нравственности и жизни) сталъ привлекать массу посѣтителей, искавшихъ его совѣта, нравственной помощи, разрѣшенія недоумѣній,

или желавшихъ высказать ему свои сочувствія и поклоненіе. Авторъ настоящей книжки разсказываетъ, что посѣтители постоянно и донынѣ осаждаютъ гр. Толстого, какъ съ каждой почтой приходитъ масса писемъ, книгъ, газетъ со всѣхъ концовъ земного шара—примѣръ рѣдкой славы и популярности; онъ впервые выпадаетъ на долю русскаго писателя—не думаемъ, чтобы и изъ писателей европейскихъ кто-либо пріобрѣталъ такой высокій нравственный авторитетъ.

Не будемъ приводить разсказовъ объ этомъ въ книгѣ г. Сергѣенка и укажемъ лишь нѣсколько подробностей, менѣе извѣстныхъ, о манерѣ его работы.

„Никогда,—говоритъ авторъ,—Левъ Толстой не умерщвлялъ въ себѣ художника и не засушивалъ того душевнаго состоянія, которое называется вдохновеніемъ. Напротивъ, въ немъ при всякихъ условіяхъ какъ бы дымилась (?) всегда жажда художественнаго творчества". (Это не совершенно точно, потому что Л. Н. Толстой отрицалъ свои прежнія произведенія, какъ ложное искусство, и именно хотѣлъ „умертвить" и „засушить" подобныя влеченія своего дарованія; но правда то, что онъ не въ силахъ былъ подавить свою художественную природу, которая опять и привлекла его къ новому творчеству).

„Возвращаясь въ текущемъ году какъ-то ночью домой въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, Л. Н. вдругъ остановился и, потянувъ жадно воздухъ въ себя, проговорилъ съ страстностью:

— Боже, какъ мнѣ писать хочется! Голова моя кипитъ образами.

— Зачѣмъ же остановка, Л. Н.?—спросилъ его спутникъ.

— За временемъ. Работы—на сто лѣтъ, а жить осталось три дня.

— Что̀ вы, Л. Н.?!

— Ну, еще нѣсколько мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ немного. И хочется въ эти послѣдніе дни сказать что-нибудь хорошее. Быть можетъ, Богу угодно, чтобы я не даромъ прожилъ свой вѣкъ и хоть подъ конецъ своихъ дней сдѣлалъ что-нибудь достойное...

„...Одна дама спросила:

— Л. Н., правда ли, что вы пишете въ настоящее время повѣсть изъ кавказской жизни, гдѣ фигурируетъ одинъ изъ сподвижниковъ Шамиля?

— Да, да, пишу. Я все пишу,—сказалъ скороговоркой и неохотно Л. Н. Но затѣмъ добавилъ поясняющимъ тономъ:—Я говорю серьезно, что все пишу. Спросите: не пишу ли я какого-нибудь разсказа? Пишу Не пишу ли романа? Пишу и романъ. А не думаю ли написать пьесу? И пьесу пишу. Все пишу.

„И дѣйствительно, онъ всегда и очень много пишетъ. Но изъ написаннаго имъ далеко не все онъ отдаетъ въ печать. Онъ очень требователенъ къ себѣ...

„Къ литературнымъ темамъ Л. Н. относится, какъ и большинство писателей, съ нѣкоторою жадностью. Слушая какой-нибудь характерный разсказъ, онъ уже какъ бы примѣряетъ и облюбовываетъ его, подобно хорошему плотнику, посматривающему на хорошее, сухое дерево...

„Но для того, чтобы какая-нибудь тема сдѣлалась для него предметомъ творчества, надо очень многое. Прежде всего надо, чтобы она отличалась новизною, ясностью и внутренней цѣнностью. Затѣмъ надо, чтобы та сторона жизни, которую охватываетъ сюжетъ, была хорошо извѣстна Л. Н.: онъ не любитъ писать „по слухамъ". Наконецъ, послѣднее условіе: необходимо, чтобы сюжетъ *захватилъ* его... Тогда только онъ можетъ взяться за работу и отдаться ей съ увлеченіемъ истаго художника.

— Какая у насъ была сегодня превосходная охота на русака!— говоритъ онъ съ одушевленіемъ своей женѣ, выходя изъ кабинета послѣ работы и имѣя такой видъ, какъ будто онъ дѣйствительно былъ на удачной охотѣ на русака (Въ Л. Толстомъ до сихъ поръ бьется жилка охотника, но онъ подавляетъ ее въ себѣ вслѣдствіе этическихъ требованій).

„Своей манерою работать Л. Н. напоминаетъ прежнихъ живописцевъ. Установивъ планъ работы и собравъ большое количество этюдовъ, онъ сначала какъ бы набрасываетъ эскизъ углемъ и пишетъ быстро, не думая о частностяхъ. Написанное такимъ образомъ онъ отдаетъ переписать начисто гр. Софьѣ Андреевнѣ, или одной изъ дочерей, или кому-нибудь изъ его интимныхъ пріятелей, которымъ эта работа можетъ доставить удовольствіе. Пишетъ Л. Н. обыкновенно на четвертушкахъ простой бумаги низкаго качества, крупнымъ веревочнымъ (?) почеркомъ, исписывая иногда въ день по 20 страницъ, что̀ составляетъ болѣе половины печатнаго листа... Работаетъ онъ преимущественно утромъ, между 9-ью и 3-мя часами, считая этотъ промежутокъ времени самымъ лучшимъ для работы" (стр. 49—54).

„Когда новое произведеніе Л. Н., начисто переписанное, появляется на его рабочемъ столѣ, оно подвергается немедленной переработкѣ. Но это опять все еще нѣчто въ родѣ эскиза углемъ. Рукопись быстро испещряется помарками и вставками между строками, сбоку, снизу и съ переносомъ на другую страницу. Цѣлыя фразы замѣняются другими, которыя, какъ молніей, освѣщаютъ иногда выводимый образъ съ новой стороны. Второй разъ переписанная начисто работа подвергается той же участи. Въ третій разъ то же самое. Нѣкоторыя главы переписываются Л. Н—мъ *болѣе десяти разъ.* Между тѣмъ онъ почти вовсе не заботится о внѣшней отдѣлкѣ и

питаетъ даже нѣкотораго рода отвращеніе ко всему подстриженному въ искусствѣ.

— Все это часто лишь засушиваетъ мысль и вредитъ впечатлѣнію,—говоритъ онъ.

„И, все больше и больше вооружаясь по мѣрѣ писанія своими воспоминаніями и новыми свѣдѣніями по вопросу, который онъ затрогиваетъ, Л. Н. упорно, пытливо и настойчиво работаетъ надъ каждою главою...

„По мѣрѣ переписыванія и исправленія работы, однѣ подробности выступаютъ все ярче, другія же какъ бы все стушевываются.

„Добившись напряженною работой извѣстной ясности, Л. Н. Толстой прочитываетъ свое новое произведеніе въ кружкѣ близкихъ ему людей, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями, пока произведеніе не попало еще въ печать...

„Но этимъ не кончаются его заботы о новомъ трудѣ. Есть еще корректура, которая обыкновенно вызываетъ въ Л. Н. Толстомъ приливъ усиленной дѣятельности. За періодъ времени, пока печаталась рукопись, произошло столько событій, накопилось столько новыхъ впечатлѣній, освѣщающихъ нѣкоторыя стороны затронутаго вопроса... Между тѣмъ поля корректуры такъ узки, времени для поправокъ такъ мало. И, сдерживая напоръ новыхъ мыслей и экономизируя по возможности всякій кусочекъ бумаги, Л. Н. превращаетъ корректурные листы въ сплошную сѣть поправокъ. Со второю корректурой происходитъ то же самое...

„Чувство самокритики вообще сильно развито въ немъ, и уже на другой день онъ ясно видитъ свои ошибки. Но въ корректурѣ умственная зоркость его еще болѣе изощряется, и иныя главы выходятъ до неузнаваемости измѣнившимися...

„Одинъ изъ знакомыхъ Л. Н. Толстого сравниваетъ его работы съ кушаньями, приготавливаемыми нѣкоторыми домовитыми хозяйками, которыя мало заботятся о внѣшней привлекательности яствъ, но все свое вниманіе сосредоточиваютъ на томъ, чтобы провизія была свѣжая, приготовлялась чисто и кушанье отличалось питательностью.

„И дѣйствительно, Л. Н. почти вовсе не заботится о внѣшней привлекательности своихъ работъ, часто нагромождая одно придаточное предложеніе на другое, уснащая ихъ повтореніями одного и того же слова и рѣшительно пренебрегая различными академическими указаніями относительно слога. Но за то тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о „свѣжести“ и „чистотѣ“, онъ не знаетъ конца своей взыскательности“.

Въ разсказахъ г. Сергѣенка находимъ также чрезвычайно интересные отрывки бесѣдъ съ Л. Н. Толстымъ о разныхъ предметахъ

жизни и искусства, съ образчиками его своеобразныхъ взглядовъ, напр., о ненужности трудиться для интеллигенціи (которая ничего не дѣлаетъ, когда народъ работаетъ), объ аскетизмѣ въ брачномъ союзѣ, какъ высшемъ нравственномъ идеалѣ, объ ограниченіи своихъ потребностей до уровня крестьянина и т. д. Изложеніе системы идей гр. Л. Н. Толстого не входило, конечно, въ задачу автора и онъ касается ихъ только при случаѣ, но если любопытенъ разсказъ о томъ, какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой, то еще несравненно любопытнѣе вопросъ о томъ, какъ и что̀ онъ думаетъ.

Нашъ писатель пользуется такой громадной извѣстностью и авторитетомъ, едва ли не единственными не только въ нашей, но вообще въ современной литературѣ, что вполнѣ естественно желать опредѣленія этого вопроса. Но онъ остается въ чрезвычайно странномъ положеніи. Сочиненія Л. Н. Толстого за первое время его дѣятельности всѣмъ извѣстны, ихъ оцѣнили и ими наслаждались; но сочиненія новѣйшія, его „второй манеры", извѣстны русскому читателю крайне неполно и отрывочно. Многое изъ того, что̀ давно читала въ переводахъ Европа и Америка, неизвѣстно въ русской книгѣ: есть только изданія заграничныя, недоступныя для русскаго читателя дома (какъ и переводы), или гектографическіе и литографическіе листки, также не имѣющіе легальнаго существованія. Въ то же время Л. Н. Толстой—великая слава нашей литературы: недавно мы читали сравненіе его дѣла—въ области литературы—съ подвигомъ Петра, какъ высокаго проявленія русскаго національнаго духа. Образовалось странное общественное явленіе. Нашлись ревностные послѣдователи нравственно-практическихъ идей Л. Н. Толстого, въ разныхъ направленіяхъ жизни—отъ первоначальнаго „опрощенія" и далѣе, до извѣстныхъ представленій религіозныхъ; но эти идеи, какъ выше упомянуто, не находятъ яснаго и полнаго выраженія въ литературѣ. Съ другой стороны являются столь же ревностныя обличенія въ цѣлыхъ книжкахъ, направленныхъ противъ Л. Н. Толстого, особливо противъ его взглядовъ религіозныхъ; къ обличеніямъ книжнымъ присоединялись и словесныя. Но предметъ обличенія оставался неизвѣстенъ: обыкновенный читатель, до котораго не доходятъ ни запрещенныя заграничныя изданія, ни литографіи и гектографіи, оказывается въ недоумѣніи: онъ видитъ только одну сторону спора и—понимаетъ это. Полемика не достигаетъ цѣли: обличители не чувствуютъ, что ихъ одностороннее положеніе становится невыгоднымъ для ихъ цѣли. Въ то же время въ серьезной текущей литературѣ совсѣмъ не было рѣчи объ этихъ основныхъ идеяхъ гр. Толстого: говорилось объ его взглядахъ педагогическихъ, литературныхъ, художественныхъ, но почти не было совсѣмъ говорено о тѣхъ идеяхъ, которыя относились къ

самымъ жизненнымъ интересамъ личности и общества (религіозное міровоззрѣніе, пониманіе евангелія, вопросъ о патріотизмѣ въ сопоставленіи съ христіанскимъ долгомъ любви къ ближнему, значеніе воинской повинности и т. д.). Критикъ, понимающій предѣлы своего права и наконецъ простыя требованія деликатности, не можетъ говорить о произведеніяхъ писателя, которыя имъ самимъ не изданы и не признаны, а ходятъ въ какихъ-то листкахъ неизвѣстнаго происхожденія, или въ заграничныхъ изданіяхъ, которыхъ критикъ не имѣетъ права знать. Писатель могъ бы сказать критику, который занялся бы опроверженіемъ и обличеніемъ: съ какой стати вы называете мое имя? я этихъ книгъ не издавалъ, въ русской литературѣ ихъ не существуетъ. На дѣлѣ, гр. Л. Н. Толстой, сколько мы знаемъ, никогда не отвѣчалъ на полемическія сочиненія, противъ него направленныя: кромѣ того, что онъ можетъ не любить полемики, надо предполагать, что онъ не считалъ спора правильно поставленнымъ.

Тѣ, кто хотѣлъ бы противодѣйствовать вліянію какихъ-либо сочиненій Л. Н. Толстого, полагаемому нежелательнымъ или прямо вреднымъ, прежде всего должны были бы желать, чтобы сочиненія его, до сихъ поръ не имѣющія мѣста въ русской литературѣ, получили въ ней право гражданства, были открыты для разносторонней критики, которая могла бы умѣрить или опровергнуть ошибки и преувеличеніе. Иначе, если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, изъятіе сочиненій гр. Толстого изъ нашего легальнаго обращенія (и тѣмъ не менѣе очень распространенныхъ) производитъ именно противоположный результатъ: запретныя сочиненія становятся еще вліятельнѣе.

Но есть другая, болѣе широкая точка зрѣнія. Не только увлеченіе соотечественниковъ, но высокое мнѣніе иностранныхъ почитателей Л. Н. Толстого сдѣлали его имя знаменитѣйшимъ именемъ современной русской литературы, и не только по его художественному мастерству, но и по оригинальности его міровоззрѣнія. Сочиненія его именно по вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ (въ послѣднее время и по вопросу объ искусствѣ, въ его новой книгѣ) производятъ впечатлѣніе, служатъ предметомъ толковъ, пріобрѣтаютъ ему послѣдователей, но и противниковъ. Взгляды Л. Н. Толстого,—каковы бы они ни казались его противникамъ,—исходятъ изъ внушеній религіознаго чувства и вмѣстѣ изъ неотвязчивыхъ требованій критической мысли, изъ доброжелательнаго чувства къ обществу и народу. Его идеалы слишкомъ часто расходятся съ дѣйствительностью и общераспространенными понятіями: онъ ищетъ новыхъ основаній нравственности, новой постановки быта противъ нынѣшнихъ, по его мнѣнію, ненормальныхъ и несправедливыхъ формъ, новой постановки

искусства и литературы, предлагаетъ имъ самимъ найденные пріемы людскихъ отношеній и т. д.; онъ затрогиваетъ множество вопросовъ, насущно важныхъ для сознательно живущаго общества и различнымъ образомъ усложненныхъ, запутанныхъ и искаженныхъ исторіей. Этотъ матеріалъ оригинальныхъ взглядовъ, частію одѣтыхъ въ замѣчательную художественную форму, въ очень большой, даже главной своей части, не тронутъ критикой и это содержаніе не воспринято и не переработано; одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей въ одной изъ своихъ самыхъ существенныхъ сторонъ, и для него лично самыхъ важныхъ, остается чуждъ русской литературѣ...—А. П.

III.

— Фридрихъ Нитцше. Такъ говорилъ Заратустра. Девять отрывковъ въ переводѣ С. П. Нани. Спб. 1899.

Эта книга принадлежитъ, повидимому, къ тому особому настроенію, которое въ послѣднее время произвело у насъ любителей символизма, мистики и самаго декадентства. Мы не хотимъ сказать, чтобы Нитцше не представлялъ интереса, какъ симптомъ, хотя болѣзненный, современнаго броженія европейской мысли; намъ кажется только, что, говоря о немъ, нельзя забыть, что передъ нами именно явленіе болѣзненное,—мысль Нитцше витаетъ въ необузданномъ мистицизмѣ, въ ближайшихъ вопросахъ жизни онъ впадаетъ въ противорѣчія. Давая Нитцше русскимъ читателямъ,—очень далекимъ отъ той массы сложныхъ и противорѣчивыхъ волненій, какія наполняютъ европейскую жизнь,—нужно было бы по крайней мѣрѣ сопроводить его объясненіями; нашъ переводчикъ поступаетъ иначе. Для него Нитцше повидимому есть столь высокій авторитетъ, что требуется одно поклоненіе. Въ нѣсколькихъ вводныхъ словахъ переводчикъ говоритъ: „Боязнь говорить о Нитцше такъ же запутанно, превратно и нечестно (?), (хотя бы даже и вполнѣ искренно), какъ все (?), что до сихъ поръ было у насъ сказано и написано о немъ,—заставляетъ меня воздержаться отъ обычнаго предисловія“. Напрасно: если переводчику, поклоннику Нитцше, ясно, что доселѣ *все*, написанное у насъ о немъ, было „запутанно, превратно и нечестно“, было бы вполнѣ естественно противопоставить этому незапутанное, непревратное и честное,—потому особенно, что писатель, какъ Нитцше, именно требуетъ объясненія. Но если самъ поклонникъ почувствовалъ „боязнь“ сказать о Нитцше тоже что-нибудь нескладное, это внушаетъ опасеніе, что, быть можетъ, и его собственныя мысли о предметѣ поклоненія не довольно опредѣленны. Какая же цѣль изданія?

Вмѣсто предисловія, переводчикъ даетъ читателямъ отрывки изъ черновыхъ набросковъ Нитцше къ „Заратустрѣ“: „они поясняютъ возникновеніе этого произведенія, личное отношеніе къ нему автора, а также форму и стиль“. Но въ первыхъ этихъ набросках самъ Нитцше говоритъ такъ: „Къ рѣчамъ Заратустры слѣдуетъ имѣть нѣчто въ родѣ *глоссарія*, въ которомъ новизна важнѣйшихъ понятій и новыя цѣнности книги,—составляющей событіе безъ прообраза, подобія и примѣра во всей литературѣ,—назывались бы ясно по имени и осязательно проходили предъ нами“. Но этого глоссарія нѣтъ,—а всего больше онъ, быть можетъ, нуженъ для русскаго читателя.

Дальше въ наброскахъ Нитцше говорилъ: „Языкъ Лютера и поэтическая форма библіи, какъ основаніе новой германской поэзіи,—это мое открытіе! Старинныя формы—стихи, риѳмы, все это звучитъ фальшиво и недостаточно глубоко проникаетъ въ насъ“. Дѣйствительно, „Заратустра“ написанъ въ библейскомъ стилѣ, которому старался подражать и переводчикъ, и къ своему переводу онъ присоединилъ даже нѣмецкій подлинникъ, en regard, чтобы „читатель, имѣя возможность сличить переводъ съ подлинникомъ, могъ самъ опровергнуть (?) ошибочно или неудачно истолкованныя переводчикомъ трудныя мѣста“. Но переводы дѣлаются обыкновенно для тѣхъ, кто не владѣетъ языкомъ подлинника: какъ быть этому читателю? Дальше впрочемъ оказывается, что переводчикъ и не имѣлъ въ виду такого читателя: „Мой трудъ долженъ служить лишь *пособіемъ къ чтенію оригинала*,—богатый, образный и несравненный по красотѣ языкъ котораго почти недоступенъ передачѣ“.

„Заратустра“ переданъ здѣсь не весь; это только отрывки. „Въ выборѣ этихъ отрывковъ,—говоритъ переводчикъ,—нѣтъ никакой преднамѣренности: мною были взяты главы, наиболѣе поразившія меня своею поэзіею, и тѣ, которыя были мнѣ болѣе доступны по формѣ и по духу“.

Какъ выше замѣчено, переводчикъ старался передать библейскій стиль. Это желаніе было естественно, но была бы также нужна забота о томъ, чтобы сохранить „богатый, образный и несравненный по красотѣ“ языкъ подлинника... На нынѣшній вкусъ можетъ казаться, что для современной поэзіи библейскій стиль, „въ большомъ количествѣ“, вещь очень утомительная. Это—стиль національный, восточный, и стиль архаическій, и „открытіе“ Нитцше, какъ „основаніе новой германской поэзіи“, едва ли будетъ принято самими нѣмцами. Возстановлять для поэзіи библейскій стиль, какъ правило, это похоже на то, чтобы опять начать писать іероглифами; а въ иныхъ областяхъ поэзіи библейскій стиль можетъ даже показаться профанаціей. Передавая „библейскій стиль“ Нитцше, переводчикъ, къ сожалѣнію, не-

достаточно заботился о „красотѣ“ самого русскаго языка; не совсѣмъ соблюдена и точность перевода,—которою переводчикъ, повидимому, жертвовалъ тому, чтобы достигнуть мнимо-библейскаго ритма. Для примѣра беремъ первые библейскіе стихи:

„*Мракъ* ночи *насталъ*: слышнѣй стали рѣчи бѣгущихъ ручьевъ. Душа моя, *вѣдь* она тоже *живой* ручей“. Въ подлинникѣ: „Nacht ist es; nun reden lauter alle springenden Brunnen. Und auch meine Seele ist ein springender Brunnen“, т.-е.: Ночь; теперь громче говорятъ всѣ бѣгущіе ручьи. И моя душа есть также бѣгущій ручей.

„*Мракъ* ночи *насталъ*: *проснулися* пѣсни *всѣхъ* любящихъ. Душа моя, *вѣдь* она тоже пѣснь любящаго“,—точнѣе: Ночь; только теперь просыпаются всѣ пѣсни любящихъ. И моя душа также есть пѣснь любящаго.

„Неукротимое, необузданное ношу я въ себѣ: *громко* хочетъ оно высказаться. Желанье любви ношу я въ себѣ,—желанье, оно говоритъ языкомъ любви“. Въ точности: Во мнѣ есть что-то неудовлетворенное и неудовлетворимое (Ungestilltes, Unstillbares); оно хочетъ высказаться. Во мнѣ есть желанье любви, которое само говоритъ языкомъ любви.

„*Мой удѣлъ*—свѣтомъ быть: ахъ, быть бы мнѣ (?) ночью! Но свѣтомъ я опоясанъ и въ томъ моя *горесть*“. Въ точности: Я—свѣтъ; ахъ, еслибы я былъ ночью! Но мое одиночество (Einsamkeit) въ томъ, что я опоясанъ свѣтомъ, и т. д. и т. д.

Въ переводѣ господствуетъ вообще тяжелая постройка фразы, часто съ глаголами на концѣ, совсѣмъ не свойственная русскому языку. Переводчикъ, такъ увлекающійся „Заратустрой“, напрасно думаетъ, что, сохраняя мнимо-библейскій стиль, онъ украситъ его искаженіемъ свободнаго теченія русской рѣчи.

Возвращаемся къ самому „Заратустрѣ“. Если вообще не излишнимъ было бы познакомить русскихъ читателей съ твореніями Нитцше, какъ оригинальнымъ произведеніемъ новѣйшей нѣмецкой литературы, къ нимъ былъ бы необходимъ комментарій. Книги Нитцше являются въ богатой литературѣ, обладающей глубокими изслѣдованіями въ области человѣческой мысли, знакомой со всѣми оттѣнками идеализма и скептицизма, умѣющей найти ихъ исторію, ихъ источникъ и противовѣсъ имъ,—и новый порывъ мистицизма и отрицанія можетъ быть приведенъ къ его правильному значенію. Что̀ представитъ въ этомъ отношеніи русская литература и что̀ скажетъ Нитцше русскому читателю?—Послѣдній, къ сожалѣнію, въ его среднемъ уровнѣ, мало знакомъ до сихъ по̀ръ даже съ элементарными требованіями научнаго мышленія: что̀ ему дѣлать съ „Заратустрой“?

———

IV.

— Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. Біографическіе наброски. В. Д. Смирнова. Спб. 1897.

— А. И. Герценъ, его жизнь и литературная дѣятельность. В. Д. Смирнова. Спб. 1898.

Обѣ книжки представляютъ одно сочиненіе и одно изданіе. Главнымъ, почти единственнымъ источникомъ разсказа послужили воспоминанія самого Герцена въ „Быломъ и думахъ" и другихъ его сочиненіяхъ. Такъ какъ эти сочиненія не принадлежатъ къ числу распространенныхъ, то книжка г. Смирнова представитъ большой интересъ для читателей, незнакомыхъ съ подлинникомъ.

Въ началѣ книжки авторъ ставитъ обширное предисловіе о значеніи 19 февраля 1861 года,—какъ предисловіе къ біографіи. Знаменитый манифестъ 19 февраля разрѣшилъ крестьянскій вопросъ— „въ смыслѣ положительной философіи и реальнаго мышленія. Онъ надѣлилъ свободнаго крестьянина землей. И это было на самомъ дѣлѣ великимъ завоеваніемъ жизни; быть можетъ и правда, что это—начало новой исторической эры. Не всѣ поняли указанную сторону манифеста. Но тѣ, кто понялъ, привѣтствовали ее, потому что это было отчасти ихъ дѣломъ. Они работали надъ разрушеніемъ романтизма и идеализма, они всю жизнь проповѣдывали положительную философію, естествознаніе, политическую экономію, реализмъ. На первомъ планѣ среди этихъ дѣятелей стоитъ А. Герценъ. Главная заслуга въ переломѣ интеллигентной мысли сороковыхъ годовъ принадлежитъ ему". Историческая генеалогія идей Герцена, въ связи съ манифестомъ 19 февраля, нѣсколько запутанна,—но заслуга въ „переломѣ интеллигентной мысли" (если допустимо подобное выраженіе) была безспорно большая.

Всего подробнѣе изложена жизнь Герцена въ Россіи (122 стр. изъ 160),—какъ упомянуто, главнымъ образомъ на основаніи „Былого и думъ". Авторъ очень мало воспользовался другими источниками, между прочимъ, кажется, даже дневникомъ Герцена изъ сороковыхъ годовъ, интереснымъ по разсказу о столкновеніяхъ съ славянофилами.

Въ крестьянской реформѣ, когда она готовилась, Герценъ, какъ и наиболѣе серьезные люди въ Россіи, защищалъ освобожденіе съ землей. Живя за границей, онъ между прочимъ противопоставлялъ западному соціализму русскую общину, въ которой видѣлъ залогъ будущаго народнаго благосостоянія и обезпеченіе отъ пролетаріата; разрушеніе общины онъ считалъ преступленіемъ противъ исторіи. Біографъ говоритъ:

„Таковы мысли Герцена. Жизнь не поддержала ихъ, не претворила въ себѣ, а большую часть выбросила въ мусорную кучу исторіи (?)—гдѣ, порывшись, мы могли бы отыскать вѣроятно много умнаго, талантливаго, благороднаго. Но что̀ дѣлать и кто въ этомъ виноватъ? Герценъ, разумѣется, переоцѣнивалъ живучесть общины, но въ тѣ дни такая переоцѣнка была больше, чѣмъ простительна. Никто не зналъ и не могъ знать, что въ 1861 году община была уже разрушена или, лучше сказать, уже разложилась подъ вѣковымъ вліяніемъ крѣпостного права, что она была лишь кокономъ, изъ котораго давно уже вышло живое существо. Цѣлыхъ полтора вѣка повсюду, особенно въ центральной полосѣ Россіи, „міра“ не существовало; за то въ избыткѣ существовалъ помѣщичій деспотизмъ, который медленно, тихо, систематически разлагалъ общину.

„Въ 1861 г. должны были не возстановлять общину, а возсоздавать (?) ее, т.-е. сдѣлать дѣло не для рукъ человѣческихъ“ (?).

Какая разница между „возстановлять“ и „возсоздавать“? И не слишкомъ ли рано авторъ похоронилъ общину?

Разсказывая о послѣднихъ годахъ жизни Герцена, авторъ говоритъ объ его одиночествѣ. „Съ эмигрантами другихъ странъ онъ не могъ чувствовать никакой кровной связи; свои собственные эмигранты доставляли больше горя, чѣмъ радости“. И это послѣднее авторъ объясняетъ тѣмъ, что интересы были совсѣмъ различны: онъ „смотрѣлъ впередъ“ (т.-е. шире?) и не имѣлъ ничего общаго съ фанатиками, ожидавшими торжества своихъ проектовъ чуть не завтра. Далѣе: „ему не было мѣста между ними (новыми эмигрантами) еще и потому, что въ немъ крѣпко сидѣла черта, общая почти всѣмъ дѣятелямъ 40-хъ годовъ, за исключеніемъ одного Бѣлинскаго,—это черта умственнаго аристократизма, своего рода даже пресыщеніе. Старое барство отзывалось въ этомъ и всегда съ невыгодой для тѣхъ, кто былъ его преемникомъ (?). Возьмите Тургенева и Герцена, — оба они, несмотря на весь демократизмъ своихъ убѣжденій, никакъ не могли сойтись съ тѣми людьми, которые были плоть отъ плоти и кровь отъ крови демократіи. Ихъ коробили манеры, языкъ, замашки „новыхъ людей“, выступившихъ въ Россіи на сцену въ шестидесятыхъ годахъ. Они искали изящества, особенной утонченности чувствъ и идей и, разумѣется, не находили ихъ у дѣятелей, явившихся на смѣну ихъ поколѣнію. Но больше всего ихъ мутило—и это настоящее слово—отъ догматизма мысли, отъ всего, что̀ провозглашалось съ безусловной самоувѣренностью и съ ненавистью къ какому бы то ни было ограниченію. Они извѣдали слишкомъ много... Въ ихъ взглядѣ навсегда слышится пресыщеніе и утомленность. Художественная закваска, сво-

его рода диллетантизмъ ставилъ между ними и истинными „практиками“ (?) непреодолимую преграду“ и т. д. (Стр. 158—159).

Нѣчто подобное было дѣйствительно въ отношеніяхъ Тургенева, Герцена и другихъ людей того поколѣнія въ ихъ отношеніяхъ съ людьми „шестидесятыхъ годовъ“. Мы замѣтили бы только, что если у Бѣлинскаго не было житейскаго барства и пресыщенія, то относительно „умственнаго аристократизма“ и онъ былъ бы не совсѣмъ исключеніемъ... Но это еще не объясняетъ, почему Герценъ въ послѣдніе годы не могъ сойтись или совсѣмъ расходился съ „собственными эмигрантами“. Дѣло было не только въ „утонченности чувствъ и идей“: въ эмиграціи, съ которой Герценъ расходился въ послѣдніе годы, бывали „фанатики“, съ которыми у него не могло быть общаго и по самымъ элементарнымъ понятіямъ.

Напрасно только авторъ пишетъ: „диллетантъ“, „диллетантизмъ“ (стр. 114—117, 159): такого слова нѣтъ.—Т.

Въ декабрѣ 1898 г. поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П.—Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи: „Ученическіе годы Гоголя“. Спб. 99. Стр. 368.

Авсѣенко, В.—Новые разсказы. Т. I. Спб. 99. Стр. 439. Ц. 2 р.

Асбьернсонъ.—Норвежскія сказки. Перев. А. и П. Ганзенъ. Съ 74 рис. Спб. 1899. Стр. 229. Ц. 1 р. 25 к.

Бадмаевъ, П. А. — О системѣ врачебной науки Тибета. Вып. 1. Спб. 98. Стр. 234. Ц. 1 р. 50 к.

Белохъ, Ю.—Исторія Греціи. Перев. съ нѣм. М. Гермензона. Т. II. М. 99. Стр. 521. Ц. 2 р.

Бойко, М.—Общество для распространенія коммерческихъ знаній или не знаній? Анализъ. М. 98. Стр. 59.

Брандесъ, Георгъ.—Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Томъ I. Переводъ В. М. Спасской и В. М. Фриче, подъ редакціей Н. И. Стороженка. Съ предисловіемъ и примѣчаніями редактора. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1899. XI и 383 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Варбъ, Е.—Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевскаго Музея). М. 1898. 82 стр. Ц. 40 коп.

Виноградовъ, П. Г.—Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Вып. III. М. 99. Стр. 587. Ц. 2 р.

Випперъ, Р.—Спеціальная подготовка преподавателя средней школы, или поднятіе его положенія. М. 98. Стр. 25. Ц. 20 к.

Водовозовъ, В.—Разсказы изъ русской исторіи. Вып. 1. Изд. 10-е. Спб. 99. Стр. 197. Ц. 40 к.

Вязигинъ, А.—Очерки изъ исторіи папства въ XI в. (Григорій Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III). Спб. 98. Стр. 300. Ц. 2 р.

Гауптманъ, Гергардтъ.—Одинокіе люди. Драма въ 5 д. Перев. О. Н. Поповой. Спб. 99.

Гейнсъ, А. К.—Собраніе литературныхъ трудовъ. Т. III. Спб. 99. Стр. 523.

Гельвальдъ, фонъ-Фр.—Земля и ея народы. Перев. съ нѣм. въ 4-хъ том. п. р. Ф. Груздева. Т. III: Живописная Европа. Съ карт. и рис. Спб. 98. Стр. 64.

Германъ, Ф. П.—Къ исторіи моего диспута. Отвѣтъ моимъ оппонентамъ. Харьк. 98. Стр. 99.

Данилевскій, В. Я.—Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе. Харьк. 98. Стр. 37. Ц. 25 к.

Додэ, Альф.—Прекрасная Ниверneза. Съ франц. С. Круковской. Съ 45 рис. Спб. 99. Стр. 62. Ц. 30 к.

Д'Оссонвилль, гр.—Нищета и средства борьбы съ нею. Съ франц. М. К. Соколовской. Спб. 98. Стр. 586.

Дружининъ, Н. П.—Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Ч. I: Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія. Ч. II: Правомѣрныя начала управленія Россіи. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 160. Ц. 75 к.

Ермиловъ, В.—Въ борьбѣ съ рутиной. М. 98. Стр. 274. Ц. 1 р. 50 к.

Жебелевъ, С.—Изъ исторіи Аѳинъ 229—31 годы до Р. Хр. Спб. 98. Стр. 365.

Жеденовъ, Н. Н.—Кому и какъ помогать? Спб. 98. Стр. 36.

Жиркевичъ, А. В.—„Друзьямъ". Стих. Спб. 99. Стр. 67. Ц. 1 р.

Ивановъ, Ив.—Люди и факты западной культуры.—Герой современной легенды.—Совѣсть въ исторіи одной жизни. М. 98. Стр. 284. Ц. 1 р.

Канторовичъ, Я. А.—Законы о женщинахъ. Сборникъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола. Спб. 99. Стр. 279. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Т. II: Исторія XVI—XVII вѣковъ. Ч. 1: Реформаціонное движеніе и католическая реакція. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 350. Ц. 2 р.—Т. V: XIX-й вѣкъ. Спб. 98. Стр. 888. Ц. 5 р.

Касиненко, Ю. И.—Сочиненія. Лубны, 98. Стр. 223. Ц. 80 к.

Клингенъ, И.—Среди патріарховъ земледѣлія, народовъ ближняго и дальняго Востока. (Египетъ, Индія, Цейлонъ, Китай и Японія). Ч. I: Введеніе. Египетъ. Съ 132 рис. и 1 картой. Спб. 98. Стр. 460. Ц. 3 р.

Ковалевскій, М. М., проф.—Развитіе народнаго хозяйства въ западной Европѣ. Публичн. лекціи, читан. въ Брюссельскомъ университетѣ. Спб. 1899. Стр. 225. Ц. 75 к.

Ковалевскій, П. И.—Вырожденіе и возрожденіе. Соціально-біологическій очеркъ. Спб. 99. Стр. 166. Ц. 1 р.

Ковалевскій, С.—Покровительственная пошлина, чтó она даетъ народу и чтó у него беретъ. Цифры и факты. Спб. 99. Стр. 100. Ц. 50 к.

Котляревскій, Н.—Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Спб. 98. Стр. 360. Ц. 2 р.

Кулаковъ, П. Е.—Ольхонъ. Хозяйство и бытъ бурятъ елонцинскаго и кутульскаго вѣдомствъ Верхоленскаго округа Иркутской губерніи. Спб. 1898. Стр. 245.

Лависсъ, Э. и *Рамбо*, А.—Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. V: Религіозныя войны. 1559—1648. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 99. Стр. 880. Ц. 3 р.

Ленцевичъ, Ал.—Стихотворенія. Вятка, 98. Стр. 100. Ц. 1 р.

Летурно, Шарль.—Эволюція торговли. Съ франц. Ѳ. Капелюшъ. Спб. 99. Стр. 368. Ц. 2 р.

Мартыненко, М. П.—Очерки фельдшеризма въ Херсонской губерніи. Спб. Стр. 62. Ц. 30 к.

Милевъ, Х.—Нѣколко луми като допълнение към историческата карта на България (отъ VII—XIV стол. включително). София, 1898. 15 стр. и карта.

Нитцше, Фридрихъ.—Такъ говорилъ Заратустра. Девять отрывковъ въ переводѣ С. П. Нани. Спб. 1899, XIV и 103 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Орлицкій, С. С. (Окрейцъ).—Далекіе годы. Автобіографическая Хроника Спб. 99. Стр. 251. Ц. 2 р.

Постницкій, В. В.—Стихотворенія. „На рельсахъ и внѣ рельсъ". 2-е изд. М. 98. Стр. 256. Ц. 1 р.

Пру, А., и *Балле*, Ж.—Гигіена неврастеника. Перев. съ франц. Л. Шейниса. Спб. 99. Стр. 196. Ц. 60 к.

Рамбо, А.—Живописная исторія древней и новой Россіи. 2-е изд., съ рис. М. 98. Стр. 615. Ц. 1 р. 50 к.

Раппопортъ, Х.—Философія исторіи, въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Спб. 1899. Стр. 180. Ц. 75 к.

Реклю, Элизе.—Земля и Люди. Всемірная географія. Вып. IV. Соединенные Штаты. Ч. 2. Перев. Н. Березина. Съ 41 рис. и 25 чертеж. Приложеніе: „Очеркъ государственнаго устройства, составл. Д. Протопоповымъ". Спб. 1899. Стр. 315. Ц. 2 р.

Роміосъ, Сергѣй.—Семья Никитиныхъ. Романъ-Хроника. Т. I и II. М. 1899. Стр. 464 и 566. Ц. 2 р.

Сергѣенко, П.—Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Москва, 98. Стр. 106. Ц. 2 р. 50 к.

Смирновъ, Ѳ. А.—Высокоторжественные дни. Семь историческихъ судебъ. Тифл. 98. Стр. 96. Ц. 50 к.

Сумцовъ, Н. О., проф.—Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьк. 98. Стр. 200.

Тимирязевъ, К.—Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 4-е, съ приложеніемъ „Наши антидарвинисты". М. 98. Стр. 414. Ц. 1 р. 50 к.

Тимченко, Е.—Русско-малороссійскій словарь. Томъ второй. П.—Ѳ. Кіевъ, 1899. 267 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Трачевскій, проф. А.—Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Спб. 98. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 к.

Трембовельскій, Д. И.—Простѣйшія водоснабженія въ деревнѣ. Практическое руководство, со многими рис. и дополн. чертеж. Спб. 1899. Стр. 23. Ц. 20 к.

Уйда.—Массарины. Ром. Съ англ. М. 99. Стр. 378. Ц. 2 р.

Фельдманъ, Ѳ. Л.—Систематическій сборникъ очерковъ по законовѣдѣнію. Спб. 98. Стр. 168.

Хортулари, К. Ф.—Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности. Общая и особенная часть. Спб. 99. Стр. 328. Ц. 5 р.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. III: Ученіе о теплотѣ. Съ 230 рис. Спб. 99. Стр. 676. Ц. 5 р.

Шиповъ-Шульцъ.—Законъ и Земство. Первыя три главы: Земское устройство, земскій судъ и земская полиція. Спб. 98. Стр. 311. Ц. 1 р. 50 к.

Ягубьенъ, К.—Руководство для изученія армянскаго языка. Самоучитель. Тифл. 99. Стр. 162. Ц. 80 к.

Ѳедоровъ, А. М.—Стихотворенія. Спб. 98. Стр. 216. Ц. 1 р.

Modestov, B.—Unde venerint et qui fuerint Latini (О томъ, откуда пришли и кто были латиняне. Съ таблицей въ концѣ). Petropoli, 98. Стр. 85. Ц. 75 к.

Mourier, J.—Ivan Serguéjewitch Tourguéneff à Spasskoé. Préface de M. Stahowitch. St.-P. 99. Стр. 164.

Murko, Mattias, Dr., Miclosichs Jugend-und Lehrjahre. Sonder-Abdruck aus Forschungen zur neueren Literaturgeschichte. Festgabe für Richard Heinzel. Weimar, 1898, 75 стр.

— Portraits et Tableaux, appartenant aux Archives, avec 18 planches phototyp. M. 98. Pr. 3 r.

— Альманахъ-Ежегодникъ, П. О. Яблонскаго. 1899 годъ. Календарь и сборникъ свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. 50 портр., 19 географ. картъ, 24 карты звѣзднаго неба, 12 табл., 69 рис. Спб. 98. Стр. 460.

— Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. 2-е изд. М. 98. Стр. 624+174.

— Вся Россія. Русская книга для промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Адресъ-Календарь Россійской Имперіи. Т. I и II. Изд. А. Суворина. Спб. 99.

— Древнерусская картографія. Вып. 1: Планы г. Москвы XVII вѣка. Изд. Москов. Главн. Арх. мин. ин. дѣлъ. М. 98. Стр. 80.

— Живописная Россія. Отечество наше, въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи, подъ общей редакціей П. П. Семенова. Т. VI: Москва и московская промышленная область. Ч. I: Москва, съ 317 рис. Изд. товарищ. М. О. Вольфъ. Спб. 98. Стр. 301, in-fol.

— Малый Энциклопедическій Словарь, съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Вып. 1: А—Аеонъ. Спб. 98. Всего 12 вып.—18 руб. Отд. вып.—1 р. 50 к.

— Московскій Главный Архивъ мин. иностр. дѣлъ. Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Съ 23 фототип. табл. М. 98. Ц. 3 р.

— Научно-образовательная библіотека: Гетчинсонъ. Вымершія чудовища, вып. 2 и 3. Перев. М. В. Павловой.—Токвиль. Старый парадоксъ и революція, перев. п. р. П. Г. Виноградова.—Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа, вып. 2. Перев. И. Н. Шалонина. М. 98.

— Програмы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Изд. 2-е. М. 99. Стр. 341. Ц. 45 к.

— Родина. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ русскими поэтами родинѣ. Изд. Н. Ч. М. 98. Стр. 75. Ц. 20 к.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Вып. V: 1898. Спб. 98. Стр. 359—445

— Труды Черниговской Архивной Коммиссіи. 1897-98. Вып. 1. Черниг.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhart Hauptmann. Fuhrmann Henschel. Schauspiel. Berlin, 1899.

Каждая новая пьеса Гергарда Гауптмана представляетъ новый типъ драматическаго творчества. Въ его сравнительно немногочисленныхъ пьесахъ имѣются образцы психологической, исторической и символической драмы. Каждый разъ драматургъ вводитъ насъ въ совершенно новый міръ, рисуя то рабочую среду, то внутреннюю жизнь забитаго ребенка, то полу-интеллигентную семью, то дѣятелей реформаціонной эпохи, то фантастическій міръ народныхъ преданій.

Послѣдняя пьеса Гауптмана: „Потонувшій колоколъ", была фантастическая; въ новѣйшей драмѣ Гауптмана: „Фурманъ Геншель", онъ вернулся къ своимъ прежнимъ пріемамъ и написалъ чисто реалистическую драму, углубленную психологическимъ содержаніемъ. Въ ней повторяется тема, затронутая въ одной изъ самыхъ раннихъ драмъ Гауптмана, въ „Одинокихъ людяхъ". Гауптманъ только измѣнилъ среду, въ которой разыгрывается судьба его героя, и тѣмъ какъ бы провѣрилъ общность психологическихъ процессовъ у людей самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ положеній. Тотъ разладъ, который приводитъ фурмана Геншеля, какъ и ученаго героя „Одинокихъ людей", къ печальному исходу жизни, предполагаетъ извѣстную сложность и утонченность душевной жизни, и, рисуя одинаковость страданій въ столь различныхъ сферахъ, Гауптманъ подчеркиваетъ существованіе душевныхъ типовъ, независимыхъ отъ условій среды. Онъ провѣряетъ такимъ образомъ общіе законы душевнаго міра, и если вторично тотъ же разладъ заканчивается той же катастрофой, совершающейся при совершенно иныхъ обстоятельствахъ жизни, то это доказываетъ какую-то необходимость катастрофы—и въ этой неизбѣжности есть нѣчто примиряющее.

„Фурманъ Геншель" встрѣченъ критикой, какъ нѣмецкой, такъ и иностранной, съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что ни форма, ни содержаніе драмы, не представляютъ ничего такого, чего бы уже не было въ предъидущихъ пьесахъ Гауптмана. Но пьеса пріобрѣтаетъ интересъ, если ее разсматривать какъ параллель „Одинокимъ людямъ" и понимать какъ провѣрку психологическаго закона въ измѣненной жизненной обстановкѣ. „Припомнимъ основной мотивъ „Одинокихъ людей". Тамъ „одинокимъ" является безвольный интеллигентъ. Онъ проникнутъ стремленіемъ къ

высшей духовной жизни, ясно сознаетъ свой долгъ относительно святыни собственной души, но совершенно не въ силахъ бороться съ условными общественными принципами нравственности, и погибаетъ, не будучи въ силахъ ни доставить торжество своей собственной святынѣ, ни покориться чужой нравственности. Самоубійство, которымъ кончаетъ герой „Одинокихъ людей", является какъ бы вынужденнымъ исходомъ, въ которомъ самая жизнь болѣе виновна, чѣмъ самоубійца. Читателю кажется, что когда „одинокихъ людей" станетъ много, и мысли ихъ не будутъ непонятны окружающимъ, то ихъ душевные порывы приведутъ не къ жалкому, безсильному самоуничтоженію, а станутъ источникомъ живой силы и радости.

Но, пройдя длинный творческій путь, „увидавъ глубины человѣческихъ силъ, Гауптманъ вернулся къ прежнему пессимизму. Геншель—тотъ же одинокій человѣкъ и такъ же кончаетъ самоубійствомъ, не будучи въ состояніи согласовать свою собственную жизнь съ робкими желаніями своей души. Относительно „Одинокихъ людей" Гауптману можно было поставить въ упрекъ, что онъ рисуетъ исключительнаго человѣка, утонченную натуру „нитшеанскаго" сверхчеловѣка, нуждающагося въ исключительной морали. На этотъ же разъ, для провѣрки прежняго положенія, Гауптманъ избралъ самую простую обстановку, и даже придалъ своей драмѣ преувеличенный реалистическій колоритъ, чтобы подчеркнуть обыденность той духовной среды, въ которой разыгрывается такая же драма совѣсти, какъ и у высоко-развитого молодого ученаго. Самыя интеллигентныя лица въ пьесѣ: домохозяинъ въ маленькомъ городкѣ и трактирщикъ—бывшій актеръ, а другія—фурманъ и его жена, кельнеръ ближайшаго ресторана, коробейникъ, рабочіе. Всѣ они даже говорятъ не чисто нѣмецкимъ языкомъ. Пьеса написана на шлезвигскомъ нарѣчіи, которое Гауптманъ любитъ вводить въ свои пьесы. Это языкъ его родины, и въ мастерской передачѣ Гауптмана онъ пріобрѣтаетъ удивительную изобразительность. Среди ультра-реалистической обстановки душевная драма героя утрачиваетъ всякую исключительность и становится чѣмъ-то типичнымъ, общимъ, неотразимымъ.

Голосъ совѣсти, требованія жизни и роковое теченіе событій—вотъ тѣ основныя силы, которыя своимъ противорѣчіемъ составляютъ трагизмъ человѣческой жизни. Гауптманъ рисуетъ самую простую форму ихъ столкновенія и отъ этого оно становится еще болѣе трагичнымъ. Геншель понимаетъ вопросы жизни и совѣсти самымъ элементарнымъ образомъ, но дѣло не въ этомъ, не въ формѣ, въ которой является человѣку зло. Важно отношеніе человѣка къ злу, его умѣнье бороться съ нимъ или принять его, или же безсильно и безвольно жить въ вѣчномъ разладѣ, ничего не принимая и не

умѣя ничего отвергнуть. Въ разладѣ есть духовная красота, но нѣтъ нравственной правды, и это безсиліе покаралъ Гауптманъ и въ героѣ своей юношеской драмы, и въ новомъ одинокомъ человѣкѣ изъ народа, въ Геншелѣ.

Событія драмы несложныя. У здоровеннаго весельчака Геншеля, добраго, простодушнаго и жизнерадостнаго, умираетъ жена. Быть можетъ, даже въ смерти ея отчасти виновна служанка Ганна. Во всякомъ случаѣ, передъ своей смертью жена Геншеля беретъ у мужа обѣщаніе не жениться на Ганнѣ—она знаетъ, что это будетъ для него гибелью. Но въ скоромъ времени Ганна такъ умѣло забираетъ въ свои руки весь домъ Геншеля и его самого, что онъ не хочетъ отпустить ее и, вопреки желанію умершей жены, женится на служанкѣ. Голосъ совѣсти, возстающій противъ нарушенія клятвы, онъ успокаиваетъ бесѣдой съ дружески расположеннымъ къ нему домохозяиномъ, который логически доказываетъ ему призрачность его клятвы. Съ этой минуты начинается душевная драма Геншеля. Дѣло, конечно, не въ безусловной обязательности данной имъ клятвы, а въ томъ, что самъ Геншель считалъ ее обязательной и, нарушивъ ее, пошелъ противъ себя только по слабости воли. Онъ старается внести въ свою новую жизнь прежнее спокойное и ровное настроеніе, но Ганна стала источникомъ зла. Она измѣняетъ мужу, почти не скрываетъ отъ сосѣдей своей связи съ фатоватымъ кельнеромъ, выгоняетъ стараго слугу и помощника мужа, чтобы на его мѣстѣ былъ молодой работникъ, и вооружаетъ противъ себя всѣхъ, вредя всѣмъ, кому можетъ. Къ Геншелю тоже начинаютъ дурно относиться. Его заподозриваютъ въ корысти и даже глухо обвиняютъ въ какихъ-то преступленіяхъ. Есть даже слухи, что онъ совмѣстно съ Ганной содѣйствовалъ смерти жены и ребенка, умершаго вслѣдъ за матерью. Самое печальное для Геншеля, что онъ теряетъ увѣренность въ себѣ. Зная за собой тяжкій грѣхъ—нарушенную клятву,—онъ падаетъ душой и все время силится совершить какое-то искупленіе. Его внутренній міръ становится богаче и разнообразнѣе и тѣмъ самымъ непонятнѣе для окружающихъ. Онъ все болѣе расходится съ прежними товарищами, все болѣе угрюмъ и одинокъ и тѣмъ самымъ усиливаетъ подозрѣнія. Общество Ганны тѣмъ болѣе напоминаетъ ему о томъ, что̀ онъ считаетъ своимъ паденіемъ, и онъ хочетъ чѣмъ-нибудь внѣшнимъ возстановить гармонію, сдѣлать „доброе дѣло" —т.-е. то, что̀ кажется добрымъ его простому разуму. Онъ зналъ, женясь на Ганнѣ, что у нея былъ ребенокъ до брака, и гораздо проще, чѣмъ она сама, относился къ этому факту. Ганна изъ практическихъ соображеній отрицала, что ребенокъ ея, и бросила его на произволъ судьбы у себя на родинѣ. Вдругъ Геншель, возвращаясь домой, привозитъ съ собой дѣвочку, думая доставить этимъ радость женѣ. Но

присутствіе ребенка вноситъ еще бо̀льшую смуту въ семейную жизнь Геншеля. Все вокругъ рушится. Геншель чувствуетъ около себя общее недовѣріе и самъ все болѣе опускается. Наконецъ, его ждетъ послѣднее испытаніе: до него доходятъ слухи о невѣрности жены, объ интригѣ ея съ кельнеромъ Францемъ. Объ этомъ въ пьяномъ видѣ выбалтываетъ Геншелю выгнанный Ганной старый слуга. Геншель выталкиваетъ изъ трактира дерзкаго пьяницу и тотчасъ посылаетъ за женой для того, чтобы она при всѣхъ оправдалась отъ гнуснаго обвиненія. Но ея поведеніе, стараніе уклониться отъ прямого отвѣта, притворныя слезы, убѣждаютъ его въ ея виновности.

Это становится началомъ конца. Пятый актъ драмы—самый выдающійся. Всѣ обстоятельства выяснились и драма сосредоточена на психологіи героя, на томъ, какъ онъ отнесется къ событіямъ. Его пониманіе того, что̀ произошло—самое несложное. Менѣе всего пытается онъ вдуматься въ измѣну жены и истолковать по-своему значеніе ея поступка. Для него ея поведеніе—позоръ, катастрофа, по отношенію къ которой проявляется его глубокое безсиліе. Противодѣйствовать и бороться онъ не можетъ, и всѣ его дѣйствія роковымъ образомъ приводятъ его къ единственному исходу, на который онъ способенъ. Онъ понимаетъ, что во всемъ случившемся только онъ одинъ и виноватъ. Все дѣло въ томъ, что онъ нарушилъ клятву, данную первой женѣ. Онъ даже не обвиняетъ Ганну, не питаетъ къ ней злобы. Она—орудіе высшей мести. Странное взаимное непониманіе начинается между Геншелемъ и его женой. Онъ ведетъ себя такъ странно, что Ганнѣ кажется сумасшедшимъ. Она призываетъ на помощь домохозяина. Тому удается успокоить Геншеля, убѣдить его въ томъ, что никто не считаетъ его обезчещеннымъ, и помирить мужа и жену. Геншель со страннымъ спокойствіемъ все принимаетъ, но собесѣдники его не замѣчаютъ, что не ихъ доводы убѣдили его, а что онъ въ себѣ самомъ нашелъ какую-то правду и ею силенъ. Онъ не умѣлъ понять жизнь и мирится съ нею, но, увидѣвъ глубину разлада, умѣетъ уйти съ достоинствомъ. По существу такой исходъ—слабость. Смерть ничего не объясняетъ и ничего не доказываетъ, и, разрѣшая драматическій узелъ самоубійствомъ, драматургъ какъ бы совершенно не рѣшаетъ его. Но если мы согласимся стать на его точку зрѣнія и примириться съ отсутствіемъ рѣшенія, то самая манера представить безвольнаго въ жизни человѣка твердымъ, когда онъ близится къ смерти, является весьма интересной. Безволіе является тогда только результатомъ того, что жизнь лишена смысла; когда же въ душѣ пробуждается пониманіе правды, она твердо и просто идетъ къ цѣли. Въ этомъ—значеніе конца пьесы. Геншеля уговариваютъ въ томъ, что честь его не пострадала. Онъ отвѣчаетъ просто: „Конечно, вы вѣроятно правы. Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ“.—Его убѣждаютъ успо-

коиться, не думать о прошломъ, и онъ отвѣчаетъ: „Да, я совершенно спокоенъ и все уразумѣлъ". — Ему говорятъ, что кельнера больше нѣтъ, что Ганна раскаявается и что имъ нужно помириться. Геншель спокойно отвѣчаетъ, что мириться имъ нечего, что онъ готовъ протянуть руку Ганнѣ, и что Богъ ей судья. Успокоенные его благоразуміемъ, друзья уходятъ, оставляя мужа и жену наединѣ.

Когда всѣ ушли, Геншель зажигаетъ лампу, какъ бы готовясь идти спать, и спокойно объясняетъ женѣ, что одинъ изъ нихъ долженъ очистить мѣсто. Ганна думаетъ, что онъ ее гонитъ изъ дому, но Геншель говоритъ, что вовсе не ей нужно уходить, и что, напротивъ, она отлично можетъ справиться и безъ него. Когда же она опять начинаетъ раздраженный споръ, Геншель успокаиваетъ ее нѣсколькими словами, которыя говоритъ, уходя: „Подожди,—говоритъ онъ:—завтра тоже день. Все мѣняется,—говоритъ нашъ хозяинъ". Изъ другой комнаты слышны его послѣднія слова: „Завтра все будетъ по другому". Черезъ нѣсколько времени въ отвѣтъ Ганнѣ слышится еще одна фраза Геншеля: „Кто же заведетъ теперь часы?" Послѣ этого происходитъ тревожная бесѣда Ганны съ вернувшимся домохозяиномъ, но напрасно они окликаютъ Геншеля. Хозяинъ бросается въ спальню, но тамъ застаетъ Геншеля повѣсившимся.

Разыгрывающіяся событія драмы, какъ мы видимъ, очень несложны. Геншель не могъ стерпѣть безчестія и повѣсился, но этимъ простымъ примѣромъ Гауптманъ углубляетъ свою мысль объ одинокости людей, которая наступаетъ роковымъ образомъ, какъ только внутренняя правда приходитъ въ столкновеніе съ правдой жизни. Безволіе въ жизни сопряжено съ неумѣньемъ понять жизнь. Поэтому Гауптманъ рисуетъ своихъ одинокихъ людей, потерянныхъ въ жизни, необычайно твердыми, когда они приходятъ къ сознанію своего разлада и необходимости порвать сношенія и уйти. Эту истину фурманъ Геншель такъ же ярко воплощаетъ, какъ затерянный въ жизни ученый герой „Одинокихъ людей".

II.

Charles Recolin. L'Anarchie littéraire. Paris, 1898.

Громкое заглавіе: „Литературная анархія", подъ которымъ вышелъ томикъ литературныхъ очерковъ Шарля Реколѐна, стоитъ въ заголовкѣ довольно невинной по существу книги. Дѣло въ томъ, что критикамъ вообще, а французскимъ критикамъ въ частности, приходится, если только они заняты текущей современной литературой, говорить о сравнительно ограниченномъ кругѣ литературныхъ явленій, называть всегда одни и тѣ же имена. Поэтому, если критикъ стремится къ разнообразію, ему приходится или останавливаться на завѣдомо незначительномъ, случайномъ и преходящемъ въ литературѣ,

или же искать новой точки зрѣнія, съ которой еще не подходили къ изученію современности.

Послѣдній путь избралъ авторъ разбираемой книги. Онъ говоритъ все о тѣхъ же хорошо всѣмъ извѣстныхъ, немногочисленныхъ критикахъ и романистахъ современной Франціи. Брюнетьеръ, Жюль Леметръ, Анатоль Франсъ, Эдуардъ Родъ и нѣсколько другихъ писателей исчерпываютъ содержаніе его книги. Этотъ репертуаръ можетъ сразу разочаровать читателя, который возьмется за книгу Реколена, привлеченный ея оригинальнымъ заглавіемъ. Развитіе прессы въ настоящее время такъ велико и такъ подавляетъ собой матеріалъ, который даютъ ей искусство и жизнь, что о чемъ-нибудь стоющемъ вниманія въ самомъ дѣлѣ сказано не только достаточно, но и слишкомъ много. Писатели, которыхъ мы выше назвали, еще находятся во цвѣтѣ лѣтъ, но они обсуждены и изучены самымъ подробнымъ образомъ. Что же можно о нихъ еще сказать?

Реколенъ въ своей книгѣ находитъ, однако, возможность заинтересовать читателя, не отдаляясь отъ хорошо знакомыхъ всѣмъ именъ. Достигаетъ онъ этого тѣмъ, что вноситъ объединяющую идею въ изученіе разрозненныхъ явленій дѣйствительности. Онъ хочетъ подвести итоги современной французской литературы, останавливаясь не на томъ, какое количество талантовъ въ ней проявилось, а на томъ, какими идеями она обогатила духовную жизнь человѣчества. Онъ ищетъ въ современности того единства, которое составляетъ характеристику каждой литературной эпохи, сравнительно съ ей предшествующей. Поэтому въ отдѣльныхъ писателяхъ его занимаютъ не ихъ индивидуальность, а то, чѣмъ они идутъ на встрѣчу другъ другу для совмѣстнаго воплощенія историческаго момента.

Быть можетъ, такое исканіе единства преждевременно и должно составить задачу будущаго историка, но не свидѣтеля наростающей и слагающейся литературной эпохи, когда видны только отдѣльныя попытки, а далекая, безсознательная цѣль еще скрыта. Преждевременное исканіе этой цѣли приводитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Нельзя поэтому сочувствовать пессимизму Реколена, но во всякомъ случаѣ въ его идейномъ освѣщеніи извѣстныя литературныя явленія пріобрѣтаютъ новый интересъ, и его вопрошающее отношеніе къ писателямъ съ очень опредѣленной физіономіей углубляетъ интересъ къ ихъ произведеніямъ.

Литературные идеалы самого критика довольно опредѣленные. Онъ сторонникъ традиціонной французской культуры съ ея трезвой, ясной проповѣдью нравственности, съ ея строгимъ культомъ формы. Миссія французской литературы заключается, по мнѣнію Реколена, въ томъ, чтобы распространять гуманность чувствъ и грацію ума.

Восемнадцатый вѣкъ, такъ полно удовлетворявшій этой культурной миссіи, кажется Реколену самымъ совершеннымъ.

Но когда со своими требованіями опредѣленности критикъ подступаетъ къ современной французской литературѣ, его охватываетъ ужасъ. Онъ находитъ въ ней слишкомъ многое и слишкомъ различное, и приходитъ къ выводу, что современная литература—„чисто анархическая", лишенная всякой связи съ предъидущимъ, и какъ будто бы никуда не ведущая въ будущемъ. Преклоняясь предъ талантомъ отдѣльныхъ писателей, онъ утверждаетъ однако, что всѣ вмѣстѣ они не составляютъ литературы, вслѣдствіе полнаго отсутствія общихъ стремленій. Такой выводъ—повторяемъ—преждевременный. Изъ того, что, находясь въ центрѣ разнообразныхъ явленій, критикъ не можетъ видѣть скрытаго за ними единства, далеко не слѣдуетъ, что единства этого нѣтъ. Интересно однако, что при всей отрицательности вывода Реколенъ подмѣчаетъ въ тѣхъ самыхъ писателяхъ, которыхъ не можетъ согласовать одного съ другимъ, много общихъ чертъ, очевидно противорѣчащихъ обвиненію въ „анархіи". Быть можетъ даже, по обычной ироніи судьбы, „Литературная анархія" Реколена послужитъ цѣннымъ матеріаломъ для будущаго историка. Онъ воспользуется талантливыми и оригинальными очерками Реколена для характеристики *общаго* духа французской литературы во второй половинѣ двадцатаго вѣка.

Но прежде чѣмъ будущій историкъ начнетъ говорить о томъ, что̀ объединило литературу нашего времени и что̀ составляетъ ея общій характеръ, Реколенъ говоритъ объ „анархіи" современности. Ему кажется, что если собрать полсотни томовъ, въ которыхъ есть все, что̀ литература послѣднихъ десятилѣтій создала лучшаго, то въ нихъ невозможно намѣтить никакого господствующаго теченія. „Среди нихъ окажутся книги на всѣ вкусы. Хотите натурализма?—онъ еще имѣется, хотя намъ много разъ объявляли объ его банкротствѣ. Хотите идеализма, эротизма и даже романтизма?—вотъ они! Вы жалѣете о романтическомъ романѣ? Но у насъ есть свои Жоржъ-Занды и свои Фёлье. Любите ли вы романъ идеологическій и скучный?—почитайте Барреса. Вамъ нравятся невинные романы—ихъ изготовляютъ теперь дюжинами. Вы мистикъ—вотъ Гюисмансъ, Метерлинкъ, неокатолики со своими исторіями готическихъ соборовъ, обращенныхъ самаритянокъ съ запахомъ ладана, лилій и рисовой пудры. Быть можетъ, вы вольтерьянецъ, скептикъ, дилеттантъ? Тогда для васъ придуманъ новый „измъ"—иронизмъ. Вы любитель поэзіи—есть у насъ и этотъ товаръ,—правда, не особенно ходкій. Вамъ сказали, что Парнасъ умеръ и что символизмъ не жилъ? не вѣрьте: вы найдете стихи и поэмы всякихъ объемовъ. Одни и тѣ же поэты пишутъ и свободнымъ стихомъ, и правильнымъ размѣромъ, смотря по моменту ихъ эволюціи

или степени ихъ извѣстности. И во всѣхъ этихъ родахъ литературы встрѣчаются попытки идти во всѣ стороны, даже назадъ, въ глубь вѣковъ. Что же господствуетъ въ этомъ хаосѣ, что выдвинулось впередъ? Публика все принимаетъ, все одобряетъ. Это яснѣе всего видно изъ ея увлеченія иностранными писателями. За послѣднія десять лѣтъ она дѣлитъ свои восторги между Толстымъ, Ибсеномъ, Аннунціо, Фогаццаро. А между тѣмъ Толстой—аскетъ и соціалистъ; Ибсенъ—мятежный индивидуалистъ; Аннунціо—чувственный художникъ; Фогаццаро—глубоко вѣрующая душа. Но какое значеніе имѣютъ эти различія для людей, которые съ одинаковымъ восторгомъ апплодируютъ непристойностямъ въ „Théatre Libre" и мистеріямъ въ театрѣ „L'Oeuvre", а затѣмъ съ неменьшимъ увлеченіемъ привѣтствуютъ романтическаго Сирано де Бержерака. Это совершенно нельзя назвать эклектизмомъ. Тутъ дѣло въ анархіи вкуса, которая видитъ высшую изысканность въ своей гибкости и высоту духа—въ отсутствіи критическаго чутья".

Реколенъ дѣлаетъ, какъ мы видимъ, довольно полный инвентарь современной литературы, и ошибается только въ томъ, что считаетъ всѣ эти явленія непримиримыми между собой. Ложность основного положенія подтверждается сразу противорѣчіемъ, въ которое впадаетъ критикъ. Онъ считаетъ причиной „анархіи" отсутствіе основного направленія въ современной литературѣ. А между тѣмъ, источникъ этого разногласія онъ видитъ въ разрывѣ съ литературными традиціями, въ господствѣ индивидуализма во французской литературѣ. Странно, что, высказывая это положеніе, онъ не замѣчаетъ, что индивидуализмъ и есть то основное теченіе, котораго онъ такъ ищетъ, и что вся литература XVIII вѣка, начиная съ Руссо и до всѣхъ лучшихъ писателей нашихъ дней, представляетъ стройное развитіе культа личности, какъ источника вѣры въ высшее начало жизни.

Переходя отъ теоретическихъ разсужденій къ характеристикѣ отдѣльныхъ писателей, Реколенъ, обличитель „анархіи" и защитникъ традицій, даетъ своеобразное освѣщеніе и самимъ писателямъ, и творчеству ихъ. Онъ начинаетъ съ критики, считая задачу ея особенно важной для философскаго и нравственнаго развитія современности. Онъ говоритъ о четырехъ писателяхъ, опредѣляя тѣмъ самымъ четыре различныхъ направленія въ современной французской критикѣ. Прежде всего Реколенъ останавливается на дѣятельности Фердинанда Брюнетьера. О немъ составилось никѣмъ не оспариваемое мнѣніе, какъ о доктринерѣ, который хотѣлъ даже увеличить число отягощающихъ французскую литературу авторитетовъ и подчинить ее еще игу католической церкви. Реколенъ—сторонникъ Брюнетьера, что не мѣшаетъ ему очень рѣзко критиковать его нѣкоторыя положенія. Свою характеристику Брюнетьера Реколенъ основываетъ на двухъ чертахъ, изъ которыхъ одна объясняетъ всѣ недостатки критика, а другая

опредѣляетъ положительную сторону и значеніе его работъ для французской литературы. Брюнетьеръ проводитъ слишкомъ большое различіе между чувствомъ и разумомъ—въ этомъ его заблужденіе. Въ критикѣ онъ болѣе всего боится личнаго вкуса и постоянно заявляетъ, что его сужденія о различныхъ писателяхъ и различныхъ эпохахъ опредѣляются только историческими или отвлеченно философскими соображеніями, а отнюдь не его личными эстетическими вкусами. Въ началѣ курса своихъ чтеній: „Объ эволюціи лирическаго творчества во Франціи", Брюнетьеръ предупреждаетъ, что онъ будетъ хвалить и превозносить до небесъ часто то, что̀ ему лично не нравится, и, напротивъ того, рѣзко осуждать произведенія, которыя ему лично доставляли большое наслажденіе. „Нельзя болѣе наивно сдѣлать признаніе,—говоритъ Реколенъ,—особой душевной анархіи, которая какъ бы раскалываетъ литературнаго критика, отдѣляя въ немъ его задачи отъ его поведенія, разграничивая то, что̀ онъ говоритъ, и то, что̀ онъ любитъ. Если его поймать на словѣ, то приходится заключить, что ему на самомъ дѣлѣ нравится Беранже, Бодлѐръ и кафешантанная литература, которую онъ такъ строго осуждаетъ въ своихъ критическихъ очеркахъ". Реколенъ не думаетъ, что это такъ на самомъ дѣлѣ, и что призваніе критика, какъ моралиста, должно идти въ разрѣзъ съ эстетической оцѣнкой поэтическихъ произведеній. Но этимъ намѣреннымъ доктринерствомъ и отрицаніемъ свободы Реколенъ объясняетъ всѣ заблужденія критика, всю несомнѣнную сухость и узкость его произведеній. Брюнетьеръ, однако, имѣетъ въ его глазахъ огромную цѣнность тѣмъ, что онъ постоянно преисполненъ мыслью о преимуществѣ общественности надъ личнымъ элементомъ творчества. Онъ отдаетъ предпочтеніе коллективному началу предъ индивидуальнымъ, человѣку предъ человѣческимъ „я". Изъ всѣхъ писателей, которыхъ Реколенъ разсматриваетъ въ своей книгѣ, Брюнетьеръ—единственная его опора, единственный противникъ вторженія и господства личнаго начала въ новой литературѣ. Реколенъ не замѣчаетъ, однако, что, защищая Брюнетьера и обличая всѣхъ другихъ, онъ даетъ отрицательную формулу современности, въ которой онъ самъ видитъ лишь полное отсутствіе опредѣленныхъ чертъ и всякаго единства.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ очерковъ въ книгѣ Реколена—небольшая, живая и очень оригинальная характеристика Жюля Леметра. Этотъ критикъ, творецъ импрессіонизма, съ трудомъ можетъ быть подведенъ подъ какую-нибудь формулу. Реколенъ сознаетъ вполнѣ эту трудность. „Когда,—говоритъ онъ,—Жюль Леметръ писалъ о Сарсэ, то онъ началъ съ заявленія, что предметъ его изученія круглый, что все круглое имѣетъ центръ, и что поэтому онъ прежде всего направится къ центру Сарсэ. Этотъ способъ, конечно, легкій. Но самъ Леметръ не круглый, а такъ сказать текучій, ускользающій изъ рукъ,.

Чтобы опредѣлить сущность этого ускользающаго писателя, Реколенъ начинаетъ съ отрицанія всѣхъ обычныхъ представленій о творчествѣ и о личности Жюля Леметра. Всѣмъ извѣстно, что Жюль Леметръ—импрессіонистъ и дилеттантъ въ философскомъ, или, вѣрнѣе, Ренановскомъ смыслѣ этого слова. Его эстетическій вкусъ необычайно изощренъ; ему понятны всѣ виды и оттѣнки красоты, всѣ колебанія тончайшихъ струнъ въ искусствѣ, и эта открытая всѣмъ ощущеніямъ и впечатлѣніямъ душа—единственное орудіе критика, который старательно освобождаетъ свой умъ отъ всякихъ предубѣжденій, отъ всякихъ традиціонныхъ и вообще пришедшихъ извнѣ сужденій. А между тѣмъ Реколенъ берется доказать, что Леметръ менѣе всего открытъ всѣмъ ощущеніямъ, и что онъ менѣе всего свободенъ отъ умственнаго наслѣдія и національныхъ традицій. „Прежде всего,—говоритъ онъ,—Леметръ не космополитъ, а это уже большое ограниченіе въ смыслѣ открытости всѣмъ ощущеніямъ“. Онъ французъ по привычкамъ ума и по своему пониманію жизни, по своей любви къ центральной французской провинціи, къ родному городу Туру. Природу своей родины онъ описываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлаетъ это съ большой любовью. Онъ французъ по своимъ привычкамъ, знаетъ только свой языкъ и не путешествуетъ. Но болѣе всего Леметръ проявляетъ свою національность своей любовью къ прекрасному, ясному и благородному языку своей родины и своей исключительной любовью къ французской литературѣ. Онъ отрицаетъ въ поэзіи школу символистовъ, потому что они измѣнили традиціонной ясности французскаго языка. Онъ не понимаетъ и не желаетъ понимать иностранныхъ писателей, или же отыскиваетъ въ сѣверной литературѣ, русской и скандинавской, вліяніе французской. Онъ относится даже съ явнымъ недоброжелательствомъ къ иностраннымъ литературамъ, какъ бы боясь, что, пріобрѣтая общеевропейскій характеръ, французская литература утратитъ свое національное обаяніе. Леметръ не космополитъ—вотъ первое положеніе Реколена.

Второе положеніе Реколена заключается въ томъ, что, вопреки общераспространенному мнѣнію, Леметръ не дилеттантъ. По вѣрному опредѣленію Поля Бурже, дилеттантизмъ обозначаетъ „расположеніе утонченнаго ума и изощреннаго чувства поддаваться всѣмъ формамъ ума и чувства, не отдаваясь вполнѣ ни одной изъ нихъ“. Въ критикѣ дилеттантизмъ приводитъ къ отрицанію, прежде всего, нравственной цѣли искусства и къ предпочтенію красоты добру. Эту основную черту дилеттантизма Реколенъ вполнѣ отрицаетъ у Леметра. Онъ приводитъ цѣлый рядъ выписокъ, въ которыхъ критикъ видитъ основную цѣль жизни въ добрѣ, вѣритъ въ совершенствованіе человѣчества и обнаруживаетъ благоговѣйное отношеніе ко многимъ святынямъ. Мало того, подтвержденіе не-дилеттантизма Леметра Реколенъ

видитъ въ его драматическихъ произведеніяхъ. Одно изъ нихъ, „Le Mariage Blanc“, является прямо осужденіемъ дилеттантизма, доказывая, что дилеттантъ неспособенъ довести до конца никакого добраго начинанія. А въ другой пьесѣ, „Le Pardon“, Леметръ проводитъ еще болѣе глубокую нравственную идею, доказывая, что для того, чтобы умѣть прощать, нужно въ самомъ себѣ покорить свою гордость, а къ этому ведетъ только собственная вина. Нужно пасть самому и подняться изъ глубины паденія до высотъ милосердія. Эта сложная мораль не можетъ родиться въ душѣ ко всему равнодушнаго и всепріемлющаго дилеттанта. Реколенъ находитъ еще цѣлый рядъ другихъ положительныхъ принциповъ и убѣжденій у мнимаго импрессіониста и говоритъ въ концѣ своего очерка: „Право, чѣмъ болѣе я вдумываюсь, тѣмъ болѣе передо мною выступаетъ изъ произведеній Леметра совершенно иной образъ критика, чѣмъ тотъ, который я предполагалъ увидѣть по тому, что̀ о немъ говорятъ нѣкоторые его біографы. Я могъ бы указать даже на нѣсколько неискоренимыхъ предразсудковъ у Леметра. Предразсудки у Леметра! О, какъ онъ правъ, восклицая часто: „всѣ мы умремъ—непонятые“.

Два другихъ критика, на которыхъ указываетъ Реколенъ, Рене Думикъ и Гастонъ Дешанъ,—представители болѣе новыхъ направленій въ литературѣ. Думикъ, извѣстный авторъ книги „Les Jeunes“,—моралистъ. Онъ требуетъ, чтобы литература отстаивала права идейности и красоты, чтобы она была постояннымъ протестомъ свободы противъ необходимости, мечты противъ дѣйствительности, противовѣсомъ демократизму, который слишкомъ часто угнетаетъ личность. Реколенъ считаетъ и эту индивидуалистическую мораль проявленіемъ анархіи въ литературѣ, хотя не можетъ не признать, что Думикъ съ его строго нравственными требованіями въ литературѣ—представитель очень опредѣленнаго и менѣе всего анархическаго міросозерцанія. Гастонъ Дешанъ—четвертый критикъ въ коллекціи Реколена. Анархическаго въ немъ мало, но на его примѣрѣ Реколенъ доказываетъ, что въ современной французской литературѣ есть „все“, т.-е. на ряду съ индивидуализмомъ и догматизмомъ есть и чистая любовь къ классическому искусству,—Гастонъ Дешанъ эллинистъ, и это отразилось въ его критическихъ статьяхъ,—и здравый смыслъ, который требуетъ, чтобы искусство шло бокъ-о-бокъ съ жизнью. Критическіе очерки Дешана носятъ общее заглавіе: „Жизнь и книги“, и содержаніе очерковъ соотвѣтствуетъ заглавію.

Изъ очерковъ Реколена, посвященныхъ современнымъ романистамъ, выдѣляется статья объ „иронизмѣ“ и его представителяхъ въ современномъ французскомъ романѣ—Барресѣ и Анатолѣ Франсѣ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1899.

Положеніе неурожайныхъ губерній и дѣятельность Краснаго-Креста. — Необходимость болѣе широкой частной помощи и причины, задерживающія ея развитіе.—Рѣчи губернаторовъ—саратовскаго, курскаго и с.-петербургскаго.—Орловскій дворянинъ и орловское дворянство. — Открытіе памятника Мицкевичу.—П. М. Третьяковъ †.— Письмо Евг. Льв. Маркова въ Редакцію.

Въ каждую изъ неурожайныхъ годинъ, такъ часто переживаемыхъ въ послѣднее десятилѣтіе то тѣми, то другими мѣстностями имперіи, борьба противъ результатовъ бѣдствія представляетъ свои особенности. Въ 1891-мъ году, напримѣръ, общественный и частный починъ предупредилъ правительственную заботу о голодающихъ губерніяхъ; въ то время, когда надвигавшійся голодъ оффиціально именовался „недородомъ“ и количество ссудъ, просимыхъ земствомъ, уменьшалось втрое, вчетверо или въ еще бо̀льшей степени, епархіальными комитетами и обществомъ Краснаго-Креста былъ уже открытъ сборъ пожертвованій, и трудомъ отдѣльныхъ лицъ, по примѣру гр. Л. Н. Толстого, была уже создана сѣть народныхъ столовыхъ. Къ срединѣ зимы размѣры бѣды ни въ комъ болѣе не возбуждали сомнѣній; всѣ виды помощи достигли широкаго развитія; не только продовольственныя ссуды, но и безвозвратныя пособія—благодаря, главнымъ образомъ, Особому Комитету—стали исчисляться милліонами рублей. Въ слѣдующемъ, 1892-мъ году, въ дѣятельности администраціи опять чувствовался скептицизмъ, въ дѣятельности общества замѣчалось нѣкоторое утомленіе; въ общемъ, однако, и съ той, и съ другой стороны, было сдѣлано немало. Особый Комитетъ былъ закрытъ лишь весною 1893-го года. Неурожай 1897-го года, менѣе экстенсивный и интенсивный, чѣмъ неурожай 1891-го года, имѣлъ, однако, весьма серьезный характеръ, признанный оффиціально лишь весьма поздно. Только въ концѣ марта 1898-го года выступило на сцену общество Краснаго-Креста, съ тѣхъ поръ, въ виду повторенія неурожая, уже не перестававшее помогать голодающимъ и два раза получившее на этотъ предметъ по 500 тысячъ рублей отъ Государя Императора. Продовольственныя ссуды въ нынѣшнемъ году также назначаются съ мѐньшими затрудненіями и въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ предыдущемъ. О частной иниціативѣ слышно сравнительно мало; ей не благопріятствуютъ, повидимому, обстоятельства, какъ зависящія, такъ и независящія отъ русскаго общества. На существованіе послѣднихъ

указываетъ съ особенною ясностью закрытіе комитета для сбора пожертвованій, учрежденнаго при вольномъ экономическомъ обществѣ; подъ именемъ первыхъ обстоятельствъ мы понимаемъ утомленіе и разочарованіе, вызванныя безуспѣшностью прежнихъ усилій. Четвертый крупный неурожай въ теченіе восьми лѣтъ наводитъ на мысль о безплодности частныхъ усилій—и приливъ пожертвованій остается далеко позади того, чѣмъ онъ былъ прежде. Привычное зло кажется не столь ужаснымъ, какъ новое или рѣдкое. Это до извѣстной степени естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно прискорбно. Необходимо бороться съ квіетизмомъ, слишкомъ легко овладѣвающимъ сердцами; необходимо помнить, что страданія самихъ нуждающихся повтореніе бѣдствія не смягчаетъ, а наоборотъ, усиливаетъ и обостряетъ. Есть и теперь не мало людей, отдающихъ свои средства и силы на помощь голодающимъ; но многіе изъ нихъ трудятся безвѣстно, довольствуясь случайною поддержкой, получаемою ими отъ близкихъ знакомыхъ. Какъ ни симпатична подобная скромность, она идетъ въ разрѣзъ съ требованіями минуты. Чѣмъ больше гласности вносится въ дѣло организаціи помощи, тѣмъ лучше выясняется размѣръ нужды, тѣмъ сильнѣе колеблются доводы, которыми убаюкиваетъ себя равнодушіе къ народному горю. Кто участвуетъ, хотя бы только денежнымъ взносомъ, въ устройствѣ столовыхъ или чего-нибудь подобнаго для населенія *данной мѣстности*, тотъ чувствуетъ себя связаннымъ съ нею, все больше и больше принимаетъ къ сердцу ея интересы и невольно идетъ дальше тѣхъ предѣловъ, на которыхъ остановилось бы его пожертвованіе въ то или другое благотворительное учрежденіе. Нисколько не отрицая громадное значеніе помощи, оказываемой Краснымъ-Крестомъ, мы думаемъ, что рядомъ съ нею остается еще очень много мѣста для частныхъ организацій; ихъ широкое распространеніе и гласная дѣятельность являются, въ нашихъ глазахъ, однимъ изъ главныхъ средствъ борьбы съ послѣдствіями неурожая.

Въ первыхъ числахъ декабря въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатано сообщеніе главнаго управленія Краснаго-Креста о сдѣланномъ и предпринятомъ уполномоченными его въ неурожайныхъ губерніяхъ (казанской, саратовской, симбирской, вятской и пермской—районъ главноуполномоченнаго генералъ-маіора Шведова; уфимской и самарской—районъ уполномоченнаго штабсъ-ротмистра Александровскаго; тульской и рязанской—районъ уполномоченнаго кн. Волконскаго). Учрежденъ цѣлый рядъ попечительствъ (губернскихъ, уѣздныхъ, участковыхъ, сельскихъ; попечительствъ двухъ послѣднихъ категорій, наиболѣе важныхъ, открыто въ четырехъ губерніяхъ семьсотъ три); устраиваются столовыя (преимущественно школьныя), больницы и пріюты, раздается хлѣбъ, снаряжаются медицинскіе отряды;

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣднѣйшее населеніе снабжается теплой обувью и одеждой. Всего шире, судя по сообщенію, помощь организована въ двухъ уѣздахъ уфимской губерніи—мензелинскомъ и белебеевскомъ; число столовыхъ доходитъ въ первомъ до 101, во второмъ —до 90. На всѣ девять губерній ассигновано до сихъ поръ 768 т. р.; на счету спеціальныхъ суммъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая остается еще 506 тыс. руб. Въ сравненіи съ размѣрами нужды эти суммы отнюдь не могутъ быть названы значительными: вѣдь самые трудные мѣсяцы еще впереди, и до новаго хлѣба остается еще цѣлыхъ полгода. Отсюда ясно, до какой степени желательно и увеличеніе средствъ, которыми располагаетъ Красный-Крестъ, и распространеніе другихъ видовъ помощи голодающимъ. Къ тому же заключенію приводятъ и другія извѣстія изъ неурожайныхъ губерній, газетныя и частныя. Намъ пишутъ, напр., изъ Бугуруслана (самарской губерніи), что во второй половинѣ ноября помощь Краснаго-Креста въ бугурусланскомъ уѣздѣ еще не была организована; между тѣмъ, въ сѣверо-восточной части уѣзда многія деревни (напр. Кирюшкино, Баймаково, Коровино) были уже весьма близки къ голоду. Есть такія поселенія и въ юго-восточной, сравнительно благополучной части уѣзда—напр. дер. Авдѣевка, гдѣ лѣтомъ сгорѣло 59 дворовъ и многіе живутъ въ низкихъ хибаркахъ, сложенныхъ изъ сырого, такъ называемаго воздушнаго кирпича; здѣсь сильна смертность особенно между дѣтьми. Очень сильно пострадали также татарскія деревни Старая и Новая Кутлумбетевки. Не утѣшительнѣе и второе письмо изъ той же мѣстности, написанное 12-го декабря. „Въ с. Матвѣевкѣ, — говоритъ нашъ корреспондентъ, — искать нужды нечего: стоитъ постучаться въ первое попавшееся окно и оттуда она протянетъ свои руки... Въ деревняхъ повсемѣстно лошади, овцы, даже птицы распроданы и съѣдены, равно какъ и сѣменной хлѣбъ. Въ дер. Нуштайкинѣ тифъ—на голодной почвѣ. Вотъ, напримѣръ, семья Крестовыхъ: отецъ и двое дѣтей въ тифѣ, мать голодна и еле волочитъ ноги, ухаживая за больными. Въ другой семьѣ отецъ ушелъ побираться, мать и 8 человѣкъ дѣтей въ тифѣ“. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до корреспондента, въ сосѣднемъ, бугульминскомъ уѣздѣ господствуетъ сплошная нужда. Между тѣмъ, объ устройствѣ въ самарской губерніи столовыхъ на счетъ Краснаго-Креста въ сообщеніи послѣдняго нѣтъ рѣчи. Весьма возможно, что положеніе дѣлъ въ казанской или уфимской губерніи еще хуже, чѣмъ въ самарской; но тѣмъ желательнѣе было бы широкое развитіе здѣсь частной помощи, съ цѣлью предупредить обращеніе недоѣданія въ настоящій голодъ, съ цынгою и голоднымъ тифомъ.

Признавая безусловно необходимымъ придти на помощь трудо-

способной части нуждающагося населенія въ пріисканіи ему работы, главное управленіе Краснаго-Креста поручило своимъ уполномоченнымъ организовать въ районѣ неурожая особыя справочныя бюро, которыя, сосредоточивая у себя свѣденія объ ищущихъ работы, собирали бы также свѣденія о спросѣ на рабочій трудъ. Своимъ учрежденіямъ въ другихъ губерніяхъ главное управленіе предложило содѣйствовать справочнымъ бюро сообщеніемъ свѣденій о такихъ работахъ, которыя могли бы быть выполнены нуждающимися вслѣдствіе неурожая крестьянами. Такія бюро организованы въ Самарѣ—уполномоченнымъ, въ Уфѣ — губернаторомъ. По требованію уфимскаго бюро, уполномоченный и его помощники формируютъ партіи рабочихъ въ артели и отправляютъ ихъ, снабдивъ пособіемъ отъ Краснаго-Креста, на работы. Въ самарское бюро, устроенное при губернской управѣ, стекаются, по словамъ „Самарской Газеты“, массы народа; ѣдутъ на работы даже въ Таганрогъ. Такой способъ пріисканія труда заслуживаетъ полнаго сочувствія уже потому, что онъ устраняетъ всякую мысль о принужденіи, прямомъ или косвенномъ—принужденіи, которое было бы почти неизбѣжно, еслибы посредничество между нанимателями и нуждающимися въ работѣ было предоставлено земскимъ начальникамъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появился цѣлый прожектъ на извѣстную тему о лѣности грубаго простонародья, предлагавшій облечь земскихъ начальниковъ правомъ *высылать другъ другу* нуждающихся рабочихъ, для распредѣленія ихъ по нуждающимся (въ работѣ) экономіямъ. Крестьяне являлись бы, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ живого товара, разсылаемаго изъ мѣстъ производства въ мѣста сбыта, а ихъ отказъ ѣхать туда, куда ихъ требуютъ, разсматривался бы не только какъ поводъ къ лишенію ихъ (и ихъ семействъ) продовольственной ссуды, но и какъ неисполненіе начальническаго распоряженія, влекущее за собой дисциплинарную кару. Готовность, съ которою нуждающіеся, способные къ работѣ, пользуются посредничествомъ Краснаго-Креста, служитъ лучшимъ опроверженіемъ обвиненій, построенныхъ на смѣломъ обобщеніи отдѣльныхъ фактовъ. Прожектеръ „Московскихъ Вѣдомостей“ вытаскиваетъ, напримѣръ, изъ давно прошедшаго какой-то разсказъ о крестьянахъ, не оправдавшихъ довѣрія благодѣтельнаго начальника и ушедшихъ съ работы, которую онъ имъ доставилъ въ голодный годъ. Весьма возможно, что, при ближайшемъ изслѣдованіи, причины ухода крестьянъ оказались бы вполнѣ достаточными; но еслибы даже, въ данномъ случаѣ, они и были кругомъ неправы, это не давало бы ни малѣйшаго основанія для общей презумпціи противъ добросовѣстности и трудолюбія народной массы.

Все предшествующее было уже высказано нами, когда мы прочли

въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 347) прекрасную статью г. Н. Шишкова: „Къ вопросу объ участіи общества въ дѣлѣ оказанія помощи пострадавшимъ отъ неурожая“. Живя въ одной изъ неурожайныхъ мѣстностей (въ самарской губерніи), г. Шишковъ констатируетъ съ одной стороны быстро увеличивающуюся нужду, съ другой—крайне слабое развитіе частной помощи, обусловливаемое какъ недостаточнымъ распространеніемъ въ обществѣ свѣденій о размѣрахъ бѣдствія, такъ и нерасположеніемъ русскихъ людей къ оффиціальнымъ и полуоффиціальнымъ учрежденіямъ. Необходимо, чтобы печать лучше освѣдомляла общество о настоящемъ положеніи вещей въ глубинѣ Россіи; столь же необходимо прямое заявленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, что всякая частная помощь нуждающимся, не нарушающая установленныхъ законовъ и не противорѣчащая видамъ правительства, не только допускается, но принимается съ благодарностью и встрѣтитъ полное содѣйствіе со стороны мѣстныхъ представителей власти. „Въ каждомъ уѣздѣ,—говоритъ г. Шишковъ,—есть интеллигентные и заслуживающіе полнаго довѣрія люди, которые охотно возьмутъ на себя трудъ образовать частный кружокъ для общаго руководства дѣломъ въ уѣздѣ; этотъ кружокъ легко найдетъ себѣ сотрудниковъ на мѣстахъ, которые выяснятъ, гдѣ именно и какіе нужны работники, такъ что уѣздный кружокъ можетъ тотчасъ же указать добровольцамъ, приславшимъ ему свои заявленія о своемъ желаніи работать лично, куда именно имъ ѣхать и на какое дѣло“... „Въ настоящую минуту,—читаемъ мы въ заключеніи статьи, — кризисъ наступилъ только въ отдѣльныхъ деревняхъ, мѣстами даже только для отдѣльныхъ семей; но онъ быстро надвигается, времени для приготовленія осталось мало, средствъ на мѣстахъ ничтожное количество, людей во многихъ мѣстностяхъ не достанетъ; надо перейти какъ можно скорѣе отъ разговоровъ къ дѣлу... На сравнительно пустыя суммы можно массу добра сдѣлать: хорошій, сытный обѣдъ на 60 ребятъ обходится мнѣ въ день не дороже двухъ рублей... Если частная благотворительность не разовьется скоро въ десять, двадцать разъ, то нашему населенію не миновать ни разоренія, ни тифа и цынги—этихъ спутниковъ всякаго скверваго питанія, — ни мученій голода и холода“. Прибавимъ къ этимъ глубоко вѣрнымъ словамъ, что достаточной гарантіей противъ тифа и въ особенности цынги не можетъ служить даже снабженіе, въ достаточномъ количествѣ, хорошимъ хлѣбомъ: необходимо нѣкоторое разнообразіе пищи, достижимое почти исключительно путемъ устройства столовыхъ—т.-е. такого способа помощи, который требуетъ, кромѣ матеріальныхъ средствъ, еще запаса личныхъ силъ, свободно допускаемыхъ къ участію въ общей работѣ.

Какія трудно исполнимыя требованія предъявляются иногда земству въ продовольственномъ дѣлѣ — объ этомъ даетъ понятіе рѣчь саратовскаго губернатора (кн. Мещерскаго), произнесенная при открытіи губернскаго земскаго собранія. „Трудно опредѣлить"—читаемъ мы въ этой рѣчи—„размѣръ нужды по случаю неурожая, если мы предварительно не согласимся на вопросахъ: что̀ такое нужда, когда она наступаетъ и что̀ признавать неурожаемъ, который вызываетъ вмѣшательство земства. Мнѣ пришлось слышать по этому вопросу совершенно различныя мнѣнія. Мнѣ говорили, что въ такой-то мѣстности урожай самъ-другъ, но населенію ссудъ выдавать не надо—и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ жизни населенія мнѣ сказали въ другомъ мѣстѣ, что крестьянинъ только тогда обезпеченъ, когда у него не менѣе 70 пуд. на десятину. Можно ли сомнѣваться, что при такихъ условіяхъ дѣло требуетъ коренного измѣненія? Когда же вы выработаете опредѣленный взглядъ на тѣ обстоятельства, которыя должны сопровождаться выдачами хлѣбныхъ ссудъ, тогда и самыя выдачи будутъ правильныя и справедливыя. Во имя законности и справедливости я прошу васъ положить предѣлъ существующему непорядку и строго опредѣлить тѣ условія, только при наличности которыхъ можетъ быть рѣчь о ссудахъ". Намъ кажется, что задача, предлагаемая, такимъ образомъ, саратовскому земству, отчасти неразрѣшима вовсе, отчасти разрѣшима лишь для центральнаго правительства. Только правительство можетъ установить общія условія, дающія право на ссуду—но даже правительство не можетъ установить ихъ съ такою опредѣленностью и точностью, которая исключала бы всякое сомнѣніе. Мѣстность сравнительно зажиточная, обладающая запасами хлѣба или живущая преимущественно не-земледѣльческими промыслами, можетъ перенести безъ особыхъ затрудненій такой неурожай, который для сосѣдней мѣстности, исключительно земледѣльческой или давно обѣднѣвшей, окажется настоящимъ бѣдствіемъ. Усилія земства должны быть направлены не къ тому, чтобы выработать неподвижныя, для всѣхъ одинаковыя нормы, а къ тому, чтобы опредѣлить дѣйствительную степень нужды, испытываемой каждымъ отдѣльнымъ селеніемъ, даже каждой отдѣльной семьей. Если теперь такія усилія далеко не всегда приводятъ къ цѣли, то это объясняется недостаточною близостью земства къ населенію, отсутствіемъ органовъ, съ помощью которыхъ оно могло бы выяснить съ надлежащей полнотою степень нужды и соотвѣтствующіе ей размѣры помощи.

Въ рѣчи курскаго губернатора, гр. Милютина, выдвигается на первый планъ другая слабая—будто бы—сторона земской дѣятельности. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 337) губернатору приписываются слѣдующія слова (напечатанныя въ кавычкахъ, т.-е. съ претензіей на

буквальное воспроизведеніе сказаннаго): „церковно-приходскія школы имѣютъ теперь за собою прекрасное и широкое будущее. Земство должно было бы только принять здѣсь свое участіе, и духовное развитіе мѣстнаго общества было бы вполнѣ обезпечено. Къ сожалѣнію, я не могу не отмѣтить здѣсь того постояннаго антагонизма, который высказываетъ наше земство къ церковнымъ школамъ. Церковь—это духовный пастырь русскаго народа. Церковная школа имѣетъ за себя всю нашу исторію: *Господа! отнеситесь же порядочно къ ней!* Мы не имѣемъ права ее игнорировать. Вмѣсто того, чтобы идти противъ церковныхъ школъ и мѣшать ихъ открытію, намъ слѣдуетъ только оказать имъ помощь, и тогда народное образованіе будетъ поставлено у насъ на добрую и плодотворную почву". Въ курской корреспонденціи „Новаго Времени" (№ 8183) это мѣсто губернаторской рѣчи приведено въ сокращенномъ видѣ, безъ рѣзкихъ выраженій, но съ сохраненіемъ одной черты, упущенной корреспондентомъ московской газеты: губернаторъ говорилъ объ антагонизмѣ земства не только къ церковно-приходскимъ школамъ, но и къ школамъ грамоты, и утверждалъ, что въ церковно-приходскихъ школахъ и *школахъ грамоты* обученіе идетъ не хуже, чѣмъ въ земскихъ школахъ. Изъ позднѣйшей корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 345) мы узнаемъ, что въ земскомъ собраніи раздавались протесты противъ перваго сообщенія этой газеты, какъ исказившаго смыслъ губернаторской рѣчи. Основательны ли эти протесты—мы, конечно, рѣшить не беремся: въ одномъ только мы убѣждены—что губернаторъ не произносилъ словъ, подчеркнутыхъ нами выше. Не можетъ быть, чтобы представитель администраціи публично и оффиціально увѣщевалъ земство поступать *порядочно*, т.-е. упрекалъ его въ непорядочности прежнихъ его дѣйствій. Такъ не можетъ и не должно говорить лицо, облеченное властью—не можетъ въ особенности тогда, когда обращается къ цѣлому учрежденію и касается вопроса, допускающаго самыя различныя рѣшенія.

Почти одновременно съ курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ открыто с.-петербургское, въ смѣтѣ котораго не было и нѣтъ никакихъ ассигновокъ на церковно-приходскія школы и школы грамоты. Это не помѣшало с.-петербургскому губернатору признать, въ своей рѣчи [1]), что петербургское земство съ особымъ усердіемъ обращаетъ свое вниманіе на широкое распространеніе народнаго образованія. Указывая на необходимость воспитывать дѣтей въ духѣ вѣры и нравственнаго совершенствованія, губернаторъ, повидимому, далекъ отъ мысли, чтобы эта задача могла быть исполняема только или пре-

---

[1]) См. № 346 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

имущественно школой, состоящей въ вѣденіи духовенства; въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы земство должно было употреблять свои средства не на земскія, а на церковно-приходскія школы. „Не касаясь—таковы его подлинныя слова—вопроса развитія совѣсти и вѣры, какъ предметовъ вѣдомства духовнаго начальства, я полагаю, что существуетъ цѣлый рядъ мѣропріятій, могущихъ вызвать психическую жизнь подростковъ въ лучшихъ ея проявленіяхъ“. Онъ относитъ сюда „музыку и пѣніе, чтеніе жизнеописаній лучшихъ представителей родной земли, духовно-нравственныя бесѣды и разъясненія гражданскихъ обязанностей“. Существованіе такихъ взглядовъ въ административныхъ сферахъ еще болѣе укрѣпляетъ насъ въ мысли, что призыва земства къ *порядочности* рѣчь курскаго губернатора въ себѣ не заключала. Другое дѣло—указаніе на такъ называемый антагонизмъ, выражающійся въ отказѣ земства отъ участія въ расходахъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Такое указаніе вполнѣ возможно, какъ вообще возможно констатированіе разномыслія между администраціей и земствомъ; но едва ли ему подобаетъ давать значеніе *упрека*. Упрекать можно только за неисполненіе *обязанности*—а поддерживать церковно-приходскія школы земство не обязано ни юридически, ни даже нравственно. Оно въ правѣ выбирать—въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ,—тѣ способы распространенія народнаго образованія, которые оно признаетъ наиболѣе цѣлесообразными. Конечно, оно не должно *мѣшать* развитію другихъ видовъ начальной школы—но оно и *не можетъ* мѣшать ему, за полнымъ отсутствіемъ средствъ, которыя бы вели къ этой цѣли. О противодѣйствіи же духовнаго вѣдомства открытію новыхъ земскихъ школъ мы слышали и читали очень часто, но не знаемъ ни одного случая, гдѣ, наоборотъ, противодѣйствіе открытію церковно-приходскихъ школъ шло бы со стороны земства—и не въ состояніи себѣ представить, въ какія формы могло бы вылиться такое противодѣйствіе. Съ точки зрѣнія курскаго губернатора, насколько о ней даетъ понятіе корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“, вина земства состоитъ въ томъ, что, не соглашаясь принимать на свой счетъ содержаніе церковно-приходскихъ школъ или школъ грамоты, оно лишаетъ себя *дешеваго* способа распространенія грамотности: но вѣдь позволительно же находить, что достоинствомъ *дешевизны* не всегда уравновѣшиваются тѣ или другіе недостатки—позволительно думать, напримѣръ, что въ школахъ грамоты обученіе не идетъ и не можетъ идти столь же успѣшно, какъ въ школахъ земскихъ. Существуетъ, безспорно, мнѣніе, что „церковная школа имѣетъ за себя всю нашу исторію“—но существуетъ и другое, по которому именно вся наша исторія доказываетъ крайнюю недостаточность церковной школы. Пока кромѣ

нея не было или почти не было никакой другой, до тѣхъ поръ народное образованіе находилось въ полномъ застоѣ: быстрый ростъ его начался только послѣ того, какъ выступила на сцену земская школа. Что же удивительнаго, затѣмъ, въ нежеланіи земства разбрасывать свои силы и отвлекать часть своихъ небольшихъ средствъ отъ наиболѣе ему близкой и правильной формы начальнаго обученія?

Земская школа существуетъ только съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; кто же мѣшалъ церковно-приходской школѣ развиваться до того времени; она господствовала въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ,—и какіе же оказались результаты вѣковой дѣятельности церковно-приходской школы къ тому времени, когда появились земскія школы?—Земство нашло народъ въ глубокомъ невѣжествѣ!

Реакціонная пресса, въ своихъ нападкахъ на самоуправленіе, охотно и много говоритъ объ избирательныхъ маневрахъ, извращающихъ результатъ выборовъ. Къ числу такихъ маневровъ относится, между прочимъ, и агитація путемъ печати. И что же? Именно къ ней прибѣгаютъ, нимало ни стѣсняясь, противники выборнаго начала. Яркимъ примѣромъ подобной агитаціи служитъ помѣщеніе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 340), за нѣсколько дней до дворянскихъ выборовъ въ Орлѣ, „горячей“ статьи орловскаго дворянина (г. Нилуса), направленной противъ переизбранія М. А. Стаховича въ орловскіе губернскіе предводители дворянства. О характерѣ и тонѣ этой статьи (поддержанной, въ тотъ же день, соотвѣтственнымъ leading article самой редакціи) можно судить по заключительнымъ словамъ ея: „близка наша гибель, если во главѣ россійскаго дворянства будутъ стоять идейные космополиты, тѣмъ болѣе опасные, что Богъ не обидѣлъ ихъ крупными дарованіями“. Маневръ не удался: М. А. Стаховичъ выбранъ на новое трехлѣтіе большинствомъ трехъ четвертей голосовъ [1]). Весьма характеристичнымъ для той части дворянства, которая, держась ультра-сословническихъ тенденцій, сохраняетъ за собою преобладаніе во многихъ дворянскихъ губерніяхъ (напр. въ тульской), является слѣдующее мѣсто статьи г. Нилуса: „дѣятельность М. А. Стаховича обширна, энергична, краснорѣчива во всѣхъ областяхъ, за исключеніемъ одной только дворянской. Онъ устраиваетъ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, радѣетъ о читальняхъ для народа, составляетъ и стремится провести въ жизнь проектъ поголовной грамотности, собираетъ капиталы на кормежку голодающей

[1]) О причинахъ нерасположенія извѣстной части дворянъ къ М. А. Стаховичу см. Внутр. Обозр. и Общ. Хронику въ № 6 „В. Европы“ за 1898 г..

деревни, принимаетъ на себя скромныя обязанности секретаря уѣзднаго земскаго собранія—дѣятельность, словомъ, проявляетъ многостороннюю и полезную". Нѣсколько раньше г. Нилусъ призналъ, что г. Стаховичъ часто хлопочетъ за дворянъ, оказываетъ имъ весьма дѣйствительную поддержку и помощь; тѣмъ не менѣе перечисленіе заслугъ г. Стаховича заканчивается восклицаніемъ: „но причемъ же тутъ дворянство, какъ сословіе"? По мнѣнію г. Стаховича, „дворянству не нужны никакія привилегіи, всякія милости для него являются унизительными подачками"; слѣдовательно—онъ не долженъ оставаться во главѣ сословія. Разсуждая такимъ образомъ, г. Нилусъ совершенно упускаетъ изъ виду, что по смыслу дѣйствующихъ законовъ предводитель дворянства не можетъ и не долженъ считать себя исключительно представителемъ сословія. Не для того, чтобы проводить сословные интересы, онъ поставленъ во главѣ земскаго собранія и училищнаго совѣта, не для того включенъ въ составъ разнообразныхъ губернскихъ присутствій. Чѣмъ меньше онъ замыкается въ узкія сословныя рамки, тѣмъ вѣрнѣе онъ остается своему настоящему призванію. Ожидать отъ него только ходатайствъ, безконечныхъ ходатайствъ о новыхъ льготахъ дворянству, значитъ—унижать и его самого, и корпорацію, его избирающую. Этихъ простыхъ истинъ не въ состояніи понять многочисленная и вліятельная группа, взгляды которой такъ откровенно и такъ наивно высказалъ г. Нилусъ.

12-го декабря въ Варшавѣ открытъ памятникъ Мицкевичу. Событіе, заранѣе волновавшее желчь нашихъ псевдо-патріотовъ, совершилось среди полнѣйшаго спокойствія и порядка. Торжественнымъ молчаніемъ присутствовавшихъ память великаго поэта почтена отнюдь не меньше, чѣмъ могло бы почтить ее самое пламенное краснорѣчіе. Остается только пожалѣть, что варшавское празднество не могло найти отголоска въ Петербургѣ: литературный вечеръ, который предполагалось посвятить Мицкевичу, не состоялся. А между тѣмъ, великіе писатели принадлежатъ не только своей націи. Чтобы полюбить ихъ и почувствовать ихъ близость, достаточно ихъ знать— и все, что способствуетъ этому знанію, ведетъ къ сближенію между народами, сближенію прочному и искреннему, потому что оно свободно. Русское общество слишкомъ мало знакомо съ польской литературой. У насъ есть переводы Мицкевича, но они распространены слабо. Большимъ толчкомъ къ знакомству съ ними послужилъ бы цѣлый рядъ рѣчей, разъясняющихъ значеніе польскаго поэта. Хорошо было бы, еслибы онѣ появились въ печати и хоть этимъ путемъ произвели бы желанное дѣйствіе. Другъ Пушкина, во многомъ близ-

кій къ нему въ своемъ творчествѣ, имѣетъ особое право на вниманіе русской публики.

Большой потерей для русскаго искусства представляется кончина П. М. Третьякова. Немного найдется русскихъ людей, которые затратили бы столько средствъ и въ особенности столько труда на общеполезное дѣло. Чтобы создать такое собраніе художественныхъ произведеній, какъ Третьяковская галерея, нужно было совсѣмъ особое сочетаніе условій: соединеніе въ лицѣ П. М. Третьякова и его покойнаго брата значительнаго состоянія, тонкаго вкуса, неутомимаго вниманія ко всему новому и выдающемуся въ излюбленной отрасли творчества—и, наконецъ, преданности интересамъ родного города, сливающимся, въ данномъ случаѣ, съ интересами всей Россіи. Съ Третьяковской галереей Москва получила такое сокровище, съ которымъ едва ли можетъ сравниться какая бы то ни было другая коллекція, собранная частнымъ лицомъ или даже общественнымъ учрежденіемъ; чтобы найти нѣчто аналогичное, нужно обратиться къ государственнымъ музеямъ. Дары въ родѣ того, который принесенъ Москвѣ братьями Третьяковыми, цѣнны, притомъ, не только сами по себѣ: они вызываютъ на подражаніе, ярко освѣщая одинъ изъ путей, на которые можетъ быть направлено богатство. У насъ на этотъ путь вступали еще весьма немногіе—и тѣмъ больше заслуга Третьяковыхъ.

Редакція получила отъ Евг. Льв. Маркова письмо слѣдующаго содержанія:

„Въ послѣдней главѣ статьи моей „Славянская Спарта", напечатанной въ октябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1898 годъ, говорится между прочимъ, что одна изъ пароходныхъ спутницъ моихъ, г-жа А. В., разсказывала мнѣ много неутѣшительнаго объ отношеніяхъ современной черногорской молодежи, получившей образованіе въ другихъ странахъ, къ обычаямъ и образу жизни своей родины. Въ числѣ примѣровъ этого отношенія переданъ былъ мнѣ и разсказъ о докторѣ, учившемся въ Россіи и служившемъ въ институтѣ экспериментальной медицины, который, будто бы, отказывался служить въ Черногоріи и по телеграммѣ князя не поѣхалъ сразу изъ Будвы лечить его дѣтей.

„Между тѣмъ на дняхъ я получилъ письмо изъ С.-Петербурга отъ д-ра Р. И. Калуджировича, который заявляетъ, что такъ какъ кромѣ него не было доктора изъ черногорцевъ, служившаго въ институтѣ экспериментальной медицины и получившаго приглашеніе отъ черногорскаго князя лечить его дѣтей, то онъ считаетъ своимъ долгомъ опровергнуть переданныя мнѣ невѣрныя свѣдѣнія и проситъ меня, провѣривъ его заявленіе свидѣтельствомъ самыхъ почетныхъ лицъ изъ

русской колоніи въ Цетиньѣ, напечатать необходимое разъясненіе для возстановленія его чести.

„Не считая себя вправѣ производить какія-либо справки по этому предмету, и въ то же время не имѣя никакихъ основаній не довѣрять справедливости объясненій г. Калуджировича, ссылающагося на такія авторитетныя личности, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, что сообщенное, оскорбившее г. Калуджировича, было помѣщено въ статьѣ моей безъ обозначенія имени и безъ малѣйшаго подтвержденія справедливости его съ моей стороны, какъ бѣглый разговоръ моей случайной спутницы, остающійся всецѣло на ея отвѣтственности, и который я привелъ только какъ характеристику мѣстными жителями современнаго настроенія нѣкоторыхъ представителей черногорской молодежи, —и что я съ особеннымъ сочувствіемъ готовъ повѣрить исполненному негодованія опроверженію переданныхъ г-жею В. фактовъ со стороны почтеннаго доктора, который въ своемъ письмѣ такъ возстановляетъ дѣйствительно происходившія обстоятельства:

„По окончаніи курса Императ. Военно-медицинской Академіи, я остался въ Петербургѣ для экзаменовъ на степень доктора медицины и дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной мною спеціальности... Съ этою цѣлью я поступилъ врачомъ-ассистентомъ въ дѣтскую больницу принца Ольденбургскаго. Пробывъ ассистентомъ годъ, я поѣхалъ на родину и былъ тамъ назначенъ врачомъ Ріечко-Црмничской нахіи. Въ бытность мою въ Черногоріи я однажды, находясь у своихъ родственниковъ въ Будвѣ, дѣйствительно получилъ телеграмму, вызывавшую меня къ заболѣвшему младшему сыну Е. В. Князя Черногорскаго, князю Петру. „По телеграммѣ Князя не поѣхалъ сразу изъ Будвы лечить его дѣтей“—говорите вы (646 стр.),—между тѣмъ я въ тотъ же день полученія телеграммы былъ уже въ Цетиньѣ, гдѣ и оставался при больномъ князѣ Петрѣ до полнаго его выздоровленія. Черезъ годъ послѣ этого, поступивъ снова на службу въ дѣтскую больницу Принца Ольденбургскаго, въ виду необходимости продолжать свою работу, предназначенную въ качествѣ диссертаціи на степень д-ра медицины, я весною 1896 г. былъ вызванъ телеграммою отъ имени Е. В. Князя Черногорскаго въ Москву къ заболѣвшему воспаленіемъ легкихъ и плевры князю Мирку. Когда же Е. В. изъявилъ желаніе, чтобы я сопровождалъ за границу неоправившагося еще князя Мирка, то я по телеграфу въ дѣтскую больницу Принца Ольденбургскаго подалъ прошеніе объ отставкѣ, дабы могъ исполнить желаніе Е. В. и свой долгъ. Тогда я сопровождалъ князя Мирка за границу и на родину 9½ мѣсяцевъ, до его полнаго выздоровленія. Что же касается до моихъ яко бы презрительныхъ отзывовъ о Черногоріи и нравахъ народа, то я долженъ сказать, что и это, какъ и все сказанное по моему адресу, есть чистѣйшая клевета, для опроверженія которой вамъ достаточно будетъ обратиться къ любому изъ членовъ русской колоніи въ Цетиньѣ, какъ, напр., К. М. Аргиропулу, П. А. Ровинскому, генералу Ник. Р. Овсяному, полковн. Н. С. Сумарокову, С. П. Мертваго и др.“.

„Я искренно сожалѣю, что приведенное выше мѣсто изъ моей статьи, чуждой вообще всякихъ личностей и горячо сочувствующей Черногоріи и черногорцамъ, невольно сдѣлалось причиною столь понятнаго неудовольствія почтеннаго доктора, и самымъ чистосердечнымъ образомъ извиняюсь за это передъ нимъ. Но я скажу вмѣстѣ съ тѣмъ въ свое оправданіе, что туристу, желающему познакомиться со страною и народомъ и познакомить съ ними своихъ читателей, рѣшительно невозможно избѣгать бесѣдъ съ мѣстными людьми самаго разнообразнаго характера и положенія. Ихъ отзывы, ихъ сужденія, какъ бы ни были они иногда преувеличены или односторонни,—во всякомъ случаѣ рисуютъ живѣе, чѣмъ что-нибудь другое, многія стороны мѣстной жизни, и, не придавая имъ значенія неопровержимыхъ документовъ, допуская возможность большихъ ошибокъ и невѣрностей въ ихъ рѣчахъ,—все-таки писатель-путешественникъ исполняетъ только свой нравственный долгъ, когда передаетъ, не мудрствуя лукаво, своему читателю подлинный голосъ посѣщеннаго имъ народа... Частныя же неточности и невѣрности,—какъ доказываетъ и настоящій случай,—вполнѣ возможно исправить тѣмъ же безпристрастнымъ и всѣмъ доступнымъ путемъ публичнаго слова, послѣ чего правда станетъ только тверже и засіяетъ еще ярче“!..

ИЗВѢЩЕНІЯ

Празднованіе столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина.

(Оффиціальное сообщеніе.)

20 ноября въ конференцъ-залѣ Императорской академіи наукъ состоялось засѣданіе коммиссіи для выработки программы празднованія, 26-го мая 1899 года, столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина.

Послѣ рѣчи августѣйшаго президента академіи было прочитано непремѣннымъ секретаремъ академіи Н. Ѳ. Дубровинымъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе, состоявшееся 28-го октября сего года: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, 28-го минувшаго октября, Высочайше соизволилъ на образованіе при Императорской академіи наукъ особой коммиссіи по устройству празднованія исполняющагося 26-го мая 1899 года столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества, президента Императорской академіи наукъ, съ тѣмъ, чтобы выборъ членовъ этой коммиссіи былъ предоставленъ его императорскому высочеству, чтобы на коммиссію эту была возложена выработка программы чествованія и чтобы въ случаѣ одобренія означенной программы Его Императорскимъ Величествомъ, коммиссія была уполномочена руководить устройствомъ празднествъ и входить по сему предмету въ сношеніе со всѣми лицами и учрежденіями, содѣйствіе которыхъ окажется необходимымъ и полезнымъ“.

Затѣмъ прочитанъ былъ списокъ лицъ, коихъ, во исполненіе Высочайшей воли, августѣйшему президенту угодно было пригласить въ составъ коммиссіи. Лица эти суть слѣдующія: вице-президентъ академіи тайный совѣтникъ Л. Н. Майковъ, непремѣнный секретарь генералъ-лейтенантъ Н. Ѳ. Дубровинъ, академики: дѣйствительные тайные совѣтники: К. С. Веселовскій, А. Ѳ. Бычковъ и М. И. Сухомлиновъ; тайные совѣтники: А. Н. Веселовскій, Ѳ. А. Бредихинъ и П. В. Никитинъ; статскіе совѣтники: А. Н. Пыпинъ и А. А. Шахматовъ; почетные члены академіи наукъ: его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, дѣйствительные тайные совѣтники: Д. М. Сольскій, К. П. Побѣдоносцевъ и Т. И. Филипповъ, тайные совѣтники А. Ѳ. Кони и гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества графъ И. И. Толстой; члены-корреспонденты академіи наукъ: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. В. Григоровичъ. Изъ числа постороннихъ лицъ въ составъ коммиссіи приглашены: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Н. П. Боголѣповъ, академикъ Императорской академіи художествъ М. Я. Виллье, директоръ императорскихъ театровъ гофмейстеръ И. А. Всеволожскій, товарищъ министра

народнаго просвѣщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Н. Звѣревъ, предсѣдатель союза писателей дѣйствительный статскій совѣтникъ П. Н. Исаковъ, академикъ Императорской академіи художествъ баронъ М. П. Клодтъ, предсѣдатель педагогическаго музея ген.-м. А. Н. Макаровъ, статскіе совѣтники: В. П. Острогорскій и Н. А. Римскій-Корсаковъ, ректоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета тайный совѣтникъ В. И. Сергѣевичъ, редакторъ газеты „Правительственный Вѣстникъ" дѣйствительный статскій совѣтникъ К. К. Случевскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ М. М. Стасюлевичъ, издатель „Новаго Времени" А. С. Суворинъ и директоръ Императорскаго Александровскаго лицея генералъ-лейтенантъ Ѳ. А. Фельдманъ. Изъ вышеозначенныхъ лицъ слѣдующія въ засѣданіи 20-го ноября не присутствовали: его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, Н. П. Боголѣповъ, Д. В. Григоровичъ и М. П. Клодтъ.

Далѣе былъ прочитанъ краткій проектъ празднованія, составленный предварительно въ академіи. По обсужденіи сего проекта, коммиссія постановила:

1) Въ день празднованія, 26 мая 1899 года, отслужить заупокойныя литургіи и панихиды, съ возглашеніемъ вѣчной памяти Императорамъ Павлу, Александру I, Николаю I и болярину Александру— въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, въ церкви при Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, гдѣ воспитывался А. С. Пушкинъ, и въ конюшенной церкви, гдѣ происходило отпѣваніе его тѣла, и въ Святогорскомъ монастырѣ (Псковской губ.), на могилѣ поэта. При этомъ коммиссія, обративъ вниманіе на Святогорскій монастырь, сочла необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы могила А. С. Пушкина была приведена въ надлежащій порядокъ и въ такомъ же видѣ содержалась на будущее время.

2) Предложить, чтобы въ день празднованія заупокойныя литургіи и панихиды были отслужены въ церквахъ обѣихъ столицъ и въ соборныхъ храмахъ, а также въ церквахъ учебныхъ заведеній другихъ городовъ, особливо губернскихъ, причемъ духовенству предоставить, по окончаніи богослуженія, сказать паствѣ приличное слово въ память объ А. С. Пушкинѣ.

3) 26-го мая, послѣ божественной службы, устроить торжественное публичное засѣданіе Императорской академіи наукъ, съ произнесеніемъ рѣчей и исполненіемъ особо написанной по сему случаю кантаты; за нѣсколько дней до 26-го мая въ большой конференцъ-залѣ академіи открыть выставку предметовъ, принадлежавшихъ Пушкину, его рукописей, изданій его сочиненій и проч., къ осмотру которой посѣтители могли бы быть допускаемы въ теченіе десяти дней.

4) Выразить желаніе, чтобы на слѣдующій день, 27-го мая, были даны на Императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ и Москвѣ особыя утреннее и вечернее представленія, для чего и просить директора Императорскихъ театровъ доставить коммиссіи свои соображенія.

5) Для устройства школьнаго торжества просить всѣ вѣдомства, въ вѣдѣнія коихъ находятся учебныя заведенія, доставить коммиссіи свои предположенія, чѣмъ именно съ ихъ стороны можетъ быть ознаменованъ день 26-го мая 1899 года.

6) Испросить Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе на выбитіе въ память празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина медали и жетона и, прежде того, просить вице-президента Императорской академіи художествъ озаботиться изготовленіемъ проекта медали и жетона.

Кромѣ того, коммиссія постановила составить, для выработки подробностей, особую исполнительную подкоммиссію, подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента академіи наукъ, изъ слѣдующихъ лицъ: вице-президента академіи наукъ Л. Н. Майкова, непремѣннаго секретаря Н. Ѳ. Дубровина, академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. Н. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пыпина и А. А. Шахматова, товарища министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣрева, графа И. И. Толстого, И. А. Всеволожскаго, А. Ѳ. Кони, К. К. Случевскаго, М. Я. Вилльe, Н. А. Римскаго-Корсакова, В. П. Острогорскаго и П. Н. Исакова.

ПОПРАВКА.

Въ ноябрьской книгѣ журнала, 1898 г., стр. 241 и 258, по недосмотру, стеклянная фабрика Кужерская названа—Кужевская.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Карѣевъ, Н. — Исторія западной Европы въ новое время. Т. V. Спб. 98. Стр. 888. Ц. 5 руб.

Въ новомъ томѣ этого обширнаго труда излагается весьма подробно и обстоятельно періодъ четырехъ десятилѣтій новаго времени (1830—1870 г.), занимающихъ средину между тремя первыми (1800—1830 г.) и тремя послѣдними (1870—1900 г.). Уже этотъ томъ касается событій, пережитыхъ многими изъ современниковъ, что, конечно, увеличиваетъ его интересъ, а потому авторъ излагаетъ въ настоящемъ томѣ главныя событія и культурно-соціальныя движенія подробнѣе, чѣмъ въ первыхъ трехъ томахъ, гдѣ исторія западной Европы была доведена до начала нашего вѣка. Но, кромѣ того, авторъ помѣстилъ въ особой книжкѣ, подъ заглавіемъ: „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени", обзоръ содержанія первыхъ трехъ томовъ, составляющій какъ бы введеніе къ послѣднимъ двумъ новымъ томамъ. Періодъ, переживаемый нами въ настоящее время, трехъ послѣднихъ десятилѣтій (1870—1900 г.), составитъ содержаніе шестого тома.

Котляревскій, Н. — Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. 98. Стр. 360. Ц. 2 р.

Цѣль автора—прослѣдить „міровую скорбь", какъ выраженіе неудовлетворенности человѣческаго духа—тѣсно окружающимъ и давящимъ его міромъ,—въ послѣдній періодъ новѣйшей исторіи, въ произведеніяхъ главныхъ представителей и выразителей этой „міровой скорби"—Weltschmerz—начиная съ Руссо и переходя къ Гейне и Шиллеру, французскимъ романтикамъ въ эпоху Имперіи, включительно до Байрона, высшаго представителя „міровой скорби". Въ заключеніе авторъ переходитъ къ болѣе близкой намъ эпохѣ, которую онъ характеризуетъ какъ возрожденіе оптимизма, и приходитъ къ окончательному выводу, а именно, что и въ наше время „міросозерцаніе идеалиста остается печальнымъ и скорбнымъ, но отличительный характеръ этого печальнаго взгляда, иногда очень глубокаго и принципіальнаго—это гуманность; въ немъ нѣтъ болѣе тѣхъ антисоціальныхъ чувствъ, которыя были въ міровой скорби начала нашего вѣка; эти чувства исчезли съ пониженіемъ индивидуализма въ героѣ и съ ростомъ демократизаціи общества, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и аристократизація массы".

Хартулари, К. Ф. — Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности. Общая и особенная части. Спб. 99. Стр. 338.—Приложеніе къ особенной части. Спб. 99. Стр. 281. Ц. съ приложеніями 5 руб.

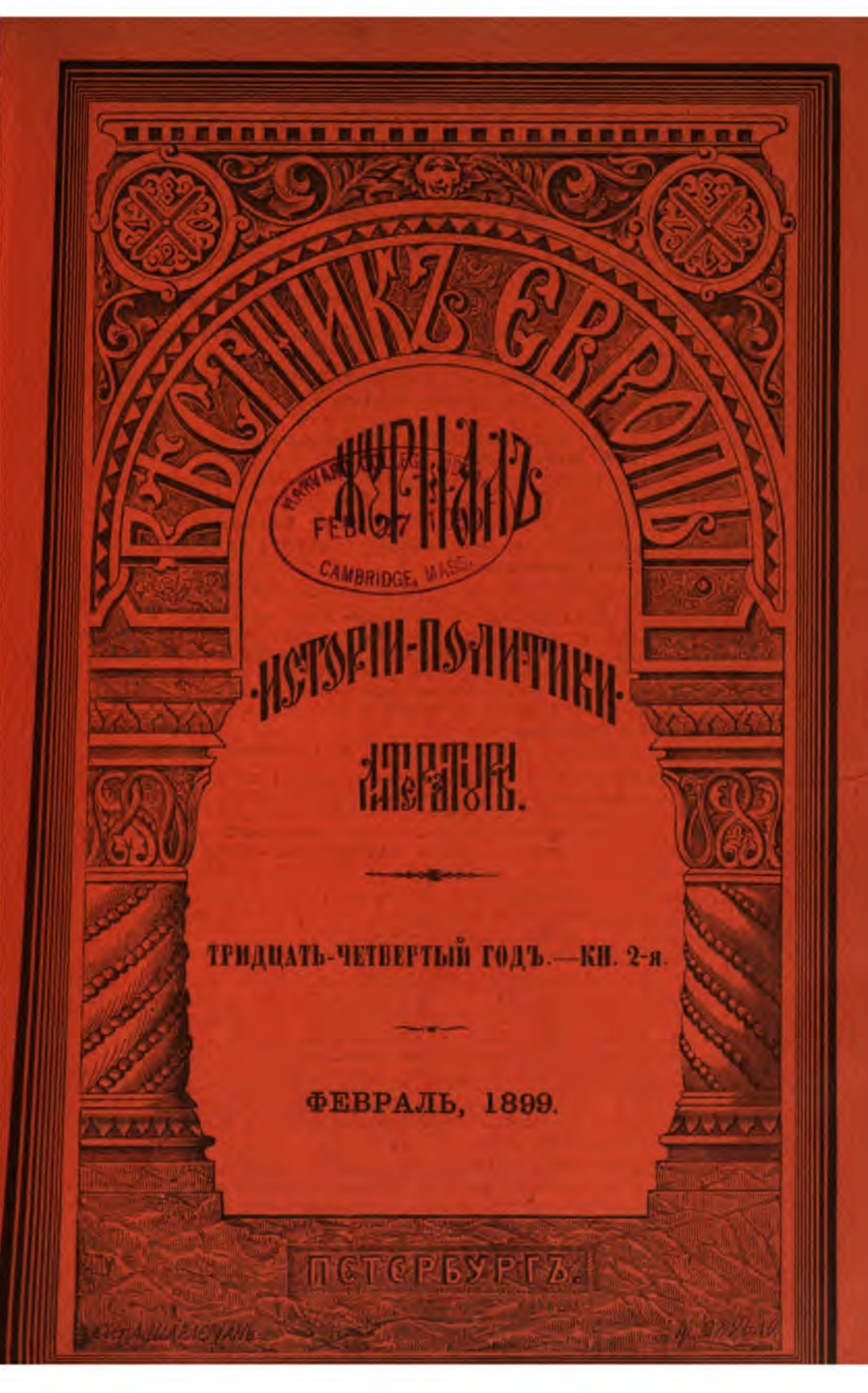
Въ объясненіе общаго значенія понятія „прерогатива" авторъ приводитъ изреченіе Джона Локка: „Дискреціонная власть, дѣйствующая ради общественнаго блага, внѣ закона и даже вопреки закону, именуется прерогативою". Отличительною же чертою такой прерогативы у насъ и на Западѣ авторъ считаетъ то обстоятельство, что на Западѣ такую прерогативу составляетъ только помилованіе, а у насъ—и право суда. Главная задача автора и состоитъ въ томъ, чтобы объяснить, какимъ историческимъ путемъ получилось такое различіе въ области прерогативы у насъ и на Западѣ. „Отношеніямъ и связи, чисто-патріархальнаго свойства, непосредственно установившимся, въ силу родового начала и историческихъ причинъ, между княземъ и народомъ, суждено было еще болѣе окрѣпнуть въ періодъ татарскаго погрома и московскаго единодержавія, съ котораго и начинается развитіе государственной жизни Россіи"... Въ „общей части" авторъ ограничивается очеркомъ исторіи права помилованія, а вторая, „особенная"—посвящена спеціальному изслѣдованію права—какъ суда, такъ и помилованія, начиная отъ эпохи царя Ивана Васильевича Грознаго до учрежденія канцеляріи Е. И. В. по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ, при имп. Николаѣ I. Настоящій трудъ является единственнымъ полнымъ трактатомъ по избранному авторомъ предмету, и въ случаѣ возобновленія попытокъ къ реформѣ коммиссіи прошеній можетъ послужить какъ богатый матеріалъ.

Клингенъ, И. — Среди патріарховъ земледѣлія, народовъ ближняго и дальняго Востока. Ч. I: Введеніе. — Египетъ. Спб. 98. Стр. 460. Ц. 3 руб.

Настоящій трудъ служитъ собственно отчетомъ по экспедиціи, учрежденной Главнымъ Управленіемъ Удѣловъ, по особой программѣ, въ которую входятъ изслѣдованія Египта, Индіи, Цейлона, Китая и Японіи. Первая часть труда посвящена исключительно Египту и обнимаетъ всестороннe земледѣльческую культуру этой страны. Цѣль же такой экспедиціи состояла въ томъ, чтобы найти возможность привить многое изъ культуръ упомянутыхъ странъ на Кавказѣ, который, по справедливому выраженію автора, „остается въ пустѣ и одичаніи, въ то самое время, когда разумный трудъ и борьба съ богатѣйшей въ мірѣ природой могутъ вознаградить усилія человѣка такъ, какъ нигдѣ въ предѣлахъ нашего громаднаго государства". Изданіе выполнено весьма изящно и снабжено 132 рисунками и картой.

Кульженко, С. В. — Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ. Стр. 139.

Закладка зданія была совершена въ 1862 г.; всѣ расходы по содержанію собора достигаютъ 900.000 р., а на внутреннюю отдѣлку израсходовано изъ этой суммы до 400.000 рублей. Настоящее изданіе представляетъ собою богатѣйшій альбомъ, содержащій въ себѣ 106 иллюстрацій въ текстѣ и 42—на особыхъ листахъ, съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Превосходное выполненіе иллюстрацій, какъ справедливо замѣчаетъ издатель, даетъ каждому возможность имѣть наглядное понятіе о красотѣ кіевскаго собора и внутренней его обстановки.


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 2-я.
ФЕВРАЛЬ, 1899.
ПЕТЕРБУРГЪ.
FEB 27
CAMBRIDGE, MASS.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

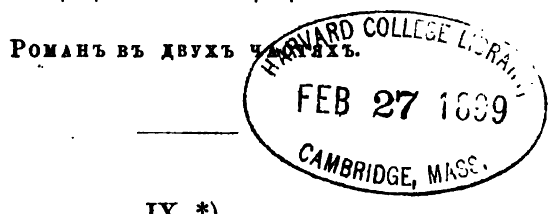
КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1899.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1899 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

КУДА ИДТИ?

Романъ въ двухъ частяхъ.



IX *).

На площадкѣ, передъ комнатой князя Ивана Романовича, Мѣдниковъ призналъ бритое лицо его камердинера Ефима. Въ десять лѣтъ онъ посѣдѣлъ и сталъ полнѣе. Здѣсь, за границей, онъ ходилъ не во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, а въ пиджакѣ, какъ старый довѣренный слуга.

Ефимъ тоже узналъ его и поздоровался съ нимъ восклицаніемъ:

— Никакъ это вы, докторъ?

Сейчасъ Мѣдниковъ сидѣлъ въ столовой, гдѣ уже кончили завтракать и пили кофе. Онъ нашелъ все семейство, кромѣ князя и Бориса. Княгиня встрѣтила его, какъ стараго знакомаго и представила сыну и дочери, которые какъ будто не сразу узнали его. Тутъ же былъ и Скурловъ. Онъ чрезвычайно почтительно раскланялся съ нимъ.

Мѣдникову показалось, что молодежь ожидала его появленія. Князь Романъ поглядывалъ на него съ какимъ-то особымъ выраженіемъ. Княжна держалась съ такой же важностью въ лицѣ, какъ и ея мать, когда та принимала гостей, въ былое время.

Княгиня, повидимому, предупредила ихъ о томъ, что онъ здѣсь, на водахъ. Никто изъ нихъ не сдѣлалъ ему ни одного лишняго вопроса. Князь къ завтраку не выходилъ, и княгиня послала спросить его—можетъ ли онъ принять Илью Өедоровича Мѣд-

---

*) См. выше: январь, 19 стр.

никова? Сама она не пошла провожать его до комнаты князя, а въ гостиной задержала на одну минуту, и сказала ему, что князь гулялъ по парку, стало быть, физически чувствуетъ себя хорошо; а къ завтраку не вышелъ, продолжая „блажить“. Утромъ она его видѣла и думаетъ, что Борисъ ничего ему не „нашпіонитъ“.

Ефимъ пріотворилъ дверь и негромко доложилъ:

— Господинъ Мѣдниковъ.

— Проси!—раздался знакомый ему голосъ, такой же молодой, съ замѣтной вибраціей. Возгласъ былъ не раздраженный или хмурый, а привѣтливый и веселый.

— А! Профессоръ! Какъ я радъ! Сама судьба посылаетъ васъ!

Обѣ руки протянулись къ нему, точно желая обнять его.

Быстрый взглядъ, какимъ Мѣдниковъ оглядѣлъ князя, доложилъ ему отчетливо, чѣмъ въ десять дѣтъ сталъ его бывшій паціентъ. Постарѣлъ онъ мало, и сѣдина была почти незамѣтна. Все та же стройная и крайне худощавая фигура и франтоватость домашняго костюма изъ пестрой фланели, съ краснымъ галстучкомъ. Но глаза сильно впали, и ихъ блескъ напомнилъ ему прежнюю возбужденность. Желтизна щекъ и тонкія морщины на лбу и вдоль крыльевъ носа говорили о физическихъ боляхъ и о постоянномъ внутреннемъ кипѣніи.

— Здравствуйте, князь! Да вы—все такой же вѣчно молодой и бравый! Мнѣ говорили, что вы здѣсь лечитесь... Не вѣрится!

— Э! Мой другъ! Совсѣмъ я patraque... Садитесь, садитесь вотъ сюда, къ окну. Посмотрите—какой видъ! Хотите сигару?.. Чѣмъ васъ угощать?

Неожиданно радушный тонъ князя смущалъ Мѣдникова. Онъ и прежде былъ всегда съ нимъ отмѣнно вѣжливъ и обходителенъ; но тутъ зазвучали совсѣмъ другія ноты—точно будто онъ и въ самомъ дѣлѣ несказанно обрадовался ему, какъ тому человѣку, въ которомъ онъ нуждался именно въ эту минуту.

И въ то же время въ Мѣдникова прокрадывалась замѣтная неловкость. Прежде этотъ „психопатъ-князёкъ“ не вызывалъ въ немъ никакихъ укоровъ совѣсти. Онъ былъ ему почти противенъ; минутами онъ ненавидѣлъ его, когда, въ безсонныя ночи, страсть грызла его, и распаленная голова подсказывала ему, что этотъ „выродокъ“ имѣетъ всѣ законныя права на обладаніе своей женой.

Внѣшность князя, складъ его лица, выраженіе глазъ, голосъ,

тонъ—все это находилъ онъ теперь скорѣе симпатичнымъ. Онъ не зачуялъ въ себѣ ничего враждебнаго. И, какъ психіатръ, онъ не подмѣтилъ въ немъ сразу ни одного истинно подозрительнаго штриха.

Ему было совѣстно—„заднимъ числомъ": вотъ что̀ онъ отчетливо испытывалъ.

— У васъ здѣсь славно, князь!

Комната, съ балкономъ и обширной нишей, гдѣ стояла кровать, полна была свѣта. У бюро князь только-что писалъ; а на другомъ, кругломъ столѣ разложены были журналы и брошюры на нѣсколькихъ языкахъ. Съ полокъ небольшого шкафа глядѣли дорогіе переплеты книгъ, съ которыми князь не разставался и за-границей.

Они присѣли къ окну. Князь, подавшись впередъ, опять протянулъ ему обѣ руки и прикоснулся къ его плечамъ, слегка стискивая ихъ.

— Да, сама судьба васъ посылаетъ сюда... Вы не знали, что мы здѣсь? Прочли въ „Badeblatt'ѣ"?

Мѣдниковъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы не покраснѣть.

Глаза князя изъ своихъ глубокихъ впадинъ глядѣли на него ясно и какъ будто немного насмѣшливо.

— Ха, ха, ха!—раскатисто засмѣялся онъ и откинулъ голову на спинку кресла.—Какой вы Stock-Russe! Нѣмцы такъ о насъ выражаются...

— Почему же, князь? — спросилъ Мѣдниковъ, овладѣвъ собою.

— Да какъ же?.. Личины на себя не можете надѣвать!.. И теперь, какъ и прежде, десять лѣтъ назадъ!

И онъ немного подмигнулъ ему.

Профессору дѣлалось положительно не по себѣ.

„Лживый мальчишка успѣлъ разболтать ему все",—подумалъ онъ о Борисѣ.

— Профессоръ, вы признаете тэлепатію, передачу мыслей на разстояніи? Или считаете всѣ опыты французской школы, которая занимается этимъ—блажью? De la blague scientifique? Ха, ха! Я допытываться не стану! Но, вотъ, подите... Когда десять минутъ назадъ Ефимъ вошелъ сюда и сказалъ, что „докторъ Мѣдниковъ сидитъ у княгини и желалъ бы видѣть ваше сіятельство"—меня сейчасъ же озарило... Именно озарило!.. Это вѣдь называется также ассоціаціей идей?.. Докторъ Мѣдниковъ... спеціалистъ по нервнымъ и душевнымъ,—протянулъ князь,—болѣзнямъ — теперь извѣстный профессоръ... могъ попасть сюда

случайно или нѣтъ... не въ этомъ вопросъ. Прямая связь... или же передача извѣстнаго психическаго настроенія — я не знаю... Не хочу въ это входить... Но вотъ вы здѣсь. И я этому несказанно радъ!..

Онъ вскочилъ и быстрымъ, легкимъ шагомъ прошелъ по ту сторону письменнаго стола.

Мѣдниковъ вбокъ слѣдилъ за нимъ взглядомъ, продолжая испытывать что-то двойственное, лично-безпокойное и для консультанта мало пригодное.

Во всей этой тирадѣ было кое-что довольно-таки странное. Но и только. Если даже сынъ и не предостерегъ его, онъ могъ, при постоянной внутренней работѣ, мгновенно сообразить или заподозрить, какъ только камердинеръ пришелъ доложить ему о докторѣ Мѣдниковѣ.

Приступъ выходилъ совсѣмъ не такой, какъ желательно было консультанту въ его положеніи, съ его прошедшимъ въ этомъ домѣ.

— Весьма вамъ признателенъ, князь, за такое доброе ко мнѣ вниманіе,—выговорилъ онъ, чувствуя самъ, что фраза вышла у него слишкомъ банальной.

Князь сидѣлъ опять противъ него, и обѣ его красивыя, маленькія руки лежали уже на колѣняхъ.

— Вы на меня не смотрите такъ... Илья Ѳедоровичъ, испытующимъ окомъ. Даже если вы и пожаловали сюда не спроста. Но я въ это входить не хочу. Знаете, докторъ, — продолжалъ князь, понижая звукъ голоса,—латинское изреченіе говоритъ... какъ бишь это? Est modus in rebus... Такъ вѣдь?

— Совершенно вѣрно, князь.

— Есть что-то неуловимое, но предопредѣленное въ жизни... Иначе вѣдь и быть не можетъ. Разъ во всей вселенной царятъ вѣчные законы,—почему же признавать только одинъ случай въ нашихъ человѣческихъ дѣлахъ?

Прислушиваясь къ словамъ князя, Мѣдниковъ находилъ, что онъ сталъ говорить иначе, чѣмъ десять лѣтъ передъ тѣмъ: русская рѣчь сдѣлалась ровнѣе, безъ частыхъ иностранныхъ фразъ и цитатъ. До сихъ поръ у него не вырвалось ни одного изъ прежде неизбѣжныхъ восклицаній по-итальянски. И развивалъ онъ свою мысль безъ „сорочьяго скаканья"—какъ онъ, бывало, выражался про его „болтовню".

— Вѣдь вы, профессоръ, какъ позитивистъ... должны признавать дэтэрминизмъ. А? То, что греки называли *ананкэ*—роковая необходимость? Не рокъ, а какъ бы это сказать... совпа-

деніе. На этомъ держатся и всѣ примѣты... Онѣ могутъ быть глупы, но подъ ними есть подкладка, настоящая или кажущаяся— это другой вопросъ...

— Куда же вы хотите придти, князь? — остановилъ Мѣдниковъ.

— Куда? Вы думаете, что у меня нѣтъ нити въ мысляхъ? Ха, ха! Есть. Днями я бываю очень разсѣянъ... забываю. Не такъ, однакожъ, какъ прежде... помните, когда вы со мной возились.

Онъ весело подмигнулъ и, придвинувъ еще ближе свое кресло, заговорилъ полусерьезно, полудурачливо:

— Тогда, или нѣтъ... гораздо позднѣе... васъ уже не было, вы улетучились и какъ въ воду канули... Да, позднѣе, лѣтъ черезъ пять... со мной случались курьезныя вещи. Въ родѣ, напримѣръ, хоть такого казуса. У одной изумительно красивой женщины... вдовы... знаете, въ восточномъ вкусѣ, съ профилемъ царицы Клеопатры... я вдругъ такъ увлекся, что совершенно все забылъ—кто я, чѣмъ я связанъ, что я pater familias... хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Но вѣдь буквально все, все вылетѣло изъ головы! И она меня обратила къ трезвой дѣйствительности,— выговоривъ своимъ тягучимъ голосомъ, d'une voix languissante: „князь, что̀ вы это, да вѣдь вы больше пятнадцати лѣтъ женаты и у васъ трое дѣтей“... А? Ха, ха!

Въ этомъ анекдотѣ Мѣдниковъ сразу распозналъ что-то совсѣмъ новое. Десять лѣтъ назадъ княгиня, какъ женщина, владѣла имъ безраздѣльно. Любовныхъ сумасбродствъ, даже невинныхъ увлеченій—за нимъ рѣшительно не водилось. Но еслибъ и случился съ нимъ такой „казусъ“,—ни за что онъ не разсказалъ бы его въ этакомъ тонѣ.

— Такъ вотъ я и повторяю, Илья Ѳедоровичъ... возвращаясь къ моей первоначальной темѣ о дэтэрминизмѣ. Это—тяжелое, педантское слово... Но оно всего вѣрнѣе передаетъ суть. И вотъ волны моей земной юдоли... простите за неудачную метафору... приняли такое теченіе, что донесли меня до вашихъ жизненныхъ волнъ. И какъ разъ вотъ теперь, въ тотъ моментъ, когда, кромѣ васъ, мнѣ не къ кому обратиться.

Отвѣчая на вопросительный взглядъ Мѣдникова, князь продолжалъ гораздо медленнѣе и съ другимъ выраженіемъ лица. Оно стало серьезнымъ, и нервныя струйки проползли вокругъ его красиваго рта съ живописно приподнятыми усами.

— Вы теперь—извѣстный ученый. А главное—вы русскій человѣкъ. Ужасно русскій во всемъ, добрѣйшій Илья Ѳедоро-

вичъ... я вѣдь тоже наблюдалъ васъ... во время дно. И для меня въ настоящую минуту важенъ не профессоръ... психіатръ... спеціалистъ, а русскій, съ мягкой, отзывчивой душой и большимъ знаніемъ человѣка, нынѣшняго... самаго несчастнаго, какой когда-либо существовалъ! Я не о себѣ лично такъ выразился, а вообще.

Онъ провелъ по глазамъ ладонью правой руки и нѣсколько секундъ помолчалъ.

Мѣдниковъ заслышалъ въ началѣ этой исповѣди совсѣмъ новые звуки, и не одно простое любопытство спеціалиста зашевелилось въ немъ.

— Я давно жажду... и думалъ, и говорилъ, и писалъ объ этомъ... не для публики, а для самого себя... Жажду того, чтобы въ концѣ вѣка создался особый классъ людей, способныхъ давать совѣты не больнымъ... которыхъ надо лечить въ клиникахъ... запирать въ сумасшедшихъ домахъ. На это есть довольно спеціалистовъ. Необходимо имѣть то, что̀ у католиковъ называется directeur de conscience. Только тамъ все дѣло сводится къ своему salut, къ спасенію души, къ царствію небесному. А я говорю про безчисленныя состоянія души, гдѣ нужна помощь такихъ друзей человѣчества, мудрецовъ, для которыхъ тотъ, кто имъ изливаетъ свою душу — не простой субъектъ, а душа, ищущая исхода.

— И вы думаете, князь, что сама судьба...

— Послала васъ сюда? Это все равно. Не мистицизмъ говоритъ во мнѣ. Но вы попадаете въ такую полосу моей интимной жизни, какой я еще не переживалъ... Не знаю, нужно ли меня лечить? Можетъ быть, васъ просили сюда... съ этой цѣлью? Повторяю, я не хочу допытываться. Это—дѣло вашей совѣсти. Но вамъ я готовъ открыть свое внутреннее *я*. Не къ нѣмцамъ же пойду я на консультацію? Будь живъ хоть самъ великій Шарко̀— я знаю, чѣмъ бы онъ отъ меня отдѣлался... Но такъ я оставаться не могу!

Послѣднія слова князь крикнулъ и обѣими руками схватился за голову.

— Не могу!—повторилъ онъ глуше и продолжалъ медленнѣе, вполголоса:

— Меня гложетъ раздвоеніе моей души...

— Раздвоеніе?—переспросилъ Мѣдниковъ.—Вы, стало быть, чувствуете въ себѣ, попеременно, присутствіе двухъ совершенно различныхъ индивидовъ?

— О, нѣтъ, докторъ! Объ этомъ я читалъ, и не разъ. То—

совсѣмъ другое. Развѣ я могъ бы говорить съ вами такъ, какъ теперь говорю, еслибъ со мной случилось полное превращеніе? Простите за такое нападеніе на васъ, изъ-за угла... sans crier gare!.. Скажите мнѣ—вы пробудете здѣсь два-три дня?

— Если нужно, то и больше.

— Не допрашивайте меня сразу, какъ консультантъ. Подарите мнѣ эти два-три дня... Мы будемъ бесѣдовать. Я жажду такихъ бесѣдъ именно съ вами. Но прежде всего я хочу, чтобы между нами все было на чистоту.

— Въ какомъ же смыслѣ?

— Вы мнѣ вотъ сейчасъ,—князь заговорилъ гораздо тише:— вотъ сейчасъ, на этомъ же мѣстѣ, скажете, какъ честный русскій врачъ: можете ли вы отнестись ко мнѣ по человѣчеству, забывая, что вы—извѣстный профессоръ, приглашенный сюда— да что̀ тутъ дипломатничать!—освидѣтельствовать меня, какъ душевно больного?

Князь улыбался, произнося эти слова, и въ глазахъ его забѣгали огоньки.

Мѣдниковъ не могъ отвѣтить иначе, какъ съ такой же искренностью. Въ немъ спеціалистъ не отмѣтилъ еще ничего, что̀ давало бы ему право обращаться съ княземъ какъ съ несомнѣннымъ психопатомъ. Ни одной минуты не хотѣлъ онъ быть сообщникомъ княгини противъ ея мужа. Сама по себѣ личность князя вызывала въ немъ совершенно новый интересъ. И опять ему стало стыдно передъ мужемъ женщины, съ которой у него было прошлое.

— Что̀-жъ вамъ сказать, князь!—началъ онъ вполголоса, съ опущенной головой.—Имѣй я передъ собою душевно больного, мой долгъ былъ бы не говорить ему правды. Вы понимаете—почему. Но вы обратились ко мнѣ такъ открыто и довѣрчиво. Наконецъ, ваше чутье подсказало вамъ цѣль моего визита. Прошу васъ вѣрить, что никакого заговора противъ васъ не было. Княгиня узнала, что я тутъ по близости, обратилась ко мнѣ письменно... Понятно, что она не хотѣла васъ смущать.

— Понимаю!—вскричалъ князь, и его глаза опять заиграли.— И пусть она будетъ убѣждена, что ея комбинація удалась. То, что̀ сейчасъ между нами вышло—останется нашимъ секретомъ. Не такъ ли, докторъ? Пора намъ сойтись на другой почвѣ.

Онъ вскочилъ и опять присѣлъ, весь трепетный.

— Скажите, докторъ, вы, конечно, занимались въ Парижѣ, у Шаркò, всѣми этими опытами... надъ suggestion...

— Внушеніемъ?

— Да. А сами вы не производили такихъ экспериментовъ?

— Я въ это особенно не вдавался. Случалось присутствовать и даже самому пробовать. Но я никогда не увлекался этимъ.

— Видите... Я тоже видалъ такіе опыты. Но я всегда боялся дать себя въ руки гипнотизера. Меня находили прекраснымъ субъектомъ. Я и самъ чувствовалъ, что легко могу пройти чрезъ всѣ эти удивительныя состоянія нашей личности. Страшно было отрѣшиться отъ самого себя, впасть въ какое-то другое бытіе, спать на яву. Но это еще не самое страшное. А вотъ то, что̀ я могу продѣлать на яву, когда мнѣ что-нибудь внушатъ. На это я не могъ согласиться... даже еслибъ это было что-нибудь самое невинное. На яву, сознавая себя—и быть игрушкой чужой воли, и въ извѣстную минуту почувствовать неудержимое побужденіе что-то такое выполнить: зарѣзать человѣка, украсть, совершить любой гнусный поступокъ! По-моему, это хуже безумія!

Князь взялся за лицо руками и нервно тряхнулъ головой.

— Вѣдь вы знаете, докторъ, что были уже случаи такихъ внушеній. Они попадали даже въ романы... И это не выдумки. Были и уголовные процессы... Развѣ нельзя привести кого-нибудь въ состояніе гипноза помимо его воли, такъ что онъ этого и не замѣтитъ?

— Это возможно въ исключительныхъ случаяхъ.

„Не это ли пунктикъ?“—мысленно спросилъ себя Мѣдниковъ, выжидая, куда клонится этотъ внезапный переходъ къ темѣ гипнотизма.

— Было время, я и этого боялся,—какъ бы про себя выговорилъ князь, болѣе спокойнымъ тономъ.—Но не это меня удерживало... Главнѣе всего—возможность лишиться своей воли. Все равно: знать про это или нѣтъ, добровольно или когда васъ незамѣтно приведутъ въ такое состояніе.

— Внушеніе можетъ быть и полезнымъ. Я этого не отрицаю. И видалъ примѣры... когда больному приказывали отъ чего-нибудь отказаться... хоть бы вотъ отъ какого-нибудь страха, или упорнаго убѣжденія въ какой-нибудь нервной слабости.

— E già! — весело крикнулъ князь по-итальянски и схватилъ Мѣдникова за оба плеча. — Профессоръ! Вы сердцевѣдъ! Вы магъ и волшебникъ!

— Почему такъ, князь?

— Вы предвосхитили мою мысль... или, лучше, мое стремленіе... мою надежду. Простите! Вамъ можетъ показаться страннымъ и дикимъ то, что̀ я сейчасъ говорилъ. Но увѣряю васъ...

это только такъ кажется, что я перескакиваю отъ одного предмета къ другому. Вы увидите. Только я не могу васъ такъ эксплуатировать. Вы и безъ того уже столько времени отдали мнѣ.

— Это моя обязанность, князь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо казенныхъ выраженій. Если вы хотите быть моимъ благодѣтелемъ — надо намъ договориться до самаго дна... вы понимаете. Я имѣлъ всегда такое предчувствіе —не смѣйтесь! — что мы съ вами еще увидимся и сойдемся... какъ бы это сказать... *найдемъ* другъ друга. Можно такъ выразиться? Сколько разъ въ послѣдніе два года я хотѣлъ писать вамъ. Удерживало многое. Ложный стыдъ... разныя глупости... нелѣпыя понятія о чести... смѣшныя деликатности...

Глаза князя что-то такое хотѣли добавить къ этимъ словамъ. Мѣдникову начало опять дѣлаться жутко. Но онъ воздерживался отъ вопросовъ, чувствуя, что князь сталъ переходить къ чему-то чисто интимному, какъ бы намекающему на ихъ прошлое.

Роли ихъ, незамѣтно, въ какихъ-нибудь полчаса, перемѣнились. Это была уже не консультація. То, съ чѣмъ профессоръ-спеціалистъ вошелъ къ князю, повернуло въ другую сторону. Онъ потерялъ свою первоначальную позицію, и внутренно былъ этимъ доволенъ. Выйдя изъ этой комнаты, онъ долженъ будетъ: или надѣть на себя личину передъ той, кто его вызвалъ сюда, или же отказаться отъ всякаго участія въ постановкѣ діагноза. Но самъ князь, все, что̀ онъ сейчасъ говорилъ и на что̀ намекалъ—продолжало возбуждать его интересъ. Онъ не попенялъ себѣ и за то, что такъ скоро сдался и сталъ говорить съ нимъ не какъ съ паціентомъ, а только какъ съ человѣкомъ, которому желаетъ внушить полное къ себѣ довѣріе. Теперь ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ уклониться отъ такого поведенія...

— Простите... Илья Ѳедоровичъ... Я вамъ до сихъ поръ не предложилъ курить.

— Я плохой курильщикъ,—замѣтилъ Мѣдниковъ.

— Не угодно ли рюмку бѣлаго вина? Мнѣ мой докторъ разрѣшаетъ двѣ рюмки въ день.

Точно за тѣмъ, чтобы сдѣлать передышку въ разговорѣ, который принималъ такой оборотъ, Мѣдниковъ, взявъ сигару изъ рукъ князя, заговорилъ съ нимъ о томъ, ка̀къ и отъ чего его лечатъ здѣсь. Князь былъ доволенъ леченьемъ. Грязныя ванны помогли. Вотъ уже второй день, какъ онъ можетъ гулять, часа по два въ день, а до сихъ поръ его больше возили. И весело, въ лицахъ, онъ сталъ представлять, какъ его лондинеръ-вело-

сипедистъ возилъ его по аллеямъ и донималъ ежесекунднымъ повтореніемъ его нѣмецкаго титула.

Они пересѣли на диванчикъ. Камердинеръ принесъ полъ-бутылки рейнвейна и двѣ зеленыхъ рюмки на высокихъ ножкахъ. Лицо князя потеряло свою блѣдность, глаза весело искрились, въ голосѣ было гораздо больше самообладанія и ровности.

— Милый мой докторъ,—заговорилъ онъ, прикасаясь рукой къ колѣнямъ Мѣдникова,—если судьбѣ угодно было послать васъ сюда... и съ такой миссіей... Прежде, чѣмъ я буду говорить съ вами... какъ на духу... зная впередъ, что вы болѣе, чѣмъ кто-либо, войдете въ мою душу—я долженъ ликвидировать всѣ наши счеты...

— Счеты?—переспросилъ Мѣдниковъ.

— Не знаю, какъ иначе выразиться. Но съ вами говоритъ въ эту минуту не князь Иванъ Романовичъ, какого вы знали десять лѣтъ назадъ... Тотъ человѣкъ не существуетъ больше... не весь, разумѣется, а только тотъ, съ которымъ вы когда-то раздѣляли одну и ту же участь... Ха, ха, ха!

Онъ подошелъ къ двери и заперъ ее на задвижку. Мѣдниковъ воззрился ему вслѣдъ. Двѣ-три секунды что-то похожее на страхъ прошлось по немъ. Кто же могъ поручиться за князя? Въ его тонѣ, манерахъ, смѣхѣ, перемѣнѣ темъ разговора, выраженіи глазъ, жестахъ было довольно такого, что̀ могло сказаться и внезапнымъ порывистымъ аффектомъ.

Мѣдниковъ немного приподнялся, держась лѣвой рукой за валикъ дивана. Князь повернулъ отъ двери и такъ же быстро подошелъ къ бюро, выдвинулъ ящикъ, немного пошарилъ въ немъ и вынулъ оттуда какой-то листокъ.

На все это не ушло минуты.

Садясь на прежнее мѣсто, онъ положилъ листокъ въ карманъ и протянулъ гостю свою рюмку.

— Мы у нѣмцевъ. Чокнемся по-студенчески... Prosit!

— Prosit!—повторилъ Мѣдниковъ, сильно заинтересованный.

— Брудершафтъ намъ пить слишкомъ было бы... юно... и рано. Удостоите вы меня своей дружбы или нѣтъ... надо, чтобы я прежде заслужилъ ее. А теперь... дорогой Илья Ѳедоровичъ, —позвольте мнѣ вручить вамъ... вотъ этотъ документъ... Онъ, по праву, принадлежитъ тому, кто его писалъ.

Онъ подалъ ему пожелтѣлый листъ почтовой бумаги, сложенный вдвое.

— Не читайте его. Успѣете. Но возьмите. Онъ вашъ... Положите въ бумажникъ.

„Неужели?“—мелькнуло въ головѣ Мѣдникова. Онъ ощутилъ приливъ крови къ щекамъ.

— Пока ни о чемъ меня не спрашивайте, Илья Ѳедоровичъ. Все это прошло. А что прошло—то будетъ мило. Кажется, такъ сказалъ Пушкинъ? Письмо это случайно попало въ мои руки. Давно уже! Вотъ тогда я могъ помутиться... Перерѣзать себѣ или кому-нибудь горло. И это самое письмо... листокъ въ четыре страницы... вызвало душевный кризисъ. Нѣтъ, выраженіе слишкомъ избито. Съ тѣхъ поръ я метался и бился, какъ въ желѣзной клѣткѣ.... искалъ, во что уйти... долго искалъ. Всего не перескажешь! За то освободился отъ того прежняго рабства, самаго постыднаго, какое только посылается человѣку, мужчинѣ. И вы его испытали... Мы—братья... чуть было не сказалъ: по оружію. Ха, ха! Но я вижу, что и въ васъ все давно умерло, что вы свободны духомъ. Какъ только вы вошли ко мнѣ, и мы обмѣнялись нѣсколькими словами, я уже не подозрѣвалъ васъ. Такъ оно и случилось. Вы пріѣхали сюда изъ профессіональнаго чувства долга. Но этого мало! Вы сами себѣ хотѣли доказать, что вамъ нечего бояться, рабомъ вы уже не въ состояніи быть! Развѣ это не такъ, скажите?

Смущеніе Мѣдникова не проходило. Онъ уже не могъ сомнѣваться въ томъ — какое письмо попало въ руки князя, о чемъ онъ говоритъ, въ чемъ изливается.

Но нелегко было найти подходящій тонъ, чтобы отозваться на всю эту исповѣдь.

Князь взялъ его за руку и крѣпко держалъ пониже локтя.

— Я не прошу никакихъ оправданій или увѣреній, что бы ни было, тамъ... въ прошломъ... вы слышите, я допускаю все, все,—повторилъ онъ шопотомъ.—Прежній князь Иванъ Романовичъ не существуетъ, и вы передъ нимъ ни въ какомъ отвѣтѣ не состоите. И мотивъ вашего разрыва для меня ясенъ. У васъ былъ характеръ, темпераментъ. Вы не хотѣли превращаться въ вещь. И вы рѣзнули себя по живому тѣлу. И благо вамъ было. Felice lei!

Этотъ итальянскій возгласъ отнесъ Мѣдникова къ тѣмъ днямъ мученій, когда онъ былъ на два шага отъ чего-нибудь безумнаго или позорнаго.

— Зачѣмъ растравлять въ себѣ старыя раны, — обронилъ онъ, чувствуя всю дѣланность этой фразы. — Раны! Онѣ давно зажили. Но это заживленіе принесло съ собою вотъ то, къ чему я пришелъ на сорокъ-шестомъ году жизни. Не правда ли, я еще могъ бы, при свѣтѣ театральной рампы, играть роль пер-

ваго сюжета въ любовной драмѣ? Эта моложавость — настоящая иронія судьбы.

Онъ подошелъ къ двери на балконъ.

— Посмотрите... Какъ хорошо! Вотъ этотъ кусокъ синяго неба. И переливы зелени на холмахъ... Какъ все блеститъ, и ласкаетъ взглядъ, и манитъ къ себѣ... И все это—одинъ предательскій обманъ... И даже тѣ, кто такъ прекрасно умѣли описывать картины природы—и тѣ не могли избѣжать все той же мертвящей мысли—о неизбѣжности конца.

На бюро лежала книга. Князь взялъ ее и вернулся къ дивану.

— Вотъ послушайте, докторъ. Какъ разъ за полчаса до вашего прихода, я перечитывалъ эту прелестную вещь. Вы ее конечно читали и узнàете, чье это—по первымъ строкамъ. Автору не было тогда и сорока лѣтъ. И уже какъ ядовито вѣялъ на него могучій русскій боръ, который онъ умѣлъ такъ оживлять своимъ перомъ.

Онъ сталъ читать, медленно, съ нервной вибраціей голоса, останавливаясь на нѣкоторыхъ словахъ и взглядывая на своего гостя.

„Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла,—говоритъ природа человѣку: — я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть“.

— Ужасныя слова, докторъ, ужасныя по своей правдѣ! Хлопочи, чтобы не умереть! Когда знаешь, что всѣ эти хлопоты—безсмысленны, что ты обреченъ на уничтоженіе. И потомъ вотъ это мѣсто:

„Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности“.

— Это изъ Тургенева? Его пессимизмъ извѣстенъ... Въ „Довольно“ есть и еще болѣе безнадежныя ноты.

— Но развѣ онъ рисовался? Развѣ онъ отвѣтственъ былъ за то, что это ужасное чувство закралось въ него въ самый расцвѣтъ его таланта? Вы прислушайтесь—чѣмъ это звучитъ: модной рисовкой или же плачемъ жалкой людской немощи: „Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти“... Боже! Какъ это геніально сказано!

И онъ повторилъ наизусть, съ полуоткрытыми глазами и блѣдный отъ внутренняго волненія:

— „Существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти“...

— Истина довольно азбучная, князь.

Но тотъ не слыхалъ этого замѣчанія и продолжалъ читать вслухъ:—... „Трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды“... И этотъ взглядъ, докторъ, онъ не сходитъ съ меня, и я никуда не могу отъ него уйти. Вотъ видите, что̀ такое талантъ. Я бы долго и нескладно выкладывалъ вамъ все со дна моей души. А поэтъ, художникъ, нѣсколькими строками все сказалъ и объяснилъ вамъ... мудрецу... тому высшему врачевателю душевныхъ немощей, какого я такъ жажду найти... именно въ васъ.

Онъ перелистовалъ порывисто нѣсколько листовъ далѣе:

— Или вотъ еще мѣсто: „Въ это мгновеніе, на этомъ мѣстѣ я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость“... Два всего слова... „непрестанная близость“—и все сказано. А помните, у него же, вступленіе въ повѣсть „Вешнія воды“... Тамъ, въ глубинѣ колышется *она*... какъ зловѣщая рыба и всплываетъ вдругъ... А года идутъ и перестаешь понимать—какъ это еще можно жить? И нѣтъ силъ покончить это безуміе, и ты, какъ подлый трусъ, трепещешь и сознательно, рабски плывешь въ пасть этому чудовищу, этому боа... которое все сожретъ, все, все!..

Плачъ заслышался въ этихъ возгласахъ князя. Мѣдниковъ поглядывалъ на него пристально, взглядомъ профессора, и ему показалось, что передъ нимъ настоящій „субъектъ“, съ цѣлой гаммой душевныхъ разстройствъ. И какъ могъ онъ вдаться въ обманъ, повести съ нимъ бесѣду въ такомъ тонѣ, какого ему ни за что не слѣдовало позволять себѣ?

Но въ боковомъ карманѣ его лежало письмо, и онъ зналъ,—кѣмъ и кому оно написано. Все, на что̀ намекалъ князь—связано было съ дѣйствительными фактами.

— Простите, докторъ... я утомилъ васъ,—заговорилъ князь, поднимаясь съ мѣста.—Вашего визита я не ждалъ. Я ни къ чему не готовился. Берите меня—каковъ я есть. Только позвольте мнѣ быть съ вами такимъ же, пока вы здѣсь... Я понимаю,—ваше положеніе—щекотливое. Но совѣсть—не сухая, профессіональная, а высшая—подскажетъ вамъ, какъ себя повести. Можетъ быть, вы сегодня же, вернувшись къ себѣ, пошлете все къ духу тьмы и стряхнете прахъ съ сандалій своихъ. Не думаю. Оттолкнуть было бы грѣшно того, кто пошелъ къ вамъ на встрѣчу... какъ сдѣлалъ это я.

— Откровенно говоря, князь, —сказалъ Мѣдниковъ, вставая: —я получилъ отъ васъ такой зарядъ... не легко съ нимъ справиться.

— Ха, ха! Неужели это намекъ на тотъ листокъ бумаги, что̀ я вамъ передалъ?.. То было и быльемъ поросло!.. Никакихъ объясненій и оправданій! Никто ни въ чемъ не виноватъ. Изида глядитъ на всѣхъ насъ. Еще разъ простите, что задержалъ васъ.

Князь крѣпко пожалъ ему руку, проводилъ до двери и на порогѣ вполголоса сказалъ:

— Я знаю, мы еще увидимся!

X.

Княгиня Евпраксія Андреевна вышла отъ себя позднѣе обыкновеннаго. Она по утрамъ пила воды не въ Trinkhalle, а дома и гуляла по саду. Было уже девять, когда она спустилась въ аллею, въ платьѣ изъ бѣлаго пикѐ и шляпѣ съ широкими полями. Она выпивала стаканъ и потомъ дѣлала моціонъ около получаса.

Въ томъ, какъ она шла, и въ напряженности лица замѣтно было раздраженіе.

Вотъ уже четвертый день пошелъ съ пріѣзда Мѣдникова, а онъ отъ нея какъ-то ускользаетъ. Кажется, онъ не торопится уѣзжать; но до сихъ поръ она не добилась отъ него ничего опредѣленнаго. Придираться къ нему нельзя. Онъ ведетъ себя безукоризненно, и вошелъ въ свою роль наблюдателя, больше, чѣмъ она могла ожидать. Но ея женское чутье подсказывало ей, что тутъ что-то неладно.

У князя сразу прекратились боли въ ногѣ. Онъ ходитъ пѣшкомъ и до обѣда, и подъ-вечеръ. Они отправляются гулять или съ профессоромъ, или втроемъ—берутъ съ собой Бориса. Вчера Мѣдниковъ обѣдалъ у нихъ, и князь сидѣлъ съ нимъ рядомъ, угощалъ его виномъ, чуть не накладывалъ самъ кушанье на его тарелку, болталъ безъ умолку—на ея взглядъ, Богъ знаетъ что̀ и въ какомъ тонѣ; но Мѣдниковъ ему поддакивалъ. Въ роли наблюдателя это—очень ловко. Но ее нѣсколько разъ кольнуло: точно между этимъ спеціалистомъ и больнымъ, къ которому онъ пріѣхалъ ставить діагнозъ—есть какой-то уговоръ. Раза два-три въ лицѣ князя она подмѣтила усмѣшку,—какъ будто онъ желалъ ее дразнить:

„Мы-де тебя, голубушка, проведемъ“.

Какъ нарочно — ни одной слащаво-приторной, шутовской фразы, съ какими онъ обращался къ ней всегда при гостяхъ. Онъ точно не замѣчалъ ея присутствія за столомъ.

И это, конечно, поняли дѣти; старшій сынъ и дочь, и Скурловъ, который, видимо, ждетъ и будетъ просить руки Елены послѣ того, какъ въ семействѣ произойдетъ что-нибудь рѣшительное насчетъ князя. Онъ высказывалъ ей не разъ свое сочувствіе, изумлялся ея долготерпѣнію и мужеству, намекалъ даже на то, что ея долгъ— „хотя и очень тяжкій“ — „начать дѣйствовать энергичнѣе“.

Бориса она не хочетъ ни о чемъ допрашивать. Этотъ потихоня, считающій своего отца жертвой и мученикомъ, навѣрно бѣгалъ къ Мѣдникову, и тотъ ни однимъ словомъ не выдалъ его. Съ перваго своего визита къ князю онъ всего раза два поговорилъ съ нею, отрывочно, въ какомъ-то странномъ тонѣ.

Вчера онъ сказалъ ей:

— Вашъ мужъ такъ меня интересуетъ, что я рѣшилъ продлить мое пребываніе здѣсь. Только прошу объ одномъ, княгиня: не волноваться, не задавать мнѣ прежде времени вопросовъ, предоставить мнѣ полную свободу.

А глаза его говорили что-то иное.

Прежде всего то, что она, какъ женщина, изъ-за которой онъ когда-то безумствовалъ, для него уже не существуетъ. Въ немъ чувствуется теперь человѣкъ, для котораго, что̀ княгиня Евпраксія Андреевна, что̀ первая попавшаяся кумушка—все равно. Онъ точно вымещаетъ на ней прошлое. О томъ, что она говорила ему тамъ, въ кургаузѣ, насчетъ его писемъ,—онъ совсѣмъ забылъ, точно ему рѣшительно все равно: находятся или нѣтъ эти письма въ ея рукахъ? Кто знаетъ: быть можетъ, онъ уже признался князю во всемъ, съ тѣмъ, чтобы обѣлить себя, выставить, какъ жертву ея женскаго бездушія и коварства.

„Поповичъ! — злобно шептали властныя губы княгини.— Зазнавшійся хамъ!“

И зачѣмъ она вызывала его, да еще такимъ просительнымъ письмомъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ какая знаменитость?! Развѣ она не могла подождать возвращенія въ Россію и начать дѣйствовать, заручившись поддержкой оффиціальныхъ лицъ? Она должна была признаться себѣ, что надѣялась на свое обаяніе женщины. И оно оказалось жалкимъ миражемъ.

Княгиня присѣла въ тѣнь каштана. Выпитая натощакъ

вода душила ее сегодня. Никогда еще не испытывала она такого обиднаго положенія, никогда и чувство тщеты ея домогательствъ не выступало такъ передъ нею.

Изъ-за чего она бьется? Неужели изъ-за одной жадности? Изъ-за боязни, что полубезумный мужъ уничтожитъ полную довѣренность, которую онъ далъ ей нѣсколько лѣтъ назадъ, и начнетъ опять транжирить и—на зло ей—еще сильнѣе? Она знаетъ, что всѣ считаютъ ее скаредомъ. Но это—клевета. Не за себя она дрожитъ. Елена можетъ легко очутиться въ безприданницахъ, если князь будетъ продолжать пользоваться всѣми своими правами. Старшій сынъ не можетъ вступить въ пользованіе родового заповѣднаго имѣнія, пока отецъ считается „правоспособнымъ“; а уйди князь изъ-подъ ея надзора—онъ можетъ всѣхъ ихъ оставить нипричемъ. Сынъ и дочь сядутъ ей на плечи.

Довольно и того, что она должна „прыгать“ передъ старой княгиней. Та немного посмягчилась теперь, послѣ той выходки князя. На пріѣздъ профессора она смотритъ какъ на доказательство того, что ея племянникъ—не въ своемъ умѣ. Но она начнетъ, пожалуй, волноваться изъ-за того, что съ ней въ одномъ домѣ душевно-больной, будетъ бояться, что онъ ее зарѣжетъ.

Молодые голоса справа заставили княгиню обернуться въ сторону крыльца.

Дочь ея сбѣжала по ступенямъ первая, за нею Скурловъ, оба въ костюмахъ для lawn-tennis. Старшій сынъ ея показался въ дверяхъ за ними; но онъ былъ иначе одѣтъ и, кажется, не собирался съ ними.

Княгиня не окликнула дочь. Съ нѣкоторыхъ поръ она ею мало занимается, позволяетъ ей кататься на тэндэмѣ съ пріятелемъ ея брата и вообще держаться по-англійски съ молодыми людьми. И къ ея сближенію съ Скурловымъ она равнодушна. Такую „партію“ еще годъ назадъ она считала бы не особенно блестящей. Онъ хорошо пошелъ по службѣ, будетъ камеръ-юнкеромъ и первымъ секретаремъ; но состоянія у него нѣтъ, ни крупнаго имени, ни большихъ связей.

Дочь свою она никогда особенно не любила. Одинъ только ея первенецъ—Романъ—съ самаго рожденія былъ ея любимцемъ. Онъ это давно знаетъ и даетъ это чувствовать больше, чѣмъ бы слѣдовало позволять ему.

Пріѣзду Мѣдникова князь Романъ обрадовался и даже поздравлялъ ее съ такой „блестящей идеей“. Но ей показалось

вчера, что и онъ съ усмѣшкой въ выраженіи глазъ взглядывалъ на нее во время обѣда.

Елена и Скурловъ пошли по аллеѣ къ воротамъ. Князь Романъ оглянулся и тотчасъ же увидалъ бѣлое платье княгини. Закуривъ папиросу, онъ неторопливо спустился въ аллею, подошелъ къ ней, не снимая шляпы, и нагнулся, чтобы поцѣловать руку.

— Bonjour, mon enfant!—сказала княгиня, поглядѣвъ на него пристально.—Ты съ ними отправишься?

— Нѣтъ, мнѣ надоѣло. Я приказалъ привести лошадь къ десяти часамъ.

То, что между нимъ и Людмилой идетъ игра—княгиня замѣтила уже довольно давно; но она смотрѣла на это безъ всякаго безпокойства. Дѣвица Полуянова была для нея скорѣе полезна, и она ее ласкала.

— Ты видѣлъ отца?—спросила княгиня, взглянувъ на два окна второго этажа съ балкономъ,—комнаты, гдѣ жилъ князь.

— Онъ не любитъ, чтобы къ нему заходили по утрамъ.

И, помолчавъ, князь Романъ пожалъ плечами. Онъ сидѣлъ вбокъ отъ матери, на скамьѣ.

— Что же этотъ профессоръ...—заговорилъ онъ вполголоса и поднялъ голову:—высказался онъ категорически?

— Онъ проситъ его не торопить.

Князь Романъ затянулся и повелъ головой.

— Послушай, maman... Я удивляюсь тому, что ты не можешь произвести на Мѣдникова... гораздо болѣе сильнаго давленія. Онъ имѣетъ теперь имя. Его діагнозъ нуженъ... и тебѣ, и всѣмъ намъ, чтобы больше не колебаться.

— Я тебѣ говорю... онъ проситъ не торопить... И было бы безтактно приставать къ нему.

— Да вѣдь... онъ долженъ цѣнить то—кто къ нему обратился!..

Глаза сына, такого же цвѣта, какъ у матери, остановились на ней съ двойственнымъ выраженіемъ.

И впервые княгиня прочла въ нихъ намекъ на то, что у нея съ ихъ бывшимъ врачомъ было прошлое.

— Voyons, maman... avec ton prestige...—выговорилъ князь Романъ и сжалъ на особый ладъ губы.

Щеки княгини густо покраснѣли... Никогда еще никто изъ ея дѣтей не осмѣливался говорить съ ней въ такомъ тонѣ.

Она порывисто встала, и хрустальная кружка, стоявшая на диванѣ, свалилась на песокъ отъ ея движенія.

— Tu divagues, mon cher!—кинула она ему, скосивъ непріятно ротъ.

Глаза сына продолжали ухмыляться. Онъ ее ни мало не боялся, и это она—опять-таки въ первый разъ—отчетливо распознала.

— Je divague, je divague!—шутливо повторилъ онъ и тоже всталъ.

— Какъ ты смѣешь говорить съ матерью такъ дерзко?

Она пододвинулась къ нему на полъ-аршина, и ея дыханіе пахнуло ему въ лицо.

Когда-то званіе любимца не спасало его отъ собственноручныхъ экзекуцій княгини. Но это было уже давно. Она сама виновата, слишкомъ распустила его, и вотъ теперь онъ смѣетъ дѣлать какіе-то намеки... какъ будто ему извѣстно что-то такое, на чемъ онъ можетъ поиграть.

Мальчишка! Шелопай! Мотъ, который уже подросткомъ тянулъ изъ нея деньги, и будетъ еще больше тянуть съ назначеніемъ въ заграничные attachés. Все это она выносила; но такое нахальство—чудовищно!

— Какъ ты смѣешь?—почти задыхаясь, повторила она.

— Что̀, что̀ я сказалъ? У тебя расходились нервы, maman. Разумѣется... этотъ Мѣдниковъ... былъ у тебя въ рабствѣ... я хорошо помню... Ты его вызвала сюда... И что же... Онъ водитъ тебя... Это смѣшно! Et ton prestige de femme...

Онъ не докончилъ... Рука княгини звонко опустилась на его правую щеку.

Онъ отскочилъ, схватился за щеку и выронилъ папиросу на землю.

— C'est ignoble!—крикнулъ онъ и злобно, весь пылая, отскочилъ вбокъ.—C'est ignoble! Ты съ ума сошла!.. Развѣ я мальчуганъ! Ха, ха!

Смѣхъ его звучалъ истерически. Онъ схватился одной рукой за стволъ дерева и сталъ отмахиваться платкомъ. Шляпа сползла у него на затылокъ.

— И если ты позволишь себѣ еще разъ—хоть одно глупое слово... я при всѣхъ покажу тебѣ—чего ты стоишь! Запомни это!

Повернувшись круто на каблукѣ, княгиня остановилась и, показавъ рукой на свою кружку, лежавшую на землѣ, сказала отрывисто:

— Подай!

Князь Романъ нагнулся и подалъ. Глаза его разгорѣлись

отъ ярости сангвиника. Еслибъ мать его не была такъ возбуждена, она могла бы подумать, что онъ на нее кинется.

Когда шаги ея стихли на повороте аллеи, онъ все еще сидѣлъ на диванѣ. Шляпу онъ снялъ. Лицо было все такъ же красно. Онъ вынулъ папиросницу и сталъ порывисто закуривать. Въ ушахъ у него звенѣло. Въ правой щекѣ не проходилъ жаръ, и навѣрное рука матери оставила на ней замѣтный слѣдъ всѣхъ пяти пальцевъ.

Его душило. Онъ готовъ былъ побѣжать сейчасъ же къ отцу и совершенно такъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ брату своему Борису—представить въ лицахъ, какъ его мать сидѣла съ докторомъ. Чего же ему церемониться? Чего ждать отъ такой женщины? Лучше перемѣнить фронтъ: „changer casaque",—выговорилъ онъ мысленно,—и взять руку отца, какъ тотъ идіотъ Борька, поддѣлаться и къ этому профессору, чтобы вô-время быть на все готовымъ.

Мысли путались у него. И онъ не могъ встряхнуться, уйти отсюда, сѣсть на лошадь, проскакать нѣсколько верстъ, придти въ себя и обдумать свое дальнѣйшее поведеніе—прежде всего съ матерью. Ни съ кѣмъ онъ совѣтоваться не можетъ. Не пойдетъ же онъ жаловаться Скурлову, или сестрѣ, или Людмилѣ,—что мать обошлась съ нимъ, какъ съ мерзкимъ мальчишкой, котораго сначала оттаскаютъ, а потомъ выдерутъ.

— Бѣдный!—вдругъ раздался справа женскій голосъ.

Людмила тихо подходила къ нему, точно крадучись.

По глазамъ ея онъ сейчасъ же догадался, что она видѣла. Это взорвало его еще сильнѣе, чѣмъ пощечина матери.

Онъ искалъ какого-то сильнаго слова, которымъ бы заставилъ ее сразу замолчать, и не находилъ его.

Людмила присѣла къ нему и, заглянувъ ему въ лицо снизу вверхъ, спросила вполголоса:

— За чтô?

И глаза ея обидно засмѣялись.

Онъ молчалъ.

— Да полноте!.. Я не подсматривала. Клянусь... Это бываетъ... Вы не любите моего слова... Легкій карамболяжъ въ княжеской фамиліи.

— Пожалуйста! Довольно!

— Я не пойду разсказывать. Можете быть покойны... князь Романъ Ивановичъ. Маменька... съ темпераментомъ. Но какъ же это вы, ея Веніаминъ—изволили такъ разгнѣвать ее?

— Людмила... прошу... безъ всѣхъ этихъ прибаутокъ.

— Извольте... Если она такъ обошлась съ вами... mir nichts —dir nichts... Значитъ, у нея тоже... не все въ порядкѣ... Sous le plafond... Или она бѣсится... И я понимаю—отчего.

— Отчего?—спросилъ онъ, поглядѣвъ на нее пристально.

— Да этотъ профессоръ... на нее—нуль вниманія! Онъ, я вамъ скажу, feiner Conditor. И если когда-то онъ былъ въ нее смертельно влюбленъ—что̀ вы на меня какъ сердито взглянули? Вы же сами дѣлали мнѣ прозрачные намеки на эти дѣла давно минувшихъ дней. А теперь онъ—ни въ одномъ глазу! Онъ ведетъ свою линію... Наблюдаетъ и съ княземъ обхожденіе имѣетъ самое тонкое. Молодецъ! Онъ мнѣ нравится... Что̀ это какъ у васъ щека-то правая горитъ? Это скандально! Извольте ѣхать. Лошадь вамъ привели.

Онъ надѣлъ шляпу и бросилъ на землю окурокъ папиросы.

— А на меня нечего злиться! Знаете что̀?

— Что такое?—рѣзко переспросилъ онъ.

— Стыдно, ваше сіятельство, быть все въ малолѣткахъ. Охота у насъ пущая, а участь горькая. Подъ маменькиной ферулой состоять—и не того дождетесь. Она и при гостяхъ удостоитъ васъ... заушенія. Мы любимъ повторять: „je suis chef de famille“! Ну, и покажите, что вы—шефъ. Этотъ профессоръ даже и не замѣчаетъ вашего присутствія. Онъ вонъ съ Борисомъ нѣжничаетъ... А вамъ слѣдуетъ показать ему, что вы старшій сынъ и наслѣдникъ... вы имѣете всѣ права и хотите знать—чего вамъ ждать въ ближайшемъ будущемъ. Душечка... Такъ, аль нѣтъ?

Людмила прикоснулась къ его плечу вѣткой сирени и, не дожидаясь отвѣта, отошла на два шага.

— Мнѣ некогда... Моя патронша сейчасъ меня хватится. У нея теперь новый пунктикъ. Какъ только прослушала, что пріѣхалъ психіатръ, такъ и сочинила себѣ новую нервную болѣзнь. Она просила уже княгиню привести его къ себѣ.

— Нѣтъ! Такъ нельзя!

Возгласъ вырвался у него съ жестомъ правой руки.

— Такъ нельзя, голубчикъ! Такъ нельзя!

И, разсмѣявшись, Людмила убѣжала.

XI.

Недѣля перевалила уже на вторую половину, а Мѣдниковъ не торопился уѣзжать.

То, что онъ пережилъ за эти дни около своего бывшаго паціента, затягивало его куда-то вдаль и совсѣмъ на особенный, для него небывалый ладъ.

Послѣ первой же бесѣды съ княземъ онъ уже рѣшилъ, что роли такого покладливаго консультанта, котораго желала найти въ немъ княгиня, онъ ни подъ какимъ видомъ на себя не возьметъ. Но въ немъ самомъ, съ перваго же свиданія съ княземъ, пошла такая внутренняя работа, что онъ забылъ о своемъ званіи, извѣстности, профессіональномъ достоинствѣ. Передъ этимъ чудакомъ, котораго всѣ въ домѣ, кромѣ младшаго сына, считаютъ „форменнымъ сумасшедшимъ“, онъ очутился въ положеніи человѣка обезоруженнаго и немножко пристыженнаго. Князь, вручая ему его письмо, написанное имъ когда-то княгинѣ въ пароксизмѣ страсти, достаточно ясно далъ ему понять, что онъ ставитъ крестъ на прошлое. Четвертый день онъ колеблется: сказать ему объ этомъ княгинѣ или нѣтъ? Простая деликатность требовала бы умолчать, да и самъ онъ находилъ немножко злобное удовольствіе въ томъ, чтобы совсѣмъ вычеркнуть эту женщину изъ своей жизни, избѣгать всякаго повода къ интимнымъ разговорамъ.

Онъ уже замѣчалъ, что она это какъ будто поняла. Подъ самый конецъ, передъ своимъ отъѣздомъ, когда онъ откроетъ ей свои карты, онъ преспокойно покажетъ ей и письмо. Пускай она его приложитъ къ остальной коллекціи и дѣлаетъ съ ними что ей угодно.

Не желая забираться въ супружеское прошлое этой четы, онъ въ нѣсколькихъ изліяніяхъ князя, за эти четыре дня, достаточно выудилъ фактовъ, чтобы признать себя его „братомъ по оружію“, какъ тотъ, въ первый же его визитъ, остроумно выразился.

Да, ихъ обоихъ эта женщина доводила до „зеленаго змія“, одними и тѣми же пріемами, съ тою только разницей, что мужа, распаленнаго чувственной горячкой, она гнала отъ себя, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сожительства, когда у нихъ было уже трое дѣтей; онъ же не имѣлъ на нее никакихъ правъ, но, не отдаваясь ему вполнѣ, она доводила и его до припадковъ, какъ и своего „супруга и повелителя“.

Для него было ясно, что страсть къ женѣ при такихъ ея повадкахъ была главной причиной тѣхъ нервныхъ разстройствъ, отъ которыхъ онъ когда-то лечилъ его. Теперь въ душѣ чудака все давно перегорѣло. Онъ тяготится жизнью, ему противно все, что его окружаетъ, онъ потерялъ всякій личный импульсъ же-

ланій, и въ то же время теряетъ его часто присущій страхъ передъ „неизбѣжностью конца".

Есть ли этотъ страхъ признакъ особаго душевнаго недуга? Въ немъ онъ не замѣчаетъ никакой навязчивой идеи, никакого пунктика, похожаго на разсуждающую манію. У него, какъ и прежде, слабы центры, которые должны задерживать мозговую энергію, но не импульсивную, какъ было прежде, а идейную. Онъ весь ушелъ въ свои горькіе итоги, приговоры надъ собою и человѣчествомъ. Никакой отдушины въ видѣ жизненнаго дѣла, напряженія воли, бодрящихъ заботъ, достижимыхъ цѣлей—у него нѣтъ.

И чѣмъ больше Мѣдниковъ думалъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что князь, продолжая „маячить" при женѣ, съ которой разорвалъ всякую душевную связь, можетъ кончить настоящей меланхоліей.

Съ такими мыслями выходилъ профессоръ и сегодня изъ отеля „Терминусъ", утромъ, послѣ кофе, отправляясь на виллу прямо къ князю. По утрамъ они гуляли не долго, не поднимались на крутые лѣсистые холмы. Докторъ-нѣмецъ разрѣшилъ ему ходить пѣшкомъ, не утомляясь. Съ этимъ докторомъ Мѣдниковъ еще не встрѣчался и просилъ княгиню не говорить тому ничего о своемъ пріѣздѣ, отлагая совѣщаніе съ нимъ подъ самый конецъ. И князя онъ предупредилъ въ такомъ же смыслѣ.

Вообще они все больше ладили съ княземъ. Его трогало то, какъ тоскующій чудакъ ищетъ его дружбы и повѣряетъ ему всѣ свои помыслы и „états d'âme"—выражаясь его терминомъ. Когда-то онъ съ трудомъ выносилъ его „сорочью болтовню", а теперь онъ слушаетъ его не изъ простого любопытства или по обязанности консультанта, а съ возростающимъ интересомъ, иногда съ чувствомъ жалости, но не презрительной, а сочувственной.

И младшій его сынъ начинаетъ интересовать его. Этотъ „нутрякъ" съ налетомъ мистическихъ идей—такъ онъ его опредѣлилъ—кажется, перестаетъ его подозрѣвать. Но что-то въ немъ еще кроется... можетъ быть, насчетъ ихъ прошлаго съ княгиней. Отецъ въ его присутствіи всегда гораздо сдержаннѣе. Онъ не хочетъ смущать Бориса своими теперешними взглядами. Черезъ мистику и онъ проходилъ... Но сынъ, такъ разительно похожій на него всѣмъ своимъ складомъ—болѣе глубокая натура.

Не доходя до перекрестка, гдѣ выступали ворота виллы старой княгини, Мѣдниковъ увидалъ какъ разъ Бориса, шедшаго къ нему на встрѣчу.

— Я къ вамъ, профессоръ.

— Чтò такое? Что-нибудь отъ князя? Не хотите ли присѣсть немного?

Они сѣли на зеленую скамейку троттуара.

— У отца ночью сдѣлались сильныя боли... совершенно неожиданно.

— Стало быть, ходилъ много. И я тутъ немножко виноватъ.

— Онъ не хотѣлъ посылать за своимъ докторомъ. Но maman настояла. Докторъ долженъ теперь сидѣть тамъ. Отецъ послалъ меня предупредить васъ. Отъ прогулки онъ долженъ отказаться, и это его очень раздражаетъ. Если вы будете такъ добры навѣстить его нѣсколько позднѣе?..

— Прекрасно, чего же лучше! Посидимъ здѣсь съ вами... вы свободны?

— Совершенно.

— Вы вѣдь не спортсмэнъ, какъ вашъ братъ и сестра, и тотъ молодой дипломатъ?..

— На велосипедѣ ѣзжу... но безъ всякой страсти.

Мѣдниковъ поглядѣлъ на Бориса, немного откинувъ назадъ голову.

— Ну, что-жъ, любезнѣйшій Борисъ Ивановичъ,—заговорилъ онъ весело:—вы, кажется, немного менѣе волнуетесь насчетъ меня, а?

Борисъ не сразу отвѣтилъ.

— Извините меня, профессоръ... Такъ складывались всѣ... какъ бы это выразиться...

— Видимости? Улики, что-ли?

— Я никакъ не хочу предположить, чтобы вы дѣйствовали теперь неискренно. Насколько я могу судить... къ отцу вы относитесь... скорѣе съ сочувствіемъ.

— И весьма!

— Онъ тоже такъ довѣрчиво говоритъ съ вами... И даже ищетъ отклика на все, чтò наполняетъ его внутреннюю жизнь. Только все это можетъ оказаться тщетнымъ.

— Чтò же именно? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Вы его оживили. Я это чувствую. Уѣдете вы, и опять потянется его печальное одиночество... опять онъ будетъ изводить себя, отдаваясь безотраднымъ мертвящимъ настроеніямъ. Главная бѣда—если вы позволите мнѣ быть вполнѣ откровеннымъ—онъ утратилъ всякую духовную поддержку. Онъ былъ вѣрующій... Я это знаю и помню. Потомъ все искалъ чего-то

болѣе совершеннаго... А теперь у него нѣтъ никакой почвы подъ ногами.

— Можетъ быть, вы правы,—какъ бы про себя вымолвилъ Мѣдниковъ.

— Это такъ, это такъ!

Вздохъ вырвался изъ слабой груди молодого человѣка.

— Я не знаю,—продолжалъ Борисъ, пододвигаясь къ Мѣдникову:—какого вообще credo вы держитесь... Но съ натурой отца печально утратить тѣ вѣрованія, которыя вносятъ поддержку, и стоять такъ на ужасномъ распутьи, не имѣть ничего завѣтнаго, тяготиться всѣмъ и чего-то страшиться... Онъ рѣдко со мною говоритъ въ послѣднее время, но я чувствую, что именно все это подавляетъ его духъ... Если я ошибаюсь, просвѣтите меня, профессоръ! Вотъ уже нѣсколько дней, какъ вы проводите съ нимъ время. Скажите, онъ самъ не боится за себя... нѣтъ у него страха за свое душевное здоровье? И, наконецъ, вы, вы сами—къ чему клонятся ваши выводы?

И большіе глаза Бориса торопили отвѣтъ и смотрѣли на Мѣдникова съ тревогой и надеждой.

— Успокойтесь, отца вашего надо вырвать изъ его теперешней жизни, и тогда нечего будетъ бояться за него.

— Какъ же это сдѣлать?

— Тутъ надо взяться съ умѣньемъ. А пока... мы съ вами можемъ вести одну линію. Все, что̀ я окончательно выясню себѣ въ душевномъ состояніи князя, вы будете знать объ этомъ первый, но ничего прямо болѣзненнаго, тревожнаго я не вижу въ немъ. И вамъ нечего бояться, что отъ меня грозитъ опасность для его свободы.

Говоря это, онъ еще ярче сознавалъ, какъ своеобразно и неожиданно то, что̀ складывается теперь между нимъ, княземъ и вотъ этимъ молодымъ человѣкомъ. Должно быть, судьбѣ дѣйствительно угодно было послать его сюда. Прежній Мѣдниковъ не покончилъ только своихъ счетовъ съ княгиней; а мужъ ея выяснялся передъ нимъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и ему искренно хотѣлось въ эту минуту, чтобы Борисъ считалъ его именно тѣмъ человѣкомъ, который способенъ сдѣлать для князя болѣе, чѣмъ кто-либо.

— Вы видите,—продолжалъ онъ, пододвигаясь къ нему,—я самъ такъ вошелъ въ душевную жизнь князя, что, по собственному желанію, остаюсь здѣсь, хотя мнѣ слѣдовало бы быть въ другихъ мѣстахъ. Есть даже одно формальное обѣщаніе. И очень можетъ случиться, что я извинюсь—не поѣду.

— Благодарю васъ, Илья Өедоровичъ.—Но скажите... развѣ наука не безсильна, когда надо пересоздать характеръ? А тутъ все въ натурѣ отца. Вотъ онъ при мнѣ—это было третьяго дня—сталъ говорить о внушеніяхъ. И я понялъ, что у васъ раньше былъ уже объ этомъ разговоръ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, отрѣшить меня отъ чего-нибудь, отъ страха, или привычки, или увѣренности въ томъ, что я не могу дѣйствовать рукой, ногой... или придать мнѣ другія чувства?

— На извѣстный срокъ, хотя и не со всѣми особями.

— И вы думаете, что и съ отцомъ можно было бы сдѣлать такой опытъ? Но тогда, профессоръ, къ чему же сводится личность? Духъ человѣка можетъ, стало быть, впадать въ состояніе полнаго рабства?

— А вы признаете абсолютную свободу воли?—спросилъ Мѣдниковъ потише и вбокъ поглядѣлъ на своего собесѣдника.

— Я не могу не признавать ея! Безъ такого вѣрованія нѣтъ никакой санкціи, нѣтъ ничего, ничего!

Онъ, совершенно жестомъ отца, закрылъ обѣими ладонями лицо и оставался такъ нѣсколько секундъ.

— Ваши вѣрованія останутся при васъ. Я разрушать ихъ не намѣреваюсь.

— И у меня были колебанія, и я сомнѣвался... Вамъ вѣдь извѣстно, что вѣра въ откровеніе... согласима и съ отрицательнымъ взглядомъ на полную свободу воли...

— Конечно... И нѣкоторые отцы церкви, не говоря уже о Лютерѣ,—держались такого отрицательнаго взгляда.

— Совершенно вѣрно... Но вѣдь тутъ не то. Тутъ что-то...

— Сатанинское?—шутливо подсказалъ Мѣдниковъ.

— Страшное, разрушающее все, на чемъ держится связь человѣка съ тѣмъ, что̀ вѣчно.

И онъ поднялъ руку выразительнымъ жестомъ.

— Почемъ же знать, Борисъ Ивановичъ, что завтра или черезъ годъ наука не откроетъ еще новыхъ состояній такъ-называемой души?

— Такъ-называемой,—повторилъ Борисъ вполголоса, въ нервномъ возбужденіи.

Онъ что-то хотѣлъ еще сказать, но вдругъ всталъ.

— Вотъ maman!

Мѣдниковъ обернулся и увидалъ княгиню, которая довольно скоро шла къ нимъ, со стороны „Trinkhalle“.

Ему стало не совсѣмъ пріятно то, что она точно захватила его въ бесѣдѣ съ ея меньшимъ сыномъ. Но это было мимолет-

ное чувство. Развѣ онъ не выговорилъ себѣ полную свободу дѣйствій? Въ интересахъ своего обслѣдованія, онъ долженъ говорить не съ однимъ княземъ.

Борисъ, когда княгиня подошла къ нимъ, сейчасъ же удалился, спросивъ только: будетъ ли профессоръ у князя до завтрака или позднѣе? Мѣдниковъ отвѣтилъ, что онъ свободенъ и теперь.

Они прошли съ княгиней нѣсколько шаговъ молча, пока Борисъ не повернулъ на перекресткѣ.

— Вы его исповѣдовали немножко?—спросила она, поглядѣвъ на него изъ-подъ полей шляпки. Съ нимъ надо быть очень осторожнымъ. Впрочемъ, Илья Ѳедоровичъ, я не хочу вмѣшиваться. Вамъ и книги въ руки.

Въ ея словахъ зазвучала двойственная нота. Она уже начала подозрѣвать его, но еще не хотѣла себя выдать. Отвѣтъ на главный вопросъ оставался все еще тамъ гдѣ-то... въ туманѣ, и ни однимъ такимъ словомъ Мѣдниковъ еще не обмолвился, которое давало бы ей хоть маленькій просвѣтъ. И какъ только они оставались вдвоемъ, ее начинало разбирать желаніе начать съ нимъ разговоръ совсѣмъ въ другомъ тонѣ, дать ему понять, что она не изъ тѣхъ, съ кѣмъ можно „играть въ прятки“.

Выходка ея старшаго сына всколыхнула ее такъ, что она цѣлый день лежала у себя, съ сильнѣйшей головной болью, и только къ вечеру ей стало легче. Она уже не хотѣла возвращать Мѣдникову его письма. Такое „деликатничанье“ казалось ей слишкомъ наивнымъ. Это все-таки—лишній козырь въ ея игрѣ. Если этотъ „кутейникъ“ окажется предателемъ — что ей начало уже сдаваться, то у нея останется въ рукахъ главная улика: письма эти прямо говорятъ, что онъ готовъ былъ на все, вплоть до преступленія—отдайся она ему вполнѣ. А теперь онъ хочетъ—по прошествіи десяти лѣтъ—мстить ей, драпируясь въ свою высокую честность и оскорбляя женщину своимъ „хамскимъ“ равнодушіемъ.

— Вы теперь пойдете къ князю?—спросила она, когда они стали подниматься къ виллѣ.

— Подожду ухода его врача.

— Вы съ нимъ еще не говорили ни разу?

— Въ этомъ нѣтъ надобности, княгиня, въ настоящую минуту. Если онъ пожелаетъ самъ побесѣдовать со мною — я готовъ.

— А теперь... я попрошу васъ зайти вмѣстѣ со мною... къ теткѣ князя.

— Развѣ она нуждается въ моихъ совѣтахъ?

— Она непремѣнно желаетъ познакомиться съ вами. И для себя, и для князя. Отъ нея вы не отдѣлаетесь. Впрочемъ, о своемъ племянникѣ она составила себѣ достаточное понятіе. Только, Илья Ѳедоровичъ, дайте ей излиться и насчетъ своихъ болѣзней. У нея найдутся и по вашей спеціальности.

— Слушаю,—выговорилъ онъ шутливо.

Они были уже у воротъ виллы.

XII.

Въ гостиной стоялъ полусвѣтъ отъ опущенныхъ маркизъ террасы.

Мѣдникова пригласили сѣсть около самаго кресла старухи, немного вбокъ.

Кромѣ княгини Евпраксіи Андреевны, которая свела его къ своей „grand' tante"—тутъ была еще Людмила. Онъ ее уже видалъ; но больше мелькомъ. Она стояла за спинкой кресла хозяйки.

Въ своей практикѣ по барскимъ домамъ онъ давно не помнилъ такого субъекта. Старуха глубоко ушла въ кресло, и голова, стянутая къ правому плечу, замѣтно тряслась. Полысѣлый черепъ, съ сѣдыми прямыми волосами, шелъ клиномъ, съ приподнятымъ затылкомъ. Лицо все въ морщинахъ, побурѣлое, съ широкимъ ртомъ, откуда торчали двѣ искусственныя челюсти съ рѣзко бѣлыми зубами. Глаза слезились, съ красными вѣками, безъ бровей.

Она куталась, несмотря на тепло градусовъ въ двадцать, въ толстую драповую мантилью съ капюшономъ; шея у нея была повязана кружевной косынкой. Изъ правой руки съ узловатыми пальцами не выпускала она папиросы и курила безъ перерыва.

Пространно перебирала она всѣ свои болѣзни и теперь разсказывала про припадки, которые бывали у нея лѣтъ десять тому назадъ и недавно опять возобновились.

— Вашъ хваленый Шаркò—говорила она раздраженно, задыхаясь и откашливаясь,—простите... изволилъ мнѣ прочесть цѣлую лекцію, послѣ того, какъ сдѣлалъ два-три вопроса. „Madame la princesse, vous devez avoir ceci et cela"... Я и безъ него знала —чтò у меня! А средства? Средствъ нѣтъ... кромѣ changement de régime et beaucoup de patience.

— Онъ былъ правъ, княгиня, и вы перестали страдать этими припадками,—замѣтилъ Мѣдниковъ.

— А вотъ теперь опять то же самое. Безсонницы съ трехъ часовъ утра, и вотъ тутъ, въ груди, дрожь не проходитъ цѣлыми часами... И удушье.

— Вы меня извините, княгиня. Это—не моя область. Дыхательные пути...

— Но вѣдь это все отъ нервовъ? И вы, профессоръ, занимаетесь нервными болѣзнями.

— Что̀ же находитъ вашъ консультантъ?

И обратившись въ сторону княгини Евпраксіи Андреевны, Мѣдниковъ добавилъ:

— Я уже предупредилъ васъ, что мнѣ нельзя давать совѣты княгинѣ за спиной моего здѣшняго коллеги.

— Ахъ, Боже мой!—заволновалась старуха.—Какія же тутъ могутъ быть претензіи? Вы проѣздомъ... были когда-то въ домѣ годовымъ докторомъ у нихъ...

— Тетушка такъ много о васъ наслышана, Илья Ѳедоровичъ,—заговорила княгиня особенно какъ-то мягко.

Ея тонъ въ гостиной старухи казался Мѣдникову довольно-таки слащавымъ. Слишкомъ было явно то, что она передъ ней „лебездитъ“—онъ такъ подумалъ про себя въ эту минуту.

— Ma chère,—приказала старая княгиня Людмилѣ:—затворите ту половину двери и подайте доктору вонъ ту коробочку на маленькомъ столикѣ.

Людмила молча подала коробочку Мѣдникову. Онъ поглядѣлъ на нее, и въ ея глазахъ блеснула усмѣшка, которую онъ успѣлъ схватить.

— Вотъ чѣмъ меня мой нѣмецъ пичкаетъ. Посмотрите, профессоръ.

— Средство очень употребительное. Больше я не могу ничего сказать.

Княгиня Евпраксія Андреевна глазами попросила его быть податливѣе. Но онъ рѣшительно не хотѣлъ этого. Старуха была ему слишкомъ антипатична. Онъ вспомнилъ про яко бы „безумную выходку“ князя Ивана Романовича за обѣдомъ, которую княгиня Евпраксія Андреевна теперь замазываетъ передъ этой развалиной, цѣпляющейся за жизнь.

Все, что̀ въ немъ, за долгіе годы практики, бродило противъ отживающихъ баръ обоего пола, ихъ возня съ бреннымъ тѣломъ, вздорность, задоръ, жизнебоязненная сутолока, сумбуръ въ головахъ, не знавшихъ весь свой вѣкъ—что̀ такое хоть одна

здравая мысль—все это поднялось въ видѣ какой-то острой душевной отрыжки.

— Какъ же вамъ не грѣхъ... monsieur Мыльниковъ!..

— Мѣдниковъ, — тихо подсказала, наклонясь надъ ней, Людмила.

— Monsieur Мѣдниковъ... Вы со мною... точно я... совсѣмъ изъ ума выжила! Une idiote, quoi! Или, можетъ быть, вы, какъ мой племянникъ, князь Иванъ, торопите меня на тотъ свѣтъ? Для нынѣшнихъ докторовъ что̀ такое мы всѣ... больные? Такимъ былъ и вашъ знаменитый учитель Шарко̀. Студентамъ лекціи о насъ читать!.. Des cas intèressants... А что̀ мы чувствуемъ,—какое до этого дѣло!

Старуха кашлянула и взялась за виски. Людмила подала ей стклянку, а потомъ стала ее окуривать какимъ-то порошкомъ.

Мѣдниковъ поглядѣлъ на княгиню, какъ бы прося у нея позволенія удалиться.

Княгиня подошла къ креслу старухи и наклонилась надъ ней.

— Ma chère tante,—заговорила она всѐ такъ же мягко:—Илья Ѳедоровичъ—a des scrupules. Вашъ докторъ можетъ обидѣться... узнать какъ-нибудь. Онъ спеціалистъ... Vous le savez bien, chère tante.

— Ну и прекрасно!—сказала старуха Мѣдникову. Въ рукѣ ея торчала новая папироса.—Вамъ интересенъ только мой племянникъ. А что̀ въ немъ вы открыли, скажите мнѣ пожалуйста?

— Илья Ѳедоровичъ, ma tante,—княгиня бросила взглядъ на Мѣдникова,—проводитъ съ княземъ по нѣскольку часовъ въ день; но онъ еще затрудняется высказаться рѣшительно...

— Мнѣ кажется, княгиня,—перебилъ онъ,—что здѣсь было бы не совсѣмъ удобно...

Онъ не досказалъ. Людмила, какъ бы въ отвѣтъ на это, вышла на террасу.

— Но почему же? — съ особенной живостью спросила княгиня.

И глаза ея говорили:

„Какъ же вы не понимаете, что мнѣ необходима ваша поддержка въ эту минуту“?

Но онъ не поддавался, хотя прекрасно ее понималъ.

— Ну и что̀-жъ?—спросила старуха, подаваясь впередъ въ его сторону.—Вы считаете его серьезно больнымъ? Это вѣдь ваша спеціальность... A la bonne heure! Я знаю. А не думаете вы, что онъ просто, какъ бы это выразиться... il se fiche de tout le monde и напускаетъ на себя блажь? У васъ, господа, есть тоже пунк-

тикъ... во всѣхъ видѣть разстройство. А до тѣхъ, кто мучится годами—вамъ до нихъ дѣла нѣтъ! Или такіе всѣ тоже—какъ вы называете—психопаты... вѣдь такъ?

Она закашлялась и схватилась за грудь.

— Людмила! Скорѣе! Закурите!

Людмила прибѣжала съ террасы, взяла блюдечко, насыпала на него что-то въ родѣ темнобураго табаку въ особую картонную трубочку и зажгла съ одного конца. Княгиня стала вдыхать въ себя дымъ и черезъ нѣсколько секундъ успокоилась.

— Только этимъ и дышу, — сказала она въ сторону Мѣдникова, точно желала уколоть его.

Глаза ея мигали и слезились.

— Злоупотреблять такимъ средствомъ не слѣдуетъ, княгиня.

— Ахъ, батюшка!—совершенно московскимъ звукомъ воскликнула она. — Что̀ же прикажете: задохнуться мнѣ, что-ли? Вотъ вы не удостоиваете меня совѣтомъ... оттого, что я еще не полоумная! По крайней мѣрѣ, вы хоть князя Ивана возьмите въ руки, чтобы намъ знать, какъ съ нимъ быть! До сихъ поръ онъ блажилъ, но хоть держалъ себя... пристойно.

Мѣдниковъ повелъ головой на княгиню Евпраксію Андреевну. Какъ же это она, съ ея гоноромъ, вызываетъ такой разговоръ про мужа при этой дѣвицѣ? Вѣдь она не горничная, а принадлежитъ къ ихъ обществу.

— Всѣ вы... господа ученые... нынче все за гуманность стоите. Все у васъ свобода. Ни рубашекъ для безумныхъ, ни запоровъ, ничего! Ходи, милый, на полной волѣ! И то-и-дѣло читаешь въ газетахъ: убитъ наповалъ неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно за что̀. Оказывается, гулялъ себѣ по Петербургу сумасшедшій, и никто его на запоръ не сажалъ.

— Это все можетъ случиться, княгиня. Ни одинъ врачъ, по моей спеціальности, не имѣетъ права лишить свободы человѣка съ больными нервами, безъ извѣстныхъ положительныхъ фактовъ, установленныхъ практикой. И этимъ самымъ индивидомъ вдругъ овладѣетъ аффектъ... и онъ надѣлаетъ дѣлъ! За такую возможность врачъ не отвѣтственъ.

— Ну, разумѣется. Другими словами, вотъ нашъ князь Иванъ вбѣжитъ сюда и выпалитъ въ меня изъ револьвера... вы станете умывать себѣ руки. Онъ... какъ вы это говорите — былъ въ аффектѣ!

— Думаю, что этого вамъ бояться нечего, княгиня!

Мѣдниковъ всталъ. Княгиня Евпраксія Андреевна также поднялась и, подойдя къ нему, протянула руку, какъ бы желая

его удержать. Взглядомъ она ему говорила, что онъ долженъ же хоть что-нибудь сказать о князѣ, кромѣ общихъ фразъ, въ которыхъ слишкомъ много уклончивости.

И тутъ только она какъ бы догадалась, что присутствіе Людмилы при такомъ разговорѣ врядъ ли умѣстно. Она что-то ей шепнула, и та вышла сейчасъ же. Старая княгиня оглянулась и ничего не сказала.

— Вы поймите, Илья Ѳедоровичъ, — заговорила княгиня Евпраксія Андреевна, пригласивъ его присѣсть опять въ то же кресло.—Мы живемъ у нашей grand' tante. Она, какъ видите, слабаго здоровья. Когда я приняла ея предложеніе занять половину ея виллы, я не считала еще тогда князя... помѣхой этому... И только въ самое послѣднее время, какъ вы знаете, онъ сталъ позволять себѣ... совершенно дикія выходки. Очень понятно, что княгиня... какъ и я, хочетъ tirer au clair la situation...

— Чего жъ тутъ долго разсуждать? — перебила старуха, опять съ папиросой.—Ты имѣешь довѣріе къ доктору,—ткнула она въ его сторону папиросой...—Пускай онъ поступитъ къ нему... подъ наблюденіе. Увезите его съ собою, профессоръ... У васъ вѣдь навѣрно есть... такая лечебница... une petite maison, un asile?

— У меня есть только клиника, княгиня. А частной лечебницы нѣтъ. Но эту мысль я считаю удачной. Я уже говорилъ княгинѣ Евпраксіи Андреевнѣ. Въ нѣсколько дней, въ одну какую-нибудь недѣлю нельзя установить безупречный діагнозъ. Это не то, что опредѣлить воспаленіе легкаго или порокъ сердца. Во всякомъ случаѣ, надо бы поставить князя въ другія условія... хоть на время.

— Займитесь этимъ, докторъ!—почти тономъ приказанія выговорила старуха.

— У Ильи Ѳедоровича свое дѣло, ma tante. Онъ теперь на вакаціи. И безъ того онъ былъ такъ добръ — сейчасъ же откликнулся на мое письмо.

— Это онъ можетъ для тебя сдѣлать. Чего же лучше! Прожить съ княземъ Иваномъ, имѣть его всегда при себѣ... ну, хоть недѣлю-другую... гдѣ-нибудь въ Швейцаріи. Тамъ есть нѣсколько такихъ азилей, и чтобы тотъ не догадывался. На то вы и спеціалистъ,—кивнула она Мѣдникову.—Вамъ не пріучаться стать имѣть обращеніе съ такими господами. Вы должны это сдѣлать, докторъ, для Eupraxie. Можно было бы и къ нѣмцамъ обратиться; но лучше же, пока онъ не вернулся къ себѣ, не разглашать... А чтобы это осталось въ семьѣ... Слава Богу, мой Остервальдъ...

— Годовой докторъ,—подсказала княгиня Евпраксія Андреевна.—Онъ и князя лечитъ... отъ его артрита.

— Какой такой артритъ?—заволновалась старуха.—Просто подагра. И у отца его была отъ того, что много шампанскаго пилъ. Все это франтовство французъ пустилъ... вашъ Шаркò.— „Madame, vous avez une disposition arthritique", — передразнила она.

— Объ этомъ мы спорить не станемъ,—остановилъ ее Мѣдниковъ.

— Вы не хотите видѣться съ Остервальдомъ?... Какъ знаете!.. Да онъ вѣдь и не догадывается... насчетъ его головы. Съ нимъ, должно быть, племянникъ мой ведетъ себя—не замути вòды. Вѣдь такіе прехитрые бываютъ. Развѣ не правда, докторъ?

Мѣдниковъ кивнулъ головой.

— Eupraxie! ты могла бы все это устроить. И я поговорю Остервальду, что надо князю проѣхаться. Остальное сдѣлаетъ профессоръ.

И поднявъ на него свою вздрагивающую голову, старуха прищурилась.

— Онъ, говорятъ, съ вами въ большихъ ладахъ?

— Кто?—спросилъ Мѣдниковъ.

— Да мой племянникъ. Кто же, какъ не онъ? О комъ же мы теперь толкуемъ?

Тонъ старухи дѣлался для него все противнѣе. Но тѣмъ, чтò она предложила насчетъ князя, можно было воспользоваться.

— Изъ-за чего же намъ ссориться съ княземъ? — веселѣе откликнулся онъ.

— Ну и прекрасно. Вотъ и покажите свой талантъ и опытность. Вы должны на немъ, какъ на фортепьянахъ, по клавишамъ играть.

Дверь осторожно пріотворила изнутри Людмила.

— Княгиня... извините... било одиннадцать. Вамъ надо брать ванну.

— Хорошо... Сейчасъ!

Старуха бросила огурокъ въ фарфоровую чашку и обратилась къ Мѣдникову.

— Извините, докторъ, что потревожила васъ. Можетъ быть, вы преложите гнѣвъ на милость и займетесь немножко и мною. Eupraxie! Мое мнѣніе я сказала вотъ при господинѣ профессорѣ. C'est à toi d'y veiller! Людмила... дайте мнѣ руку!

Вся согнутая, поплелась старуха, кутаясь въ свою мантилью. Людмила поддерживала ее подъ локоть.

— До свиданія!

И, обернувшись, она сказала племянницѣ:

— Eupraxie! C'est à toi de veiller, ma chère!

Въ этихъ словахъ слышалась какъ бы косвенная угроза: „если, молъ, ты не припрячешь своего муженька — не прогнѣвайся, матушка, я не стану со всѣми вами церемониться, на меня вамъ нечего будетъ больше разсчитывать"...

Она еще не доплелась до двери, какъ показались въ гостиной князь Романъ и сестра его—въ костюмахъ велосипедистовъ. Оба подошли, по очереди, къ рукѣ старухи.

Она обошлась съ ними не особенно ласково. Еленѣ сказала, что беретъ ея слишкомъ заломленъ на бокъ, а указавъ на внука Мѣдникову, сказала:

— Вотъ молодецъ! Небось, этому незачѣмъ приставать къ докторамъ!

— Ушелъ сверху докторъ? — спросила княгиня Евпраксія Андреевна у сына, когда дверь затворилась за старухой.

— Кажется, нѣтъ.

— А ты бы пошелъ, посмотрѣлъ,—строже сказала княгиня.

Мѣдниковъ замѣтилъ еще вчера же, что между матерью и старшимъ сыномъ что-то новое.

— Тебѣ нужно это знать?—спросилъ князь Романъ.

— Не одной мнѣ, а вотъ Ильѣ Ѳедоровичу также.

— Я узнàю.

Онъ вышелъ и въ дверяхъ крикнулъ сестрѣ:

— Tu m'attendras, n'est-ce pas, Hélène?

Елена тутъ только поклонилась Мѣдникову, не подавая ему руки, и прошла на террасу, поправляя сзади свою короткую баску, надѣтую поверхъ розовой рубашки.

— Не хотите ли пройти немного въ садъ? — пригласила княгиня.—Здѣсь ужасно душно.

Онъ избѣгалъ объясненій съ нею; но теперь, послѣ вынужденнаго посѣщенія старухи, вдругъ почувствовалъ потребность поговорить съ этой женщиной, и совсѣмъ не о томъ, чего она добивается.

Въ дверяхъ показалась бѣлокурая голова князя Романа.

— Докторъ еще тамъ. Я тебѣ больше не нуженъ, maman! До свиданія, профессоръ! Hélène! Viens!—крикнулъ онъ сестрѣ.

— Пройдемте здѣсь, — пригласила княгиня Мѣдникова и спустилась въ садъ черезъ террасу.

XIII.

Они сидѣли на томъ самомъ диванѣ, гдѣ произошла на-дняхъ сцена матери съ старшимъ сыномъ.

Княгиня сначала слѣдила за собою, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго. Она не попеняла Мѣдникову за то, какъ онъ держалъ себя у ея „grande'tante". Но сейчасъ, когда она заговорила съ нимъ совершенно интимно,—ожидая, что онъ, наконецъ, выскажется,—и заслышала опять тѣ же двойственныя фразы—ея сангвинизмъ не выдержалъ.

— Илья Ѳедоровичъ... мнѣ становится очень тяжело,—проговорила она и громко перевела духъ.

— Я это знаю, княгиня.

— Не отъ того, отъ чего вы думаете. Тяжело видѣть въ васъ... да, въ васъ какой-то точно затаенный... parti pris... Право, не умѣю иначе выразить. Ну, вотъ сейчасъ... княгиня Марья Алексѣевна дала совѣтъ, которымъ вы можете прекрасно воспользоваться...

— Позвольте, — остановилъ Мѣдниковъ движеніемъ руки.— Что-нибудь такое же могли бы мы обсудить и безъ участія вашей тетушки. Она, какъ ипохондричка, хотѣла, чтобы я прописалъ ей нѣсколько лишнихъ рецептовъ. Но вамъ, княгиня, было, кажется, желательно, чтобы я при ней поставилъ діагнозъ, какъ психіатръ, призналъ князя Ивана Романовича душевно-больнымъ. Вамъ это надо, чтобы она не считала его вмѣняемымъ за то, какъ онъ позволяетъ вести себя... въ ея присутствіи. Вѣдь такъ?

— Это похоже на допросъ, Илья Ѳедоровичъ.

— Нисколько. Если мое предположеніе ложно, я возьму его назадъ. Но, право, мнѣ было обидно за васъ, княгиня, передъ этой особой, страдающей неизлечимымъ недугомъ россійской разнузданной вздорности. Извините меня... И я понимаю вашего мужа. Онъ не выдержалъ и отдѣлалъ по-своему всѣхъ такихъ, какъ она.

— Только человѣкъ, потерявшій всякій контроль надъ собою, можетъ такъ вести себя.

— Можетъ быть. Но скажите мнѣ, княгиня, какая вамъ-то охота такъ ухаживать за ней? Развѣ она колоссально богата?

Вопросъ прозвучалъ такъ, что княгиню опять бросило въ краску. И Мѣдниковъ глядѣлъ на нее глазами, въ которыхъ было что-то для нея нестерпимо-безцеремонное.

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Я бы его не сдѣлалъ, княгиня, еслибъ и тутъ вамъ не угодно было поручить мнѣ роль вашего партнёра... даже не предупредивъ меня.

Она грузно поднялась.

— Однако, послушайте, профессоръ. Неужели я должна видѣть въ васъ своего тайнаго противника... если не врага? Вы свободны... Вы могли и наотрѣзъ отказать мнѣ въ вашемъ содѣйствіи. И наконецъ, теперь... Не хочу я вѣрить, чтобы человѣкъ вашихъ знаній и опытности не могъ, проведя нѣсколько дней съ-глазу-на-глазъ съ княземъ, составить себѣ никакого мнѣнія? Не угодно вамъ высказать его — я вашей совѣсти не насилую.

— Благодарю васъ, княгиня. Но вы сейчасъ изволили сказать, что я свободенъ. Это невѣрно. Здѣсь, въ той обстановкѣ, въ какой живетъ вашъ мужъ,—я не считаю себя свободнымъ. Я могъ сразу отказаться — и не сдѣлалъ этого. Въ этомъ моя вина,—каюсь. Но вотъ что̀ я вамъ скажу, княгиня:—князя я только теперь началъ узнавать. Прежнія мои наблюденія, выводы, записи—никуда не годятся, по крайней мѣрѣ для настоящаго момента. Ужъ тогда-то во мнѣ самомъ не было никакой свободы!.. Я былъ не меньше князя рабомъ страсти къ вамъ. Вамъ это прекрасно извѣстно.

Въ первый разъ онъ говорилъ съ ней въ такомъ духѣ о ихъ прошломъ. И это ее еще болѣе гнѣвило. Она сочла это „хамской“ безцеремонностью и низкимъ желаніемъ выместить на ней то, что̀ было между ними десять лѣтъ назадъ.

— Этого вы могли бы и не касаться,—выговорила она, поглядѣвъ на него вбокъ:—вы вѣдь достаточно дали мнѣ понять, что того Мѣдникова, который безумствовалъ — давно нѣтъ. Иначе вѣдь ваша профессіональная честность не позволила бы вамъ и пріѣхать сюда.

— Полноте, милая барынька,—сказалъ онъ успокоительно и взялъ ее за руку.

Она отдернула.

— Профессоръ! Я не допускаю съ собою такого тона... вы забылись!

Она встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ по площадкѣ подъ деревьями.

Ей нечего было терять. Онъ надоѣлъ ей—фальшивъ, мстителенъ, настоящій кутейникъ, почуявшій свою силу. Чѣмъ скорѣе онъ удалится, тѣмъ лучше. Иначе выйдетъ что-нибудь дѣйстви-

тельно непоправимое. Голова ея, и въ раздраженіи, все это мгновенно сообразила.

— Напрасно изволите гнѣваться!—выговорилъ Мѣдниковъ, такъ же успокоительно.—Васъ обидѣло то, что я вамъ сказалъ: „милая барынька“. Извините, это привычка. Мои паціентки ни одна не обидѣлась бы, даже изъ титулованныхъ. Что же дѣлать! Я воспитывался сначала въ бурсѣ... вамъ это тоже не безъизвѣстно. Но въ чемъ же дѣло, княгиня Евпраксія Андреевна? Я, ей Богу, не понимаю.

— Повторяю вамъ, докторъ: вы вполнѣ свободны и теперь.

— Какъ же это? Есть такая старая прибаутка:—милые гости, я васъ не удерживаю! Извольте-ка браться за шапки, да и по домамъ?—Нѣтъ-съ, княгиня, это ужъ извините!

Онъ всталъ и подошелъ къ ней очень близко.

— Свободу свою я и буду ограждать. Сюда я пріѣхалъ по вашей просьбѣ—это вѣрно; но безъ всякихъ условій. Я не вашъ домовый врачъ, какъ прежде, и не консультантъ, приглашенный за такой-то гонораръ. Я добрый знакомый, который согласился на вашу просьбу. И только, княгиня. И только! Ничѣмъ я себя связывать не пожелалъ. Въ комнату князя я проникъ не обманомъ и не какъ исполнитель вашихъ приказовъ. Но разъ меня вашъ мужъ заинтересовалъ, какъ человѣкъ и какъ субъектъ съ научной точки,—не потому, что я сейчасъ же призналъ въ немъ больного, котораго надо запирать, а всѣмъ складомъ его душевной жизни,—я имѣю полное право бывать у него, сколько нахожу для себя удобнымъ и пріятнымъ. Вѣдь онъ еще не на положеніи субъекта подъ надзоромъ; онъ пока такой же глава дома и pater familias, какъ и его супруга, княгиня Евпраксія Андреевна.

— Хорошо-съ, хорошо-съ,—выговорила она, почти не слушая его.—Я вижу, куда это идетъ.

— Да полноте! Вамъ не пристало нервничать, княгиня! Присядьте, пожалуйста. Я желалъ бы, чтобы это объясненіе было между нами послѣднимъ.

— Прекрасно!

— Присядьте пожалуйста. Я въ вашихъ же интересахъ...

— Вижу, какъ они близки вамъ, мои интересы!

— Прошу васъ, еще разъ, не переносить на такую почву того, что само по себѣ ни обиднаго, ни тревожнаго для васъ не представляетъ. На зло вамъ я ничего не хочу дѣлать, княгиня. И съ какой стати? Неужели вы меня подозрѣваете въ какой-то затаенной злобѣ или мести за давно прошедшее? Я

допускаю, что такой мотивъ возможенъ... Но не въ моей это натурѣ. Извините, если я вамъ, какъ красивой женщинѣ, скажу: еслибы во мнѣ старая страсть вдругъ всплыла—развѣ я тогда такъ бы дѣйствовалъ? У всякаго чувства есть своя логика. Значитъ, во мнѣ мстительность зашевелилась? Выходитъ, я еще не покончилъ съ вами счетовъ? Изъ чего вы заключаете это? Что я—до сихъ поръ—не высказываюсь рѣшительно насчетъ состоянія князя? Но я, быть можетъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ежедневнаго наблюденія не въ состояніи буду высказаться. И я прошу васъ, княгиня, убѣдительно прошу васъ,—повторилъ Мѣдниковъ, и голосъ его слегка дрогнулъ:—не примѣшивать нашего прошедшаго, не дѣлать меня отвѣтственнымъ за него, по крайней мѣрѣ передъ вами. Достаточно того, что я передъ княземъ очутился въ положеніи довольно-таки тяжеломъ.

— Что̀ такое? — рѣзко спросила она и пододвинулась къ нему.

— Вы мнѣ... въ первое же наше свиданіе здѣсь изволили великодушно предложить коллекцію тѣхъ писемъ, какія я вамъ писалъ.

— Вы можете ихъ получить хоть сейчасъ.

— Мнѣ они совсѣмъ не нужны. Я, напротивъ, хочу вручить вамъ еще одно.

Глаза княгини тревожно прослѣдили за движеніемъ его руки, когда онъ опустилъ ее въ боковой карманъ своего пиджака. Изъ бумажника вынулъ онъ пожелтѣлый листокъ, сложенный вдвое, развернулъ его и, оглянувшись кругомъ, подалъ ей.

— Откуда... это?

Она быстро прочла первыя строки.

— Вы узнаете, княгиня? Это—изъ вашей коллекціи.

— Какъ же оно очутилось у васъ?

Голосъ у нея замѣтно перехватило.

— Князь мнѣ отдалъ его въ первый же мой визитъ.

— Этого быть не можетъ!

— Откуда же могъ я его добыть?

Она опять встала и заходила передъ нимъ. Потомъ прочла первую страницу, и нервно скомкала письмо, точно хотѣла его бросить.

— Какъ же оно могло попасть въ его руки?

— Я не спрашивалъ его. Вы помните содержаніе?

— Конечно. Я была убѣждена, что оно тамъ, у меня, съ другими, въ столикѣ.

— Вы однакоже видите, что письмо это попало въ его руки.

— Это Богъ знаетъ что̀ такое! Это предательство какое-то. Подкупъ!

Ей хотѣлось кричать, и она еле сдерживала себя.

— Не думаю, княгиня. Просто случай. Одно я могу вамъ сказать: князь давно уже владѣетъ этимъ письмомъ.

— Давно?

— Да. Навѣрно не одинъ годъ. Это фактъ для васъ важный. Онъ показываетъ, что въ немъ происходила долгая внутренняя борьба. Развѣ когда-нибудь у него были вспышки ревности... или намеки? Или что-нибудь въ такомъ родѣ?

— Не помню. О васъ никогда онъ не говорилъ. Особенно прежде... лѣтъ пять и больше тому назадъ.

— Вотъ видите. Но съ этимъ вамъ надо считаться. Вы его потеряли... какъ мужа, какъ мужчину—окончательно.

— Ха, ха! Какъ будто можно отъ безумнаго ждать чувства! Но позвольте, докторъ,—продолжала она съ пылающими щеками и вполголоса, глядя на него въ упоръ:—что̀ же вы ему сказали? Неужели вы не объяснили ему, что тонъ этого письма ничего не доказываетъ? Вы въ немъ называете меня: „моя желанная", „моя дорогая"... Que sais-je! И между нами не было тогда даже и той близости, которая явилась потомъ. Стало,—губы ея дрогнули,—онъ жилъ съ тѣмъ убѣжденіемъ... что я была... вашей возлюбленной?.. Вотъ это превосходно!

Ее душило. Она взялась за виски и сидѣла съ опущенной головой.

— Князь, отдавая мнѣ это письмо съ полнымъ самообладаніемъ и, могу сказать, тонкимъ джентльмэнствомъ, попросилъ меня поставить на прошедшемъ крестъ. Лучшаго онъ ничего и придумать не могъ бы...

— Ваша обязанность была,—перебила княгиня,—сказать мнѣ это сейчасъ же, взять у меня всѣ ваши письма и заставить его прочесть ихъ. Идіотъ не пойметъ, что тотъ, кто писалъ ихъ, особенно послѣднее, никогда не былъ въ связи съ этой женщиной.

— Вы желаете, чтобы я такъ поступилъ? Вы не дали мнѣ договорить, княгиня... Я и хотѣлъ поставить вамъ вопросъ—какъ вамъ угодно, чтобы я поступилъ? Князь не хочетъ никакихъ объясненій. И скажи я ему—что̀ было бы презрѣнной клеветой:—„ваша жена мнѣ принадлежала"—это на него нисколько бы не повліяло. Оправдываться я передъ нимъ не могу теперь. Неужели вы этого не понимаете? Но у меня осталось на совѣсти ваше право на оправданіе.

— A la bonne heure! — вырвалось у княгини.—Благодарю васъ за великодушіе.

— Полноте. Я никому не позволю заподозрить меня въ какой-нибудь нравственной пошлости.

Онъ всталъ и кончилъ весь разговоръ стоя.

— Значитъ, все остается по старому... Вы теперь подружились съ княземъ, и онъ простилъ вамъ все. Но я не хочу, чтобы онъ прощалъ мнѣ выдуманное преступленіе.

— Позвольте, княгиня. Не можемъ же мы съ вами отрицать, вотъ здѣсь, съ-глазу-на-глазъ, что между нами была близость, хотя и безъ полнаго обладанія, что вы позволяли мнѣ...

— Довольно! Это дѣлается совершенно банальнымъ... такіе счеты...

— Не я ихъ поднимаю, княгиня. Но дайте же мнѣ договорить. Сначала я не хотѣлъ показывать вамъ этого письма. Но потомъ—что̀ бы теперь въ князѣ ни было, какъ бы онъ къ вамъ ни относился—онъ долженъ знать правду и не допускать, хотя бы и заднимъ числомъ, того, чего между нами не было.

— Э! Мнѣ все равно, наконецъ!

Она махнула рукой и выпрямилась.

— Стало быть, вы не желаете, чтобы я—отъ своего имени—привелъ князя къ тому выводу, что между нами было только то, что̀ явствуетъ изъ моихъ писемъ. А сдѣлать это было бы—при случаѣ—не трудно.

— Вы хотите этимъ сказать: „*вамъ* онъ не повѣритъ, а *мнѣ* повѣритъ“? Послушайте, докторъ. Если я когда-то откликнулась на ваши безумства и допустила васъ... до того, что̀ между нами было—я теперь слишкомъ больно наказана. Оправдываться передъ княземъ—ниже меня. Мнѣ самой въ тягость продолжать нашу жизнь. Всякая мать, на моемъ мѣстѣ, обязана оградить интересы своихъ дѣтей. Не стану повторять вамъ то, что̀ я писала и говорила вамъ. Но согласитесь,—при новыхъ вашихъ отношеніяхъ къ князю, при этихъ интимностяхъ... вамъ нельзя дѣйствовать свободно и безпристрастно. О! Я знаю мужчинъ. Вы, господа,—всѣ на одинъ ладъ. Васъ гложетъ теперь то, что князь прощаетъ вамъ прошлое. Вы должны заслужить передъ нимъ... сдѣлаться его союзникомъ... Противъ кого? Противъ меня! Противъ кого же больше?

— Ни за васъ, княгиня, ни противъ васъ, я дѣйствовать не буду!—сказалъ Мѣдниковъ и тутъ только сталъ блѣднѣть. И съ этой минуты позвольте считать наше съ вами прошлое совершенно ликвидированнымъ. Какъ спеціалиста, приглашеннаго

вами сюда—роль моя прекращается. Но у меня есть нравственная обязанность передъ княземъ. Онъ проситъ меня побыть съ нимъ, поддержать его въ борьбѣ съ самимъ собою. Если вы хоть капельку его... жалѣете, княгиня—вы должны были бы радоваться за такое настроеніе въ томъ, кого вы считаете душевно-больнымъ. А оправданіе законной жены, не преступившей фактически седьмой заповѣди—въ вашихъ рукахъ. Вамъ стоитъ только отослать ему пачку моихъ писемъ.

Въ аллеѣ показалась рослая фигура камердинера Ефима.

— За симъ, имѣю честь кланяться, княгиня!

И, обернувшись, онъ крикнулъ:

— Вы за мной? Доложите князю, что я иду!

XIV.

— Людмила!.. вы здѣсь?—спрашивала княжна Елена, стоя подъ террасой.

Съ ней былъ и Скурловъ. Они собрались на предобѣденный lawn tennis.

Въ дверяхъ показалась Людмила.

— Venez vous?—спросила княжна.

— Impossible!

Полуянова подошла къ периламъ и потише сказала:

— La princesse est au lit! Très nerveuse! A maman какъ себя чувствуетъ?

— Жалуется на мигрень. Обѣдать она не выйдетъ. Мы могли бы подольше остаться.

— Чтò дѣлать!—протянула Людмила и развела руками.

На ней было легкое свѣтлое платье съ темнокраснымъ высокимъ кушакомъ.

— Très chic cette cuirasse,—одобрительно замѣтила княжна.

— А князь гдѣ? — спросила Людмила у Скурлова, нагнувшись надъ перилами.

Тотъ подошелъ поближе къ террасѣ.

— Не имѣю понятія! Онъ и не завтракалъ дома. Всѣ въ разбродѣ. Il y a quelque chose dans l'air! — выговорилъ онъ въ шутливо-таинственномъ тонѣ.

— Tâchez d'être libre et venez à vous deux! — крикнула княжна и пошла, шагая, какъ англійская миссъ.

Скурловъ казался на ходу гораздо ниже ея, хотя и былъ одного почти роста. На немъ мелькали бѣлые башмаки и сверхъ

фланелевой рубашки онъ надѣлъ пестрый пиджакъ, который сниметъ, когда будетъ играть. Елена была также въ рубашкѣ съ кожанымъ кушакомъ и въ шляпѣ—canotière.

Шли они въ ногу, какъ настоящіе два спортсмэна, и съ минуту не разговаривали.

— Вы правы,—начала Елена, поглядѣвъ на него искоса:— il y a quelque chose dans l'air.

Всю недѣлю они были неразлучно вмѣстѣ; но Скурловъ точно чѣмъ-то смущенъ. Тонъ его сталъ гораздо сдержаннѣе. Она въ правѣ была ждать, что онъ выскажется послѣ тѣхъ разговоровъ, какіе уже были между ними.

Спортъ спасалъ ихъ отъ неловкости. Цѣлый день они были на воздухѣ, „педалировали", или по нѣскольку часовъ перекидывали мячъ ракетами.

— Votre frère est en bisbille avec maman?—звукомъ полувопроса выговорилъ Скурловъ.

—Je crois que si!

Имъ обоимъ хотѣлось говорить о профессорѣ, который живетъ уже здѣсь цѣлую недѣлю, бываетъ у князя и по утрамъ, и передъ обѣдомъ, гуляетъ съ нимъ, ѣздитъ въ экипажѣ, нѣсколько разъ обѣдалъ и завтракалъ вмѣстѣ съ ними.

Скурловъ долго выказывалъ чрезвычайную осторожность во всемъ, что̀ касалось князя. Это не особенно нравилось Еленѣ: она находила такую уклончивость слишкомъ ужъ дипломатичной.

Братъ третьяго дня, очень раздраженный на мать, грозилъ, что если такъ пойдетъ дѣло — онъ долженъ будетъ самъ вмѣшаться. Онъ почти смѣялся надъ матерью, говорилъ будто Мѣдниковъ издѣвается надъ нею, „l'a mise dedans",—какъ онъ нѣсколько разъ выразился.

О князѣ они говорили всегда въ извѣстномъ тонѣ, какъ о „больномъ". Но, съ пріѣзда сюда Мѣдникова, Скурловъ былъ нѣсколько разъ втянутъ въ разговоры брата и сестры. И онъ зналъ, что князь Романъ очень раздраженъ на мать послѣ какой-то сцены, и всему этому причина лежитъ въ „психіатрѣ".

Елена прекрасно понимала, что Скурловъ медлитъ высказаться, то-есть—просить ея руки, пока въ домѣ что-нибудь не произойдетъ рѣшительное.

Они вошли въ павильонъ. На двухъ площадкахъ играли уже три пары. Публика, по ту сторону канавки, занимала цѣлый рядъ дивановъ. Мальчики прислуживали играющимъ, и ихъ красныя куртки красиво мелькали здѣсь и тамъ.

Пара не торопилась начинать игру. Скурловъ оставался еще

одѣтымъ по-городски. Елена опустилась на диванчикъ, подъ навѣсомъ павильона, и пригласила его сѣсть рядомъ. Разговоръ ихъ пошелъ больше по-русски, какъ они дѣлали всегда въ публикѣ.

— Этотъ профессоръ, — спросилъ Скурловъ, — явился по приглашенію maman?

Онъ давно зналъ, что Мѣдниковъ—ихъ бывшій домовый врачъ.

— Конечно. Понятно, что maman хочетъ, наконецъ, выяснить... enfin tirer au clair la situation. Но я согласна съ братомъ... Что-то выходитъ совсѣмъ не то, чего она ожидала.

Скурловъ своими маленькими темными глазами прищурился и еще тише спросилъ:

— А вы, Hélène, развѣ вы тутъ совсѣмъ въ сторонѣ? Это очень деликатный и тяжелый вопросъ... Mais enfin... Вы самая спокойная натура... во всемъ вашемъ семействѣ. Это вамъ извѣстно,—прибавилъ онъ, проникая ее взглядомъ:—и ваше мнѣніе я хотѣлъ бы слышать... именно въ такую критическую минуту.

— Maman... и наконецъ мы всѣ... боимся, что отецъ... убѣжитъ.

— Убѣжитъ?—переспросилъ Скурловъ и откинулся назадъ.

— Очень просто! Вотъ теперь ему лучше... Онъ можетъ гулять. Его нельзя же держать взаперти. Вѣдь онъ ничего такого не дѣлаетъ, изъ-за чего сажаютъ.

— Что̀ не мѣшаетъ ему, однако, въ каждомъ своемъ словѣ, жестѣ, тонѣ быть человѣкомъ ненормальнымъ? Но предположимъ, что онъ и убѣжитъ... Развѣ нельзя будетъ его... водворить въ нѣдра семейства?

— Онъ въ одинъ день можетъ Богъ знаетъ что̀ надѣлать!

— Что̀ же именно?

— Maman имѣетъ отъ него полную довѣренность...

Это было прекрасно извѣстно Скурлову; но онъ сдѣлалъ такую мину—точно въ первый разъ это слышитъ.

— И, до сихъ поръ, онъ устранялся отъ всего.

— Il a son argent de poche?—сдержанно улыбнувшись, подсказалъ Скурловъ.

— И онъ умудряется тратить на себя довольно много. А если онъ... enfin s'il s'émancipe... онъ имѣетъ право, по закону, устранить maman.

Щеки Елены стали краснѣть совершенно такъ, какъ у ея матери, когда та начинала возбужденно говорить.

— Это возможно... Но я не понимаю тогда, почему княгиня медлила?

— Годъ тому назадъ... вы помните, когда вы пріѣзжали къ намъ—отецъ былъ совсѣмъ другой. Странный—да, но и только. Онъ почти не говорилъ ни съ кѣмъ изъ насъ, и цѣлые дни сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ...

— И теперь онъ такъ же охраняетъ свое одиночество.

— Мы всѣ почувствовали... особенно за-границей... что онъ близокъ къ чему-нибудь... enfin, à un éclat quelconque... Мысль у maman была очень хорошая... насчетъ этого Мѣдникова. Онъ когда-то лечилъ отца. Теперь онъ извѣстный профессоръ. Его мнѣніе будетъ много значить.

— Тамъ, въ Россіи, конечно. Но здѣсь у него нѣтъ никакого оффиціальнаго положенія. По моему, chère Hélène, этотъ господинъ исполняетъ порученіе княгини довольно искусно. Съ княземъ онъ очень ладитъ. Тотъ всѣмъ намъ показываетъ, что для него только и существуетъ на свѣтѣ, что профессоръ Мѣдниковъ, а мы всѣ... тàкъ что-то... des mouches qui bourdonnent autour de lui. Съ нимъ онъ навѣрно изливается по цѣлымъ часамъ. Чего же лучше, чтобы наблюдать своего паціента и придти къ рѣшительному выводу?

Еленѣ показалось, что глаза Скурлова смѣются.

— Вы это... серьезно?—спросила она построже.

— Вполнѣ.

— Но отчего же братъ такъ возмущенъ? Онъ говоритъ, что тутъ выходитъ какая-то комедія. Навѣрно вы отъ него тоже слышали.

— Да... не дальше какъ сегодня, когда мы купались. Но я его успокоивалъ. Что этотъ профессоръ много о себѣ думаетъ—это несомнѣнно. И его тонъ съ княгиней — я ужъ о себѣ не говорю—могъ бы быть нѣсколько иной. Это—другой вопросъ.

— Вотъ это и бѣситъ maman. Она видитъ, что господинъ Мѣдниковъ, который былъ ей преданъ... enfin, comme un domestique... теперь беретъ такой тонъ! Братъ не хочетъ мнѣ говорить; но я догадываюсь, что онъ что-нибудь сказалъ maman... насчетъ этого. Она вспылила и приказала ему молчать.

— Laissez faire, chère Hélène,—сказалъ тихо и медленно Скурловъ и прикоснулся рукой къ ея рукѣ. Все уладится.

И его взглядъ многозначительно остановился на ней. Пока вопросъ о князѣ не „выяснится"—онъ не сдѣлаетъ ни одного неосторожнаго шага.

— Но когда?—вырвалось у Елены.

Ни ему, ни ей, не было жутко говорить такъ о князѣ Иванѣ Романовичѣ. Чѣмъ скорѣе медики признали бы ея отца душевнобольнымъ и можно было бы лишить его свободы—тѣмъ лучше было бы для всѣхъ, кромѣ ея брата Бориса, на котораго она смотрѣла тоже какъ на больного и нелѣпаго „мальчишку“.

То, что̀ она высказывала такъ открыто — Скурловъ обволакивалъ въ приличныя формы.

— Торопить профессора не слѣдуетъ,—выговорилъ онъ тономъ дружескаго совѣта.—И я не хочу вѣрить, чтобы княгиня Евпраксія Андреевна не съумѣла извлечь изъ его пребыванія здѣсь все, что̀ нужно. Жаль только, что это, можетъ быть, произойдетъ и послѣ меня.

— Почему?

Елена зачуяла отступленіе въ этомъ намекѣ.

— Кто же знаетъ, сколько онъ будетъ оставаться здѣсь?

— Развѣ вы... сбираетесь?

Въ горлѣ у нея точно пересохло.

— Вѣдь вамъ извѣстно, Hélène... мой отпускъ кончается черезъ мѣсяцъ. Мнѣ надо еще побывать дома, и къ іюлю быть на своемъ посту.

— Гдѣ? Въ Мадридѣ? Попадете въ адскую жару!

Ей жаль было бы упустить его еще на неопредѣленное время, быть можетъ навсегда. Но она не возмущалась тѣмъ, какъ онъ повелъ себя съ нею.

Какъ же могло быть иначе? Онъ—не богатъ; кромѣ жалованья, у него есть маленькій доходъ съ имѣнія. У нея лично, въ сущности, ничего нѣтъ своего. Мать при жизни не отдѣлитъ ей ничего изъ своего состоянія. Если она способна была бы на что-нибудь подобное, то развѣ для своего любимца—старшаго сына. У отца—заповѣдное имѣніе и, кромѣ того, два дома въ Петербургѣ... и капиталъ, который мать успѣла накопить съ тѣхъ поръ, какъ устранила отца отъ дѣлъ.

Часть этого могла бы пойти на ея приданое; но не прежде, чѣмъ выяснится то, что̀ теперь виситъ надъ ними, какъ тяжелая туча.

Мать дьявольски горда, при всей своей скупости. Она не будетъ просить у отца обезпечить дочь, и сама не выдѣлитъ ничего изъ своего состоянія, пока она не будетъ чувствовать подъ собою другой почвы.

Если князь останется со всѣми своими правами, можно всего ждать—при его чувствахъ къ женѣ и старшимъ дѣтямъ. Онъ ихъ еле выноситъ и готовъ изъ одного озорства оставить ихъ

нищими. Заповѣдное свое имѣніе онъ не имѣетъ права продать; но можетъ еще надѣлать не одну сотню тысячъ долга и выплачивать его до самой своей смерти. Да и тогда имѣніе поступитъ къ старшему сыну.

И Скурловъ все это соображалъ. Имъ обоимъ было обидно не другъ на друга, а на то, что они оба—такіе порядочные и уравновѣшенные—должны терпѣть отъ сумасброда, котораго не удается, однако, лишить возможности портить жизнь всѣмъ, кого судьба связала съ его личностью.

— Et surtout, chère Hélène,—сказалъ Скурловъ, протягивая ей руку: — ménagez-vous! Вы должны быть въ сторонѣ. Кто умѣетъ ждать—тому и дастся!

— А вы умѣете ждать?—спросила она, задержавъ его руку.

— Умѣю.

— All right!—громче кривнула она и поднялась.—Начнемъ нашу партію!

Они встали другъ противъ друга, по сю и по ту сторону сѣтки, послѣ того, какъ Скурловъ снялъ пиджакъ и очутился въ одной фланелевой рубашкѣ съ высокимъ шолковымъ кушакомъ, безъ жилета. Другіе молодые люди были одѣты еще непринужденнѣе—въ полотняныхъ панталонахъ, безъ жилетовъ, и въ рубашкахъ, сильно похожихъ на ночныя.

Ихъ дамъ это нисколько не стѣсняло. Англійскій стиль покрывалъ всѣ эти вольности, и даже нѣмки давно помирились съ такимъ обычаемъ и какъ бы не замѣчали полнаго déshabillé своихъ партнеровъ.

Елена играла мастерски, не хуже Скурлова, и такъ же сильно и быстро откидывала мячъ своей ракетой, когда посылала его назадъ.

— Tiens!—остановилась она, когда мальчикъ въ красной курткѣ подалъ ей мячъ, который она въ этотъ разъ не успѣла подхватить.—Это Людмила съ братомъ!—крикнула она Скурлову и показала ему головой на пару, проходившую по троттуару, за канавой.

Она подбѣжала къ сѣткѣ.

— А съ нами она не хотѣла идти! Я ихъ позову.

— Оставьте ихъ,—сказалъ, улыбнувшись глазами, Скурловъ.—Они придутъ сюда же.

Елена повела своимъ крупнымъ ртомъ.

— Какъ вы находите... кто изъ нихъ сильнѣе?

— Въ lawn-tennis'ѣ?—разсмѣялся онъ.

— Нѣтъ... Enfin, qui des deux sera roulé?

— Pas elle, par exemple!

— И я то же говорю. Братъ безумно обидчивъ. Ему нельзя сказать ни одного слова... Но Людмила играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Laissez faire!

— Съ такой... опасно.

— Это хорошая школа.

— Какъ будто трудно понять, на чтò она мѣтитъ?

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ!

— Съ какой же стати? Она старше его. Это было бы ужасной глупостью.

— Повѣрьте... онъ не такъ наивенъ.

— Но я вижу... онъ закусилъ удила.

Оба они смотрѣли вслѣдъ удаляющейся парѣ. Тѣ какъ бы нарочно не замѣчали ихъ. И вдругъ Людмила обернулась и кивнула имъ головой съ жестомъ правой руки.

— Они придутъ сюда,—сказалъ увѣренно Скурловъ.

Елена еще разъ поглядѣла въ ту сторону и затуманилась. Но она тотчасъ же подтянула себя внутренно. Такому рискованному флёрту она не завидовала—рискованному, но гораздо больше, однако, для брата. Людмила съумѣетъ утѣшиться, если даже она—по-русски княжна не докончила мысли, а выговорила про себя: „si c'est elle qui sera roulée“!

— All right!—крикнула она партнеру.

XV.

Лѣсная дорожка вела круто въ гору, дѣлая безпрестанно изгибы. Солнце забиралось подъ листву и мѣстами порядочно жгло.

Людмила двигалась впередъ. Князь Романъ, касаясь ея таліи, подталкивалъ ее. Она оглядывалась и смѣялась.

— Зачѣмъ вы меня такъ далеко завели? Княгиня навѣрно хватится—и будетъ исторія.

— Да вѣдь тамъ горничная осталась?

— Все равно. Она хотѣла взять сестру милосердія... и до сихъ поръ не собралась.

— Бѣдная Людмила!

Онъ взялъ ее совсѣмъ за талію и хотѣлъ поцѣловать въ щеку. Людмила отвела рукой.

— Пожалуйста! Князь Романъ Ивановичъ... *Шеменъ-зи-зихъ*! —выговорила она дурачливо по-нѣмецки, съ русскимъ акцентомъ.

— Вы точно Богъ знаетъ какую жертву принесли, что пошли со мной!..

— Разумѣется... жертву. Княгиня ворчитъ, ваша maman тоже начинаетъ кисло-сладко разговаривать со мной. Вы думаете, все это очень весело?

— А мнѣ весело?—крикнулъ онъ сердито.—Вамъ дѣла нѣтъ до того, каково мнѣ?—протянулъ онъ, удержавъ ея руку.— Невыносима вся эта фамильная канитель!

Съ того утра, когда Людмила видѣла сцену съ княгиней Евпраксіей Андреевной, онъ избѣгалъ разговаривать съ нею объ этомъ „инцидентѣ", какъ она на своемъ жаргонѣ называла полученіе имъ пощечины.

— Еслибъ было такъ невыносимо, вы бы не топтались на одномъ мѣстѣ и потактичнѣе вели бы себя.

— Вы только и умѣете, что говорить дерзости.

— Мнѣ на васъ жалко и довольно-таки противно смотрѣть... Ахъ, устала! Присядемъ. Вонъ тамъ маленькая лужайка. Гдѣ же этотъ выступъ? На немъ ангелъ являлся или дьяволъ?

— Дьяволъ,—отвѣтилъ князь Романъ.—Садитесь на траву. Бояться нечего за ваше платье.

— По неволѣ будешь бояться. И, наконецъ, вамъ до этого нѣтъ дѣла, ваше сіятельство. Какъ бы мнѣ ни приходилось тошно, я беру отъ жизни то, что̀ можно въ данную минуту. И не хорохорюсь.

— Кто же хорохорится, Людмила?

Онъ спросилъ это, стоя у дерева, за которое взялся одной рукой. Людмила прислонилась спиной къ мшистому камню и вытянула ноги.

— Какъ кто?—переспросила она, продолжая говорить въ томъ же тонѣ.—*Вы* хорохоритесь!..

Она повернулась къ нему лицомъ.

— Черезъ мать вашу вы могли многаго добиться. Въ этомъ была ваша сила. И вдругъ вы ее до чего довели!..

— Прошу не возвращаться къ этому.

— Я васъ не дразню, а говорю съ вами... какъ товарищъ. Больше васъ никто здѣсь не поддержитъ. Ужъ, конечно, не вашъ хитроумный Улиссъ, Скурловъ. Я поторопилась тогда. Онъ не промахъ, съ предложеніемъ не спѣшитъ. Pas si bête! Онъ держится выжидательной политики. Елена не заплачетъ,

если онъ и улетучится, но я на ея мѣстѣ съумѣла-бы показать ему, что всю его дипломатію насквозь вижу.

— Это ихъ личное дѣло. Я въ него не вмѣшиваюсь! И Скурловъ, по-своему, тысячу разъ правъ... Нельзя вступать въ семейство, гдѣ Богъ знаетъ что̀ творится!

Князь Романъ оторвалъ вѣтку и сталъ нервно ощипывать листки.

— Ну, подите, сядьте сюда. Только пожалуйста сидите чинно. Сего́дня и вы можете мнѣ сказать, чѣмъ вы такъ разгнѣвали вашу родительницу.

Онъ опустился на траву и сѣлъ съ высоко согнутыми колѣнями.

— Ничего я такого не дѣлалъ и не говорилъ. Ей показалось, что я позволилъ себѣ намекъ.

— На что̀? Небось на то, что̀ могло быть когда-то между княгиней и домовымъ докторомъ Мѣдниковымъ?

— А вы почему знаете, Людмила?

— Ничего не знаю. И допрашивать васъ не стану. Только вамъ слѣдовало быть особенно осторожнымъ. Она и безъ того всѣ эти дни сама не своя. Кажется, не трудно догадаться, что теперь происходитъ нѣчто совсѣмъ не по ея программѣ.

— Я бы сейчасъ же турнулъ отъ насъ этого поповича!

— Профессора?

— Онъ просто издѣвается надъ нею. Ça crève les yeux!

— Вотъ видите, это не такъ-то легко.

— Онъ и всѣхъ насъ хочетъ оставить въ дуракахъ.

— Извините... отъ этой чести избавьте меня. Я тутъ—съ бока припёка! Я только смотрю, какъ въ театрѣ, на то, что̀ происходитъ на сценѣ, а про то, что̀ идетъ за кулисами— догадываюсь. Курьёзно!

Ему показалось это слишкомъ безцеремоннымъ. Но вся она— вызывающій взглядъ большихъ глазъ изъ-подъ бортовъ шляпки, и гибкій станъ, и ноги въ лаковыхъ туфляхъ—производили въ немъ злобную тревогу. Ему казалось обиднымъ до нестерпимости то, что она до сихъ поръ такъ помыкаетъ имъ, и онъ хуже всякаго мальчишки бѣгаетъ за ней, а она и здѣсь, въ лѣсу, поддразниваетъ его тѣмъ, что ни чуточки его не боится, его—силача, спортсмэна, бравшаго столько „рекордовъ“.

Но вѣдь онъ цѣловалъ ее. Она допускала же его до разныхъ „privautés“?.. А теперь вдругъ—стопъ! Особенно послѣ того, какъ она была свидѣтельницей пощечины, полученной имъ отъ княгини.

Когда онъ это подумалъ, правая щека его точно вспыхнула.

— И знаете, что̀ я вамъ скажу, князь Романъ Ивановичъ,— продолжала Людмила, закидывая руки за голову.—И maman ваша, и вы, и Елена, останетесь при печальномъ интересѣ. Вашъ отецъ вовсе не то, во что̀ вы всѣ его пожаловали. Не думаетъ онъ быть сумасшедшимъ. Pas ça!—показала она, прикоснувшись зубами къ ногтю большого пальца.

— Что̀ же вы—спеціалистъ по психіатріи?

— Что̀ я? Бѣдная дворянка! Вотъ что̀ я... И мое главное занятіе—смотрѣть и... я сказала бы—мотать на усъ, будь у меня усы... Ха, ха!

— Научите, научите насъ, идіотовъ!

Людмила потянулась и повернула къ нему лицо.

— Ученаго учить—только портить. Maman ваша промахнулась. Ей не слѣдовало выписывать сюда этого поповича, какъ вы изволите его звать. У него—камень за пазухой... Мнѣ сто̀ило разъ только побыть съ нимъ за столомъ. Нѣтъ-нѣтъ, онъ такъ ухмыльнется: „всѣхъ, молъ, васъ, голубчиковъ, я оставлю... безъ семи въ червяхъ“.

Князь Романъ досадливо повелъ своими крутыми плечами.

— Вы видите, какъ онъ въ нѣсколько дней овладѣлъ княземъ. И это его право. За тѣмъ его и пригласили. На зло всѣмъ вамъ, онъ его въ нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ подвинтитъ. Какъ онъ рѣшитъ—такъ и будетъ. Да, maman ваша дала маху!

Правую руку Людмила положила подъ голову. Шляпка отодвинулась у нея нѣсколько назадъ. Глаза еще задорнѣе блестѣли и дразнили его.

— Ну, хорошо,—началъ онъ, пододвигаясь къ ней.—Мнѣ самому все это надоѣло до-нѐльзя. Такъ или иначе... la situation est intenable!..

— Сами виноваты! Теперь княгиня посадитъ васъ на пищу святого Антонія. Да, душечка! Вы мечтали сдѣлаться еще при жизни князя—chef de famille?!.. А теперь вы—ни въ сихъ, ни въ оныхъ. Если князь подсидитъ княгиню и возьметъ опять все въ свои руки—поздравляю васъ!

— Оставимъ это, Людмила!

Онъ рванулся къ ней и схватилъ за обѣ руки.

— Ты хочешь довести меня до бѣшенства!

Она отодвинулась, не отнимая рукъ, и приподнялась всѣмъ станомъ.

— Мѣстоименіе *ты* можете оставить про себя.

— Ты бѣсишься. Хочешь показать, что ты меня ни въ грошъ не ставишь? И я этому не вѣрю! Слышишь: не вѣрю!

Онъ стоялъ надъ ней на колѣняхъ, въ напряженной позѣ; глаза его жадно и злобно впивались въ нее, голосъ звучалъ глухо, и прерывистое дыханіе касалось ея лица.

— Не извольте говорить мнѣ *ты*! Я вамъ это запрещаю. И пожалуйста сядьте прилично. Напрасно вы такъ таращите на меня глаза и такъ громко дышете... Ха, ха!

Онъ схватилъ ее за шею и сталъ цѣловать безъ счета.

Людмила отворачивала голову вправо и влѣво, и когда онъ хотѣлъ прижать ее къ груди, она рванулась и нервной кистью руки ударила его въ лицо, очень больно, и что̀ есть силы оттолкнула его.

Разъяренный, бросился онъ за нею.

Борьба длилась всего одну минуту. Людмила извивалась, какъ змѣя, и, почти выбившись изъ силъ, укусила его въ плечо очень больно. Онъ схватился за укушенное мѣсто рукой. Этой минутой она воспользовалась, стремительно вскочила и отбѣжала къ дереву, гдѣ онъ раньше стоялъ.

Князь Романъ, съ искаженнымъ лицомъ, обезумѣвъ отъ нестерпимаго желанія обладать этой дерзкой и бездушной бабенкой, которую онъ не считалъ дѣвицей, подбѣжалъ къ ней.

Въ ея рукахъ что-то блеснуло.

— Еще шагъ и я выстрѣлю!—выговорила она, вся блѣдная и трепетная, держась лѣвой рукой за стволъ дерева, а правой навела на него маленькій револьверъ-бульдогъ.

Это его не удержало. Онъ хотѣлъ схватить ее за правую руку. Она ловко увернулась и, перебѣжавъ черезъ лужайку, остановилась въ кустахъ.

— Еще шагъ—и я васъ уложу. Слышите!

Властно прозвучалъ этотъ возгласъ.

Онъ началъ истерически смѣяться, стоя посреди лужайки.

— Извольте отправляться!—крикнула она.—И предупреждаю васъ, князь Романъ Ивановичъ, если вы сейчасъ же не спуститесь туда внизъ и сдѣлаете хоть малѣйшую попытку вернуться—я выстрѣлю. C'est à prendre ou à laisser!

Она замѣтила, что у него на прокушенномъ мѣстѣ показалась кровь.

— Вы можете пойти къ вашей maman и пожаловаться на меня. Или попросить профессора Мѣдникова посадить меня въ лечебницу для душевно-больныхъ. Я жду, князь!

Онъ медленно повернулся въ дорожкѣ. Будь съ нимъ что-нибудь, хоть складной ножикъ—онъ бы бросился на нее.

Она это сознавала. Этотъ яростный взрывъ можетъ повести далеко. Поднимать исторію она, конечно, не будетъ; да и какъ могла бы она доказать, что онъ покушался овладѣть ею?

Одно изъ двухъ: или онъ дрянной снобъ, неспособный ни на что серьезное, или же онъ будетъ добиваться своего во что бы то ни стало. И тогда отъ нея будетъ зависѣть—повести его, куда она захочетъ. Все въ ней было напряжено, но ничего жуткаго она не испытывала. Въ глазахъ искрилось чувство побѣды.

Прислушиваясь къ его шагамъ, затихавшимъ на изгибахъ лѣсной тропинки, Людмила неторопливо оправляла шляпу и бѣлый батистовый бантъ воротника, помятый и сбитый на бокъ.

Нѣсколько разъ прошлась она по лужайкѣ. Черезъ полчаса она дойдетъ до виллы. Ея старуха будетъ ворчать на нее. И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время она слишкомъ часто оставляла ее одну съ горничной. Теперь надо иначе вести себя—и ждать.

Минутъ черезъ пять она стала спускаться по той же тропинкѣ. Заблудиться она не боялась. Одинъ разъ пересѣкла она широкую шоссейную дорогу и опять взяла дорожку для пѣшеходовъ.

Князь Романъ очутился на другомъ холмѣ, по ту сторону шоссейной дороги. Онъ шелъ не съ горы, а въ гору, не зная, куда выведетъ его лѣсная тропа. Плечо продолжало болѣть. Кровинки, выступившія на плечѣ сквозь матерію его пиджака, запеклись. Отъ головы какъ-то странно отлило и только жилки нервно бились въ глазахъ и на шеѣ.

Ни разу не поднялся въ душѣ его вопросъ: развѣ онъ не получилъ того, что̀ заслуживалъ? Напротивъ, онъ считалъ свой порывъ совершенно извинительнымъ.

— La fieffée coquine! — вслухъ повторяли, все съ той же злобой, его толстоватыя губы. — La fieffée coquine!

Не онъ, а она его затягивала, разсчитывая, слишкомъ нахально, что она доведетъ его до „Исаія, ликуй".

Оставить это такъ невозможно! Надо ее самое заставить сдаться. Онъ не фатъ, но ей онъ нравился, и теперь нравится, какъ и она ему. Слишкомъ онъ уже опытенъ, чтобы это не чувствовать.

Никакой исторіи онъ поднимать не будетъ. То, что̀ сейчасъ было—останется между ними. Черезъ три недѣли онъ долженъ

ѣхать, и въ эти три недѣли надо ее „расказнить“. Измѣнить тактику, выждать моментъ и тогда... она забудетъ о револьверѣ, если даже и постоянно носитъ его въ карманѣ. Уже одно это показываетъ, какая она „fieffée coquine“.

Осѣчка, и такая сильная осѣчка — уже не возмущала его, а, напротивъ, подмывала. Нужды нѣтъ! Дуэль между ними продолжается. И никто не будетъ ничего знать, ни о чемъ догадываться. Скурлову онъ ничего не разскажетъ. Тотъ слишкомъ брезгливъ, боится всего, что̀ не корректно, хотя и любитъ смаковать, на словахъ, „les voluptés âpres“ и разбирать тонкости стихотвореній въ такомъ вкусѣ.

Незамѣтно князь Романъ поднялся на самый верхъ холма и оттуда онъ увидалъ весь городокъ и сообразилъ, какимъ путемъ будетъ всего удобнѣе пробраться домой.

XVI.

— Вы не устали?

Мѣдниковъ велъ князя Ивана Романовича подъ-руку. На ходу онъ чувствовалъ, что тотъ сильно опирается на его руку. Онъ попенялъ себѣ за то, что они оставили коляску внизу, у маленькаго шинка, пожалѣвъ лошадей.

Подъемъ по тропинкѣ былъ крутой. Плохо убитый щебень рѣзалъ ноги. Подниматься по экипажной дорогѣ показалось имъ слишкомъ долго. Минутъ въ двадцать они могли добраться до вышки съ развалинами за̀мка.

— Не устали, князь?—заботливо повторилъ Мѣдниковъ.

— Не особенно... благодарю васъ.

На князѣ ловко сидѣла легкая свѣтлая пара, при шляпѣ съ лентой цвѣтными полосами. Онъ смотрѣлъ бодро, и усы его торчали молодцовато. На ногахъ онъ былъ настолько твердъ, что самъ предложилъ своему спутнику оставить коляску внизу и подняться до развалинъ пѣшкомъ.

Не первую такую прогулку дѣлали они вдвоемъ. Всегда у нихъ шли безконечные разговоры, и въ экипажѣ, и пѣшкомъ. И съ каждымъ днемъ Мѣдниковъ чувствовалъ себя ближе къ своему бывшему паціенту, продолжая наблюдать его, входя во внутренній механизмъ его мысли, отмѣчая яркія особенности его аффектовъ. Психіатръ въ немъ не торопился ставить діагнозъ. Одно онъ уже видѣлъ: князь пересталъ жить личной жизнью и находился въ хроническомъ кризисѣ, который можетъ повести и

къ общему душевному маразму, къ острой меланхоліи, къ самоубійству. Но хорошо уже и то, что онъ такъ сознательно тяготится своей двойственной хандрой: тяжестью существованія и ужасомъ неизбѣжнаго конца. Къ этому онъ всего чаще возвращается и каждый разъ проситъ его, какимъ бы то ни было способомъ, отрѣшить его отъ „постыднаго" страха смерти.

Вотъ и сейчасъ онъ въ коляскѣ говорилъ ему—какъ славно было бы чувствовать себя способнымъ всегда, во всякую минуту перерѣзать нить жизни. „Вѣдь чего же страшиться,—говорилъ онъ:—чего? Неужели самаго перехода въ ничто, а не процесса умиранія"?

И онъ сталъ пространно доказывать, что физическая боль не могла бы сама по себѣ вызывать въ немъ такой инстинктивный страхъ.

Мѣдниковъ, какъ всегда, выслушивалъ его, не перебивая, и подъ-конецъ замѣтилъ ему, что этотъ страхъ можетъ и уйти такъ же, какъ онъ пришелъ, если внутренняя жизнь наполнится „новымъ содержаніемъ". Князь ничего на это не отвѣтилъ и заговорилъ о другомъ.

— Надо сдѣлать маленькій привалъ,—предложилъ Мѣдниковъ, когда они были на полу-подъемѣ къ руинамъ.

— Какъ угодно! Вотъ какъ разъ и камень, очень удобный. Точно нарочно подложили.

Они сѣли рядомъ на краю дорожки. Было жарко. Они не замѣчали, что съ востока ползетъ туча. Въ воздухѣ пàрило, какъ передъ грозой.

— Душновато!—замѣтилъ Мѣдниковъ, снимая свою фѣтровую шляпу.

— Знаете что̀, докторъ,—заговорилъ князь, подвигаясь къ нему:—тамъ у насъ, на виллѣ... какъ бы они были всѣ рады, еслибъ я, какъ говорятъ англичане—have rejoined the majority...

— Извините...—остановилъ Мѣдниковъ:—я по-англійски читаю; но ухомъ не могу схватывать.

— Это значитъ „присоединиться къ большинству", т.-е. уйти изъ жизни... Всѣ, начиная съ княгини Евпраксіи Андреевны.

— Почему же... такое жестокое предположеніе, князь?

— Она меня и прежде только выносила. Elle me subissait. А потомъ... вы знаете, что̀ было потомъ. И я ей рѣшительно въ тягость, какъ и старшему сыну и дочери. Борисъ меня жалѣетъ; но и въ немъ я вызываю чувство огорченія. Онъ давно видитъ, что у насъ съ нимъ нѣтъ общей связи. Онъ—вѣрующій, даже съ мистическимъ нюансомъ. А во мнѣ все это... пере-

горѣло. Но главное удовольствіе доставилъ бы я княгинѣ. И присоединись я добровольно къ большинству—я избавилъ бы ее отъ всѣхъ ея теперешнихъ волненій и заботъ... Вы не повѣрите, какъ мнѣ за нее обидно.

Горькая усмѣшка повела красивый ротъ князя.

Мѣдниковъ еще не слыхалъ отъ него такихъ словъ о княгинѣ. Тотъ во всѣ эти дни усиленно избѣгалъ разговора о своихъ отношеніяхъ къ женѣ, и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ.

Князь заглянулъ ему въ лицо и закинулъ ему руку на его плечо совершенно пріятельскимъ жестомъ.

— Илья Ѳедоровичъ! Милый мой! Вы до сихъ поръ еще подозрѣваете во мнѣ затаенную страсть къ княгинѣ Евпраксіи Андреевнѣ. Вѣдь да? И вы ошибаетесь! Клянусь вамъ—вы ошибаетесь. Разсудите: будь во мнѣ какая-нибудь страсть—развѣ мое état d'âme было бы такое? Это элементарно. Не мнѣ же учить васъ—извѣстнаго профессора! Нѣтъ, все это давно умерло. И зачѣмъ она унижаетъ такъ себя? Чего ей нужно? Мнѣ противно за нее жить у моей тетки. Вы ее видѣли? Развѣ не возмутителенъ такой чудовищный эгоизмъ?.. Хуже животнаго! Собака, когда почувствуетъ, что ей приходитъ конецъ—забирается въ трущобу и умираетъ... И передъ ней княгиня прыгаетъ! Изъ-за чего? Выклянчить у нея что-нибудь... для дѣтей? Но развѣ они нищіе? Боже мой! Слишкомъ много еще останется для ничтожной и бездушной жизни. Я понимаю... она боится, какъ бы я не выкинулъ... чего-нибудь... Une escapade! И знаете, Илья Ѳедоровичъ, мнѣ иногда смертельно хочется лишить ихъ всего, чѣмъ я могу по закону распорядиться. Я бы это сдѣлалъ, еслибъ я окончательно убѣдился, что у меня не хватитъ никогда мужества... присоединиться къ большинству. А вы, Илья Ѳедоровичъ—онъ наклонился къ его уху—вы все еще думаете, что несчастная страсть къ собственной супругѣ—корень всего... Успокойтесь!

Мѣдниковъ слушалъ князя и въ немъ всплывала потребность увѣрить его, что ихъ прошлое съ княгиней было совсѣмъ не то, въ чемъ онъ подозрѣваетъ ихъ.

— Допускаю, что оно и такъ,—началъ онъ, чувствуя, какъ ему самому хочется подойти къ этому:—допускаю... хотя никто изъ насъ не можетъ ручаться за то, что̀ лежитъ въ тайникахъ нашей психіи. Но если оно и такъ, я вамъ скажу сейчасъ нѣчто... чего я не хотѣлъ вамъ сообщать... Если въ васъ еще кроется... прежнее чувство... тѣмъ лучше...

Онъ перемѣнилъ позу и на щекахъ его появилась краска.

— Вашу деликатность, князь... ваше джентльмэнство я оцѣнилъ. И они меня сразу обезоружили. Повѣрьте... прежняго Мѣдникова... того, что состоялъ при васъ домовымъ врачомъ— уже нѣтъ и въ поминѣ! Не мѣшайте мнѣ, князь,—не оправдаться передъ вами, а просто подвести итоги собственному поведенію. А главное—раскрыть передъ вами правду, всю правду.

— Не надо, Илья Ѳедоровичъ. Совершенно лишнее! Когда одно изъ вашихъ писемъ къ княгинѣ попало мнѣ въ руки— между нами лежала уже пропасть. Клянусь вамъ! Зачѣмъ намъ теперь, когда у насъ завязываются такія милыя отношенія, примѣшивать женщину? Это только марать ихъ. Согласитесь!

— Прекрасно! Но тутъ для меня вопросъ совѣсти. Я не могу допустить, чтобы на этой женщинѣ лежало бо̀льшее клеймо, чѣмъ она заслуживала.

И, не давъ князю возразить, Мѣдниковъ продолжалъ быстро и горячо:

— Что̀ же было десять лѣтъ тому назадъ? Вотъ что̀: княгиню я безумно полюбилъ! Вы скажете: она допустила развиться этой страсти, принимала мои письма?... Допустила, приласкала меня... любя или не любя—это дѣло ея совѣсти. И въ обидѣ мужчины-хищника, желающаго добиться полнаго обладанія любимой женщиной—гордость взяла верхъ надъ страстью. Вотъ и все, князь! Буквально все. Княгиня не была моей, и я это заявляю вамъ не изъ банальнаго рыцарства, а желая только возстановить правду.

— Не сто̀итъ!—воскликнулъ князь и повелъ рукой по воздуху нетерпѣливымъ жестомъ.

— Очень сто̀итъ, князь! Будь это иначе, я бы не сдѣлалъ того, въ чемъ опять-таки долженъ покаяться передъ вами.

И онъ разсказалъ ему про разговоръ съ княгиней, когда онъ вручилъ ей письмо.

— Я предложилъ ей дать вамъ прочесть всѣ мои письма, которыя она сохранила. Они показали бы вамъ, почему я убѣжалъ тогда. Княгиня слишкомъ горда, чтобы оправдываться передъ вами. Какъ врачъ, я не долженъ былъ бы объясняться съ нею; но какъ человѣкъ—я не могъ воздержаться; и теперь я въ этомъ не раскаяваюсь, даже и какъ врачъ. Вы сами видите, какія у насъ съ вами установились отношенія. Я за васъ, а не противъ васъ. Вы съ полнымъ довѣріемъ ко мнѣ попросили меня побыть съ вами, чувствуя потребность разобраться въ томъ, что̀ происходитъ въ вашей душѣ. И я надѣюсь, дорогой князь, найти

для васъ исходъ... менѣе печальный, чѣмъ присоединенiе къ большинству, какъ вы называете.

— Спасибо! Спасибо!

Князь схватилъ руку Мѣдникова и сталъ трясти ее.

— Какъ вы еще молоды! Прелесть! Вы слишкомъ честны и прямы. Васъ тяготило это. Вѣрю: княгиня не нарушила седьмой заповѣди... Ха, ха! Разбирать остальное—какъ она вела себя съ вами—я не хочу. Еслибъ вы настаивали, я могъ бы сказать ей, что ни въ чемъ... фактически—протянулъ онъ—я ее не обвиняю; но вѣдь она мнѣ все равно не повѣритъ. Вы можете еще разъ посовѣтовать ей: дать мнѣ прочесть всѣ ваши письма. Но къ чему? Впрочемъ,—князь взялъ Мѣдникова за бортъ его пальто,— для огражденія самого себя, вы можете ей сказать, что я вамъ вѣрю вполнѣ,—замедленно выговорилъ онъ, подчеркнувъ слово „вамъ".

Мѣдниковъ облегченно вздохнулъ.

Князь слегка ударилъ его по колѣну.

— Et l'incident est clos!—возбужденно воскликнулъ онъ.— Все это для меня точно старая-старая исторія, и даже не моя, ей Богу, а кого-то другого... Страсть, увлеченіе, женщина, вообще les drames passionnels—для всего этого нѣтъ во мнѣ... горючаго матеріала... весь вышелъ! Испарился! А послѣ того вы вѣдь знаете, сколько идей и настроеній владѣли моимъ духомъ. И никто изъ моихъ близкихъ не понималъ меня. Все считалось блажью. Или объяснялось самымъ банальнымъ мотивомъ... желаніемъ играть роль, чѣмъ-нибудь прославиться. Навѣрно, княгиня Евпраксія Андреевна говорила вамъ, что я одно время хотѣлъ представлять изъ себя что-то въ родѣ Толстого?..

— Исповѣдь его помните, князь?—остановилъ Мѣдниковъ.— Сколько времени онъ былъ въ душевномъ маразмѣ, думалъ покончить съ собою? А теперь врядъ ли особенно желаетъ присоединиться къ большинству.

— Ну да, ну да... я знаю! Но я не о томъ говорю, Илья Ѳедоровичъ. Да, было время—и оно длилось довольно долго... когда я все искалъ высшихъ откровеній... чего-нибудь такого, что̀ дало бы мнѣ выходъ изъ противорѣчій жизни, изъ того, что̀ и теперь является передо мною, какъ печальная или отвратительная свалка. И я думалъ, что найду въ этой проповѣди то, чего жаждала моя душа.

— И не нашли?—тихо подсказалъ Мѣдниковъ и улыбнулся.

Нѣтъ, не нашелъ. И вовсе не оттого, что я вымещаю

за неудачную попытку разыгрывать роль вѣроучителя au pied levé!.. Вовсе не оттого!—нервно крикнулъ князь и, оглянувшись кругомъ, спросилъ:

— А вѣдь, кажется, гроза собирается?

— Мы до дождя успѣемъ подняться. Тамъ можно будетъ укрыться.

— Нѣтъ, — сразу упавшимъ голосомъ продолжалъ князь, опуская голову: — нѣтъ, на такое обвиненіе и отвѣчать стыдно. И эта проповѣдь, и разныя другія въ такомъ же духѣ—потеряли для меня всякій prestige по двумъ причинамъ...

Мѣдниковъ заслышалъ что-то новое, и то, какъ князь говорилъ, показывало, что это не случайная вспышка или скачокъ мысли, а нѣчто дѣйствительно пережитое. Но онъ воздержался отъ вопросовъ.

— Какъ можно гнуть все въ одну точку!..—продолжалъ князь. — Нѣтъ науки, нѣтъ красоты, нѣтъ ничего, кромѣ той правды, которую я одинъ нашелъ, послѣ того, какъ ее тамъ же искали чуть не двѣ тысячи лѣтъ и на разные лады!

— Вѣрно, вѣрно, князь. Совершенно вѣрно!

— Это одно... а главное, Илья Өедоровичъ... Не знаю—съумѣю ли я выразить вполнѣ такъ, какъ это у меня укладывалось въ головѣ, и не одинъ, не десять разъ, а сто и больше.

Онъ закрылъ глаза, сѣлъ съ согнутыми колѣнами и съ минуту молчалъ.

— Вотъ видите, Илья Өедоровичъ,—началъ князь,—все это покрывается самыми высокими духовными идеалами, а по-моему это—возня съ собственной особой...

— Въ какомъ смыслѣ? — какъ бы про себя вслухъ отозвался Мѣдниковъ.

— А какъ же иначе? Если я бьюсь изъ-за того, чтобы все во мнѣ было по разъ установленному образцу: это дѣлай, того не дѣлай, это ѣшь, того не ѣшь, ходи по дорожкѣ, которая ведетъ тебя къ благополучію на землѣ. Не говорю уже о томъ, что это отзывается нетерпимымъ сектантствомъ... Ахъ! позвольте вамъ кстати привести то, что я какъ-то слышалъ въ Парижѣ объ Огюстѣ Контѣ...

— Основателѣ позитивизма?

— Да, да! Тогда я сходился съ позитивистами... не тѣми вѣрующими, а тѣми, что̀ стояли за Литтре́. Такъ вотъ... Когда „papa Comte“—его такъ зовутъ нѣкоторые французы—вообразилъ себѣ, что онъ „le grand Prêtre de l'Humanité“... и основалъ свою церковь... кто-то изъ его паствы, откуда-то изъ про-

винціи—пишетъ ему и проситъ позволенія, такъ какъ онъ отъ болѣзни очень ослабъ—разрѣшить ему полстаканчика вина въ день. Тотъ затуманился и соизволилъ изречь: „Un verre de vin! C'est grave"!.. И каждая такая проповѣдь придетъ къ тому же. И вотъ, когда я сталъ перебирать все это, я и пришелъ моимъ слабымъ умишкомъ къ выводу... И не умомъ однимъ, а всѣмъ моимъ существомъ, всѣмъ нутромъ, какъ въ Москвѣ говорятъ—что это не что иное, какъ исканіе комфорта.

— Браво, князь!—вскричалъ Мѣдниковъ и поднялся.—Архивѣрно! Это, философски выражаясь,—гэдонизмъ... только на мистической подкладкѣ.

— Гэдонизмъ,—повторилъ князь.—Oui, c'est ça! Отъ греческаго слова, которое значитъ: удовольствіе?..

— Именно!

Князь тоже поднялся. Мѣдниковъ взялъ его подъ локоть, и они стали пробираться къ развалинамъ замка.

Дождя еще не было; но небо кругомъ обложило, и съ одного конца тучи получили сизо-красноватый отливъ. Въ воздухѣ быстро засвѣжѣло, и вѣтеръ сталъ крутить на высотахъ и загудѣлъ въ лѣсныхъ балкахъ, и выше, и ниже того мѣста, гдѣ они поднимались.

Когда они совсѣмъ поднялись, передъ ними лежало широкое плоскогорье. По нему шли развалины замка, когда-то глядѣвшаго съ своей вышки на всю округу. Часть стѣны сохранилась еще, вмѣстѣ съ внутреннимъ дворикомъ и обломками башенки и двумя сводами.

— Точно на Палатинѣ!—воскликнулъ князь. — Илья Ѳедоровичъ, вы бывали, конечно, въ Римѣ?

— Нѣтъ, князь, не случилось еще.

— Вы счастливецъ, сколько у васъ впереди наслажденій! Когда-то я тамъ процвѣталъ...

Закапалъ дождь крупными каплями. Онѣ зашлепали по землѣ, покрытой щебнемъ и болѣе крупными обломками. Зонтикъ случился только у Мѣдникова. У князя — палка, и пиджакъ его былъ очень легонькій. Онъ не захотѣлъ захватить съ собою пальто, какъ ему предлагалъ Мѣдниковъ.

— Удалимся вонъ туда, князь, подъ сводъ... слѣва башни... Немножко защитимъ себя.

Они перебѣжали дворикъ и встали подъ одинъ изъ широкихъ сводовъ. Дождь крѣпчалъ; но духота не пропадала.

— Быть сильной грозѣ, — замѣтилъ Мѣдниковъ.—Вы какъ выносите грозы?

— Каюсь, Илья Өедоровичъ, нервы мои... вы знаете какіе... И есть дѣтскій страхъ.

— Чего?

— Все того же... Кажется, слѣдовало бы желать... вдругъ, въ одинъ мигъ, покончить со всѣмъ? Въ дѣтствѣ... я съ первыми раскатами грома забирался куда-нибудь въ темный уголъ и весь дрожалъ.

Хлынулъ ливень и раскатъ еще неблизкаго грома прошелся точно позади нихъ.

— Надо вооружиться мужествомъ,—сказалъ Мѣдниковъ.— Присядемъ сюда, въ углу,—здѣсь и камешекъ случился. Мой зонтикъ пригодится намъ. На васъ башмачки. Не хотите ли, я накину вамъ на ноги пальто свое?

— Нѣтъ, пожалуйста. Я не растаю.

Они прижались другъ къ другу и сидѣли, поджавъ ноги. Ливень смѣнилъ градъ, не крупный, но частый. Въ нѣсколько секундъ все кругомъ побѣлѣло отъ градинъ. Стало замѣтно холоднѣе. Громъ близился съ короткими промежутками. Совсѣмъ потемнѣло.

Мѣдниковъ любилъ грозы съ дѣтства. Подъ эту смѣшанную музыку дождя, града и раскатовъ все близившагося грома, ему впервые пришла вполнѣ ясно оцѣнка того: что̀ князь Иванъ Романовичъ представляетъ собою въ настоящее время, и *какъ* нужно ему помочь пережить его душевный кризисъ. Ему стало юношески весело, и онъ, заглянувъ въ лицо князя, сидѣвшаго съёжившись, съ нервной тревогой въ глазахъ, окликнулъ его:

— Жутко вамъ, князь?

— Ничего. Надо терпѣть. Нашъ кучеръ — не догадается подняться сюда... Пожалѣетъ и себя, и лошадей?

— А можетъ быть его и забираетъ угрызеніе совѣсти. Все это не суть важно; а вотъ что̀ я вамъ скажу — ваше сіятельство, нужды нѣтъ, что мы, въ эту минуту, въ такой позитурѣ среди разбушевавшихся стихій: не нужно вамъ никакого леченія гипнозомъ, никакихъ внушеній... васъ слѣдуетъ только переставить въ другую среду.

— Среду? Ambiente? Да!.. Прекрасное итальянское слово: ambiente... Вы такой милый, докторъ. Я не знаю... вамъ и книги въ руки. „Faccia lei“!.. Я вамъ скажу, какъ говорятъ въ итальянскихъ городахъ извозчики: „Faccie lei“... и когда...

Онъ не могъ докончить.

Громъ разразился стремительно, почти въ одно время съ синеватой змѣйкой молніи; оба они вздрогнули. Князь схватился

за виски, поблѣднѣлъ и застылъ въ одной съёженной позѣ, совсѣмъ закрывъ глаза.

За него стало жутко и Мѣдникову. Но идти было немыслимо. Градъ перешелъ опять въ ливень. Все было уже затоплено вокругъ нихъ—въ какую-нибудь одну минуту.

— Это былъ послѣдній ударъ. Не бойтесь, князь,—ободрялъ Мѣдниковъ.—Мы оба виноваты. Надо было доѣхать въ экипажѣ. Я виноватъ больше васъ. Для вашего артрита это врядъ ли пройдетъ даромъ. Ноги вы уже промочили.

— Ничего, ничего,—шепталъ князь. Его уже замѣтно знобило, и отъ холоднаго дождя, и отъ страха.

— Коньяку захватить мы не догадались! — балагурилъ его спутникъ.

Двѣ-три минуты протянулись уже съ послѣдняго удара. Дождь сталъ какъ будто немного слабѣть.

— Не закурить ли?—спросилъ такъ же весело Мѣдниковъ, и только-что полѣзъ въ боковой карманъ своего пиджака, какъ его отбросило въ сторону. Зонтикъ выскочилъ изъ рукъ.

Падая, онъ успѣлъ увидѣть, какъ точно свѣтлый клубокъ слетѣлъ сверху при ужасномъ трескѣ, и куда-то провалился, на разстояніи одного, много двухъ аршинъ отъ нихъ, поближе къ князю.

Оправившись, онъ увидѣлъ, что князь, мертвенно-блѣдный, съ открытой головой, лежитъ безъ движенія на боку. Онъ припалъ къ нему и сталъ его трясти за руки. Тотъ не раскрывалъ глазъ. Мѣдниковъ приложилъ ухо къ груди. Не сразу могъ онъ распознать біеніе... очень слабое, еле-еле слышное.

Онъ схватилъ его за плечи, приподнялъ и посадилъ къ самой стѣнѣ свода. Дождь поливалъ голову и лицо князя.

„Не убитъ! — повторялъ про себя Мѣдниковъ. — Оживетъ! Долженъ ожить“!

И онъ началъ растирать ему виски и согрѣвать ладони рукъ.

Гроза еще не утихла, только дождь уже не шелъ какъ изъ ведра.

Князь весь вздрогнулъ и открылъ глаза.

Но въ первую минуту онъ былъ такъ слабъ, что не въ силахъ былъ выговорить ни одного слова.

Онъ могъ отъ сотрясенія лишиться языка.

— Чтò съ вами? Князь! Не бойтесь! Это я... Мѣдниковъ. Узнаёте меня?

На всѣ эти вопросы князь съ усиліемъ выговорилъ:

— Вотъ... остался живъ. Pas de chance! Ничего не слышу.

— Оглушило?—крикнулъ ему въ ухо Мѣдниковъ.

Князь кивнулъ только головой, хотѣлъ-было приподняться и не могъ. Мѣдниковъ положилъ его бережно у стѣны. Опасности, что онъ сейчасъ умеретъ—не было. Надо поскорѣе бѣжать внизъ и вернуться сюда съ коляской.

— Не бойтесь!—крикнулъ онъ ему въ лѣвое ухо, замѣтивъ, что имъ онъ еще слышитъ. Я мигомъ пріѣду за вами.

Князь опять кивнулъ головой и сдѣлалъ жестъ, который точно говорилъ: „зачѣмъ“?

XVII.

Стоялъ тихій, теплый вечеръ. Въ комнатѣ князя Ивана Романовича окно на балконъ было отворено. Онъ самъ всѣмъ своимъ худощавымъ тѣломъ ушелъ въ кресло, съ ногами, протянутыми на высокую скамейку и покрытыми плэдомъ.

У письменнаго стола, сбоку, сидѣлъ младшій его сынъ Борисъ и читалъ ему вслухъ. Князь слушалъ съ полузакрытыми глазами. На правое ухо онъ все еще былъ оглушенъ ударомъ молніи. Два дня онъ пролежалъ въ постели. Мѣдниковъ лечилъ его вмѣстѣ съ нѣмцемъ докторомъ, которому онъ тутъ только рекомендовался, какъ бывшій врачъ князя, и повинился ему въ томъ, что позволилъ оставить экипажъ внизу и подниматься пѣшкомъ къ развалинамъ.

Всѣхъ этотъ случай всколыхнулъ. Княгиня въ первый день почти не отходила отъ постели князя. Но какъ только онъ сталъ оправляться, онъ попросилъ ее не безпокоиться, и такъ настойчиво, что она со второго дня только навѣдывалась на нѣсколько минутъ. Никакихъ осложненій не появлялось въ состояніи больного. Только въ ногахъ возобновились боли, да и то не сильныя.

Присутствіе младшаго сына не раздражало и не утомляло князя. Борисъ—когда отца привезли—былъ страшно потрясенъ и съ нимъ сдѣлался ночью нервный припадокъ. Но никто въ домѣ ничего не узналъ, и съ утра онъ раньше княгини пришелъ помогать нѣмецкой „Schwester“, которую князь попросилъ отпустить на третій же день.

Теперь Борисъ не боялся болѣе ни за общее состояніе здоровья отца, ни за то, что̀ еще недавно такъ болѣзненно тревожило его. Съ Мѣдниковымъ онъ не имѣлъ, на этихъ дняхъ, особеннаго разговора, но онъ видѣлъ, что между нимъ и княземъ установились большіе лады, и увѣренность въ томъ, что

именно этотъ человѣкъ оградитъ отца отъ всякаго покушенія на его свободу—все крѣпла въ немъ.

И съ нимъ отецъ гораздо ровнѣе и ласковѣе. Тонъ его другой—безъ прежнихъ, слишкомъ рѣзкихъ переходовъ отъ одной мысли къ другой и внезапныхъ проявленій душевной горечи. Его чтеніе онъ слушалъ съ удовольствіемъ—и по-французски, и по-русски.

Въ эту минуту онъ перечитывалъ „Стихотворенія въ прозѣ“ Тургенева. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ князь громко восклицалъ. Бориса смущало только то, что эти отрывки могли наводить князя на печальныя пессимистическія мысли.

— Повтори-ка еще разъ это мѣсто. Какъ это безпощадно! Повтори, Боря.

— Изволь, папа.

И Борисъ, своимъ вздрагивающимъ, груднымъ голосомъ, прочелъ очень искренно, чувствуя, что имъ самимъ овладѣваетъ волненіе:

„Какъ пустъ, и вялъ, и ничтоженъ почти всякій прожитый день! Какъ мало слѣдовъ оставляетъ онъ за собою! Какъ безсмысленно глупо пробѣжали эти часы за часами! И между тѣмъ человѣку хочется существовать, онъ дорожитъ жизнью, онъ надѣется на нее, на себя, на будущее. О, какихъ благъ онъ ждетъ отъ будущаго... Но почему же онъ воображаетъ, что другіе, грядущіе дни не будутъ похожи на этотъ, только-что прожитый день? Да онъ этого и не воображаетъ. Онъ, вообще, не любитъ размышлять—и хорошо дѣлаетъ. Вотъ завтра, завтра!—утѣшаетъ онъ себя — пока это завтра не свалитъ его въ могилу. Ну, а разъ въ могилѣ—по неволѣ размышлять перестанешь“.

Борисъ замѣтно вздрогнулъ.

— Зачѣмъ такъ?—чуть слышно обронилъ онъ.

— Развѣ это не вѣрно? — спросилъ князь, повернувъ къ нему голову.

— Это слишкомъ, какъ ты самъ сказалъ, безпощадно. И всякій это знаетъ. Но это ничего еще не доказываетъ.

Положивъ книгу на край стола, Борисъ поглядѣлъ вбокъ на отца и не рѣшился сразу заговорить съ нимъ такъ, какъ онъ давно мечталъ о томъ.

— Ахъ, папа, папа!—трепетно вырвалось у него.

— Что̀, мой милый?

— Зачѣмъ безплодно возмущаться тѣмъ, какъ устроена жизнь человѣческая?..

— Мой другъ,—остановилъ его князь тономъ отца:—я очень

радъ, если тебя поддерживаетъ вѣра въ лучшее. И я ее имѣлъ когда-то. Но вѣдь въ этихъ десяти строкахъ, которыя я сейчасъ попросилъ тебя повторить—жалкій самообманъ всѣхъ насъ. Мы отсчитываемъ день-за-днемъ, все равно, что отрываемъ листы стѣнного календаря. День ничтожный, пустой, какъ ничтожна и жалка судьба всего, чтò движется на землѣ; а все въ насъ дѣтская, глупая надежда, что завтра что-то принесетъ съ собою, какой-то пряникъ. А завтра... подсидитъ насъ и принесетъ смерть.

— А чтò изъ этого?—возразилъ, блѣдняя, Боря и весь подался впередъ.—Смерть—примиреніе. Смерть—великая тайна и великій законъ жизни. Если ея не бояться, то гдѣ ея жало?

— Какъ ты сказалъ? Это очень òбразно. Жало!..

— Это не мои слова, это у апостола Павла... въ посланіи...

— А-а! Я забылъ, хотя, навѣрно, читалъ.

— Онъ же сказалъ дѣйствительно глубокія и окрыляющія слова: послѣдній врагъ, котораго каждому изъ насъ *должно* побѣдить, это—смерть.

— Хороши побѣдители!

— И каждый можетъ одолѣть этого врага.

Борисъ пододвинулъ свой стулъ къ креслу отца и невольнымъ движеніемъ протянулъ къ нему руку. Ему страстно захотѣлось прильнуть къ любимому человѣку съ больной душой, которую заживо точитъ червякъ мертвящей тоски.

— Скажи мнѣ, папа,—началъ онъ тихо, волнуясь, съ блескомъ въ глазахъ,—неужели безуміе предположить, что мы, люди, —не высшія существа на землѣ, не послѣднее слово мірозданія?

— Я не знаю, мой другъ.

— Творчество той силы, чтò вызвала бытіе изъ хаоса—безконечно!

— Можетъ быть.

— А если оно такъ, то какъ же намъ изрекать приговоры тому, чтò представляетъ собою наша жизнь, какъ бы она ни казалась намъ жалка и ничтожна? Въ насъ, въ нашей душѣ, въ нашемъ мозгу, если тебѣ нравится этотъ терминъ—отражается безконечное бытіе.

— C'est connu, mon ami... le microcosme, quoi? Это красивое сравненіе... не больше.

— Ахъ, нѣтъ, папа! Есть во всемъ одна сила... и между холодными мірами, которые носятся въ пространствѣ, и между

существами съ разумомъ—одно живительное начало. Мы его зовемъ любовью, добромъ.

— C'est du Tolstoï!—съ тихой усмѣшкой выговорилъ князь.

— Ты знаешь... я не сектантъ... Мнѣ довольно и того, во что̀ я вѣрю, какъ въ откровенное познаніе истины. И я не сбираюсь поучать тебя, папа. Я хочу только высказать тебѣ...

Отъ волненія рѣчь его дѣлалась прерывистой.

Князь приласкалъ его, положивъ руку на его плечо. Борисъ опустился на одно колѣно и поцѣловалъ руку отца. Князь, видимо тронутый этимъ порывомъ, поцѣловалъ его въ голову.

— Прости меня, Боря,—заговорилъ онъ другимъ голосомъ.— И не думай, что я совсѣмъ ушелъ отъ тебя, выбросилъ изъ моего сердца. Но я не хотѣлъ и теперь не хочу заражать тебя тѣмъ червякомъ, о которомъ ты сейчасъ говорилъ. Знаю, голубчикъ... я всѣмъ вамъ здѣсь въ тягость.

— Не мнѣ, не мнѣ!—порывисто прошепталъ Борисъ.

— Ты мой... я и это знаю. Но и тебѣ я не могу быть опорой... а только способенъ тревожить или смущать моими чувствами и взглядами, моимъ маразмомъ, какъ выражается добрѣйшій Илья Өедоровичъ.

— Папа, милый, дорогой... Нельзя безъ чего-нибудь выше насъ... выше всего! Тогда жизнь можно нести какъ крестъ, не безсмысленный, а полный просвѣтленной тайны...

Онъ не досказалъ и, точно застыдившись своихъ восторженныхъ словъ, медленно поднялся и присѣлъ опять на стулъ.

— Хорошій человѣкъ Илья Өедоровичъ?—вопросительно выговорилъ онъ.

— Прекрасный,—отозвался князь.

— Тебѣ бы уѣхать съ нимъ, папа. Прости... не подумай, что у меня какая-нибудь задняя мысль. Но здѣсь онъ не можетъ чувствовать себя вполнѣ свободно... А вамъ бы предпринять какую-нибудь поѣздку въ горы.

— Онъ и безъ того сколько времени потерялъ изъ-за меня. Да еще вотъ этотъ случай.

— Скажи, пожалуйста... мелькнула у тебя мысль... въ самый тотъ моментъ, когда ты былъ оглушенъ?

— Не помню, милый. Но я не успѣлъ даже испугаться.

— Какой ужасъ!

— Почему? Одинъ ударъ—и все кончено.

— Что̀ ты говоришь, папа!

Въ возгласѣ Бориса задрожали слезы. Князь протянулъ къ нему руку.

— Прости, голубчикъ,—искренно выговорилъ онъ.—Спасибо тебѣ. Спорить съ тобой не буду, что страшнѣе для меня—жить или... или... Прочти мнѣ еще одинъ отрывокъ. Извини, что это чтеніе тебѣ не по душѣ. Или ты усталъ?

— Нѣтъ, я могу.

И только-что Борисъ взялъ-было книжку со стола—дверь тихо отворилась, и вошла княгиня Евпраксія Андреевна.

— Вы заняты чтеніемъ? Я не стану вамъ мѣшать.

— Мы можемъ и прекратить,—отозвался князь.—Спасибо, дружокъ!—поблагодарилъ онъ сына.—Ты слишкомъ долго сидѣлъ въ комнатахъ... Иди, гуляй. Вечеръ нынче чудесный.

— Можно бы перейти въ гостиную,—замѣтила княгиня.

— Нѣтъ, мнѣ хорошо и здѣсь.

Борисъ молча вышелъ.

Съ-глазу-на-глазъ между княземъ и княгиней разговоръ шелъ всегда по-французски—на „вы“.

— Какъ вы себя чувствуете?—выговорила княгиня, присаживаясь у письменнаго стола.

— Очень хорошо. Нога немножко ноетъ. Но это пустяки! Завтра я думаю сойти въ садъ. Теперь я въ рукахъ цѣлыхъ двухъ докторовъ... бояться нечего... Они ладятъ другъ съ другомъ. И вотъ они одного и того же мнѣнія: надо мнѣ, какъ только оправлюсь, куда-нибудь на высоты. Но вы не безпокойтесь, вы можете оставаться здѣсь.

— А вы отправитесь одни... Какъ же это?

— Нашъ дорогой профессоръ такъ добръ ко мнѣ и такъ мы съ нимъ сошлись, что онъ не отказался устроить меня и побыть со мною сколько нужно.

Княгиня закусила нижнюю губу. Она ждала чего-нибудь въ этомъ родѣ. И тутъ опять „поповичъ“ мстилъ ей. Онъ могъ бы хоть предупредить ее, прежде чѣмъ слаживаться съ княземъ. И навѣрное этотъ совѣтъ первый подалъ онъ. Можетъ быть, онъ даже вызвался сопровождать его.

— На сколько же времени?—спросила она очень сдержанно.

— Не знаю... Чѣмъ дольше—тѣмъ лучше. Вы, мой другъ, ничего не потеряете... А напротивъ, всѣмъ вамъ здѣсь, на этой виллѣ, будетъ гораздо легче и пріятнѣе безъ меня.

Она встала и заходила по комнатѣ.

— Но нельзя же это такъ, вдругъ...

— Не спросивши васъ?—подсказалъ съ тихой усмѣшкой князь и, не вставая, подался станомъ впередъ. Конечно, безъ вашего вѣдома этого не будетъ. Но вамъ тревожиться рѣши-

тельно нечего. Вѣдь вы сами, моя дорогая, пригласили доктора ознакомиться съ моимъ состояніемъ. Вы сдѣлали это, не предупредивъ меня. Я на васъ за это не въ претензіи. Но въ лучшія руки я не могъ бы попасть. Я самъ довѣрился доктору, видя, какой изъ него вышелъ даровитый и глубоко-наблюдательный ученый.

— Я ничего противъ него не имѣю.

— И прекрасно! Да и неловко было бы выступать противъ него, разъ вы его сюда пригласили для рѣшительнаго діагноза.

Въ словахъ своего мужа княгиня слышала постоянную иронію и презрительное чувство къ себѣ. Но онъ говорилъ спокойно, безъ жестовъ, очень послѣдовательно, точно будто его теперешній другъ и консультантъ Мѣдниковъ „внушилъ" ему все это.

— Вы должны быть особенно довольны такой комбинаціей, —продолжалъ въ томъ же тонѣ князь.—Будемъ вполнѣ откровенны, какъ прилично честнымъ людямъ. Я давно васъ тревожу. И дѣйствительно, мое душевное настроеніе дѣлалось мнѣ самому въ тягость. Вы не знали, какъ вамъ быть. И такому ученому, какъ нашъ профессоръ—сразу не дается опредѣленіе того, что̀ въ моей машинѣ... расклеилось. Чѣмъ дольше буду подъ его надзоромъ, тѣмъ лучше.

— Я не спорю. Но я должна же знать, что̀ именно онъ предполагаетъ... И какъ долго вы будете отсутствовать.

— Онъ вамъ это все самъ скажетъ, когда окончательно рѣшитъ, куда меня повезти. Вы, конечно, довѣрите ему меня безъ всякой тревоги. Вы пожалуйста, мой другъ, не думайте, что онъ мнѣ васъ выдалъ. Онъ—сама честность. У него до сихъ поръ на душѣ разные уколы совѣсти...

Князь пріостановился и протянулъ руку.

— Онъ былъ когда-то влюбленъ въ васъ... И убѣжалъ... вы сами знаете, ка̀къ и почему.

Послѣ объясненія съ Мѣдниковымъ, княгиня сама избѣгала встрѣчи съ нимъ. Она не пошла оправдываться передъ мужемъ и не передала князю всѣхъ его писемъ. Но тутъ она не могла дольше молчать.

Она быстро подошла къ креслу, гдѣ сидѣлъ князь, и взялась одной рукой за его высокую спинку.

— Кому же изъ насъ вы вѣрите?—выговорила она глухо, съ усиліемъ переводя дыханіе.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ князь, всплеснувъ руками. —Вамъ обоимъ. Надо быть идіотомъ, чтобы не видѣть правды.

— И вы не нашли ничего лучшаго, какъ отдать ему старое письмо, которое попало въ ваши руки? И все это скрывая отъ меня и прежде... и теперь...

— Скрывая что̀?—перебилъ ее нервнѣе князь.—То, что̀ я когда-то перечувствовалъ? Обвинять васъ я и тогда не хотѣлъ. А теперь это все ясно. И я ему вполнѣ вѣрю.

— *Ему*, а не мнѣ!—почти крикнула княгиня.

— Вамъ обоимъ. Меня тронула его рыцарская забота о томъ, чтобы на васъ не падало подозрѣнія въ томъ, въ чемъ я никогда и не подозрѣвалъ васъ. Достаточно того документа, который вы обронили, а я случайно нашелъ, чтобы видѣть, какъ онъ написанъ страстно влюбленнымъ человѣкомъ, который безумствуетъ оттого... оттого, что вы не отдались ему. Вотъ и все. А что вы его немножко завлекали... при вашей натурѣ, это весьма извинительно.

Онъ еще не говорилъ съ нею, въ послѣдніе годы, съ такимъ самообладаніемъ и съ такимъ чувствомъ своего превосходства. Но развѣ это не можетъ быть новымъ признакомъ безумія? Вотъ она—та „moral insanity“, которую она давно въ немъ замѣчала. Уязвленная гордость не признавала въ эту минуту, что она до такой степени не существуетъ для него, какъ женщина. У нея, отъ быстраго прилива крови, какъ будто мутилось въ головѣ.

— Присядьте, мой другъ, вотъ хоть сюда... вамъ неудобно такъ стоять.

Князь взялъ ее за руку и усадилъ на низенькое кресельце, около кровати.

Не дожидаясь того, что̀ она скажетъ, князь заговорилъ тихо, почти торжественно.

— Никакихъ счетовъ между нами не должно быть. Говорю вамъ это въ послѣдній разъ, княгиня,—медленно произнесъ онъ это слово.—Довольно! Для васъ я давно психопатъ... почти умалишенный. Я это знаю, и вы не давали себѣ труда скрывать это. Я вамъ всѣмъ въ тягость—и вамъ лично, и старшему сыну, и дочери. Одинъ Борисъ льнетъ ко мнѣ. Но вы, вѣроятно, и его считаете ненормальнымъ. Вы всѣ здоровые. Я—больной. Мнѣ и самому, княгиня, жизнь въ тягость, и еслибъ я былъ похрабрѣе, я бы покончилъ съ собою. Вѣрьте... Ни о чемъ я такъ не жалѣю, какъ о томъ, что на дняхъ молнія не уложила меня на вѣки тамъ, въ развалинахъ замка.

— Вы Богъ знаетъ что̀ говорите!—вырвалось у нея.

— Можетъ быть... Но второй разъ я уже не скажу этого.

Одно изъ двухъ: или я окончательно потерянный человѣкъ, или симпатія и талантъ доктора возродятъ меня. Если случится второе—на что̀ у меня мало надежды — тогда я скажу вамъ свое послѣднее слово. А пока вы будете здѣсь жить безъ меня, распоряжаться, устроивать судьбу и карьеру вашихъ дѣтей.

— Стало быть, они для васъ тоже не существуютъ?

— Я для нихъ—помѣха. Умри я, Романъ—глава семейства и владѣлецъ маіората; Елена сдѣлаетъ партію скорѣе и лучше, чѣмъ при мнѣ. Избавьте меня, княгиня, отъ разбора того—кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, и почему съ годами пресѣклась всякая связь между мною и всѣми вами. Никого я обвинять не желаю. А жажду только измѣнить среду, какъ говоритъ ce cher Илья Ѳедоровичъ... cambiare l'ambiente... Виноватъ! Вы не любите, когда я позволяю себѣ итальянскія фразы.

— Вы слишкомъ много говорили... Я еще не безумная, чтобы волновать васъ.

Княгиня поднялась и отошла къ двери.

— А все, что̀ нужно будетъ—рѣшитъ докторъ: вы сами сдѣлали его судьей—le suprême arbitre,—выговорилъ князь звонкой нотой.—Пеняйте на себя! Если вы, мой другъ, и попались... тѣмъ лучше для насъ обоихъ.

Онъ сдѣлалъ ей привѣтъ рукой, когда она уходила.

XVIII.

Въ пассажирскомъ залѣ станціи, въ послѣобѣденный часъ, на одномъ изъ боковыхъ дивановъ, слышался русскій разговоръ, въ перемежку съ французскими фразами.

Передъ двумя дамами, сидѣвшими на диванѣ—это были княгиня Елатомская съ дочерью,—стоялъ Скурловъ, въ дорожномъ макфэрланѣ и картузѣ спортсмэна.

— Вы на меня не въ претензіи, княгиня, что я увожу и вашего сына? Но право... я не интриговалъ. Ему здѣсь слишкомъ скучно. Мы съ нимъ сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ Пиренеи, и черезъ три недѣли онъ опять здѣсь.

— Какъ ему угодно,—отвѣтила княгиня и искоса поглядѣла на дочь.

Елена была вся въ бѣломъ. Это къ ней очень шло. Замѣтная блѣдность дѣлала лицо интереснымъ. Она спала плохо и встала съ головной болью; но ничего этого она не желала показывать. Скурловъ простился съ ней по-пріятельски и много-

значительно сказалъ: „Ne nous disons pas adieu!“ И онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ еще вернуться къ ней. Она его не обвиняла. Еслибъ мать хотѣла—она могла бы повернуть иначе дѣло. Ей стоило только дать ему понять: на что ея дочь въ правѣ разсчитывать при выходѣ замужъ.

— А у васъ, княгиня, какіе планы?

— Ничего не знаю.

Княгиня пожала плечами.

— C'est toujours la santé de ce cher prince? Что же, наконецъ, говоритъ вашъ профессоръ?—потише спросилъ Скурловъ, нагнувшись къ ней пониже.

— Онъ находитъ, кажется, что князю надо поскорѣе... вонъ отсюда.

— Вы ему довѣряете?

Этотъ вопросъ сдѣлался для нея какой-то „scie“, и она съ напряженной усмѣшкой выговорила:

— Не знаю, ничего не знаю. Надѣюсь, однако, что на дняхъ это будетъ рѣшено такъ или иначе.

Подбѣжалъ князь Романъ.

— Все готово... Вотъ твои билеты.

— Видите, какъ онъ любитъ хлопотать! Не допустилъ меня ни до чего,—сказалъ Скурловъ и присѣлъ къ Еленѣ.

— Можно занимать вагоны! Ты идешь?—окликнулъ князь Скурлова.

— Мы еще успѣемъ!

— Я пойду распоряжусь. Здѣсь душно! Идите на платформу.

Всѣ двинулись изъ залы. Скурловъ и Елена шли сзади и немного отстали.

Князь Романъ приказалъ динстману нести ручной багажъ въ купэ перваго класса. Мать его отвела его немного въ сторону, подъ навѣсъ.

Онъ выдерживалъ характеръ и до сихъ поръ будировалъ ее за пощечину. Третьяго дня онъ сказалъ ей, что проѣдется со Скурловымъ, что ему слишкомъ тяжело оставаться здѣсь. Денегъ онъ у княгини не просилъ—у него еще было ихъ достаточно на поѣздку.

И когда мать замѣтила ему, что онъ поступаетъ не особенно красиво, оставляя ее одну въ такой моментъ—онъ не воздержался и сказалъ, что онъ не можетъ отвѣчать за себя; что профессора Мѣдникова онъ сейчасъ же бы вытурилъ, какъ интригана, который нахально издѣвается надъ его матерью.

Объясненіе обошлось болѣе мирно, чѣмъ сцена въ аллеѣ.

— Чтò тебѣ сказалъ отецъ, когда ты пришелъ прощаться съ нимъ?—спросила княгиня.

— Какъ всегда... des mots sonores. Развѣ ему не все равно?..

— Слушай,—перебила она:—я требую отъ тебя немедленнаго возвращенія, если въ этомъ будетъ надобность.

— Я не отказываюсь, maman.

— Можетъ случиться... что я должна буду ѣхать... къ отцу, туда, гдѣ онъ будетъ.

— Только я впередъ говорю: за себя я не ручаюсь, когда придется посчитаться съ господиномъ Мѣдниковымъ.

— Ты будешь дѣлать то, чтò тебѣ прикажетъ мать твоя. Теперь ступай. Я отчасти рада. Ты глупо велъ себя съ Людмилой. Не знаю, чтò у васъ вышло... на дняхъ. Но у нея съ тобой тонъ, котораго нельзя сносить, милый мой, если самъ кто не наглупилъ. Это такая особа, отъ которой можно всего ожидать.

Изъ-за угла, гдѣ Скурловъ и Елена прохаживались передъ поѣздомъ, въ лучѣ солнца, заигралъ яркій цвѣтъ шляпки и корсажа молодой дамы, быстро шедшей въ ихъ сторону.

— Легка на поминѣ!—сказала княгиня вполголоса.—Прошу вести себя прилично.

Людмила подошла сначала къ той парѣ, что-то сказала Скурлову и пожала ему руку.

— Добраго пути, князь!

Протянутую руку онъ пожалъ молча. Глаза ея смотрѣли на него все съ тѣмъ же задорнымъ выраженіемъ.

— И надолго князь насъ покидаетъ? — спросила Людмила, обернувшись къ княгинѣ.

— На три недѣли.

— Счастливецъ! Только смотрите, не схватите солнечнаго удара, тамъ, въ горахъ, куда бѣжалъ Эрнани. Помните, какъ Муне-Сюлли завывалъ:

„La vieille Catalogne en mère m'a reçu!“

Дали звонокъ.

— Прощайте. Дальніе проводы—лишнія слезы. Я должна зайти сюда... вотъ, къ доктору Остервальду, по порученію княгини. Сегодня такъ жарко, какъ въ Испаніи.

Ея глаза досказали ему:

„Ты еще придешь и станешь на заднихъ лапкахъ“.

— До свиданія! — крикнула она и на ходу поклонилась Скурлову.

— Tu vois,—сказала княгиня сыну.—Elle te traite comme un mioche! Стыдись!

Онъ густо покраснѣлъ и повелъ головой, но ничего не отвѣтилъ.

Кондукторъ сталъ кричать:

— Einsteigen! Einsteigen!

Скурловъ и Елена подбѣжали. Елена, уже менѣе блѣдная, обмѣнялась shake-hand'омъ съ Скурловымъ; ихъ англійское встряхиванье рукъ было, со стороны, чисто-пріятельское, какъ двухъ партнеровъ по lawn-tennis'у.

— Прощай, maman! Будь здорова!

Князь Романъ приложился къ рукѣ матери. Княгиня поцѣловала его въ високъ, суховато.

Братъ и сестра поцѣловались поспѣшно.

Изъ окна вагона Скурловъ долго махалъ имъ своей спортсмэнской шлычкой.

Обѣ онѣ стояли подъ навѣсомъ, пока длинный поѣздъ, изгибаясь змѣйкой, не исчезъ вправо.

Ихъ ждала коляска, безъ лакея. Княгиня приказала кучеру, который ждалъ на площади, передъ вокзаломъ, ѣхать шагомъ за ними.

— Marchons un peu,—пригласила она дочь, и онѣ пошли вдоль цвѣточнаго сквэра, гдѣ еще доцвѣтали большіе кусты розоваго и бѣлаго боярышника.

— Asseyons-nous!—сказала княгиня, и онѣ сѣли на скамью, откуда виденъ былъ и отель „Terminus", гдѣ все еще жилъ Мѣдниковъ.

Разговоръ пошелъ, и дальше, французскій.

— Тебѣ его жаль?—спросила княгиня и поглядѣла на дочь.

— Немножко.

— Еслибъ онъ былъ тебѣ дорогъ, ты бы не могла быть такой спокойной. И тобой, моя милая, онъ не увлеченъ. Я не вмѣшивалась въ ваши отношенія. Но, право, большой потери нѣтъ. Я надѣюсь, Елена, что ты не допустила ничего лишняго.

— Все равно,—заговорила вдругъ Елена, гораздо нервнѣе:— все равно! онъ или другой. Но пока у насъ въ домѣ все будетъ идти такъ же... Ты понимаешь, maman! А теперь, съ этимъ профессоромъ...

Елена не досказала и провела только по воздуху правой рукой.

Княгиня выразительно поглядѣла на нее.

— На твоемъ мѣстѣ,—продолжала Елена,—я бы потребовала отъ этого господина чего-нибудь... enfin quelque chose de franc et de catégorique! — воскликнула она и прошлась кончикомъ своего зонтика по землѣ.

Княгиня не сразу отвѣтила. Говорить дочери о томъ, что профессоръ увозитъ съ собою князя, она не желала въ эту минуту. Ей самой назойливо хотѣлось теперь имѣть съ Мѣдниковымъ рѣшительный и послѣдній разговоръ.

Слѣва, наискосокъ отъ фасада станціи, точно дразнили ее красивыя башенки его отеля. Туда ее и тянуло.

— Поѣзжай,—сказала она дочери, вставая.—Я хочу пройтись немного.

Елена какъ будто поняла, зачѣмъ мать хочетъ остаться одна и, ничего не сказавъ, пошла къ коляскѣ.

Княгиня побыла еще минуты двѣ-три на скамейкѣ сквэра, потомъ скорымъ шагомъ пересѣкла площадь, всю залитую солнцемъ, взяла по правому троттуару, миновала другую гостинницу, съ большой террасой, и поднялась на высокое крыльцо отеля „Terminus".

Она ни разу не бывала въ немъ.

Франтоватый старшій кельнеръ, вѣроятно эльзасецъ, спросилъ ее по-французски—кого она желаетъ видѣть. Мѣдниковъ оказался дома. Княгиня, не давая своей карточки, попросила сказать ему, что русская дама ждетъ его въ салонѣ отеля.

Въ маленькой гостиной было душно; но она стояла совсѣмъ пустая. Княгиня присѣла на триповый диванчикъ, поправила шляпу и раза два опахнула себя платкомъ.

Она чувствовала, что возбуждена противъ Мѣдникова, особенно послѣ объясненія съ княземъ. Придраться она къ нему формально не можетъ; но все говоритъ ей, что она очутилась въ рукахъ „поповича". И его поведеніе въ нелѣпой исторіи съ письмомъ отзывалось предательствомъ. Все это навѣрное вскипитъ въ разговорѣ съ нимъ; но, по крайней мѣрѣ, она заставитъ его раскрыть свои карты.

Заслышались сильные шаги Мѣдникова. Она вся выпрямилась и мелькомъ поглядѣла въ зеркало.

Онъ вошелъ въ домашнемъ пиджакѣ и въ шолковой рубашкѣ съ повязушками, и сейчасъ же извинился за свой туалетъ.

— Съ княземъ что-нибудь не ладно?—заботливо спросилъ онъ, подсаживаясь къ ней на диванъ.

— Нѣтъ, ничего. Мы сейчасъ провожали нашихъ молодыхъ

людей... И я зашла къ вамъ, Илья Ѳедоровичъ. Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ.

— Душевно радъ, княгиня.

Онъ тотчасъ понялъ, что это будетъ рѣшительное объясненіе.

— Мы съ вами совсѣмъ не видимся. Я бы сказала, что вы избѣгаете этого. Правда, вы просили меня не торопить васъ, не приставать къ вамъ,—прибавила она съ косой усмѣшкой.— Я и не приставала. Но послѣ моего разговора съ княземъ— два дня тому назадъ—я должна переговорить съ вами... окончательно,—протянула она и поправила на лицѣ вуалетку.

— Къ вашимъ услугамъ, княгиня.

— Полноте! Этотъ тонъ совсѣмъ не къ мѣсту. Я къ вамъ обратилась какъ къ другу. А теперь... я, право, не знаю, кто мы—друзья или враги?

— Враги?—повторилъ Мѣдниковъ, тряхнувъ головой.—Съ какой стати?

— Во-первыхъ, Илья Ѳедоровичъ... эта исторія съ письмомъ... ваша интимность съ княземъ... Вы объяснялись съ нимъ...

— Я долженъ былъ это сдѣлать, княгиня.

— И онъ вамъ повѣрилъ сейчасъ же. А мнѣ чуть не вслухъ сказалъ:—милая моя, ты для меня не существуешь... не трудись оправдываться заднимъ числомъ.

— Онъ васъ не подозрѣваетъ въ томъ, чего не было. *Этого* надо было добиться. И для меня *это* сдѣлалось вопросомъ чести.

— Ахъ, полноте!—перебила она и встала.—Я не имѣю права обвинять васъ въ чемъ-нибудь прямо враждебномъ. Ну да, князь первый началъ эту игру въ великодушіе. Вы—извините меня— повели себя какъ студентъ, а не какъ сорокалѣтній профессоръ съ паціентомъ.

— Можетъ быть,—проговорилъ Мѣдниковъ.

— Но развѣ не правда, что я въ эту недѣлю потеряла въ его глазахъ и то немногое, чѣмъ я держала его?

— Вы ошибаетесь, княгиня... Наше прошлое открыло ему то письмо нѣсколько лѣтъ назадъ. И тогда, какъ я думаю—я даже убѣжденъ въ этомъ—князь уже охладѣлъ къ вамъ; онъ только выносилъ васъ... Простите, это рѣзко, то, что̀ я сейчасъ сказалъ; но намъ съ вами въ настоящую минуту нельзя играть въ дипломатовъ. Вы недовольны, вы подозрѣваете меня, вы сбиты съ позиціи—это вѣрно. И я понимаю ваше душевное состояніе. Но я солгалъ бы, еслибъ сказалъ вамъ, что я ему сочувствую.

— Благодарю!

— Вы пожаловали сюда—слышать отъ меня окончательное слово... Такъ или нѣтъ?

— Кажется, его пора произнести.

— Поэтому позвольте мнѣ говорить совершенно на чистоту. Подозрѣвайте меня или нѣтъ—я хочу и буду говорить съ вами, отрѣшившись, прежде всего, отъ нашего прошлаго. Присядьте, прошу васъ.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ.

— Въ чемъ же дѣло? Я былъ пылкій юный врачъ... вы меня приласкали, вамъ пріятны были мои безумства, и на словахъ, и на письмахъ. Еслибы вы любили вашего мужа такъ, какъ онъ въ то время любилъ васъ—ничего бы между нами не было. А что̀ было—то князь простилъ. Вотъ вѣдь и все.

— По-моему, тутъ или рисовка, или издѣвательство психопата.

— Позвольте, княгиня... Не злоупотребляйте этой кличкой. Ни рисовки, ни издѣвательства тутъ никакого не было. Да и отчего не простить, когда прежней страсти нѣтъ, когда между вами обоими всякая душевная связь давно не существуетъ?

— Я это знаю, докторъ...

— И безъ васъ—хотѣли вы сказать, княгиня. Да, это такъ. Вотъ главная причина всего, что̀ въ такой натурѣ, какъ князь, повело къ потерѣ... душевнаго равновѣсія.

— Вовсе нѣтъ! Самая эта натура никуда не годилась.

— Позвольте мнѣ, княгиня, имѣть свое мнѣніе,—сказалъ Мѣдниковъ тономъ, въ которомъ она почувствовала авторитетъ профессора.—И теперь, переходя къ настоящей фазѣ психическаго состоянія вашего мужа, я на основаніи всего, что̀ я видѣлъ и слышалъ не только отъ него, и въ его комнатѣ, и во время нашихъ прогулокъ, но и во всемъ вашемъ домѣ—я считаю, княгиня, безусловно необходимымъ вырвать князя изъ его обстановки.

— Я знаю... вы уже сладились съ нимъ. Онъ мнѣ это сказалъ.

— Если это камень въ мой огородъ, княгиня,—я его не заслужилъ. Мнѣ надо было сначала его самого убѣдить въ томъ, что̀ я считаю необходимымъ. Спрашивать предварительно вашего согласія я не считалъ себя обязаннымъ. Одно изъ двухъ: или вы довѣряете врачу, пріѣхавшему сюда по вашему особенному настоянію, или нѣтъ. Если да—вы не можете ничего выставить противъ меня.

— Почему?—рѣзко перебила княгиня.—Когда я обратилась

къ вамъ, развѣ я могла ожидать, что выйдетъ эта... исторія съ письмомъ?

— Но отъ кого шла иниціатива? Отъ князя, а не отъ меня... Стало быть, вы мнѣ теперь не довѣряете?

Протянулось молчаніе.

— Я жду отвѣта, княгиня.

Мѣдниковъ всталъ и отошелъ къ пьянино, у боковой стѣны.

— Я не могу, докторъ, отказаться отъ всякаго участія въ такомъ дѣлѣ... совершенно стушеваться и предоставить вамъ одному все, все.

— Что̀ же это все? Предположимъ, что я нашелъ бы положеніе князя требующимъ немедленнаго помѣщенія его въ лечебницу для умалишенныхъ. Вѣдь вамъ того только и хотѣлось?— громче выговорилъ онъ.

— Почему же только?

— Вы и теперь считаете его душевно-больнымъ... Будь это иначе—изъ-за чего же вы стали бы выписывать меня сюда? Къ чему же лукавить? И когда? И гдѣ? Съ-глазу-на-глазъ со мною! Это недостойно васъ, княгиня!

— Но вы мнѣ и сейчасъ не говорите: ка̀къ вы на него смотрите?—почти крикнула княгиня.

— Мое мнѣніе такое: князь вовсе, какъ принято выражаться на жаргонѣ вашего круга, не полоумный, и еще менѣе безумный. Напротивъ! Я нахожу, что въ эти десять лѣтъ онъ въ своемъ идейномъ развитіи ушелъ замѣчательно далеко. У него нѣтъ твердости въ выводахъ, ему, какъ и прежде, трудно сосредоточиваться, но кругъ его идей необычайно расширился; языкъ, образныя выраженія, остроуміе, оригинальность—все это на лицо, и гораздо интереснѣе, новѣе, чѣмъ было прежде.

Княгиня только пожала плечами.

— И задушевное его я вовсе не поражено тѣмъ, что̀ англійскіе авторы называютъ нравственнымъ безуміемъ. Вовсе нѣтъ! Его пессимизмъ, уныніе, равнодушіе, отрѣшенность отъ всего, что̀ его окружаетъ, происходятъ отъ того, что это окружающее ему чуждо, тяжко, что оно его то возмущаетъ, то подавляетъ.

— Вы находите, стало быть, что онъ нравственно выше насъ всѣхъ?

— Не о томъ рѣчь, княгиня: выше или нѣтъ; но въ той бездѣятельной, замкнутой жизни, какую онъ теперь ведетъ, при постоянномъ безплодномъ раздраженіи ума, онъ уже нажилъ себѣ терзающее его двойственное настроеніе: тягость жизни, желаніе изъ нея уйти и страхъ смерти.

— Чего же вамъ больше?—вскричала княгиня, вся красная.

— Это вовсе не безуміе. Совершенные пустяки, что всѣ самоубійцы въ моментъ покушенія на свою жизнь находятся въ припадкѣ умоизступленія или меланхоліи. И знаете, отъ чего онъ проситъ меня теперь каждый день отрѣшить его, посредствомъ гипноза, внушенія? Отъ страха смерти, а не отъ желанія уйти изъ жизни! Словомъ, княгиня, мужъ вашъ—несомнѣнный неврастеникъ во всемъ, что̀ составляетъ его аффективную жизнь, міръ чувствъ, желаній, напряженій воли. Но далеко не безнадѐжный! И теперь я поставлю передъ вами такую альтернативу: если вы хотите довести его до настоящаго душевнаго недуга—держите его при себѣ: это самый вѣрный путь. Если же вы жалѣете его хоть чуточку, по человѣчеству, даже и не любя его нимало, вы должны согласиться на то, что̀ я предлагаю: князь уѣдетъ на два... на три мѣсяца. Покаюсь вамъ—онъ такъ меня привлекаетъ всѣмъ своимъ душевнымъ пошибомъ, и какъ спеціалиста, и какъ человѣка, что я рѣшилъ посвятить ему весь остатокъ моихъ вакацій.

— Но вѣдь это большая жертва,—возразила княгиня,—и намъ нельзя принять ее такъ... безъ...

— Безъ чего?—переспросилъ Мѣдниковъ и подошелъ къ ней. —Это намекъ на мое вознагражденіе? Гонорара я не возьму, княгиня, не потому, что я желаю выставлять себя безсребренникомъ, а потому, что я въ настоящихъ условіяхъ не могу его принять. Мы сначала поѣздимъ съ княземъ по Швейцаріи. Потомъ я найду для него тихое мѣсто, гдѣ и оставлю, подъ наблюденіемъ врача, которому я довѣряю. А потомъ—увидимъ. Но я предупреждаю васъ, княгиня, князю надо измѣнить радикально образъ жизни, ему надо имѣть свои интересы, сознавать иначе свою личность, чѣмъ-нибудь распоряжаться, дѣлать какое-нибудь живое дѣло.

— Распоряжаться? Что̀ вы говорите, Илья Ѳедоровичъ? Это значитъ идти на полное разореніе!—почти заныла княгиня.

Мѣдниковъ поглядѣлъ на нее пристально и покачалъ головой.

— Неужели это одно васъ смущаетъ? Насколько вы меня посвятили въ ваши материнскія заботы, вы боитесь, чтобы онъ не устранилъ васъ отъ завѣдыванія всѣмъ его состояніемъ? Почему вы боитесь этого? Потому что считаете его душевно-больнымъ? Ну, а если я вамъ верну его совсѣмъ другимъ?

— Здоровымъ? До самой смерти онъ останется... все такимъ же сумасбродомъ. Прежде былъ кутежъ... нелѣпыя траты... платежи за пріятелей. Теперь пойдутъ другія дикости. Онъ спо-

собенъ ухлопать все на благотворительность... Богъ знаетъ на что!.. Просто изъ-за одного задора, чтобы сдѣлать намъ всѣмъ гадость!

Въ звукахъ голоса княгини Мѣдниковъ заслышалъ то же, что покоробило его въ первый ихъ разговоръ въ кургаузѣ. Ему стало вдругъ почти тошно продолжать разговоръ съ такой же искренностью.

— Вы боитесь, княгиня, какъ бы мужъ вашъ чего не натворилъ въ тотъ періодъ, когда онъ будетъ со мною. Вамъ нечего смущаться. Даю вамъ слово, что я не допущу его ни до какого поступка, опаснаго для вашего фамильнаго благосостоянія. А хотите вы большей гарантіи—попросите его, когда онъ вернется болѣе свѣжимъ и спокойнымъ, обезпечить при жизни и васъ, и дѣтей, въ той или иной формѣ. Я убѣжденъ, что онъ не откажется. А заповѣдное имѣніе онъ ни продать, ни заложить не можетъ.

— Все это мечты! И загадывать было бы наивно. Вы должны, Илья Өедоровичъ, сказать мнѣ прямо: вы, значитъ, желаете оторвать князя отъ семьи... совсѣмъ, радикально? Какъ же это? Развести его, что-ли, со мною? Ха, ха! Скажите ужъ прямо!

— Княгиня, я не адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Напротивъ, еслибъ вашъ бракъ могъ вступить въ другую полосу—это было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ скрасить жизнь князя. Хотите еще отвѣта на чистоту? Вотъ онъ: не въ немъ одномъ, а и въ васъ также сидитъ причина вашего печальнаго сожительства. Вы этого не признаете, конечно. Жизнь, быть можетъ, научитъ. А если нѣтъ—пусть лучше князь надѣлаетъ денежныхъ глупостей, но стряхнетъ съ себя теперешній душевный маразмъ.

Она встала и отошла къ окну. Она тутъ только почувствовала, что этотъ „кутейникъ" поставитъ на своемъ и увезетъ князя.

И въ подтвержденіе она услыхала отъ него такія слова, сказанныя медленно, точно съ сознаніемъ своего несомнѣннаго права:

— Какія бы чувства у васъ ни были ко мнѣ, княгиня, въ чемъ бы вы меня ни подозрѣвали—я не покину вашего мужа. Онъ—не подъ вашей опекой, не лишенъ правоспособности, мнѣ онъ довѣрился, и передъ вами я обязательство свое исполнилъ.

— И когда же вы уѣзжаете?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но я васъ предупреждаю, княгиня: лучше вы теперь протестуйте и примите мѣры про-

тивъ... не столько мужа вашего, сколько меня. За то, съ какими чувствами и мыслями онъ вернется, я отвѣчать безусловно не могу, но до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться на моихъ рукахъ, я ничего до него не допущу, что̀ я считаю вреднымъ.

— Это похоже на ультиматумъ, докторъ?

— Назовите, какъ хотите. Вамъ нельзя протестовать. Это было бы слишкомъ ужъ откровенно... княгиня. Я надѣюсь вернуть князя къ нормальной жизни. Неужели же вамъ хотѣлось только признать его неизлечимо-больнымъ? Я этого не допускаю.

Онъ подошелъ къ ней и протянулъ ей руку.

— Никакихъ счетовъ не желаю я имѣть между нами. Ихъ и нѣтъ за прошлое... А въ будущемъ изъ-за чего намъ воевать, если вамъ хоть немножко жаль князя?

Пожатіе было короткое. Княгиня тотчасъ же отняла свою руку и у двери спросила:

— Вы меня, надѣюсь, предупредите о днѣ вашего отъѣзда?

— Тайкомъ мы не убѣжимъ, княгиня.

Она ничего не отвѣтила и вышла въ корридоръ. Мѣдниковъ проводилъ ее до сѣней и на лифтѣ поднялся къ себѣ въ номеръ.

Щеки у него горѣли; въ вискахъ было нервное ощущеніе. Какъ въ первый день по пріѣздѣ, онъ прилегъ опять на кушетку, у окна, и взялъ свою записную книжку, гдѣ отмѣчалъ все, что̀ переживалъ здѣсь изо дня въ день.

Объясненіе съ княгиней вышло не въ томъ тонѣ, какъ онъ хотѣлъ. Слишкомъ молодо, и рѣзковато, и неосторожно, повелъ онъ себя. Будь на его мѣстѣ какой-нибудь коллега, и онъ невидимо присутствовалъ бы при такомъ объясненіи, онъ осудилъ бы коллегу—и весьма строго.

Отчего же такъ вышло? Неужели въ немъ все еще притаилась потребность отплаты женщинѣ, которая когда-то владѣла его душой?

Никогда еще, по пріѣздѣ сюда, она не выступала передъ нимъ въ такомъ печальномъ освѣщеніи. Злобы въ немъ нѣтъ; нѣтъ и негодованія; а скорѣе жалость, для нея болѣе обидная, чѣмъ всякое другое чувство.

Просматривая свои здѣшнія записи, онъ увидалъ, какъ наросталъ въ немъ съ каждымъ днемъ интересъ къ его бывшему паціенту.

Неужели десять лѣтъ назадъ онъ могъ такъ грубо ошибаться въ оцѣнкѣ той же личности? Этотъ „ша̀лый князь“, эта „балалайка“—такъ онъ честилъ его про себя—привлекъ его, какъ никогда и никто въ его практикѣ, и даже среди вполнѣ

нормальныхъ людей, изъ самыхъ умныхъ и развитыхъ. Въ немъ самомъ „психопатія" князя разбудила цѣлый рядъ настроеній съ „возвратомъ къ себѣ", запросовъ личной жизни, отъ какихъ онъ уклонялся, поглощенный своимъ дѣломъ.

И вотъ онъ, по доброй волѣ, впрягаетъ себя въ лямку, вмѣсто отдыха и бодрящаго одиночества идетъ на возню съ кандидатомъ въ умалишенные.

„Княгиня не посмѣетъ выступить противъ меня",—увѣренно подумалъ Мѣдниковъ и рѣшилъ, что послѣ-завтра онъ увезетъ князя.

П. Боборыкинъ.

ОЗДОРОВЛЯЮЩІЯ и ЦѢЛИТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ ПРИРОДЫ

Стремленія человѣчества познавать природу и отыскивать въ ней новыя силы, хотя и запечатлѣны давностью, однако, вслѣдствіе скудости положительныхъ знаній, долгое время оставались безплодными. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка, и даже въ началѣ настоящаго, когда въ научныхъ вопросахъ, между прочимъ, уже стала проявляться серьезная критика, фактическія знанія въ области естественныхъ наукъ были и крайне недостаточны, и шатки. Неудивительно поэтому, что движенія мысли въ области біологіи вообще, и ученія о здоровьѣ человѣка въ частности, терялись въ дебряхъ гадательнаго, фантастическаго и чудеснаго. Скептицизмъ и недовѣріе, насажденные Вольтеромъ, Дидро̀ и другими философами, мало мѣшали процвѣтанію ученій Сведенборга, Мессмера и успѣхамъ Гасснера, Каліостро и т.-под. фокусниковъ-врачевателей, лечившихъ таинственными процедурами, ложно-религіозными обрядами, магнетизмомъ и другими такими же способами. Только съ начала истекающаго нынѣ столѣтія всестороннее изученіе природы человѣка и окружающаго міра вступило на путь спокойнаго, трезваго и точнаго научнаго анализа.

Благодаря успѣхамъ физіологіи и строго объективному и всестороннему изученію нервной системы человѣка—Шарко̀ и его учениками, спала завѣса съ таинственнаго,—и ученіе о такъ-называемомъ животномъ магнетизмѣ и гипнотизмѣ вышло изъ области гадательнаго и чудеснаго и стало на должное мѣсто. Съ другой стороны, открытія Пастёра, Листера, Р. Коха, Меч-

никова и др., вызвавъ цѣлый переворотъ во взглядахъ на происхожденіе болѣзней и на ихъ природу, направили на новый путь науку о профилактикѣ и леченіи человѣческихъ недуговъ. Съ изученіемъ особаго міра болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, открылся широкій горизонтъ для новыхъ и вѣрныхъ способовъ врачеванія и, главное, для предупрежденія болѣзней. Для ученія о воздухѣ, свѣтѣ, водѣ, почвѣ и другихъ источникахъ жизни и благосостоянія человѣка наступила новая эра, и съ нею родились надежды на лучшее будущее для человѣчества, въ смыслѣ его оздоровленія.

И дѣйствительно, наступленіе новой эры не подлежитъ сомнѣнію, ибо оно знаменуется завоеваніями, которыя наука о здравоохраненіи дѣлаетъ каждый день въ сознаніи культурныхъ народовъ;—движенія въ общественной жизни въ пользу гигіеническихъ мѣропріятій служатъ тому доказательствомъ.

Успѣхи современной медицины реально выражаются въ той крупной роли, которая теперь предоставляется гигіенѣ не только въ смыслѣ профилактическихъ требованій, но и при леченіи болѣзней. Обстановка, въ которую ставится больной или больная при хирургическомъ леченіи и въ акушерской практикѣ (обстановка, извѣстная почти каждому), и которою обезпечивается успѣхъ леченія, служитъ живымъ доказательствомъ значенія предупредительной гигіены; современные способы леченія чахотки, напримѣръ, также подтверждаютъ значеніе гигіены, какъ лечебнаго фактора. Наше время, отличающееся открытіемъ многихъ вѣрно-дѣйствующихъ специфическихъ лекарственныхъ средствъ (жаропонижающія, обезболивающія средства, противомикробныя сыворотки), можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордиться и широкимъ примѣненіемъ гигіеническихъ и діэтетическихъ способовъ леченія. Лекарственная тэрапія, несмотря на значительное обогащеніе фармацевтическаго арсенала новыми средствами, не только не расширилась, но даже, вслѣдствіе оставленія весьма многихъ старыхъ препаратовъ, стала уже; но зато широкое мѣсто открылось физическимъ способамъ леченія. Такимъ образомъ, грубо-эмпирическое, такъ-называемое аллопатическое леченіе, въ противовѣсъ которому въ XVIII вѣкѣ явилось наивное ученіе гомеопатовъ, стало быстро исчезать, и на смѣну ему явилась строго научная тэрапія, во всеоружіи современныхъ знаній и въ тѣсномъ единеніи съ могучей союзницей-гигіеной.

Окружающая природа — необъятный міръ, въ которомъ все живущее вѣчно борется за свое существованіе, въ которомъ жизнь и смерть, созиданіе и разрушеніе, составляютъ неразрывную цѣпь бытія—даетъ человѣку много невзгодъ, лишеній и бѣдствій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она еще въ большей мѣрѣ, предоставляетъ ему все, что̀ неразрывно связано съ его благополучіемъ и наслажденіемъ,—все, что̀ нужно для охраненія и сохраненія его здоровья и жизни!

Уже самая борьба за существованіе заключаетъ въ себѣ инстинктивныя, такъ сказать, стремленія къ самозащитѣ отъ вредныхъ вліяній, и потому первобытныя мѣропріятія по здравоохраненію такъ же древни, какъ и самый міръ; не нужно, мнѣ кажется, въ подтвержденіе сказаннаго приводить примѣры такой самозащиты изъ животнаго и растительнаго царствъ—они всѣмъ извѣстны.

Первыя проявленія сознательнаго отношенія къ силамъ природы, какъ хранителямъ здоровья и цѣлителямъ недуговъ, у культурныхъ народовъ, отмѣчены уже въ давнія времена. Авиценна, знаменитый арабскій врачъ и философъ, жившій за девять вѣковъ до насъ, проповѣдовалъ, что люди, подвергающіе себя дѣйствію солнечныхъ лучей и совершающіе при этомъ много движеній на воздухѣ, предохраняютъ себя отъ болѣзней. Плиній Младшій, описывая жизнь одного изъ римскихъ гражданъ, упоминаетъ, что онъ два раза въ день прогуливался нагишомъ по крышѣ своего дома, на солнцепёкѣ; у римлянъ, какъ извѣстно, существовали на крышахъ такъ-называемые соляріи, гдѣ они, отчасти съ гигіенической цѣлью, отчасти съ лечебной, пользовались солнечными ваннами. Врачъ Целіусъ-Ауреліанусъ, современникъ Галена, указываетъ на эти ванны, какъ на полезное средство противъ падучей болѣзни, болѣзней брюшной полости и другихъ недуговъ. Примѣненіе солнечныхъ лучей съ лечебными цѣлями, по словамъ Платона, было въ ходу и въ Греціи. Уже Аристотель, по поводу воздуха и воды, сказалъ, что „въ нихъ всего болѣе и всего чаще нуждается тѣло, они же и оказываютъ всего больше вліянія на здоровье. Наконецъ, Галенъ, во II вѣкѣ по Р. Х., признавалъ климатическое леченіе за лучшее средство при чахоткѣ и посылалъ больныхъ съ этою цѣлью въ Египетъ, Ливію, на берега Неаполитанскаго залива, при чемъ указывалъ также на благотворное дѣйствіе морского путешествія.

Не останавливаясь долѣе на исторіи физическаго способа леченія и раньше, чѣмъ перейти къ очерку того, что̀ въ послѣднее время сдѣлано въ отношеніи пользованія силами природы

съ цѣлями оздоровленія и врачеванія, я считаю не лишнимъ привести нѣсколько поучительныхъ данныхъ насчетъ оздоравливающихъ вліяній природы, совершающихся на пользу человѣка, безъ участія его воли.

I.

„Dove el sol, no e il medico“—„гдѣ солнце, тамъ не нуженъ врачъ“,—гласитъ итальянская народная пословица,—и въ ней много смысла и правды! Дѣйствительно, солнце и свѣтъ въ органическомъ мірѣ—могучіе возбудители жизни и вѣрные охранители здоровья человѣка, и не даромъ древніе народы покланялись имъ!

Свѣтъ, особенно солнечный, оказываетъ большое вліяніе на развитіе формы и отдѣльныхъ органовъ у животныхъ и растеній. Извѣстно, напримѣръ, что обитатели среды слабо освѣщенной (ночныя птицы, рыбы, живущія на небольшихъ глубинахъ) обладаютъ большими и сильными глазами, но эти органы вырождаются, или совершенно пропадаютъ, когда животнымъ приходится жить въ полномъ мракѣ. Обыкновенный кротъ, какъ извѣстно, имѣетъ весьма узкія глазныя щели, а гребневикъ, живущій въ Южной Америкѣ на бо̀льшей глубинѣ, чѣмъ кротъ, совершенно слѣпъ; далѣе, у нѣкоторыхъ рыбъ, при переходѣ изъ мелкихъ водъ въ болѣе глубокія, глаза вырождаются. И окраска животныхъ мѣняется въ зависимости отъ свѣта: въ темнотѣ животныя нерѣдко очень слабо окрашены, тусклы или безцвѣтны, а тѣ изъ окрашенныхъ, которыя изъ освѣщенной среды попадаютъ въ темноту, теряютъ красящее вещество своихъ покрововъ, и наоборотъ, подъ вліяніемъ свѣта, появляется окраска у такихъ животныхъ у которыхъ ея раньше не было. Въ пещерахъ Кентуки,—говоритъ Реклю,—водится не менѣе 14 видовъ такихъ животныхъ, рыбъ, ракообразныхъ, слѣпыхъ раковъ, блѣдно окрашенныхъ крупныхъ крысъ, ящерицъ, печально блуждающихъ въ своемъ царствѣ мрака, и нѣсколько видовъ желтыхъ сверчковъ, ползающихъ какъ жабы, съ трудомъ находящихъ дорогу, лишь съ помощью своихъ огромныхъ сяжковъ.

Свѣтовое возбужденіе, вызывающее образованіе красящаго вещества (пигмента) въ покровахъ животнаго, повидимому, обусловливаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и другіе болѣе глубокіе физіологическіе процессы; въ пользу этого говоритъ любопытное наблюденіе Гейма, который видѣлъ, что десятиногіе раки, при покрытіи ихъ тѣла (головы, груди и брюха) непрозрачнымъ ла-

комъ, даже при отличныхъ гигіеническихъ условіяхъ, умираютъ, между тѣмъ какъ при смазываніи лакомъ прозрачнымъ эти животныя не только не погибаютъ, но даже въ теченіе довольно продолжительнаго времени остаются здоровыми. Это наблюденіе объясняется, быть можетъ, тѣмъ фактомъ, что подъ вліяніемъ свѣта у животныхъ увеличивается выдѣленіе углекислоты (Молешоттъ, Перрье и друг.), при чемъ свѣтовые лучи въ совокупности дѣйствуютъ иначе, чѣмъ взятые отдѣльно; такъ, напримѣръ, если подъ вліяніемъ бѣлаго свѣта животное выдѣляетъ 100 чч. углекислоты, то отъ синяго—оно выдѣляетъ 122,6 чч., отъ зеленаго 128,5 чч., и отъ желтаго около 175 чч. (наблюденія Потта). Точно также и поглощеніе кислорода происходитъ на свѣту энергичнѣе, чѣмъ въ темнотѣ, что̀, между прочимъ, доказано Грэффенбергомъ, который нашелъ, что количество гемоглобина (красящаго вещества) въ красныхъ кровяныхъ тѣлахъ, подъ вліяніемъ темноты, уменьшается.

На жизни растеній вліяніе солнечныхъ лучей сказывается еще рѣзче: ростъ ихъ совершается по направленію къ источнику свѣта; части растенія, подвергающіяся дѣйствію солнечныхъ лучей, развиваются быстрѣе и лучше, чѣмъ части, находящіяся въ тѣни и меракѣ. Хлорофилъ (зеленое красящее вещество растеній) исчезаетъ въ темнотѣ, и въ пещерахъ, напримѣръ, прозябаютъ лишь одни грибы, и при томъ часто лишь въ состояніи полуорганизованныхъ клѣтокъ.

Обмѣнъ веществъ у растеній находится въ большей зависимости отъ солнечныхъ лучей, чѣмъ у животныхъ: углекислота воздуха, какъ извѣстно, поглощается листьями подъ вліяніемъ свѣтовыхъ лучей, при чемъ хлорофиломъ разлагается углекислота и выдѣляется кислородъ; когда прекращается свѣтовое раздраженіе и наступаетъ темнота, тогда происходитъ обратное: поглощается кислородъ и выдѣляется углекислота. Такимъ образомъ, растенія являются посредниками въ дѣйствіи солнечнаго свѣта на животныхъ, а вещественный обмѣнъ въ растительномъ мірѣ служитъ очевиднымъ доказательствомъ той тѣсной и неразрывной связи, какая существуетъ между нимъ и животнымъ міромъ.

Я уже упомянулъ о вліяніи солнечнаго свѣта на дыханіе у животныхъ. Не перечисляя другихъ наблюденій относительно физіологическаго дѣйствія свѣта, я хотѣлъ бы только еще подчеркнуть нѣкоторые общеизвѣстные факты, касающіеся вліянія свѣта на животныхъ. Такъ извѣстно, что ростъ и питаніе животныхъ подъ вліяніемъ темноты уменьшается; это доказано не только по отношенію къ животнымъ вообще (Плэзантонъ, между

прочимъ, нашелъ, что свиньи и быки ростутъ скорѣе при фіолетовомъ, нежели при бѣломъ свѣтѣ), но и по отношенію къ человѣку. Маллингъ Ганзенъ (датскій ученый) пришелъ къ заключенію, что ростъ дѣтей идетъ скорѣе въ тѣ времена года, которыя богаче свѣтомъ и тепломъ, а Демме—что у дѣтей, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта, усиливается обмѣнъ. выдѣляется больше угольной кислоты, температура крови повышается и количество красящаго вещества въ ней увеличивается.

Гумбольдтъ подмѣтилъ, что между дикими, которые, благодаря жаркому климату, могутъ обходиться безъ одежды и живутъ на солнцѣ, не встрѣчается тѣлесныхъ недостатковъ; съ другой стороны—передъ нами общеизвѣстный фактъ, что люди, обреченные жить въ подвалахъ или работать въ копяхъ и рудникахъ, страдаютъ малокровіемъ и худосочіемъ, а тѣлесные недостатки и болѣзни составляютъ ихъ постоянный удѣлъ!

Природа соединила свѣтъ и тепло — эти могучіе двигатели жизни — тѣсными узами, и потому трудно ихъ разграничивать; повседневныя наблюденія, однако, даютъ не мало доказательствъ въ пользу самостоятельнаго вліянія свѣта на живые организмы. Не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на надлежащую температуру, растенія не развиваются, если они лишены свѣта. Альф. Дэкандолль доказалъ непосредственнымъ опытомъ, что изъ двухъ растеній, посаженныхъ въ одинъ и тотъ же день, то, которое освѣщается солнечными лучами, нуждается въ меньшемъ количествѣ тепла для своего развитія и созрѣванія. Большей именно напряженностью свѣта можно объяснить быстроту роста и яркость цвѣтовъ многихъ горныхъ растеній.

Весьма поучительны также новѣйшія наблюденія Дж. Клэйтона, который, выращивая бобы, убѣдился, что недостатокъ солнечнаго освѣщенія ведетъ къ ослабленію силы сѣмянъ и къ вырожденію вида. Этотъ ученый выбралъ 12 возможно одинаковыхъ бобовыхъ растеній одного и того же вида, и при посадкѣ расположилъ ихъ такимъ образомъ, что 6 изъ нихъ находились подъ полнымъ солнечнымъ свѣтомъ, а 6—лишь въ разсѣянномъ дневномъ освѣщеніи. При сборѣ плодовъ, въ октябрѣ, оказалось, что тѣ, которые были подъ вліяніемъ прямыхъ солнечныхъ лучей, представляли, сравнительно съ другими бобами, рѣзкую разницу въ отношеніи вѣса: первые относились ко вторымъ какъ 99 къ 29. И въ высушенномъ видѣ сѣмена растеній, бывшихъ подъ солнечными лучами, представляли къ бобамъ, выросшимъ подъ вліяніемъ разсѣяннаго свѣта, отношеніе какъ 3 къ 1. Въ слѣдующемъ году Клэйтонъ посадилъ бобы, выросшіе въ тѣни

такъ, что ихъ озарялъ полный солнечный свѣтъ, но лишь половина изъ нихъ созрѣла, и послѣ 4-й посадки появились только цвѣты, безъ плодовъ. Такимъ образомъ, полное лишеніе бобовъ прямого солнечнаго свѣта въ теченіе одного растительнаго періода до того обезсилило ихъ приплодъ, что въ четыре года видъ вымеръ.

Излишне, кажется, прибавлять, что и человѣкъ безъ свѣта не живетъ, а прозябаетъ: въ ясный солнечный день движенія его живѣе, онъ чувствуетъ себя бодрѣе и веселѣе; въ пасмурный — настроеніе его становится угнетеннымъ и отправленія болѣе вялыми.

Но солнце вліяетъ не только на человѣка самого, а также и на среду, въ которой онъ живетъ. Кромѣ тѣхъ вліяній, которыя находятся въ неразрывной связи съ благодѣтельнымъ тепломъ, оно оказываетъ еще непосредственное оздоравливающее дѣйствіе на окружающую человѣка природу—на воздухъ, воду и почву.

Многочисленными наблюденіями теперь доказано, что солнечный свѣтъ обладаетъ большой обеззараживающей силой, и что его смѣло можно считать однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ и дешевыхъ средствъ для уничтоженія микроорганизмовъ. Въ 1877 г. Доунеромъ и Блэнтомъ, затѣмъ Тиндалемъ, было доказано, что разсѣянный дневной свѣтъ задерживаетъ развитіе бактерій и ихъ споръ, а солнечный свѣтъ ихъ убиваетъ. Энергичнѣе всего при этомъ дѣйствуютъ синіе и фіолетовые лучи, и всего слабѣе— красные и оранжевые.

Арлоингъ, въ 1885 г., нашелъ, что двухчасовое дѣйствіе солнечныхъ лучей убиваетъ палочки сибирской язвы; Кохъ наблюдалъ то же самое относительно бациллъ бугорчатки; Ферузи и Челли — относительно палочекъ столбняка; Гейслеръ, Минкъ, Бухнеръ, Дьёдонне́, Шарренъ, Гальяръ, Яновскій, Китазато, Нокаръ, Штрауссъ, Ру, Іерсенъ и другіе — относительно бациллъ тифа, холеры и многихъ другихъ болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ. Наконецъ, извѣстной коммиссіей нѣмецкихъ ученыхъ, командированныхъ въ Бомбей, дознано, что чумныя бациллы отъ часового воздѣйствія солнечнаго свѣта умираютъ.

Интересенъ еще тотъ фактъ, что жидкія среды съ содержаніемъ сложныхъ азотистыхъ органическихъ веществъ подъ вліяніемъ свѣта дѣлаются негодными для жизни бактерій; другими словами, такія среды дѣйствуютъ на микроорганизмы антисептически.

Такого рода измѣненія тѣмъ рѣзче выражаются и тѣмъ дольше

длятся, чѣмъ продолжительнѣе вліяніе свѣта, но они находятся въ зависимости также и отъ кислорода воздуха.

Приведенныхъ данныхъ, безъ сомнѣнія, достаточно для того, чтобы составить должное представленіе о могущественномъ оздоравливающемъ значеніи солнечнаго свѣта.

II.

Переходя къ другому носителю здоровья — воздуху, я, конечно, далекъ отъ мысли утомлять читателя подробнымъ изложеніемъ того, что всѣмъ давно извѣстно,—повтореніемъ элементарной истины, что безъ воздуха нѣтъ здоровья, нѣтъ жизни. Еще въ XVII столѣтіи (1673 г.) гигіенистъ Аграви опредѣлилъ значеніе воздуха въ такихъ выраженіяхъ:

„Хорошій воздухъ, принося пользу здоровью, даетъ тѣлу гибкость и силу, душѣ—радостное настроеніе, чувствамъ—тонкую воспріимчивость; отъ него совершенствуется характеръ, становятся возвышенными мысли, развивается умъ и возбуждается охота и любовь ко всякой дѣятельности въ природѣ; оживляется кровь, лицо пріобрѣтаетъ живой, цвѣтущій видъ, сдавленная грудь усталаго рабочаго вздымается свободнѣе, голосъ становится яснымъ и благозвучнымъ, проходитъ одышка, проясняется глазъ — эта жемчужина лица; утончаются обоняніе и вкусъ; однимъ словомъ, воздухъ, представляя притягательную среду для всѣхъ живыхъ, воспріимчивыхъ и невоспріимчивыхъ существъ, является великой благодатью“!..

Въ этой тирадѣ, при всей приподнятости стиля, столько правды, что подъ нею можно всегда смѣло подписаться,—и этимъ ограничиться. Но, говоря о воздухѣ, мнѣ все-таки хотѣлось бы напомнить о нѣкоторыхъ явленіяхъ—общеизвѣстныхъ, правда, въ которыхъ ясно выражается оздоравливающая роль самой природы.

Начать съ того, что уже постоянство состава атмосферы говоритъ въ пользу несомнѣннаго существованія въ природѣ средствъ не только для безпрерывнаго образованія кислорода, но и для уничтоженія углекислоты. Дѣйствительно, расходъ кислорода въ природѣ и запасы его быстро истощились бы, еслибы не имѣлись условія для безпрерывнаго его образованія.

Знаменитый химикъ Фарадэй приблизительно вычислилъ, что все количество кислорода въ атмосферѣ равняется по крайней

мѣрѣ 1 милліону 178 тысячамъ 158 милліардамъ тоннъ, а расходуется кислорода въ день: 3 милліона 600 тысячъ тоннъ.

На дыханіе людей	450.000.000	килогр.
На дыханіе животныхъ	900.000.000	„
На горѣніе и броженіе	450.000.000	„
На гніеніе и другіе процессы .	1.800.000.000	„

Итого въ день: 3 милліарда 600 тысячъ килограммовъ, или:
3 милліона 600 тысячъ тоннъ, или:
1 милліардъ 314 милліоновъ тоннъ въ годъ.

При такомъ огромномъ расходованіи, запасы кислорода должны были бы изсякнуть въ теченіе 900.000 лѣтъ.

Принимая, однако, въ соображеніе, что уменьшеніе количества кислорода въ воздухѣ уже на 1/100 могло бы вредно отразиться на здоровьѣ животнаго міра, легко себѣ представить, что еслибы природа не обладала средствами для вособновленія тратъ его, то воздухъ скоро сталъ бы негоднымъ для поддержанія жизни. Къ счастью для человѣчества, равновѣсіе въ составѣ воздуха поддерживается міровымъ круговоротомъ вещества и жизнью растительнаго міра, который непрерывно доставляетъ атмосферѣ огромное количество кислорода. Всей растительностью, покрывающей земную поверхность, по Менделѣеву, производится въ годъ 15 тысячъ милліардовъ килограммовъ кислорода; жители же всего земного шара потребляютъ только тысячу милліардовъ килограммовъ. Но разъ мы знаемъ, какая огромная роль въ уравновѣшеніи состава воздуха принадлежитъ растеніямъ и солнцу, то мы въ правѣ, вмѣстѣ съ проф. Льюизомъ, авторомъ извѣстной книги: „Воздухъ и вода“, спросить себя: что̀ же дѣлается съ воздухомъ въ городахъ, въ которыхъ нѣтъ солнца и зелени, или зимою, когда растительность умираетъ? Далѣе, что̀ происходитъ отъ разницы, представляемой въ вѣсовомъ отношеніи различными газами, входящими въ составъ атмосферы: вѣдь углекислота тяжелѣе кислорода, кислородъ тяжелѣе азота, амміакъ же и водяные пары очень легки; еслибы эти газы распредѣлялись въ воздухѣ по своей плотности, то ближайшимъ къ землѣ слоемъ сдѣлался бы ядовитый углекислый газъ, какъ наиболѣе тяжелый. Но и тутъ природа спасаетъ! Въ силу „закона диффузіи газовъ“, по которому всѣ газообразныя вещества смѣшиваются одно съ другимъ, несмотря на разницы въ плотности, поддерживается постоянство состава атмосферы; благодаря воздушнымъ теченіямъ и вѣтрамъ, атмосферные газы перемѣшиваются, и углекислота, образующаяся въ городахъ отъ дыханія

и горѣнія, очень быстро уносится въ другія мѣстности, гдѣ растительность и солнце содѣйствуютъ выдѣленію изъ нея кислорода, который, въ свою очередь, приносится обратно въ города.

Вѣтру же, вліяющему, между прочимъ, на атмосферную температуру и на тепловой обмѣнъ нашего тѣла, мы обязаны также очищеніемъ воздуха отъ разныхъ посторонних примѣсей; онъ разсѣеваетъ и разрѣжаетъ ихъ и этимъ ослабляетъ или уничтожаетъ причиняемый этими примѣсями вредъ: онъ же и главный двигатель естественной вентиляціи нашихъ жилищъ.

Не останавливаясь на вліяніяхъ воздушныхъ теченій, а также на воздушномъ электричествѣ, на оздоравливающемъ значеніи озона и проч., я перейду къ почвѣ и къ водѣ.

III.

По мѣткому выраженію французскаго гигіениста Арну, почва —„резервуаръ жизни", ибо она представляетъ собою огромное вмѣстилище воды, тепла и веществъ, питающихъ растенія, безъ которыхъ, какъ мы знаемъ, немыслимо существованіе живого міра. Но не въ этомъ только заключается великое значеніе почвы—въ ней зиждется, какъ въ этомъ легко убѣдиться, великая оздоравливающая сила!

Единственнымъ мѣстомъ, предназначеннымъ самой природой для воспринятія всѣхъ органическихъ отбросовъ и удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ гигіены,—говоритъ берлинскій профессоръ Рубнеръ, — *служитъ почва.* И дѣйствительно, это великая истина, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой средѣ разложеніе подверженныхъ гніенію органическихъ веществъ происходитъ самымъ совершеннымъ и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, наиболѣе безвреднымъ способомъ!

Должнаго, однако, представленія объ оздоравливающемъ значеніи почвы въ сознаніи образованнаго общества, мнѣ кажется, нѣтъ; напротивъ того, на нее привыкли смотрѣть какъ на очагъ всякаго рода міазмовъ и вредныхъ для здоровья началъ, игнорируя, въ данномъ случаѣ, что въ этомъ очагѣ, который само человѣчество переполняетъ до крайности, совершается неустанная работа, въ силу которой не только обезвреживаются болѣзнетворныя начала, но еще притомъ на счетъ органическихъ веществъ происходитъ образованіе неорганическихъ соединеній, служащихъ для питанія растеній и такимъ образомъ снова поступающихъ въ круговоротъ органической жизни.

На городахъ, почва которыхъ воспринимаетъ невѣроятныя количества всякаго рода отбросовъ, разлагающихся и способныхъ къ гніенію веществъ и, наконецъ, болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, мы видимъ доказательство той великой оздоравливающей работы, какая совершается въ подземной гигіенической лабораторіи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ почвѣ городовъ не происходили указанные благодѣтельные процессы, то гораздо скорѣе, чѣмъ это можно себѣ представить, должно было бы наступить поголовное заболѣваніе и, быть можетъ, вымираніе населенія. Существованіе же и эпидемическое развитіе болѣзней почвеннаго происхожденія, такихъ, напримѣръ, какъ тифъ, холера, диссентерія и проч., не только не противорѣчатъ выраженной мысли, а напротивъ, подтверждаетъ ее: массовое загрязненіе, переполненіе почвы нечистотами, ведутъ, конечно, къ такому ея насыщенію органическими веществами, что въ концѣ концовъ истощается въ извѣстной степени оздоравливающая сила почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рождаются благопріятныя условія для развитія и размноженія болѣзнетворныхъ началъ.

Хотя нѣкоторые болѣзнетворные микроорганизмы хорошо живутъ и даже размножаются въ почвѣ, но зато весьма многіе, и даже наиболѣе зловредные, находятъ въ землѣ наилучшія условія для своей гибели. Съ другой стороны, микроорганизмы играютъ существенную роль въ самоочищеніи почвы, въ процессѣ такъ-называемой нитрификаціи органическаго азота, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ—пока почва не пресыщается разлагающимися веществами и пока существуютъ благопріятныя условія для окисленія послѣднихъ.

Слѣдующій опытъ служитъ подтвержденіемъ сказанному: если въ наполненную смѣшаннымъ съ пескомъ черноземомъ стеклянную трубку наливать небольшія количества сильно разведенной гніющей мочи, то черезъ нѣкоторое время изъ трубки начинаетъ стекать прозрачная, почти безцвѣтная жидкость, лишенная всякаго запаха, съ ничтожнымъ содержаніемъ органическихъ веществъ и амміака и съ большими количествами азотистой и азотной кислотъ. Если же пропускать черезъ почву органическій растворъ, слишкомъ насыщенный, или помѣшать вліянію организованныхъ бродилъ (микроорганизмовъ) умерщвленіемъ ихъ хлороформомъ, то превращеніе органическаго азота въ азотистую и азотную кислоту не происходитъ, а продуктомъ продолжающагося разложенія мочи является амміакъ.

Изъ опытовъ, иллюстрирующихъ оздоравливающее значеніе почвы, поучительны слѣдующіе.

Франкландъ пропускалъ воду каналовъ Лондона, въ количествѣ 25—33 литровъ ежедневно, черезъ песчаную почву въ 1 квадр. метръ протяженія и въ 1 метръ толщины, и при этомъ получалась вода совершенно чистая, а органическія вещества превращались въ соли окисловъ.

Фалькъ наполнялъ высокіе и узкіе стеклянные цилиндры песчаной почвой и обливалъ ее растворами различныхъ бродилъ, гнилостныхъ и животныхъ ядовъ. Эмульсинъ и другія бродила, при прохожденіи черезъ почву, совершенно теряли свою ферментативную способность; растворы сибиреязвенной крови, гнилостнаго яда и загнившаго лошадинаго мяса, лишались содержащихся въ нихъ бѣлковыхъ веществъ и гнилостнаго запаха и, при впрыскиваніи въ кровь животнымъ, не вызывали уже отравленія. Только по прошествіи многихъ мѣсяцевъ, при ежедневномъ поливаніи, почва теряла свою обеззараживающую способность.

IV.

Въ неразрывной связи съ почвой, а слѣдовательно съ растительнымъ и животнымъ міромъ, стоитъ вода. Запасы ея на нашей планетѣ огромные, и значеніе ея не менѣе велико и разнообразно. Въ атмосферѣ всегда есть вода, и безъ нея немыслимо было бы существованіе животныхъ организмовъ, всегда нуждающихся во влагѣ для пополненія своихъ тратъ, происходящихъ отъ безпрерывнаго испаренія тѣла.

Съ поверхности всего земного шара, и главнымъ образомъ съ поверхности большихъ водовмѣстилищъ—морей, озеръ, рѣкъ,—подъ вліяніемъ солнечной теплоты испаряются громадныя количества воды. Сгущающіеся въ атмосферѣ отъ соприкосновенія съ болѣе холодными воздушными теченіями, водяные пары въ видѣ атмосферныхъ осадковъ—дождя, снѣга, росы и проч.,—ложатся на землю и совершаютъ свою благодѣтельную для всего живого работу.

Нужно ли говорить о такихъ элементарныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшихъ свойствахъ воды, какъ ея теплоемкость—о ея, слѣдовательно, вліяніи на распредѣленіе температуры на землѣ,—нужно ли упоминать о значеніи дождя, снѣга и росы, рѣкъ, озеръ и морей, и о крупной роли этихъ дѣятелей въ жизни и общей экономіи природы? Не достаточно ли будетъ напомнить лишь мимоходомъ, что, благодаря воздушной влагѣ, происходитъ въ широкихъ размѣрахъ очищеніе и оздоровленіе

воздуха, которымъ мы дышимъ, указавъ лишь развѣ въ подтвержденіе сказаннаго, что атмосферная вода въ моментъ своего образованія абсолютно чиста, по мѣрѣ же прохожденія воздушнаго пространства она насыщается огромнымъ количествомъ посторонних примѣсей, газообразныхъ и плотныхъ—пыли, вредныхъ газовъ, микроорганизмовъ, при чемъ, съ приближеніемъ къ населеннымъ мѣстностямъ, это загрязненіе непомѣрно ростетъ?!. Любопытно, быть можетъ, при этомъ узнать, что Тиссандьé нашелъ въ Парижѣ въ 1 кубич. метрѣ воздуха, при сухой погодѣ, 23 миллиграмма пыли, а послѣ дождя—лишь 6 миллиграммовъ! Изъ 1 литра дождевой воды въ Парижѣ тотъ же ученый добылъ 25—172 миллиграмма пыли. И это въ Парижѣ, въ одномъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ въ санитарномъ отношеніи городовъ! Въ другихъ же населенныхъ мѣстахъ благодѣтельная работа дождя еще больше;—въ Харьковѣ, напримѣръ, по разсчету проф. Якобія, въ пыльное осеннее время изъ воздуха осѣдаетъ столько пыли, сколько въ Парижѣ осѣдаетъ на равную по величинѣ площадь въ теченіе года!

А сколько низшихъ организмовъ увлекается атмосферными осадками! По Микелю, количество микробовъ, увлекаемое дождевой водой, всегда весьма значительно, представляя лишь колебанія по мѣстамъ и временамъ года: въ городахъ дождевая вода обыкновенно содержитъ нѣсколько тысячъ микробовъ въ 1 литрѣ.

Но перейдемъ изъ области научныхъ фактовъ въ область эстетическаго, гдѣ природа во всѣхъ своихъ величественныхъ, могущественныхъ и дивно красивыхъ проявленіяхъ даетъ столько оздоравливающаго и цѣлительнаго не только для души, но и для тѣла. Потому возвращаюсь къ водѣ, которая, по выраженію Реклю, представляетъ собою „символъ движенія на землѣ"!..

„Вода—душа пейзажа, око его",—гласитъ восточная поговорка. И правда—грустно, безотрадно выглядитъ поляна, когда она, лишенная влаги, оголена, безъ признаковъ жизни, безъ растительности, и какое жизнерадостное и освѣжающее впечатлѣніе она производитъ, когда по ней змѣйкой извивается веселая рѣчка или журчитъ серебристый ручей, когда она покрыта сочной травой или украшена деревьями!.. Освѣжая траву и деревья, питая луга и поляны, рощи и лѣса, вода даетъ жизнь этимъ дарамъ природы и сохраняетъ ихъ для человѣка.

А сколько чарующей прелести въ живомъ и свѣтломъ родникѣ, выбивающемся изъ-подъ таинственныхъ скалъ, или въ рѣкѣ, мчащей среди зеленѣющихъ береговъ, сквозь лѣса и луга, свои полныя воды, сколько поэзіи въ безмолвныхъ лазоревыхъ

озерахъ, обрамленныхъ мощными горами, сколько величія въ вѣчно движущемся, вѣчно шумящемъ безбрежномъ морѣ! „Кому не довелось очутиться лицомъ къ лицу съ океаномъ, тотъ не имѣетъ должнаго представленія,—говоритъ Гёте,—о вселенной, о шири, мощи и величіи Божьяго мірозданія".

Но если море, при всемъ своемъ великолѣпіи и благотворномъ вліяніи, вызываетъ иногда въ непривычномъ человѣкѣ чувство подавленности и смиренія, то привольная, покрытая цвѣтущимъ ковромъ степь, ласкающій глаза лугъ, благоухающій спокойный лѣсъ и величественныя горы даютъ ему зато одно глубокое наслажденіе—подъемъ духа и бодрость тѣла!

Гдѣ же кроется источникъ этого наслажденія?

Прежде всего въ созерцаніи природы, ея красотъ, а затѣмъ— въ свѣжемъ, чистомъ и здоровомъ воздухѣ, который обновляетъ тѣло и даетъ охоту жить!

Въ поле, въ лѣсъ, на лоно природы, въ деревню — вотъ куда безсознательно и сознательно стремится всякій ищущій освѣженія и укрѣпленія человѣкъ, и прежде всего горожанинъ!

„Тѣ часы, когда наша душа преисполнена сознанія красоты природы, — говоритъ Лэббокъ, — единственные часы, когда мы живемъ полной жизнью; чѣмъ больше времени мы отдаемъ природѣ, тѣмъ больше часовъ жизни мы отстаиваемъ для себя отъ безпощаднаго времени".

„Примите меня, луга, священные лѣса, примите странника, бѣгущаго отъ городского шума и ищущаго въ вашей тѣни покоя и освѣженія"!—восклицаетъ Шэфтсбюри въ своемъ „Гимнѣ къ Природѣ". Но не отъ одного шума уходитъ городской обыватель, покидающій свои каменныя стѣны и душныя квартиры,— онъ бѣжитъ отъ загрязненнаго комнатнаго воздуха, отъ зараженной атмосферы улицъ, отъ переполненной нечистотами почвы, онъ уходитъ отъ угнетающей здоровье условности городской жизни, отъ ея чрезмѣрной и часто непроизводительной работы, отъ ея „суеты суетъ"!

И куда онъ бѣжитъ? Въ деревню—мало культурную, почти всегда лишенную даже самыхъ обыкновенныхъ гигіеническихъ устройствъ.

А насколько, несмотря на это, деревня лучше города?! Настолько, позволю себѣ сказать, насколько оздоравливающая сила природы сильнѣе научной изобрѣтательности человѣка!.. Широкій, нестѣсненный небесный сводъ, свободно гулющій вѣтеръ, яркое солнце, не пресыщенная нечистотами почва—вотъ вели-

кіе гигіенисты деревни, и на нихъ смѣло можетъ уповать человѣкъ, ищущій въ ней здоровья!

Не подлежитъ сомнѣнію, что деревенское населеніе, если оно болѣе или менѣе благопріятно обставлено въ соціально-экономическомъ отношеніи, несмотря на многія, часто неудовлетворительныя санитарныя условія (понимая въ общепринятомъ смыслѣ), пользуется лучшимъ здоровьемъ и отличается меньшей, сравнительно, смертностью, чѣмъ городское.

Во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ смертность въ городахъ значительно больше, нежели въ деревняхъ и селахъ, хотя разница и колеблется въ довольно большихъ предѣлахъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, смертность въ деревняхъ только на 8,5% меньше, чѣмъ въ городахъ; въ Англіи зато—на 24,1%); если же въ Россіи, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, по Эрисману, на смертности дѣтей получается и обратное отношеніе, то это объясняется исключительными и, нужно желать, временными условіями!

Джэмсъ Старкъ нашелъ, что въ Шотландіи общая смертность у поселянъ на $^1/_3$ ниже, чѣмъ у городскихъ жителей, и что абсолютная смертность дѣтей въ возрастѣ до пяти лѣтъ въ городахъ превышаетъ таковую въ деревняхъ ровно въ два раза!..

Значеніе деревни для дѣтей хорошо охарактеризовано словами Мирабо, который, обращаясь къ французской буржуазіи, сказалъ: „Дѣлайте вашихъ дѣтей хоть на время мужиками, и отъ этого вы увидите лишь одну пользу“!

Нѣмецкій ученый Карлъ Ланге, собиравшій данныя относительно умственнаго кругозора учениковъ городскихъ школъ въ своемъ отечествѣ, убѣдился, что изъ 500 дѣтей 6-лѣтняго возраста 82% не имѣли никакого представленія о восходѣ солнца, 77%—о закатѣ, 37%—не видѣли поля, засѣяннаго хлѣбомъ; 37%—никогда не бывали въ лѣсу, и 57%—ни въ одной деревнѣ! И у насъ педагогомъ И. Н. Михайловымъ, путемъ разспроса дѣтей низшихъ классовъ петербургскихъ школъ, добыты подобныя же статистическія данныя!..

V.

Перехожу къ врачеванію болѣзней средствами природы—къ тому широкому и плодородному полю, на которомъ—съ равнымъ, пожалуй, для человѣчества успѣхомъ—собираютъ жатву какъ добросовѣстные представители науки, такъ и непризнанные врачеватели, ничего общаго съ наукой не имѣющіе!

Дѣлая очеркъ цѣлебныхъ богатствъ природы и касаясь способовъ, которыми наука ихъ эксплуатируетъ съ лечебными цѣлями, нельзя мимоходомъ не коснуться и пресловутаго „Naturheilverfahren" („врачеваніе природой"), также какъ и современныхъ представителей его, такъ называемыхъ „Naturärzte" („натурные врачи"), хотя бы съ единственной лишь цѣлью показать, что успѣхъ этихъ, въ большинствѣ невѣжественныхъ, врачевателей, расплодившихся въ большомъ числѣ въ Европѣ, особенно въ Германіи и Австріи, еще разъ доказываетъ могущество цѣлебныхъ силъ природы.

Извѣстная подъ названіемъ „Naturheilverfahren" — особая система лечить силами природы, и прежде всего водой, обходясь при этомъ безусловно безъ аптечныхъ лекарствъ и безъ помощи врачей,—система, созданная профанами,—ведетъ свое начало отъ Присница, силезскаго крестьянина (умеръ въ 1851 г.), фанатическаго проповѣдника водолеченія, и Шрота (умеръ въ 1856 г.), примѣнявшаго съ врачебными цѣлями влажное тепло и особенную діэту.

Съ легкой руки этихъ двухъ врачевателей-любителей, изъ которыхъ первый безспорно далъ толчокъ къ воскрешенію водолеченія въ научной медицинѣ, стали нарождаться, особенно въ послѣднее время, новые проповѣдники свободнаго врачеванія средствами природы.

Ведя безпощадную войну съ наукой, предавая анаѳемѣ врачей, не признавая хирургіи, отвергая значеніе такихъ полезныхъ способовъ леченія, какъ гимнастика, массажъ, леченіе минеральными водами и, конечно, лекарствами, они лечатъ водой, воздухомъ, діэтой, иногда и травами, и—horribile dictu!—не только пріобрѣтаютъ многочисленныхъ паціентовъ, но и похваляются хорошими результатами. Родоначальникъ новаго поколѣнія „Naturärzte", баварскій пасторъ Кнейпъ, привлекалъ, какъ извѣстно, въ свою деревню десятки тысячъ недужныхъ и насчитывалъ тысячи если не всегда излеченныхъ, то очень часто оздоровленныхъ паціентовъ! Въ чемъ же кроется успѣхъ этого прославившагося на всю Европу врачевателя (не-врача) и его присныхъ? Зная, что сущность Кнейповскаго леченія сводится къ упорядоченію образа жизни паціентовъ и къ пріученію ихъ къ воздуху, холодной водѣ и воздержанію, легко себѣ объяснить успѣхъ такого „Naturheilverfahren".

Всѣ такъ-называемые новые методы примѣненія холодной воды (Кнейпъ называлъ употреблявшійся имъ способъ водолеченія „своимъ способомъ"), пресловутое хожденіе босикомъ по

мокрой травѣ, сидѣніе нагишомъ на открытомъ воздухѣ и т. п. процедуры, составляющія альфу и омегу леченія Naturärzte—не что̀ иное, какъ способы закаливанія тѣла, давно проповѣдуемые научной медициной и болѣе относящіеся къ области оздоравливающей гигіены, чѣмъ собственно къ леченію.

Считая излишнимъ входить въ подробную оцѣнку дѣятельности гг. Кнейповъ, Лamановъ и имъ подобныхъ чужеземныхъ и своихъ врачевателей, не признающихъ науки, и ограничиваясь уже сказаннымъ, въ заключеніе я не могу, однако, не отмѣтить того отраднаго факта, что знаменіе времени благопріятно отразилось и на невѣжественныхъ эксплоататорахъ медицины и лечащейся публики, ибо и они въ гигіенѣ и діэтетикѣ, въ воздухѣ и водѣ, стали признавать надлежащую основу врачеванія!

Теперь посмотримъ, какъ научная медицина пользуется предоставляемыми природой многочисленными средствами?

Средствъ этихъ многое множество—воздухъ и вода, свѣтъ и тепло, минеральные источники и грязи, торфъ и песокъ, лѣсъ и горы, рѣки и моря! Каждое изъ нихъ, не говоря уже о совмѣстныхъ вліяніяхъ, которыя мы имѣемъ въ климатахъ континентальномъ и морскомъ, тепломъ и холодномъ, и пр., могло бы быть предметомъ обширной статьи, а потому я остановлюсь лишь на тѣхъ дѣятеляхъ природы, на которые въ послѣднее время, въ виду ихъ важнаго общественнаго значенія, обращено наибольшее вниманіе.

Начну съ воздушной тэрапіи.

Значеніе чистаго воздуха, какъ лечебнаго средства, всего рѣзче и нагляднѣе выступаетъ на успѣхахъ, достигаемыхъ въ санаторіяхъ для чахоточныхъ и въ лечебныхъ станціяхъ и колоніяхъ для золотушныхъ и бугорчатыхъ дѣтей.

Давно ли было время, когда чахотку легкихъ, отъ которой, по разсчету Корне́, въ Европѣ умираетъ ежегодно милліонъ человѣкъ, т.-е. около 3.000 ежедневно, считали за неизлечимую болѣзнь, а больныхъ, одержимыхъ ею, держали въ комнатахъ, оберегая ихъ отъ холоднаго воздуха и отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, или, въ лучшемъ случаѣ, для продленія жизни, посылали на югъ!

Теперь же примѣненіемъ чистаго воздуха въ любомъ климатѣ дается возможность не только улучшить состояніе чахоточнаго больного, но даже исцѣлить его совершенно.

Въ Англіи, въ этой наиболѣе благоустроенной въ санитарномъ отношеніи странѣ, въ которой, однако, отъ чахотки, по Бёртонъ Фаннингу („The Lancet“, мартъ 1898), умираетъ въ годъ около

44.000 человѣкъ, и 14—15% всего населенія страдаютъ этой болѣзнью, въ сороковыхъ годахъ явились первые піонеры новаго способа леченія: д-ра Бодингтонъ, Дж. Кларкъ, Макъ-Кормакъ и друг. Первые же плоды ихъ ученія, которымъ проповѣдовалось широкое пользованіе воздухомъ (продолжительное пребываніе на открытомъ воздухѣ, несмотря ни на какую погоду, спанье при открытыхъ окнахъ, и т. д.) прежде всего стали прививаться въ Германіи, гдѣ (въ Герберсдорфѣ и Фалькенштейнѣ) возникли первыя санаторіи для чахоточныхъ. Въ настоящее время такія санаторіи существуютъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; если же число ихъ далеко еще не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ населенія, если онѣ не успѣли еще совершенно вытѣснить негуманный способъ призрѣнія чахоточныхъ въ больницахъ, то, во всякомъ случаѣ, хорошо уже и то, что польза и необходимость подобныхъ санаторій все больше и больше проникаетъ въ сознаніе общества.

Леченіемъ чахотки чистымъ и свѣжимъ воздухомъ въ Германіи, Австріи, Англіи, а также въ другихъ европейскихъ государствахъ и у насъ, достигаются лучшіе результаты, чѣмъ всѣми другими способами, и если при оцѣнкѣ добываемыхъ результатовъ нельзя не принимать въ разсчетъ раціональнаго питанія больныхъ и такъ называемаго закаливанія тѣла, то, во всякомъ случаѣ, и при этомъ приходится признавать, что воздухъ при леченіи въ санаторіяхъ играетъ первенствующую роль.

Воздухъ, загрязненный выдыхаемыми веществами, воздухъ застаивающійся,—однимъ словомъ, испорченный газовыми, такъ сказать, нечистотами—прекрасная среда для болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникъ всякихъ болѣзней. Извѣстно, напримѣръ, что въ плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, не говоря уже о лишенныхъ свѣта, Коховскія бугорчатыя палочки и многія другія болѣзнетворныя бактеріи сохраняютъ свою ядовитость гораздо дольше, чѣмъ при обиліи воздуха.

Такимъ образомъ, загрязненный воздухъ является подрывающимъ питаніе и заражающимъ началомъ, а чистый воздухъ—не только укрѣпляющимъ, но и обеззараживающимъ средствомъ. Вполнѣ понятно поэтому, что въ санаторіяхъ, обезпеченныхъ большимъ запасомъ чистаго воздуха, даже въ такихъ, которыя находятся въ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, чахоточные получаютъ не только облегченіе, но даже исцѣленіе.

Я уже упомянулъ, что первая санаторія для чахоточныхъ въ Европѣ была устроена въ Герберсдорфѣ (въ 1859 г.), но, будучи учрежденіемъ частнымъ и предназначеннымъ преимущественно

для состоятельныхъ больныхъ, она отодвигается на второй планъ другой санаторіей — народной, которая, тоже въ Германіи, въ горахъ Таунуса, близъ Франкфурта-на-Майнѣ, по инціативѣ д-ра Деттвейлера, была основана въ 1892 году. Въ настоящее время въ Германіи уже около 10 народныхъ санаторій и 17 для имущихъ классовъ.

По почину Германіи, санаторіи для чахоточныхъ стали возникать, хотя, нужно сказать, и безъ большой поспѣшности, и въ другихъ государствахъ.

У насъ пока лишь три подобныхъ учрежденія: императорская санаторія въ Халилѣ (въ Финляндіи) для привилегированнаго класса; устроенная Обществомъ русскихъ врачей въ Спб., на Высочайше пожалованныя средства, народная санаторія въ Таицахъ, и только-что возникшая на частныя пожертвованія платная евангелическая санаторія въ Питкіерви (въ Финляндіи).

Судить о пользѣ санаторій лучше всего по статистическимъ даннымъ, а по нимъ уже теперь можно съ увѣренностью сказать, что въ этихъ учрежденіяхъ умираетъ чахоточныхъ въ 5 разъ меньше, нежели въ больницахъ, и что никогда въ прежнее время леченіе этихъ больныхъ не давало такихъ благопріятныхъ результатовъ, какъ нынѣ. По валовымъ цифрамъ можно видѣть, что въ 70% получается болѣе или менѣе значительное улучшеніе, а въ 13% до 22%—полное выздоровленіе (относительное выздоровленіе достигается въ 28%—37%).

Въ императорской санаторіи „Халила", за 6-лѣтній періодъ ея существованія, изъ общаго числа пользованныхъ больныхъ (607 человѣкъ, изъ коихъ 250 мужчинъ и 357 женщинъ)—поправилось 48,3% и выздоровѣло 23,5%. И въ таицкой санаторіи за короткое время ея существованія (съ 30 дек. 1897 года) получились превосходные результаты.

Въ общихъ больницахъ смертность отъ чахотки равняется 23%—62% (въ среднемъ—45%), а въ санаторіяхъ она колеблется между 2,3% и 12,7%; при чемъ въ послѣдній счетъ не идутъ случаи развитой бугорчатки, т.-е. съ разрушеніемъ легкихъ и кавернами. Разница, очевидно, громадная!

Въ упомянутой мною первой германской народной санаторіи, извѣстной подъ названіемъ „Ruppertshain", число выздоровленій опредѣляется 13%, т.-е. наименьшей цифрой изъ опубликованныхъ всѣми другими европейскими санаторіями, а между тѣмъ, уже при такихъ результатахъ спасается очень много жизней! По разсчету мюнхенскаго профессора Цимсена, 13% полнаго выздоровленія, при 1.200.000 чахоточныхъ въ Германіи, изобра-

жаютъ собою спасеніе 100.000 человѣкъ. Цифра—достаточно внушительная!

Исключительная чистота воздуха у моря и вообще благопріятныя условія морского климата служатъ основаніемъ для устройства санаторій на морскомъ берегу; возникновеніе же особыхъ пріютовъ для золотушныхъ и бугорчатыхъ дѣтей вызвано было обнародованнымъ въ 1750 году наблюденіемъ англійскаго врача Р. Русселя, подмѣтившаго, что прибрежные жители—рыбаки и моряки—меньше страдаютъ золотухой, чѣмъ люди, живущіе на континентѣ. Благодаря Русселю, въ 1796 году былъ открытъ въ Margate первый въ Европѣ морской пріютъ для леченія золотушныхъ дѣтей.

Примѣру Англіи, въ которой теперь насчитывается болѣе 30 станцій для золотушныхъ и бугорчатыхъ дѣтей, послѣдовали и другія государства, и прежде всѣхъ Италія, гдѣ Руссель нашелъ себѣ энергичнаго и предпріимчиваго сподвижника въ лицѣ Джузеппе Бареллаи, благодаря которому въ Италіи дѣйствуютъ въ настоящее время 28 морскихъ станцій, пріютившихъ въ разное время около 60.000 дѣтей, изъ которыхъ большинство получили исцѣленіе (самая большая изъ нихъ—въ Венеціи на Лидо; устройство ея обошлось въ 400.000 франковъ).

Во Франціи, гдѣ первая приморская лечебница для золотушныхъ и бугорчатыхъ дѣтей была основана въ 1847 году въ Сеттѣ, на берегу Средиземнаго моря, въ настоящее время такихъ учрежденій 11;—главная, наиболѣе извѣстная находится въ Беркъ-сюръ-мэръ.

И въ другихъ государствахъ: въ Бельгіи, Голландіи, Даніи, Германіи и Австріи, а также въ Америкѣ, имѣются такія приморскія станціи для золотушныхъ дѣтей.

У насъ пока два приморскихъ пріюта: въ Ялтѣ для 35 дѣтей съ хроническими болѣзнями вообще, и въ Ораніенбаумѣ для выздоравливающихъ и золотушныхъ дѣтей; но есть надежда, что въ скоромъ времени возникнутъ новыя санитарныя станціи. Съ соизволенія Государыни Императрицы, учреждено особое „Общество приморскихъ санаторій въ Россіи", и сборомъ пожертвованій положено начало его дѣятельности. Сборъ, основное ядро котораго составляютъ Высочайше пожертвованныя суммы, по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ иниціатора дѣла, проф. Н. А. Вельяминова, равняется 36.000 рублей. Первую станцію для продолжительнаго въ ней пребыванія дѣтей, одержимыхъ такъ называемымъ хирургическимъ туберкулёзомъ, т.-е.

бугорчатымъ пораженіемъ костей, суставовъ и железъ, предполагается устроить на берегу Балтійскаго моря, въ Виндавѣ.

Кромѣ того, въ скоромъ будущемъ должно возникнуть, по почину доктора К. А. Раухфуса, основавшаго въ Россіи первыя школьныя дачи (въ Бобыльскѣ, Ораніенбаумѣ и Левашовѣ), еще подобное учрежденіе на берегу Финскаго залива, въ Сестрорѣцкѣ, на Высочайше пожалованной и находящейся въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ землѣ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что есть надежда на устройство, по мысли г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, А. С. Ермолова, новой санитарной колоніи, которая будетъ преслѣдовать не только цѣли оздоровленія, но одновременно и цѣли учебныя, — я говорю о предполагаемомъ учрежденіи на южномъ берегу Крыма, во владѣніяхъ Никитскаго сада, „учебно-санитарной сельско-хозяйственной колоніи", которая должна предоставлять молодымъ людямъ слабаго сложенія и здоровья возможность изучать, преимущественно практическимъ путемъ, нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства, при благопріятныхъ для возстановленія здоровья условіяхъ жизни и соотвѣтственномъ распредѣленіи физическаго и умственнаго труда.

Не всѣ европейскія приморскія станціи дѣйствуютъ на одинаковыхъ началахъ: однѣ открыты лишь въ лѣтнее время и принимаютъ больныхъ на болѣе короткій срокъ—такихъ большинство; другія открыты круглый годъ и даютъ пріютъ продолжительный или безсрочный, до выздоровленія; такія станціи имѣются въ Даніи (Refnaes), въ Бельгіи (Venduyne и Middelkerke), и во Франціи (Berck-sur-mer).

Наблюденіями Бержерона, Казена, Уффельмана, Раухфуса, ванъ-Мерриса и Кассе вполнѣ подтверждается благодѣтельное вліяніе морскихъ санаторій на слабыхъ дѣтей вообще и на одержимыхъ золотухой и бугорчаткой въ особенности. Ванъ-Меррисъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ на лучшихъ станціяхъ Франціи, Италіи, Англіи и Голландіи, вывелъ общую среднюю для случаевъ золотухи и бугорчатки, леченныхъ съ успѣхомъ и безъ успѣха, и опредѣляетъ ее цифрою 88,1% для первыхъ и 11,9% для вторыхъ. Цифры весьма вѣскія и внушительныя!

Но не на однихъ дѣтяхъ, конечно, сказывается благотворное цѣлебное дѣйствіе морского воздуха; оно проявляется и на взрослыхъ, и при самыхъ разнообразныхъ недугахъ, среди которыхъ разные виды нервной слабости, особенно случаи, происходящіе отъ чрезмѣрнаго умственнаго труда, связаннаго съ сидя-

чимъ образомъ жизни (surménage intellectuel) занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

И на легочной бугорчаткѣ проявляется благотворное дѣйствіе морского климата. На берегу моря, особенно на островахъ, обдуваемыхъ со всѣхъ сторонъ чистымъ воздухомъ, а также въ открытомъ морѣ (продолжительныя морскія путешествія) получаются хорошіе результаты въ начальныхъ формахъ этой болѣзни.

Чѣмъ же обусловливаются такія цѣлебныя свойства морского климата? Они заключаются не въ одной чистотѣ воздуха, но также и въ меньшихъ колебаніяхъ температуры, въ значительной влажности воздуха, въ періодичности и интенсивности воздушныхъ теченій.

Большая равномѣрность температуры морского воздуха, обусловленная регулирующимъ вліяніемъ моря, сказывается на суточныхъ колебаніяхъ термометра, которыя на берегу моря незначительны и происходятъ съ большей постепенностью, нежели на сушѣ. Разницы въ температурахъ моря и воздуха выравниваются обмѣномъ тепла, которое между ними постоянно происходитъ—днемъ и ночью, и въ холодныя, и въ теплыя времена года. Днемъ и въ теплые сезоны море отнимаетъ отъ воздуха излишекъ тепла; ночью же и въ холодное время оно отдаетъ его воздуху. Вслѣдствіе болѣе медленнаго, по сравненію съ сушей, согрѣванія воды и болѣе медленной отдачи тепла—весна на берегу моря прохладнѣе, осень же и зима мягче, чѣмъ на континентѣ.

Влажность морского воздуха, абсолютная и относительная, довольно велика: средняя годовая=75%—85%. Она происходитъ не только отъ постояннаго испаренія воды (которое само по себѣ находится въ зависимости отъ солнечныхъ лучей, вѣтровъ и бо̀льшей или меньшей насыщенности воздуха), но также и отъ другихъ условій: отъ географическаго положенія мѣстности, отъ температуры воздуха; между прочимъ, и отъ силы прибоя, подъ вліяніемъ котораго происходитъ распыленіе воды.

Влажностью воздуха, подверженной сравнительно незначительнымъ колебаніямъ, обусловлены бо̀льшая облачность и бо̀льшее количество осадковъ на морскомъ берегу; впрочемъ, въ сильныхъ воздушныхъ теченіяхъ является противовѣсъ, какъ для продолжительной облачности, такъ и для длительности дождя.

Атмосферное давленіе на морѣ всегда высоко, и колебанія его хотя и значительны, и часты, но болѣе правильны, чѣмъ на континентѣ. По Бенеке, каждому метру поднятія выше уровня моря соотвѣтствуетъ—для человѣческаго тѣла—уменьшеніе атмосфернаго давленія на 3 фунта, такъ что въ Давосѣ, напримѣръ,

оно на 45, приблизительно, центнеровъ (2.250 кил.) меньше, нежели у моря.

Воздушныя теченія, которыя, будучи періодическими, отличаются на берегу моря извѣстнымъ постоянствомъ и энергіей, не только оказываютъ непосредственное вліяніе на температуру и движеніе воды и воздуха, но они еще очищаютъ, обеззараживаютъ воздухъ.

Провѣтриваніе морского побережья нельзя не признать сильнымъ, если принять въ соображеніе, что быстрота движенія вѣтра у Нѣмецкаго моря, напримѣръ, равна 5—9 метрамъ въ секунду (Гиллеръ).

Чистота морского воздуха составляетъ его отличительное свойство: въ немъ не только нѣтъ пыли, но онъ также почти свободенъ отъ микробовъ. Доказано, что съ удаленіемъ отъ береговъ въ открытое море содержаніе бактерій въ воздухѣ все уменьшается и, наконецъ, онѣ вовсе исчезаютъ; на разстояніи, напримѣръ, 22—24 морскихъ миль отъ береговъ Голландіи и соотвѣтственныхъ береговъ Англіи, находили въ 20 литрахъ воздуха лишь 1 микробъ (Фишеръ), между тѣмъ какъ въ Парижѣ, на улицѣ Rivoli, въ томъ же количествѣ воздуха было опредѣлено 1.100 зародышей (ванъ-Меррисъ). Обыкновенно въ 10 куб. метр. чистаго морского воздуха содержится, въ среднемъ, 5—6 бактерій (ванъ-Меррисъ). Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что на берегу моря число невинныхъ микробовъ значительно преобладаетъ надъ злокачественными бактеріями (отношеніе какъ 2 къ 7).

Бо̀льшая или меньшая чистота морского воздуха обусловливается, главнымъ образомъ, направленіемъ и силою вѣтровъ: континентальные вѣтры засоряютъ воздухъ, между тѣмъ какъ морскіе очищаютъ его. Обеззараживающимъ образомъ вліяетъ также и солнечный свѣтъ, который на берегу моря очень ярокъ.

Къ достоинствамъ морского воздуха одно время причисляли меньшее содержаніе въ немъ углекислоты, большее содержаніе кислорода и озона.

Что касается кислорода и угольной кислоты, то разница противъ континентальнаго воздуха въ пользу морского—весьма ничтожная.

Содержаніе озона, по Фергеге, въ морскомъ воздухѣ болѣе высокое, нежели въ континентальномъ (отношеніе такое, какъ 6,2 къ 4,5) и находится, будто бы, въ зависимости отъ солнечныхъ лучей, испаренія воды и вѣтровъ. Озону приписываютъ, безъ достаточныхъ, однако, основаній, въ силу его окислитель-

ныхъ и обеззараживающихъ свойствъ, и бо́льшую чистоту морского воздуха.

Въ морскомъ воздухѣ, у самыхъ береговъ, содержится поваренная соль; она попадаетъ въ воздухъ не путемъ испаренія морской воды, какъ это раньше предполагали, а отъ распыленія послѣдней во время прибоя (Е. Фридрихъ).

Содержитъ ли морской воздухъ іодъ и бромъ—вопросъ нерѣшенный; во всякомъ случаѣ количества этихъ веществъ въ немъ ничтожны; своеобразный же запахъ моря зависитъ, надо полагать, не отъ іода, а скорѣе отъ легко разлагающагося хлористаго магнія.

Умѣряющее вліяніе моря, относительная мягкость морского климата, сказывается на растительности береговыхъ мѣстъ: она сравнительно богаче, разнообразнѣе, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ широтахъ на континентѣ, и на открытомъ воздухѣ у моря хорошо живутъ такія растенія, которыя по географическому положенію мѣста не могли бы въ немъ существовать; не только по южному берегу острова Уайта, находящемуся подъ вліяніемъ гольфстрема, прекрасно живутъ тропическія растенія, но даже въ сѣверномъ морѣ, въ такихъ мѣстахъ, какъ Нордерней и Фёръ, ростутъ на воздухѣ каштанъ и виноградъ, и послѣдній даже созрѣваетъ.

Польза воздушной тэрапіи сказывается также и на болѣе или менѣе продолжительномъ плаваніи по морю и на стоянкахъ въ открытомъ морѣ. Многочисленныя наблюденія Ж. и Т. Вилліамсовъ, Фабера, Линдзей-Бельфаста, Дойля и другихъ доказываютъ, что продолжительныя морскія путешествія благотворно дѣйствуютъ не только при общемъ упадкѣ питанія, нѣкоторыхъ формахъ нервной слабости, при умственномъ переутомленіи, но также въ болѣе тяжелыхъ недугахъ, а именно при легочной чахоткѣ, въ начальныхъ ея ступеняхъ. Санитарныя стоянки на морѣ, если онѣ устроены на вполнѣ приспособленныхъ для этого судахъ, имѣютъ то преимущество передъ морскимъ путешествіемъ, что онѣ почти исключаютъ морскую болѣзнь. По статистикѣ Ж. и Т. Вилліамсовъ, число улучшеній въ начальной бугорчаткѣ легкихъ (безъ лихорадки и разстройствъ кишечника), подъ вліяніемъ продолжительнаго морского плаванія весьма большое: свыше 80%.

Въ Европѣ, къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ ничего правильно организованнаго по части санитарныхъ морскихъ путешествій и стоянокъ на морѣ, но нужно надѣяться, что „просвѣщенный Западъ“ не замедлитъ въ интересахъ человѣчества

взять примѣръ съ Америки, гдѣ между прочимъ существуютъ, преимущественно для дѣтей, такъ называемые „floating hospitals“ (пловучіе госпитали), отличающіеся не роскошью обстановки, а санитарнымъ благоустройствомъ и гигіеническимъ комфортомъ.

Однако, не для вліяній морского климата только отправляются больные на море — они пользуются еще и купаньями, въ которыхъ заключается могущественная оздоравливающая сила!

VI.

Не буду останавливаться на опредѣленіи значенія и дѣйствія морскихъ купаній, какъ не стану говорить и о леченіи холодной водой вообще, о рѣчныхъ купаньяхъ и путешествіяхъ, о грязевыхъ и песочныхъ ваннахъ, о минеральныхъ водахъ и т. д.; но не хотѣлось бы мнѣ кончить, не сказавъ нѣсколько словъ о новомъ, весьма любопытномъ пріобрѣтеніи физіотэрапіи, т.-е. о примѣненіи солнечнаго свѣта съ лечебными цѣлями.

Многочисленными, уже упомянутыми мною работами выяснилось, что свѣтъ обладаетъ могучими обеззараживающими свойствами. На основаніи этого были дѣлаемы попытки пользоваться имъ, какъ лечебнымъ средствомъ. Такъ какъ разсѣянный свѣтъ убиваетъ бактеріи весьма медленно, то, съ цѣлью усиленія бактерициднаго дѣйствія свѣта, стали концентрировать свѣтъ посредствомъ собирательныхъ стеколъ, устраняя при этомъ, во избѣжаніе ожоговъ, тепловые лучи (ультра-красные, оранжевые и желтые). Опыты показали, что наибольшей убивающей силой обладаютъ фіолетовые и синіе лучи, и хотя наилучшимъ источникомъ для свѣтолеченія служитъ солнце, но для этой цѣли пригоденъ также и электрическій свѣтъ. Датскій врачъ Нильсъ Финзенъ, основавшій въ Копенгагенѣ первый „Свѣтолечебный Институтъ“, сталъ работать при помощи лучей вольтовой дуги, которые онъ собиралъ посредствомъ особаго, имъ самимъ изобрѣтеннаго прибора, состоящаго изъ системы стеколъ (линзъ). Путемъ цѣлаго ряда наблюденій, онъ убѣдился, что бактерицидное дѣйствіе свѣта ростетъ по мѣрѣ концентраціи его; затѣмъ, собранный при помощи аппаратовъ солнечный свѣтъ (концентрированный) убиваетъ бактеріи въ 15 разъ быстрѣе, чѣмъ прямой, а лучи вольтовой дуги дѣйствуютъ еще сильнѣе солнечныхъ. При помощи такого остроумнаго опыта Финзенъ убѣдился въ томъ, что кровь препятствуетъ проникновенію свѣта въ ткани; поэтому впослѣдствіи, когда сталъ примѣнять свѣтъ для леченія,

онъ старался по возможности удалять кровь изъ тѣхъ частей тѣла, которыя подвергалъ дѣйствію свѣта, примѣняя съ этой цѣлью особые приборы, сдавливающіе сосуды.

Финзенъ примѣнялъ лучи для леченія нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзней кожи, преимущественно волчанки (lupus). Больная поверхность подвергалась дѣйствію концентрированныхъ свѣтовыхъ лучей по частямъ, до тѣхъ поръ, пока не исчезали всѣ явленія волчанки. Если появлялись новые узлы, то леченіе возобновлялось. При достаточно продолжительномъ леченіи, края волчаночной высыпи сглаживались, краснота уменьшалась, кожа принимала нормальную окраску, язвы зарубцовывались. Съ того момента, какъ начиналось свѣтолеченіе, люпозная высыпь уже не увеличивалась и не распространялась. Настоящихъ возвратовъ послѣ такого леченія Финзенъ не наблюдалъ; когда же случалось, что вылеченные имъ больные снова обращались къ нему, то новыя гнѣзда волчанки всегда у нихъ оказывались на такихъ мѣстахъ, гдѣ они при первоначальномъ леченіи, вслѣдствіе недостаточнаго развитія, не были замѣчены,—и при новомъ леченіи они быстро исчезали. Въ послѣднее время въ институтѣ Финзена примѣняется электрическій свѣтъ въ 80 амперъ, при употребленіи линзъ изъ горнаго хрусталя, который пропускаетъ ультрафіолетовые лучи, поглощаемые обыкновеннымъ стекломъ. Дѣйствіе свѣтовыхъ лучей, концентрируемыхъ призмами изъ горнаго хрусталя, оказывается еще болѣе энергическимъ, и встрѣчались случаи волчанки, въ которыхъ узелки, величиною съ горошину, подъ ихъ вліяніемъ исчезали уже послѣ 15—20 минутъ. Число пользованныхъ случаевъ—различной силы и продолжительности—до декабря 1897 года было 59; изъ нихъ 23 излечены совершенно, 30 остались на пользованіи, 6 не долечены по разнымъ причинамъ.

Я не кончилъ бы скоро, еслибы сталъ говорить еще о другихъ многочисленныхъ средствахъ, предоставляемыхъ природой въ распоряженіе человѣка! Но и тѣхъ отрывочныхъ и сжато, эскизно намѣченныхъ данныхъ, которыя я успѣлъ представить, достаточно, мнѣ кажется, чтобы убѣдиться въ томъ, что природа—богатая сокровищница цѣлебныхъ средствъ, и что научная медицина широко пользуется ею на благо человѣчества, и борется успѣшно съ тѣми, часто тяжелыми гигіеническими условіями, среди которыхъ приходится существовать большинству человѣчества!

Средства свои природа отпускаетъ не по рецептамъ — она сыплетъ ихъ щедрою рукою для всѣхъ и даетъ свои блага не

только отдѣльнымъ личностямъ, но и массамъ! Я говорю—даетъ, но не скажу, что человѣчество беретъ ея дары въ должномъ количествѣ! Дѣйствительность пока далека еще отъ идеала; она только указываетъ на возможность стремленія къ лучшему и достиженія его...

Мнѣ остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ объ одной сторонѣ дѣла, особенно близкой и дорогой для насъ, русскихъ. Я хочу упомянуть о роли, которую играли и играютъ русскія научно-медицинскія и общественныя силы въ новомъ движеніи въ области врачеванія. Цѣлый рядъ естественныхъ средствъ оздоровленія и леченія выдвинутъ русскими врачами, т.-е. ихъ научными изслѣдованіями и работами; не говоря уже о русской банѣ, представляющей одну изъ наиболѣе могущественныхъ формъ водолеченія, слѣдуетъ упомянуть о нашемъ русскомъ грязелеченіи, о лиманолеченіи, о леченіи кумысомъ, кефиромъ и проч. Мало сказать, что современное движеніе на Западѣ въ пользу примѣненія физическихъ и діэтетическихъ лечебныхъ способовъ —движеніе энергическое и плодотворное—нашло откликъ и въ Россіи; оно нашло не только откликъ, но и новыхъ работниковъ, обладающихъ научной и общественной иниціативой, и этихъ работниковъ не мало!.. Безспорно, исторія русской науки въ будущемъ подаритъ русскій народъ еще большимъ числомъ свѣтлыхъ и отрадныхъ научныхъ явленій, новыхъ пріемовъ и открытій, которыми, безъ сомнѣнія, воспользуются не отдѣльныя единицы, а все человѣчество. Нельзя сомнѣваться также, что въ движеніи русской науки и жизни почетная роль будетъ принадлежать и „Обществу охраненія народнаго здравія“, почину котораго мы обязаны первымъ всероссійскимъ съѣздомъ дѣятелей по климатологіи, гидрологіи и бальнеологіи, состоявшимся въ Петербургѣ, въ декабрѣ истекшаго года.

Левъ Бертенсонъ.

АРГОНАВТЫ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

IV [1]).

Когда, послѣ ночи, проведенной у Маріана, сына Алоизія Дарвида, и вслѣдъ за разговоромъ съ Мальвиной, женою Алоизія, Краницкій пріѣхалъ къ себѣ на квартиру—старушка Клементина, взглянувъ на него, ужаснулась.

— Чтò съ тобой? Захворалъ ты, что ли? Какой у тебя видъ? Чтò случилось? Можетъ быть, опять прежнія боли вернулись? Чтò жъ ты не снимаешь шубы? Недоставало только того, чтобы еще ты расхворался!

Клементина была женщина приземистая, полная, въ клѣтчатомъ платкѣ и короткой юбкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись плоскія ступни въ порванныхъ галошахъ. Ей было на видъ лѣтъ семьдесятъ; крупное, пожелтѣвшее и увядшее лицо ея окаймлялось сѣдыми волосами и бѣлымъ чепцомъ, но темные глаза, изъ которыхъ еще не исчезъ блескъ огня и живости, смотрѣли проницательно изъ-подъ сморщеннаго чела. Отъ всей фигуры ея вѣяло чѣмъ-то деревенскимъ и первобытнымъ, ничуть не соотвѣтствовавшимъ характеру жилища и его хозяина. Комната, въ которую вошелъ Краницкій, была самой обыкновенной городской комнатой, съ диваномъ, креслами, зеркаломъ, столиками, низенькой

---

[1]) См. янв. 113 стр.

оттоманкой съ подушками въ восточномъ вкусѣ, съ разставленными на этажеркѣ фарфоровыми статуэтками, стариннымъ шкафомъ съ уставленными на его полкахъ хорошо переплетенными книгами, нѣсколькими небольшими, но хорошими масляными картинами, развѣшанными по стѣнамъ, множествомъ фотографій, расположенныхъ со вкусомъ, и съ лежащимъ на передъ-диванномъ столѣ альбомомъ. Но все это очевидно было собрано въ различныя эпохи жизни и порядочно потерто временемъ. Вышивки на подушкахъ поблекли; позолота зеркальныхъ рамъ мѣстами сошла; обивка мебели кое-гдѣ зіяла дырьями, изъ которыхъ высовывалась неприглядная внутренность; альбомъ былъ разорванъ, фарфоровая лампа исцарапана.

Съ перваго взгляда комната производила впечатлѣніе нарядной, но затѣмъ—дырявая обивка и пятна на ней тотчасъ обнаруживали старательно скрываемую бѣдность. Скрывалась она, главнымъ образомъ, посредствомъ тщательно поддерживаемой чистоты, въ которой чувствовались чьи-то заботливыя руки, неутомимо подметавшія, стиравшія пыль, зашивавшія, штопавшія, исправлявшія. Это были небольшія руки, съ широкой ладонью и короткими пальцами, которыя въ эту минуту помогали усталому Краницкому разоблачаться. Ворчливый и суровый голосъ, съ несомнѣнной, однако, нѣжностью, твердилъ:

— Опять не ночевалъ дома. Вѣрно, опять провелъ за картами, или, пожалуй, съ какими-нибудь мадамами. О, божеское наказанье! А теперь приходишь больнымъ! Я вѣдь ужъ вижу, что ты боленъ! Все лицо въ красныхъ пятнахъ, и самъ едва держишься на ногахъ... Исторія!

Краницкій несчастнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Ахъ, матушка, оставьте меня въ покоѣ! Я нездоровъ, я несчастнѣйшій изъ людей. Все кончено для меня. Не пускайте ко мнѣ никого, а то еще кто-нибудь вломится! Я слишкомъ страдаю, чтобы могъ кого-нибудь видѣть!

Дѣйствительно, глаза его были заплаканы и весь его видъ былъ крайне жалкій; а такъ какъ никто, кромѣ старой и вѣрной его слуги, не видѣлъ его теперь, то, не стѣсняясь ничѣмъ, онъ сбросилъ съ себя всю сбрую искусственной юности и изящества. Сгорбившись, съ обвислыми щеками, весь въ пятнахъ и морщинахъ, онъ укрылся въ свою спальню, а старая женщина вернулась къ своей работѣ, прерванной его появленіемъ. По срединѣ комнаты, на раскрытомъ ломберномъ столѣ лежалъ распростертый на немъ мужской халатъ изъ турецкой матеріи, когда-то красивой, но теперь уже полинявшей, на порванной подкладкѣ. За

починку и заплатываніе этой подкладки снова принялась пани Клементина, усѣвшись къ столу и надѣвъ на себя свои большіе очки въ проволочной оправѣ и мѣдный наперстокъ. Внимательный и пристальный обзоръ одной изъ прорѣхъ, сквозь которую съ любопытствомъ выглядывала вата, составлялъ ея приступъ и сосредоточеніе въ этомъ дѣлѣ, не помѣшавшее ей, однако, что-то шептать и, кажется, потихоньку ворчать.

— „Никого не пускать" къ нему! Точно къ нему кто-нибудь приходитъ! Когда-то прежде ходили и товарищи, и разные пріятели, потомъ стали навѣщать очень рѣдко, а теперь будетъ уже года два, какъ ни одна собака къ намъ не заглядываетъ... „Кто-нибудь вломится"! Какъ же! Такъ вотъ и вломится къ намъ и заполнитъ комнату цѣлая ватага князей, графовъ и разныхъ богачей! Какъ же! Пока былъ хорошъ и блестѣлъ, играли имъ, какъ новой пуговицей—а теперь, какъ пообжился да пообтерся, забросили въ уголъ. Родственники, друзья, товарищи! Охъ, этотъ свѣтъ!

Она подобрала къ прорѣхѣ подходящій лоскутокъ матеріи и стала его пришивать, продолжая свое тихое ворчаніе.

— Развѣ это свѣтъ? Это не свѣтъ, а грѣхъ. Вертится въ грѣхѣ, какъ чортъ въ горячей смолѣ, а потомъ жалуется, что жарко! Ой, ой, ой!

Въ комнатѣ царила тишина, нарушаемая лишь монотоннымъ маятникомъ часовъ и тихимъ ворчаніемъ старой женщины, которая отъ долгаго одиночества и постоянной озабоченности сердца пріобрѣла привычку говорить сама съ собою.

— И то ли еще будетъ! Долговъ у него пò-уши. Какъ бы еще не пришлось умереть гдѣ-нибудь въ больницѣ! Видѣла бы это покойница! Развѣ мы съ Стефаномъ какъ-нибудь вытянемъ его изъ этого омута!

Она бросила шитье, подняла очки на лобъ и задумалась, по временамъ шевеля губами, но уже не ворча. Видно было по этому движенію губъ и морщинъ, что она обдумывала какой-то планъ и мечтала. Но изъ спальни раздался въ это время голосъ Краницкаго:

— Клементина, Клементина!

Вскочивъ съ живостью двадцатилѣтней молодости, она зашлепала своими старыми галошами и вбѣжала въ спальню.

— А чтò?

— Дай мнѣ, матушка, халатъ. Я чувствую себя нехорошо. Никуда сегодня не пойду.

— Вотъ тебѣ и разъ! Халатъ! Какой халатъ, когда вся подкладка подъ нимъ изорвана.

— Изорвана или не изорвана, дай мнѣ его—и туфли... потому что мнѣ нехорошо.

— Вотъ тебѣ разъ! Нехорошо! Я угадала, что боленъ. Господи! Что̀ теперь будетъ?

Однако, помогая ему напяливать на себя халатъ, она съ недовѣріемъ спросила его:

— Ты шутишь, или правду говоришь, что сегодня никуда не пойдешь?

— Хороши шутки! Еслибъ ты, матушка, знала какія это шутки! Не выйду я изъ дому ни сегодня, ни завтра, а можетъ быть и никогда. Буду здѣсь лежать и мучиться, пока не замучусь на смерть... Только бы поскорѣе! Вотъ что̀!

— „Вотъ тебѣ и разъ! Вѣдь этого еще никогда не бывало! Должно быть, хорошо въ смолѣ поджарило“!—проворчала про себя Клементина, а затѣмъ громко сказала:

— Пока еще не замучилъ себя, надо тебѣ приготовить обѣдъ. Я вотъ схожу за провизіей и запру тебя на ключъ.

Потомъ иронически добавила:

— Для того, чтобы тебя не обезпокоили разные назойливые графы да бароны!

Краницкій остался одинъ въ запертой снаружи квартирѣ и, прикрывшись полинялымъ халатомъ съ потертыми краями на рукавахъ, лежалъ на кушеткѣ, противъ искусно расположенной у стѣны коллекціи трубокъ. Въ кругу людей, среди которыхъ онъ вращался, была въ ходу мода на коллекціонерство. Одни собирали картины, иные—гравюры, миніатюры. Были собиратели автографовъ, стариннаго фарфора, старинныхъ изданій, старыхъ ложекъ, тканей. Краницкій собиралъ коллекцію трубокъ. Онъ пріобрѣталъ ихъ, а еще чаще получалъ въ подарокъ, какъ доказательство вниманія къ его страсти. Въ теченіе многихъ лѣтъ набралось у него больше сотни трубокъ, между которыми были и цѣнныя, и дешевыя, большею частью оригинальныя или забавныя. Отъ огромныхъ до самыхъ крошечныхъ, эти разноцвѣтныя трубки были размѣщены на полкахъ эффектно и со вкусомъ. Кромѣ этой коллекціи, въ спальнѣ находились и другіе цѣнные предметы, напримѣръ бюро изъ какого-то особеннаго дерева, овальное зеркало въ фарфоровой рамѣ съ амурами, подъ которымъ наставлено было безконечное количество флаконовъ, туалетныхъ ящиковъ и коробокъ, и, наконецъ, лежалъ портсигаръ изъ чистаго золота, который Краницкій всегда бралъ съ собой,

а въ эту минуту машинально вертѣлъ въ рукахъ. Это была драгоцѣнная память, подарокъ, полученный имъ лѣтъ двадцать тому назадъ отъ двоюродной сестры его матери, графини Евгеніи, которая съ перваго же знакомства съ нимъ влюбилась въ него по-уши. Въ свѣтѣ утверждали даже, что, несмотря на зрѣлый свой возрастъ, она была до того влюблена въ молодого, красиваго, изящнаго юношу, что сочинила цѣлую легенду о томъ, какъ, выйдя замужъ, она оказалась жертвой „мезаліанса", и какъ она проскучала и проплакала всю свою жизнь въ скучной деревнѣ съ ужаснымъ мужемъ, т.-е., другими словами, хорошимъ человѣкомъ, но ничуть не интереснымъ.

Мать Краницкаго, мечтая о лучшей судьбѣ для сына, спозаранку подготовляла его къ жизни въ большомъ свѣтѣ. Въ концѣ концовъ изъ него вышелъ образцовый свѣтскій человѣкъ. Онъ владѣлъ французскимъ языкомъ, какъ своимъ собственнымъ, недурно зналъ англійскій; впослѣдствіи же, во время поѣздки съ однимъ изъ своихъ друзей въ Италію, вполнѣ усвоилъ себѣ языкъ и этой страны. Хорошо ознакомленный съ европейскими литературами, изящный танцоръ, притомъ обладающій характеромъ привѣтливымъ, услужливымъ, съ врожденнымъ ему доброжелательнымъ инстинктомъ, онъ пользовался расположеніемъ всѣхъ. Его всюду звали, отличали, баловали; а когда средства его, какія могла ему доставить мать, оказались недостаточными, то протекція богатой родни помогла ему получить какое-то мѣсто, увеличившее его доходы, что придало ему видъ независимаго человѣка. Цѣлые дни онъ проводилъ въ знатныхъ и богатыхъ домахъ, въ которыхъ прослылъ искуснымъ чтецомъ, и дѣйствительно превосходно умѣлъ читать. Скоро онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ обществѣ княгинь и графинь, дирижировалъ танцами на вечерахъ, любилъ развлеченія, влюблялся, бывалъ любимъ и т. д. Нерѣдко ему случалось проводить вечера и ночи въ клубахъ, въ ресторанныхъ кабинетахъ, въ театрахъ и за кулисами, гдѣ онъ преклонялся передъ знаменитостями всякаго рода и разныхъ степеней. Это было его веселое, золотое время. При немъ въ то время не состояла еще Клементина. Онъ держалъ лакея; обѣдалъ если не у родныхъ или пріятелей, то въ первоклассныхъ ресторанахъ. Въ то же время онъ совершилъ необыкновенно похвальный поступокъ, за который получилъ награду въ видѣ капитальной умственной пользы. Съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, страдавшимъ чахоткой, онъ провелъ цѣлый годъ въ Италіи, нянчась съ нимъ, развлекая и утѣшая его съ терпѣніемъ и нѣжностью, искренность которыхъ исхо-

дила изъ сердца, вообще склоннаго къ чувству привязанности и преданности. Взамѣнъ этой растраты высокихъ чувствъ, годъ жизни въ Италіи доставилъ Краницкому возможность изучить итальянскій языкъ и хорошо ознакомиться съ музеями и школами искусства, котораго онъ былъ восторженнымъ цѣнителемъ. Вскорѣ послѣ этого онъ сопровождалъ князя Зенона въ Парижъ, гдѣ прожилъ, изучая хорошія и дурныя особенности французской жизни. По возвращеніи оттуда, онъ состоялъ при этомъ князѣ, страдавшемъ глазною болѣзнью, въ качествѣ чтеца. Въ это-то время его талантъ умѣнья превосходно читать на разныхъ языкахъ достигъ такой художественности, что получилъ широкую извѣстность. Самъ же онъ, хорошо знавшій свѣтъ, изучившій искусство, литературу, блисталъ въ салонахъ не только наружностью, но свободнымъ словомъ и благороднымъ тономъ. Нѣкоторые любили его какъ незамѣнимаго помощника, когда требовалось занять гостей; для другихъ онъ оказывался непритязательнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ въ часы одиночества. Онъ обладалъ необыкновенной изобрѣтательностью въ области развлеченій и былъ настоящимъ мастеромъ въ умѣньѣ нравиться. Вотъ въ эту-то именно эпоху жизни онъ познакомился съ Алоизіемъ Дарвидомъ и встрѣтилъ жену его, которую зналъ съ дѣтства и когда-то боготворилъ, какъ самый ранній изъ женскихъ идеаловъ своихъ юношескихъ лѣтъ... Съ тѣхъ поръ отношенія его съ другими дамами какъ-то ослабѣли... Онъ предался этому семейству всею душой. Сверхъ многихъ учителей, преподававшихъ дѣтямъ Дарвидовъ разные предметы, онъ занимался съ ними по части иностранныхъ языковъ, и велъ это дѣло съ увлеченіемъ и удовольствіемъ. Такимъ образомъ, домъ этотъ для него становился постоянно открытымъ. Къ тому же въ послѣднія десять лѣтъ произошли большія перемѣны въ обществѣ, однимъ изъ любимѣйшихъ членовъ котораго онъ состоялъ такъ долго. Графиня Евгенія выдала дочь замужъ за француза и переѣхала на жительство въ Парижъ; графъ Альфредъ умеръ, умерла добрая и милая баронесса Блауендорфъ, которая подарила ему когда-то зеркало въ фарфоровой рамкѣ съ амурами. Иные — кто умеръ, кто уѣхалъ. Остался князь Зенонъ, но и онъ сильно охладѣлъ къ своему бывшему чтецу—изъ-за жены, которая никакъ не могла простить Краницкому его слишкомъ извѣстнаго всѣмъ ухаживанія за женой вѣчно отсутствующаго милліонера. Правда, у Краницкаго не мало было новыхъ знакомствъ и связей, но все это для него не представляло ни прежней прелести, ни прежней прочности отношеній. И онъ съ ними дѣйствительно

скоро покончилъ, прекративъ ихъ или удалившись отъ нихъ. Его матери, устроившей его судьбу, давно уже не было въ живыхъ.

Бѣдная мать! какъ она нѣжно и безгранично любила его! Какъ долго онъ колебался и боролся съ своими чувствами, когда покидалъ домъ родительскій по ея же настоянію! Какъ жаль было разстаться съ сельской жизнью, свободой, бѣлокурой дѣвушкой сосѣдкой! Но широкій свѣтъ и большой городъ, по разсказамъ матери, манили его, представляясь ему чуть не раемъ, а жившіе въ немъ ея родственники—чуть не полубогами. Когда, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и борьбы, онъ рѣшилъ уѣхать, —сколько было поцѣлуевъ и объятій этой любящей женщины, сколько наставленій, напоминаній и пророчествъ райскаго счастья! Онъ самъ сталъ засматриваться на себя въ зеркало и ощущать въ себѣ тщеславныя желанія и надежды. Однажды онъ даже поймалъ самъ себя въ какомъ-то почти непроизвольномъ упражненіи передъ зеркаломъ. Онъ громко хохоталъ надъ этимъ случаемъ вмѣстѣ съ своею любящею матерью.

— О, моя бѣдная мать!

И на фонѣ этихъ-то домашнихъ радостей и надеждъ оказалось одно лишь только существо, своимъ видомъ напоминавшее тучу на яркомъ небосклонѣ. Это была Клементина, давнишняя служанка въ домѣ, бывшая прежде его нянькой, уже тогда немолодая, овдовѣвшая и бездѣтная женщина. Бо̀льшею частью въ дурномъ настроеніи, недовольная, сердитая, она долго не высказывалась, не мѣшала радоваться и надѣяться—ни посѣдѣвшей, исхудавшей матери, ни красивому, какъ мечта, юношѣ; но наконецъ, какъ-то оставшись наединѣ съ любимымъ дѣтищемъ, стала говорить. Сумерки осенняго дня сгущались на дворѣ. Липовая роща прорѣзывала черной полосой горящій закатъ солнца. Старая женщина, не сводя глазъ съ рощи и вечерней зари, промолвила:

— Охъ, Тулекъ, Тулекъ, какъ же это будетъ? Ты уѣдешь, а солнце будетъ вставать и уходить, лѣсокъ будетъ шумѣть, рожь будетъ созрѣвать, потомъ снѣгъ пойдетъ, и все это безъ тебя!

Сидя на скамейкѣ крыльца, онъ молчалъ. Вмѣсто него, гдѣ-то вдали на поляхъ пастухъ игралъ на рожкѣ. Простые и чистые, но монотонные звуки перелетали поле, точно рыданья въ пространствѣ.

— Откуда ѣдешь, ты знаешь, а куда—одинъ Богъ знаетъ. Что̀ ты оставляешь? Эти красоты божьи. А съ чѣмъ вернешься? Можетъ быть, съ людской грязью...

На скотномъ дворѣ промычала корова; запоздавшая работница затянула пѣсню гдѣ-то за садомъ; заря гасла, и изъ-за крыши выплывалъ серпъ луны, тонкій и серебристый.

А Клементина шептала:

— Бѣдный ты мой, несчастный!

Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы считать себя несчастнымъ, однако въ сердцѣ его было какое-то сожалѣніе по родному дому, по Мальвинѣ, и онъ подумалъ: не остаться ли?

Но онъ уѣхалъ. Уѣхалъ въ свѣтъ двадцатидвухлѣтній „аргонавтъ", стройный, ловкій, съ огненнымъ взглядомъ темныхъ очей, со свѣжимъ, какъ персикъ, лицомъ, съ бѣлымъ челомъ, нѣжнымъ, какъ лепестокъ лиліи, онъ поѣхалъ искать жену съ приданымъ, искать роскоши, добывать „золотое руно".

А теперь? Онъ сидѣлъ, закутанный въ поблекшій свой халатъ, свѣсивъ голову такъ низко, что можно было разсмотрѣть на головѣ его лысину. Нижняя губа опустилась книзу; красные круги образовались надъ черными бровями и на лбу, покрытомъ морщинами. Въ рукахъ онъ все еще вертѣлъ золотой портсигаръ, подарокъ графини, давно уѣхавшей.

Между тѣмъ, Клементина возвратилась и вошла въ кухню съ такимъ шлепаніемъ своихъ галошъ, что и въ комнатѣ было слышно, и принялась готовить обѣдъ. Но Краницкій ничего не слышалъ и не замѣчалъ, какъ голова въ большомъ чепцѣ то-и-дѣло выглядывала изъ-за дверей и, съ безпокойствомъ посмотрѣвъ на него, снова скрывалась для того, чтобы опять выглянуть.

Наконецъ она проговорила:

— Сейчасъ будешь обѣдать, или еще не подавать? Обѣдъ готовъ.

Подавленнымъ голосомъ онъ попросилъ подавать, но почти ничего не ѣлъ. Клементинѣ никогда еще не случалось видѣть его въ такомъ угнетенномъ состояніи духа. Она его ни о чемъ не разспрашивала; она знала, что придетъ моментъ, когда онъ самъ все разскажетъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые уносятъ свою тайну въ могилу. Клементина прислуживала ему, подавала кушанье, подала чай, убрала со стола—все молча. Но разъ-таки порядкомъ нашумѣла. Съ ноги свалилась у нея галоша.

— Ну васъ совсѣмъ! каждую минуту слѣзаютъ съ ногъ!— стала она ворчать на нихъ.

И еще долго вела она борьбу съ одной изъ галошъ, убѣжавшей съ ноги и шумно ѣздившей по полу.

Краницкій, приподнявъ голову, спросилъ:

— Что̀ у тебя тамъ?

Она не отвѣчала, а когда была уже около кухни,—Краницкій спросилъ громче прежняго:

— Что̀ это у тебя, Клементина, на ногахъ, что̀ такъ шлепаетъ? Это вѣдь раздражаетъ!

Остановясь въ дверяхъ, она сказала:

— Что̀ у меня на ногахъ? А твои старыя галоши. Неужели мнѣ каждый день таскать башмаки, чтобы потомъ покупать новые? Раздражаютъ! Вотъ тебѣ разъ! Дай Богъ, чтобъ ты отъ чего другого не раздражался, а это еще не бѣда, что галоши шлепаютъ по полу.

Войдя же въ кухню, она прибавила:

— Была ли бы у тебя дома хоть щепотка чаю, еслибъ вздумала я ходить вѣчно въ новыхъ башмакахъ!

Настали сумерки. Краницкій курилъ папиросы, одну за другой. Онъ такъ задумался, что весь вздрогнулъ, когда Клементина внесла зажженную лампу съ молочнымъ абажуромъ и наполнила комнату бѣлымъ и мягкимъ свѣтомъ. Краницкій всмотрѣлся въ освѣщенную голову старухи и, послѣ цѣлыхъ часовъ молчанья, самъ заговорилъ съ нею.

— Подойди ко мнѣ, мамушка моя,—сюда, ближе!

Онъ схватилъ въ обѣ руки ея широкую ладонь и, сильно встряхивая ею, съ жаромъ сталъ говорить:

— Ты мнѣ скажи,—что̀ было бы со мной теперь, если бы тебя здѣсь не было? Ни души, ни одной живой души! Одинъ какъ въ пустынѣ!

Наплывъ чувства прорвалъ плотину. Полились цѣлые потоки откровенности. Послѣдняя въ его жизни любовь и съ нею все въ мірѣ кончилось для него. *Она* запретила ему видѣть ее. Рѣшимость ея давно уже созрѣвала. Муки совѣсти, стыдъ, отчаяніе—по отношенію къ дѣтямъ. Одной изъ дочерей все извѣстно, другая въ любой день можетъ обо всемъ провѣдать. Она выпустила изъ рукъ ихъ сердца и души, потому что собственная вина, какъ жгучая печать, мѣшаетъ ей говорить съ ними по душѣ; вина замыкаетъ ей уста. Она чувствуетъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ существомъ. Она не желаетъ долѣе пользоваться состояніемъ мужа, которое даетъ ей положеніе въ свѣтѣ, хочетъ уѣхать отсюда, поселиться въ какомъ-нибудь тихомъ уголкѣ, исчезнуть съ глазъ людскихъ...

На этомъ мѣстѣ разсказъ Краницкаго, глубоко потрясеннаго и готоваго разрыдаться, перебилъ суровый и насмѣшливый голосъ:

— Хорошо, что хоть наконецъ опомнилась!

— Что̀ ты, милая моя, вздоръ городишь! Въ чемъ опомниться? Ты ничего не знаешь. Любовь никогда не можетъ быть преступленіемъ! Ils ont péché, mais le ciel est un don...

— Да ты, кажется, съ ума сошелъ, Тулекъ? Что я тебѣ за мада̀ма, что ты со мной по-французски заговорилъ!

— Я тебѣ переведу: „согрѣшили, но небо есть даръ"...

— Оставь небо въ покоѣ, Тулекъ. Такія дѣла путать съ небомъ...

— Ты, Клементина, развѣ ксёндзъ! Я тебѣ разсказываю о своемъ горѣ и о страданіяхъ другого, чуднаго существа, а ты...

Но въ этотъ моментъ въ наружныя двери, которыя Клементина, по возвращеніи, оставила незапертыми, кто-то вошелъ, и тотчасъ послышался мужской молодой голосъ:

— Господинъ Краницкій у себя?

— Вотъ тебѣ и разъ! Кто-то идетъ къ намъ! — въ испугѣ вскрикнула Клементина.

— Маріанъ! Марысь!—радостно закричалъ Краницкій и поспѣшно отвѣтилъ на вопросъ:

— Дома! Дома!

— Этотъ случай заслуживаетъ быть записаннымъ во всемірную хронику,—отозвался изъ передней другой голосъ, говорившій нѣсколько въ носъ и сквозь зубы.

— А! и баронъ съ тобой! — радостно привѣтствовалъ ихъ Краницкій, а затѣмъ проговорилъ вполголоса:

— Клементина, затворите эту дверь; я немного приведу себя въ порядокъ.

И изъ-за запертыхъ дверей онъ продолжалъ бесѣдовать съ оставшимися въ гостиной.

— Одна минута, дорогіе мои, и я къ вашимъ услугамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ къ нимъ, и при свѣтѣ лампы, которую уже успѣла зажечь Клементина, оказалось, что Краницкій былъ не только одѣтъ и причесанъ, но даже и надушенъ. Движенія его были вполнѣ свободны и упруги, а на устахъ его играла улыбка. Краснота осталась только на вѣкахъ, а изъ морщинъ неразглаженными оказались лишь тѣ — впрочемъ довольно многочисленные—узоры на лицѣ, свести, разгладить которые уже нельзя было никакими средствами. Клементина, невыносимо шлепая своими галошами, возвращалась въ кухню и ворчала:

— Вотъ такъ комедіантъ!

Молодые люди дружески пожали ему руки, какъ жмутъ ихъ только тѣмъ, кого искренно любятъ.

— Что это значитъ, что вы исчезли на цѣлый день?—вопрошалъ баронъ Эмиль.—Мы ожидали васъ у Бореля; славный былъ обѣдъ... Вы ужъ не поститесь ли?

— Оставь его въ покоѣ, онъ очень разстроенъ,—заговорилъ Маріанъ.

— Мнѣ такъ тебя жаль, моего стараго друга,—продолжалъ онъ,—что я уговорилъ барона поѣхать къ тебѣ. Не оставлять же тебя на съѣденіе меланхоліи.

Краницкій былъ видимо взволнованъ, глаза его выражали умиленіе и благодарность.

— Merci, merci de tout mon coeur! Я такъ тронутъ!

Онъ отъ души жалъ имъ руки, при чемъ особенно долго не выпускалъ изъ своихъ рукъ—руку Маріана.

— Милый мой, дорогой мой Марысь!

Молодой человѣкъ весело хохоталъ.

— Не разстраивай такъ свои нервы, это вредно для печени. Ты вѣдь принадлежишь къ поколѣнію, обладающему противоядіемъ меланхоліи.

— Какимъ?—спросилъ Краницкій.

— Какъ какимъ! А вѣра, надежда, любовь, самопожертвованіе, покорность судьбѣ. У насъ ихъ нѣтъ; поэтому мы отправляемся слушать Лили Кертъ, въ честь которой сегодня устраиваемъ ужинъ у Бореля. Онъ наобѣщалъ мнѣ всякихъ рѣдкостей изъ всѣхъ частей свѣта.

— Что за загадочная натура эта Лили Кертъ! — замѣтилъ баронъ.—Въ иные моменты въ ней проявляется что-то мистическое, идеальное.

Краницкій не удержался отъ возраженія.

— Quelle idée, cher baron! Какая-то Лили—и мистицизмъ, идеализмъ! Да это просто красивое животное, чудесно поющее пошлости.

— Въ томъ-то и дѣло! въ томъ-то и дѣло!—защищалъ свое мнѣніе баронъ.—Это звѣрокъ въ образѣ ангела. Она поетъ какую-нибудь шансонетку съ diable au corps, а между тѣмъ это не мѣшаетъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ все въ ней, взглядъ, улыбка, —все разливало вокругъ себя какое-то таинственное благоуханіе. Вотъ тутъ-то и чувствуется диссонансъ, скрежетъ, тайна, завоевывающіе современную Европу. Это завлекаетъ, раздражаетъ, противорѣчитъ пошлому, шаблонному, гармоніи... Неужели это вамъ не понятно?

— Брось, Эмиль!—смѣясь, говорилъ Маріанъ.—Ты проповѣдуешь передъ охранителемъ могилъ. Онъ еще поклоняется гармоніи, свѣту...

Краницкій принялъ видъ побѣжденнаго. Онъ несмѣло замѣтилъ:

— Вы правы, мои друзья. Я самъ нахожу, что мои мнѣнія и вкусы устарѣли, отстали отъ вѣка. Мои ровесники и я, мы называли обыкновенно кота котомъ, плута плутомъ. Если, бывало, какая-нибудь Лили напускала на себя видъ ангела, то мы говорили: „Ишь ты, какая плутовка-дѣвка"! Мы знали, какъ это понимать. Но ваше смѣшиваніе пошлаго съ священнымъ, грубѣйшей тѣлесности съ исканіемъ таинственнаго...

Молодые люди продолжали смѣяться.

— Все это для тебя составляетъ и будетъ составлять du grec, mon bon vieux, — объяснялъ Маріанъ. — Ты родился въ эпоху исканія гармоничности и цѣлесообразности въ природѣ; такимъ искателемъ ты и останешься. Однако мы должны закончить нашу бесѣду. Мы ѣдемъ, поѣзжай съ нами: услышишь Лили, поужинаемъ вмѣстѣ.

— Поѣдемте съ нами! — подкрѣпилъ приглашеніе Маріана баронъ Эмиль.

Лицо Краницкаго моментально прояснилось, точно на немъ остановился солнечный блескъ.

— Ну, хорошо, я поѣду съ вами, merci, это меня развлечетъ, разсѣетъ, освѣжитъ. Позвольте только одну минутку...

— Ничего, подождемъ.

Онъ вошелъ въ свой будуаръ и заперъ за собою дверь. Въ головѣ его уже завертѣлись представленія о театрѣ, пѣніи, музыкѣ, ужинѣ, разговорахъ, яркомъ освѣщеніи, словомъ, обо всемъ, съ чѣмъ онъ свыкся въ теченіе столькихъ лѣтъ. Въ его тяжкую печаль проникло предчувствіе удовольствія. Точно, принявъ отвратительную микстуру, онъ ощутилъ во рту вкусную конфетку. Онъ было-принялся за свое дѣло прихорашиванія и одѣванія, какъ вдругъ взглядъ его упалъ на прелестную геліоминіатюру, стоявшую на письменномъ столѣ, и остановился какъ вкопанный. Неподвижно, съ устремленнымъ на портретъ взоромъ, онъ дрожащими губами шепталъ:

— Бѣдная, бѣдная моя! Благородное существо! Возвышенная душа!

И моментально лицо его покрылось пятнами, а на лбу и между бровями сгустились морщины. Между тѣмъ, за дверью Маріанъ торопилъ его.

— Смотри, какъ бы намъ не опоздать!

Минуты черезъ двѣ Краницкій вышелъ къ своимъ гостямъ сгорбленный, съ вѣками, сильнѣе прежняго покраснѣвшими.

— Нѣтъ, не могу съ вами ѣхать. Увѣряю васъ, что не могу, нездоровится мнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ онъ нездоровъ,—сказалъ Маріанъ.— Посмотри, Эмиль, какой видъ у нашего стараго друга!

— Но почему это вы только-что, минуту назадъ, смотрѣли совсѣмъ здоровымъ?—процѣдилъ Эмиль.—Не подчиняйтесь скукѣ и не хворайте. Больные люди, это—жниво смерти...

— Отлично сказано,—заявилъ Маріанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пустяки,— оправдывался Краницкій. — Это моя старинная боль въ печени. Сегодня она что-то отзывается... Вы уже поѣзжайте безъ меня.

Какъ ни старался онъ выпрямляться и казаться веселымъ, черты и выраженіе лица выдавали удрученное его состояніе.

— Не прислать ли тебѣ доктора?—спросилъ Маріанъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ,—запротестовалъ Краницкій, а баронъ, взявъ его подъ руку, повелъ къ спальнѣ. Несмотря на сгорбленныя его плечи, фигура его даже въ эту минуту была несравненно импозантнѣе, чѣмъ у прицѣпившагося къ его рукѣ барона, похожаго на туловище комара. Войдя въ спальню, баронъ сталъ говорить вполголоса.

— Il y a du nouveau! Въ городѣ ходятъ слухи, что папà-Дарвидъ объявилъ себя противъ моихъ намѣреній относительно панны Ирены. Вамъ ничего не извѣстно объ этомъ?

Въ послѣднее время баронъ часто говорилъ съ Краницкимъ по этому поводу, иногда совѣтуясь съ нимъ и пользуясь его указаніями. Развѣ не Краницкій былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ этому дому? О самомъ баронѣ Краницкій былъ всегда того мнѣнія, что у этого „brave garçon“ золотое сердце, что онъ превосходно образованъ и воспитанъ, и притомъ его мать, баронесса Блауендорфъ, была одной изъ прелестнѣйшихъ ангельскихъ звѣздъ, какія когда-либо освѣщали его жизненный путь. По свойственной ему склонности къ антимистическому взгляду на людей и вслѣдствіе благороднаго чувства къ памяти объ „одной изъ прелестнѣйшихъ звѣздъ“, Краницкій питалъ особенное доброжелательство къ барону и его намѣреніямъ относительно Ирены, тѣмъ болѣе, что и въ ней онъ замѣчалъ нѣкоторое вниманіе къ барону. Поэтому онъ охотно давалъ ему совѣты. Но въ эту минуту на лицѣ его проявилось чувство неудовольствія и принужденности.

— Не знаю ничего, милый Эмиль,—право, теперь ничего не могу... потому что уже, потому что я...

Краницкій говорилъ съ такимъ усиліемъ надъ собой, что на лбу его выступилъ потъ. Онъ попытался еще начать.

— Кажется мнѣ, что Ирена...

Но баронъ выручилъ его, перебивъ и не замѣчая его волненія:

— Панна Ирена—это сонетъ изъ Бодэлера. Помните: „Les fleurs du mal“? Въ ней есть что-то загадочное, что-то извращенное...

— Ахъ, баронъ!..

— Нѣтъ, вы меня не поняли, дорогой мой: я вѣдь не хочу сказать что-нибудь дурное о паннѣ Иренѣ. Въ моихъ устахъ эти эпитеты—величайшая похвала. Панна Ирена тѣмъ и интересна, что загадочна и сложна. Она разочарована и обладаетъ высшей ироніей, которая есть признакъ высшей организаціи. Да, она не какая-нибудь фіалка, хотя бы изъ цвѣтника Бодэлера, и именно поэтому она возбуждаетъ любопытство, раздраженіе. Une désabusée, une vierge désabusée. Понятно ли вамъ это? Тутъ есть загадка... новый трепетъ. Но съ этими натурами никогда и ни въ чемъ нельзя имѣть увѣренности...

— Это натура честная!—съ горячностью воскликнулъ Краницкій.

Баронъ, ухмыляясь, замѣтилъ:

— Вы раздѣляете натуры на честныя и нечестныя, а я—на скучныя и занимательныя.

Изъ другой комнаты Маріанъ закричалъ:

— Эмиль, я тебя оставляю здѣсь, а самъ ѣду. Скажу Лили, что ты остался на ночь у больного друга, ухаживать за нимъ.

Эти слова показались имъ настолько забавными, что оба они расхохотались въ разныхъ комнатахъ.

— Bon! Прославишь меня добрымъ христіаниномъ. Но вѣдь я такъ же, какъ бранденбуржецъ, который боится только Бога, боюсь только быть смѣшнымъ, и потому ѣду съ тобой.

Краницкій снова сидѣлъ одинъ на длинномъ креслѣ, сгорбленный, съ опущенной головой и вертѣлъ въ пальцахъ свой золотой портсигаръ. Улица была довольно глухая, и Краницкій прислушивался къ шуму отъѣзжавшаго экипажа, а когда этотъ шумъ окончательно умолкъ, на него вдругъ напало горькое сожалѣніе о томъ, что онъ не поѣхалъ туда, гдѣ свѣтло и весело, гдѣ поютъ, шутятъ, ѣдятъ, пьютъ среди неумолкаемаго смѣха. Но тотчасъ затѣмъ онъ почувствовалъ ко всему этому полное отвращеніе.

„Мнѣ такъ грустно, я такъ угнетенъ, боленъ... Отчего же эти двое молодыхъ друзей подольше не остались со мной? Вѣдь я не разъ оказывалъ имъ разныя услуги, всегда любилъ ихъ, особенно Маріана, ce cher enfant... Да и сколько другихъ, о которыхъ я заботился въ болѣзняхъ, которыхъ я утѣшалъ, выручалъ, забавлялъ... А теперь, когда я не могу бѣжать вслѣдъ за своей госпожей, подобно пинчеру, мнѣ остается сидѣть въ темнотѣ и тишинѣ".

Послѣдняя, однако, была прервана шлепаніемъ галошъ, и въ дверяхъ остановилась Клементина. Надъ сѣдыми ея бровями возвышались два стекла очковъ, а лѣвая рука ея обтянута была мужскимъ носкомъ, который она начала штопать. Смотрѣла она на мрачную позу погруженнаго въ молчаніе человѣка и покачивала головой. Потомъ тихо, насколько было возможно съ ея обувью, подошла къ креслу и, усѣвшись на табуретъ, тихо спросила:

— Что ты молчишь и одинъ пережёвываешь свою тоску? Поговори со мной; можетъ быть, станетъ тебѣ полегче...

Онъ молча смотрѣлъ на нее, и она, уже шопотомъ, принялась за вопросы.

— Что же она? Очень любила тебя? Взаправду любила? Какъ это случилось, что вы оба опомнились?

Нѣсколько минутъ спустя, послѣ нѣкотораго колебанія, Краницкій, облокотясь на ручку кресла и склонивъ голову на ладонь, началъ свои признанія.

— Тебѣ я могу все сказать, потому что ты не изъ нашего свѣта, и потому что въ тебѣ есть и доброта, и привязанность... ты у меня одна на всемъ свѣтѣ...

Среди тишины комнаты раздался звукъ, напоминавшій валторну: это Клементина, вытянувъ изъ кармана толстый платокъ, высморкалась. Глаза у нея были влажны. Краницкій вздрогнулъ, покосился на нее, но продолжалъ:

— Когда мы въ первый разъ послѣ разлуки съ ней встрѣтились, это было весной... Ты знаешь, что мы разстались потому, что у меня состояніе было небольшое... Мама и слышать не хотѣла, чтобы я женился на бѣдной гувернанткѣ... Женился на ней этотъ богачъ. Боже! Что изъ этой, скромной какъ фіалка, дѣвушки вышло! Свѣтская дама, полная оживленія, изящества, хорошаго тона... Но весна нами овладѣла, воспоминанія о деревнѣ, о полевыхъ цвѣтахъ, о первыхъ трепетахъ сердца... Любила ли она мужа? Бѣдняжка! Въ началѣ, кажется, она привязалась къ нему, но онъ оставлялъ ее одну, не думалъ о ней,

занятъ былъ только исканіемъ по всему свѣту милліоновъ, неукротимо, неумолимо... Постоянно одна... И въ свѣтѣ, и дома, всегда одна... дѣти были еще маленькія. А между тѣмъ, при ея природной чувствительности, она нуждалась въ дружбѣ и ласкѣ преданнаго сердца. Я сразу душой упалъ передъ ней на колѣни, и она это чувствовала, а онъ еще оставилъ ее на мое попеченіе, сдѣлавъ меня ея совѣтникомъ, опекуномъ, покровителемъ, да! именно покровителемъ... О, глупецъ! Выскочка! Такой умный, и такой дуракъ! Ха, ха, ха!

Улыбка, насмѣшливая, мстительная, искривила его лицо; краснота надъ бровями выступила сильнѣе.

— Не волнуйся, Тулекъ, не волнуйся... вредно,—увѣщевала его старая нянька. Но, разъ начавъ свои признанія, онъ продолжалъ далѣе.

— Цѣлый годъ прошелъ такъ. Мы были въ величайшей дружбѣ, но она держала меня далеко отъ себя... боролась... Ты вѣдь знаешь, какъ я былъ всегда счастливъ на женщинъ!

— А какъ же! очень счастливъ... на свою пагубу,—проворчала Клементина.

— Смолоду у меня былъ талантъ чтенія, которому я обязанъ многимъ...

— Обязанъ! Чѣмъ обязанъ? Что провелъ вѣкъ безпутно?..—снова начала упрекать его Клементина, но онъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ свой разсказъ.

— Случилось разъ, что она заболѣла сильной мигренью, чувствовала себя очень дурно; былъ поздній вечеръ, весь домъ пустой и темный, дѣти спали... Я ухаживалъ за нею, какъ братъ, какъ мать. По своей деликатности я скрывалъ отъ нея то, что̀ чувствовалъ. Я наблюдалъ за нею такъ, какъ будто это было больное, любимое дитя. Я старался ее развлечь разговоромъ, говорилъ тихо, подавалъ лекарства и конфекты. Потомъ сталъ ей читать. Она не разъ говорила, что мое чтеніе — это музыка. Мы читали тогда Альфреда Мюссé. Ты, мамушка, не знаешь, какой-такой это Мюссé. Это поэтъ любви и именно такой любви, которую свѣтъ называетъ преступной. Она просила меня что-то принести ей изъ сосѣдней комнаты, а когда я вернулся, наши глаза встрѣтились и... больше мы въ этотъ день уже не читали.

Послѣднія слова онъ едва могъ проговорить, закрылъ лицо платкомъ, нагнулся головой къ ручкѣ кресла и долго оставался неподвижнымъ; можетъ быть, и плакалъ. Клементина, смотря на него, тоже нагнулась, вынула платокъ изъ кармана, и по ком-

натѣ снова разнеслось трубное эхо. Потомъ, придвинувшись къ нему вмѣстѣ со своимъ табуретомъ, она стала трогать его за плечо, приговаривая:

— Перестань, Тулекъ, не отчаявайся! Пусть васъ Богъ тамъ судитъ, судья справедливый, но милосердый! Мнѣ и тебя жаль, да и эту несчастную! Чтò дѣлать, сердце не камень, человѣкъ не ангелъ. Ты только не отчаявайся. Все на свѣтѣ проходитъ, и твое горе пройдетъ. Можетъ быть, ты будешь еще счастливѣе, чѣмъ былъ. Можетъ быть, заживешь на миломъ покоѣ въ Липовкѣ, въ своей собственной хатѣ. Мы съ Стефкомъ, можетъ быть, что-нибудь придумаемъ, какъ тебя изъ этой городской грязи вытащить...

Краницкій не отвѣчалъ; Клементина продолжала:

— Отъ Стефка опять получила письмо.

Краницкій спросилъ:

— Чтò пишетъ этотъ славный человѣкъ?

Клементина снова надулась и сварливымъ голосомъ заговорила:

— Разумѣется, славный, и напрасно ты его такъ называешь, будто изъ милости или въ насмѣшку! Онъ всего только крестный мнѣ сынъ, а лучше другого родного. Пишетъ онъ, что хозяйство въ Липовкѣ идетъ хорошо, опять сотню фруктовыхъ деревъ посадилъ; черезъ двѣ или четыре недѣли онъ пріѣдетъ и денегъ немного привезетъ...

— Денегъ!—проговорилъ Краницкій:—это хорошо!

— Конечно, хорошо, потому что этотъ жидъ давно бы тебя обобралъ, еслибы я его разъ не вытолкала съ лѣстницы, а другой разъ не упросила подождать, — сказала она и разсмѣялась. — Вытолкать-то было легче, чѣмъ упросить, потому что я сильнѣе этого комара. Но я чуть ему руки не цѣловала,—ну, обѣщалъ ждать. „Только для Клементины, говоритъ, соглашаюсь. Клементина, говоритъ, это такая слуга, что все равно, что мать"! И правда,—точно мать! Своихъ у меня дѣтей нѣтъ, никого на свѣтѣ у меня нѣтъ, ты одинъ у меня!

Краницкій ласково кивалъ головой, смотря на сѣдую голову въ большомъ чепцѣ, а лампа бросала меланхолическій свѣтъ на всю окружавшую обоихъ друзей скромную обстановку, на коллекцію трубокъ и на золотой портсигаръ, который все еще продолжалъ вертѣться въ рукахъ глубоко задумавшагося старѣющагося красавца.

V.

Алоизій Дарвидъ чувствовалъ себя въ превосходномъ расположеніи духа. Ему удалось очень выгодно пріобрѣсти на торгахъ домъ съ большимъ пустопорожнимъ мѣстомъ. Выгоду представлялъ не домъ, который предназначался имъ на сломъ, а большой участокъ земли съ садомъ, на которомъ онъ разсчитывалъ получить крупный заработокъ, такъ какъ мѣсто находилось вблизи одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій. Это было уже третье хорошее дѣло со времени его возвращенія изъ дальняго путешествія. Но всѣ эти три дѣла онъ охотно бы отдалъ за то, о которомъ хлопоталъ и относительно котораго до сихъ поръ еще не зналъ, въ какомъ оно положеніи. Это обстоятельство лишало его спокойнаго сна, однако ничуть не мѣшало заниматься текущими дѣлами.

На дворѣ стояла хорошая погода съ легкимъ морозомъ; иней на деревьяхъ сада искрился блестками отраженнаго свѣта. Дарвидъ въ обществѣ землемѣра, архитектора и инженера, прогуливался по саду, но цѣлью его прогулки было не восхищаться природой, скованной подъ бѣломраморнымъ пологомъ. Инженеръ явился къ нему съ предложеніемъ уступить пріобрѣтенное имъ мѣсто и энергично защищалъ интересы своихъ довѣрителей; землемѣръ и архитекторъ говорили—каждый о своемъ дѣлѣ, объясняя жестами размѣры и расположеніе предполагаемыхъ построекъ на площади. Дарвидъ, въ франтоватой шубѣ, съ очень цѣннымъ воротникомъ, въ цилиндрѣ, ходилъ по снѣгу равномѣрнымъ шагомъ, болѣе слушая, чѣмъ говоря, и въ улыбкѣ его сказывалось молчаливое самодовольство,—какъ вдругъ зрѣніе его было поражено необычнымъ освѣщеніемъ стоявшаго передъ нимъ дерева. Высокое и раскидистое, оно покрыто было точно пухомъ тончайшей рѣзьбы изъ алебастра, въ которомъ каждая точка блестѣла радужнымъ огнемъ. Дарвидъ рѣзкимъ движеніемъ набросилъ на себя пенснэ и, непріятно скрививъ ротъ, сказалъ:

— Какой невыносимый свѣтъ!

Архитекторъ, вглядываясь въ видъ дерева, съ улыбкой замѣтилъ:

— Да, такое изваяніе ни одинъ и греческій скульпторъ не могъ бы исполнить.

— Жаль только, что оно было бы безполезно,—тоже улыбаясь, возразилъ Дарвидъ.

— Вы не поклонникъ природы, какъ я,—началъ-было архитекторъ.

— Напротивъ, напротивъ,—шутливо заключилъ Дарвидъ:—я иногда замѣчалъ въ ней кое-что, но чтобы сдѣлаться, какъ вы говорите, ея поклонникомъ,—на это у меня не было времени. Это, по-моему, излишество... среди трудовъ этого и не замѣчаешь... на это нужно свободное время!

Съ этими словами Дарвидъ отвернулся отъ чуднаго произведенія природы и хотѣлъ идти, но опять остановился. Онъ очутился подлѣ рѣшотки, отдѣлявшей садъ отъ улицы, когда вниманіе его остановилось на чемъ-то такомъ, что̀ его, повидимому, очень заняло. Былъ часъ отхода поѣзда съ сосѣдняго вокзала желѣзной дороги. По направленію къ нему стремилось множество каретъ и саней. Раздавались крики кучеровъ. Множество нарядныхъ дамъ и мужчинъ въ шикарныхъ шубахъ и шляпахъ, ливреи возницъ, фыркавшія лошади, надъ которыми поднимался паръ, все это шумно спѣшило куда-то по снѣгу, блиставшему подъ солнцемъ и морозомъ.

Одна изъ каретъ была похожа на то, будто въ нее втиснутъ былъ цѣлый цвѣточный садъ. Изъ оконъ ея выступалъ точно каскадъ розъ, камелій, гвоздики, фіалокъ. Въ нихъ же виднѣлись вѣнки, букеты, картины, а среди всего этого, въ глубинѣ кареты, женская шляпа съ широкими полями. Вслѣдъ за этой каретой летѣли сани, запряженныя парою рослыхъ коней, съ кучеромъ въ огромномъ мѣховомъ воротникѣ и съ двумя молодыми людьми, въ ногахъ которыхъ стояла корзина съ особенно дорогими орхидеями. Карета и сани промелькнули мимо уличной пестроты, точно волшебное видѣніе весны среди снѣжнаго фона картины зимы. Все это появилось на мигъ и исчезло.

Дарвидъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ съ вопросомъ:

— Кто эта дама въ каретѣ, полной цвѣтовъ?

— Біанка Біанетти.

Имя это не нуждалось въ комментаріяхъ. Дарвидъ самодовольно улыбался. Вовсе не удивительно, что сынъ его, вмѣстѣ съ этимъ маленькимъ барономъ, провожаетъ на желѣзную дорогу женщину съ европейскою славой и везетъ ей цвѣты. Напротивъ, напротивъ! Онъ и самъ это дѣлалъ... и если не чаще, то только потому, что не было времени.

— Занимательная исторія сегодня будетъ происходить на вокзалѣ,—говорилъ инженеръ.—Для Біанки заказанъ экстренный поѣздъ, который отойдетъ черезъ пять минутъ послѣ обыкновеннаго.

— Зачѣмъ же это?—спросилъ архитекторъ.

— Догадаться легко. Чтобы имѣть возможность на пять минутъ больше быть въ ея обществѣ и любоваться видомъ знаменитой пѣвицы.

— Экстренный поѣздъ! Это сумасшествіе!—сказалъ Дарвидъ.—Кто же это устроилъ?

Инженеръ и архитекторъ обмѣнялись значительными взглядами, и первый изъ нихъ отвѣтилъ:

— Вашъ сынъ.

Мускулы на лицѣ Дарвида дрогнули, но онъ совершенно спокойно сказалъ:

— Ахъ, да! Припоминаю. Маріанъ что-то говорилъ мнѣ объ этомъ. Я немного его пожурилъ за это, но такъ какъ онъ очень настаивалъ, то что̀ же дѣлать! Il faut que la jeunesse se passe!

Сказавъ это, онъ сталъ прощаться съ тремя сопровождавшими его людьми.

— Мнѣ очень досадно, что мы сегодня не кончимъ нашихъ дебатовъ, но я вспомнилъ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ. Прошу ко мнѣ пожаловать завтра въ мой пріемный часъ.

Приподнявъ шляпу, онъ удалился, а садясь въ карету, сказалъ кучеру:

— На вокзалъ, поскорѣй!

Передъ дебаркадеромъ уже стояла цѣпь вагоновъ и дымящійся локомотивъ. Публика толпилась, торопясь къ вагонамъ. Дарвидъ шелъ вмѣстѣ съ публикой, отыскивая глазами молодое лицо, изъ-за котораго безсонныя его ночи наполняли его безпокойствомъ. Сначала это ему не удавалось, но когда часть публики была поглощена вагонами и онъ увидѣлъ порядочную кучку людей, очевидно игравшую здѣсь роль зрителей, столпившихся къ одному мѣсту,—то впереди этой кучки не трудно было разглядѣть въ рукахъ нѣсколькихъ человѣкъ цѣлый садъ цвѣтовъ и среди нихъ два лица, громко говорившія по-итальянски. Итальянская пѣвица была красивая брюнетка, съ жгучими, какъ звѣзды, глазами. Бесѣду съ ней велъ очень молодой, привлекательный, изящный блондинъ. Шагахъ въ двухъ за ними, съ разсѣяннымъ и равнодушнымъ видомъ находился низкорослый, увядшій, рыжеватый баронъ Блауендорфъ.

Второй звонокъ прозвучалъ въ морозномъ воздухѣ. Артистка, прелестно улыбаясь, кивнула головой въ знакъ прощанія и сдѣлала шагъ къ вагону; но кавалеръ ея ловкимъ движеніемъ загородилъ ей путь, болтая съ нею безъ умолку и держа ее подъ

упорнымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ. Съ полной беззаботностью она остановилась, слушая его болтовню.

Между тѣмъ Алоизій Дарвидъ смѣшался съ толпой любопытныхъ, и до его слуха стали долетать обрывки разговоровъ стоявшихъ около него людей.

— Не поѣдетъ!—говорилъ чей-то голосъ.

— Уѣдетъ! Еще много времени,—спорилъ другой.

— Онъ нарочно ее задерживаетъ!

— Ну, и красавица же она! Улыбка у нея, пожалуй, не хуже голоса!

Другимъ ухомъ Дарвидъ слушалъ рѣчи о томъ же.

— Молодецъ! Смотрите, смотрите, какъ онъ ловко ее заговариваетъ!.. Бѣдной придется назадъ уѣхать.

— Нѣтъ, какое! Это ужъ было бы съ его стороны слишкомъ!

— А кто же это такой, этотъ хорошенькій блондинчикъ?—спрашивалъ женскій голосъ.

— Это молодой Дарвидъ. Сынъ того извѣстнаго Дарвида.

— Какой же онъ молодой! Это ребенокъ!

— Э, да человѣкъ съ милліонами, какъ персикъ на солнцѣ, быстро дозрѣваетъ.

— По-каковски они говорятъ? Не могу разслышать, но, кажется, не по-французски,—спрашивалъ кто-то.

— По-итальянски, она итальянка.

— Однако, какъ онъ валяетъ по-итальянски, точно итальянецъ!

Голосъ, говорившій о персикѣ, замѣтилъ:

— Милліоны—это такая штука... Какъ только станешь милліонеромъ, такъ святымъ духомъ заговоришь на всѣхъ языкахъ, какіе есть на свѣтѣ.

Всѣ отъѣзжающіе уже вошли въ вагоны; кондуктора принялись ихъ запирать, производя тупой и короткій ударъ дверьми. На этотъ разъ артистка сдѣлала быстрое движеніе впередъ, но молодой Дарвидъ сказалъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ на лицѣ ея отразилось изумленіе, и вслѣдъ затѣмъ восхитительнѣйшая въ мірѣ улыбка. Она кивнула головой, на что-то соглашаясь, за что-то благодаря съ такимъ видомъ, съ какимъ кроткія королевы соглашаются принимать отъ своихъ подданныхъ величайшія почести.

Въ толпѣ, окружавшей Дарвида-отца, кто-то увѣрялъ, смѣясь:

— Молодецъ! Не пуститъ!

— Какой онъ красавчикъ, этотъ молодой Дарвидъ!—снова отозвался чей-то тонкій голосокъ.

— У него видъ настоящаго принца! — прибавилъ другой такой же.

— Интересно, что изъ этого выйдетъ. Она не уѣдетъ!

— Уѣдетъ!

— Не поѣдетъ!

— Пари!

— Согласенъ. Пари!

Въ одну минуту позади Дарвида состоялось нѣсколько закладовъ о томъ, уѣдетъ ли сегодня изъ города эта женщина, разговаривающая съ его сыномъ, или не уѣдетъ. Тонкія губы озарились улыбкой удовольствія; онъ сталъ внимательно всматриваться въ движенія сына—глазами почти нѣжными. А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ настоящій принцъ! Какія свободныя движенія и какое вмѣстѣ съ тѣмъ изящество! Какъ онъ умѣетъ не стѣсняться присутствіемъ публики и направленныхъ на него взглядовъ толпы! Должно быть, имѣетъ успѣхъ у женщинъ! Вѣдь эта знаменитая во всей Европѣ артистка просто впилась въ него своими черными глазами...

Третій звонокъ раздался, и одновременно съ нимъ дебаркадеръ огласился протяжнымъ свистомъ паровоза. Колеса вагоновъ пришли въ движеніе.

— Ну, вотъ и не уѣхала!—послышался голосъ изъ толпы.

Пари проигралъ!—произнесло нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, какъ я рада, что этотъ хорошенькій мальчишка поставилъ на своемъ!—говорилъ женскій голосъ.

Послышался свистъ другого паровоза, подъѣзжавшаго къ дебаркадеру, стуча колесами и обдавая паромъ небольшое число вагоновъ. Это былъ поѣздъ-игрушка, нарядный, съ ярко вычищенными мѣдными частями паровоза, блиставшими на яркомъ солнцѣ, съ прицѣпленными къ паровозу, начисто отшлифованными, синяго цвѣта вагонами, изъ оконъ которыхъ выглядывали бархатныя подушки. Дверь вагона отворилъ кондукторъ, стоявшій въ позѣ приглашающаго, и Маріанъ ввелъ свою даму въ роскошное помѣщеніе салонъ-вагона.

Толпа, понявшая остроумный замыселъ юноши, пришла въ восторгъ. Ей, видимо, понравилась фантазія, потребовавшая большихъ денегъ, и возбудила ея симпатію къ чудачеству и киданію денегъ, независимо отъ смысла и цѣли, съ какими все это продѣлывалось. Нѣсколько десятковъ рукъ захлопали, и маленькій экстренный поѣздъ тронулся въ путь, сопровождаемый аплодисментами, всего черезъ пять минутъ послѣ отхода обыкновеннаго.

Алоизій Дарвидъ остановился у выхода вокзала, откуда могъ

далѣе наблюдать сына, спокойно уходившаго съ мѣста проводовъ. Онъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ, пораженный неожиданно замѣченною имъ въ сынѣ особенностью. Совершенно противно тому, что̀ можно было ожидать, въ выраженіи лица Маріана не замѣтно ни юношескаго удовольствія, ни чувства побѣды, ни грустнаго чувства. Равнодушно оглянулся онъ на толпу, когда она вздумала ему апплодировать, а теперь весь его видъ изображалъ одну холодную тоску; въ глазахъ его, смотрѣвшихъ куда-то въ даль, можно было даже прочесть нѣчто въ родѣ чувства неудовлетворенности, испытаннаго обмана и вмѣстѣ мысль о чемъ-то недосягаемомъ. Не замѣтивъ отца, какъ не замѣтилъ его и сопутствовавшій Маріана баронъ, Маріанъ шелъ, вперивъ свой взоръ куда-то далеко впередъ. Вдругъ онъ произнесъ:

— Это удивительно!

— Что̀ тебя удивляетъ?—спросилъ баронъ.

— Меня удивляетъ, какъ на свѣтѣ все мелочно...

— Кромѣ моего аппетита, который въ эту минуту дошелъ до колоссальныхъ размѣровъ,—говорилъ баронъ.

„И кромѣ тѣхъ денегъ, которыя тратитъ мой сынокъ",—подумалъ Алоизій Дарвидъ, направляясь къ своей каретѣ.

Но на пути онъ успѣлъ поймать еще нѣсколько отрывочныхъ фразъ изъ разговора въ публикѣ.

— За какія-нибудь минуты, проведенныя въ разговорѣ съ красивой женщиной, бросить столько денегъ—это характеръ!

— Многообѣщающій!

— Особенно для папаши!

— У него, говорятъ, долговъ больше, чѣмъ кудрявыхъ волосъ на головѣ.

— Занимаетъ въ разсчетѣ на отцовскій карманъ...

— А можетъ быть и на его смерть...

Другіе говорили:

— Въ такихъ рукахъ скоро все полетитъ къ чорту!

— Отчего?

— Да развѣ можно представить себѣ, чтобы кто-нибудь съ убѣжденіями Франциска Ассизскаго могъ наживать милліоны.

— Конечно, но мы живемъ не въ средніе вѣка. Наше время принадлежитъ именно такимъ людямъ.

— Это вѣрно! Это вѣрно! Такіе люди только и счастливы.

Въ головѣ Дарвида, пока онъ ѣхалъ, путались противорѣчивыя мысли.

„Да,—думалъ онъ,—этотъ молодецъ обладаетъ способностью растрачивать золото! Но онъ это дѣлаетъ какъ-то очень мило,

съ аристократической граціей". Онъ и гордился сыномъ, и страшился за него. Безпокойство овладѣло богачомъ. „Не можетъ же это такъ продолжаться. Дѣлаетъ долги въ разсчетѣ на мою смерть! Хуже всего, это—абсолютное его бездѣлье! Какая цѣна человѣку безъ труда? Отъ бездѣлья уже началось въ немъ преждевременное увяданіе, и что̀ за бездѣльная мечтательность!... А малый чудесный! Точно рожденъ въ княжеской мантіи"!

Входя на лѣстницу, онъ обратился къ швейцару:

— Когда вернется Маріанъ, сказать ему, чтобы пришелъ ко мнѣ.

Въ кабинетѣ своемъ онъ больше часа сидѣлъ за занятіями, писалъ, отмѣчалъ, разсматривалъ письма и счета, а по лицу его скользили какія-то непріятныя вздрагиванія. Нервныя движенія руки отражались въ рѣзкомъ шелестѣ бумагъ. Вскорѣ въ дверяхъ показался Маріанъ съ шляпой въ рукѣ. Онъ началъ говорить лишь только вошелъ.

— Здравствуй папаша. Я радъ, что ты меня позвалъ, потому что давно уже не имѣлъ удовольствія говорить съ тобой. Мы оба страшно заняты. Я недѣли двѣ сряду былъ занятъ Біанкой Біанетти.

Онъ казался совершенно спокойнымъ, хотя не имѣлъ веселаго вида. Дарвидъ, стоя у своего круглаго стола и пронзая сына взглядомъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ты влюбленъ, что-ли, въ эту актрису?

Маріанъ тотчасъ разсмѣялся искренно и почти громко.

— Что̀ за вопросъ, папаша! Вѣдь это значитъ созидать святыню на маковомъ зернѣ,—вѣдь любовь называютъ святыней,—моя же фантазія...

— Маковое зерно, которое ты развозишь по свѣту въ экстренныхъ поѣздахъ,—перебилъ отецъ.

— А ты развѣ слышалъ объ этомъ?

— Я видѣлъ.

— Какъ! ты былъ на вокзалѣ? Удивительно, какъ же это я тебя не замѣтилъ!—сказалъ Маріанъ, дополнивъ свое удивленіе небрежнымъ движеніемъ.

— Я испыталъ разочарованіе,—продолжалъ онъ болтать.— Я себѣ представлялъ, что, оказавъ неожиданный сюрпризъ Біанкѣ, я доставлю себѣ ощущеніе живѣйшаго удовольствія. Между тѣмъ я убѣдился, что это былъ пустякъ нисколько не занимательный и не остроумный—какъ все. Вѣчно одно и то же: и то, что̀ воображеніе строитъ долго, критика разрушаетъ мгновенно.

Ничего нельзя выдумать! Свѣтъ такъ старъ, что онъ намъ достался въ видѣ подержанной тряпки.

Сказавъ это, онъ усѣлся на одно изъ креселъ, окружавшихъ большой столъ, и поставилъ шляпу на коверъ. Отецъ, не мѣняя позы, сталъ говорить.

— Вовсе не удивительно, если кто-нибудь строитъ глупость, что критика повалитъ такое зданіе...

— А кто же можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ созидаетъ мудрость?—перебилъ Маріанъ и затѣмъ, вынувъ портсигаръ, спросилъ:

— Позволите, папаша?

Потомъ, съ величайшей любезностью подавая свой портсигаръ отцу, онъ предложилъ:

— Можетъ быть и вы закурите?

У Дарвида сгустился снопъ морщинъ между бровями; онъ сухо повернулъ голову въ знакъ отказа отъ фамильярнаго предложенія.

— Почему ты тотчасъ послѣ моего отъѣзда прекратилъ посѣщеніе лекцій въ университетѣ? Объ этомъ я нѣсколько разъ спрашивалъ тебя въ письмахъ, но ты ни разу мнѣ не отвѣчалъ.

— Виноватъ, папаша, но я удивительно какъ лѣнивъ на то, чтобы писать письма. На словахъ я охотно тебѣ объясню...

Дарвидъ перебилъ его.

— У меня нѣтъ времени для длинныхъ разговоровъ; поэтому ты мнѣ прямо скажи: ты не хочешь учиться?

Маріанъ выпустилъ тонкую струю дыма и началъ говорить такимъ тономъ, будто рѣчь шла не о немъ, а о какомъ-нибудь отвлеченномъ вопросѣ.

— Напротивъ, у меня вовсе нѣтъ отвращенія къ наукѣ. Я читаю много, и любознательность составляетъ мою отличительную черту. Вѣдь я уже съ дѣтства поглощалъ громадное количество книгъ, но школьныхъ лекцій я никогда не училъ. Всѣ этому удивлялись, а между тѣмъ это очень просто. Ограниченныя индивидуальности легко приспособляются къ указкѣ, а самобытныя и энергичныя не переносятъ ея. Правила, обязанности— это хлѣвъ, въ который люди запираютъ свою животную сторону, для того, чтобы она не вредила культурнымъ полямъ. Волы и бараны терпѣливо стоятъ въ оградѣ, а высшія организаціи разрушаютъ ее, ища свободы. Мнѣ необходима во всемъ безусловная свобода, и потому я пересталъ ходить въ это распивочное заведеніе, гдѣ науку подаютъ въ опредѣленное время, извѣстнаго сорта и извѣстными дозами. Я въ этомъ отношеніи, уступая

просьбамъ и настояніямъ мамы, проявилъ даже много доброй воли: съ юридическаго отдѣла перешелъ на естественный, съ этого на философскій, надѣясь, что меня что-нибудь да заинтересуетъ, и что мнѣ удастся успокоить эту бурю тоски, которая томила бѣдную маму. Но я не могъ. Профессора наводили скуку, товарищи были крикуны. Между тѣмъ свѣтская жизнь меня забавляла, воображеніе несло дальше, выше. Поэтому я бросилъ скучное занятіе, которое меня сердило и, вдобавокъ къ скукѣ, было совершенно безцѣльно.

Онъ погасилъ свою папиросу въ пепельницѣ и, снова уходя въ глубину кресла, продолжалъ:

— Вѣдь, насколько я могъ замѣтить, люди проходятъ университетскій курсъ ради одной изъ двухъ цѣлей: или намѣреваясь посвятить себя тому, что̀ называется спасеніемъ свѣта, или для обезпеченія себѣ средствъ къ жизни. Ни одна изъ этихъ цѣлей не могла меня увлечь. Относительно первой, она мнѣ не подходитъ, потому что я признаю индивидуализмъ и довожу его до идеи анархизма. Такъ называемое спасаніе міра въ нашъ вѣкъ упадка—неправдоподобная басня. Голая истина заключается въ томъ, что всякій живетъ для себя и по-своему. Кому судьба благопріятствуетъ, тотъ проводитъ жизнь болѣе или менѣе пріятно; кому нѣтъ—пропадаетъ. Всѣмъ управляетъ случай и сочетаніе случайностей. Нельзя превратить нашъ міръ въ земной рай, точно такъ же, какъ невозможно изъ небольшой планеты сдѣлать великую. Спасаніе же міра есть просто одинъ изъ видовъ наркотизаціи, изобрѣтенныхъ для усыпленія и смягченія людскихъ горестей. У альтруистовъ—ихъ цѣлая аптека. Кому желательно—можетъ черпать изъ нея; каждый имѣетъ на то полное право. Что касается меня, я предпочитаю обходиться безъ усыпляющихъ средствъ. Я индивидуалистъ, и не вижу, почему Иванъ долженъ страдать ради уменьшенія страданій Сидора. Пусть и Иванъ, и Сидоръ, каждый хлопочутъ о себѣ, а если они разсудительны, то сами сумѣютъ какъ-нибудь устроиться, не прибѣгая къ помощи стклянокъ съ этикетами. Вотъ мое убѣжденіе объ одной изъ цѣлей, ради которой проходятъ правильный курсъ наукъ. Что касается второй...

Онъ вынулъ при этомъ папиросу и, закуривая ее, заговорилъ:

— Что касается второй цѣли, то это очень просто: я, будучи твоимъ сыномъ, мой папаша, не нуждаюсь быть пекаремъ своего хлѣба. Таковъ мой символъ вѣры, который я передъ тобой излагаю тѣмъ охотнѣе, что я уже давно научился уважать

независимость и силу твоего ума. Я увѣренъ, что никто лучше тебя не пойметъ меня.

Но онъ ошибался. Тотъ, къ кому онъ обращался съ такой любовью и довѣріемъ, вовсе его не понималъ. Это былъ, вѣроятно, первый случай въ жизни отца Дарвида, что онъ бесѣдовалъ съ человѣкомъ, который былъ ему совершенно непонятенъ. Онъ былъ изумленъ. Онъ разсчитывалъ встрѣтить въ сынѣ просто легкомысленнаго юношу, котораго страсти толкнули на путь расточительности и бездѣльничанья; вмѣсто того передъ нимъ сидѣлъ какой-то философствующій мудрецъ, разочарованный, съ ироніей во взорѣ и въ голосѣ, съ оскоминой во рту. Эта прокисшая мудрость и сопровождающая ее самоувѣренность и непреложность мнѣній о собственной самостоятельности укрѣпились въ этомъ юношѣ, стройномъ и нѣжномъ, съ розовымъ цвѣтомъ лица и голубыми, какъ незабудки, глазами, и вытекали изъ устъ нѣсколько усталыхъ, несмотря на то, что надъ ними едва начинали пробиваться усы. При этомъ онъ говорилъ гладко, въ формѣ безупречно приличной, легко закругляя фразы.

Дарвидъ былъ изумленъ и смущенъ. У него не было времени, чтобы замѣтить новыя направленія, какія нарождаются въ мірѣ современныхъ характеровъ и въ умахъ новыхъ поколѣній; онъ не могъ присматриваться къ формамъ, въ какія время вырабатываетъ эти людскія поколѣнія. Онъ остолбенѣлъ, молчалъ, и только спустя нѣкоторое время на устахъ его стала проглядывать саркастическая черта. Этотъ мальчикъ со своими теоріями прямо уморителенъ.

— Все, что̀ ты говоришь, просто смѣшно,—сказалъ онъ.— Ты строишь какія-то основы изъ полнаго отсутствія въ тебѣ всякихъ основъ. Въ твоемъ возрастѣ такія мнѣнія, такое холодное равнодушіе—невѣроятно. Съ твоей молодостью и съ такимъ багажемъ! вѣдь это умора, да и только!

Маріанъ быстрымъ движеніемъ поднялъ голову и съ удивленіемъ вглядывался въ отца. Онъ тоже разсчитывалъ на другое.

— Смѣшное! Смѣшно! Смѣшонъ! — восклицалъ онъ. — Что это значитъ, папаша? Это не доводъ. Я былъ увѣренъ, что мы сойдемся въ мнѣніяхъ. Съ глубокимъ изумленіемъ вижу, что это не такъ. Какъ же это, папаша? развѣ ты не сторонникъ мнѣнія, что каждый для себя и за себя? И развѣ можно было доводить презрѣніе ко всякимъ иллюзіямъ дальше, чѣмъ ты это дѣлалъ въ теченіе всей своей жизни? Но, можетъ быть, это различіе нашихъ взглядовъ—только кажущееся. Я желалъ бы доводовъ. Смѣшно—это не доводъ. Я могу быть смѣшнымъ, но оста-

ваться неопровергнутымъ. Недостатокъ принциповъ! Хорошо. Принципы—это одна изъ тѣхъ иллюзій, одинъ изъ тѣхъ ярче другихъ раскрашенныхъ горшковъ, которые труднѣе другихъ распознаются и которые, однако, въ сущности простая глина. Я прошу точнѣе опредѣлить: о какихъ принципахъ вы говорите, папаша?

Лицо Дарвида передернулось, онъ отвѣчалъ:

— О какихъ? О нравственныхъ... Разумѣется, о нравственныхъ...

— Да, да, но опредѣлите точнѣе: какіе же это, какъ они называются, эти принципы?

Дарвидъ снова умолкъ. „Какъ называются? Да что онъ исповѣдуетъ меня или защищается? Очень нужно ломать себѣ голову надъ такимъ вздоромъ! Еслибы дѣло шло о законахъ, о постройкахъ, о биржѣ, денежныхъ операціяхъ“... Моралью онъ не занимался никогда,—на это не было времени. Глухой гнѣвъ сталъ имъ овладѣвать и въ словахъ слышалось шипѣніе, когда онъ проговорилъ:

— Вотъ что̀, мой милый, ты не по тому адресу явился. Прививать дѣтямъ моральные принципы—не отца это дѣло. Это обязанность матерей. У отцовъ на это нѣтъ времени. Обрати свою память къ своему дѣтству и вспомни о тѣхъ нравственныхъ принципахъ, которые внушала тебѣ твоя мать—въ нихъ ты найдешь отвѣтъ на свой вопросъ.

Маріанъ засмѣялся.

— То, что̀ ты мнѣ сказалъ, папаша, напоминаетъ мнѣ одного моего пріятеля, сочиняющаго книги. Это бѣдняга, котораго мы приняли въ наше общество, потому что у него есть талантъ, а талантъ—это рекомендація. Вотъ у него кто-то разъ спросилъ: „Что̀ ты дѣлаешь, если тебѣ встрѣчается затрудненіе въ сочинительствѣ?“—„Стараюсь побороть препятствіе“.—„А если побороть не удается?“—„Тогда я дѣлаю скачокъ въ сторону и не говорю того, чего не могу сказать“... Вотъ и ты, папаша, какъ этотъ авторъ,—отошелъ въ сторону...

Маріанъ весело разсмѣялся, но Дарвидъ становился все пасмурнѣе и начиналъ выпрямляться во весь ростъ. Онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ слабость своей діалектики передъ лицомъ этого профессора. Маріанъ продолжалъ.

— Оставимъ въ покоѣ нашу бѣдную, милую маму. Она—сама кротость и доброта. Если въ моихъ глазахъ еще что-нибудь осталось изъ того, что̀ я не могу считать иллюзіей, то это мое нѣжное чувство къ ней. Она мнѣ много говорила и теперь

говоритъ о нравственныхъ обязанностяхъ, но и лучшая въ мірѣ женщина—все-таки только женщина. Чувствительность, рутина и, вдобавокъ, нелогичность... Тебѣ это извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, потому что ты больше меня имѣлъ случай дѣлать наблюденія надъ этой половиной свѣта...

Рѣчь этого голубоокаго оратора, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась болѣе плавной и смѣлой.

— Еслибы я былъ старой дѣвой, я бы сдѣлался сестрой милосердія: все-таки это даетъ какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ. Но въ моемъ положеніи о принципахъ я разсуждаю такъ: нравственные принципы зависятъ отъ мѣста, времени, географическаго градуса широты и отъ эволюціи, которой подлежитъ цивилизація. Если бы небо создало меня древнимъ грекомъ, моимъ принципомъ было бы воевать съ азіатами за свободу и влюбляться въ красивыхъ мальчиковъ; въ средніе вѣка я воевалъ бы въ честь своей дамы сердца и жарилъ бы людей на огненныхъ кострахъ. На Востокѣ я открыто обладалъ бы количествомъ женъ, соотвѣтственнымъ моему желанію; на Западѣ нравственный принципъ повелѣваетъ мнѣ показывать видъ, будто я обладаю только одной. Въ Европѣ я обязанъ почитать отца и мать, а на Фиджійскихъ островахъ я считался бы преступнымъ, еслибы въ извѣстное время не предалъ ихъ смерти. Не галиматья ли все это? Да, принципы—это такое блюдо, которымъ наше время не желаетъ довольствоваться. Оно, т.-е. наше время, слишкомъ изжито, и вкусъ его сталъ изысканнѣе. Мы, дѣти стараго времени, декаденты, знаемъ хорошо, что человѣкъ можетъ многаго достигнуть, но никогда не достигнетъ вѣчной истины. Этой истины и не существуетъ. Все относительно. Единственно, чтò не подлежитъ моему сомнѣнію, это то, что я существую, что я желаю, и единственно, чтò меня занимаетъ въ жизни, это—умѣнье желать. Многое можно было бы сказать по этому поводу, но къ чему? Вѣдь я говорю передъ лицомъ давно обращеннаго. Ты, папаша, обладаешь умомъ рѣдкимъ, и поэтому долженъ думать точно такъ же, а говоришь иначе, потому что такъ принято говорить... дѣтямъ.

Алоизій Дарвидъ слушалъ, казалось, только по усвоенной имъ привычкѣ дослушивать каждую рѣчь до конца, но когда Маріанъ окончилъ свои послѣднія слова, сопровождая ихъ ѣдкой улыбкой, онъ, съ досадой въ голосѣ, воскликнулъ:

— Неправда. Ты грубо ошибаешься. Я иначе и думаю, и поступаю. У меня не было времени размышлять о теоріяхъ нравственности, но вся моя жизнь была основана на одномъ изъ ея

принциповъ,—на трудѣ. Трудъ—разсудительный, желѣзный, неутомимый—всегда былъ моимъ принципомъ, и только онъ одинъ сдѣлалъ меня тѣмъ, что̀ я теперь...

— Прости меня, папаша, я перебиваю тебя,—сказалъ Маріанъ:—очень извиняюсь, но одинъ вопросъ... какая цѣль твоего труда? Цѣль? цѣль? Это разрѣшитъ намъ все недоразумѣніе, потому что принципъ можетъ заключаться только въ цѣли труда, а не въ самомъ трудѣ, который представляетъ одно средство къ достиженію цѣли. Какая была цѣль вашего труда, папаша? Вѣдь не спасенье же міра, а удовлетвореніе вашихъ собственныхъ желаній, не какихъ-нибудь впередъ обозначенныхъ и послушно принятыхъ, а своихъ собственныхъ. Объектомъ ихъ были: большое состояніе, высокое положеніе. Трудомъ ты достигалъ этого, и я не вижу въ этомъ никакого нравственнаго принципа, кромѣ того, который и самъ признаю: надо умѣть желать! Значитъ, по существу мы совершенно согласны, мой папаша, но только въ тебѣ я съ величайшимъ восторгомъ всегда признавалъ великаго мастера дѣла. Я не разъ думалъ о томъ, сколько надо было неуклонной послѣдовательности и силы воли для того, чтобы стряхнуть съ себя всѣ эти ярлыки, которыми другіе, иной разъ и умные люди, не перестаютъ еще себя обклеивать. Если бы тебѣ въ твоихъ стремленіяхъ пришлось сталкиваться съ этими „раскрашенными горшками" и зависѣть отъ надписей на ярлыкахъ: родина, отечество, человѣчество, страданіе и такъ далѣе, и такъ далѣе,—ты шелъ бы медленнѣе и не ушелъ бы такъ далеко. Но ты былъ поразительно логиченъ. Ты съ изумительною силой и безусловно ничѣмъ не стѣсняясь умѣлъ хотѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ этомъ убѣдился, я исполнился восторженнымъ почитаніемъ къ тебѣ, папаша. Во время послѣдняго твоего свыше трехлѣтняго отсутствія, я не разъ, вспоминая о тебѣ, называлъ тебя „сверхчеловѣкомъ". Такихъ, какъ ты, вѣроятно, представлялъ себѣ Фридрихъ Нитцше, когда...

Маріанъ внезапно остановился, увидѣвъ, что Дарвидъ-отецъ, блѣдный, съ дрожащими мускулами на лицѣ, всталъ, сильно опираясь о столъ ладонью, и произнесъ:

— Довольно!..

Долѣе онъ не могъ скрывать своего волненія подъ ироніей своей улыбки и продолжалъ:

— Довольно этого резонерства, этой аргументаціи и всей этой пустой болтовни. Если твое намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы сдать передо мной экзаменъ, то я тебѣ ставлю пять съ плюсомъ. Ты умѣешь говорить плавно, и у тебя довольно бога-

тый лексиконъ словъ. Но у меня нѣтъ времени, и я обращаюсь къ реальному, къ фактамъ и цифрамъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Жизнь, которую ты ведешь, невозможна, ты долженъ ее измѣнить. Ты долженъ повести иную жизнь.

Слово „долженъ" Дарвидъ подчеркивалъ. Маріанъ удивленно смотрѣлъ на отца и, казалось, вдругъ потерялъ даръ слова.

— Тебѣ нѣтъ еще двадцати-трехъ лѣтъ, а ты успѣлъ уже своими романическими исторіями пріобрѣсти себѣ чуть не всемірную извѣстность.

Маріанъ понемногу приходилъ въ себя, но еще нѣсколько колеблющимся голосомъ сказалъ:

— Это вѣдь дѣла чисто личныя.

— Сумма, проигранная тобой на послѣднихъ скачкахъ, значительна даже и для моего состоянія... тридцать тысячъ.

Маріанъ между тѣмъ приходилъ въ равновѣсіе.

— Ужъ если эта исповѣдь необходима, то я долженъ исправить цифру: не тридцать, а тридцать-шесть тысячъ.

— Ужины, которые ты задаешь своимъ пріятелямъ и пріятельницамъ, прославились на весь городъ... лукулловскіе!

Маріанъ, скрывая досаду, разсмѣялся.

— Преувеличеніе! Нашъ бѣдный Борель понятія не имѣетъ о Лукуллѣ, а что онъ грабитъ насъ безсовѣстно, это правда.

— Умѣетъ желать!—воскликнулъ Дарвидъ.

Маріанъ поднялъ взглядъ на отца и, тотчасъ снова опустивъ его, сказалъ:

— Трудится, пріобрѣтая состояніе!

Смущеніе въ свою очередь овладѣло отцомъ, а лицо его выражало досаду, и на немъ появился необычный для него румянецъ.

— Какой вздоръ!—прошипѣлъ онъ, но сейчасъ же спохватился.

— Ты дѣлаешь большіе долги... Спрашивается: на что̀ ты разсчитываешь?

Маріанъ, по крайней мѣрѣ наружно, возстановилъ свое прежнее самообладаніе. Со стороны могло даже казаться, будто онъ внимательно, нѣсколько прищуренными глазами разсматриваетъ картину на стѣнѣ.

— Это—дѣло моихъ кредиторовъ, — отвѣтилъ онъ. — Вѣроятно, они принимаютъ въ разсчетъ то, что я—твой сынъ.

— А еслибы я не пожелалъ платить твоихъ долговъ?

Маріанъ недовѣрчиво улыбнулся.

— Сомнѣваюсь. Отказъ отъ уплаты моихъ долговъ могъ бы

тебѣ самому повредить, папаша. Впрочемъ, это не Богъ знаетъ какія суммы...

— Сколько же?—спросилъ Дарвидъ.

— Точной цифры сказать не могу, но приблизительно она составитъ...

Произнесенную цифру Дарвидъ спокойно повторилъ:

— Почти четверть милліона. Прекрасно! На этотъ разъ я еще далекъ отъ разоренья, но впередъ... Упрековъ тебѣ не дѣлаю: это было бы потерянное время. Чтò ушло, тò пропало. Но впередъ должно быть иначе.

Слово „должно" онъ снова произнесъ съ удареніемъ. Быстрымъ движеніемъ надѣвъ на носъ пенснэ, онъ вынулъ папиросу и сталъ зажигать ее о свѣчу, горѣвшую на бюро. Въ эту минуту онъ уже казался совершенно спокойнымъ, хотя рука его очевидно дрожала, потому что папироса долго не зажигалась. Возвращаясь отъ бюро, онъ снова сталъ говорить.

— Долги твои я уплачу немедленно и предоставляю тебѣ впередъ жалованье въ томъ же размѣрѣ, то-есть шесть тысячъ рублей, какъ было назначено три года тому назадъ. Но не далѣе какъ недѣли черезъ двѣ ты долженъ будешь уѣхать отсюда...

Онъ назвалъ при этомъ мѣстность очень отдаленную, въ центрѣ государства.

— Тамъ существуютъ двѣ фабрики, въ которыхъ я считаюсь однимъ изъ главныхъ акціонеровъ. Тамъ ты получишь должность по усмотрѣнію директора, моего компаньона и пріятеля. Подъ его начальствомъ и руководствомъ ты начнешь новую, трудовую жизнь.

Въ глазахъ Маріана опять выразилось безграничное недоумѣніе, а на устахъ дрожала улыбка не то недовѣрія, не то насмѣшки.

— Чтò же это будетъ: эпитемія за грѣхи? Наказаніе?

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ Дарвидъ.—Это будетъ школа. Школа не для ума,—не для ума, котораго у тебя избытокъ, а для характера. Ты долженъ въ ней обучиться тремъ вещамъ: сдержанности, скромности и труду.

Погасивъ пятую или шестую папиросу, Маріанъ спросилъ отца:

— Ну а еслибы я... случайно... не согласился поступить въ эту школу?

Дарвидъ, не задумываясь ни минуты, отвѣтилъ:

— Въ такомъ случаѣ можешь оставаться здѣсь, но безъ вся-

кихъ средствъ для самостоятельной жизни. Можешь даже жить въ этомъ домѣ и являться къ семейному столу, но на личные расходы ты уже не получишь ничего. При этомъ я объявлю въ газетахъ, что долговъ твоихъ платить не буду. Какъ я сказалъ, такъ и сдѣлаю. Выбирай!

Что онъ поступитъ такъ, какъ сказалъ, въ этомъ не усомнился бы никто, посмотрѣвъ на его лицо въ эту минуту, и потому румяныя щеки Маріана начали покрываться какимъ-то кирпичнымъ цвѣтомъ, а въ глазахъ появился стальной отблескъ.

— Система брать крѣпость голодомъ, — вполголоса проговорилъ Маріанъ, а затѣмъ, съ поникшей головой и устремивъ взглядъ на коверъ, продолжалъ:

— Меня это удивляетъ... Я думалъ, что хотя мы видѣлись рѣдко, но тебя я зналъ хорошо. Теперь я убѣждаюсь, что я тебя вовсе не зналъ. Я уважалъ въ тебѣ силу ума, которая дала тебѣ возможность освободиться отъ всякаго рода предразсудковъ. Теперь я убѣждаюсь, что твои понятія не только патріархальныя, но деспотическія. Это заблужденіе вызываетъ во мнѣ болѣзненное чувство. Я даже удивляюсь самому себѣ, почему это меня такъ сильно печалитъ: вѣдь падая съ высоты, всегда разобьешь себѣ хоть кончикъ носа. Вотъ еще одинъ урокъ, чтобы не залѣзать на высоты. Во мнѣ еще есть проклятая мечтательность, которая всегда меня обманывала. Еще одинъ исчезнувшій миражъ, еще одна разбитая иллюзія. Чтò дѣлать?

Говорилъ онъ это тихо, кусая нижнюю губу, и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ глубоко опечаленъ.

Спустя минуту, онъ прибавилъ:

— Ну, чтò дѣлать! Мнѣ придется примириться съ заблужденіемъ, въ которомъ я оставался такъ долго, но что касается распоряженія твоего моею особою—я протестую. Если ты желалъ сдѣлать изъ меня фабричнаго рабочаго, то это надо было начать раньше. Теперь моя индивидуальность уже слишкомъ опредѣлилась. Выростить изъ меня большого барина, въ теченіе долгаго времени позволять и даже сочувствовать тому, чтобы я пользовался всѣми удовольствіями свѣта, и чтобы блестѣлъ въ немъ ради удовлетворенія твоего самолюбія, а потомъ запрятать въ школу воздержанія, скромной жизни и труда,—ты меня прости, если я назову это настоящимъ именемъ: это нелогично, это — явное отсутствіе послѣдовательности. Я могъ бы еще прибавить: это—отсутствіе справедливости, но не хочу защищаться аргументами, заимствованными изъ міра иллюзій и „рас-

крашенныхъ горшковъ"... Могу тебя увѣрить въ одномъ—я не стану жертвой патріархальнаго деспотизма.

Онъ всталъ, поднялъ съ пола свою шляпу и со спокойнымъ изяществомъ, хотя и съ посинѣвшей отъ волненія жилой на лбу, добавилъ еще:

— Я не знаю, какъ я поступлю. Можетъ быть, мнѣ придется самому устроивать свою судьбу. Кое-что я знаю, и мнѣ будетъ легче взяться за какой-нибудь заработокъ по своей волѣ, чѣмъ по чужой. Вѣроятно, я отсюда уѣду. Мнѣ уже не разъ приходила въ голову мысль экспатрироваться, но не въ томъ направленіи, какое ты мнѣ указываешь. Впрочемъ, не знаю еще ничего,—все это свалилось на меня неожиданно. Надо будетъ хорошенько поразслѣдовать себя и около себя. Между тѣмъ я долженъ уйти, потому что обѣщалъ одному пріятелю въ назначенный часъ быть у одного коллекціониста для осмотра чрезвычайно любопытной картины. Оригинальный Овербекъ! Рѣдкость! Настоящая находка! До свиданія.

Сдѣлавъ глубокій поклонъ, онъ удалился. Изысканное изящество не покидало его ни на минуту, несмотря на то, что по выраженію его лица, по взволнованному его виду, отчасти и по голосу, можно было судить объ огорченіи и чувствѣ возмущенія, которыя онъ испытывалъ.

Дверь отворилась и закрылась. Дарвидъ стоялъ какъ окаменѣлый. Чтò тутъ происходило? Чтò случилось? Вѣроятно ли, чтобы такой разговоръ могъ окончиться такимъ образомъ—на Овербекѣ и изящномъ поклонѣ? Странный человѣкъ! Да, потому что вѣдь это не какой-нибудь расшалившійся мальчишка съ дѣтскими желаніями, просьбами, увертками, а „преждевременный человѣкъ", почти старикъ. Резонеръ, скептикъ, пессимистъ! Голова чуть не геніальная, и чтò за краснорѣчіе! Какое самообладаніе! Удивительный человѣкъ! Чтò же теперь съ нимъ дѣлать? Еслибы онъ просилъ извинить его, обѣщалъ хоть сколько-нибудь примѣниться къ его желаніямъ, хоть сколько-нибудь измѣнить свой образъ жизни,—но это желѣзное упрямство и эта непоколебимая самоувѣренность, въ соединеніи съ безупречной привѣтливостью и діалектикой, не отступающей ни на шагъ. Чтò съ этимъ дѣлать? Крѣпости иногда берутся при помощи голода, но если гарнизонъ рѣшается на все, кромѣ сдачи... Ну, попробую; онъ сдержитъ слово и увидитъ....

Человѣкъ вошелъ съ извѣщеніемъ:

— Лошади поданы.

Дарвиду предстоялъ обѣдъ у одного изъ важнѣйшихъ сановни-

ковъ въ городѣ. Дорого бы онъ далъ, чтобы сегодня остаться въ покоѣ. Но долженъ ѣхать. Въ его положеніи, при его дѣлахъ, обидѣть такую особу значило бы подвергнуться самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ встрѣтиться тамъ кое съ кѣмъ изъ нужныхъ ему людей. Ѣхать не хочется, но онъ долженъ заставить себя—и поѣдетъ. Развѣ въ этомъ не заключается твердое и строгое подчиненіе себя принципу? А этотъ мальчишка разсуждаетъ, что онъ не признаетъ и не подчиняется никакимъ принципамъ! Кто же строже относится къ себѣ, какъ не онъ. Сколько онъ теряетъ лучшихъ цвѣтовъ жизни, сколько проводитъ безсонныхъ ночей, сколько переноситъ трудовъ, даже физическихъ! И все это ради принципа неутомимаго, неистощимаго, желѣзнаго труда!

Во фракѣ, съ брилліантовыми пуговками на груди рубашки высокаго достоинства, съ рыжеватыми бакенбардами, обрамлявшими блѣдное, скулистое лицо, — прямой, безупречный въ костюмѣ, Дарвидъ стоялъ, долго натягивая на руку свѣтлаго цвѣта перчатку. Уже взявъ шляпу, онъ однако подумалъ, что настроеніе его настолько тяжело, что самый изысканный обѣдъ и самое высокое общество не могутъ ему доставить никакого удовольствія. Но что̀ дѣлать! Надо ѣхать. Долгъ впереди всего...

Когда онъ уже спускался по лѣстницѣ, въ шубѣ и шляпѣ, на нижней площадкѣ ея послышался шелестъ дамскихъ платьевъ и довольно громкій разговоръ на англійскомъ языкѣ. Онъ узналъ голосъ старшей дочери и барона Эмиля, а впереди ихъ шла Мальвина. Съ излишней даже галантерейностью онъ посторонился къ самой стѣнѣ, уступая мѣсто для прохода женѣ, и, приподнимая шляпу съ пріятнѣйшей, на какую только были способны его уста, улыбкой, спросилъ:

— Вы, вѣроятно, ѣздили съ визитами?

Встрѣча эта имѣла постороннихъ свидѣтелей. Мальвина, закутанная въ мѣхъ, края котораго выглядывали изъ-подъ чернаго бархата, отвѣтила, тоже улыбаясь:

— Да, мы отдали нѣсколько визитовъ.

Но Ирена, съ несвойственной ей живостью, тотчасъ добавила:

— А теперь мы возвращаемся изъ магазина, въ которомъ встрѣтили барона.

— Какія же ваши намѣренія относительно вечера?—спросилъ Дарвидъ.

— Останемся дома,—отвѣтила Мальвина.

— Какъ же это? А сегодняшній вечеръ у князя Зенона?

— Мы не предполагали,—попробовала возразить Мальвина, но встрѣтила взглядъ мужа, и голосъ ея оборвался.

— Нѣтъ, ты должна ѣхать съ дочерью, — сказалъ онъ тихимъ шопотомъ, но который какъ-то прошипѣлъ въ его устахъ.

И затѣмъ громко прибавилъ съ улыбкой:

— Совѣтую, mesdames, быть на этомъ вечерѣ.

Мальвина только поблѣднѣла, а Ирена проговорила:

— Ты самъ будешь на этомъ вечерѣ, папаша?

— На часокъ заѣду... Какъ всегда, мнѣ будетъ некогда.

— Какъ жаль, — отозвался баронъ, — что я не могу вамъ удѣлить хоть части своего времени. Я въ этомъ отношеніи настоящій богачъ.

— А я совершенный бѣднякъ, и потому долженъ и теперь распрощаться съ вами.

Приподнявъ шляпу, онъ сталъ сходить съ лѣстницы, какъ вдругъ услышалъ голосъ Ирены:

— Папаша!

Въ великолѣпныхъ сѣняхъ не было никого, кромѣ швейцара, который, завидѣвъ Дарвида, стоялъ у входа, держась за ручку двери. Ирена заговорила по-французски:

— Извини, что я тебя задержу. Я должна тебя предупредить, что балъ, о которомъ ты говорилъ съ Карой, нельзя будетъ устроить у насъ въ эту зиму.

Дарвидъ удивился и спросилъ:

— Почему?

— Потому что одна уже мысль о немъ привела маму въ безпокойство.

Дарвидъ, нѣсколько помолчавъ, заговорилъ:

— Развѣ твоя мама разлюбила развлеченія?

— Да, папаша; причину такого ея настроенія объяснять тебѣ нѣтъ надобности. Бываютъ характеры, которые, въ извѣстныхъ случаяхъ не могутъ развлекаться.

— Въ извѣстныхъ случаяхъ? Какіе же это случаи?

Въ вопросѣ Дарвида звучалъ нескрываемый испугъ. Въ головѣ его засѣла грозная мысль: неужели и ей извѣстно?! Ужасъ! Ужасъ! А Ирена, какъ бы угадавъ его мысль, стала говорить почти сухо:

— Намъ обѣимъ хорошо все извѣстно. Но только, что касается бала...

— Этотъ балъ, — перебилъ ее отецъ, — мнѣ необходимъ по разнымъ причинамъ и состоится недѣли черезъ двѣ.

Нервно улыбаясь, Ирена воскликнула:

— Oh, mon père, je vous adresse ma sommation respectueuse, —чтобы онъ не состоялся. Мы обѣ съ мамой совсѣмъ не расположены къ балу. И потому я позволила себѣ задержать тебя, папаша, на минуту, чтобы предупредить тебя, что балъ этотъ не состоится.

— Что это значитъ?.. — началъ-было Дарвидъ, но моментально сдержалъ себя.

Швейцаръ былъ внизу, лакей сходилъ сверху. Дарвидъ, приподнявъ шляпу, заключилъ разговоръ на языкѣ, понятномъ прислугѣ:

— Извини меня, но въ эту минуту не могу продолжать. Боюсь опоздать. Потомъ договоримъ.

Скрипя по снѣгу, карета помчалась по людньмъ улицамъ. По временамъ фонари бросали свѣтъ на лицо Дарвида, на которомъ еще можно было замѣтить слѣды испуга, испытаннаго имъ во время только-что происшедшаго разговора съ дочерью. „Ужасъ! Ужасъ!“ Это слово застыло на его устахъ.

VI.

Кто хорошо зналъ Эмиля Блауендорфа, того ничуть не удивила его фантазія отдѣлать свою холостую квартиру рѣзными произведеніями и украсить ее разноцвѣтными стеклами, выписанными изъ Лондона отъ Мэриса, Фокснера, Маршаля и К°. Гостиная его была невелика, но вся она была заполнена исключительно издѣліями этой заморской фабрики, основанной извѣстнымъ поэтомъ, членомъ общества прерафаэлитовъ. Поэтъ и художникъ Вильямъ Мэрисъ взялся за промышленность съ цѣлью исправленія общественнаго вкуса и снабженія людскихъ жилищъ произведеніями чистой красоты. И дѣйствительно, все, что было въ этомъ жилищѣ, отличалось изяществомъ. Обои на стѣнахъ состояли изъ ряда картинъ, съ сюжетами, заимствованными изъ рыцарскихъ романовъ и чудесныхъ легендъ. Тристанъ и Изольда на палубѣ корабля; Флоръ и Бланка среди розъ; монахъ Альберикъ на пути въ адъ кромѣшный и проч. Матерія на мебели вся въ фантастическихъ цвѣтахъ и купидонахъ. Цвѣта дорогой ткани, въ подражаніе предметамъ, сохранившимся изъ-за тумана вѣковъ, были какіе-то неопредѣленные, будто полинявшіе отъ времени. И только ширмы, вправленныя въ красивыя колонки, сквозили всѣми яркими оттѣнками рубиновъ, сапфировъ и изумрудовъ. Неуловимая фантастичность вкуса про-

глядывала въ подборѣ всего находившагося въ этомъ жилищѣ барона. На стеклахъ—блѣдные лики святыхъ въ яркихъ одеждахъ, на столахъ и столикахъ—бронзовыя копіи знаменитыхъ архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній. Пюпитръ въ видѣ часовни, постаментъ лампы, представляющій „Тріумфъ смерти“, въ видѣ женщины съ крыльями нетопыря, въ развѣвающемся одѣяніи, съ когтями на ногахъ и косой въ рукахъ. Это—снимокъ съ произведенія Орканья, хранящагося въ пизанскомъ „кампосанто“. Посреди столовой, всегда открытой, помѣщался столъ въ стилѣ XIII-го столѣтія, совершенно простой, въ родѣ тѣхъ, подъ которые нѣкогда подкладывали не ковры, а сѣно. Буфетъ же носилъ признаки стиля XIV-го вѣка, въ видѣ раскрашенной рѣзьбы. Были здѣсь и сундуки, скопированные съ находящихся въ музеѣ Клюни, съ рѣзьбой, изображающей фантастическихъ животныхъ, двѣнадцати французскихъ пэровъ и т. д. Въ общемъ это была смѣсь средневѣкового вкуса съ экзотизмомъ, древности съ новѣйшею изобрѣтательностью, и при этомъ чувствовалось нѣкоторое пристрастіе къ мистическому.

Все это соотвѣтствовало той школѣ эстетиковъ, къ которой сопричислялъ себя баронъ Блауендорфъ, и которая извѣстна была подъ именемъ „медивіализма“. Сторонники ея благоговѣютъ передъ средневѣковыми легендами, стремленіемъ къ таинственному, и вдохновляются ими для помысловъ о мірѣ загробномъ, внѣчувственномъ.

Маріанъ Дарвидъ впервые былъ введенъ въ это жилище Краницкимъ, въ то время, когда оно только-что устроилось. Получивъ большое наслѣдство послѣ смерти матери, умершей на одномъ изъ островонъ Средиземнаго моря, баронъ Блауендорфъ привезъ въ родной городъ ея останки и нѣкоторое время прожилъ въ немъ, для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Старый пріятель родителей барона, Краницкій при этомъ случаѣ ощутилъ приливъ дружескихъ чувствъ, надъ которыми молодой баронъ не замедлилъ поглумиться. „Un peu baroque, ce pauvre Kranicki, со своимъ паѳосомъ и сантиментальностью, отъ которыхъ несетъ муміей,—mais bon diable en somme“. Въ сущности же готовность Краницкаго быть полезнымъ ему не мало его трогала, когда тотъ помогалъ ему въ разнородныхъ его хлопотахъ.

Добродушный товарищъ помогалъ Эмилю осуществлять всѣ его диковинныя затѣи, не выказывая ни удивленія, ни одобренія сумасбродному фантазерству молодого пріятеля, однако искоса посматривалъ на неуютность устроиваемаго жилища. Наоборотъ,

молодой Дарвидъ, очутившись въ этомъ убѣжищѣ „медивіалиста", почувствовалъ себя какъ бы лицомъ къ лицу передъ чѣмъ-то такимъ, что̀ было выше его. Лѣтъ на десять старше его, баронъ къ тому же превосходилъ его начитанностью во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній и подавлялъ Маріана жизненнымъ опытомъ. Шести тысячъ, получаемыхъ въ годъ отъ отца, молодому Дарвиду и раньше не хватало на всѣ его потребности, а теперь эти деньги показались ему полнымъ ничтожествомъ. Что же касается удовлетворенія духовной стороны жизни, то ему прямо стало стыдно, какъ это онъ до сихъ поръ могъ находить какое-либо удовольствіе въ окружающемъ его свѣтѣ и въ той жизни, какую онъ велъ. Пошлость, обыденность—эти выраженія онъ вполнѣ понялъ, благодаря лишь обществу барона. Правда, и до знакомства съ нимъ онъ начиналъ ощущать потребность чего-то высшаго, чего-то бо̀льшаго, чѣмъ всѣ испытанныя имъ удовольствія, чувственныя, умственныя и тщеславныя,—хотя уже успѣлъ вкусить ихъ въ значительныхъ размѣрахъ. Но баронъ говаривалъ такъ вразумительно:

— Nous autres, мы, узнавшіе жизнь на опытѣ, мы, разочарованные, мы ищемъ новыхъ ощущеній, подобно средневѣковымъ алхимикамъ, искавшимъ философскаго камня. Nous sommes à la recherche du singulier et du rare!

И молодой Дарвидъ пустился во всесторонніе розыски всякихъ новыхъ впечатлѣній, чувственныхъ, умствeнныхъ и эстетическихъ, вмѣстѣ съ барономъ. Ради этихъ поисковъ онъ совершилъ два путешествія по бѣлу свѣту, одно — съ барономъ, другое—безъ него. Онъ посѣтилъ много разныхъ странъ и большихъ столицъ. Въ Англіи онъ изучалъ „армію спасенія", вступивъ въ ея ряды, въ Германіи проникъ въ глубь секты „Fahrende Leute", потомъ онъ искалъ новыхъ впечатлѣній въ гористыхъ лѣсахъ Гарца и на живописныхъ берегахъ Зааля. Дольше всего онъ пробылъ въ Парижѣ, въ которомъ въ то время теософы заняты были вызываніемъ душъ. Дарвидъ участвовалъ и тутъ. Съ кружкомъ же дэкадентовъ, иначе называвшихся „инкогерентами" (incohérents), или даже „проклятыми поэтами" (maudits), посѣщалъ клубъ гашишистовъ и испытывалъ на себѣ дѣйствіе наркоза и всѣ послѣдствія его—необыкновенные сны и видѣнья. Впрочемъ, онъ много и другого видѣлъ и испыталъ, хотя недостатокъ средствъ иногда заставлялъ его сокращать свою любознательность. Даже и кредитъ не всегда помогалъ ему въ поискахъ того, что̀ способно было удовлетворить его хотя бы на сколько-нибудь продолжительное время. Все его занимало не на-

долго. Все достигнутое имъ казалось уже гораздо мельче, слабѣе, пошлѣе того, что̀ онъ мечталъ получить.

Это не было пресыщеніе, напротивъ,—жажда новыхъ впечатлѣній съ какою-то свирѣпостью цѣлыми волнами разбивалась о предѣлы возможнаго. Воображеніе между тѣмъ разгоралось, а подвижной умъ и ранній, обильный жизненный опытъ превращали это воображеніе въ открытую рану. Наконецъ, все это въ его собственныхъ глазахъ вознесло его самого на какую-то воображаемую высоту, на которой онъ чувствовалъ свою обособленность отъ всего міра. Я и толпа! Все, что̀ не принадлежало къ небольшому кружку подобныхъ ему, все это была одна пошлость. Такая заносчивость не имѣла ничего общаго съ гордостью происхожденія или богатства. Нѣтъ, это было какое-то умственно-нервное самомнѣніе. Иныя требованія ума, иныя требованія нервовъ, результатъ высочайшаго расцвѣта человѣческой цивилизаціи, пока еще болѣзненный, но какъ будто возвышенный. Можетъ быть, совершается полный упадокъ человѣчества, но увѣнчаннаго... Уваженіе къ индивидуализаціи, обереганіе своего „я“ отъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій. Все, конечно, сообразно времени и мѣсту, можетъ считаться вздоромъ, но индивидуальность отдѣльнаго лица, т.-е. форма, въ какую вылились въ немъ желанія, вкусъ, образъ мыслей—это было для него святыней, единственной святыней. Этого нельзя отдавать въ рабство никому и ничему, даже не слѣдуетъ подчинять критикѣ и поправкамъ. Каковъ я есть, такимъ и останусь. Я желаю и я долженъ умѣть желать. Словомъ, это было нѣчто въ родѣ проповѣди Нитцше о „сверхчеловѣкѣ“ (Uebermensch).

Жилище барона Блауендорфа представляло собою не только образецъ оригинальности и дорогой роскоши, но заключало въ себѣ еще и то, что̀ нѣмцы опредѣляютъ словомъ „Stimmung“. Маріанъ Дарвидъ перевелъ это нѣмецкое выраженіе словомъ „настроеніе“, и всѣ знакомые его полиглоты согласились, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ жилищу барона; что его квартира производитъ впечатлѣніе не тѣми предметами, которые въ ней находятся, а чѣмъ-то таинственнымъ, чему она служитъ символомъ. Она вызываетъ мысль объ иномъ мірѣ. Признавать тотъ міръ еще не значитъ быть религіозно-вѣрующимъ. Будда, Зороастръ и т. д.—Oh, par exemple! Это было недурно для народовъ юныхъ. Нашъ неизвѣданный міръ—нѣчто иное: это лихорадка неиспытанныхъ блаженствъ, идущихъ изъ области, недоступной человѣческимъ чувствамъ. Что эта область существуетъ—доказывается великимъ убожествомъ и нелѣпымъ однообразіемъ источ-

никовъ наслажденій, заключающихся въ мірѣ, доступномъ нашимъ чувствамъ. Поэтъ настолько лишь можетъ быть поэтомъ, насколько онъ съумѣетъ, посредствомъ „интуиціи“, посредствомъ нервнаго обостренія, вторгнуться въ міръ сверхчувственный или по крайней мѣрѣ дастъ возможность другимъ предвкусить, вѣрнѣе, почуять его. Поэтому непремѣннымъ условіемъ поэзіи должна быть туманность чувства; надо, чтобы оно было тоньше запаха, служило эхомъ для него. Ни одного клавиша не надо нажимать, точныя очертанія не нужны, надо лишь вызывать настроеніе, подобно тому, какъ оно вызывалось жилищемъ барона Эмиля. Онъ и его единомышленники вѣрили въ иной міръ, загробный, на основаніи убожества и пошлости догробной жизни—en désespoir de cause. Для нихъ было несомнѣнно, что тотъ міръ, запахъ котораго они чуяли въ минуты „настроенія“, полонъ совершенствомъ красоты, одной лишь красоты, той красоты, которая и на нашемъ свѣтѣ всегда была единственной силой, способной возвысить человѣка надъ уровнемъ общей пошлости. Еслибъ ея не было, слѣдовало бы принять теорію Гартмана о коллективномъ самоубійствѣ, бросивъ на жизнь „кровавую блевотину презрѣнія“. „Кровавая блевотина“, какъ извѣстно изъ сонета Артюра Римбандо, посвященнаго гласнымъ буквамъ, появляется передъ глазами каждаго, кто произноситъ гласную *и*, подобно тому какъ гласная *а* неукоснительно наталкиваетъ васъ на представленіе о цѣломъ роѣ косматыхъ мухъ, жужжащихъ вокругъ жестокаго смрада.

— Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! Это выше моихъ силъ! Именемъ неба я васъ умоляю: довольно!

Такъ приходилось не разъ восклицать Краницкому, поднимавшемуся съ глубокаго кресла и отмахивавшемуся отъ своеобразной поэзіи, какъ отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ.

— Господа, это не поэзія, а скверная непристойность! Меня тошнитъ отъ этой вашей поэзіи, и я никогда не соглашусь, чтобы въ этомъ могла заключаться поэзія.

Всѣ эстетическія понятія Краницкаго были такъ оскорблены разсужденіями молодыхъ эстетовъ, что онъ, бывало, выкрикивалъ свою тираду не своимъ голосомъ, отъ досады превращавшимся въ неестественный дискантъ.

Но когда первое впечатлѣніе ужаса отъ высказанныхъ дэкадентами доктринъ прошло, то Краницкій испытывалъ припадокъ смущенія. Однако, услышавъ, что кто-то изъ компаніи объяснялъ его взгляды невинностью,—онъ сказалъ:

— Pardon, mes chers! Я не такой невинный, какъ вамъ это

представляется. Beaucoup s'en faut, чтобы меня упрекать невинностью. Я все способенъ испытать и понять. Но понимаете ли вы сами различіе вкусовъ? Простота, ясность, гармонія... вотъ что̀ я цѣню въ поэзіи.

И, снова возмущаясь во имя правъ своей эстетики, онъ упадалъ въ глубину кресла, спинка котораго напоминала архитектуру каѳедральнаго собора, и, разводя руками, заключалъ:

— Ваше намѣреніе опоэтизировать блевотину и вонь—это знаете что̀? Это освященіе клоакъ, это...

Въ полуденный часъ баронъ Эмиль имѣлъ обыкновеніе садиться между ширмами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ и тою частью стѣны, на которой рыцарь раскланивался съ Изольдой, и игралъ на органѣ одну изъ серьезнѣйшихъ фугъ Себастіана Баха. Небольшая и хилая фигура барона, въ утренней одеждѣ изъ желтоватой фланели, въ полосатыхъ чулкахъ и башмакахъ изъ желтой кожи, съ сильно заостренными носками, прислонялась къ спинкѣ большого кресла, изображавшей трилистникъ въ стилѣ XIV вѣка, и худощавые пальцы, протянутые во всю длину рукъ, перебирали клавиши. Нѣжныя черты поношеннаго лица выражали при этомъ многозначительную важность; маленькіе сѣрые глаза мечтательно устремлялись въ пространство, а между тѣмъ сквозь стекла ширмъ просвѣчивалъ солнечный свѣтъ, бросая красные, синіе и зеленые лучи на увядшее чело этого виртуоза и на его коротко-стриженные рыжіе волоса̀.

Теперь у барона сидѣлъ Краницкій. Когда онъ пришелъ, то камердинеръ барона сообщилъ ему, что баронъ еще спитъ, но это оказалось неправдой, потому что вслѣдъ затѣмъ Краницкому послышался взрывъ женскаго хохота и голосъ барона изъ глубины жилища. Вошедшій посѣтитель улыбнулся и, любуясь „Торжествомъ Смерти“, прошепталъ:

— Лили Кертъ!

Онъ погрузился въ свой „каѳедральный соборъ“—одно изъ тѣхъ глубокихъ креселъ, въ которомъ свободно можетъ исчезнуть человѣкъ достаточно высокаго роста. Вскорѣ явился баронъ и послѣ краткаго привѣтствія привычному гостю прямо пошелъ къ органу. Усаживаясь за игру, баронъ сказалъ:

— Къ завтраку придетъ Маріанъ.

— А она?—спросилъ Краницкій изъ глубины своего помѣщенья.

Баронъ отвѣчалъ:

— А она окончитъ свой туалетъ и уйдетъ.

Баронъ игралъ фугу, а Краницкому дѣлалось все грустнѣй

и грустнѣй. Въ послѣдніе дни онъ видимо постарѣлъ, похудѣлъ; на лбу образовался новый рядъ морщинъ; увѣренность въ себѣ и эластичность походки пошли на убыль. Онъ имѣлъ видъ человѣка, испытавшаго тяжкое несчастіе. Но, по обыкновенію, онъ былъ тщательно одѣтъ, отъ него несло духами, и цвѣтной платокъ торчалъ изъ кармана его сюртука. Музыка повѣяла на него печалью. Впечатлѣніе усиливалось всею обстановкой—и этими изображеніями святыхъ на ширмахъ, съ которыхъ они, казалось, возносили свои молитвы, и этимъ „Торжествомъ Смерти“ съ распростертыми надъ всѣми, кто тутъ находился, крыльями. Краницкій началъ на себѣ испытывать „настроеніе“. Спина его сгорбилась, и онъ, машинально вынувъ изъ кармана свой золотой портсигаръ, сталъ его вертѣть между пальцами.

„Все проходитъ,—думалъ онъ.—Любовь и все прочее—все кончается могилой. Дни летятъ, какъ дымъ, въ прошлое, въ вѣчность“.

Вздыхая, онъ произносилъ:—о, Боже!—и на лбу его, надъ темными бровями выступали красныя полосы.

Дуэтъ, исполнявшійся органомъ и тишиной, внезапно былъ прерванъ шумомъ раскрывшейся двери, потомъ шуршаніемъ шолковыхъ юбокъ. Черезъ столовую промелькнуло и остановилось въ дверяхъ какое-то хорошенькое, небольшое существо, удивительно шумливое и пріятное. Оно было въ короткомъ платьѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись крошечныя ножки, въ мѣховой пелеринкѣ и въ громадной шляпѣ, отѣнявшей ея худое, помятое смуглое личико и глаза, горѣвшіе какъ раскаленное желѣзо. Шолкъ, соболь, невѣроятной длины страусовыя перья, блескъ бриліантовыхъ серегъ и громкій хохотъ—все это точно серебряной пилой разсѣкло въ воздухѣ на-двое фугу Баха.

— Eh bien, ne veux-tu pas me dire bonjour, toi, grand bête? Tiens, voilà!

Вслѣдъ за этимъ раздался громкій поцѣлуй, отпечатанный на щекѣ барона, и Лили Кертъ со своимъ блескомъ шолка, бриліантовъ и глазъ полетѣла къ передней, но, замѣтивъ Краницкаго, погруженнаго въ глубину кресла, въ задумчивости, воскликнула:

— Oh, te voilà aussi, vieux beau!

Она мигомъ очутилась уже возлѣ него.

— Bigre! quelle mine de funerailles!

И заболтала, затараторила по-французски:

— Что съ вами? Вы огорчены? Это нехорошо. Не надо печалиться ни о чемъ. Берите примѣръ съ меня. И у меня бы-

ваютъ огорченія, mais je m'en fiche. Вотъ ка̀къ я съ ними поступаю!

При этомъ она совершила необыкновенное па̀, неожиданно прикоснувшись носкомъ красиво обутой ножки къ бородѣ Краницкаго. Это было нагляднымъ указаніемъ способа, къ которому слѣдуетъ прибѣгать противъ жизненныхъ неудачъ.

— Et adieu! — возвѣстила она, забрянчавъ браслетами и исчезая.

Въ комнатѣ снова водворилась тишина; Тристанъ продолжалъ преклоняться передъ Изольдой. Монахъ Альберикъ совершалъ путь въ адское жерло, Смерть торжествовала, растопыривая свои крылья, а лики святыхъ продолжали возносить молитвы со сложенными блѣдными руками на яркихъ одеждахъ.

Баронъ сидѣлъ передъ органомъ, склонивъ голову на грудь. Краницкій тяжело дышалъ и недовольнымъ тономъ произнесъ:

— Не скажу, чтобы это могло доставить удовольствіе, когда кокотка закидываетъ ногу вамъ на шею, особенно если въ это время вы размышляете о вѣчности. Какое смѣшеніе вкусовъ, мои друзья, я вижу въ васъ! Прямо изъ объятій Лили перейти къ исполненію божественнаго Баха! Выходитъ какая-то микстура, галиматья! Я не монахъ, beacoup s'en faut! Но такая профанація, такое сливаніе въ одну чашу священнаго съ пошлымъ, c'est de la cochonnerie émaillotée dans l'art.

Подъ рыжими усами барона появилась насмѣшливая улыбка.

— Это очень тонкій предметъ, не каждому доступный,— сказалъ онъ: — послѣ объятій Лили Кертъ фуга Баха — это иронія существующаго. Это—новый скрежетъ. Извѣстно ли вамъ четверостишіе Бодэлера?

Баронъ всталъ и безъ всякой декламаціи, небрежно, сквозь зубы проговорилъ своимъ гнусливымъ голосомъ:

„Quand chez le débauché l'aube blanche et vermeille
Entre en société de l'Idéal rongeur,
Par l'opération d'un mystère vengeur,
Dans la brute assoupie, un ange se réveille!"

И баронъ, запустивъ руки въ карманы своего фланелеваго костюма, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Знаешь, Маріанъ очень недурно перевелъ это четверостишіе.

Продолжая шагать, баронъ прочиталъ и переводъ.

Раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ самъ Маріанъ, болѣе блѣдный, чѣмъ обыкновенно, и съ какимъ-то ненатуральнымъ блескомъ глазъ.

— Наконецъ-то, наконецъ!—вскочилъ съ кресла Краницкій и, схвативъ юношу за обѣ руки, нѣжно смотрѣлъ ему въ лицо.

— Почти двѣ недѣли я тебя не видѣлъ. Я не выходилъ никуда, слегка надѣясь, что ты меня посѣтишь.

Отвѣтивъ коротко на это привѣтствіе: „bon, bon!“, Маріанъ чуть дотронулся до руки барона и присѣлъ на сундукъ съ изображеніемъ коронованія Лудовика XI, оставаясь безмолвнымъ и недвижнымъ до такой степени, что даже черты лица его казались помертвѣвшими. Еслибъ не блескъ глазъ, его можно было бы принять за щегольски одѣтаго манекена. И барону, и Краницкому, было понятно значеніе этого подавленнаго состоянія духа молодого Дарвида. Такое застывшее, по выраженію барона, состояніе овладѣвало Маріаномъ послѣ каждаго испытаннаго имъ случая огорченія, неудачи или разочарованія. Въ такія минуты онъ терялъ всякую силу воли; малѣйшее движеніе, даже простѣйшее, физическое, казалось ему невыносимымъ; презрѣніе ко всему на свѣтѣ доходило до того, что, казалось, ни для чего не стоитъ пошевельнуть пальцемъ, ничто не заслуживаетъ того, чтобы произнести о томъ слово. Какой-то французскій писатель прозвалъ такое состояніе „засухой сердечной полости“. Маріану эту опредѣленіе казалось удачнымъ, и онъ испытывалъ именно эту внутреннюю сердечную сушь.

Съ барономъ случались тоже припадки въ этомъ родѣ, съ тою, однако, разницей, что вмѣстѣ съ презрѣніемъ ко всему онъ испытывалъ, взамѣнъ безсилія воли, злобу, доходящую до краснаго каленія (colère rouge). Его охватывала жажда къ дракѣ и сокрушенію; въ подобные моменты онъ ходилъ съ сжатыми кулаками, ругалъ и даже колотилъ прислугу и разбивалъ цѣнные предметы. Къ состоянію изсушеннаго сердца пріятеля онъ относился съ уваженіемъ и сочувствіемъ. Фланелевая одежда съ руками въ карманахъ двигалась между тѣмъ по комнатѣ и баронъ произносилъ сентенціи въ родѣ:

— Всѣ мы таковы! Nous dégringolons! Мы летимъ внизъ! Да, пора! Свѣтъ устарѣлъ; дѣти стариковъ родятся съ зародышами рака во внутренностяхъ!

Краницкій, слушая его, думалъ про себя:

„Къ чему это людямъ, имѣющимъ молодость и состояніе, понадобилось хлопотать о ракѣ и „дегренголядахъ“?

Однако, онъ не возбуждалъ спора. Ему было жаль Марыся, и онъ смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ во взглядѣ, съ какимъ смотрятъ любящія няньки на больныхъ или раскапризничавшихся младенцевъ.

За завтракомъ красивое, но неподвижное лицо Маріана еще болѣе поражало на фонѣ высокой спинки кресла. Онъ продолжалъ молчать какъ камень. Съѣвъ немного икры, онъ сталъ поглощать одну чашку за другой чернаго кофе, приготовляемаго самимъ хозяиномъ по какому-то особенному рецепту. Баронъ же пилъ вино безостановочно, рюмку за рюмкой. Краницкій, наоборотъ, отличался на этотъ разъ порядочнымъ аппетитомъ. Послѣ неважной домашней кухни, какою онъ довольствовался въ продолженіе двухъ недѣль, у него даже глаза разгорѣлись на разнообразныя блюда и изысканныя закуски, поставленныя на столъ. Гастрономія всегда была одною изъ его слабостей. Прежніе его знакомые утверждали, что другою его слабостью были женщины. Онъ зато пилъ мало, а въ карты не игралъ вовсе. Дѣятельно занимаясь ѣдой, Краницкій никогда не забывалъ обязанности пріятнаго гостя. Поддерживая бесѣду съ хозяиномъ дома, онъ, между прочимъ, услышалъ отъ него небрежно сообщенную новость о найденной у какого-то коллекціонера рѣдкой и прекрасной картинѣ.

— Это самый настоящій Овербекъ. Мы съ Маріаномъ думали-было сегодня его осмотрѣть, но такъ какъ онъ не пришелъ...

Обратясь къ Дарвиду, онъ спросилъ:

— Почему ты не пришелъ?

Отвѣта не было. Восковое лицо оставалось неподвижнымъ, и только блестящіе глаза его продолжали смотрѣть въ пустое пространство.

— Овербекъ,—замѣтилъ Краницкій,—прерафаэлитъ!

По неподвижнымъ чертамъ Маріана пробѣжала дрожь. Но затѣмъ, не пошевеливъ ни одной чертой, онъ промычалъ:

— Назаритянинъ!

Смущенный Краницкій поспѣшилъ поправиться:

— Да, да, pardon, назаритянинъ!

Баронъ тотчасъ оживился.

— Разумѣется, назаритянинъ pur sang! Совершенно ошибочно профаны смѣшиваютъ назаритянъ съ прерафаэлитами. Совсѣмъ отдѣльныя школы. Эта картина Овербека—настоящая находка, скажу болѣе: это—открытіе. Еслибъ его вывезти изъ этой трущобы куда-нибудь за границу, можно было бы устроить блестящее дѣло.

Разгоряченный большимъ количествомъ выпитаго вина, баронъ сталъ разсказывать Краницкому о своей идеѣ, съ которой давно уже носился. Въ Польшѣ, по его словамъ, много ста-

ринныхъ родовъ, которые бѣднѣютъ, а между тѣмъ въ обладаніи ихъ находится множество памятниковъ прежняго благосостоянія. Между ними попадаются иногда предметы чрезвычайно цѣнные, не только по части чистаго искусства, но по различнымъ отраслямъ производительности, доказывающимъ давнишнее распространеніе богатства и вкуса въ краѣ. Напримѣръ: ковры, старинный фарфоръ, богатые древніе пояса, гобелены, ювелирныя вещи и т. д. Владѣльцы этихъ предметовъ, прижатые къ стѣнѣ плохими обстоятельствами, охотно и за безцѣнокъ продавали бы ихъ—между тѣмъ на эти предметы въ настоящее время стоитъ высокій курсъ на обоихъ полушаріяхъ свѣта. Правда, что теперь разыскивать эти предметы надо было бы съ такимъ же трудомъ, съ какимъ нѣкогда гуманисты отыскивали латинскія и греческія рукописи, но зато передъ тѣмъ, кто изощрится въ дѣлѣ этихъ розысковъ, откроется настоящая золотая руда громадныхъ прибылей. Англія въ этомъ отношеніи представляется страной для большого сбыта, но величайшимъ потребительнымъ рынкомъ этихъ предметовъ теперь дѣлается Америка. То, что̀ у насъ можетъ быть пріобрѣтено за безцѣнокъ, въ Соединенныхъ-Штатахъ можетъ быть продано на вѣсъ золота. Но туда слѣдуетъ заранѣе съѣздить, изслѣдовать почву для дѣятельности, завязать сношенія, вообще предпринять первые шаги задуманнаго дѣла. Важнѣе же всего то, чтобы приступить къ дѣлу не иначе какъ съ очень значительнымъ капиталомъ и съ величайшимъ знаніемъ...

Поясняя свою идею и планъ операціи, которые уже давно не выходятъ изъ его головы, потягивая при этомъ дорогой ликеръ, баронъ оживился, помолодѣлъ, и небольшіе его глаза разгорѣлись подъ рыжими бровями. Онъ развивалъ свою идею долго и подробно. Наконецъ, послышалось высказанное глухимъ голосомъ замѣчаніе и Дарвида:

— C'est une idée!

— N'est-ce pas?—разсмѣялся баронъ.

Краницкій слушалъ съ любопытствомъ и молчалъ. Потомъ, нѣсколько колеблясь, шутливо сказалъ:

— Если ваша идея осуществится, возьмите меня въ свои агенты. Я немного знатокъ въ этомъ дѣлѣ, знаю, гдѣ искать, и предлагаю вамъ свое усердіе... большое усердіе...

Несмотря на шутливый тонъ этого предложенія, по умоляющему его взору и неувѣренной улыбкѣ чувствовалось, что оно исходитъ отъ человѣка, которому страшно хотѣлось бы къ чему-

нибудь примкнуться, къ кому-нибудь привязаться, лишь бы избѣгнуть разверзающейся подъ его стопами пустоты.

Куря сигары, трое собесѣдниковъ перешли въ гостиную, въ которой каждый изъ нихъ занялъ прежнее мѣсто. Баронъ подошелъ къ окну, раскрывъ передъ собой громадный листъ англійской газеты, который совершенно закрылъ его, съ головой, по самыя колѣни. Наступило продолжительное молчаніе, пока изъ-за газетнаго прикрытія не послышался голосъ барона:

— C'est renversant!

— Что такое?—спросилъ Краницкій.

— Приготовленія къ чикагской выставкѣ.

И баронъ прочиталъ гостямъ одно изъ описаній тогдашнихъ приготовленій къ этому торжеству въ американскомъ городѣ. Чтеніе свое онъ перебивалъ замѣчаніями, въ которыхъ противопоставлялъ Европу Америкѣ. Старый свѣтъ, старая цивилизація, устарѣлыя средства и мѣры... Наконецъ, и пространства ничтожны, избитые горизонты. Америка же все-таки еще что-нибудь изъ себя представляетъ. Она еще не износилась окончательно, и хотя баронъ доселѣ еще не бывалъ въ Америкѣ, но когда онъ думаетъ о ней, ему всегда припоминаются стихи Римбандо. Онъ сталъ ихъ читать, зашагавъ при этомъ по комнатѣ:

— „Vibrements divins de mers virides,
Paix des pâtis semés d'animaux,
Silences, traversés des mondes, des anges“...

— Et des millons, — совершенно неожиданно отозвался голосъ Маріана со стороны монаха Альберика, спускающагося въ адъ, и затѣмъ еще прибавилъ:

— Нигдѣ нѣтъ такихъ громадныхъ состояній и такихъ могущественныхъ способовъ къ скопленію ихъ, какъ на этихъ pâtis semés d'animaux.

И точно будто въ немъ вдругъ ожило засохшее-было сердечное нутро, онъ всталъ и принялся быстро ходить по комнатѣ, перегоняя медленно шагавшаго барона.

— C'est une idée! — сказалъ онъ. — Надо будетъ подумать надъ ней. Во всякомъ случаѣ, мнѣ надо куда-нибудь уѣхать и что-нибудь предпринять. Меня выгоняетъ отсюда самое большое изъ всѣхъ разочарованій, какія только я испыталъ. Это случилось вчера, и потому я не пошелъ осматривать Овербека. Послѣднее изъ моихъ заблужденій порвалось. Я ошибся въ единственномъ человѣкѣ, къ которому у меня было нѣчто въ родѣ поклоненія.

Такъ какъ онъ говорилъ это по-англійски, то баронъ спросилъ его на томъ же языкѣ:

— Чтò же такое случилось?

Краницкій нѣсколько разъ повторилъ тотъ же вопросъ, на томъ же діалектѣ, но съ худшимъ акцентомъ. Маріанъ, продолжая ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, сталъ разсказывать о своей вчерашней бесѣдѣ съ отцомъ и о поставленномъ ему ультиматумѣ. Баронъ при этомъ посмѣивался, а Краницкій казался возмущеннымъ. Маріанъ, разгорячаясь болѣе и болѣе, продолжалъ:

— Съ самой той поры, когда я пріучился думать, этотъ человѣкъ всегда оставался для меня предметомъ удивленія. Всегда логически послѣдовательный, неутомимый, точно вырубленный изъ одного камня! Великолѣпнѣйшій монолитъ! Никакихъ сантиментальностей, никакихъ предразсудковъ! Неудержимое развитіе собственной индивидуальности. Я понималъ все это такъ: мое воспитаніе, затѣмъ стремленіе въ высшія сферы жизни—вели меня къ тому, чтобы я существовалъ во славу отца. Во мнѣ предполагалась одна изъ колоннъ той святыни, которую онъ возводилъ въ честь самого себя. Но мнѣ именно эта-то безусловность, съ какою онъ изъ всего извлекалъ свою личную пользу, именно она-то и нравилась. Сила его продуктивности равнялась силѣ его эгоизма. Это должно быть въ каждой индивидуальности, которую задумала природа не шаблонно, а оригинально. Я зналъ его все-таки недостаточно, а потому жаждалъ ближайшаго ознакомленія съ нимъ. Я былъ увѣренъ, что мы со временемъ поймемъ другъ друга, что мнѣ удастся разсмотрѣть этотъ великолѣпный монолитъ вблизи. И вдругъ... множество предразсудковъ, разной старьевщины, важность патріарха...

— Вò-время спохватился! — ядовито улыбнулся Краницкій.

— „Школа подчиненности и труда“...

— Peste!—воскликнулъ баронъ.

— „Нравственныя основы“...

Краницкій воскликнулъ:

— О, проповѣдникъ! Пусть бы онъ хоть половину своихъ милліоновъ отдалъ бѣднотѣ, стыдящейся просить! Небось этого не сдѣлаетъ. А на чужихъ-то плечахъ не трудно разъѣзжать съ моралью.

— Вотъ именно,—говорилъ молодой Дарвидъ:—на чужихъ плечахъ! Mon vieux, ты попалъ въ самую суть. Столько лѣтъ не обращалъ онъ на меня никакого вниманія, а теперь внезапно почувствовалъ отвращеніе къ имъ же построенному зданію. Не

знаю, какъ кто, но я буду стоять за свои права. Я не намѣренъ дѣлаться жертвой печальной случайности: отецъ мой подвергся ревматизму мысли...

Подумавъ немного, Маріанъ прибавилъ:

— Это даже хуже, чѣмъ ревматизмъ мысли. Это экстрактъ разлагающагося прошлаго, который заполняетъ мозгъ гноемъ.

— Трупный гной! Bien trouvé ce—трупный гной!—обрадовался баронъ.

Краницкій съёжился на своемъ креслѣ и прошепталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Какой ужасъ! Никогда не соглашусь съ этимъ!

Но его тихаго протеста никто не слыхалъ. Маріанъ снова усѣлся на „Лудовика XI“, а баронъ, продолжая ходить, продолжалъ нареканія на тему объ узости мѣстныхъ условій и низкомъ уровнѣ мѣстной цивилизаціи.

— Вотъ по истинѣ отечество штопаныхъ носковъ! Все здѣсь проникло затхлостью запертыхъ чулановъ. Ни видовъ, ни вентиляціи! Въ Англіи, напримѣръ, такой Мэррисъ, большой поэтъ, основалъ фабрику предметовъ изящныхъ искусствъ и дзбываетъ на этомъ милліоны. Прошу здѣсь устроить нѣчто подобное! Алоизій Дарвидъ достигъ колоссальной фортуны только тѣмъ, что не былъ слѣпцомъ и не придерживался отечественныхъ лохмотьевъ. Отечественные! отечественный! Отечество... штопаный носокъ, одинъ изъ тѣхъ ярлыковъ, которыми облѣпляютъ себя люди съ пестрой внѣшностью. Это—ворота, передъ которыми стоятъ гробокопатели. Надо, наконецъ, высвободиться изъ всего этого, надо умѣть желать!

Онъ, баронъ, какъ только исполнитъ нѣкоторыя свои намѣренія и вообще приведетъ въ порядокъ свои дѣла, и даже еще до этого, — онъ непремѣнно займется осуществленіемъ своего проекта...

Обратясь къ Маріану, онъ спросилъ:

— Вѣдь ты будешь моимъ компаньономъ? N'est-ce pas? Безъ тебя мнѣ будетъ трудно обойтись. У тебя тонкое чутье въ искусствѣ...

— А почему бы нѣтъ? Но для предварительныхъ развѣдокъ надо съѣздить въ Америку еще до выставки.

— Разумѣется, до выставки, чтобы во время ея уже открыть операціи. Относительно капитала...

— Я продамъ свою движимость, которая что-нибудь да стоитъ, и еще разъ обращусь къ кредиту,—небрежно добавилъ Маріанъ.

Баронъ остановился, минуту подумалъ, и на увядшее лицо его набѣжала какая-то плутовская улыбка. Онъ впалъ въ необыкновенно веселое настроеніе.

— Махнемъ! — воскликнулъ онъ, сдѣлавъ при этомъ такой жестъ, какой свойственъ уличнымъ мальчишкамъ, когда они ловятъ на ногу подброшенный лапоть.

Маріанъ вскочилъ и, уже окончательно стряхнувъ съ себя всякую печаль, весело воскликнулъ:

— C'est une idée! Въ Америку!

Въ этотъ моментъ изъ глубины широкаго и чуть не бездоннаго кресла отозвался сиротливый голосъ Краницкаго:

— А что же—меня-то вы возьмете съ собой, mes chers?

Отвѣта не было, потому что баронъ уже исполнялъ на органѣ какую-то церковную пьесу, подъ звуки которой Тристанъ по-рыцарски склонялся предъ Изольдой, тѣнь „Торжества Смерти" темнымъ контуромъ падала на бѣлую сутану Альберика, а изображенія святыхъ, написанныхъ на стеклахъ и благоговѣйно скрестившихъ блѣдныя руки на яркой одеждѣ, являли постоянство въ своемъ молитвенномъ усердіи...

Элиза Оржешко.

СПЕКУЛЯТИВНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ОЧЕРКЪ

„Спекулятивною“ признается всякая дѣятельность, которая стремится извлечь изъ даннаго дѣла наибольшую выгоду путемъ рискованнаго способа его веденія. Различнымъ, однако, можетъ быть этотъ способъ. Если онъ состоитъ въ примѣненіи къ промышленному предпріятію новыхъ, еще не испытанныхъ, но теоретически признаваемыхъ полезными пріемовъ, то такая спекуляція только общеполезна. Рискуя значительными затратами, не всегда сразу оправдываемыми дѣйствительностью, такая спекуляція совершенствуетъ предпринятое ею дѣло. Если примѣненіе новыхъ пріемовъ оказывается на дѣлѣ выгоднымъ,—возбуждается подражаніе въ однородной дѣятельности, отъ чего въ общемъ она прогрессируетъ. Спекуляція такого рода въ высшей степени важна и желательна для всякой промышленности, но особенно для сельско-хозяйственной, которая всюду и вездѣ консервативна и туго поддается примѣненію новыхъ пріемовъ. Консерватизмъ этотъ вполнѣ естественъ. Сельское хозяйство безъ того имѣетъ вынужденно спекулятивный, рискованный характеръ. На фабрикѣ, на заводѣ, при извѣстной затратѣ труда и капитала, вѣрно получается заранѣе опредѣленное и предвидѣнное количество предметовъ; на полѣ же, при вполнѣ цѣлесообразной затратѣ труда и капитала, количество, а также и качество получаемыхъ продуктовъ окончательно опредѣляются измѣнчивыми климатическими условіями. Кромѣ того, на фабрикѣ производительность—постоянная; собственно же въ полеводствѣ дѣятельность ограничена погодой и временемъ—у насъ, въ средней,

черноземной полосѣ—очень короткимъ, и, наконецъ, неурожай, или плохой урожай одного года можетъ быть исправленъ только посѣвомъ будущаго, т.-е. черезъ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сельскохозяйственная промышленность, одинаково съ обработывающей заводской и фабричной, подвергается постоянному риску при продажѣ производимыхъ ею продуктовъ. Разумѣется, такое теоретически вѣрное заключеніе не касается нашей отечественной, обработывающей промышленности, привилегированное положеніе которой обезпечиваетъ за ней постоянно выгодный сбытъ ея произведеній. Такое поощреніе одной изъ сторонъ экономической дѣятельности данной страны неминуемо соединено съ ущербомъ остальныхъ,—и ущербомъ тѣмъ болѣе сильнымъ и существеннымъ, чѣмъ это поощреніе значительнѣе. При нормальныхъ же условіяхъ, продажныя цѣны всякихъ продуктовъ могутъ быть болѣе или менѣе выгодны или невыгодны; предвидѣть ихъ всего менѣе можетъ сельско-хозяйственная промышленность и еще менѣе согласовать съ ихъ непредвидимою измѣнчивостью свою производительность. При такомъ положеніи сельскаго хозяйства вполнѣ понятенъ его консерватизмъ; этимъ положеніемъ также объясняются выработанныя въ западной Европѣ формы сельскохозяйственной промышленности, въ коихъ вполнѣ очевидно стараніе до нѣкоторой степени уравновѣсить рискованность этой промышленности. Формы эти въ высшей степени разнообразны. Успѣшность дѣятельности сельскаго хозяйства зависитъ отъ климатическихъ, экономическихъ и бытовыхъ условій, сочетаніе которыхъ такъ разнообразно и измѣнчиво, что въ одной и той же мѣстности, на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, вполнѣ выгодно, а также и невыгодно, могутъ существовать одинаковыя или совершенно различныя формы сельско-хозяйственной промышленности. Въ западной Европѣ, фермерская форма веденія сельскаго хозяйства считается наиболѣе выгодной и успѣшной, такъ какъ при совершенно, такъ сказать, законченномъ ея развитіи является полное раздѣленіе двухъ капиталовъ: основного, представляемаго землей, принадлежащаго собственнику, и оборотнаго—фермеру. Въ Англіи фермерство составляетъ почти общую, исключительную форму пользованія землей; во Франціи же, въ 1892 г., на 5.620.000 сельско-хозяйственныхъ единицъ фермерство занимало только 1.078.000. Правда, въ 1882 г. фермерство существовало только въ 750.000 сельско-хозяйственныхъ единицахъ [1]). Не входя въ разсмотрѣніе распредѣленія

---

[1]) Principes d'Economie rurale: Les Systèmes de Culture; Les Spéculations

земли между крупной и мелкой собственностью во Франціи, мы видимъ, что въ десятилѣтіе 1882—1892 гг. фермерство тамъ значительно увеличилось, но далеко не составляетъ общепринятой формы пользованія землей. Приведенный примѣръ указываетъ, что въ западной Европѣ, при настоящемъ, безспорно высокомъ развитіи въ ней сельско-хозяйственной техники, форма веденія сельскаго хозяйства далеко не одинакова повсюду. Въ послѣднее время у насъ, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ, особенно настойчиво указывается на необходимость коренныыъ образомъ измѣнить наше сельское хозяйство: бросить наше допотопное трехполье и перейти на интенсивное полеводство, основанное на научныхъ началахъ. Между тѣмъ рѣдко, и то косвенно, затрогивался вопросъ о формахъ, въ которыхъ веденіе сельскаго хозяйства можетъ быть выгоднымъ или, лучше сказать, о формахъ, въ которыхъ выгодность сельскаго хозяйства можетъ быть наиболѣе обезпеченной. Я далекъ отъ мысли представить въ настоящей статьѣ разрѣшеніе этого крайне важнаго вопроса, но полагаю небезполезнымъ обратить вниманіе на то, что на ряду съ указаніемъ, чтѝ надо дѣлать, весьма важно подумать также, ка̀къ надо нужное дѣло дѣлать.

I.

Часто въ газетахъ и журналахъ, особенно спеціальныхъ, встрѣчаются заявленія, доказывающія неосновательность жалобъ на настоящую бездоходность земли, и въ подтвержденіе того бо̀льшею частью представляется подробный отчетъ хозяйства, изъ котораго вполнѣ ясно усматривается весьма изрядный доходъ, получаемый такимъ счастливымъ хозяиномъ. Настоящее, общее, повсемѣстное пониженіе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ произведеній не можетъ имѣть вполнѣ одинаковое вліяніе на все землевладѣніе и приводить всюду къ тѣмъ же результатамъ. Для доходности этого землевладѣнія, именно при низкихъ цѣнахъ его произведеній, удобство ихъ сбыта имѣетъ еще болѣе значенія, чѣмъ при высокихъ и даже среднихъ цѣнахъ. Разстояніе отъ центра сбыта, или даже отъ станціи желѣзной дороги даетъ значительное преимущество, а слѣдовательно и выгоду. Эта выгода,—скажемъ, напримѣръ, только три копѣйки на пудъ зерна,—

---

agricoles, par François Bernard, professeur d'économie rurale à l'Ecole Nationale d'Agriculture de Montpellier. Paris, 1898, Masson et C-ie (стр. 143).

при продажной стоимости этого пуда въ 30 копѣекъ, составляетъ 10%, тогда какъ при цѣнѣ въ 60 коп.—только 5%. Наконецъ, присоединеніе къ сельскому хозяйству того или другого промышленнаго заведенія, переработывающаго произведенія этого хозяйства, можетъ или значительно увеличить, или значительно уменьшить его доходность; но это уже не будетъ результатъ собственно сельско-хозяйственной промышленности. Имѣнія, которыя, по заявленіямъ ихъ владѣльцевъ, нисколько не пострадали и не страдаютъ отъ кризиса, на который уже такъ давно жалуется не только наше, но все западно-европейское землевладѣніе—средней и скорѣе малой величины. Имѣнія эти, судя по сообщеннымъ отчетамъ, чисто сельско-хозяйственныя, и доходность ихъ основана на землѣ и на ея произведеніяхъ. Веденіе дѣла въ такомъ хозяйствѣ болѣе или менѣе устроенномъ, т.-е. имѣющемъ необходимый живой и мертвый инвентарь, требуетъ неусыпнаго, ежедневнаго, постояннаго, круглый годъ труда. Только тогда можетъ быть оно успѣшно. Малѣйшее упущеніе трудно поправимо—и то съ потерей времени, столь цѣннаго въ сельскомъ хозяйствѣ. Всякая борозда плугомъ, всякій слѣдъ бороной должны быть сдѣланы вѣрно и своевременно; то же—косьба, уборка, молотьба; наконецъ, уходъ за скотиной требуетъ соблюденія при томъ строгой бережливости относительно каждаго клока сѣна, каждой охапки соломы. Помимо, такъ сказать, нормальныхъ работъ, необходимо еще найти время и возможность исполнить какъ слѣдуетъ массу мелкихъ, побочныхъ работъ, которыя такъ часто, чуть не каждый день, требуются въ каждомъ хозяйствѣ. Удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ успѣшно, хозяйственно, можетъ только лицо, само заинтересованное въ успѣхѣ всего дѣла и, что не менѣе важно и существенно, могущее дѣйствительно производительно примѣнить свою дѣятельность. Нисколько не нужно, чтобы такое лицо само пахало, косило, молотило, возило снопы, доило коровъ и пр. Но оно должно всюду и за всѣмъ наблюдать и имѣть возможность постоянно наблюдать. Въ общемъ наши постоянные рабочіе—хорошій народъ, но низшая сельско-хозяйственная работа—трудъ бо́льшею частью тяжелый, требующій притомъ постояннаго вниманія, и вполнѣ понятно, что, предоставленный самому себѣ, рабочій способенъ погрѣшить. Надо еще сказать, что дѣльный контроль формируетъ рабочихъ; это своего рода школа, которая обезпечиваетъ до нѣкоторой степени хорошее исполненіе работъ и въ будущемъ. При внимательномъ веденіи хозяйства, разумѣется, производительность его значительно увеличивается. Вполнѣ естественно,

что въ такомъ имѣніи десятина даетъ больше зерна при тщательной ея обработкѣ, стоющей столько же, сколько и плохая; что скотина, напримѣръ, получая необходимый ей кормъ своевременно и въ томъ размѣрѣ, какъ нужно, но такъ, что ничто изъ кормовыхъ средствъ не пропадаетъ даромъ,—дастъ больше молока, чѣмъ при безпорядочномъ ея кормленіи. Само собою разумѣется, что чистая доходность этого имѣнія, какъ и всякаго дѣла, значительно увеличится отъ большей его производительности при меньшихъ на него затратахъ. Такой выгодный и, пожалуй, блестящій результатъ достигается, однако, единственно вслѣдствіе труда руководителя, и доходность такого имѣнія будетъ тогда только вѣрна, когда въ статьѣ его расходовъ будетъ указано должное вознагражденіе этому руководителю сообразно съ существующей оцѣнкой въ данной мѣстности его труда. Только тогда получится вѣрная картина доходности хозяйства. Обыкновенно владѣлецъ оцѣниваетъ свой трудъ въ собственномъ хозяйствѣ пропорціонально величинѣ этого хозяйства и валовому въ немъ обороту, на томъ основаніи, что при этихъ двухъ факторахъ больше именно вотъ такой-то суммы нельзя дать управляющему, нанятому для этого имѣнія. Это рѣшительно невѣрно. Если въ такомъ-то имѣніи доходность его значительно увеличилась вслѣдствіе особенно внимательнаго и тщательнаго веденія въ немъ хозяйства, то необходимо оцѣнить трудъ руководителя по рыночной, такъ сказать, его цѣнѣ. Только при такой оцѣнкѣ возможно правильное сравненіе одной формы сельскаго хозяйства съ другой или съ другими; для самого же владѣльца дѣйствительно она не имѣетъ никакого значенія. Для него совершенно безразлично, какъ въ своемъ отчетѣ хозяйственнаго года распредѣлить полученный, чистый доходъ, т.-е. наличныя деньги, оставшіяся въ его рукахъ, за уплатой всѣхъ расходовъ. Будутъ ли эти деньги представлять собою и въ какой части земельную ренту, процентъ на его оборотный капиталъ или вознагражденіе за его личный трудъ—это для него вопросъ болѣе чѣмъ второстепенный. Главное для владѣльца то, что въ рукахъ у него отъ хозяйственнаго года осталось достаточно средствъ, которыми онъ вполнѣ свободно можетъ располагать, для удовлетворенія жизненныхъ требованій своихъ и своей семьи. Будетъ ли выдѣлена изъ общаго дохода часть, слѣдующая владѣльцу-руководителю, какъ вознагражденіе за его личный трудъ, и будетъ ли она вѣрно или невѣрно высчитана—нисколько не измѣняетъ его положенія. Все же эта часть существуетъ въ общей цифрѣ. Если такому землевладѣльцу-хозяину, прославившемуся

своимъ успѣшнымъ веденіемъ дѣла, будетъ предложено мѣсто управляющаго крупнымъ имѣніемъ, съ вознагражденіемъ значительно превышающимъ наибольшій доходъ его имѣнія, то несомнѣнно онъ его приметъ, особенно если онъ семейный человѣкъ. Тогда дѣйствительность укажетъ наглядно цѣнность личнаго труда.

Формы дѣятельности, однако, совершенно различны. Вести крупное, многоземельное хозяйство—совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ малое, въ которомъ все, такъ сказать, на глазахъ у руководителя-хозяина. Оставленное такимъ хозяиномъ собственное имѣніе на рукахъ наемника, болѣе чѣмъ вѣроятно, изъ года въ годъ, мало-по-малу станетъ менѣе доходнымъ, а принятое въ управленіе чужое крупное врядъ ли достигнетъ той доходности, которую приносило прежнее, малое, при его владѣльцѣ. Очень можетъ быть, что и въ крупномъ, чужомъ хозяйствѣ прославившійся хозяинъ проявитъ ту же дѣятельность, какъ и въ своемъ маломъ. Очень можетъ быть, что эта дѣятельность будетъ такъ же производительна, какъ и прежняя; но успѣхъ веденія дѣла въ крупномъ хозяйствѣ можетъ быть только при особенныхъ административныхъ способностяхъ, встрѣчаемыхъ весьма рѣдко. Геніальные, даже талантливые люди умѣютъ справляться со всякими формами дѣятельности; но такихъ людей очень немного; для успѣха же дѣятельности, способной распространяться въ весьма значительномъ размѣрѣ, требуются такія ея формы, которыя были бы доступны для средняго человѣка. Въ маломъ хозяйствѣ, наблюденіе за которымъ возможно ежечасно, чуть не ежеминутно, средній человѣкъ можетъ успѣшно работать; онъ и работаетъ, не жалѣя себя и своихъ силъ, когда увѣренъ, что результатъ его труда пойдетъ на пользу его и его семейства. Примѣненіе такого труда къ сельскому хозяйству несомнѣнно всего лучше достигается въ формѣ или личнаго владѣнія, или временнаго пользованія землей въ видѣ долгосрочнаго арендного договора.

Мнѣ навѣрное скажутъ, что у насъ нѣтъ такихъ арендаторовъ, въ родѣ западно-европейскихъ фермеровъ, соединяющихъ въ себѣ знаніе и хотя бы сколько-нибудь достаточный оборотный капиталъ. При настоящемъ у насъ положеніи сельско-хозяйственнаго образованія и при предположенномъ его развитіи, врядъ ли можно опасаться въ будущемъ отсутствія необходимаго знанія. Если при современной нашей экономической политикѣ все же замѣтно у насъ нѣкоторое накопленіе сбереженій, т.-е. капиталовъ, то несомнѣнно въ будущемъ этотъ ростъ увеличится.

Съ каждымъ днемъ все болѣе выясняется, что обезпеченіе высокой доходности отечественной обработывающей промышленности недостаточно для ея развитія, если потребитель произведеній этой промышленности, сельское населеніе, настолько обѣднѣло, что лишено возможности ихъ покупать. Неминуемо есть основаніе ожидать облегченія гнета, тяготѣющаго надъ сельскимъ населеніемъ, отъ чего общее благосостояніе несомнѣнно повысится, а слѣдовательно и возможность сбереженій увеличится. Въ юго-западномъ краѣ, находящемся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ сбыта произведеній своего хозяйства, арендные договоры встрѣчаются. Мнѣ извѣстны случаи въ кіевской губерніи отдачи имѣній въ аренду на весьма выгодныхъ и обезпеченныхъ условіяхъ.

Но фермерское хозяйство у насъ не будетъ и не можетъ быть точнымъ подражаніемъ западно-европейскому; да и тамъ оно весьма разнообразно не только въ разныхъ государствахъ, но и среди каждаго изъ нихъ. Въ какой бы формѣ оно ни опредѣлилось у насъ, оно несомнѣнно будетъ представлять собою прочную сельско - хозяйственную единицу, наиболѣе лишенную спекулятивнаго характера и наиболѣе способную бороться съ долголѣтнимъ кризисомъ, который, что̀ бы ни говорили, безспорно существуетъ. Низкій уровень цѣнъ на произведенія сельско-хозяйственной промышленности не только существуетъ, но и вѣрнаго и прочнаго повышенія этихъ цѣнъ никакого нѣтъ основанія ожидать въ близкомъ будущемъ. Бороться съ этимъ уровнемъ, прилаживаться къ нему слѣдуетъ сельскому хозяйству; но утверждать, что для производителя выгодно, или даже безразлично, продавать дешево производимое имъ—невозможно.

II.

Собственно въ европейской Россіи владѣльческія хозяйства—это почти исключительно земли, оставшіяся у владѣльца за надѣломъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Экономическія усадьбы и поля были всегда пріурочены къ крестьянскимъ поселеніямъ, въ видахъ наилучшаго и наиудобнѣйшаго использованія крѣпостного труда. Трудъ этотъ представлялъ собою обильный источникъ рабочей силы, пользуясь которой, возможно было—безъ всякаго злоупотребленія—легко вести сложное хозяйство, дающее занятія этой силѣ круглый годъ. Послѣдствіемъ того были экономическія постройки, сооруженныя на

широкую ногу. Тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, еще болѣе, чѣмъ нынѣ, была полная неувѣренность—въ какой формѣ надо вести хозяйство. Унаслѣдованныя отъ крѣпостного права экономическія постройки и представляли собою основаніе весьма законченной формы крупнаго хозяйства (grande culture), и оставалось только замѣнить даровой крѣпостной трудъ—наемнымъ. Какъ бы ни выражались въ той или другой мѣстности вполнѣ естественныя, хозяйственныя недоразумѣнія перваго времени послѣ освобожденія крестьянъ, но въ большинствѣ случаевъ и бòльшею частью характеръ крупнаго хозяйства въ общихъ чертахъ сохранился во владѣльческихъ земляхъ.

Теперь, какъ и при освобожденіи крестьянъ, сплошныя многоземельныя имѣнія были и остаются рѣдкимъ явленіемъ, встрѣчаемымъ только на югѣ, въ Заволжьѣ и Поволжьѣ; большинство же такихъ было многоземельными только по общей суммѣ десятинъ; въ дѣйствительности же они состояли изъ участковъ разной величины, смотря по тому, при какомъ селеніи они находились. Какъ при крѣпостномъ правѣ, такъ и послѣ, каждый такой участокъ, относительно полеводства, былъ самостоятельной сельско-хозяйственной единицей; но въ общемъ, подчиненный центральному управленію, онъ составлялъ часть того хозяйства, которое велось центромъ. Мы видимъ, что въ самомъ началѣ послѣ освобожденія крестьянъ были весьма важныя и существенныя основанія для установленія и развитія хуторнаго хозяйства; но идея крупнаго хозяйства,—при которомъ улучшеніе сельско-хозяйственной техники, а слѣдовательно и увеличеніе доходности имѣнія, казалось болѣе осуществимымъ,—превозмогла. Въ семидесятыхъ годахъ, благодаря развитію зерноваго экспорта, дававшаго значительную выгоду, крупное хозяйство начало принимать опредѣленную и устойчивую форму. Въ краткихъ словахъ ее можно выразить такъ: это было сосредоточеніе владѣльческаго полеводства на болѣе близкомъ къ хозяйству и удобномъ пространствѣ и отдача болѣе отдаленныхъ и менѣе удобныхъ земель въ краткосрочную аренду, бòльшею частью крестьянамъ. Аренда была денежная, и хотя она все болѣе росла, но поступала, однако, въ общемъ, аккуратно. Разъ цѣна зерна была высокая, то и платить дорого за землю, дающую это зерно, было не только возможно, но и выгодно. Получаемая владѣльцемъ денежная аренда за часть его земли доставляла ему средства на обработку остальной части, оставшейся въ его рукахъ. Очень вѣроятно, что еслибы благопріятныя условія сбыта остались безъ измѣненія, прочно бы выработалась у насъ наиболѣе подходящая къ каждой мѣстности

форма сельско-хозяйственнаго пользованія землей. Къ несчастію, наша экономическая политика восьмидесятыхъ годовъ, поставившая себѣ цѣлью быстрое насажденіе у насъ обработывающей промышленности, привела къ экономической борьбѣ съ государствами, потребляющими наше зерно. Одновременно всеобщее сильное развитіе путей и способовъ сообщенія всюду, кромѣ насъ, у кого именно оно тогда почти пріостановилось,—доставило возможность появленію на международномъ хлѣбномъ рынкѣ въ большомъ количествѣ внѣ-европейскаго зерна. Собственно конкурренція американскаго, австралійскаго и тому подобнаго зерна съ европейскимъ, это — конкурренція зерна и съ тѣмъ, которое получается отъ старопашки. Такая конкурренція существуетъ у насъ внутри самой Россіи и будетъ еще долго существовать, такъ какъ степей и цѣлины у насъ еще много, и по мѣрѣ развитія нашихъ путей сообщенія новь все больше будетъ приближаться къ рынкамъ. Конкурренція, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, не страшна для русскаго выносливаго сельскаго населенія, но оно было лишено способовъ борьбы съ нею. Какъ бороться съ соперниками, пользующимися прекрасными путями и способами сообщенія, необходимыми дешевыми фабрикатами и прочими благами, когда ничего этого не имѣешь, или имѣешь въ недостаточномъ количествѣ? Разумѣется, борьба окончилась пораженіемъ, съ военной контрибуціей, въ видѣ обязательствъ продажи своего зерна себѣ въ убытокъ. Результатъ—прочное обѣднѣніе производителей зерна. Къ несчастію, общественное мнѣніе у насъ отнеслось къ паденію цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія какъ къ явленію временному, и предпринятыя или указанныя мѣры имѣли, въ общемъ, характеръ временной помощи, дающей возможность переждать невзгоду, въ ожиданіи лучшей будущности. Частью же предлагаемыя мѣры имѣли цѣлью такъ-называемое упорядоченіе какъ производства зерна, такъ и торговли имъ. Не входя въ разсмотрѣніе возможности осуществленія и полезности такого упорядоченія, нельзя, однако, не замѣтить, что преслѣдуемая имъ цѣль имѣетъ безусловно крайне второстепенное значеніе въ борьбѣ съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ. Всего болѣе общественное мнѣніе признавало, что помощь сельскому населенію должна заключаться: для крестьянства—въ увеличеніи количества владѣемой имъ бездоходной земли, а для крупнаго землевладѣнія—въ облегченіи ему возможности вести свое хозяйство интенсивно, на научныхъ основаніяхъ.

Увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ принесетъ несомнѣнно

пользу крестьянству, но, при настоящемъ экономическомъ его положеніи, только подъ условіемъ, чтобы пользованіе полученной землею не было связано ни съ какими обязательствами. Формы крестьянскаго хозяйства заслуживаютъ отдѣльнаго, особеннаго изученія вслѣдствіе общиннаго устройства крестьянскаго сословія, и потому о нихъ мы нынѣ говорить не будемъ, а остановимся только на владѣльческомъ хозяйствѣ, которымъ только и занимается настоящая статья.

Типичная форма крупнаго сельскаго хозяйства, имѣющаго капиталистическій характеръ, это—такъ-называемыя „Бонанца-фермы“ (Bonanza farms) Запада великой сѣверо-американской республики, описаніе которыхъ такъ часто встрѣчается въ нашей печати. Какъ пишущіе эти брошюры, такъ и читающіе ихъ, увлекаются практичностью постановки такого хозяйства и считаютъ его идеаломъ, къ которому надо стремиться. Чуть не вся работа въ нихъ производится машинами. Въ спеціальныхъ журналахъ часто прилагаются рисунки и подробные чертежи этихъ машинъ. Изъ нихъ, полагаю, наиболѣе характерны колосожнейки (Header), которыя стригутъ колосья пшеницы; солома же большею частью сжигается. Колосья тутъ же, въ полѣ, обмолачиваются паровыми молотилками; зерно сортируется и немедленно поступаетъ на элеваторъ желѣзной дороги, которая обыкновенно близко расположена отъ фермы. Этимъ дѣятельность Бонанца-фермы и ограничивается; но врядъ ли такое веденіе дѣла можно назвать сельскимъ хозяйствомъ. Это скорѣе фабрика зерна, могущая существовать единственно потому, что новь, на которой она работаетъ, не требуетъ особаго за собой ухода. Въ той же сѣверо-американской республикѣ, въ восточной ея части, давно заселенной, фермерское хозяйство, на подобіе западно-европейскаго, не только существуетъ, но даже развивается. Прежде и тамъ пользовались природнымъ плодородіемъ земли, но вѣроятно не съ такой машинной роскошью, какъ нынѣ. Капиталъ плодородія, продуктъ вѣковыхъ сбереженій, истощился, и земля стала требовать разумнаго ею пользованія. Вслѣдствіе того, какъ на востокѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, такъ и въ нашей средней черноземной полосѣ, гармоническое сельское хозяйство стало необходимостью. Называю гармоническимъ такое хозяйство, въ которомъ, вмѣстѣ съ полеводствомъ и на пользу его, ведется то или другое дѣло, которымъ используется часть собственныхъ произведеній, не подлежащая продажѣ. Во Франціи, напримѣръ, разстояніе въ 12 километровъ (почти то же, что верстъ) считается предѣломъ выгодной продажи сѣна. Болѣе отдаленная

доставка вынуждаетъ уже пользованіе сѣномъ на мѣстѣ. Капиталистическое фабричное пользованіе землей возможно только при исключительно благопріятныхъ условіяхъ веденія его и, надо еще прибавить, при продажныхъ цѣнахъ его продуктовъ, вполнѣ вознаграждающихъ производство ихъ.

Упомянутое выше существованіе у насъ хуторовъ въ крупновладѣльческихъ имѣніяхъ даетъ, повидимому, полную возможность вести въ нихъ то гармоническое хозяйство, о которомъ только-что было сказано. До нѣкоторой степени оно такъ и ведется. Въ крупной экономіи, состоящей изъ нѣсколькихъ хуторовъ, находящихся въ различномъ разстояніи отъ центра, собственно полеводство составляетъ въ каждомъ хуторѣ самостоятельную сельско-хозяйственную единицу; побочныя же отрасли хозяйства распредѣляются между хуторами и центромъ согласно удобству и выгодности ихъ веденія. Въ центрѣ—главное управленіе и руководительство всѣмъ дѣломъ; на каждомъ же хуторѣ —постоянные мѣстные служащіе, бо̀льшею частью скудно оплачиваемые; нормальный, такъ сказать, штатъ служащихъ въ лѣтнюю рабочую пору увеличивается еще временными объѣздчиками и надсмотрщиками. Мы уже говорили, что хозяйство въ каждой сельско-хозяйственной единицѣ требуетъ постояннаго, ежечаснаго вниманія; на каждомъ хуторѣ такое требованіе удовлетворяется мѣстными служащими; руководительство же всѣмъ дѣломъ и контроль надъ исполненіемъ его—въ рукахъ главнаго управляющаго. Предположимъ, что главный управляющій—человѣкъ знающій, добросовѣстный и дѣятельный; но всюду поспѣть онъ не можетъ въ одно и то же время, когда всюду производятся важныя работы. Впрочемъ, совсѣмъ неважныхъ и безразличныхъ работъ въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ, слѣдовательно онъ долженъ быть всегда и всюду. На главномъ управляющемъ, кромѣ того, лежатъ обязанности по продажѣ и покупкѣ всякихъ предметовъ, денежныя дѣла по имѣнію, судебныя, переписка, наблюденіе за отчетностью, поѣздки, и, разумѣется, самъ всего сдѣлать и всюду поспѣть онъ не можетъ — требуются помощники, контора и строгая отчетность. Все это расходъ тѣмъ болѣе значительный, чѣмъ интенсивнѣе и сложнѣе хозяйство. Какъ бы остроумно ни былъ устроенъ контроль, но цѣлесообразнымъ онъ быть не можетъ. Автоматически заставить людей ежеминутно думать о порученномъ имъ дѣлѣ и усердно имъ заниматься—невозможно. Формальнаго исполненія обязанностей вполнѣ возможно достигнуть, пожалуй—даже отсутствія крупныхъ злоупотребленій; но всего этого недостаточно для успѣшнаго веденія сельскаго хо-

зяйства. Каковъ бы ни былъ, наконецъ, контроль, фактически хуторъ будетъ все же жить самостоятельной жизнью. Заинтересовавъ завѣдывающаго имъ въ его доходности, можно бы было, лучше всякаго контроля, обезпечить за этимъ хуторомъ успѣшное веденіе въ немъ дѣла, а слѣдовательно и доходность его; но необходимость значительнаго расхода для центра лежитъ уже тяжелымъ гнетомъ на общей доходности всего имѣнія и исключаетъ возможность увеличенія хуторскихъ расходовъ. Наконецъ, мы уже говорили, что доходность въ сельскомъ хозяйствѣ весьма невѣрная, и обезпеченіе извѣстнаго съ нея процента служащему, который можетъ быть уволенъ во всякое время, врядъ ли окажется достаточнымъ побужденіемъ для той именно дѣятельности, которая необходима. Нанимаются по условію съ крупнымъ содержаніемъ, а также съ процентомъ съ дохода выше опредѣленной цифры, главные служащіе экономій, а не смотрители или старосты хуторовъ. Эти послѣдніе получаютъ обыкновенно весьма скудное содержаніе, а между тѣмъ къ нимъ предъявляются весьма обширныя требованія. Такой староста дѣйствительно только исполнитель приказаній и указаній главнаго руководителя,—но этотъ руководитель далеко, и мѣстному дѣятелю даже въ исполненіи, по самому свойству сельско-хозяйственной дѣятельности, остается полная возможность проявить свою самостоятельность. Помимо знанія, опытности и добросовѣстности, требуется отъ такого лица, близко стоящаго къ рабочимъ и руководящаго ихъ занятіями, умѣнье ладить съ ними такъ, чтобы работы исполнялись какъ слѣдуетъ, и чтобы не было недоразумѣній, споровъ, ссоръ и жалобъ, отъ которыхъ всегда страдаетъ само дѣло. Я далекъ отъ мысли, что умѣлость и добросовѣстность всякаго служащаго обезпечивается и достигается размѣромъ получаемаго имъ вознагражденія. Изъ моей долголѣтней жизни въ деревнѣ, какъ изъ личнаго опыта, такъ и того, что̀ видѣлъ и слышалъ вокругъ себя, я давно убѣдился, что часто получающій тысячу рублей годового содержанія менѣе способенъ и добросовѣстенъ, чѣмъ тотъ, который получаетъ половину. Попадаются и люди дѣятельные, способные и обладающіе замѣчательнымъ тактомъ, но очень рѣдко; чтобы имѣть возможность получать только полезную работу отъ средняго человѣка, необходимо заинтересовать его въ ней такъ, чтобы онъ считалъ ее своимъ личнымъ дѣломъ. Это въ крупномъ хозяйствѣ, особенно нынѣ, неосуществимо. Всегда и всюду крупное хозяйство (grande culture) считалось и считается предпріятіемъ, не имѣющимъ, большею частью, доходности своей цѣлью и выгоднымъ только при исключительно благопріятныхъ

условіяхъ. Можетъ ли оно быть доходнымъ у насъ при нашемъ бездорожьѣ—и когда еще недавно мы продавали, напримѣръ, рожь въ портахъ по 60 коп. за пудъ и дешевле, при расходахъ доставки болѣе 25 коп. за тотъ же пудъ? Очевидно, необходимость заставляетъ или кореннымъ образомъ измѣнить эту форму хозяйства, или значительно ее удешевить. Коренная ломка устроенной системы хозяйства дѣло весьма трудное, особенно сразу; вотъ отчего мало кто на нее рѣшался; стараніе же удешевить это хозяйство встрѣчается довольно часто въ томъ или другомъ видѣ. Это удешевленіе—вынужденное, такъ сказать, принудительное. Невозможно вести дѣло, производительность котораго вся поглощается расходами его веденія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было еще увлеченіе надеждами на лучшее будущее: закладывали имѣнія въ земельныхъ банкахъ, жили на капиталъ; но теперь, слава Богу, признаніе прежнихъ надеждъ несбыточными все болѣе и все крѣпче распространяется и усвоивается. Примѣръ также нѣсколькихъ, немногочисленныхъ, крупныхъ хозяйствъ, выгодно дѣйствующихъ вслѣдствіе особыхъ благопріятныхъ условій, увлекаетъ только лицъ, далеко стоящихъ отъ сельскаго хозяйства и имъ лично не занимающихся.

Опытъ прежнихъ лѣтъ ясно указываетъ, какимъ путемъ, какимъ образомъ можно удешевить веденіе дѣла въ крупномъ хозяйствѣ. Мы уже говорили, что въ семидесятыхъ годахъ такое хозяйство велось успѣшно и выгодно при сосредоточеніи его на болѣе удобной части имѣнія и при отдачѣ остальной въ аренду. Къ несчастію, нынѣ этотъ способъ сталъ если не вполнѣ невозможнымъ, то крайне затруднительнымъ. Бывшая отдача земли за деньги крестьянамъ не существуетъ въ дѣйствительности. Ничто не препятствуетъ такой отдачѣ; но получить аренду, слѣдующую по ней, хотя бы бо́льшую ея часть—мало вѣроятія. Вполнѣ возможна нынѣ отдача земли крестьянамъ изъ части урожая; но при такой формѣ пользованія землей необходимо сохранить администрацію, которая, какъ мы старались доказать, лежитъ тяжкимъ бременемъ на доходности имѣнія. Разъ же администрація сохраняется,—цѣль удешевленія крупнаго хозяйства или не достигнута, или не вполнѣ достигнута. Наконецъ, при настоящемъ обѣднѣніи крестьянства, при развитіи въ немъ безлошадности, количество лицъ, могущихъ взять землю у владѣльца изъ части урожая, значительно уменьшилось, и вполнѣ естественно, при уменьшеніи спроса на землю и увеличеніи ея предложенія, условія ея отдачи стали менѣе выгодными для собственника. Крестьянство далеко не такой темный людъ, какъ

полагають, и оно прекрасно понимаетъ, что при настоящихъ низкихъ цѣнахъ на зерно оно можетъ получить сколько-нибудь сносное вознагражденіе за свой трудъ обработки взятой земли, если она или хорошаго качества, или удобно расположена. Стараніе удешевить крупное хозяйство приводитъ къ слѣдующему результату: сохраненіе административныхъ расходовъ и обработка своими средствами худшей земли. Съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной техники послѣднее даже желательно. Несомнѣнно, тщательная разумная обработка плохой земли улучшитъ ея производительность, пожалуй, даже капитально. Врядъ ли, однако, при такихъ условіяхъ можно признать крупное у насъ хозяйство прочной и выгодной формой сельскаго хозяйства.

Все сказанное мною относится до старопашки и въ общихъ чертахъ и основаніяхъ безусловно вѣрно; но при разнообразныхъ условіяхъ положенія и сбыта форма пользованія старопашкой точно такъ же можетъ быть въ высшей степени разнообразна и въ крупномъ хозяйствѣ. Тѣмъ не менѣе, каково бы ни было это разнообразіе, нельзя не признать, что эта форма имѣетъ случайный и вынужденно спекулятивный характеръ въ настоящее время.

III.

Крестьянство нынѣ безспорно бѣдствуетъ у насъ. Это неоднократно было доказано, и если есть разногласіе, то—въ вопросѣ о причинахъ такого явленія и въ способахъ ему помочь. Если крестьянство, искони живущее землей, бѣдствуетъ, то, вполнѣ естественно, изъ среды его должно поступать обильное предложеніе сельско-хозяйственнаго труда, а слѣдовательно и дешеваго. Мы только-что видѣли, что веденіе крупнаго хозяйства не можетъ обойтись безъ рабочихъ, и вотъ, вслѣдствіе постоянно увеличивающагося безлошаднаго крестьянства, является полная возможность имѣть все бòльшее количество сельскихъ рабочихъ. Казалось бы, трудно представить себѣ еще болѣе благопріятныя условія для веденія дѣла въ крупномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, жалобы на рабочихъ, на самовольный ихъ уходъ, были настолько настойчивы и авторитетны, что вынудили принятіе правительствомъ спеціальныхъ мѣръ для упорядоченія такъ-называемаго рабочаго вопроса. Несомнѣнно, этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе, когда говорится о формахъ сельско-хозяйственной промышленности. Постараюсь коснуться его какъ можно короче.

Говорятъ, что паденіе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ произ-

веденій—явленіе, съ которымъ вполнѣ возможно бороться, убыточность же, а слѣдовательно и невозможность сельскаго хозяйства, происходитъ отъ невѣрности рабочаго труда. Когда нанятые и получившіе задатки рабочіе уходятъ съ поля во время уборки, и оставшійся на корню хлѣбъ осыпается, наконецъ пропадаетъ, то такая невознаградимая потеря гораздо выше и больше, чѣмъ продажа зерна нѣсколько ниже и даже значительно ниже средней его цѣны. Дѣйствительно, полная потеря зерна, на производство котораго была затрачена извѣстная сумма, это—полная утрата этой суммы плюсъ годовой расходъ всей администраціи и годовая рента капитала земли.

По общему свойству и характеру полеводства, уборка посѣяннаго требуетъ бо̀льшаго и, притомъ, сосредоточеннаго на сравнительно короткое время труда, чѣмъ тотъ, который былъ употребленъ для обработки земли для посѣва на ней. Въ западной Европѣ, точно такъ же, какъ и у насъ, были и есть жалобы на дороговизну и случайность рабочаго труда во время уборки съ полей; но тамъ, при мелкомъ большею частью размѣрѣ фермъ, владѣльцы и арендаторы не въ состояніи имѣть каждый жнейку или косилку, и горю помогли синдикаты, которые своими машинами поочередно производили уборку фермерскихъ полей. Кромѣ того, даже и безъ помощи синдикатскихъ жнеекъ и косилокъ, требуемое тамъ для уборки полей временное излишнее количество рабочихъ рукъ собственно такъ ничтожно, что крупной потери, крупныхъ убытковъ отъ отсутствія добавочныхъ рабочихъ рукъ, или отъ ихъ чрезмѣрной дороговизны, никогда не было. Въ нашихъ большихъ спекулятивныхъ хозяйствахъ одновременная полевая уборка въ обширной однородной мѣстности требуетъ массу временнаго добавочнаго труда, и дѣйствительно невозможность его получить или чрезмѣрная его дороговизна могутъ принести болѣе или менѣе значительные убытки.

Рабочій вопросъ родился и обострился преимущественно на нашемъ благодатномъ югѣ, но всюду, съ незначительными измѣненіями, имѣлъ одинъ и тотъ же общій характеръ. Вслѣдствіе того мы остановимся только на южно-русскомъ хозяйствѣ. Мы уже говорили, что цѣна зерна была высокая въ семидесятыхъ годахъ; она не сразу упала, а продержалась и въ началѣ восьмидесятыхъ на довольно высокомъ уровнѣ. Пшеница тогда продавалась отъ 12 до 15 рублей четверть на югѣ. Южно-русское хозяйство, издавна основанное почти исключительно на скотоводствѣ и особенно на овцеводствѣ, сразу перешло чуть не на сплошной посѣвъ пшеницы по цѣлинной степи. Посѣвы эти

приносили громадные барыши. Чисто-спекулятивное хозяйство быстро развилось въ громадныхъ размѣрахъ. Получая значительныя выгоды отъ пшеницы, посѣянной на кое-какъ вспаханной цѣлинѣ, посѣвщики имѣли возможность платить баснословныя цѣны за уборку этого хлѣба. Высокій вѣрный заработокъ привлекъ массу рабочихъ изъ средней черноземной полосы на югъ, гдѣ образовались многіе значительные центры найма пришлыхъ рабочихъ, своего рода биржи труда, изъ коихъ главными были: Каховка, днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи, и г. Херсонъ. Въ одной Каховкѣ количество рабочихъ, продававшихъ свой трудъ, доходило до 40 тысячъ человѣкъ. Само собою разумѣется, что такое громадное переселеніе рабочаго труда на цѣлину со старопашки, гдѣ онъ до тѣхъ поръ находилъ себѣ помѣщеніе, не могло обойтись безъ затрудненій и даже страданій какъ обѣихъ сельско-хозяйственныхъ категорій, такъ и самихъ рабочихъ. Несомнѣнно, сама постепенная хозяйственная разработка степной цѣлины не вызвала бы рабочаго вопроса. Такъ же постепенно росло бы исподоволь мало-по-малу необходимое количество рабочихъ, и не было бы того, на что̀ такъ много и такъ часто жаловались на югѣ: а именно, съ одной стороны— посѣвщики, не получившіе своевременно необходимое количество рабочихъ, или получившіе ихъ слишкомъ дорого; съ другой стороны—партіи бродящихъ голодающихъ рабочихъ, требовавшихъ слишкомъ дорогую цѣну за свой трудъ, но не получившихъ ея и затѣмъ не находящихъ помѣщенія своего труда ни по какой цѣнѣ. Попытки упорядочить движеніе рабочихъ со стороны земствъ и правительства не имѣли успѣха и не могли его имѣть. Движеніе это измѣнилось кореннымъ образомъ, но не отъ упорядоченія его, а вслѣдствіе экономическихъ причинъ, которыя однѣ и имѣютъ существенное значеніе и вліяніе на экономическія явленія. Нельзя, однако, не замѣтить, что, несмотря на убытки, понесенные отъ рабочихъ посѣвщиками, земля на югѣ постоянно значительно росла въ цѣнѣ, да и теперь не падаетъ, а скорѣе ростетъ.

Мы уже говорили, что зерно, производимое русскимъ сельскимъ хозяйствомъ, значительно упало въ цѣнѣ. Точно также подешевѣла и пшеница; давать за ея уборку баснословныя цѣны стало невыгоднымъ, невозможнымъ. Крупные и мелкіе посѣвщики завели жнейки, косилки, конныя грабли, и вообще южно-русское полеводство стало принимать болѣе хозяйственный характеръ. Жалобы на рабочихъ прекратились; положеніе же ихъ не улучшилось, а скорѣе ухудшилось, хотя приливъ ихъ значи-

тельно уменьшился. Въ обстоятельной книгѣ князя Шаховского: „Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы“ [1]), собрано множество статистическихъ данныхъ, дающихъ вѣрное понятіе о положеніи рабочаго вопроса на нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ новяхъ. Изъ нихъ я приведу нѣсколько свѣдѣній, и не могу не высказать сожалѣнія, что въ журнальной статьѣ было бы неумѣстно болѣе широкое пользованіе такимъ дѣльнымъ трудомъ, какъ книга кн. Шаховского.

Несмотря на то, что у крестьянъ на югѣ машины стали распространяться весьма недавно, уже въ 1893 году, въ Успенской экономіи Фальцъ-Фейна собралось 700 крестьянскихъ жатокъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, и только половина была принята. Во всѣхъ же имѣніяхъ Фальцъ-Фейна, въ томъ же году, работало 1.100 машинъ, изъ коихъ собственно экономіи принадлежало не болѣе ста, а остальную тысячу составляли нанятыя крестьянскія машины. Въ таврической губерніи, по свидѣтельству г. Ярышко, было 40.000 однѣхъ жатокъ. По свѣдѣніямъ Кубанской Справочной книги за 1894-й годъ, въ 1893 г. тамъ насчитывалось:

разныхъ жатвенныхъ машинъ.	6.200
„ сѣнокосныхъ „	574
„ конныхъ грабель.	7.658

Если пять лѣтъ тому назадъ на югѣ машинная уборка полей была такъ развита, то нынѣ она несомнѣнно уже не уменьшилась, а скорѣе увеличилась. Это подтверждается и мѣстными свѣдѣніями, а также и тѣмъ, что плата тамъ пришлымъ на уборку рабочимъ значительно понизилась, несмотря на то, что количество ихъ также значительно уменьшилось. Кн. Шаховской на основаніи точныхъ земскихъ свѣдѣній рисуетъ положеніе пришлыхъ рабочихъ въ экономіяхъ очень темными красками, особенно малолѣтнихъ. Вполнѣ естественно, что рабочій, прошедшій пѣшкомъ впроголодь не одну сотню верстъ, представляетъ собою, поступивъ на тяжелую работу, послѣ такой подготовки, матеріалъ очень воспріимчивый для заболѣваемости, даже при хорошемъ содержаніи. Такое содержаніе врядъ ли можетъ быть для поденщиковъ, нанимаемыхъ обыкновенно понедѣльно и разбросанныхъ по хуторскимъ постройкамъ, разсчитаннымъ на гораздо меньшее количество постоянно въ нихъ живущихъ. Допуская даже тенденціозность докладовъ земскихъ врачей, на которые ссылается кн. Шаховской, нельзя однако

---

[1]) Кн. Н. Шаховской. Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. Москва. 1896.

совершенно отвергать приведенныя въ нихъ цифры заболѣваемости и смертности. Также нельзя не замѣтить, что врядъ ли всѣ служащіе чины въ крупныхъ экономіяхъ, а также мелкіе землевладѣльцы относятся къ пришлымъ поденщикамъ съ полной заботливостью и сердечнымъ участіемъ. Очень вѣроятно, заболѣвшаго такого рабочаго стараются поскорѣе удалить со двора, и было бы весьма желательно, чтобы для него двери земской больницы были широко открыты. Мнѣ, впрочемъ, извѣстна одна крупная экономія на югѣ, гдѣ заболѣваемость между рабочими ничтожна, а заболѣвшіе лечатся или въ экономіи, или за ея счетъ. Кстати, пять лѣтъ сряду въ эту экономію приходитъ ежегодно одна и та же партія рабочихъ—и ни единаго самовольнаго ухода съ работъ не бывало; слышалъ я также и о другихъ такихъ экономіяхъ.

Нынѣ рабочій вопросъ потерялъ свой прежній острый, болѣзненный характеръ. Недоразумѣнія между нанимателями и нанимаемыми всегда всюду были и будутъ, и никакая регламентація ихъ вполнѣ предупредить и устранить не можетъ. Лица, старающіяся о такомъ предупрежденіи и устраненіи путемъ обязательности той или другой формы акта найма, забываютъ, что дѣло не въ наймѣ, а въ нарушеніи его. Разъ же это нарушеніе доходитъ до судебнаго разбирательства, судъ не можетъ постановить своего рѣшенія иначе, какъ взвѣсивъ всѣ причины нарушенія условій найма безразлично, какъ бы ни былъ заключенъ этотъ наемъ. Дѣйствительно, когда одна изъ сторонъ не принадлежитъ къ мѣстному населенію, является существенное затрудненіе для тяжущихся какъ по обращенію къ суду, такъ и по исполненію его рѣшеній. Затрудненіе одинаковое для нанимателя, взыскивающаго съ рабочаго за самовольный уходъ, и для рабочаго, предъявляющаго искъ къ нанимателю за неправильный разсчетъ. Тутъ нѣкоторое ускореніе судебной процедуры было бы желательно и полезно. Это ускореніе вполнѣ достижимо безъ нарушенія коренныхъ основаній нашего судопроизводства. Достаточно бы было установить, что разборъ недоразумѣній между нанимателями и рабочими производится внѣ очереди, и срокъ обжалованія рѣшеній по такимъ дѣламъ приравнять къ тому, который существуетъ для частныхъ жалобъ (семидневный). Необходимо еще принять въ соображеніе, что при настоящей нуждѣ сельскаго хозяйства въ рабочихъ и при невозможности давать имъ высокую плату было бы положительно опасно вводить такія или другія обязательныя формы актовъ найма. Это несомнѣнно не облегчило бы удовлетвореніе сель-

скаго хозяйства рабочими, а значительно бы затруднило это удовлетвореніе.

Мы видѣли, что наше южное сельское хозяйство, благодаря громадному у него развитію подходящихъ машинъ, вполнѣ успѣшно разрѣшило вопросъ уборки своихъ полей. Требованіе временныхъ рабочихъ сократилось, даже почти прекратилось, но при этомъ количество постоянныхъ рабочихъ въ экономіяхъ сдѣлалось соотвѣтственнымъ постоянному веденію въ нихъ дѣла. Очевидно, хозяйство на югѣ утрачиваетъ свой прежній случайный, чисто спекулятивный характеръ и принимаетъ болѣе прочную и опредѣленную форму. Очень можетъ быть, что при настоящемъ развитіи на югѣ желѣзнодорожныхъ и водяныхъ путей сообщенія, а также близости морскихъ портовъ, эта форма выгодна и останется выгодной. Несомнѣнно, эта форма будетъ тогда не только существовать, но и развиваться сама собою, не нуждаясь въ посторонней искусственной помощи. Если нашъ югъ съумѣлъ завести у себя необходимыя ему машины, несмотря на затрудненіе, которое все наше сельское хозяйство встрѣчаетъ въ пріобрѣтеніи необходимыхъ ему хорошихъ и дешевыхъ машинъ и орудій, то это убѣдительно доказываетъ его сельско-хозяйственную жизнеспособность. Несомнѣнно, недочеты, неровности, въ южномъ сельскомъ хозяйствѣ существуютъ, и, пожалуй, еще нескоро это хозяйство достигнетъ полнаго своего развитія, полной своей производительности, но оно выгодно, оно жизнеспособно, и никакого нѣтъ основанія навязывать ему другую или другія формы дѣятельности, такъ какъ предлагаемое представляетъ собою болѣе совершенный, болѣе гармоническій способъ пользованія землею. Людей работающихъ и могущихъ работать нечего учить какъ добывать бо́льшую выгоду изъ дѣла, которымъ они занимаются. Само дѣло ихъ научитъ.

IV.

Извѣстная теорія Гейнриха фонъ-Тюнена земледѣльческихъ концентрическихъ круговъ, центромъ которыхъ потребительный рынокъ—не выдерживаетъ критики хотя бы по одному тому, что второй по близости къ центру зоной онъ назначаетъ лѣса. Во время фонъ-Тюнена пути сообщенія не достигли такого развитія, какъ нынѣ, и вполнѣ понятно, что распредѣленіе производства согласно требованіямъ потребленія и возможности удовлетворенія этихъ требованій не могло быть вѣрно. Основная же идея фонъ-

Тюнена справедлива и теперь, какъ и тогда намѣченная имъ первая, ближайшая къ центру зона интенсивной культуры и производства молока, овощей и фруктовъ сохранила свое первенствующее преимущество, несмотря на громадное развитіе путей сообщенія. Дѣйствительно, нынѣ крупные европейскіе города получаютъ, напримѣръ, молоко изъ мѣстностей находящихся отъ нихъ въ 25, 50 и болѣе верстахъ, а овощи и фрукты очень часто—изъ другихъ даже странъ. При постоянномъ и все болѣе увеличивающемся ростѣ европейскаго городского населенія и при безусловномъ общемъ улучшеніи удовлетворенія пищевыхъ потребностей этого населенія, ближайшая къ городамъ мѣстность вполнѣ успѣшно и выгодно выдерживаетъ, однако, конкурренцію съ отдаленными странами, какъ бы благопріятно онѣ ни были поставлены относительно производства и сбыта, производимаго по молочному хозяйству, огородничеству и садоводству. Въ книгѣ Бернара, на которую я уже ссылался, приводится (стр. 338) слѣдующій разсчетъ: огородники окрестностей Парижа покупаютъ всякаго рода удобренія на 8 тысячъ и до 12 тыс. франковъ въ годъ на каждый гектаръ; употребляютъ для поливки его до 50 тыс. кубическихъ метровъ воды; 1 тыс. фр. въ годъ тратятъ на парники и рамы; имѣютъ отъ 10 до 12 человѣкъ постоянныхъ рабочихъ на то же пространство и продаютъ своихъ произведеній на 20, 30 и до 50 тыс. франковъ въ годъ съ гектара. Необходимо принять въ соображеніе, что въ Парижѣ овощи, особенно раннія (les primeurs) привозятся изъ Алжира и юга Франціи. Очевидно, въ многочисленномъ состоятельномъ народонаселеніи этого города, имѣющемъ возможность питаться съ нѣкоторой роскошью, существуютъ болѣе или менѣе тонкія вкусовыя требованія. Овощи, вслѣдствіе этого, строго расцѣниваются и свѣжія, только-что сорванныя съ грядъ, имѣютъ преимущество передъ привозными. Парижъ—міровая столица, въ немъ чуть не всегда масса богатыхъ иностранцевъ и примѣръ его, пожалуй, неубѣдителенъ. Посмотримъ—другой. Въ Германіи, несмотря на усиленныя хлопоты и ходатайства мѣстныхъ огородниковъ и садовниковъ объ охранѣ ихъ дѣятельности, по торговому договору съ Италіей, привозъ оттуда цвѣтовъ, фруктовъ и овощей безпошлинный. Дѣйствительно, привозъ въ Германію изъ Италіи всѣхъ трехъ вышесказанныхъ предметовъ значительно увеличился [1]). Въ 1885 г. привозъ цвѣтовъ состав-

[1]) L'Economista, Gazzetta settimanale. Prof. Arturo J. De Iohannis redattore capo, 11 settembre № 1271 (стр. 588), Firenze Via Guelfa 8.

лялъ 293.000 килограммовъ; въ 1897 г. онъ достигъ 2.808.500 кил.; привозъ фруктовъ—съ 70 милліоновъ поднялся до 141 милл., а овощей—съ 33 милліоновъ достигъ 92 милл. Несмотря на такую подавляющую конкурренцію, мѣстное садоводство и огородничество въ Германіи нисколько не погибло, а напротивъ, продолжало существовать и даже до нѣкоторой степени развиваться. Положеніе германскаго садоводства и огородничества видно изъ слѣдующей таблицы его производства:

	КИЛОГРАММЫ:			
	Цвѣты.	Фрукты.	Овощи.	Живыя раст.
Въ 1885 г. . .	213.600	26.025.300	39.264.300	2.411.000
„ 1896 „ . .	303.200	10.587.800	44.789.100	3.904.600
„ 1897 „ . .	394.800	21.154.100	36.685.700	4.328.700

Несомнѣнно, германское садоводство и огородничество будутъ развиваться все болѣе, именно благодаря итальянской конкурренціи. Эта конкурренція пріучила состоятельное народонаселеніе къ потребленію продуктовъ, считавшихся до нѣкоторой степени роскошью, сдѣлавъ ихъ доступными. Благосостояніе германскаго городского населенія умножилось и умножается, и несомнѣнно, потребленіе продуктовъ, къ которому оно привыкло, будетъ только увеличиваться. При такихъ условіяхъ мѣстная дѣятельность все болѣе получитъ возможность успѣшно и выгодно конкуррировать съ иноземною.

Западная Европа, постоянно увеличивая свое народонаселеніе и свое благосостояніе, представляетъ собой во всей своей совокупности тотъ идеальный центръ потребленія, на который указываетъ фонъ-Тюненъ въ своей теоріи концентрическихъ круговъ. Снабженіемъ этого центра нынѣ занимается, благодаря развитію путей и способовъ сообщенія, чуть не весь міръ. Чѣмъ крупнѣе центръ, тѣмъ, вполнѣ естественно, значительнѣе ближайшая къ нему зона снабженія его предметами, которые, какъ мы видѣли, несмотря на усиленную затрату труда и капитала, могутъ успѣшно и выгодно выдержать конкурренцію съ отдаленными странами. Развитіе путей и способовъ сообщенія нисколько, однако, не содѣйствуетъ, такъ сказать, централизаціи населенія и благосостоянія въ ограниченномъ количествѣ главныхъ городовъ. Напротивъ, удобство, скорость и вѣрность передвиженія даютъ возможность жить вдали отъ центра, пользуясь имъ постоянно, по мѣрѣ желанія и надобности. Это замѣтно уже теперь, и несомнѣнно въ будущемъ выселеніе именно состоятельной части городского населенія изъ крупныхъ центровъ

усилится. Столицы, прежніе крупные города, въ западной Европѣ увеличиваются во всѣхъ отношеніяхъ,—это вѣрно; но не менѣе, а еще пожалуй болѣе ростутъ мелкіе города и даже мелкіе поселки, смотря по тѣмъ удобствамъ, которыя они представляютъ для всякаго рода жизни.

Развитіе путей и способовъ сообщенія, давая возможность доставлять скоро, вѣрно и дешево всюду все необходимое, отчасти привело и неминуемо приведетъ еще болѣе къ разграниченію производительности. Въ западно-европейскихъ городахъ живутъ не все богатые люди, потребляющіе постоянно свѣжія овощи, лучшее парное мясо, откормленную живность и пр. т. п.; есть и среднее состояніе, довольствующееся въ будни австралійскимъ (къ несчастію, не русскимъ) замороженнымъ мясомъ; есть, наконецъ, и бѣдные, не всегда имѣющіе какую-либо приправу къ куску—пшеничнаго, однако,—хлѣба. Несомнѣнно сельское хозяйство въ богатой промышленной западной Европѣ должно будетъ придти къ убѣжденію, что для него несравненно выгоднѣе ограничиться производствомъ цѣнныхъ продуктовъ, имѣющихъ вѣрный мѣстный сбытъ, и перестать искать спасенія въ охраненіи своей дѣятельности отъ русскаго, американскаго и всякаго другого зерна. Тогда правильное гармоническое хозяйство станетъ возможнымъ на нашей черноземной старопашкѣ. Оно утратитъ всякій спекулятивный характеръ и будетъ прочнымъ и выгоднымъ тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе и лучше разовьются у насъ наши пути и способы сообщенія. Только при такомъ развитіи создадутся и у насъ, укрѣпятся и увеличатся наши собственные центры потребленія, и мы дойдемъ до того, что будемъ экспортировать только избытокъ нашего производства, а не то, что̀ намъ нужно, но что̀ мы не въ состояніи, по бѣдности, сами использовать,—какъ теперь. Невольно съ горестью и горечью улыбается нашъ братъ, деревенскій житель, когда читаетъ въ газетахъ такого рода совѣты: воспретить вывозъ зерновыхъ отрубей,—такъ какъ это прекрасный кормъ для скотины. Нельзя, видите ли, доставлять нѣмецкой скотинѣ такой питательный кормъ и тѣмъ лишать его нашу. Много наша выиграетъ отъ такого запрещенія, когда въ крестьянскомъ хозяйствѣ постоянно—а въ владѣльческомъ не всегда—солома составляетъ ея единственный кормъ зимой.

Счастливое будущее для нашего сельскаго хозяйства несомнѣнно придетъ, но, вѣроятно, не скоро; пока же надо этому хозяйству пережить настоящее тяжелое для него время.

V.

Въ моей статьѣ „Металлическая задолженность русскаго землевладѣнія", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" 1890 года, я высказалъ между прочимъ: „Несомнѣнно, испольная система полеводства въ крупномъ землевладѣніи представляетъ собою низшую ступень сельскаго хозяйства; несомнѣнно, при настоящемъ ея веденіи, она имѣетъ послѣдствіемъ засореніе и истощеніе почвы; но несомнѣнно также, что при настоящихъ низкихъ цѣнахъ на зерно она единственно возможная форма сельскаго хозяйства у насъ". Далѣе, высказавъ, „что выгодность собственнаго хозяйства передъ испольнымъ ростетъ пропорціонально повышенію цѣнъ производимаго продукта", я доказывалъ, что при испольной формѣ полеводства улучшеніе сельско - хозяйственной техники вполнѣ возможно и достижимо. Меня нѣсколько удивило, что въ книгѣ Бернара, на которую я неоднократно ссылался,— ученый профессоръ („Economie rurale") земледѣльческой экономіи раздѣляетъ мое мнѣніе". Онъ именно говоритъ (стр. 146) [1]: „Половничество нисколько не отвѣтственно за тѣ дурныя послѣдствія его примѣненія, въ которыхъ его укоряютъ. Изъ того факта, что половничество встрѣчается большею частью въ бѣдныхъ мѣстностяхъ, выводятъ заключеніе, что оно причиной этой бѣдности, тогда какъ оно только послѣдствіе ея. Оно не создаетъ препятствій прогресу земледѣлія, и какъ только мѣстность начинаетъ богатѣть, какъ только открывается ей подходящими измѣненіями среды надлежащій сбытъ ея произведеній,—половничество мало-по-малу исчезаетъ и замѣняется фермерствомъ". Нѣсколько далѣе Бернаръ говоритъ: „Половничество, впрочемъ, существуетъ не въ однѣхъ только бѣдныхъ мѣстностяхъ, но оказывается подходящимъ и къ богатой культурѣ, какъ, напримѣръ, въ Алье (Allier) и т. д. Чтобы покончить съ выписками изъ книги Бернара, приведу еще только одно его довольно инте-

[1]) „Le métayage est bien innocent des maux qu'on lui reproche. De ce qu'on le trouve répandu plus généralement en pays pauvres, on l'accuse d'être la cause de cette pauvreté, alors qu'il n'en est au contraire que la conséquence. Il ne crée pas d'obstacles aux progrès de l'agriculture et dès qu' un pays s'est enrichi, que des débouchés lui sont ouverts par une modification des conditions du milieu, il disparait peu à peu pour faire place au fermage".—Далѣе: „Il n'existe pas d'ailleurs seulement dans les pays pauvres, il est, dans maintes circonstances, conciliable avec une culture riche dans l'Allier, dans la Charente, dans la Haute Vienne, par exemple..." и т. д.

ресное соображеніе. Описывая существующія во Франціи различныя формы расплаты съ сельско-хозяйственными рабочими произведеніями ихъ труда, онъ замѣчаетъ, что это своего рода участіе (participation) рабочаго въ производствѣ, участіе, признаваемое нынѣ наиболѣе желательной цѣлью, къ коей должна стремиться обработывающая промышленность, тогда какъ въ сельско-хозяйственной это участіе считается явленіемъ отсталымъ и подлежащимъ замѣнѣ опредѣленною поденною платою (salaire fixe).

Половничество—это определенная закономъ или установленная обычаемъ форма испольщины. Условія половничества во Франціи (métayage), точно также какъ и въ Италіи (mezzeria), крайне разнообразны, но врядъ ли примѣнимы у насъ; такъ какъ большею частью тамъ половничество имѣетъ характеръ полу-фермерства. Не входя, вслѣдствіе того, въ разсмотрѣніе этихъ условій, достаточно, полагаю, признать, что половничество, какъ и испольщина—это форма использованія земли, при которой весь трудъ, требуемый для этого использованія, или только часть его, вознаграждается извѣстною долей полученнаго отъ этой земли урожая. Мною уже было указано, что нынѣ отдача земли изъ части урожая встрѣчаетъ весьма серьезныя препятствія въ необходимости сохранить расходъ администраціи и въ обѣднѣніи крестьянства. Расходъ на администрацію—не единственный въ крупномъ хозяйствѣ; расходъ на рабочихъ и на инвентарь, необходимый для ихъ труда, гораздо значительнѣе, и уменьшеніе его составитъ существенное облегченіе въ общей суммѣ затратъ крупнаго хозяйства. Что же касается до обѣднѣнія крестьянства, то дѣйствительно оно представляетъ весьма важное затрудненіе для введенія испольщины—и затрудненіе, устраненіе котораго нельзя предвидѣть въ близкомъ будущемъ.

Наша экономическая политика восьмидесятыхъ годовъ, поставившая себѣ цѣлью доставить высокую доходность отечественной обработывающей промышленности, вынудила русское сельское населеніе продавать дешево произведенія его труда и покупать дорого все ему необходимое. Такое положеніе не могло привести ни къ чему другому, какъ къ обѣднѣнію этого населенія. Если въ 1890 году я могъ въ статьѣ, на которую уже ссылался, указывать на это обѣднѣніе и ни откуда не получить опроверженія, то, разумѣется, въ 1898 году обѣднѣніе только усилилось и могло только усилиться. Общія экономическія условія не измѣнились; притомъ бѣдность достигается скорѣе и легче, чѣмъ избавленіе отъ нея. Нельзя, однако, признавать за одной экономиче-

ской политикой достигнутый сравнительно быстро и въ широкихъ размѣрахъ такой результатъ. Этому много помогла цѣлая серія неурожайныхъ годовъ. Положеніе обострилось, и мы видимъ, въ сущности, замѣчательное экономическое явленіе—землевладѣльца-пролетарія; необходимое для его хозяйства имущество ограждено закономъ отъ казенныхъ и частныхъ взысканій. Этотъ привилегированный пролетарій въ послѣднее время живетъ если не совсѣмъ впроголодь, то питается обыкновенно плохо; при малѣйшей же невзгодѣ, спасается отъ голода правительственной и общественной помощью. Можетъ ли крестьянство, въ которомъ довольство и отсутствіе нужды все болѣе становятся исключеніемъ изъ общаго уровня, быть вѣрнымъ источникомъ для съемщиковъ земли изъ части урожая? Можетъ ли, наконецъ, захудалое крестьянство скоро и прочно оправиться?

Нельзя не отмѣтить, что̀ недостатка въ желаніи со стороны общественнаго мнѣнія помочь крестьянству не было. Оно высказывалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, перечислить которыя во всей ихъ совокупности врядъ ли возможно. Ожидалось значительное повышеніе благосостоянія крестьянства отъ упорядоченія его жизни и дѣятельности посредствомъ института земскихъ начальниковъ; но благосостояніе продолжало все падать. Дѣйствительно, формальный порядокъ въ отчетности по выдачѣ пособій крестьянству, при земскихъ начальникахъ, сталъ, быть можетъ, болѣе удовлетворителенъ въ *канцелярскомъ* отношеніи; но необходимость такихъ пособій этимъ нисколько не была устранена. Изъ мѣръ, направленныхъ прямо и непосредственно помочь крестьянству, заслуживаетъ всего болѣе вниманія идея доступнаго и легкаго для него кредита, общаго и спеціальнаго. Послѣдній соединяетъ въ себѣ не только возможность пріобрѣтенія улучшенныхъ орудій, но и тѣмъ или другимъ путемъ указанія улучшенной сельско-хозяйственной техники.

Главныя основанія всякаго кредита—это возможность и желаніе возвратить полученное. Только при соединеніи этихъ двухъ условій существуетъ и можетъ существовать правильный кредитъ. Добросовѣстному бѣдняку вполнѣ возможно открыть кредитъ въ томъ размѣрѣ, который обезпечиваетъ дальнѣйшая его выгодная дѣятельность. Земледѣлецъ, обѣднѣвшій вслѣдствіе убыточности или даже только безвыгодности земледѣлія, можетъ пользоваться правильнымъ кредитомъ только если условія этой безвыгодности прекратились или измѣнились къ лучшему. Условія эти нисколько не измѣнились. Теперь, какъ и прежде, все тоже: когда неурожай и нѣтъ произведеній земли для продажи

—цѣна ихъ высока; когда же урожай обильный и этихъ произведеній много—цѣна ихъ не вознаграждаетъ потраченнаго на ихъ производство труда. При такихъ условіяхъ для человѣка, живущаго землею, можетъ быть открытъ только филантропическій или ростовщическій кредитъ. Мы видѣли, что на нашемъ благодатномъ югѣ никакого поощренія, никакого содѣйствія со стороны правительства или земства не потребовалось для распространенія необходимыхъ машинъ. Никакого легкаго, доступнаго кредита создавать не пришлось для распространенія въ громадныхъ размѣрахъ машинъ,—надо еще замѣтить, дорого стоющихъ. Для того достаточно было необходимости и выгодности этихъ машинъ, а слѣдовательно, и возможности за нихъ заплатить.

Несомнѣнно, наша средне-черноземная старопашка утратила отчасти свое коренное, присущее ей плодородіе, и очень можетъ быть, что вслѣдствіе того она утратила способность сама успѣшно бороться съ климатическими невзгодами. Говорятъ, что современная тщательная обработка земли удерживаетъ въ ней необходимую влагу и тѣмъ до нѣкоторой степени устраняетъ гибельное вліяніе засухи, когда она, разумѣется, не слишкомъ продолжительна. Не отъ одной засухи страдаетъ земледѣліе, и вполнѣ обезпечить урожай тѣмъ или другимъ способомъ обработки земли невозможно; но потраченный на землю трудъ и капиталъ не пропадаютъ. Если вложенный въ нее запасъ производительности не выказывается, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, въ годъ посѣва, то онъ сохраняется и приноситъ несомнѣнную пользу черезъ годъ, два и болѣе лѣтъ. Это имѣетъ рѣшающее значеніе для собственника земли, могущаго выжидать, но представляетъ мало утѣшительнаго для землевладѣльца-пролетарія, для котораго главный и самый важный вопросъ—чтобы его накормили сегодня. О завтрашнемъ днѣ онъ давно пересталъ думать, такъ какъ убѣдился, что завтра не будетъ хуже, чѣмъ сегодня. При такихъ условіяхъ раздача не только въ кредитъ, но и даромъ всякихъ усовершенствованныхъ орудій и машинъ—это скорѣе содѣйствіе фабриканту въ распространеніи его произведеній, чѣмъ дѣйствительная помощь захудалому крестьянству.

При такомъ положеніи крестьянства, несомнѣнно, вѣрнымъ источникомъ для съемщиковъ владѣльческой земли изъ части урожая оно быть не можетъ. Все землевладѣніе, живущее на старопашкѣ и отъ старопашки, обѣднѣло болѣе или менѣе отъ паденія зерновыхъ цѣнъ и можетъ прочно поправиться только отъ прочнаго повышенія этихъ цѣнъ. Какъ случайное, временное, такъ и проч-

ное, это повышеніе всецѣло зависитъ отъ общихъ экономическихъ условій, вліять на которыя само землевладѣніе не можетъ. Есть ли малѣйшее основаніе ожидать въ близкомъ будущемъ измѣненія къ лучшему этихъ условій? Полагаю, никто не затруднится отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ.

Въ 1890 г., веденіе испольнаго полеводства могло быть въ произвольномъ—въ какомъ угодно—размѣрѣ; нынѣ обстоятельства перемѣнились. Въ 1898 г., испольщина возможна частично и не безъ затрудненій: удешевленіе полеводства въ крупномъ хозяйствѣ, вслѣдствіе этого, стало менѣе доступнымъ, но все же оно еще возможно. Ничто не препятствуетъ, путемъ помощи крестьянству инвентаремъ, ввести испольный посѣвъ и мало-по-малу его расширить. Это потребуетъ затратъ; но развѣ веденіе своего хозяйства не требуетъ ихъ? Въ послѣднемъ случаѣ, эти затраты при неурожаѣ, или при низкихъ цѣнахъ, нерѣдко оказываются безвозвратно потерянными. Снабженіе инвентаремъ добросовѣстнаго крестьянина, какихъ не мало, ни съ какимъ рискомъ не сопряжено. Разъ же крестьянинъ беретъ землю для своего пропитанія, для своихъ нуждъ, низкія цѣны зерна его части не имѣютъ для него никакого значенія.

Я нисколько не рекомендую ни фермерство, ни испольщину, и никакой опредѣленной формы. Я только старался доказать необходимость прочной формы сельскаго хозяйства, которая, сообразуясь съ мѣстными условіями, была бы наиболѣе лишена случайнаго, вынужденно спекулятивнаго характера.

Великодушный починъ нашего правительства предложеніемъ всѣмъ государствамъ остановиться въ расходахъ на всеобщее безпредѣльное вооруженіе, каковъ бы ни былъ непосредственный практическій его результатъ, составляетъ благодатное сѣмя, которое, можетъ быть, не заглохнетъ на міровой почвѣ. Идеи, соотвѣтствующія общимъ духовнымъ потребностямъ, не пропадаютъ безслѣдно, какія бы препятствія онѣ ни встрѣчали для своего развитія. Онѣ живутъ своей жизнью, незримо ростутъ, крѣпнутъ, распространяются и, войдя въ общее сознаніе, становятся руководящею силою. Идея устраненія дѣйствительной войны въ своемъ логическомъ развитіи неминуемо должна коснуться и *экономической войны*, отъ которой не мало страдаютъ всѣ страны, особенно же наше обширное землеобильное отечество.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

I.

ДИТЯ.

O horror! horror! horror!
Shakespeare, „Macbeth".

Здѣсь турки шли... вездѣ слѣды опустошенья,
Сожженныхъ деревень, разрушенныхъ дворцовъ,
И Хіосъ,—островов Эллады украшенье,
Какъ голая скала, стоитъ среди валовъ.

Какая тишина повсюду гробовая!
Какая пустота унылая кругомъ!
Всѣ тѣ, что жили здѣсь, судьбу благословляя,
Лежали на камняхъ и спали мертвымъ сномъ.

Но нѣтъ: у черныхъ стѣнъ, поросшихъ виноградомъ,
Печально русую головку опустя,
Съ большими кудрями до плечъ и тихимъ взглядомъ,
Сидитъ забытое эллинское дитя.

— О, бѣдное дитя, что ты сидишь, тоскуя,
Съ застывшею слезой на глазкахъ голубыхъ?
Чѣмъ опечалено и чѣмъ твою тоску я
Могу согнать съ очей лазоревыхъ твоихъ?

Скажи, дитя мое: чего бы ты желало?
Чего желаешь ты? Скажи, дитя мое!..
И мнѣ въ отвѣтъ дитя задумчиво сказало:
— Мнѣ нуженъ порохъ лишь, да пули, да ружье!

II.

СУЛТАНЪ АХМЕТЪ.

Встрѣтивъ дѣву гренадину,
Ей султанъ промолвилъ:—Я
Царство бъ отдалъ за Медину,
А Медину за тебя.

— Чтожъ?—отвѣтила Жуана,
Я не прочь тебя любить,
Но любовницей султана
Не рѣшилась бы я быть.

Турка страстныя объятья
Незаконны для меня,
И за нихъ отвѣтъ отдать я
Передъ церковью должна.

Если жъ любишь ты сердечно
И крестился бы любя,
То тогда и я, конечно,
Полюбила бы тебя.

— Для такой, какъ ты, красотки,—
Ей султанъ сказалъ на то,—
Я рѣшаюся на все;
Даже сдѣлаю я чотки
Съ ожерелья твоего.

III.

ОЖИДАНІЕ.

Esporaba, desperada.

Посмотри ты съ вѣтки, бѣлочка шалунья,
Посмотри ты съ неба, ласточка рѣзвунья,
Посмотри ты съ башни, аистъ длинноногій:
Мчится ли мой милый на конѣ съ дороги?

IV.

ЛУНА.

Per amica silentia lunae.
Virgile.

Луна была чиста... Луна блестѣла...
Въ сералѣ у окна сидѣла
Султанша молодая, а вдали
На взморіи качались корабли,
И моря валъ своею пѣной бѣлой
И берегъ окаймлялъ, и островъ почернѣлый.

Но вотъ средь тишины глухой пронесся звукъ.
Гитара выпала изъ рукъ султанши вдругъ,
То, можетъ быть, корабль пришелъ съ турецкимъ флагомъ
Изъ Косса водъ и шевельнулъ весломъ?
Или пронесся надъ архипелагомъ
Бакланъ, задѣвъ его крыломъ?

То не бакланъ надъ моремъ пролетѣлъ,
То не корабль весломъ его задѣлъ;
То съ кораблей на дно летѣли океана
Въ мѣшкахъ наложницы султана.

Луна была чиста. Луна блестѣла.
Султанша у окна въ раздуміи сидѣла.

V.

ДЕРВИШЪ.

На конѣ передъ толпою
Проѣзжалъ паша,
Вдругъ паша передъ собою
Видитъ дервиша.

И, схвативъ одной рукою
За узду коня,
—Стой!—вскричалъ дервишъ визирю,—
Выслушай меня:

Ты, что волею Аллаха,
Изъ ничтожныхъ вдругъ
Сталъ визиремъ падишаха,
Падишаху другъ;

Ты, что мучишь беззащитный,
Слабый нашъ народъ,—
Будь же проклятъ ты, собака,
Ты и весь твой родъ!

На мученіяхъ народа
Ты воздвигъ дворецъ,—
Знай же, скотъ, что скоро, скоро
Твой придетъ конецъ!

И когда твои дѣянья
Въ книгѣ чортъ прочтетъ,—
Не спасутъ тебя отъ ада
Ни войска, ни флотъ.

Сталъ паша мрачнѣе ночи,
Пріунылъ паша
И, насупивъ чёрны очи,
Слушалъ дервиша.

Но когда дервишъ окончилъ
Громовую рѣчь,
То паша соболью шубу
Ему отдалъ съ плечъ.

Н. А. Ѳедоровъ.

ЗАПИСКИ
В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

Изъ посмертныхъ бумагъ.

„Записки“ брата моего, Владиміра Михайловича, начатыя въ 1850-хъ годахъ, писанныя отрывками и въ разное время, достались мнѣ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ Ментонѣ въ 1884 году; но, къ сожалѣнію, онѣ не были имъ окончены; и составитель ихъ не выполнилъ и половины намѣченной имъ программы, найденной въ его посмертныхъ бумагахъ. Я рѣшаюсь печатать эти „Записки“ въ томъ видѣ, какъ онѣ написаны, и позволяю себѣ только сдѣлать пропуски мѣстъ, неудобныхъ для печати, или не представляющихъ никакого интереса для публики.

Личныхъ воспоминаній нѣтъ въ „Запискахъ“ В. М. Жемчужникова: онъ не дошелъ до нихъ. Послѣ краткихъ свѣдѣній о родѣ дворянъ Жемчужниковыхъ и характеристики нѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ, онъ болѣе или менѣе подробно передаетъ слышанное отъ своего отца, Михаила Николаевича, нерѣдко записываетъ стенографически, съ его словъ, что̀ и придаетъ особенную живость разсказу. Жизнь и дѣятельность М. Н. Жемчужникова, участника и очевидца военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1810 году, пребыванія русскихъ войскъ за границей, въ пору борьбы съ Наполеономъ I, взятіе въ плѣнъ самого М. Н. подъ Реймсомъ и его пребываніе въ Польшѣ въ 1830 году,— все это само по себѣ, а тѣмъ болѣе по времени, богатому историческими событіями, представляетъ безусловный интересъ. Не менѣе любопытны отношенія М. Н. къ лицамъ, игравшимъ видную роль въ исторіи Россіи, а именно: Аракчееву, Лазареву, Паскевичу, Сперанскому и др.

Не подлежитъ сомнѣнію, что бумаги и переписка М. Н. Жемчужникова, въ виду его продолжительной и разнообразной дѣятельности [1]),

---

[1]) По выходѣ изъ военной службы, М. Н. Жемчужниковъ исполнялъ должность костромского губернатора въ 1832 году; съ 1835 по 1841 былъ петербургскимъ

могли бы во многомъ дополнить недосказанное въ „Запискахъ" его сына; въ нихъ нашлось бы не мало подробностей и чертъ, важныхъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніи. Но, къ сожалѣнію, бумаги и письма М. Н., хранившіяся послѣ его смерти въ родовомъ имѣніи Жемчужниковыхъ, Павловкѣ (орловской губ., елецкаго уѣзда) исчезли безслѣдно. Неизвѣстно, кто завладѣлъ ими, или онѣ были истреблены случайно, какъ истребляется у насъ множество всякихъ цѣнныхъ бумагъ и документовъ.

Опасеніе, чтобы та же участь не постигла посмертныя „Записки" сына М. Н. Жемчужникова, помимо ихъ значенія,—было одною изъ причинъ, побудившихъ меня заняться ими и приготовить для печати.

Левъ Жемчужниковъ.

I.

Родъ дворянъ Жемчужниковыхъ принадлежалъ всегда къ разряду дворянъ московскихъ. Какъ рано началось его существованіе—мнѣ неизвѣстно. Въ боярскихъ книгахъ московскаго архива, одинъ изъ Жемчужниковыхъ, Игнатій Аѳанасьевъ, упоминается подъ 1629 г., когда онъ получилъ званіе или чинъ армейскаго городского дворянина; всѣ прочіе, упомянутые тамъ Жемчужниковы, были дворянами московскими; изъ нихъ двое состояли въ начальныхъ людяхъ, одинъ былъ стряпчимъ (Ѳедоръ Леонтьевъ —1692 г.), двое стольниками (Павелъ Алексѣевъ и Андрей Тимоѳеевъ—стольникъ царицы Натальи Кириловны, оба въ 1692 г.). Въ началѣ царствованія Петра I, двое изъ Жемчужниковыхъ, именно два упомянутые выше стольника, получили грамоты, за подписью царей Петра и Іоанна, на земли въ нынѣшней калужской и тульской губерніи за ихъ службу; грамоты эти и теперь хранятся въ нашей орловской деревнѣ. О судьбѣ, дѣлахъ, службѣ и жизни ближайшихъ предковъ нашихъ, жившихъ въ XVIII ст., я не знаю ничего, кромѣ слѣдующаго случая. Одинъ изъ нихъ, жившій во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, приходящійся намъ прадѣдушкой, только не по прямой линіи, былъ страстнымъ охотникомъ, какъ и большинство тогдашнихъ помѣщиковъ. У него была жена очень красивая. Былъ у него прія-

гражданскимъ губернаторомъ; а съ 1841 до своей смерти въ 1865 г.—сенаторомъ, и много лѣтъ состоялъ первоприсутствующимъ I-го департамента Сената. На ряду съ этимъ М. Н. много трудился для общественной благотворительности и принесъ много пользы и добра въ качествѣ члена Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ и попечителя Волковской раскольничьей богадельни и больницы св. Маріи Магдалины съ 1847 по 1865 годъ.

тель, сосѣдъ-помѣщикъ и также охотникъ NN, который былъ влюбленъ въ жену его по уши. Не имѣя возможности удовлетворить своей страсти и не находя взаимности, NN рѣшился овладѣть этой красавицей насильно, противъ ея воли. Предпріятіе смѣлое, и исполнить его надо было умѣючи, потому что шутки съ моимъ прадѣдомъ, какъ и со всѣми тогдашними дворянами, были плохи! Тогда всѣ помѣщики были окружены толпами слугъ, дворней, какъ феодальные бароны своими вассалами. Часто дворня превосходила число пахотныхъ крестьянъ. Ее составляли все люди удалые, избалованные, буйные, забіяки и гуляки; люди, готовые стоять грудью за своего помѣщика, съ которымъ они вмѣстѣ и охотились, и наѣзжали на сосѣдей, и бражничали. Словомъ, тогдашніе дворяне, и по жизни, и по своеволію, походили на былыхъ пановъ польскихъ съ ихъ приближенными и челядью, съ тою разницею, что безпутства ихъ не отражались на дѣлахъ государственныхъ: оно, слава Богу, не доходило такъ высоко!

Забравъ себѣ въ голову такое предпріятіе, NN составилъ планъ смѣлый; онъ затѣялъ охоту, прогулялъ съ прадѣдомъ, разумѣется, въ сопровожденіи всей своей дворни, нѣсколько дней и наконецъ пріѣхалъ къ нему на домъ, чтобы завершить охоту попойкой на славу. Былъ уже вечеръ, смеркалось. Стараясь казаться беззаботнымъ и веселымъ, NN только подзадаривалъ прадѣда, поилъ и его, и его дворню, но почти не пилъ самъ, и дворнѣ своей велѣлъ быть умѣреннѣе. Полагая, что все вокругъ него достаточно пьяно, NN подозвалъ знакомъ своего холопа, шепнулъ ему что-то на ухо, и черезъ нѣсколько времени дворовые его стали потихоньку одинъ за другимъ выходить изъ дому; а онъ, между тѣмъ, продолжалъ подпаивать хозяина. Но, у прадѣда былъ стремянный, малый не промахъ, который тотчасъ же замѣтилъ, что тутъ кроется какая-то затѣя; онъ притворился пьянымъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, вышелъ вслѣдъ за людьми NN и, вернувшись вскорѣ, украдкой шепнулъ прадѣду на ухо: „—Баринъ, будь осторожнѣе, не пей; NN затѣялъ недоброе! Онъ нарочно тебя опаиваетъ, велѣлъ споить и всю дворню, а самъ выслалъ своихъ людей, и они тамъ ходятъ-собираются вокругъ дома, подъ барыниными окошками". Прадѣдъ также незамѣтно шепнулъ ему, чтобы онъ подготовилъ потихоньку дворню въ засадѣ; а самъ, по уходѣ стремяннаго, остался съ NN и продолжалъ пить, будто ни въ чемъ не бывало.

Наконецъ уже совсѣмъ стемнѣло, настала глубокая ночь.

Оба охотника, болтая другъ съ другомъ, вдругъ услышали крики, шумъ, драку съ той стороны двора, на которой находилась комната прабабушки. Самъ же прадѣдъ не показалъ и вида, что слышитъ что-либо, сидѣлъ хладнокровно и только потихоньку надѣлъ кистень на руку, еще не зная навѣрное, изъ-за чего идетъ драка. NN, напротивъ, видимо удивленъ былъ этимъ шумомъ, потому что не ожидалъ никакого сопротивленія. Полагая, что всѣхъ споилъ, какъ слѣдуетъ, сначала онъ прислушивался къ крикамъ, потомъ, заключивъ, вѣроятно, что его дружинѣ пришлось плохо, собирался-было выйти, но въ это самое время въ дверь вошелъ стремянный и объявилъ прадѣду, что хотятъ увезти его жену. Прадѣдъ вскочилъ, какъ бѣшеный, взмахнулъ кистенемъ и хлопнулъ имъ въ голову своего противника: NN упалъ мертвый. Убійца былъ сосланъ въ Сибирь, потомъ прощенъ.

Вотъ все, что̀ я знаю замѣчательнаго о моихъ предкахъ; къ этому прибавлю, что и родной дѣдъ былъ тоже любитель псовой охоты и чуть ли не разорился на нее.

Черезъ бабушку мою, урожденную Нестерову, мы породнились съ древнимъ родомъ Нестеровыхъ, изъ которыхъ думный дворянинъ Аѳанасій Ивановичъ, современный царю Алексѣю, извѣстенъ исполненіемъ посольскихъ порученій; судя по сохранившимся о немъ иностраннымъ извѣстіямъ, онъ былъ добродушный простакъ. Родной мой дѣдъ, женатый на Нестеровой, имѣлъ слѣдующихъ дѣтей: а) сыновья: Павелъ, Александръ, Михаилъ; б) дочери: Екатерина, Марія и Варвара. Павелъ умеръ еще до вступленія на службу. Въ „Записки“ мои войдутъ только: дядя Александръ, отецъ мой Михаилъ и старшая изъ моихъ тетокъ—Екатерина [1]).

Александръ былъ человѣкъ весьма пріятный и по умственнымъ, и по наружнымъ качествамъ; онъ былъ веселаго нрава и въ высшей степени беззаботенъ. Его любили всѣ: и товарищи, и знакомые, и подчиненные; но особенно расположены были къ нему женщины. Получая по службѣ жалованья болѣе отца моего, а отъ родителей столько же, дядя Александръ никогда не имѣлъ денегъ и часто, растративъ свои, тратилъ деньги брата. Онъ былъ красивъ, сознавалъ свою красоту и любилъ при всякомъ случаѣ—ходя, засыпая, сидя, стоя—красоваться. Играя на билліардѣ, онъ никогда не дѣлалъ шара, не принявъ сначала красиваго положенія, а потому часто проигрывалъ. Играющіе съ

---

[1]) Старшинство сестеръ отца моего указано ошибочно, а именно, старшая была Марія, потомъ Екатерина и за нею Варвара.

нимъ пользовались его слабостью иногда изъ шутки, иногда же изъ разсчета. Другимъ слѣдствіемъ его увѣренности въ своей красотѣ была страсть къ волокитству, въ которомъ онъ и дѣйствительно много успѣвалъ. Солдаты, ему подчиненные, не только любили, но обожали его. Государь Александръ Павловичъ зналъ его лично и любилъ. Да, я думаю, врядъ ли кто и могъ его не любить, если его не побуждала къ тому зависть.

По службѣ онъ шелъ хорошо; во французской войнѣ дѣйствовалъ храбро, заслуживъ и повышеніе, и уваженіе. Назначенный начальникомъ, кажется, перновскаго полка, онъ, по собственной неосторожности и беззаботности, потерпѣлъ большое несчастіе. Принимая полкъ, онъ поддался на предложеніе прежняго полкового командира, обыгравшаго его въ карты, чтобы, вмѣсто уплаты проигрыша, не показывать огромнаго недочета, оказавшагося въ полковыхъ суммахъ. Какъ ни неблагоразумна такая сдѣлка, но человѣкъ съ другимъ характеромъ, умѣряя полковые расходы, кое-какъ сумѣлъ бы, можетъ быть, выпутаться изъ бѣды; но таковъ ли былъ мой дядя? Онъ не могъ или не умѣлъ соразмѣрять и своихъ собственныхъ расходовъ съ приходами, такъ куда же ему было сладить съ такой запутанной финансовой операціей?!

Вѣрный себѣ, онъ жилъ съ беззаботностью по прежнему, нисколько не думая о пополненіи суммы; а дѣла шли какъ-то сами собою; солдаты терпѣли нужду во многомъ, даже не имѣли полной или исправной *парадной* формы, но, преданные своему начальнику, они скрывали свои нужды. На инспекторскихъ смотрахъ они отвѣчали, что всѣмъ очень довольны, и, съ помощью своихъ офицеровъ, даже наружную неисправность умѣли скрывать такъ искусно, что обманывали самый опытный глазъ. Изъ всѣхъ парадовъ и смотровъ они выходили благополучно, доставляя еще похвалы и благодарность моему дядѣ. Наконецъ гроза разразилась!

Кто-то, если не ошибаюсь—адъютантъ Аракчеева, провѣдалъ о дѣлахъ перновскаго полка, и донесъ о нихъ кому слѣдуетъ. Сдѣлали смотръ, допрашивали солдатъ: все ли они получаютъ, всѣмъ ли довольны?—Все! всѣмъ довольны,—отвѣчали солдаты. Тогда стали осматривать ихъ одежду и, руководимые доносчикомъ, обратились къ задней шеренгѣ; тутъ нашли, что у однихъ нѣтъ штиблетовъ, у другихъ портупей и т. д., а вмѣсто всего этого—Богъ знаетъ, что̀ такое, только издали похожее на штиблеты или портупеи. Завязалось дѣло; продолжалось оно не мало, и кончилось наконецъ тѣмъ, что несчастнаго дядю моего, въ

душѣ нисколько не виновнаго, лишили чиновъ и орденовъ и разжаловали въ солдаты [1]). Какъ онъ принялъ эту слишкомъ рѣзкую перемѣну въ своей судьбѣ—объяснится изъ послѣдующаго. Пока скажу только, что врядъ ли кто-либо и когда-либо такъ хладнокровно сносилъ хотя бы гораздо меньшее несчастье!

Разжалованный въ солдаты, онъ прослужилъ, не помню въ какомъ полку, до самаго воцаренія Николая Павловича, который, зная его лично, даровалъ ему, вскорѣ по воцареніи, прощеніе и прежній чинъ [2]). Получивъ помилованіе, онъ отправился въ Петербургъ, и проѣздомъ посѣтилъ въ деревнѣ моего отца. Пріѣхалъ онъ подъ вечеръ; разумѣется, обрадовалъ всѣхъ въ домѣ, и господъ, и прислугу; говорилъ, шутилъ, смѣялся; наконецъ, оставшись наединѣ съ моимъ отцомъ, онъ сталъ, по его просьбѣ, разсказывать подробности своего несчастія. Какъ онъ говорилъ, я, разумѣется, не знаю, потому что еще не существовалъ тогда на свѣтѣ, а сочинять беззаботность его рѣчи мнѣ бы не хотѣлось, и потому постараюсь передать его разсказъ попроще.

— Дѣло мое тянулось,—говорилъ онъ,—и я жилъ по прежнему, и по прежнему меня всѣ любили и вездѣ принимали. Въ то время я волочился за дѣвицей Д., былъ влюбленъ въ нее по̀ уши, и проводилъ съ нею бо̀льшую часть дня. Разъ, какъ я собирался идти къ ней въ домъ, входитъ ко мнѣ О.

— Куда это ты идешь?—Къ Д.—Нѣтъ, сегодня ты ужъ не пойдешь туда!—Пойду.—Ну, хочешь объ закладъ, что не пойдешь, услышавъ ту вѣсть, которую я принесъ?—Пойду непремѣнно, что̀ бы отъ тебя ни услышалъ!—Ну, что̀ идетъ въ закладъ?—Двѣ бутылки шампанскаго.—Хорошо. Знаешь, твое дѣло рѣшено сегодня?—Нѣтъ, не знаю; а какъ?—Отгадай самъ.—Что же, велѣно взыскать съ меня растраченную сумму?

— Нѣтъ, поболѣе!—Отставить отъ службы? — Нѣтъ, еще болѣе!—Впредь никуда не опредѣлять?—Нѣтъ, и того болѣе!—Неужели въ солдаты?—Да, съ лишеніемъ чиновъ и орденовъ!.. Ну, что же, поѣдешь послѣ этого къ Д?

— Ахъ ты, чертовство этакое!—сказалъ мой дядя и замолчалъ, опустивъ голову, будто задумался. Отецъ мой тоже молчалъ, полагая, что его братъ молчитъ отъ внутренняго волненія, при воспоминаніи о прошломъ несчастіи; но вдругъ услышалъ

---

[1]) Въ 1847 г. служившій въ пажескомъ корпусѣ офицеръ Шульманъ говорилъ мнѣ объ А. Н. и какъ его всѣ любили и жалѣли.

[2]) Полковника.

сильный храпъ,—смотритъ: братъ его спитъ прекрѣпко... Оставивъ его въ такомъ положеніи, такъ какъ было уже поздно, отецъ мой пошелъ и самъ спать. Проснувшись на другой день, онъ сталъ требовать отъ брата продолженія разсказа.

— На чемъ, бишь, я остановился?—Да ты сказалъ: „ахъ ты, чертовство этакое!"—и вдругъ заснулъ!—Кому же я это сказалъ! —Должно быть О., когда тотъ передалъ тебѣ рѣшеніе твоего дѣла!—Нѣтъ, я этого ему не говорилъ, а велѣлъ купить на его счетъ двѣ бутылки шампанскаго и отправился въ послѣдній разъ къ Д.

Пріѣздъ дяди въ деревню былъ великолѣпно отпразднованъ отцомъ моимъ. Праздникъ былъ въ рощѣ, угощеніе крестьянамъ; почти по всей рощѣ на деревьяхъ висѣли вензеля дяди.

Изо всего этого событія огорчало моего дядю только слѣдующее обстоятельство. Получивъ прощеніе онъ, какъ я сказалъ уже, отправился въ Петербургъ. Тамъ онъ представился всѣмъ, кому нужно, пріѣхалъ и къ Чернышеву, бывшему своему товарищу и ровеснику по службѣ. Разговаривая съ дядей, Чернышевъ вдругъ обратилъ вниманіе на его ордена, и сталъ увѣрять, что онъ не имѣетъ права носить ихъ, потому что о нихъ —*ничего не упомянуто* въ указѣ о его прощеніи. Тщетно мой дядя старался доказать, что когда ему возвратили прежній чинъ, то, само собою разумѣется, возвратили и прежніе ордена, полученные имъ не на парадахъ, а за личныя заслуги на войнѣ;— его заставили снять ихъ. Это сильно огорчило его, ибо онъ цѣнилъ ордена выше всего, заслуживъ ихъ своею кровью, а не по очередному производству.—Дядя умеръ во время персидской войны.

II.

Отецъ мой, Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ, родился въ 1788 г., 9-го ноября; воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и, если не ошибаюсь, во время извѣстнаго нѣмца-философа, на словахъ либеральнаго, а на дѣлѣ тирана-деспота, Клингера [1]), который, чтобы пересоздать ввѣренныхъ ему воспитанниковъ въ образовавшійся въ умѣ его философскій типъ людей, сѣкъ ихъ безпощадно, содержалъ сурово и грубо, нака-

[1]) Клингеръ, Ѳеодоръ или Максимъ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ. Род. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ 1753 г.; въ 1780 вступилъ въ русск. службу; былъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса, а потомъ кураторомъ дерптскаго университета, гдѣ и умеръ въ 1831 г.

зывалъ несправедливо и т. п. Если я ошибаюсь относительно времени директора Клингера, то потому, что отецъ мой былъ послѣ корпуснымъ офицеромъ, и, можетъ быть, зналъ Клингера въ то время, а не за время своего кадетства. Во всякомъ случаѣ можно считать, что Клингеръ—если не основалъ, то усилилъ ту грубость въ кадетскихъ нравахъ, которая существовала въ корпусахъ до послѣдняго времени, и еще не совсѣмъ прекратилась и въ болѣе позднее время, несмотря на всѣ старанія Я. И. Ростовцева.

Занимаясь науками съ успѣхомъ, отецъ мой былъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ фельдфебелемъ, и выпущенъ подпоручикомъ въ 7-й артиллерійскій полкъ, 17 лѣтъ отъ роду, прямо въ адъютанты къ графу Аракчееву.

Въ этой новой должности отецъ мой, по молодости лѣтъ, былъ не совсѣмъ исправенъ и благоразуменъ, и навлекъ на себя гнѣвъ Аракчеева. Случаи, подавшіе поводъ къ этому гнѣву, были слѣдующіе: не успѣвъ, по разсѣянности или по неосторожности, поздравить въ должное время графа Аракчеева съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, отецъ мой счелъ за лучшее не приносить поздравленія вовсе, и не былъ у него до самаго назначенія своего на дежурство, т.-е. чуть ли не до Ѳоминой. Первыя слова графа, при встрѣчѣ съ моимъ отцомъ, были: „Христосъ Воскресе!"—Отецъ мой, полагая, что поздравленія ему ограничивались однимъ расписываніемъ своего имени на листѣ, отвѣтилъ:—Я уже имѣлъ честь въ первый день праздниковъ приносить поздравленіе вашему сіятельству.—Неправда, господинъ подпоручикъ! Я христосовался со всѣми, кто ко мнѣ пріѣзжалъ, а васъ не было".

Не помню, что̀ за это было отцу: посаженъ ли онъ былъ подъ арестъ, наряженъ ли на новое дежурство, или просто продежурилъ этотъ день, видя, какъ Аракчеевъ на него дуется; кажется даже, Аракчеевъ хотѣлъ лишить его званія своего адъютанта, но потомъ, по чьему-то ходатайству, назначилъ его только на новое дежурство. Отецъ мой является дежурить, сидитъ въ комнатахъ графа утро, сидитъ полдень, просидѣлъ, наконецъ, и время обѣда;—графъ все не призываетъ его къ себѣ, и не даетъ ему, по обыкновенію, порученія осмотрѣть: все ли въ порядкѣ въ какой-нибудь казармѣ? Порученіе, которое давалось всегда съ тою цѣлью, чтобы дежурный адъютантъ успѣлъ, вмѣстѣ съ исполненіемъ порученія, пообѣдать. Проморивъ его, такимъ образомъ, голодомъ до самыхъ сумерекъ, Аракчеевъ, наконецъ, призвалъ его и послалъ осмотрѣть ближайшія артиллерійскія казармы съ тѣмъ,

чтобы онъ вернулся какъ можно скорѣе (едва ли не къ опредѣленному времени) и донесъ, если найдетъ какія-либо неправильности.

Обрадованный порученіемъ, отецъ мой поспѣшилъ куда-то пообѣдать, и вскорѣ возвратился къ Аракчееву съ донесеніемъ, что нашелъ все въ исправности. Сдѣлавъ это дѣло, онъ усѣлся опять на своемъ мѣстѣ; но черезъ малое время Аракчеевъ призываетъ его къ себѣ: „Куда я васъ посылалъ"?—Въ артиллерійскія казармы.—„А вы и не были въ казармахъ! Х. Х. ѣздилъ за вами, и видѣлъ, куда вы заѣзжали. Завтра опять на дежурство"!

На другой день опять является дежурить, опять сидитъ у графа утро, сидитъ полдень, просидѣлъ время обѣда, уже стало смеркаться, а графъ все не зоветъ его и не отпускаетъ съ порученіемъ.

Кабинетъ графа отъ комнаты дежурнаго отдѣлялся одной комнатой, которая всегда вечеромъ оставалась темна.

Когда нуженъ былъ адъютантъ, то графъ звалъ его по фамиліи или просто кликалъ: „Адъютантъ!"—а когда нуженъ былъ деньщикъ, то графъ обыкновенно кричалъ: „Эй!"

Деньщикъ его слылъ между офицерами подъ именемъ *синицы*, потому что всегда имѣлъ подъ глазами синяки, отъ кулаковъ графа.

Уже было очень поздно. Отецъ мой проголодался совершенно, и потому былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Вдругъ онъ слышитъ крики графа изъ кабинета: „Эй, эй, эй!" Считая, что эти междометія не могутъ относиться къ нему, отецъ мой не трогается съ мѣста. Наконецъ раздался крикъ: „Г. адъютантъ!"—Отецъ пошелъ въ кабинетъ.—„Что вы не шли такъ долго? Вы слышали, что я васъ звалъ?"—Я полагалъ, что вы зовете *синицу*,—сказалъ отецъ мой въ разсѣянности, вѣроятно потому, что сердился.—„Какую синицу?" —Деньщика вашего, котораго мы прозвали синицей.—„Ступайте въ *такія-то* казармы, осмотрите, все ли въ порядкѣ, и немедленно возвратитесь назадъ съ донесеніемъ, а я пошлю потомъ провѣрить ваши слова!"

Отецъ мой пріѣхалъ въ казармы, видитъ все въ безпорядкѣ и, не найдя дежурнаго, отправился къ нему на квартиру, какъ къ человѣку хорошо знакомому;—спросилъ себѣ чего-либо поскорѣй пообѣдать и поспѣшилъ опять къ Аракчееву, предупредивъ офицера, что посланный отъ графа пріѣдетъ осмотрѣть казармы, и посовѣтовавъ ему, поэтому, привести все немедленно въ порядокъ. Они вмѣстѣ вышли изъ дома, дежурный офицеръ—въ казармы,

а отецъ мой—къ Аракчееву, которому и донесъ, что все нашелъ въ исправности.

„Г. подпоручикъ, вы лжете въ третій разъ! *Такой-то* ѣхалъ за вами слѣдомъ, былъ въ казармахъ въ то же время, какъ вы, и донесъ, что въ казармахъ все въ безпорядкѣ, много пьяныхъ солдатъ, нѣтъ даже дежурнаго офицера!..“

За этотъ третій проступокъ опредѣлено было отцу моему какое-то новое наказаніе; но онъ, видя, что такая служба не по его характеру и способностямъ, рѣшился, наконецъ, просить Аракчеева объ увольненіи отъ адъютантской должности, выставляя предлогомъ желаніе служить въ дѣйствующей арміи, и прося перевода въ одинъ изъ полковъ, назначавшихся къ походу за границу.

„Вы желаете служить въ дѣйствующей арміи?“—спросилъ его Аракчеевъ съ насмѣшкой. — Точно такъ, — отвѣчалъ отецъ мой;—я нахожу, что болѣе способенъ къ дѣйствительной службѣ.— „Извольте, я исполню вашу просьбу“; и вскорѣ назначилъ его на Кавказъ. Этого отецъ мой никакъ не ожидалъ; но дѣлать нечего—ѣхать надо.

Онъ отправился въ путь, и дорогой заѣхалъ къ своей матушкѣ, въ деревню, находящуюся въ 40 верстахъ отъ Ельца.

Матушка и сестры его, разумѣется, очень встревожились, что ихъ Мишенька долженъ ѣхать на войну съ черкесами. Онѣ всячески старались удержать его, что̀ было и не трудно, потому что самъ Мишенька, мало еще понимая служебныя обязанности, охотно согласился остаться въ деревнѣ, и прожилъ тамъ мѣсяцъ, потомъ два, а наконецъ и годъ, разъѣзжая по сосѣдямъ, веселясь и отдыхая отъ неначинавшейся еще службы.

Онъ и потолстѣлъ, и выросъ. Оказалась надобность сбросить форменное платье, уже сдѣлавшееся короткимъ и узкимъ, и надѣть статское. На Кавказѣ, между тѣмъ, его ждутъ. Аракчеевъ все не получаетъ увѣдомленія объ его пріѣздѣ.

Наконецъ, Аракчеевъ посылаетъ за Мишенькой нарочнаго,—чиновника Попова, съ тѣмъ, чтобы тотъ, взявъ отца моего отъ матушки, доставилъ его на Кавказъ и предалъ тамъ суду.

Дѣло выходило плохо! Къ счастью, однако, Поповъ по пріѣздѣ въ Орелъ, не тотчасъ же отправился къ губернатору, съ объявленіемъ о своемъ порученіи, но счелъ за нужное сначала выбриться и вычесаться; съ этою цѣлью послалъ за цырюльникомъ. Еще къ бо̀льшему счастью, лучшимъ цырюльникомъ въ городѣ былъ крѣпостной человѣкъ богатаго помѣщика Позня-

кова, нашего сосѣда по елецкой деревнѣ, аристократа въ околоткѣ.

Расчесывая и брѣя Попова, цырюльникъ прочелъ изъ любопытства лежавшую передъ Поповымъ бумагу, на имя губернатора, а въ ней было прописано порученіе Попова. Вслѣдствіе этого цырюльникъ, тотчасъ по окончаніи своей работы, поспѣшилъ съ вѣстью къ своему барину, жившему тогда въ Орлѣ: —Бѣда, ваше превосходительство! плохо будетъ Михайлу Николаевичу! Пріѣхалъ чиновникъ отъ Аракчеева, и проч., и проч. —Позняковъ немедленно отправилъ нарочнаго съ этимъ извѣстіемъ къ моему отцу въ деревню, совѣтуя уѣзжать какъ можно скорѣе и обѣщаясь задержать Попова на день у себя.

Отправившись къ губернатору, Позняковъ встрѣтился тамъ и познакомился съ Поповымъ, зазвалъ его къ себѣ обѣдать, продержалъ вечеромъ, и тѣмъ далъ отцу время уѣхать. Поповъ уже не засталъ его въ деревнѣ, и не разсудилъ нужнымъ ѣхать за нимъ въ догоню, но счелъ за лучшее возвратиться опять къ Познякову.

Случай этотъ былъ причиною рожденія на свѣтъ нащей писательницы, извѣстной подъ именемъ Фанъ-Димъ. Въ домѣ Познякова воспитывалась дѣвушка—красивой наружности, хорошо образованная и не съ маленькимъ приданымъ. Она приглянулась Попову, вышла за него замужъ, получивъ приданое отъ Познякова, и родила отъ этого брака будущую переводчицу Дантова „Ада“ и писательницу, сдѣлавшуюся извѣстной въ печати подъ именемъ Фанъ-Димъ, а въ дѣйствительности носящую по мужу фамилію Кологривовой.

Суда надъ отцомъ моимъ не было; дѣло уладилось какъ-то благополучно.

III.

Служа на Кавказѣ съ 1809 г., отецъ мой вскорѣ отличился *образованіемъ легкой казачьей артиллеріи.* Образованіе этого войска было поручено ему одному, безъ всякихъ помощниковъ, и кончено имъ поразительно скоро,—въ одинъ или два мѣсяца.

Зная привязанность казаковъ къ иррегулярной службѣ, легко понять, что такое быстрое преобразованіе ихъ не могло обойтись безъ крутыхъ мѣръ; онѣ дѣйствительно были. Встрѣтивъ сильное упорство въ казакахъ и явную рѣшимость не поддаваться новому ученію, отецъ мой, по пылкости своего харак-

тера, не щадилъ ни ихъ, ни себя. Случалось, что казаки, истомленные тягостнымъ и немилосердно продолжительнымъ ученіемъ въ самые жары, падали замертво.

Наконецъ, было сформировано два орудія, и новая артиллерія уже принимала участіе въ одномъ дѣлѣ. Успѣхъ перваго участія въ дѣлѣ сильнѣе всякихъ принужденій подѣйствовалъ на казаковъ, и они охотнѣе занялись новаго рода службою.

Вскорѣ представился новый случай, показавшій всю пользу отъ введенія легкой конной артиллеріи на Кавказѣ. Главнокомандующій Булгаковъ послалъ два отряда противу горцевъ. Эти отряды, въ пылу преслѣдованія, были завлечены въ густой лѣсъ, изъ котораго не могли выбраться и въ которомъ неминуемо погибли бы. Начальники отрядовъ (не помню ихъ фамилій; одинъ изъ нихъ, кажется, назывался Багратіонъ) обратились къ отцу моему съ просьбою о помощи. Осмотрѣвъ мѣстность, отецъ мой видѣлъ, что ему трудно будетъ дѣйствовать въ такомъ густомъ лѣсу, черезъ который пролегала одна только узенькая тропинка; но онъ объявилъ, что пойдетъ съ двумя орудіями, если прикажетъ Булгаковъ.

Булгакову не хотѣлось пускать свою юную артиллерію на авось, но, убѣжденный просьбами начальниковъ отрядовъ и услышавъ отъ отца, что онъ надѣется какъ-нибудь помочь имъ, онъ наконецъ рѣшился.

Вступивъ въ лѣсъ, отецъ мой не зналъ, куда ему идти, гдѣ дѣйствовать? Неизвѣстно было, гдѣ находились русскіе, и гдѣ горцы? Тѣ и другіе разсѣялись по всему лѣсу. Чтобы собрать нашихъ и узнать положеніе дѣлъ, отецъ мой велѣлъ дать залпъ холостыми зарядами. За гуломъ залпа послышались радостные крики нашихъ. Услыхавъ выстрѣлы своей артиллеріи (у черкесовъ тогда еще не было пушекъ), они ободрились, стали кричать „ура!“ и такимъ образомъ начали собираться на свои же голоса, во-едино. Положеніе дѣлъ прояснилось. Крики „ура!“ становились все чаще и сильнѣе. Было очевидно, что наши соединились, опять погнали непріятеля, который столько же сробѣлъ отъ неожиданнаго появленія артиллеріи, сколько наши ободрились. Чтобы поддержать удачное начало, отецъ мой велѣлъ пускать ядра черезъ верхушки деревъ по тому направленію, куда удалялись крики, и самъ сталъ двигаться впередъ. Такъ онъ вышелъ на поляну, наполненную имуществомъ, скотомъ и семействами горцевъ, собранными здѣсь въ надеждѣ на безопасность. Солдаты, выведенные изъ лѣса, бросились на грабежъ, оставивъ казачьи орудія безъ всякаго прикрытія. Отцу

моему можно было опасаться, чтобы горцы, замѣтивъ его слабость, не отважились на аттаку, и потому онъ поспѣшилъ возвратиться той же дорогой, черезъ лѣсъ. Но горцы уже замѣтили его слабость, и вскорѣ стали показываться толпами на тропинкѣ, спереди и съ тыла. Это бы еще не бѣда: останавливаясь на минуту, отецъ мой обращалъ свои орудія въ обѣ стороны, и залпомъ картечью разсѣялъ сразу обѣ толпы. Предстояла другого рода опасность: горцы естественно должны были вскорѣ догадаться, что ни спереди, ни съ тыла ничего не сдѣлаютъ, но что, нападая съ боковъ и укрываясь за деревьями, они могутъ перестрѣлять хотя всю артиллерійскую прислугу. Для предупрежденія этого, отецъ мой послалъ просить, чтобы ему прислали нѣсколько солдатъ, дабы оградить себя справа и слѣва. Но этихъ нѣсколькихъ солдатъ не могли набрать, и артиллерія его гибла. Уже почти всѣ лошади и почти вся прислуга были переранены. Отецъ мой сбросилъ бурку, остался въ одномъ нижнемъ платьѣ, и самъ сталъ дѣйствовать банникомъ. Нѣсколько разъ пытался онъ отослать раненыхъ, чтобы спасти хотя ихъ, но они не хотѣли уйти: „Нѣтъ, ваше благородіе, не оставимъ тебя! не уйдемъ!“—отвѣчали они и работали черезъ силу. „Тогда,—говоритъ отецъ мой,—тогда только я понялъ, что̀ это были за люди, и сталъ раскаяваться въ своей жестокости съ ними!—Я ихъ мучилъ, морилъ, а они не хотятъ оставить меня въ такую минуту, когда имъ предстоитъ вѣрная смерть!“

Такъ продолжалъ онъ свой походъ черезъ лѣсъ, на каждомъ шагу останавливаясь для обороны, каждый шагъ запечатлѣвая кровью и какою-нибудь потерей.

Не слыша болѣе выстрѣловъ, но зная отъ возвратившихся солдатъ о затруднительномъ положеніи артиллеріи, и Булгаковъ, и всѣ въ войскѣ считали ее погибшею и сожалѣли о ней. Особенно жалѣлъ Булгаковъ, который, понимая всю пользу казачьей артиллеріи, кромѣ того очень любилъ моего отца, и теперь обвинялъ себя въ его погибели, пеняя и на отрядныхъ начальниковъ, склонившихъ къ посылкѣ артиллеріи.

Между тѣмъ, одинъ изъ пріятелей отца, кажется Марковъ, успѣлъ собрать нѣсколькихъ солдатъ, и съ ними поспѣшилъ къ нему на помощь. Помощь эта была какъ нельзя болѣе кстати. Отецъ оградилъ себя пришедшими солдатами съ боковъ, и они, отстрѣливаясь, дали ему возможность выбраться, наконецъ, изъ лѣсу. Онъ явился въ виду войска въ то самое время, когда всѣ считали его погибшимъ, и Булгаковъ плакалъ о немъ, пеняя на себя и другихъ. Завидѣвъ отца моего, идущаго впереди сво-

ихъ орудій въ окровавленной рубашкѣ, съ банникомъ въ рукѣ, Булгаковъ бросился къ нему на встрѣчу, обнялъ его и сталъ цѣловать, приговаривая: „Алкивіадъ ты мой! Алкивіадъ ты мой!"

Донося потомъ объ этомъ дѣлѣ начальству и приписывая большую часть успѣха содѣйствію артиллеріи моего отца, Булгаковъ просилъ награды ему, какъ за это дѣло, такъ и за необыкновенно быстрое образованіе казачьей артиллеріи. Награды розданы были всѣмъ, но отецъ не получилъ ничего: Аракчеевъ не забылъ его, и до сихъ еще поръ былъ дурного о немъ мнѣнія. Изъясняя Булгакову, что заслуги, приписываемыя имъ Жемчужникову, слишкомъ значительны, необыкновенны, и потому требуютъ особаго изслѣдованія,—Аракчеевъ прислалъ для такого изслѣдованія генерала Лазарева.

Тотчасъ по пріѣздѣ, Лазаревъ велѣлъ отцу моему вывести артиллерію свою на смотръ, — артиллерія выведена, отецъ мой отправился съ рапортомъ къ Лазареву, и они немедленно выѣхали.

Форма для казачьей артиллеріи еще не была утверждена; именно, еще неизвѣстно было: останутся ли при казакахъ, согласно желанію ихъ и отца нашего, шашки, или же дадутъ имъ сабли? Чтобы на всякій случай обучить ихъ сабельнымъ пріемамъ, но при томъ не иступить шашекъ, отецъ мой училъ ихъ дѣлать эти пріемы плетками. Такъ, напр., по командѣ: „Сабли вонъ!", они вынимали изъ-за пояса плетки и выставляли ихъ впередъ, какъ сабли. Разумѣется, такого рода пріемы во время ученія, были вовсе неумѣстны на смотру; и потому, предвидя, что урядникъ скомандуетъ, пожалуй, по недогадкѣ: „Сабли вонъ!", отецъ мой изъявилъ Лазареву желаніе лично представить свою артиллерію. „Не надо,—отвѣтилъ—Лазаревъ, оставайтесь при мнѣ". Дѣлать нечего, онъ остался. Между тѣмъ, опасенія его сбылись: урядникъ, едва завидѣлъ ихъ, тотчасъ загорланилъ: „Сабли вонъ!"—и казаки выставили плетки передъ глаза Лазарева. Лазаревъ, разумѣется, никакъ не ожидалъ такой встрѣчи, и началъ кричать, сердиться, не захотѣлъ ничего болѣе смотрѣть и ускакалъ домой, объявивъ, что въ тотъ же день поѣдетъ обратно въ Петербургъ, гдѣ и донесетъ, какъ встрѣчаетъ Жемчужниковъ присланныхъ отъ Аракчеева генераловъ. Никакія объясненія, ходатайства, просьбы не имѣли силы; Лазаревъ готовился къ отъѣзду.

Но тутъ опять на помощь отцу является ѳбѣдъ: Лазаревъ любилъ и поѣсть, и попить; его пригласили сдѣлать и то и другое, и онъ, нагрузившись порядкомъ, согласился осмотрѣть ка-

зачью артиллерію. Въ этотъ разъ отецъ мой командовалъ самъ, удивилъ Лазарева быстротою и знаніемъ своихъ артиллеристовъ, и привелъ его въ восторгъ: Лазаревъ расхвалилъ отца въ Петербургѣ, и отецъ мой получилъ владимірскій крестъ 4-й степени съ бантомъ за дѣйствіе его въ чеченскомъ ущельѣ 25-го мая 1810 г. [1])

Но это обстоятельство все-таки не измѣнило мнѣнія Аракчеева о немъ, и Аракчеевъ хотѣлъ-было помѣшать ему перейти корпуснымъ офицеромъ въ 1-й кадетскій корпусъ, говоря: „Жемчужниковъ еще слишкомъ молодъ, чтобы смотрѣть за другими; онъ еще сначала долженъ выучиться смотрѣть за собою".

IV.

Отецъ мой пробылъ съ 1810 по 1812 годъ корпуснымъ офицеромъ, а съ открытіемъ французской войны перешелъ въ 11-ю артиллерійскую бригаду дѣйствующей арміи, гдѣ и получилъ баттарею.

Подробностей объ участіи его въ заграничномъ походѣ не знаю; разскажу только нѣсколько анекдотовъ изъ этого времени и взятіе отца моего въ плѣнъ [2]).

Извѣстна смѣтливость русскаго народа, съ которою онъ отгадываетъ смыслъ рѣчи на иностранномъ языкѣ. Сознавая въ себѣ эту смѣтливость, русскій часто выказываетъ такую самоувѣренность въ пониманіи чужого ему языка, что нельзя вдоволь насмѣяться разнымъ происходящимъ отъ того случаямъ. Такъ, напр., однажды отецъ мой вступилъ съ своею баттареей во французское селеніе, пограничное съ Германіей. Вскорѣ по приходѣ его, къ нему явилась заплаканная женщина съ жалобой, что у нея солдаты увели корову, и что старшій изъ солдатъ, находящихся при немъ, прибилъ ее. Увѣренный въ своихъ артиллеристахъ, отецъ мой не могъ допустить, чтобы они сдѣлали какую-либо покражу, и тѣмъ болѣе, чтобы фельдфебель его, котораго онъ зналъ за отличнаго человѣка, обидѣлъ эту женщину. Однако, для изслѣдованія истины, онъ послалъ за фельдфебелемъ: „Какъ тебѣ не стыдно такъ вести себя? Ну, хорошо ли, что ты прибилъ эту женщину?!"—Виноватъ, ваше благородіе, да она сама напрашивается! У нея увели корову вонъ

[1]) Чтó было въ то время большою рѣдкостью.

[2]) Во время этой войны, кромѣ наградъ русскихъ, отецъ получилъ ордена: прусскій pour le mérite и австрійскій virtuti millitari.

тѣ, что шли передъ нами, а она все плачется на нашихъ! Я говорю ей, кажись, толково, что наши тутъ ни въ чемъ не виноваты, а она все свое, все твердитъ: ваши, ваши! Ну, грѣшный человѣкъ, я и осердился, и ударилъ ее;—что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, она на насъ клеплетъ!—Отецъ обратился къ женщинѣ,—та опять въ слезы, безпрестанно твердя: „une vache, une vache!“ —Ну, слышите, ваше благородіе,—вскричалъ, разсердясь, фельдфебель:—что ни говори ей, а она все свое! Я те говорю, что это не наши! Это вонъ тѣ! слышь ты,—тѣ, что шли впереди, а не наши!—„Une vache, une vache!“—Нѣтъ не наши, врешь ты—не наши! Наши только-что пришли: кабы они взяли, такъ куда же бы имъ дѣть ее?! Врешь ты, не наши! Да уймите ее, ваше благородіе,—что она клеплетъ на насъ; наши никогда не воруютъ!

Разъ, въ Германіи, нѣсколько человѣкъ русскихъ солдатъ хотѣли перейти черезъ рѣку; но куда они ни сунутся, вездѣ глубоко; увидѣвъ на другомъ берегу нѣмца, они начали кричать: „Эй, колбасникъ! колбасникъ, эй, ты!“ Наконецъ тотъ услышалъ и остановился, подойдя къ водѣ съ противоположной стороны“: „Какъ тутъ перейти?“—спрашиваютъ его солдаты по-русски. Нѣмецъ не понимаетъ.—„Ну, гдѣ тутъ, вотъ черезъ рѣку перейти можно?“—продолжаютъ русскіе, стараясь пояснить свой вопросъ знаками. Нѣмецъ все не понимаетъ. „Эка нѣмецкая голова!“—сказалъ одинъ солдатъ съ досадой, и, вынувъ изъ-за пазухи хлѣбъ, показываетъ его нѣмцу: „Ну, вишь ты, вѣдь это тутъ, въ рѣкѣ, гдѣ здѣсь *бродъ?*“—Но нѣмецъ не понялъ вопроса даже и съ такимъ поясненіемъ, несмотря на неоднократное его повтореніе.

По вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Франціи, находясь подъ начальствомъ генерала Сенъ-При, отецъ мой участвовалъ съ своею батареей въ занятіи Реймса и въ происходившемъ подъ Реймсомъ сраженіи съ Наполеономъ. Приходъ Наполеона къ Реймсу, какъ извѣстно, былъ совершенно неожиданъ; Сенъ-При не хотѣлъ вѣрить, чтобы приближающееся къ городу французское войско было многочисленно, и не принималъ никакихъ мѣръ. Пруссаки, настигнутые врасплохъ, были разбиты въ пухъ. Сенъ-При выслалъ для отраженія непріятеля незначительныя силы, въ числѣ которыхъ была и баттарея моего отца, расположенная за городомъ на пригоркѣ. Сборъ русскихъ солдатъ былъ не легокъ; городскіе жители, предувѣдомленные о нападеніи Наполеона, постарались такъ употчивать нашихъ солдатъ, что тѣ никуда не годились. Напоивъ ихъ до-

пьяна, горожане еще и на дорогу дали имъ по бутылкѣ коньяку. Отецъ мой изо всей баттареи могъ набрать трезвую прислугу только для двухъ орудій, всѣхъ же пьяныхъ немедленно уложилъ спать. Стоя на пригоркѣ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что изъ-за ближайшей деревни обходятъ его значительныя непріятельскія силы, о чемъ и поспѣшилъ увѣдомить Сенъ-При.

Генералъ самъ пріѣхалъ къ его баттареѣ и отрядилъ въ эту деревню незначительную часть конницы, все еще не довѣряя непріятельской силѣ; но вскорѣ, однако, посланный имъ конный отрядъ былъ вытѣсненъ изъ деревни и, преслѣдуемый французами, пронесся съ криками: „спасайся, спасайся!“ мимо отцовской баттареи къ городу. Слѣдуя за нимъ по пятамъ, многіе изъ французовъ въѣхали въ городскія ворота и частью погибли въ уличной рѣзнѣ, частью поспѣшили возвратиться къ своимъ.

Вслѣдъ за этимъ, со стороны той же самой деревни стали показываться густыя тучи непріятельской конницы. Подступая ближе и ближе, она собиралась въ аттаку на баттарею моего отца, который велѣлъ зарядить пушки картечью и, усиливъ себя проспавшимися артиллеристами, запретилъ палить до команды, и спокойно выжидалъ приближенія непріятеля; подпустивъ его почти подъ самыя пушки, онъ скомандовалъ: „*Пли!*“—и конница, осыпанная градомъ картечи, смѣшалась и попятилась назадъ. Начальствовавшій ею полковникъ собралъ оробѣвшихъ и съ крикомъ: „en avant!“—вновь бросился въ аттаку, запальчиво махая саблею и несясь впереди своего войска, которое далеко отъ него отстало. Выждавъ опять время, отецъ мой скомандовалъ: „Пли!“—и снова разсѣялъ конницу, но съ тою разницею, что теперь, за смертью скакавшаго впереди неосторожнаго полковника, уже нѣкому было останавливать бѣгущихъ.

Эта конница состояла изъ итальянцевъ. Послѣ такой дважды неудачной попытки, французы открыли пушечный огонь по баттареѣ отца, и одно изъ первыхъ непріятельскихъ ядеръ поразило Сенъ-При, только-что подъѣхавшаго вновь къ баттареѣ. Отецъ велѣлъ привязать его на орудіе и отвезти въ городъ. Со смертью Сенъ-При дѣла пошли хуже; скоро началось общее бѣгство. Стоя до-нельзя на своемъ посту, наконецъ и отецъ мой принужденъ былъ двинуться къ городу. Послѣднимъ изъ полковъ, вступившихъ въ городъ, былъ рязанскій, состоявшій подъ начальствомъ Скобелева; принявъ въ свое карè умирающаго Сенъ-При, Скобелевъ отступалъ медленно, стройно и грозно.

Первой заботой моего отца, по вступленіи въ городъ, было отыскать прочія свои орудія. Отыскивая ихъ, онъ увидѣлъ своего офицера, выслужившагося изъ солдатъ (не помню фамилію), который сидѣлъ близъ городскихъ воротъ и плакалъ, между тѣмъ какъ ему перевязывали отрубленную руку.—Что это ты плачешь? А гдѣ же орудія?—Бѣда!—отвѣчалъ тотъ со слезами,—остались тамъ, за̀ городомъ!..—Какъ такъ?—Эти скоты, пруссаки, спасаясь отъ француза, отрѣзали постромки у своихъ орудій, сами ускакали на лошадяхъ, а пушками такъ загородили ворота, что не было ни прохода ни проѣзда. Я думалъ-было ихъ растаскивать, но какъ наскакали французы, едва-едва и самъ-то успѣлъ убраться, и еще потерялъ руку, пролѣзая подъ пушками!..

V.

Потеря орудія было дѣло нешуточное. — Что̀ же тутъ дѣлать?—сказалъ отецъ мой:—надо ихъ возвратить!—и поѣхалъ шагомъ, раздумывая, какъ бы помочь дѣлу? Въ это время они встрѣтили Бистрома:—Что̀ съ тобой, Жемчужниковъ? съ чего ты нахмурился?—Да бѣда, братъ, орудіе потерялъ! Помоги какъ нибудь! нельзя ли отбить? Вотъ здѣсь за воротами!—Да какъ тутъ отобьешь? Плохо, братъ, плохо!.. Попытаемся! Эй, охотники!—Собралось нѣсколько человѣкъ охотниковъ, отгребли заваленныя ворота, закричали „ура!“ и бросились изъ города. Но французы встрѣтили ихъ такими залпами, что они поспѣшили воротиться; и ворота вновь закрылись.

Какъ тутъ быть? Дѣлать нечего,—пришлось отказаться отъ своего орудія. Опечаленный этимъ происшествіемъ, отецъ мой, сопровождаемый двумя своими офицерами,—упомянутымъ безрукимъ и нѣмцемъ Унгернъ-Штернбергомъ,—печально выѣхалъ изъ города, намѣреваясь догнать свою баттарею, которая уже ушла съ главнымъ войскомъ. Давно смеркалось; темь была такая, что они не видѣли лицъ другъ друга. Ѣдучи рядомъ, шажкомъ, они разговаривали о своемъ несчастіи и о томъ, тою ли ѣдутъ дорогою, какъ вдругъ имъ показалось, что кто-то несется на встрѣчу. Полагая, что это прусская конница, они продолжали путь. Мимо нихъ пронесся стрѣлою всадникъ въ бѣломъ плащѣ и вслѣдъ за нимъ поскакалъ Унгернъ-Штернбергъ, не сказавъ товарищамъ ни слова. Вскорѣ по тому же направленію пролетѣлъ и другой бѣлый плащъ. Все это сдѣлалось мигомъ. Бѣлыхъ всадниковъ они сочли за прусскихъ, но удаленія Штерн-

берга никакъ не могли понять. Проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, они услышали возгласъ около себя:—Wer da?—Такъ, это пруссаки,—подумалъ отецъ и отвѣтилъ:—Die Russen!—Едва произнесъ онъ эти слова, какъ нѣсколько верховыхъ окружили его со спутникомъ и схватили лошадей ихъ подъ уздцы: —Z konia!—раздался повелительный голосъ, и они только теперь догадались, что попали въ руки польскаго разъѣзда! Сопротивляться было безполезно, бѣжать невозможно, и они послушно слѣзли съ коней. Польскій уланъ, взявшій въ плѣнъ отца моего, потребовалъ денегъ. Отецъ отдалъ ему кошелекъ.—Ile tu w woreczku?—спросилъ уланъ, взвѣшивая кошелекъ на ладони.—Сто червонцевъ.—Dobrze!—и повели ихъ на допросъ къ какому-то французскому генералу.

Во время разговора отца моего съ этимъ французскимъ генераломъ, его вызвали въ сѣни, объявивъ, что съ нимъ желаетъ видѣться полонившій его уланъ. Отецъ вышелъ:—Что такое?—Ot, masz dwa czerwonych złotych, zachowaj je dobrze, aby nikt nie widział, za halsztuk!—и ушелъ. Какъ ни грустенъ былъ мой отецъ, но не могъ не улыбнуться при этомъ странномъ великодушіи поляка, который изъ ста червонцевъ возвратилъ ему два, заботясь о будущихъ его нуждахъ. Замѣтивъ улыбку моего отца, французскій генералъ спросилъ у него, зачѣмъ вызвалъ его уланъ, и, выслушавъ разсказъ, воскликнулъ:—Ah! c'est un brave homme! [1])

По взятіи Парижа, отецъ мой былъ освобожденъ изъ плѣна и обратный походъ въ Россію совершилъ, начальствуя своей баттареей [2]). Проходя черезъ Пруссію, отецъ мой вывезъ оттуда Булгарина. Булгаринъ, извѣстный писатель, другъ Греча, воспитывался также, какъ и отецъ, въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ всегда отличался шалостями и ненавистью къ русскимъ. Онъ еще тамъ часто повторялъ, что воспользуется первымъ случаемъ, чтобы „пустить русскую кровь“. По выходѣ изъ корпуса, Булгаринъ вскорѣ долженъ былъ оставить полкъ, по волѣ офицеровъ, и удалился на родину, въ царство польское. Тамъ тогда вербовалось войско для Наполеона, и онъ былъ при-

---

[1]) Во время своего плѣна, отецъ терпѣлъ большую нужду во всемъ и совершенно износилъ свое бѣлье и платье; прося однажды пристанища, онъ былъ прогнанъ со словами: „Vas-t-en, vagabond“! Нашелся и такой, который не только его принялъ, но приготовилъ ванну, бѣлье, платье. Старое бѣлье отецъ бросилъ въ огонь.

[2]) Въ баттареѣ встрѣтилъ его деньщикъ его Дій и вручилъ ему большой свертокъ золота, который онъ выигралъ въ банкъ и не успѣлъ взять по случаю тревоги.

нять рядовымъ. Съ этимъ войскомъ Булгаринъ участвовалъ во всѣхъ европейскихъ войнахъ Наполеона и въ томъ числѣ въ испанской. По изгнаніи Наполеона изъ Россіи, Булгаринъ, вмѣстѣ съ другими поляками, дрался противъ русскихъ. Въ эту кампанію онъ попался въ плѣнъ къ пруссакамъ и, при возвращеніи русскихъ войскъ изъ-за границы, въ Берлинѣ, увидѣлъ моего отца, явился къ нему, какъ къ своему бывшему товарищу по корпусу, разсказалъ все откровенно и просилъ вывезти его въ Россію. Отецъ мой исполнилъ его просьбу.

VI.

Послѣ кампаніи за границей, отецъ мой квартировалъ съ своею баттареей въ западной Россіи, переходя изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко [1]).

Въ Слонимѣ отецъ мой желалъ представиться Аракчееву, брату знаменитаго. Ходя по улицѣ, онъ услышалъ вдали стонъ.— „Гдѣ живетъ генералъ Аракчеевъ?“ — „Въ домѣ, что̀ напротивъ, ваше высокородіе“.—Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ указанному дому, тѣмъ явственнѣе становились стоны. Наконецъ, можно было разобрать умоляющіе возгласы:—„Пощадите! Ваше превосходительство! Батюшка! Простите! Пощадите!“—Вслѣдъ за этими стонами послышался какой-то дико-злобный, задыхающійся голосъ: —„Сдѣлай милость, не проси! не проси! Пожалуйста, не проси!“ За этими словами и умоленіями послышался какой-то глухой стукъ, довольно частый. „Что̀ за странность?!“—подумалъ отецъ. Сильно любопытствуя узнать, что̀ происходитъ въ домѣ, онъ вошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ ту комнату, откуда слышались стоны: Глазамъ его представилась картина временъ Іоанна Грознаго: двое держали одного человѣка за вытянутыя въ стороны руки;

[1]) Къ сожалѣнію, немало утеряно изъ черновыхъ записокъ моего брата Владиміра. Въ числѣ утратъ сохранились нѣсколько строкъ весьма интересныхъ и характерныхъ. Дѣло идетъ о смерти кн. Радзивилла. Оставшійся разсказъ оканчивается такъ:

„За Тучковымъ шелъ братъ Аракчеева, въ отрядѣ котораго былъ отецъ мой. Онъ самъ видѣлъ, какъ изъ подвала вытаскивали и носили къ Аракчееву серебряныя старинныя корзины, ложки и т. п. Наконецъ, присланные отъ Кутузова запечатали эту бездонную сокровищницу. Кѣмъ и для кого она расхищена—не знаю. Но знаю то (такъ говорилъ мой отецъ), что ни одинъ изъ расхищавшихъ добро кн. Радзивилла не подумалъ объ его погребеніи. Между тѣмъ, чтобы пройти въ склепы съ сокровищами кн. Радзивилла, надобно было проходить мимо гроба съ его тѣломъ“.

другіе били его палками. Онъ мучился и стоналъ: „Пощадите, ваше превосходительство! Батюшка! Простите! Пощадите!“ Передъ этимъ мученикомъ стоялъ на колѣняхъ человѣкъ средняго роста; на немъ была шерстяная фуфайка; онъ отвѣчалъ на жалобные стоны мученика дикими, задыхающимися стонами: „Сдѣлай милость, не проси! не проси! пожалуйста, не проси! дай мнѣ убить тебя! Дай мнѣ замучить тебя! Сдѣлай милость, не проси!“ Въ человѣкѣ, стоявшемъ на колѣняхъ, отецъ мой узналъ Аракчеева, и захлопнулъ дверь. Не имѣя необходимости представляться Аракчееву, онъ пошелъ отыскивать его адъютанта. Адъютантъ сидѣлъ на гауптвахтѣ. Отецъ мой пришелъ къ нему: „Лучше не представляйтесь генералу,—сказалъ адъютантъ:—онъ такой скверный человѣкъ, такой взбалмошный! Ни съ того, ни съ сего, пожалуй, разсердится на васъ и посадитъ на гауптвахту, какъ меня“.—„А за что̀ онъ посадилъ васъ?“—„Ему надо было ѣхать явиться къ Паскевичу, онъ одѣлся въ мундиръ и уже былъ готовъ. Въ это время, за какую-то бездѣлицу, разсердился на писаря и началъ его бить. Тотъ долго терпѣлъ; наконецъ, отвернулся и пустился бѣжать; Аракчеевъ—за нимъ въ парадномъ мундирѣ. А я долженъ былъ бѣжать за Аракчеевымъ; такъ мы бѣжали часть города, лазая черезъ заборы, по развалинамъ домовъ, въ глазахъ всѣхъ жителей. Наконецъ, писарь вскарабкался на печку развалившагося дома. Аракчеевъ нагналъ его въ это время и уже хотѣлъ самъ лѣзть на печь за писаремъ, но я, жалѣя писаря, удержалъ Аракчеева за фалду. Этимъ я спасъ писаря, который успѣлъ убѣжать, и за это я посаженъ на гауптвахту“.—„Если такъ,—сказалъ отецъ мой,—то я разскажу вамъ, что̀ я видѣлъ въ домѣ Аракчеева. Я уже заходилъ къ нему; но не хотѣлъ вамъ сказывать прежде“... Отецъ мой разсказалъ ему все имъ видѣнное. Догадавшись по описанію, что Аракчеевъ билъ того самаго писаря, за которымъ гонялся, адъютантъ вскричалъ: „Ну, несчастный! Вѣдь Аракчеевъ убьетъ его!!...“.

VII.

Отецъ мой, стоя въ 1819 году близъ Гомеля въ одномъ изъ имѣній графа Разумовскаго, познакомился съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ Разумовскимъ и дѣтьми его—Перовскими, особенно съ Алексѣемъ, впослѣдствіи бывшимъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа, и съ Ольгой Перовской, на которой женился вскорѣ по выступленіи баттареи изъ имѣнія графа Разумовскаго.

Послѣ женитьбы отецъ мой вышелъ въ отставку, и жилъ то въ Почепѣ у графа А. К. Разумовскаго, то въ Москвѣ, то въ своей деревнѣ елецкаго уѣзда—Павловкѣ. Въ 1829 году онъ былъ произведенъ въ полковники и затѣмъ, по предложенію Бенкендорфа, былъ назначенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ генералъ-гевальдигеромъ дѣйствующей арміи въ 1831 году.

Съ Дибичемъ отецъ мой ладилъ совершенно, съ Толлемъ ссорился нерѣдко, съ Паскевичемъ — изрѣдка. По мнѣнію отца моего, котораго, впрочемъ, я ни разу отъ него самъ не слышалъ, но вывожу то изъ его разсказовъ, причиною успѣховъ Паскевича былъ Дибичъ, а причиною скораго окончанія войны — Толль. Дибичъ въ послѣднее время не могъ предпринять ничего важнаго по недостатку припасовъ; когда же онъ умеръ, а припасы, между тѣмъ, по распоряженію его же, уже были подвезены, главнокомандующимъ назначили Паскевича. До взятія Варшавы, Паскевичъ былъ очень нерѣшителенъ, черезчуръ остороженъ (осторожность, по мнѣнію отца моего, составляла главное его достоинство), то подходилъ къ Варшавѣ, то отходилъ отъ нея, не начиная приступа, вопреки желанію войска, настояніямъ графа Толля и желанію большинства начальниковъ. Приступъ былъ совершонъ по плану Толля. Въ день приступа Паскевичъ выѣхалъ закутанный, сгорбленный, скучный, будто больной, какъ бы съ цѣлью навести уныніе на войско. Началомъ приступа распоряжался Толль,—имъ сдѣлано было главное, и тогда Паскевичъ явился бодрый, живой, ибо уже нельзя было опасаться неудачи.

По взятіи Варшавы, отецъ мой назначенъ былъ генералъ-полиціймейстеромъ города; въ первое время Паскевичъ требовалъ отъ отца всего того, что̀ привыкли требовать отъ жандармовъ, т.-е. шпіонства, наушничества, и, не видя этого, нерѣдко высказывалъ неудовольствіе. Наконецъ, слѣдующій случай доставилъ имъ возможность узнать другъ друга ближе. Замѣчая эти унизительныя требованія отъ должности генералъ-полиціймейстера, отецъ мой рѣшился просить увольненія, и съ этою цѣлью пришелъ въ пріемную залу князя Варшавскаго поутру, во время пріема просителей. Объясниться съ княземъ объ этомъ личномъ своемъ дѣлѣ въ другое время, напр. ночью, при докладѣ (князь всѣ доклады принималъ ночью), казалось отцу моему неумѣстнымъ. Едва вступивъ въ пріемную, князь тотчасъ же замѣтилъ моего отца, и попросилъ его выйти; а по окончаніи пріема просителей—послалъ звать его къ себѣ. Отецъ мой пришелъ, и князь встрѣтилъ его слѣдующимъ вопросомъ:—Вы за-

чѣмъ приходили тогда въ пріемную?" Отецъ мой отвѣтилъ ему, что считалъ это время болѣе удобнымъ для объясненія по своему дѣлу. На это князь сказалъ слѣдующее: „Покорнѣйше прошу на будущее время не являться во время пріемовъ просителей! Вы думаете, я не знаю, зачѣмъ вы сюда присланы? Но я не дозволю, чтобы за мною подсматривали и наблюдали!" и проч., и проч. Зная пылкій нравъ моего отца, я едва могу понять, какъ онъ могъ удержаться отъ какой-нибудь дерзкой выходки, и съумѣлъ ограничиться только слѣдующимъ отвѣтомъ [1]).—„Ваше сіятельство, еслибы вы знали меня хотя немного болѣе, то никогда бы не позволили себѣ сказать то, что̀ я сейчасъ принужденъ былъ выслушать! Чтобы исполнять такую обязанность, какую вы мнѣ приписываете, я долженъ былъ бы родиться подлецомъ и глупцомъ, потому что тотъ, разумѣется, дуракъ, не только подлецъ, кто, имѣя дѣтей, согласился бы, ради выгодъ служебныхъ, порочить свое имя. Но что ко мнѣ нельзя отнести ни того, ни другого, въ этомъ ручается моя жизнь, поручатся всѣ тѣ, которые знаютъ меня хоть немного болѣе вашего сіятельства, и, наконецъ, это доказываетъ самая просьба моя объ отставкѣ, съ которой я намѣренъ былъ обратиться къ вашему сіятельству сегодня поутру".

Князь Варшавскій—человѣкъ вспыльчивый, но добрый, тотчасъ же почувствовалъ всю несправедливость причиненной имъ отцу моему обиды,—видимо смѣшался, отвернулся къ окну, побарабанилъ въ стекло, желая выиграть время, чтобы поуспокоиться, и потомъ обратился къ отцу, разспрашивая его съ участіемъ о положеніи семейныхъ его дѣлъ, числѣ дѣтей и достатка и т. п. Съ этихъ поръ они уже не ссорились, потому что поняли другъ друга; но вскорѣ отецъ мой, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ своей должности, и, если не ошибаюсь, съ какимъ-то вспомоществованіемъ, по просьбѣ Паскевича [2]).

Еще до своего увольненія, отецъ мой имѣлъ случай сдѣлаться героемъ одного обѣда у фельдмаршала. Разъ, во время обѣда, фельдмаршалъ, говоря о своихъ подвигахъ въ Малой Азіи, отнесся съ похвалою о казачьей артиллеріи и выразилъ желаніе узнать ея исторію. Тотчасъ же явилось нѣсколько охотниковъ удовлетворить этому желанію, и каждый изъ нихъ сталъ выво-

[1]) Я не помню словъ его въ точности, но передаю только ихъ смыслъ. В. Ж.

[2]) За ревностную службу, отличное мужество и храбрость въ дѣлахъ отецъ получилъ ордена: св. Анны 2-й ст. съ короною, св. Владиміра 3-й ст. и св. Станислава 2-й ст., что̀ тогда считалось особеннымъ отличіемъ.

дить ея исторію по-своему. Отецъ мой, узнавъ, о чемъ идетъ дѣло, обстоятельно разсказалъ, какъ эта артиллерія была сформирована, какіе были первые ея подвиги и проч. Всѣ слушали его со вниманіемъ, а по окончаніи разсказа фельдмаршалъ спросилъ: „Но почему же вы знаете это во всѣхъ подробностяхъ?“ — „Потому, — отвѣчалъ отецъ мой, — что сформировалъ ее я самъ!“ Тогда фельдмаршалъ предложилъ выпить за его здоровье, сказавъ: „Если такъ, то позвольте выпить за ваше здоровье, потому что значительною частью моихъ успѣховъ въ персидской войнѣ я обязанъ превосходному состоянію казачьей артиллеріи!“

VIII.

Въ 1832 году отецъ мой былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Кострому. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ являлся къ государю Николаю Павловичу. Послѣ небольшого разговора онъ готовился уйти и уже откланялся, когда государь вернулъ его съ слѣдующими словами: — „Жемчужниковъ, постой! На прощанье я разскажу тебѣ арабскую сказку. Слушай ее со вниманіемъ! При жизни и царствованіи покойнаго моего брата, Александра I, костромской раскольникъ, *купецъ Папулинъ*, испросилъ позволеніе устроить близъ города Судиславля богадельню на двѣнадцать человѣкъ. Богадельня была устроена и, по смерти Папулина, перейдетъ, по собственному его желанію, въ приказъ общественнаго призрѣнія. По вступленіи моемъ на престолъ, я узналъ, что въ этой богадельнѣ содержится не двѣнадцать, а нѣсколько сотъ человѣкъ, что она устроена въ лѣсу, въ видѣ замка, съ подземными ходами, и въ ней скрывается много безпаспортныхъ и бѣглыхъ. Узналъ я это случайно: многіе изъ причастныхъ къ заговору 14-го декабря направились туда, чтобы скрыться, и были пойманы. Я призвалъ къ себѣ рано поутру Закревскаго (министра внутреннихъ дѣлъ) и шефа жандармовъ. Мы втроемъ разсуждали въ этой комнатѣ о томъ, какія принять мѣры, чтобы захватить всѣхъ бѣглыхъ, скрывающихся въ этой богадельнѣ, и рѣшили тѣмъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, сохраня все это дѣло въ тайнѣ, отправили немедленно, каждый, по одному чиновнику въ Судиславль. Въ 10 часовъ утра они вышли отъ меня — въ 12 часовъ пополудни я уже получилъ отъ нихъ донесеніе, что выбранные ими чиновники выѣхали изъ Петербурга. Скорѣе этого ужъ, кажется, и требовать невозможно. Не правда ли? Но

участники раскола Папулина успѣли провѣдать о моемъ распоряженіи, и чиновники, по пріѣздѣ въ Судиславль, нашли замокъ пустымъ со свѣжими слѣдами недавнихъ жильцовъ и съ глухой и полунѣмой старухой, которая ничего не могла разсказать, хотя бы и хотѣла; остальные скрылись; слѣдовательно, они были извѣщены о скоромъ пріѣздѣ чиновниковъ. Съ тѣхъ поръ прошло около пяти лѣтъ, но это дѣло, *несмотря на мое личное въ немъ участіе*, нисколько не подвинулось. Вотъ *арабская* сказка, которую я хотѣлъ тебѣ разсказать на прощанье. Теперь ты ѣдешь въ Кострому губернаторомъ, и я поручаю тебѣ заняться этимъ дѣломъ и принимать мѣры, какія тебѣ заблагоразсудятся. Прощай! Дѣйствуй благоразумно и осторожно!"

По пріѣздѣ въ Кострому, отецъ мой принималъ чиновниковъ и гражданъ, къ нему являвшихся. Въ числѣ ихъ былъ и купецъ Папулинъ—почтенный старикъ съ умными, проницательными глазами. Отецъ мой обошелся съ нимъ сухо и не говорилъ ни слова. Между тѣмъ, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ судиславской богадельней, Папулинъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, самъ испросилъ назначеніе отдѣльнаго полиціймейстера съ командой солдатъ, для надзора за проживающими въ его богадельнѣ людьми. Отецъ мой призвалъ къ себѣ бывшаго тогда полиціймейстера Небольсина, и встрѣтилъ его слѣдующимъ вопросомъ:—Будете ли вы говорить со мной откровенно?—Полиціймейстеръ Небольсинъ молча поклонился. —Представьте себѣ, что вы говорите не съ губернаторомъ, а съ Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ: будете ли вы говорить со мной откровенно?—Съ удовольствіемъ.—Если такъ, то скажите мнѣ по правдѣ, сколько человѣкъ въ настоящее время живетъ въ богадельнѣ, находящейся подъ вашимъ надзоромъ?—Не могу вамъ опредѣлить число ихъ съ точностью, потому что я въ ней никогда не бывалъ; но будетъ человѣкъ до трехъ сотъ.—Почему же вы, приставленные именно для надзора за проживающими въ этой богадельнѣ людьми, никогда въ ней не бывали и, зная положеніе, по которому въ этой богадельнѣ дозволено жить только двѣнадцати человѣкамъ, дозволяете проживать въ ней тремъ стамъ человѣкамъ, совершенно вамъ неизвѣстнымъ?—Разсудите сами, ваше превосходительство, что̀ мнѣ дѣлать? Я человѣкъ семейный и бѣдный, получаю отъ Папулина содержаніе и живу въ довольствѣ, пока оставляю его въ покоѣ! Если бы я сталъ исполнять свою обязанность какъ слѣдуетъ, то подвергся бы той же участи, какая предстоитъ теперь моему предмѣстнику: онъ добросовѣстно занялся своею должностью, и за

то получилъ отставку, да еще отданъ подъ судъ; дѣло его будетъ у васъ. Вы сами увидите, что онъ невиненъ; но обвиненія подведены такъ искусно, что, при всемъ желаніи вашемъ спасти его, вы не въ состояніи будете его оправдать и непремѣнно рѣшите, чтобы впредь его къ подобнымъ должностямъ не опредѣлять! Онъ пропалъ навѣрное, но онъ человѣкъ безсемейный; а у меня есть семейство. Если я пропаду, то со мной пропадетъ и семья моя. А теперь я счастливъ и спокоенъ!.. Къ тому же, — продолжалъ Небольсинъ, — къ этой раскольничьей сектѣ принадлежатъ не только тѣ, которые живутъ у Папулина въ богадельнѣ, но и многіе изъ вашей канцеляріи, многіе изъ канцеляріи министра внутр. дѣлъ, шефа жандармовъ и другіе. Агентовъ въ Петербургѣ у нихъ множество. Прежде чѣмъ сюда пришла вѣсть о вашемъ назначеніи въ Кострому, Папулинъ уже узналъ о томъ и отправился въ Петербургъ. Тамъ онъ оставался до вашего отъѣзда и ѣхалъ вслѣдъ за вами. Онъ возвратился изъ Петербурга веселый и говорилъ мнѣ, что при васъ ему будетъ еще лучше; что за него ходатайствуетъ передъ вами одно важное лицо, отъ котораго вы найдете письмо при самомъ пріѣздѣ вашемъ въ Кострому... (Пріѣхавъ въ Кострому, отецъ мой дѣйствительно нашелъ у себя письмо *отъ одного весьма важнаго лица*). Но послѣ того, какъ онъ представлялся вамъ, онъ сталъ невеселъ и жалуется на вашъ сухой пріемъ [1]).

—Изъ этого вы можете убѣдиться, что я не принадлежу къ его сектѣ,—сказалъ, шутя, отецъ мой,—и поэтому, надѣясь на меня, вы должны немедленно приступить къ отправленію своей должности. Разузнайте сначала, кто живетъ у Папулина... Но сколько нужно вамъ времени для этого?—Недѣли двѣ, отвѣтилъ Небольсинъ.—Такъ разузнайте, кто у него живетъ, и потомъ всѣхъ безпаспортныхъ присылайте ко мнѣ въ острогъ, а остальныхъ вышлите вонъ. Не опасайтесь ничего; я васъ буду защищать и вамъ содѣйствовать. Прощайте...

Черезъ недѣлю Небольсинъ началъ уже присылать безпаспортныхъ; острогъ наполнился [2]). Но въ это время отецъ мой по-

---

[1]) Впослѣдствіи дѣло о бывшемъ полиціймейстерѣ папулинской богадельни дѣйствительно поступило къ М. Н. Жемчужникову, и предсказаніе Небольсина исполнилось въ точности.

[2]) Когда началась присылка безпаспортныхъ изъ богадельни, отецъ мой получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Блудова, письмо, въ которомъ онъ просилъ отца моего прекратить дѣло, ссылаясь на жалобу Папулина, что „Жемчужниковъ своими распоряженіями лишаетъ его возможности поддерживать богадельню съ должною опрятностью. Хотя и предписано ему содержать въ ней не болѣе двѣнадцати человѣкъ, но такъ какъ она назначается для немощныхъ и стариковъ, то для ухажи-

лучилъ извѣстіе о постигшемъ его несчастіи—смерти жены! Онъ оставилъ службу и поспѣшилъ въ свою деревню (въ орловской губерніи), къ осиротѣвшимъ дѣтямъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда мой отецъ былъ уже петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, къ нему является Небольсинъ:—„Ну, какъ у васъ идетъ дѣло Папулина?“—„Съ назначеніемъ новаго губернатора на ваше мѣсто, оно остановилось, *и мнѣ по прежнему хорошо*“,—отвѣтилъ Небольсинъ.

IX.

Въ бытность свою губернаторомъ въ Костромѣ, отецъ мой поѣхалъ ревизовать *городъ Буй*. Это бѣдный городъ, безъ всякой промышленности.—Чѣмъ вы, братцы, промышляете?—спросилъ мой отецъ явившихся къ нему гражданъ.—Да ничѣмъ, батюшка.—Какъ ничѣмъ? Ну, вотъ эти калачи, вѣдь, здѣшніе?—Нѣтъ, батюшка, изъ Костромы привозимъ.—То же они отвѣчали и на другіе вопросы.—Чѣмъ же вы кормитесь? Нельзя же кормиться безъ всякаго промысла!—Лѣсъ продаемъ.—Стало быть, вы торгуете лѣсомъ? - Что же, сами ли отвозите въ Кострому, или купцы сюда пріѣзжаютъ? Гдѣ вы рубите лѣсъ?—Мы не рубимъ его. А вотъ повыше насъ лѣсъ сплавляютъ по Волгѣ, а какъ вода-то поднимется, его къ намъ и заноситъ, а мы ждемъ только у бережка, да ловимъ его; а потомъ въ Кострому отправляемъ.—Почему же это вы такъ бѣдно живете, что ни промысловъ нѣтъ у васъ, ни торговли? — Да ужъ такой мы, батюшка, народъ-то *проклятой*!—Какъ такъ?—Да еще царь Иванъ Васильевичъ, когда изъ-подъ Казани черезъ нашъ городъ шелъ, то прогнѣвался на насъ и въ сердцахъ проклялъ Буй, — сказалъ: „пусть будетъ на тебя проклятіе мое на вѣчное время“!—Съ тѣхъ поръ все пошло не ладно, всѣ промыслы, всякая торговля у насъ прекратились, и съ тѣхъ поръ мы такъ вотъ и живемъ: проклятой мы народъ, батюшка...

Въ Буѣ къ отцу моему явился одинъ дворянинъ. Лицо у него было русское, но отъ зачесанныхъ назадъ волосъ, заплетенныхъ въ косу, оно походило на нѣмецкое.—Честь имѣю представиться вашему превосходительству,—сказалъ онъ:—дворянинъ здѣшняго уѣзда Х—ъ.—Вы служили прежде?—Какъ же! Былъ здѣсь городничимъ въ проѣздъ государя Павла Петровича изъ

ванія за ними и для присмотра за самою богадельней необходимо большое количество прислуги, что безъ этой прислуги заведеніе его, пожертвованное въ приказъ общественнаго призрѣнія, придетъ въ разстройство“.

Казани.—А! такъ вы, вѣроятно, не откажетесь разсказать мнѣ нѣкоторыя подробности о пребываніи здѣсь государя Павла Петровича?—Извольте, ваше превосходительство. Долго здѣсь ожидали государя; наконецъ въѣхали въ нашъ городъ передовые экипажи, и въ числѣ ихъ телѣга, наполненная шпагами, отнятыми Павломъ Петровичемъ у городничихъ, имъ арестованныхъ. Признаюсь, такой авангардъ напугалъ меня. Скоро въѣхалъ въ городъ и самъ государь. Я ожидалъ его у заставы, чтобы представить рапортъ о благополучномъ состояніи города. Но его величество проѣхалъ черезъ заставу не останавливаясь. Я поспѣшилъ къ квартирѣ государя, но и тутъ не успѣлъ. Его величество, не поздоровавшись съ собравшимся народомъ, вбѣжалъ въ домъ. Что̀ тутъ дѣлать? Я къ Ник. Ив. Панину:—Честь имѣю явиться вашему сіятельству,—доложилъ я,—городничій здѣшняго города; не успѣвъ подать рапортъ его имп. величеству у заставы и при выходѣ изъ экипажа, я желалъ бы теперь явиться его имп. вел.—Я не доложу,—отвѣтилъ Панинъ.—Его имп. величество, можетъ, гнѣваться будутъ? — Оттого и не доложу, что желаю васъ спасти отъ гнѣва его величества.—Странно,—думалъ я, и, выйдя отъ его сіятельства, пошелъ разспрашивать другихъ; говорятъ: государь теперь сердитъ. — Но онъ принимаетъ рапорты отъ городничихъ?—Отъ однихъ принимаетъ, говорятъ, а другихъ арестуетъ.—Что̀ тутъ дѣлать? На что̀ рѣшиться? Я опять пошелъ къ его сіят. Ник. Ив. Панину, говорю:—Ваше сіятельство! Его величество не будутъ гнѣваться, если я теперь не явлюсь?—Не знаю.—Такъ я бы ужъ лучше желалъ явиться теперь. — Ступайте, если хотите, а я не доложу!—Я собрался съ духомъ и отправился. У меня была коса длинная, волосы зачесаны назадъ, какъ теперь. Съ тѣхъ поръ я иначе не чесался.—Я отворилъ дверь и увидѣлъ передъ собою Павла Петровича:—Что̀ тебѣ надо? Кто ты?—спросилъ государь, надувая щеки, какъ будто отъ мороза и отдуваясь (это была его привычка).—Городничій, ваше имп. величество, честь имѣю донести, что въ городѣ Буѣ все благополучно.—А какая это женщина подавала мнѣ просьбу у заставы? — спросилъ государь.—Я, признаться, и не замѣтилъ этой женщины; но передъ Павломъ Петровичемъ правды не говорили.—Бѣдная вдова, ваше имп. величество,—сказалъ я.—Чего же она проситъ?—Врать, такъ ужъ за одно, думаю я, иначе изъ бѣды не выпутаешься:—Бѣдная вдова, ваше величество просила вспомоществованія... у нея пятеро дѣтей... Двѣ дочери уже невѣсты, ваше величество! — Приведи ее завтра сюда!— Слушаю, ваше величе-

ство!—Ну, думаю, того и гляди, что попадусь! Пошелъ я искать по городу и разспрашивать, какая женщина подавала просьбу у заставы? Ничего не узналъ: народу тѣснилось много, никто ея не замѣтилъ. Наконецъ, отыскалъ я какую-то бѣдную вдову и говорю ей:—Государь хочетъ помочь тебѣ, пойдемъ со мной! Только смотри, какъ придешь, такъ и падай въ ноги, плачь и кричи только: „Государь!.. батюшка!.. спаси!.. дѣти"!.. Являюсь на другой день къ государю, а онъ не забылъ, сейчасъ же спрашиваетъ:—Гдѣ же, говоритъ, вдова?—Здѣсь, ваше имп. величество.—Привести ее!—Привели.—На колѣни!—говорю ей тихонько. Она упала въ ноги государю и кричитъ:—Батюшка!.. Дѣти!.. дѣти!..—Государь посмотрѣлъ на нее и говоритъ:—Дать ей 500 рублей! — Дали ей 500 руб. асс., а меня поблагодарить изволилъ, что доставилъ этотъ случай помочь бѣдной.—Лошади готовы?..—спросилъ государь:—Готовы, ваше имп. величество!—отвѣчаю, а кучеру я далъ уже 25-ти-рублевую бумажку. Когда государь выѣхалъ изъ нашего города, я поѣхалъ за его величествомъ верхомъ. Лошади въ государевомъ экипажѣ были хорошія, да дорога была плохая: пески такіе, что иначе ѣхать нельзя, какъ шагомъ. Кучеръ безпрестанно тпрукалъ и отваливался назадъ, какъ будто не въ силахъ былъ удержать лошадей. Государь опустилъ переднее стекло:—Чтò тамъ такое? — спросилъ онъ съ безпокойствомъ.—Лошади больно рѣзвы, ваше величество, удержать силы нѣтъ! такъ и рвутся.—Такъ поѣзжай тише! Тише! — кричалъ государь. Кучеръ опять сталъ отваливаться назадъ.—Окно сново опустилось:—Тише! тише! осторожнѣе!..—кричалъ государь. Между тѣмъ, лошади насилу двигались. Наконецъ дотащились до станціи. Кучеръ въ продолженіе всего этого времени отваливался назадъ и суетился на козлахъ, а государь безпокоился и приказывалъ ѣхать тише. На станціи государь меня опять поблагодарилъ за доставленный ему случай сдѣлать добро и за хорошихъ лошадей. За все это его величество пожаловалъ мнѣ анненскій крестъ. Съ тѣхъ поръ, въ память государевой ко мнѣ милости, я постоянно ношу косу.

Когда отецъ мой былъ с.-петербургскимъ губернаторомъ [1]), а Кокошкинъ—оберъ-полиціймейстеромъ, между ними случилось столкновеніе по поводу подчиненія управы благочинія, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ и самого оберъ-полиціймейстера

---

[1]) Съ 1835 по 1840 включительно.

гражданскому губернатору. По этой причинѣ Кокошкинъ составилъ начертаніе (проектъ) закона, устанавливающаго независимость управы благочинія отъ власти гражданскаго губернатора. Начертаніе это представлено было государю, который поручилъ Сперанскому составить комитетъ, по своему выбору, для обсужденія представленія Кокошкина. Сперанскій, не будучи знакомъ съ моимъ отцомъ, чрезъ письмо приглашаетъ его къ себѣ. По пріѣздѣ къ нему отца моего, онъ заговорилъ съ нимъ объ отношеніяхъ, довольно неловкихъ, Кокошкина къ моему отцу, который ниже Кокошкина чиномъ и, между тѣмъ, имѣетъ надъ нимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть начальственную.—„Для устраненія этихъ странныхъ отношеній между вами,—продолжалъ Сперанскій, — государь поручилъ мнѣ разсмотрѣть представленіе Кокошкина и отдѣлить совершенно власть оберъ-полиціймейстера отъ власти гражданскаго губернатора. Съ этой цѣлью мнѣ приказано составить комитетъ изъ лицъ мною выбранныхъ. Полагая, что вы въ этомъ случаѣ будете полезны и необходимы, я избралъ и васъ въ числѣ другихъ членовъ".—Мой отецъ отговаривался занятіями и тѣмъ, что его мнѣнія (совершенно противныя начертанію Кокошкина) будутъ приписывать личностямъ.—„Я уже донесъ государю о моемъ выборѣ",—отвѣчалъ Сперанскій. — Извините, ваше сіятельство, — сказалъ ему отецъ мой,—но я не могу не выразить вамъ моего удивленія, что въ то самое время, когда Блудовъ работаетъ здѣсь же, на Фонтанкѣ, надъ новымъ губернскимъ учрежденіемъ, и когда еще совершенно неизвѣстно устройство этой огромной, едва начатой, машины, вы уже торопитесь вставить въ нее колесо, которое, можетъ быть, совершенно противно общему механизму! Я, ваше сіятельство, не желалъ бы быть вашимъ подмастерьемъ въ такомъ дѣлѣ!—Старикъ Сперанскій всталъ, обнялъ моего отца и сказалъ:—„Я очень люблю такихъ людей, какъ вы; мнѣ чрезвычайно понравилась ваша откровенность, тѣмъ болѣе, что откровенные люди теперь рѣдки! Ваше замѣчаніе совершенно справедливо! Я доложу государю, что вы не желаете участвовать въ комитетѣ; но попрошу васъ позволить мнѣ присылать къ вамъ рѣшенія комитета для просмотра".—Черезъ нѣсколько времени отецъ мой получилъ отъ Сперанскаго комитетскія бумаги съ просьбою написать свои замѣчанія. Замѣчанія моего отца вылились на бумагу въ выраженіяхъ рѣзкихъ; но, по многимъ занятіямъ, онъ не смягчилъ ихъ, и послалъ къ Сперанскому въ подлинникѣ, съ извиненіемъ въ рѣзкости выраженій. Сперанскій прислалъ ему отвѣтъ чрезвычайно вѣжливый, который хранится у

моего отца, и просилъ его къ себѣ для дополнительныхъ объясненій. Пріѣхавъ къ Сперанскому, отецъ мой повторилъ свое извиненіе, уже изложенное въ письмѣ. Сперанскій отвѣтилъ ему: — „Не безпокойтесь! Я очень благодарю васъ за ваши замѣчанія, которыя я непремѣнно прочту государю императору. Государю необходимо знать ваши замѣчанія; онъ долженъ слышать откровенныя мнѣнія, самъ же я слабъ уже и бороться съ другими не въ силахъ. Я вами буду мыть руки“...

Въ разговорѣ, отецъ мой замѣтилъ Сперанскому, что при его трудахъ тяжела порученная ему безполезная работа:—„Какіе это труды,—отвѣтилъ Сперанскій,—это еще ничего въ сравненіи съ прежними моими трудами! То-то были труды, когда я составлялъ учрежденія министерствъ и преобразованіе сената! Я, человѣкъ безъ связей, безъ протекцій, обработавъ такія важныя дѣла, читалъ мой трудъ по три и по четыре часа покойному государю; а онъ спалъ! Остановиться не могу: покойный государь могъ бы огорчиться, что я замѣтилъ его невниманіе! Прочту, повышу голосъ, государь проснется, и я долженъ снова объяснять все, что̀ прочелъ!—Хорошо! хорошо! — говоритъ государь (онъ мнѣ довѣрялъ) и утверждалъ мой докладъ. — Никому не разсказывалъ я этого, а всѣ знали. По городу говорили: — Это Сперанскій все дѣлаетъ по своей волѣ! И такое важное дѣло!.. Учрежденіе министерствъ и преобразованіе сената я долженъ былъ держать только на одной своей отвѣтственности!.. Вотъ это труды, такъ труды [1])!..“

---

[1]) Здѣсь прерываются записки моего брата Владиміра; далѣе слѣдуютъ безсвязные наброски, рядъ историческихъ общеизвѣстныхъ анекдотовъ, случайно слышанные разсказы и пр. Считаю нелишнимъ привести только небольшой отрывокъ 1849 г., довольно характерный для русскаго сановника того времени.

„Графъ Вронченко, бесѣдуя съ отцомъ по поводу новаго положенія о продажѣ вина въ привилегированныхъ губерніяхъ (кромѣ остзейскихъ), между прочимъ, сказалъ: „Вообразите себѣ, что̀ хотѣлъ сдѣлать государь! Онъ объявилъ, что учреждаетъ въ этихъ губерніяхъ откупа съ условіемъ, чтобы все полученное свыше законной цѣны при продажѣ водки раздавалось помѣщикамъ.—„Я хочу, говоритъ государь, остановить пьянство, но не желаю пользоваться выгодами съ откуповъ“... „И сколько трудовъ употребилъ я, чтобы отклонить государя отъ его рѣшенія! — добавилъ Вронченко: — какая же была бы выгода казнѣ!!.. Хорошо заботиться о народной нравственности, если такая забота не требуетъ расходовъ, а прежде всего надо соблюдать выгоды казны!.. Зачѣмъ же существуютъ откупа, если не для доходовъ“!..

„ХОЗЯИНЪ“

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНІИ.

„Der Büttnerbauer“, von Wilhelm von Polenz *).

VIII *)

Полина не помнила себя отъ счастья: изъ гарнизона пришло къ ней письмо отъ Густава. Пользуясь каждой минутой, когда ея никто не видитъ, она доставала его изъ кармана, читала и перечитывала милыя строки. Густавъ писалъ, что намѣревается выйти въ отставку и вернуться домой; никакія убѣжденія товарищей и ближайшаго начальства ничего не могли подѣлать... Каждое слово Густава было для нея близко и дорого; она знала, что не ошиблась, довѣрившись ему. А между тѣмъ, ни словомъ не обмолвился Густавъ въ своемъ письмѣ о томъ, что дѣйствительно имѣетъ намѣреніе на ней жениться; и мать уже неоднократно уговаривала Полину бросить его.

— Вѣтрогонъ! — убѣждала она свою дочь.—Вотъ увидишь, онъ тебя проведетъ! Лучше сама отъ него отвяжись.

Другіе тоже вразумляли Полину; но она ни за что не хотѣла бросать Густава: онъ вѣдь отецъ ея ребенка!..

Когда пришло отъ него письмо, она порадовалась, что, значитъ, не напрасно довѣрилась ему: хоть онъ не подавалъ ей ни-

---

*) См. выше: янв., 227 стр.

какихъ надеждъ, но Полина отъ природы была женщина съ чуткой душой, и женски-утонченное чувство подсказывало ей, что она не обманулась въ своемъ выборѣ. Густавъ уходитъ изъ полка, Густавъ вернется осенью домой... Да развѣ это не все равно, что сказать прямо: онъ женится на ней?

— И думать нечего; такъ оно и будетъ! — рѣшила она и пошла исполнить его порученіе — сообщить его старикамъ, что сынъ собирается вернуться; да кстати и дать имъ понять, что она, видно, для него больше значитъ, чѣмъ они, если онъ *ей первой* счелъ нужнымъ сообщить свои планы.

Хозяина и Карла не было дома, и этимъ удобнымъ случаемъ воспользовалась хозяйка, чтобы вмѣстѣ съ дочерьми полакомиться кофейкомъ. Надо замѣтить, что хозяинъ смотрѣлъ на такое угощеніе какъ на излишнюю трату денегъ. Самое бо̀льшее, что̀ онъ разрѣшалъ себѣ на завтракъ, это—молоко и мучную похлебку. Сознавая свою погрѣшность, „бабьё“ было насторо̀жѣ. Подошедши къ окошку, Полина замѣтила ихъ встревоженныя лица и до нея долетѣлъ шопотъ:—Кашнерова Полина!..

Тутъ только она оробѣла и сразу почуяла въ ихъ безпокойныхъ взорахъ ту непріязнь, которую онѣ скрывали; тутъ только поняла она, что имѣетъ дѣло съ недоброжелательными врагами и соперницами; но все-таки Полина постучалась. Будь, что̀ будетъ; отступать уже поздно!

Ей отворила Тереза и неласково, молча, оглядѣла ее съ ногъ до головы.

— Ты къ намъ идешь?—спросила она грубовато.

Полина робко возразила, что ей надо бы повидать хозяйку.

— Она говоритъ, что къ вамъ пришла,—отозвалась Тереза и, обернувшись внутрь комнаты, кивнула свекрови.

— Ну, что-жъ, войди къ намъ, Полина! Войди!—послышался голосъ хозяйки, у которой добродушіе обыкновенно брало верхъ надъ ея женской заносчивостью.

Нетвердымъ шагомъ, робѣя, вошла Полина въ домъ. Для нея было чѣмъ-то особенно ужаснымъ, что первая встрѣтила ее Тереза, — самая злая и ненавистная изъ ея будущихъ невѣстокъ. Кто, какъ не Тереза, возстановляла и всю семью, и самого Густава противъ нея, Полины?

— Здравствуйте! — несмѣло промолвила гостья, подходя къ хозяйкѣ и подавая ей руку.

— Здравствуй, Полина, здравствуй!—отвѣтила старуха; и та подошла поздороваться съ сестрами Густава, назвала каждую по

имени. Толстуха-Тони была все-таки добродушнѣе сестры; но Эрнестинка, какъ и теперь, всегда смотрѣла свысока на возлюбленную своего братца; насмѣшка, а отчасти даже любопытство, отражались въ ея смѣлыхъ глазахъ, бойкихъ не по лѣтамъ. Одного взгляда было достаточно Полинѣ, чтобы убѣдиться въ справедливости деревенскихъ сплетенъ.

„Бютнерова Тони... въ ожиданіи; это сейчасъ же видно!“

Никто не пригласилъ ее садиться; и Полина осталась стоять, пряча подъ передникомъ свою лѣвую руку съ письмомъ Густава.

— Я къ вамъ пришла и хочу вамъ сказать, что Густавъ шлетъ вамъ всѣмъ по низкому поклону,—начала она.

Всѣ присутствующія отнеслись къ этому вступленію совершенно безучастно.

— Онъ скоро и самъ будетъ домой,—продолжала Полина.

— Знаю, что будетъ: въ отпускъ!—отозвалась старуха.

— Нѣтъ, нѣтъ: *совсѣмъ* домой!

— Густавъ? Чтобъ жить, совсѣмъ?

— Вотъ тутъ написано!—побѣдоносно объявила, наконецъ, Полина и показала имъ письмо.—Онъ самъ мнѣ написалъ.

— Ну, вотъ еще! Станетъ нашъ Густя бросать полкъ?!

— Онъ пишетъ, что сильно не поладилъ со своимъ вахмистромъ, и только дожидается маневровъ, чтобы потомъ совсѣмъ вернуться въ Гальбенау.

Эта вѣсть произвела должное впечатлѣніе.

Забывая всѣхъ и все на свѣтѣ, хозяйка притянула къ себѣ Полину и усадила ее рядомъ съ собою. Только одно она сознавала: ея любимецъ, ея Густя, вернется къ ней, домой!..

— Все, все мнѣ разскажи подробно!—просила она въ то время, какъ ея невѣстка и обѣ дочери въ противоположномъ углу обмѣнивались воркотней по поводу только-что полученнаго извѣстія. Тереза никогда не благоволила къ своему деверю; она не могла ему простить его превосходства надъ ея Карломъ, и теперь ее окончательно вывело изъ себя то мѣсто въ письмѣ, которое въ эту минуту читала хозяйкѣ Полина.

— А? Что̀ такое?—выкрикнула Тереза и подошла къ самому столу.—Густавъ собирается сюда? Онъ здѣсь намѣревается командовать, разыгрывать изъ себя важнаго барина! А намъ, всѣмъ остальнымъ, что̀ прикажете дѣлать? Преклоняться передъ нимъ, что-ли? Лучше намъ съ Карломъ хоть сейчасъ убраться восвояси, а вмѣсто насъ... вотъ, не угодно ли? Явилась какая-то особа, которая воображаетъ, что она уже членъ семейства, потому только, что у нея есть ребенокъ!.. Постой, голубушка,

не торопись! Напрасно ты воображаешь, что мужчина такъ вотъ, хоть сейчасъ вотъ, и готовъ жениться на дѣвушкѣ, съ которой онъ прижилъ себѣ ребенка. Нѣтъ, ты у *меня* спроси, что̀ за птица твой Густавъ! Вашей ноги не будетъ въ этомъ домѣ, пока *мы* еще здѣсь!

Отъ бѣшенства и возбужденія дыханіе у нея прервалось, горло сдавило, и конецъ ея гнѣвной рѣчи перешелъ въ хрипѣніе.

Полина сидѣла совершенно блѣдная, широко раскрытыми глазами глядя на Терезу. Она вообще всегда чувствовала себя безоружной противъ злобы и несправедливости людской; но къ ней уже подоспѣла помощь со стороны хозяйки, которая была внѣ себя, что у Терезы хватило дерзости чернить ея любимца. И посыпались ея горячія возраженія, укоры:

— Ты, чего добраго, воображаешь, что вы оба съ муженькомъ можете здѣсь командовать?—круто оборвала она невѣстку.— Хозяину принадлежитъ земля и дворъ, а не дѣтямъ! Прошу покорно обождать: вотъ умрутъ старики, тогда сами и хозяйничайте, какъ угодно!

Но заткнуть ротъ Терезѣ тоже было не легко; она не постояла за отвѣтомъ, и обѣ „хозяйки“, настоящая и будущая, такъ горячо сцѣпились, что шумъ ихъ ссоры былъ слышенъ на улицѣ. Сгоряча никто и не подумалъ, что надо сторожить, какъ бы не подошелъ невзначай отецъ. Вдругъ послышались его тяжелые шаги, и онъ самъ показался на порогѣ, прежде чѣмъ „бабьё“ успѣло припрятать кофейникъ.

Хозяинъ тоже, можно сказать, былъ не въ духѣ. У него только-что были непріятности со старостой по поводу забора, который Трауготъ Бютнеръ, будто бы, обязанъ былъ построить. Какъ разъ сегодня ему пригрозили, что возьмутъ съ него штрафъ, если онъ будетъ дольше откладывать свою постройку. Это еще больше подкрѣпило въ старикѣ убѣжденіе, что власти изданы только для того, чтобы отравлять жизнь крестьянину. Не помня себя отъ гнѣва, старикъ побѣжалъ къ старостѣ и тамъ съ полчаса кричалъ и шумѣлъ. Сердце въ немъ все еще кипѣло, когда онъ вернулся къ своимъ.

Еще не сдѣлалъ онъ по комнатѣ двухъ-трехъ шаговъ, какъ ему бросились въ глаза кофейникъ и смущенныя лица женщинъ. Увидѣвъ Кашнерову Полину, онъ остановился:—Ей-то здѣсь что̀ понадобилось? Этого только не хватало, чтобы подъ руку подвернулась любовница сына!

Старуха подмѣтила, что дѣло усложняется. Нѣсколько дней тому назадъ, старику пришлось узнать, что его старшая, Тони,

ожидаетъ ребенка; все еще у нихъ дрожало отъ той встрёпки, которую Бютнеръ задалъ тогда своему „бабью“. Бютнерша хорошо знала своего супруга и властелина; у него и жилы на лбу и на шеѣ уже налились... Надо было какъ можно скорѣе отвлечь взрывъ его ярости.

Жена подошла къ старику своей неровной походкой и положила ему руку на плечо:

— Трауготъ!—сказала она самымъ мягкимъ голосомъ, какимъ только могла.—Мы вскипятили себѣ немножко кофейку... На что же тутъ сердиться? Чашечка кофе изрѣдка, въ воскресный день, вѣдь насъ не разоритъ?

Старикъ видимо сдерживалъ себя. Дурной знакъ! Это съ нимъ всегда бывало передъ грозной вспышкой. Надо было, не теряя времени на раздумье, прямо ходить съ козыря. Она мигомъ рѣшилась:

— Отецъ! У насъ есть для тебя добрыя вѣсти отъ Густава. Представь себѣ: онъ больше не хочетъ служить въ полку и осенью вернется въ Гальбенау. Ну, что же ты? Или не радъ, что онъ будетъ жить съ нами, нашъ мальчикъ, нашъ Густавъ?..

Старуха не ошиблась въ разсчетѣ.

Какъ масло укрощаетъ расходившіяся волны, такъ ея слова укротили бурю, готовую разразиться.

„Сынъ! Густавъ! Онъ вернется; онъ больше не гонится за своимъ блестящимъ мундиромъ!.. Еще надежда не пропала! Все обойдется; такихъ рабочихъ рукъ, такой смѣтливой головы поискать надо!“—пронеслось въ головѣ у старика, и снова ожили его давно угасшія надежды.

Стараясь сохранить свой недовольный видъ, онъ что-то пробурчалъ себѣ подъ носъ и вышелъ вонъ, въ свою комнату; тамъ повозился въ уголкѣ, опять-таки для виду, и вышелъ изъ дому.

Только на просторѣ, подъ открытымъ небомъ Господа-Творца, ему было отрадно дать волю своему радостному чувству!..

...Но лѣто не сдержало обѣщаній, которыми была полна весна.

Озимые, положимъ, благополучно провели зиму и выгнали весной прочный стебелекъ; еще въ маѣ поднялись прекрасно яровые; овесъ и картофель зеленѣли такъ дружно, что весело было смотрѣть. Все обѣщало хорошій урожай. Крестьяне пріободрились.

Никакому другому сословію не приходится такъ исключительно жить надеждами, какъ земледѣльческому. Съ той самой

минуты, когда крестьянинъ сѣетъ хлѣбъ, и до той, когда зерно окончательно созрѣетъ, онъ осужденъ непрерывно колебаться между страхомъ и надеждой. Для урожая имѣетъ значеніе каждый день и каждый часъ; каждая минута можетъ принести ему и гибель, и спасеніе.

Вслѣдъ за многообѣщавшей весеннею погодой пришло холодное, сырое лѣто. Быстро поднявшіеся всходы вдругъ остановились рости. По всему полю словно прокатилась гигантская, тяжелая трамбовка, которая уложила хлѣбъ, еще не давъ ему вполнѣ подняться. Свѣта и воздуха не хватало для развитія ихъ нарождающейся юной силы; зато репейникъ и лебеда стали коегдѣ смѣлѣе появляться. Стебель выросталъ туго, какъ человѣкъ послѣ болѣзни; много было пустыхъ колосьевъ; тля напала на увядшія зерна... Зато луга,—сочные, зеленые луга!—могли хоть отчасти вознаградить землепашца за его горькую неудачу: лучше, чѣмъ обыкновенно, подымались травы, которымъ благопріятствовала свѣтлая, сухая весна. Сырость и дождь подоспѣли вò-время... Но, Боже мой! какъ зарядили дожди да слякоть, да такъ и лили, не переставая. Народъ говорилъ, что дождь не уймется цѣлыхъ семь недѣль.

— Пошелъ онъ на „семь спящихъ дѣвъ“,—пойдетъ на семь недѣль!

Хотя это предсказаніе и не вполнѣ оправдалось, а все же урожаю грозила бѣда неминучая. Когда Богъ услышалъ, наконецъ, молитвы прихожанъ, когда снова на цѣлыхъ двѣ недѣли къ нимъ вернулось солнце и тепло — было уже поздно! Чтобы спасти сѣно отъ дождей, его сложили въ гигантскіе стоги; но когда его разбросали, отъ него пошелъ такой вонючій паръ и такъ оно сопрѣло, что скотина не могла его ѣсть и печально бродила около амбаровъ и навозныхъ кучъ.

Наконецъ солнце засіяло.

— Живъ Богъ Отецъ нашихъ! — восклицалъ торжественно пасторъ. — Смотрите, кáкъ все благополучно обойдется! Богъ все устроитъ!..

Прихожане слушали, и возражать не смѣли: пастору всѣ обязаны внимать съ уваженіемъ; но въ глубинѣ души, они не были съ нимъ согласны. Вотъ, еслибы хоть на недѣльку раньше подоспѣла ясная погода!.. Сѣно, все равно, уже обратилось въ гниль; теперь и хлѣбу ничто не поможетъ.

— „Голенькій: „охъ!“, а за голенькимъ-то Богъ!“... „Богъ не выдастъ“,—знаемъ мы хорошо обѣ эти поговорки; но видно не всегда и на небѣ извѣстно, чтò и когда крестьянину всего

нужнѣе? Вотъ и теперь,—почему запоздала ясная погода? Почему стало сухо, когда сырость уже до тла сгноила сѣно?.. Нѣтъ, видно, и „тамъ“, какъ на землѣ, все дѣлается не такъ, какъ было бы крестьянину удобно и полезно... Тутъ просто ужъ не знаешь, что̀ подумать! — разсуждали бѣдные хлѣбопашцы, качая головой.

Вотъ подоспѣла и жатва.

За одно можно было твердо поручиться: соломы будетъ много,—хлѣба мало. Да оно и понятно. Гдѣ хлѣбъ еще съ начала дождей былъ прибитъ къ землѣ, тамъ онъ ужъ больше такъ и не поднялся; а гдѣ успѣлъ подняться,—тамъ пошелъ въ ростъ и, благодаря дождямъ, далъ двойные ростки.

Августъ простоялъ мягкій, ясный, сухой. Милость Божія была очевидна: рожь убрали безъ дождя.

— Богъ оглянулся на насъ! — говорили роптавшіе: — Пасторъ правъ: мы такой милости не заслужили!

И въ самомъ дѣлѣ; еще не все пропало: второй сѣнокосъ могъ еще до нѣкоторой степени заткнуть дыры, которыя произвело въ хозяйскомъ кошелькѣ гнилое сѣно. Овесъ тоже обѣщалъ быть недуренъ, хоть полосами и прошелъ по немъ жучокъ. Картофель росъ на славу и долженъ былъ дать богатый сборъ...

Только бы сентябрь не напортилъ!..

IX.

За послѣдніе дни не разъ обошелъ Бютнеръ свою рожь; не очень-то ему нравился ея цвѣтъ и ростъ. Однако, пора было подумать о томъ, чтобы убрать хлѣбъ... И съ вечера отданъ былъ приказъ выходить на зарѣ на косьбу.

До самой ночи Карлъ точилъ косы, а на зарѣ вся семья вышла въ поле и молча принялась за дѣло. Изъ-году-въ-годъ всякъ зналъ свое мѣсто; впереди всѣхъ хозяинъ, а за нимъ Тони, чтобы подбирать хлѣбъ; за нею—Карлъ, а за нимъ—его жена, Тереза. Позади всѣхъ—младшая, Эрнестина, которой полагалось вить изъ соломы жгуты для сноповъ. Старуха, какъ больная ногами, оставалась дома.

Косы звенѣли. Ровно и чисто, какъ машина, работали трудовыя руки, ни на минуту не отставая. Могучими взмахами старикъ срѣзалъ рожь у корня и широко раскидывалась она ровными охапками передъ нимъ, ложась дугообразно, какъ самый

взмахъ косы. Даромъ, что Карлъ былъ на тридцать лѣтъ моложе отца, а едва поспѣвалъ за нимъ.

Въ своемъ увлеченіи работой старикъ никого не видѣлъ и не слышалъ; не замѣтилъ онъ и того, что Тони вся мѣнялась въ лицѣ, которое постепенно заливала темно-багровая краска.

— Стань въ конецъ, Тони! — шепнулъ ей братъ. — Вяжи жгуты.

Эрнестина замѣнила сестру,—и отецъ этого не замѣтилъ. Только тогда онъ оглянулся, когда его коса задѣла за камень и запнулась. Онъ поднялъ голову и увидалъ, что Тони сидитъ въ сторонѣ и, сидя, вьетъ жгуты.

Онъ нахмурился, но промолчалъ и занялся починкою косы.

Не было еще восьми часовъ, а солнце ужъ палило безпощадно. Съ трудомъ волоча свои больныя ноги, старуха притащила изъ дому кувшинъ легкаго пива и ломти хлѣба съ масломъ. За ѣдой сошлась тихо и мирно вся семья.

Не часто это удовольствіе давалось имъ за послѣднее время. Матеріальные недостатки вызывали частыя вспышки неудовольствія, попрековъ и придирокъ; между старой и молодой хозяйкой столкновенія повторялись все чаще и чаще; хозяинъ ходилъ какъ туча черная, и чего отъ роду не бывало—даже попрекалъ не разъ бѣдную старуху ея немощами и годами. Нерѣдко жестко и несправедливо сталъ онъ относиться къ своимъ дѣтямъ. Громко ругаясь, онъ кричалъ, что хозяйство не клеится, и, обвиняя въ этомъ сына, грозилъ лишить его наслѣдства. За Карла (она, конечно, не признавала его за лѣнтяя) горой стояла зубастая Тереза; въ одинъ прекрасный день старуха бѣгомъ прибѣжала за своимъ сыномъ въ поле, чтобы онъ скорѣе шелъ на помощь: отецъ съ Терезою сцѣпились и бушуютъ дома.

Во всемъ и всегда чувствовались теперь недостатки. Старикъ экономилъ на всемъ, даже на хлѣбѣ! Если случалось женѣ изготовить вкусный или хотя бы сытный ужинъ, онъ подымалъ страшнѣйшій крикъ и шумъ. Вслѣдствіе этого столъ у Бютнеровъ былъ самый скудный; если домашнимъ слишкомъ ужъ ѣсть хотѣлось, они наѣдались до-сыта за спиной у хозяина. Скотину свою тоже онъ началъ почти голодомъ морить. Какъ и отъ людей, не выспавшихся, усталыхъ, старикъ требовалъ отъ своихъ лошадей непосильной работы. Ему, слывшему прежде любителемъ и кормильцемъ доброй скотинки, теперь нерѣдко приходилось слышать насмѣшки уличныхъ мальчишекъ, которые кричали въ догонку его захудалымъ клячамъ:

— Живодеръ!.. Живодеръ!..

Но меньше всего заботился Бютнеръ о себѣ; меньше другихъ онъ ѣлъ и спалъ, больше другихъ работалъ. Глаза у него ввалились, тѣло исхудало; тревожно метался онъ туда и сюда, выбиваясь изъ силъ. Въ церкви, бывало, онъ считался самымъ внимательнымъ, самымъ усерднымъ; теперь онъ засыпалъ съ первой же половины проповѣди. По ночамъ ему не спалось; онъ часто просыпался и кричалъ во снѣ, бормоча что-то непонятное, пугая свою вѣрную подругу. И чѣмъ больше уходили его силы, тѣмъ тверже онъ рѣшался все-таки стоять на своемъ, во что бы то ни стало! Съ энергіей отчаянія, напрягая послѣднія силы, старикъ Трауготъ принялся обработывать такой участокъ, который остался отъ упраздненной каменоломни, и слушать не хотѣлъ, когда дѣти разумно убѣждали его, что рабочія руки гораздо нужнѣе для другихъ, уже обработанныхъ участковъ. Старикъ, съ пѣной у рта, возражалъ своимъ и цѣлую недѣлю самаго горячаго времени потерялъ на то, чтобы очистить отъ камней такой клочокъ земли, который, все равно, никуда не годился для посѣва. Со всѣми на свѣтѣ старикъ жилъ теперь не въ ладахъ. Одного единственнаго слова было теперь довольно для того, чтобы вывести его изъ себя.

Какъ-то разъ полковникъ Шрофъ, управляющій имѣніями графа, проѣзжалъ мимо, заѣхалъ къ Бютнеру и заговорилъ съ нимъ въ своемъ прежнемъ, дружескомъ тонѣ. Не успѣлъ полковникъ спросить у него, какъ идутъ дѣла, какъ Бютнеръ тотчасъ же разразился такимъ неудержимымъ потокомъ ехидства и ругательствъ, что полковнику оставалось только пришпорить лошадь и скорѣе убраться во-свояси.

Съ общиной и съ правительственными властями у него были постоянныя стычки. Для того, чтобы копать песокъ, Бютнеръ вырылъ большую яму при самой дорогѣ. Въ потемкахъ, въ метель, немудрено было попасть въ эту рытвину, и власти справедливо требовали, чтобы старикъ огородилъ свою яму. Но Бютнеръ, при своемъ обычномъ настроеніи, и въ этомъ требованіи усмотрѣлъ посягательство на его землевладѣльческія права. Ему было предписано провести заборъ до извѣстнаго мѣста; но старикъ всѣ сроки пропустилъ и пальцемъ не пошевельнулъ, хотя зналъ, что ему угрожаетъ штрафъ. Какъ только штрафъ ему былъ объявленъ,—онъ же принялся бушевать и ругаться, хоть и былъ самъ виноватъ въ своей бѣдѣ.

Во всемъ, во всемъ дѣйствовалъ онъ теперь наперекоръ здравому смыслу; въ него словно вселился дьяволъ. Его сосѣд-

лалъ злой, зловѣщій призракъ и, какъ усталаго, измученнаго коня, подгонялъ безпощадно къ вѣрной гибели.

Съ тѣхъ поръ, какъ ему пришлось сдѣлать послѣдній заемъ, Бютнеръ не зналъ себѣ покоя. Тяжелымъ бременемъ, какъ гора, навалился ему на сердце этотъ долгъ... Но первое время, когда срокъ еще былъ далеко, старикъ не скрывалъ отъ себя своей надежды на хорошій урожай.

„Только бы хлѣбъ былъ въ цѣнѣ"! — думалъ онъ не разъ.

Наконецъ, хлѣбъ собранъ, очищенъ отъ сорныхъ травъ и мякины, и большой кучей возвышается на гумнѣ.

— Только бы рожь была въ цѣнѣ!—сказалъ, глядя на нее старикъ, и послалъ Карла въ „гостинницу" Кашеля—за кружкою пива просмотрѣть въ мѣстной газетѣ условія покупки и продажи хлѣба.

Сынъ принесъ вѣсти невеселыя. Цѣна была средняя, а Кашель-Эрнстъ грозилъ, что она упадетъ еще и еще ниже...

— По случаю заграничнаго ввоза,—повторилъ онъ слова зятя, не понимая самъ ихъ точнаго значенія. — Кто, говоритъ, хочетъ поступить умно, тотъ пусть продержитъ хлѣбъ свой до весны: тогда онъ и получитъ хорошую цѣну.

— Продержать до весны? Ахъ, онъ, негодяй!—Бютнеръ представилъ себѣ, съ какимъ видомъ зять давалъ такой совѣтъ. —Какъ будто онъ не знаетъ, что я обязанъ, я вынужденъ продать хлѣбъ тотчасъ же, безъ проволочекъ,—продать во что̀ бы то ни стало, за сколько ни дадутъ.

Тотъ самый Кашель-Эрнстъ, который такъ „добродушно" даетъ ему совѣты, самъ же губитъ человѣка: его взысканіе нанесло послѣдній ударъ уже колебавшемуся благосостоянію старика. Съ отчаянія пустился Трауготъ въ нескончаемыя выкладки и разсчеты. Ариѳметики онъ не зналъ хорошенько, но ему во многомъ служила службу его удивительная память: года и числа онъ зналъ наизусть за много лѣтъ; могъ даже безошибочно сказать, въ какой день, какого мѣсяца и какого года убирали сѣно, жали рожь или молотили. Онъ зналъ изъ году въ годъ, до самыхъ мелочей, свой приходъ и расходъ; но иногда ему все-таки приходилось подводить итоги,—что̀ онъ и дѣлалъ прямо на столѣ, или на двери и т. п. Тогда семья знала, что не надо ему подъ-руку соваться, и держала себя поодаль.

— Отецъ сводитъ счеты!—шопотомъ говорили они и сторонились, зная, что онъ любитъ держать свои дѣла въ тайнѣ.

Результатъ на этотъ разъ былъ потрясающій: больше вось-

мисотъ марокъ никакими судьбами не натянешь! На уплату займа и процентовъ по закладной этого далеко не хватитъ.

Старикъ сжалъ кулаки и погрозилъ... онъ самъ не зналъ—кому.

— Кто виноватъ, что трудъ мой идетъ прахомъ? На Бога, что-ли, мнѣ приходится роптать? Или Ему пожаловаться на людей? Кто мой сокрытый врагъ, кто та невидимая сила, которая у меня отнимаетъ мое кровное достоянье?—потрясая въ воздухѣ кулаками, безсильно злобствовалъ старикъ.

Нужда и неудачи, недородъ,—невидимою цѣпью окружили его и, сомкнувшись, постепенно душили его и будутъ душить... пока не удушатъ до̀-смерти.

Теперь—вся надежда на отсрочку платежа.

Не теряя времени, Трауготъ Бютнеръ еще до срока покатилъ въ городъ и весь день, съ самаго утра, провелъ въ томъ, что метался отъ одного своего заимодавца къ другому. Не видавъ никого, онъ принужденъ былъ выслушать отъ приказчика конторы неутѣшительное увѣренье:

— Все равно, мой любезный! Отсрочки не добьетесь; а не можете уплатить во̀-время—пеняйте сами на себя!

Усталый, измученный, болѣе чѣмъ когда-либо обремененный заботами, въ тотъ же вечеръ Бютнеръ вернулся въ Гальбенау.

Нѣсколько дней спустя, на большой дорогѣ остановился наемный экипажъ. Въ немъ сидѣла изящно-одѣтая дама съ молодымъ человѣкомъ, который направился прямо къ дому Бютнеровъ, оставляя свою спутницу на жертву жаднымъ взглядамъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя ахали на ея высокіе каблуки, тонкую талью и пышные рукава.

Эдмундъ Шмейсъ, какъ элегантный горожанинъ, съ презрительной гримасой заткнулъ себѣ носъ, проходя по двору мимо навозной кучи.

— Настоящіе деревенскіе порядки!..—проговорилъ онъ, гордый тѣмъ, что на немъ съ ногъ до головы было все—„первый сортъ“.

Семья Бютнеровъ сидѣла за столомъ, когда вошелъ нежданный гость и попросилъ, чтобы съ нимъ „не церемонились“. Онъ самъ не церемонился, конечно: это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Нимало немедля, онъ предъявилъ какую-то бумажонку и спросилъ, согласны ли ему тотчасъ же уплатить?—Сегодня срокъ.

Всѣ встали съ мѣста и смущенно, растерянно смотрѣли на непрошеннаго гостя. Бютнеръ не сразу нашелся возразить, что ему, Шмейсу, онъ, кажется, ничего не долженъ.

— Все равно,—теперь я вашъ кредиторъ и требую уплаты! Вотъ вамъ и надпись,—онъ повернулъ бумажку обратной стороной. Дѣйствительно, тамъ было чье-то имя, и Бютнеръ не имѣлъ основанія думать, что это имя не его, Эдмунда Шмейса.

— Надѣюсь, вы не станете утверждать, что вы не занимали этихъ денегъ?—продолжалъ изящный горожанинъ.

— Упаси Боже! Деньги мы получили... да! Такъ, жена, что-ли?

— Да, да! Мы получили!—поддакнула хозяйка.

— Вотъ видите? Такъ дѣло очень просто: угодно ли вамъ будетъ уплатить?

Тѣмъ временемъ хозяйка прогнала дѣтей, чтобъ они не видали, какъ упалъ духомъ ихъ отецъ, и уговаривала старика:

— Ну, успокойся! Успокойся!

— О, Господи! Іисусе Христе!—громкимъ, слезливымъ голосомъ, какъ-то по дѣтски завопилъ старикъ, не зная, что̀ говорить и что̀ дѣлать? Нѣтъ у меня денегъ, нѣтъ! И неоткуда взять!

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и, напѣвая модную уличную шансонетку, отбивалъ тактъ ногою, въ то время какъ взглядъ его скользилъ по незатѣйливой крестьянской обстановкѣ.

Старики пошептались. У нихъ еще были кой-какія деньги,—остатокъ отъ уплаты процентовъ по закладной; но этого остатка не могло хватить на погашеніе всего долга.

— Полно, хозяинъ, будь смѣлѣе!—приговаривала старуха, и, подойдя къ гостю, погладила его робко по рукаву сюртука:— Они подождутъ немножко. Да? Вѣдь подождутъ? Только повременить немного,—и мы все уплатимъ, все сполна!

Спокойно, холодно Шмейсъ возразилъ, что эти увѣренія ему давно знакомы и ждать онъ не намѣренъ; самое бо̀льшее, на что̀ онъ выразилъ согласіе, это переписать вексель и въ счетъ уплаты зачислить послѣднія сто-двадцать марокъ, которыя еще оставались у старика въ домѣ.

На улицѣ, его спутница, поджидая его, выходила изъ себя: ее возмущала беззастѣнчивая назойливость любопытныхъ поселянъ, которые почти совали носъ свой ей въ лицо. Она сердито спустила вуаль.

— Сѣтку надѣла, сѣтку!—захихикали сдержанно дѣвушки:— Сѣтку отъ комаровъ.

И всѣ дружно покатились со смѣху.

Уѣзжая, нарядная горожанка была внѣ себя отъ грубости „мужиковъ и мужичекъ“.

X.

Въ послѣдній разъ отбылъ Густавъ свои строевыя обязанности; въ послѣдній разъ задалъ корму своей любимицѣ—Каштанкѣ. Умиленными, грустными глазами смотрѣлъ онъ, какъ она медленно, съ наслажденіемъ жевала, одинъ за другимъ, кусочки сахару, которыхъ онъ сегодня принесъ ей побольше. Раздувая ноздри отъ удовольствія, она переминалась съ ноги на ногу, а онъ стоялъ рядомъ и похлопывалъ ее по шеѣ, какъ настоящій мужчина подавляя слезы. Тяжелѣе всего было для него прощанье съ лошадью; вообще, ему даже странно было, что онъ могъ такъ легко разстаться съ товарищами и съ полкомъ. Ротмистръ былъ въ отпуску, и молодой человѣкъ отъ души пожалѣлъ, что не могъ на прощанье отдать честь своему любимому начальству. Свой новенькій мундиръ Густавъ продалъ новоиспеченному унтеръ-офицерику, а себѣ на память оставилъ только фуражку, нѣсколько пуговицъ и ручной ремень.

Сдѣлавъ часть пути по желѣзной дорогѣ, онъ пошелъ пѣшкомъ и на утро уже увидалъ издали знакомыя кровли Гальбенау. Много видывалъ онъ въ городѣ красивыхъ зданій и высокихъ крышъ, но ни одно не возбуждало въ немъ того чувства радостнаго умиленія, которое проснулось при видѣ мазаныхъ глиной стѣнъ и соломенныхъ крышъ родного села. Все-таки здѣсь его родина! Здѣсь онъ родился и выросъ!

Окна на крышѣ родного дома смотрѣли на пришельца грустно, какъ большіе, впалые глаза; изъ кухонной трубы выбивался желтоватый паръ и расходился въ сѣромъ осеннемъ небѣ. Значитъ, мать уже варитъ что-нибудь къ столу; можетъ быть, даже его любимое кушанье... Его вѣдь поджидаютъ! Здѣсь ему все дорого, все знакомо: каждый камешекъ, каждая вѣточка каждаго деревца и куста, каждая трещина и заклепка въ домѣ.

Дома были только женщины; онѣ не изъявили особой нѣжности при свиданіи съ Густавомъ; только замѣтно было, что мать особенно рада своему любимцу.

Густавъ позавтракалъ, снялъ свое хорошее платье, надѣлъ все простое, рабочее, и вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ пошелъ на работу. Его поразила какая-то подавленность общаго настрое-

нія, хотя и вообще отецъ никогда не былъ разговорчивъ; особенно замѣтно это было за столомъ, когда члены семьи робко шептались между собою. Тони не глядѣла брату прямо въ глаза, только Эрнестина была бойка и проворна по прежнему.

Воспользовавшись первой удобной минутой, когда ему удалось остаться съ матерью наединѣ, Густавъ спросилъ ее, что̀ все это значитъ? Мать не скрыла отъ него ни матеріальныхъ бѣдствій, ни позорнаго состоянія Тони. Но что̀ всего больше разгорячило его, такъ это вѣсть, что негодяя, виновника ея несчастія, оставили безнаказаннымъ и не помѣшали ему безслѣдно уйти изъ села. Теперь до этого негодяя не добраться!

За послѣднее время ни о чемъ такъ не мечталъ Густавъ, какъ о возможности жениться на Полинѣ... Но какъ ввести молодую жену въ семью при подобныхъ условіяхъ? Ему казалось, что все складывается такъ благопріятно—и вдругъ... все рушится такъ непредвидѣнно и такъ ужасно!

Кашнерова Полина поджидала Густава. Онъ самъ ей написалъ, что вернется домой въ первыхъ числахъ октября.

Глядя на нее, никто никогда бы не подумалъ, что она томится тоской и тревогой по миломъ. Всѣ свои обязанности, всѣ труды исполняла она старательно и проворно, а въ глубинѣ души уже рисовала себѣ картины будущаго семейнаго счастья; представляла себѣ, какъ уютно она устроитъ свой домашній очагъ, какъ будетъ заботиться о мужѣ и сынѣ. Уже и то ей казалось счастьемъ, что теперь можно будетъ позабыть долгіе, тяжелые годы одиночества, когда она порою доходила до того, что начинала сомнѣваться въ его вѣрности, и мучилась невыразимо при мысли, что можетъ лишиться своего единственнаго друга.

Съ матерью она не могла быть откровенна, и та не могла быть ей поддержкой; напротивъ, она старалась всячески отговаривать ее отъ ея привязанности къ Густаву. Мало того, она приставала къ Полинѣ, чтобы та вышла за другого. Для всякаго чужого это было бы еще извинительно, но мать! Мать, кажется, должна бы знать, что ея любовь—единственная, прочная любовь, съ которой она проживетъ весь свой вѣкъ и умретъ...

„Но вотъ Густавъ пріѣдетъ, и все обойдется!“—ликовала она, поджидая его со дня на день.

Разъ утромъ Кашнерова вдова понесла на деревню холстъ и вернулась оттуда съ новостями.

— А вѣдь сегодня раннимъ-рано вернулся къ Бютнерамъ

Густавъ!—сказала она. У Полины подкосились ноги отъ волненія, но она не подала матери виду, что волнуется, или что ее радуетъ это извѣстіе. Однако, плохо согласовалась съ ея наружной холодностью та веселая возня, которую она подняла въ домѣ. Она просила мать испечь пирогъ повкуснѣе, „какъ у графини“; сама сбѣгала купить къ нему приправу; сама причесалась и принарядилась, даже приколола брошку, которую ей привезъ когда-то съ ярмарки Густавъ; ребенка нарядила въ шерстяное платьице—подарокъ графини Иды...

Весь день прошелъ въ ожиданіи Густава. Начало смеркаться, а его все нѣтъ. Обѣ были увѣрены, что онъ придетъ хоть къ кофе; но время шло, а Густава не видно было. Чтобы кофе не пропалъ даромъ, вдова выпила его сама, а пирогъ тщательно припрятала въ шкафъ. Полина притихла и сняла съ малютки его нарядное платьице. Мать зажгла лампочку, и когда дочь, уложивъ ребенка, вернулась къ ней, не могла удержаться, чтобы не замѣтить, не то сочувственно, не то съ любопытствомъ:

— А вѣдь не пришелъ, Полина!

Въ сущности, не обошлось при этомъ безъ нѣкотораго затаеннаго злорадства.

Полина промолчала, но на лицѣ ея можно было прочесть разочарованіе; больше не стоило труда притворяться передъ матерью!.. Она, какъ всегда, все прибрала на ночь и, только войдя къ себѣ въ каморку, дала волю слезамъ. Сколько разъ, бывало, сидѣла она, какъ и теперь, глядя въ свое тусклое окошечко, поджидая, не придетъ ли онъ! Въ это окошко онъ въ первый разъ къ ней постучался... Чудная іюньская ночь вѣяла тепломъ... Какъ былъ горячъ ихъ первый поцѣлуй!.. Съ тѣхъ поръ никого она не цѣловала, она ему вѣрна... а онъ? Какъ онъ тогда ей клялся, какъ обѣщалъ любить!.. Она повѣрила, она ни въ чемъ не могла отказать ему. И вотъ, послѣ того, какъ она вся ему отдалась, душой и тѣломъ, родила ему сына и всей душой, вопреки наговорамъ, осталась ему вѣрна, онъ же ее знать не хочетъ! Цѣлый день, какъ пріѣхалъ,—а не подумаетъ къ ней забѣжать!

Когда Полина впервые отдалась Густаву, она была любящей, но еще глупенькой дѣвчонкой; съ теченіемъ времени ея чувство къ нему стало глубже, разсудительнѣе и прочнѣе. Теперь она видѣла въ немъ не только друга, но отца своего ребенка, его естественнаго защитника и кормильца. О томъ, чтобы Густавъ могъ обмануть ее и жениться на другой, она и думать не хотѣла: до такой низости не дойдетъ ея Густавъ, ея един-

ственный, любимый! Какъ ей ни больно, какъ она себя ни увѣряетъ, что должна его ненавидѣть, а все-таки она въ душѣ увѣрена, что никто ей не милъ, кромѣ него.

Завтра она рѣшится, она пойдетъ къ нему и прямо его спроситъ: что̀ это можетъ значить? Какъ она ни была робка, она знала, что храбрости у нея хватитъ, а въ успѣхѣ она не сомнѣвалась: несмотря ни на какіе наговоры, онъ уже не разъ къ ней возвращался.

Успокоившись на этомъ рѣшеніи, Полина скользнула въ постель, вся окоченѣлая отъ холода и отъ волненія. Натянувъ на голову покрывало, она начала дремать... Вдругъ ей послышался какой-то шорохъ...

Сердце въ груди рванулось и застыло.

Полина приподнялась на кровати, прислушалась еще. Знакомый стукъ объ стѣну повторился... Она была уже у окна, чуть-чуть толкнула ставню...

— Густавъ, ты?.. Сейчасъ!

И босикомъ, набросивъ на̀скоро на голую шею свой платокъ, Полина бросилась къ дверямъ; тихонько ихъ открыла... Еще минута, и она повисла у него на шеѣ, горячо обвивая его своими теплыми руками, не чувствуя того, что отъ него вѣяло дождемъ и рѣзкимъ холодомъ предзимнихъ ночей...

И въ самомъ дѣлѣ, заморозки приближались.

Пора была копать картофель, и, какъ всегда, старикъ Бютнеръ надѣялся управиться своей семьей, не прибѣгая къ помощи постороннихъ. Густавъ совѣтовалъ отцу нанять нѣсколько человѣкъ поденно, чтобы картошку, которая богато уродилась, не захватилъ морозъ, но старикъ слушать ничего не хотѣлъ. Сборъ грозилъ затянуться на неопредѣленный срокъ... какъ вдругъ Густава осѣнила находчивая мысль—созвать дѣтей бѣднѣйшихъ поселянъ и за работу имъ платить не деньгами, которыхъ нѣтъ, а тою же картошкой.

Старикъ обрадовался такому удачному выходу изъ затруднительнаго положенія и созвалъ дѣтей и подростковъ, которыхъ привалила цѣлая толпа. Въ два-три дня, ко всеобщему удовольствію, картошка была убрана благополучно.

Казалось, съ водвореніемъ Густава въ отцовскомъ родовомъ гнѣздѣ, все пошло иначе. Глядя на погоду, которая была, кстати сказать, какъ на заказъ, и лицо хозяина прояснилось. Онъ сталъ спокойнѣе, и всей семьѣ вздохнулось легче. По ночамъ

онъ больше не кричалъ, не пугалъ свою старуху бормотаніемъ. Стараясь не подавать „мальчишкѣ“ виду, чтобы не „возгордился“, Бютнеръ сознавалъ превосходство сына и возлагалъ на него самыя свѣтлыя надежды, которыя, казалось, Густавъ могъ оправдать вполнѣ.

Тотчасъ же по своемъ возвращеніи домой, Густавъ принялъ на себя роль завѣдующаго всѣмъ хозяйствомъ, и только тѣмъ утѣшался Карлъ,—который теперь былъ какъ бы простымъ работникомъ, подъ началомъ у брата,—что все-таки онъ старшій и ему не миновать наслѣдства: вѣдь не пойдетъ же отецъ наперекоръ вѣковому обычаю—оставлять все первому въ родѣ?

„Мудритъ Густавъ, ну и пусть его мудритъ! Это не вѣчно будетъ, а мое дѣло надежнѣе, вѣрнѣе“!—думалъ Карлъ.

Денежныя дѣла также Густавъ взялъ на себя, хотя зналъ въ нихъ толку не больше, чѣмъ всякій здравомыслящій, но еще неопытный человѣкъ. Повинуясь естественному стремленію привести въ ясность настоящее положеніе приходовъ и расходовъ, онъ подсчиталъ все самымъ аккуратнымъ образомъ, прикинулъ, сколько можно выручить за хлѣбъ и за картошку, сколько за солому и за многія другія статьи сельскаго хозяйства, которыя всѣ понемногу могли все-таки помочь общему недобору. Дѣло обстояло еще вовсе не такъ дурно; на все своевременно нашлись бы деньги. Но вотъ къ чему нельзя было помыслить приступиться, это къ самому главному и самому ближнему по сроку обязательству—взысканію по закладной Кашель-Эрнста. На этотъ счетъ Густавъ предварительно ѣздилъ—тонкимъ образомъ поразвѣдать въ городѣ, какъ и на какихъ условіяхъ можно было бы перепродать закладную? Ничего утѣшительнаго ему не удалось узнать: ни одна изъ солидныхъ торговыхъ фирмъ не рѣшалась вступать въ подобныя сдѣлки, считая ихъ ненадежными.

Оставалось только дознаться, какъ смотритъ на это дѣло самъ Кашель-Эрнстъ, и чего можно скорѣе ожидать отъ него: участія или притѣсненій? Но сколько разъ ни заглядывалъ къ нему въ харчевню Бютнеръ-младшій, сколько ни просиживалъ съ нимъ за кружкой пива, а ничего не могъ понять изъ его поведенія. Дядя Кашель встрѣчалъ его привѣтливо, съ оттѣнкомъ легкой шуточки, но когда бы Густавъ ни пробовалъ издалека подойти къ вопросу о дѣлахъ серьезныхъ, милый дядюшка покатывался со смѣху и хохоталъ до упаду, хохоталъ до того, что слезы у него лились ручьемъ, не переставая. Это нѣсколько смущало и озадачивало Густава; въ общемъ же, еслибы не постоянная гложущая тревога за благосостояніе семьи, онъ

могъ бы чувствовать себя почти счастливымъ среди своихъ родныхъ по крови и родныхъ по сердцу.

Съ каждымъ днемъ, казалось, все ближе становились ему Полина и ребенокъ; во избѣжаніе для нея дальнѣйшихъ непріятностей, а также и для своего личнаго успокоенія, онъ даже побывалъ у пастора и просилъ его своевременно сдѣлать церковное оглашеніе передъ свадьбой, которую онъ надѣялся отпраздновать весною. Его родные также примирились съ необходимостью видѣть въ Полинѣ свою будущую невѣстку, и даже не спрашивали, когда свадьба, предоставляя это на усмотрѣніе ихъ обоихъ. Вообще, какъ жили Бютнеры, какъ принимали какое-нибудь рѣшеніе и несли свою судьбу—молча, такъ и съ этимъ фактомъ, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, они молча примирились и отдались зимнему кратковременному отдыху, который такъ сладокъ крестьянину, потому что является какъ разъ во-время, послѣ осенней страдной поры.

Въ началѣ зимы, когда убранъ хлѣбъ, наступаетъ невольное бездѣлье, или, вѣрнѣе, является возможность заняться своими дѣлами въ домѣ; работаютъ исключительно женщины, а мужчины чуть не цѣлыми днями сидятъ, покуриваютъ втихомолку свои трубки да отдаются дремотѣ въ сумерки, когда еще рано зажигать огни.

Изъ экономіи у Бютнеровъ вовсе ихъ не зажигали, а предпочитали сумерничать до самой той минуты, когда считали себя въ правѣ отойти ко сну. День теперь начинался позже, т.-е. въ семь часовъ, и если скотина была напоена и накормлена къ этому времени—хозяинъ былъ доволенъ. Зато уже въ четыре часа день кончался: начинало быстро смеркаться, и скоро темнѣло.

Въ эту пору, въ своей полудремотѣ, чего-чего не передумалъ старикъ Трауготъ! Онъ вообще былъ не изъ фантазеровъ, но иногда и ему случалось далеко уйти въ прошлое, которое было ему и близко, и дорого; то прошлое, въ которомъ онъ видѣлъ для себя законъ, храня и соблюдая, какъ неприкосновенную святыню, всѣ поступки своихъ „стариковъ“, ихъ мысли и воззрѣнія.

Если онъ почему-либо держался откровеннѣе съ „младшимъ своимъ“—Густавомъ, то на это была особая причина: въ его лицѣ и осанкѣ, въ его убѣжденіяхъ, онъ видѣлъ какъ бы отблескъ, отраженіе умныхъ и достойныхъ чертъ его собственнаго отца. Увѣренность и выдержка, которыя молодой унтеръ проявлялъ въ своемъ управленіи хозяйствомъ отца, также напоминали старику впечатлѣніе, сложившееся еще въ его юные годы, когда такъ живо ему представлялся его отецъ, плечистый,

рослый блондинъ (совсѣмъ Густавъ!); съ такими умными и свѣтлыми глазами, какъ у Густава; съ такимъ же красивымъ и безбородымъ лицомъ (отличительный признакъ всѣхъ столповъ Бютнеровскаго рода!), какъ лицо Густава!

Въ то время, какъ дѣдъ Траугота уступилъ своему сыну это самое имѣніе, надъ людьми и надъ ихъ землею были полновластными хозяевами графы, которымъ всѣ эти земли фактически принадлежали.

Но вотъ все круто измѣнилось.

Крестьянину была предоставлена полная свобода; онъ сталъ хозяиномъ своей земли, своихъ владѣній; зато одновременно съ обязанностями, которыя прежде на него налагались, отпала и та защита, то покровительство, которое естественно находилъ у своего „графа“ его вассалъ-земледѣлецъ, когда кто-либо посторонній вздумалъ бы его тѣснить. Въ благосостояніи и благополучіи землепашца владѣлецъ-аристократъ былъ лично заинтересованъ: оно отражалось тотчасъ же на его собственномъ благосостояніи. Чѣмъ лучше жилось крестьянину, чѣмъ онъ былъ сытѣе, здоровѣе, тѣмъ лучшій былъ онъ и воинъ, и работникъ, тѣмъ богаче и сильнѣе былъ самъ его „графъ“.

Иго власти давило крестьянина. Но въ тѣ времена, когда ему самостоятельно приходилось выплачивать поземельные налоги, штрафы и неустойки; когда некому было вступиться за него передъ властями; когда, напротивъ (какъ бѣдному Бютнеру казалось), самъ графъ норовитъ, какъ бы обидѣть своего бывшаго вассала, поживиться на счетъ его владѣній,—тогда жутко, безпомощно чувствуетъ себя крестьянинъ, угнетаемый уже и безъ того ужасными дождями и неурожаемъ.

„Да! Еслибы Густавъ вó-время не подоспѣлъ, — продолжалъ размышлять Трауготъ Бютнеръ,—пожалуй, и нашъ графъ завладѣлъ бы давно моей землею. Въ голодные годы хлѣбопашцамъ было не подъ силу удержаться на родной землѣ, и они шли толпами на графскій дворъ, и сами добровольно отдавали за деньги свою родовую землю. А вторженіе французовъ? Чего мы тогда не натерпѣлись! Послѣ войны, послѣ разгрома пришелъ неурожай, послѣ неурожая—голодъ“...

Отецъ Траугота, Леберехтъ Бютнеръ, всѣ свои завидныя свойства передалъ своему старшему сыну. Только одно изъ нихъ ушло съ нимъ въ могилу: его поразительное счастье! Все въ жизни ему удавалось, все онъ начиналъ и продолжалъ кстати и съ успѣхомъ. Трауготу, напротивъ, не везло съ самой той минуты, какъ онъ сталъ „хозяиномъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по-

палъ въ должники своихъ сонаслѣдниковъ. Онъ былъ „хозяинъ" стараго закала. „Новые" величаютъ себя „экономами"; читаютъ спеціальныя книги, по возможности выписываютъ газеты, слѣдятъ за биржевымъ курсомъ и за барометромъ, а дѣтей своихъ посылаютъ служить по мѣстамъ.

Старикъ Трауготъ не хотѣлъ подчиниться этой новой модѣ. Какъ бы круто ему ни приходилось, онъ ни передъ кѣмъ не намѣренъ былъ гнуть свою сѣдую голову: ни передъ людьми, ни передъ самимъ Богомъ! Онъ не считалъ себя грѣшникомъ—вотъ и все!

Вѣрованія этого старика-христіанина врядъ ли можно было признать за христіанскія, хотя для него Богъ былъ понятіемъ вполнѣ опредѣленнымъ. Это было Верховное, Высшее Существо, главнымъ свойствомъ котораго было имѣть попеченіе о томъ, чтобы все въ природѣ совершалось въ надлежащемъ порядкѣ; чтобы своевременно наступало каждое время года; чтобы погода благопріятствовала урожаю; чтобы земля богато уродила... Посѣщать церковь, пріобщаться, ходить со сборомъ, молиться и подпѣвать въ церкви,—вотъ что̀ онъ считалъ какъ бы жертвой, которую онъ обязанъ приносить Богу,—„благъ Подателю", дабы Онъ былъ милостивъ къ нему. Если же погода была не такая, какъ ему хотѣлось, если земля плохо уродила, Трауготъ начиналъ сердиться на Бога, и сердился до тѣхъ поръ, пока дѣла не начинали поправляться. О загробной жизни и о второмъ пришествіи онъ думалъ, что это непостижимое для него понятіе —не болѣе, какъ выдумка ученыхъ.

— Это ужъ *ихъ* выдумка непремѣнно,—какъ ихъ тамъ?— профессоровъ или студентовъ,—рѣшилъ онъ.

Впрочемъ, въ глубинѣ души у него все-таки запечатлѣлся образъ Божій. Ему случалось, выйдя утромъ въ поле, видѣть, какъ ясно встаетъ солнце надъ наливающейся нивой, какъ оно всевидящимъ окомъ окинетъ всю матушку-кормилицу-землю; какъ согрѣетъ ее животворной лаской своего небеснаго взгляда... И предъ сверхъестественнымъ блескомъ дневного свѣтила Бютнеръ ощущалъ свою близость къ Богу; съ благоговѣніемъ сознательнаго чувства онъ снималъ шапку и весь отдавался краткой, но искренней молитвѣ. Въ обыкновенное же время наружные признаки его вѣры въ Бога ограничивались чтеніемъ молитвы предъ обѣдомъ и снятіемъ шапки, когда звонили къ церковной службѣ; но это все дѣлалось безъ особаго чувства, по давно усвоенной привычкѣ. Помимо этого, его набожность вы-

ражалась лишь въ томъ, что по воскреснымъ днямъ онъ считалъ подходящимъ бывать въ церкви разъ въ недѣлю.

И чѣмъ старше становился старикъ, тѣмъ больше уходилъ въ себя и утверждался въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, и цѣплялся за нихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще шевелился у него въ душѣ укоръ, что онъ самъ виноватъ въ бѣдствіяхъ, постигшихъ всю его семью. Онъ ясно видѣлъ, онъ могъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ падало постепенно созданное имъ, дорогое ему хозяйство, завѣщанное ему отцомъ.

Трауготъ Бютнеръ свято хранилъ свое нравственное и матеріальное наслѣдіе и гордился этимъ; единственной каплей горечи въ этомъ сознаніи были смутные укоры совѣсти за судьбу родного владѣнія, и чтобы заглушить ихъ, онъ старался взваливать вину на другихъ. Не онъ накликалъ всю бѣду, а обстоятельства, неурожай и непогода!.. Но почему же сердце ему жжетъ и гложетъ горячѣе огня чувство укора и самообвиненія? И въ груди сильнѣе закипала ненависть и злоба противъ всего міра,—единственное утѣшеніе въ печаляхъ стараго упрямца.

XI.

Какъ молнія съ безоблачнаго неба, неожиданно поразилъ Бютнеровъ исполнительный листъ по закладной Кашель-Эрнста. Въ случаѣ же неповиновенія со стороны должника—имущество шло съ молотка.

Несмотря на то, что эта бѣда касалась всѣхъ, старикъ Трауготъ ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ объ этомъ, за исключеніемъ, конечно, Густава.

Не разъ случалось старику быть свидѣтелемъ того, какъ его сосѣдей къ уплатѣ долговъ приводили принудительными мѣрами. Молотокъ—ужъ послѣднее дѣло! Отъ этого не оправлялся еще никто и никогда... за его память, конечно.

Первымъ стремленіемъ Густава, по полученіи извѣстія объ угрожающемъ арестѣ имущества, было броситься въ харчевню, переговорить лично съ дядей, чтобы узнать, какъ это такъ вдругъ случилось, и кстати предупредить его, что въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до такого скандала, самъ Кашель будетъ въ накладѣ.

Съ утра Густавъ отправился въ харчевню Кашеля и засѣлъ тамъ за кружкой пива поджидать самого хозяина. Къ нему вышла Оттилія и принялась занимать его разговоромъ.

— А скучно вамъ у насъ, въ Гальбенау!—начала она.— Отчего васъ такъ рѣдко видно? Ни разу не были вы здѣсь на танцахъ. Видно, здѣшнія дѣвушки для васъ не довольно хороши?

Густавъ почти не отвѣчалъ на ея слова, чуя въ нихъ затаенную ревность къ соперницѣ, и мысленно сравнивалъ съ цвѣтущей, молодой Полиной увядшую и старую Оттилію.

„И некрасива же она со своимъ чрезмѣрно вытянутымъ станомъ, съ неуклюжей головой и кривымъ ртомъ, въ которомъ появилась еще одна впадина! И такая неряха, — косматая, съ разстегнутымъ лифомъ! Такъ и бѣгаетъ цѣлый день, безстыдница! А туда же,—считается самой богатой наслѣдницей“!

Оттилія выбѣжала вонъ изъ пивной и скоро вернулась, но не съ отцомъ, какъ онъ думалъ, а одна, и подсѣла къ тому же столу, гдѣ сидѣлъ Густавъ. Она принесла подносъ съ графинчиками и стаканчиками и, сама наливая, предлагала ему выпить, съ любезною улыбкой.

Густава это злило. Положимъ, онъ не прочь былъ вкусно покушать,—особенно теперь, когда въ домѣ велось такое скудное хозяйство;—но самое присутствіе Оттиліи уже было способно отравить ему аппетитъ. Но кузина, казалось, не замѣчала, что производитъ на него невыгодное впечатлѣніе. Она сидѣла и съ довольнымъ видомъ смотрѣла, какъ онъ ѣстъ и пьетъ. Густавъ замѣтилъ, что она успѣла перемѣнить кофточку, но красновато-желтоватый лифъ, все равно, не могъ придать изящества ея плоской груди и землистому цвѣту лица. Наконецъ, чувствуя, что уже сытъ совсѣмъ, Густавъ просилъ Оттилію позвать отца, но та возразила:

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Это еще успѣется. Развѣ намъ не о чемъ побесѣдовать вдвоемъ?

Любезная дѣвица усѣлась съ нимъ рядомъ. Это показалось Густаву ужъ черезчуръ любезно, и онъ настоятельно „попросилъ“ ее позвать отца. Ей оставалось только повиноваться, и тотчасъ же вслѣдъ за нею появился въ дверяхъ самъ хозяинъ, Капель-Эрнстъ, въ своемъ обычномъ синемъ передникѣ, подъ которымъ онъ складывалъ руки на животикѣ; на ногахъ у него шлепали туфли, на головѣ была шапочка. За нимъ слѣдомъ шелъ Рихардъ.

По обыкновенію, оба привѣтствовали милаго родственника хихиканьемъ и улыбочками.

— Оттилія! Подай сюда стаканъ! И я, пожалуй, выпью! Пиво разливать—такъ бросить въ жаръ. А, Рихардъ?

Рихардъ глупо ухмыльнулся; а Густавъ, чтобы только что-нибудь сказать, спросилъ:

— А что̀, Рихардъ, скоро собираешься въ солдаты?

Въ отвѣтъ лица обоихъ засіяли, и старикъ произнесъ самодовольно:

— Онъ освобожденъ отъ воинской повинности. Да, да: Рихардъ освобожденъ!

— Удивительно!.. Сколько мнѣ извѣстно, у него нѣтъ никакихъ пороковъ...

— Ну, мы и сами еще недавно ничего объ этомъ не подозрѣвали, — возразилъ Кашель-отецъ.—Г. штабный врачъ нашелъ, что у него бываютъ судороги въ лѣвой ногѣ: растяженіе жилъ,—такъ, кажется, по-ихнему?.. А, Рихардъ?

Старикъ трясся отъ смѣху, какъ будто это была остроумнѣйшая въ мірѣ шутка, авторомъ которой онъ считаетъ своего геніальнаго сыночка. Не забывая, что пришелъ сюда въ качествѣ просителя, Густавъ имѣлъ терпѣніе выждать, чтобы хозяинъ дома перестаъ предаваться своей веселости, и тогда только приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ. Замѣтивъ, къ чему клонитъ рѣчь племянникъ, онъ выслалъ вонъ Оттилію, но Рихарду не помѣшалъ остаться, — и это не понравилось Густаву. Самымъ непріятнымъ образомъ поразило послѣдняго то обстоятельство, что они оба были на одно лицо, и это сходство проступало въ ихъ плутоватыхъ, непривѣтливыхъ физіономіяхъ въ эту минуту еще сильнѣе.

Они предоставили право слова своему племяннику и кузену, который откровенно развивалъ имъ свои планы и виды на будущее.

— Если будете настаивать на немедленной уплатѣ, отецъ разорится!— продолжалъ онъ.—Потерпите немножко—и проценты вамъ будутъ уплачены сполна; потомъ начнемъ выплачивать вамъ и капиталъ, — и весь выплатимъ, будьте спокойны: *я* вамъ въ томъ порукой! А будете настаивать,—погубите и землю, и свой собственный въ ней интересъ...

Задолго впередъ, Густавъ составилъ себѣ нѣкоторый планъ, какъ и что̀ онъ будетъ говорить.

„Конечно, надо будетъ говорить прямо, горячо,—не разъ думалъ онъ.—Не погибать же этой землѣ-кормилицѣ, которая выростила столько поколѣній! Неужели мыслимо допустить, чтобы старика-Бютнера оставить безъ земли, безъ крова, безъ пищи, на произволъ судьбы, на иждивеніе сельскаго общества? Я такъ ему и скажу прямо, безъ боязни. Неужели дядя рѣшится на такое дѣло? Нѣтъ, нѣтъ: не можетъ быть! Онъ не захочетъ видѣть такого позорнаго разгрома: онъ вѣдь самъ сродни Бют-

нерамъ... по женѣ, конечно, памяти которой онъ не захочетъ оскорбить отказомъ"!..

Вотъ приблизительно въ какомъ духѣ намѣревался говорить Густавъ; но, глядя на крысиныя лица своихъ „родственниковъ", на ихъ затаенное злорадство, всякое одушевленіе у него пропало, всякое горячее воззваніе остыло и застряло въ горлѣ. Онъ чувствовалъ: все, что̀ онъ ни скажетъ, только послужитъ пищей ихъ злорадству.

Довольно круто Густавъ вдругъ поразилъ дядю своимъ вопросомъ:

— А какая цѣль вашего взысканія? Ужъ не хотите ли вы у насъ отобрать нашу землю и *сами* забрать ее въ свои руки?

Но и отъ этого отвѣта Кашель-Эрнстъ уклонился, прикрываясь своей обычной маской—смѣхомъ. Густавъ повторилъ вопросъ:

— Надѣюсь, я имѣю на это законное право! — возразилъ тотъ наконецъ.

Всѣ уже стояли на ногахъ...

— Конечно; но я хотѣлъ бы знать,—можете вы взять свое взысканіе назадъ!

— Кой чортъ! стану я брать назадъ? И не подумаю!— вскричалъ Кашель. Густавъ почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ голову; онъ крѣпко стиснулъ ручку стула, передъ которымъ стоялъ. Ярость и озлобленіе просились у него наружу; теперь не было больше необходимости сдерживаться; можно было дать волю душившему его раздраженію. Съ побѣлѣвшими щеками, хриплымъ, прерывистымъ голосомъ, онъ закричалъ, и вмѣстѣ съ крикомъ росла его горячность:

— Ну, и прекрасно! И прекрасно! Въ сущности, я и не могъ ожидать ничего другого. Зато теперь мнѣ стало все понятно! Теперь я вижу, что̀ вы за миленькіе родственнички! Нога моя не будетъ у васъ на порогѣ! Провались вся ваша проклятая свора! Совѣсти въ васъ нѣтъ! Стыдитесь!

И Густавъ вышелъ, по дорогѣ задѣвая за стулья и столы.

Кашель-Эрнстъ побѣжалъ за нимъ и крикнулъ ему въ догонку:

— Эй, ты, послушай! Я съ тобой, мальчишка, еще посчитаюсь! У меня еще найдется для тебя словечко! Если вы воображаете, что вамъ удастся меня обморочить: жестоко ошибаетесь! Отецъ твой баранъ, вотъ онъ что̀! Да еще самый глупый, и другого такого во всемъ стадѣ у него не найдется! Не такимъ баранамъ, какъ онъ, владѣть такой землей! Зато Богъ и не

даетъ ему удачи! А что онъ хоть со всей семьей пойдетъ шататься по-міру, мнѣ это все равно, слышишь ли? Все рав-но! Мнѣ васъ ничуть не жаль, не жаль!..

Такъ какъ съ дядей Кашелемъ не вышло ничего, то Густавъ рѣшилъ попробовать счастья у другого дяди. Леберехтъ Бютнеръ—человѣкъ богатый, и хоть особой близости между братьями никогда не бывало, но все же онъ не подавалъ повода предполагать въ себѣ такую холодность и даже непріязнь, какъ у Кашеля. Еще до ухода своего изъ гарнизона, Густавъ озаботился справить себѣ приличную синюю сюртучную пару; шляпа у него была еще совсѣмъ почти новая, на сапогахъ тоже еще не было ни одной заплатки. Полина любовалась имъ и говорила, что ему все къ лицу! Густавъ былъ очень радъ такой оцѣнкѣ: ему отнюдь не хотѣлось произвести на своихъ богатыхъ родственниковъ впечатлѣніе нищаго или попрошайки.

Онъ нагрянулъ на нихъ, какъ снѣгъ на голову, не предупреждая о своемъ намѣреніи ихъ посѣтить, чтобы не подвергать себя отказу; вѣдь не могло быть сомнѣнія, что вся родня не особенно благосклонно встрѣтитъ вѣсти о неоднократныхъ взысканіяхъ. Старикъ Бютнеръ еще недовѣрчивѣе и мрачнѣе смотрѣлъ на это дѣло; онъ былъ не очень-то высокаго мнѣнія о братѣ, тѣмъ болѣе, что въ дѣтствѣ они трепали другъ друга за волосы почти непрерывно, и потасовка у нихъ была дѣломъ обычнымъ.

Изъ дѣлового письма своего кузена Густавъ узналъ и запомнилъ, что торговля его дяди помѣщается на базарной площади. Туда онъ и направилъ свои шаги. Остановившись въ нѣкоторомъ изумленіи передъ большою вывѣской, на которой крупными буквами красовалось его собственное имя: „Густавъ Бютнеръ“, онъ не сразу рѣшился войти въ магазинъ, который по своей роскоши превзошелъ его ожиданія.

Съ площади „выставка“ занимала два большихъ окна, да за уголъ на улицу выходило еще нѣсколько оконъ ме́ньшаго размѣра. За стекломъ красовалось множество самаго разнообразнаго товара: кофе и чай, сахаръ и масло, печенье въ ящикахъ, свѣчи цѣлыми пачками, табакъ, всякаго рода съѣстные припасы, фрукты и пряности. Въ одномъ изъ лицевыхъ оконъ возсѣдалъ внушительный китаецъ, неутомимо и преважно кивавшій головой; въ другомъ стояла большая вывѣска-реклама, выхвалявшая чай, доставляемый сухимъ путемъ: на ней изобра-

женъ былъ большой, разукрашенный верблюдъ съ живописнымъ арабомъ на спинѣ и съ цѣлой грудою тюковъ и ящиковъ, наполненныхъ, понятно, чаемъ.

Войдя въ магазинъ, Густавъ былъ пораженъ, до чего торговая жизнь била ключомъ въ каждомъ его углу. Изъ числа приказчиковъ отдѣлился одинъ молодой тощій господинъ, съ очками на носу, и подошелъ къ гостю съ вѣжливымъ вопросомъ:

— Что̀ прикажете?

Густавъ назвалъ себя и прибавилъ, что желалъ бы видѣть дядю.

Наступила минута обоюдной неловкости. Обоимъ было какъ-то не по себѣ: приходилось чувствовать, что они близкіе родственники, а между тѣмъ вовсе не знаютъ другъ друга. Въ глубинѣ души Густавъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ на блѣднаго и тщедушнаго молодого человѣка, который долженъ былъ цѣлыми днями простаивать за прилавкомъ и услуживать покупателямъ. Впрочемъ, къ этому презрѣнію примѣшивалось чувство нѣкоторой зависти, свойственной обитателю деревни, по отношенію къ его болѣе цивилизованному ближнему горожанину. А этотъ послѣдній, въ свою очередь, не могъ удержаться, чтобы не усмѣхнуться на своего здороваго, но невоспитаннаго „родного изъ деревни“.

Отпустивъ нѣсколько человѣкъ покупателей, молодой хозяинъ „Торговаго дома Карлъ Бютнеръ и сынъ“ предложилъ Густаву пройти прямо къ „старику“, подразумѣвая подъ этимъ эпитетомъ своего отца, и далъ ему въ провожатые мальчика. Дойдя до мѣста своего назначенія, Густавъ съ удовольствіемъ почувствовалъ, при видѣ дядюшки, что съ нимъ онъ не ощущаетъ никакого стѣсненія. Старикъ съ загорѣлымъ лицомъ, на которомъ торчали надъ самыми глазами густыя сѣдыя брови, дѣйствительно былъ похожъ на его же собственнаго отца. Еслибъ не шитая ермолка, да не сафьяновыя дорогія туфли, какихъ и во снѣ не видалъ Трауготъ, сынъ могъ бы, пожалуй, принять за отца своего дядю Леберехта Бютнеръ. Съ нѣсколько грубоватымъ радушіемъ встрѣтилъ онъ своего племянника и просилъ садиться, осыпая его разспросами о судьбѣ тѣхъ или другихъ своихъ знакомыхъ въ Гальбенау. Густавъ охотно отвѣчалъ на все, польщенный радушіемъ дяди, и, мало-по-малу, приступилъ къ изліянію своихъ сердечныхъ, но далеко не радостныхъ чувствъ.

Карлъ Леберехтъ былъ пораженъ неожиданностью „краха“, который угрожалъ его брату; положимъ, онъ давно зналъ, что его дѣла не блестящи, но до такого позора онъ не могъ додуматься, и потому его ужасъ былъ самый неподдѣльный. Ободрен-

ный еще болѣе, Густавъ постепенно подошелъ къ вопросу, который былъ близокъ его сердцу, и развернулъ откровенно передъ добрымъ дядюшкой всѣ свои планы и мечты, а главное—надежду, что онъ ему поможетъ.

— Да, вотъ дѣла-то!.. Вотъ дѣла!..—соболѣзнующимъ тономъ поддакивалъ Карлъ Леберехтъ; но когда дѣло дошло до вопроса о помощи племяннику, старикъ почесалъ за ухомъ. Глухо намекая на тягость своихъ торговыхъ обязательствъ, онъ, однако, не говорилъ ни да, ни нѣтъ. Густавъ замѣтилъ, что просьба оказать ему денежную помощь очень встревожила дядю: онъ вскочилъ съ мѣста и, потирая свои мужицкіе кулаки одинъ о другой, принялся расхаживать по комнатѣ, въ волненіи невольно перейдя на свой природный, деревенскій языкъ.

— Постой, постой! Такъ скоро невозможно. Вы тамъ воображаете, сидя у себя въ деревнѣ, что здѣсь у насъ деньги ростутъ, что твое сѣно?! Да если вамъ, крестьянамъ, плохо, такъ намъ вдвое плоше! И мы сейчасъ ужъ все за вами подмѣчаемъ... Какъ перестанетъ крестьянинъ за покупками ходить,—ну, и видно, что у него денегъ нѣтъ. Да я, хоть и хотѣлъ бы, не въ состояніи помочь Трауготу: фирма „Бютнеръ и Сынъ“ тоже вѣдь налагаетъ обязательства...

Онъ остановился и вдругъ спросилъ племянника, видѣлъ ли тотъ его магазинъ? Искренняя похвала Густава всему видѣнному чрезвычайно польстила самолюбію Леберехта. Онъ еще любилъ ощущать гордость, составляющую отличительную черту человѣка-выскочки, которому удалось пробить себѣ дорогу. Онъ принялся расписывать Густаву свои тяжелые первые шаги на житейскомъ поприщѣ и не скупился на похвалы своему трудолюбію и ловкости управляться съ торговыми дѣлами.

— Видишь ли,—говорилъ онъ, кладя племяннику руки на плечи:—вамъ, земледѣльцамъ, ничто не поможетъ! Какъ вы ни трудитесь, ни мучайтесь, какъ ни старайтесь рано вставать и весь день „работать“, какъ ни лѣзьте изъ кожи, чтобы натянуть лишній пфеннигъ, — вамъ ничто не поможетъ! Ничего-то вы, крестьяне-землепашцы, не добьетесь! И пробиться впередъ никогда вамъ не удастся!.. И я вамъ скажу, въ чемъ секретъ: въ томъ, что вы не умѣете считать. Тотъ, кто крестьянинъ настоящій, тотъ навѣрно считать *не умѣетъ*. Въ наше время главное—умѣть считать! Взгляни ты на меня: я вѣдь ходилъ въ школу въ Гальбенау и всегда былъ лѣнтяемъ, а все же выучился ариѳметикѣ (всегда я въ ней отличался), и это мнѣ чрезвычайно помогло въ торговлѣ. Умѣнье считать пробило мнѣ

въ жизни дорогу. Ну, вотъ и посмотрите: чтò вы теперь такое и чтò я?

Густавъ не противорѣчилъ, какъ ни были ему непріятны слова старика, и опять вернулся къ своему прежнему вопросу. Карлъ Леберехтъ, помявшись немного, объявилъ, что ничего опредѣленнаго обѣщать не можетъ... надо еще потолковать съ другими...

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ, и въ дверяхъ появилась сѣдая женщина, въ чепцѣ съ лиловыми лентами; она казалась значительно старше своего мужа. На ея поблекшемъ лицѣ отразилось замѣтное неудовольствіе, какъ только она узнала въ нежданномъ гостѣ „родственника изъ деревни". Она отозвала мужа своего въ сторону и что-то горячо зашептала ему, а онъ, на глазахъ у племянника, отвѣчая ей, какъ-бы въ чемъ-то извинялся.

„Такъ вотъ откуда вѣтеръ дуетъ!—сообразилъ Густавъ.— Дядя не хозяинъ у себя въ домѣ"!—И ему страшно стало за осуществленіе его плановъ.

Между тѣмъ, собралась въ столовую вся семья Леберехта,— сынъ его, котораго Густавъ уже видѣлъ въ лавкѣ, и дочь, одѣтая какъ барышня,—въ узкомъ лифѣ, въ высокой прическѣ. Руки ея, бѣлыя, выхоленныя, видимо, не привыкли къ работѣ. Густаву вдругъ сдѣлалось неловко въ ихъ присутствіи, и сравненіе натянутой городской обстановки съ деревенской оказалось не въ пользу первой. Во время обѣда кузенъ и кузина говорили между собою съ такимъ жаромъ, какъ будто имъ очень рѣдко приходилось видѣться. Въ ихъ говорѣ звучала нотка злобнаго удовольствія, что деревенскій дурачина не въ состояніи понять, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь.

А ему, тѣмъ временемъ, все казалось глупымъ и смѣшнымъ, несмотря на то, что онъ былъ прямо изъ деревни. Смѣшно было видѣть, что чопорная прислуга, наряженная въ чепецъ и передникъ, подавала кушанье, приговаривая:

— Кушайте, прошу!

Дома все это дѣлалось гораздо проще: всякій бралъ себѣ кто сколько хотѣлъ, и всѣ ѣли непринужденно, безъ ужимокъ, но дò-сыта. А здѣсь—хлѣбъ нарѣзанъ маленькими кусочками, и кушанье разсчитано по порціямъ. Когда Густавъ спросилъ себѣ кусочекъ хлѣба, на него всѣ посмотрѣли съ удивленіемъ.

Во время кофе пришелъ женихъ молодой дѣвушки, господинъ внушительнаго вида, съ брюшкомъ, на которомъ красовался пестрый жилетъ. Встревоженный появленіемъ чужого, онъ, однако,

вскорѣ успокоился, узнавъ отъ невѣсты, что этотъ чужой—только „деревенская родня“. Послѣ обѣда женщины ушли къ себѣ, чтобы не мѣшать мужчинамъ говорить о дѣлахъ.

Не долго думая, двоюродный братецъ—онъ же и тёзка Густава—объявилъ, что и говорить не стоитъ о такомъ дѣлѣ, которое совершенно невозможно.

Да это было бы „непростительнымъ легкомысліемъ“ со стороны торговаго человѣка—такъ рисковать деньгами! Нельзя же помѣщать деньги „à fonds perdus“...—и кузенъ принялся сыпать такими выраженіями, которыя были для унтеръ-офицера настоящей тарабарщиной: такъ и посыпались разныя „non-valeurs“, „убыточныя закладныя“ и т. п.

— Нельзя рисковать живымъ ради мертваго,—заключилъ онъ уже совершенно непонятнымъ для Густава выраженіемъ.

Толстый женихъ одобрительно кивалъ на каждое слово своего будущаго шурина, а старикъ Леберехтъ повторилъ вслѣдъ за сыномъ:

— Да. Мы не можемъ взять на себя отвѣтственность отнять такую крупную сумму отъ нашего общаго торговаго дѣла, чтобы вложить ее въ погибшее предпріятіе!

Густавъ немедленно откланялся и сошелъ внизъ вмѣстѣ съ дядей, который проводилъ его до самыхъ сѣней. Тамъ, въ полутьмѣ, племянникъ почувствовалъ, что ему что-то суютъ въ карманъ, такъ, чтобы другіе не видали.

Потомъ онъ только узналъ, что это былъ ящичекъ самыхъ дорогихъ гаванскихъ сигаръ.

XII.

Густаву было ясно, что отцовское имѣніе нѣтъ возможности спасти отъ неизбѣжнаго погрома. Какъ ни была для него тяжела необходимость предоставить злополучную семью ея горькому удѣлу, а по неволѣ приходилось подумать, что пора отдѣлиться отъ отца и позаботиться о женѣ и сынѣ. Но „молодымъ“ надо же будетъ жить хоть гдѣ-нибудь; а мѣста у него не было хотя бы на примѣтѣ. Всѣ свои планы и мечты онъ повѣрялъ Полинѣ, и та, успокоенная увѣренностью, что онъ не намѣренъ ее бросать, дѣйствовала на него умиротворяющимъ образомъ. Она всей душой была ему благодарна за то, что онъ рѣшился сдѣлать ее своей женой, и въ этомъ видѣла себѣ награду за претерпѣнныя муки многихъ минувшихъ лѣтъ. Но и у нея была

забота: своего рода гордость и самолюбіе подсказывали ей, чтобы она не шла за него безприданницей, и Полина ревниво принялась ткать, шить и кроить,—не для того, чтобы блеснуть своимъ приданымъ, но чтобы не оставить такого важнаго событія безъ отличія: не идти же къ *нему* въ домъ съ пустыми руками! она, слава Богу, не нищенка! Полина то-и-дѣло стучала ножницами, сметывала лоскутки пестрыхъ матерій,—зрѣлище невиданное въ ея скромненькой каморкѣ!

До Густава дошли слухи, что въ графской усадьбѣ нуженъ старшій кучеръ, и онъ отправился для переговоровъ прямо къ главноуправляющему графа,—полковнику Шрофу. Мнѣнія объ этомъ господинѣ сильно расходились. Одни говорили, что онъ къ крестьянамъ, а главное, къ своимъ рабочимъ, относится какъ отецъ родной и всегда готовъ постоять за нихъ горой; мало того—онъ же озаботился срыть старые бараки для рабочихъ и замѣнить ихъ прочными и красивыми домами; съ подчиненными онъ всегда радушенъ и любезенъ.

Но старикъ Бютнеръ каждый разъ, что рѣчь заходила о полковникѣ, становился мрачнѣе ночи и пояснялъ:

— Онъ насъ, маленькихъ людей, травитъ какъ зайцевъ!— только и могъ Густавъ отъ него добиться.

Густавъ пошелъ прямо къ нему.

— Ужъ не сынъ ли вы старика Бютнера?—спросилъ полковникъ.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

— Что жъ, развѣ вамъ нѣтъ дѣла на отцовской землѣ?

— Да такъ ужъ... по семейнымъ обстоятельствамъ...—уклончиво отвѣчалъ молодой унтеръ.

Его военная выправка и смышленое лицо привлекли вниманіе полковника, и онъ совсѣмъ уже радушно замѣтилъ:

— Отъ васъ можно бы, я думаю, узнать, каково настоящее положеніе дѣлъ вашего отца?

Густавъ отвѣчалъ, что скверное.

— А что̀ я говорилъ ему шесть мѣсяцевъ тому назадъ,—но онъ и слушать не хотѣлъ!

Разговаривая, собесѣдники прошли по̀ двору и, отпустивъ нѣсколько человѣкъ молодыхъ служащихъ, полковникъ повелъ Густава къ себѣ на квартиру. Онъ помѣщался въ первомъ этажѣ большого зданія графской фермы, и обстановка его двухъ комнатъ была самая простая: кожаные кресла и диванъ, гнутые стулья, книжная полочка. Воздухъ былъ пропитанъ табачнымъ дымомъ, какъ у отъявленнаго курильщика. По стѣнамъ висѣли

охотничьи оружія и трофеи; надъ письменнымъ столомъ—единственная во всемъ помѣщеніи картина — большой ландшафтъ масляными красками.

На переднемъ планѣ бородатый мужчина (очевидно, самъ полковникъ Шрофъ) и дама въ свѣтломъ платьѣ—видимо, мать троихъ бѣлокурыхъ малютокъ, которыя были тутъ же. Гдѣ бы ни сидѣлъ полковникъ, за письменнымъ столомъ или на диванѣ,—отовсюду эта картина была хорошо видна. Уже нѣсколько лѣтъ вдовѣлъ полковникъ, а бѣлокурые мальчуганы, превратившіеся въ мужчинъ, подобно отцу, вынуждены были искать хлѣба и работы на чужой сторонѣ.

Управляющій сѣлъ самъ и пригласилъ гостя садиться:

— Ну, Бютнеръ, говорите!.. Вашъ отецъ порядочный медвѣдь: хочешь сдѣлать ему добро,—онъ же еще ломается! Мнѣ кажется, что вы сговорчивѣе...

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!—радушно отозвался молодой унтеръ и, безъ малѣйшаго принужденія, откровенно разсказалъ все своему новому знакомому. Тотъ рѣшительно обворожилъ его.

Полковникъ задумчиво погладилъ себѣ бороду, тревожно зашевелился на стулѣ и переложилъ нѣсколько разъ съ ноги нà-ногу. Одно за другимъ, поднялись нѣсколько клубовъ дыма на воздухъ... Онъ глубоко вздохнулъ. Казалось, ему не безразличны горести другихъ. Вдругъ онъ швырнулъ въ сторону свою трубку и, вскочивъ съ мѣста, заходилъ по комнатѣ, ругаясь.

— Вотъ чего никогда бы не подумалъ! Человѣку, который искренно хочетъ ему помочь,—крестьянинъ боится довѣриться, а не боится запутаться въ денежныхъ обязательствахъ и разсчетахъ. И куда у вашего отца умъ дѣвался? Чтò теперь будетъ? Какъ ему быть?

Густавъ только огорченно подернулъ плечами.

— Всѣ-то вы, крестьяне, сами виноваты въ своемъ разореніи!—продолжалъ горячо полковникъ.—Вамъ никто не поможетъ! Надо бы, кажется, думать, что вашъ отецъ, который дожилъ до сѣдыхъ волосъ, можетъ поступать осторожнѣе послѣ всего того, чтò ему пришлось пережить? Такъ нѣтъ же! Онъ себѣ, не задумываясь, ставитъ свою подпись на векселяхъ... Старая пѣсня! До тѣхъ поръ человѣкъ не поумнѣетъ, пока не дойдетъ до всего горькимъ опытомъ. А потомъ,—потомъ пойдутъ слезы и раскаяніе... когда уже поздно!

Лицо полковника омрачилось. Онъ умолкъ и остановился передъ письменнымъ столомъ, не сводя глазъ съ картины... Но

вотъ движеніемъ руки онъ какъ бы отмахнулъ отъ себя грустныя мысли и принялся опять ходить по комнатѣ.

— Ну, что же дальше будетъ?

— Если бы г-нъ полковникъ дали мнѣ совѣтъ...

— Да, все это можно было бы тогда, какъ я убѣждалъ вашего отца согласиться на мое предложеніе. Тогда земля была еще почти свободна; но теперь, когда она въ долгахъ, какъ въ сѣтяхъ!.. Да графъ меня засмѣетъ, если я ему предложу ее купить: она теперь не стоитъ тѣхъ долговъ, которые на ней лежатъ. Единственное, что осталось дѣлать, это выждать продажи съ молотка и купить ее для графа. Понятно, отца вашего можно оставить управляющимъ этой землею, хоть для насъ, собственно говоря, важенъ только лѣсъ, какъ я уже говорилъ; но вести цѣлое крестьянское хозяйство—это для насъ слишкомъ обременительно. Какъ видите, я ничѣмъ не могу помочь!

— Я слышалъ, Харрасовичъ говоритъ, что такихъ удобствъ для устройства кирпичнаго завода, какъ на нашей землѣ, теперь мало встрѣтишь.

— Кирпичнаго завода?—воскликнулъ Шрофъ:—значитъ, у васъ есть глина?

— Конечно, есть! Отцу не разъ ужъ говорили:—надо быть осломъ, чтобы не жечь кирпичей на такой землѣ!

— А Харрасовичъ тотчасъ же все сообразилъ и, очевидно, водрузитъ у насъ подъ носомъ дымовыя трубы своего кирпичнаго завода!..

Густаву припомнилось, что у графа тоже выжигаютъ кирпичи, и ему показалось даже выгодно, что дѣло принимаетъ такой оборотъ.

— Нечего сказать! Вотъ неожиданный сюрпризъ! Этотъ господинъ намъ сбиваетъ цѣны, переманиваетъ къ себѣ рабочихъ, отбиваетъ отъ насъ покупателей и портитъ весь крестьянскій людъ. Послѣ кирпичнаго завода онъ соорудитъ намъ, чего добраго, химическій или еще Богъ знаетъ какой! Воду въ рѣкѣ испортитъ, людей на полевыя работы не останется: все побѣжитъ на фабрику! Мнѣ уже чудятся на горизонтѣ длинныя, какъ спаржа, фабричныя трубы, клубы чернаго дыма и черная, угольная пыль... Хорошо будетъ графское помѣстье, нечего сказать!

Густавъ молчалъ, справедливо разсуждая, что вражда между аристократомъ и торговцемъ можетъ оказать его отцу услугу.

Полковникъ остановился передъ Густавомъ и довѣрчиво положилъ ему руку на плечо.

— А скажите-ка, Бютнеръ! Вы унтеръ-офицеръ и, сколько

мнѣ кажется, славный малый: неужели вашему отцу такъ и покориться? И дать себя выгнать изъ своего родового, насиженнаго гнѣзда? Нельзя до этого допустить, нельзя!—продолжалъ онъ еще горячѣе.—Если такой человѣкъ, какъ Харрасовичъ, ступитъ хоть одной ногой на вашу землю—такъ и знайте, что онъ вскорѣ очутится ея единственнымъ владѣльцемъ... Нѣтъ, нѣтъ! Эти разговоры о кирпичномъ заводѣ рѣшительно мнѣ не по вкусу!—заключилъ встревоженный полковникъ.

Густавъ, слушая его, рѣшилъ поймать своего доброжелателя на-словѣ, и предложилъ ему то же, что̀ и дядѣ, прося перевести на себя закладную Кашель-Эрнста.

— Это *я*-то долженъ взять такое порученіе на себя?—воскликнулъ Шрофъ:—да, наконецъ, я не въ состояніи ничего сдѣлать! Я такой же бѣднякъ, какъ и вы. Я представитель графа,—не болѣе того! Будь это еще въ другое время; а то теперь какъ разъ у насъ нѣтъ лишнихъ денегъ, тѣмъ болѣе на такое сомнительное дѣло... По чистой совѣсти, не могу я это посовѣтовать своему довѣрителю!..

Полковникъ, въ волненіи, бросился въ кресло и на минуту задумался.

— А что̀, очень отецъ любитъ свою землю?—спросилъ онъ.

— Такъ любитъ, что врядъ ли переживетъ ея потерю!

— Да, да! Могу себѣ представить!.. Послушайте, Бютнеръ: я рискну на свой страхъ поговорить съ графомъ. Только помните: я ничего не могу вамъ обѣщать, хотя графъ вообще дѣлаетъ въ хозяйствѣ все, на что̀ я ему укажу. Отвѣтственность я на себя беру большую; но такъ и быть, я попытаю счастья, потому... Ну, все равно,—ради самого дѣла,—попробую! Онъ теперь въ Берлинѣ. Я ему напишу.

Густавъ вернулся домой въ болѣе отрадномъ настроеніи, чѣмъ уходилъ: у него явилась хоть слабая надежда въ будущемъ...

Харрасовичъ ѣхалъ въ своей открытой пролеткѣ; на козлахъ у него красовался кучеръ въ парадной ливреѣ, обшитой галунами. Чтобъ не смущать народъ, онъ приказалъ ѣхать окольнымъ путемъ и чистосердечно радовался, что побываетъ въ семьѣ, которая рѣшительно ему нравилась. Таково ужъ было его природное добродушіе: ему нравилась въ людяхъ скромность и радушіе,—хотя бы это были люди, которыхъ ему же предстояло обидѣть.

Онъ подъѣхалъ къ крыльцу. Выбѣжала хозяйка и обомлѣла; даже поздороваться не догадалась.

— А что̀, нашъ молодчина Бютнеръ дома?—спросилъ торговецъ, улыбаясь.

— Я одна дома... съ дочерьми,—робко сказала старуха.

— Ну, и прекрасно!.. И прекрасно! — подтвердилъ торговецъ.—Онъ у васъ работящій человѣкъ, усердный! Какіе вѣдь его годы, а все трудится... да! Молодецъ онъ, право, молодецъ!.. А можно моему кучеру задать лошадкѣ корму?

Хозяйка поспѣшила увѣрить гостя, что все къ его услугамъ, и послала Эрнестину въ конюшню принести овса и сѣна.

— Покрой ее попоной!—приказалъ Харрасовичъ кучеру;— да напой... только смотри, чтобъ она не закашляла!

Озаботившись такимъ образомъ о благосостояніи своей лошади, онъ обратился къ хозяйкѣ:

— А меня угостите чашечкой того прекраснаго кофе, который вы умѣете такъ хорошо варить, милѣйшая Бютнеръ! Я совсѣмъ замерзъ въ дорогѣ...—и онъ ласково хлопнулъ по спинѣ старушку, слѣдуя за нею въ домъ.

Старуха была очень рада сдѣлать пріятное г-ну Харрасовичу, который игралъ немаловажную роль въ судьбахъ ея семьи. Какъ женщина, она надѣялась заслужить его расположеніе своею лаской. Несмотря на свою хромоту, которая за зиму еще усилилась, она принялась суетиться, бѣгая туда и сюда, хлопоча, чтобы дочери поскорѣе развели огонь. Между тѣмъ, гость снялъ свою шубу и просилъ повѣсить ее передъ печкой, чтобы согрѣть, а самъ усѣлся поближе къ огоньку.

— Хорошая, теплая у васъ комната!—проговорилъ онъ:— Лишняго жара въ крестьянской избѣ никогда не бываетъ. Я, собственно, хотѣлъ проѣхать черезъ Гальбенау, да подумалъ:— Дай загляну, что̀ подѣлываютъ мои Бютнеры?

Старуха разсыпалась въ изъявленіяхъ благодарности за вниманіе.

— Теперь, зимою, въ деревнѣ тихое время; въ полѣ нѣтъ работъ... А, что̀? Весной опять работа закипитъ изо всѣхъ силъ. Вѣдь у васъ дома еще младшій сынъ... А, что̀?

— То-есть, нашъ Густавъ, да?

— Онъ служилъ въ полку и недавно вышелъ. Вотъ, я думаю, основательный отцу помощникъ?

— Еще бы! Да только онъ собирается жениться и—„хочу“, говоритъ, „быть самъ себѣ хозяинъ“. Ему ужъ больше не нравится жить съ нами дома. Онъ ищетъ себѣ мѣста. Какъ разъ

передъ вами, онъ поѣхалъ на графскій дворъ; прослышалъ, что тамъ есть мѣсто кучера: „Хочу“, говоритъ, „поступить къ графу въ кучера“,—вотъ что̀ онъ говоритъ.

— Такъ! Такъ! Онъ хочетъ поступить къ графу; такъ скажите вашему сыну, чтобы онъ поступилъ ко мнѣ. Служба въ господскомъ домѣ хуже невольничьей. А у меня, хоть бы въ Вермсдорфѣ, напримѣръ, ему найдется дѣло и получше. Тамъ у меня есть цѣлый участокъ земли; онъ могъ бы имъ управлять, а я могъ бы сдать его въ аренду ему же, за ничтожную... о! за самую ничтожную цѣну! Онъ можетъ тамъ разбогатѣть... Такъ ему и скажите!

Чуть не на каждомъ словѣ хозяйка присѣдала и приговаривала, потчуя гостя:

— Ужъ вы извините: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!.. Мы всѣмъ готовы подѣлиться, что̀ у насъ только есть. Вотъ, я пойду, поднесу кучеру водочки. Или дать ему чашечку кофейку?

— Пожалуйста, фрау Бютнеръ! — смѣясь, согласился Харрасовичъ.—Вы хоть кого избаловать способны!

Тони принесла и поставила на столъ кофейникъ; Эрнестина вынула изъ шкафа самую лучшую изъ чашекъ; старуха сама налила гостю. Съ аппетитомъ прихлебывая горячій кофе, онъ съ довольнымъ видомъ посматривалъ на радушныхъ хозяекъ и принялся разглядывать чашку, на которой золотыми буквами красовалась надпись: *Супругамъ юбилярамъ.*

— Это намъ подарокъ на серебряную свадьбу, — пояснила старуха.—Мы ее отпраздновали ужъ пять лѣтъ тому назадъ.

— Тридцать лѣтъ супружеской жизни! Хорошее дѣло! Особенно, если хорошо жилось замужемъ: тогда и время летитъ незамѣтно. Я и самъ скоро буду праздновать свою серебряную свадьбу. У меня дочь замужемъ, а сынъ въ университетѣ, изучаетъ юридическія науки. Къ пасхѣ кончаетъ курсъ. Умная голова! Да и я, признаться, ничего для него не жалѣлъ: все ему доставилъ!

Лицо его сіяло; онъ самодовольно обводилъ глазами своихъ слушательницъ, наслаждаясь вниманіемъ, съ которымъ онѣ вслушивались въ каждое его слово. На мигъ его взглядъ остановился на Тони, на ея слишкомъ полной фигурѣ... Тони зардѣлась отъ стыда и ушла въ самый дальній уголъ комнаты, чтобы тамъ забиться. Торговецъ кивнулъ старухѣ, и она подошла къ нему поближе:

— Что̀ это съ дочерью-то вашей приключилось, милая Бютнеръ? Сколько мнѣ извѣстно, она еще не замужемъ... хе-хе-хе!

Старуха скорѣе съ досадой, нежели съ огорченіемъ, поспѣшила пространно передать скорбную повѣсть любовныхъ приключеній Тони. Гость сочувственно покачивалъ головой:

— Да, да! Ужъ эта молодежь всегда такъ неосторожна! Не успѣешь оглянуться, а на свѣтъ уже является новый членъ общества! Надо, конечно, прежде всего стараться извлечь изъ этого неизбѣжнаго обстоятельства какъ можно больше пользы. Вы еще не подумали о томъ, чтобы отпустить свою дочку въ мамки?

Старуха, повидимому, не понимала, въ чемъ дѣло.

— Ну, въ кормилицы: понимаете? Такая видная и здоровая женщина можетъ много заработать. Въ городѣ на такихъ кормилицъ большой спросъ... ну, понимаете? Позовите-ка сюда вашу дѣвицу.

Тони робко стояла въ своемъ уголкѣ, не смѣя показаться.

— Тони! Подойди сюда. Слышишь? Тебѣ говорятъ, подойди!

Наконецъ, Тони застѣнчиво двинулась къ столу и, чтобы скрыть свое замѣшательство, нервно хихикала, закрывая лицо руками и едва сдерживая слезы.

— Да не бойтесь же, полноте!—уговаривалъ ее гость.—У васъ видъ такой, что просто чудо! Вотъ увидите, милая фрау Бютнеръ, какъ вашей дочери будетъ къ лицу костюмъ Шпреевальда: бѣлый чепчикъ, короткая зеленая или красная юбка, черный бархатный лифчикъ, черные чулки... Тàкъ теперь принято носить въ Берлинѣ. Все самый первый сортъ!.. Ну, чтò жъ вы скажете на это, милая мама Бютнеръ?

Старуха совершенно растерялась; ей чудилось что-то несовсѣмъ ладное въ его предложеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей не хотѣлось прогнѣвить отказомъ. Она замялась.

— Ну чтò же? У меня и мѣсто для нея прекрасное готово,—продолжалъ торговецъ; моя дочь ожидаетъ прибавленія семейства лѣтомъ, и все это складывается какъ по заказу: для вашей дочери самое удобное и самое вѣрное. Жить она будетъ въ богатомъ господскомъ домѣ, въ столицѣ, въ кварталѣ Тиргартена,—самомъ аристократическомъ,—вы понимаете? Ваша дочь можетъ только радоваться такой удачѣ. А? Чтò вы скажете, мамаша?—и Харрасовичъ протянулъ руку, чтобы по ней ударили въ знакъ согласія. Видя, что старуха колеблется, онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ.

— Ну, чтò жъ? Хотите, я хоть сейчасъ дамъ задатокъ?—предложилъ онъ:—чтобъ вы видѣли, что я говорю серьезно.

Материнское чувство, однако, побѣдило ея смущеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя такъ скоро,—возразила она.—Это все надо обсудить съ нашими вмѣстѣ; да и ее, Тони, не мѣшало бы спросить: хочетъ ли она, или не хочетъ?

— Ну да! Ну да, поговорите всѣ между собою,—согласился Харрасовичъ;—а я потомъ навѣдаюсь еще разикъ узнать, что̀ вы надумали?

За дверью раздались чьи-то твердые шаги, и въ комнату вошелъ Густавъ, прямо отъ полковника Шрофа. Онъ еще у воротъ увидѣлъ экипажъ торговца и узналъ, кто пріѣхалъ. Еще ни разу не видалъ онъ въ глаза гонителя своей семьи и представлялъ его себѣ совсѣмъ иначе.

Наружность у него была вовсе не звѣрская, а наоборотъ—скорѣе добродушная: и ростъ, и гладкое лицо, и бакенбарды въ видѣ котлетокъ, и полный станъ,—все, казалось, подтверждало это предположеніе.

Густаву захотѣлось обойтись съ нимъ свысока, чтобы тотъ не счелъ его за труса. Онъ круто швырнулъ свою шапку въ уголъ и, какъ бы не замѣчая гостя, сухо спросилъ:

— Гдѣ отецъ?

Харрасовичъ пытливо оглядѣлъ молодого человѣка.

— Такъ вотъ онъ, вашъ „нумеръ второй“, — мама̀ Бютнеръ?—замѣтилъ онъ громогласно.—Поздравляю,—вы подарили человѣчеству цѣлое поколѣніе рослыхъ, здоровыхъ людей. Такіе молодцы могутъ намъ пригодиться!.. А? Сколько вамъ лѣтъ, молодой человѣкъ?—продолжалъ торговецъ, видя, что Густавъ что-то говоритъ съ матерью, но торопливо и шопотомъ.

Густавъ не счелъ достойнымъ отвѣта такое обращеніе. Мать тревожно поглядывала на него, предполагая, что онъ разстроенъ и, можетъ быть, выпилъ лишнее; она знала, что Густавъ не особенно расположенъ къ ихъ гостю, и потому опасалась худшаго: въ гнѣвѣ онъ былъ невмѣняемъ, также какъ и его отецъ.

Она подошла къ торговцу и поспѣшила отвѣтить за сына:

— Двадцать-семь лѣтъ ему, двадцать-семь! Онъ славный малый, а? Не правда ли?—и она совсѣмъ некстати разсмѣялась, просто со страху.—Онъ у меня хорошій мальчикъ, добрый сынъ,—прибавила старушка, бросая на Густава тревожные и умоляющіе взоры, а гостю посылая растерянныя, какъ бы виноватыя улыбки.

Густавъ, между тѣмъ успѣлъ подмѣтить необычное у нихъ въ домѣ угощенье, кофейникъ на столѣ и съѣстное; успѣлъ замѣтить, что гость, даже разговаривая, не перестаетъ жевать, и ему стало досадно на обидчика, который видимо держалъ себя

не стѣсняясь передъ матерью и сестрами, а онѣ, напротивъ,— подслуживались къ нему.

— Я слышалъ, вы были у графа насчетъ мѣста въ кучера? —продолжалъ, все еще жуя, Харрасовичъ.—Что жъ, оно дѣйствительно свободно?

Густавъ, не отвѣчая, возился въ сторонѣ и не откликался даже на слова матери, которая его звала:

— Густавъ, Густавъ! Тебя спрашиваютъ... Что̀ же ты?

Но Харрасовичъ не могъ сомнѣваться въ настоящемъ намѣреніи молодого хозяина дома и счелъ за лучшее не ждать, когда окончательно разыграется буря. Онъ вскочилъ, на̀скоро подбѣжалъ къ печкѣ и, едва прикрывъ шубой плечи, выбѣжалъ на крыльцо. Женщины обступили Густава и удерживали его отъ бѣшенаго порыва, который манилъ его наброситься на чужого, на врага, и дать волю своимъ расходившимся нервамъ.

Видя, что гость уѣзжаетъ, старуха побѣжала за нимъ, чтобы извиниться за сына. Но было уже поздно. Экипажъ Харрасовича выѣхалъ изъ воротъ.

XIII.

Кашель-Эрнстъ имѣлъ обыкновеніе изрѣдка наѣзжать въ городъ для закупки всевозможныхъ товаровъ, необходимыхъ для его „гостинницы", и каждый разъ также выпивалъ изрядно, то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ пріятелей и торговцевъ; но никогда ему не случалось напиваться до-пьяна.

На этотъ разъ онъ уже успѣлъ пропустить кружку-другую, пока добрался до конторы Харрасовича; ему надо было сообщить самую свѣжую новость, встревожившую ихъ обоихъ. Графъ принимаетъ участіе въ судьбѣ Бютнера. Графъ имѣетъ свои разсчеты и хочетъ помочь ему, но, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы оттягать у него часть земли. Конечно, лѣсъ! Онъ не особенно доходенъ для старика Траугота, но для графа будетъ весьма кстати!..

— Велика важность!—перебилъ его Кашель-Эрнстъ.—По мнѣ, такъ хоть трава не рости, лишь бы получить свое. Ну и пусть графъ у него купитъ землю; а у меня деньги будутъ.

— И безъ того вы получили бы свое!—горячился Харрасовичъ.—Я бы это устроилъ; но теперь не можетъ быть и рѣчи... Проклятые аристократы! Суютъ свой носъ всюду, гдѣ ихъ не спрашиваютъ! Только цѣны сбиваютъ порядочнымъ людямъ!

Торговецъ былъ чистосердечно возмущенъ. Онъ считалъ вмѣ-

шательство графа личной для себя обидой, вторженіемъ въ его владѣнія. Кашель-Эрнстъ злорадно усмѣхался, поглядывая на него и прихлебывая изъ кружки пиво.

— Да, да! Въ концѣ концовъ ничего изъ этого не выйдетъ!—приговаривалъ онъ, и собрался уходить.

Харрасовичъ остался одинъ въ чрезвычайномъ возбужденіи.

Онъ мысленно уже давно рѣшилъ, что сдѣлается владѣльцемъ Бютнеровской земли, и уже смотрѣлъ на нее какъ на свою собственность. Сверхъ того, у него уже были планы насчетъ парового кирпичнаго завода, который онъ намѣревался устроить въ своихъ будущихъ владѣніяхъ, но главный доходъ онъ разсчитывалъ извлечь изъ продажи лѣса, который у него за дорогую цѣну перекупитъ графъ. И эти всѣ планы должны рушиться? Нѣтъ, нѣтъ! Этого нельзя допустить! Надо отговорить графа... но какъ это сдѣлать? Самъ Харрасовичъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ переговоры; но кто могъ бы его замѣнить?

А на что же, послѣ этого, существуетъ Эдмундъ Шмейсъ? Этотъ молодой человѣкъ уже не разъ доказывалъ на дѣлѣ свой умъ и ловкость. Онъ поведетъ переговоры съ графомъ, который, какъ аристократъ, не особенно близко входитъ въ дѣла управленія своимъ помѣстьемъ: на это у него есть цѣлый штатъ служащихъ. Для него главное—доходъ съ имѣнія, и не настолько же онъ входитъ въ интересы крестьянъ, чтобы знать каждую мелочь ихъ обихода. Но какъ вмѣшаться? Такіе аристократы недолюбливаютъ, чтобы къ нимъ лѣзли съ указкой; они легковѣрны, впечатлительны, но чрезвычайно самолюбивы, и весьма возможно, что къ ихъ желанію сдѣлать добро примѣшивается какое-нибудь другое чисто-эгоистическое чувство...

Эдмундъ Шмейсъ все съумѣетъ устроить; онъ съумѣетъ понравиться; онъ самый подходящій человѣкъ! Пусть онъ ѣдетъ въ Берлинъ, да кстати разузнаетъ и про цѣны на хлѣбномъ рынкѣ; объ этомъ всегда интересно знать изъ первоисточниковъ и отъ лицъ, посвященныхъ въ биржевыя тайны. За послѣдніе дни въ отдѣлѣ газеты: „Хлѣбный рынокъ“, стояло: „Съ пшеницей—тихо. Цѣны довольно опредѣленныя. Особенно большого предложенія не было, а между тѣмъ цѣны не поднимались; съ ячменемъ тоже тихо“...

Но Харрасовичъ не довѣрялъ такому затишью и считалъ, что оно предвѣщаетъ бурю, къ которой все-таки можно подготовиться, если поразвѣдать заранѣе о намѣреніяхъ законодателей хлѣбной биржи.

Очутившись въ Берлинѣ, Шмейсъ первымъ долгомъ направился въ самый лучшій магазинъ, гдѣ пріобрѣлъ новый, модный цилиндръ, огненно-рыжія перчатки и галстухъ самаго роскошнаго цвѣта.

Почти одновременно съ нимъ къ графскому подъѣзду подъѣхалъ собственный экипажъ, изъ котораго вышелъ офицеръ и помогъ выйти дамѣ, затѣмъ отдалъ приказанія кучеру и послѣдовалъ за своей спутницей.

Эдмундъ Шмейсъ слѣдилъ съ любопытствомъ за этой сценой и, подойдя къ кучеру, освѣдомился, чья карета? Въ отвѣтъ кучеръ назвалъ графа, и Шмейсъ порадовался, что знаетъ теперь навѣрное, что застанетъ графа дома. Еще разъ онъ окинулъ взглядомъ карету, кучера и всю упряжку, и убѣдился, что все это самаго высшаго достоинства. Онъ пропустилъ нѣсколько минутъ и вошелъ въ домъ.

На звонокъ вышелъ камердинеръ. Бѣгло смѣривъ глазами всю фигуру гостя, онъ заявилъ, что графа нѣтъ дома, но Шмейсъ, не смущаясь, сталъ на самомъ порогѣ, такъ что дверь не могли бы закрыть, и объявилъ настолько громко, чтобы было слышно въ сосѣдней комнатѣ:

— Скажите его сіятельству, что я имѣю сообщить ему важныя извѣстія о графскомъ имѣніи Саландъ. Вотъ моя карточка!

Безъ особаго уваженія взглянулъ лакей на карточку и ушелъ за дверь.

Видъ у него былъ весьма внушительный, благодаря тучной фигурѣ, бритому лицу и сѣдымъ короткимъ волосамъ.

Довольно долго онъ не возвращался, а теперь даже прежнее его выраженіе пропало; его замѣнило еще большее презрѣніе.

— Господа сидятъ за завтракомъ. Не угодно ли вамъ будетъ придти снова погодя немного.

Вотъ еще! Ни за что не стоитъ уходить, если ужъ добился того, что впустили,—рѣшилъ про себя посѣтитель и объявилъ лакею, что обождетъ, пока господа откушаютъ.

Старый слуга небрежно распахнулъ передъ нимъ дверь сосѣдней комнаты и презрительно произнесъ:

— Если угодно, пожалуйте! Вотъ здѣсь можно обождать!— и ушелъ.

Шмейсъ остался одинъ и принялся подробно разглядывать помѣщеніе, въ которое попалъ. Это было нѣчто въ родѣ гардеробной: по стѣнамъ висѣли мѣховыя шубы и прочія платья; на

полу стояла различная обувь; было холодно; здѣсь, очевидно, не топили. Вдоль стѣны стоялъ диванъ для спанья; надъ нимъ висѣли картины (копіи, конечно).

Самолюбіе Шмейса страдало при видѣ того, куда его завели, чтобы ждать графскаго пріема. Несмотря на модное платье и на новый цилиндръ, „этотъ негодяй лакеишка“ не счелъ его достойнымъ бо̀льшаго почета. Шмейсъ заглянулъ на себя въ зеркало съ трещиной, за которую, вѣроятно, его и препроводили сюда, какъ бы въ ссылку.

Ничего! Все въ полномъ порядкѣ: и его осанка, и нарядъ по послѣдней модѣ.

„Ужъ у этихъ холоповъ нахальства сколько хочешь!— разсуждалъ онъ:—Почемъ онъ знаетъ? Я легко могъ бы оказаться офицеромъ въ статскомъ, барономъ или графомъ“.

Но не изъ такихъ былъ Шмейсъ, чтобы долго охать и унывать, и рѣшилъ, что успѣхъ его порученія почти обезпеченъ. Онъ принятъ, онъ ждетъ графа—а остальное ужъ придетъ само собой.

Но вдругъ его вниманіе привлекъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ,—очевидно, столовой. До него долетали голоса, отдѣльныя слова и смѣхъ. Тарелками больше не стучали; очевидно, завтракъ былъ оконченъ, и тамъ шелъ оживленный разговоръ. До слушателя чаще всего долетали два имени: „Ванда“ и „Ида“, повидимому—ближайшія родственницы графа. Послышалось двиганье стульевъ; говоръ затихъ, и Шмейсу показалось (къ его немалому удивленію), что кто-то читаетъ молитву. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ голосъ лакея произнесъ:

— Ваше сіятельство, тамъ дожидается этотъ господинъ!..

— Какой тамъ господинъ?—спросилъ другой голосъ, и въ отвѣтъ Шмейсъ услышалъ свое имя.

— Что̀ ему надо?—и вслѣдъ затѣмъ неудержимый женскій смѣхъ.

— Слышала; Шмейсъ? Этого господина зовутъ Шмейсъ!— и снова смѣхъ.

— Ида, хотѣлось бы тебѣ быть „фрау Шмейсъ“?

Дальнѣйшаго, за смѣхомъ, нельзя было разслышать.

Эдмундъ Шмейсъ покраснѣлъ. Обида задѣла его за живое. Тотъ, кому случилось бы увидать его въ эту минуту, могъ легко догадаться, на что̀ способенъ этотъ господинъ, если его раздразнить.

Дверь изъ корридора тотчасъ же отворилась, и сѣдовласый камердинеръ доложилъ, что графъ приказалъ просить гостя

войти. Коммиссіонеръ наскоро провелъ рукой по своимъ бакенбардамъ, вытянулъ изъ-подъ рукавовъ сюртука манжеты и пошелъ вслѣдъ за лакеемъ.

Графъ принялъ его у себя въ кабинетѣ. Его фигура была моложе, чѣмъ лицо; русые волосы начинали замѣтно рѣдѣть; тонкій носъ оканчивался слишкомъ остро для того, чтобы казаться красивымъ. Единственное, что оживляло его блѣдное, поблекшее лицо, это большіе глаза, свѣтившіеся привѣтомъ; кромѣ усовъ, ничто не напоминало въ немъ военнаго.

Шмейсъ почувствовалъ себя неловко въ обществѣ этого „настоящаго" аристократа. Чтобы скрыть смущеніе, онъ низко поклонился. Графъ отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы и рукою указалъ на стулъ, самъ опустившись въ кресло.

— Итакъ, господинъ...—началъ графъ, стараясь припомнить имя гостя:—Господинъ...

— Мое имя: Шмейсъ!—подсказалъ коммиссіонеръ.

— Совершенно вѣрно. Итакъ, господинъ Шмейсъ, что васъ привело сюда?

Прижавъ цилиндръ свой къ колѣнямъ, Шмейсъ началъ издалека, излагая обстоятельно все дѣло.

Нѣкоторое время графъ слушалъ его молча и съ видимымъ нетерпѣніемъ разглядывалъ свои ногти. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, выговаривая нѣсколько въ носъ, замѣтилъ:

— Такъ, мой милѣйшій, такъ! Но я не понимаю, къ чему вы это говорите?

— Но, ваше сіятельство!.. Если ваше сіятельство дозволятъ мнѣ высказать... Я хочу только указать на то, что наши интересы тѣсно связаны съ интересами вашихъ владѣній: вѣдь Бютнеровскій лѣсъ клиномъ врѣзался въ землю вашего сіятельства...

— Самъ знаю!—нетерпѣливо перебилъ его графъ.—И даже навѣрное лучше васъ. Изъ-за этого лѣса я уже много лѣтъ веду переговоры, и конечно тѣмъ кончится, что я своего добьюсь: и весь-то вопросъ заключается въ какихъ-нибудь пятидесяти-шестидесяти „моргенахъ"... сколько мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ.

— Но вашему сіятельству придется дать за нихъ слишкомъ дорого! Мы бы вамъ перепродали этотъ самый лѣсъ гораздо дешевле.

Графъ съ удивленіемъ вскинулъ на него глазами. Забавный малый! Какъ онъ смѣло идетъ напроломъ, не стѣсняясь ледянымъ пріемомъ. Графъ разсмѣялся.

— Да кто жъ вы, наконецъ, такой, почтеннѣйшій?—оживился

онъ.—Я бы желалъ замѣтить вамъ, что я не нуждаюсь въ посредникахъ, если мнѣ приходится имѣть дѣло съ крестьянами.

— Позвольте, графъ, замѣтить и мнѣ въ свою очередь, что лично отъ себя я никогда не рѣшился бы безпокоить ваше сіятельство; но я коммиссіонеръ и являюсь отъ имени торговой фирмы „С. Харрасовичъ" и по ея порученію. Владѣлецъ этой крупной хлѣбной торговли—человѣкъ очень дѣльный и умный.

При имени „Харрасовичъ" графъ видимо былъ озадаченъ; онъ всталъ и принялся что-то искать на письменномъ столѣ:

— Мнѣ пишетъ мой управляющій...—началъ онъ.—Никакъ не могу найти его письма!..

Небрежность, съ которой графъ ворошилъ безпорядочныя кучи бумагъ, не укрылась отъ наблюдательнаго взора коммиссіонера.

— Ну, все равно! Полковникъ пишетъ мнѣ, что этотъ... этотъ... какъ тамъ его?

— Харрасовичъ!—обязательно подсказалъ Шмейсъ.

— Да, да! Такъ вотъ этотъ самый Харрасовичъ и есть—убійца земледѣлія.

Шмейсъ почувствовалъ, что пришелъ удобный моментъ козырять. Онъ поднялся съ видомъ оскорбленнаго достоинства и проговорилъ:

— Весьма сожалѣю, что ваше сіятельство имѣете такое ложное представленіе... Харрасовичъ—безусловно честный человѣкъ. Онъ—мой другъ!

Онъ всталъ и трагическимъ движеніемъ оскорбленнаго сценическаго героя застегнулъ свой сюртукъ на всѣ пуговицы, дѣлая видъ, что серьезно хочетъ уходить.

Графъ не обладалъ основательнымъ знаніемъ человѣческой души; онъ былъ отъ природы незлобивъ и довѣрчивъ; мысль, что онъ могъ кого-нибудь обидѣть, уже сама по себѣ была ему тяжела.

— Ну, полноте: останьтесь! Это вѣдь все не такъ серьезно...

— Конечно; но выраженіе „убійца" слишкомъ сильно... особенно, когда подумаешь, что оно прилагается къ моему другу Харрасовичу! Понятно, я ему не передамъ этого замѣчанія вашего сіятельства...

Графъ не замѣтилъ, какая ѣдкая угроза заключалась въ этихъ простыхъ словахъ. Онъ совершенно невинно проговорилъ:

— Ну, вотъ и прекрасно! Садитесь и не горячитесь попустому!

— Угодно вашему сіятельству выслушать меня?—дѣлая видъ, что все еще чувствуетъ себя обиженнымъ, спросилъ Шмейсъ.

— Пожалуйста!.. Даже попрошу! Но чего собственно хочетъ вашъ господинъ Харрасовичъ? Опять-таки, я ничего не понимаю. Есть еще тутъ, въ этомъ дѣлѣ, какой-то крестьянинъ, изъ сельскихъ „хозяевъ“... тамъ, въ Гальбенау.

— А! ваше сіятельство говорите о Бютнерѣ?

— Да; его зовутъ Бютнеръ. Старый труженикъ и честный человѣкъ; ему, кажется, угрожаетъ опись и продажа съ молотка? Тысячи двѣ марокъ выручатъ его изъ бѣды...

— Съ дозволенія вашего сіятельства, осмѣлюсь перебить: изъ нашего опыта получилось совсѣмъ иное представленіе объ этомъ старикѣ. Мы боимся, что ваше сіятельство можете придти на помощь недостойному; говоря деликатно, можетъ случиться, что ваши *вѣрныя* деньги могутъ пойти на *невѣрное* дѣло. Таково наше убѣжденіе, и я нарочно явился въ Берлинъ, чтобы воспрепятствовать этому.

Проницательнымъ взглядомъ пронизывалъ Шмейсъ своего собесѣдника, стараясь возможно точнѣе опредѣлить впечатлѣніе, которое произвели на него его слова. Лицо графа выражало полнѣйшее удивленіе; губы его были полуоткрыты, и это придавало ему довольно странный видъ.

— А развѣ вы... вы знаете такъ близко этого... этого Бютнера?—спросилъ онъ, немного подумавъ.—Онъ, кажется, попалъ въ бѣду по семейнымъ обстоятельствамъ?

— Просто плохо хозяйничалъ и, вдобавокъ, пилъ!—горячо перебилъ коммиссіонеръ.—Сыновья его стоятъ безъ дѣла, а дочки то-и-дѣло приносятъ въ домъ незаконныхъ ребятъ. Я самъ былъ у нихъ въ домѣ и видѣлъ, что̀ творится. У Харрасовича—много денегъ за нимъ пропадаетъ, и у меня также. Мы въ немъ обманулись; онъ запутался даже въ дѣлахъ съ семьею, и его собственный зять подалъ на него ко взысканію. Ваше сіятельство можете освѣдомиться: все у нихъ—обманъ и лукавство!..

— Но въ такомъ случаѣ, къ чему имъ было представлять мнѣ все въ иномъ свѣтѣ?

— Къ тому, чтобы извлечь пользу изъ великодушія вашего сіятельства,—пояснилъ Шмейсъ.—Весьма возможно, что эти люди разсуждаютъ такъ: графъ далеко, въ Берлинѣ, и какая-нибудь тысяча марокъ для него пустяки! Допустимъ, что вы уже помогли Бютнеру, уплатили—ну, хоть двѣ тысячи марокъ;—этого все-таки будетъ недостаточно для покрытія всѣхъ его долговъ: онъ долженъ еще многимъ,—и такимъ, о которыхъ онъ еще не

заикался. Удовлетворите одни требованія—вамъ предъявятъ другія. Это все равно, что рѣшетомъ воду черпать: сколько въ него ни льется воды, ничего не останется. И вашему сіятельству это благодѣяніе не принесетъ ничего, кромѣ досады, раздраженія и денежныхъ потерь.

— Но это дѣйствительно очень грустно,—замѣтилъ графъ.

— О, до крайности грустно!—подхватилъ сочувственно коммиссіонеръ.

— Такимъ людямъ ничѣмъ ужъ не поможешь!

— Совершенно вѣрно: такимъ людямъ, дѣйствительно, ничѣмъ ужъ не поможешь!—повторилъ съ выраженіемъ Шмейсъ.—Конечно, тутъ ужъ не поможешь... Газеты прокричали про печальное положеніе крестьянъ, — особенно органы свободной, такъ-называемой демократической печати: тѣ прямо, не стѣсняясь, во всеуслышаніе заявляютъ, что крупное землевладѣніе убиваетъ крестьянское хозяйство. Нашихъ магнатовъ обвиняютъ въ томъ, что они „высасываютъ“ кровь изъ крестьянина, разоряютъ его. Никто не заикнется о томъ, что крестьяне сами виноваты въ своемъ разореньѣ. Повѣрьте, ваше сіятельство, не крупные магнаты-землевладѣльцы въ этомъ виноваты, а сами мужики. Старикъ Бютнеръ—вотъ вамъ разительный примѣръ!

Торжественность тона и увѣренность, которая звучала въ его словахъ, а главное, заступничество въ интересахъ его сословія, пріятно щекотали самолюбіе графа.

— Ну, мало-ли чего не наболтаютъ эти демократическіе листки!—замѣтилъ онъ.—Ихъ слова все равно, что вода. Много они понимаютъ въ деревенскихъ порядкахъ! Пусть бы всѣ эти „красные“ редакторы и журналисты сунулись посмотрѣть поближе то, о чемъ они пишутъ! Ихъ не мѣшало бы хоть разъ въ недѣлю посылать самихъ пахать землю. Такіе господа, и вдругъ—за плугомъ, или съ вилами надъ навозной кучей... А? какъ вамъ это кажется?

Графъ засмѣялся на свою собственную остроту, и Шмейсу оставалось только поддержать его. Рѣшительно со стороны графа бесѣда принимала болѣе теплый и въ то же время менѣе высокомѣрный оттѣнокъ.

— Не правда ли, никто вѣдь не посмѣетъ упрекнуть человѣка въ томъ, что онъ предоставитъ виновному нести заслуженное возмездіе?

— Помилуйте, ваше сіятельство,—напротивъ!—воскликнулъ коммиссіонеръ.—Да было бы даже непростительно хоть пальцемъ шевельнуть на помощь такому дѣлу. Все равно, этимъ людямъ

ничто не поможетъ, и ни одинъ порядочный человѣкъ не посмѣетъ требовать этого отъ вашего сіятельства!

Теперь уже не стоило никакого труда переубѣдить графа. Вообще, такихъ поверхностныхъ, но добрыхъ и великодушныхъ людей весьма легко довести до жестокости.

Графъ и безъ того начиналъ мысленно раскаяваться въ томъ, что его доброта чуть не ввела его въ заблужденіе, и онъ мысленно уже собирался попомнить это своему управляющему.

Шмейсъ ушелъ отъ него, составивъ о себѣ еще болѣе высокое мнѣніе, нежели до сихъ поръ. Мало того, что онъ выполнилъ блестяще свое порученіе,—графъ, принявшій его съ ледяной холодностью, на прощанье не только смягчился, но даже предложилъ ему сигару изъ своего „сіятельнаго“ портсигара. Вдобавокъ, Шмейса забавляло то обстоятельство, что аристократы (на его личный взглядъ)—удивительно-ограниченный народъ.

XIV.

Въ одинъ прекрасный день, Густавъ увидѣлъ полковника Шрофа, верхомъ на своей любимой лошадкѣ.

— Вотъ и прекрасно, что мы встрѣтились! — воскликнулъ послѣдній, пуская лошадь шагомъ, чтобы отъ него не отставалъ молодой унтеръ.—У меня есть кое-что вамъ сообщить; только, къ сожалѣнію, дурное. Сначала графъ не согласился на мое предложеніе; но я былъ до того пораженъ такимъ безпричиннымъ отказомъ, что тотчасъ же послалъ ему вторичное письмо, потому что я это дѣло принимаю слишкомъ близко къ сердцу. Но графъ, съ непривычной для него сухостью, отвѣтилъ мнѣ, что разъ онъ сказалъ: „Нѣтъ!“, то это отнюдь не означаетъ, что онъ сказалъ: „да!“—Грустно,—что̀ и говорить? Но приходится съ этимъ мириться. Его взглядъ, исполненный глубокой печали, еще болѣе омрачалъ и безъ того омраченное лицо и былъ устремленъ куда-то вдаль.

— Самъ чортъ запорошилъ глаза сіятельнымъ людямъ! — пробормоталъ онъ больше для себя.

Лошадь нервно задергала поводья, порываясь впередъ. Полковникъ прикрикнулъ на нее:—Ну, стой! Нну! Нн-ну!—и прибавилъ, обращаясь къ Густаву:

— Что жъ, Бютнеръ? Тутъ, пожалуй, больше ничего не остается дѣлать? Только знайте, что когда бы вамъ ни понадобилась болѣе простая, доступная помощь и работа, вы можете

смѣло обратиться ко мнѣ... Ну, а пока,—помоги вамъ Боже!—и, ударивъ ногами въ бока своей рѣзвой лошадки, главноуправляющій графа Саланда ускакалъ впередъ.

Густавъ былъ еще настолько въ душѣ кавалеристъ, что, несмотря на горе, которое принесъ ему этотъ ударъ, онъ жадными взорами проводилъ счастливаго владѣтеля такой прелести-лошадки и позавидовалъ ему.

Противъ ожиданія, вѣсть о томъ, что рушилась послѣдняя надежда сохранить въ семьѣ отцовское наслѣдіе, не особенно разстроила старика Траугота: и безъ того онъ ни откуда не ожидалъ ничего путнаго, ничего отраднаго.

Съ этой минуты онъ еще больше прежняго ушелъ въ себя, и только упрямо и безъ устали трудился надъ обработкою своихъ полей,—какъ ни доказывалъ ему Густавъ, что это—лишній и совершенно безразсудный трудъ и трата денегъ, когда неизвѣстно даже, для кого онъ такъ старается? Никого и ничего слушать не хотѣлъ несчастный старикъ: онъ купилъ новый плугъ, чинилъ дорогу, заклепывалъ дыры въ пристройкахъ и на вышкѣ сѣновала.

Чтò ни день, то повторялись у нихъ съ Густавомъ горячія стычки. День ото дня въ домѣ все становилось безотраднѣе, мрачнѣе; семейныя условія тоже пошатнулись. Старикъ ходилъ съ утра до ночи золъ, какъ песъ, готовый каждую минуту укусить всѣхъ и каждаго. Старуха болѣла все больше и больше, день и ночь разливаясь слезами. Тереза грызла Карла. Тони съ мрачнымъ, тупымъ равнодушіемъ ожидала срока своего разрѣшенія; въ Эрнестинѣ проявился новый духъ себялюбія и предусмотрительности... Насколько возможно, Густавъ избѣгалъ бывать дома и отдыхалъ только у Полины. Кстати, и срокъ свадьбы приближался.

Но куда дѣнешься потомъ съ женою и ребенкомъ? Дома рѣшительно оставаться немыслимо; да скоро этого „дома“ и вовсе не будетъ. Сунуться развѣ въ городъ?.. А кто можетъ поручиться, что тамъ онъ дѣйствительно найдетъ работу, которая прокормитъ его жену и ребенка?.. Въ сущности, и сыновнее чувство было въ немъ еще глубоко: ему отъ души было жаль стариковъ, которые скоро должны пойти по міру... Срокъ описи имущества былъ имъ уже оффиціально объявленъ.

И часто, думая объ этомъ, Густавъ упрекалъ себя въ позорномъ, безсердечномъ малодушіи.

Съ нѣкоторыхъ поръ Густавъ усердно принялся просматривать въ газетахъ требованія рабочихъ на мѣста и вычиталъ, что нѣкто Цитвицъ, величающій себя „агентомъ-подрядчикомъ“, разъѣзжаетъ по селамъ и деревнямъ, подыскивая подходящихъ парней и дѣвушекъ для лѣтнихъ работъ на свеклосахарныхъ заводахъ и предлагаетъ имъ свое посредничество.

Бѣгство „на Западъ“, на свеклосахарныя поля, еще было дѣломъ незнакомымъ въ Гальбенау. Молодежь заволновалась: вѣдь кого не прельстятъ зототыя горы,—хотя бы только въ воображеніи? Кажется, ясно сказано:

„Кто не побоится лѣто проработать въ Саксоніи, на свеклосахарныхъ поляхъ, тотъ можетъ скопить себѣ цѣлое состояніе за это время“!

Но были и такіе люди, которые прямо утверждали, что подобные „агенты“ все равно что въ неволю закабалятъ деревенскую молодежь, которую ждетъ самая ужасная судьба.

Вспомнилось Густаву, что не разъ въ городѣ случалось ему видѣть цѣлые обозы работниковъ и работницъ, завербованныхъ въ Саксонію, на свеклосахарные заводы. Чтȯ это были за люди! Безпорядочно биткомъ набитые въ телѣги, какъ скотина на убой, они поражали своимъ оборваннымъ, неряшливымъ видомъ... До этой минуты еще ни разу не приходила Густаву на умъ мысль примкнуть къ этимъ несчастнымъ.

Но пойти послушать, посмотрѣть, чтȯ за птица этотъ вербовщикъ,—это ни къ чему не обязываетъ и даже не стыдно. Кстати, и на водопойнѣ наклеено объявленіе, что Цитвицъ прибылъ въ Гальбенау и будетъ принимать желающихъ записаться въ гостинницѣ Кашеля.

Чѣмъ ближе къ гостинницѣ, тѣмъ плотнѣе и тѣмъ шумливѣе становилась толпа то входившихъ, то выходившихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ.

„Развѣ войти съ ними вмѣстѣ? — подумалъ Густавъ. — Нѣтъ, съ мужчинами какъ будто не такъ стыдно“!—подумалъ онъ и рѣшился переступить за порогъ людного крыльца.

Но прежде чѣмъ войти, ему со всѣхъ сторонъ зажужжали прямо въ уши. Кто-то говорилъ:

— Дѣвки съ ума спятили—такъ бѣсноваться! Этотъ прощалыга вретъ, не краснѣя,—сулитъ имъ золотыя горы...

— И сколько ихъ уже рѣшило записаться! А того не видятъ, что онъ выбираетъ все покрасивѣе да помоложе. Замужнихъ? Вотъ еще, очень ему нужно! Можно себѣ представить, чтȯ у него за понятіе на этотъ счетъ!

Нашелся и такой молодецъ, который будто бы читалъ въ газетахъ, куда исчезаютъ потомъ ихъ сестры и невѣсты... Прислушавшись къ такимъ рѣчамъ, Густавъ наконецъ проговорилъ:

— Лучше пойдемъ, да посмотримъ, каковъ этотъ господинъ на словахъ и на дѣлѣ. Вы развѣ не мужчины? Развѣ вы не съумѣете понять, не хочетъ ли онъ ловить рыбу въ мутной водѣ, и не прогоните его со стыдомъ?

Всѣ двинулись впередъ и очутились въ залѣ гостинницы, гдѣ прямо противъ входа возсѣдалъ за столомъ самъ „агентъ“, съ перомъ въ рукахъ и съ массою листковъ, на которыхъ онъ записывалъ имена и условія желающихъ работы. Вокругъ него, стоя и сидя, толпились молодые люди. Дѣвушки, казалось, робѣли и жались подальше къ стѣнѣ. Агентъ—человѣкъ съ виду спокойный, зажиточный, былъ одѣтъ въ коричневую пару изъ іегеровской шерстяной матеріи, которая облегала его тѣло, какъ мѣшокъ, изъ-подъ котораго нигдѣ не было видно ни малѣйшей полоски бѣлаго бѣлья; больше всего привлекали вниманіе его черные живые глаза. Въ эту минуту онъ весь отдался переговорамъ съ будущими своими работниками,—повидимому, чужими въ Гальбенау; на нихъ были солдатскія фуражки.

— Дрянь цѣна!—возражали они.—Изъ-за такой цѣны нечего ѣздить такую даль. Съ голоду все равно гдѣ умирать. За это жалованья никому не надо!

Агентъ молча, не перебивая, выжидалъ, пока они кончатъ; по лицу его было видно, что онъ увѣренъ въ успѣхѣ. Его пытливый, но спокойный взглядъ скользилъ по лицамъ окружающихъ. Онъ ихъ изучалъ.

— Да, за такое жалованье можно только голодать! — подхватили и другіе.

— Быть сытымъ—не то что откладывать про черный день!—и то невозможно! Нѣтъ, ужъ лучше сидѣть дома, на неважныхъ, но все же обезпеченныхъ хлѣбахъ!

Вербовщикъ всталъ и пошелъ въ толпу. Передъ однимъ изъ самыхъ рѣчистыхъ онъ остановился и проговорилъ самымъ дружескимъ тономъ:

— Ну, разскажите-ка, разскажите, сколько вы можете заработать теперь!

Молодой человѣкъ запнулся, какъ бы озадаченный, смущенный; но затѣмъ назвалъ какую-то цифру.

— Неправда! Онъ такъ много никогда не получалъ!—раздались голоса, и завязался споръ. Одни говорили одно, другіе—другое.

Продолжая молчать, агентъ смотрѣлъ на нихъ съ снисходительной улыбкой. Затѣмъ, полегоньку, принялся имъ осторожно возражать и, удачно воспользовавшись возраженіемъ главнаго своего противника, онъ незамѣтно переманилъ на свою сторону тѣхъ, кто непрочь былъ пошутить и посмѣяться.

Тогда, перемѣнивъ шутливое выраженіе лица на серьезное, онъ обратился къ окружающимъ съ такими рѣчами.

— Необходимо только, чтобы вы питали ко мнѣ довѣріе! Я къ вамъ явился не какъ врагъ, а какъ искренній вашъ другъ. Самъ знаю, какъ должно быть тяжело на душѣ у людей небогатыхъ въ нынѣшнія тяжелыя времена. Я самъ по рожденію своему человѣкъ рабочій; самъ знаю, чтò такое бѣдность и нужда; самъ, своими трудами пробилъ себѣ дорогу... Но это не сдѣлало—и никогда не сдѣлаетъ!—изъ меня гордеца!

Въ его обращеніи, въ его рѣчахъ была до нѣкоторой степени извѣстная доля добродушія, порядочности; и это подкупало слушателей.

Среди присутствующихъ, — почти сплошь людей очень бѣдныхъ, — были поденные и постоянные рабочіе, мелкопомѣстные поселяне,—все такой народъ, которому приходилось бороться съ жизнью за свое жалкое существованіе; было тутъ даже нѣсколько человѣкъ „призрѣваемыхъ“, изъ богадельни. Очевидно, всякъ спѣшилъ забѣжать сюда изъ любопытства;—поглазѣть и послушать *что это за штука* этотъ „агентъ“ и чего онъ хочетъ?

Пили много и усердно.

За прилавкомъ стоялъ самъ Кашель-Эрнстъ; одинаково охотно принималъ онъ гроши какъ отъ людей состоятельныхъ, такъ и отъ бѣдняковъ.

— Мелкій скотъ тоже вѣдь даетъ навозъ и удобряетъ землю!—любилъ онъ повторять всѣмъ и каждому, какъ настоящій философъ. Рихардъ обходилъ столы и, принимая обратно пустые стаканы, возвращалъ уже полными, а затѣмъ, отходилъ прочь, унося въ кассу выручку.

Между тѣмъ, по разгорѣвшимся лицамъ было замѣтно, что вина было выпито съ излишкомъ.

Цитвицъ направился въ тотъ конецъ просторнаго помѣщенія, гдѣ сидѣли кучкой нѣсколько дѣвушекъ, оробѣвшихъ, растерянныхъ, какъ стая напуганныхъ пташекъ. Обращаясь къ нимъ радушно и привѣтливо, онъ старался еще болѣе ободрить ихъ дружеской улыбкой, и принялся выхвалять преимущества и выгодныя стороны своихъ условій, при чемъ его слова были раз-

считаны съ тѣмъ, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на дѣтски-настроенныхъ, экономныхъ дѣвушекъ.

— Вамъ ничто не мѣшаетъ откладывать деньги,—прибавилъ онъ.—У насъ все будетъ для васъ готовое; тратиться вамъ нѐ на что̀. Наши работницы привозятъ домой по триста марокъ; а есть и такія, что накапливаютъ и до пятисотъ! Не одна дѣвушка заработала себѣ у насъ на цѣлое приданое!

Тѣ, слушая его, молчали; но по довѣрчивому выраженію на ихъ юныхъ лицахъ легко можно было заключить, что онѣ готовы послѣдовать за незнакомцемъ, который такъ сладко поетъ...

Сначала Густавъ отнесся совершенно равнодушно къ тому, что̀ творилось въ этомъ дальнемъ уголкѣ помѣщенія. Онъ только-что прочелъ условія контракта, который лежалъ на столѣ у агента; подписей подъ нимъ не было еще ни одной. Онъ вскинулъ глазами, и въ томъ углу, гдѣ столпились дѣвушки, во главѣ ихъ увидѣлъ свою сестру Эрнестину: она сидѣла впереди другихъ и съ напряженнымъ вниманіемъ боялась пропустить словечко изъ обольстительныхъ рѣчей агента.

— Ужъ не хочетъ ли она ему поддаться?—подумалъ онъ и подошелъ поближе. Остановившись позади оратора, Густавъ разслышалъ, что тотъ занятъ краснорѣчивымъ описаніемъ того, какое прекрасное житье ожидаетъ молодыхъ работницъ въ Саксоніи.

— Всѣ живутъ вмѣстѣ, въ одномъ общемъ домѣ, который называется также „казармой“. Носильное платье и постель можно привезти съ собой свое, а обо всемъ остальномъ нѐчего безпокоиться: вамъ дадутъ все готовое. Вы будете получать съѣстные припасы, а, уходя рано утромъ на работу, каждая поставитъ вариться свой обѣдъ. Одна—дежурная, по очереди,—остается дома, присматривать за горшками и котелками, чтобы похлебка не ушла. Каждый вечеръ работницы свободны и весь воскресный день—также!

Затѣмъ онъ началъ объяснять, какого рода служба предстоитъ имъ на свеклосахарныхъ поляхъ.

— Во всякомъ случаѣ, куда легче вашей здѣшней: та служба—игрушка въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ взваливаютъ здѣсь, у васъ, на женщину. Вамъ придется только рубить свеклу, вязать снопы, да по осени копать картофель. Какъ видите, никакого подобія тѣхъ грязныхъ и тяжелыхъ работъ, которыя на васъ лежатъ здѣсь, въ домашнемъ быту: ни разрывать навозъ, ни свозить его, ни боронить, ни молотить, ни доить, ни пахать!.. Работа идетъ по соглашенію, а не изъ-подъ палки; надсмотрщика надъ рабочими нѣтъ. Всякій чувствуетъ, что онъ свободенъ и ничѣмъ

не связанъ. Кажется, ужъ чего лучше?..—горячо возгласилъ ораторъ.—А придетъ осень—и вы явитесь себѣ домой бодрыя и счастливыя, что вамъ удалось набить себѣ тугую мошну!

Агентъ перевелъ духъ. Онъ добился своего и понималъ, что стоитъ ему только руку протянуть — и всѣ дѣвушки, сколько ихъ тутъ ни есть, будутъ у него въ рукахъ.

Но тутъ Густавъ выступилъ впередъ и заявилъ, что онъ хотѣлъ бы предложить два-три вопроса.

— Пожалуйста, сколько угодно! — вѣжливо отозвался тотъ: —На то я сюда и явился, чтобы удовлетворять всѣмъ разъясненіямъ, отвѣчать на всѣ разспросы. И чѣмъ больше меня разспрашиваютъ, тѣмъ мнѣ пріятнѣе!—въ заключеніе прибавилъ онъ, съ чрезвычайной услужливостью; но въ то же время въ его проницательномъ взглядѣ сквозила нѣкоторая непріязнь.

— Всѣ мы, здѣсь присутствующіе, слышали,—началъ Густавъ, обращаясь скорѣе къ мужчинамъ, нежели къ дѣвушкамъ,—какъ тамъ у васъ все хорошо и, судя по словамъ вотъ этого господина, несравненно все лучше и выгоднѣе здѣшняго...

Онъ неожиданно запнулся. Говорить въ обществѣ ему еще никогда не приходилось. Ему стало жутко, и онъ потерялъ совершенно нить своихъ соображеній:

„Ну, вотъ ты и сталъ“! — упрекнулъ онъ мысленно самъ себя; но тотчасъ же, собравъ всю силу воли, съ необычайнымъ напряженіемъ мысли, онъ припомнилъ все, что̀ хотѣлъ сказать дальше.

— Познакомиться поближе съ такимъ прекраснымъ краемъ, какой вы намъ только-что такъ интересно, описали,—это, конечно, желательно для всѣхъ насъ вообще! Но прежде, чѣмъ окончательно подписать условіе, мнѣ бы хотѣлось только разъяснить одинъ вопросъ: отчего не идутъ на эту самую работу тѣ парни и дѣвушки, которые тамъ же по близости живутъ? Неужели они не желаютъ воспользоваться такимъ крупнымъ заработкомъ? Я этому не вѣрю.

Напряженно вслушивались присутствующіе въ маленькую рѣчь Густава. Въ ихъ толпѣ пронесся гулъ одобренія.

Ихъ словно осіяла мысль, что Бютнеръ правъ. Ясно, какъ дважды два четыре, что мѣстные жители почему-то лишаютъ себя или вовсе не замѣчаютъ тѣхъ преимуществъ, которыя у нихъ тутъ же, подъ рукою. Интересно знать, что̀-то возразитъ агентъ?

А тотъ только засмѣялся и пожалъ плечами, очевидно желая придать своему отвѣту болѣе шутливый оттѣнокъ:

— Ну и народъ же вы!..—воскликнулъ онъ.—Вы не должны

себѣ представлять ничего похожаго на здѣшніе порядки. У насъ на Западѣ все совершенно другое!

И онъ пустился расписывать, какая тамъ плодородная почва, какое обширное и успѣшное сельское хозяйство и какую массу рабочихъ рукъ оно требуетъ, какъ ихъ никогда не хватаетъ...

„Народъ“, однако, не поддавался его краснобайству. Чтò онъ ни говори, а все-таки прямого отвѣта на ихъ прямой вопросъ онъ не далъ. Какой-нибудь крючокъ тутъ да кроется!

Густавъ выразилъ вслухъ ту же мысль.

— Чтó-жъ, развѣ тамошняя молодежь считаетъ себя слишкомъ важной для того, чтобъ сѣять и пахать и вообще работать въ полѣ, что за рабочими приходится нарочно посылать такую даль?

— У насъ народъ вообще зажиточнѣе, чѣмъ у васъ, на Востокѣ. Многіе по доброй волѣ уходятъ въ города и посвящаютъ себя совершенно иного рода труду, чѣмъ сельско-хозяйственный...

— Вотъ оно,—вотъ!—вскричалъ Густавъ, не давая ему докончить.—Слышите? Чтò я вамъ говорилъ? Дѣло стоитъ такимъ образомъ: мы должны брать на себя то, чѣмъ пренебрегаютъ ваши, тамошніе люди. Они слишкомъ высоко цѣнятъ себя для такой работы,—вотъ и шлютъ сюда, за нами. Нѣтъ! Намъ тоже это не подходитъ! А, ребята? Мы вѣдь не хуже тѣхъ, другихъ.

Густавъ оглянулся вокругъ.

Мужчины зашумѣли; со всѣхъ сторонъ до него доносились возгласы:

— Онъ правъ!... Да, правда!.. правда!

Агентъ замѣтилъ, что дѣло принимаетъ неблагопріятный оборотъ, и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Постойте! Послушайте, чтò я вамъ скажу! Я все до тонкости вамъ объясню!.. Все, все, до ниточки!

Но ужъ его никто не слушалъ.

Всѣ вокругъ галдѣли; раздавался громкій ропотъ:

— За дураковъ насъ, что-ли, почитаютъ?—кричалъ одинъ.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь!—какъ бы въ отвѣтъ ему кричалъ другой.

— Людей вздумали на арканъ ловить!—вопилъ одинъ изъ молодцовъ въ военной фуражкѣ.

Такъ гудѣли самые разнородные возгласы; каждый давалъ полную волю своему раздраженію, совершенно не стѣсняясь.

Цитвицъ еще не считалъ свое дѣло потеряннымъ. Онъ подходилъ къ нѣкоторымъ изъ шумѣвшихъ и усердно убѣждалъ ихъ, возражалъ имъ, пытался давать подробныя разъясненія... Но кàкъ онъ ни старался, сколько ни бился, больше никто ему не вѣрилъ.

Въ головѣ этихъ простаковъ шевельнулось подозрѣніе и дошло, все разростаясь, до того, что, кажется, сами ангелы небесные не могли бы ихъ разубѣдить.

Тѣ изъ односельчанъ въ Гальбенау, которые, пожалуй, и хотѣли бы подписать условіе агента, теперь не рѣшались на это изъ боязни, что товарищи ихъ поднимутъ на̀-смѣхъ. Дѣвушки, одна за другой, спѣшили убраться по-добру, по-здорову, пока дѣло еще не дошло до рукопашной.

Агентъ Цитвицъ, потерпѣвъ пораженіе, съ досады собралъ въ охапку всѣ свои бумаги и поспѣшилъ удалиться...

А. Б—г—.

РУССКІЙ РОМАНЪ
ВО
ФРАНЦІИ

I.

Французскій историкъ литературы, Густавъ Лансонъ, говоритъ въ одной изъ заключительныхъ главъ своей „Histoire de la littérature française“: „За послѣднія пятнадцать лѣтъ французская литература несомнѣнно больше заимствовала отъ другихъ, чѣмъ давала сама другимъ“. Эти слова отчасти какъ будто подтверждаются вліяніемъ русскаго романа на общій характеръ новѣйшей французской литературы и французскаго искусства. Самый фактъ и довольно значительные размѣры этого вліянія настолько несомнѣнны, что даже возбуждаютъ протесты и негодованіе нѣкоторыхъ патріотическихъ критиковъ во Франціи. Даже столь противоположные во всемъ и враждующіе между собой—конечно, въ изысканно-культурномъ тонѣ—критики, какъ Леметръ и Франсискъ Сарсэ, сходятся на общемъ стремленіи отвлечь своихъ соотечественниковъ отъ „туманной морали русскаго сѣвера“ и при этомъ пытаются доказать, что русскіе писатели не оригинальны, что всѣ ихъ общечеловѣческія теоріи почерпнуты у Жоржъ-Зандъ и у Александра Дюма-сына. Несмотря на такія толкованія и предостереженія, русское искусство, въ лицѣ своихъ великихъ романистовъ, утвердилось во Франціи и пріобрѣло въ ней нѣкоторымъ образомъ духовное господство. Начало его относится къ появившейся лѣтъ двѣнадцать тому назадъ книгѣ Мельхіора де Вогюэ,

„Le Roman Russe“. Эта своего рода историческая книга, написанная умно и смѣло, хотя и переполненная невѣрными, иногда вполнѣ неосновательными сужденіями, открыла русскую литературу для французовъ.

До половины восьмидесятыхъ годовъ—времени появленія книги Вогюэ—существовали французскіе переводы русскихъ авторовъ: Пушкинъ и Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Гончаровъ, Писемскій и значительная часть Тургенева переводились на французскій языкъ еще въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Многіе переводы были не только удовлетворительны, но и вполнѣ художественны; однимъ изъ усердныхъ переводчиковъ былъ, напр., Меримé. И все-таки русская литература интересовала только любителей „экзотизма“ и находила во Франціи лишь очень немного цѣнителей—никакой связи между этимъ чуждымъ искусствомъ и требованіями французскаго вкуса даже не предвидѣлось.

Съ появленіемъ книги Вогюэ все измѣнилось. Авторъ книги „Roman Russe“ оказался очень проницательнымъ критикомъ; онъ понималъ въ совершенствѣ если не русскую литературу, то во всякомъ случаѣ французскую дѣйствительность. Благодаря этому, онъ съумѣлъ такъ освѣтить русскій романъ, что французы увидѣли въ немъ не одинъ его безотносительный смыслъ, а также и то, что̀ можетъ оказаться плодотворнымъ для французской литературы. Отношеніе къ русскому роману, открытому Вогюэ, стало инымъ послѣ его книги. Появились переводы прославленныхъ Вогюэ писателей: романы Достоевскаго стали извѣстны французскимъ читателямъ во множествѣ переводовъ, передѣлокъ, переложéній для сцены; французская критика переполнилась статьями, судившими и толковавшими идеи русскихъ романистовъ. Результаты этого ознакомленія обнаружились очень скоро въ цѣломъ рядѣ литературныхъ явленій, иногда весьма далекихъ по духу отъ первоисточника, но несомнѣнно изъ него истекающихъ. Уже позже, на подготовленной Вогюэ почвѣ, пріобрѣло широкое развитіе вліяніе гр. Л. Н. Толстого.

Теперь, когда прошло достаточно времени для того, чтобы обнаружились послѣдствія созданнаго Вогюэ движенія, можно болѣе опредѣленно выяснить, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ русское вліяніе во французской литературѣ, повліялъ ли на французскихъ писателей и на общее развитіе французской мысли русскій романъ, или же только сама книга: „Roman Russe“ Вогюэ, съ тѣми уже чисто французскими его идеями, которыя проводятся въ этой любопытной книгѣ.

Изучая русское вліяніе по тѣмъ французскимъ явленіямъ,

въ которыхъ оно отразилось, приходится вспомнить исторію всякихъ вообще иностранныхъ вліяній въ разныхъ литературахъ. Оригинальность литературы обнаруживается нерѣдко въ томъ, какъ она, воспринимая и отражая чужое, дѣлаетъ его своимъ. Крупное литературное явленіе одной страны можетъ повліять на другую или тѣмъ, что̀ въ немъ есть самаго глубокаго и существеннаго, или же какими-нибудь второстепенными, поверхностными чертами,—если эти послѣднія почему-либо соотвѣтствуютъ настроенію умовъ въ извѣстный моментъ. Въ первомъ случаѣ, происходитъ единеніе одинаковыхъ по духу литературныхъ силъ, и самобытно отраженное явленіе только углубляетъ и расширяетъ первоначальное и даетъ ему обособленную жизнь и значеніе. Такимъ было, напримѣръ, вліяніе Байрона на русскихъ поэтовъ; такимъ оказалось позже вліяніе Жоржъ-Зандъ на русскихъ реалистовъ. Въ обоихъ случаяхъ, иностранные писатели были поняты до конца достойными ихъ послѣдователями, и отраженіе не только не ослабляло оригиналъ, но раздвигало первоначальныя границы, открывая новыя примѣненія заимствованныхъ и возсозданныхъ по-своему чувствъ и мыслей. Французская литература обязана многими своими блестящими эпохами именно такого рода творческимъ заимствованіямъ; весь французскій романтизмъ обусловленъ въ значительной степени вліяніемъ нѣмецкой литературы, прекрасно понятой и вызвавшей оригинальную дѣятельность въ молодыхъ французскихъ писателяхъ XIX вѣка. Много англійскихъ идей воспринято было французскими философами XVIII в., но отъ этого значеніе послѣднихъ не стало менѣе самобытнымъ и важнымъ.

Но если вліяніе чужой литературы встрѣчаетъ неподготовленную почву, то плодотворность этого внѣшняго вліянія сомнительна. Слишкомъ возможны искаженія воспринятаго, отсутствіе вѣрнаго пониманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненіе непонятому явленію можетъ привести къ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Если новое литературное вліяніе исходитъ изъ молодой страны, гдѣ писатели не связаны установившимися культурными традиціями, то эта свобода и смѣлость въ исканіи отвлеченной правды можетъ иногда казаться страшной,—особенно если она обрушивается на успокоившуюся въ своихъ вѣковыхъ духовныхъ привычкахъ культуру. Для того, чтобы проникнуться долетающими до нея звуками чуждой ей идейной жизни, она должна была бы забыть слишкомъ многое изъ своего культурнаго прошлаго. Но забвеніе такъ же невозможно въ психологіи народа, какъ и въ душевной жизни отдѣльнаго человѣка; все прошлое живетъ въ

каждомъ моментѣ настоящаго—и поэтому всякое новое культурное вліяніе только тогда становится двигательной силой, когда путемъ инстинктивныхъ и насильственныхъ измѣненій оно пріобщается къ прошлому и становится его естественнымъ результатомъ.

Яркимъ примѣромъ такого искусственнаго культурнаго процесса, обусловленнаго столкновеніемъ неравныхъ и чуждыхъ по духу силъ, является судьба русскаго романа во Франціи. Идеи русскихъ писателей были измѣнены почти до неузнаваемости, прежде чѣмъ вошли въ обиходъ французской духовной жизни. Нужно было устранить изъ нихъ все несоотвѣтствующее потребностямъ французскаго ума въ данное время и приспособить ихъ къ пресыщенному французскому вкусу, требующему помимо искренняго исканія правды, также новизны ощущеній. Офранцуженіемъ русскаго романа занялась критика, которой принадлежитъ починъ въ ознакомленіи Франціи съ русскими романистами, и первенствующее значеніе въ этомъ сложномъ и знаменательномъ по своимъ послѣдствіямъ дѣлѣ справедливо приписывается книгѣ Мельхіора де-Вогюэ. Она дала тонъ всѣмъ послѣдующимъ сужденіямъ о русскомъ романѣ, и заблужденія перваго французскаго критика, основательно изучившаго русскую литературу, сдѣлались уже нѣкоторымъ образомъ обязательными для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей и критиковъ. Онъ внушалъ довѣріе тѣмъ, что, владѣя русскимъ языкомъ, могъ изучить русскихъ писателей безъ посредства предательскихъ переводовъ; кромѣ того, онъ такъ умѣло извлекъ изъ чуждой литературы, о которой никто до него не думалъ, какъ разъ наиболѣе привлекательныя для французовъ свойства, что благодарные читатели рады были повѣрить ему нá-слово и вполнѣ отождествить всѣ типы русскаго романа съ тѣмъ представленіемъ, которое даетъ о нихъ авторъ книги „Roman Russe“.

Перечитывая книгу Вогюэ теперь, послѣ того какъ она сыграла своего рода историческую роль, можно прослѣдить по ней, какимъ путемъ сложилось своеобразное французское пониманіе русскаго романа, и какъ именно оно и создало нѣкоторыя изъ самыхъ характерныхъ чертъ новѣйшей французской литературы. Менѣе всего можно сказать, что Вогюэ не понялъ русской литературы и ея типичныхъ представителей. Напротивъ того, у него встрѣчаются неоспоримо вѣрныя сужденія объ отдѣльныхъ явленіяхъ, и есть несомнѣнная правда въ его общемъ взглядѣ на русскую культуру. И все-таки онъ „выдумалъ“ русскій романъ, и совершилъ это вполнѣ сознательно, изъ національныхъ сооб-

раженій, дѣлая русскихъ писателей, невѣдомыхъ его соотечественникамъ, носителями тѣхъ идей, которыя, по его мнѣнію, должны были возродить французскую литературу. Путь, по которому шелъ Вогюэ, совершенно ясенъ въ его книгѣ. Когда онъ говоритъ объ особенностяхъ русской культуры сравнительно съ французской, его обобщенія очень широки и вѣрны; но потомъ, входя въ детальное изученіе русскихъ писателей, Вогюэ съуживаетъ свой взглядъ, отыскивая черты, нужныя ему для его спеціальныхъ цѣлей.

Самое интересное и значительное въ книгѣ Вогюэ—его предисловіе, гдѣ онъ проводитъ параллель между французскимъ реализмомъ и русскимъ. Реализмъ кажется ему той единственной формой искусства, которая соотвѣтствуетъ направленію умовъ въ XIX вѣкѣ, когда „неизмѣримо малое“ признано главнымъ двигателемъ жизни, и герои возбуждаютъ меньшій интересъ, чѣмъ составляющія стихійное человѣчество единицы. Но Вогюэ относится очень критически къ выработавшемуся во Франціи реализму, съ его чисто позитивнымъ характеромъ. Для того, чтобы въ искусствѣ классическій культъ героевъ замѣнился интересомъ къ человѣческой личности вообще, къ жизни и ея обычному теченію, нужны любовь и жалость къ людямъ, а жалость питается религіознымъ чувствомъ: „Реализмъ,—говоритъ Вогюэ,—нуждается въ религіозномъ чувствѣ, которое рождаетъ нужную ему жалость. Такъ какъ реализмъ заключается въ изображеніи всѣхъ уродствъ и всѣхъ страданій жизни, то для того, чтобы сдѣлать ихъ возможными въ искусствѣ, необходимо постоянное проявленіе жалости. Реализмъ становится отвратительнымъ, когда онъ лишенъ чувства жалости. А всякая жалость дѣлается фальшью и сантиментальностью, если она не связана съ религіознымъ чувствомъ, т.-е. съ мыслью о божественномъ началѣ жизни“.

Французскій реализмъ тѣмъ не удовлетворяетъ Вогюэ, что въ немъ нѣтъ ни исканія Бога, ни любви къ людямъ; изображая грязь жизни, онъ забываетъ „божій духъ“, дѣлающій созданія праха и грязи живыми душами. Вогюэ доказываетъ, что ничѣмъ инымъ реализмъ не могъ стать въ современной Франціи. Реализмъ, по его убѣжденію, не подходитъ къ характеру Франціи. Сила его—въ простотѣ и въ непосредственномъ отношеніи къ жизни; а между тѣмъ, не можетъ быть ни простоты, ни наивности во вкусахъ „состарившейся націи“ (любопытное опредѣленіе Франціи въ устахъ француза!)... Поэтому французскій реализмъ, начавшійся „сухостью“ Стендаля и исчерпан-

ный „нигилизмомъ“ Флобера, не исполнилъ, по строгому приговору Вогюэ, своего назначенія, состоящаго главнымъ образомъ въ томъ, чтобы утѣшать униженныхъ и оскорбленныхъ (les humbles) и сроднить насъ съ ними, вводя насъ въ ихъ жизнь. Для исполненія этой задачи, французскому реализму недоставало религіозности и гуманности (le sens divin et le sens humain), и онъ долженъ былъ роковымъ образомъ сосредоточиться на изощреніяхъ эгоистическаго искусства.

Несправедливость этого осужденія „en bloc“ настолько очевидна, что нѣтъ надобности опровергать доводы Вогюэ. Онъ былъ неправъ, говоря о сухости Стендаля и называя его „Rouge et Noir“ „жалкой, человѣконенавистнической книгой“. Еще болѣе несправедливъ Вогюэ къ Флоберу, обвиняя его въ нигилизмѣ и не видя за его пессимистическимъ изображеніемъ жизни ничего, кромѣ угрюмой злобы. Флоберъ—идеалистъ, оскорбленный зрѣлищемъ жизни; чѣмъ яснѣе и безпощаднѣе онъ вникаетъ въ жалкія и тупыя существованія, тѣмъ ярче горитъ въ немъ любовь къ недостижимой красотѣ; пониманіе трагическаго противорѣчія между правдой жизни и правдой души вноситъ въ реализмъ Флобера тотъ паѳосъ страданія, въ которомъ ему отказываетъ Вогюэ.

Но, совершая несправедливость по отношенію къ созидателямъ французскаго реализма, Вогюэ совершенно правъ, когда дѣло идетъ о дальнѣйшемъ развитіи реалистическаго романа во Франціи. Представители реалистической и натуралистической школы, процвѣтавшей во время появленія книги Вогюэ, въ самомъ дѣлѣ не вносили „нравственнаго умысла“ (intention morale) въ изображеніе жизни, произведенія ихъ не углублены философскимъ пониманіемъ, и вслѣдствіе этого искусство превращается или въ фотографію, или въ циническую каррикатуру жизни. Заслуга Вогюэ въ томъ, что онъ указалъ на безъисходность этого ложнаго реализма и—что̀ еще важнѣе—показалъ, что время его прошло. Признаки перемѣны общественнаго настроенія, поворотъ въ интеллектуальныхъ вкусахъ подмѣчены Вогюэ съ большой проницательностью; всѣ его предсказанія исполнились, и онъ сталъ одновременно и пророкомъ, и отчасти начинателемъ новой эпохи въ литературѣ. Среди полнаго расцвѣта натурализма онъ смѣло говоритъ о проявленіи „esprit nouveau“, о томъ, что, чуждая романтизму прежнихъ поколѣній, современная Франція тяготится, однако, и матеріализмомъ, и грубостью натуралистической школы. „Ni muse, ni fumier“,—этимъ лозунгомъ Вогюэ характеризуетъ новое направленіе умовъ, охвачен-

ныхъ тревожностью и живымъ интересомъ къ духовной сторонѣ жизни. Но ничего отвѣчающаго этимъ новымъ потребностямъ Вогюэ не видитъ въ самой Франціи и съ подкупающей искренностью и безпристрастіемъ говоритъ о томъ, что Франція перестала быть идейной руководительницей европейской культуры: „Книги, которыя возбуждаютъ умы и питаютъ духъ, которыя воспитываютъ и учатъ истинѣ, создаются уже не во Франціи". Вогюэ имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы признаться въ этомъ паденіи культурной миссіи Франціи; онъ идетъ далѣе и указываетъ своимъ соотечественникамъ на зачатки болѣе сильнаго и цѣльнаго иноземнаго реализма, который можетъ стать источникомъ возрожденія. „Русское вліяніе,—говоритъ онъ,—источникъ спасенія для нашего истощеннаго искусства".

Вогюэ оттѣняетъ болѣе всего дряхлость, изжитость французской культуры, отсутствіе живой связи съ жизнью, и это опредѣляетъ его взглядъ на русскій романъ. Но если по отношенію къ французской дѣйствительности онъ является проницательнымъ критикомъ, смѣло обнажающимъ признаки разложенія, то, говоря о русской литературѣ, онъ не обнаруживаетъ такой же независимости ума. Онъ ищетъ литературнаго союза съ Россіей не только какъ безкорыстный поклонникъ русскаго романа. Его увлеченіе имѣетъ утилитарный характеръ; онъ хочетъ излечить расшатанность французскаго искусства общеніемъ съ незатронутыми силами и жизнеспособной нравственностью русской литературы. Ничего дурного въ этомъ литературномъ утилитаризмѣ, конечно, нѣтъ, но онъ мѣшаетъ ему въ вѣрной оцѣнкѣ русскихъ писателей.

Предвзятость мнѣній Вогюэ видна съ первыхъ его словъ о русской литературѣ. Онъ ищетъ въ ней „религіозности и гуманности"; среди этихъ поисковъ онъ обнаруживаетъ иногда близость къ пониманію стихійной силы, которая таится въ произведеніяхъ русскихъ романистовъ. Есть очень замѣчательныя сужденія о русскомъ романѣ въ предисловіи книги Вогюэ. Онъ говоритъ объ исключительномъ интересѣ русскихъ писателей къ внутреннему смыслу жизненныхъ явленій: „Они размышляютъ,—говоритъ онъ,—о томъ, что̀ скрыто отъ взоровъ. За видимыми предметами и явленіями, которые они описываютъ съ большой точностью, они особенно заняты тѣмъ, что̀ невѣдомо и что̀ открыто только догадкамъ. Дѣйствующія лица ихъ произведеній заняты мыслью о тайнѣ бытія, и какъ бы они ни были поглощены драматическими столкновеніями жизни, они внимательно прислушиваются къ шопоту отвлеченныхъ идей. Область, въ которой охот-

нѣе всего пребываютъ эти писатели (Тургеневъ, Толстой, Достоевскій), напоминаетъ приморскія мѣстности; въ нихъ радуютъ глаза долины, деревья и цвѣты, но отовсюду открывается видъ на волнующуюся поверхность моря, которое увеличиваетъ красоту пейзажа тѣмъ, что пробуждаетъ чувство безграничности міра и служитъ постояннымъ воспоминаніемъ о безконечности".

Въ этихъ словахъ и въ заканчивающемъ ихъ поэтическомъ сравненіи проявилось серьезное пониманіе русскаго романа, поднимающагося отъ преходящихъ зрѣлищъ жизни къ исканію ихъ внутренняго значенія. Но Вогюэ не держится въ дальнѣйшемъ изложеніи этого перваго интуитивнаго пониманія. Спускаясь съ той высоты, на которую онъ поднялъ русскихъ писателей, критикъ видитъ въ нихъ второстепенныя ихъ свойства, вытекающія изъ всего отношенія ихъ къ жизни; онъ замѣчаетъ въ нихъ силу христіанскаго чувства и жалость къ страданіямъ людей. Эти общія черты лучшихъ русскихъ романистовъ болѣе всего или даже единственно нужны Вогюэ, и, найдя ихъ, онъ уже сводитъ къ нимъ все значеніе русскаго романа. „Глубокій русскій мистицизмъ", состоящій въ самобытномъ пониманіи связи человѣка съ тайной бытія, Вогюэ сводитъ къ проповѣди Евангелія, т.-е. къ тому, чѣмъ занимаются протестантскіе миссіонеры у себя на родинѣ или въ глубинѣ африканскихъ земель. „Читая самыя странныя изъ русскихъ книгъ, мы чувствуемъ по сосѣдству съ ними книгу, служащую мѣриломъ для всѣхъ (un livre régulateur); къ ней обращены всѣ другія. Книга эта — внушительный фоліантъ, хранимый на почетномъ мѣстѣ въ петербургской императорской библіотекѣ—Остромірово Евангеліе; среди всѣхъ произведеній русской письменности, эта книга является символомъ вдохновляющаго всѣхъ ихъ начала". Точно также широкую человѣчность русскихъ романистовъ, ихъ пониманіе всего человѣка съ его скрытымъ добромъ и зломъ, порочностью и святостью, Вогюэ сводитъ къ поверхностному чувству жалости, которое предполагаетъ судъ людей надъ людьми, а не болѣе высокое объединеніе добрыхъ и злыхъ передъ одинаково недосягаемымъ для тѣхъ и другихъ идеаломъ добра.

Понимая такимъ образомъ русскій романъ, какъ проповѣдь Евангелія и жалости, Вогюэ ставитъ его въ примѣръ французскимъ реалистамъ на ряду съ представителями англійскаго романа, т.-е. Диккенсомъ и Джорджъ-Элліотъ. Нравственный замыселъ и философское значеніе филантропической англійской проповѣди и русское стремленіе осмыслить страданія и зло міра—кажутся ему одинаково важными для искусства. Онъ готовъ иногда отдать пред-

почтеніе англійскимъ романистамъ. Послѣ вышеприведенныхъ словъ о философской глубинѣ русскихъ романистовъ, странно читать у Вогюэ сужденія въ родѣ слѣдующихъ: „несмотря на мою любовь къ Тургеневу и Толстому, я предпочитаю имъ чаровницу Мэри Эвансъ. Если черезъ сто лѣтъ еще будутъ читаться романы прошедшаго вѣка, то я полагаю, что симпатіи нашихъ потомковъ будутъ колебаться между этими тремя именами". Такія слова предрекаютъ судьбу русскаго романа во Франціи.

Основу русской литературы Вогюэ сводитъ къ жалости и христіанскому чувству, и онъ знакомитъ французскихъ читателей съ общимъ теченіемъ русской литературы, чтобы показать наростаніе этихъ національныхъ чертъ. Бѣглый обзоръ народной литературы сдѣланъ Вогюэ очень хорошо; характеристика XVIII-го вѣка и романтизмъ начала XIX-го полны мѣткихъ опредѣленій—на ряду съ неизбѣжными ошибками, блестящихъ формулъ. Много вѣрнаго въ смѣлой характеристикѣ Пушкина, котораго Вогюэ „отнимаетъ у Россіи, чтобы вернуть его человѣчеству". Русская критика тоже нашла въ Вогюэ вѣрнаго цѣнителя: онъ привѣтствуетъ въ Бѣлинскомъ перваго русскаго писателя, опередившаго литературныя эволюціи Запада и угадавшаго наступленіе реализма, смѣняющаго переживанія романтизма.

Свѣтомъ и первоисточникомъ той русской литературы, которая призвана излечить Францію своей „гуманностью", Вогюэ считаетъ Гоголя. „Шинель" и „Мертвыя Души" породили, по его мнѣнію, всего Достоевскаго и Толстого. Въ великой эпопеѣ Гоголя критикъ замѣчаетъ, однако, не одну стихійность замысла, символизирующаго все, что есть высокаго и низкаго въ душѣ, въ образахъ широкихъ и разнообразныхъ, какъ сама жизнь. Болѣе всего его трогаетъ „чувство евангельскаго братства, любовь къ нищимъ духомъ и жалость къ страданію".

Тѣмъ легче, конечно, становится ему продолжать проповѣдь „русской жалости" и „религіи страданія" на примѣрѣ соединенныхъ въ одно цѣлое очень различныхъ по существу романистовъ—Тургенева, Достоевскаго и Толстого. Болѣе близкаго къ французской культурѣ Тургенева—Вогюэ толкуетъ главнымъ образомъ со стороны его романтизма, цѣня въ немъ его „мягкость, наивную доброту, смиреніе и чистоту души („âme du bon Dieu"), составляющія, по убѣжденію критика, основныя свойства русской націи. „Записки Охотника" очень красиво названы Вогюэ „великой и грустной симфоніей земли русской", но въ этомъ произведеніи, какъ и во всѣхъ романахъ Тургенева, онъ видитъ только художественное изображеніе „стоическаго и нѣ-

сколько животнаго смиренія русскаго человѣка передъ судьбой" и затѣмъ „сердечное, соболѣзнующее отношеніе къ жертвамъ тяжкихъ жизненныхъ условій",—эту послѣднюю черту онъ опять какъ бы ставитъ въ примѣръ безсердечію французскихъ натуралистовъ. Очевидно, что въ этой характеристикѣ стушевывается грустная гармонія, воплощенная въ Тургеневскихъ типахъ, исчезаетъ и физіономія писателя съ его очень различнымъ, менѣе всего примирительнымъ отношеніемъ къ разнымъ явленіямъ дѣйствительности и съ его чисто эстетической философіей, менѣе всего сливающейся съ проповѣдью Евангелія.

Но въ своемъ стремленіи пригнать русскихъ романистовъ къ требованіямъ французской дѣйствительности Вогюэ оказался наиболѣе несостоятельнымъ въ оцѣнкѣ Достоевскаго. Въ этомъ „настоящемъ скиѳѣ", создавшемъ „религію страданія", Вогюэ видитъ и понимаетъ только автора „Бѣдныхъ Людей", „Униженныхъ и Оскорбленныхъ" и „Преступленія и Наказанія", т.-е. моралиста, сострадающаго видимымъ страданіямъ, вызваннымъ общественными условіями, и рисующаго благородныя (въ смыслѣ общепринятой морали) души бѣдняковъ. Достоевскій является въ этомъ освѣщеніи „русскимъ Диккенсомъ", и Вогюэ очень настаиваетъ на этой параллели. Онъ видитъ въ творчествѣ Достоевскаго произведенія „нѣжной души, болѣзненно чувствительной, жаждущей подвиговъ самоотверженія", и считаетъ вполнѣ естественнымъ, что среди исключительныхъ испытаній своей жизни Достоевскій всецѣло подпалъ вліянію Евангелія, „прошедшаго черезъ Византію", проповѣдующаго аскетизмъ и готовность къ жертвамъ. Достоевскій становится для Вогюэ тоже проповѣдникомъ Евангелія и моралистомъ, рисующимъ „чистыя души—святыя и неразумныя въ своемъ восторженномъ самозакланіи". О существованіи другого Достоевскаго, мистика до изступленности, равнодушнаго къ практической морали, спускающагося до глубинъ пороковъ и растлѣнія, чтобы искать тамъ восторженное служеніе Богу черезъ самоуниженіе человѣка, французскій критикъ какъ будто и не подозрѣваетъ. Исповѣдникъ больной души человѣчества, свидѣтель всѣхъ ея паденій, открывающій неутомимой жаждѣ пониманія самые заповѣдные углы зла и святотатства,—чуждъ Вогюэ, и тѣ произведенія Достоевскаго, въ которыхъ обрисовывается сложный мистическій идеализмъ русскаго романиста, отбрасываются критикомъ съ какимъ-то страннымъ нетерпѣніемъ. „Я не буду останавливаться на „Братьяхъ Карамазовыхъ",—говоритъ онъ.—По общему мнѣнію и среди русскихъ мало кто имѣлъ мужество дочитать эту безконечную по-

вѣсть; все-таки среди ничѣмъ неоправдываемыхъ отступленій и среди тумана выдѣляются нѣсколько истинно эпическихъ фигуръ, нѣсколько сценъ, достойныхъ вниманія, какъ, напр., смерть ребенка“. А въ „Бѣсахъ“ единственно интереснымъ Вогюэ находитъ то, что сила воли нигилистовъ противопоставляется слабости властей. Вогюэ заключаетъ свой очеркъ о Достоевскомъ указаніемъ на три книги—„Бѣдные Люди“, „Записки изъ Мертваго Дома“ и „Преступленіе и Наказаніе“,—какъ на лучшее изъ всего, что̀ написалъ Достоевскій, и въ чемъ выразились всѣ особенности его таланта и созданная имъ „религія страданія“.

Въ этомъ портретѣ сглаживается, очевидно, вся самобытность жизненной морали Достоевскаго, тѣсно связанной съ его мистической философіей. И такимъ же обезцвѣченнымъ выходитъ въ изложеніи Вогюэ творчество Толстого; онъ превозноситъ художественныя качества автора „Войны и Мира“, хотя и отмѣчаетъ съ порицаніемъ несносныя для французскаго вкуса длинноты. Но идеи Толстого онъ принимаетъ лишь поскольку въ нихъ проявляется интересъ и состраданіе къ обездоленнымъ. Философію же лучшихъ психологическихъ романовъ Толстого онъ считаетъ отраженіемъ „нигилизма и восточной пассивности“, свойственныхъ русской натурѣ. Къ неохристіанству Толстого и его проповѣди практической морали Вогюэ относится съ улыбкой снисхожденія.

II.

Послѣ Вогюэ, многіе французскіе критики высказывали свои взгляды на русскихъ романистовъ, привѣтствуя ихъ вліяніе или возмущаясь противъ него, но основой ихъ сужденій оставалась всегда установленная Вогюэ характеристика, которая не подвергалась уже провѣркѣ. Однимъ изъ самыхъ продуманныхъ сужденій о русскомъ романѣ является очеркъ Бурже́ о Тургеневѣ: „Essais de psychologie contemporaine“. То, что̀ онъ говоритъ о Тургеневѣ, можетъ быть распространено и на другихъ представителей русскаго романа. Бурже́ превозноситъ въ немъ „молодость ощущеній“ и связанную съ этимъ свѣжесть инстинктивной памяти“. Искусство, созданное изжившейся, утомленной культурой, изображаетъ типы людей „конченныхъ“, не исполнившихъ задачи жизни, обманувшихъ собой и обманутыхъ сами жизнью—*ratés*, какъ выражается Бурже́ словомъ, введеннымъ въ литературу Альфонсомъ Додэ. Въ противоположность имъ, типы Тургенева представляютъ неудачниковъ другого рода, тоже

расходящихся въ жизни съ стремленіями своей души, побѣждаемыхъ дѣйствительностью, но сохраняющихъ нетронутую силу страданія. Это побѣжденные, но не обезсиленные, люди — „не свершившіе дѣла жизни“ (inachevés), но не ratés. Въ этомъ различіи Тургеневскаго пессимизма отъ французскаго Бурже́ видитъ живительную силу русскаго романа. Но отъ этого болѣе или менѣе самостоятельнаго взгляда Бурже спѣшитъ отойти. Чтобы придать больше силы своему преклоненію передъ Тургеневымъ, какъ передъ художникомъ, Бурже́ настаиваетъ главнымъ образомъ на облагораживающемъ нравственномъ вліяніи повѣстей Тургенева, и тутъ повторяетъ уже безъ всякаго измѣненія установленныя Вогюэ формулы: „трепетъ гуманности“, „состраданіе къ неимущимъ и обездоленнымъ“, „даръ слезъ“, „слезы жалости“ и „всякія другія слезы“; въ этихъ нивеллирующихъ общихъ опредѣленіяхъ утопаютъ „уединенность и обособленность“, которыя Бурже́ угадываетъ у Тургенева, но не старается выяснить и выдѣлить среди общей проповѣди филантропіи и гуманности. Повторяя формулу Вогюэ, Бурже́ какъ бы по инерціи повторяетъ и сравненіе съ Джорджъ-Эллiотъ и другими англійскими романистами. Опять русскій и англійскій романъ рекомендуются какъ равнозначащія явленія, какъ отраженія одного и того же нравственнаго идеала. Индивидуальныя свойства русскихъ романистовъ пріурочиваются къ общимъ категоріямъ, и страннымъ образомъ именно эти общія черты, лишенныя жизни и колорита, низведенныя почти до банальности прописныхъ истинъ, оказали вліяніе на французскую литературу. Самые же русскіе романы, изъ которыхъ эти общедоступныя истины были почерпнуты, остались чужды французскимъ читателямъ своей болѣе сложной и вымученной моралью, недоступной среднему пониманію по частому противорѣчію съ практической правдой жизни.

Вопросомъ о русскомъ романѣ занимался очень обстоятельно еще одинъ изъ видныхъ французскихъ критиковъ — Геннекенъ (Hennequin) въ своей книгѣ: „Ecrivains françisés“. Онъ очень осмотрительно отнесся къ увлеченію французовъ русскими писателями. Признавая художественныя достоинства русскихъ романовъ, онъ возставалъ противъ преобладанія въ нихъ сердца надъ мыслью, чувствительности надъ доводами разума. Въ этомъ сужденіи ясно чувствуется, что критикъ болѣе внимательно изучилъ статьи Вогюэ, чѣмъ произведенія русскихъ романистовъ. Достоевскій кажется Геннекену ослѣпленнымъ своей жалостью, не понимающимъ дѣйствительности, потому что все возбуждаетъ въ немъ „ужасъ и состраданіе“, и повсюду онъ видитъ лишь

„тѣхъ, кто страдаетъ, и тѣхъ, кто заставляетъ страдать". Искусство Достоевскаго заключается, по мнѣнію Геннекена, не въ изображеніи человѣка во всестороннемъ развитіи его души, а въ его способности страдать на разные лады отъ житейскихъ невзгодъ. А такъ какъ нуженъ исходъ страданіямъ, то Достоевскій нашелъ его, павъ ницъ предъ „плачущимъ ликомъ народнаго Христа", т.-е. понимая и исповѣдуя Евангеліе, какъ его исповѣдуетъ народъ. Конечно, если бы критикъ постарался вникнуть въ творчество Достоевскаго безъ посредства его французскаго комментатора, онъ, быть можетъ, понялъ бы, каковъ источникъ изображаемыхъ Достоевскимъ страданій, и какъ далекъ русскій романистъ отъ сантиментальнаго соболѣзнованія жертвамъ „превратностей судьбы". Но трагическое начало романовъ Достоевскаго, то, что каждый изъ его страдальцевъ и палачей рѣшаетъ наново вопросъ о „правдѣ жизни"—такъ же ускользнуло отъ Геннекена, какъ и отъ Буржé. Идя по торному пути, указанному Вогюэ, онъ видѣлъ въ тѣхъ нѣсколькихъ романахъ, которые рекомендовалъ Вогюэ, „евангеліе жалости", и, не видя ничего другого, упрекалъ Достоевскаго въ „слишкомъ большомъ перевѣсѣ чувствительности надъ разумомъ". Признавая нравственное значеніе этой „славянской жалости", Геннекенъ заканчиваетъ, однако, свой очеркъ порицаніемъ Достоевскому за излишнюю горячность проповѣди. „Истина,—говоритъ онъ,—спокойна; она убѣждаетъ однимъ своимъ появленіемъ и не нуждается въ пророкахъ; только заблужденіе говоритъ съ жаромъ".

Оцѣнка Толстого сводится у Геннекена къ тому же прославленію „доброты, жалости, прощенія, взаимопомощи" и другихъ христіанскихъ качествъ, которыми полны герои Толстого, а также къ порицанію разбросанности дѣйствія въ слишкомъ большихъ, съ французской точки зрѣнія, романахъ. Болѣе всего, Геннекена, какъ и другихъ французскихъ критиковъ, привлекаетъ у Толстого идея „братства въ духѣ и во плоти", объединяющая всѣхъ равнымъ образомъ страдающихъ людей. Менѣе всего интересуютъ его отвлеченныя мысли русскаго романиста и вѣчно занимающій его вопросъ о смерти.

До чего твердо установилась во французской литературѣ найденная Вогюэ формула русскаго романа, видно изъ того, какъ, при всякомъ упоминаніи русскихъ романистовъ, непремѣнно повторяются слова о христіанскомъ всепрощеніи, духѣ равенства, жалости и т. д.: „Толстой и Достоевскій,—говоритъ Брюнетьеръ („Le roman naturaliste"),—искренно любятъ бѣдныхъ и униженныхъ, всю эту невѣдомую, темную толпу, которая нахо-

дится въ пренебреженіи у мандариновъ искусства (Брюнетьеръ почему-то считаетъ Флобера такимъ мандариномъ). Равенство людей въ страданіи и смерти дѣлаетъ всѣхъ одинаково интересными для русскихъ романистовъ" и т. д. Какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ заслуга Достоевскаго и Толстого въ томъ, что они „открыли толпу"!..

„Любовь и жалость къ нищимъ духа — самая характерная черта русскаго романа, — говоритъ другой критикъ, Жильберъ, въ „Le Roman en France pendant le XIX siécle". Жюль Леметръ не можетъ себѣ даже представить никакого произведенія русскаго автора—будь то романъ, драма или комедія—безъ христіанскаго окончанія, т.-е. покаянія и прощенія. Разсказывая содержаніе „Грозы" Островскаго, онъ говоритъ, обращаясь къ читателямъ, что они, конечно, догадываются, чѣмъ должна окончиться пьеса,—т.-е. тѣмъ, что героиня, „какъ всегда въ русскихъ романахъ и пьесахъ", публично кается и тѣмъ очищаетъ свою душу. Невольно припоминается формула: „le pardon et le samovar", которою полу-шутливо и полу-серьезно пользовались одно время во французской печати для характеристики русской культуры. Въ сущности, даже самые талантливые французскіе изслѣдователи, при всемъ своемъ сочувствіи нравственнымъ идеямъ русскихъ писателей, не особенно далеко ушли отъ такой наивной первоначальной формулы.

III.

Всѣ вышеприведенные приговоры авторитетныхъ критиковъ были рѣшающими для судьбы русскаго романа во Франціи. Публика не имѣла возможности сама провѣрить ихъ мнѣнія, за отсутствіемъ вполнѣ удовлетворительныхъ переводовъ. Не нужно забывать, что большинство произведеній Толстого и Достоевскаго переведены на французскій языкъ русскими же, и во многихъ случаяхъ нападки на стиль русскихъ писателей объясняются слабостью переводовъ. Кромѣ того, оригинальный текстъ русскихъ романовъ подвергался иногда передѣлкамъ, и переводы превращались въ „adaptations", болѣе соотвѣтствующія, будто бы, французскому вкусу. Такъ, напр., въ „Братьяхъ Карамазовыхъ", въ переводѣ г. Гальперина-Каменскаго и Шарля Мориса, придѣланъ конецъ, въ которомъ Алеша устроиваетъ побѣгъ Дмитрія, а потомъ, оправданный по суду, женится на Лизѣ Хохлаковой. Остальное содержаніе романа тоже „приспособлено" къ французской публикѣ.

Не меньшимъ искаженіямъ подвергнутъ былъ романъ „Преступленіе и Наказаніе“, при переложеніи для сцены, съ сохраненіемъ и усугубленіемъ мелодраматической стороны сюжета.

Нужно потому непремѣнно помнить, въ какомъ видѣ русскій романъ былъ воспринятъ французскимъ сознаніемъ, для того, чтобы понять, въ чемъ сказалось его вліяніе. Художественныя особенности русскихъ писателей не произвели никакого впечатлѣнія на французскихъ читателей и почитателей ихъ. Никто изъ молодыхъ французскихъ писателей не унаслѣдовалъ ни примирительно-грустнаго тона Тургенева, за которымъ скрывается неизлечимый душевный разладъ, ни вѣщательнаго паѳоса Достоевскаго, ни широкой манеры Толстого въ изображеніи жизни. Напротивъ того, эстетика русскаго романа осталась совершенно непонятой во Франціи и не вызвала никакого подражанія. Французы превознесли „идеи“ русскихъ писателей, т.-е., какъ мы видѣли, не индивидуальное міросозерцаніе русскихъ романистовъ, а тѣ общія мысли, къ которымъ, обезцвѣтивъ каждаго писателя въ отдѣльности, можно свести нравоучительную сторону русскаго романа. Русское вліяніе ограничилось такимъ образомъ проповѣдью христіанскаго чувства, жалости, всепрощенія и чистоты нравовъ. Крайности натуралистической школы, ея послѣдовательный и преувеличенный матеріализмъ, вызвали всеобщее сочувствіе къ „русскому реализму“ въ его условномъ, установленномъ Вогюэ пониманіи, и это положило, будто бы, начало реакціи противъ натурализма. Роль русскаго романа въ этомъ возрожденіи идеалистическихъ вкусовъ въ сущности случайная, но все-таки имена Толстого, Достоевскаго—и лишь отчасти Тургенева—стали знаменемъ для цѣлой группы молодыхъ французскихъ писателей. Они старались возсоздать нравственную физіономію русскаго романа во французской литературѣ, но оставались вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрны своимъ національнымъ свойствамъ, и поэтому французскій романъ, порожденный такъ-называемымъ русскимъ вліяніемъ, представляетъ любопытную смѣсь противорѣчивыхъ чертъ, свидѣтельствующихъ объ искусственности сліянія.

Перемѣна, происшедшая въ общемъ характерѣ французскаго романа, очень замѣтна. Прежніе писатели стремились какъ можно полнѣе изобразить человѣка съ его жизненными аппетитами, съ его погоней за наслажденіями, соотвѣтствующими его душевному уровню, съ его житейскими трагедіями, порожденными безнадежно мелкими побужденіями и желаніями,—и въ этомъ изображеніи сѣрой жизни, лишенной всякой святости, чув-

ствовалась большая искренность и своего рода цѣльность. Теперь же, подъ гипнозомъ представленій о русскомъ романѣ, французскіе писатели изображаютъ чистоту и святость душевныхъ движеній—и для этого искажаютъ дѣйствительность. Но и въ этомъ искаженіи чувствуется, однако, нѣчто чисто-французское: желая быть во что бы то ни стало гуманными и сострадательными, новѣйшіе французскіе романисты становятся безнадежно сантиментальными; христіанскія же свои чувства они проявляютъ въ скучныхъ, большей частью отзывающихся фальшью и преднамѣренностью нравоученіяхъ. Искусственно добродѣтельная окраска новыхъ французскихъ романовъ дѣлаетъ ихъ безкровными, оторванными отъ жизни, изображающими добронравныхъ маріонетокъ, вмѣсто живыхъ людей. Большей частью, при всемъ желаніи такъ-называемыхъ „tolstoïsants“, имъ не удается внести добродѣтель въ сердце своихъ произведеній, и тогда они стараются присочинить добродѣтельный конецъ, или вставить нео-христіанскій эпизодъ въ исторіи своихъ героевъ, такъ что, въ концѣ концовъ, новый французскій романъ, прошедшій черезъ предполагаемое русское вліяніе, оказывается тѣмъ же адюльтернымъ романомъ, который только вмѣсто того, чтобы закончиться благополучнымъ устройствомъ „ménage à trois“, или „à quatre“, заканчивается раскаяніемъ и прощеніемъ à la russe.

IV.

Послѣдователями „русской морали“ оказались во Франціи нѣкоторые представители той самой натуралистической школы, противъ которой русскій романъ былъ выдвинутъ какъ новое всесильное оружіе. Альфонсъ Додэ, не питавшій большихъ симпатій къ русскимъ писателямъ, воспринялъ, однако, съ большимъ жаромъ „евангеліе любви и жалости“, приспособивъ это „евангеліе“ къ свойственной его южному темпераменту жалостливости и стремленію успокаиваться на внѣшнихъ примиреніяхъ въ борьбѣ съ жизнью. Въ позднѣйшихъ романахъ Додэ все сильнѣе сказывалось влеченіе къ примирительному и прощающему отношенію къ людямъ; этимъ „толстовскимъ“ (опять-таки во французскомъ смыслѣ слова) духомъ проникнута, напр., „La petite paroisse“, гдѣ символомъ жалостливаго отношенія къ людскимъ слабостямъ и прегрѣшеніямъ является маленькая церковь, выстроенная Наполеономъ Меривэ: никто изъ нея не выходитъ неутѣшеннымъ! Самая фабула романа и психологическое его содержаніе являются

типичнымъ образчикомъ французскаго романа—подъ соусомъ „русскаго прощенія“: обычная адюльтерная драма развертывается съ обычнымъ сопровожденіемъ сценъ ревности и взаимной злобы,—но прежній исходъ, т.-е. категорическое „tue-la“ Александра Дюма замѣнено новымъ шаблономъ: прощеніемъ, наступающимъ послѣ того, какъ грѣхъ искупленъ страданіемъ...

Зола́ болѣе самостоятельно отнесся къ русскому роману. Нельзя сказать, чтобы онъ остался чуждъ общему увлеченію Достоевскимъ—и въ особенности Толстымъ; но русская пассивная добродѣтель, превозносимая противниками натурализма, вызвала у автора „Ругонъ-Маккаровъ“ скорѣе реакцію противъ болѣзненнаго и безсильнаго, въ глазахъ французскаго романиста, мистицизма и желаніе противопоставить ему здоровую, жизнеспособную матеріалистическую теорію. „Докторъ Паскаль“, завершившій собой колоссальное сооруженіе „Ругонъ-Маккаровъ“,—результатъ анти-толстовскихъ симпатій Зола́. Но и отрицательное вліяніе русскаго романа не оказалось благотворнымъ, и проникнутое имъ произведеніе—одно изъ болѣе слабыхъ въ творчествѣ Зола́,—быть можетъ потому, что, и протестуя противъ нравственнаго ученія русскихъ писателей, французскій романистъ такъ же мало вникнулъ въ нихъ, какъ и сторонники русскаго вліянія. То же можно сказать и о другихъ французскихъ романистахъ, индивидуальность которыхъ уже опредѣлилась до „моды на русскій романъ“. Они не остались чужды громко проповѣдуемой русской морали, но она едва скользнула по самой поверхности ихъ творчества; и у Бурже́, и у Лоти, не говоря уже о менѣе талантливыхъ представителяхъ психологическаго и импрессіонистскаго романа, есть попытки проникнуться піэтистическими и всепрощающими настроеніями,—но эта дилеттантская религіозность и эстетическая склонность къ мягкимъ, нѣжнымъ прощеніямъ не мѣшаютъ утонченному „часовщику человѣческаго сердца“ (такъ названъ Бурже́ въ одной остроумной пародіи на литературные нравы) заниматься съ упоеніемъ всѣми оттѣнками настроеній у своихъ падающихъ героинь и всѣми подробностями отдѣлки ихъ интимныхъ одеждъ.

Въ несомнѣнно сильной степени вліяніе русскаго романа сказалось на нѣсколькихъ молодыхъ французскихъ писателяхъ, возставшихъ противъ традицій натурализма. Они выступили съ большимъ шумомъ, съ отреченіями, съ манифестами о новой правдѣ—и съ произведеніями, въ которыхъ, однако, господство „русской морали“ оказывалось не особенно прочнымъ. Однимъ изъ такихъ новообращенныхъ былъ талантливый романистъ Марсель Прево̀. Первые его романы: „Chonchette“, „Mademoiselle

Jauffre“ и др., были чисто натуралистическіе, но русскій романъ и толки объ идеализмѣ произвели въ немъ нравственный переворотъ: въ 1890 г. Превò выступилъ съ романомъ „Confession d'un Amant“, и снабдилъ его пространнымъ предисловіемъ. Превò провозгласилъ въ немъ разрывъ съ натурализмомъ и возвратъ къ романтическому воспѣванію нравственности, чистой любви, вѣрности и т. д. Предисловіе написано было въ видѣ манифеста литературной школы, во главѣ которой Превò ставилъ себя. Въ самомъ романѣ рисуется нѣсколько искусственная манерная психологія юноши, оскорбленнаго чувственной любовью и разочарованнаго также и въ романтической привязанности къ себѣ одной замужней женщины. Юноша приходитъ къ убѣжденію, что любовь губитъ и развращаетъ душу, и что нужно бѣжать отъ соблазновъ чувства. Таковъ нравственный идеалъ, созданный молодымъ романистомъ подъ вліяніемъ, будто бы, теорій Толстого. Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Превò, однако, удаляется отъ превозносимой имъ чистоты жизни и предпочитаетъ описывать самыя модныя ухищренія парижской распутности. Въ „Lettres de Femmes“ и въ особенности въ „Demi-Vierges“—Превò отмѣтилъ новые типы французскихъ женщинъ и дѣвушекъ, очень мало похожихъ на героинь Толстого и Тургенева. Подъ видомъ бичеванія модныхъ пороковъ Превò живописуетъ пространно и всесторонне праздные слои общества съ ихъ исключительной жизнью инстинктами, и въ описаніяхъ проявляется то увлеченіе изображаемой средой и нравами, которое убиваетъ нравственный замыселъ сатиры. Рѣзкостью и обнаженностью своихъ описаній и характеристикъ этотъ странный послѣдователь Толстого возмутилъ негодованіе даже во Франціи. „Lettres de Femmes“ показались и для французскаго вкуса слишкомъ циничными: всѣ женщины, отъ герцогини до горничной, отъ матери семейства до подростка въ короткихъ платьяхъ—представлены въ нихъ развратными звѣрками, порабощенными своими инстинктами. Къ такому взгляду на жизнь пришелъ, по зрѣломъ размышленіи, одинъ изъ считавшихъ себя искреннимъ послѣдователемъ Толстого во Франціи: вліяніе русскаго романа очень скоро уступило власти дѣйствительности и національныхъ привычекъ ума. Кругъ нравственныхъ убѣжденій, свершенный Превò отъ „Confession d'un Amant“ до „Lettres de Femmes“—яркій примѣръ несерьезности и непрочности русскаго вліянія на французскій романъ.

V.

Послѣдовательнымъ приверженцемъ русскихъ идей является повидимому Эдуардъ Родъ, французскій критикъ и романистъ изъ Женевы. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ проповѣдниковъ русскаго романа въ теоріи, превозносилъ Толстого въ своихъ „Idées morales du temps présent“ и въ своихъ романахъ, добродѣтельныхъ до скуки, подчиняя чувства и страсти строгимъ внушеніямъ нравственнаго долга. Онъ тоже, подобно Марселю Превò, считалъ нужнымъ писать предисловія къ своимъ романамъ, заявляя о своемъ разрывѣ съ натурализмомъ и о вступленіи на новый путь, открытый русскими романистами. Въ предисловіи къ „Trois Coeurs“—Родъ говоритъ о смѣнѣ матеріализма спиритуализмомъ въ идеалахъ современной литературы, о томъ, что болѣе чѣмъ когда-либо чувствуется разладъ между сердцемъ и разумомъ. „Глубже всего,—говоритъ Родъ,—отразился этотъ разладъ въ русскомъ романѣ, но онъ смягченъ въ немъ близостью къ народной жизни и душевной молодостью писателей“. Родъ проникнулся этимъ идеалистическимъ русскимъ пессимизмомъ. Всѣ его романы отражаютъ грусть жизни, омраченной сознаніемъ смерти, и проповѣдуютъ, какъ лекарство противъ пессимизма, строгое выполненіе нравственныхъ обязательствъ, создаваемыхъ жизнью, и отношеніями къ людямъ. Есть нѣчто мертвящее въ узкомъ пониманіи морали швейцарскимъ романистомъ, и едва ли можно считать русскихъ писателей вдохновителями протестантски-нравоучительныхъ повѣстей и романовъ Рода, населенныхъ не живыми людьми, а резонёрами. А между тѣмъ, несомнѣнный источникъ всего художественнаго творчества Рода—русскій романъ; но Родъ, подобно французскимъ критикамъ, удовольствовался первыми, бросающимися въ глаза свойствами русскаго романа, чтобы, усвоивъ ихъ, создать въ французской литературѣ нѣчто весьма новое—добродѣтельный романъ. Другимъ проявленіемъ русскаго вліянія является развиваемая въ романамъ Рода теорія „интуитивизма“, т.-е. самоуглубленія, съ цѣлью познать тайны человѣческой души.

Результаты самоанализа представлены у Рода очень грустными. Два самыя серьезныя произведенія его — „Course à la Mort“ и „Sens de la Vie“—рисуютъ современнаго человѣка въ отчаяніи передъ зрѣлищемъ жизни. Избытокъ интеллектуальности и болѣзненно изощренная воспріимчивость порождаютъ въ немъ ненависть къ жизни, желаніе смерти. Но нравственное чувство

спасаетъ его. Въ „Sens de la Vie" герой Рода примиряется съ неизбѣжной печалью, съ тоской тихаго, безрадостнаго теченія жизни, и понимаетъ, что смыслъ ея — въ любви къ ближнимъ и къ человѣчеству, въ покорномъ и спокойномъ религіозномъ чувствѣ. Спасительный исходъ является очевиднымъ отголоскомъ „русскаго евангелія" — и Родъ совершенно успокаивается на его формулахъ. Онъ не думаетъ о томъ, что нужно найти еще и смыслъ той любви къ ближнимъ, которая ему кажется конечною цѣлью.

Найденную имъ практическую мораль Родъ проводитъ въ цѣломъ рядѣ романовъ, гдѣ русское евангеліе обусловливаетъ развязку. Въ „La Sacrifiée" нравственный долгъ признается единственнымъ источникомъ душевнаго спокойствія; докторъ, женившійся на вдовѣ своего друга, считаетъ своимъ долгомъ бросить ее и сдѣлать несчастными и вдову, и себя, потому что онъ понялъ слишкомъ поздно, что ускорилъ смерть и безъ того осужденнаго на смерть паралитика, любя его несчастную въ супружествѣ жену. Онъ оставляетъ ее, сознавъ свою вину въ прошломъ, и при этомъ произносятся очень чувствительныя фразы о томъ, что страсти—„обманывающій насъ миражъ"; что единственная мудрость заключается въ конечномъ отрѣшеніи отъ своей воли, въ покорности „невѣдомой силѣ", въ готовности исполнить божественную волю и „войти свободными и чистыми въ небытіе, или въ вѣчность". Мистицизмъ такого рода — нѣсколько наивный и неглубокій — звучитъ и въ другихъ романахъ Рода, въ особенности въ „Roches blanches" — лучшемъ произведеніи Рода въ художественномъ отношеніи; тамъ тоже любовь приносится въ жертву радости самопожертвованія. Воспринявъ формулы такъ-называемаго русскаго мистицизма и русской морали, Родъ не внесъ въ нихъ ничего самобытнаго, и поэтому этотъ вѣрнѣйшій изъ апостоловъ русской правды во французской литературѣ не можетъ служить доказательствомъ плодотворности русскаго вліянія.

VI.

Еще менѣе самобытно, чѣмъ Родомъ, было воспринято вліяніе русскаго романа Полемъ Маргериттомъ. Онъ тоже долженъ былъ „порвать" съ натурализмомъ, прежде чѣмъ примкнуть къ школѣ русскихъ романистовъ; онъ былъ однимъ изъ пяти молодыхъ писателей, подписавшихъ „отреченіе" отъ школы Золà послѣ

того, какъ вышла въ свѣтъ „La Terre". Послѣ крайностей натурализма его привлекала съ особенной силой чистота русскаго романа, и, стараясь воспринять ее, онъ ударился въ другую крайность—въ романтизмъ и сантиментальность, въ изображеніе семейныхъ идиллій, страдающихъ, искупающихъ страданіемъ и прощающихъ мужей и женъ. Во всѣхъ этихъ картинахъ чувствуется преднамѣренность и выдуманность. Когда же Маргериттъ забывается и становится искреннимъ бытописателемъ дѣйствительности, онъ роковымъ образомъ возвращается къ сочиненію адюльтерныхъ романовъ — съ искупленіями и прощеніями въ концѣ. Таковы, напр., „La Tourmente" и „Jours d'épreuve", задуманные въ обычномъ духѣ натуралистическихъ романовъ, но законченные, очевидно, подъ вліяніемъ „Крейцеровой Сонаты". Въ „La Tourmente" жена „согрѣшила" и очень несчастна, потому что любитъ мужа, а не обольстителя, съ которымъ ее свелъ рядъ случайныхъ обстоятельствъ. Не будучи въ силахъ пользоваться незаслуженной любовью мужа, она ему открывается въ своей винѣ. Это признаніе и есть новый пріемъ— заимствованный изъ русскаго романа; француженки въ такихъ случаяхъ предпочитаютъ молчать—и въ романахъ, и въ жизни. Вся семейная драма построена на незыблемости установленной морали. Маргериттъ ни разу не задумывается надъ правильностью нравственныхъ понятій, основанныхъ на полномъ неравенствѣ мужа и жены въ семьѣ. Влюбленный въ жену, мужъ вспоминаетъ иногда съ гадливостью о своихъ случайныхъ любовныхъ приключеніяхъ во время отсутствія или болѣзни жены, но никакихъ угрызеній совѣсти при этомъ не испытываетъ. Но измѣна жены, о которой она говоритъ сама съ отчаяніемъ, ему кажется чудовищной. Въ наступающемъ поединкѣ двухъ измученныхъ душъ чувствуется полное отсутствіе духовной свободы; страданія мужа въ значительной степени порождены условными понятіями о чести и позорѣ, жена же скована традиціонными представленіями о правахъ и власти мужа. Ни мужъ, ни жена, не въ состояніи рѣшить вопроса совѣсти въ себѣ и для себя, безъ мысли о сужденіяхъ свѣта. И эта условность столкновенія лишаетъ романъ Маргеритта всякаго интереса; — думая подражать русскому роману, гдѣ дѣйствуютъ большей частью свободныя натуры, занятыя исканіемъ „внутренней правды", Маргериттъ впалъ, однако, въ условность, и пошлость его романа не выкупается своеобразной развязкой: мужъ только тогда можетъ простить женѣ и забыть прошлое, „когда онъ рѣшается забыть въ ней женщину—и любить ее какъ сестру". Чтò можетъ быть

болѣе дѣланно и фальшиво, чѣмъ эта явная и рѣжущая глаза французская „толстовщина"! Въ „Jours d'épreuve" рисуется безнадежная сѣрость будничной семьи, даже когда мужъ и жена любятъ другъ друга. Но эта сѣрость и скука теряютъ смыслъ въ изложеніи Маргеритта, потому что онѣ представлены не какъ нѣчто стихійное, а какъ случайное, обусловленное недостаткомъ денегъ. И опять концу романа приданъ русскій или, вѣрнѣе, французско-толстовскій характеръ. Обезсиленная въ борьбѣ съ обстоятельствами, страдающая отъ нравственныхъ мукъ, семья находитъ спасеніе—они покидаютъ городъ, мужъ бросаетъ службу—и они ѣдутъ въ Алжиръ заниматься земледѣліемъ, „опроститься".— Маргериттъ, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, подтверждаемыхъ и позднѣйшими романами, наиболѣе близкій послѣдователь русскихъ романистовъ и въ частности Толстого. Но тѣмъ яснѣе замѣтна въ его произведеніяхъ рознь между русскимъ и французскимъ міросозерцаніемъ и невозможность плодотворнаго воздѣйствія русскихъ идей на французскія понятія.

Болѣе сложно отношеніе къ русскому роману другого французскаго романиста, или, вѣрнѣе, романистовъ,—двухъ братьевъ Рони, пишущихъ подъ общимъ именемъ: J. H. Rosny. Дарованіе Рони чрезвычайно разносторонне—археологія, допотопная исторія человѣчества, нравы разныхъ европейскихъ странъ, въ особенности Англіи, психологія современныхъ людей и различныхъ классовъ общества—все это входитъ въ кругозоръ писателей, соединяющихъ реализмъ съ лирическими порывами, служеніе общественнымъ идеаламъ съ исканіемъ „рѣдкихъ ощущеній", анализъ одинокихъ изысканныхъ душъ съ любовью къ толпѣ, къ пестротѣ народныхъ нравовъ разныхъ странъ, къ шуму и суетѣ внѣшней жизни.

Русскій романъ не могъ не пробудить отголоска въ такихъ чуткихъ наблюдателяхъ современности, какъ Рони, но, вмѣсто подражанія и слѣдованія такъ-называемымъ русскимъ идеямъ, въ романахъ Рони чувствуется стремленіе противопоставить русской морали другой нравственный идеалъ, болѣе практическій и соотвѣтствующій привычкамъ французскаго ума. Эта реакція противъ русскаго вліянія особенно чувствуется въ „Impérieuse Bonté", гдѣ туманному мистицизму русскаго сѣвера противополагается человѣколюбіе практическаго характера: Рони рисуютъ обширную филантропическую организацію, уничтожающую излишнія, устранимыя страданія людей. Общій тонъ романа, глубина жалости къ людямъ, паѳосъ въ стремленіи вылечить людей взаимной любовью—все это гораздо болѣе роднитъ авторовъ „Impérieuse

Bonté“ съ Толстымъ, чѣмъ добродѣтельныя потуги Маргеритта и Марселя Превò. Другой романъ Рони, „Indomptée“, рисуетъ французскую дѣвушку новаго типа, самостоятельную и отвоевывающую серьезное и почтительное отношеніе къ себѣ среди общества, привыкшаго глядѣть на женщину какъ на игрушку или рабу. Героиня Рони полна еще, по русскимъ понятіямъ, буржуазныхъ предразсудковъ, но по своей самобытности, цѣльности и строгости она сильно отличается отъ обычнаго характера женщинъ, изображаемыхъ во французскихъ романахъ; въ изображеніи ея натуры и жизни чувствуется знакомство съ русской женщиной по русскимъ романамъ.

Вотъ къ чему сводится такимъ образомъ русское вліяніе на французскій романъ. Перетолкованные на французскій ладъ, русскіе романисты вызвали сочувствіе и подражаніе у значительной части молодыхъ французскихъ беллетристовъ. Никакихъ крупныхъ романистовъ это увлеченіе русскимъ романомъ во Франціи не создало; въ тѣхъ же художественныхъ произведеніяхъ, которыя несомнѣнно вызваны идеями русскихъ писателей, гораздо сильнѣе сказались чисто національныя черты авторовъ, чѣмъ навѣянныя извнѣ мысли и чувства.

VII.

Вліяніе русскаго романа сказалось во Франціи не только въ произведеніяхъ нѣсколькихъ беллетристовъ, искавшихъ спасенія отъ гнета реалистической школы. Толстой и Достоевскій,—т.-е. то представленіе, которое выработалось о нихъ во Франціи,—послужили опорой для нѣкоторыхъ идейныхъ явленій, по существу весьма отличныхъ отъ ученій русскихъ романистовъ, но исторически съ ними связанныхъ.

До конца восьмидесятыхъ годовъ господство положительной философіи было такъ велико во Франціи, что писатели, уклонявшіеся отъ общаго теченія, занятые отвлеченными вопросами, религіозными и этическими, какъ бы совершенно не существовали,—никто не зналъ ихъ имени, никто не читалъ ихъ книгъ. Нація была слишкомъ поглощена возсозданіемъ утраченныхъ во внѣшней борьбѣ силъ, и все, чтò не вело къ непосредственному результату, чтò не содѣйствовало возвеличенію Франціи, французскаго ума и таланта въ ея собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ народовъ,—все это встрѣчалось съ полнымъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ. А между тѣмъ, во Франціи

еще не оправившейся отъ бури „страшнаго года“, стали раздаваться голоса, утверждавшіе, что дѣло обновленія должно исходить изъ глубинъ національной жизни; что только новые нравственно-философскіе идеалы могутъ служить основой болѣе свѣтлаго національнаго будущаго. Но проповѣдники духовнаго обновленія не находили отклика—и только много лѣтъ спустя, когда позитивизмъ и реализмъ въ искусствѣ сдѣлали свое для Франціи и отжили, вниманіе общества вернулось къ прежнимъ проповѣдникамъ; забытые при жизни или дожившіе до старости въ одиночествѣ, они стали теперь во главѣ идейнаго движенія, очень широкаго по числу своихъ послѣдователей и по возбуждаемому ими общему интересу. Толчокъ этому философско-религіозному возрожденію несомнѣнно далъ русскій романъ. Самый характеръ новой проповѣди очень разнится отъ мыслей и поученій русскихъ романистовъ,—тѣмъ болѣе, что „русскія идеи“, какъ мы видѣли, были мало или весьма односторонне поняты во Франціи. Но заимствовать религіозные и нравственные идеалы французамъ не было никакой надобности—у нихъ были и есть писатели съ очень серьезными и самобытными философскими воззрѣніями. Нужно было только признать право голоса за проповѣдниками отвлеченныхъ идеаловъ, какъ источника жизненной силы—и для этого произведенія русскихъ романистовъ имѣли освобождающее значеніе. Послѣ того широко раскрылись двери для всякихъ новыхъ и возобновленныхъ ученій—и по необычайному росту нравственно-религіозной литературы въ настоящее время видно, какъ много скрывалось невысказаннаго за торжествующимъ знаменемъ реализма. Возникшее, или, вѣрнѣе, ободрившееся подъ вліяніемъ русскаго романа движеніе называютъ идеалистическимъ, нео-католическимъ, нео-христіанскимъ, мистическимъ,—но всѣ эти названія, какъ и всякія клички, не опредѣляютъ сущности движенія со всѣмъ его разнообразіемъ, со всѣми серьезными, а также поверхностными и наносными его явленіями. Можно только сказать, что отвлеченные религіозные и чисто философскіе вопросы теперь сильнѣе занимаютъ Францію, чѣмъ до знакомства съ русскимъ романомъ, и что среди писателей, высказывающихъ новое пониманіе нравственныхъ задачъ человѣчества, есть нѣсколько выдающихся мыслителей, слова которыхъ тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что высказываются писателями, обладающими большими литературными достоинствами.

У новѣйшихъ французскихъ проповѣдниковъ нравственнаго возрожденія есть предшественники въ лицѣ цѣлаго ряда духов-

ныхъ писателей XIX вѣка. Но всѣ они, въ томъ числѣ и Ламеннэ, и Лакордэръ—носители идей прошлаго; узкость ихъ догматизма такъ же чужда современному направленію умовъ, какъ увѣренный въ себѣ раціонализмъ XVIII вѣка. Провозвѣстникомъ современнаго отношенія къ религіи, т.-е. исканія святынь внѣ всякихъ положительныхъ вѣроученій, былъ Эрнестъ Гелло (Hello), „великій Гелло", какъ его называютъ теперь во французской литературѣ. Онъ провелъ жизнь одинокаго мыслителя, чуждаго своему времени, и умеръ въ 1885 г., когда едва намѣчался во французской литературѣ интересъ къ вопросамъ вѣры и нравственности. Смерть Гелло прошла почти совсѣмъ незамѣченной. „Я прочелъ въ газетѣ четыре столбца, посвященные кончинѣ хористки изъ театра „Variétés",—писалъ Дрюмонъ,—пространный отчетъ о законномъ бракѣ, закончившемъ какую-то свѣтскую интригу, а „великому Гелло" посвящено было едва ли три строчки некролога". Въ настоящее время отношеніе къ Гелло совсѣмъ иное, и нѣтъ того очерка современной литературы во Франціи, гдѣ Гелло не отводилось бы мѣсто учителя и вдохновителя всѣхъ позднѣйшихъ писателей. Заслуга Гелло заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ отдѣлилъ религіозно-этическіе идеалы и мистическія настроенія отъ догматическаго католицизма, внесъ религіозное чувство въ французское искусство, и тѣмъ самымъ обогатилъ его той глубиной настроенія, которая составляетъ силу англійской поэзіи и англійскаго искусства. Гелло былъ врагомъ католическихъ традицій: идеи Лакордэра онъ считалъ далекими отъ глубины христіанства—толкованіемъ истины извнѣ (vues prises du dehors); богословскому паѳосу Боссюэта онъ предпочиталъ средневѣковыхъ мистиковъ, наивно искавшихъ путей къ пониманію правды, а не старавшихся умножить многорѣчивую науку богословія. Гелло началъ свою литературную дѣятельность съ переводовъ неизвѣстныхъ никому мистическихъ писателей—фламандца Рюисброка Великолѣпнаго (Ruysbrock l'Admirable), святой Анжелики изъ Фолиньо. Весь новѣйшій мистицизмъ французскихъ и бельгійскихъ писателей—Метерлинка съ его переводами „Noces spirituelles" Рюисброка; Гюисманса съ его исканіемъ спасенія въ монастыряхъ; Реми-де-Гурмона, автора „Latin Mystique"; Розенбаха, пѣвца тишины, и другихъ,—коренится такимъ образомъ въ попыткахъ Гелло сдѣлать мысль, обращенную на вопросы вѣры, источникомъ искусства.

По темпераменту, убѣжденности и по своей манерѣ „изрекать" то, что онъ считалъ истиной, а не излагать и доказывать свои положенія, Гелло кажется какимъ-то ветхозавѣтнымъ

пророкомъ, случайно забредшимъ въ трезвый, скептически настроенный міръ нашего времени. Въ этомъ пророческомъ тонѣ—особенность Геллò, а также источникъ его слабости. Есть величавость „иного вѣка“ въ личности Геллò, какъ она рисуется, напр., въ слѣдующемъ разсказѣ одного изъ его друзей—Ласерра: послѣдній встрѣтилъ его однажды на одномъ изъ пышныхъ празднествъ во время выставки 1867 года, и Геллò сказалъ ему торжественнымъ пророческимъ тономъ: „Другъ мой, я изумленъ“! Искреннее удивленіе отражалось на чертахъ его лица. Онъ продолжалъ послѣ короткой паузы: „Я только-что прошелъ мимо Тюльери, и онъ еще не горитъ“. Онъ поднялъ палецъ на подобіе небесныхъ вѣстниковъ, предвѣщающихъ бѣдствія нечестивымъ городамъ, и прибавилъ: „Варвары медлятъ приходомъ. Гдѣ же Аттила“?

Вся жизнь Геллò проникнута была сознаніемъ разлада съ дѣйствительностью; все, чтò онъ писалъ, носило характеръ вызова, и въ своемъ ожесточенномъ желаніи доставить торжество своимъ идеямъ онъ фанатически преслѣдовалъ своихъ идейныхъ противниковъ, отрицая въ нихъ даже ихъ несомнѣнныя достоинства, ихъ талантъ и значеніе. Этотъ фанатизмъ въ осужденіи и возмущенная гордость всѣхъ его обличеній болѣе всего отвратили отъ него современниковъ. Только близкіе друзья—и лучшій изъ его друзей, его преданная жена, съ которой онъ дѣлился каждою мыслью — знали любящую душу Геллò, безкорыстность его проповѣдническаго жара, отсутствіе личныхъ мотивовъ въ его борьбѣ за попранныя права жертвъ человѣческаго равнодушія—бѣдняковъ и великихъ людей, которые лишены необходимой поддержки—хлѣба и славы. Въ литературѣ вызывающій тонъ Геллò и несправедливость его полемики противъ Ренана и нѣмецкой философіи вызвали осужденіе. Его сочли озлобленнымъ гордецомъ, искателемъ недающейся ему славы и—чтò наиболѣе несправедливо—ревнителемъ католической церкви, ненавидящимъ всякое проявленіе свободной мысли. При жизни Геллò, когда онъ издавалъ, очень недолго, газету „Croisé“, и когда онъ писалъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ рѣзкія статьи противъ ложнаго либерализма политиковъ и публицистовъ его времени, возможно было непониманіе его положительныхъ идей, во имя которыхъ онъ развѣнчивалъ современность. Но теперь всѣ его писанія приведены въ систему и составляютъ рядъ книгъ, очень ярко и убѣдительно написанныхъ. Въ нихъ заключается своеобразная философія, которая пріобрѣла за послѣднее десятилѣтіе во Франціи значительное вліяніе.

Гелло, прежде всего, не чисто-католическій писатель, а мистикъ, требующій, чтобы люди искали сами свои святыни, а не примыкали къ догматическимъ вѣроученіямъ той или другой церкви. Первыя произведенія Гелло были переводы средневѣковыхъ мистиковъ—Рюисброка и Анжелики изъ Фолиньò. Затѣмъ, только среди непрерывной журнальной работы составились самостоятельныя капитальныя книги Геллò—„Paroles de Dieu“, „Plateaux de la Balance“, „Philosophie et athéisme“, „Contes extraordinaires“, „L'Homme“, „Le Siècle“. Въ нихъ Геллò излагаетъ основу своего міросозерцанія, и уже опираясь на то, чтò онъ считаетъ истиной, необходимой для жизни, онъ твердо и безпощадно клеймитъ все уклоняющееся отъ этой правды.

Геллò настаиваетъ на необходимости философіи для жизни и доказываетъ, что безъ вниканія въ общій смыслъ міра явленій невозможна никакая полезная, нужная человѣчеству дѣятельность.

„Повсюду и всегда, — говоритъ онъ, — самая возвышенная метафизика управляла жизнью массъ, наиболѣе чуждыхъ знанію и пониманію метафизики. Вліяніе это было, конечно, не прямымъ, а косвеннымъ. Частная жизнь людей въ самыхъ ея мелкихъ проявленіяхъ воплощаетъ усвоенную ими метафизику. Всякій человѣкъ, совершающій поступки, подчиняется, поступая хорошо или дурно, глубокой метафизической теоріи, почти всегда неизвѣстной ему самому, но понятной для другихъ“. Философія, объясняющая смыслъ міра, составляетъ практическую необходимость—вотъ въ чемъ Геллò старается убѣдить своихъ современниковъ, которые, во имя удовлетворенія непосредственныхъ насущныхъ потребностей человѣка, отказываются заниматься отвлеченными идеями. „Вѣчные принципы, основныя истины, управляющія жизнью, составляютъ высшій и главный интересъ нашей современности, переживающей смутную пору опасностей и бѣдствій“; людямъ, не умѣющимъ подняться отъ осязательнаго явленія къ управляющему ими отвлеченному принципу, Геллò поясняетъ свою мысль, говоря, что „кусокъ хлѣба—не что иное, какъ лучъ солнца, воплощенный въ матеріи усиліемъ рукъ человѣческихъ“. Этимъ онъ хочетъ доказать, что идея и явленіе—одно и то же, что есть неразрывныя нити между отвлеченнымъ идеаломъ и реальнымъ его воплощеніемъ, и что въ пониманіи этой истины—источникъ счастья человѣчества. Задача мыслителя—стремиться къ синтезу въ области интеллектуальной и тѣмъ самымъ исполнять основной законъ жизни—единство.

Важность философскаго міросозерцанія для жизни, переходъ

отъ внѣшнихъ контрастовъ къ синтезу ихъ въ религіозномъ пониманіи единой конечной цѣли всѣхъ явленій—вотъ ученіе, съ которымъ выступилъ Гелло̀ среди литературы, проникнутой утилитаризмомъ и отчасти полумистическимъ дилеттантизмомъ Ренана, столь же пагубнымъ, по убѣжденію увѣреннаго искателя „единой истины", какъ и всеотрицаніе Вольтера.

Въ каждомъ изъ своихъ отдѣльныхъ произведеній Гелло̀ примѣнялъ свое требованіе философскаго пониманія и стремленія къ единству—къ различнымъ областямъ человѣческихъ мыслей и дѣяній. Въ литературѣ онъ придавалъ большое значеніе критикѣ, назначеніе которой онъ видѣлъ въ любви и культѣ прекраснаго, въ исканіи его, въ томъ, чтобы она жила восторгами, а не отрицаніями, искала красоту и геніальность и тѣмъ создавала ее. Онъ возстаетъ противъ „узкой критики", занятой исключеніями, и требуетъ широты, пониманія всей „universalité"; ее онъ считаетъ основой духа современности, и находитъ источникъ ея въ постоянномъ стремленіи къ синтезу и въ религіозномъ чувствѣ, поселяющемъ вѣру въ верховную цѣль жизни.

Самые широкіе выводы изъ своихъ философскихъ принциповъ Гелло̀ дѣлаетъ по отношенію къ морали. Стремленіе человѣка къ единой истинѣ должно вести его къ идеалу добра, ибо синтезомъ всего является благо-божественная правда, а зло представляетъ собой уже отдѣленіе отъ общаго и единаго, узкость, отрицаніе безконечнаго. Не ограничивать страсти и желанія долженъ человѣкъ, а, напротивъ, желать какъ можно шире, до безконечности, или, какъ онъ выражается, до полноты (plénitude). Ограниченность людей—въ томъ, что они желаютъ малаго, а не великаго. Восемнадцатый вѣкъ былъ ограниченъ въ своихъ желаніяхъ, онъ разрушалъ и этимъ довольствовался—это путь къ смерти, къ тлѣну. Нашъ вѣкъ „много хочетъ"—въ этомъ его спасеніе. Нужно желать полной любви, и тогда возможенъ путь къ божеству, къ безконечному. Несчастіе людей въ томъ, что они себя не любятъ: „Человѣкъ не любитъ себя! Въ этомъ все дѣло. Святая Екатерина Генуэзская говорила, что самолюбіе должно называться самоненавистничествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ самолюбіе не есть жертва самимъ собой, которую человѣкъ приноситъ своему тщеславію? Человѣкъ не любитъ себя, а онъ долженъ много любить себя, потому что онъ долженъ много любить своего ближняго, а ближняго онъ долженъ любить какъ самого себя". Любовь ведетъ человѣка къ пониманію другой суровой стороны мірозданія—божественной гармоніи, порядка (l'Ordre), т.-е. мудрости и законности. Любовь, т.-е. стихійное

начало, и порядокъ, при всей своей противоположности, не исключаютъ другъ друга, а, напротивъ того, обусловливаются одна другимъ и оживляютъ другъ друга. Ихъ раздѣленіе означаетъ смерть, ихъ сочетаніе ведетъ къ полной и плодотворной истинѣ и порождаетъ нравственность, религію и искусство. Тѣхъ, кто въ искусствѣ видитъ лишь соблюденіе правилъ, т.-е. слѣдованіе извѣстному порядку, Гелло называетъ фарисеями; тѣхъ, кто видитъ въ искусствѣ безуміе и считаетъ безпорядочность, отсутствіе равновѣсія—основой искусства, тѣхъ онъ считаетъ извращенными или поверхностными художниками (libertins); классицизмъ и романтизмъ являются для него образцами этихъ двухъ крайностей; идеалъ же истиннаго художника онъ видитъ въ свободномъ и непроизвольномъ соблюденіи основныхъ законовъ искусства помимо всѣхъ правилъ, созданныхъ людьми для толпы. Слѣдованіе божественному закону сопровождается радостью и славой,—Гелло сильно настаиваетъ на этихъ двухъ потребностяхъ человѣческаго духа. Вся рѣзкость его полемики противъ современности сводится къ тому, что при существующихъ условіяхъ геній или просто независимый, смѣлый умъ не достигаетъ славы, и что суррогатомъ славы является знаменитость, популярность, связанная со всѣмъ, что̀ льститъ вкусамъ толпы. Гелло часто упрекали въ этомъ странномъ преувеличеніи значенія славы. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что для него слава вовсе не значитъ удовлетвореніе тщеславія, а принадлежность служенія верховной цѣли жизни. Только исходя изъ этого высокаго пониманія славы, Гелло клеймитъ равнодушіе людей, которые совершаютъ „грѣхъ невниманія“ (le crime de l'omission). „Страсть,—говоритъ онъ своимъ выразительнымъ языкомъ, — мать активныхъ преступленій; равнодушіе—преступленій по невниманію“. „Равнодушіе, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—губитъ двѣ жертвы: несчастныхъ и геніевъ, ибо равнодушіе—это особа, которой всегда—некогда. Милосердіе же всегда имѣетъ время остановиться“. Говоря о милосердіи, вытекающемъ изъ соблюденія законовъ „синтеза въ добрѣ“, Гелло имѣетъ въ виду совершенно особый долгъ милосердія и любви; онъ состоитъ въ обязанности произносить слова, ведущія къ истинѣ. Это онъ называетъ „духовной жалостью“—la charité intellectuelle. Онъ говоритъ о „мучительномъ голодѣ и жаждѣ, призывающихъ писанное слово. Между жаждущими читателями и столь же алчущимъ писателемъ должно установиться теченіе божественной жалости—всѣ должны давать и всѣ получать. Это—подаяніе, идущее отъ души къ душѣ“.

Таково въ общихъ чертахъ нравственное ученіе Гелло, ко-

торое, какъ мы видимъ, заключаетъ въ себѣ не столько философскую систему или догматическое міросозерцаніе, какъ извѣстную атмосферу мышленія, своеобразное отношеніе къ человѣческому знанію, его цѣлямъ, и чувствамъ, которымъ оно должно удовлетворять. Онъ указываетъ путь современной мысли своимъ исканіемъ синтеза. Именно въ этомъ, а не въ положительномъ содержаніи его ученія, заслуга Гелло передъ современностью. Новѣйшая французская литература идетъ по намѣченному имъ пути, и послѣ пренебрежительнаго отношенія къ себѣ при жизни, Гелло пріобрѣлъ очень скоро послѣ смерти славу, которую онъ считалъ насущной потребностью писателя. На немъ оправдалось грустное изреченіе Бальзака—„la gloire est le soleil des morts"!..

VIII.

Другой представитель французскаго нео-христіанства или нео-мистицизма — Эдуардъ Шюрэ (Shuré), авторъ „Grands Initiés", „Drame Musical", „Grandes Légendes de France", „Histoire du Lied" и друг. Въ общее литературное движеніе во Франціи онъ входитъ лишь отчасти. Многія его произведенія относятся къ теософіи и представляютъ интересъ только чисто литературными достоинствами, образностью языка, силой пророческаго тона. Но, помимо этихъ уклоненій въ сторону теософическихъ ученій, Шюрэ въ названныхъ нами книгахъ чуждъ всякаго догматизма и является идеалистомъ, для котораго явленія внѣшней жизни имѣютъ значеніе, насколько они отражаютъ безсознательное, стихійное начало истины, вложенное въ человѣка. Онъ вѣритъ въ душу вселенной и ищетъ ея отраже ній въ духовномъ мірѣ человѣка, во всемъ непосредственномъ, въ повиновеніи внутрениему голосу. Въ „Grands Initiés" онъ изучаетъ всѣхъ основателей религій, древнихъ и новыхъ, и представляетъ ихъ носителями одной и той же правды, такъ какъ догматическая сторона вѣроученія кажется ему второстепенной, а главнымъ онъ признаетъ гностическое начало, стихійное общеніе съ вѣчной правдой. Та же склонность къ возвеличенію стихійнаго начала въ человѣкѣ, дѣлающаго его носителемъ правды болѣе высокой, чѣмъ самъ человѣкъ, сказывается въ очеркахъ Шюрэ, посвященныхъ исторіи музыки, народной пѣсни и народному творчеству вообще. Шюрэ создалъ во Франціи культъ Вагнера, освѣтивъ идейную сторону „новой музыки" нѣмецкаго

композитора. Его значеніе для французской литературы послѣдняго десятилѣтія заключается, какъ и значеніе Гелло, въ томъ, что онъ содѣйствовалъ развитію идеалистическаго искусства и ограждалъ въ литературѣ свободу нравственно-философскихъ воззрѣній отъ догматизма и узко-католическихъ вліяній.

Къ этимъ двумъ писателямъ примкнули многіе представители новѣйшей французской литературы, признававшіе и признающіе своими учителями русскихъ романистовъ. Философія Гелло, музыка Вагнера, романы Толстого и Достоевскаго—вотъ признанные „Leitmotiv'ы" новѣйшей французской поэзіи и проникнутаго мистическими настроеніями искусства. Среди писателей этого поколѣнія выдѣляется Реми-де-Гурмонъ. Въ „Latin Mistique" онъ возсоздаетъ поэзію средневѣковыхъ латинскихъ гимновъ, переводитъ и толкуетъ ихъ; въ краткихъ сужденіяхъ Реми-де-Гурмона о „Dies irae", „Stabat Mater", о поэтическомъ творчествѣ св. Бернарда и о другихъ писателяхъ и произведеніяхъ средневѣковой латыни, обнаруживается свобода и независимость сужденій на ряду съ искреннимъ мистицизмомъ. Онъ понялъ душу латинскаго средневѣковья и вложилъ ее въ свою странную книгу, написанную съ независимостью ученаго и съ паѳосомъ поэта. Въ другихъ произведеніяхъ Реми-де-Гурмона, въ романѣ „Sixtine", въ двухъ „Livres de Masques", „Pelerin de Silence" и т. д., проявляются тѣ же свойства ума и души, освѣщенныя яснымъ художественнымъ талантомъ. Въ своемъ обзорѣ современной мистической литературы во Франціи, Шарбоннель придаетъ большое значеніе Реми-де-Гурмону, обособленности его „chapelle mistique"; она ему представляется какъ бы старинной церковью, въ которую художникъ спасается и гдѣ онъ поетъ наединѣ съ собой, въ полугрезѣ, старинную прозу литургіи—„въ тотъ тихій часъ, когда колѣнопреклоненныя женщины молятъ Бога объ успокоеніи ихъ тяжкихъ страданій".

Гюисмансъ, со своими полу-благочестивыми, полу-нечестивыми романами, Саръ Пеладанъ и его попытки возсоздать искусство мистическаго братства розенкрейцеровъ, Жюль Буа, открывшій въ Парижѣ конца XIX вѣка очагъ самыхъ странныхъ и древнихъ сектъ, изучившій возрожденный сатанизмъ и другія измышленія извращеннаго религіознаго чувства французовъ,—всѣ эти и множество другихъ писателей свидѣтельствуютъ о странномъ направленіи возрожденнаго религіознаго чувства въ современной Франціи. Этотъ мистицизмъ представляетъ своимъ полуисторическимъ, полу-извращеннымъ характеромъ глубокій контрастъ съ религіознымъ чувствомъ, никогда не исчезавшимъ въ искусствѣ

Англіи и потому никогда не возрождавшимся; французскій мистицизмъ—плодъ, какъ будто, нервной усталости и изощреннаго ума, который гонится за новизной ощущеній. Кажется страннымъ, что расцвѣтъ его совпалъ съ начавшимся во Франціи увлеченіемъ русскимъ романомъ. Активные идеалы Толстого весьма далеки отъ „мистическихъ часовенъ", въ которыя уединяются французскіе художники въ своемъ презрѣніи ко всему общественному, къ „ближнимъ"; религіозное чувство Достоевскаго тоже основано на любви и подвигахъ на пользу другихъ людей—французское же нео-христіанство гордится своею отверженностью отъ общей жизни въ своей странѣ.

И все-таки, несмотря на всѣ эти различія, доходящія до полнаго контраста, есть, однако, связь между распространеніемъ русскаго романа во Франціи и развитіемъ въ ней мистической литературы. Иностранное вліяніе выразилось, какъ всегда, въ томъ, что изъ него почерпнуты элементы, соотвѣтствующіе требованіямъ даннаго историческаго момента. Русскіе романисты, какъ будто, способствовали тому, что въ литературѣ Франціи возбужденъ былъ интересъ къ отвлеченнымъ вопросамъ, къ духовной жизни. Французскіе же писатели внесли свое содержаніе въ создавшіяся подъ чужимъ вліяніемъ рамки и оставались вѣрными національнымъ свойствамъ ума и тогда, когда примкнули къ идейной жизни писателей другихъ странъ, находящихся въ совершенно иной обстановкѣ.

Зин. Венгерова.

ИЗЪ
ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
В. ГЮГО

(Toute la lyre.)

1.—ЛИРА.

Судьба, подобная желѣзному узлу,
Матерія и плоть, тоска, влеченье къ злу
И искупленіе—являются обычной
Для духа нашего рѣшоткою темничной.
Плѣненная душа томится, какъ въ тюрьмѣ.
Но только-что заря затеплится во тьмѣ
И съ неба дивный гласъ провозгласитъ прощенье,
Какъ плоть, которая обременяетъ насъ,
Матерія, и скорбь, и горечь искупленья—
Въ божественную пѣснь сольются въ тотъ же часъ.
Во мракѣ новый свѣтъ блеснетъ зарей священной,
Прочтутся письмена загадки вѣковой,
И станетъ каждый прутъ рѣшотки роковой—
Струною лиры вдохновенной.

2.—ГОРЫ.

Подобно черному разсѣянному стаду,
Которое пасетъ зловѣщій ураганъ—
Неслися облака сквозь призрачный туманъ
И бездна темная внизу являлась взгляду.

Тамъ, гдѣ клубилися тяжелые пары—
Вершина мрачная чудовищной горы,
Подобно призраку, изъ бездны поднималась.
Ея подножіе въ глубокой тьмѣ терялось,
А на верху ея—горѣ подобенъ самъ—
Закованный титанъ предсталъ моимъ глазамъ.
Терзаемъ коршуномъ, къ утесу пригвожденный
Цѣпями вѣчными, громадный, обнаженный—
На камнѣ корчился въ мученіяхъ титанъ.
И къ небу взоръ его съ угрозой обращенный
Дышалъ отчаяньемъ, а изъ отверстыхъ ранъ
Съ кровавою волной струились волны свѣта.
И я спросилъ:—Чья кровь струится здѣсь?—На это
Мнѣ коршунъ отвѣчалъ:—Людская,—и во вѣкъ
Ей литься суждено.—А какъ горы названье?—
— Кавказъ.—Но кто же ты: жестокія страданья
И муку вѣчную терпящій?—Человѣкъ.

—

И все смѣшалось тутъ, какъ отблески зарницы,
По мановенію властительной десницы,
Мгновенно съ темнотой сливаются ночной,—
Какъ рябь, мелькнувшая на глади водяной...

—

Опять разверзлася бездонная пучина,
Явилась изъ нея другой горы вершина;
Шелъ дождь,—и, трепетомъ невѣдомымъ объятъ,
Я слышалъ, какъ сказалъ мнѣ кто-то:—Араратъ.
— Кто ты?—я вопросилъ таинственную гору.
И молвила она:—Ко мнѣ плыветъ ковчегъ,
А въ немъ—избранникъ тотъ, что̀ гибели избѣгъ,
И близкіе его. Согласно приговору,
Открылась хлябь небесъ съ пучиной водяной.
— Земля?—Поглощена бушующей волной:
Во слѣдъ созданію—явилось разрушенье.
— О, небо!—молвилъ я:—кто этому виной?—

—

И вновь исчезло все, какъ будто въ сновидѣньѣ.

—

Сквозь тучи, и туманъ, и дикій грохотъ бурь
Блеснула въ сумракѣ волшебная лазурь—
И выплыла горы́ вершина золотая.
Предавшись буйному веселью торжества,

На ней верховныя царили существа,
Жестокой красотой и радостью блистая.
Имѣли всѣ они со стрѣлами колчанъ,
Чтобъ смертныхъ поражать грозою тяжкихъ ранъ.
Стекались къ ихъ ногамъ утѣхи и забавы,
Любовь вѣнчала ихъ.—Олимпъ въ сіяньѣ славы!—
Услышалъ я.
И вновь все рушилось кругомъ.

—

И снова въ хаосѣ предстала вѣковомъ
Вершина мрачная. Громо̀вые раскаты
Гремѣли въ вышинѣ, и, трепетомъ объяты,
Склонялися дубы̀ столѣтнею главой,
И горные орлы полетъ могучій свой
Въ испугѣ къ небесамъ далекимъ направляли—
Отъ мѣста, гдѣ пророкъ предсталъ предъ Еговой.
И вотъ, исполненный божественной печали,
На землю онъ сошелъ, держа въ рукахъ скрижали
И гро̀мы вѣчные... И гласъ вѣщалъ:—Синай!—

—

Тумана ризою небесъ холодныхъ край
На мигъ задернулся, шумѣли ураганы...
Когда-жъ разсѣялись зловѣщіе туманы—
Узрѣлъ я, какъ вдали, на мрачной высотѣ,
Страдалецъ умиралъ, распятый на крестѣ.
Высокихъ два креста по сторонамъ чернѣли
И тучи заревомъ кровавымъ пламенѣли.
Распятый на крестѣ воскликнулъ:—Я—Христосъ!
И въ дуновеніи зловѣщемъ пронеслось:
— Голгоѳа!—
Та̀къ прошли, смѣняясь, какъ страницы
Изъ книги бытія, видѣній вереницы,
Какъ будто саваномъ—окутанныя тьмой,—
И я взиралъ на нихъ, смятенный и нѣмой.

О. Михайлова.

ЗАБЫТАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА

Литературный очеркъ.

„У книгъ—своя судьба"!.. Это изреченіе можно вполнѣ примѣнить и къ произведеніямъ писательницы Кохановской. Появившись въ эпоху „великихъ реформъ", они не были оцѣнены по ея таланту, прошли даже незамѣченными для массы, поглощенной „злобою дня", а часть—и наиболѣе вліятельная—критики должна была встрѣтить ихъ прямо враждебно.

Между тѣмъ крупный, яркій и своеобразный ея талантъ остается несомнѣннымъ.

Надежда Степановна Соханская, писавшая подъ псевдонимомъ „Кохановская", родилась 17 февраля 1825 г. отъ брака С. П. Соханскаго и В. Гр. Лохвицкой.

Вотъ что̀ сообщаетъ о своемъ родѣ сама писательница въ семейной хроникѣ, начатой ею, но, къ сожалѣнію, не доведенной до конца:

„Чего только не было въ моемъ роду? И татарскаго, польскаго, литовскаго, чисто-русскаго, малороссійскаго, только—ничего нѣмецкаго.

„Со стороны отца моего я не имѣю никакихъ преданій, кромѣ того единственнаго, что дѣдъ, заднѣпровскій черниговецъ, женатый на благородной полькѣ изъ хорошей фамиліи, маетности которой отошли въ теперешнія владѣнія Пруссіи, прогулялъ показацки триста душъ, бросилъ жену и малолѣтнихъ шестерыхъ дѣтей и бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ и пропалъ безъ вѣсти.

„Со стороны матушки мы ведемъ довольно далеко свой ро̀дъ и довольно знаменито, именно: относимъ его по женскому ко-

лѣну къ князю Константину Острожскому; по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ наши фамильныя преданія" [1])...

Въ автобіографіи [2]), написанной по просьбѣ Плетнева, она сообщаетъ про своего отца слѣдующее:

„Мой папенька былъ родомъ изъ черниговской губерніи—дворянинъ; но у него не было никакого состоянія, рѣшительно никакого. Вмѣстѣ съ другими братьями, папенька уступилъ отцовское имѣніе матери и двумъ сестрамъ и пошелъ искать доли по бѣлу свѣту. Сперва онъ служилъ въ какой-то палатѣ въ Харьковѣ; но около того времени, когда начали шумѣть войны седьмого и восьмого годовъ, папенька вступилъ въ глуховской кирасирскій полкъ, что̀ теперь, кажется, его высочества Михаила Павловича. Здѣсь онъ оставался до самой кончины. Въ двѣнадцатомъ году и потомъ, во всѣхъ войнахъ за границею, папенька былъ казначеемъ. Сотни тысячъ прошли черезъ его руки, но, благодаря Бога, не зацѣпились въ нихъ...

„Какъ вы видѣли, мой папенька—настоящій малороссіянинъ,—черниговецъ; но я—русская. Родина моя та же, что̀ маменькина: курская губернія, отъ Корочи верстахъ въ двѣнадцати—хуторокъ Веселый. Я разсталась съ нимъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ; но и теперь онъ мнѣ помнится... Большой садъ спустился къ логу, большія березы; по ту сторону, въ Вилкахъ, дубовая роща, стоитъ старая липа, и на ней улей, а еще выше—воронье гнѣздо... Кладочка черезъ ручей; склепъ дѣдушки заросъ малиной,—я пробираюсь заглянуть въ него, и братъ меня подсаживаетъ... Маменька построила тутъ домикъ, главными окнами къ большой дорогѣ,—столько цвѣтовъ!—и жила въ немъ во время продолжительныхъ отлучекъ папеньки по полковымъ надобностямъ... Какъ говорится, будущее намъ улыбалось. Кирасирскіе кадры пошли на поселеніе. По особенному довѣрію начальства, папенька сдѣланъ былъ военнымъ форшмейстеромъ, должность которую могли занимать только полковники. Но наше бѣдное счастіе—сонъ. Еще полная радости о выгодныхъ перемѣнахъ, маменька осталась вдовою съ четырьмя дѣтьми: три сына и я; мнѣ было два года, и еще былъ братъ меньше меня. На другой день погребенія папеньки получено было ему производство въ майоры; но за патентъ на чинъ надобно было платить, а это значило, что маменька должна отказаться отъ чести быть майоршей; леченіе въ Харьковѣ и похороны взяли

[1]) „Старина", Семейная память.

[2]) См. „Русское Обозрѣніе" 1896 г., іюнь, іюль и т. д.

все; по долгамъ нашлось нѣсколько тысячъ; но онѣ были розданы, какъ обыкновенно между товарищами, по роспискѣ—на слово. Кто говорилъ: „Я заплатилъ, да, видно, Степанъ Павловичъ забылъ уничтожить мою росписку"; другой,—что у него со Степаномъ Павловичемъ, кромѣ денежныхъ, были другіе счеты, и они давно сошлись; лучшіе говорили: „я заплачу",—и никто не заплатилъ. Маменька бросилась хлопотать о пенсіонѣ. Двадцать лѣтъ безукоризненной службы, участіе въ четырнадцати большихъ сраженіяхъ, Анна за храбрость,—кажется, могли бы мы чего-нибудь надѣяться?—Маменькѣ отказали затѣмъ, что мужъ ея умеръ не въ томъ году, когда вышелъ указъ о пенсіонахъ. Все наше настоящее и будущее осталось прикованнымъ къ Веселому—къ ста семидесяти десятинамъ земли, у которыхъ былъ мужской наслѣдникъ, кромѣ еще двухъ сестеръ дѣвушекъ".

Рано лишившись отца, Надежда Степановна была воспитана матерью, женщиной глубоко-религіозной и дѣловитой. Вотъ чтò сообщаетъ Н. С. въ автобіографіи о своемъ дѣтствѣ:

„Первое, когда я начинаю себя помнить, это вечеръ: маменька и тетенька сидятъ вокругъ стола и работаютъ, а мы всѣ трое на столѣ (меньшой мой братъ умеръ); мы чуть дышемъ и слушаемъ, какъ тетенька разсказываетъ намъ сказку про Яблоновскіе острова. Я до сихъ поръ помню эту сказку. И чтò странно: меня поразили не похожденія Ивана-Царевича съ его Вечеркой и Полуночникомъ, какъ они ни чудны, но мѣсто подвиговъ, пустынная великолѣпность сказочной природы"...

Любопытенъ также разсказъ Кохановской о томъ, какъ она научилась читать:

„Какъ-то маменька была немножко нездорова, вѣрно простудилась: изъ города привезли оподельдокъ. Я никогда не видала его, и меня чрезвычайно занялъ печатный листочекъ, которымъ была обернута баночка. Буквы я кое-какъ знала по карточкамъ, глядя, какъ учился братъ: А—Акула, В—Верблюдъ, это я хорошо знала,—и стала у всѣхъ спрашивать, складывать по-своему, и къ вечеру я читала: „когда укуситъ комаръ, или пчела, или другое какое ядовитое насѣкомое". Вотъ моя азбука, моя учительница русской грамоты! Послѣ оподельдочной обертки я стала читать всякую книгу"...

Въ 1834 г., восьми лѣтъ, Кохановскую отдали въ харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, а въ слѣдующемъ году мать ея купила хуторокъ въ изюмскомъ уѣздѣ, куда и переѣхала на житье изъ прежняго имѣнія, которое поступило въ

другія руки. На этотъ хуторокъ писательница вернулась по выходѣ изъ института и въ немъ прожила до самой своей кончины, въ 1884 году.

Институтская жизнь Кохановской, по ея разсказу, раздѣляется на два различныхъ періода: первый періодъ, когда ей жилось необыкновенно тяжело и ее угнетали и начальница, и классныя дамы, и недостатокъ книгъ и учебниковъ, и необходимость ловить на лету возможность заглянуть въ учебникъ и выучить урокъ. Но благодаря необыкновеннымъ дарованіямъ и изъ ряду вонъ выходящей—по твердости, стокойсти, терпѣнію,—натурѣ, Кохановская преодолѣла всѣ препятствія и изъ загнанной институтской Сандрильоны перешла на роль первой ученицы, красы и гордости заведенія. Она кончила курсъ съ шифромъ.

Въ одномъ изъ своихъ очерковъ [1]) она такъ описываетъ себя по выходѣ изъ институтскаго заточенія:

„Я боялась людей, какъ филинъ боится свѣту. Не только „противные“ мужчины наводили на меня страхъ, но я „милыхъ дамъ“ боялась еще болѣе. Шорохъ женскаго шолковаго платья просто наводилъ на меня трепетъ; я уничтожалась... Но если страхъ былъ моимъ главнымъ властвующимъ чувствомъ этого времени, то страстью у меня было чтеніе. Я зачитывалась до неприличія, до забвенія всѣхъ условій свѣтскости благовоспитанной дѣвицы и еще институтки. Въ ту пору я готова была вѣрить, что существуетъ какая-то таинственная связь между мною и всякой книгою, что и книгу точно такъ же тянетъ ко мнѣ, какъ меня къ книгѣ. Гдѣ бы ни случалось быть, но когда я входила въ комнату, первое, что̀ я видѣла—это книгу, если, по счастью, она была тамъ. Ни сна, ни пищи, ни воздуха, ничего въ мірѣ мнѣ не нужно было,—пусть бы только у меня была книга! Но любя съ такою силою, я съ тѣмъ вмѣстѣ любила съ дѣтскимъ благоговѣніемъ книгу. Лечь въ постель и читать,—я никогда не позволяла себѣ такого неуваженія передъ книгою. Я почти сидя не читала. Разложить книги и стать передъ ними на колѣни—это было мое наслажденіе въ чтеніи. Но удовлетворять такому высокому наслажденію въ степи, въ уединенномъ хуторкѣ, не легко было. Если бы мнѣ кликнули кличъ, что за горами, за долами, вмѣсто золотыхъ яблокъ гесперидскихъ садовъ, да есть тамъ книги, я бы пошла, въ баснословное время, добывать ихъ, во власти какого бы Горыныча-

---

[1]) „Давняя встрѣча“. Маленькое воспоминаніе.

змѣя ни хранились онѣ! Но, увы! и безъ того достать книгу было для меня почти то же, чтò сорвать золотое яблоко"...

И вотъ однажды, когда у нея почти съ мѣсяцъ не было никакой новой книги, она поѣхала къ одной богатой сосѣдкѣ [1]).

„Пріѣзжаю подъ вечеръ; вхожу въ обычно-безмолвный домъ, ступаю по затверженнымъ квадратамъ паркета на пути изъ зала въ гостиную,—все оно то же самое, застыло, величавое, только цвѣты пахнутъ и новоразмѣщенные лавры глядятъ въ потолокъ... Я взглянула передъ собою—и Господи мой! на столикѣ передъ Марьей Ивановной, гдѣ кромѣ изуродованныхъ перчатокъ съ отрѣзанными пальцами и бронзоваго колокольчика никогда ничего не лежало,—на этомъ столикѣ теперь четыре книги, симметрически положенныя по двѣ въ рядъ! Я сѣла поближе къ стòлику. О чемъ ни шли наши разговоры, какія предположенія ни были насчетъ нашей поѣздки,—а мои неотвязные глаза такъ и этакъ поглядываютъ на книги. Съ молодой зоркостью взгляда я успѣла разобрать золотую потертую надпись на корешкѣ: „Les eaux"... Но чтò это были за *Воды?* И чтò тамъ еще далѣе было оттиснуто и стерто до невозможности прочесть!.. Я терпѣла до самаго вечера и весь вечеръ, и ночь до полуночи, какъ терпѣли св. мученицы! Но у Марьи Ивановны былъ еще особенный способъ помучить. Просидѣвши въ гостиной ровно до тѣхъ поръ, пока въ залѣ столовые часы отчетливо и вѣрно, съ отзвономъ всего домоваго эхо, пробьютъ двѣнадцать, и дворецкій потушитъ серебряную лампу въ столовой, — Марья Ивановна зажжетъ собственноручно низенькую стеариновую свѣчу и, какъ домашнее привидѣніе въ черномъ, съ приподнятой вверхъ свѣтящей рукою, ведетъ за собою въ спальню, посидѣть еще тамъ немного. На этотъ разъ силы моего терпѣнія отказались служить мнѣ. Я просто начала зѣвать.

— Ай, ай, ай, ma bien chère! Дѣвушкѣ молоденькой стыдно спать хотѣть,—благоволительно качая головою и жмурясь вмѣсто улыбки, замѣтила Марья Ивановна и переступила два шага черезъ порогъ своей спальни, чтобы проводить меня.

— Саша, чтò это у васъ за книги?—спросила я, очутясь у себя въ комнатѣ.

— Какія, барышня, книги?—спрашивала въ отвѣтъ умная и хорошенькая, расторопная и на все замѣчательная Саша, старшая горничная Марьи Ивановны.

---

[1]) Марья Ивановна Шидловская. Очень живую и интересную характеристику этой госпожи и подробное описаніе отношеній съ нею даетъ Кохановская въ своей автобіографіи.

„И она мнѣ объяснила, что это вотъ какія книги: родственникъ Марьи Ивановны проѣзжалъ на дняхъ, ночевалъ здѣсь и забылъ свои французскія книги. Если бы онѣ были русскія, можетъ статься, Марья Ивановна и не обратила бы на нихъ вниманія; но какъ онѣ были не русскія, а французскія, то она дала имъ почетное мѣсто на своемъ столѣ.

„Но отъ этого мнѣ было не легче: узнать исторію этихъ книгъ и не знать ихъ содержанія... Пробраться въ гостиную и похитить ихъ, не стыдясь лѣтней таинственной ночи, не было никакой возможности. У самыхъ дверей въ гостиную находился бодрствующій, неотступный стражъ, хуже всякаго цербера, скрипучая пластинка паркета, которую нельзя было миновать, и она, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней, поднимала въ огромномъ и пустомъ домѣ такой трескъ, какъ бы деревья съ корнями валились вокругъ и врывалась раскатомъ нежданная буря,—а еще дверь изъ спальни Марьи Ивановны обыкновенно оставалась отворенною на ночь въ гостиную.

„Нечего было дѣлать. Слѣдовало ложиться спать и покориться тяжкому терпѣнію до утра. Но мнѣ и во снѣ-то, кажется, какъ и наяву, видѣлись однѣ книги.

„Едва дождавшись поздняго утра барскаго дома, я была уже на ногахъ, причесана и одѣта, и, минуя цербера, я черезъ садъ пробралась на балконъ, оттуда въ банкетную и явилась въ гостиной. Съ началомъ утра дверь въ спальню Марьи Ивановны затворялась и на нее падалъ тяжелый штофный занавѣсъ... И вотъ я одна передъ книгами, на полной свободѣ отъ восьми часовъ до половины перваго! Мои горячія руки почти съ трепетомъ протянулись къ лежавшимъ книгамъ. Я раскрыла одну изъ нихъ и тотчасъ закрыла ее отъ полноты дѣтскаго, переполнившаго меня восторга. Романъ Вальтеръ-Скотта! „Сен-Ронанскія воды—Les eaux de Saint-Ronan!“ Я даже ничего не слыхала объ этихъ *Водахъ*—и я потонула въ нихъ всѣми чувствами и ощущеніями моей жаждущей души. Дежурный лакей поставилъ передо мною чай; но видя, что чашка остается простылою и нетронутою, онъ не сталъ меня безпокоить другою... Съ моей всепоглощающей способностью пожирать книги, я успѣла прочесть первую часть романа и принялась за другую. Я почти не слыхала, били или не били часы. У меня свои колокольчики звенѣли въ ушахъ.

„Неподвижная, какъ бы прикованная, не то золотыми, не то жемчужными цѣпями, я сидѣла въ своемъ читательскомъ оцѣпененіи. У меня рука до полу спустилась съ низенькаго кресла и

отекла, совсѣмъ онѣмѣла,—я того не чувствовала. Не слыхала раздающейся за стѣной утренней воркотни Марьи Ивановны... не замѣчала маленькой закулисной тревоги, обыкновенно предшествовавшей появленію старой дамы на сцену въ гостиную,— какъ вдругъ струя прилившаго новаго воздуха затронула листы моей книги, тяжелый занавѣсъ зашелестѣлъ, и Марья Ивановна, съ молитвенникомъ въ рукахъ, завѣшанная оборками, повидимому никуда не смотря, но все до малѣйшаго видя—прошла и скрылась въ совершенно пустой, нежилой половинѣ дома, гдѣ она, по обычаю нашихъ старыхъ людей, совершала молитву громко, церковнымъ речитативомъ.

„Я и теперь слышу эти отрывчатые, долетающіе звуки... Что̀ мнѣ было дѣлать? Нѣтъ сомнѣнія, Марья Ивановна видѣла, что я читала книгу,—я взяла книгу со стола Марьи Ивановны безъ позволенія, безъ ея деликатнаго предложенія. Я понимала все неприличіе моего поступка; но что̀ же мнѣ было теперь дѣлать? Неужели положить книгу такъ точно, какъ она лежала, и стараться провести зоркіе глаза Марьи Ивановны смиреннымъ видомъ ни въ чемъ небывалой невинности, погруженной въ пустую работу? Но нѣтъ! Еще въ институтѣ я ничего не умѣла дѣлать исподтишка, и если я говорила и вставала съ мѣста, когда приказывалось молчать и сидѣть на мѣстѣ, то уже не говорить, или бросаться опрометью къ своему мѣсту, заслышавши, что идетъ классная дама—это мнѣ казалось маленькой низостью. Я рѣшилась принять сполна, открытымъ лицомъ, послѣдствія моего неделикатнаго поступка и читать книгу Марьи Ивановны въ ея глазахъ. И какъ я помню минуту этой дѣтски мужественной рѣшимости! Овальная голубая гостиная, вся залитая золотымъ солнцемъ, слегка наведенныя тѣни полуопущенныхъ сторъ чуть легли на высокихъ лаврахъ,—по дому отгулъ совершающейся молитвы Марьи Ивановны и въ сердцѣ что-то такое, что̀ даетъ благословеніе и силу молодой неискушенной борьбѣ.

„Марья Ивановна вошла, окончивши свою молитву. Мы помѣнялись обычными утренними фразами. Она пожаловалась на голову, сказала: que nous ne partons pas aujourd'hui [1])—но она не взглянула на мою книгу. Напрасно я сидѣла въ двухъ шагахъ передъ нею и книга лежала на моихъ колѣняхъ, рѣзко отдѣляясь отъ бѣлаго платья,—Марья Ивановна не хотѣла видѣть оскорбленія, которое я наносила ей моимъ грубымъ поступкомъ—и она не видѣла... Я наконецъ дочитала книгу. Я на-

---

[1]) Что мы сегодня не поѣдемъ.

рочно встала, обѣими руками взяла книгу и положила ее на мѣсто—на тотъ самый столъ, у котораго Марья Ивановна, приглядываясь, низала какую-то церковную поднизь, и она, своими шестидесятилѣтними глазами, видѣла мелкое зерно стекляруса—и не видала меня и того, что̀ я дѣлала у ея стола!.. Мнѣ стало больно...

— Барышня! извините-съ, что̀ я смѣю спросить,—спросила меня, прислуживая на сонъ грядущій, умненькая Саша.—Что̀ это вы будто такія невеселыя?

Мнѣ не хотѣлось говорить серьезно о своей невеселости.

— Умру, Саша!—сказала я.—Собирайся хоронить меня.

— Что̀ такъ? Помилуй Богъ, барышня!—улыбалась Саша.—Отчего бы это смерть приключилась?

— Оттого, что умру, Саша. Начала читать книги,—чудныя книги, и дочитать нельзя,—только-что ложиться да умирать.

— Вотъ это, Господи! что за смертныя книги!.. Я и грѣха, барышня, не побоюсь, а любёхонько стащу со стола и принесу вамъ.

— Нѣтъ, Саша, пустое. Я не стану читать"...

...„На другой день мы выѣхали. Недочитанное произведеніе великаго романиста-художника какимъ-то чуднымъ недоконченнымъ храмомъ осталось во мнѣ. Томясь и безплодно работая повершить его собственными силами, моя дѣтская, неоперенная мысль лѣпила ласточкины гнѣзда; но гнѣзда осыпались, и чудное несвершенное зданіе стояло въ глазахъ съ какимъ-то раздражительнымъ блескомъ своихъ бѣломраморныхъ высотъ...

„На ночь мы были размѣщены довольно тѣсно. Даже Марья Ивановна не имѣла особой комнаты, и мы съ нею занимали мужской кабинетъ. Впрочемъ, мужского тамъ былъ только рогъ какого-то единорога, торчавшій на стѣнѣ.

— На что *это* бережетъ наша милая Анна Петровна?—немножко улыбаясь единорогу, замѣтила Марья Ивановна и обратилась къ своей Сашѣ.

— Повѣсь сюда мой капотъ... Ты сама ничего не видишь! На все тебѣ надобно указать, Саша!

„Саша, очень смиренно слѣдуя указаніямъ и развѣшивая на единорогѣ капотъ, вдругъ наклонилась ко мнѣ и шепнула:—*Подъ подушкою, барышня*!

„Что̀ такое *подъ подушкою*?—не понимала я.

„Но нельзя же было въ присутствіи Марьи Ивановны входить въ секретные разговоры съ ея горничною. Мы съ самой Марьей

Ивановной еще съ часъ-мѣста переливали изъ пустого въ порожнее; наконецъ, слава Богу! успокоилась на подушкѣ голова...

— Да! что̀ у меня подъ подушкою?—вспомнила я.—О чемъ шептала Саша?

„Я любопытно подложила руку подъ подушку, и, кажется, не вынула ее оттуда! Тамъ лежали книги. Саша исполнила свое слово...

— Милая, негодная Саша!—шептала я...

„Вся неутолимая жажда—вся красота неповершеннаго зданія, начинавшая застилаться, ново просіяла въ глазахъ“!...

Такимъ образомъ, послѣ института будущей даровитой писательницѣ пришлось жить въ глухой, степной деревушкѣ безъ книгъ и даже безъ письменныхъ принадлежностей. Вотъ какъ описываетъ въ автобіографіи условія, при которыхъ она сдѣлала первую попытку писать:

„Оно коротко и легко сказать: *начала писать*, а надобно знать, какъ трудно было это исполнить. Первое, что и пера мнѣ было очинить некому... На перья пришелъ страшный переводъ: я крошила ихъ по пятидесяти на день; доставалось и рукамъ, и бѣднымъ пальцамъ.

„Чиня перо, я себя порядкомъ кольнула въ грудь. Ужъ какъ это случилось, объяснитъ развѣ пословица, что дѣло мастера боится, а здѣсь мастеръ самъ боялся своего дѣла. „Что̀ писать! разсуждала я сама съ собой, приглашая на совѣтъ и тетеньку. —Писать-то еще ничего; да вотъ если бы мнѣ перья научиться чинить“! И я чуть было не отказалось отъ писанья затѣмъ, что никакъ не могла справиться съ перьями; но наконецъ, — до всего можетъ человѣкъ достигнуть наконецъ!—я очинила перо. Маменька ѣдетъ въ Савинцы [1]) на ярмарку.

— Maman, не забудьте, душенька, мнѣ купить бумаги. Я вамъ лучше запишу.

— Что тутъ записывать? бумаги купить. Что̀ же тебѣ: хорошей, что-ли?

— Нѣтъ, къ чему хорошей—писать начерно—простой.

— Вотъ еще новая трата, — прибавляетъ, улыбаясь, маменька.

„Я жду ее—не дождусь; кажется мнѣ, что Савинцы за тысячу верстъ. Наконецъ, ѣдетъ моя maman; я выбѣгаю на встрѣчу.

---

[1]) Селеніе въ 7 верстахъ отъ хутора Кохановской—Макаровки.

— Здравствуйте, maman-душенька, чтò вы такъ долго провозились?.. А что-жъ бумаги купили?..

— Ахъ!—взмахиваетъ рукою маменька: — скажи пожалуйста! Ну, прости, мой дружочекъ: ей-ей, совсѣмъ изъ головы вонъ; чтò-бъ было записать?! Да оно, правду сказать, я и помнила; да тутъ пришла Катерина—горшковъ, кувшиновъ надобно было дать купить; тамъ атаманъ съ веревками... Ну, ужъ погоди: будемъ посылать въ городъ, тамъ купимъ.

— Ахъ, maman, да когда же вы будете посылать? Ну, пошлите завтра.

„Моя maman даже отвернется и только-что не вспрыгнетъ.

— Вѣдь вотъ эти головы, только слушай ихъ! Смотрѣть, будто и не дура, а гдѣ-жъ таки у тебя разсудокъ? Ну, стану ли я нарочно человѣка отрывать отъ работы, чтобы онъ 25 верстъ гонялъ за твоими блажнями.

— Да какія-жъ это блажни, когда мнѣ писать не на чемъ?

— Вотъ-то пуще всего потеря большая"!

Первые свои литературные опыты она писала на старинныхъ синихъ рапортахъ своего отца (ротмистра и казначея), и ничего, кромѣ насмѣшекъ родныхъ, не встрѣтили они. Первая повѣсть ея, „Майоръ Смагинъ", была напечатана въ „Сынѣ Отечества" 1844 г., № 6, значительно измѣненная и сокращенная редакторомъ, К. П. Масальскимъ. Но только послѣ напечатанія ея повѣсти „Любила" въ „Современникѣ" Плетнева, она вступила по настоящему на литературный путь; у нея завязались постоянныя письменныя сношенія съ Плетневымъ, который оцѣнилъ ея дарованіе, принималъ въ ней большое участіе и пристраивалъ ея работы. Съ этихъ поръ начинается новая эра въ жизни писательницы: она нашла, наконецъ, свою дорогу, а до того можно сказать, что жизнь ея, выражаясь словами одной Тургеневской героини: „по огню бѣжала". Жажда дѣятельности—и незнаніе, къ чему примѣнить свои силы, въ чемъ найти эту дѣятельность. Вотъ какъ она описываетъ въ автобіографіи свое душевное состояніе въ ту пору своего существованія:

„...Пусть же даетъ жизнь, когда зоветъ она,—пусть даетъ свое! Она дастъ; она должна дать... Я открыла большіе глаза на нее... но, Боже мой! какъ они хотѣли закрыться, чтобы не видѣть и слуху не слышать, и въ груди чтобы не шевелилось. Мелкая, грязная рѣчонка и даже не текла, а ползла кругомъ меня, заволакивая все иломъ, тиной, вѣковою плесенью. Такъ

вотъ это-то—море жизни? И ни одного брызга, ни одной капли живой воды, чтобы плеснуло въ лицо, росинкой упало на душу! Да это скорѣе—мертвое море! И окунуться въ эту грязь, утонуть въ этомъ омутѣ — воробью по колѣно... Я не могу, я не могу!—закрывала я себѣ глаза обѣими руками. А жизнь проснулась; душа требуетъ: „дай ей ощущеній, какъ ты даешь хлѣбъ тѣлу — давай“! У меня ничего не было — ничего! Надобно понять всю пустоту этого слова: ничего! Я не говорю о тѣхъ глубокихъ движеніяхъ, способныхъ всколыхнуть всю душу до самаго сердца,—по крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь, хотя бы зарябить эту стоячую поверхность! Проснуться, ѣсть и опять лечь спать—и это жизнь? жизнь молодой души, встрепенувшейся, какъ лебедь? Развѣ она требуетъ сейчасъ полныхъ водъ, всего солнца полудня: для нея все полно, все—солнце, брызните на нее хотя однимъ лучомъ, одною струей, чтобы она-таки знала-вѣдала, что она живетъ, движется, дѣетъ, молодая душа! И ничего! Маменька поѣдетъ куда-нибудь, что-нибудь съ ней случится: то лошади понесутъ, то волка или лисицу встрѣтятъ; когда я съ ней—никогда ничего...—Maman, ни даже волка!—говорила я чуть не со слезами. Надо мной смѣялись, что я, какъ баронъ Брамбеусъ, ищу сильныхъ ощущеній. Господи мой! да кто вамъ говоритъ про сильныя! Дайте какихъ-нибудь, чтобы я не думала, что я мѣшокъ съ овсомъ, съ гречишною мякиной“!..

...„Эта жизнь меня томила, какъ развѣ можетъ томить предсмертное замиранье. Но жить все же надо (хоть бы и хотѣлъ утопить себя, такъ негдѣ); я разумѣю: жить—дѣлать еще что-нибудь, кромѣ ѣды да спанья.

— Maman, что̀ мнѣ дѣлать?

— Вяжи чулокъ.

„И это трудъ! и вотъ мое великое дѣло жизни: пять спицъ и клубокъ нитокъ!... И стоило родиться для этого? Шесть лѣтъ напрягать молоденькія силы ума? набивать голову всякимъ мозгомъ? слушать о тайнахъ земли и неба?, о судьбахъ человѣка... чтобы вязать чулокъ, скорчась у печки“?...

...„Мнѣ была дика, невыносима эта голая степь, подобіе моей души. Къ осени она такъ грязно посѣрѣла; въ домишкѣ темно; вѣтеръ, кажется, сію минуту развалитъ его, онъ раскиснетъ отъ дождя. Собаки собрались на погребѣ, подняли носы и воютъ, смертельно воютъ—завываютъ на волка... Не вѣрьте, что можно умереть съ одной тоски: я осталась живою“...

...„Меня одолѣла сила читать. Ни до института, ни въ институтѣ она не обхватывала такъ всѣхъ желаній, всего порыванья

души. Когда я думала о книгахъ, воображала себѣ комнату въ садъ и на столѣ книги-книги,—я чувствовала ознобъ и жаръ, настоящую лихорадку. Я бы отдала платье, шарфъ, послѣдніе башмаки, я готова была не ѣсть, не спать цѣлые дни, только дайте мнѣ книгу! Во всемъ околоткѣ было книгъ: „Оракулъ“ да „Георгъ, Милордъ Англійскій“...

Въ концѣ концовъ, Кохановская впала въ состояніе страшной апатіи, которое она описываетъ въ слѣдующихъ словахъ:

...„Наконецъ, это неисполненіе всего, ни малѣйшаго позыва желанья,—убило, притупило и самую силу желаній. Со мной произошло что-то ужасное, непередаваемое. Я даже не знаю: какъ назвать его? Развѣ смерть и погребеніе въ живомъ тѣлѣ. Я перестала желать чего бы то ни было; ничего не надѣялась, ничего не ждала; я никого не любила, ни ненавидѣла. Это было какое-то нечеловѣческое равнодушіе ко всему, къ самой себѣ еще болѣе. Находили такія минуты полнаго онѣмѣнія, что дѣлайте со мною, что̀ хотите — мнѣ все равно: снимите съ меня послѣднее платье, насыпьте передо мною кучи золота; кажется, кольните меня въ бокъ ножомъ, я и того не почувствую! Если бы самые сильные и могучіе земли спросили меня: „чего ты хочешь? мы все тебѣ сдѣлаемъ!“—я бы сказала: „ничего, оставьте меня“.

„Вы думаете, что въ этомъ равнодушіи, въ этомъ неестественномъ безощущеніи было тяжелое спокойствіе, какъ бы насильственный отдыхъ? Въ немъ была такая мука, такое тяжелое страданіе, неумиряющаяся тоска, что дайте мнѣ разгаръ какой хотите муки—и теперь я возьму его за одинъ день подобнаго спокойствія“.

Но вотъ она нашла, наконецъ, то дѣло, которое было ей предназначено судьбой,—и декораціи мѣняются какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

...„И вдругъ (такова сила внутренняго предназначенія; только въ его свѣтѣ и открывается намъ жизнь) я будто воскресла, преобразилась! Чтобы дать понятіе объ этомъ, надобно бы было собрать всѣ выраженія внезапнаго, благодатнаго пересозданія въ человѣкѣ, и всѣ онѣ выскажутся для меня тремя словами: *я начала писать*.

„Какая далась мнѣ частичка въ долѣ поэта?—Изъ милліонныхъ милліонная; но и она, словно жаръ, горѣла во мнѣ. Вы помните, какимъ тяжелымъ трудомъ я пыталась доставить себѣ отрадное самосознаніе труда и дѣла,—и все напрасно. Руки у меня пухли (отъ копанія грядокъ въ саду), трудовой потъ гра-

динами падалъ съ лица; но не было капли, которая оживила бы душу внутреннимъ самодовольствомъ. И вдругъ теперь я просижу, правда, часу до перваго, до второго ночи; но чтò-жъ я сдѣлаю? Не измараю иногда и двухъ страницъ; а голосъ такъ чудно-ласковый, какъ будто поцѣлуй въ голову, поднимается изъ сердца, будто обнимаетъ тебя и говоритъ такъ внятно, тихо, съ улыбкой: „Ты трудилась, ты устала:—отдохни, дитя!" И точно: дыханіе поэзіи сдѣлало изъ меня свѣтлаго, прекраснаго ребенка—лучшаго, нежели я когда-либо была. Я начну молиться,—я не вижу потолка низенькаго нашего домика надъ собою: онъ будто подымается. Поэзія научила меня плакать, улыбаясь сквозь слезы; она дарила меня блаженствомъ, и какою чудною разумно-младенческою ясностью души! Я проработаю долгій зимній вечеръ; уже полночь—такъ тихо!—молитва прольется на душу, какъ благодать небесной росы. Я ложусь спать; но день маленькаго поэтическаго труда невольно хочется покончить мыслію о высочайшей поэзіи—о Богѣ, о небѣ Его... Поэзія была для меня истинно поэзіей, праздникомъ души, а не средствомъ къ выгоднымъ разсчетамъ. Вотъ вамъ неотъемлемое доказательство. Когда я начала писать и уже кончила свою первую повѣсть, я даже не знала, что въ журналахъ платится за статьи,—и теперь я мало смыслю, а тогда я вовсе не имѣла никакихъ понятій о вашемъ книгопродавчествѣ. Писать для того, чтобы писать, передавать невольно-сладостныя ощущенія, которыми благодатно волнуется и наполняется душа, это было для меня единственною причиной, за которою я не видѣла подразумѣвающихся слѣдствій. И какъ я тягостно помню минуту, когда я вычитала въ „Маякѣ" первое объясненіе нецеремонныхъ журнальныхъ сдѣлокъ. Меня въ жаръ бросило; не говорю, чтобы щеки, но и уши, и лобъ, и мои руки горѣли; нѣсколько времени я оставалась безъ мысли, безъ движенія. Такъ низко торговаться, продавать мысли свои и чувства на листъ—это мнѣ казалось промышлять душой!.."

Кохановскую можно считать въ числѣ предшественниковъ „народнаго" направленія въ литературѣ.

Все то, чтò впослѣдствіи такъ подробно разработывали писатели-народники, какъ Глѣбъ Успенскій, Короленко и др.—все это въ сжатой, но необычайно яркой формѣ находится у Кохановской. Эта писательница представляетъ собой почти небывалый примѣръ женщины съ глубокимъ знаніемъ и проникновеніемъ народной жизни. Эти качества въ ея произведеніяхъ

такъ сильны и рельефны, что подали поводъ даже къ тому, что ее причисляли къ славянофиламъ. Но она шире славянофильскихъ рамокъ, несмотря на свои славянофильскія симпатіи. Сила таланта ея, можно сказать, ошеломила какъ критику, такъ и читающую публику, и ни та, ни другая, не поняли ее какъ слѣдуетъ. Потребовался рядъ талантливыхъ писателей-народниковъ, разработывавшихъ, какъ выше сказано, въ деталяхъ то содержаніе, какое находимъ у Кохановской въ сжатомъ видѣ, чтобы произведенія ея стали болѣе ясными и понятными массѣ. Въ моментъ ихъ появленія ихъ мало оцѣнили; а когда она могла стать понятной и толпѣ,—ее уже забыли и стали читать новыхъ писателей.

Громадный художественный талантъ влечетъ за собой полное отсутствіе дидактичности. Кохановская мало разсуждаетъ сентенціями, а больше образами, и это вводитъ въ заблужденіе не только читателя, но даже и зауряднаго критика, привыкшаго къ тому, чтобы писатель подчеркивалъ и, такъ сказать, подписывалъ свои взгляды и смыслъ своихъ произведеній.

Между тѣмъ, міросозерцаніе этой писательницы очень ясно вытекаетъ изъ ея произведеній. Русская женщина до мозга костей уже въ силу своего необыкновеннаго знанія народной жизни, быта, обычаевъ и любви къ нимъ,—она вся пропитана гуманностью и ничуть не скрываетъ, не замазываетъ, не маскируетъ темныхъ сторонъ русской жизни и быта до-реформеннаго періода.

Въ мастерскомъ произведеніи: „Старина. Семейная память“, читаемъ слѣдующее:

„Мы не имѣемъ среднихъ вѣковъ ни въ государственномъ, ни въ общежительскомъ бытіи“,—сказалъ князь Вяземскій въ своемъ „Фонъ-Визинѣ“.—Можетъ быть оно и такъ; но когда вдоволь наслушаешься и наберешься разныхъ сказаній и воспоминаній о старинѣ,—какимъ собственно русскимъ средневѣковымъ царствомъ и государствомъ сдается царствованіе Екатерины Второй! . . . .

„У насъ ли не было тѣхъ грозныхъ феодальныхъ бароновъ, нашихъ старинныхъ баръ, которые, выславъ отъ себя въ передовые государственные удальцы цѣлую семью Орловыхъ, заявя свою жизненно-поэтическую силу въ стихахъ Державина и въ жизненной прозѣ великолѣпнымъ княземъ Тавриды, обозначивъ себя столькими лицами вельможнаго вѣка Екатерины,—засѣли наши остальные бары въ своихъ помѣстьяхъ, ничуть не уступавшихъ по значительности феодальнымъ баронствамъ, и что

они тамъ дѣлали на свободѣ, на раздольѣ своей барской воли, принимавшей за рубежъ себѣ свою силу! Какія легенды могли бы составиться со всею грубою суевѣрной чудесностью среднихъ вѣковъ и съ ихъ суровыми принадлежностями подземныхъ темницъ, желѣзныхъ запоровъ, жертвъ, узницъ!.. А эти красующіяся картины великолѣпныхъ охотъ съ травлями на вепрей и медвѣдей, и даже на шутовъ и дураковъ, прикрытыхъ медвѣжьей шкурой! И разгульные пиры послѣ охотъ въ нашихъ дубовыхъ и заповѣдныхъ рощахъ... Наконецъ, для показанія отваги и удали, лихое молодечество, ночные наѣзды—этотъ чистый разбой феодальныхъ бароновъ при большихъ дорогахъ, который даже не назывался у насъ разбоемъ, а говорилось о немъ просто: „Выѣхать въ ночь, попробовать охоты"...

„Повторяю: что̀ было дѣлать огромной фалангѣ нашихъ „столбовыхъ" и „не-столбовыхъ" дворянъ, которые отслуживъ свое, или, по дарованной *вольности дворянства*, вовсе не собирались служить, а замуровывались въ своихъ муромскихъ и не-муромскихъ лѣсахъ и, какъ сычи, засѣли по своимъ помѣстьямъ? Пировать? Они и пировали. Охотиться? Они ли не охотились, когда даже оставили въ народѣ насмѣшливую пословицу своихъ распоряженій: „семеро—по зайца, одинъ—молотить". Но этого было мало, не захватывало всей удали молодецкаго духа, и вотъ они—*пошаливали*. Какъ всякая шалость, слишкомъ увеличивающаяся, заводитъ далеко, такъ и эта, тѣмъ съ наименьшимъ исключеніемъ, переступала всѣ границы, дозволенныя въ благоустроенномъ государствѣ, и прямо подходила подъ уголовное преступленіе"...

„Апологетъ барства"—имя, какимъ клеймили иногда Кохановскую—никогда бы не написалъ этихъ словъ. Въ описаніяхъ позднѣйшей барской жизни, въ эпоху уже не задолго до освобожденія крестьянъ, у нея проскальзываютъ черты, очень ярко характеризующія ея отношеніе къ этой жизни и совершенно невозможныя у писателей-апологетовъ крѣпостного права.

Такъ, въ повѣсти: „Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова", находимъ слѣдующее:

...„Кирила Петровъ вступилъ въ барскій *лѣнивый* кабинетъ со всѣми комфортабельностями и даже съ претензіей на русскую безъискусственную простоту сельскаго хозяина, что̀ доказывалось цѣлымъ снопомъ какого-то отмѣннаго черноколосаго овса, который стоймя возвышался на изящной горкѣ, и туго

схваченный поперекъ зеленымъ осоковымъ перевесломъ, онъ густо и красиво раскидывалъ вверху свои черно-золотистыя гривки. Владѣлецъ кабинета,—въ полной порѣ величаваго барства, съ плѣшью, съ полудѣтскимъ галстучкомъ вокругъ самсоновой шеи, въ этомъ чужеземномъ нарядѣ коротенькаго, измятаго мѣшка англійской парусины,—возлежалъ на своемъ сидѣньѣ и, кажется, естественныхъ человѣческихъ отдушинъ мало было для выдыханій его богатырской груди: такъ тяжко она вздымалась и опускалась, съ *барскимъ цинизмомъ*, показываясь нагою изъ-подъ небрежныхъ застежекъ тончайшей сорочки"...

И дальше:

„Проходя черезъ залъ, хотя баринъ никого изъ слугъ не видѣлъ передъ глазами, но увѣренный, что барскіе звуки его голоса ни въ какомъ случаѣ не должны пропасть даромъ, онъ возгласилъ:

— Вы! кто тамъ? позвать сюда ту дѣвушку, Настеньку, чтобы пришла"...

И наконецъ, тамъ же, слѣдующія слова:

...„Далѣе, надо говорить безъ лести и клеветы. Недостатка въ барской добротѣ у насъ нѣтъ и барскаго добродушія у насъ вдоволь. Но въ томъ-то и дѣло, что все это *барское* является, или, вѣрнѣе сказать, являлось прихотью, задерживалось барской небрежностью и только когда-когда оказывается оно живымъ біеніемъ просто человѣческаго, русскаго сердца"...

Эта повѣсть, настоящій chef d'oeuvre, передаетъ исторію мѣщанина, женившагося на дѣвушкѣ, не съумѣвшей уберечь себя отъ того обстоятельства, которое, въ силу двойственной нравственности, существующей для мужчинъ и женщинъ, относительно первыхъ сложилось въ поговорку, что: „быль молодцу не въ укоръ", между тѣмъ какъ на женщину въ тѣхъ же случаяхъ обрушиваются всѣ кары и бѣды, а сама женщина считается погибшей,—этотъ мѣщанинъ, послѣ жестокихъ страданій и тягчайшей борьбы, находитъ въ себѣ такую силу великодушія, что прощаетъ свою несчастную, изстрадавшуюся подругу.

Превосходенъ разсказъ о первомъ его знакомствѣ съ этой будущей подругой жизни, маленькой дѣвочкой-сиротой, пріемышемъ вольно-отпущенной камеристки богатой барыни.

...„За бесѣдкою сплошь и рядомъ засѣла всякая лѣснина, вставала глушь, чуть прорѣзанная грядами двумя капусты, и дикій малинникъ, бузина и калина, всѣ, какъ сѣтью охваченные хмелемъ, лѣзли вонъ изъ своей трущобы на навозный дворъ Ивана Демьяныча, мучного торговца. Старый высокій плетень

именно держался не самъ собою, а прохватившими его насквозь нарослями и въ жгуты повившимся многолѣтнимъ хмелемъ. Сюда Авдотья Семеновна никогда не захаживала, и можно было бы сказать, что и другой никто не заглядывалъ въ эту пущь и гущь, еслибы каждый разъ около полудня не пробиралась сюда, маленькими, робкими шагами, крошечная, какъ паучокъ, дѣвочка, путаясь въ высокой травѣ и поднимая свое короткое платьице, какъ кукольный парусъ, передъ собою. У дѣвочки была неизмѣнная цѣль: большой бузиновый кустъ, въ который она ныряла, какъ проворный утенокъ. Подъ кустомъ была цѣлая палата—уютность, свѣжесть, зелень и тѣни подобравшихся навѣсомъ вѣтвей, и сюда проникало какое-то чудно слитое, голубоватое озаренье. Въ немъ ребенокъ казался такимъ нѣжнымъ, блѣдно-милымъ дитятей, не совсѣмъ похожимъ на обыкновенную дѣвочку съ длинными косами, что ее, пожалуй, можно было принять за русалочку, вышедшую покачаться на вѣткѣ бѣлыхъ березъ и присѣвшую подъ зеленый кустъ. Но не рѣзвая хохотунья, маленькая русалочка, сидѣла подъ зеленымъ кустомъ; а сидѣла тамъ тихая дѣвочка, съ жизненнымъ инстинктомъ будущей женщины-матери, смастерившая колыбельку, всю обвѣшанную разноцвѣтными кусочками и лоскуточками. Цвѣтной гороховый стручокъ, повитый въ темно-алые лепестки огородной мальвы, имѣлъ все подобіе крохотнаго младенца, и она баюкала его въ колыбелькѣ, раскачивая на зыбкихъ вѣткахъ свислаго хмеля. Но у дѣвочки даже колыбельной пѣсенки не пѣлось: такая она сидѣла тихая, молчаливая. Ребенокъ, внезапно оторванный отъ крика и болтовни уличной свободы и пріученный теперь сидѣть за дѣломъ и молчать передъ лицомъ Авдотьи Степановны, кажется, пріобыкъ къ неестественному молчанію, и одинокая дѣвочка въ тиши и глуши довольствовалась тѣмъ, что молчала во всю свою дѣтскую волю. Авдотья Степановна ложилась отдыхать послѣ обѣда и отсылала дѣвочку прочь... И вотъ страшно и любо одинокой дѣвочкѣ сидѣть въ своемъ свободномъ покоѣ и слышать, какъ это безъ устали шелестятъ зеленыя вѣтки кругомъ, и курица кудахтаетъ за плетнемъ... Залетѣла пчелка и жужжитъ-жужжитъ, летаетъ вокругъ колыбельки, а колыбелька качается, и дитя молчитъ...

— Барышня! я пролѣзу къ вамъ,—услышала дѣвочка, и не знала, кто это говоритъ.

Она посмотрѣла на вѣтки:—не кукушка ли? Взглянула на свою колыбельку, не дитя ли проснулось и зоветъ къ себѣ?

Но дитя спало-почивало, а дѣвочка опять услышала:—Я къ вамъ пролѣзу, барышня.

— Не лазьте. Куда вы пролѣзете? Авдотья Степановна почиваютъ. Неравно увидятъ.

— Я мальчикъ, барышня. Меня никто не увидитъ.

„И вылѣзая изъ-подъ плетня, передъ нарядной дѣвочкою очутился оборванный, засаленный мальчикъ и сталъ передъ нею, какъ въ сказкахъ говорится: „стань передо мною, какъ листъ передъ травою"...

...„Мальчикъ, вылѣзшій изъ-подъ плетня, былъ самый беспризорный уличный мальчишка. Кутъ его родимаго захолустья залегалъ во рвахъ и кочегурахъ, которые напрасно рядили въ зелень жидкія ветлы и навозная растительность городского пустыря. Рвы оставались все тѣми же безобразно размытыми рвами, и кучи навоза виднѣлись изъ густыхъ зарослей болиголовы и колючаго чертополоха. Ребятишки ватагою, съ крикомъ и гамомъ, постоянно возились здѣсь, всѣмъ кутомъ выходя на кулачки и дружной стѣною отстаивая себѣ болѣе ровное и людное мѣсто для мальчишичьихъ игръ и шумнаго своеволья. Не первымъ и не послѣднимъ въ уличной ватагѣ былъ и Кирюша-Кирько. Ни отца, ни матери у него не было, и домъ его опекуны не то наняли кому, не то совсѣмъ отняли. Живи себѣ Кирько-Кирюша, какъ птицы небесныя живутъ: росу-воду пьютъ, хлѣбъ-зерно не сѣютъ, не жнутъ, а чужую конопельку клюютъ! И жилъ Кирько-Кирюша „самъ себе, да своя голова у мене" (какъ говорятъ на югѣ Россіи) и ничего болѣе. Голова заростала густыми кудрями, и когда-когда, укупаясь во спасенье, какая-нибудь старая просвирня или молодая жалостливая къ дѣтямъ мать залучитъ Кирюшу, уткнетъ его головою въ чугунъ горячей воды и, несмотря на его начальные порывы и сопротивленіе, смоетъ и расчешетъ ему сиротскія кудри... И неурядно, взлызинами и прохватами, какъ ни попало, она обрѣжетъ Кирюшѣ богатыя кудри, накормитъ его до-сыта, подпояшетъ обрывкомъ суконнаго краснаго пояса и одной рукой сунетъ ему за пазуху краюху хлѣба, а другою вытолкнетъ его на улицу: чтобы шелъ, не томилъ жалостливаго сердца сиротствомъ-нуждою...

„Кирюша попалъ въ милость къ *старому дьяку*... Такъ прозывался въ городѣ лишенный служенія дьяконъ, который лѣтъ десять назадъ присланъ былъ сюда на пономарское мѣсто: звонилъ не въ указъ, безъ благословенія попа, разбилъ колоколъ, отставленъ былъ отъ пономарства и, безъ жила, безъ двора, оставался на міру—„млеко ссуще", какъ выражался дьякъ, раз-

умѣя подъ библейскимъ реченіемъ иное, а не обыкновенное *млеко*.

„Жилья у дьяка не было, а притонъ былъ: старая баня, опущенная и совсѣмъ забытая на уединенномъ огромномъ займищѣ разорившагося купца, у котораго нѣкогда здѣсь были фабрики, и построена была эта баня для рабочихъ. Фабрики сравнялись съ землею и чудно проросли всѣ ельникомъ и березнякомъ, а по ручью, покривясь, торчала баня и отвалившимися сѣнями рушилась и намостила рухлый мостъ черезъ ручей; по ручью стояла темь непроглядная отъ переросшихъ другъ друга осинъ и ольхъ, на половину гнилыхъ и засохшихъ подъ вороньими гнѣздами. Старый дьякъ, обособясь въ своемъ притонѣ, примѣнялъ къ себѣ стихъ псалма: *„Аки вранъ на нырищи, и яко птица особящая на здѣ!“* Кирюшѣ онъ милостиво объявилъ: „Ты мнѣ ничего, и я тебѣ ничего. Живи, коли хочь. Мѣсто пусто“. Кирюша занялъ верхній полокъ въ банѣ, и съ камышевой дудкой, съ трещеткою и съ подслѣповатою галкою, прыгавшею на одной ногѣ, поселился въ притонѣ у дьяка. Они зажили въ большой дружбѣ. Старый дьякъ обладалъ удивительной способностью, не умалявшеюся съ годами, выпрашивать что̀ бы то ни было.

„У бабъ онъ выпрашивалъ даже веретена съ суровою пряжею, у дѣтей дудки, у сидѣльцевъ, самыхъ тугихъ и неподатливыхъ—хозяйскій грошъ и на придачу баранокъ. Ни то, ни другое, ни даже баранки, ни въ чемъ не были пригодны дьяку, который не прялъ пряжи по бабьему, не дудилъ въ дудку, какъ дѣти, и не могъ грызть баранокъ, будучи безъ зубовъ. Но онъ, съ изумительнымъ искусствомъ и ловкостью нагрузясь „всѣми благами“, приноровивши къ тому отрепанные широкіе рукава и свои широкія полы, мчался скороходью къ своему притону, и только нескромный вѣтеръ, подвѣявъ со стороны, обличалъ иногда сокровище бутылочки, которую уносилъ съ собою дьякъ. Кажется, и Кирюшею онъ завладѣлъ, какъ вещью, никому не нужною и ото всѣхъ брошенною... Но нѣтъ! за бутылочкою, присѣвъ въ банномъ нырищѣ на нижнемъ полкѣ, старый дьякъ любилъ побесѣдовать „млеко ссуще“... И свѣсясь съ банныхъ палатей, живой, любопытный мальчикъ съ какою-то невѣдомою теплотою, прилипавшею къ дѣтскому сердцу, слушалъ полупьянаго дьяка, который чѣмъ пьянѣе, тѣмъ становился разумнѣе.

— Слышь, Кирюша! Я тебя добру научу. Пропойка-дьякъ тебя человѣкомъ сдѣлаетъ. Грамоту я тебѣ въ руки дамъ... Слѣзай съ полка! Крестись, молись Богу... Господи благослови!—

крестился умиленно дрожащей рукою самъ дьякъ.—И даруй, Господи, отрочищу сему благодать еже знати и разумѣти, а мнѣ, непотребному рабу, еже научити!..—Но мало книжныхъ поученій—баня еще, какъ ѳиміама, наполнялась духовнаго пѣнія. Этотъ потерянный человѣкъ обладалъ когда-то удивительнымъ голосомъ, былъ славою архіерейскаго хора, любимцемъ владыки; свое и пріѣзжее изъ Москвы купечество носило его на рукахъ—и сгубило, какъ мы, русскіе, умѣемъ губить свои дары. Но въ банномъ нырищѣ становилось тѣсно душѣ человѣка, которая, какъ птица, порывалась изъ охватившей ее сѣти ловца и била спутанными крыльями къ небесамъ и свободѣ... „Выйдемъ, Кирило братъ, на широту Господню! Что мы съ тобой въ банѣ сидимъ?“—выводилъ за руку дьякъ своего питомца и становился лицомъ передъ неисповѣдимымъ величіемъ Творца въ Его міровомъ твореніи. *Вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ, да поетъ же Имени Твоему, Вышній!* Высокимъ исповѣданіемъ, какъ страшною силою вся охваченная и потрясенная душа дьяка пѣла воскресшей—хвалою, и сказать бы чудомъ какимъ, изъ разбитой старческой груди вырывались былые, утраченные навсегда звуки, и въ кривомъ, полузакрытомъ глазѣ проступала слеза“.

...„Былъ одинъ изъ двоенадесятыхъ праздниковъ, церковь полна народа, служеніе торжественное и подошло время читать Апостолъ. Стихарный дьячокъ, тревожно готовясь ко всеуслышанному чтенію, почищался какъ соколъ: раза два откашлялся, обдергивалъ не въ мѣру длинный стихарь и, держа совсѣмъ наготовѣ книгу, только выступилъ изъ отдѣла клироса, чтобы пройти въ алтарь и принять отъ священника обычное благословеніе на чтеніе, какъ вдругъ метнулся отрепанный рукавъ и старая жилистая рука схватила книгу у стихарнаго дьячка. Рука тянетъ къ себѣ, а дьячокъ къ себѣ. Было-сочинился церковный мятежъ.—„Пусти, окаянный! пьяница! Что ты задумалъ? Пусти!“—шепталъ озадаченный дьячокъ; но старый дьякъ молчалъ и неотступно тянулъ къ себѣ книгу. Пришлось волею или неволею уступить. Тягаться до конца съ дьякомъ было опасно. Человѣкъ, которому нечего было терять, способенъ былъ рѣшиться на все. Дьячокъ выпустилъ книгу и только могъ прошептать одно тихое бранное слово. Книга очутилась въ рукахъ Кирюши, и старый дьякъ, легонько поталкивая мальчика передъ собою, направилъ его въ алтарь и самъ шелъ за нимъ.

— Что ты это?.. Оглашенный! Чего ты натворилъ!—шопотомъ, какъ будто читая молитву, и съ невозмутимой неподвижностью важнаго лица подъ камилавкою, говорилъ протопопъ,

глядя во всѣ глаза на дьяка.—Разрѣшилъ! Обѣдни не выждалъ, окаянный!

— Благослови, отче!..—слышно произнесъ дьякъ, который точно *разрѣшилъ* и, не сморгивая, могъ съ кѣмъ угодно помѣряться своимъ единственнымъ глазомъ. Отецъ-протопопъ далъ свое благословеніе мальчику точно съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и дьячокъ книгу, чтобы только не произвести соблазна въ церкви, и старый дьякъ вывелъ своего питомца изъ алтаря, сопровождая его на средину церкви, произнесъ за него: *Прокименъ, гласъ шестый*, и помогъ смущенному мальчику попасть на этотъ *гласъ* въ пѣніи прокимна. Кирюша ни живъ, ни мертвъ началъ читать Апостолъ. По счастію, *зачало* посланія было довольно велико, такъ что ребенокъ имѣлъ время опомниться. Искры перестали горѣть у него въ глазахъ и сыпаться на книгу. Тихія одобренія дьяка: „Хорошо, малый. Ничего, Кирило! Кончай, какъ училъ... хорошо!..“—эти одобренія надъ ухомъ мальчика вливались въ него какъ благодать, и Кирюша дѣйствительно окончилъ хорошо, съ полной удовлетворительностью возгласовъ, послѣднее конечное слово. Затѣмъ дьякъ отвелъ мальчика къ клиросу и заставилъ пѣть обѣдню, несмотря на ярость стихарнаго дьячка. Но что̀ бы ни чувствовалъ дьячокъ, а Иванъ Демьянычъ, мучной торговецъ, который самъ по двоенадесятымъ праздникамъ задавалъ баса на клиросѣ, возъимѣлъ благоволеніе къ Кирькѣ, и, отпѣвши обѣдню, позвалъ къ себѣ питомца и учителя на праздничный обѣдъ. Понурый, какъ медвѣдь на четверенькахъ, и безвременно грубый толстошеею спесью удачливаго кулака и торговца, Иванъ Демьянычъ, не стѣсняясь, поставилъ Кирьку у притолки и объявилъ пьянчужкѣ-дьяку, что „вонъ оно произошло куда! Чорту на клинъ, кажись бы, только и годился онъ, а вишь и Богу послужилъ... Ну, да и мы-съ то не въ остаткахъ у Божья-Милосердія живемъ-съ!“—объявилъ Иванъ Демьянычъ и взялъ Кирьку къ себѣ мальчишкой голодранымъ въ лавку...

„Вскорѣ по поступленіи мальчика, хозяйка, обдѣливши его молочной кашей за обѣдомъ и отправляясь спать, наказала Кирюшѣ, чтобы онъ залѣзъ подъ амбаръ и посмотрѣлъ: чего тамъ кудахтаютъ куры? нѣтъ ли яицъ? Перемывши горшки и ложки и уже собственной охотою накормя тощую дворовую кудлатку, мальчикъ отправился подъ мучные амбары. Нашелъ ли онъ или не нашелъ тамъ яицъ, но онъ увидѣлъ чудное... Мальчика ошеломило. Онъ схватилъ въ руку попавшійся камень и хотѣлъ было, сколько силы, пустить въ дьявольское навожденіе. Но рука

борзого мальчишки отяжелѣла и некрещеное русалочье племя приковало его глаза. Не даромъ былъ четвергъ семика—именно русалочій великъ день: Кирюша видѣлъ, что подъ кустомъ сидѣла русалка, некрещеное утоплённое дитя, какъ есть русалка: въ бѣломъ и русалочьи длинныя косы. Чтò она дѣлала—было не видно. Только не качалась на вѣткахъ, а сидѣла, потягиваясь ручонками въ зеленый кустъ, и все улыбалась сама себѣ тихонько. Мальчика и жаръ, и холодъ пронималъ насквозь... Хозяйскіе амбары, ихъ глухой стѣною, очень близко стояли къ сосѣднему плетню, и это за плетнемъ подглядѣлъ Кирюша, что творились такія чудеса. Русалочка посидѣла и вдругъ съ глазъ пропала—не стало разомъ ея. Мальчикъ самъ не свой вылѣзъ изъ-подъ амбара; но поглядѣть: явится ли завтра въ кустѣ русалка?—стало ребячей мыслью его. Никому не сказывая, какъ есть ни одного слова, онъ недѣлю слишкомъ каждый день стерегъ и вызнавалъ свою русалку, пока, наконецъ, осмѣленный полнымъ уединеніемъ и близостью разстоянія, которое только рухлыми тычинками да зелеными хмелинами отдѣляло его, мальчикъ проговорилъ:

— Барышня! я пролѣзу къ вамъ!—и пролѣзъ Кирюша"...

Жизнь женщины—хотя бы и великой писательницы—не полна безъ любви. Какую же роль любовь играла въ жизни Кохановской? Пусть она сама скажетъ намъ это. Въ автобіографіи есть слѣдующее характерное мѣсто:

„*Любовь—святое на землѣ*",—не помню гдѣ сказано, но прекрасно сказано. Я хотѣла любить, хотѣла забыть себя. Вокругъ меня было все такъ пусто, грустно, что позабыться было бы невыразимою сладостью. Богъ не далъ мнѣ ея. Оглядываясь вокругъ, я съ изумленіемъ увидѣла въ себѣ самыя дикія странности, ни на что не похожія. Чѣмъ другія восхищались, чтò на нихъ производило оглушительныя, рѣзкія впечатлѣнія, то на меня не дѣлало никакого вліянія! Эпитеты: *молоденькій*, *хорошенькій* и не двигали меня, были для меня совершенно безсмысленны. Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ можно влюбиться, потому только, что молодъ да хорошъ. И самое это слово: *влюбиться*—было мнѣ отвратительно, я его никогда не говорю; отъ него тянетъ пошлостью. Я понимала любить—забыть себя, жить для другого. Въ этомъ раю я чувствовала, что мнѣ не нужно ни молодости, ни красоты; пусть ему будетъ пятьдесятъ лѣтъ, пусть онъ будетъ нехорошъ, какъ онъ хо-

четъ; дай мнѣ только *чего-то*; я еще сама не знала—чего; но что̀, видно, выше молодости и красоты"...

Она не вышла замужъ потому, что не встрѣтила человѣка, котораго могла бы полюбить, хотя женихи къ ней и сватались и она могла бы сдѣлать то, что̀ называется „выгодной партіей". Къ ней сватался, между прочимъ, одинъ богатый полковникъ, который, по всѣмъ понятіямъ окружавшей ее среды, могъ только осчастливить всякую дѣвушку своимъ предложеніемъ. Но вотъ что̀ она говоритъ объ этомъ предложеніи въ автобіографіи:

„Что̀ мнѣ было дѣлать съ этимъ предложеніемъ? Между нами—бездны, бездны, и перешагнуть ихъ не беретъ себѣ на спину сила человѣческая. Ничего общаго тамъ, гдѣ все должно быть одно. Онъ вялъ, онъ старъ, онъ размазня; онъ только-что не глупъ. Я буду помыкать имъ, какъ мнѣ вздумается, даже безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны, онъ необходимо подпадетъ подъ мою власть, какъ дрянной, гнилой тростникъ клонится подъ напоромъ налетѣвшей чайки. Я не хочу этого! Женщинѣ дано не повелѣвать, а благородно, съ достоинствомъ повиноваться. Но чему тутъ повиноваться? На этомъ тупомъ лбу отъ роду не вѣяла мысль, не искрились глаза задушевною силой! Покажите мнѣ одну морщинку, которая бы сказала мнѣ: „я положена благороднымъ чувствомъ, я рождена отъ благородной думы"! Здѣсь все дрянь, все изношенность, все напоръ крови и ничего болѣе! Я отказала. И преждѐ еще я слыла гордою невѣстой, которая не умѣетъ залавливать жениховъ, а теперь все поднялось на меня. „Да она-то что-жъ такое? Да что-жъ она о себѣ думаетъ? Да кого-жъ еще она ждетъ?"—И распустили слухъ, что будто бы я говорю, что я—„или генеральша, или Сохановская, а не иначе!"—Пусть себѣ говорятъ. Было время, когда я плакала отъ этого, потомъ громко смѣялась, а теперь уже давно и не плачу, и не смѣюсь. Во мнѣ и тогда уже начиналъ дѣйствовать тотъ міръ, который не слишкомъ боится дрязгъ нашего міра. Прощайте"...

А. Э.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1899.

Новое изслѣдованіе о правѣ суда, какъ „прерогативѣ державности“.—Различные взгляды на будущее этого права.—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи 1899 г.—„Прочный правопорядокъ“ въ крестьянской средѣ, какъ необходимое условіе экономическаго благосостоянія народа.—Проектируемое введеніе земскихъ учрежденій въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской.

Немного найдется у насъ учрежденій, которыя такъ часто подвергались бы перестройкамъ и передѣлкамъ, какъ коммиссія или канцелярія прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя. Не говоря уже о „челобитной избѣ“ московскаго времени и о „рекетмейстерахъ“ или „генералъ-рекетмейстерахъ“ XVIII вѣка,—въ одномъ нынѣшнемъ столѣтіи состоялось не меньше четырехъ коренныхъ реформъ, относящихся къ этой отрасли управленія. Основанная въ 1810 г. при Государственномъ Совѣтѣ, Коммиссія Прошеній была преобразована въ 1835 г. въ самостоятельное учрежденіе, а въ 1884 г. соединена, подъ именемъ Канцеляріи Прошеній, съ императорскою главною квартирой. Въ 1895 г., эти два учрежденія были снова разъединены и образована „Канцелярія Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ“. Для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ прав. сената (кромѣ кассаціонныхъ) существуетъ уже съ 1884 г. особое присутствіе при государственномъ совѣтѣ. Сверхъ того, въ 1828, 1843, 1869, 1881, 1890 гг., были принимаемы отдѣльныя мѣры, измѣнявшія, въ частностяхъ, порядокъ дѣйствій или компетенцію учрежденія, облеченнаго правомъ принятія и разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній. Несмотря на столь длинный рядъ перемѣнъ, вопросъ о значеніи этого учрежденія все еще, повидимому, не считается окончательно разрѣшеннымъ. Весьма кстати, поэтому, вышла въ свѣтъ книга К. Ѳ. Хартулари: „Право суда и помилованія, какъ прерога-

тивы россійской державности", заключающая въ себѣ, между прочимъ, исторію вышеупомянутаго вопроса. Изъ различныхъ сторонъ его мы остановимся, покамѣсть, только на одной, особенно важной и вызвавшей уже полемику въ печати: на предѣлахъ обжалованія судебныхъ рѣшеній.

Русскіе государи—таково основное положеніе К. Ѳ. Хартулари, — еще начиная съ XV-го или XVI-го вѣка стремились положить конецъ обращенію къ нимъ по частнымъ судебнымъ дѣламъ, помимо учрежденій, установленныхъ для судебнаго разбирательства; но стремленія эти не приводили къ цѣли, потому что слишкомъ ужъ плачевно было состояніе правосудія. Когда Петръ Великій льстилъ себя мыслью, что ему удалось уничтожить, въ преобразованныхъ имъ судахъ, злоупотребленія и произволъ, онъ запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, приносить ему жалобы на сенатъ (указъ 1718 г.). И это запрещеніе оказалось тщетнымъ, потому что не оправдались надежды преобразователя: новыя судебныя учрежденія дѣйствовали не лучше старыхъ, и уже въ 1722 г. самъ Петръ долженъ былъ дозволить подачу челобитныхъ, учредивъ, для принятія ихъ, должность рекетмейстера. Нѣчто аналогичное повторилось и при Александрѣ I: въ 1802 г. онъ допускалъ обжалованіе сенатскихъ рѣшеній лишь въ видѣ исключенія, въ случаѣ крайности, а въ 1810 г., основавъ коммиссію прошеній, далъ ей общее уполномочіе принимать жалобы на рѣшенія сената. „Узаконяя право челобитчиковъ,—говоритъ г. Хартулари,—императоръ вполнѣ сознавалъ явную его несоотвѣтственность государственному принципу Петра о раздѣленіи властей, требовавшему абсолютнаго устраненія самодержавной власти отъ отправленія правосудія, но, подобно своему державному предшественнику, вполнѣ сознавалъ и то, что примѣненіе такого принципа немыслимо безъ общаго и радикальнаго преобразованія всего судебнаго строя Россіи". Такое преобразованіе совершилось лишь нѣсколько десятилѣтій спустя, въ царствованіе Александра II-го; вмѣстѣ съ тѣмъ наступило и время „осуществленія государственнаго принципа Петра Великаго объ отдѣленіи правосудія отъ непосредственныхъ функцій верховной власти". Рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ прав. сената изъяты изъ числа тѣхъ, на которыя могутъ быть приносимы всеподданнѣйшія жалобы. „Съ предстоящимъ упраздненіемъ — таковъ заключительный выводъ г. Хартулари—до-реформенныхъ губернскихъ судебныхъ учрежденій, дѣйствующихъ еще пока на окраинахъ Россіи и служащихъ нынѣ единственнымъ питомникомъ для судебной дѣятельности старыхъ департаментовъ прав. сената, слѣдуетъ ожидать скораго упраздненія и сихъ послѣднихъ, а вмѣстѣ съ ними должно будетъ прекратиться и античное право народа на

личную государеву расправу по дѣламъ судебнымъ, которое отойдетъ уже въ область историческаго преданія". Въ другомъ мѣстѣ книги авторъ выражаетъ предположеніе, что первый и второй департаменты сената составятъ такое же верховное и полноправное судилище по вопросамъ административнымъ, какимъ представляется нынѣ кассаціонный сенатъ по вопросамъ судебнымъ. Эти заключенія г. Хартулари „Московскія Вѣдомости", устами г. Л. Тихомирова, называютъ *мрачными*. По мнѣнію г. Тихомирова, „абсолютное устраненіе самодержавной власти отъ отправленія правосудія—принципъ вовсе не Петра, а юридической науки, которая еще не проникла сознаніемъ той истины, что необходимое раздѣленіе властей управительныхъ не можетъ и не должно колебать единства и универсальности компетенціи верховной власти". „Химерическая по существу своему" мысль, „будто бы съ усовершенствованіемъ судебныхъ учрежденій личное проявленіе верховной власти въ судѣ становится излишнимъ", есть „идея анти-монархическая, ибо понятно, что то же разсужденіе можетъ быть приложено къ области законодательной и административной власти". Злоупотребленія и неправда „одинаково живутъ при всѣхъ формахъ учрежденій и истребляются лишь постояннымъ *непосредственнымъ* (курсивъ въ подлинникѣ) воздѣйствіемъ верховной власти". Наилучшія монархическія учрежденія „суть тѣ, которыя допускаютъ наилегче *непосредственное* дѣйствіе монарха... Прогрессъ формы всякихъ учрежденій состоитъ вовсе не въ достиженіи возможности обойтись безъ верховной власти, а въ доставленіи ей возможности наиболѣе полно и освѣдомленно вліять на ходъ дѣлъ". „Очень замѣчательныя проявленія *непосредственнаго* вмѣшательства государей въ судебныя дѣла" г. Тихомировъ усматриваетъ въ сравнительно недалекомъ прошломъ: „императрица Елизавета приказала всѣ приговоры къ смертной казни вносить на утвержденіе государыни, а императрица Екатерина II, въ извѣстномъ дѣлѣ Жуковыхъ, проявила такое православно-самодержавное отношеніе къ преступникамъ, какое особенно поражаетъ въ вѣкъ Вольтера. Она подписала смертный приговоръ *пособникамъ* преступленія (убійство матери и сестры), но отказалась рѣшить вопросъ о *главныхъ преступникахъ*, въ виду неизбѣжной гибели ихъ души въ случаѣ смертной казни; посему государыня передала вопросъ о нихъ на рѣшеніе уважаемыхъ ею епископовъ и, согласно заключенію послѣднихъ, приговорила злодѣевъ къ вѣчному церковному покаянію. Ничего подобнаго, конечно, не могло бы и въ голову придти юристамъ и всякимъ ихъ *совершеннымъ* учрежденіямъ. А между тѣмъ—это такой приговоръ, который, совершаясь хоть разъ въ столѣтіе, болѣе возвышаетъ народную совѣсть и укрѣпляетъ нравственный авторитетъ верховной власти, чѣмъ сотни и тысячи

законно-справедливыхъ рѣшеній". Окончательное рѣшеніе вопроса г. Тихомировъ рисуетъ себѣ совершенно иначе, чѣмъ г. Хартулари: оно сведется, по его мнѣнію, къ тому, „чтобы обезпечить верховной власти наибольшій и легчайшій контроль всѣхъ учрежденій, а засимъ къ выдѣленію во всѣхъ учрежденіяхъ области ихъ *окончательныхъ* рѣшеній, за неправильность коихъ они подлежатъ только взысканію, и области рѣшеній, подлежащихъ апелляціи къ верховной власти". Когда въ западной Европѣ произойдетъ съ достовѣрностью ожидаемое г. Тихомировымъ „возрожденіе монархическаго принципа", тогда „европейская научная мысль вѣроятно поможетъ намъ стать на правильный путь, съ котораго она насъ когда-то столкнула".

Въ разсужденіяхъ г. Тихомирова поразительно, прежде всего, незнаніе или игнорированіе самыхъ безспорныхъ фактовъ и самыхъ элементарныхъ истинъ. Когда Петръ Великій такъ рѣшительно и сурово запрещалъ обращаться къ нему съ жалобами на рѣшенія сената, европейская наука не додумалась еще до принципа раздѣленія властей: полнота абсолютной монархической власти не возбуждала, теоретически, никакого спора, и если судебныя дѣла все больше и больше сосредоточивались въ спеціальныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, все рѣже и рѣже рѣшались непосредственно монархомъ или уполномоченными имъ административными властями, то это зависѣло отъ естественнаго хода событій—отъ увеличенія государственной территоріи, отъ усложненія правовыхъ отношеній. Чѣмъ серьезнѣе монархъ смотрѣлъ на свои обязанности, чѣмъ шире понималъ свою задачу, тѣмъ больше онъ сознавалъ необходимость воздерживаться отъ вмѣшательства въ отправленіе правосудія, общія основы котораго онъ установлялъ самъ и во всякое время могъ измѣнить путемъ изданія новыхъ законовъ. Современникъ Петра В., Фридрихъ-Вильгельмъ I, деспотъ по натурѣ, самодержецъ по убѣжденію, менѣе всего склонный къ самоограниченію, грозилъ повѣсить безъ пощады, рядомъ съ собакой, каждаго, кто посмѣетъ принести ему жалобу на окончательное судебное рѣшеніе—а ктò же заподозритъ этого короля въ подчиненіи какой бы то ни было теоріи, какой бы то ни было научной идеѣ? Ему, какъ и Петру В., было ясно, что въ благоустроенномъ государствѣ долженъ существовать твердый порядокъ, ненарушимый для самого монарха, должны существовать неотъемлемыя права, охраняемыя одинаковыми для всѣхъ формами. Въ этомъ смыслѣ г. Хартулари могъ, не впадая въ ошибку, говорить о „государственномъ *принципѣ* Петра", хотя, конечно, соображенія, вызвавшія указъ 1718-го года, были внушены скорѣе инстинктомъ, практическимъ чутьемъ, чѣмъ систематическою работою мысли. Что безусловное запрещеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на сенатъ было взято назадъ самимъ Петромъ—это вполнѣ

понятно, въ виду, по истинѣ хаотическаго состоянія только-что созданныхъ учрежденій; но позволительно спросить себя, много ли выиграло русское общество отъ возобновленія „челобитныхъ"? Гдѣ основанія думать, что пересмотръ оконченнаго дѣла всегда—или хотя бы въ большинствѣ случаевъ—приводилъ къ болѣе справедливому рѣшенію? Исторія процессовъ, восходившихъ, въ XVIII и XIX в., на усмотрѣніе верховной власти, еще не написана, да вѣроятно никогда и не будетъ написана, вслѣдствіе громаднаго труда, котораго потребовало бы одно собраніе для нея матеріаловъ, не говоря уже о ихъ обработкѣ. Возьмемъ, однако, хотя бы единственный примѣръ, приводимый самимъ г. Тихомировымъ [1])—направленіе, данное императрицей Екатериной II-й дѣлу Жуковыхъ. Земное правосудіе преслѣдуетъ земныя цѣли, дѣйствуетъ земными средствами—и лишь при соблюденіи этихъ условій остается правосудіемъ. Какъ только оно ставитъ себѣ другія задачи, для него неосуществимыя, оно неизбѣжно вступаетъ на путь случайности и произвола. Если Жуковы были освобождены отъ заслуженнаго ими наказанія ради спасенія ихъ душъ, которымъ иначе грозила гибель, то почему же тѣ же самыя соображенія не были принимаемы въ разсчетъ по отношенію къ сотнямъ или тысячамъ другихъ преступниковъ, не менѣе виновныхъ и не менѣе грѣшныхъ? Почему признавалось необходимымъ избавить отъ вѣчной муки именно Жуковыхъ, и только ихъ однихъ? Кто могъ принять на себя ручательство за загробную судьбу ихъ пособниковъ, надъ которыми судебный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе [2])? Можно ли было, далѣе, имѣть увѣренность въ томъ, что вѣчное (т.-е. пожизненное) церковное покаяніе, которому были подвергнуты Жуковы, будетъ хоть сколько-нибудь соотвѣтствовать тяжести ихъ преступленія, а не обратится, при тогдашней всеобщей продажности, въ пустую форму? Весьма вѣроятно, что большинству современниковъ резолюція по дѣлу Жуковыхъ казалась значительнымъ смягченіемъ ихъ участи; другими словами, главные виновники преступленія являлись

[1]) Повелѣніе императрицы Елизаветы представлять на ея утвержденіе всѣ смертные приговоры не имѣетъ никакого отношенія къ занимающему насъ вопросу. Подобный порядокъ существуетъ или, по крайней мѣрѣ, существовалъ еще недавно даже въ конституціонныхъ государствахъ (напр. въ Пруссіи), съ цѣлью облегчить для монарха пользованіе правомъ *помилованія*, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, въ виду тяжести наказанія, можетъ оказаться особенно желательнымъ.

[2]) При Екатеринѣ II-й смертные приговоры были приведены въ исполненіе, если мы не ошибаемся, только надъ Мировичемъ, надъ Пугачевымъ и его главными сообщниками и надъ убійцами архіепископа московскаго Амвросія; пособники Жуковыхъ не были, слѣдовательно, казнены—но извѣстно, что тѣлесныя наказанія, практиковавшіяся въ то время, часто равнялись, de facto, квалифицированной смертной казни.

потерпѣвшими въ гораздо меньшей степени, чѣмъ ихъ пособники—а это едва ли могло способствовать „возвышенію народной совѣсти". Можно быть того или другого мнѣнія о теократической системѣ наказаній, центръ тяжести которой—не въ здѣшней жизни, а въ будущей,—но едва ли можно утверждать, что для этой системы есть мѣсто *рядомъ* съ обычными уголовными карами, и что допустимъ произвольный выборъ между путями, противоположными и по исходной точкѣ, и по конечной цѣли.

Насъ стараются увѣрить, что „злоупотребленія и неправда живутъ при *всѣхъ* формахъ учрежденій и истребляются *лишь постояннымъ непосредственнымъ* воздѣйствіемъ верховной власти". Безспорно, какъ бы хорошо ни было *учрежденіе*, въ его составъ могутъ проникнуть *люди*, не стоящіе на высотѣ своего призванія; нельзя, поэтому, уничтожить *возможность* злоупотребленій—но можно довести до минимума ихъ *вѣроятность*, улучшая все больше и больше устройство и способъ дѣйствій учрежденія. Только такія улучшенія отражаются на *всѣхъ* дѣлахъ, подвѣдомственныхъ учрежденію, а не на нѣсколькихъ, случайно выхваченныхъ изъ массы. Между тѣмъ, усовершенствованіе порядка предполагаетъ, прежде всего, его прочность и твердость: все необходимое для правильной дѣятельности онъ долженъ находить въ себѣ самомъ, помимо стороннихъ „воздѣйствій". Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ различіемъ между старымъ русскимъ процессомъ и новымъ, провозгласившимъ безусловную непоколебимость кассаціонныхъ сенатскихъ рѣшеній, тотъ едва ли станетъ утверждать, что до судебной реформы правосудія въ Россіи было больше, чѣмъ въ настоящее время... Присмотрѣвшись поближе къ нашему прошлому, нельзя, притомъ, не придти къ убѣжденію, что воздѣйствіе верховной власти на судебныя дѣла давно уже перестало быть *непосредственнымъ*. Челобитная изба, генералъ-рекетмейстеръ, коммиссія прошеній, особое присутствіе при государственномъ совѣтѣ—всѣ эти органы стояли или стоятъ между верховною властью и судебными мѣстами. Припомнимъ, напримѣръ, въ чемъ заключались функціи коммиссіи прошеній. Она разсматривала всеподданнѣйшія жалобы на рѣшенія департаментовъ сената и, если признавала ихъ заслуживающими вниманія, испрашивала Высочайшее повелѣніе на пересмотръ дѣла въ общемъ сената собраніи. Фактически—по крайней мѣрѣ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ,—все зависѣло, въ этомъ отношеніи, отъ единоличнаго усмотрѣнія статсъ-секретаря у принятія прошеній. Рѣшеніе сената повѣрялось, такимъ образомъ, другимъ учрежденіемъ, отнюдь не болѣе компетентнымъ и не болѣе гарантированнымъ отъ ошибокъ и увлеченій—или даже однимъ лицомъ, не всегда обладавшимъ хотя бы элементарными юридическими

свѣдѣніями. Самая повѣрка приводила не къ постановленію новаго рѣшенія, а къ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе третьяго учрежденія. Въ случаѣ принятія коммиссіею прошеній жалобы на рѣшеніе общаго собранія сената, дѣло переходило въ государственный совѣтъ, отнюдь не болѣе сената подготовленный къ правильному рѣшенію судебныхъ дѣлъ. Высочайшей волей дѣло рѣшалось по существу лишь въ видѣ утвержденія мнѣнія государственнаго совѣта—а такое воздѣйствіе ея на ходъ правосудія очевидно не можетъ быть названо ни непосредственнымъ, ни постояннымъ. Какъ бы ни была организована „апелляція къ верховной власти", она во всякомъ случаѣ предполагаетъ существованіе *учрежденій*, черезъ посредство и съ мнѣніемъ которыхъ судебныя дѣла доходятъ до монарха. Говорить о *непосредственномъ* участіи верховной власти въ отправленіи правосудія, значитъ, поэтому, играть словами, обманывая ими самого себя, или другихъ... Защищая явно-несостоятельный тезисъ, нельзя избѣжать противорѣчія съ самимъ собою. Если „непосредственное" (т.-е. мнимо-непосредственное) воздѣйствіе монарха въ сферѣ суда вытекаетъ изъ самаго понятія о верховной власти и необходимо для осуществленія истиннаго правосудія, то для него должны быть одинаково доступны всѣ категоріи судебныхъ дѣлъ, безъ всякаго исключенія; между тѣмъ, самъ г. Тихомировъ предлагаетъ установить область *окончательныхъ* судебныхъ рѣшеній, неправильность которыхъ влекла бы за собою *только* отвѣтственность судей, т.-е. не могла бы имѣть послѣдствіемъ *отмѣну* рѣшенія. Признавъ, такимъ образомъ, безповоротность одной группы рѣшеній, нельзя уже возражать *принципіально* противъ безповоротности всѣхъ остальныхъ—нельзя, другими словами, утверждать, что самоограниченіе монарха въ области суда равносильно умаленію верховной власти. Хорошъ также и коррективъ, придуманный г. Тихомировымъ — отвѣтственность судей за *неправильное* рѣшеніе! Неправильность—понятіе относительное; неправильное по мнѣнію одного можетъ быть единственно-правильнымъ по мнѣнію другого. Все зависитъ здѣсь отъ пониманія законовъ, различіемъ котораго и обусловливается возможность разногласія между судебными инстанціями. Тамъ, гдѣ дѣятельность судьи не исчерпывается механическимъ приложеніемъ закона къ конкретнымъ фактамъ, онъ можетъ отвѣчать только за *неправосудное* рѣшеніе, т.-е. за сознательное, намѣренное отступленіе отъ закона, вызванное корыстными или другими личными видами.

Когда не хватаетъ аргументовъ, ихъ мѣсто часто заступаютъ „страшныя слова". Такое слово пускается въ ходъ и г. Тихомировымъ: оспариваемую имъ мысль онъ называетъ идеей *анти-монархической*, такъ какъ доводы противъ участія монарха въ отправленіи правосудія могутъ быть примѣнены и къ области законодательной и

административной. Достаточнымъ опроверженіемъ этого софизма служитъ исторія судебныхъ учрежденій какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ. Мы видѣли уже, что противъ обращенія къ верховной власти по дѣламъ судебнымъ высказывались такіе самодержцы, какъ Петръ Великій и Фридрихъ-Вильгельмъ I-ый, никогда и не думавшіе ограничивать свое полновластіе въ области законодательства и управленія. Сосредоточеніе судебныхъ функцій исключительно въ рукахъ особо призванныхъ къ тому учрежденій началось въ эпоху наибольшей полноты монархической власти, подъ вліяніемъ двухъ главныхъ причинъ: частнаго характера судебныхъ дѣлъ и техническаго навыка, котораго требуетъ ихъ рѣшеніе. Законъ установляетъ *общія* нормы, администрація, въ высшихъ своихъ сферахъ, даетъ *общее* направленіе государственной жизни; судъ ограничивается разрѣшеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, не сходя съ почвы, предуказанной ему закономъ. Онъ осуществляетъ свое назначеніе путемъ медленной, кропотливой работы, требующей спеціальныхъ знаній и продолжительнаго опыта. Такой работѣ необходимо посвятить себя всецѣло, подготовившись къ ней изученіемъ и практикой. Понятно, что ее рано стали слагать съ себя монархи, дѣятельность которыхъ направлялась въ совершенно другую сторону; столь же понятно и то, что, сохраняя за собою, номинально, судебныя функціи, они поручали исполненіе ихъ особымъ присутственнымъ мѣстамъ или должностнымъ лицамъ. Создавалось, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ фикціи: дѣйствительность шла въ разрѣзъ съ порядкомъ, установленнымъ на бумагѣ. И это всегда, въ подобныхъ случаяхъ, такъ будетъ, потому что иначе и быть не можетъ: никогда современный монархъ не будетъ исполнять самъ лично функціи судьи, во всей ихъ разносторонности и сложности. Рѣшать представляемыя ему дѣла будетъ инстанція въ сущности судебная—судебная по свойству, но не по способу дѣятельности, не выслушивающая ни сторонъ, ни свидѣтелей, засѣдающая при закрытыхъ дверяхъ и, можетъ быть даже, не мотивирующая своихъ рѣшеній. Доступъ къ этой инстанціи будетъ затрудненъ какъ отдаленностью ея отъ населенія, такъ и тѣми мѣрами, которыя будутъ приняты съ цѣлью огражденія ея отъ чрезмѣрнаго наплыва дѣлъ, превышающаго ея силы. Нелегко будетъ ей, далѣе, воздерживаться отъ рѣшенія дѣлъ не по закону, а помимо закона, или даже вопреки закону, къ явному ущербу для твердости законодательныхъ нормъ, для равноправности гражданъ и для уваженія къ закону... Нужно имѣть большую смѣлость или большую наивность, чтобы выставлять такой порядокъ чѣмъ-то идеальнымъ и разсчитывать, для его установленія, на помощь... западно-европейской научной мысли!

Извѣстное изреченіе французскаго министра финансовъ, барона Луи: „faites moi de la bonne politique et je vous ferai de bonnes finances"—сохраняетъ до сихъ поръ полную силу и должно быть понимаемо не въ буквальномъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ. Подъ именемъ „хорошей политики", обезпечивающей хорошее состояніе финансовъ, слѣдуетъ разумѣть не только искусное направленіе *текущихъ* дѣлъ (внутреннихъ и внѣшнихъ), устраняющее столкновенія и замѣшательства, благопріятствующее правильному развитію народнаго хозяйства, — но и своевременное, цѣлесообразное измѣненіе общихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагается и движется народная жизнь. Совершенно понятно, поэтому, что значительная часть всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1899-й годъ посвящена вопросамъ, не касающимся, по видимому, финансоваго вѣдомства. Министръ финансовъ останавливается, прежде всего, на мнѣніи, связывающемъ хозяйственную отсталость крестьянъ съ недостаточнымъ распространеніемъ въ ихъ средѣ образованія—и находитъ это мнѣніе „довольно вѣскимъ". Онъ признаетъ, что „народное просвѣщеніе представляетъ собою существенный факторъ экономическаго преуспѣянія страны и что распространеніе общаго образованія, даже элементарной грамотности, не можетъ не отразиться благотворно на хозяйственномъ бытѣ населенія". Не въ „темнотѣ" народныхъ массъ усматривается имъ, однако, основная причина ихъ матеріальной необезпеченности. „Въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ истекающаго столѣтія"—читаемъ мы въ докладѣ,—„когда земледѣльческій классъ главныхъ западно-европейскихъ государствъ выполнялъ хозяйственную задачу, разрѣшаемую теперь нашимъ крестьянствомъ, просвѣщеніе народныхъ массъ едва ли превосходило сколько-нибудь значительно наши современныя условія". Ко времени освобожденія крестьянъ въ Россіи западно-европейское крестьянство, „считавшее свою свободу уже многими десятилѣтіями и вполнѣ прочно устроившее свой хозяйственный бытъ, было во многихъ мѣстностяхъ болѣе чѣмъ на половину неграмотно". Съ другой стороны, „и наша русская дѣйствительность показываетъ, что довольно значительные хозяйственные успѣхи могутъ быть достигнуты несмотря на всѣ затрудненія, порождаемыя невысокимъ уровнемъ народнаго просвѣщенія. Тотъ же самый темный крестьянскій людъ, разъ только удается ему сколько-нибудь прочно пристроиться въ ремесленныхъ, торговыхъ или промышленныхъ отрасляхъ труда, сплошь да рядомъ достигаетъ такихъ успѣховъ и обнаруживаетъ такую предпріимчивость, которую не часто можно встрѣтить въ нашемъ деревенскомъ земледѣльческомъ быту". Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ, по мнѣнію министра финансовъ, „*неопредѣленность имуще-*

ственныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающая многообразныя затрудненія въ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ". Эта неопредѣленность обусловливается, по словамъ доклада, „неполнотой законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ—недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ. Въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ крестьянское населеніе руководствуется опредѣленіями, заключающимися въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 г., въ извѣстной мѣрѣ общими гражданскими законами, преимущественно же мѣстнымъ обычаемъ. Господство обычая, вполнѣ допустимое при простотѣ и несложности гражданскихъ отношеній въ патріархальномъ быту, не можетъ удовлетворить потребностей уже значительно усложнившейся жизни нашего крестьянскаго населенія. Самый обычай весьма часто оказывается неустойчивымъ и нерѣдко толкуется произвольно... Шаткость юридическаго порядка въ крестьянской средѣ усугубляется тѣмъ, что обычай нерѣдко оказывается въ противорѣчіи съ закономъ, которымъ руководствуются общія судебныя мѣста при разрѣшеніи подсудныхъ имъ крестьянскихъ дѣлъ, и что гражданскіе законы далеко не соотвѣтствуютъ нуждамъ крестьянства. Отсюда проистекаетъ спутанность юридическихъ понятій народа... Многочисленны и тяжелы тѣ затрудненія, которыя испытываетъ крестьянское населеніе вслѣдствіе отсутствія прочнаго и яснаго законнаго порядка для разрѣшенія ежедневно возникающихъ вопросовъ въ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ принципіальныхъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства. Такъ, безъ предварительнаго упорядоченія общихъ условій сельскаго быта не можетъ быть достигнуто полное исправленіе системы взиманія сборовъ съ крестьянъ... Податная реформа можетъ быть основываема лишь на готовой почвѣ узаконеній, имѣющихъ болѣе общее значеніе. Равнымъ образомъ, при существующихъ недостаткахъ законоположеній о крестьянахъ, едва ли достижимо значительное улучшеніе многихъ весьма важныхъ сторонъ сельской жизни. Воспособленіе крестьянскому малоземелью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, устройство доступнаго кредита, улучшеніе условій сбыта произведеній крестьянскаго труда—эти и многіе другіе вопросы давно озабочиваютъ правительство и вызвали къ жизни рядъ мѣропріятій. Но для того, чтобы значеніе принимаемыхъ мѣръ для экономической жизни крестьянства не ограничивалось ожиданіями успѣха, а было оправдано практической

пользой, онѣ должны имѣть надежные устои въ самыхъ условіяхъ сельскаго быта". Необходимость „прочнаго правопорядка для обезпеченія общественныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ сознавалась уже при разработкѣ Положеній 19-го февраля 1861 года"; но „дарованіе крестьянамъ полной и немедленной личной свободы и надѣленіе ихъ землею представляло такую сложную и трудную задачу, что на ея выполненіе были направлены всѣ силы дѣятелей крестьянской реформы. Поэтому въ Положеніяхъ 19-го февраля общественному и хозяйственному устройству крестьянъ оказалось возможнымъ удѣлить сравнительно малое мѣсто, предполагавшееся же начертаніе полнаго сельскаго устава было отложено до фактическаго завершенія реформы. Нынѣ, когда основныя положенія освободительной реформы уже осуществлены, открывается возможность приступить къ разрѣшенію завѣщанной нашему поколѣнію задачи окончательнаго устройства общественнаго и имущественнаго быта крестьянъ"...

Таковы, въ главныхъ чертахъ, соображенія министра финансовъ по вопросу о поднятіи благосостоянія народной массы, неразрывно связаннаго съ процвѣтаніемъ государственнаго хозяйства. Недостаточно оцѣнено въ нихъ, какъ намъ кажется, значеніе народнаго образованія. Полъ-вѣка тому назадъ въ протестантскихъ государствахъ западной Европы неграмотность была уже исключеніемъ, сравнительно рѣдкимъ; даже въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка число грамотныхъ людей было тамъ гораздо больше, чѣмъ у насъ въ настоящее время. Правда, въ католическихъ государствахъ народное образованіе стояло еще недавно на очень низкой степени развитія, да и теперь не вездѣ далеко ушло впередъ; но вѣдь это и отражается весьма замѣтно на благосостояніи крестьянъ въ Испаніи, въ Португаліи, даже въ Италіи. Даже во Франціи, гдѣ медленное развитіе начальной школы уравновѣшивалось, въ бо̀льшей или мѐньшей мѣрѣ, благопріятными физическими условіями и необыкновенною живостью народнаго ума, крестьянская масса много и часто терпѣла отъ своей умственной отсталости. Неубѣдительна, въ нашихъ глазахъ, и ссылка на русскую дѣйствительность. „Довольно значительные хозяйственные успѣхи" въ области ремесла, промышленности и торговли достигаются, несмотря на неграмотность или полуграмотность, отдѣльными лицами, а не цѣлыми группами или разрядами населенія — и для народной массы такіе изолированные успѣхи проходятъ совершенно безслѣдно. Конечно, одно только распространеніе образованія— или, тѣмъ болѣе, грамотности—не можетъ вызвать быстраго подъема народныхъ силъ; для этого нужна совокупность условій—но *однимъ изъ нихъ*, и притомъ весьма важнымъ, количественный и качественный ростъ народныхъ школъ всѣхъ видовъ и наименованій, а также и всѣхъ

внѣ-школьныхъ источниковъ просвѣщенія, является несомнѣнно. Обусловливаемыя имъ затраты принадлежатъ къ числу наиболѣе производительныхъ—и передъ ними, вѣроятно, не отступитъ министерство финансовъ, разъ что оно находитъ *довольно вѣскимъ* мнѣніе о взаимной связи между умственной неразвитостью и матеріальной необезпеченностью народныхъ массъ.

Какова бы ни была, впрочемъ, внутренняя цѣнность образованія, въ высшей степени важнымъ слѣдуетъ признать другое благо, на отсутствіе котораго въ крестьянской жизни указываетъ министръ финансовъ. Что имущественныя и общественныя отношенія крестьянъ страдаютъ неопредѣленностью; что господство обычая „не удовлетворяетъ потребностямъ усложнившейся жизни крестьянскаго населенія“; что „самый обычай часто оказывается неустойчивымъ и толкуется произвольно“; что для разрѣшенія вопросовъ, ежедневно возникающихъ въ средѣ крестьянъ, не существуетъ „прочнаго и яснаго законнаго порядка“; что недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными поправками — все это въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому спору. Столь же несомнѣнно и то, что раньше коренной перемѣны въ такомъ положеніи вещей нельзя и думать о значительномъ подъемѣ народнаго благосостоянія. Что̀ означаетъ, однако, установленіе „прочнаго правопорядка“ въ средѣ крестьянства? Равносильно ли оно юридическому уравненію крестьянъ съ другими классами населенія? Оставаться обособленнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ крестьянство можетъ только до тѣхъ поръ, пока оно въ значительной степени изъято отъ дѣйствія общихъ законовъ и подчинено либо произвольно примѣняемому обычаю, либо просто произволу. Двухъ „прочныхъ правопорядковъ“ въ благоустроенномъ государствѣ быть не можетъ. Когда будетъ признано нужнымъ опредѣлить, путемъ закона, имущественныя и общественныя отношенія крестьянъ, этотъ законъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, долженъ быть одинъ и тотъ же для нихъ и для другихъ сословій—а затѣмъ не останется никакихъ основаній для примѣненія его къ крестьянамъ въ особомъ порядкѣ и особыми установленіями. Единство законодательства предполагаетъ единство судоустройства и судопроизводства; единство судопроизводства предполагаетъ, въ свою очередь, одинаковость каръ и одинаковость способа ихъ назначенія. Замѣна обычая закономъ должна повлечь за собою не только ограниченіе круга дѣйствій волостныхъ судовъ, столь ненормально разросшагося въ послѣднее время, но и совершенное ихъ упраздненіе, какъ судовъ спеціально-крестьянскихъ— а вмѣстѣ съ ними само собою должно пасть и тѣлесное наказаніе. Трудную и сложную работу подведенія крестьянъ подъ общія юридическія нормы нельзя будетъ возложить на судей-администраторовъ,

оторванныхъ отъ судебной іерархіи и не направляемыхъ въ своей дѣятельности разъясненіями и указаніями единаго высшаго суда... Мы далеки отъ мысли, чтобы упорядоченіе имущественнаго быта крестьянъ должно было заключаться въ ломкѣ всѣхъ его особенностей (напр. общиннаго землевладѣнія); но, регулированныя закономъ, эти особенности потеряютъ *сословный* характеръ и сдѣлаются институтами гражданскаго права, развивающимися и видоизмѣняющимися наравнѣ съ другими. Допустимъ, на минуту, что „правопорядокъ" для крестьянъ былъ бы установленъ совершенно отдѣльный, въ видѣ, напримѣръ, небольшого кодекса, регламентирующаго формы крестьянскаго владѣнія и крестьянской собственности, порядокъ наслѣдованія крестьянъ по завѣщанію и по закону, порядокъ совершенія ими гражданскихъ актовъ, права каждаго члена семьи на пріобрѣтенное лично имъ имущество — а все остальное законодательство о крестьянахъ было бы сохранено въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, т.-е. крестьяне остались бы болѣе или менѣе прикрѣпленными къ семьѣ и къ обществу, стѣсненными въ свободѣ передвиженія и выбора занятій, подчиненными дискреціонной власти старостъ, старшинъ, земскаго начальника и даже полиціи, подсудными волостному суду и судебно-административнымъ учрежденіямъ. Неужели при такомъ порядкѣ вещей они могли бы пріобрѣсти ту предпріимчивость и подвижность, ту самостоятельность и то довѣріе къ собственнымъ силамъ, безъ которыхъ немыслимъ быстрый и прочный хозяйственный прогрессъ? „Правопорядокъ", построенный на пескѣ, не пустилъ бы корней ни въ народномъ сознаніи, ни въ народной жизни, и оказался бы безсильнымъ искоренить то зло, противъ котораго онъ былъ бы направленъ.

Мы говорили, два мѣсяца тому назадъ, объ основаніяхъ, на которыхъ предполагается ввести земскія учрежденія въ девяти западныхъ губерніяхъ. Во многомъ сходенъ съ ними и проектъ введенія земства въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской. И здѣсь имѣется въ виду открыть только губернскія земскія собранія, съ выборомъ губернскихъ гласныхъ на уѣздныхъ избирательныхъ собраніяхъ и на волостныхъ сходахъ; въ составъ губернскаго собранія вводится городской голова губернскаго города; губернскому собранію *предоставляется* возлагать предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ вѣденію его дѣлъ на мѣстныя уѣздныя совѣщанія; избирательныя собранія (кромѣ уѣздовъ астраханскаго, оренбургскаго и ставропольскаго) обнимаютъ собою всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія между дворянами и не-дворянами; крестьяне, владѣющіе, внѣ надѣла, земельнымъ или инымъ цензомъ, участвуютъ въ избиратель-

ныхъ собраніяхъ наравнѣ съ лицами другихъ сословій; губернскіе гласные отъ сельскихъ обществъ получаютъ, изъ земскихъ суммъ, прогонныя и суточныя деньги; мѣсто лицъ, имѣющихъ право участвовать въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, могутъ заступать, по особымъ отъ нихъ уполномочіямъ—и могутъ также быть избираемыми въ гласные—управляющіе ихъ имѣніями. Главное различіе между обоими проектами заключается въ томъ, что послѣдній оставляетъ въ силѣ образованіе исполнительныхъ земскихъ органовъ путемъ выборовъ, а не назначенія. Губернская земская управа избирается, на общемъ основаніи, губернскимъ земскимъ собраніемъ; оно же *можетъ* избирать, въ помощь губернской управѣ, особыхъ агентовъ для ближайшаго завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ (эти агенты входятъ въ составъ губернскаго собранія, но имѣютъ рѣшающій голосъ только по дѣламъ ввѣренныхъ имъ уѣздовъ). Нельзя не замѣтить, однако, что *значеніе* предположеній, общихъ обоимъ проектамъ, не всегда одно и то же для западныхъ и для юго-восточныхъ губерній. Соединеніе всѣхъ землевладѣльцевъ (не исключая и крестьянъ) въ одно избирательное собраніе, назначеніе гласнымъ отъ сельскихъ обществъ суточныхъ и прогонныхъ денегъ, предоставленіе активнаго и пассивнаго избирательнаго права управляющимъ имѣніями—все это въ западныхъ губерніяхъ имѣетъ боевой, политическій характеръ, а въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской вызывается соображеніями практическаго свойства, и раньше уже примѣненными, въ той или другой мѣрѣ, къ мѣстностямъ съ рѣдкимъ населеніемъ и слабымъ развитіемъ личнаго землевладѣнія [1]). Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ предоставленіе управляющимъ имѣніями, въ западныхъ губерніяхъ, избирательнаго права въ такомъ лишь случаѣ, если владѣлецъ имѣнія и самъ управляющій—лица русскаго происхожденія, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской оно предоставляется имъ (по примѣру другихъ малонаселенныхъ мѣстностей) безъ всякой оговорки. Противъ *такихъ* изъятій изъ общаго порядка нельзя возражать принципіально; нѣкоторыя изъ нихъ, притомъ, и по самому своему свойству представляютъ собою перемѣну къ лучшему, а не къ худшему (напр. соединеніе всѣхъ личныхъ землевладѣльцевъ, не исключая крестьянъ, въ одно избирательное собраніе). Политическихъ

---

[1]) Управляющимъ имѣніями право участія въ избирательныхъ и земскихъ собраніяхъ принадлежитъ въ губерніяхъ вятской, олонецкой, пермской, семи уѣздахъ вологодской и одномъ (златоустовскомъ) уфимской губерніи; въ тѣхъ же мѣстностяхъ землевладѣльцы соединены въ одно избирательное собраніе, за исключеніемъ только златоустовскаго уѣзда уфимской губ., гдѣ избирательныхъ собраній два, и уѣздовъ вельскаго и яренскаго вологодской губ., гдѣ ихъ нѣтъ вовсе.

цѣлей не преслѣдуетъ, въ юго-восточныхъ губерніяхъ, и исключеніе изъ состава земства, на первое время, уѣздныхъ земскихъ собраній и уѣздныхъ земскихъ управъ; оно мотивируется другими соображеніями, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ. Отличительныя черты губерній астраханской, оренбургской и ставропольской—малая плотность населенія, слабое развитіе и неравномѣрное распредѣленіе частнаго и въ особенности дворянскаго землевладѣнія. Въ астраханской губерніи полнымъ цензомъ владѣютъ только 39 землевладѣльцевъ (въ томъ числѣ 18 дворянъ); въ оренбургской—288 (110 дворянъ); въ ставропольской—190 (55 дворянъ); неполнымъ цензомъ — въ астраханской губерніи 12 землевладѣльцевъ (6 дворянъ), въ оренбургской—232 (35 дворянъ), въ ставропольской—138 (72 дворянъ). Значительное большинство землевладѣльцевъ-дворянъ сосредоточено, притомъ, въ уѣздахъ, гдѣ находятся губернскіе города (въ оренбургскомъ уѣздѣ—112 изъ 145, въ ставропольскомъ—57 изъ 127; въ астраханскомъ уѣздѣ дворянъ-землевладѣльцевъ меньше, чѣмъ въ енотаевскомъ и царевскомъ, но за то немало дворянъ, владѣющихъ другими недвижимыми имуществами). Нѣкоторые уѣзды оренбургской губерніи, какъ по географическому расположенію ихъ территорій, такъ и по распредѣленію въ нихъ населенія и поземельной собственности, не могутъ образовать самостоятельныхъ земскихъ единицъ; города Орскъ, Верхнеуральскъ и Троицкъ расположены внѣ предѣловъ гражданской территоріи [1]), къ которой уѣзды верхнеуральскій и троицкій принадлежатъ только меньшею своею частью; въ уѣздахъ орскомъ и верхнеуральскомъ большинство сельскихъ обществъ — башкирскія, представляющія собою малонадежныхъ плательщиковъ. Въ губерніяхъ астраханской и ставропольской раздѣленіе на уѣзды имѣетъ значеніе исключительно административное; въ ставропольской губерніи нѣтъ даже ни одного уѣзднаго города, административные центры ея уѣздовъ выбраны и могутъ быть перемѣщаемы совершенно произвольно. Занятія, условія жизни, а слѣдовательно и потребности населенія въ каждой изъ трехъ губерній весьма однообразны: въ губерніяхъ оренбургской и ставропольской главный промыселъ жителей—земледѣліе и скотоводство, въ астраханской—рыболовство. Въ устройствѣ для уѣздовъ коллегіальныхъ исполнительныхъ учрежденій, т.-е. уѣздныхъ земскихъ управъ, нѣтъ пока надобности, въ виду слабаго развитія земскаго хозяйства, а расходы на ихъ содержаніе были бы обременительны для слабыхъ платежныхъ силъ населенія.

[1]) Дѣйствіе земскихъ учрежденій не предполагается распространять на расположенныя въ предѣлахъ губерній астраханской и оренбургской земли казачьихъ войскъ, а также на входящія въ составъ губерній астраханской и ставропольской территоріи кочевыхъ инородцевъ.

Почему губернское земское собраніе не можетъ замѣнить собою уѣздныя—это мы объяснили подробно, говоря, въ декабрьскомъ обозрѣніи, о проектѣ введенія земскихъ учрежденій въ девяти западныхъ губерніяхъ. Чтобы отступить, въ этомъ отношеніи, отъ основныхъ началъ земскаго строя, нужны, думается намъ, причины болѣе важныя, чѣмъ приведенныя нами выше. По рѣдкости населенія и по слабому распространенію личнаго и въ особенности дворянскаго землевладѣнія юго-восточныя губерніи мало отличаются отъ сѣверныхъ (вологодской, вятской, олонецкой), гдѣ земство, съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями, функціонируетъ во всемъ объемѣ, т.-е. введены какъ губернскія, такъ и уѣздныя земскія собранія и управы. Въ двухъ уѣздахъ вологодской губерніи (вельскомъ и яренскомъ) личныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ вовсе, и единственными избирателями являются волостные сходы; и тамъ, однако, существуютъ уѣздныя земства. Положеніе трехъ юго-восточныхъ губерній, съ этой точки зрѣнія, болѣе благопріятно. Число личныхъ землевладѣльцевъ, обладающихъ полнымъ цензомъ, только въ одномъ уѣздѣ (красноярскомъ) понижается до трехъ, въ одномъ (черноярскомъ) доходитъ до пяти, въ трехъ (астраханскомъ, верхнеуральскомъ и троицкомъ)—до семи, въ одномъ (енотаевскомъ)—до десяти, а въ остальныхъ восьми превышаетъ эту цифру, иногда весьма значительно. Во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ двухъ (енотаевскаго и верхнеуральскаго), есть, сверхъ того, мелкіе личные землевладѣльцы, могущіе посылать отъ себя уполномоченныхъ въ избирательное собраніе; есть и многочисленные владѣльцы другихъ (т.-е. неземельныхъ) недвижимыхъ имуществъ. Въ астраханской губерніи предполагается, кромѣ того, дать избирательное право владѣльцамъ рыболовныхъ водъ: непосредственное—если доходность ихъ не ниже 300 руб., посредственное (т.-е. черезъ уполномоченныхъ)—если она не ниже 30 рублей. Это можетъ замѣтно увеличить число избирателей. Что въ уѣздахъ съ мало развитымъ личнымъ землевладѣніемъ большинство въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ оказалось бы на сторонѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ — это было бы вполнѣ естественно: вѣдь то же самое мы видимъ и теперь во многихъ уѣздахъ (въ сольвычегодскомъ и устьсысольскомъ — вологодской губерніи, въ котельничскомъ, нолинскомъ, орловскомъ, слободскомъ — вятской, во всѣхъ уѣздахъ олонецкой губерніи, кромѣ вытегорскаго и лодейно-польскаго, въ камышловскомъ, осинскомъ, оханскомъ, чердынскомъ и шадринскомъ уѣздахъ пермской губерніи), и никакихъ неудобствъ это тамъ не представляетъ. Изъ трехъ губернскихъ собраній, проектируемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, только одно—ставропольское—будетъ имѣть больше гласныхъ отъ землевладѣльцевъ (23), чѣмъ отъ сельскихъ обществъ; въ астраханскомъ губ. собраніи соотвѣтствующія

цифры—17 и 23, въ оренбургскомъ—25 и 28, несмотря на значительное число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ въ уѣздахъ астраханскомъ и оренбургскомъ. Между тѣмъ, преобладаніе гласныхъ-крестьянъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи еще болѣе естественно, еще менѣе неудобно, чѣмъ въ губернскомъ. Возможно было бы, наконецъ, нѣсколько понизить земельный цензъ, проектируемый для юго-восточныхъ губерній въ весьма высокихъ размѣрахъ: ниже 400 десятинъ—только въ шести уѣздахъ, отъ 400 до 500 — въ трехъ, отъ 500 до 600 — также въ трехъ; въ остальныхъ двухъ уѣздахъ — новогригорьевскомъ и красноярскомъ — требуется 650 и 725 дес., т.-е. больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кромѣ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ вологодской губерніи (устьсысольскій уѣздъ—700 дес., яренскій—800 дес.). Если нѣкоторые уѣзды оренбургской губерніи, территорія которыхъ принадлежитъ, въ бòльшей своей части, оренбургскому казачьему войску, не могутъ составить самостоятельныхъ земскихъ единицъ, то ничто не мѣшало бы или соединить ихъ съ сосѣдними уѣздами, какъ это и было проектировано оренбургскимъ губернскимъ совѣщаніемъ [1]). Если башкирскія сельскія общества являются малонадежными плательщиками, то вѣдь неудобства, съ этимъ связанныя, не будутъ устранены передачей земскихъ уѣздныхъ дѣлъ въ вѣденіе губернскаго земства; наоборотъ, именно введеніе представителей отъ башкирскихъ волостей въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній могло бы ознакомить ихъ съ выгодами земскаго управленія и побудить ихъ къ болѣе исправной уплатѣ земскихъ сборовъ. Чисто административный характеръ дѣленія на уѣзды—черта, свойственная не однѣмъ только юго-восточнымъ губерніямъ: она встрѣчается на каждомъ шагу и въ коренной земской Россіи (достаточно указать, для примѣра, на громадное различіе между подстоличною частью петербургскаго уѣзда и сѣверными его волостями, ближайшими къ Финляндіи)—и не мѣшаетъ правильному ходу земскаго дѣла. Ничего исключительнаго нѣтъ и въ случайномъ выборѣ центральнаго уѣзднаго пункта: во всѣхъ полосахъ Россіи немало найдется уѣздныхъ городовъ, имѣющихъ искусственное происхожденіе и не менѣе искусственное значеніе и во всякое время, безъ всякихъ неудобствъ, могущихъ уступить мѣсто другому. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы нижегородскую губернію: въ макарьевскомъ уѣздѣ гораздо важнѣе уѣзднаго города село Лысково; въ лукояновскомъ уѣздѣ главную роль играетъ заштатный городъ Починки, гдѣ помѣщается и уѣздная земская управа. Уѣздныя земства имѣютъ громадное значеніе вовсе не потому, чтобы наши уѣзды представляли собою

[1]) Совѣщаніе предполагало присоединить гражданскую территорію орскаго уѣзда къ оренбургскому, троицкаго—къ верхнеуральскому, и создать, такимъ образомъ, три земскихъ единицы: двѣ окружныя и одну уѣздную (челябинскій уѣздъ).

естественно сложившіяся и объединившіяся единицы, а просто потому, что они сравнительно близки къ населенію и служатъ прочной опорой для губернскаго земства. Однообразіе занятій населенія существуетъ опять-таки не въ однѣхъ только юго-восточныхъ губерніяхъ; въ центральной Россіи есть губерніи преимущественно земледѣльческія (напр. тамбовская, воронежская)—но это нисколько не умаляетъ значенія тамошнихъ уѣздныхъ земствъ. Можно ли, притомъ, считать однородными промыслами земледѣліе и скотоводство? Весьма часто, наоборотъ, преобладаніе того или другого указываетъ на существенное различіе условій. Въ оренбургской губерніи жители равнинъ, лежащихъ на западѣ и на востокѣ, занимаются больше всего земледѣліемъ, а жители средней части губерніи, каменистой и мало плодородной, ведутъ еще отчасти кочевую жизнь и получаютъ пропитаніе главнымъ образомъ отъ скотоводства. Мѣстами немаловажную роль играетъ (напр. въ верхнеуральскомъ уѣздѣ) и горнозаводская промышленность. Въ астраханской губерніи земледѣліе развито мало (исключеніе составляетъ, впрочемъ, царевскій уѣздъ), но скотоводство имѣетъ значеніе едва ли меньшее, чѣмъ рыболовство. Проектируемая, въ видахъ экономіи, замѣна коллегіальныхъ уѣздныхъ земскихъ управъ единоличными исполнительными органами была бы вполнѣ возможна и при существованіи уѣздныхъ земскихъ собраній; *такое* изъятіе изъ общаго правила не нарушало бы коренныхъ началъ земскаго строя. Что введеніе въ трехъ юго-восточныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій во всей ихъ полнотѣ, т.-е. съ уѣздными земскими собраніями, не представляетъ ничего невозможнаго, объ этомъ свидѣтельствуетъ, наконецъ, и исторія занимающаго насъ вопроса. При изданіи, въ 1864 г., Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, въ число губерній, на которыя оно должно было быть распространено, была включена и оренбургская. Введеніе здѣсь земскихъ учрежденій было отложено только потому, что какъ разъ въ то время произошло раздѣленіе губерніи на двѣ—оренбургскую и уфимскую—и преобразованіе быта обитавшихъ тамъ казаковъ. Въ 1873 г., въ государственный совѣтъ внесено было представленіе о введеніи земскихъ учрежденій въ оренбургской губерніи, съ весьма немногими и несущественными отступленіями отъ общихъ правилъ. Представленіе это было признано преждевременнымъ лишь въ виду невыясненія вопроса, какіе предметы потребностей оренбургскаго казачьяго войска должны быть отнесены къ числу земскихъ и какъ должны быть распредѣлены поступающіе съ него денежные сборы. Когда, въ 1896 г., государственнымъ совѣтомъ возбужденъ былъ общій вопросъ о преобразованіи земскаго хозяйства въ не-земскихъ губерніяхъ, оренбургскій губернаторъ высказался противъ введенія въ оренбургской губерніи земскихъ учрежденій, но губернское совѣщаніе

признало его возможнымъ (по отношенію къ гражданской территоріи губерніи), и притомъ не только въ составѣ одного губернскаго собранія, но и уѣздныхъ или окружныхъ. Избирательныя собранія оно предположило образовать въ каждомъ уѣздѣ (въ оренбургскомъ—два, т.-е. дворянское и не-дворянское, въ остальныхъ—по одному), и затѣмъ оренбургско-орское окружное собраніе составить изъ 50 гласныхъ (22 отъ землевладѣльцевъ оренбургскаго уѣзда—18 дворянъ и 4 недворянъ,—13 отъ сельскихъ обществъ того же уѣзда, 6 отъ землевладѣльцевъ и 9 отъ сельскихъ обществъ орскаго уѣзда), верхнеуральско-троицкое—изъ 30 (4 отъ землевладѣльцевъ и 11 отъ сельскихъ обществъ верхнеуральскаго, 6 отъ землевладѣльцевъ и 9 отъ сельскихъ обществъ троицкаго уѣзда), челябинское уѣздное земское собраніе—изъ 18 гласныхъ (7 отъ землевладѣльцевъ и 11 отъ сельскихъ обществъ). Астраханское совѣщаніе, съ которымъ согласился и астраханскій губернаторъ, нашло, что въ каждомъ изъ пяти уѣздовъ губерній можетъ и должно быть образовано уѣздное земское собраніе, въ составѣ отъ 15 до 35 гласныхъ (по избранію землевладѣльцевъ—отъ 3 до 22, по избранію сельскихъ обществъ—отъ 10 до 30). Въ ставропольской губерніи совѣщанія по данному вопросу образовано не было, но въ пользу введенія здѣсь земскихъ учрежденій, на одинаковыхъ съ другими земскими губерніями началахъ, высказывалось неоднократно (въ послѣдній разъ—въ 1896 г.) мѣстное дворянство [1].

Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что для открытія въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской не только губернскаго, но и уѣздныхъ земскихъ собраній нѣтъ никакихъ существенно-важныхъ препятствій. Позволительно надѣяться, что на юго-восточной окраинѣ Россіи земскія учрежденія будутъ введены въ томъ видѣ, въ какомъ они давно уже существуютъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ государства, при условіяхъ аналогичныхъ или даже еще менѣе неблагопріятныхъ.

---

[1]) Ставропольскій губернаторъ подалъ голосъ противъ введенія въ губерніи земскихъ учрежденій, но главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ призналъ его желательнымъ, съ тѣмъ, чтобы на первое время были открыты только губернское земское собраніе и земскія управы, губернская и уѣздныя.

ЗЕМСТВО И ТОЛКИ О ЗЕМСТВѢ

Замѣтка.

Десять лѣтъ тому назадъ наше земство переживало критическую минуту. Опасность грозила не только его дальнѣйшему развитію, но и самому его существованію. „Въ государствѣ самодержавномъ— говорилъ тогда „Русскій Вѣстникъ"—не можетъ быть государственныхъ установленій самостоятельныхъ въ своей дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимыхъ отъ верховной власти по характеру и источнику своихъ полномочій". Выводъ изъ этихъ положеній былъ ясенъ: земство должно было исчезнуть или перестать быть земствомъ, потонувъ въ морѣ присутственныхъ мѣстъ и административныхъ агентовъ. Положеніе 1890-го года пошло не такъ далеко: земскія учрежденія, хотя и существенно измѣненныя въ своемъ составѣ существенно ограниченныя въ своемъ кругѣ дѣйствій, все-таки продолжають быть *земскими*, т.-е. выборными и, до извѣстной степени, самостоятельными. Можно было думать, что новое земство, сословное и полу-зависимое, останется свободнымъ отъ подозрѣній, оказавшихся гибельными для прежняго земства, болѣе самостоятельнаго и безсословнаго. Случилось, однако, иначе: кампанія противъ земства, судя по тому, что̀ говорится въ извѣстныхъ органахъ печати, ведется вновь, на тѣхъ же началахъ, что̀ и въ восьмидесятыхъ годахъ, но съ удвоенною силой. Исходной ея точкой служитъ возникшій въ послѣднее время вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ имперіи — но конечная ея цѣль гораздо шире: намѣчается въ виду не только нераспространеніе круга земской дѣятельности, но и упраздненіе земства, если не de jure, то de facto.

„Начало мѣстнаго самоуправленія не только не противорѣчитъ неограниченной монархіи, а напротивъ, составляетъ необходимое ея восполненіе. Чѣмъ болѣе стѣсняется свобода наверху, тѣмъ болѣе ей должно быть предоставлено простора въ подчиненныхъ сферахъ. Здравая политика состоитъ не въ томъ, чтобы преувеличивать одностороннее начало, проводя его съ неуклонною послѣдовательностью сверху до низу, а въ томъ, чтобы исправлять присущіе ему недостатки, насколько это совмѣстно съ основнымъ принципомъ. Только допуская широкую систему самоуправленія, монархія удовлетворяетъ мѣстнымъ

потребностямъ; только относясь къ ней съ полнымъ довѣріемъ, она вступаетъ въ живое общеніе съ народною жизнью, не оффиціальными путями, черезъ посредство правящей бюрократіи, а лицомъ къ лицу... Только обставляя себя наверху и внизу цѣлой системой учрежденій, обладающихъ относительною независимостью, неограниченная монархія въ состояніи утвердить въ государствѣ твердый законный порядокъ... Монархія, обставленная такими учрежденіями, является хранительницею закона; она даетъ гарантіи свободѣ и праву, хотя бы въ подчиненныхъ сферахъ. Чѣмъ болѣе устраняются эти частныя сдержки, тѣмъ болѣе монархія склоняется къ деспотизму... Широкое развитіе общественной самодѣятельности необходимо и для самой бюрократіи. Это одно, что ставитъ ее въ надлежащія рамки и исправляетъ многіе изъ присущихъ ей недостатковъ... Именно въ административной области всего болѣе необходимо взаимное ограниченіе независимыхъ силъ, которое одно обезпечиваетъ свободу и права гражданъ, а вмѣстѣ и законный ходъ правительственной дѣятельности. Безграничный произволъ администраціи есть худшее, что̀ можетъ представлять управленіе. Противъ него безсиленъ контроль отдаленной центральной власти; его могутъ сдерживать только независимыя общественныя силы". Такъ говоритъ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи („Политика", стр. 144 и 487), Б. Н. Чичеринъ, многолѣтняя дѣятельность котораго и авторитетъ ограждаютъ его отъ обвиненій въ анти-правительственныхъ или анти-монархическихъ тенденціяхъ. И какъ публицистъ, и какъ философъ, Б. Н. Чичеринъ всегда былъ и до сихъ поръ остается склоннымъ къ *охраненію* существующаго. Онъ чуждъ увлеченій, враждебенъ рѣзкимъ перемѣнамъ — но онъ привыкъ смотрѣть на прошлое и настоящее съ извѣстной высоты, недоступной для близорукихъ или своекорыстныхъ поклонниковъ силы. Для послѣднихъ эта сила существуетъ an und für sich, все собою обусловливая и затмѣвая; важно, въ ихъ глазахъ, лишь то, что̀ непосредственно ей служитъ. Они разсуждаютъ такъ: изъ отвлеченнаго принципа, предоставляемаго властью, такое-то учрежденіе прямо не вытекаетъ; слѣдовательно—оно безполезно или вредно... Эта точка зрѣнія не только узка —она всецѣло неправильна. Никакая власть не можетъ быть разсматриваема внѣ связи съ тѣми, надъ которыми она властвуетъ. Критерій учрежденія—не логическая зависимость его отъ того или другого общаго начала, а реальное его вліяніе на благосостояніе и развитіе народа. Отвергая или игнорируя этотъ критерій, прямолинейные ревнители авторитета закрываютъ глаза на всѣ стороны сложнаго вопроса, кромѣ одной—да и ту видятъ сквозь призму предвзятой мысли. Они провозглашаютъ мѣстное самоуправленіе опаснымъ для неограниченной монархіи, такъ какъ введенію представительнаго образа

правленія предшествовало, обыкновенно, расширеніе общественнаго участія въ завѣдываніи мѣстными хозяйственными дѣлами. Но развѣ хронологическая послѣдовательность событій—то же самое, что причинная связь между ними? Развѣ разсужденіе по шаблону: „post hoc —ergo propter hoc“ имѣетъ право гражданства въ исторіи и въ политикѣ? Неужели изъ того, что провинціальныя собранія во Франціи были проектированы Тюрго и осуществлены Неккеромъ, слѣдуетъ заключить, что они были началомъ конца для старой французской монархіи? Неужели провинціальные сеймы, въ томъ видѣ, въ какомъ они были организованы въ Пруссіи въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, проложили путь къ движенію 1848-го года и подготовили переустройство прусскаго государства? Прямымъ назначеніемъ ихъ, наоборотъ, была отсрочка такого переустройства, поставленнаго на очередь вслѣдъ за іенскимъ разгромомъ и формально обѣщаннаго въ 1815 г., когда самоуправленіе было введено только въ городахъ и даже здѣсь не успѣло еще пустить прочные корни. Или, можетъ быть, все зло заключалось именно въ городскомъ самоуправленіи, дарованномъ, по мысли Штейна, закономъ 1808 года? Не таково мнѣніе консервативнѣйшаго изъ современныхъ прусскихъ историковъ: Трейтшке, называя реформу 1808 г. „достойною удивленія“ (bewunderungswürdig), приписываетъ ей не ослабленіе, а укрѣпленіе правительственной власти... Совершенно ошибочна, вообще, мысль о неизбѣжной однородности центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Въ Англіи господство парламента уживалось цѣлые вѣка съ такимъ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій, которое имѣло очень мало общаго съ самоуправленіемъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, т.-е. съ народнымъ (выборнымъ) представительствомъ въ сферѣ мѣстнаго управленія. Во Франціи политическая свобода въ центрѣ государства долго шла рука объ руку съ административнымъ полновластіемъ на мѣстахъ— да и теперь еще сфера мѣстнаго самоуправленія отнюдь не можетъ быть названа особенно широкой. Въ конституціонной Пруссіи болѣе двадцати лѣтъ дѣйствовали до-реформенныя провинціальныя учрежденія. Безспорно, преобразованіе мѣстнаго управленія мотивировалось иногда, въ западной Европѣ, необходимостью согласовать его съ обновленнымъ государственнымъ строемъ; но не въ этомъ заключалась настоящая причина реформы. Она предпринималась потому, что старые порядки не достигали болѣе своей цѣли, старыя учрежденія оказывались отжившими, не соотвѣтствующими реальному соотношенію общественныхъ силъ. Во Франціи дѣлались попытки ослабить административную централизацію, какъ стѣснительную для личной инціативы, задерживающую и тормазящую матеріальный и духовный ростъ народа—и противодѣйствіе этимъ попыткамъ шло иногда

отъ крайнихъ республиканцевъ, вѣрныхъ традиціямъ якобинскаго всевластія. Починъ эманципаціи генеральныхъ совѣтовъ отъ всемогущества префектовъ взяло на себя консервативное монархическое большинство національнаго собранія 1871-го года. Законы 1872 и 1875 гг. (Kreisordnung и Provinzialordnung) проведены въ Пруссіи Бисмаркомъ —правда, въ эпоху союза его съ національ-либералами; но вѣдь онъ и тогда отнюдь не измѣнялъ принципамъ государственности и твердой власти.

Рядомъ съ ссылкой на устрашающій примѣръ западно-европейскихъ государствъ, въ аргументаціи противниковъ земства играло и играетъ большую роль невѣрное освѣщеніе обстоятельствъ, при которыхъ, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, состоялась у насъ земская реформа. Введеніе земскихъ учрежденій приписывается обману или, въ лучшемъ случаѣ — недоразумѣнію, ошибкѣ. Земское положеніе получило силу закона, будто бы, лишь потому, что земству былъ данъ, на словахъ, частно-общественный, исключительно хозяйственный характеръ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ его сферу дѣйствій были внесены предметы чисто государственнаго свойства (напр. народное образованіе, народная медицина, народное продовольствіе). Этой легендѣ, пущенной въ ходъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ и съ тѣхъ поръ усердно поддерживаемой въ обращеніи, достаточно противопоставить нѣсколько словъ, заимствуемыхъ изъ безспорнаго историческаго документа. Земское управленіе—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, при которой проектъ земскаго положенія былъ внесенъ, въ 1863 г., на разсмотрѣніе государственнаго совѣта,—„земское управленіе есть только особый органъ одной и той же государственной власти и отъ нея получаетъ свои права и полномочія; земскія учрежденія, имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать внѣ его". Итакъ, составителями земскаго положенія государственное значеніе земскихъ учрежденій сознавалось ясно и признавалось прямо; никто не старался прикрыть ихъ флагомъ, не соотвѣтствующимъ ихъ содержанію. Если въ послѣдствіи времени они понимались различно и пріурочивались иногда къ группѣ общественныхъ учрежденій, то это зависѣло отъ одной особенности ихъ, все болѣе и болѣе обострявшейся на практикѣ: отъ отсутствія у нихъ исполнительной власти и непосредственнаго соприкосновенія съ населеніемъ. Земство постановляетъ рѣшенія, но для приведенія ихъ въ дѣйствіе оно должно, сплошь и рядомъ, обращаться къ администраціи; оно налагаетъ сборы, но взысканіе ихъ производится полиціей, внѣ всякаго земскаго контроля. Отсюда неопредѣленность положенія, допускающая большое разнообразіе толкованій. Съ занимающей насъ точки зрѣнія важно теперь только то, что органомъ само-

управленія земство стало не случайно, не контрабандой, а совершенно согласно съ смысломъ и цѣлью законодательнаго акта, которымъ оно было призвано къ жизни. Считая себя уполномоченнымъ и обязаннымъ вѣдать мѣстныя хозяйственныя дѣла во всемъ ихъ объемѣ и всемъ ихъ разнообразіи, оно оставалось вѣрнымъ своему назначенію и не сходило съ указанной ему дороги. Что созданіе земскихъ учрежденій было отступленіемъ отъ традицій ближайшаго прошлаго, что оно шло въ разрѣзъ съ централизаціонной политикой, достигшей своего апогея въ царствованіе императора Николая I—это безспорно; но таковы ли были результаты этой политики, чтобы бережно хранить достигнутое и идти дальше въ томъ же направленіи и духѣ?.. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было такимъ же естественнымъ выводомъ изъ уроковъ предшествовавшаго десятилѣтія, какъ и положенія о крестьянахъ или судебные уставы 20-го ноября 1864-го года.

Теперь, когда земство имѣетъ за собою тридцатипятилѣтнюю исторію, важно, впрочемъ, не столько то, чѣмъ оно должно было быть по мысли его основателя, сколько то, чѣмъ оно было и продолжаетъ быть въ дѣйствительности. Мы не будемъ развертывать здѣсь длинный списокъ земскихъ начинаній, во многомъ измѣнившихъ до неузнаваемости положеніе русской провинціи. Изъ всѣхъ этихъ перемѣнъ намъ достаточно подчеркнуть одну, господствующую надъ всѣми остальными. Въ до-реформенной Россіи общество было пассивно и безгласно. Сознавались и признавались только частные, маленькіе, личные интересы. Не было ни охоты, ни умѣнья, ни возможности предпринять общее дѣло, направленное на общую пользу. Сословное единеніе существовало лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно могло служить охраной для каждаго отдѣльнаго привилегированнаго лица—охраной его произвола по отношенію къ низшимъ, а не правъ его по отношенію къ равнымъ и высшимъ. Даже въ критическія минуты государственной жизни обычное настроеніе замѣнялось другимъ, болѣе приподнятымъ, далеко не вполнѣ и не надолго. Первую брешь въ стѣнѣ близорукаго и себялюбиваго „квіетизма“ пробилъ призывъ къ крестьянской реформѣ, выдвинувшій, рядомъ съ коснымъ и жаднымъ большинствомъ, меньшинство, готовое на жертвы, способное возвыситься до пониманія общаго блага. Это былъ, однако, только *порывъ*, вызванный необыкновенною важностью событія; обратить его въ *настроеніе* могла только *организація*, дающая широкій просторъ общественной дѣятельности. Такою организаціей явилось земство. Тысячи людей—гласные уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній, члены училищныхъ совѣтовъ и разныхъ земскихъ коммиссій, попечители школъ, больницъ и пріемныхъ покоевъ, санитарные и дорожные попечители—стали отдавать свои силы и свое время безвозмездной ра-

ботѣ, часто весьма тяжелой, ничего лично для себя отъ нея не ожидая. На одного искателя „земскаго пирога",—если даже, что совершенно несправедливо, называть этимъ именемъ всякаго занимающаго или желающаго занять платное мѣсто въ земскомъ управленіи,—приходились и приходятся десятки лицъ, не только ничего не получающихъ отъ земства, но расходующихъ на земское дѣло свои собственныя средства. Неоцѣнима масса труда, вносимаго, такимъ образомъ, въ сферу общественной жизни—неоцѣнима не только въ буквальномъ, но и въ переносномъ смыслѣ. Рядомъ съ традиціоннымъ служеніемъ самому себѣ и „своимъ" становится служеніе болѣе или менѣе обширному цѣлому, раздвигающее умственный кругозоръ, возвышающее надъ мелкими будничными заботами, ведущее къ сознанію солидарности съ обществомъ и народомъ. И этотъ духъ охватилъ собою не одни только земскія собранія; онъ проникъ въ гораздо болѣе обширныя сферы, наложивъ своеобразную печать на главныя изъ числа земскихъ предпріятій. Не случайно выработался именно въ земствѣ типъ врача сердечно преданнаго дѣлу, мало думающаго о своихъ личныхъ выгодахъ, готоваго работать при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ—не случайно потому, что только здѣсь онъ могъ найти для себя благопріятную почву. Земскій врачъ достигъ того, что еще такъ недавно казалось немыслимымъ: онъ внушилъ народу довѣріе къ больницѣ и къ правильному леченію. Существуетъ мнѣніе, что земству, не стѣсненному штатами, легче было поднять вознагражденіе врачамъ, а слѣдовательно и пріискать хорошій врачебный персоналъ. Это—не только явная несправедливость, но и явная ошибка. Жалованье земскаго врача и теперь, въ большинствѣ случаевъ, не превышаетъ 1.200 руб., а иногда не доходитъ и до этой суммы; 20—25 лѣтъ тому назадъ средній уровень его былъ еще ниже. Въ такомъ вознагражденіи не было и нѣтъ, очевидно, ничего заманчиваго. Если земству удалось пріобрѣсти контингентъ врачей, оказавшійся на высотѣ своей задачи, то это слѣдуетъ приписать исключительно характеру земской дѣятельности, близкой къ народу, чуждой формализма, допускающей большую свободу въ выборѣ путей и пріемовъ. Земству обязанъ своимъ происхожденіемъ и другой типъ, не менѣе симпатичный — типъ учителя, беззавѣтно посвящающаго себя скромному, однообразному и, повидимому, неблагодарному труду начальнаго обученія народа. Здѣсь о матеріальной приманкѣ не можетъ уже быть и рѣчи; содержаніе земскихъ учителей, въ первое время существованія земской школы по истинѣ нищенское, остается до сихъ поръ весьма небольшимъ, лишенія имъ приходится терпѣть на каждомъ шагу, впереди ихъ не всегда ожидаетъ даже скудная пенсія. И здѣсь нужна была, особенно въ началѣ, значительная доля самоотверженія и энтузіазма,

чтобы подвинуть впередъ издавна стоявшее на одномъ мѣстѣ; и здѣсь въ короткое время удалось поколебать равнодушіе и косность народной массы. Если крестьяне почувствовали и поняли значеніе образованія, если крестьянскія дѣти, которыхъ въ до-реформенную школу нужно было загонять силой, теперь толпами идутъ учиться, то это—всецѣло заслуга земской школы, въ нѣсколько десятилѣтій наверставшей упущенное вѣками.

Что же заставило людей различныхъ профессій, состояній, общественныхъ положеній отказаться отъ излюбленнаго русскаго девиза: „моя хата съ краю, ничего не знаю!"—и соединиться, часто въ ущербъ самимъ себѣ, въ одной общей работѣ? Что заставляетъ ихъ до сихъ поръ, несмотря на значительно худшія условія, на множество неоправдавшихся надеждъ, продолжать, изъ года въ годъ, однажды начатое дѣло, раздвигая его въ ширину и глубину и никогда не успокоиваясь на достигнутыхъ результатахъ? Очевидно—не что иное, какъ сравнительная самостоятельность земской дѣятельности. Земство, даже при дѣйствіи положенія 1890-го г., обладаетъ извѣстной иниціативой и извѣстной властью. Ему нѣтъ надобности ожидать чужихъ приказаній или указаній; отъ него, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, зависитъ и постановка, и разрѣшеніе цѣлой серіи жизненныхъ вопросовъ; исполненіе задуманнаго возлагается имъ на выбранныхъ имъ самимъ довѣренныхъ лицъ; на немъ лежитъ нравственная отвѣтственность за все имъ сдѣланное и—по собственной его винѣ—несдѣланное. Отсюда, съ одной стороны, сознаніе долга передъ населеніемъ, съ другой—сознаніе возможности исполнить хотя бы часть этого долга. Пускай исчезнетъ то или другое—и отъ всего живого и плодотворнаго, вносимаго земствомъ въ русскую дѣйствительность, не останется и слѣда. Множество силъ опять будетъ пропадать понапрасну; предпріимчивость, въ сферахъ, ближайшихъ къ народнымъ массамъ, опять уступитъ мѣсто инерціи. Не замѣнитъ земской дѣятельности случайное обращеніе къ тѣмъ или другимъ, сверху намѣченнымъ „свѣдущимъ людямъ", „мнѣнія" которыхъ могутъ быть приняты во вниманіе, но могутъ быть и преданы забвенію въ министерскихъ канцеляріяхъ; не замѣнитъ ея включеніе въ составъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій нѣсколькихъ представителей населенія, съ совѣщательнымъ или хотя бы съ рѣшающимъ голосомъ. Если даже теперь выборнымъ отъ земства и городовъ, засѣдающимъ въ разныхъ „смѣшанныхъ" присутствіяхъ, рѣдко удается одержать верхъ, въ спорныхъ вопросахъ, надъ притязаніями администраціи, то нетрудно понять, какова была бы роль „представителей", никого, въ сущности, не представляющихъ и обязанныхъ своимъ мѣстомъ въ учрежденіи исключительно усмотрѣнію власти... Не достигло бы, наконецъ, упраздненіе само-

стоятельнаго земства и той политической цѣли, которую съ нимъ иногда связываютъ. Исторія первой половины шестидесятыхъ годовъ показываетъ съ достаточною ясностью, что распространеніе анти-правительственныхъ тенденцій возможно и при отсутствіи земства. При наличности извѣстныхъ условій, политическая жизнь внезапно пробуждается даже тамъ, гдѣ ея, повидимому, не было и въ поминѣ. Московское дворянское собраніе 1864 г. постановило свое извѣстное рѣшеніе тогда, когда еще нигдѣ не были введены въ дѣйствіе земскія учрежденія...

Если, благодаря земству, въ оборотъ русской жизни вошелъ богатый запасъ силъ, прежде остававшихся въ скрытомъ состояніи, то уже это одно должно устранить всякую мысль о замѣнѣ земства чиновничествомъ, хотя бы самымъ благоустроеннымъ и благонамѣреннымъ. Возможность такой замѣны мотивируется иногда удовлетворительными или даже блестящими результатами, которыхъ, въ послѣднее время, достигаетъ государство въ разныхъ отрасляхъ хозяйства, еще недавно считавшихся законнымъ достояніемъ частной предпріимчивости. Изъ того, что желѣзныя дороги эксплуатируются казною не хуже или даже лучше, чѣмъ акціонерными обществами, выводится заключеніе, что не хуже или лучше земствъ могли бы хозяйничать на мѣстахъ агенты администраціи. Тотъ же выводъ дѣлается изъ успѣха винной монополіи, т.-е. казенной продажи вина. На самомъ дѣлѣ аналогіи между сравниваемыми категоріями явленій нѣтъ никакой. Частныя желѣзнодорожныя общества, частные продавцы вина заботились, прежде всего, о своей собственной выгодѣ, регулируя ею и общее направленіе своей дѣятельности, и отдѣльные ея пріемы; казенное управленіе ставитъ или, по меньшей мѣрѣ, можетъ ставить на первый планъ интересы государства, и притомъ не одни только фискальные, но и другіе, неразрывно связанные съ народнымъ благомъ. Между государствомъ и земствомъ нѣтъ, съ этой точки зрѣнія, никакой разницы: послѣднее, какъ и первое, имѣетъ въ виду не выгоды отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, а выгоды цѣлаго, т.-е. общую пользу. Съ другой стороны, въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, какъ и въ казенной продажѣ вина, инціатива принадлежитъ всецѣло высшему управленію; отъ подчиненныхъ требуется только точное и добросовѣстное исполненіе данныхъ имъ инструкцій и приказаній. Въ земскомъ хозяйствѣ инціатива, наоборотъ, идетъ снизу; творческую роль играютъ здѣсь мѣстные союзы, нуждающіеся только въ прямо выраженномъ или безмолвномъ согласіи высшей власти. Такую роль нельзя было бы предоставить административнымъ агентамъ, какъ бы они ни были искусны и свѣдущи — а еслибы она и была имъ предоставлена, она пришлась бы имъ не по силамъ. Чтобы взять на себя

починъ работы, спеціально разсчитанной на данную мѣстность, недостаточно знанія мѣстныхъ условій—знанія, которымъ, въ лучшемъ случаѣ, могутъ обладать и пришлые чиновники; нужно принимать къ сердцу интересы мѣстнаго населенія, нужно быть къ нему близкимъ и чувствовать себя съ нимъ солидарнымъ. Представимъ себѣ, что тридцать пять лѣтъ тому назадъ, вмѣсто земской реформы, состоялось бы такое преобразованіе мѣстной администраціи, которое отдало бы завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ въ руки хорошо организованныхъ и хорошо дисциплинированныхъ бюрократическихъ учрежденій; каковы были бы, въ лучшемъ случаѣ, результаты ихъ работы? Быть можетъ, на лицо имѣлось бы нѣсколько больше благоустроенныхъ путей сообщенія, нѣсколько полнѣе были бы запасные хлѣбные магазины; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не было бы ни сѣти школъ, положившей конецъ поголовной безграмотности народныхъ массъ, ни арміи врачей, создавшей народную медицину, ни статистики, основанной на личныхъ наблюденіяхъ и проникающей въ глубину народной жизни, ни заботъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, положившихъ конецъ его вѣковому застою, ни массы полезныхъ указаній, заключающихся въ земскихъ ходатайствахъ, ни, наконецъ,—last not least—того подъема общественныхъ силъ и общественнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ видѣть главную заслугу русскаго земства.

Устои земской жизни, созданные первымъ земскимъ положеніемъ и лишь отчасти поколебленные преобразованіемъ 1890-го года, могутъ быть опрокинуты не только однимъ рѣшительнымъ ударомъ, но и совокупностью мѣръ, не угрожающихъ, прямо и открыто, самому существованію земства. Сюда относятся, напримѣръ, образованіе на мѣстахъ такихъ административныхъ органовъ, которые бы конкуррировали съ земствомъ, т.-е. вѣдали бы тѣ же самыя отрасли хозяйственнаго управленія. Дѣйствуя рядомъ съ земствомъ и по необходимости сталкиваясь съ нимъ, административныя учрежденія неизбѣжно стремились бы къ ограниченію его компетенціи и его полномочій—и побѣжденнымъ въ неравной борьбѣ рано или поздно оказалось бы земство. Къ тому же результату привело бы изданіе цѣлаго ряда положеній или уставовъ, которые—по образцу не введеннаго въ дѣйствіе, но и не отмѣненнаго устава лечебныхъ заведеній (10 іюня 1893 г.)—регламентировали бы каждый шагъ земства, съуживали бы кругъ его дѣйствій и низвели бы его къ несвойственной ему роли исполнителя чужихъ распоряженій. Скажемъ болѣе: чтобы подорвать земство, достаточно было бы закрыть для него одну изъ тѣхъ областей, въ которыхъ оно до сихъ поръ работало съ особенной любовью и съ наибольшимъ успѣхомъ. Такова, напримѣръ, область народнаго образованія. Чѣмъ бы ни было мотивировано

изъятіе ея изъ вѣденія земскихъ учрежденій, потеря для послѣднихъ оказалась бы невознаградимой и незамѣнимой. Ходатайствуя о сложеніи съ земства нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, земскія собранія почти всегда имѣли въ виду не что иное, какъ увеличеніе своихъ затратъ на начальныя школы. Совершенное освобожденіе ихъ отъ этихъ затратъ, т.-е. прекращеніе земской дѣятельности на пользу народнаго образованія, было бы встрѣчено не какъ облегченіе, не какъ льгота, а какъ смертный приговоръ надъ земствомъ, произнесенный именно въ то время, когда въ земскихъ сферахъ почти повсемѣстно кипитъ работа надъ вопросомъ о введеніи всеобщаго начальнаго обученія. Сразу понизилась бы притягательная сила земскихъ учрежденій, сразу порѣдѣли бы ряды земскихъ дѣятелей, видящихъ въ земствѣ прогрессивный элементъ русской жизни.

Стоять за земство, вѣрить въ его будущность, не значитъ еще закрывать глаза на его недостатки, прошедшіе и настоящіе. Ихъ не отрицаютъ и самые убѣжденные защитники земства, возражая только противъ тенденціознаго ихъ преувеличенія и стараясь раскрыть ихъ общія причины, далеко не всегда зависящія отъ самого земства. Улучшеніе состава земскихъ собраній (т.-е. измѣненіе земской избирательной системы и избирательныхъ порядковъ), расширеніе круга дѣйствій земскихъ учрежденій, уменьшеніе административнаго вмѣшательства въ дѣятельность земства, хотя бы и съ усиленіемъ административнаго надъ нею контроля—вотъ что нужно для успѣшнаго исполненія задачи, поставленной земскимъ положеніемъ 1864-го года. Весьма важнымъ было бы и распространеніе земскихъ учрежденій, безъ существенныхъ отступленій отъ общаго ихъ строя, на всѣ губерніи и области, гдѣ они до сихъ поръ не введены, за исключеніемъ развѣ самыхъ пустынныхъ и самыхъ не-культурныхъ. Это было бы окончательнымъ признаніемъ за земствомъ права на существованіе, окончательнымъ залогомъ его прочности, а слѣдовательно и дальнѣйшаго его развитія. Пока вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на окраинахъ имперіи не былъ поднятъ въ высшихъ административныхъ сферахъ, можно было думать, что для возбужденія его ожидается только удобная минута; но теперь, когда онъ поставленъ на очередь, остановка въ его движеніи была бы признакомъ весьма тревожнымъ...

Свидѣтелей эпохи великихъ реформъ осталось теперь уже немного, и они далеко не всѣ хранятъ вѣрность ея завѣтамъ; но для тѣхъ изъ нихъ, кому памятно и дорого тогдашнее настроеніе, кто, „надѣясь вопреки надеждѣ", ожидалъ и ожидаетъ со дня на день возобновленія прерванной работы, по-истинѣ мучительною является мысль о возможности упраздненія или искаженія одного изъ лучшихъ созданій императора Александра II-го. Потерявъ самостоятельное земство,

Россіи оставалось бы только потерять независимый судъ, чтобы вернуться къ до-реформенному времени, со всѣми его тяжелыми и опасными сторонами. Не возвратилось бы, правда, крѣпостное право; но, говоря словами поэта, „на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ, люди придумали много иныхъ"—и ничѣмъ не уравновѣшивалось бы тогда тяготѣніе этихъ цѣпей надъ русскою жизнью.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1899.

Вопросъ о международной „конференціи мира".—Правительственное сообщеніе о циркулярной нотѣ 30 декабря.—Возможныя разногласія въ пониманіи и оцѣнкѣ отдѣльныхъ пунктовъ предложенной программы.—Сочувственные отзывы иностранной печати.—Политическія дѣла во Франціи и Англіи.—Оффиціальное сообщеніе о волненіяхъ въ Македоніи.

Приведенныя нами въ прошломъ обозрѣніи свѣдѣнія иностранныхъ газетъ о предстоящемъ, будто бы, въ Петербургѣ открытіи международной конференціи по вопросу о разоруженіи оказались неточными; конференція соберется въ одномъ изъ второстепенныхъ нейтральныхъ городовъ Европы, при участіи особыхъ уполномоченныхъ, и до ея созванія должна еще быть установлена точная программа ея занятій, для предупрежденія возможныхъ споровъ и недоразумѣній. На необходимость такой программы указывалъ прежде всего лондонскій кабинетъ, въ отвѣтной нотѣ 24 (12) октября 1898 года; лордъ Сольсбери выражалъ надежду, что предложеніе русскаго правительства будетъ сопровождаться „нѣкоторыми указаніями спеціальныхъ пунктовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію конференціи", такъ какъ эти указанія послужатъ Англіи руководствомъ при выборѣ подготовленныхъ къ дѣлу британскихъ делегатовъ. Программа нужна была уже потому, что безъ нея обсужденіе поднятаго вопроса приняло бы слишкомъ неопредѣленный и общій характеръ и могло бы легко затронуть разныя щекотливыя стороны современнаго политическаго положенія. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ пошло на встрѣчу естественнымъ ожиданіямъ, высказывавшимся съ различныхъ сторонъ, и сдѣлало дальнѣйшій шагъ въ опредѣленіи и выясненіи предпринятой задачи, какъ видно изъ слѣдующаго оффиціальнаго сообщенія, обнародованнаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", отъ 12 января:

„Циркулярное сообщеніе Императорскаго правительства, отъ 12-го августа минувшаго года, касательно созванія международной конференціи, въ цѣляхъ изысканія наилучшихъ способовъ къ упроченію всеобщаго мира, было принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ иностранными государствами, изъявившими готовность оказать полное содѣйствіе къ осуществленію великой задачи, намѣченной нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ.

„Вслѣдствіе сего, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, 30-го декабря минувшаго года, министромъ иностранныхъ дѣлъ передано было пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представителямъ новое сообщеніе, въ коемъ заключаются:

„1) Запросъ о томъ, признаютъ ли иностранныя правительства настоящую политическую минуту своевременною для созванія проектируемой конференціи?

„2) Краткій перечень спеціальныхъ вопросовъ и предположеній общаго характера, которыя могли бы быть между прочимъ включены въ программу будущихъ занятій конференціи,—и

„3) Соображенія, въ силу коихъ казалось бы неудобнымъ, чтобы мѣстомъ созванія конференціи была одна изъ столицъ Великихъ Державъ.

„Изъ нижепечатаемаго циркулярнаго сообщенія 30-го декабря 1898 г. явствуетъ, что Императорское Правительство отнюдь не имѣло намѣренія предложить въ окончательной формѣ программу предстоящихъ работъ конференціи.

„Полагая, что забота о полномъ и всестороннемъ освѣщеніи поставленной задачи будетъ лежать на всѣхъ участникахъ конференціи, Императорское Правительство считало лишь необходимымъ предварительно намѣтить нѣкоторые вопросы, кои слѣдовало бы принять въ соображеніе при установленіи сообща подробной программы конференціи; при чемъ вопросы чисто техническаго характера, очевидно, должны бы быть разработаны впослѣдствіи при содѣйствіи спеціалистовъ, приглашенныхъ къ участію въ трудахъ конференціи.

„Полная свобода въ изысканіи и обсужденіи средствъ, кои могли бы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ споспѣшествовать прекращенію чрезмѣрныхъ вооруженій, облегчая разрѣшеніе этихъ сложныхъ вопросовъ, можетъ только содѣйствовать общему соглашенію Державъ, а слѣдовательно и практическому осуществленію великодушныхъ намѣреній Государя Императора".

„Циркулярное сообщеніе министра иностранныхъ дѣлъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ представителямъ иностранныхъ государствъ, отъ 30-го декабря 1898 года:

„Въ августѣ минувшаго года Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ обратиться къ правительствамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ С.-Петербургѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи, для изысканія тѣхъ средствъ, которыя могли бы наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечить всѣмъ народамъ блага дѣйствительнаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій; въ то время обстоятельства, казалось, вполнѣ благопріятствовали осуществленію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ означенной человѣколюбивой задачи.

„Отзывчивое отношеніе почти всѣхъ государствъ къ предложенію Россіи, казалось, оправдывало наши ожиданія. Высоко цѣня сочувственныя заявленія, въ коихъ почти всѣ иностранныя государства выразили согласіе на таковое предложеніе, Императорское Правительство въ то же время съ полнымъ удовольствіемъ приняло полученныя уже имъ и продолжающія поступать засвидѣтельствованія самаго го-

рячаго участія со стороны всѣхъ слоевъ общества въ разныхъ частяхъ свѣта.

„Несмотря, однако, на проявившееся стремленіе общественнаго мнѣнія въ пользу всеобщаго умиротворенія, политическое положеніе значительно измѣнилось въ послѣднее время. Многія государства приступили къ новымъ вооруженіямъ, стараясь въ еще большей мѣрѣ развить свои военныя силы. Естественно, что, при столь неопредѣленномъ порядкѣ вещей, нельзя было не задаться вопросомъ о томъ, считаютъ ли державы настоящую политическую минуту удобною для обсужденія международнымъ путемъ тѣхъ началъ, кои изложены были въ циркулярѣ отъ 12-го августа 1898 года.

„Не теряя надежды, что существующія въ политическихъ сферахъ разногласія улягутся и уступятъ мѣсто болѣе спокойному настроенію, способному облегчить успѣхъ предположенной конференціи, Императорское Правительство, съ своей стороны, полагаетъ, что теперь же представлялось бы возможнымъ приступить къ предварительному обмѣну мыслей между державами, съ цѣлью:

а) безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію сухопутныхъ и морскихъ вооруженій, при чемъ разрѣшеніе вопроса этого представляется все болѣе и болѣе настоятельнымъ, въ виду происшедшаго за послѣднее время усиленія боевыхъ средствъ;

б) подготовить почву для обсужденія вопросовъ, касающихся возможнаго предупрежденія вооруженныхъ столкновеній мирными средствами, коими можетъ располагать международная дипломатія.

„Въ случаѣ, если бы державы признали настоящую минуту благопріятною для созыва конференціи на указанныхъ основаніяхъ, представлялось бы несомнѣнно полезнымъ установить между правительствами соглашеніе относительно программы будущихъ занятій конференціи.

„Основаніемъ для международнаго обсужденія на засѣданіяхъ конференціи могли бы въ общихъ чертахъ послужить слѣдующія положенія:

„1) Соглашеніе, опредѣляющее на извѣстный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности; предварительное изученіе средствъ, при помощи коихъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже сокращеніе означенныхъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ.

„2) Запрещеніе вводить въ употребленіе въ арміяхъ и во флотѣ какое бы то ни было новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества, а также порохъ, болѣе сильно дѣйствующій принятаго въ настоящее время какъ для ружейныхъ, такъ и для орудійныхъ снарядовъ.

„3) Ограниченіе употребленія въ полевой войнѣ разрушительныхъ взрывчатыхъ составовъ, уже существующихъ, а также запрещеніе пользоваться метательными снарядами съ воздушныхъ шаровъ или инымъ подобнымъ способомъ.

„4) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки или иныя орудія разрушенія того же свойства; обязательство не строить въ будущемъ военныхъ судовъ съ таранами.

„5) Примѣненіе къ морскимъ войнамъ постановленій Женевской конвенціи 1864 года на основаніи дополнительныхъ къ ней постановленій 1868 года.

„6) Признаніе на такихъ же основаніяхъ нейтральности судовъ и шлюпокъ, коимъ будетъ поручаемо спасаніе утопающихъ во время или послѣ морскихъ сраженій.

„7) Пересмотръ декларации о законахъ и обычаяхъ войны, выработанной въ 1874 году на конференціи въ Брюсселѣ и до сего времени не ратификованной.

„8) Принятіе начала примѣненія добрыхъ услугъ, посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній; соглашеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе однообразной практики въ ихъ употребленіи.

„Само собою разумѣется, что всѣ вопросы, касающіеся политическихъ соотношеній государствъ и существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей, какъ и вообще всѣ вопросы, кои не будутъ непосредственно входить въ принятую кабинетами программу, будутъ подлежать безусловному исключенію изъ предметовъ обсужденія конференціи.

„Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою исходатайствовать по содержанію настоящаго моего сообщенія указанія вашего правительства, я въ то же время просилъ бы васъ довести до свѣдѣнія послѣдняго, что для пользы великаго дѣла, которое такъ близко сердцу моего Августѣйшаго Государя, Его Императорское Величество полагалъ бы желательнымъ не избирать мѣстомъ собранія конференціи столицу одной изъ Великихъ Державъ, гдѣ скрещиваются многосложные политическіе интересы, которые могли бы имѣть вліяніе на ходъ дѣла, въ одинаковой степени важнаго для всѣхъ странъ міра".

Въ этомъ дипломатическомъ документѣ обращаетъ на себя вниманіе указаніе на неблагопріятныя политическія условія настоящаго времени, на усилившіяся международныя разногласія и вооруженія, находящіяся въ явномъ противорѣчіи съ выраженнымъ повсюду громкимъ и единодушнымъ сочувствіемъ русскому проекту всеобщаго умиротворенія. Всегдашніе поборники міра, англичане и американцы, прониклись воинственнымъ завоевательнымъ духомъ; Соединенные Штаты силою расправились съ Испаніею и захватили ея главнѣйшія колоніальныя владѣнія; Англія вооружалась противъ Франціи и грозила ей разрывомъ изъ-за Фашоды; Германія вновь увеличиваетъ свои военныя силы, повидимому, безъ опредѣленныхъ политическихъ побужденій и цѣлей. Чувства національной вражды и нетерпимости разгорѣлись до крайности въ Австро-Венгріи, возродились во Франціи и въ другихъ странахъ, подготовляя почву для тревожныхъ столкновеній и порывовъ, а не для торжества идеи мира. Наша дипломатія надѣется, что „существующія въ политическихъ сферахъ

разногласія улягутся и уступятъ мѣсто болѣе спокойному настроенію, способному облегчить успѣхъ предположенной конференціи". Но съ устраненіемъ возникшихъ споровъ не измѣняется, однако, порождающая ихъ атмосфера соперничества, взаимнаго недовѣрія и непріязни; эти печальныя особенности внѣшней политики государствъ даютъ себя знать и при самомъ мирномъ настроеніи народовъ. Каждое правительство будетъ взвѣшивать выгоды или неудобства предполагаемыхъ соглашеній съ точки зрѣнія своихъ особыхъ политическихъ интересовъ, и въ результатѣ можетъ случиться, что наиболѣе существенные пункты програмы встрѣтятъ возраженія именно тамъ, гдѣ всего менѣе стремятся къ войнѣ. Держава, успѣвшая въ данный моментъ довести численность своей арміи до максимальной цифры, какъ, напр., Германія, будетъ очень довольна, если другія государства примутъ на себя обязательство воздерживаться отъ увеличенія своихъ вооруженныхъ силъ въ теченіе извѣстнаго срока; но согласіе Берлина на военное status quo едва ли способно успокоить тѣ страны, которыя почему-либо отстали отъ нѣмцевъ въ дѣлѣ вооруженій. Точно такъ же Англія ничего не имѣла бы противъ рѣшенія отказаться отъ коварныхъ миноносокъ и отъ постройки военныхъ судовъ съ таранами, ибо подводныя миноносныя лодки составляютъ опаснѣйшее орудіе борьбы въ рукахъ слабыхъ морскихъ державъ противъ сильныхъ, а что касается военныхъ судовъ съ таранами, то ихъ во всякомъ случаѣ больше въ британскомъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ флотахъ; слѣдовательно, всѣ преимущества были бы на сторонѣ Англіи. Любопытно, что мысль о подводныхъ лодкахъ для борьбы съ могучими англійскими броненосцами пріобрѣла большую популярность во Франціи именно въ послѣднее время, подъ вліяніемъ недавнихъ британскихъ угрозъ; между прочимъ, парижская газета „Matin" устроила даже всенародную подписку на сооруженіе разрушительнаго подводнаго судна, по образцу „Gustave Lédé", съ которымъ дѣлались удачные опыты между Тулономъ и Марселью. Лодка отлично плавала подъ водою и выпускала свои мины, показываясь на поверхности только урывками, такъ что съ наблюдавшаго за нею броненосца невозможно было услѣдить за ея движеніями; эти суда новѣйшаго типа, снабженныя всѣми усовершенствованіями техники, дѣйствуютъ во тьмѣ, хотя и пользуются электричествомъ; они невидимы и неуловимы для врага, которому грозятъ своими убійственными снарядами. Публичная подписка на постройку новой подводной лодки „Le Français" имѣла значеніе патріотической демонстраціи, направленной противъ англичанъ; это былъ отвѣтъ на несомнѣнныя заявленія англійскихъ шовинистовъ о возможности скорой расправы съ Франціею въ виду огромнаго численнаго превосходства британскаго флота надъ фран-

цузскимъ. Имѣть дѣло съ подводными миноносками и иными-истребительными орудіями того же свойства было бы въ высшей степени нежелательно для Англіи; колоссальные ея броненосцы потеряли бы значительную долю своего обаянія, еслибы они должны были ежеминутно опасаться какихъ-то невидимыхъ непріятелей, сознательно направляющихъ свои роковые удары. Лондонская печать не скрывала своего раздраженія по поводу французскихъ толковъ о „Gustave Lédé" и о другихъ судахъ того же типа; „Times" счелъ нужнымъ напомнить, что такая же подводная лодка была сооружена еще въ 1888 году въ Испаніи и возбудила тамъ восторженныя патріотическія надежды, которыя, однако, не оправдались на дѣлѣ. Разумѣется, ссылка на Испанію нисколько еще не доказываетъ, что средство, оставленное безъ примѣненія испанцами, окажется столь же невиннымъ и безплоднымъ въ рукахъ французовъ. Противники британскихъ притязаній на всесвѣтное морское владычество—и въ томъ числѣ французы — предпочтутъ, конечно, чтобы подводныя военныя дѣйствія съ миноносками не были запрещены ради гуманныхъ цѣлей, пока дозволены морскія войны вообще, съ ихъ жестокими пріемами и послѣдствіями. Что можетъ быть ужаснѣе знаменитой американской побѣды надъ эскадрою Серверы у Сантъ-Яго-де-Куба? Это было простое, безчеловѣчное истребленіе почти безоружнаго, едва защищавшагося непріятеля, заранѣе осужденнаго на гибель,—холодное систематическое избіеніе по всѣмъ правиламъ военной науки; корабли съ находившимися на нихъ людьми были охвачены пламенемъ или безнадежно погружались въ воду, и очень немногимъ удалось спастись. Еслибы испанцы имѣли въ своемъ распоряженіи подводныя миноносныя лодки и успѣли при ихъ помощи избавиться отъ преслѣдованія со стороны могучихъ американскихъ броненосцевъ, то можно ли было бы сказать что-нибудь противъ этого способа необходимой обороны? Съ точки зрѣнія существующей военной практики, американцы дѣйствовали правильно, истребляя испанцевъ съ ихъ неудачнымъ флотомъ; но страшное дѣло истребленія не измѣняется отъ того, что оно произведено большими броненосцами, а не малыми, скрытыми подъ водою. Подводныя лодки, быть можетъ, причинили бы вредъ побѣдителямъ и помѣшали бы имъ такъ скоро и легко уничтожить непріятельскій флотъ; но облегченіе побѣды для болѣе сильныхъ и богатыхъ державъ было бы прямымъ поощреніемъ военной предпріимчивости, которую именно и требуется ограничить.

Противоположность интересовъ между могущественными военными государствами, склонными къ наступленію, и слабыми, стремящимися къ оборонѣ, обнаружится сама собою на будущей конференціи и несомнѣнно повліяетъ на ходъ ея занятій; эта противоположность, какъ

извѣстно, выступила довольно рѣзко на брюссельскомъ конгрессѣ 1874 года, созванномъ также по почину Россіи для смягченія ужасовъ войны, и выработанная тогда декларація не удостоилась утвержденія со стороны державъ. Прусскіе уполномоченные домогались тогда признанія законности одной лишь регулярной войны и безусловнаго осужденія партизанскихъ дѣйствій, столь пагубныхъ и разорительныхъ для побѣдоносной арміи при занятіи ею чужой территоріи; представители побѣжденной Франціи и менѣе сильныхъ странъ стояли за свободную организацію добровольческихъ отрядовъ и вообще за широкое право національной защиты. Можно опасаться, что то же самое повторится въ той или другой формѣ и на предстоящей конференціи мира. Къ этому присоединится еще естественный антагонизмъ интересовъ между державами морскими и сухопутными. Не трудно предвидѣть заранѣе, что Англія окажетъ противодѣйствіе всякимъ попыткамъ примѣнить къ морской войнѣ ограничительныя правила, стѣсняющія въ чемъ-либо пользованіе превосходствомъ силы въ открытомъ морѣ. Наконецъ, идея посредничества и третейскаго суда, одобряемая всѣми въ принципѣ, безсильна на практикѣ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость предотвратить дѣйствительную опасность войны. Согласіе на посредничество въ возникшемъ спорѣ есть уже доказательство того, что спорящіе не думали серьезно воевать; обѣ стороны идутъ добровольно на уступки и сдѣлки, когда съ самаго начала не имѣли въ виду прибѣгнуть къ оружію; военныя угрозы представляютъ часто лишь политическій пріемъ, съ цѣлью побудить противниковъ къ отступленію, какъ это мы видѣли еще недавно въ англо-французскомъ конфликтѣ изъ-за Фашоды. Эта рискованная игра обыкновенно кончается мирно, даже безъ посредничества и третейскаго суда, если ни одна изъ сторонъ не желаетъ войны. Нельзя было предполагать, что Англія дѣйствительно рѣшилась предпринять борьбу съ Франціею, и отсутствіе такого рѣшенія наглядно выразилось въ переговорахъ, приведенныхъ къ мирной развязкѣ. Соединенные Штаты желали покончить съ Испаніею—и покончили, и мысль о посредничествѣ или третейскомъ судѣ категорически отвергалась американскимъ правительствомъ, рѣшившимся воевать изъ-за Кубы, несмотря на давнишнее принципіальное сочувствіе американцевъ къ идеѣ международнаго арбитража. Между тѣмъ предупреждать войну надо тогда, когда у какой-нибудь державы существуетъ рѣшимость употребить военную силу для разрѣшенія международнаго спора, т.-е., когда война въ самомъ дѣлѣ грозитъ какому-либо народу.

Нечего и говорить, что указанныя нами затрудненія и разногласія, могущія возникнуть на конференціи, не умаляютъ великой цѣли, на-

мѣченной въ нотахъ 12 августа и 30 августа. Всѣ правительства и народы отнеслись съ полною симпатіею къ русской инищіативѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и послѣднее правительственное сообщеніе. Англичане не только не отставали отъ другихъ, но даже шли впереди французовъ въ выраженіи своихъ восторженныхъ чувствъ. „Что эта симпатія не ограничивается правительствомъ, — писалъ лордъ Сольсбери въ депешѣ 24 (12) октября, — а раздѣляется народнымъ мнѣніемъ страны,—это краснорѣчиво доказываютъ весьма многочисленныя резолюціи, принятыя на публичныхъ митингахъ и въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ Соединеннаго королевства. Дѣйствительно, существуетъ мало націй, которыя, и по внушеніямъ чувства, и по интересамъ, были бы болѣе проникнуты потребностью сохраненія общаго мира, чѣмъ Великобританія. Къ несчастью, въ то время какъ желаніе сохранить миръ высказывается повсюду и побуждаетъ великія державы предпринимать серьезныя усилія для этой цѣли, почти каждая нація обнаруживаетъ постоянное стремленіе увеличивать свои вооруженныя силы и прибавлять все новыя затраты къ огромнымъ расходамъ на военныя надобности. Усовершенствованіе орудій войны, ихъ непомѣрная стоимость и страшное кровопролитіе и опустошеніе въ случаѣ примѣненія ихъ къ дѣлу, несомнѣнно, способствовали воздержанію отъ военныхъ столкновеній. Но бремя, налагаемое этимъ на населеніе разныхъ странъ, должно вызывать чувство тревоги и неудовольствія, угрожающее одинаково и внутреннему, и внѣшнему спокойствію. Правительство ея величества охотно приметъ участіе въ предположенной попыткѣ исцѣленія этого зла". Британскій премьеръ заявилъ въ заключеніе, что общая признательность всего міра будетъ наградою за починъ въ этомъ дѣлѣ, если достигнется успѣхъ въ какой бы то ни было степени. Въ томъ же духѣ выражались и руководящіе органы англійской печати. Однако, многія иностранныя газеты—и прежде всего лондонскія, значительно перемѣнили тонъ по обнародованіи предварительной программы вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію будущей конференціи. Газета „Times", служащая вѣрнымъ отголоскомъ современнаго настроенія Англіи и ея правительства, находитъ уже (въ статьѣ отъ 17-го января), что весь планъ имѣетъ, будто бы, характеръ неосуществимой утопіи, и что такой выводъ раздѣляется всѣми обладающими пониманіемъ и опытностью въ дѣлахъ. Столь рѣшительное отреченіе газеты „Times" отъ взглядовъ, высказанныхъ въ октябрѣ прошлаго года лордомъ Сольсбери и раздѣляемыхъ, по его словамъ, всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи, имѣетъ вѣроятно свои мотивы; идея признана была благотворною, пока сохраняла форму отвлеченнаго пожеланія, и утратила какъ будто свою привлекательность, когда коснулась реальной,

практической почвы. Довольно сдержанно отзываются о русскомъ проектѣ и французскіе публицисты; оффиціозный „Temps“ ограничивается, напр., замѣчаніемъ, что „принятіе русскаго приглашенія нисколько не предполагаетъ присоединенія къ столь сложной программѣ“, предложенной русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и что изъ перечисленныхъ имъ пунктовъ предстоитъ еще сдѣлать выборъ. „Существенное заключается въ томъ,—говоритъ „Temps“,—чтобы не отступать отъ обязательной вѣжливости относительно Россіи и особенно не измѣнять гуманнымъ идеаламъ нашего собственнаго прошедшаго; въ этихъ предѣлахъ мы сохраняемъ за собою всю свою свободу дѣйствій, и можно разсчитывать, что мы сдѣлаемъ изъ нея хорошее употребленіе въ Брюсселѣ или Копенгагенѣ“. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Делькассé, дополнилъ эту мысль въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ, 23 января (нов. ст.): „Франція вполнѣ увѣрена,—сказалъ онъ между прочимъ,—что отъ нея не потребуютъ на предположенной конференціи ничего такого, что̀ способно было бы умалить ее въ настоящемъ или будущемъ“. Это неопредѣленное указаніе оставляетъ широкій просторъ для той свободы сужденій и дѣйствій, о которой упоминаетъ „Temps“.

Наши газеты давно уже перестали слѣдить за балканскими дѣлами, которыми съ такимъ увлеченіемъ интересовались когда-то; разныя подробности о событіяхъ въ Болгаріи и Сербіи доходятъ до насъ обыкновенно въ передачѣ иностранныхъ корреспондентовъ, особенно нѣмецкихъ и англійскихъ, придающихъ имъ свое спеціальное освѣщеніе. У насъ, напр., почти ничего не было извѣстно о причинахъ болгарскаго министерскаго кризиса, окончившагося отставкою Стоилова и образованіемъ кабинета Грекова-Радославова. У насъ не сообщалось также свѣдѣній о давнишнемъ политическомъ броженіи въ Македоніи, и только изъ „Правительственнаго Вѣстника“ (отъ 17 янв.) мы узнаемъ о готовившейся тамъ революціонной вспышкѣ. Приводимъ здѣсь это важное дипломатическое сообщеніе:

„За послѣднее время, изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ получаются свѣдѣнія о томъ, что къ веснѣ наступившаго года въ Македоніи готовится революціонное движеніе, главными руководителями котораго являются образовавшіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова македонскіе комитеты. Снаряжаемые этими комитетами уполномоченные агенты разъѣзжаютъ по городамъ и селамъ Македоніи, призывая народъ къ вооруженному возстанію, въ надеждѣ такимъ путемъ привести турецкое правительство къ необходимости даровать этой провинціи автономное самоуправленіе.

„Трудно вѣрить, чтобы означеннымъ эмиссарамъ удалось посѣять смуту среди мирнаго и трудолюбиваго населенія Македоніи; уроки прошлаго показали, что всѣ подобные комитеты, задающіеся, подъ предлогомъ сочувствія къ страждущимъ братьямъ, революціонными политическими планами, не достигая цѣли, навлекали лишь тяжкія бѣдствія на христіанскіе народы. Желаемое улучшеніе въ бытѣ и административномъ строѣ народностей Балканскаго полуострова можетъ быть достигнуто мирными средствами, а отнюдь не кровавыми внутренними потрясеніями, надолго задерживающими естественное ихъ развитіе и преуспѣяніе.

„Такова, въ настоящее время, точка зрѣнія всѣхъ европейскихъ державъ и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя, подобно Россіи, стремясь къ обезпеченію общаго мира, считаютъ необходимымъ сохраненіе порядка и спокойствія въ балканскихъ государствахъ.

„Есть полное основаніе надѣяться, что турецкое правительство, коему своевременно сдѣланы были дружескія представленія, приложитъ всѣ усилія къ постепенному введенію въ Македоніи отвѣчающихъ дѣйствительнымъ интересамъ населенія административныхъ и судебныхъ порядковъ.

„Еслибы, однако, не выжидая этихъ результатовъ и не взирая на предостереженія, политическіе агитаторы, подъ вліяніемъ своекорыстныхъ происковъ, успѣли вызвать смуту и революціонное движеніе въ Македоніи, то можно съ увѣренностью сказать, что движеніе это ни въ какомъ случаѣ не встрѣтитъ сочувственнаго отголоска ни въ Россіи, ни въ одномъ изъ другихъ европейскихъ государствъ".

Нельзя не отмѣтить здѣсь признаваемой нашимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ необходимости ввести давно обѣщанныя Портою реформы въ турецкихъ порядкахъ, или вѣрнѣе непорядкахъ, господствующихъ понынѣ въ Македоніи, какъ и въ Арменіи и въ другихъ турецкихъ земляхъ; эти традиціонные непорядки именно и создаютъ почву для неудовольствія и раздраженія, которое въ концѣ концовъ приводитъ къ кровавымъ освободительнымъ попыткамъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1899.

— Дѣло. Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣленіемъ Общества для усиленія средствъ Спб. Женскаго Медицинскаго Института. М. 1899.

Изъ разнообразныхъ общественныхъ предпріятій, возникшихъ съ „эпохою реформъ“, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ важныхъ и возбуждавшихъ справедливое сочувствіе было то, которымъ положено начало женскаго медицинскаго образованія. Мы называемъ это предпріятіе общественнымъ, потому что хотя потомъ женская медицинская школа получила извѣстное оффиціальное признаніе, но вся нравственная и фактическая иниціатива этого дѣла принадлежала обществу. Когда еще не было возможности пріобрѣтать дома медицинскаго знанія и дипломы, свидѣтельствующіе о правоспособности къ медицинской практикѣ, женщины отправлялись за границу и тамъ проходили правильные курсы. Когда медицинское обученіе женщинъ началось въ Петербургѣ и черезъ десять лѣтъ существованія курсы были закрыты, опять общественная иниціатива продолжалась собираніемъ средствъ для будущаго болѣе прочнаго основанія курсовъ— увѣренность въ этомъ будущемъ не упадала. Женщины-врачи, успѣвшія получить дипломы въ первое время „медицинскихъ курсовъ“, вступили потомъ на практическое поприще, и ихъ дѣятельность въ столицѣ, на частной практикѣ, въ качествѣ думскихъ врачей, въ провинціи, въ деревнѣ во время эпидемій, въ далекомъ Туркестанѣ или Закаспійской области среди азіатскихъ туземцевъ, наконецъ на войнѣ въ качествѣ врачей и сестеръ милосердія, эта дѣятельность вызвала столько сочувствія и иногда, быть можетъ, невольнаго признанія, которыя потомъ стали важнымъ аргументомъ въ пользу органическаго утвержденія женскаго медицинскаго дѣла и защитой его противъ тѣхъ, кто—по той или другой причинѣ—относился къ нему враж-

дебно. Съ новымъ основаніемъ Женскаго Медицинскаго Института въ Петербургѣ можно, кажется, считать дѣло прочно установленнымъ: съ этимъ сдѣлано великое пріобрѣтеніе для расширенія медицинской помощи, и пріобрѣтеніе нравственное, потому что общество видитъ плоды своихъ давнихъ, часто повидимому безуспѣшныхъ стремленій.

Но заботы еще не кончились: открытые курсы уже нуждаются въ расширеніи, потому что не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ; естественна была и другая мысль—что со временемъ необходимъ такой же институтъ и кромѣ Петербурга, напр. въ Москвѣ; но пока главная забота направлена на петербургскій институтъ. Этой цѣли желало послужить изданіемъ настоящаго сборника московское отдѣленіе Общества для усиленія средствъ петербургскаго Женскаго Медицинскаго Института. Московское отдѣленіе поручило редакцію этого сборника г-жѣ А. А. Веселовской, состоящей членомъ совѣта отдѣленія, и Алексѣю Н. Веселовскому, и на мысль объ этомъ изданіи отозвались многіе писатели и ученые. Сборникъ вышелъ весьма интересный.

Книга открывается „Матеріалами къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи“: это—частію оффиціальныя данныя о возникновеніи, ходѣ и закрытіи прежнихъ курсовъ и началѣ нынѣшняго института, частію свѣдѣнія о дѣятельности женщинъ-врачей и личныя воспоминанія автора, доктора Окуньковой-Гольдингеръ; и въ концѣ книги дополненія къ этой статьѣ. Нѣсколько замѣтокъ посвящено современному положенію вопроса о женскомъ образованіи.

Затѣмъ, въ сборникѣ принялъ участіе цѣлый рядъ беллетристовъ и поэтовъ. Мы находимъ здѣсь стихотворенія г-жи Чюминой, Давыдовой, Лохвицкой, Щепкиной-Куперникъ, гг. Бердяева, Р. Брандта, А. М. Жемчужникова, Головачевскаго, переводы изъ армянскихъ поэтовъ Ю. Веселовскаго; нѣсколько разсказовъ гг. Боборыкина, В. І. Дмитріевой, г. Баранцевича, г-жи Шабельской, гг. Ардова, Гарина, Гославскаго, Сѣрошевскаго, Мамина-Сибиряка, г-жи Крестовской; переводы изъ Артура Шницлера и Матильды Серао.

Статьи научныя и критическія доставили: К. К. Арсеньевъ—„Три новыхъ французскихъ романа“, г-жа Манассеина—„Замѣна одного мозгового полушарія другимъ“, М. М. Ковалевскій—„Монтескьё и подготовительныя работы къ Духу Законовъ“, Ив. Ивановъ—„Факты безъ философіи“, А. Погожевъ—„Институтъ фабричныхъ инспектрисъ“, В. Д. Спасовичъ—„Новый опытъ критической оцѣнки Гёте въ книгѣ Эд. Рода“, Ѳ. Ѳ. Эрисманъ—„Совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ по отзывамъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ профессоровъ“, г-жа Андреева—„Ибсенъ и его драма: Врагъ народа“, В. И. Герье—„Объ общественномъ призваніи женщинъ“, Вс. Ѳ. Миллеръ—„Сказки Веталы (изъ области восточнаго фольклора)“, В. А. Гольцевъ—„Я. П.

Полонскій какъ поэтъ", Алексѣй Н. Веселовскій—„Очерки и наброски изъ старой и новой литературы: Муза и художникъ".

Наконецъ, какъ историко-литературный матеріалъ, въ сборникѣ помѣщены: нѣсколько писемъ Бѣлинскаго къ женѣ, изъ Парижа, въ 1847, и нѣсколько писемъ М. Е. Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому.

Таково разнообразное содержаніе сборника. Въ беллетристикѣ, отчасти пріуроченной или случайно совпадающей съ вопросомъ женскаго труда, которому посвящено изданіе, читатель найдетъ нѣсколько живыхъ и занимательныхъ разсказовъ. Укажемъ въ особенности разсказъ г-жи Дмитріевой: „Мама на войнѣ" — исторія дѣтей, которыя остались дома, когда мама отправилась на войну въ качествѣ сестры милосердія, исторія, разсказанная очень просто, правдиво и съ большою теплотой, которая оставляетъ впечатлѣніе, что̀, между прочимъ, становится такъ рѣдко среди господствующей натянутости, вычурности или пустословія. Разсказъ г. Сѣрошевскаго: „Введеніе въ экскурсію", даетъ весьма ярко картину сѣверной сибирской природы, среди которой задумана была довольно необыкновенная „экскурсія", и т. д.

Не останавливаясь на статьяхъ гг. Арсеньева и Спасовича, М. М. Ковалевскаго и др., имена и дѣятельность которыхъ достаточно извѣстны читателямъ, отмѣтимъ небольшую, но богатую содержаніемъ статью г. Герье объ общественномъ призваніи женщинъ. Авторъ— не только ученый историкъ, но и общественный дѣятель, заслуга котораго и въ томъ, и другомъ отношеніи была недавно такъ высоко оцѣнена, и статья его имѣетъ непосредственное отношеніе къ тому дѣлу, которымъ вызванъ самый сборникъ.

Г. Герье напоминаетъ, что новѣйшій періодъ въ исторіи человѣчества начался въ концѣ прошлаго столѣтія провозглашеніемъ „правъ человѣка и гражданина". „Опредѣленіе этихъ правъ вызывало горячія пренія и волновало страсти; но прошелъ вѣкъ, и страсти эти остыли; самая *декларація* правъ стала малоизвѣстнымъ историческимъ памятникомъ; наше время не столько интересуется *правами* человѣка въ обществѣ, вытекающими изъ отвлеченнаго представленія о естественномъ состояніи, сколько *обязанностями*, налагаемыми на человѣка общежитіемъ". Аналогическое явленіе представляетъ и то, что̀ называютъ „женскимъ вопросомъ". Авторъ указываетъ, что при возникновеніи, въ началѣ 70-хъ годовъ, нашихъ женскихъ курсовъ слышался постоянно вопросъ: „какія права даютъ курсы?". Вопросъ былъ естественный, но теперь онъ отступаетъ уже на второй планъ: „независимо отъ какого-либо разрѣшенія его въ будущемъ, русскія дѣвушки изъ года въ годъ спѣшатъ со всѣхъ концовъ Россіи искать образованія въ столицѣ, гдѣ только половина желающихъ находятъ доступъ

къ наукѣ". Но теперь явился другой вопросъ, болѣе важный—объ общественныхъ обязанностяхъ русской женщины.

Въ настоящее время этотъ вопросъ получаетъ особенное значеніе: предстоитъ весьма важное законодательное преобразованіе, именно введеніе общественнаго призрѣнія. Указавъ вкратцѣ существующія предположенія, а также постановку этого дѣла въ Англіи и Германіи, авторъ замѣчаетъ, что у насъ важность участія женщины не требуетъ теоретическаго объясненія, потому что имѣетъ за себя свидѣтельство практическаго опыта. Въ московскихъ городскихъ попечительствахъ о бѣдныхъ, въ общемъ числѣ лицъ 649, занимающихся посѣщеніемъ бѣдныхъ и завѣдываніемъ благотворительными учрежденіями, находится уже теперь 372 женщины, т.-е. больше половины всего числа. „Не безъинтересно то,—говоритъ г. Герье,—что особенный перевѣсъ женщины замѣчается въ участкахъ, гдѣ преобладаетъ болѣе образованное населеніе".

„Что изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ отрадное заключеніе, что если въ Россіи общественное призрѣніе будетъ установлено верховнымъ законодателемъ, то оно найдетъ для своего осуществленія готовое и преданное дѣлу ополченіе въ рядахъ русскихъ женщинъ. Это такъ и должно быть; и не потому только, что у многихъ женщинъ свободнаго времени больше, чѣмъ у мужчинъ, а по самому существу дѣла. Семья составляетъ ячейку общества; семья давно признана моралистами и соціологами школою тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыми держатся общество и государство. Благотвореніе же и общественное призрѣніе составляютъ непосредственную связь между семейною жизнью и общественной, составляютъ, такъ сказать, продолженіе семейныхъ началъ любви и взаимной солидарности —въ общественной жизни. Поэтому женщина, главная представительница и хранительница этихъ началъ въ семейной жизни, должна быть призвана проводить ихъ и въ жизни общественной. Поэтому, если можно и слѣдуетъ говорить объ общественномъ призваніи женщинъ, то его нужно искать въ области общественнаго призрѣнія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такъ это и было въ первые вѣка христіанской общины. Поэтому противъ призванія женщинъ къ участію въ общественномъ призрѣніи не станутъ возражать и самые строгіе блюстители принципа, что женщина не должна выходить изъ семьи, ибо, участвуя въ общественномъ призрѣніи, она остается въ семьѣ, она содѣйствуетъ развитію въ обществѣ тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется семья. Но изъ приведеннаго выше факта слѣдуетъ еще и другое. Что всего болѣе предрасполагаетъ женщину принимать на себя, сверхъ своего личнаго или семейнаго труда, нелегкія общественныя обязанности по призрѣнію?—*образованіе*. Образованіе выясняетъ какъ

мужчинѣ, такъ и женщинѣ смыслъ и условія общественной жизни и обязанности, изъ нея вытекающія для каждаго. Поэтому, съ другой стороны, на поприщѣ общественнаго призрѣнія женщина можетъ доказать свое право на образованіе, свое право на то, чтобъ ей былъ открытъ доступъ къ образованію. Тѣсная связь между вопросомъ о женскомъ образованіи и общественнымъ призваніемъ женщины ярче всего проявляется въ женскихъ медицинскихъ курсахъ. Медицина—первая научная область, прочно занятая женщинами; предоставленіе женщинамъ званія врача не подвергается уже сомнѣнію ни съ чьей стороны. А это потому, что врачебная дѣятельность находится въ ближайшемъ отношеніи къ общественному призрѣнію. Въ особенности идея женщины-врача неразрывно связана въ русскомъ обществѣ—и не даромъ—съ представленіемъ о полномъ самопожертвованіи въ служеніи обществу. А потому всякое сочувствіе дѣлу женскаго медицинскаго института является выраженіемъ сознанія важности общественнаго призрѣнія, и всякій успѣхъ женскаго медицинскаго образованія становится шагомъ на пути къ великому идеалу русскаго общественнаго призрѣнія".

— П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. Изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ. Спб. 1898.

Въ обширномъ введеніи къ своему изслѣдованію, авторъ, перечисливъ свои источники, въ числѣ которыхъ нѣсколько важныхъ памятниковъ (шесть произведеній раскольничьей литературы) были имъ самимъ найдены, замѣчаетъ: „Что касается литературы нашего предмета, то на вопросъ, имѣли ли мы себѣ предшественниковъ, мы можемъ отвѣчать и утвердительно, и отрицательно, смотря по постановкѣ этого вопроса Если имѣть въ виду исторію внутренней жизни раскола въ цѣломъ ея объемѣ, то она дается въ нашемъ изслѣдованіи *впервые* (?); если же говорить объ отдѣльныхъ вопросахъ, надо будетъ указать, что нѣкоторые изъ нихъ уже подвергались обслѣдованію. И затѣмъ, что касается матеріала, то *никто* изъ изслѣдователей и этихъ вопросовъ не имѣлъ возможности располагать имъ въ такомъ объемѣ, въ какомъ можно располагать теперь, не говоря уже о томъ, что цѣль нашего изслѣдованія требовала и особой постановки его. Въ виду этого, если намъ съ чѣмъ и предстояло имѣть счеты, то только съ мнѣніями по нѣкоторымъ вопросамъ и говорить лишь по поводу ихъ, *не больше*, и сдѣлать это было удобнѣе въ приложеніяхъ, т.-е. уже послѣ обслѣдованія предмета по первоисточникамъ" и т. д. (стр. CXXIV).

Обыкновенно ученые изслѣдователи предоставляютъ другимъ рѣ-

шать, что̀ они сдѣлали впервые, въ чемъ они не имѣли предшественниковъ; г. Смирновъ желаетъ облегчить въ этомъ трудъ критики и самъ объясняетъ, какъ онъ мало обязанъ предшественникамъ и въ постановкѣ вопросовъ, и въ ихъ рѣшеніи по „первоисточникамъ". Намъ кажется однако, что онъ нѣсколько преувеличилъ представленіе о своей независимости отъ предшественниковъ. Научное изслѣдованіе, все равно въ наукахъ точныхъ или наукахъ нравственныхъ, есть обыкновенно постепенное, прогрессивное развитіе знанія, какъ въ расширеніи матеріала или области наблюденія, такъ и въ выработкѣ метода и пріемовъ изученія. Это бываетъ даже въ моменты сильнаго движенія науки, когда самый „переворотъ" въ научныхъ теоріяхъ бываетъ въ той или другой степени подготовленъ предыдущимъ развитіемъ, а тѣмъ болѣе въ обычномъ ходѣ частныхъ изслѣдованій. Г. Смирнову кажется, что онъ не зависитъ отъ своихъ предшественниковъ, что онъ работаетъ самостоятельно по „первоисточникамъ"; но въ дѣйствительности и онъ, по нѣмецкому выраженію, „стоитъ на плечахъ" своихъ предшественниковъ: потому что кто же отыскалъ и издалъ самые „первоисточники"? Самъ г. Смирновъ прибавилъ къ нимъ сравнительно лишь немногое. И кто установлялъ основные внѣшніе факты исторіи раскола, которые г. Смирновъ имѣлъ готовыми?

Изслѣдованіе ведено, впрочемъ, съ большою внимательностью и знаніемъ раскольнической литературы. Указавъ вкратцѣ явленія предшествовавшія расколу, авторъ поставилъ центромъ изслѣдованія то положеніе вещей, какое образовалось послѣ церковнаго раскола; такимъ образомъ авторъ раздѣлилъ изслѣдованіе на четыре вопроса (и главы): Взглядъ раскола на переживаемое время (какъ послѣднее время, когда долженъ народиться или народился антихристъ) и чрезвычайныя послѣдствія этого взгляда;—Жизнь раскола въ государствѣ;—Жизнь раскола внѣ церкви; — Споры по обрядовымъ и догматическимъ вопросамъ. Этому предшествуетъ обширное введеніе, гдѣ авторъ даетъ общій очеркъ положенія раскола за первое время его существованія: зарожденіе его внутреннихъ вопросовъ, его внѣшнее распространеніе и главные центры, его наиболѣе вліятельные дѣятели; далѣе библіографическій обзоръ источниковъ для внутренней исторіи раскола за это время. Въ концѣ книги опять обширныя приложенія, гдѣ изданы или разобраны многіе памятники раскольнической литературы, и помѣщены, въ дополненіе къ самому изслѣдованію, указанія о прежней литературѣ предмета,—причемъ опять авторъ не однажды указываетъ, что именно онъ *впервые* открылъ или объяснилъ.

Книга г. Смирнова есть замѣчательный вкладъ въ первоначальную исторію раскола; но для полнаго объясненія предмета все-таки недостаетъ указанія на тѣ общія причины, которыя дали возможность

этого страннаго церковнаго явленія, именно указанія на общій характеръ старой церковной жизни: отсюда расколъ и извлекалъ защиту своихъ ученій какъ „древляго благочестія". Автору пришлось коснуться этого общаго положенія вещей, когда онъ говоритъ о старопечатныхъ книгахъ, — но эта сторона явленія осталась недостаточно раскрытою, и прежніе историки раскола все-таки остаются здѣсь необходимы.

— Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и печати. Библіографія. Библіотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. Спб. 1898.

Въ предисловіи составитель описанія и владѣлецъ описываемой библіотеки, Н. П. Смирновъ, разсказываетъ, какъ издавна родилось у него желаніе составить библіографическій указатель русской юридической литературы. Это было еще въ 1850-хъ годахъ, подъ впечатлѣніемъ подобнаго опыта казанскаго профессора Станиславскаго, котораго г. Смирновъ былъ слушателемъ. Въ Петербургѣ г. Смирновъ получилъ возможность исполнять свою мысль, пользуясь книгами Публичной Библіотеки и бывшей библіотеки Смирнова. „Прошло не болѣе полгода, какъ на требованіяхъ моихъ въ Публ. Библіотекѣ я началъ получать отмѣтки, что такой-то или такихъ-то книгъ Библіотека не имѣетъ...; не желая останавливать начатой работы, я покупалъ нужныя мнѣ книги по правовѣдѣнію и библіографіи на богатомъ въ то время книжнымъ матеріаломъ Апраксиномъ рынкѣ". Въ концѣ концовъ „пріобрѣтеніе книгъ обратилось въ своего рода страсть, понятную каждому коллекціонеру", и у г. Смирнова собралась обширная библіотека. Между прочимъ онъ собиралъ оттиски и вырѣзки изъ журналовъ, особенно цѣнные, когда самыя изданія стали рѣдкостью; онъ распредѣлялъ ихъ по содержанію и переплеталъ въ сборники, такъ что въ библіотекѣ накопилось до 300 такихъ томовъ по юридическимъ наукамъ и до 100 томовъ по библіографіи.

Въ настоящей книгѣ г. Смирновъ ограничился описаніемъ лишь одного отдѣла своей библіотеки, отдѣла библіографіи. Это не есть только каталогъ, а именно описаніе, такъ какъ г. Смирновъ входитъ въ подробности самаго предмета; и если изданіе рѣдко, то эти подробности могутъ быть, и дѣйствительно бываютъ, весьма любопытны. Рѣдкихъ книгъ въ библіотекѣ не мало. Такъ, напримѣръ, г. Смирновъ сообщаетъ, по отдѣлу книгопечатанія: „Подъ № 399 помѣщено два выпуска „Сборника памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи", изданнаго въ память трехсотлѣтія великорусскаго книгопечатанія. (Первый выпускъ вышелъ въ 1872 г.). Второй выпускъ, хотя и былъ отпечатанъ, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не былъ

изданъ. Занимая въ то время должность вице-директора хозяйственнаго управленія при св. синодѣ, я сохранилъ 86 листовъ (снимковъ) изъ этого выпуска и заглавный листъ къ нему, изображающій древніе типографскіе станки. Выпускъ этотъ, съ означеннымъ числомъ листовъ, сколько мнѣ извѣстно, едва ли не unicus въ моей библіотекѣ". Далѣе указано еще нѣсколько весьма рѣдкихъ изданій. Въ числѣ сочиненій о цензурѣ, подъ № 412 изложено содержаніе пяти томовъ матеріаловъ, собранныхъ коммиссіей, которая составлена была въ 1869 г. для пересмотра постановленій о печати и цензурѣ. „Матеріалы эти были изданы въ ограниченномъ числѣ занумерованныхъ въ типографіи экземпляровъ. Въ первой части этого рѣдкаго изданія изложены законодательныя работы съ 1864 по 1870 г. и приведены справки изъ прежнихъ дѣлъ государственнаго совѣта по проектамъ уставовъ о цензурѣ и печати. Во вторую часть вошли распоряженія административныя: такъ, напр., сдѣланъ перечень инструкцій цензорамъ; изложены въ хронологическомъ порядкѣ предостереженія повременнымъ изданіямъ, съ указаніемъ послужившихъ къ тому основаній. Въ третьей части сгруппированы судебные процессы по дѣламъ печати. Въ четвертой — перепечатаны дословно отзывы современной литературы по вопросамъ печати. Въ пятой части помѣщены дѣйствующія постановленія о цензурѣ и печати". Въ одномъ изъ нумеровъ „Матеріаловъ" описаны „напечатанныя въ числѣ 50 экземпляровъ собственноручныя отмѣтки министра вн. дѣлъ Валуева на журналахъ Совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати", и т. д.

Описанія частныхъ библіотекъ у насъ немногочисленны; но для любителей библіографіи онѣ представляютъ значительный интересъ, сообщая свѣдѣнія, какихъ не даютъ обычные каталоги. Такихъ любопытныхъ свѣдѣній много разсѣяно и въ книгѣ г. Смирнова. Но „описанія" книгъ, какъ онѣ здѣсь поставлены, имѣютъ свои неудобныя стороны. Данныя книги, содержаніе которыхъ излагается, могутъ далеко не представлять настоящаго положенія науки; свѣдѣнія, какія почерпаются изъ случайно имѣющихся въ библіотекѣ книгъ, могутъ оказаться неточными или совсѣмъ фальшивыми при другихъ книгахъ, которыхъ въ библіотекѣ не было и которыя поэтому въ виду не имѣлись. Правильность свѣдѣній могла бы быть достигнута только при полномъ обзорѣ литературы по тому или другому вопросу (какъ, напр., дѣлалъ это А. А. Котляревскій въ своемъ „Библіологическомъ опытѣ" по литературѣ о древнемъ періодѣ славянорусской письменности). Ограничимся двумя примѣрами. Въ „Матеріалахъ" г. Смирнова указано нѣсколько книгъ по вопросу о началѣ славянскаго письма, и на основаніи ихъ даются свѣдѣнія о кириллицѣ и глаголицѣ,—но такъ какъ литература указана только въ небольшомъ количествѣ, то ука-

занія о положеніи вопроса остаются неполны. Или случается нѣчто совсѣмъ странное. Въ описаніи книги В. И. Межова „Библіографія Азіи", 1891—94 (№ 758), читаемъ у г. Смирнова слѣдующее изложеніе предисловія Межова, гдѣ послѣдній жалуется, что его библіографическіе труды оставались неоцѣненными: ...„Даже ученые часто не знаютъ тѣхъ изданій, которыя труженики-библіографы совершаютъ для ихъ пользы. Какъ примѣръ халатнаго отношенія къ наукѣ, Влад. Изм. приводитъ засѣданіе Этнографическаго Отдѣленія Имп. Русскаго Географ. Общества, происходившее 17 апрѣля 1885 г. подъ предсѣдательствомъ этнографа Л. Н. Майкова, гдѣ былъ прочитанъ рефератъ не менѣе извѣстнаго этнографа А. Н. Пыпина. Въ своей рѣчи, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы" 1885 г., № 4 и 5, г. Пыпинъ, оказывается, не зналъ о существованіи библіографическихъ указателей по этнографіи, которые изъ года въ годъ ведутся въ теченіе 20 лѣтъ и заключаютъ въ себѣ указанія болѣе чѣмъ на 10.000 сочиненій и статей. Послѣ этой рѣчи никто не заявилъ г. Пыпину, что онъ жестоко ошибается, что уже 20 лѣтъ къ ряду въ періодическомъ органѣ Геогр. Общества помѣщаются полные библіографическіе указатели по этнографіи, географіи и статистикѣ".—Г. Смирновъ повторилъ слова Межова безъ всякихъ библіографическихъ объясненій.

Дѣйствительно нѣчто ужасное: г. Пыпинъ не зналъ элементарныхъ пособій по тому предмету, о которомъ говорилъ, и его не поправилъ самъ тогдашній предсѣдатель Этнографическаго Отдѣленія, Л. Н. Майковъ! Это послѣднее обстоятельство уже могло бы навести г. Смирнова на мысль, что въ показаніи Межова есть что-то неладное,—потому что г. Майковъ по крайней мѣрѣ долженъ былъ знать о существованіи указателей Межова, которые могли печататься только съ вѣдома его, какъ предсѣдателя отдѣленія. Въ чемъ же дѣло?

Объясняется оно очень просто. Межовъ отличался большимъ трудолюбіемъ, но не отличался осмотрительностью и пониманіемъ научныхъ вопросовъ. Въ упомянутомъ рефератѣ, читанномъ въ Геогр. Обществѣ, шла рѣчь „о задачахъ этнографіи", т.-е. о задачахъ и пріемахъ изученія народнаго быта, т.-е. народной поэзіи и обычая: *этотъ* научный вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ библіографіи и каталогамъ. Межовъ этого не понималъ, и думалъ, что надо было говорить о каталогахъ. Кромѣ этого, сказалась здѣсь и еще слабая сторона его библіографіи. Онъ механически вносилъ въ указатели заглавія сочиненій и статей, и не зналъ, напримѣръ, что была рѣчь и объ его собственныхъ указателяхъ, а именно, что авторъ столь сурово осужденнаго имъ реферата 1885 года уже *за два года* передъ тѣмъ спеціально говорилъ объ его этнографическихъ указателяхъ, когда это было нужно (см. „Вѣстн. Европы" 1883, іюнь, „Но-

вѣйшія изслѣдованія русской народности“, стр. 598 и д.). Этого Межовъ не замѣтилъ. Словомъ, въ предисловіи къ „Библіографіи Азіи“ вышла нѣкоторая... глупость; и не думаемъ, чтобы нужно было увѣковѣчить ее въ „Библіографическихъ Матеріалахъ“.

Кромѣ нѣкоторыхъ недосмотровъ и пропусковъ, есть въ „Матеріалахъ“ опечатки типографскія, вредящія точности,—но въ цѣломъ „Матеріалы“ г. Смирнова заключаютъ, какъ мы видѣли, не мало интересныхъ свѣдѣній и послужатъ съ пользой для русской библіографіи.

— Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Г. Александровскаго. Публичная лекція. Кіевъ, 1898.

Поводомъ къ лекціи было то, что передъ тѣмъ исполнилось (въ 1897) двадцатилѣтіе со смерти Некрасова, которое снова привлекло вниманіе русскаго общества къ дѣятельности поэта. Авторъ начинаетъ вѣрнымъ указаніемъ на то, какъ издавна и до сихъ поръ поэзія Некрасова вызывала у критиковъ отзывы не только разнорѣчивые, но прямо противоположные.

„Поэзія Некрасова,—говоритъ авторъ,—вызвала и вызываетъ самое упорное разногласіе. Жаркіе его поклонники признаютъ въ немъ могучаго поэта, пѣвца протестующаго духа, истиннаго пророка и выразителя своего времени, съ его скорбными думами, съ его тревожнымъ озлобленіемъ и уныніемъ, но порою и съ глубокою вѣрою; другіе, напротивъ, будто бы во имя высшихъ законовъ искусства вообще и поэтическаго творчества въ частности, а чаще подъ вліяніемъ своего особаго міросозерцанія, отвергаютъ вовсе его поэтическій талантъ и готовы видѣть въ его произведеніяхъ плодъ холоднаго риторизма, искусно приспособлявшагося къ условіямъ своего времени. Въ этомъ отношеніи было бы очень поучительно пересмотрѣть критическіе отзывы о Некрасовѣ, собранные въ извѣстномъ изданіи В. Зелинскаго: „Сборникъ критическихъ статей о Некрасовѣ“, ч. 1, 2 и 3-я. Тутъ послѣ чтенія нѣсколькихъ десятковъ страницъ не трудно было бы увидѣть далеко не безпристрастное отношеніе критиковъ къ разбираемому поэту и его произведеніямъ. По справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ намъ критиковъ, Некрасова язвили, кололи, „доѣзжали“, „подсиживали“, или ему же воскуривали хвалебный ѳиміамъ, но Некрасова не характеризовали, не опредѣляли, не объясняли. Такое отношеніе къ Некрасову легко объясняется, если вспомнить, что въ теченіе долгаго времени Некрасовъ, будучи редакторомъ-издателемъ двухъ изъ самыхъ видныхъ въ былое время журналовъ („Современникъ“ и „Отечественныя Записки“), тѣмъ самымъ

стоялъ въ центрѣ горячей журнально-партійной борьбы, загорѣвшейся въ русской повременной печати въ „эпоху великихъ реформъ". Большинство критиковъ Некрасова не только хотѣли судить его произведенія, но и въ значительной степени уязвить или превознести самого автора изъ-за чисто личныхъ или партійныхъ отношеній къ нему. Такое отношеніе къ Некрасову сохранилось и позднѣе, когда, повидимому, улегся первый пылъ литературныхъ схватокъ. Многіе изъ критиковъ, едва только заходила рѣчь о Некрасовѣ, не могли отдѣлаться отъ предвзятой точки зрѣнія на него и, по старой памяти, повторяли прежнія полемическія выходки, передѣлывая ихъ на новый ладъ и приправляя новыми quasi-аргументами. Вотъ, напр., что̀ говорилъ о Некрасовѣ г. Страховъ въ 1870 году и черезъ 18 лѣтъ вновь повторилъ слово въ слово то же самое въ своей книгѣ „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ": „Некрасовъ есть поэтъ Александринскаго театра, Невскаго проспекта, петербургскихъ чиновниковъ и петербургскихъ журналистовъ. Стихи его по тону и манерѣ очень часто сбиваются на водевильные куплеты того особаго рода, который нѣкогда процвѣталъ на нашей „Александринкѣ"... Некрасовъ такъ или иначе, но всегда покажетъ свое превосходство надъ темнымъ людомъ, которому сочувствуетъ... Онъ всегда не прочь грустно посмѣяться или тоскливо поглумиться надъ народомъ. Почитатели Некрасова, твердя его стихи, могутъ вполнѣ сохранить свой презрительный взглядъ на народъ, могутъ по прежнему ничего не имѣть общаго съ народомъ. Можно было бы перебрать по пальцамъ и выставить на видъ всѣ тѣ пошлости и фальшивыя ноты, безъ которыхъ не обходится почти ни одна страница его стиховъ". Тургеневъ, сначала большой другъ Некрасова, а потомъ рѣзко разошедшійся съ нимъ и только за нѣсколько часовъ до его смерти трогательно примирившійся, готовъ былъ совсѣмъ отказать Некрасову въ поэтическомъ талантѣ и былъ убѣжденъ, что онъ очень скоро совершенно будетъ забытъ, потому что „въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, а въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно высиженныхъ измышленіяхъ „скорбной музы" Некрасова ея-то, поэзіи, нѣтъ и на грошъ". Если вѣрить только-что приведеннымъ отзывамъ Страхова и Тургенева, то Некрасовъ является какимъ-то ничтожнымъ, чуть не совершенно безталаннымъ поэтомъ, который если и пользовался нѣкоторое время успѣхомъ, то только потому, что съумѣлъ угодить толпѣ, людямъ, какъ мягко выражается Гоголь, нѣсколько беззаботнымъ насчетъ литературы. Явно враждебное отношеніе къ Некрасову не прекратилось и теперь, хотя чисто партійнымъ интересамъ уже, кажется, пора отойти въ забвеніе, и можно было бы, безъ какихъ бы то ни было постороннихъ увле-

ченій и пристрастій, ставъ на объективно-историческую точку зрѣнія, опредѣлить истинное значеніе его поэтическаго творчества. Если теперь, въ наши дни, есть немало поклонниковъ и почитателей Некрасова, для которыхъ его сочиненія являются настольной книгой, то немало и такихъ, которые держатся сейчасъ приведенныхъ о немъ мнѣній и не удостоиваютъ Некрасова даже имени поэта".

Авторъ основательно заключаетъ, что для правильной оцѣнки писателя необходимо принять во вниманіе всѣ условія его дѣятельности. „Разбирать дѣятельность поэта, не уяснивши себѣ предварительно его личности и условій, подъ которыми она слагалась, это все равно, что судить человѣка за какой-нибудь поступокъ, не выяснивши всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ дѣла. Какъ въ судебномъ мірѣ, прежде разбора дѣла, необходимо должно производиться слѣдствіе, долженствующее уяснить многое и подчасъ вовсе видоизмѣнить первоначальную точку зрѣнія, такъ и тутъ, въ области поэтическаго творчества, возможна вполнѣ безпристрастная оцѣнка писателя только тогда, если будетъ произведено своего рода предварительное слѣдствіе, если будутъ выяснены по крайней мѣрѣ важнѣйшіе моменты его жизни и тѣ вліянія, которыя, переработавшись въ творческихъ тайникахъ души, даютъ въ результатѣ то или или другое изъ поэтическихъ созданій". Поэтому авторъ, прежде всего, останавливается на біографіи и указываетъ, какъ изъ испытаній его тяжелаго дѣтства, а потомъ и юности, по собственнымъ словамъ Некрасова, на его душу „ложились грубыя черты"; какъ съ этихъ поръ началось его знакомство съ народною жизнью, и затѣмъ въ Петербургѣ съ жизнью городской нищеты,—только послѣ имъ осмысленное и занявшее столько мѣста въ его поэзіи; какъ началось его литературное поприще, гдѣ въ первый разъ стало слагаться его сознательное міровоззрѣніе, и т. д. Авторъ замѣчаетъ, что въ этой біографіи есть пробѣлы, напримѣръ въ началѣ сороковыхъ годовъ,—и самъ г. Александровскій мало или совсѣмъ не коснулся нѣкоторыхъ сторонъ того времени (до „эпохи реформъ"), именно тогдашняго положенія цѣлой общественной жизни и литературы... Изъ всѣхъ этихъ условій создавалась среда, въ которой долженъ былъ развиваться характеръ и поэтическая дѣятельность Некрасова.

Возвращаясь опять къ разногласію мнѣній о Некрасовѣ, авторъ говоритъ: „Это разнообразіе происходитъ оттого, что тотъ или другой критикъ, приступая къ оцѣнкѣ поэзіи Некрасова, почти всегда обращаетъ вниманіе на *одну* какую-либо ея сторону, на ту, которая почему-нибудь была ближе, цѣннѣе для него. Обыкновенно, авторы статей о Некрасовѣ, за немногими исключеніями, брали одинъ какой-нибудь элементъ его поэзіи, да и то не цѣликомъ, а только отчасти.

и на основаніи его дѣлали заключеніе о всей его дѣятельности. Такъ одни, обращая главнымъ образомъ вниманіе на глубоко-жизненное содержаніе его произведеній, готовы были ставить его выше Пушкина и Лермонтова... Другіе, представители такъ называемой эстетической критики, готовы были вовсе отрицать какое бы то ни было значеніе некрасовскихъ стиховъ, называя ихъ прямо дидактической риѳмованной прозой. Основаніемъ для такого огульнаго осужденія служило присутствіе въ поэзіи Некрасова дѣйствительно слабыхъ произведеній или же отдѣльныхъ мѣстъ, стиховъ, рѣзко разрушающихъ эстетическое впечатлѣніе. Нѣкоторые готовы видѣть въ Некрасовѣ исключительно сатирика, обличителя темныхъ сторонъ жизни; иные знаютъ его только какъ изобразителя народной жизни, какъ пѣвца народнаго горя".

Единственный путь къ правильному разрѣшенію противорѣчій и односторонностей есть тотъ историческій путь, который избралъ авторъ. Разсказавъ вкратцѣ исторію жизни и дѣятельности Некрасова, авторъ переходитъ къ разбору его произведеній и для этого распредѣляетъ ихъ на группы; останавливается сначала на стихотвореніяхъ автобіографическаго характера; затѣмъ на стихотвореніяхъ, передающихъ общественныя настроенія, гдѣ опять является и личный элементъ—въ произведеніяхъ Некрасова авторъ видитъ пробужденіе „больной совѣсти" интеллигентнаго русскаго человѣка, впервые проявившееся въ сороковые годы и господствующее донынѣ;—наконецъ; на изображеніяхъ народной жизни, особливо крѣпостной.

Какъ мы видѣли сейчасъ, авторъ не скрываетъ отъ себя слабыхъ сторонъ поэзіи Некрасова, но онъ живо чувствуетъ и указываетъ ея достоинства: онъ находитъ въ произведеніяхъ Некрасова несомнѣнные проблески поэтическаго вдохновенія и искренняго чувства, отвергаемые его суровыми судьями, и даетъ ему высокое мѣсто въ русской поэзіи.—Книжка вообще написана просто и разумно.

Если поэзія Некрасова вызываетъ до сихъ поръ такіе противорѣчивые впечатлѣнія и приговоры,—между прочимъ въ молодомъ литературномъ поколѣніи, далекомъ отъ пристрастій того времени,—одну изъ причинъ этого составляетъ отсутствіе біографіи, которая не написана до сихъ поръ, черезъ двадцать лѣтъ по его смерти. И эту біографію написать не легко: кромѣ того, что о нѣкоторыхъ періодахъ ея недостаетъ пока точныхъ свѣдѣній, не малую трудность представляетъ сложность этого характера, въ которомъ соединялись, если не мирились, самыя противоположныя настроенія. Это былъ двойственный человѣкъ,—кромѣ его поэзіи, интересный и внушавшій сочувствіе по складу его ума, художественному критическому чутью, находчивости въ мудреныхъ литературныхъ дѣлахъ, способности (еще до эпохи ре-

формъ) понять стремленія новыхъ поколѣній, невразумительныя для его литературныхъ друзей-сверстниковъ; но иногда отталкивавшій другою стороною своего характера. Будущій біографъ вѣроятно объяснитъ, какъ эта сторона произошла изъ различныхъ жизненныхъ опытовъ и воздѣйствій среды: это было не лучше и не хуже обычнаго уровня того общества и того времени, когда въ установленной общественной жизни не было мѣста для идеала и когда по смерти Бѣлинскаго друзья его говорили, что онъ „умеръ во-время". Но Некрасовъ сохранилъ все-таки вѣру въ идеалъ, и если не удерживался на его пути, то и не лицемѣрилъ, не надѣвалъ на себя личины безупречнаго гражданина: въ его стихотвореніяхъ много разъ повторяется признаніе своей слабости и вины передъ родиной,—эта тема повторяется и до самаго конца его жизненнаго и литературнаго поприща.

— Ivan Serguéievitch Tourguéneff à Spasskoé. Par J. Mourier. Préface de Michel Stahowitch. St.-Pétersb. 1899.

Имя г. Мурье́ до сихъ поръ было извѣстно только по его трудамъ, относящимся къ описанію, и особливо къ археологіи Кавказа: это были французскія сочиненія, печатавшіяся въ Тифлисѣ, Одессѣ и въ Парижѣ. Онъ перешелъ теперь въ совсѣмъ иную область и изучалъ біографію Тургенева, насколько она была привязана къ Спасскому. Въ предисловіи г. Мурье́ говоритъ:

„Литературная жизнь и дѣятельность Ив. С. Тургенева извѣстны; менѣе извѣстны нѣкоторыя подробности его частной жизни. До сихъ поръ мало занимались колыбелью и семействомъ писателя, среди котораго онъ родился и выросъ.

„Быть можетъ, не будетъ лишена нѣкотораго интереса попытка возстановить эту великую личность въ сельской рамкѣ Спасскаго, гдѣ Тургеневъ провелъ столько годовъ, собрать воспоминанія, какія онъ тамъ оставилъ, и перелистовать нѣсколько интимныхъ страницъ, которыя я могъ видѣть.

„Въ его паркѣ, его домѣ, его мебели, которую я возстановилъ и которую нашелъ теперь разсѣянной, но цѣлой и почти полной, въ подборѣ всѣхъ неодушевленныхъ вещей, у которыхъ есть также свой языкъ, въ распорядкѣ тысячи домашнихъ мело́чей, которыми онъ себя окружалъ, Тургеневъ умѣлъ наложить свою печать и даетъ угадывать его характеръ, его привычки, вкусы и извѣстныя стороны его природы".

Авторъ обильно воспользовался матеріаломъ, какой есть въ русской литературѣ, біографическими разсказами, воспоминаніями, пере-

пиской Тургенева; наконецъ, съ разрѣшенія нынѣшней владѣлицы Спасскаго, г-жи Галаховой, снялъ фотографіи портретовъ, мѣстности, дома, обстановки и т. д. Такъ составилась книга, къ которой авторъ просилъ г. Стаховича написать предисловіе. Г. Стаховичъ былъ знакомъ съ книгой раньше, изъ публичной лекціи, читанной г-мъ Мурье въ Орлѣ, и въ предисловіи осыпаетъ похвалами образный и точный разсказъ, умѣнье подмѣтить и передать типическія черты стараго вѣка, легкое и завлекательное изложеніе.—Новыхъ фактовъ здѣсь мало,—хотя есть и нѣсколько новыхъ подробностей,—но изложеніе дѣйствительно имѣетъ достоинства для писателя-иностранца.

Текстъ сопровождается большимъ количествомъ фотографій: портреты С. Н. Тургенева, нѣсколько портретовъ И. С. Тургенева, портретъ его брата и т. д., и затѣмъ, какъ сказано, фотографіи дома, обстановки и мѣстности. Въ послѣднихъ, кажется, не весьма удачно выбраны пункты,—трудно получить понятіе о домѣ, и особенно о паркѣ.—Т.

Въ январѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алферовъ, А.—Очерки изъ жизни языка. Введеніе въ методику родного языка. М. 99. Стр. 81. Ц. 40 к.

Венгеровъ, С. А.—Основныя черты новѣйшей русской литературы. Вступительная лекція, чит. въ Спб. Университетѣ. Спб. 99. Стр. 30. Ц. 20 к.

Водовозовъ, В.—Разсказы изъ русской исторіи. Вып. 2. Изд. 8-е. Спб. 99. Стр. 252. Ц. 60 к.

Головачевъ, Д.—Коммиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. Вып. 16: Бюджеты. Спб. 1898. Стр. 398.

Гордонъ, Влад.—Уставъ гражданскаго судопроизводства, съ позднѣйшими узаконеніями и разъясненіями по рѣш. Гражд. Кассац. Деп., Общ. Собр. и Соед. Присут. 1-го Касс. Деп. Сената и циркулярамъ мин. юстиціи. Систем. сборникъ съ алфавит. указателемъ. Спб. 99. Стр. 873. Ц. 4 р.

Гранстремъ, М.—Варѳоломеевская ночь. Историческій разсказъ. Съ 99 рис. Спб. 99. Стр. 263.

——— Забытые разсказы пѣвца, шута и странника. Съ англ. Съ 100 рис. Спб. 99. Стр. 259.

Джаншіевъ, Гр.—Эпоха великихъ реформъ. 7-е дополн. изд. М. 98. Стр. 896. Ц. 2 р. 50 к.

Загоскинъ, Н. П.—Исторія права русскаго народа. Т. I: Введеніе. Каз. Стр. 512. Ц. 3 р.

Зинченко, Н., изд.—Систематическое собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы. Вып. 2. Спб. 99. Стр. 144.

Каблуковъ, Н.—Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. М. 99. Стр. 309. Ц. 1 р. 75 к.

Каро, Е.—Жоржъ Зандъ. Переводъ О. Н. Масловой. М. 1898. Стр. 187. Ц. 60 к.

Кардо-Сысоевой, Н. Е.—Три разсказа для дѣтей. М. 99. Стр. 246. Ц. 85 к.

Карѣевъ, Н.—Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2, съ перемѣнами. Спб. 99. Стр. 518. Ц. 2 р.

Крестовскій, Всев. Влад.—Собраніе сочиненій. Т. I и II: Петербургскія трущобы. Съ біографіей автора и его портретомъ. П. р. Ю. Л. Ельца. Спб. 99. Стр. 862. По подпискѣ за 8 томовъ—10 руб.

Крымскій, А.—Мусульманство и его будущность. М. 99. Стр. 120. Ц. 75 к.

Манцони, А.—Обрученные. Романъ. Перев. съ итал. Е. Некрасовой. Спб. 1899. Стр. 273. Ц. 1 р. 25 к.

Меньшиковъ, М. О.—О любви. Спб. 99. Стр. 924. Ц. 1 р.

Михеевъ, В. М.—Отрокъ-мученикъ. Углицкое преданіе, съ рис. Спб. 99. Стр. 131.

Навроцкій, А. А. (Н. А. Вроцкій).—Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Кн. 2. Спб. 99. Стр. 280. Ц. 2 р.

Новицкій, А. П.—Исторія русскаго искусства. Выпускъ первый. М. 1899. Изданіе магазина „Книжное дѣло", 80 стр. Подписная цѣна на цѣлое изданіе —10 р., съ пересылкой и доставкой—12 р.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Вып. 1. Спб. 99. Стр. 139. Ц. 60 к.

Огіевскій, М.—Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ. Спб. 98. Стр. 196. Ц. 1 р. 50 к.

Сокальскій, И. П., проф.—О значеніи сосѣдства въ исторической жизни народовъ. Публичная лекція, читанная 24 марта 1881. Харьковъ, 1898. Стр. 48.

Степовичъ, А.—О древней русской беллетристикѣ. Кіевъ, 98. Стр. 50.

Сумцовъ, Н. Ѳ., проф.—Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьковъ, 1898 (Изъ Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества), 200 стр.

Тихонравовъ, Н. С.—Сочиненія. Т. III, ч. 2: Русская литература XVIII и XIX вв. М. 98. Стр. 425. Ц. за 3 т.—7 р. 50 к.

Шантепи-де-ла-Соссей.—Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ нѣмецкаго, п. р. В. Н. Линдъ. Вып. 7 и 8. М. 99. Стр. 81—272. Подп. ц. за 2 т. —4 руб.

Штеблеръ и *Шретеръ*.—Кормовыя травы. Т. I. Перев. И. И. Барсукова, п. р. П. С. Коссовича. Спб. Стр. 166. Ц. 4 р. 50 к.

Щегловъ, В. Г.—Положеніе и права женщины въ семьѣ и обществѣ, въ древности, средніе вѣка и новое время. Ярославль. 98. Стр. 166. Ц. 85 к.

Янжулъ, И. И.—Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 509. Ц. 3 р. 50 к.

Simkowitch, W.—Die Feldgemeinschaft in Russland. Jena, 98. Стр. 399.

— Адресная Книга города С.-Петербурга на 1899 г. Восьмой годъ изданія. Составлена при содѣйствіи Городского Общественнаго Управленія, п. р. П. О. Яблонскаго. Спб. 98. Стр. 1386 и 1046. Ц. въ перепл. 5 р.

— Альманахъ-Ежегодникъ П. О. Яблонскаго. Календарь и сборникъ свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. Въ книгѣ 30 портретовъ, 19 географ. картъ, 24 карты звѣзднаго неба, 12 табл., 69 рис. Спб. 98. Стр. 462.

— Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньянца и т. д. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. Стр. A—V, LXXX, 16, 624, 174.

— Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ въ 1896 г. Имп. Харьковскому университету вдовою заслуженнаго ордин. профессора Ивана Петровича Сокальскаго Ек. Денисовною Сокальскою. Харьковъ, 1898. Съ двумя портретами. №№ 51 (рукописи) и 3344 (книги). Стр. 187.

— Памяти Ѳедора Ивановича Буслаева. Съ портретомъ Ѳ. И. Буслаева. Изданіе Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. М. 1898. 198 стр. Ц. 75 коп.

— Новѣйшая русско-нѣмецкая азбука „Самоучитель“ для обученія въ одинъ мѣсяцъ нѣмецкому чтенію, письму и разговору, съ образцами письма и съ картинами. 14-е изд. Варш. 98. Стр. 64. Ц. 20 к.

— Полное Собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Т. VIII: 1733-34 гг. Спб. 98. Стр. 397.

— Продовольственный вопросъ въ 1897-98 г. Съ приложеніемъ 6 картограммъ. Изъ „Трудовъ В. Э. Общества“. Спб. 98. Стр. 257 и 149.

— Уставъ уголовнаго судопроизводства, съ позднѣйшими узаконеніями и т. д. Составленъ М. Шрамченко и В. Ширковымъ. Спб. 99. Стр. 948. Ц. 4 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— **Henrik Ibsens Sämtliche Werke in deutscher Sprache. Band 2 und 3. Berlin, 1898. Fischer Verlag.**

Юбилейное изданіе сочиненій Ибсена въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, предпринятое фирмой Фишера въ Берлинѣ, обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Руководство изданіемъ приняли на себя Георгъ Брандесъ, Юлій Эліасъ, а также Павелъ Шлентеръ, извѣстный въ Россіи, главнымъ образомъ, какъ панегиристъ Гауптмана. Переводы доставлены преимущественно Эммой Клингенфельдъ и молодымъ писателемъ Христіаномъ Моргенштерномъ. Каждому произведенію предшествуетъ объяснительное введеніе, написанное или Брандесомъ (драмы историческія), или Шлентеромъ (драмы современныя).

Благодаря этому изданію, нѣмецкое общество получаетъ то, чего до сихъ поръ не имѣетъ Россія: произведенія Ибсена на родномъ *литературномъ* языкѣ. Качество переводовъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, способствуетъ тому, что отнынѣ текстъ ихъ можетъ явиться основнымъ и руководящимъ при сценическихъ постановкахъ. Между тѣмъ *русскіе* переводы Ибсена, за немногими исключеніями, до сихъ поръ отличаются крайней небрежностью работы, будучи вызваны не столько литературными, сколько практическими цѣлями. Это можно сказать, напр., про извѣстное шеститомное собраніе сочиненій Ибсена, напечатанное года три тому назадъ.

Въ настоящее время Фишеромъ изданы только два тома изъ всего собранія: 2-й и 3-й. Въ этихъ томахъ помѣщены слѣдующія произведенія: „Могила богатыря“, „Госпожа изъ Эстрота“, „Праздникъ въ Сольгаугѣ“, „Олафъ Лильенкранцъ“, „Воители на Гельголандѣ“, „Комедія любви“, и „Претенденты на корону“. Первый томъ, который долженъ содержать въ себѣ общее предисловіе, біографію Ибсена, его стихотворенія, письма, рѣчи и „Катилину“, выйдетъ въ заключеніе всего собранія. Въ ближайшемъ будущемъ, если не ошибаемся, долженъ явиться въ свѣтъ томъ девятый (послѣдній въ собраніи), въ которомъ издатели обѣщаютъ помѣстить между прочимъ одно изъ новѣйшихъ, нигдѣ не напечатанныхъ произведеній Ибсена. Изъ сказаннаго

видно, что разсматриваемое нами изданіе выгодно отличается отъ всѣхъ прочихъ еще и полнотой своего состава.

Что касается „Могилы богатыря“ („Hünengrab“, по-норвежски „Kaempehäjen“), помѣщенной во второмъ томѣ, то эта небольшая драматическая вещь была написана Ибсеномъ въ 1850 году, во время приготовленія къ университетскому экзамену, и раза три поставлена на сценѣ въ Христіаніи. Въ 1854 году Ибсенъ переработалъ свою пьесу, и она снова раза два была разыграна—на сценѣ.

Это—произведеніе молодости Ибсена, одно изъ первыхъ послѣ „Катилины“. Войдя въ первый разъ въ собраніе сочиненій Ибсена, оно является въ извѣстной степени новинкой какъ для германской, такъ и для русской публики; въ виду этого мы рѣшаемся познакомить читателей съ этой пьесой.

На маленькомъ островѣ Средиземнаго моря, около Сициліи, находится курганъ. Каждый день молодая дѣвушка, Бланка, украшаетъ могилу цвѣтами: она дѣлаетъ это по внушенію своего воспитателя, стараго Родерика.

Лѣтъ десять передъ тѣмъ на островѣ стоялъ богатый зàмокъ. Но сѣверные викинги сдѣлали набѣгъ, разрушили и сожгли замокъ. Они удалились съ острова, потерявъ въ битвѣ своего вождя, короля Рёрика. Изъ пламени пожара спаслась только одна молодая дѣвушка, дочь владѣльца замка. На берегу моря Бланка встрѣтила стараго Родерика; онъ сказалъ ей, что прибылъ съ сѣвера на торговомъ кораблѣ, потерпѣвшемъ крушеніе у береговъ острова. Дѣвушка позаботилась о старикѣ, перевязала ему раны; съ тѣхъ поръ они стали жить вмѣстѣ на островѣ.

Родерикъ своими разсказами воспламенилъ Бланку любовью къ сѣверу. Онъ самъ, однако, проникнутъ духомъ новой христіанской вѣры, и съ тоскою думаетъ о суровости и жестокостяхъ своихъ соотечественниковъ. Однажды онъ указалъ дѣвушкѣ на курганъ, который онъ возвелъ собственными руками; онъ говорилъ, что въ могилѣ лежитъ языческій витязь, одинъ изъ тѣхъ, которые дѣлали набѣгъ на замокъ, и велѣлъ Бланкѣ молиться за врага.

Между тѣмъ на островъ снова прибываютъ сѣверные викинги. Во главѣ ихъ находится молодой Гандальфъ, сынъ короля Рёрика. Онъ поклялся отмстить кровавой местью за смерть отца или самому погибнуть.

Вблизи кургана Гандальфъ встрѣчаетъ Бланку. Молодые люди увлекаются другъ другомъ. Между тѣмъ викинги находятъ Родерика и хотятъ умертвить его во исполненіе клятвы. Родерикъ признаетъ, что онъ *самъ* убилъ короля Рёрика и похоронилъ его въ курганѣ. Однако Гандальфъ колеблется: онъ не можетъ поднять руки на вос-

питателя Бланки. Асгаутъ, старый викингъ въ свитѣ Гандальфа, участникъ перваго набѣга на островъ, безпощадно требуетъ кровавой мести. Гандальфъ, согласно своей клятвѣ, предлагаетъ самого себя принести въ жертву богамъ. Бланка хочетъ умереть вмѣстѣ съ молодымъ героемъ. Но тутъ Родерикъ открываетъ свою тайну: онъ объявляетъ себя королемъ Рёрикомъ, отцомъ Гандальфа. Асгаутъ узнаетъ его по боевому шраму на рукѣ. Родерикъ говоритъ, что въ курганѣ онъ зарылъ свои доспѣхи и свой мечъ и похоронилъ стараго языческаго Рёрика, такъ какъ теперь онъ сдѣлался послѣдователемъ иного міровоззрѣнія. Онъ благословляетъ молодыхъ людей на новую жизнь и шлетъ ихъ на сѣверъ: они „дѣти утренней зари", и должны освѣтить новымъ свѣтомъ родную страну. Онъ самъ остается на островѣ вблизи своей могилы. Гандальфъ не хочетъ оставить отца одинокимъ; однако молодой скальдъ, Геммингъ, котораго коснулось вліяніе новой вѣры, объявляетъ, что останется вмѣстѣ съ Родерикомъ: Гандальфъ уже нашелъ себѣ иного, лучшаго скальда—Бланку.

Какъ справедливо замѣтилъ Брандесъ, въ разсмотрѣнной нами юношеской драмѣ Ибсена совсѣмъ нельзя предугадать автора „Сѣверныхъ богатырей".

И въ общемъ построеніи пьесы, и въ своихъ чувствахъ и настроеніи, Ибсенъ еще остается вѣрнымъ послѣдователемъ Эленшлегера, извѣстнаго датскаго писателя-романтика, автора „Аладдиновой лампы".

Романтическій духъ совершенно владѣетъ авторомъ. Въ пьесѣ можно найти и искусственность развитія, и аффектированную приподнятость тона, и нѣкоторые крупные недосмотры (напр., остается совершенно невыясненнымъ, почему и какъ Родерикъ сдѣлался приверженцемъ новой религіи). Критицизмъ и анализъ будущаго Ибсена еще ни въ чемъ не проглядываютъ. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ раннемъ произведеніи Ибсена мы не можемъ не признать большой доли талантливости. Онъ съумѣлъ удачно воспользоваться историческими данными для воплощенія своей мысли. Онъ оттѣнилъ промежуточный, колеблющійся характеръ эпохи. Нѣсколькими штрихами онъ удачно обрисовываетъ представителей различныхъ міровоззрѣній: Асгаута—какъ типъ стараго язычества, Родерика—какъ проповѣдника новой вѣры; онъ выставляетъ и „средніе" типы въ лицѣ молодыхъ людей, Гандальфа и Гемминга, которымъ предстоитъ сдѣлаться сѣменемъ будущаго; онъ съумѣлъ отмѣтить и ту культурную роль, которую играли въ исторіи человѣчества женщины и скальды.

Въ своей „Исторіи скандинавской литературы" Швейцеръ указываетъ, что наибольшій интересъ въ „Могилѣ богатыря" представляютъ помыслы молодого Ибсена о судьбахъ Норвегіи.

Ибсенъ высказываетъ взглядъ, что „старая вѣра" дѣлала изъ сѣ-

вера „одинъ сплошной курганъ"; онъ предчувствуетъ, что близокъ часъ, когда сѣверъ „свѣтло и бодро воспрянетъ изъ могилы для великихъ дѣяній въ области міровой мысли". Несомнѣнно, что, работая надъ своей пьесой, Ибсенъ желалъ для Норвегіи новаго вѣка идей и гуманности. Быть можетъ, онъ ожидалъ въ то время, что просвѣщеніе въ Норвегію придетъ съ юга, отъ болѣе цивилизованныхъ націй. Симпатіи къ югу нерѣдко высказывались въ предшествовавшей Ибсену сѣверной литературѣ.

Такимъ образомъ, „Могилу богатыря" можно назвать преддверіемъ „ибсенизма", первой ступенью той лѣстницы, по которой всю жизнь шелъ Ибсенъ.—П. К.

II.

— *Joseph Texte.* Etudes de littérature européenne. 1898. Стр. 304.

Жозефъ Тэкстъ соединяетъ въ своихъ этюдахъ изученіе современной литературы съ изученіемъ ея историческихъ источниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла его книга о Жанъ-Жакѣ Руссо и космополитизмѣ. Онъ пытается доказать что Франція не жила обособленной жизнью ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, и что каждая эпоха ея литературной жизни тѣсно связана съ общеевропейской, на которую она имѣетъ большое вліяніе, и въ свою очередь заимствуетъ у нея многое. Въ новыхъ своихъ очеркахъ объ европейской литературѣ Тэкстъ выясняетъ свою основную мысль изученіемъ отдѣльныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о взаимодѣйствіи французской и общеевропейской литературы.

Первый очеркъ въ его книгѣ посвященъ вопросу, интересующему въ настоящее время преимущественно ученыхъ филологовъ, а не живую литературную критику. Это—вопросъ о сравнительномъ изученіи языковъ и литературъ разныхъ странъ. Жозефъ Тэкстъ беретъ на себя довольно неблагодарную задачу, пытаясь внести въ изученіе литературы сравнительный методъ. Въ силу цѣлаго ряда условій образовалось глубокое различіе между исторіей литературы и критикой, и обѣ эти области съ одинаковымъ недовѣріемъ относятся одна къ другой. Изученіе литературныхъ памятниковъ древности сдѣлалось достояніемъ исторіи литературы, а обобщающіе выводы и психологическія разсужденія—дѣломъ критики. И та, и другая ревниво оберегаютъ область своей компетенціи. Для сравнительной исторіи литературы нужно большое знаніе источниковъ, а современная критика, которая все болѣе стремится быть свободной въ своихъ сужденіяхъ и

руководствоваться въ оцѣнкѣ ихъ одними внушеніями вкуса, едва ли согласится идти по тому пути, который ей указываетъ Жозефъ Тэкстъ, и останавливаться при изученіи современныхъ литературныхъ явленій на ихъ исторіи, на связи съ однородными или различными явленіями другихъ странъ. Тэкстъ, конечно, очень справедливо указываетъ на то, что сравнительный методъ расширилъ бы и углубилъ пониманіе современности. Но проповѣдь его безполезна. Историки литературы и ученые филологи уже очень давно приняли этотъ методъ и достигли сравнительнымъ изученіемъ памятниковъ литературы блестящихъ результатовъ, иногда, впрочемъ, доходя до крайностей въ своихъ гипотезахъ заимствованія. Критики, въ особенности же французскіе критики, слишкомъ вѣрятъ во всеспасительность національныхъ традицій, чтобы считать нужнымъ изученіе чего-либо выходящаго изъ предѣловъ французской жизни и французской литературы.

Исходной точкой Жозефу Тэксту служитъ вышедшій болѣе десяти лѣтъ тому назадъ трудъ англичанина Познета: „Comparative Literature" (Hutcheson Macauley Posnett). Конечно, самый принципъ сравнительнаго изученія не новый. Сравненіемъ между собой греческихъ и латинскихъ писателей занимались издавна, но и самая область сравненія была невелика, а главное—въ періодъ расцвѣта греческой культуры въ древности и въ періодъ Возрожденія, умы не были открыты для космополитизма. Греческая культура считалась выше всякой другой—варварской—и служила мѣриломъ для сужденій о всѣхъ другихъ. О взаимодѣйствіи же не могло быть и рѣчи. Произведенія искусства интересовали только тѣмъ, что̀ они создавали безотносительнаго и вѣчнаго. Все историческое, т.-е. связь съ извѣстнымъ моментомъ въ жизни народа, отраженіе его внутренней и внѣшней жизни, его идей и его обычаевъ, казались чѣмъ-то мало значительнымъ. Литература и искусство, къ какому времени они ни относились бы, интересовали прежде, въ особенности въ средніе вѣка, только своимъ отношеніемъ къ объединяющему началу всей духовной жизни даннаго періода, къ религіознымъ и философскимъ идеямъ времени. Все различающее памятники искусства по времени и мѣсту казалось несущественнымъ.

Изученіе особенностей различныхъ литературъ и вмѣстѣ съ тѣмъ историческій взглядъ на условія ея развитія въ каждой отдѣльной странѣ—побѣда новаго времени. Въ ней начало критики вообще, и на ней Тэкстъ основываетъ принципъ сравнительнаго изученія литературы. Переходя, для провѣрки своихъ отвлеченныхъ взглядовъ, къ французской литературѣ и ея развитію, Тэкстъ видитъ, что въ XVI в. велико еще было вліяніе на нее иностранныхъ литературъ, въ осо-

бенности итальянской и испанской. Въ XVII же вѣкѣ французская литература прониклась гордымъ сознаніемъ своего собственнаго величія. Она нашла въ самой себѣ удовлетвореніе и перестала смотрѣть въ сторону другихъ странъ. Франція, какъ въ древности Греція, развивала въ себѣ духъ универсальности, стремилась воплотить лишь безотносительное, общечеловѣческое и утратила интересъ къ своеобразнымъ отдѣльнымъ проявленіямъ общихъ основъ духовной жизни. Другими словами, классическая Франція перестала совершенно интересоваться тѣмъ, что̀ происходитъ за ея предѣлами, и относилась ко всему чужому съ пренебреженіемъ и отсутствіемъ пониманія. Тэкстъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій того времени, показывающихъ, какъ далеко зашли французы въ своемъ презрительномъ отношеніи ко всему иностранному. Объ этомъ уже сѣтовалъ Лабрюйеръ. „Предразсудки французовъ,—писалъ Лабрюйеръ въ главѣ „О сужденіяхъ",—вмѣстѣ съ національной гордостью заставляютъ насъ забывать, что разумъ проявляется во всѣхъ климатахъ, что вездѣ, гдѣ есть люди, тамъ можно услышать и правильныя сужденія. Намъ было бы непріятно, если бы къ намъ также относились тѣ, которыхъ мы называемъ варварами. А между тѣмъ наше варварство заключается въ томъ, что мы приходимъ въ ужасъ, если другіе люди разсуждаютъ, подобно намъ". Этотъ наивный ужасъ передъ неизвѣстнымъ и дѣтское изумленіе передъ литературой другихъ странъ постоянно сказываются въ XVII вѣкѣ. „У англичанъ,—говорилъ Леклеркъ въ своихъ „Mélanges Critiques",—есть много хорошихъ произведеній. Какъ жаль, что авторы этихъ странъ писали только на своемъ языкѣ! Нельзя вѣдь въ самомъ дѣлѣ знать англійскій языкъ. Не англичаниномъ же быть или персомъ".

При такихъ условіяхъ трудно было зародиться сравнительной исторіи литературы, и въ самомъ дѣлѣ, не во Франціи ея родина, а въ Германіи, гдѣ она порождена была протестомъ противъ французскаго вліянія. Лессингъ, Гердеръ, Шиллеръ, Тикъ и братья Шлегели были иниціаторами движенія. Но плоды ихъ начинаній созрѣли во Франціи. Въ томъ видѣ, какъ м-мъ де-Сталь, Вильменъ, Тэнъ понимали сравнительную литературу, она стала, съ одной стороны, источникомъ сосредоточенности, углубленія въ самой себѣ, развитія народной литературы, а съ другой стороны—общительности, обмѣна духовныхъ силъ съ другими странами. Національзмъ и космополитизмъ—одинаково слѣдствія сравнительнаго изученія литературъ. Если Европа, а въ частности Франція, пойдутъ по этому пути, то въ результатѣ Тэкстъ предвидитъ образованіе коллективной души въ Европѣ, своего рода литературныхъ „соединенныхъ штатовъ".

Это должно расширить пониманіе литературныхъ явленій, которыя

никогда не ограничены историческими условіями страны своего происхожденія. Какъ на примѣръ литературныхъ теченій, задѣвшихъ всѣ европейскія страны, Тэкстъ указываетъ на связь французскаго эпоса съ Нибелунгами и на вліяніе Петрарки на французскую и англійскую литературу. Въ противоположность тому, что̀ онъ говорилъ объ отсутствіи космополитизма во Франціи XVIII вѣка, Тэкстъ утверждаетъ, что въ современной Франціи начинаетъ развиваться то̀, что̀ м-мъ де-Стааль называла „общеевропейскимъ духомъ". Въ доказательство этого онъ приводитъ выдержки изъ книги о Гёте Эжена Гондара, который настаиваетъ на пользѣ иностранныхъ сужденій о литературныхъ движеніяхъ различныхъ странъ. Такъ какъ, по словамъ Жозефа де-Местра, „каждая нація является для другой какъ бы потомствомъ въ современности", то для оцѣнки художественнаго произведенія очень важно мнѣніе о ней иностранцевъ. Изученіе иностранныхъ литературъ важно такимъ образомъ и для пониманія національной литературы, и для обогащенія общеевропейской духовной жизни установленіемъ духовныхъ нитей между отдѣльными народностями.

Въ этихъ сужденіяхъ Тэкста о космополитизмѣ сказывается независимость ума. Но если перейти отъ этого очерка, рекомендующаго французамъ заняться иностранными литературами и отречься отъ своей замкнутости, къ другому, носящему заглавіе: „Литературная гегемонія Франціи", то мы увидимъ, какъ быстро кажущаяся отрѣшенность отъ національныхъ предразсудковъ смѣняется болѣе обычнымъ для француза шовинизмомъ. Критикъ интересуется вовсе не тѣмъ, что̀ другія литературы могутъ дать Франціи, а ролью самой Франціи въ литературѣ другихъ странъ, ея вліяніемъ, или, выражаясь его пышнымъ слогомъ, ея „гегемоніей". Факты, которые приводитъ Тэкстъ, хорошо извѣстны, и ничего новаго мы не найдемъ въ его очеркѣ. Рѣчь идетъ, конечно, все о той же модѣ на все французское, которая господствовала въ литературѣ восемнадцатаго и отчасти девятнадцатаго вѣка, также какъ и ранѣе того, въ концѣ семнадцатаго вѣка". Говорить хорошо по-англійски, какъ утверждалъ поэтъ Вичерлей въ царствованіе Карла II, „считается теперь признакомъ дурно̀го воспитанія". Относительно восемнадцатаго вѣка Тэкстъ приводитъ и слова Карамзина, повторявшаго самому себѣ: „я теперь въ Парижѣ!", и слова неаполитанца Гальяни, который считалъ, что „нельзя жить внѣ Парижа", и что единственная вина, которую онъ, Гальяни, сознаетъ за собой, и въ которой онъ все-таки не виновенъ, это то, что онъ родился въ Неаполѣ, а не въ Парижѣ. Другой неаполитанецъ, итальянскій посланникъ въ Парижѣ, говорилъ, что самое прекрасное мѣсто (place) въ мірѣ—это площадь (place) Vendôme. Всѣ эти лестные для національнаго самолюбія факты Тэкстъ приводитъ для того, чтобы

разобраться въ причинахъ этой гегемоніи. Находитъ онъ ее въ характерѣ французскаго ума, который своимъ гуманизмомъ и классической законченностью является завершителемъ воспитанія другихъ европейскихъ странъ. Тэкстъ полагаетъ, что Франція сильна тѣмъ, что ея классическій вѣкъ задавался преимущественно задачами нравственности. Идею гуманности, которая составляетъ центръ европейской литературы восемнадцатаго вѣка, Тэкстъ считаетъ чисто французской, и благодаря ей Франція, будто бы, завершила воспитаніе Европы. Съ этимъ объясненіемъ французской гегемоніи въ Европѣ нельзя согласиться. Тамъ, гдѣ французская литература оказывала вліяніе, она менѣе всего способствовала поднятію нравственности. Мораль, которую она проповѣдовала, была литературнымъ пріемомъ, а не потребностью любящей и вѣрующей души, и поэтому самая проповѣдь ея была чисто разсудочная. Французское вліяніе сказывалось гораздо болѣе въ извѣстныхъ художественныхъ формахъ, въ стремленіи замѣнить жизнь души жизнью ума, чѣмъ серьезнымъ отношеніемъ къ французской проповѣди гуманности. Гораздо вѣрнѣе Тэкстъ опредѣляетъ вторую черту французскаго вліянія—сильно развитой въ ней духъ общественности. Послѣдняя создавалась привычками французскаго ума и гораздо болѣе привлекала къ себѣ сердца и вкусы, чѣмъ дидактизмъ классической французской литературы. Могущественнымъ средствомъ къ воплощенію этого свойства французской натуры служилъ гибкій французскій языкъ съ его основнымъ свойствомъ—ясностью и изобразительностью. Ему Франція обязана въ значительной степени успѣхомъ своей миссіи, и, указывая на это, Тэкстъ вполнѣ справедливо ищетъ основаній французской гегемоніи въ прошломъ. Часть книги Тэкста посвящена вопросу о нѣкоторыхъ иностранныхъ вліяніяхъ на французскую литературу. Болѣе всего его интересуетъ, какъ отразился оптимизмъ нѣкоторыхъ англійскихъ поэтовъ на современной французской литературѣ. Этотъ вопросъ онъ подробно изучаетъ въ очеркѣ о Вордсвортѣ и вліяніи англійской школы „озерныхъ поэтовъ“ на французскую поэзію, а также въ статьѣ о Елизаветѣ Броунингъ и англійскомъ идеализмѣ.

III.

— *Augustin Filon.* Merimée. Paris. 1898. Стр. 177.

Новый томикъ извѣстнаго французскаго изданія: „Grands écrivains français“ представляетъ особый интересъ. Онъ заключаетъ въ себѣ біографію и характеристику Проспера Меримé—одного изъ самыхъ

привлекательныхъ и наименѣе утратившихъ значеніе для нашего времени писателей французской романтической школы. Для Россіи Мериме́ имѣетъ еще спеціальное значеніе, какъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ французскихъ писателей, или, быть можетъ, даже единственный, который понималъ русскую литературу, понялъ и переводилъ Пушкина, Гоголя и Тургенева. Теперь, въ виду наступающихъ Пушкинскихъ дней, книга Огюстэна Филона имѣетъ значеніе и тѣмъ, что выясняетъ, какъ близко былъ понятъ великій поэтъ его французскимъ современникомъ. Странная судьба! Въ наше время космополитизмъ принялъ такіе широкіе размѣры, Франція гордится духовнымъ родствомъ съ Россіей, а между тѣмъ величайшіе наши писатели извѣстны во Франціи лишь въ искаженномъ видѣ. Французскіе переводчики въ родѣ, напр., Гальперина-Каменскаго и его сотрудника Мориса, не стѣсняются придѣлывать конецъ къ „Братьямъ Карамазовымъ“, женить Алешу на Лизѣ, устраивать побѣгъ Мити и его женитьбу на Грунѣ. Для того, чтобы найти добросовѣстное отношеніе къ русскому генію во Франціи, нужно искать его въ далекой порѣ романтизма. Въ воображеніи большинства французовъ Россія рисовалась еще тогда страной вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ по улицамъ городовъ ходятъ медвѣди. Но среди тѣхъ же французовъ оказался писатель съ чуткой, открытой душой—и онъ понялъ чуждый французамъ духъ русской поэзіи, малѣйшіе оттѣнки русскаго языка.

Интересъ къ русской литературѣ, а также къ русской исторіи—не случайное явленіе у Мериме́. Онъ связанъ съ общимъ характеромъ его творчества. Мериме́ испыталъ на себѣ много иностранныхъ вліяній. Семья его родителей была близка съ нѣсколькими выдающимися людьми въ Англіи, и остроумный англійскій писатель Вильямъ Газлитъ былъ однимъ изъ первыхъ иниціаторовъ Мериме́ въ англійскомъ языкѣ. Съ дѣтства́ Мериме съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ иностранныя литературы, хорошо зналъ древніе языки и еще лучше испанскій, англійскій; позднѣе къ этому присоединилось знаніе славянскихъ нарѣчій. Мериме́, въ противоположность большинству своихъ соотечественниковъ, отличался огромной любознательностью относительно всего, что̀ касается человѣческой души, и любилъ наблюдать ее во всевозможныхъ условіяхъ. Каждый новый языкъ открывалъ ему новыя сокровища духа. Онъ былъ страстный путешественникъ, зналъ хорошо Испанію, Востокъ, съ особеннымъ интересомъ изучалъ разныя дикія народности, цыганъ и т. п. У него была особая любовь къ самобытному во всемъ, въ особенности къ цѣльнымъ характерамъ и живописнымъ нравамъ. Благодаря этому свойству своей натуры, Мериме́ обратилъ одно изъ внѣшнихъ свойствъ французскаго романтизма въ источникъ болѣе глубокой красоты. Французскому

романтизму свойственъ былъ экзотизмъ, внесенный въ него Шатобріаномъ и доведенный до крайнихъ предѣловъ Викторомъ Гюго. Но не трудно усмотрѣть театральность выдуманнаго Востока французскихъ романтиковъ. Все это давно исчезло для литературы. Восточная оболочка кажется дешевымъ маскарадомъ, портящимъ въ сущности впечатлѣніе оригинальныхъ поэтическихъ достоинствъ французскихъ поэтовъ. Восточные костюмы и нравы у Гюго и другихъ кажутся рамой, нехорошо подобранной къ картинѣ, какой-то условной обстановкой, затрудняющей проявленіе самобытнаго духа времени.

Совсѣмъ не то у Мериме́. Онъ обладалъ необычайнымъ для француза умѣньемъ проникаться чувствами и привычками другихъ странъ, и это обогащало его природный художественный талантъ. Быть можетъ, потому Мериме въ своихъ повѣстяхъ такъ схватываетъ сложность душевной жизни и такъ правдиво грустенъ, что онъ наблюдалъ дѣйствіе страстей подъ разными небесами и наталкивался на сюрпризы судьбы и неожиданности характеровъ и въ стихійныхъ натурахъ, созрѣвшихъ и живущихъ внѣ культурныхъ условій, также какъ у людей утонченной вѣковой культуры.

Связь Мериме́ съ романтизмомъ очень сильная; она состоитъ главнымъ образомъ въ томъ исключительномъ значеніи, которое онъ придаетъ жизни страстей. Только въ нихъ онъ видитъ красоту, силу и трагизмъ. Но все остальное—анализъ страстей, эстетическое отношеніе къ нимъ и философскіе замыслы — отличаютъ Мериме́ отъ остальныхъ французскихъ романтиковъ. Ближе, чѣмъ къ кому-либо изъ романтиковъ, Мериме́ былъ къ Стендалю. Въ жизни онъ былъ съ нимъ друженъ, но постоянно говорилъ о томъ, что многое ихъ раздѣляетъ. Онъ не признавалъ теоретическихъ воззрѣній Стендаля, не придавалъ большого значенія его борьбѣ противъ классицизма во имя Шекспира и, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ со Стендалемъ лишь нѣсколько общихъ антипатій. А между тѣмъ безсознательно Мериме́ весьма близокъ къ манерѣ Стендаля; онъ тоже ищетъ въ человѣческой душѣ скрытую силу и не предпочитаетъ выдуманныхъ ради эффекта аккордовъ психологическимъ диссонансамъ, которые на самомъ дѣлѣ составляютъ правду души. Романтики искали только внѣшней яркости въ психологическихъ сюжетахъ, и Стендаль, съ его мучительнымъ любопытствомъ и непремѣннымъ исканіемъ правды, оставался непонятымъ многіе десятки лѣтъ. Мериме́, его несомнѣнный единомышленникъ, имѣлъ больше точекъ соприкосновенія со своимъ временемъ, благодаря своей любви къ живописному и эксцентричному, но сущность его творчества гораздо ближе намъ, чѣмъ его современникамъ. Намъ понятны и двойственность его заключеній, и то, что онъ не навязываетъ страстнымъ душамъ искусственной гармоніи, и то, что во

всѣхъ анализахъ страстей онъ проявляетъ нѣкоторую холодность и искусственность, чуждую романтикамъ. Въ разсказахъ его бушуютъ страсти, но чувствуется, что самъ художникъ—внѣ своихъ разсказовъ, что онъ преслѣдуетъ художественныя цѣли, возбуждаетъ впечатлѣніе ужаса искусной градаціей событій, продѣлывая это безъ всякаго ущерба для правдивости разсказа. Такая отдѣленность разсказчика отъ своего сюжета была совершенно не въ нравахъ романтиковъ. Они всегда, напротивъ того, утопали въ своихъ сюжетахъ; лиризмъ ихъ билъ черезъ край. У Мериме́ ве сходитъ съ устъ скептическая улыбка спокойнаго дэнди, который считалъ бы величайшимъ позоромъ для себя излишество въ чемъ бы то ни было, особенно въ страстныхъ порывахъ. И вотъ почему романтикъ Мериме́, влюбленный въ экзотизмъ, въ страстныхъ и коварныхъ испанокъ, въ мстительныхъ корсиканокъ, оказывается сродни Эдгарду Поэ, и Стивенсону, и Бодлэру, и всѣмъ, кто разсказываетъ о возможномъ и невозможномъ въ жизни, не настаивая на томъ, что въ жизни бываетъ только объяснимое, но и не проявляя никакой вѣры въ чудеса.

Сложность поэзіи Мериме́, смѣсь романтизма съ скептицизмомъ и мистицизмомъ въ его талантѣ, проявилась нѣсколько слабѣе въ его первоначальныхъ драматическихъ произведеніяхъ и необычайно сильно —въ его маленькихъ повѣстяхъ.

Прежде, чѣмъ писать повѣсти, Мериме́ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ драмъ, комедій и драматическихъ хроникъ. Къ нему примѣнили даже прозвище, которымъ злоупотребляли во всѣхъ странахъ: его долго звали „новымъ Шекспиромъ", какъ разъ за тѣ пьесы, которыя въ его время имѣли значительный успѣхъ, но уже давно забыты. Страсть къ мистификаціи, общая у Мериме́ съ его пріятелемъ Стендалемъ, заставила его выступить не подъ своимъ именемъ. Онъ написалъ нѣсколько драмъ, въ старо-испанскомъ вкусѣ, приписалъ ихъ невѣдомой испанской писательницѣ, Кларѣ Газуль, и снабдилъ томикъ подъ названіемъ „Le théatre de Clara Gazul" біографіей авторши. Тамъ разсказывалось о ея бѣгствѣ изъ монастыря, о воспитаніи ея, о дальнѣйшихъ приключеніяхъ въ жизни и о славѣ, которой она пользуется на родинѣ. Нѣкоторые экземпляры сборника были даже снабжены портретомъ Клары Газуль, т.-е. на самомъ дѣлѣ портретомъ самого Мериме́, по наброску Дэлеклюза, въ мантильѣ, съ золотымъ крестомъ на обнаженной шеѣ. Въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ Мериме́ есть особая прелесть. Онъ не вполнѣ оригиналенъ; воображеніе его намѣренно работаетъ въ духѣ Лопе де-Веги и Кальдерона. Въ пьесахъ изображены самыя несложныя страсти, романтически бурныя, но въ разработку ихъ Мериме́ вноситъ очень часто личную нотку. Подъ прикрытіемъ испанскаго благочестія онъ высмѣиваетъ католическихъ духов-

никовъ и монаховъ, какъ, напр., въ извѣстной пьесѣ „Женщина-дьяволъ“ и Небо и Адъ“. Обѣ пьесы нравились своимъ нѣсколько свободнымъ отношеніемъ къ католической церкви. Монахи, считающіе женщину исчадіемъ ада, соблазняются первой попавшейся имъ благочестивой католичкой и терпятъ за это наказаніе. Женщина, выдавшая, подъ вліяніемъ своего духовника, тайну своего возлюбленнаго, спасаетъ послѣдняго отъ казни тѣмъ, что закалываетъ въ тюрьмѣ духовника, и т. д. Особенность испанскихъ пьесъ Мериме—та, что въ нихъ незамѣтно совершается переходъ отъ шутливаго тона комедіи къ неожиданно трагическому заключенію. Никакого перелома въ пьесахъ нѣтъ; исходное положеніе приводитъ къ вытекающему изъ него драматическому концу, и никакое постороннее обстоятельство не препятствуетъ совершиться тому, что̀ совершиться должно. Если въ началѣ пьесы герою или героинѣ грозитъ смерть, то можно быть увѣреннымъ, что въ концѣ онъ умретъ. Психологической борьбы, которая въ современномъ театрѣ отдѣляетъ завязку отъ развязки и готовитъ зрителю неожиданный конецъ, обусловленный борьбой воли противъ обстоятельствъ, нѣтъ въ пьесахъ Мериме. Драматизмъ его пьесъ основанъ на быстротѣ событій, на естественномъ развитіи страстей, ведущихъ къ роковымъ развязкамъ. Но романтизмъ смѣшанъ у Мериме съ ироніей. Въ концѣ его пьесъ по испанскому обычаю мертвые встаютъ, улыбаются, кланяются публикѣ и просятъ извинить автора за недостатки его пьесъ. Эти иронически-символическія заключенія пьесъ характерны для Мериме. Любовь кажется ему сновидѣніемъ, страсть—кошмаромъ. Все въ искусствѣ, а можетъ быть и въ самой жизни—мимолетная иллюзія и забава.

Едва успѣли узнать, что Клара Газуль на самомъ дѣлѣ—молодой драматургъ Мериме, какъ появился сборникъ, южно-славянскихъ пѣсенъ и легендъ подъ названіемъ „La Guzla“, результатъ долгихъ странствованій по южно-славянскимъ странамъ. На самомъ дѣлѣ это былъ результатъ желанія странствовать. Мериме самъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ ему и его другу Амперу хотѣлось объѣздить востокъ Европы. Они рѣшили описать свое путешествіе, выгодно продать его и вырученныя деньги употребить на то, чтобы провѣрить вѣрность своихъ описаній. Они раздѣлили между собой трудъ и на долю Мериме вышло собираніе южно-славянскихъ пѣсенъ и повѣрій. Денежный разсчетъ ихъ оказался невѣрнымъ: сборникъ разошелся въ самомъ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ. Но художественный успѣхъ былъ огромный. Какъ извѣстно, даже Пушкинъ попался въ ловушку Мериме и переводилъ его мнимо-славянскія пѣсни.

Вернувшись снова къ драматическому творчеству, Мериме обнаружилъ страсть къ историческимъ сюжетамъ. „Хроника Карла IX“,

„Жакерія“ представляютъ нѣчто среднее между драмой и историческимъ романомъ; въ нихъ уже видно преобладаніе разсказчика Мериме́ надъ драматургонъ такъ же, какъ въ его позднѣйшихъ пьесахъ; „Два наслѣдства“, „Недовольные“ и др. Любовь къ историческимъ сюжетамъ и особая любознательность Мериме́ по отношенію къ историческимъ загадкамъ побудили его впослѣдствіи написать драму о Лжедмитріѣ и высказать собственную гипотезу о личности самозванца.

Мериме́ вступилъ на вѣрный путь, когда началъ писать повѣсти. Въ это время, т.-е. въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, жизнь его была полна всевозможныхъ событій; онъ жилъ свѣтской жизнью, занималъ высокое положеніе въ административной службѣ, путешествовалъ и знакомился съ выдающимися людьми разныхъ странъ, познакомился и подружился съ семействомъ будущей французской императрицы, и чрезъ Евгенію Монтихо сталъ уже въ концѣ своей жизни близокъ ко двору Наполеона III.

Для его писательской дѣятельности блестящая служебная и политическая карьера не имѣла большого значенія. Историческіе труды, которые онъ писалъ по порученію Наполеона, не имѣютъ цѣны. На Мериме́, какъ художника, гораздо больше оказали вліянія его многочисленныя увлеченія, его долголѣтняя вѣрная любовь къ одной свѣтской женщинѣ, а затѣмъ сначала письменная, а потомъ личная дружба съ таинственной корреспонденткой—Жени Дакенъ—и другими „знакомками“ и „незнакомками“, которымъ онъ писалъ столь увлекательныя письма.

Повѣсти Мериме́ останавливаются преимущественно на непонятномъ въ жизни и въ особенности въ психологіи людей. Многія его произведенія напоминаютъ Эдгара Поэ и могли бы войти въ сборники его „Необыкновенныхъ разсказовъ“. У Мериме́ нѣтъ вѣры въ чудеса; напротивъ того, онъ скептикъ. Но, будучи скептикомъ, онъ не матеріалистъ,—въ этомъ его отличіе отъ разсказчиковъ XVIII-го вѣка. Его привлекаютъ тѣ моменты, когда возможное и невозможное имѣютъ одинаковое право на нашу вѣру. Рисуя такіе моменты, онъ прежде всего преслѣдуетъ художественныя цѣли—возбудить настроеніе ужаса, расшевелить мистическое чувство, спящее въ людяхъ. Для разума онъ не даетъ никакихъ рѣшеній, но открываетъ для искусства область стихійныхъ чувствъ, которыя живутъ помимо внушенія разума. Создавъ такое отношеніе къ непонятному, Мериме́ разбиваетъ въ литературѣ скептицизмъ XVIII вѣка, замѣняя его мистицизмомъ, соотвѣтствующимъ общему теченію мысли нашего вѣка.

„Vénus d'Ile“—одинъ изъ самыхъ яркихъ разсказовъ Мериме́. Какъ истинный художникъ, онъ даже не выдумываетъ сюжеты, а пользуется преданіями: новобрачный въ разсѣянности одѣлъ кольцо на

палецъ статуи, стоявшей въ саду; статуя становится соперницей молодой жены, мучитъ молодого супруга; и подъ вліяніемъ страшныхъ галлюцинацій происходитъ кровавая катастрофа. Все искусство Меримé направлено на градацію впечатлѣній, на то, чтобы невозможное происшествіе сдѣлалось психологически вѣроятнымъ и, дѣйствуя на нервы, возбудило въ душѣ читателя странное сознаніе, что нѣтъ границы между невозможнымъ и возможнымъ, что самое обычное столь же таинственно, какъ самое сказочное. Весь талантъ Меримé—въ этомъ пріемѣ, на немъ основаны его лучшіе разсказы: „Les âmes du purgatoire“, „Lokis“ и т. д.

Есть цѣлый рядъ психологическихъ повѣстей у Меримé: самыя лучшія изъ нихъ—„Коломбо“ и „Карменъ“. Въ нихъ онъ прежде всего увлеченъ живописной стороной своихъ сюжетовъ. Картина цыганской жизни въ „Карменъ“ и корсиканской въ „Коломбо“ полны яркаго колорита. Психологія страсти пріобрѣтаетъ особый отпечатокъ въ изображеніи Меримé. Чрезвычайно характеренъ въ этомъ отношеніи конецъ „Карменъ“. Меримé съумѣлъ сдѣлать обаятельнымъ образъ этой женщины, надѣленной не только пороками, но и мелкими чертами, которыя болѣе всего развѣнчиваютъ поэтическій образъ: Карменъ—воровка, и, казалось бы, читатель не долженъ простить этого автору. А между тѣмъ смерть Карменъ полна страннаго величія; вся ея жизнь искупается тѣмъ, что она сознаетъ въ себѣ стихійное начало свободы и понимаетъ справедливость. Возлюбленный, которому она была долго вѣрна душой, хотя часто обманывала и измѣняла ему, сталъ ея мужемъ по цыганскому обряду—и тогда она любить его не можетъ. Чувство свободы въ ней стихійное. Сознаніе ея свѣтлѣетъ,—чѣмъ ближе роковой конецъ, вытекающій изо всѣхъ ея дѣйствій. Хозэ, котораго она погубила, говоритъ, что онъ убьетъ ее, если она не откажется отъ своихъ развлеченій и не покинетъ вмѣстѣ съ нимъ навсегда Испанію; но она ему просто объясняетъ, что она въ свою очередь можетъ повиноваться только своей природѣ и должна противиться всякому игу. Здѣсь, какъ во всѣхъ повѣстяхъ и драмахъ, Меримé доходитъ до конца въ своихъ выводахъ. Карменъ погибаетъ отъ кинжала ревниваго мужа—въ доказательство того, что жизнь имѣетъ свои законы, противоположные стихійнымъ требованіямъ души.

Чрезъ всѣ разсказы Меримé проходитъ та же философія жизни: полугрустная, полускептическая, сочетающая романтизмъ чувствъ съ исканіемъ значенія чувствъ и страстей для высшихъ цѣлей бытія. Этой философіи соотвѣтствуетъ художественная манера Меримé, его умѣнье схватить характерныя подробности и обнажить неожиданныя глубины натуры въ самыхъ легкомысленныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

IV.

— *Georges Rodenbach.* Carillonneur. Bruges la Morte. Règne du Silence etc., 1888—1898.

Жоржъ Роденбахъ, умершій въ концѣ минувшаго года,—бельгійскій поэтъ и романистъ. Все, что̀ онъ писалъ, тѣсно связано съ національными чертами и вѣковыми привычками бельгійской жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Роденбахъ—одинъ изъ самыхъ характерныхъ писателей „молодой Франціи".

Въ послѣдніе годы или, вѣрнѣе, въ послѣднее десятилѣтіе, замѣтно очень живое участіе Бельгіи въ духовной жизни Франціи. Многіе изъ современныхъ французскихъ поэтовъ и художниковъ—уроженцы Бельгіи: Метерлинкъ, Роденбахъ, Артуръ Ренбо (Rimbaud), Варгеренъ (Varhaeren), Экгудъ, Камиллъ Моклэръ, Ропсъ—граверъ „сатаническихъ" картинъ, Кнопфъ (Knopf) французскій прерафаэлитъ,—всѣ они, и многіе другіе, внесли очевидно во французскую литературу нѣчто, столь соотвѣтствующее ея общимъ потребностямъ, что составили нераздѣльную часть французской современности. Въ чемъ же причина этого неожиданнаго вторженія бельгійскаго элемента во французскую литературу и искусство,—вторженія менѣе всего враждебнаго, а напротивъ, мирнаго и желаннаго? Отвѣтъ на это легко найти, вглядѣвшись въ общую картину современной литературной жизни. Надъ европейской литературой пронесся духъ сѣвера. Скандинавія и Россія, долго ограниченныя въ своихъ художественныхъ проявленіяхъ кругомъ національныхъ читателей, вдругъ открылись западной Европѣ. Невѣдомая до того норвежская драма и русскій романъ оказались источникомъ новыхъ вѣяній въ литературѣ Франціи. Но, чувствуя лишь смутно оригинальную силу угрюмаго сѣвернаго міросозерцанія, Франція, по темпераменту, по вѣковымъ привычкамъ національнаго ума, не могла проникнуться вліяніемъ сѣвера; она по-своему поняла значеніе драмъ Ибсена и русскаго романа, изъ котораго извлекла лишь интересъ къ мелодраматической сторонѣ романовъ Достоевскаго и проповѣдь какой-то театральной и внѣшней жалости. Тѣмъ не менѣе обновленіе, сказавшееся въ расширеніи національныхъ традицій, въ открытіи доступа чужеземнымъ вліяніямъ, имѣло очень важныя послѣдствія для Франціи, пробудивъ тяготѣніе къ созерцательной жизни, къ тому, что̀ въ новѣйшей литературѣ называютъ „сѣверными настроеніями" и что̀ противоположно обычной ясности французскаго ума. Тогда оказалось, что этотъ желанный сѣверъ, съ тѣми его свойствами, которыя наибо-

лѣе обаятельны для французовъ, совсѣмъ близокъ, что сосѣдка Франціи, маленькая Бельгія, мирно живущая воспоминаніями о прошломъ и довольная своей свободой отъ политическихъ осложненій, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ элементы нужнаго Франціи „латинскаго сѣвера", и въ то же время чужда проповѣдничества, пугающаго французовъ въ творчествѣ Ибсена, также какъ и вопросовъ совѣсти, непонятныхъ и скучныхъ для извѣрившихся французовъ у русскихъ романистовъ. Бельгія внесла во французскую литературу недостающую ей сѣверную вдумчивость, и сліяніе этого элемента съ другими уже чисто національными свойствами французскаго духа создало своеобразность, изысканность и разнообразіе мотивовъ въ художественномъ творчествѣ современной Франціи. Во всѣ эпохи своей литературной жизни Франція черпала свои лучшія силы въ пришлыхъ элементахъ, и въ новѣйшемъ экзотическо-философскомъ движеніи созидательное и живительное начало принадлежитъ Бельгіи, ея писателямъ и художникамъ.

Жоржъ Роденбахъ—типичный представитель своей родины. Его поэзія и его романы и повѣсти ясно показываютъ, чѣмъ обогатилась французская литература въ общеніи съ маленькой страной шумныхъ торговыхъ портовъ и уединенныхъ монастырей, гдѣ искусными руками послушницъ и монахинь плетутся тонкія драгоцѣнныя кружева. Нужно понять своеобразность Бельгіи, чтобы уяснить себѣ творчество ея поэтовъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого скопленія контрастовъ на столь маломъ пространствѣ, какъ въ этомъ треугольникѣ, составляющемъ перекрестокъ между тремя странами: Франціей, Германіей и Англіей. Вліяніе всѣхъ трехъ странъ отразилось на Бельгіи, которую справедливо называютъ „le carrefour des nations". Этнографическая пестрота этой маленькой страны осложняется существованіемъ остатковъ и традицій величественнаго прошлаго, безчисленныхъ памятниковъ архитектуры, старинныхъ городовъ, пышныхъ сооруженій, предполагавшихъ вѣчность мірового могущества, и теперь составляющихъ странный фонъ утихшихъ маленькихъ городковъ. Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ ихъ теперешней жизни медленно текущіе каналы, тихіе, какъ бы „подернутые траурнымъ крепомъ", по словамъ бельгійскаго поэта. И рядомъ съ этимъ уцѣлѣвшимъ прошлымъ, съ жизнью, сохранившей во многихъ уголкахъ Фландріи даже древніе обычаи, одежду, занятіе тѣми же, переходящими изъ рода въ родъ, ремеслами, выросла новая Бельгія, промышленная, изрѣзанная желѣзными дорогами, черная отъ копоти фабричныхъ трубъ, страна каменноугольныхъ копей, погруженная въ безпросвѣтную погоню за наживой, населенная богачами и мрачными толпами рабочаго люда.

Напряженная промышленная изобрѣтательность и поэзія мертвыхъ

городовъ создали въ теперешней Бельгіи два совершенно чуждыхъ одинъ другому міра. Такое же раздѣленіе существуетъ и между населеніемъ страны—жителями Фландріи и валлонами. Фландрія—страна задумчивыхъ водъ, католическихъ монахинь, тихой, созерцательной жизни среди далекихъ равнинъ, мирныхъ пастбищъ и патріархальнаго строя жизни. Это родина средневѣковыхъ мистиковъ, Рюисброка и другихъ, менѣе извѣстныхъ за стѣнами своихъ монастырей; тамъ же родились и писали свои наивно-мистическія картины старые художники—Мемлингъ, ванъ-Эйкъ. А рядомъ съ этой страной мечтателей и художниковъ, влюбленныхъ въ тишину, въ колокольный звонъ старинныхъ церквей и монастырей, возникла и окрѣпла подъ испанскимъ владычествомъ совсѣмъ иная, южная культура, жизнерадостная до упоенія, яркая, шумная, властная. До сихъ поръ у валлоновъ сохранились слѣды южной крови въ чертахъ лица ихъ смуглыхъ, черноглазыхъ женщинъ, въ страстности и оживленности народнаго характера и всей жизни. Антверпенъ съ его торговымъ портомъ, съ расположенными вокругъ промышленными городами—центръ той Бельгіи, которая сохранила нетронутыми преданія испанской старины. Вѣковая исторія Фландріи наиболѣе глубоко отразилась на Брюгге; этотъ маленькій городокъ дышетъ одухотворенной красотой, дѣлающей его достойною колыбелью искусства. Брюгге—своего рода Флоренція сѣвера; красота его очень изысканная; она лишена эффектныхъ зрѣлищъ, вся въ полутонахъ, въ мягкихъ очертаніяхъ, въ охватывающей душу тишинѣ спокойныхъ водъ, въ архаическихъ очертаніяхъ домовъ съ острыми фасадами, въ тонкости и высотѣ безчисленныхъ готическихъ церквей и часовенъ и въ колокольномъ звонѣ, который составляетъ національную гордость Фландріи своей музыкальностью. Подобно Флоренціи, Брюгге сталъ родиной искусства и поэзіи. Изъ контрастовъ Фландріи и Валлоніи создалась своеобразность національнаго духа Бельгіи, сочетающаго мистическіе порывы съ развитіемъ практическихъ инстинктовъ, мечтательность съ предпріимчивостью, внѣшнее спокойствіе и даже флегматичность—съ пробужденіями скрытой страстности.

Два поэта воплотили наиболѣе полно духъ Фландріи—Метерлинкъ и Роденбахъ. Метерлинкъ болѣе широкъ въ своихъ замыслахъ, его философскія драмы охватываютъ судьбы всего человѣчества; легенды родины и колоритъ ея жизни служатъ ему только источникомъ образовъ, въ которыхъ воплощается его ученіе о жизни и смерти. Роденбахъ же всей своей жизнью, всѣмъ своимъ творчествомъ, связанъ съ мѣстами и зрѣлищами, окружавшими его съ дѣтства, воспитавшими въ немъ опредѣленное пониманіе красоты, стремленіе воплотить ее въ поэзіи. Всѣ положительныя качества его произведеній и всѣ не-

достатки его писательской манеры зависятъ отъ того, что единственный источникъ его вдохновенія—мертвый городъ съ великимъ прошлымъ. Поэзія и проза Роденбаха—единственный въ своемъ родѣ примѣръ сліянія души художника съ душой города. Читая повѣсти, романы и стихи Роденбаха, мы какъ бы ходимъ по улицамъ Брюгге—до того предметы, видъ улицъ и зданій, звуки церковной музыки, колокола, процессіи преобладаютъ надъ психологической фабулой, надъ личными интересами и переживаніями немногочисленныхъ героевъ. Роденбахъ любитъ Брюгге, какъ Данте любилъ Флоренцію. Но для великаго итальянскаго поэта Флоренція была отечествомъ въ буквальномъ смыслѣ слова—онъ тамъ родился и выросъ. Роденбахъ же родился (въ 1855 г.) въ другомъ бельгійскомъ городѣ—въ Турнэ, гдѣ жилъ его отецъ, извѣстный ученый. Брюгге—его вторая родина, та, въ которой онъ нашелъ удовлетвореніе своихъ влеченій къ тишинѣ и созерцанію. Ей онъ посвятилъ свое художественное дарованіе, подобно тому, какъ живописцы избираютъ иногда одно лицо, и всегда его повторяютъ въ разныхъ картинахъ; это углубляетъ и одухотворяетъ изображенія красоты, все болѣе и болѣе раскрывающей свою тайну воодушевленному любовью созерцателю. Какъ ликъ мадонны для благочестиваго живописца, такъ Брюгге въ своей безмолвной красотѣ является для Роденбаха постояннымъ источникомъ вдохновенія. Поэзія, отражающая жизнь мертваго города, должна была, если она искренна и правдива въ своихъ ощущеніяхъ, стать чѣмъ-то своеобразнымъ и непремѣнно искусственнымъ, манернымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своей отвлеченности и отчужденности отъ обычныхъ интересовъ жизни, чѣмъ-то очень современнымъ, отвѣчающимъ одной изъ сложныхъ, болѣзненно острыхъ и смутныхъ потребностей утонченной, усталой культуры. Таковы на самомъ дѣлѣ произведенія Роденбаха, возможныя со всѣмъ своимъ фландрскимъ мистицизмомъ только во Франціи нашихъ дней. У Роденбаха есть предшественники въ лицѣ средневѣковыхъ мистиковъ его родины, тоже очень далекихъ отъ общаго теченія жизни; но въ ихъ время Фландрія не была рядомъ мертвыхъ городовъ, и они горѣли восторженной, страстной любовью къ святынѣ духа, относились къ жизни съ паѳосомъ отрицанія. Ихъ любовь къ тишинѣ и созерцанію имѣла глубокое внутреннее содержаніе, проникнута была вѣрой, стремленіемъ осуществить суровый, ясный ихъ сознанію подвигъ любви. Прошелъ длинный рядъ вѣковъ, и у фламандскаго поэта нашихъ дней осталась лишь та же отчужденность отъ жизни, та же любовь къ нѣмымъ знакамъ божественнаго въ природѣ—безъ экстаза вѣры и любви. Роденбахъ—дилеттантъ и скептикъ въ душѣ; онъ только чувствуетъ съ исключительной остротой и тонкостью поэтическую оболочку жизни, но, увлеченный ею, не

заглядываетъ въ скрытый смыслъ таинственныхъ знаковъ. Красота для него не символъ, а цѣль. Онъ самъ—какъ бы блѣдное отраженіе нѣкогда богатой и сильной жизни, и душѣ его съ ея непонятными смутными воспоминаніями наиболѣе близка и дорога красота фламандскаго города, гдѣ все полно отзвуками и отраженіями.

Этотъ внѣшній мистицизмъ, останавливающійся на красотѣ своихъ настроеній, не можетъ быть живымъ источникомъ искусства, которое всегда должно вести впередъ, отражать правду, скрытую за явленіями. Мертвый городъ долженъ поэтому наложить печать смерти и на своего пѣвца. Если же на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ, если все-таки въ поэзіи Роденбаха есть и живая красота, то это происходитъ отъ его проникновенія жизнью предметовъ и тихой природы: и предметы, и природа воскресаютъ въ его передачѣ и начинаютъ жить углубленной жизнью. Безсознательный символизмъ, основанный не на внутреннемъ исканіи высшей правды, а только на изощренности эстетическаго чувства, дѣлаетъ Роденбаха выразителемъ особой черты современнаго искусства—манерности. Она—необходимое слѣдствіе того крайняго развитія художественнаго вкуса, до котораго дошла современная культура, въ особенности во Франціи. Когда исчерпана духовная сила, обогатившая искусство извѣстной эпохи внутреннимъ содержаніемъ, уяснившая по-своему смыслъ жизни, отмѣтившая свое отношеніе къ міру явленій и къ тому, что̀ находится за явленіями, и когда искусство перестаетъ быть идейнымъ двигателемъ, тогда наступаетъ господство формы, и творческое начало замѣняется изощренностью и изобрѣтательностью вкуса. Такое преобладаніе вкуса надъ отвлеченными идеями существовало во второй половинѣ и въ особенности въ концѣ XVIII вѣка во Франціи. Условная живопись Буше́ и Ватто, съ ея легкимъ оттѣнкомъ чувственности и порочности, кокетливо томная, холодная поэзія мадригаловъ и аллегорическихъ поэмъ—созданія манерности прошлаго вѣка. Но существуетъ огромная разница между манерностью того времени и тѣмъ, что̀ создала въ искусствѣ переутомленная культура теперешней Франціи. Манерность XVIII вѣка обусловлена царствомъ здраваго смысла и состоитъ въ игрѣ остроумія, въ эффектныхъ сочетаніяхъ словъ и красокъ, въ томъ, чтобы замѣнить жизнь души холоднымъ, равнодушнымъ эпикурействомъ. Въ наши дни манерность питается мистическими порывами, пониманіемъ трагическаго начала жизни; она только не углубляетъ этихъ ощущеній, не подходитъ къ источникамъ жизни, и довольствуется игрой формъ въ зрѣлищахъ внѣшняго міра. Красота арабесокъ и безконечная смѣна ихъ сочетаній наполняетъ собой міръ для искателей новыхъ ощущеній. Они утомлены человѣчествомъ и не хотятъ ничѣмъ быть ему полезны, даже исканіемъ высшаго смысла жизни. Жить въ

тишинѣ своей молчаливой души и созерцать ненужныя, оторванныя отъ жизни смертью или забвеніемъ формы—вотъ идеалъ французскихъ манерныхъ поэтовъ нашихъ дней. Своимъ равнодушіемъ къ вопросамъ духа, своей замкнутостью и своего рода захолустностью они, конечно, далеки отъ великаго искусства съ его широкими, всеобъемлющими задачами. Но параллельно съ истиннымъ искусствомъ существованіе манерности имѣетъ значеніе, ибо культъ красоты требуетъ исключительно занятыхъ ею жрецовъ, для которыхъ прекрасное имѣетъ само по себѣ великое значеніе. Только они могутъ открыть тайные источники красоты въ томъ, что̀ не останавливаетъ на себѣ менѣе чуткихъ и воспріимчивыхъ взоровъ. И открываемая ими красота такъ содержательна, что дѣлаетъ исключительное тяготѣніе къ ней источникомъ глубокой и обаятельно-изысканной поэзіи. Эту манерность новой поэзіи лучше всего опредѣляетъ самъ Роденбахъ, сравнивая ее съ водой въ акваріумѣ, самой прекрасной изъ водъ, благодаря своей обособленности отъ другихъ водъ, сливающихся въ безцвѣтную массу. „Въ своемъ заточеніи она становится чистой и безгрѣшной“ (D'être recluse elle s'épure, devient chaste); закрытая отъ міра, она не подвластна жизни. Сравнивая свою душу съ мирной водой акваріума, Роденбахъ восклицаетъ: „О, родственная прозрачность души и стекла! Никакое желаніе не касается ея, никакое волненіе не смущаетъ. Душа моя закрыта, и предѣлъ ея—въ ней самой; отказавшись отъ вмѣшательства въ жизнь, она очистилась этимъ и становится все болѣе и болѣе свѣтлой“:

Transparence de l'âme et du verre complice
Que nul désir n'atteint, qu'aucun émoi ne plisse.
Mon âme s'est fermée et limitée à soi,
Et n'ayant pas voulu se mêler à sa vie
S'en épure et de plus en plus se clarifie.

И въ этой обособленности—отрада поэта, источникъ его „нѣсколько грустной гордости тѣмъ, что онъ безполезенъ“ (L'orgueil un peu triste d'être inutile). Отношеніе къ жизни манерной поэзіи, созданной французской изощренностью вкуса и фламандскимъ мистицизмомъ, вполнѣ выразилось въ этихъ характерныхъ стихахъ.

Лирическая поэзія Роденбаха наиболѣе полно отражаетъ его манерность. Въ ней нѣтъ объединяющей идеи, нѣтъ глубины. Но его вкусъ изощренъ до безпримѣрной тонкости, и оттѣнки, которые онъ видитъ въ природѣ, въ предметахъ, въ настроеніяхъ, такъ неуловимы, что, открывая ихъ взору и чувству, онъ несомнѣнно обогащаетъ сознаніе и отражаетъ крайніе предѣлы вкуса нашего времени съ его духовностью и холодностью, такъ же, какъ живописцы временъ рококо отразили, преувеличивая и изощряя его, вкусъ XVIII вѣка.

Предметы лирической поэзіи Роденбаха—тишина, неодушевленные предметы, тихія воды, далекій звонъ колоколовъ, умирающіе звуки. Одинъ изъ его сборниковъ озаглавленъ: „Царство тишины" (Le règne du silence), другой—„Voyage dans les yeux"; есть еще сборникъ подъ названіемъ: „Jeunesse Blanche". Самыя заглавія книгъ опредѣляютъ характеръ его поэзіи. Въ противоположность многимъ изъ новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, Роденбахъ пишетъ простымъ и совершенно понятнымъ стихомъ. Никакой внѣшней туманности въ его стихахъ нѣтъ. И тѣмъ отчетливѣе выступаетъ его внутренняя обособленность, его исканіе тишины и смерти въ жизни и природѣ. Богатство оттѣнковъ, которые ему открываются, необычайно. Предметы въ тихой комнатѣ кажутся ему живыми. Онъ чувствуетъ, какъ живетъ зеркало воспоминаніями всего въ немъ отраженнаго, подслушиваетъ замираніе безмолвной жизни въ вечерній часъ, когда человѣкъ, чувствуя смерть предметовъ, искусственно приводитъ ихъ къ жизни, зажигая лампу. Его душа „страдаетъ отъ смерти букета цвѣтовъ". Въ замолкнувшемъ роялѣ онъ видитъ слѣды „безгрѣшныхъ пальцевъ невѣсты"; комната ему кажется полной сновъ, а большія дѣдовскія кресла—стариками, которые жмутся къ огню. Складки занавѣси перешептываются о возвращеніи того, кого давно нѣтъ, а когда наступаетъ новорожденный вечеръ, то лампы тихо раскрываются къ свѣту, какъ глаза. Въ тишинѣ водъ онъ чувствуетъ самыя разнообразныя событія, отличаетъ успокоившіяся воды каналовъ отъ тревожныхъ фонтановъ, которые тщетно рвутся къ небу и умираютъ съ каждой каплей воды, падающей обратно въ глубину водъ. Въ различныхъ глазахъ любимыхъ существъ онъ находитъ цѣлый міръ ощущеній и воспоминаній, говоритъ о глазахъ, подобныхъ „Средиземному морю, созданному изъ лазури и пѣны волнъ", читаетъ въ глазахъ всю жизнь —ибо „ничто изъ прошлаго не проходитъ безслѣдно, и въ глазахъ живо и прошлое, и будущее". „Человѣкъ безсмертенъ только своими глазами",—говоритъ онъ въ заключеніе „Voyages dans les yeux".

Ни разсужденій, ни какихъ-либо отвлеченныхъ истинъ нѣтъ въ этихъ стихахъ: въ нихъ все сосредоточено на предметахъ, на ощущеніяхъ, вызываемыхъ предметами. Вслѣдствіе этого манерность Роденбаха понятна и, быть можетъ, даже необходима для „конца вѣка", соединяющаго традиціи реализма и склонность къ философскимъ обобщеніямъ.

Роденбахъ болѣе близокъ къ жизни въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ, въ нѣсколькихъ маленькихъ повѣстяхъ, объединенныхъ общимъ заглавіемъ: „Musée des béguines", и трехъ большихъ романахъ: „L'Art en Exil", „Bruges la Morte" и „Carillonneur".

Первый изъ нихъ, „Искусство въ изгнаніи", носитъ субъективный

характеръ. Роденбахъ разсказываетъ грустную жизнь молодого фламандскаго художника, влюбленнаго въ художественное прошлое своей страны и подавленнаго практическимъ духомъ, смѣнившимъ у его соотечественниковъ прежнюю любовь къ красотѣ. Художникъ, учившійся во Франціи, пріѣхалъ къ себѣ на родину съ надеждами поднять въ ней заглохшее искусство, оживить традиціи прошлаго. Онъ полонъ иллюзій. Его старушка-мать кажется ему чѣмъ-то въ родѣ матери Рембрандта, или, вѣрнѣе, портрета матери Рембрандта. Дѣвушка, на которой онъ женится, представляется ему музой, созданной только для того, чтобы вдохновлять его. Жизнь разбиваетъ его мечты. Поэтическія жена и мать оказываются на самомъ дѣлѣ очень будничными существами, и ему приходится работать ради денегъ, нуждаться. Въ городѣ его художественные проекты кажутся безумными, и жизнь его, построенная на любви къ далекому умершему прошлому страны, заканчивается полнымъ крушеніемъ всѣхъ надеждъ.

Изъ двухъ другихъ романовъ самый совершенный, выдержанный и художественный—несомнѣнно „Le Carillonneur". Въ немъ Роденбахъ стоитъ на почвѣ національной жизни. Романъ его можно даже отчасти назвать географическимъ, что̀, однако, не нарушаетъ его художественныхъ достоинствъ. Два начала бельгійской жизни, испанское и фламандское, воплощены въ двухъ женщинахъ, которыхъ любитъ герой романа, Жорисъ Борлуутъ. Онъ женится на дѣвушкѣ, которая возбудила въ немъ страсть своею лѣнивой восточной граціей, въ которой чувствуется старинная испанская кровь. Самъ Жорисъ—художникъ душой, а по профессіи онъ звонарь (carilloneur). Въ одной только Фландріи сохранился обычай поручать игру на соборныхъ колоколахъ музыканту, который одерживаетъ верхъ на публичномъ конкурсѣ. Судьями и цѣнителями являются жители города, вся толпа, унаслѣдовавшая изъ поколѣнія въ поколѣніе любовь къ церковному звону и особенное его пониманіе. Жорисъ—музыкантъ и, получивъ назначеніе carilloneur'а, онъ большую часть времени проводитъ въ колокольной башнѣ „надъ городомъ",—„надъ жизнью",—какъ онъ говоритъ. Каждый колоколъ составляетъ для него особый міръ. Есть въ его башнѣ старинный колоколъ, украшенный странными барельефами, сценами изъ разнузданной жизни прошлыхъ поколѣній. Колоколъ этотъ свидѣтельствуетъ объ иностранномъ вторженіи во Фландрію, о господствѣ чувственной Испаніи. Жорисъ окрестилъ его „L'Etrangère". Какъ видно было изъ надписи, колоколъ изготовленъ былъ въ Антверпенѣ, въ XVII вѣкѣ.

Изъ другихъ колоколовъ Жорисъ отличалъ одинъ старинный фландрскій колоколъ, казавшійся ему воплощеніемъ чистоты и молитвеннаго созерцанія. Эти два колокола казались Жорису двумя враждующими

силами въ его собственной душѣ, также какъ и двумя противоположными жизненными началами его родины. Иногда онъ чувствовалъ странное тяготѣніе къ антверпенскому колоколу и въ подробностяхъ разсматривалъ всѣ сцены, созданныя нечистымъ воображеніемъ иностраннаго мастера. Иногда же его вдохновляли другіе колокола къ чистымъ мыслямъ и чистымъ молитвамъ, и тогда музыка его на колоколахъ звучала особенной красотой. А въ жизни, внизу, тоже два начала, воплощенныя въ двухъ женщинахъ, превращали жизнь Жориса въ трагедію. Къ женѣ своей, красавицѣ Барбъ, онъ чувствовалъ страсть, напоминающую обаяніе нечестиваго колокола. По мѣрѣ того, какъ душа его свѣтлѣла, благодаря уединеннымъ думамъ въ колокольной башнѣ, „надъ жизнью“, душа его стала стремиться къ болѣе высокому чувству. Тогда онъ все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ любить сестру своей жены, Годеливу,—тихую, задумчивую, непонятную своей молчаливостью. Годелива платитъ ему взаимностью, но эта мучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадная любовь, благодаря случаю, становится земною. Жена Жориса уѣзжаетъ на время. Годелива и Жорисъ сначала избѣгаютъ другъ друга, потомъ становятся все болѣе необходимыми другъ другу, и Жорисъ добивается любви дѣвушки. Годелива, полная мистическихъ настроеній, влюбленная въ молитвы, колокольный звонъ и запахъ ладана, проситъ Жориса обвѣнчаться съ нею. Она считаетъ ихъ любовь праведной и хочетъ признать ее передъ Богомъ, послѣ чего готова скрывать ее отъ людей. Происходитъ странная сцена ночного вѣнчанія, обмѣна кольцами, молитвъ въ пустынной церкви — безъ священниковъ. Счастье любви длится недолго—пріѣздъ жены Жориса отрезвляетъ Годеливу и ея возлюбленнаго, и тогда начинается искупленіе. Годелива уходитъ въ монастырь, Жорисъ ищетъ исхода въ общественной дѣятельности. Онъ старается спасти городъ отъ захвата промышленными предпріятіями, борется противъ проекта сдѣлать изъ города Брюгге морской портъ. И эта иллюзія обманываетъ его, какъ и любовь. Обезсиленный въ борьбѣ, онъ ищетъ опять спасенія „надъ жизнью“, но на этотъ разъ „надъ жизнью“ значитъ—„внѣ жизни“. Онъ поднимается въ послѣдній разъ на башню, еще разъ осматриваетъ всѣ колокола и останавливается у антверпенскаго колокола. Въ немъ Жорисъ видитъ свой приговоръ. Уступивъ страсти, полюбивъ плоть, онъ не смогъ любить отвлеченной любовью только красоту своего города, не смогъ ничего сдѣлать. Онъ рѣшается умереть страшной смертью: вступаетъ подъ бронзовый сводъ колокола и вѣшается въ немъ. „Въ этотъ день и въ слѣдующій, и во многіе слѣдующіе, слышалась автоматическая игра гимновъ и бой часовъ. Музыка колоколовъ вносила грусть въ благородныя

души, но никто не почувствовалъ въ неблагодарномъ городѣ, что отнынѣ колокола имѣли душу".

Этотъ странный романъ, гдѣ любовь къ городу противопоставляется преступной человѣческой любви—лучшее произведенiе Роденбаха. Манерность, составляющая основу его таланта, сказалась тутъ въ подробностяхъ, въ утонченныхъ, гибкихъ, разнообразныхъ описанiяхъ колокольнаго звона и зданiй стариннаго города. Въ стилѣ романа есть много излишней красивости, много разсчитанныхъ эффектовъ, много искусственныхъ фразъ, но они не пустые; за ними есть сильное чувство, есть проповѣдь чистоты, нужной для безукоризненнаго служенiя святынѣ. Этотъ идейный замыселъ спасаетъ романъ отъ безпринципнаго эстетизма.

Роденбахъ умеръ молодымъ. Ему не было еще 45 лѣтъ, и, судя по тому, что его послѣднiе романы лучше прежнихъ, можно было еще много ожидать отъ него въ будущемъ. „Carillonneur"—мы сказали—его лучшая вещь. Въ немъ, какъ и въ другихъ его прозаическихъ и стихотворныхъ произведенiяхъ, отразился съ большимъ мастерствомъ тотъ особый типъ манерности, который соотвѣтствуетъ только нашему времени и никакому другому. Для будущаго историка литературы нашего времени поэзiя и проза Роденбаха будутъ драгоцѣннымъ психологическимъ документомъ.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

М. С. Корелинъ

† 2 января 1899.

Ушелъ съ середины пути человѣкъ, еще много обѣщавшій, и котораго не забудетъ никто изъ знавшихъ его. При воспоминаніи о немъ несомнѣнныя и крупныя его умственныя достоинства заслоняются въ моихъ глазахъ образомъ его *цѣлой* личности. Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ былъ болѣе чѣмъ честнымъ (фактически) человѣкомъ,—онъ былъ честенъ *характеромъ*, — а это гораздо рѣже и особенно рѣдко въ Россіи, гдѣ, какъ давно замѣчено, даже святыхъ больше, чѣмъ людей доблестныхъ.—Корелинъ (родился въ 1855 г., въ крестьянской семьѣ) началъ свою дѣятельность въ такую пору, когда русское общество подверглось великому искушенію, въ которомъ устоять до конца на пути добра удалось очень немногимъ даже между зрѣлыми тогда мужами, не говоря уже о юношахъ. Но Корелинъ имѣлъ нравственную натуру рѣдкой цѣльности, и разъ узнавъ его точку зрѣнія,—которая въ сущности примыкала къ лучшей сторонѣ русскаго гуманизма такъ-называемыхъ „сороковыхъ годовъ",—можно было уже съ безошибочною увѣренностью сказать, какъ отнесется онъ къ тому или другому явленію и вопросу нашей жизни. Когда онъ признавалъ что-нибудь чернымъ *по существу*, онъ совсѣмъ не умѣлъ наводить на то же самое, въ примѣненіи, бѣлую или хотя бы сѣрую краску. Радостно было встрѣчать въ нашемъ обществѣ человѣка, у котораго и собственные пути, и оцѣнка чужихъ—опредѣлились окончательно не психологическими соображеніями, а этическими; утѣшительно было видѣть дѣйствіе „практическаго разума" въ такомъ живомъ, горячемъ и страстномъ воплощеніи. Лишь черезъ долгіе промежутки сходясь съ Корелинымъ, я ни разу не испыталъ съ его стороны ни малѣйшей изъ тѣхъ неожиданностей, которыя даже на хорошихъ людей наносятся мутными житейскими волнами. Снаружи разговоръ Корелина производилъ впечатлѣніе не только рѣзкости, но и сердитости, которая, однако, была лишь другою стороною той *сердечности*, съ которою онъ относился къ дѣламъ общественнымъ такъ же, какъ и къ личнымъ,—душевною подкладкою его практическаго идеализма.

Какъ историкъ, Корелинъ изучалъ жизнь человѣчества главнымъ образомъ со стороны развитія идей. Большой двухтомный трудъ о раннемъ итальянскомъ гуманизмѣ и его исторіографіи, скромно представленный имъ въ качествѣ магистерской диссертаціи, былъ по достоинству оцѣненъ историко-филологическимъ факультетомъ московскаго университета и вмѣстѣ съ докторскою степенью далъ Корелину мѣсто на славной каѳедрѣ Грановскаго. Читая много лекцій, онъ продолжалъ печатать свои труды въ разныхъ изданіяхъ, особенно въ „Вѣстникѣ Европы", въ „Русской Мысли", въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи" и въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза-Ефрона. Въ послѣдній годъ онъ сталъ между прочимъ заниматься публицистикою (въ обновленной московской газетѣ „Курьеръ"). Я не знаю примѣровъ, чтобы умственный трудъ самъ по себѣ былъ когда-нибудь вреденъ для здоровья; другое дѣло—обильныя лекціи и особенно та сердечная напряженность, съ которою Корелинъ относился ко всѣмъ дѣламъ. Уже болѣе года ходили зловѣщіе слухи о состояніи его здоровья, но еще въ этомъ декабрѣ я видѣлъ его, хотя замѣтно измѣнившимся наружно, но выѣзжающимъ и совершенно бодрымъ умственно. Черезъ двѣ недѣли потомъ произошло кратковременное ухудшеніе, и онъ скончался. Хотя историческая наука въ Россіи, безъ сомнѣнія, лишилась въ немъ значительной умственной силы, но всего болѣе чувствительна потеря настоящаго *человѣка* съ рѣдкою твердостью и ясностью взгляда въ различеніи добра и зла—общественнаго.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

22 января 1899 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1899.

Извѣстія изъ неурожайныхъ губерній.—Недостаточность продовольственной помощи.— Воспоминанія о 1891-мъ годѣ.—Чрезвычайный финляндскій сеймъ и русская печать. М. С. Корелинъ и Н. А. Дингельштедтъ †.

Свѣдeній о губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, появляется въ печати, въ послѣднее время, гораздо больше, чѣмъ въ началѣ зимы. Утѣшительными ихъ, по прежнему, назвать нельзя. Центровъ организаціи частной помощи все еще, повидимому, немного; помощь оффиціальная и полу-оффиціальная все еще недостаточна, даже тамъ, гдѣ она не встрѣчаетъ непредвидѣнныхъ препятствій. О характерѣ этихъ препятствій можно судить по слѣдующей корреспонденціи изъ Самары, напечатанной въ № 4 „Русскихъ Вѣдомостей“: „Наша губернія въ продовольственномъ отношеніи находится на особомъ положеніи. Ссуды отъ земства выдаются лишь тѣмъ землевладѣльцамъ, которые согласятся на общественныя или артельныя запашки; но крестьяне относятся къ этимъ запашкамъ весьма недружелюбно. Въ губерніи насчитываются тысячи домохозяевъ, которые не согласились ввести у себя новый институтъ запашекъ и лишены теперь всякой помощи не только отъ земства, но и отъ общества Краснаго-Креста и отъ частныхъ лицъ. По странному недоразумѣнію, Красный-Крестъ лишаетъ своей поддержки тѣхъ изъ крестьянъ, которые несогласны на введеніе общественныхъ запашекъ· отсюда выдѣлился огромный разрядъ людей голодныхъ, холодныхъ, больныхъ, но оставленныхъ всѣми на произволъ судьбы“. Весьма можетъ быть, что теперь „недоразумѣніе“, указанное корреспондентомъ, болѣе не существуетъ; по крайней мѣрѣ предсѣдатель бугульминской уѣздной земской управы, въ письмѣ, напечатанномъ въ № 11 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, удостовѣряетъ, что пособіями отъ Краснаго-Креста и продовольственною ссудою отъ земства обезпечены, въ бугульминскомъ уѣздѣ, *всѣ* лица не-рабочаго возраста—а это было бы невозможно, еслибы согласіе на общественныя запашки продолжало служить условіемъ sine qua non для полученія какой бы то ни было продовольственной помощи. Непонятнымъ остается, во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что оказаніе помощи голодающимъ могло быть, хотя бы на время, поставлено въ зависимость отъ условія, не установленнаго закономъ... Изъ того же письма предсѣдателя бугульминской уѣздной земской управы видно, что рабочая половина населенія, ничего не получая

на свою долю и не находя никакого заработка, по неволѣ должна пользоваться частью пайка, едва достаточнаго для дѣтей и стариковъ. Аналогичныя сообщенія идутъ и изъ другихъ неурожайныхъ мѣстностей [1]). Въ мамадышскомъ уѣздѣ (казанской губерніи) половина хлѣба, выдаваемаго, въ видѣ ссуды, лицамъ нерабочаго возраста не достается тѣмъ, кому она предназначена, такъ какъ въ каждой почти семьѣ есть работники, не получающіе ссуды и вмѣстѣ съ тѣмъ напрасно ищущіе работы. Просьба о добровольныхъ пожертвованіяхъ исходитъ здѣсь отъ одного изъ попечительствъ Краснаго-Креста, удостовѣряя, этимъ самымъ, недостаточность средствъ, расходуемыхъ Краснымъ-Крестомъ въ неурожайныхъ губерніяхъ [2]). Предсѣдатель елабужской (вятской губерніи) уѣздной земской управы дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ, какъ нельзя болѣе краснорѣчивый: 35 фунтовъ ржи въ мѣсяцъ на ѣдока равняются, въ сущности, 33 или 32 фунтамъ, такъ какъ два или три фунта уходятъ на размолъ. Изъ 32 ф. муки выйдетъ не больше 48 фун. печенаго хлѣба, т.-е. по $1^1/_2$ фун. въ день на ѣдока; а такъ какъ ссуда не выдается лицамъ рабочаго возраста, то въ семьѣ, напр., изъ восьми душъ, при трехъ рабочихъ, получаютъ ссуду пятеро, ѣдятъ—восьмеро, т.-е. на долю каждаго выпадаетъ по 1 ф. хлѣба въ день, при полномъ отсутствіи другой пищи—картофеля, свеклы, капусты, крупы. Земской ссуды не хватаетъ, поэтому, и на полъ-мѣсяца; крестьяне толпами приходятъ въ управу и просятъ, нельзя ли выдать впередъ. Между тѣмъ, помощь отъ Краснаго-Креста въ елабужскомъ уѣздѣ очень скромная; уполномоченному его дано знать, что средствъ будетъ отпущено мало и что надо быть экономнымъ. Далеко не удовлетворены даже не имѣющіе права на земскую ссуду—не приписанные къ сельскимъ обществамъ старики, дѣти, вдовы. Частная иниціатива въ елабужскомъ уѣздѣ „пока дремлетъ"; единственное проявленіе ея—„пожертвованія земскихъ служащихъ, ежемѣсячно собираемыя съ ихъ жалованья". Въ другихъ мѣстахъ есть желающіе помогать голодающимъ, но они, въ большинствѣ случаевъ, располагаютъ довольно скудными средствами. Въ самарской губерніи организуетъ столовыя гр. Л. Л. Толстой; онъ получилъ отъ разныхъ лицъ, черезъ посредство „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", около 1.300 рублей [3]), на которыя надѣется

---

[1]) См. „Русскія Вѣдомости", № 2.

[2]) Эти строки были уже отданы въ печать, когда мы узнали изъ газетъ о пожалованіи Государемъ Императоромъ еще одного милліона рублей для помощи крестьянамъ въ неурожайныхъ губерніяхъ. Это пожертвованіе, значительно измѣняя къ лучшему положеніе дѣла, все-таки, по нашему мнѣнію, не устраняетъ потребности въ расширеніи сферы дѣйствій частной помощи.

[3]) Между этими пожертвованіями есть по истинѣ трогательныя, напр. 1 р. 50 к.—

прокормить до новаго хлѣба отъ 250 до 300 человѣкъ. Въ Самарѣ успѣшно дѣйствуетъ частный кружокъ, задавшiйся цѣлью кормить преимущественно дѣтей. Въ бугурусланскомъ уѣздѣ небольшая помощь голодающимъ оказывается группою изъ трехъ лицъ, близко знакомыхъ, по своей профессiональной дѣятельности, съ положенiемъ населенiя. Располагая очень скромными средствами, они стараются смягчить нужду хоть въ нѣсколькихъ деревняхъ, особенно пострадавшихъ. Сущность ихъ первыхъ сообщенiй была приведена нами въ январьской хроникѣ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, полученныхъ нами отъ одного изъ нихъ въ концѣ декабря и первой половинѣ января: „Въ дер. Баймаковѣ (въ 6 вер. отъ Бугуруслана) степень нужды, несмотря на выдачу земской продовольственной ссуды, идетъ crescendo. Нѣсколько примѣровъ: Иванъ Пополубовъ въ прошломъ году погорѣлъ, боленъ грыжей; у него жена и трое дѣтей; лошадь проѣли, осталась только одна корова. Вдова Точилкина живетъ въ низкой, сырой избенкѣ; двѣ дочери, сынъ-подростокъ, напрасно искавшiй работы; ни лошади, ни коровы; приварка никакого; хлѣба осталось на десять дней не болѣе пуда. Василiй Денисовъ только-что выдержалъ голодный тифъ; семь ѣдоковъ; скота никакого, приварка нѣтъ... Въ селѣ Сарай-Гирѣ у двадцати трехъ семействъ нѣтъ хлѣба... Изъ 80 дворовъ деревни Нуштайкина еще въ ноябрѣ болѣе чѣмъ въ 20-ти были больные тифомъ, развившимся на почвѣ недоѣданiя; между тѣмъ до нынѣшняго года деревня бѣдной не считалась... Тифъ распространяется (въ концѣ декабря) особенно въ мордовскихъ и чувашскихъ деревняхъ“. По этимъ немногимъ даннымъ нетрудно судить, какое значенiе имѣетъ въ бугурусланскомъ уѣздѣ всякая пожертвованная копѣйка [1]).

Въ упомянутомъ нами выше письмѣ графа Л. Л. Тостого затронутъ вопросъ, возникающiй, въ той или другой формѣ, въ каждую неурожайную годину. „Въ обществѣ“—говоритъ гр. Толстой—„часто высказывается взглядъ, что частная благотворительность не только излишня, но и вредна и развращаетъ народъ, и что слѣдуетъ помогать народу только черезъ одну церковь, откуда должны исходить всякая помощь и утѣшенiе. Мнѣ кажется, наоборотъ, что только общественная помощь черезъ общественное сознанiе и есть помощь настоящая, живая; только она можетъ до конца и навѣрняка поправить положенiе народа. Пусть помогаетъ нуждающимся церковь; отъ этого не можетъ быть ничего,

---

отъ дѣвочки, приславшей послѣднiя свои деньги; 5 руб. 50 коп.—отъ 13-й роты полоцкаго полка, отказавшейся въ день Рождества Христова отъ винной порцiи; 10 р. 10 к.—отъ служащихъ въ одесской мѣщанской управѣ.

[1]) Направлять пожертвованiя можно въ г. Бугурусланъ (самарской губернiи), на имя земскаго врача А. А. Блинова, или Осипа Венiаминовича Португалова.

кромѣ блага. Но, во-первыхъ, у священниковъ и безъ того дѣла много; во-вторыхъ, есть положенія и эпохи, когда нельзя стѣснять помощь народу, отъ кого бы и какъ бы она ни исходила. Надо, напротивъ, всячески поощрять ее, всячески привлекать къ ней общественное вниманіе и силы, чтобы легче пережить трудное время. И такое время несомнѣнно переживаемъ мы, съ нашими постоянными голодовками, съ острой, ставшей хроническою нуждой народной". Къ тому же выводу приходитъ и г. Новиковъ, въ продолженіи своихъ „Записокъ земскаго начальника" [1]), касающемся уже не дѣятельности судебно-административныхъ учрежденій, а разныхъ другихъ сторонъ провинціальной жизни. Указавъ на неизбѣжные недостатки благотворительности бюрократической, регламентированной, на затрудненія, съ которыми встрѣчаются пріѣзжіе оффиціальные раздаватели помощи (напр. уполномоченные Краснаго-Креста), онъ продолжаетъ: „тутъ одинъ земскій начальникъ кричитъ, что у него умираютъ съ голоду—ему ассигнуютъ больше; другой, поскромнѣе, получитъ меньше, хотя участокъ еще болѣе нуждается; третій (изъ отрицающихъ голодъ) утверждаетъ, что у него благоденствуютъ: какъ и земской ссуды, не видать жителямъ его участка и благотворительной помощи! Конечно, уполномоченные исколесятъ уѣздъ во всѣхъ направленіяхъ, но, очевидно, ѣдутъ съ тѣми же земскими начальниками. А я берусь вамъ тотъ же участокъ, тоже село показать такъ, что вы ужаснетесь, или такъ, что вы поѣдете дальше". Всего лучше распознать нужду, всего правильнѣе распредѣлить помощь могутъ „люди съ сердцемъ неокаменѣлымъ, молодые, самоотверженные". На мѣстахъ ихъ нѣтъ или слишкомъ мало; кому же поручить дѣло помощи, кого прислать для него? „Никого не присылать"—отвѣчаетъ г. Новиковъ;—„пускай сами ѣдутъ! Найдутся люди, готовые пожертвовать больше, чѣмъ деньгами: трудомъ своимъ, нервами, здоровьемъ. Не мѣшайте только, дайте благотворить тайно, по-евангельски, безъ отчетовъ, безъ корреспонденцій!.. Но кто же имъ мѣшаетъ, спроситъ читатель, ѣхать и благотворить? Недавно мы читали циркуляръ, что частная благотворительность не воспрещается, но для открытія столовыхъ и прочихъ общественныхъ учрежденій нужно разрѣшеніе. Итакъ, все-таки мнѣ могутъ сказать:—нѣтъ, тутъ не нужно, или:—тебѣ не позволяемъ! Каждый деревенскій житель знаетъ это изъ практики 1897-го года... Когда холера, когда недостатокъ врачебнаго персонала у переселенцевъ, туда отправляютъ фельдшерицъ, студентовъ-медиковъ, и никто не боится ихъ вліянія на народъ. Когда

---

[1]) Онѣ печатаются по прежнему въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Мнѣніе г. Новикова о способахъ помощи голодающимъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ два раза—въ 1891 и 1897 г.—принималъ дѣятельное участіе въ ея организаціи (въ козловскомъ уѣздѣ, тамбовской губ.).

голодъ—молодежь намъ кажется подозрительной. Мы ее не допускаемъ до народа. Для меня, постояннаго деревенскаго жителя, это непонятно. Неужели такъ мало знаютъ народъ, что все боятся дурныхъ вліяній?.. И гдѣ научиться нашей молодежи любви къ ближнему, какъ не въ дѣлахъ милосердія? Состарюсь я, умирать буду — не забуду сценъ 1891, 1897 годовъ! Память о нихъ для меня цѣннѣе всѣхъ пройденныхъ наукъ"!.. Г. Новиковъ совершенно правъ—правъ и въ томъ, что ничѣмъ не замѣнима свободная частная помощь, и въ томъ, что она часто встрѣчаетъ трудно преодолимыя преграды. Въ нашихъ рукахъ имѣется копія съ сообщенія становаго пристава земскому врачу, написаннаго въ іюнѣ прошлаго года (мѣсто дѣйствія—нижегородская губернія). „Мнѣ стало извѣстно"—пишетъ приставъ,—„что вами оказывается помощь бѣднымъ на полученныя вами на этотъ предметъ деньги отъ Б. Ф. Ф., которому таковыя присланы отъ Императорскаго Вольно-экономическаго общества, не имѣя на то надлежащаго разрѣшенія. Такъ какъ такого рода дѣятельность, согласно имѣющихся у меня распоряженій начальства, можетъ быть допущена только лишь лицамъ, имѣющимъ на то разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, коего, какъ оказалось, у васъ нѣтъ, а потому обязываю васъ настоящею повѣсткою прекратить упомянутую выше дѣятельность вашу по оказанію вами помощи нуждающимся изъ указаннаго источника, впредь до полученія вами и предъявленія мнѣ упомянутаго выше разрѣшенія". Необходимо прибавить, что Б. Ф. Ф. [1]), черезъ котораго были получены деньги земскимъ врачомъ, занимаетъ должность уѣзднаго члена окружного суда. Итакъ, лѣтомъ прошлаго года административнымъ ограниченіямъ подвергалась благотворительная дѣятельность не только пріѣзжей молодежи, но и мѣстныхъ жителей, общественное и служебное положеніе которыхъ должно было, повидимому, служить охраной отъ всякихъ подозрѣній. Стѣснялась или воспрещалась, притомъ, не только сложная, организованная благотворительность (напр. открытіе столовыхъ), но и самая простая —выдача денегъ на руки нуждающимся. Правда, распоряженіе становаго пристава состоялось раньше разсылки циркуляра, раздвинувшаго рамки частной инициативы; но движеніе, искусственно задержанное, возобновляется не сразу и не съ прежней силой. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на всей частно-общественной благотворительности нынѣшняго голоднаго года тяжело отразился рядъ мѣръ, сначала затруднившихъ, а потомъ и вовсе прекратившихъ дѣятельность комитета, учрежденнаго при Вольномъ экономическомъ обще-

---

[1]) Въ подлинномъ сообщеніи пристава это лицо названо, конечно, полнымъ его именемъ.

ствѣ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая. Чѣмъ дружнѣе и горячѣе былъ откликъ на его призывъ — откликъ, выразившійся не только въ приливѣ пожертвованій, но и въ широкомъ предложеніи личнаго труда,—тѣмъ болѣе охлаждающимъ должно было быть вліяніе недовѣрія, съ которымъ отнеслась къ комитету и къ его уполномоченнымъ мѣстная, а затѣмъ и центральная администрація. Закрытіе комитета состоялось именно тогда, когда сдѣлалось очевиднымъ наступленіе новой неурожайной годины. Продолжая работать въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же успѣхомъ, комитетъ успѣлъ бы, быть можетъ, создать на мѣстахъ, въ полосѣ неурожая, множество небольшихъ центровъ помощи, дѣятельность которыхъ соединяла бы въ себѣ всѣ условія, такъ высоко—и такъ справедливо—цѣнимыя г. Новиковымъ. Только въ одномъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ „Записокъ земскаго начальника": въ его скептическомъ взглядѣ на то, что̀ сдѣлано частною благотворительностью въ 1891-92 г. „У насъ"—говоритъ онъ—„принято считать, что народъ русскій любитъ приходить на помощь ближнимъ и чуть ли не готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку. Этотъ предразсудокъ основанъ на обычаѣ народа подавать милостыню, а подаваніе милостыни вовсе не есть результатъ сильно развитаго чувства состраданія. Я пережилъ голоды 1891 и 1897 гг. и съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что чувство состраданія видѣлъ очень рѣдко. Наоборотъ, всякій, имѣвшій какіе-либо запасы, только и думалъ, какъ бы воспользоваться окружающей нищетой, чтобы эти запасы пріумножить. Въ 1891 г. принято было удивляться, какъ русскій народъ устремился помогать голодающимъ. Дѣятельность отдѣльныхъ выдающихся личностей, трудъ и матеріальныя жертвы исключеній вмѣнялись въ заслугу всему народу. Для меня цифры говорили другое. Я удивлялся скудости этихъ жертвъ. Неужели не могла Россія собрать больше какого-нибудь милліона рублей? Неужели стоило устройство всякой столовой превозносить какъ актъ великаго милосердія? То же равнодушіе, ту же черствость я видѣлъ въ холеру, въ голодъ 1897 г.". Необходимо, прежде всего, не смѣшивать русскій народъ и русское общество. Народная масса такъ бѣдна, что ожидать отъ нея широкой помощи голодающимъ было бы болѣе чѣмъ странно. Хорошо уже и то, что обычай подавать „кусочки", каково бы ни было его происхожденіе, остается въ силѣ и въ голодающихъ мѣстностяхъ, пока есть къ тому какая-нибудь физическая возможность: уменьшается только величина кусочковъ, доходя, наконецъ, до минимальныхъ размѣровъ. Что своими запасами дѣлились сравнительно немногіе—это совершенно понятно, потому что запасовъ вообще, во время неурожая, крайне мало, а значеніе ихъ, при недостаточности продовольственныхъ ссудъ, растетъ съ каждымъ

днемъ; но случаи помощи бѣднымъ со стороны почти столь же бѣдныхъ все-таки бывали, и ихъ едва ли можно назвать рѣдкимъ исключеніемъ. „Пріумножать“ свои запасы въ ущербъ нуждающимся стремились кулаки и міроѣды, и въ обыкновенное время привыкшіе наживаться на счетъ ближнихъ. Что касается до русскаго общества, то пожертвованія его въ 1891-92 г. никѣмъ съ точностью опредѣлены быть не могутъ, потому что значительная ихъ часть была и остается никому неизвѣстной; во всякомъ случаѣ даже оффиціально констатированная ихъ сумма составляетъ не одинъ милліонъ рублей, а, быть можетъ, вдесятеро больше. Никто не видѣлъ въ устройствѣ всякой столовой „акта великаго милосердія“ — но этого названія безспорно заслуживала работа многихъ лицъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходившихъ изъ голодающей деревни и подвергавшихъ себя на каждомъ шагу риску болѣзни, даже смерти. Сумма этихъ личныхъ подвиговъ не можетъ не быть поставлена въ активъ русскаго общества: если изъ его среды вышелъ длинный рядъ людей, готовыхъ жертвовать собою для общаго блага, то это значитъ, что въ немъ есть задатки лучшаго будущаго. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что и въ 1891-92 г. частная иниціатива не сразу и не вездѣ получила полную свободу...

7-го (19-го) января открыта чрезвычайная сессія финляндскаго сейма, созваннаго для разсмотрѣнія законопроекта о воинской повинности. Не возвращаясь, пока, къ самому существу вопроса, затронутому нами въ одной изъ прошлогоднихъ хроникъ, мы хотимъ только подчеркнуть еще разъ своеобразное отношеніе къ нему нѣкоторыхъ органовъ нашей печати. Когда стороны, между которыми можетъ возникнуть разногласіе, до такой степени неравносильны, какъ въ настоящемъ случаѣ, обязанность прессы, понимающей свое призваніе и уважающей свое достоинство, заключается не въ томъ, чтобы обрушиваться на слабѣйшаго и осыпать его укоризнами и подозрѣніями. Этого элементарнаго правила не признаютъ наши газетные „охранители“ въ данномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, гораздо болѣе расположенные къ разрушенію, чѣмъ къ охранѣ. Главную роль въ псевдо-охранительной аргументаціи играютъ напоминанія о неисчислимыхъ услугахъ, оказанныхъ Финляндіи Россіей, о неоплатномъ долгѣ, въ которомъ первая состоитъ передъ послѣдней. „Представители населенія Финляндіи“ — гласитъ, напримѣръ, одна изъ московскихъ діатрибъ — „не могутъ не знать, что благоденствіе и цвѣтущее состояніе, которымъ Финляндія пользуется въ настоящее время, она обрѣла лишь съ тѣхъ поръ, какъ находится въ державномъ обладаніи Россіи“. Что Финляндія, со вре-

мени присоединенія ея къ Россіи, сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ громадный шагъ впередъ—это несомнѣнно, это всегда признавали и признаютъ сами финляндцы; но столь же очевидно и то, что этому одинаково способствовали два условія: могущественное покровительство Россіи, доставлявшее Финляндіи внѣшній миръ и внутреннее спокойствіе—и самостоятельное развитіе небольшой страны, сохранившей и усовершенствовавшей свои учрежденія, свои законы и порядки. Именно изъ того, что взаимодѣйствіе этихъ условій служило источникомъ и залогомъ процвѣтанія Финляндіи, слѣдуетъ заключить, что къ совершенно противоположному результату привело бы искусственное усиленіе одного изъ нихъ въ ущербъ другому. Оберегая особенности своего устройства, финляндцы отнюдь не оказываются неблагодарными по отношенію къ Россіи: они дѣлаютъ только логическій выводъ изъ тѣхъ самыхъ фактовъ, которые служатъ исходной точкой для ихъ противниковъ... „Для народа"—читаемъ мы въ другой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей"—„было бы гибельно отсутствіе среди него тѣхъ духовно-нравственныхъ началъ, стремленій и традицій, въ которыхъ олицетворяется идеалъ человѣка-христіанина. Народъ неспособный доблестно умирать за идею своего отечества есть уже народъ умершій для самого отечества. Для такого народа не можетъ уже существовать дальнѣйшихъ историческихъ перспективъ. Отдавшись своекорыстнымъ и мелкимъ утилитарнымъ стремленіямъ, народъ долженъ неминуемо распасться на отдѣльныя группы, движимыя личными эгоистическими цѣлями... Не менѣе нежелательны и такого рода явленія, когда часть, хотя бы и минимальная, народной семьи уклоняется отъ началъ воинской доблести и воинскаго труда во имя своихъ якобы утилитарныхъ, экономическихъ интересовъ". Въ этихъ общихъ разсужденіяхъ есть доля правды, и ихъ не безполезно было бы противопоставить, напримѣръ, мысли объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной воинской повинности—мысли, еще не такъ давно имѣвшей курсъ въ русской реакціонной печати; но въ данномъ случаѣ они направлены... противъ финляндцевъ, именно теперь меньше всего заслуживающихъ упрекъ въ „мелкихъ утилитарныхъ стремленіяхъ", меньше всего близкихъ къ „распаденію на отдѣльныя группы". Стоитъ только прочесть хотя бы рѣчи, произнесенныя, при открытіи сейма, предсѣдателями сословій, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ средѣ финляндскаго народа царствуетъ рѣдкое единодушіе, и что руководящимъ мотивомъ для его представителей служитъ отнюдь не „уклоненіе отъ началъ воинской доблести и воинскаго труда"... Особенно возмутительными претензіи нашей реакціонной печати становятся тогда, когда она беретъ на себя смѣлость поучать финляндцевъ гражданскому долгу и истинной любви къ родинѣ и совѣтуетъ имъ, „забывъ всѣ былыя партійныя притязанія,

жалкую, безплодную игру въ политиканство, всецѣло и чистосердечно посвятить свои труды и силы на упроченіе порядка вещей, доставляющаго Финляндіи наивысшія блага мирнаго процвѣтанія подъ защитой русскаго самодержавія". Упроченіе порядка, создавшаго благополучіе Финляндіи, было постояннымъ предметомъ попеченій финляндскаго сейма — и если ему удалось въ этомъ направленіи весьма многое, то именно потому, что оно занималось „политикой", а не „игрой въ политиканство". Въ средѣ сейма безспорно существовали и до сихъ поръ существуютъ партіи—и это не можетъ быть иначе при сколько-нибудь свободной политической жизни; но совершенно внѣ партійныхъ притязаній стоятъ стремленія, общія *всѣмъ* партіямъ. Для органовъ русской печати, девизомъ которыхъ могло бы быть щедринское: „Чего изволите", многое въ этихъ стремленіяхъ должно казаться дикимъ, непонятнымъ, дерзкимъ; но имъ не мѣшало бы припомнить, что къ разнымъ категоріямъ явленій нельзя примѣнять одну и ту же мѣрку.

Большую роль въ аргументаціи „финнофобскихъ" газетъ играетъ ссылка на разные подлоги, допущенные, будто бы, финляндскими политическими дѣятелями. Такъ напримѣръ, гельсингфорсскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" весьма рѣшительно обвиняетъ одного изъ министровъ статсъ-секретарей Финляндіи, покойнаго Шернваль-Валлена, въ намѣренномъ сокрытіи отъ бывшаго военнаго министра (гр. Милютина) нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ сеймомъ въ проектѣ устава о воинской повинности (получившаго силу закона 6 (18) декабря 1878 г.)—а именно новой редакціи ст. 119-й и возведенія четырнадцати другихъ статей на степень основныхъ законовъ Финляндіи. Мы узнаемъ, однако, изъ другого мѣста той же корреспонденціи, что ходатайство сейма о сообщеніи вышеуказаннымъ статьямъ силы основныхъ законовъ было поддержано финляндскимъ сенатомъ, въ всеподданнѣйшемъ представленіи, состоявшемся уже послѣ отзыва министра статсъ-секретаря на имя военнаго министра. Итакъ, главное или, лучше сказать, единственное существенное изъ измѣненій, сокрытіемъ которыхъ корреспондентъ московской газеты объясняетъ утвержденіе устава о воинской повинности, было доведено до свѣденія верховной власти — и уже это одно устраняетъ возможность предполагать, что пропускъ въ сообщеніи министра статсъ-секретаря былъ сдѣланъ сознательно и преднамѣренно, съ цѣлью обмануть русскія власти. Ничто не мѣшало сличить представленіе сената съ сообщеніемъ министра статсъ - секретаря и этимъ путемъ обнаружить истину—или, даже не производя сличенія, прямо отклонить ходатайство сейма и сената, если оно не соотвѣтствовало видамъ правительства. И въ представленіи сената, впрочемъ, усердный свыше мѣры корреспондентъ усматриваетъ при-

знаки злой воли: онъ ставитъ въ вину сенату недоведеніе до свѣдѣнія Государя Императора о редакціонномъ измѣненіи ст. 119 устава (о которомъ не упомянуто и въ сообщеніи министра статсъ-секретаря). Въ чемъ же, однако, заключалось это измѣненіе!? Первоначально ст. 119 была редактирована такъ: „генералъ-губернаторъ великаго княжества, командующій войсками финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ финскихъ войскъ", а измѣненная его редакція имѣетъ слѣдующій видъ: „генералъ-губернаторъ великаго княжества финляндскаго, командующій, вмѣстѣ съ тѣмъ, расположенными въ краѣ русскими войсками, есть начальникъ финскихъ войскъ". Нужно смотрѣть въ очки совсѣмъ особеннаго рода, чтобы увидѣть какую-нибудь серьезную разницу между обѣими редакціями. Центръ тяжести параграфа несомнѣнно заключается въ томъ, что командованіе русскими и финскими войсками, расположенными въ Финляндіи, соединяется въ одномъ и томъ же лицѣ, и притомъ именно въ лицѣ генералъ-губернатора (назначаемаго, обыкновенно, не изъ числа финляндцевъ)—а это выражено въ обѣихъ редакціяхъ съ одинаковою ясностью. „Войска финляндскаго военнаго округа" и „расположенныя въ краѣ русскія войска"—выраженія, очевидно, совершенно тожественныя и равносильныя, развѣ что они оба противопоставляются войскамъ *финскимъ*... Весьма можетъ быть, что при ближайшемъ изслѣдованіи самый *фактъ* неполноты сообщенія министра статсъ-секретаря получитъ совершенно иной видъ; но *значеніе* его ясно и теперь, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что никакого рѣшающаго вліянія на ходъ дѣла онъ имѣть не могъ.

Прежде, чѣмъ разстаться съ финнофобской печатью, отмѣтимъ еще одну попытку, дѣлаемую ею съ цѣлью дискредитировать своихъ противниковъ. Гельсингфорсскій корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 8220) старается доказать, что все или почти все печатаемое русскими газетами и журналами въ защиту Финляндіи исходитъ отъ самихъ финляндцевъ. Въ „Вѣстникѣ Европы" по финляндскому вопросу писали, главнымъ образомъ, Мехелинъ, Германсонъ, Ирье-Коскиненъ и другіе чистокровные финляндцы; въ „Русскомъ Трудѣ" водворился постояннымъ сотрудникомъ г. Укко, опять-таки финляндецъ; статья въ „Мірѣ Божьемъ" написана г. Фирсовымъ, подъ каковымъ псевдонимомъ скрывается также финляндецъ; хваленая книга г. Протопопова („Финляндія") составлена на двѣ трети финляндцами, которые полными именами подписались подъ своими очерками; въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" печатаются дословные переводы статей „Nya Pressen". „Свой своему по неволѣ братъ"—таковъ выводъ, къ которому, въ концѣ концовъ, приходитъ корреспондентъ.

Онъ упускаетъ изъ виду, прежде всего, что въ уважающемъ себя органѣ печати помѣщаются только статьи, согласныя, въ общемъ и главномъ, съ убѣжденіями и взглядами редакціи. Кѣмъ бы ни была, слѣдовательно, написана статья, журналъ или газета, гдѣ она напечатана, являются солидарными съ нею и не только юридически, но и нравственно за нее отвѣтственными. Точно такъ же солидаренъ съ своими сотрудниками и редакторъ такого сборника, какъ „Финляндія" г. Протопопова. Совершенно невѣрно, далѣе, что дружественныя по отношенію къ Финляндіи статьи русскихъ сборниковъ, газетъ и журналовъ принадлежатъ исключительно или преимущественно финляндцамъ. Гельсингфорсскія корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, вовсе не составляютъ дословнаго перевода изъ шведскихъ газетъ и пишутся, по всей вѣроятности, не финляндцемъ. Въ „Русскомъ Трудѣ" статьи, касающіяся Финляндіи, пишетъ не только г. Укко, но и самъ редакторъ газеты, г. Шараповъ. Въ „Финляндіи" г. Протопопова всего ближе подходятъ къ спорнымъ, жгучимъ вопросамъ настоящей минуты статьи В. Ю. Скалона, писателя чисто-русскаго, бывшаго редакторомъ „Земства" и однимъ изъ выдающихся земскихъ дѣятелей московской губерніи. Русскимъ пишутся, наконецъ, внутреннія обозрѣнія и общественныя хроники нашего журнала, всегда отводившія много мѣста такъ-называемому финляндскому вопросу. Напрасна, поэтому, всякая попытка увѣрить русское образованное общество, что въ его средѣ сочувствуютъ финляндцамъ... только сами финляндцы.

М. С. Корелинъ, которому посвященъ выше особый некрологъ, помѣстилъ въ нашемъ журналѣ двѣ статьи: „Западная легенда о докторѣ Фаустѣ" (1882, ноябрь и декабрь) и „Эпоха возрожденія и германофилы" (1885, дек.). Почти одновременно съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей средне-азіатской окраины, Н. А. Дингельштедтъ, статьи котораго въ „Вѣстникѣ Европы („Поземельныя недоразумѣнія въ Туркестанѣ", 1892, іюнь; „Наша колонизація въ Средней Азіи", 1892, ноябрь; „Современные мормоны", 1895, мартъ; „Непочатый край", 1895, декабрь) обратили на себя въ свое время общее вниманіе.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Январь — Февраль 1899.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая — Февраль. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Карѣевъ, Н. — Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 99. Стр. 518. Ц. 2 р.

Мы уже упоминали объ этомъ собраніи статей проф. Н. И. Карѣева, при появленіи въ свѣтъ перваго ихъ изданія, а потому укажемъ теперь только о перемѣнахъ въ немъ: авторъ, съ одной стороны, дополнилъ второе изданіе введеніемъ въ него новыхъ этюдовъ: 1) О сущности гуманитарнаго образованія; 2) Задачи соціологіи и теорія исторіи; 3) Историческое міросозерцаніе Грановскаго; 4) Теорія культурно-историческихъ типовъ; и 5) Историческая философія въ „Войнѣ и Мирѣ"; а съ другой стороны, въ новомъ изданіи не повторена изъ перваго—статья объ „Экономическомъ матеріализмѣ въ исторіи": эта статья была авторомъ вполнѣ переработана и разрослась въ такой степени, что могла составить цѣлую, особую книгу подъ новымъ заглавіемъ: „Старые и новые этюды объ историческомъ матеріализмѣ".

И. И. Янжулъ. — Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 508. Ц. 3 р. 50 к.

Новое изданіе лекцій, читанныхъ проф. И. И. Янжуломъ, представило ему случай сдѣлать дополненія и ввести измѣненія въ дѣйствующемъ финансовомъ законодательствѣ у насъ и за-границею и присоединить новыя главы о квартирномъ налогѣ, съ сообщеніемъ послѣднихъ перемѣнъ въ организаціи прусскихъ прямыхъ налоговъ; сверхъ того, присоединено изложеніе русскаго новаго промысловаго налога. Въ приложеніи къ новому изданію авторъ помѣстилъ собраніе темъ или задачъ для практическихъ упражненій по финансовому праву, которыя предлагались студентамъ для обсужденія ихъ на такъ-называемыхъ университетскихъ „семинаріумахъ".

Оправданіе добра. Нравственная философія. **Владиміра Соловьева.** Второе, дополненное изданіе. Москва. 1899. Стр. XLII+615. Ц. 4 р.

Въ теченіе менѣе полутора года со времени выхода этой книги (въ 1897 г.) потребовалось уже новое ея изданіе: такой успѣхъ рѣдко выпадаетъ на долю объемистыхъ философскихъ трактатовъ не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью „показать добро какъ правду, т.-е. какъ единственный правый, вѣрный себѣ, путь жизни во всемъ и до конца", и онъ послѣдовательно проводитъ свою основную мысль по всѣмъ отдѣламъ человѣческаго общежитія. Въ первыхъ двухъ частяхъ книги излагаются и объясняются руководящіе принципы, а практическое ихъ примѣненіе дается въ третьей части (стр. 257—574), наиболѣе интересной для большинства читателей. Въ новомъ изданіи сдѣлано авторомъ много пояснительныхъ вставокъ, мелкихъ и крупныхъ.

Владиміръ Ильинъ. Экономическіе этюды и статьи. Спб. 1899. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Этюды г. Ильина принадлежатъ къ той „новой" экономической литературѣ, которая въ послѣдніе годы съ необыкновенною развязностью повторяетъ у насъ взгляды и пріемы нѣмецкихъ писателей-полемистовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Наши послѣдователи „передовыхъ" экономическихъ воззрѣній, въ сущности уже довольно старыхъ, съ азартомъ нападаютъ на „мелко-буржуазные" идеалы (неточный переводъ съ нѣмецкаго „kleinbürgerlich", мѣщанскій) и усиленно громятъ „народничество"; какъ будто въ послѣднемъ коренится источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій. Прикрываясь авторитетомъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, авторъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ спеціальною литературою и беретъ больше смѣлостью тона, чѣмъ знаніемъ и логикою; даже Маркса онъ иногда цитируетъ „по Бельтову" (напр., стр. 252, примѣч.). Вѣроятно, у насъ существуетъ спросъ на подобные quasi-научные этюды, такъ какъ нельзя отрицать ихъ успѣхъ въ извѣстной части нашей публики.

К. Тимирязевъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 4-ое. Съ приложеніемъ: „Наши антидарвинисты". М. 98. Стр. 414. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ собраны статьи о дарвинизмѣ, написанныя въ разное время, начиная съ 60-хъ годовъ. Существенныя черты ученія, связаннаго съ именемъ Дарвина, изложены авторомъ въ живой литературной формѣ, при чемъ обстоятельно разобраны также доводы противниковъ, изъ которыхъ наибольше мѣста удѣлено покойнымъ Данилевскому и Страхову. Почти половина книги (стр. 221—414) посвящена полемикѣ съ названными отечественными „антидарвинистами", и эта полемическая часть значительно облегчаетъ для читателя пониманіе тѣхъ сложныхъ вопросовъ и недоразумѣній, которыя порождены были популярною естественно-научною доктриною въ западной Европѣ и у насъ.

Эдуардъ Берендтсъ. Опытъ системы административнаго права. Т. I. Вып. I. Ярославль. Стр. XVI+246. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненіе г. Берендтса отличается отъ обычныхъ университетскихъ курсовъ вполнѣ самостоятельною постановкою обсуждаемыхъ теоретическихъ вопросовъ и здравою критикою идей, господствовавшихъ до послѣдняго времени въ спеціальной литературѣ такъ-называемаго полицейскаго права. Авторъ выясняетъ ходъ развитія административнаго права въ тѣсной связи съ политическою исторіею отдѣльныхъ государствъ, и при помощи этого историческаго метода наглядно обнаруживается ошибочность обобщеній, которыя долго выдавались за общія научныя начала. Особенно интересны замѣчанія о французской административной системѣ, въ заключительной главѣ книги.

Н. Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб., 98. Стр. XXX+360.

Сочиненіе г. Котляревскаго заключаетъ въ себѣ, кромѣ общаго введенія, рядъ этюдовъ и мыслей о Руссо, Гёте, Шиллерѣ, Байронѣ, романтикахъ и оптимистахъ французскихъ и нѣмецкихъ, въ связи съ идеею о душевныхъ кризисахъ, пережитыхъ отвлеченнымъ „гуманнымъ сердцемъ", или „идеалистомъ", съ конца прошлаго вѣка.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1899** г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ го
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	По полугодіямъ: Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октя
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 8
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полу
діямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ
и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. Н. М
монтова, на Кузнец.-Мосту; Н.
Карбасникова, на Моховой; въ ма
„Русск. Мысли“ и въ Конторѣ Н. Пе
ковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе
Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасников

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фам
лію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго к
нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учр
жденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщен
Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики
переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе —
40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію жур
нала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію от
Почтоваго Департамента, не *позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты*
на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ
подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ИСКЪ

)

Ы"

ЛИТЕРАТУРЫ

а, 12 книгъ въ годъ
ьнаго формата.

четвертямъ года:

Апрѣля	Іюля	Октября
р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
„ — „	4 „ — „	4 „ — „
„ — „	4 „ — „	4 „ — „
„ — „	5 „ — „	4 „ — „

кою — 1 р. 50 к.

ахъ, подписка по полуго-
: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ
довой цѣны подписки.

обычною уступкою.

года:

МОСКВѢ:

магазинахъ: Н. И. Ма-
Кузнец.-Мосту; Н. П.
на Моховой; въ маг.
" и въ Конторѣ Н. Печ-
етровскихъ линіяхъ.

ОДЕССѢ:

агаз. „Образованіе",
12.

Н. П. Карбасникова.

ебѣ: имя, отчество, фами-
азваніемъ ближайшаго къ
если нѣтъ такого учре-
я должна быть сообщена
мъ городскіе подписчики,
ереходя въ городскіе —
тельно въ Редакцію жур-
согласно объявленію отъ
журнала. — 4) Билеты
ныхъ или иностранныхъ
и марками.

ЛЕВИЧЪ.

ТОРА ЖУРНАЛА:

28.